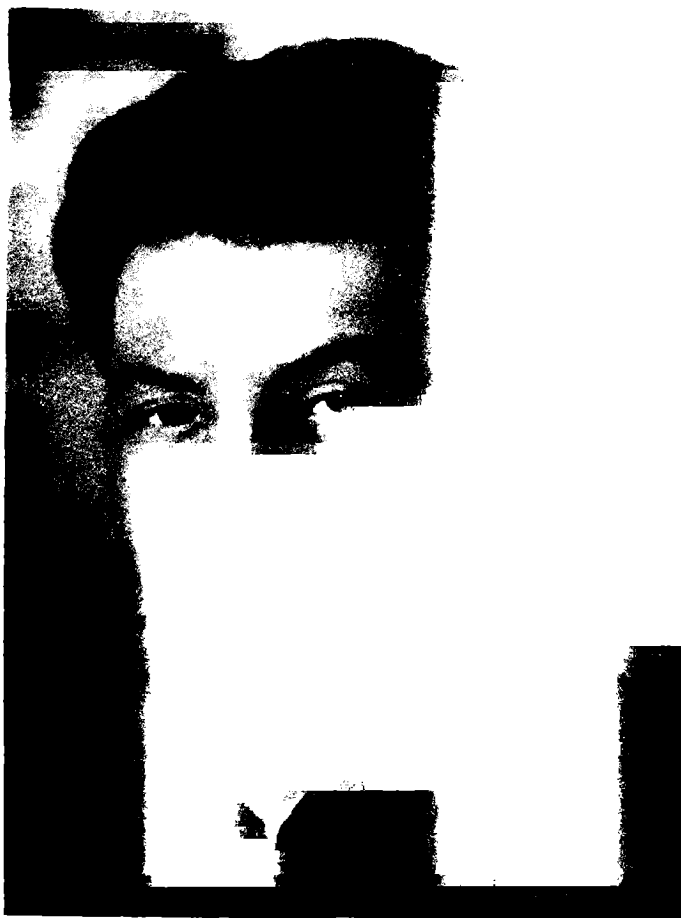

Н. И. Калитченко

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ

ПЕЧАТ

1992 - 1993

М. Гамин.

Н. И. Капченко

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ
СТАЛИНА

Том I

(1879 - 1924)

2004

Капченко Николай Иванович (1933)

В 1958 году окончил Московский Государственный институт международных отношений. Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук. На протяжении многих лет работал в области международной журналистики (длительное время заместителем главного редактора журнала "Международная жизнь"). Автор ряда монографий, брошюр и многих статей по проблемам истории внешней политики Советского Союза, России, Китая, а также истории и теории международных отношений. Немало лет посвятил изучению политической и государственной деятельности Сталина.

Предлагаемый вниманию читателей первый том "Политической биографии Сталина" - это не описание каких-либо отдельных эпизодов из его жизни, а попытка осветить все наиболее важные этапы деятельности Сталина, весь его сложный путь от революционера-бунтаря до одного из главных претендентов на ленинское политическое наследие. Автор посвящает много места процессу формирования убеждений и своеобразной политической философии человека, ставшего лидером великой державы. Без осмысления этой философии невозможно понять и дать адекватную оценку внутренней и внешней политики, идеологии, экономической стратегии - собственно, всех сторон жизни Советского Союза в течение трех десятков лет прошлого века.

Первый том базируется на обширном историческом материале, анализ которого позволяет раскрыть образ реального Сталина-политика, на много голов возвышавшегося над своими противниками и оппонентами, что в конечном счете и предопределило его политический триумф. Автор в своих оценках и выводах, в полемике с другими биографами Сталина стремился соблюдать всю возможную объективность. Хотя это, видимо, и не гарантировало его от пристрастных суждений по отдельным вопросам. Тем не менее, историческая картина, нарисованная в томе, подводит читателя к неизбежному выводу: именно Сталину суждено было стать во главе Советского Союза, закономерно приобретшего статус одной из двух сверхдержав XX века. Книгу отличает ясный и простой (но не простоватый!) слог, живая подача событий и фактов. Там, где в силу самой логики истории события прошлого перекликаются с современностью, автор проводит невольно возникающие сравнения и высказывает собственные комментарии.

Уже сама фигура Сталина привлекает к себе пристальное и во многом неудовлетворенное внимание. И с каждым годом все большее! Читатель, для которого история - не просто вчерашний день, а в чем-то и осязаемая часть современности, найдет в книге пищу для размышлений, а в конечном счете - и для осмысления нашего исторического прошлого.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

При всем обилии литературы о Сталине эта историческая фигура до сих пор остается в значительной мере личностью загадочной, нераскрытой и во многом еще не объясненной. Одним из самых существенных пробелов является отсутствие достаточно полной, целостной и систематизированной его политической биографии. В оценке Сталина, как правило, доминировали и до сих пор доминируют два подхода - заведомо очернительный и заведомо апологетический. В итоге Сталин предстает или запатентованным злодеем, равных которому нет в нашей истории, или же только великим государственным деятелем, возвеличившим Советский Союз. В первом томе, автор попытался, следуя критериям объективности и используя все краски палитры - а не только черную и белую - обрисовать политическую биографию Сталина и сам процесс формирования его политической философии. В книге нет хронологических купюр, и читатель может проследить всю траекторию его политической судьбы от рождения до 1924 г., когда после смерти Ленина в силу логики исторического развития он постепенно стал главным руководителем страны. Работа выдержана в полемическом ключе, который давал возможность сопоставлять различные взгляды и позиции и тем самым оставлял за самим читателем право делать свои собственные выводы. Историческая эпоха, в которую жил Сталин, в книге служит не просто фоном, а органической составной частью содержания его политической деятельности. Без уяснения характера эпохи, закономерно ассоциируемой с именем Сталина, невозможно с должной мерой достоверности и объективности дать и оценку деятеля такого исторического масштаба и такого многомерного формата, как Сталин. Власть для него, хотя и была целью, но никогда – самоцелью. Он стремился к ней во имя реализации определенных социально-политических и экономических проектов. В этом как раз и состояла одна из важнейших черт политической философии Сталина.

Отдавая первый том на суд читателя, издательство надеется, что вторым том, посвященный наиболее содержательному, сложному и наиболее противоречивому периоду политической биографии Сталина, даст возможность на фоне поистине исторических событий глубже раскрыть и осмыслить эту, бесспорно, великую личность века минувшего. Незримая тень его до сих пор витает над страной и миром, как бы взывая то ли к отмщению, то ли к прощению. Может быть, именно по этой - отнюдь не мистической причине - многие вновь и вновь обращают свое внимание к истории жизни Сталина, хотят распознать его не как неразгаданную историческую загадку, а как реального политического и государственного деятеля.

По мнению издательства, предлагаемое исследование - это не только политическая биография одного из наиболее противоречивых государственных деятелей в истории нашей страны. Автор попытался дать объективный срез исторической эпохи, в которую жил Сталин, осмыслить огромный пласт проблем и общественных явлений, составлявших живую ткань той эпохи. Аксиоматична истина, что лишь великие события создают великих людей. Сталина фактически вылепила сама эпоха, и это была суровая эпоха: время жестокой борьбы, великих свершений и побед, и вместе с тем кровавых событий, навсегда запечатлевшихся на страницах нашей многострадальной истории. В книге четко прослеживается живая связь времен, которая и составляет органическую и неразрывную ткань самой истории. И в этом смысле предлагаемая вниманию читателей работа незримыми нитями связана с современностью.

КТО СУДЬИ: ИСТОРИКИ ИЛИ ИСТОРИЯ?

1. Характер эпохи и масштабы личности

Собственно политическую биографию Сталина я хочу предварить некоторыми соображениями общего характера. Мне кажется, они необходимы для понимания характера и направленности предлагаемой работы, основных целей, которые преследовал автор. Попутно хотелось в самых общих чертах обрисовать некоторые методологические принципы, положенные в основу книги. А главное — объяснить причины того, что побудило меня взяться за труд, который, как я надеюсь, не окажется сизифовым.

Характер крупной политической личности в некоторых своих чертах может служить своеобразным зеркалом эпохи, в которую он жил, ибо в его деятельности, как правило, преломляются существенные черты этой эпохи. Более того, историческая личность подчас накладывает на эту эпоху свою неизгладимую печать. Светлую или зловещую печать — это уже зависит от личности. Иногда светлые стороны сочетаются с темными сторонами, причем столь причудливо и сложно, что бывает нелегко отделить одно от другого. В итоге складывается сложная мозаичная картина, порой поражающая воображение своей пестротой.

Сталин принадлежит именно к такому разряду политических фигур. Можно привести немало доводов в подтверждение высказанной мысли. Однако суть дела не в количестве или убедительности аргументов, а в том, что сам факт неизгладимого воздействия его деятельности на ход исторических событий в нашей стране, да и в мире в целом, по существу открыто или молчаливо признается как идейными и политическими противниками Сталина, так и его почитателями. Это, пожалуй, одна из немногих плоскостей, где совпадают мнения и оценки людей, придерживающихся в отношении его личности и его роли в истории полярных представлений.

Один из биографов Сталина вначале сделал подзаголовком своей книги слова “триумф и трагедия”. В последующих изданиях его труда от триумфа не осталось и следа. Можно сказать, что в конечном счете мы получили триумф трагедии или триумфальную трагедию. Пусть читатель простит меня за этот каламбур. Но он достаточно четко отражает характер и направленность многих исследований жизни и деятельности Сталина. Конечно, на арене истории подвизались разные фигуры. Но, как правило, их объединяло не столько совпадение определенных качеств, сколько различие. В приложении к личности Сталина, если сопоставлять его с деятелями эпохи, в которую он жил, на первый план выплывают прежде всего черты оригинальности, выделяющие его из среды деятелей сравнимого исторического формата. Сама эта оригинальность также неоднозначна, а скорее соткана из противоречивых качеств и черт. Поэтому с точки зрения исторической справедливости и достоверности неудивительно, что оценки его деятельности в целом не могут быть однозначно положительными или однозначно отрицательными. Эта была сложная, даже чрезвычайно сложная личность. Не только для понимания его современников, но и потомков. И помня об этом, у меня не возникает ни чувства удивления, а тем более возмущения,

когда приходится сталкиваться с взаимно исключаящими оценками самой личности Сталина и влияния, оказанного им на ход событий своей эпохи.

Время во всей полноте раскрыло значение Сталина в истории и для истории. На протяжении длительного временного периода, особенно на первых этапах его деятельности во главе партии и фактически государства, многие его политические противники, да и западные наблюдатели, явно недооценивали его роль и значение. Глубокую мысль в связи с этим высказал один из биографов Сталина Р. Пэйн в своей книге о Сталине: «На протяжении всей его жизни все недооценивали его до того момента, когда было уже слишком поздно».¹

Но если для современников можно употреблять такое понятие, как слишком поздно, то для истории оно явно непригодно. Хотя исторические оценки и подвластны власти времени, но сама история в конечном счете неподвластна времени. В том смысле, что подлинная история не зависит от субъективных желаний и настроений тех, кто пишет о ней. В конечном счете история всего лишь зеркало событий, и оно не может отражать ничего иного, кроме того, что имело место в действительности. Здесь, разумеется, не принимаются в расчет сознательные или невольные попытки исторической фальсификации. Но и они в конце концов рано или поздно становятся известными и подвергаются заслуженному разоблачению.

Я не пытаюсь рассматривать политическую биографию Сталина как уникальное в своем роде сочетание триумфа и трагедии. В конце концов даже в жизни самого простого человека бывают звездные часы триумфа, как и периоды, отмеченные трагедией. Политическая деятельность столь сложной и противоречивой фигуры, какой был Сталин, не умещается в, казалось бы, привычные рамки добра и зла, отделенные друг от друга четкой и ясно различимой гранью. И эпоха, в которую он жил, и сама личность, давшая название целой эпохе, не поддаются однозначному определению. В прокрустово ложе добро и зло часто втискиваются вместе, и грани между ними бывают нередко весьма подвижными и изменчивыми. Здесь нужны более емкие, более масштабные исторические критерии, требуются не черный и белый цвета, а вся палитра красок, чтобы более или менее объективно обрисовать Сталина и его политические деяния. Здесь нужна не просто объективность, а объективность особого рода, граничащая со способностью понять и объяснить необъяснимое. Не погрешив при этом против правды жизни. Задача трудная и даже в некотором смысле почти невыполнимая.

Когда я начинал свою работу, я прекрасно отдавал себе отчет в том, что о Сталине написаны сотни, если не тысячи книг и статей. Объем всего написанного о нем и в связи с ним невольно предостерегал меня от того, чтобы браться за эту тему. Но, с другой стороны, именно обилие литературы о Сталине порождало немало мыслей, а порой и недоуменных сомнений. Почему при всем множестве работ о нем Сталин остается в значительной мере фигурой загадочной, нераскрытой и во многом еще не объясненной? Почему многие снова и снова возвращаются к истории его жизни и размышлениям о его деятельности? Почему, наконец, о давно умершем человеке пишут почти столь же часто, как и при его жизни? Напрашивался естественный ответ: то, что написано о нем, не отвечает в необходимой степени на многие вопросы, кото-

¹ Robert Payne. The Rise and Fall of Stalin. L. 1968. p. 16.

рые возникают при детальном рассмотрении всей его политической судьбы. В плане политической философии эта историческая фигура все еще притягивает к себе внимание, манит чем-то не до конца понятным и объясненным. Иными словами, личность Сталина как политического деятеля нуждается в более глубоком историческом осмыслении и оценке.

Это – одно из соображений, которое подтолкнуло меня взяться за эту работу. Я изначально поставил перед собой цель попытаться не просто пополнить еще одним сочинением обильную сталиниану. Но рассмотреть, по возможности, в целостном и систематическом виде всю его политическую биографию. Книг, посвященных Сталину, как я уже сказал, много, но строго систематизированной, без явных хронологических купюр, политической биографии Сталина пока еще нет. Нисколько не принижая достоинств и не преувеличивая недостатков книг, посвященных Сталину, изданных как в нашей стране, так и за рубежом, все-таки едва ли можно с достаточным основанием утверждать, что они дают нам целостную, сравнительно полную, систематически стройную и логически выдержанную политическую биографию Сталина. Отдельные авторы берут наиболее значимые или наиболее выигрышные эпизоды его политической жизни и с той или иной степенью основательности исследуют их. Невольно вне поля их внимания остаются другие, порой не менее значительные эпизоды его жизни. Другими словами, целостной, построенной в соответствии с хронологией, систематизированной политической биографии Сталина пока, на мой взгляд, не имеется.

Политическая биография, конечно, включает в себя основные сугубо биографические факты и данные о личности, о которой идет речь. Однако она имеет и серьезные специфические отличия от биографии человека в обычном понимании. Здесь наряду со сведениями чисто личного свойства в центре внимания стоят вопросы политического плана. Главный акцент делается не на личных аспектах истории жизни рассматриваемой фигуры, а прежде всего на политических моментах. Если формулировать проблему кратко, то в политической биографии эпицентром выступает не только сама историческая личность, но и в огромной степени то место, которое эта личность заняла в истории, влияние этой личности на ход событий, процесс эволюции мировоззренческих и политических взглядов самой личности. В политической биографии одна из первостепенных задач состоит в том, чтобы в некотором смысле соединить личность и эпоху в единое целое: тогда только можно будет с верных позиций дать многомерную оценку самой рассматриваемой политической фигуры. Причем конкретная историческая панорама, в рамках которой действует личность, служит не просто фоном, а неразрывной органической частью общей картины рисуемой фигуры.

История на бесчисленных количествах примеров доказала простую истину: массы могут сменить своих вождей, но они не способны их заменить. Данное положение в преломлении к Сталину, конечно, нуждается в определенных дополнениях и коррективах, поскольку на определенном историческом этапе массы уже были не в состоянии сменить его у руля руководства. Но то, что он на протяжении почти 30 лет бесценно возглавлял такое великое государство, как Советский Союз, кроме всего прочего, свидетельствует и о немалой степени доверия к нему со стороны широких масс населения. Любая, даже самая свирепая диктатура, все-таки имеет пределы своей жизнеспособности. Если она в своей основе противостоит интересам поступатель-

ного развития страны и общества, то она так или иначе обречена на уход с арены. Со Сталиным этого не произошло. Значит, были мощные исторически реальные обстоятельства, делавшие возможным существование сталинской диктатуры.

Биографическая сталиниана имеет много пробелов. Одним из самых существенных является отсутствие сравнительно полной и целостной политической биографии. Восполнить этот пробел я попытался своей работой. Конечно, я понимаю, что кое-кто поставит под сомнение само мое утверждение о том, что до сих пор нет целостной политической биографии Сталина. Что же, на этот счет можно придерживаться различных точек зрения. Мне кажется, что в своей основе я прав. Некоторые книги, посвященные Сталину, скорее дают политический портрет, нежели целостную его биографию. А эти два жанра, хотя имеют много общего, все-таки отличаются рядом существенных особенностей друг от друга. В рамки политического портрета трудно, если вообще возможно, вместить историческую среду, в которой действовала данная личность. Мне же хотелось сделать историческую среду не просто фоном, на котором можно ярче высветить особенности личности, а органической частью процесса формирования и эволюции самой этой личности.

Задача, которую я ставил перед собой, когда только приступал к работе, представлялась проще и легче, чем оказалось на самом деле. Более или менее полная биография требует проработки чрезвычайно обширного, как по своему объему, так и по характеру, пласта источников и фактов. Трудностей было немало. Одна из них состояла в том, чтобы соблюсти необходимую соразмерность в использовании материалов, с тем, чтобы обилие самих материалов не уводило в сторону от ключевых проблем. Преследуя первую цель, легко можно было свернуть и в другую сторону, а именно: оставить вне поля зрения факты и события политической биографии, которые на первый взгляд выглядели второстепенными, преходящими, а на самом деле имели существенное значение для раскрытия предмета нашего исследования.

Характер книги в силу своей природы диктовал необходимость с различной степенью полноты затрагивать и общеполитическую ситуацию, и ключевые проблемы, с которыми так или иначе переплеталась биография Сталина. Так, мне казалось важным дать общую картину расстановки основных политических сил России в период подпольной революционной деятельности Сталина. Без этого трудно правильно ориентироваться в его позиции по тому или иному вопросу и в его отношении к той или иной партии. Собственно говоря, без хотя бы минимального изложения ключевых проблем той эпохи было бы затруднительно, если вообще возможно, правильно оценить характер его деятельности в тот или иной исторический период. И не только характер деятельности, но и эволюцию его взглядов и позиций по тому или иному важному вопросу.

Естественным мне представляется и то, что в книге обильно цитируются труды самого Сталина, помещенные в собрании сочинений, а также опубликованные в разных изданиях: от сборников, содержащих его переписку с коллегами по партии, писателями, политическими деятелями различной ориентации, до журналов и газет, в которых публиковались как статьи и материалы, касающиеся самого Сталина, так и материалы, содержащие оценку его деятельности. Мне кажется, что писать политическую биографию Сталина, игнорируя или же принижая его собственные работы, по меньшей мере несерьезно. Разумеется, я никогда не давал себе забывать, что официально опубликованные работы Сталина порой подвергались соответствующей об-

работке и лакировке, что в ряде случаев в них делались целенаправленные купюры, продиктованные конъюнктурными соображениями. Однако даже эти изъяны официально изданных сочинений Сталина не дают оснований не рассматривать их в качестве одного из основных источников его политической биографии.

Достаточно широко в книге использованы официальные материалы, как то: протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций, пленумов ЦК партии, переписка между ведущими партийными деятелями, воспоминания, статьи из специализированных журналов. В совокупности все они позволяют под определенным углом зрения увидеть и оценить его политическую деятельность. Какими бы сухими и скучными для читателя нашего времени порой ни казались такие материалы, однако их сухость и подчас казенный стиль несколько не снижают их исторической ценности и значимости. Кроме того, в официальных документах и материалах как раз и запечатлелось направление и содержание политического курса страны и партии в тот или иной исторический период. К тому же, если читать эти материалы, как бы приоткрывая завесу, которой они порой сознательно маскировались, если читать не только, что написано, но и между строк, раскрывая подоплеку событий, то можно извлечь много ценной информации. Той информации, без использования которой политическая биография Сталина, несомненно, будет не только неполной, но и не вполне достоверной.

В максимально широком объеме я стремился использовать поистине необъятный массив литературы, непосредственно посвященной Сталину. Причем имеются в виду как работы советских и российских, так и зарубежных авторов. Конечно, охватить целиком весь этот объем литературы — явно выше любых возможностей. Однако я постарался использовать при написании политической биографии Сталина наиболее серьезные, насыщенные фактами и оценками, содержащие непредвзято подобранные материалы, подчас глубоко аргументированные выводы и сопоставления. Нельзя сказать, что в своей работе я шел каким-то непроторенным путем. Прделанное другими историками и вообще людьми, писавшими о Сталине, составило тот своеобразный фундамент, на котором зиждется моя собственная работа. В этом смысле она не является чем-то уникальным. Она не претендует на открытие каких-либо истин в последней инстанции. Вместе с тем, я старался дать свое собственное видение и толкование многих важных этапов в политическом становлении и развитии Сталина. Возможно, моя интерпретация тех или иных эпизодов из биографии Сталина кому-то покажется спорной или даже предвзятой. Это обстоятельство не смущало меня настолько, чтобы идти уже проторенным путем. К этому побуждала сама цель книги: дать не очерк, не общий абрис политической биографии Сталина, а ее систематическое и целостное в своей основе изложение.

В книге читатель встретится с довольно обильным цитированием как документов, так и высказываний отдельных авторов. Объясняется это не чрезмерной любовью автора к методу цитирования, а прежде всего стремлением, по возможности, полнее передать содержание и характер самих документов и материалов. Что, по моему убеждению, лучше, чем своими словами излагать их суть, рискуя при этом исказить их действительное содержание. Кроме того, таким способом можно лучше отобразить дух времени и соблюсти верность исторической правде. В конечном счете, дело читателей судить, насколько это удалось автору. По крайней мере именно этими благими намерениями я стремился руководствоваться.

Порой мне казалось, что в интересах дела стоит дать хотя бы общий критический обзор литературы, посвященной Сталину. Но я сознательно отказался от этого первоначального намерения по двум причинам. Во-первых, подобный обзор сам по себе является предметом самостоятельного исследования, в каком-то ракурсе выходящим за рамки намеченной мной книги. Во-вторых, такого рода критические обзоры уже содержатся в ряде работ, посвященных различным периодам политической деятельности Сталина. И в-третьих, отсутствие в моей работе критического разбора трудов о Сталине я стремился компенсировать общими оценками и комментариями книг и статей, которыми я пользовался. Такой критический подход, возможно, и покажется кому-то несколько высокомерным и даже вызывающим, претендующим на право выносить безапелляционные вердикты. Однако он продиктован исключительно деловыми соображениями, ибо по большей части без таких оценок и комментариев обойтись было просто невозможно: они напрашивались сами по себе, и без них трудно было дать объективную, на мой взгляд, оценку тому или иному событию или факту.

Читатель, конечно, обратит внимание на то, что первый том отмечен полемической направленностью. Бросается в глаза обильное цитирование и полемика с Троцким. Я хочу с самого начала дать объяснение данному обстоятельству. Оно вызвано рядом причин. Во-первых, Троцкий является наиболее серьезным, наиболее компетентным, наиболее глубоким знатоком Сталина и его политических деяний. Вся последующая сталиниана — и это представляется мне бесспорным — складывалась на почве, подготовленной Троцким. По существу, все сколько-нибудь значимые политические и иные обвинения в адрес Сталина своими истоками восходят именно к Троцкому. Во-вторых, на основе уже сказанного, Троцкого с полным на то правом можно назвать главным историческим критиком Сталина. Все последующее, как из зернышка, в той или иной мере произросло из обличений Троцкого в адрес своего смертельного противника. Более того, вся жизнь Троцкого после высылки из СССР в 1929 г. своим главным, если не единственным, содержанием являла собой непрестанную борьбу против Сталина. В плане исследования политической биографии Сталина работы Троцкого, его многочисленные статьи, книги мемуарного характера и т.д. составляют нечто вроде фундамента, на котором было воздвигнуто все здание антисталинизма. И третье: Троцкий лучше, чем любые другие исследователи и историки последующих поколений, не только знал реальные общественные условия, в которых протекала политическая одиссея Сталина, но и сам являлся активным участником событий тех лет. Наконец, сам Сталин целую полосу своей жизни посвятил борьбе против Троцкого, и победа в этой борьбе, собственно, и объясняет появление его звезды на историческом небосклоне. Не случись этого, само имя Сталина кануло бы в реку забвения. Лету, привлекло бы внимание разве что узких специалистов по соответствующему периоду советской истории и заслуживало бы того, чтобы быть отмеченным всего лишь кратким примечанием в летописи событий той эпохи. Между тем, оно дало имя целой исторической эпохе.

Все это, на мой взгляд, служит если не оправданием, то объяснением внимания, уделяемого в книге полемике с Троцким, — не только наиболее профессиональным, но и ярким по слогу и манере письма биографом Сталина.

Сильным побудительным мотивом, давшим толчок данной работе, было то, что прошедший со времени смерти Сталина полувековой отрезок времени позволил луч-

ше увидеть масштабы этой фигуры. Впрочем, даже полстолетия — не такой уж и большой временной период, который дает возможность более или менее беспристрастно оценить как саму личность, так и масштабы его деяний. С течением времени, как мне представляется, оценки Сталина как одной из крупнейших политических фигур минувшего столетия будут еще не раз становиться предметом серьезных исторических исследований. Время еще не сказало свое последнее слово о Сталине. Да и едва ли когда-нибудь прозвучит это последнее слово.

Но так или иначе, люди и время судят деяния всех живших и живущих на земле. Как писал А.С.Пушкин: “И не уйдешь ты от суда мирского, как не уйдешь от божьего суда”.² Не знаю, как насчет божьего суда, но суду мирскому Сталин подвергался как при жизни, так и после смерти. Может быть, после смерти он подвергается суду мирскому гораздо чаще и много беспощаднее, чем при жизни. И это имеет простое и логичное объяснение.

Сталин, как и другие деятели, аналогичные ему по своим масштабам, далеко выходят за исторические рамки эпохи, в которую они жили. И в этом смысле Сталин вышел за пределы XX века. Интерес к нему в наше время — убедительное, но не единственное тому подтверждение. То, что произошло с нашей страной в конце века минувшего, те изменения, которые претерпел мир на изломе двух тысячелетий, заставляют о многом размышлять. И одновременно побуждают к тому, чтобы в широкой исторической ретроспективе присмотреться к самому Сталину и к его деятельности. В контексте того, что произошло, через призму уже пройденного некоторые направления его деятельности, как и сам характер этой деятельности, также нуждаются не только в осмыслении, но и в переосмыслении. Надо освободиться от ставших привычными шаблонов, будь они апологетическими или заведомо несправедливыми и злобными.

По ходу книги я не раз буду касаться многих вопросов, которые после колоссальных, поистине тектонических сдвигов, потрясших основы самого бытия нашей страны, предстают в ином свете, нежели прежде — при жизни Сталина или же вскоре после его смерти. Новые реальности нашей страны, современного мира и нашей эпохи диктуют необходимость нового прочтения Сталина скорее как политического деятеля, нежели как личности. То, что прежде ставилось ему в вину, в свете событий последних десятилетий нередко нуждается если не в полной переоценке, то, по крайней мере, в более глубоком и более объективном анализе. Причем не с позиций защиты Сталина, а с точки зрения достоверности и правильности подхода к этим проблемам.

Писать о политической деятельности крупномасштабной исторической фигуры нельзя в отрыве от рассмотрения чисто психологических качеств и особенностей самой этой фигуры. Однако здесь кроется определенная опасность, когда мы всю его деятельность рассматриваем прежде всего через призму этих психологических качеств и особенностей. Бесспорно, личность Сталина, черты его характера, вся его философия политического мышления неизбежно и в огромной степени отражались на содержании и особенностях его политической деятельности. Отражались, но не сводились к ним. И это — существенно важно. На мой взгляд, самое главное состояло в

² А.С.Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М. 1975. Т. 3. С. 197.

том, чтобы вписать эту историческую фигуру в рамки той исторической эпохи, в пределах которой он жил и действовал. Только четкий исторический контекст эпохи позволяет правильно, без искажений, без перехлестов, навеянных конъюнктурой последующих событий, более или менее достоверно изложить его политическую биографию.

Меня влекло посмотреть на Сталина не глазами человека сегодняшнего дня. Хотелось понять мотивы его поступков и политической деятельности вообще, отталкиваясь от тех реалий, которые были тогда, когда совершались эти поступки. Тогда, а не сегодня, когда многое вырисовывается в ином историческом свете. В этом, собственно, и заключается требование историзма, без следования которому нельзя рассчитывать на правдивое и объективное изложение событий, а тем более серьезных обобщений и глобальных оценок.

Принято считать, что крупные исторические личности сами по себе не являются движущей силой истории. Историю творят народы, но творят не сами по себе, не в качестве некоей абстрактной демонической силы, а через посредство конкретных исторических фигур. И именно на основе анализа деятельности этих исторических фигур мы постигаем сам процесс движения исторического процесса. Люди типа Сталина превращаются в своеобразные вехи, которыми отмечается ход событий. Но и они сами в огромной степени являются не столько творцами истории, сколько ее заложниками. Их пути изначально определяются пределами тех условий, в которых разворачивается их деятельность.

В этом смысле и сам Сталин и сталинизм как явление социально-политического характера выступают как отличительные черты эпохи, в которой они существовали и действовали. И когда сегодня некоторые говорят о том, что сталинизм не изжит, что он протягивает свои щупальца и в современную жизнь, эти люди тем самым невольно признают, что старая эпоха еще не стала всецело достоянием истории. Как призрак коммунизма бродил по Европе 19-го века, так и призрак сталинизма бродит по сегодняшней России.

Я пишу о призраке сталинизма, не вкладывая какое-то априорно негативное содержание в это понятие. Просто сталинизм как исторический феномен не превратился в достояние истории. Он скорее сам выступает и как исторический феномен, и одновременно как составная часть нашей сегодняшней реальности. В этом мне видится одна из коренных причин того, почему тема Сталина и сталинизма не только со временем не утрачивает своей актуальности, но порой даже становится весьма злободневной. Отсюда проистекает тот поток литературы о Сталине, отсюда его имя не сходит со страниц газет и журналов, с экранов телевизоров. Сталин и сталинизм уже основательно превратились в частицу нашей повседневной действительности.

Учитывая эти, а также многие другие обстоятельства, мне представляется исключительно важной задача правдивого и объективного исследования политической биографии Сталина. В каком-то смысле задача чисто исторического свойства перекликается с актуальными проблемами сегодняшнего дня. И, повторяясь, хочу заметить, что, может быть, временная дистанция слишком мала (хотя она и измеряется многими десятилетиями) для того, чтобы удалось нарисовать исторически достоверную картину его жизни и деятельности. Не только прошлое довлеет над настоящим, но и настоящее не в меньшей степени довлеет над прошлым. И в этом одна из первопричин того, что мы слишком часто сталкиваемся с тенденциозностью и подчас наме-

ренной ложью и искажениями, когда речь идет о Сталине. Известно выражение: мертвые хватают за руки живых. Но сейчас применительно к Сталину уместно перефразировать это изречение и сказать, что живые хватают мертвого за руки. Таково уж наше время. Хотя, впрочем, это особенность не только нашего времени, но и всех прошедших времен.

Изложение событий столь отдаленного прошлого на первый взгляд никак не касается дней нынешних, злободневных событий современности. Между ними нет прямой причинно-следственной связи и зависимости. Но это лишь на первый, причем поверхностный взгляд. В действительности объективно существующая связь времен, о которой писал еще Шекспир, перекидывает своего рода мост между событиями эпохи жизни Сталина и радикальными переменами, переживаемыми нашей страной в век текущий. Многие глубинные процессы и факты современности невольно наводят на исторические сопоставления и параллели, избежать которых подчас было очень трудно. Вот почему в первом томе политической биографии и встречаются, казалось бы, неоправданные вторжения в действительность наших дней, невольные исторические реминисценции. Кому-то они покажутся неуместными или искусственными, кому-то — логически оправданными. Пусть каждый выносит свое суждение. Я же в силу разных причин просто не мог обойтись без того, чтобы, в рамках, строго обусловленных тематикой и содержанием самой проблемы, прибегать к сравнениям и сопоставлениям, которые как бы напрашивались сами собой. Мною двигало отнюдь не желание таким способом актуализировать рассматриваемые проблемы, в частности, оценку революции как закономерного явления в процессе развития общества на том или ином переломном историческом этапе. Встречающиеся исторические аналогии, как мне кажется, помогают лучше понять некоторые нюансы как процессов прошлого, так и настоящего.

В биографии Сталина много белых пятен, некоторые обстоятельства его жизни и деятельности до сих пор покрыты завесой неизвестности или окутаны слухами или мифами, достоверность которых зачастую маловероятна или вовсе сомнительна. Надо надеяться, что со временем белые пятна если не исчезнут вовсе (что в высшей степени маловероятно), то по меньшей мере сократятся. Однако эти белые пятна или некоторые темные или загадочные детали его политической биографии, на мой взгляд, не служат существенным препятствием для того, чтобы дать более или менее достоверную картину его политической биографии в целом. Вся совокупность уже известных фактов и документов позволяет вынести вполне определенное суждение о его политической деятельности. Отсутствующие детали в принципе не способны каким-то коренным образом изменить общую историческую оценку этой личности. Да и не в отдельных неясных или противоречивых деталях суть дела. Думаю, что здесь уместно привести мудрые слова древнегреческого философа Демокрита — «суть дела не в полноте знания, а в полноте разума».³

Поясняя эту мысль применительно к предмету нашего разговора, замечу, что главная задача в наше время состоит не столько в том, чтобы разобраться во всех деталях и нюансах пройденного Сталиным политического пути (хотя и эта задача сама по себе важна), сколько в том, чтобы глубоко осмыслить место и роль этого чело-

³ Мысли великих людей. М. 1998. Т. 1. С. 170.

века в нашей истории, значение тех уроков, которые имела для судеб нашей страны его деятельность. Образно говоря, настало время рассматривать фигуру Сталина не в исторический микроскоп, а в мощный бинокль и даже телескоп. Только в таком случае можно надеяться на глубину и полноту познания его личности и деяний.

Корпус исторических и историографических материалов, касающихся Сталина и его политической биографии, исключительно многообразен и обширен. Он постоянно пополняется все новыми фактами и материалами. Ценность этих новых фактов и материалов самоочевидна. Однако, на мой взгляд, все они лишь служат отельными штрихами в общем-то уже давно нарисованной картины. Они не меняют ее уже вполне сложившейся целостности и направленности. И едва ли какие-нибудь новые материалы могут сколько-нибудь существенным образом изменить эту общую картину. Поэтому я счел для себя правильным путь — не погружаться в архивные поиски, чтобы после мучительных изысканий найти еще какой-нибудь отдельный эпизод или штрих, который, будучи использованным в книге, лишь подтверждал бы законченность сложившихся представлений. В данном случае я не льстил себя обманчивой надеждой посредством ввода в научный оборот каких-то доселе неизвестных фактов и материалов произвести нечто вроде переворота в освещении политической биографии Сталина. Новые факты способны лишь прояснить некоторые детали, внести в нее свой колорит, но они не в состоянии изменить общей картины.

Российский историк А.В.Островский, книга которого о дооктябрьском периоде деятельности Сталина, на мой взгляд, выгодно выделяется своей добросовестностью и скрупулезностью по части исследования архивных материалов и фактов, ввел в научный оборот много новых архивных материалов. В некотором смысле эта книга является сводом архивных материалов, поскольку чуть ли не на добрую треть состоит из впервые вводимых в научный оборот фактов и данных. Подкупает также обоснованность и аргументированность выводов и гипотез по тем или иным спорным или неясным местам его биографии, содержащихся в книге. На мой взгляд, А.В.Островский дает справедливую оценку серьезных изъянов в освещении политической деятельности Сталина. В частности он пишет: “Дело в том, что вплоть до самого последнего времени значительная часть архивных источников практически была недоступна не только широкому кругу исследователей, но и многим сотрудникам Института марксизма-ленинизма. В результате этого, с одной стороны, в дореволюционной биографии И. В. Сталина до сих пор остается много белых пятен, а с другой стороны, далеко не все, что известно, имеет под собой надежную источниковую базу, вследствие чего в литературе имеет хождение много не только сомнительных, но и вообще мифических версий.

Одна из причин этого заключается в том, что подавляющее большинство работ о И. В. Сталине выполнены не в исследовательском, а в публицистическом стиле, для авторов которых, осознанно или бессознательно выполняющих социальный заказ, характерно стремление не восстановить истину, а нарисовать заранее заданную картину. Это характеризует как прижизненные работы о И. В. Сталине, так и работы последнего времени”⁴.

⁴ А.В.Островский. Кто стоял за спиной Сталина? Санкт-Петербург — Москва. 2002. С. 64.

Документальные публикации, мемуары, книги и статьи, посвященные Сталину, изданные на протяжении почти 80 последних лет как в нашей стране, так и за рубежом, содержат достаточный фактический материал, чтобы служить надежной фактологической базой для написания его политической биографии. Главная проблема заключалась не в недостатке фактов и материалов, а скорее в их избытке, в том, чтобы выбрать из всего, почти необъятного океана этих фактов такие, которые действительно имели важное значение и проливали истинный свет на содержание его жизни и деятельности. А главная задача сводилась к тому, чтобы попытаться на широком историческом фоне осмыслить те пружины, те мотивы, которыми он руководствовался в постановке и достижении тех или иных целей. Коротко говоря, на первом плане было стремление постигнуть суть его политической философии и, по возможности, строго следуя историческим фактам, показать его политическую эволюцию.

Вся политическая биография Сталина распадается на ряд этапных периодов. Эти периоды с различной степенью обстоятельности и объективности рассмотрены в биографиях Сталина, написанных разными по своей политической и духовной ориентации авторами. В какой-то степени они воспроизводятся и в моей работе. Однако, как мне кажется, в большинстве книг о Сталине недостаточно четко прослежена и выявлена его не просто политическая эволюция, а сам процесс превращения Сталина из политического в государственный деятеля.

Разумеется, какой-то китайской стены между Сталиным-политиком и Сталиным-государственным деятелем не существует. Обе эти ипостаси вождя порой настолько переплетены, что их трудно отделить, не говоря уже о том, чтобы рассматривать вне связи друг с другом. Но все-таки между ними нет полного тождества по целому ряду принципиальных причин. Сфера государственной деятельности, будучи одной из главных форм политической деятельности, все же имеет свою специфику и свои качественные особенности. Не говоря уже о том, что по своим масштабам и по своему значению она неизмеримо более обширна и более многопланова. Поэтому я старался уловить нюансы, которыми характеризовалась деятельность Сталина как государственного деятеля. Причем реальные факты показали, что эти нюансы порой были весьма и весьма значительными.

Вообще процесс формирования Сталина как государственного деятеля часто смешивается с процессом эволюции его политических взглядов и позиций по тому или иному конкретному вопросу. А между тем эта часть политической биографии Сталина заслуживает специального внимания. В частности, почти за рамками большинства работ о Сталине остается такой важный вопрос, как Сталин и геополитика. На этом аспекте проблемы я остановлюсь в соответствующих главах. Здесь же мне в предварительном порядке кажется уместным отгнать мысль о том, что Сталин в период расцвета своей государственной деятельности проявил себя геополитиком общемирового формата. Больше того, со значительной долей уверенности можно сказать, что по масштабности и глубине проникновения в геополитические аспекты мировой политики и международных отношений ему не было равных среди государственных деятелей своего времени. Он не только на равных "разыгрывал геополитические карты" с такими корифеями западного мира, как Черчилль, Рузвельт, де Голль, но и зачастую превосходил их в понимании геополитических проблем и перспектив их развития. Эта часть его политической биографии, безусловно, заслуживает особого внимания.

Каковы с точки зрения геополитики основные критерии, которым должен отвечать тот или иной государственный и политический деятель, если он претендует на то, чтобы занять свое место в историческом послужном списке?

Прежде всего, очевидно, он должен трезво и объективно оценивать геополитическое положение своей страны, видеть сильные и слабые стороны этого положения. Он должен обладать глубоким умом, способным анализировать всю совокупность важнейших факторов мировой политики, и на основе такого анализа вырабатывать стратегию своей страны в международной сфере. Иными словами, политический реализм — неотъемлемое качество крупного государственного деятеля. Но на одном политическом реализме, как говорится, далеко не уедешь. Для успешного осуществления выработанной долговременной стратегии на международной арене необходимы реальные материальные предпосылки в виде соответствующего экономического, военного и политического потенциала. Именно создание такого потенциала, другими словами, создание материально-технической базы современной промышленности, кооперирование сельского хозяйства, форсированное развитие науки и техники, быстрая и эффективная подготовка целого легиона специалистов в различных отраслях народного хозяйства и многое другое — все это стало стержнем политического курса Сталина после того, как он возглавил Советское государство. Строительство социализма в одной стране, а не курс на мировую революцию, что считалось аксиомой старого большевизма, явилось исходной, качественно новой чертой всей сталинской геополитической стратегии. И последовавшие затем события со всей очевидностью подтвердили правильность этого курса, его обоснованность, реалистичность и безальтернативность.

На наш взгляд, именно здесь лежат истоки всей сталинской стратегии. И хотя история не знает сослагательного наклонения, все же можно себе представить, что было бы со страной, если бы вместо этого курса Советский Союз ориентировался бы на развязывание мировой революции, вместо форсированного строительства фундамента своей экономической независимости принял на вооружение рецепты оппонентов Сталина из числа левых и правых.

Даже самый беглый обзор некоторых моментов деятельности Сталина в сфере геополитики дает основание считать его крупнейшим политиком XX века. В известном смысле даже можно сказать, что он был мастером больших геополитических игр, ареной которых был мир в первой половине уходящего столетия. Геополитика — это та сфера, где моральные критерии не играют определяющей роли. К сожалению, но это так. Поэтому, когда люди определенной политической ориентации при подходе к оценке исторической роли Сталина, в том числе и в сфере геополитики, оперируют чуть ли не исключительно моральными категориями, вызывает недоумение. С таким подходом нельзя согласиться. Масштабы Сталина как исторической личности требуют многогранного подхода. Ограничиваться, а тем более всецело концентрироваться на чисто моральных аспектах его политической стратегии и вообще всей его политической деятельности, — значит до крайности упрощать дело, полностью игнорировать исторические реалии той эпохи.

Несколько замечаний по поводу характера изложения материалов в самой книге и тех соображений, которыми я руководствовался при ее написании.

Я не задумывал свою книгу как работу преимущественно полемического свойства. Хотя без полемики писать о Сталине и его времени просто невозможно. И дело

не только в том, что сам предмет рассмотрения сложен и чрезвычайно противоречив, и уже в силу одних этих обстоятельств нельзя уклониться от полемических высказываний. По ходу написания его политической биографии постоянно приходилось сопоставлять точки зрения различных авторов, приводить их оценки тех или иных фактов, соглашаться или спорить с ними. Такой метод кажется мне оправданным, поскольку с его помощью можно лучше справиться с поставленной задачей. Естественно, я старался использовать не только те факты и материалы, которые логически укладывались в мою собственную концепцию политической деятельности Сталина. Следовать таким путем значило бы заранее обречь свою работу на необъективность или же пристрастную доброжелательность в отношении предмета исследования. Оценки и выводы в таком случае были бы уже predetermined, а подбор фактов и материалов лишь служил бы искусной маскировкой запрограммированных выводов. Это была бы явная или искусно замаскированная тенденциозность.

Желая избежать этого ложного пути, я старался излагать различные, часто диаметрально противоположные, точки зрения. Для меня имела значение не субъективная позиция того или иного биографа Сталина, а то, насколько убедительными и достоверными представлялись его аргументы и выводы. По существу, во всех случаях я старался дать свою собственную оценку взглядам и позициям, излагавшимся другими авторами. Отсюда и проистекал тот полемический тон, который отличает мою работу. Порой, как мне кажется, даже излишне полемический.

И тем не менее, такой метод мне представляется более продуктивным и более приемлемым, чем посвящать специальному критическому разбору труды тех биографов Сталина, которые прямо-таки напрашиваются на полемику с ними. Отмечу, что в ряде случаев и мне самому изменяло чувство строгой объективности и я невольно высказывал суждения, отмеченные определенной личной позицией. И объясняется это простыми и понятными причинами. Симпатии и антипатии к предмету исследования присутствуют всегда, даже тогда, когда ты старательно пытаешься их избежать. Такова уж участь каждого, кто берется за перо.

Панорама всей политической жизни Сталина, взятая как единое целое, убедила меня в одном. Историческая эпоха, в рамках которой разворачивалась его политическая и государственная деятельность, в сущности и явилась движущей силой, поставившей его в центр развертывавшихся событий. В этом смысле можно сказать, что эпоха сделала Сталина величиной исторического масштаба. Но для того, чтобы стать фигурой такого формата, отнюдь не достаточно только жить в эту эпоху. Необходимо обладать и личными качествами, способными с максимальной полнотой обнаружить и проявить себя в эту эпоху. Он оказался именно такой личностью. Поэтому можно сказать, что, с одной стороны, сама эпоха, о которой идет речь, нуждалась в личностях, подобных Сталину. И они оказались востребованными ею. С другой стороны, фигуры, подобные Сталину, сами наложили неизгладимую печать на эту эпоху, в каком-то смысле стали выразителями ее потребностей.

Маловероятно, чтобы в других исторических обстоятельствах Сталин оказался тем, кем он стал в действительности. Видимо, он затерялся бы в бесконечном ряду безвестностей и не оставил в анналах истории никакой памяти о себе. Даже мимолетного упоминания. Благодаря сцеплению и переплетению многих исторических причин и обстоятельств он был вынесен на авансцену российской истории, а затем и в эпицентр мировой политики. Конечно, в этом сыграл свою неизменную и незамени-

мую роль случай. Но было бы примитивно все сводить к слепой игре обстоятельств и ставить во главу угла исключительно роль случая. Своими безусловно незаурядными способностями и качествами Сталин превратил этот случай в факт истории. Он как бы сам приоткрыл дверь в вечность, в которую ввела его историческая судьба.

2. Факты не врут, фактами врут

Историческая оценка места и роли личностей такого масштаба, как Сталин, в особенности его политической деятельности, – дело исключительно сложное, хотя, на первый взгляд, кажется, что все уже и так ясно и давно определено. Мол, история вынесла свой, не подлежащий пересмотру, вердикт. Однако сразу же возникает законный вопрос: кто вынес этот безапелляционный вердикт – историки или история? Думается, что пока мы вправе вести речь не о приговоре истории, а, скорее, историков, взявших на себя миссию беспристрастной Фемиды. Но Фемида – не собственность того или иного историка или исторической школы, ее нельзя приватизировать, как это делается в нашей стране по отношению ко всему.

Истинные масштабы великих людей определяет история, а не историки. Если историки часто ошибаются в своих оценках, то история не ошибается никогда. К сожалению, так повелось издавна в нашей стране, что историки взяли на себя ту функцию, которую призвана выполнять история. Она беспристрастна, над ней не довлеет груз политических симпатий и антипатий, она не подвластна конъюнктуре, наконец, она неподкупна. А именно всех этих качеств так не хватает многим историкам и вообще людям, пишущим на исторические темы.

Я уже подчеркивал, что историческое место той или иной крупной политической фигуры высвечивается лишь с течением времени. Нужна солидная временная дистанция, чтобы иметь возможность вынести более или менее объективное суждение о той роли, которую сыграла та или иная личность. Некоторые ученые-историки считали, что такой временной дистанцией являются не десятилетия, а столетия. Полвека, минувших со времени смерти Сталина, – отнюдь не достаточный срок, чтобы в полной мере и с должной объективностью оценить как всю его политическую деятельность, так и некоторые важнейшие вехи его жизни как государственного и политического деятеля. Бремя прошлого слишком довлеет над настоящим, не говоря уже о диктате политической конъюнктуры, чтобы вести речь о взвешенной и исторически справедливой оценке фигуры Сталина. Оценке значения его деятельности для нашей страны, да и мировой истории в целом.

То, что Сталин был крупнейшей политической фигурой минувшего столетия, сомнений не вызывает практически ни у кого. С этим согласны как его почитатели, так и сколько-нибудь объективные критики и противники. Данное утверждение можно подтвердить многочисленными фактами и аргументами. Я приведу лишь один: если бы Сталин не был фигурой исторического масштаба, то имя его и дела не были бы предметом столь пристального внимания, изучения, ожесточенных споров через пять десятков лет после его смерти. Временные рамки споров вокруг Сталина и его деятельности можно даже значительно раздвинуть: фактически они начались с тех пор, как его фигура взошла на политическом небосводе Советской России как фигура первой величины.

Споры вокруг Сталина, окрашенные порой яростью и другими не менее сильными эмоциями, не только не утихают, но становятся все более жаркими. Одни его ненавидят, другие восхищаются им. Одни считают его чуть ли не самым зловещим персонажем российской истории, другие же ставят ему в заслугу превращение Советского Союза в одну из ведущих мировых держав, авторитетный голос которой стал одним из решающих в определении судеб не только Европы, но и всего мира на протяжении довольно длительного исторического отрезка времени. Где же та невидимая грань, которая разделяет эти полярно противоположные точки зрения?

Колоссальные потрясения, ареной которых стал Советский Союз после смерти Сталина, приведшие в конце концов к развалу страны, реставрация капитализма, причем в его наиболее уродливой форме – в виде сращивания криминальных и властных структур, – делают необходимым новое прочтение исторической роли Сталина. Речь идет о такой переоценке, которая под углом зрения исторической ретроспективы давала бы возможность вынести более или менее объективное суждение о многих сторонах его политической деятельности, в особенности в части, касающейся теории строительства социализма, опасности реставрации старого строя и обострения классовой борьбы по мере достижения успехов в утверждении нового общественного уклада. В научно-политической литературе, не говоря уже о массовой пропаганде, на протяжении десятков лет в нашей стране прочно утвердились в качестве незыблемых, чуть ли не абсолютных истин, положения, мягко говоря, не соответствующие элементарным критериям историчности. Их несостоятельность не могла быть прежде опровергнута доводами чисто научного порядка, хотя эти положения вызывали у мыслящих людей серьезные сомнения и раньше. Только лишь практика, опыт общественного развития с очевидностью раскрыли легковесность, а зачастую и прямую злонамеренность многих “истин”, утвердившихся в прошлом. Биография Сталина как политического деятеля нуждается в новом прочтении, новом видении отнюдь не только по той причине, что стали известны многие новые факты и обстоятельства, недоступные прежде. Если говорить по большому счету, то они не внесли и не могли внести что-либо принципиально важного для радикальной переоценки его исторической роли. Новые факты и обстоятельства лишь дорисовывают уже известный портрет, наносят дополнительные штрихи на его облик.

Опыт общественного развития в мире, и в нашей стране в первую очередь, на протяжении полувека, минувшего со дня смерти Сталина, дает огромный материал для размышлений. Это касается не только упомянутых выше проблем, но и в целом подхода к пониманию некоторых закономерностей исторического развития. Принимая в качестве достаточно убедительного тезис о поступательном характере исторического процесса, необходимо вместе с тем подчеркнуть, что в этом процессе случаются и колоссальные движения вспять. Эти регрессивные моменты могут кардинально повлиять на судьбы не только отдельных стран, но и на общественные системы в целом. История последнего десятилетия XX века, когда с исторической сцены исчезли Советский Союз и многие социалистические страны, бывшие союзники СССР, ставит много вопросов. И простых ответов на эти вопросы нет и не может быть. В какой-то степени изучение политической биографии Сталина, его теоретических воззрений и практического опыта в строительстве социализма в СССР, внимательный анализ некоторых его предостережений и опасений, касающихся перспектив разви-

тия социализма в нашей стране, позволяют лучше понять тот грандиозный поворот в историческом развитии, который произошел на изломе столетий. Осмысление опыта сталинского периода в развитии Советского Союза несомненно поможет понять истоки и причины того, что произошло в конце 80-х — начале 90-х годов в России и в мире.

Надо оттенить еще один важный момент. Смерть политического деятеля такого крупного масштаба, как Сталин, не ставит последнюю точку в его политической биографии. Как показывает исторический опыт, в особенности современной России, да не только ее, но и других стран, вокруг столь сложных исторических фигур после окончания их земного пути начинается настоящая битва, приобретающая не столько научно-исторический характер, но по большей части сугубо политическое содержание. Можно утверждать, что в каком-то смысле их политическая биография после их физической смерти как бы начинается заново. Это касается не только фундаментальной оценки их места в истории своей страны и в мировой истории в целом, но и объяснения важнейших вех в их политической жизни и судьбе. Удивительные метаморфозы выпадают на историческую долю таких людей: часто из гениев они превращаются в заурядных деятелей, из политиков мирового уровня в мелких политиканов, все прижизненные устремления которых, в особенности их достижения, были продиктованы прежде всего ненасытной жадой власти и упоением самой этой властью.

В этой связи вспоминается мысль известного советского историка М. Н. Покровского, которого в 30-е годы подвергали уничтожающей критике, в частности, за то, что он утверждал, что история — это политика, опрокинутая в прошлое. Конечно, вся злая ирония состоит в том, что по отношению к посмертной оценке роли Сталина М. Н. Покровский оказался на сто процентов прав. Разумеется, его правота в данном отдельном случае не говорит в пользу того, что сама его мысль о политической обусловленности и даже предопределенности исторических оценок и выводов верна с точки зрения критериев науки. В строго научном плане история не должна и не может быть служанкой политики, исполнять роль, которую диктуют политическая конъюнктура и потребности политической борьбы. В таком случае она действительно утрачивает право считаться наукой и превращается в политику, опрокинутую в прошлое. При этом не имеет никакого значения, идет ли речь о событиях давно минувших дней или же о временах не столь отдаленных. Критерии подлинной научности одинаково обязательны для оценки любых событий прошлого.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что историческая наука — это не свод раз и навсегда установленных истин, которые не допускают переоценки сущности того или иного события, характеристики того или иного деятеля. Объем источниковедческих данных по той или иной проблематике может расширяться, дополняться и уточняться, и в соответствии с этим определенные оценки могут пересматриваться, корректироваться и уточняться. Это вполне естественный процесс, отражающий ход исторического познания. Однако он не имеет ничего общего с политической конъюнктурщиной, в основе которой лежат совершенно иные мотивы.

Писать объективно о Сталине — это не значит пытаться найти какие-то оправдания его реальных преступлений или серьезных просчетов в осуществлении политики возглавляемого им государства. Вместе с тем это не значит, что каждое его действие нужно рассматривать под углом зрения того, что оно было задумано злодеем и осуществлялось злодейскими методами. Многие разоблачители Сталина и сталинизма совершенно не учитывают, не понимают или же, хуже того, сознательно игнори-

руют исторические условия, в которых осуществлялись те или иные действия, предпринимались те или иные шаги. Более того, они часто свои собственные представления навязывают истории, как будто она должна была развиваться в соответствии с их собственными представлениями и понятиями. Не говоря уже о том, что многие вообще имеют более чем смутное представление о том, о чем они берутся писать. При таком подходе исторический материал выпадает из своего реального контекста, и даже будучи порой правильно воспроизведен, он не имеет доказательной силы, поскольку вырван из самой жизненной среды, в которую должен органически вписываться.

Личность Сталина как политического деятеля может быть понята и более или менее объективно оценена лишь в том случае, если мы будем рассматривать его как сложное явление и вместе с тем как определенное единство сущности, причем было бы неправомерно при этом произвольно выделять какое-то одно или сумму качеств его характера и всей его деятельности. Должен использоваться комплексный подход, и вся его деятельность должна рассматриваться именно с таких позиций, позволяющих избежать недопустимой примитивизации.

Ведь совершенно очевидно, даже с точки зрения обыденной человеческой логики, что на протяжении почти тридцати лет управлять таким огромным государством и руководить им в столь сложных исторических условиях не мог деятель, которого его смертельный враг Л. Троцкий называл “самой выдающейся посредственностью”.⁵ И тем более странным выглядит тот очевидный факт, что в политической борьбе со Сталиным, этой “выдающейся посредственностью”, его блестящие, как они считали себя сами, оппоненты потерпели поражение. Думается, что неприятие сталинизма, самая суровая и беспощадная критика в его адрес с любых позиций не дают оснований подходить к его оценке с заведомо несостоятельными критериями. Для некоторых “историков” Сталин изначально представляется таким прирожденным злодеем и монстром, и исходя из такого представления, они берутся писать о нем. Уж к ним-то вполне приложимы слова бывшего в свои годы весьма популярным поэта начала XX века С. Черного: “Я искажил все очертанья, лишь в краску тьмы макая кисть?”⁶

Вообще говоря, нет ничего удивительного в том, что на протяжении многих десятилетий как при жизни Сталина, так и в особенности после его смерти, вокруг его имени, его деятельности и его наследия, понимаемого в самом широком смысле, не утихает борьба, происходит столкновение позиций и мнений. Едва ли это имело бы место, если бы мы сталкивались с действительно с заурядной политической личностью, так сказать с “исторической серостью”

Станным кажется то, что именно с деятелем не русского, а грузинского происхождения сопряжены столь ожесточенные и, надо сказать, непримиримые противостояния. Но парадоксы истории часто не поддаются чисто рациональным объяснениям, и пытаться их объяснить, видимо, невозможно. Логически остается предположить, что противостояние в вопросе об отношении к Сталину не имеет национальной окраски и стало выражением гораздо более концентрированным, выходящим за чисто национальные рамки. В каком-то смысле оно обрело мировоззренческий характер, отражая принципиальные различия в подходе к важнейшему этапу истории нашей страны.

⁵ *Лев Троцкий. Портреты революционеров.* М. 1991. С. 59.

⁶ *Библиотека всемирной литературы. Русская поэзия начала XX века. Дооктябрьский период.* М. 1977. С. 218.

Сталин стал органической частью российской истории. И, как однажды заметил патриарх Алексей II, история не имеет лишних страниц. Иными словами, ее надо воспринимать такой, какой она была в действительности, а не приспособлять к потребностям текущего дня, произвольно вычеркивать из нее то, что было, или же вписывать то, что соответствует чьим-либо интересам. Из истории нельзя произвольно вырывать те страницы, которые кому-то представляются темными или даже позорными. Потомки в состоянии лишь понять прошлое, сделать из него необходимые для себя выводы, дать оценку ему, но они не в силах перечеркнуть то, что уже стало достоянием прошлого. Мы же являемся свидетелями того, как в угоду политическим, экономическим и идеологическим интересам переписывается история, дается однобокая, лишенная даже тени объективности, характеристика не только отдельным личностям, но и целым историческим эпохам. И, как показывает практика, чем меньше масштаб личностей, олицетворяющих собой новую полосу в современном развитии России, тем с большей готовностью они берутся за то, чтобы переписать историю, чтобы найти какие-либо лазейки для проникновения воровским способом на ее страницы. Я уж не говорю о целых легионах "мошенников пера и разбойников печати",^{*} которые ныне подвизаются на щедро оплачиваемом поприще фальсификации истории и тотальной дебилизации широких слоев населения, в особенности молодежи.

Фигуры такой исторической величины, как Сталин, никогда не бывают одномерными, ибо они не представляют собой мифологических деятелей, о которых можно с достаточной долей уверенности сказать, что одни творили добро, другие творили зло, и на скрижалях истории это запечатлено достаточно четко и однозначно. Но даже о личностях, которые в широком общественном мнении представляются в качестве чуть ли не запатентованных исторических преступников, с клеймом, никогда не смываемым, все-таки нужно писать и говорить с должной объективностью. Впрочем, на мой взгляд, серьезные историки далеки от такого примитивного подхода. Зачислить Сталина в разряд наиболее одиозных исторических монстров и на этой базе выносить свои вердикты — это печальный удел тех, кто заинтересован не в подлинном познании истории, а лишь в наклеивании исторических ярлыков.

Писать политическую биографию Сталина, заведомо занимая определенную идеологическую позицию, конечно, можно, но, на мой взгляд, такая работа уже с самого начала обречена на тенденциозность и не будет соответствовать критериям объективности. Речь идет, разумеется, не только о самой концепции работы, но и о подборе и истолковании конкретных фактов, их увязке с реальным историческим контекстом эпохи, в рамках которой протекала его политическая деятельность.

Еще древнеримский историк Тацит писал, что стремится вести рассказ о principate Тиберия и его преемников "без гнева и пристрастия, причины которых от меня далеки".⁷ Рассматривая политическую деятельность Сталина, конечно, трудно следовать мудрому совету Тацита, тем более, что причины гнева и пристрастия при-

* Великий русский сатирик в наше время наверняка внес бы поправку и писал бы о "мошенниках компьютерного письма и разбойниках электронных средств информации", масштабы деятельности которых не просто поражают, но потрясают воображение.

⁷ Корнелий Тацит. Соч. Т.Т. I – II. Санкт - Петербург. 1993. С. 7.

менительно к Сталину от нас совсем не далеки, поскольку они составляют как бы часть современной жизни, и рассчитывать на полную беспристрастность трудно. Однако необходимо стремиться к максимальной объективности, хотя осуществлять это на практике не легко, если вообще возможно.

С мыслью Тацита перекликается знаменитая фраза из пушкинского “Бориса Годунова”:

“Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева”.⁸

Описывая “земли родной минувшую судьбу” (а эпоха Сталина и являет собой именно такую минувшую судьбу, которая, однако, отнюдь не во всех своих ипостасях может быть строго отнесена к давно прошедшему времени), волей-неволей каждый занимает определенную позицию. И в этом нет ничего зазорного, поскольку избежать этого – просто выше возможностей человеческого ума и сердца. Важна мера пристрастия, которое довлеет над каждым, кто обращается к столь злободневной теме. Но еще более существенно то, насколько удастся подняться над личными пристрастиями и убеждениями, освободить себя от некоего внутреннего голоса, подсказывающего логику мысли и диктующего соответствующие выводы и оценки. В отличие от пушкинского Пимена, следовавшего лишь голосу правды, писать о Сталине и его эпохе “без гнева и пристрастия” в нашу бурную эпоху невозможно. Так что читатель сам должен решать, где автору изменяет чувство объективности, где он не в силу злого умысла, а по вполне естественным причинам не в состоянии преодолеть незримый барьер, отделяющий истину от невольного заблуждения.

История, особенно история современности, всегда, а в наше время в особой степени, была полем и инструментом острейшей политической борьбы, поскольку истолкование тех или иных политических явлений и личностей, отношение к ним превратились в своего рода визитную карточку занимаемой позиции по отношению к современной действительности. В условиях нынешней России, когда она переживает, вполне возможно, самую сложную и самую трагическую эпоху, когда с невиданной доселе обнаженностью выявляются все слабости ее болезненной неспособности извлекать уроки из прошлого, прагматически использовать накопленный опыт, история стала полем противоборства двух принципиально противоположных, не только по своей социальной, но и мировоззренческой сущности, направлений мысли и, соответственно, действий. И, пожалуй, одно из центральных мест в этом противостоянии и противоборстве занимает вопрос о Сталине.

Именно через призму такого отношения к Сталину и сталинизму как чрезвычайно сложному историческому явлению в истории нашей страны необходимо подходить, если мы хотим серьезно разобраться в том, что эти явления представляли собой.

Весьма интересной и своевременной мне представляется малоизвестная или давно забытая мысль из книги бывшего итальянского посла в Советском Союзе Пьетро Куарони, который в разных должностях проработал здесь немало лет. В середине 50-х годов прошлого века он опубликовал “Записки посла” Вот что он писал по ин-

⁸ А. С. Пушкин. Собрание сочинений. М. 1975. Т.4. С. 193.

* Они были изданы и на французском языке в Париже в издательстве “Лион” в 1955г., откуда и взяты эти выдержки.

тересующему нас вопросу: «Я склоняюсь к мысли, что старые стены Кремля должны были всегда чувствовать, что Сталин как государь всея Руси более соответствовал ее (Руси) настоящей традиции, чем какой-нибудь Николай II. Глупо спорить, был ли Сталин великой исторической личностью. Если один человек против всех с железной волей, с ясной, хотя и бесчеловечной логикой, сумел переделать сверху донизу по всем направлениям такую страну, как Россия – шестую часть земного шара, если один человек, навязывая свою политику, наложил отпечаток, пусть даже в форме реакции и антиреакции, на ход исторического развития мира в течение четверти века, – никто не сможет отрицать, что мы имели дело с одной из тех личностей, которые изредка и лишь в исключительных случаях появляются на мировой арене, и появление которых означает поворот в истории человечества. Может быть, его дело не переживет его, по крайней мере во всей своей логической завершенности, Сталин от этого никак не перестанет быть великой личностью.

Величие добра? Величие зла? Это другой вопрос. Пусть лучше об этом судят моралисты, нежели историки. История скорее регистрирует, чем высказывает свое суждение. Она ограничивается упоминанием на своих страницах имен Аттилы и Карла Великого, Ричарда Львиное сердце и Саладина,* Эццелино да Романо** и Лоренцо Медичи.*** И, может быть, в конце концов придут к тому выводу, что в долгой и сложной истории человечества одинаково необходимы добрые и злые, разрушители и созидатели».

Рискуя переборщить по части цитат, все-таки приведу еще одну весьма любопытную и, на мой взгляд, меткую мысль, которую выразил тот же Пьетро Куарони. Он ссылается “на одного старого русского коммуниста-гуманиста”, который заметил: “Трагедия России состоит в следующем: Николай Второй был мужественным человеком, одушевленным лучшими намерениями; всю жизнь он искал человека, способного быть хорошим председателем Совета Министров. Если бы он заметил, что нашелся один такой совершенный человек в той социальной группе, где не принято было искать министров, Сталин, возможно, был бы сегодня его светлостью князем Иосифом Джугашвили, кавалером ордена Андрея Первозванного и многих других орденов. Николай Второй, возможно, оставался на троне, и, может быть, люди в России были бы намного более счастливы”

Можно, конечно, расценить данное высказывание как дикую фантазию и недопустимый перехлест. Однако поразмыслить над ним все-таки можно. Хотя, как принято в таких случаях говорить, история не знает сослагательного наклонения.

* Египетский султан Салах-ад-дин (XII век) взял Иерусалим и изгнал крестоносцев из Сирии и Палестины

** Эццелино да Романо – деятель средневековой Италии (XII–XIII века). Был правителем Вероны, Венеции, Падуи. Его легендарная жестокость нашла отражение в “Божественной комедии” Данте.

*** Итальянский писатель и государственный деятель (XV век), фактический правитель Флоренции. Способствовал превращению Флоренции в крупнейший центр культуры эпохи Возрождения.

Цель данной работы предопределяет ее направление, выбор сюжетов, характер используемых материалов, словом, все то, что должно составлять содержание жизни и деятельности Сталина как политической фигуры. Естественно, его политическая биография неотделима от его биографии как личности, его судьба как фигуры исторического масштаба органически переплетена с его личной судьбой. Одной из трудных задач всегда была и остается задача найти всегда существующую, но довольно сложную и отнюдь не прямолинейную, а порой и весьма контрастную связь между особенностями исторической личности и той ролью, которую она сыграла в истории. Внутренняя органическая связь между личными чертами Сталина, особенностями его психологического склада, свойствами характера, жизненным опытом и той политикой, которую он проводил, прослеживается достаточно четко. И на первый взгляд, именно на первый, кажется, что все в этой взаимосвязи ясно, как божий день: одно логически вытекает из другого и объясняется им. Но применительно к личностям столь масштабного плана, каким был Сталин, данная схема взаимосвязи мне представляется чрезвычайно примитивной и мало что объясняющей. По крайней мере, она способна больше запутать картину, нежели ее прояснить.

Действительно, возникает чувство, подобное оторопи, когда начинаешь сопоставлять чисто личные качества и особенности Сталина как просто человека с его исторической ролью. В обычном, чисто человеческом плане, он скорее предстает в весьма скромном виде: ничем, что могло произвести большое, а тем более магнетическое впечатление, он не обладал. Как личность, как просто человек, он несопоставим с тем Сталиным, который вошел в историю. Налицо своеобразная диспропорция между личностью и ролью, которую сыграла эта личность на арене истории. Как личность Сталин довольно зауряден, не наделен демоническими чертами, которыми как бы дышит его политика. Но чем более заурядным с точки зрения возвышенных исторических критериев предстает сама личность Сталина, тем более впечатляющей предстает перед исследователями его политическая деятельность. Какие-то потрясающие внутренние противоречия и диспропорции!

В истории подобные "странности", своего рода aberrации исторической значимости личности, встречались нередко. Но в Сталине они воплотились с какой-то особой силой, зримостью и масштабностью. Могут возразить, что исторические масштабы личности и масштабы деятельности этой личности должны находиться в прямой взаимосвязи и взаимозависимости. По определению это так. Однако общее правило предполагает и исключения, в разряд которых вписывается Сталин.

Я писал не биографию Сталина как человека, а биографию Сталина как политика и государственного деятеля. Само собой разумеется, невозможно было оставить вне поля зрения и личные черты и качества Сталина как человека, общий рисунок его жизни. Но эти моменты всегда находились как бы на втором плане. О них я писал в той мере и тогда, когда и насколько они помогали понять политические действия Сталина, раскрывали его качества как государственного и политического деятеля.

Общей чертой многочисленных книг и статей о Сталине как в нашей стране, так и за ее рубежами, является однобокая, упрощенная и в какой-то степени примитивная трактовка одной из самых важных проблем, касающихся политической биографии Сталина. Я имею в виду вопрос о той роли, которую играла в политической

биографии Сталина власть, обладание ею и понимание сущности этой власти. В своем подавляющем большинстве биографы Сталина и вообще люди, пишущие о нем, априори исходят из того, что власть для Сталина всегда была и до последнего его вздоха оставалась главной целью его жизни. Даже не просто главной целью, а точнее сказать, — самоцелью. Именно на этой основе строится зачастую анализ его действий и мотивация его поступков. Отсюда проистекает и все остальное, что как бы автоматически присовокупляется при характеристике его личности как политика. Но ведь известно, что политика — это сфера, в которой поступки важнее, чем личные качества или намерения. Вместе с тем, политика представляет собой прежде всего сферу действий, значимость которых определяется их практическими последствиями.

Иными словами, — и история это убедительно доказала — власть, как правило, не является самоцелью в широко понимаемом историческом процессе. Она по большей части выступает в качестве орудия, инструмента, средства достижения определенных политических и иных целей. Даже самые извращенные люди, добившиеся власти, используют ее отнюдь не только и не столько для удовлетворения своих личных амбиций и своего безграничного тщеславия. В приложении к Сталину, с моей точки зрения, есть более чем достаточно оснований считать, что для него власть была прежде всего и главным образом орудием достижения определенных политических целей. Она не имела в его глазах своей собственной, отделенной от политических и государственных устремлений, ценности. Можно со всей решительностью и пылом осуждать цели, во имя достижения которых Сталин использовал свою власть (это, конечно, зависит от исходной позиции того или иного критика), но, как мне представляется, изображать Сталина в качестве человека, лейтмотивом поведения которого было исключительно стремление к обладанию личной и безграничной властью, — значит серьезно упрощать характер исторического феномена, каким предстанет перед лицом не только его современников, но и потомков Сталин.

Именно в данном вопросе мой подход к политической биографии Сталина и отличается от многих других. Я стремился на протяжении всего изложения материала показать, что политические мотивы лежали в основе большинства действий Сталина как во время борьбы его за власть, так и после обретения оной. Если мы на все действия Сталина и на всю его политическую биографию будем смотреть только или преимущественно под углом зрения борьбы за личную власть, то, боюсь, не сможем правильно понять и дать достоверную историческую оценку его политической биографии и вообще его роли в истории нашей страны и всего мира. Подобный подход слишком прост, слишком заманчив своей простотой и внешней убедительностью. Но поэтому он и узок, маломасштабен и во многом примитивен. Он в корне искажает не только фигуру самого Сталина, но и саму историческую эпоху, в которой разворачивалась его деятельность.

Признаюсь, что во время работы над книгой на первый план выплывала довольно любопытная задача: не столько убедить потенциального читателя в своем понимании излагаемого материала или описываемого события, сколько самому разобраться в нем и, по возможности, составить объективное суждение. В каком-то смысле в процессе написания книги я сам стремился познать Сталина как политика, понять смысл и логику его действий, которые часто казались и кажутся порой до сих пор не поддающимися логическому объяснению. По крайней мере, они зачастую не укладываются в рамки элементарного здравого смысла.

Еще один момент заслуживает того, чтобы на нем специально остановиться: я имею в виду объективность. Как уже отмечалось выше, быть беспристрастным любой автор, особенно пишущий на острые политические и исторические темы, просто не может. В любом случае, при любых стараниях всегда будут проглядывать его собственные пристрастия, симпатии и антипатии, порой злорадство и даже ненависть. Предвзятость может выражаться не только в тенденциозной оценке фактов, но и в самом их подборе автором, в том, что выгодные для его концептуального подхода материалы он будет охотно использовать, а невыгодные просто игнорировать. Поэтому апеллировать к так называемой объективности в оценке роли Сталина в нашей истории – дело бесперспективное. Но определенные политические или идейные пристрастия не должны вредить достоверности изложения событий и фактов, их оценке в соответствии с исторической реальностью. Путь к истине не загораживают всякого рода чувства, будь то любовь или ненависть, они лишь накладывают на поиски этой истины своеобразную печать. Главное – это достоверность, без которой сам процесс поиска истины превращается в простой фарс или же сознательное надувательство. Такое толкование принципа объективности, возможно, и покажется кому-то странным и недопустимым в таком деле, как написание биографии политического деятеля. Однако я еще раз хочу подчеркнуть, что полной объективности, личной самоустраненности автора от того, что он пишет, не бывает.

Для характеристики Сталина как личности исторического формата использовалось и используется множество эпитетов и метафор. Но все они, даже взятые в своей совокупности, конечно, не могут со всей полнотой отразить масштабы и противоречивость его фигуры. Они лишь оттеняют отдельные черты его характера и деятельности, оставляя как бы в полумраке всю грандиозность этой неординарной личности. Наиболее часто для характеристики Сталина используют такие понятия, как диктатор и тиран. Или же (из противоположного идеологического лагеря) – великий государственный и строитель новой России, продолжатель дела тех, кто посвятил свою жизнь возвеличению державы.

В сугубо политическом смысле он, конечно, был диктатором. Наиболее типичные и характерные черты диктатуры были присущи стилю и методам его правления. Однако, на мой взгляд, сталинская диктатура была диктатурой особого рода, отличавшейся от классических диктатур, знакомых нам из истории. Я не склонен присоединяться к мнению тех, кто считает, что власть, стремление обладать всей полнотой власти, что называется, наслаждаться этой властью, были самоцелью его политической философии. Будучи человеком широкого исторического кругозора и вместе с тем личностью чрезвычайно прагматической, Сталин прекрасно понимал, что власть сама по себе не может быть самоцелью. Она всегда была и остается лишь орудием, инструментом достижения определенных целей. В этом смысле диктатура Сталина была социально осмысленна и социально целенаправленна. Он стремился, опираясь на свою необъятную власть, переломить законы исторического развития и построить в стране новый общественный строй, хотя объективных предпосылок, как утверждали ортодоксальные марксисты, для этого не существовало.

Встает вопрос: в какой степени ему удалось добиться реализации своей цели и насколько прочным оказались фундамент и само здание нового общественного строя, созиданию которого он посвятил свою жизнь? Смерть застала его на том этапе развития Советского Союза, когда явственно стали проявляться некоторые, пока еще не

совсем явные, но уже достаточно симптоматичные признаки угрожающего свойства. За фасадом бурного экономического и военного роста уже маячили серьезные проблемы экономического, социального и иного характера, которые во весь свой рост проявили себя позднее, уже после его смерти.

Но уже тот факт, что сталинская система, взятая в самом широком смысле, а не только в смысле методов правления, значительно пережила своего создателя, говорит о многом. По крайней мере о том, что она не стояла на глиняных ногах, имела под собой прочную опору. Достижения сталинского периода еще на ряд десятилетий служили своего рода базой для развития страны. Поэтому есть основания сказать, что эта диктатура особого рода была настолько жизнеспособна, что на многие годы смогла пережить своего создателя. В этом одно из коренных отличий сталинской диктатуры от классических диктатур, которые, как правило, исчезают с исторической арены вместе со смертью своего создателя.

Могут возразить: ведь процесс десталинизации в форме разоблачения культа личности Сталина начался чуть ли не вскоре после его кончины. О какой прочности его системы в таком случае можно вести речь? Но дело в том, что процесс разоблачения культа личности Сталина, если говорить обобщенно и до некоторой степени упрощенно, затрагивал прежде всего личность самого вождя, а не системы, созданной им. С этим серьезно спорить трудно, если вообще возможно. В этой связи позволю привести слова упоминавшегося уже выше Р.Пэйна: «Он пришел к власти, когда революция была истощена и предана, и он разрушил ее. На ее руинах он воздвиг монумент самому себе. Это — прочный монумент, и мы бы ошиблись, если бы подумали, что его смерть положила ему конец. Он — один из тех, кто всегда восстает из мертвых. Его дух, его энергия остаются... Этот небольшой, молчаливый, покрытый оспинами человек с укороченной рукой, с почерневшими зубами и желтыми глазами, был величайшим тираном своего времени и, возможно, всех времен».⁹

Я не стану спорить по поводу того, был ли Сталин тираном, а тем более величайшим тираном всех времен и народов. Ответ на этот вопрос читатель даст сам себе, ознакомившись с предлагаемой его вниманию книгой. В конце концов, унаследованное нами из истории древней Греции понятие тирания настолько туманно и порой неопределенно, что под него можно подгонять очень многие исторические явления. Кстати, в самой Греции первоначально тираном считался лишь тот властитель, который захватил власть незаконным путем. Что касается других свойств власти тирании, то они получили свое нынешнее содержание впоследствии. К тому же, на мой взгляд, данное понятие больше тяготеет к классу морально-этических, нежели политических категорий.

Однако бесспорно и неопровержимо одно: Сталин был жестким и жестоким правителем. Соображения гуманизма он трактовал с чисто классовых позиций — насколько это соответствует интересам господствующего в Советской России класса. Волю же и интересы этого класса, как он считал, воплощала его политическая линия. Противников этой линии он рассматривал не только в качестве своих политических оппонентов, но и как личных врагов. Впрочем, в этом он не был историческим уникалом. В истории России и других стран можно найти десятки аналогичных примеров.

⁹ Robert Payne. The Rise and Fall of Stalin. p. 16-17.

Однако в некоторых работах авторы как бы забывают об этом и всецело концентрируются исключительно на проявлениях деспотизма Сталина как явлении уникальном в своем роде. Нисколько не оправдывая Сталина и не стремясь снять с него ответственность за его действительную вину по части террора и репрессий, не следует забывать и о том, что в истории подобное — не столь уж редкое явление. К тому же — и это самое важное — нельзя искусственно абстрагироваться от суровых реалий эпохи, в которую он жил и действовал. На жестоких деяниях Сталина лежит скорее суровая печать суровой эпохи, чем собственно его личности. А точнее говоря, на первом месте стоят прежде всего исторические объективные причины, а потом уже и личные качества самого Сталина. В связи с этим стоит привести оценку, данную личности Сталина влиятельным американским журналом “Life”, который на протяжении многих лет определял человека года. Так, человеком 1939 года он назвал Сталина. Примечателен при этом вывод, сделанный журналом: “История может не любить его, но история не может его забыть”.¹⁰

Когда Сталина называют тираном, деспотом, вселенским злодеем, которому абсолютно чужды были понятия добра, гуманизма и т.д., естественно, прежде всего в вину ему вменяется полное попрание прав личности и элементарных свобод человека. Вопрос о правах личности, о правах человека сейчас на все лады расписывается как краеугольный камень современного человеческого общества. Я не стану вдаваться в дискуссию о том, что сама постановка вопроса о правах человека нуждается в историческом подходе, что в каждую эпоху она имела свои специфические особенности и качества. Кроме того, права личности ни в коем случае нельзя отрывать, а тем более противопоставлять обязанностям этой самой личности. Поскольку без определенных обязанностей со стороны личности вообще не стоит вести речь о ее правах. Обе стороны этого вопроса неразрывно связаны и неотделимы одно от другого. Но ныне только и слышишь гимны о правах личности. Об обязанностях же личности предпочитают не говорить, как будто эти обязанности нечто малосущественное, своего рода бесплатное, но необязательное приложение к правам личности.

Эта проблема носит глубоко философский смысл, и я затрону ее лишь в одном аспекте: как она приложима к Сталину и его деятельности вообще. Этот, и только этот аспект проблемы нас интересует в данном случае. Сталин еще на заре своей революционной деятельности касался этой проблемы и дал, на мой взгляд, достаточно четкое, ясное и недвусмысленное ее толкование. Принципиальная его позиция сформулирована в работе “Анархизм или социализм”, опубликованной в конце 1906 — начале 1907 г. Вот что он писал: “Краеугольный камень анархизма — **личность**, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения массы, коллектива. По мнению анархизма, освобождение массы невозможно до тех пор, пока не освободится личность, ввиду чего его лозунг: «Всё для личности». Краеугольным же камнем марксизма является **масса**, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения личности. То есть, по мнению марксизма, освобождение личности невозможно до тех пор, пока не освободится масса, ввиду чего его лозунг: «Всё для массы».

¹⁰ “Life”. January 1. 1940. Электронная версия.

Ясно, что здесь мы имеем два принципа, отрицающие друг друга, а не только тактические разногласия".¹¹

Из цитированного текста вытекает, что Сталин вовсе не был нигилистом в вопросах прав личности. Более того, он выступает последовательным поборником коренного решения данной проблемы посредством освобождения не отдельной личности, взятой самой по себе, а как части коллектива, как составной части массы людей. Можно спорить о том, насколько такая постановка вопроса универсальна и целесообразна. Но едва ли есть основания считать Сталина принципиальным противником самого принципа прав человека, прав личности. Совершенно очевидно лишь то, что права личности он ставил на второй план по отношению к правам массы.

И это была не просто абстрактная теоретическая установка, а глубокое убеждение. И это убеждение трансформировалось в целостную систему государственных и политических действий в период власти Сталина. Такова, на мой взгляд, сущность его позиции по данному вопросу. Здесь недопустимы упрощения. Можно соглашаться или не соглашаться со сталинской постановкой вопроса о правах личности. Но нельзя голословно отрицать того простого факта, что и его трактовка данной проблемы имеет свои положительные черты.

Думается, что в наше время, когда господствующей идеологией стараются всеми способами сделать воинствующий либерализм с его неизменным приоритетом отдельной личности над коллективом, сталинская постановка вопроса приобретает особую актуальность и даже злободневность.

Но нельзя ограничиться лишь сказанным выше по вопросу о правах личности в сталинском понимании. Могут возразить, что в самой постановке этого вопроса уже содержалась недооценка фундаментальных прав личности. И эта недооценка коренилась в противопоставлении прав отдельной личности правам коллектива. Действительно, известного противоречия здесь отрицать нельзя. Однако корень вопроса все-таки в другом: что ставить во главу угла — права отдельной личности или же права масс населения? Ответ на этот вопрос целиком и полностью зависит от того, на каких позициях стоит человек, отвечающий на него, — на позициях либерализма или на позициях социализма. Я склонен считать, что историческая правда на стороне тех, кто реальный залог реализации прав личности видит в том варианте, который защищал Сталин.

Это, так сказать, вопрос теории. Что же касается практики, то противники Сталина и сталинизма с полным на то основанием утверждают, что практика, реальная жизнь народов в Советском Союзе отмечены массовыми нарушениями прав как отдельно взятой человеческой личности, так и целых народов. Против этого, как говорится, не попрешь!

Но это уже другая плоскость проблемы, требующая своего основательного и конкретного рассмотрения, учета исторических причин и обстановки, государственной и политической мотивации и т.д. Эти вопросы займут свое место в соответствующих главах книги. Здесь мне хотелось лишь обозначить пунктиром саму проблему и высказать самое общее суждение по поводу взглядов Сталина на данный вопрос. Тем более, что он, в сущности, является главным историческим обвинением в адрес Ста-

¹¹ *И.В.Сталин*. Соч. Т. 1. С. 296.

на. От него в разной степени отталкиваются все критики политики сталинизма и мой личности вождя.

В этом контексте я считаю уместной привести концентрированную политическую оценку роли Сталина в истории, содержащуюся в таком respectable издании, каким всегда была Британская энциклопедия. Можно соглашаться или оспаривать эту характеристику, но игнорировать ее нельзя. Вот эта обобщенная характеристика: «На протяжении четверти столетия, вплоть до своей смерти в 1953 году, советский диктатор Иосиф Сталин обладал, вероятно, большей политической властью, чем какая-либо другая историческая фигура. Сталин осуществил индустриализацию юза Советских Социалистических Республик, насильственно коллективизировал сельское хозяйство, укрепил свои позиции посредством интенсивного полицейского террора, что помогло победить Германию в 1941 — 1945 гг., и значительно расширил советский контроль, поставив под него ряд восточноевропейских государств. Он был главным архитектором советского тоталитаризма и прекрасным, но феноменально жестоким организатором; он уничтожил остатки индивидуальных свобод, но терпел неудачу в обеспечении процветания человеческой личности. И все же он создал мощный военно-промышленный комплекс и ввел Советский Союз в ядерный век”

И далее:

«Не подлежит сомнению то, что Сталин оказал огромное влияние на жизнь большего числа людей, чем какая-либо иная фигура в истории. Но оценка его общих заслуг до сих пор, спустя десятилетия со дня его смерти, представляет собой необычайно противоречивую проблему. Историки еще не достигли какого-либо определенного согласия относительно ценности его свершений, и маловероятно, что когда-либо достигнут».¹²

Думаю, что на весах Фемиды трудно взвешивать и сопоставлять как благие деяния, так и злодеяния той или иной исторической личности. Ведь недаром великий итальянский поэт Данте в своей «Божественной комедии» восклицал:

«Чей хуже грех — не взесишь на весах.»

И дальше:

«Но в том — часть нашей радости, что мзда

Нам по заслугам нашим воздается,

Не меньше и не больше никогда».¹³

Значит, окончательный исторический приговор всегда остается за самой историей.

Я был далек от мысли своей работой вынести какой-либо исторический вердикт о роли Сталина в нашей истории. Это, разумеется, и не в моей власти, и не в власти других историков, какой бы степенью компетентности, объективности и даром исторического жизнеописания они ни обладали. Сама история, как считали древние мудрецы, — это память народов, и эта память не может быть стерта из анналов человеческого бытия. История учит многому, и одним из ее уроков является вывод: лишь великие события создают великих людей. Думаю, что данное положение приложимо к Сталину если не по всем, то по многим параметрам.

¹² Encyclopedia Britanica. Stalin. Сетевая версия.

¹³ Библиотека всемирной литературы. Данте Алигьери. М. 1967. С. 400.

И, наконец, о структуре и характере самой книги с точки зрения хронологического ее построения. Биографию Сталина я задумал написать в двух томах. Первый том уже написан. Он заканчивается кончиной Ленина. Я полагаю, что по многим качественным параметрам эти хронологические рамки вполне оправданы. Смерть Ленина обозначила принципиально новый этап в политической судьбе Сталина. Некоторые авторы придерживаются иной хронологии, исходя из того, что Сталин стал единоличным лидером партии, условно говоря, к своему 50-летию юбилею, т.е. в 1929 году. С этим можно соглашаться и можно спорить. Я полагаю, что Сталин фактически всю жизнь боролся за власть: сначала — за ее завоевание, потом — за ее сохранение и укрепление. Поэтому здесь строгие хронологические рамки всегда условны и могут быть оспорены. Кончина же Ленина явилась не только вехой в советской истории вообще, но и вехой в политической биографии Сталина. Она открыла перед ним новые возможности, реализация которых и возвела его на гигантский исторический пьедестал.

Вполне понятно, что хронологические рамки первого тома не давали возможности сколько-нибудь серьезно осветить его государственную деятельность. Поскольку сама эта государственная деятельность как раз и приходится на последующий период его жизни. Именно тогда она стала эпицентром всей его политической биографии. Если бы жизнь Сталина оборвалась к началу 30-х годов, то он едва ли оставил заметный след в отечественной истории, а тем более в мировой истории. Свое место и роль в советской и мировой истории он обеспечил благодаря своей государственной деятельности, начиная с 30-х годов. К тому времени уже четко прослеживается в его политической эволюции крен в сторону государственности. Именно в это время красугольным камнем, фундаментом всей его политической философии стал принцип государственности, который он последовательно и неуклонно проводил в жизнь до конца своих дней.

Условно говоря, в первом томе излагается биография Сталина как революционера. Во втором томе акцент сделан (и не мной как автором, а характером самого материала) на рассмотрении биографии Сталина как государственного деятеля. Сразу же следует сделать следующую оговорку: между Сталиным революционером, политическим деятелем и Сталиным руководителем государства, проводником определенной внутренней и внешней политики одной из ведущих держав мира, в действительности не было какой-то пропасти. Обе эти ипостаси Сталина не разделялись какой-то невидимой, но все-таки реальной стеной. Сталин как государственник сформировался на мировоззренческой базе, которую имел Сталин как революционер. Его чисто государственные устремления во многом несли на себе отпечатки его личности как революционера. Более того, они в нем не просто сосуществовали, а как бы взаимно дополняли друг друга. Поэтому, мне представляется, биография Сталина не будет достаточно понята без увязки именно этих двух фундаментальных мировоззренческих основ его политической философии.

В первом томе в определенной степени уже отражены начальные этапы формирования Сталина как государственного деятеля. Но это был период, так сказать, первоначального накопления опыта государственного управления. Характер и масштабы этого первоначального опыта по меркам его дальнейшего политического будущего представляются довольно скромными. Как государственный деятель Сталин формировался и рос вместе с укреплением и ростом самой страны.

Однако этот самый важный и самый интересный этап политической биографии Сталина выходит за хронологические рамки первого тома. Он будет подробно и обстоятельно рассмотрен во втором томе, охватывающем период с 1924 по 1953 год. Положительные и отрицательные уроки, извлеченные в ходе работы над первым томом, безусловно будут учтены при работе над вторым томом. При этом мне кажутся если не оправданными, то вполне объяснимыми самим характером работы, неизбежные выходы за пределы заранее оговоренной хронологии изложения событий. Отдельные пассажи книги простираются за хронологические пределы, которые я стремился соблюдать. Но, повторяюсь, сама природа материала, который лежал под рукой, настолько взаимосвязана и переплетена как с прошлым, так и настоящим и будущим, что избежать нарушения хронологических границ порой было весьма затруднительно. Но в свое оправдание скажу, что стремился не нарушить естественную связь времен.

Наконец, еще о двух моментах.

Цель, поставленная в работе, в решающей степени предопределяла стиль, форму и манеру самого ее изложения. Кому-то может показаться, что она написана довольно сухо, без полета мысли и фантазии. Возможно, это и так. Но я сознательно старался всячески избегать подачи материала в духе сенсационности, когда во главу угла ставится прежде всего цель привлечь внимание читателя, а уже потом все остальное. В каком-то смысле стремление строго держаться в рамках прокрустова ложа фактов определяло и границы творческого воображения и самого стиля написания книги. Те, кто хотел бы найти в ней какие-либо потрясающие воображение сенсации, явно будет разочарован. Главное состояло в том, чтобы строго следовать фактам, сопоставлять их, делать выводы и собственные обобщения исключительно на базе исторических фактов. Важно было выдержать дух объективности, без которого оценка событий, как бы красочно они ни преподносились, всегда останется ущербной, не соответствующей критериям историчности.

В работе такого характера и такого объема неизбежно приходилось не раз возвращаться под разными углами зрения к проблемам, которые в той или иной степени затрагивались прежде. Появлявшиеся повторы несли на себе нагрузку скорее смысловой направленности, нежели текстового плана: интерпретация одних и тех же фактов или событий диктовала необходимость взглянуть на них и оценить их в несколько ином ракурсе. Поэтому в ряде случаев сознательно приходилось допускать повторы подобного рода.

В качестве заключительного аккорда первой главы хочу обратить внимание еще раз на одно обстоятельство. В известной степени чисто внешним нарушением требования строгой объективности может показаться пронизывающая книгу полемика с различными биографами Сталина. Порой она даже кажется чрезмерной. Не отрицая этого, замечу, что полемическим способом я как раз и стремился приблизиться к максимально возможному уровню исторической объективности. Ведь недаром говорят, что в споре рождается истина. Впрочем, в споре она иногда и может быть похоронена. Во всяком случае, мне казалось, что писать политическую биографию такой личности, как Сталин, и при этом избегать полемики, — дело абсолютно невозможное и немислимое. О том, насколько полемический настрой моей работы способствовал более полному и более беспристрастному раскрытию процесса формирования Сталина как фигуры исторического масштаба, судить дано не мне.

Глава 2

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ СТАЛИНА. ГОДЫ УЧЕБЫ.
ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ

1. Сталин в зеркале политической генетики

Понятие политическая генетика используется мною для обозначения тех методов и подходов, в основе которых лежит стремление найти объяснение многих действий и поступков Сталина в плоскости преимущественно психологических и генетически обусловленных мотиваций. Сразу надо сказать, что, по моему глубокому убеждению, такие методы выглядят несерьезно, какими бы глубокомысленными и наукообразными аргументами они ни сопровождались. Однако в последнее время они получили довольно широкое распространение, а потому заслуживают того, чтобы на них хотя бы коротко остановиться.

Прежде всего, и это самое главное, — придавать сколько-нибудь значительное, а тем более порой и решающее, значение факторам преимущественно генетического свойства или психического характера при анализе деятельности столь масштабной фигуры, как Сталин, в корне неверно. Равно как в принципе ошибочно преувеличивать роль и значение этих факторов при оценке крупных социально-политических и общественных процессов, с реализацией которых сопряжена деятельность той или иной исторической личности. Марксистская концепция о роли личности в историческом процессе в сопоставлении с действием факторов объективного порядка, несмотря на все ее извращения, а порой и примитивизацию, убедительно подтверждается историей. По крайней мере еще никто убедительно не опроверг эту концепцию, имеющую более или менее универсальный характер для различных исторических эпох и личностей. Огульное отрицание марксизма как одного из наиболее плодотворных направлений в изучении и объяснении общественных процессов и, соответственно, роли и значения в этих процессах объективных и субъективных факторов, свидетельствует отнюдь не о том, что марксизм оказался нежизненной теорией. Скорее, его ниспровергатели сознательно искажают и примитивизируют фундаментальные положения этой теории, чтобы представить ее в качестве научно несостоятельной, обанкротившейся теории. Однако рано враги марксизма хоронят эту теорию. Она дала ответ на многие коренные вопросы общественного развития, в частности, и на вопрос об объективных критериях оценки роли личности в истории.

Вполне применима она и к широкомасштабной оценке роли Сталина, к объяснению крутых поворотов в нашей истории, связанных с его деятельностью. Уж о слишком серьезных и грандиозных явлениях идет в данном случае речь, чтобы их можно было бы объяснить и мотивировать прежде всего личными качествами — положительными или отрицательными — одного человека. Пусть и обладавшего почти необъятной властью и склонного к диктаторским методам правления. Любые личности, деятели любого исторического масштаба действуют и творят в рамках и пределах, которые им ставит объективная социальная среда, условия самой реальности. Их личные качества, особенности их психического и иного склада накладывают скорее

свою печать на их действия, но не определяют характер и направленность этих действий.

Думается, что все эти прописные истины не утратили своего значения из-за их банальности. Однако при изучении литературы, посвященной политической деятельности Сталина и вообще эпохи, в которой развертывалась эта деятельность, постоянно приходится сталкиваться с сознательными и целенаправленными попытками найти объяснение многим сложным и противоречивым историческим моментам якобы генетически обусловленными психологическими особенностями личности самого Сталина. Более того, порой выстраивается целая система доказательств, базирующаяся на простой предпосылке: в основе теории и практики сталинизма, понимаемого как целостная система теоретических истин и практических действий, лежат некие отрицательные, генетически унаследованные им от родителей или сформировавшиеся в детстве и юности комплексы. В своей совокупности эти комплексы, как правило сугубо отрицательные, привели к серьезным и фундаментальным нарушениям психики Сталина, что в свою очередь, когда он стал обладать верховной властью в стране, не могло самым отрицательным образом не сказаться на политическом курсе государства, включая даже сферу внешней политики. Иными словами, в приложении к Сталину речь идет о якобы сформировавшейся прежде всего на генетической основе линии политического поведения. В дальнейшем, по мере рассмотрения тех или иных конкретных проблем, мы не раз будем касаться несостоятельности такого откровенно субъективистского подхода, при котором логика исторических событий как бы ставится с ног на голову. Сейчас же коснемся лишь одного аспекта данного сюжета, а именно, вопроса о том, насколько серьезны и обоснованны утверждения некоторых авторов, пишущих о Сталине, что заложенные в нем с рождения или приобретенные в детстве и юности комплексы, преимущественно негативного свойства, во многом предопределили как направление, так и существенные черты его политической деятельности в целом, в том числе и в ранний период.

Различные авторы, как западные, так и российские, скрупулезно выискивают и фиксируют различные негативные моменты в детстве и юности Сталина, отношение к нему отца и матери, взаимоотношения его со своими сверстниками, его реакцию на те или иные явления тогдашней общественной и личной жизни и т.д. и выделяют в качестве фундаментальных черт его личности и характера следующие черты. Мы их сводим воедино, как бы абстрагируясь от конкретных обстоятельств, на базе которых и делаются такие умозаключения.

Итак, от отца Иосиф унаследовал такие качества, как мстительность и озлобленность. Американский биограф Сталина Р.Такер прямо и однозначно утверждает: "Та чуждая сила, которую олицетворял отец, каким-то образом стала сутью Сосо".¹ То обстоятельство, что отец частенько бил его, якобы стало причиной появления в его характере именно этих свойств природы, которые впоследствии еще более усилились и стали неотъемлемыми свойствами не только его характера как человека, но и отличительными свойствами его политики вообще.

В свою очередь, происхождение из самых низов тогдашнего общества, наряду с жестоким обращением к нему со стороны отца, якобы зародило в нем комплекс

¹ Роберт Такер. Сталин. Путь к власти 1879-1929, История и личность. М. 1991.С. 79.

неполноценности. Этот комплекс, сложный и противоречивый по своей природе, логически привел к тому, что он любыми путями стремился утвердить себя, свое главенство и даже превосходство над другими. В дальнейшем, мол, этот комплекс, сочетаясь с озлобленностью и мстительностью, выразился в том, что он не терпел никакого соперничества, беспощадно и крайне жестоко преследовал своих реальных и мнимых противников.

Из комплекса неполноценности, обернувшегося своей обратной стороной, эти авторы выводят и неутолимую жажду власти, обладание которой якобы стало сутью деятельности Сталина на протяжении всей его карьеры как политического деятеля. А тот факт, что Иосиф был единственным сыном, оставшимся в живых, и пользовался беззаветной любовью своей матери, якобы породил в нем безграничное чувство нарциссизма. Мол, в дальнейшем именно это чувство лежало в основе безудержного восхваления его личности, что он всячески поощрял и к чему стремился. И на “фундаменте” таких психоаналитических посылок славист-психоаналитик Д. Ранкур-Лаферриер в своей книге “Психика Сталина” делает не менее “фундаментальный” вывод: “Таким образом, чудовищные преступления, совершенные Сталиным против человечества, были в некотором смысле следствием фанатичной преданности матери своему единственному оставшемуся в живых ребенку так же, как они были воплощением в действие жестоких побоев, испытанных от отца”.²

На nive психоаналитического исследования личности Сталина подвизалось немало западноевропейских исследователей. Но наиболее полно и в концентрированном виде основные их доводы и выводы сформулированы в работе Д. Ранкур-Лаферриера. Видимо, стоит привести квинтэссенцию, своего рода выжимку его умозаключений, сделанных на базе совершенно произвольного и тенденциозного анализа некоторых фактов или же предположений, касающихся жизни Сталина и его личных качеств. Итак, согласно “исследованиям” этого автора, Сталину были присущи паранойя, мегаломания (манья величия), садизм, жажда власти, мстительность и высокоразвитый самоконтроль (нужно что-то и позитивное, хотя опять-таки для использования в целях “доказательства” заранее сформулированных выводов!). “По ходу дела в книге описывались и другие черты: ложная скромность, склонность к оскорблению детей, женоненавистничество и т.д. Как выяснилось, — пишет автор, — в основе всех этих черт лежали некие сложные и во многом подавляемые психологические процессы. Например, существовала неприемлемая для самого носителя бисексуальная наклонность, выражаемая чаще всего в виде паранойи и женоненавистничества. Существовало также острое чувство собственной неполноценности. Сталин справлялся с этим чувством при помощи таких подсознательных защитных механизмов, как проекция, чрезмерная компенсация, отрицание и рационализация, и создал чудовищно раздутый образ самого себя. За садизмом, жадой власти и мстительностью скрывалось сильное беспокойство в отношении потенциальных агрессоров. С этим беспокойством он справлялся в основном путем отождествления себя с агрессором. Многие исторически последовательные взаимоотношения в жизни Сталина — с русскими как классом, с царскими властями, с Лениным, с Троцким, с Гитлером — в большой степени усилили

² Д. Ранкур-Лаферриер. Психика Сталина. М. 1996. С. 82.

почти театральную склонность Сталина к отождествлению с агрессором. Особенно трагичным было отождествление с Гитлером. Вместе с параноидальными чистками оно привело к одной из самых жестоких войн в истории России”³.

Нормального читателя, голова которого не затуманена склонностью верить во всякую наукоподобную дребедень, поражает прежде всего несостоятельность таких выводов. Особенно же в той части, которая касается не просто личных качеств самого Сталина, а их увязки с масштабными по своему характеру общественными процессами, происходившими в стране в период руководства Сталина: психологическими особенностями личности пытаются объяснить чрезвычайно сложные и противоречивые явления общественной жизни огромной страны в самые критические периоды ее развития. К тому же, по существу начисто игнорируются сами общественные условия такого развития, реальная среда, в которой это развитие происходило. И уже на грани какого-то бреда воспринимаются авторские пассажи, касающиеся объяснения отношений между Советским Союзом и Германией накануне войны. Опять-таки с позиций какого-то мистического самоотождествления Сталина с агрессором Гитлером.

Что же, объяснение по своей примитивности и убогости из разряда тех, о которых говорят – проще пареной репы! Серьезный анализ серьезных общественно-политических явлений и событий подменяется такой легковесной словесной эквилибристикой, подкрепляемой ссылками на психоанализ, учение о роли подсознания в детерминации поведения людей и т.п. аргументы.

В ряду аналогичных изысканий стоят и наши, российские исследования “политической патологии”, якобы органично присущей Сталину как человеку и как государственному деятелю. В качестве образчика таких претендующих на глубину анализа откровений можно привести высказывание некоего “марксиста социал-демократического толка” М. Якубовича: “Основная его (Сталина – *Н.К.*) характеристика, основная стихия его сознания, его «души», сводится к безграничному, страстному честолюбию и властолюбию, которые господствовали в нем над всеми другими свойствами его характера, над всеми остальными интересами его ума... Другим весьма важным свойством характера Сталина была его исключительная жестокость и кровожадность, жестокая и кровожадная мстительность. Ему доставляло удовольствие зрелище страданий как ясное доказательство его реальной власти, которая ни в чем так не ощущается, как в страдании, причиняемом другим людям по своей личной воле – в страдании и смерти. Сам процесс мучений и умерщвления людей был для него источником наслаждений независимо от того, были ли они в чем-то виноваты или нет... И он убивал – убивал врагов, убивал соперников, убивал товарищей и друзей”⁴.

В данном случае мне кажется излишним вести предметную полемику по существу приведенного выше высказывания. Общие рассуждения и базирующиеся на них далеко идущие выводы едва ли способны прояснить картину и приблизить к пониманию реальных мотивов, лежавших в основе многих политических шагов Сталина на протяжении всего его жизненного пути. При рассмотрении конкретных вопросов мы будем иметь возможность детально проанализировать побудительные

³ Д. Ранкур-Лаферрьер. Психика Сталина. С. 182-183.

⁴ Михаил Буянов. Ленин, Сталин и психиатрия. М. 1993. С. 27.

причины и характер тех или иных действий. Сейчас же нас интересует лишь один аспект проблемы – каким образом заранее запрограммированные послылки “политической генетики” служат доказательством того, что Сталин чуть ли не со времени своего рождения стал чем-то вроде демонического чудовища, воплотившего в себе зловещие черты Антихриста новейшего времени.

Надо признать, что подавляющее большинство западных биографов Сталина, усиленно подчеркивающих роль, так сказать, генетических факторов в формировании его социально-политической психологии, считают нужным указать и на то, что определенную роль играли, мол, и факторы объективного порядка, условия среды, в которой приходилось действовать самому Сталину. Таким образом вроде бы соблюдается необходимый баланс в соотношении субъективных и объективных причин, детерминировавших сталинское поведение и логику его политических действий. Более того, отдается и дань эволюции человеческой личности, признается очевидный факт неизбежных изменений в его характере по мере развития самой личности и перемен в его жизни. Так, упоминавшийся выше Р.Такер в своей книге пишет: «Особенности характера и мотивация не являются неизменными качествами. Они развиваются и меняются в течение всей жизни, в которой обычно присутствуют критические моменты и определяющие будущее решения. Более того, сформированная в юности индивидуальность, или (по выражению Эриксона) «психосоциальная идентичность» обладает перспективным, или программным, измерением. Она содержит не только ощущение индивидуума, кто и что он есть, но также его цели, четкие или зачаточные представления относительно того, чего он должен, может и сумеет достичь. Поэтому более поздние жизненные переживания не могут не оставить глубокого следа в его личности. Осуществление или неосуществление внутреннего жизненного сценария обязательно влияет на отношение индивидуума к самому себе, и именно это отношение и составляет основу личности. Более того, успех или неуспех жизненного сценария не может не влиять на взаимоотношение человека с другими, важными для него людьми и, следовательно, на его и их жизнь вообще... У молодого Сталина уже можно заметить задатки будущего тирана (выделено мной – Н.К.). Однако в то время его личность как личность диктатора еще полностью не сформировалась».⁵

Думается, что приведенные выше примеры дают вполне адекватное представление о сущности так называемой политической генетики в ее конкретном приложении к личности Сталина. Я не склонен принижать, а тем более вообще отрицать роль и значение личных качеств человека, особенно если он становится у руля государства. Бесспорно, что его личные черты характера и особенности накладывают свой отпечаток как на всю его политическую деятельность, так и на особенности политической линии, проводимой под его руководством. Особенно в тех случаях, когда речь идет об авторитарных режимах, каким безусловно являлся сталинский режим. Однако не те или иные личностные качества Сталина и приписываемые ему синдромы определяли пути и перепутья исторического развития Советского Союза в годы, когда он руководил партией и страной. В свое время еще К.Маркс предостерегал против того, чтобы личности приписывались какие-то

⁵ Роберт Такер. Сталин. Т. I. С. 14.

демонические свойства и таким способом личность превращалась в своеобразного демиурга – творца истории.

В данном контексте мне кажется справедливой, хотя, разумеется, не во всем, оценка, которую дает один из исследователей жизни Сталина Б.Илизаров. Он, в частности, пишет: “Интеллектуальный и духовный миры человека никогда не совпадают. В то же время они удивительно пластичны, никогда не бывают неизменны. На протяжении жизни их объем и накал могут резко возрасти и расширяться и столь же резко сокращаться и даже падать. Наследственные способности, генетика – это лишь предпосылки. Если они есть, в дальнейшем многое определяют среда и собственная воля человека. Способности у Сталина явно были. Все, и соратники, и недруги, отмечали у него совершенно невероятную силу воли... Став благодаря своему политическому таланту единственным вождем, сверхдиктатором, он сознательно, а чаще интуитивно действовал сразу в двух направлениях – постоянно повышал свой интеллектуальный уровень и, используя механизмы репрессий, резко снижал его во всех сферах общественной жизни”.⁶

Еще раз следует заметить, что приходится часто сталкиваться с тем, что элементарные истины легко и произвольно отбрасываются прочь, коль речь заходит о стремлении доказать заранее сформулированные выводы, касающиеся оценки тех или иных исторических деятелей. В данном случае эта общая оценка не относится к книге Б. Илизарова, поскольку ее отличает хоть какая-то степень объективности и стремление подтверждать выводы фактами, а не только голословными и категорическими утверждениями.

Сталину в этом отношении “повезло”, может быть, больше, чем многим другим историческим персонажам. Для некоторых биографов Сталина история его жизни стала объектом не столько серьезного научного исследования, сколько тенденциозного, откровенно пристрастного “копания” в мелких деталях, которым при этом дается выгодное таким авторам толкование. Если бы политическая история имела свой генетический код (что, конечно, абсурдно), то в применении к эпохе Сталина роль основополагающего элемента в нем занял бы так называемый политический геном самого Сталина.

Все сказанное в совокупности диктует необходимость уделить особое внимание ранним годам жизни Сталина. Следуя таким путем, можно конкретно показать всю несостоятельность основных постулатов пресловутой политической генетики. Вместе с тем, рассмотрение раннего периода жизни Сталина, в особенности времени его учебы в духовном училище и в духовной семинарии, а также, пусть даже беглое, знакомство с некоторыми тенденциями общественного развития в Грузии в тот период помогут создать более или менее реальную картину формирования его как личности. И поскольку тема генетической ущербности Сталина всячески муссируется в современном сталиноведении, представляется уместным специально затронуть вопрос и о его родителях.

⁶ Б.С.Илизаров. Тайная жизнь Сталина. М. 2002. С. 178. Приведенная цитата взята из его книги, но она дополнена замечанием о сильной воле Сталина, которая содержалась в электронной версии данного материала. По какой-то причине автор в книге счел необходимым опустить упоминание о том, что Сталин обладал невероятной силой воли. Конечно, это дело автора, но сама по себе эта купюра весьма характерна и кое о чем говорит.

2. Родители

В распоряжении историков документальных материалов о предках Сталина, прежде всего его родителях, крайне мало. Это объясняется рядом причин, и прежде всего их происхождением и социальным положением в обществе. Можно сказать, что родословная людей столь “низкого” социального статуса в Российской империи — понятие более чем относительное. Вернее, о каком-либо социальном статусе, дающем возможность проследить их родословную, говорить не приходится. В лучшем случае документированными остаются такие факты, как рождение, крещение, бракосочетание и смерть. Иногда, правда, в силу различного рода обстоятельств могут оказаться засвидетельствованными и некоторые другие факты из жизни, но подобные случаи скорее исключения из правил, чем наоборот.

Родители Сталина, как отец, так и мать, были крепостными до отмены крепостного права в Грузии. Там институт крепостного права был упразднен на несколько лет позднее, чем в России, и занял ряд лет: с 1864 по 1871 год.⁷ В конкретных условиях Грузии отмена крепостного права самым неблагоприятным образом отразилась на положении крестьян с точки зрения их материального положения. Проведенные в основном в интересах богатых землевладельцев важнейшие мероприятия, связанные с отменой крепостного права, в силу социальной направленности реформ не привели к сколько-нибудь существенному улучшению материального положения основной массы крестьянского населения. Разумеется, сама отмена крепостного права была событием исторического значения и положила начало многим радикальным процессам в развитии всей Российской империи и Грузии в частности. Но тем не менее говорить о каком-то крутом переломе в условиях жизни основной массы сельского населения не приходится. Исследователи и даже официальные власти вынуждены были признать, что реальная жизнь подавляющего большинства крестьянства не улучшилась. Примечательно, что наместник Кавказа граф И. И. Воронцов-Дашков писал в своем докладе в 1905 году: “Реформа эта из крупных землевладельцев дала мелких землевладельцев, а из мелких землевладельцев — совершенно безземельных”.⁸

На данное обстоятельство мы указываем специально для того, чтобы подчеркнуть один факт, имеющий непосредственное отношение к предмету нашего рассмотрения: жизнь родителей Сталина после отмены крепостного права в своих существенных чертах мало изменилась, хотя они получили право свободно перемещаться и выбирать место жительства.

Чрезвычайно слабая документальная сторона жизни предков Сталина как по отцовской, так и по материнской линии, не дает возможности представить какую-нибудь достаточно определенную историческую канву, которая обычно дается при описании жизни и деятельности того или иного крупного деятеля в истории. При жизни Сталина, конечно, можно было бы еще найти достоверные свидетельства родственников, односельчан и т.д., которые приоткрыли бы некоторые страницы,

⁷ БСЭ. Издание третье. Т.7. С. 367.

⁸ Цит. по Григорий Урутадзе. Воспоминания грузинского социал-демократа. Stanford, California. 1968. С. 30.

касающиеся истории жизни его предков по обеим родственным линиям, а также жизни его родителей. Однако можно предположить, что сам Сталин, по крайней мере публично, не только не проявлял заметного интереса к данному вопросу, но и, видимо, не одобрял каких-либо шагов в этом направлении, которые могли быть предприняты официальной пропагандой, нацеленной на раздувание культа его личности. Бесспорно, в этом отношении выигрышным мог бы явиться факт участия его прадеда по отцовской линии в крестьянских выступлениях. Но, помимо голого упоминания самого этого факта, да и то, видимо, основанного не столько на архивных изысканиях, сколько на всякого рода семейных преданиях и устных воспоминаниях, мы больше ничем не располагаем. Единственным исключением является довольно обширная подборка документальных и мемуарных данных о детстве и юности Сталина, включающая в себя не только архивные материалы, но и свидетельства людей, которые учились вместе с ним и знали его родителей. Эта публикация, приуроченная к 60-летию Сталина, которое тогда пышно отмечалось, была помещена в журнале "Молодая гвардия" № 12 за 1939 г.

Следует иметь в виду, что данная подборка, конечно, не может расцениваться как всесторонняя и отвечающая критериям объективности. Причины этого самоочевидны, ибо назначение указанной публикации состояло в том, чтобы нарисовать образ Сталина в самом что ни есть выгодном свете. И тем не менее, все, кто изучает биографию Сталина, обращаются именно к этой публикации за неимением других, более полных и более объективных документальных материалов. По целому кругу сведений эта публикация является, по существу, единственным доступным источником. Определенную ценность ей придает то, что она включала в себя свидетельства людей, имевших возможность, пусть даже и в апологетическом ключе, но все же дать информацию, которая в дальнейшем была бы утрачена в связи с естественным ходом событий: смертью этих людей, тем более что эти свидетельства касались периода более чем полувековой давности (в них речь шла о фактах, относящихся к 70-80 гг. XIX века). Трудно судить о том, какова сейчас архивная база данных, сохранившихся в музеях Грузии и касающихся молодых лет Сталина, а также его родителей. Однако особого оптимизма в этом плане не стоит испытывать, поскольку люди, к которым принадлежали родители Сталина, едва ли представляли собой исключение из общих правил и могли оставить о себе какие-либо обширные задокументированные сведения.

Более полно и более достоверно представлены источники и материалы, относящиеся к годам учебы Сталина в Тифлисской православной духовной семинарии, а еще ранее в Горийском духовном училище. Однако эти источники носят в основном регистрационный характер и не позволяют делать на их основе каких-либо серьезных выводов, касающихся формирования взглядов и самой личности Сталина в 80-90 годах XIX века.

Другим, возможно, одним из наиболее ценных материалов, проливающим свет на юные годы Сталина и на некоторые обстоятельства его жизни, служит книга Иосифа Иремашвили «Сталин и трагедия Грузии», изданная на немецком языке в Германии незадолго до прихода Гитлера к власти. Поскольку эта книга в значительной степени является уникальным источником сведений о юности Сталина и обстановке, в которой он формировался как личность, следует, вероятно, немного остановиться на личности автора, чтобы читатель имел возможность судить о мере его объективности и

беспристрастности. И. Иремашвили родился в Гори примерно в то же самое время, что и Сталин. Они были друзьями в школе, а затем в Тифлисской духовной семинарии. И. Иремашвили позднее стал школьным учителем. После установления Советской власти в Грузии в 1921 году он был арестован за свою активную деятельность, направленную против большевиков, и помещен в тюрьму. Его сестра добилась встречи со Сталиным во время его пребывания в Грузии и умоляла выпустить брата из тюрьмы. Сталин обещал выполнить ее просьбу. Поскольку И. Иремашвили являлся активным деятелем меньшевистской партии, он был в октябре 1922 года депортирован вместе с другими 61 активистами этой партии в Германию. Естественно, что ко времени издания своей книги И. Иремашвили не мог испытывать каких-либо симпатий к своему бывшему товарищу, который стал лидером большевистской партии и руководителем Советского государства.⁹

Книга его воспоминаний выдержана в резко критическом духе по отношению к Сталину, которого он считает главным виновником трагедии Грузии, утратившей свою независимость в результате, как тогда выражались, “советизации”. Эта книга послужила едва ли не главным источником сведений о ранних годах жизни Сталина и содержащиеся в ней факты широко использовались многими биографами Сталина, в том числе и Троцким, который, вместе с тем, в ряде случаев оговаривал свое отношение к позиции автора и делал определенные поправки, связанные с политическими антипатиями, доминировавшими в книге И. Иремашвили.¹⁰ Таким образом, книга, о которой идет речь, написана открытым политическим противником Сталина, и, вполне естественно, к фактам и оценкам, содержащимся в ней, необходимо относиться с определенной долей скептицизма.¹¹ Но тем не менее, при определенном критическом подходе и при сопоставлении с другими фактами и свидетельствами, данная работа может служить источником, позволяющим составить некоторое представление о юности Сталина, его родителях, обстановке, в которой складывался его характер, формировались взгляды. Вообще стоит заметить, что абсолютно объективных и беспристрастных воспоминаний в мемуарной литературе едва ли встретишь, особенно если речь в них идет о таких, поистине шекспировского формата фигурах, как Сталин.

Вопрос о родителях Сталина имеет самое непосредственное отношение к его политической биографии не только в чисто житейском смысле, но и под углом зрения того, что некоторые, а можно сказать, большинство биографов, ищут истоки фундаментальных черт его характера и поведения в дальнейшем в определенной генетической наследственности, в условиях формирования его характера, в семейной обстановке, в которой протекала самая начальная часть его жизни. Именно учитывая это обстоятельство, мне представляется не только необходимым, но и существенно важным более подробно остановиться на родителях Сталина.

Но прежде следует, видимо, коснуться еще одного вопроса, а именно: кем по национальности были его предки по отцовской линии? В литературе о Сталине широкое распространение получила версия о том, что по отцовской линии он имел осетинские корни. При этом ссылаются на то, что Г. Зиновьев — один из его ближайших союзников в период болезни Ленина и в борьбе против Троцкого, а затем — один из

⁹ Ian Grey. Stalin. Man of History. Abacus. Great Britain. 1982. p. 466.

¹⁰ Лев Троцкий. Сталин. М. 1990. Т. 1. С. 23.

¹¹ Iremaschwili J. Stalin und die Tragödie Georgiens. Erinnerungen. Berlin. 1931.

его виднейших соперников в борьбе за власть – называл Сталина “кровожадным осетином”.¹² Приводят также в качестве своего рода аргумента и то, что поэт О.Мандельштам в своем известном антисталинском стихотворении (этот стишок в недавнее время совершенно незаслуженно, по крайней мере с чисто литературной точки зрения, превозносили до небес) также называл его осетином.

На мой взгляд, эти, с позволения сказать, доказательства едва ли могут рассматриваться в качестве таковых. Более серьезное значение имеют другие аргументы, которые я попытаюсь привести, не претендуя, однако, на то, что они являются вполне убедительными и безупречными.

В упоминавшейся уже подборке документов и материалов, опубликованных в журнале “Молодая гвардия”, приводятся воспоминания некоего А. М. Цихитатришвили, хранившиеся в Тбилиском филиале Института Маркса, Энгельса, Ленина, в которых говорится, что предки Джугашвили жили в селении Гери (Горийский уезд, Лиахвисое ущелье). Как и все крестьяне этого ущелья, они были крепостными князей Мачабели.¹³

Есть документальные свидетельства того, что в начале XIX века в местечке Ананури произошло одно из крупных крестьянских восстаний, среди участников которого был крестьянин Заза Джугашвили – прадед Сталина по линии отца.

Действительно, в 1802 – 1804 гг., а также в 1807 – 1813 гг. в Южной Осетии и прилегающих к ней районах Грузии произошли крупные крестьянские волнения, для подавления которых царское правительство использовало военную силу. Масштабы волнений были серьезными, о чем свидетельствует тот факт, что было прервано сообщение по Военно-Грузинской дороге и даже был разбит российский полк, вызванный из Владикавказа.¹⁴ Самую активную роль в этих крестьянских восстаниях играли осетины, боровшиеся против притеснений со стороны грузинских князей и помещиков.

В соответствующих работах, посвященных данной проблематике, отмечается: «При грузинских царях осетинские крестьяне были крепостными горийских князей и дворян (Эристави, Мачабели, Амилахори и др.). Ираклий II в целях создания на границе Грузии военной зоны отобрал часть крепостных у помещиков и зачислил их в разряд государственных крестьян. Этот акт несколько облегчил правовое и экономическое положение осетинских крестьян. Однако после присоединения Грузии к России старые права помещиков на бывших крепостных были восстановлены. Опираясь на военную силу, помещики принялись взимать с осетин непосильные подати за ряд лет. Крестьяне с оружием в руках встречали сборщиков податей и охранявшие их царские войска».¹⁵

Имеющиеся исторические свидетельства подтверждают тот факт, что осетинские крестьяне проявляли особую активность в борьбе против притеснений со стороны помещиков и властей вообще. Это касается прежде всего Горийского уезда – родины предков Сталина. Приведем лишь наиболее значимые события тех

¹² *Robert Conquest. Stalin. Breaker of Nations. Weidenfeld – London. 1991. p. 3.*

¹³ *Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя. “Молодая гвардия”, 1939 г. № 12. С. 26. В дальнейшем: Детство и юность вождя.*

¹⁴ *Очерки истории Юго-Осетии. Т. 1. Цхинвали. 1969. С. 106 – 111.*

¹⁵ *Г. Бухникашвили. Гори. Тбилиси. 1952. С. 64.*

лет, к которым может быть отнесена родословная предков Сталина по отцовской линии.

Так, карательная экспедиция, посланная против осетинских крестьян в 1810 году, сожгла 20 селений и истребила сотни людей. Затем царская администрация начала ссылать непокорных осетинских крестьян в Сибирь.

В 1812 году на почве общего недовольства режимом и произволом царских чиновников вспыхнуло большое восстание в Кахетии. Восставшие перебили стоявшие там гарнизоны, разгромили правительственные учреждения и начали угрожать наступлением на Тифлис, появившись в 12 верстах от города.

Восстание это получило отголосок и в Горийском уезде. В правительственных донесениях сообщалось: «В уезде хотя никакого еще не замечено волнения в народе, но радость оного о происшествиях в Кахети не может скрываться...»¹⁶

Чтобы предотвратить выступления в Горийском уезде, были приняты строжайшие меры: усилены караулы, укреплены стратегические пункты.

В 1830 году снова восстали осетинские крестьяне. Они отказались уплачивать подати помещикам, разгромили ряд помещичьих усадеб и церквей. Военной экспедицией, руководимой генералом Ренненкампом, восстание это было жестоко подавлено. Целые села исчезли с лица земли.

В 1833 году в Горийском уезде восстали крепостные крестьяне, находившиеся во владении ряда крупных помещиков. В 1840 году повторились восстания осетинских крестьян. Вновь туда была направлена карательная экспедиция. Восставшие героически отстаивали свою землю, свои права. В сражениях с карателями участвовали старики, женщины, дети.¹⁷

И не только вполне вероятно, но и представляется соответствующим исторической правде свидетельство о том, что прадед Сталина Заза Джугашвили — осетин по происхождению — был одним из активных участников этого крестьянского движения. В дальнейшем фамилия Дзугаев, которая по своей этимологии является осетинской, трансформировалась применительно к грузинским условиям в Джугашвили, что буквально означает сын Дзугаева. Не случайно, что фамилия Джугашвили является чрезвычайно редкой в Грузии. В дальнейшем мы более детально остановимся на вопросе о фамилии и псевдонимах Сталина. Здесь же подчеркнем, что версия осетинского происхождения предков Сталина по отцовской линии, хотя и не является вполне доказанной и подкрепленной соответствующими документами, представляется довольно убедительной. В целом совокупность прямых и косвенных фактов дает определенные основания считать, что прадед Сталина по отцовской линии был осетином.

Но это всего лишь одна из версий. А.В.Островский приводит и другие версии, которые звучат также достаточно правдоподобно и их нельзя не принимать во

* Достоинно упоминания одно любопытное обстоятельство. Если крестьян, и не только крестьян, но и вообще многих провинившихся жителей Грузии и Закавказья, начали ссылать в Сибирь, то те же категории лиц из российских губерний стали ссылать в Закавказье, в том числе и в Грузию. Не случайно, царь Александр I называл Грузию «теплой Сибирью» (Там же. С. 56).

¹⁶ Там же. С.65.

¹⁷ Там же.

внимание. Впервые вопрос о происхождении фамилии Джугашвили был поднят в 1939 г. академиком И. Джавахишвили в его статье, которая так и называется «О происхождении фамилии вождя народов». По его мнению, когда-то предки И. В. Сталина жили в кахетинском селении Джугаани и по его названию получили фамилию Джугашвили.

А.В.Островский ссылается и на другую версию этимологии фамилии Джугашвили. Он пишет, что в архиве бывшего ГФ ИМЛ хранится рукопись статьи неизвестного автора под названием «Детские и школьные годы Иосифа Виссарионовича Джугашвили (Сталина)». Написанная при жизни вождя, она содержит совершенно иное объяснение происхождения его фамилии.

«По рассказу Ольги Касрадзе (близко стоявшей к семье И. В. Джугашвили – Сталина) и крестьян из селения Лило, – читаем мы здесь, – фамилия Джугашвили произошла, как они слышали от самого Виссариона, следующим образом: их прадед жил в горах Миулетии (современная Южная Осетия. – А. О.) и служил пастухом. Он очень любил животных, ревностно оберегал стадо от всяких невзгод и печали, и поэтому ему дали прозвище „Джогисшвили“ (что означает „сын стада“). Это прозвище позднее трансформировалось в фамилию Джугашвили».

Убедительность этой версии придает то, что она нашла свое отражение в воспоминаниях матери И. В. Сталина Екатерины Джугашвили, которая утверждала, что первоначально предки ее мужа именовались «Берошвили».¹⁸

В конечном итоге, на мой взгляд, несмотря на убедительность той или иной версии происхождения фамилии Джугашвили, остановиться на какой-либо одной из них нет полных оснований. Поэтому было бы правомерным считать этот вопрос нерешенным. Возможно, в будущем будут найдены неопровержимые и вполне убедительные подтверждения в пользу рассмотренных выше версий. Пока же этот вопрос остается открытым.

Но вернемся к последовательному изложению событий.

Как сообщается в документальной публикации В. Каминского и И. Верещагина «Детство и юность вождя», прадеду Сталина удалось бежать из-под стражи и скрыться в Горийском уезде, где его взяли в крепостные князья Эристави – одни из крупнейших землевладельцев Грузии, у которых длительное время были раздоры с царским правительством по вопросу землевладения. И здесь Заза Джугашвили поднял среди крестьян восстание, после подавления которого бежал в село Геристави, где некоторое время был пастухом. Однако его местопребывание было раскрыто, и он вынужден был скрыться, после чего он оказался в селе Диди-Лило.¹⁹

У его сына Ваню – деда Сталина – родились два сына: Бесо (Виссарион) и Георгий. Ваню развел в селе Диди-Лило виноградники и установил деловые связи с городом Тифлисом, вблизи от которого находилось это село. После смерти Ваню одного из его сыновей – Георгия – убили в Кахетии разбойники, а другой – Бесо – отец Сталина – поселился в Тифлисе и стал работать на кожевенной фабрике, владельцем которой был некто Адельханов.

Об отце Сталина сведения весьма скудные и порой противоречивые. Они основаны большей частью на воспоминаниях и свидетельствах из «вторых рук»

¹⁸ А.В.Островский. Кто стоял за спиной Сталина? С. 82.

¹⁹ Детство и юность вождя. С. 24.

Эпизодические данные зачастую расходятся друг с другом, что и неудивительно, поскольку они были зафиксированы много лет спустя после его смерти. Но тем не менее на них приходится опираться, поскольку других источников нет, а сами эти воспоминания, несмотря на их односторонность, все же содержат определенную информацию, хотя и весьма расплывчатую, иногда явно тенденциозную. Объясняется это прежде всего тем, что политические и идейные противники Сталина явным образом стремились представить его отца в неприглядном свете. При жизни Сталина вопрос о его родителях как будто не вставал и не было повода касаться его, поэтому и официальная сталинская историография, как правило, обходила его молчанием. Вообще биографии “вождей” носили четко выраженный политический характер, а всяким “мелочам” таким, как, например, исследование родословной, не уделялось серьезного внимания. Правда, существенным моментом являлось классовое происхождение: если оно было благоприятным по тогдашним критериям, т.е. из рабочих и крестьян, то это обстоятельство всячески подчеркивалось и преподносилось в качестве чуть ли не первородной заслуги того или иного деятеля. Если же оно не вполне соответствовало критериям классовой “чистоты и безупречности”, то о нем говорилось вскользь или же вообще обходились фигурой умолчания. Так, например, тот факт, что отцу В.И.Ленина было присвоено потомственное дворянство, упоминался редко, если вообще упоминался. Такими были реальности той эпохи.

Но вернемся к генеалогии Сталина и его родителей. Многие обстоятельства, связанные с биографией Сталина, в частности с его родителями, очень скудны, а часто и противоречивы по многим параметрам, в том числе и в хронологии событий. В каждом случае мы будем отмечать встречающиеся разночтения и противоречия в источниках и путем их сопоставления попытаемся определить, какие из них более достоверны и в большей мере отвечают истине.

Один из вопросов – вопрос о национальности предков Сталина по отцовской линии – уже затрагивавшийся выше. В краткой биографии Сталина, которую в послевоенный период изучали в кружках политучебы, как бы специально подчеркивается, что отец И. В. Сталина “Виссарион Иванович, по национальности грузин, происходил из крестьян села Диди-Лило, Тифлисской губернии, по профессии сапожник, впоследствии рабочий обувной фабрики Адельханова в Тифлисе”.²⁰

Столь категорическое и не допускающее иных толкований указание на национальность отца не представляется мне какой-либо сознательной фальсификацией, предпринятой по указанию Сталина в период его пребывания у власти. Можно предположить, что Дзугаевы-Джугашвили в третьем поколении в полной мере ассимилировались, грузинский язык стал их родным языком и они идентифицировали себя именно в качестве грузин, сохранив лишь в качестве семейного предания тот факт, что их предок был осетином. Однако впоследствии, когда Сталин стал у руля огромной страны, вопрос о национальности его родителей приобрел, можно сказать, совсем незаслуженно, какое-то особое, даже символическое значение. Как будто то, кем в своей генеалогической линии был отец Сталина – грузином или осетином – играло принципиальную роль. Коснулся этого вопроса и Троцкий в своей

²⁰ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М. 1947. С.5.

знаменитой биографии Сталина. Он писал: «Грузинские эмигранты в Париже заверяли Суварина, автора французской биографии Сталина, что мать Иосифа Джугашвили была не грузинкой, а осетинкой, и что в жилах его есть примесь монгольской крови. В противоположность этому И.Иремашвили (о нем уже шла речь выше - Н.К.) утверждает, что мать была чистокровной грузинкой, тогда как осетином был отец, “грубая, неотесанная натура, как все осетины, которые живут в высоких кавказских горах”».²¹

Сам Сталин публично о своих родителях высказывался всего лишь несколько раз. Первый раз (причем в самой косвенной форме) в работе “Анархизм или социализм?”, в которой он попытался на примере своего отца раскрыть механизм превращения бывших мелких собственников в пролетариев. «Представьте себе сапожника, который имел крохотную мастерскую, но не выдержал конкуренции с крупными хозяевами, прикрыл мастерскую и, скажем, нанялся на обувную фабрику в Тифлисе к Адельханову. Он поступил на фабрику Адельханова, но не для того, чтобы превратиться в постоянного наемного рабочего, а с целью накопить денег, сколотить капитал, а затем вновь открыть свою мастерскую».²²

О своем социальном происхождении Сталин не любил распространяться, и лишь изредка он касался этого вопроса, о чем можно судить по некоторым сохранившимся свидетельствам отдельных мемуаристов. Так, по словам вдовы видного деятеля Коминтерна О.В.Куусинена, которая вместе со своим мужем общалась со Сталиным на отдыхе в неофициальной обстановке, он говорил, что его фамилия с окончанием на *швили* свидетельствует о его истинно пролетарском происхождении. В отличие от тех, кто носил фамилии, оканчивавшиеся на *дзе, идзе* (А. Енукидзе, Б. Ломинадзе, С.Орджоникидзе), что, по мнению Сталина, якобы служило свидетельством их дворянского происхождения.²³ В революционные и послереволюционные времена, в особенности в период власти Сталина, “благородное”, дворянское происхождение являлось отнюдь не положительным моментом в политической биографии революционного деятеля. Оно свидетельствовало скорее о том, что он изменил интересам своего класса. И в этом смысле несло в себе какой-то скрытый негативный оттенок, хотя по отношению к таким революционным фигурам, как Ленин, этому обстоятельству, напротив, придавалось позитивное звучание.

Согласно воспоминаниям, отец Сталина был выписан из Тифлиса неким Баграмовым, когда тот открыл в г. Гюри сапожную мастерскую. Бесо скоро стал известным мастером.* Большое количество заказов дало ему смелость открыть собственную мастерскую... Друзья решили женить его. Они сосватали ему невесту — Кеке Геладзе. Это была Екатерина Георгиевна Геладзе — мать Сталина.

²¹ Лев Троцкий. Сталин. Т. 1. С. 21.

²² И.В.Сталин. Сочинения. М. 1949. Т.1. С. 314-315

²³ Alex de Jonge. Stalin and the shaping of the Soviet Union. Glasgow. 1987. p.22.

* Надо заметить, что собранные в одной и той же книге свидетельства относительно отца Сталина довольно противоречивы. Так, наряду с утверждениями о его успехах на поприще сапожного ремесла, имеются и такие, которые говорят о другом: Виссариону Джугашвили приходилось больше чинить старую обувь, чем шить новую. Впрочем, последнее обстоятельство говорит скорее о том, что, выражаясь современным стилем, его клиентура состояла из людей не богатых, а бедных. (*Детство и юность вождя.* С. 28) .

Она происходила из семьи крепостного крестьянина села Гамбареули, расположенного неподалеку от Гори. Дед Сталина (по линии матери) был садовником у армянских помещиков Гамбаровых. Работал в их имении Гамбареули, находившемся в восточной части города Гори.²⁴

Екатерина Георгиевна Джугашвили (урожденная Геладзе) родилась в 1856 году в селении Гамбареули, близ города Гори, в семье крепостного крестьянина. До 9 лет Екатерина Георгиевна росла в деревне и вместе со всей семьей испытывала крайнюю нужду. Отец Екатерины Георгиевны умер рано, и семья осталась на попечении матери. Благодаря заботам матери и братьев Екатерина Георгиевна обучилась грамоте. В 1864 году, после отмены крепостного права, семья Геладзе переселилась из деревни в город Гори. Вот одно из немногих свидетельств, касающееся семьи матери Сталина: «Я с детства знала семью Глаха (Георгия) Геладзе: они жили в нашем квартале. У них было трое детей — дочь Кеке и два сына. (Оба брата Кеке работали гончарами в том же горийском квартале Русис-Убани) Мать Кеке — Мелания — рано овдовела. Кеке научилась грамоте дома. Она одевалась чисто и была обаятельной девушкой. Волосы у нее были каштанового цвета, глаза красивые».²⁵

Если о внешности и некоторых чертах характера матери Сталина мы имеем достаточно достоверные сведения, подтверждающиеся различными, в том числе перекрещивающимися, свидетельствами, то по вопросу о дате ее рождения дело обстоит несколько иначе. По этому поводу имеются различные сведения, и эти сведения противоречивы.

Как сообщала в связи с ее смертью газета «Заря Востока» от 8 июня 1937 г., она родилась в 1856 году. Другие источники называют совсем иную дату — 1860 год.²⁶ Последнюю дату ее косвенно подтверждает публикация в газете «Правда» от 23 октября 1935 г., в которой рассказывается о посещении Сталиным своей матери в Тифлисе в октябре того же года: «75-летняя мать Кеке (так ее называли по-грузински — Н.К.) приветлива, бодрa. Она рассказывает нам о незабываемых минутах».

Косвенным подтверждением того, что она родилась не в 1856, а, скорее всего, в 1860 году, служит еще одно фактическое обстоятельство. В 1930 году корреспондент американской газеты «Нью-Йорк ивнинг пост» Г. Кникербокер посетил мать Сталина в Тифлисе и имел с ней беседу, содержание которой было опубликовано в этой газете. Касаясь даты рождения своего сына Иосифа, Е. Джугашвили сказала: «После рождества по старому стилю ему был 21 день. Я не знаю, какая эта дата по новому исчислению. Я никак не могу научиться новому стилю. Я только знаю, что мне было тогда двадцать лет, и он был моим четвертым сыном».²⁷ Таким образом, свидетельство матери Сталина почти с полной вероятностью подтверждает, что она родилась в 1860 году. Рождение четвертого (по другим свидетельствам, Иосиф был третьим) сына, единственного, оставшегося в живых, конечно, навсегда запечатлется в памяти матери.

И тем не менее, имеющееся разночтение относительно времени ее рождения трудно объяснимо. С одной стороны, некролог, опубликованный в связи с ее смертью,

²⁴ Детство и юность вождя. С. 25.

²⁵ Там же. С. 25-26.

²⁶ Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. М. 1993. С. 19.

²⁷ Цит. по Edward Ellis Smith. The young Stalin. The early years of an elusive revolutionary. London. 1968. p.15.

должен внушать больше доверия, поскольку сведения, сообщаемые в нем, выверялись и были, очевидно, как-то официально или полуофициально санкционированы. И как ни покажется парадоксальным, но именно в данной официальной публикации, на мой взгляд, допущена ошибка в определении года ее рождения. Следует заметить, что в ряде источников в качестве даты ее рождения называется 1860 год: а именно этот год фигурирует в документальном издании, содержащем письма Сталина и его жены — Надежды Аллилуевой к матери Сталина. Кстати, как ни странно, в этом же издании местом рождения матери Сталина назван г. Гори, хотя общеизвестно, что она родилась в селе Гамбареули неподалеку от Гори.²⁸

Э. Радзинский в книге «Сталин» ссылается на источник, который едва ли может вызывать какие-либо сомнения. Он пишет: «Выписка из книги бракосочетавшихся за 1874 год: “17 мая сочетались браком: временно проживающий в Гори крестьянин Виссарион Иванович Джугашвили, вероисповедания православного, первым браком, возраст — 24 года; и дочь покойного горийского жителя крестьянина Глаха Геладзе Екатерина, вероисповедания православного, первым браком, возраст — 16 лет”».²⁹

Довольно туманную, порой противоречивую картину, касающуюся родителей Сталина, в частности, дат их рождения и смерти, прояснил в своем обстоятельном, основанном на архивных материалах и фактах, российский историк А. В. Островский. Его книга “Кто стоял за спиной Сталина?” вышла в свет в 2002 году. Она выгодно отличается от многих других книг, посвященных раннему периоду деятельности Сталина, не только новизной многих архивных данных, вводимых в научный оборот, но и завидной объективностью, стремлением автора всецело полагаться на достоверные факты, а не разного рода идеологические предубеждения и политическую конъюнктуру. Каждый, кто хочет получить информацию, что называется из первых рук, может обратиться к этому изданию. Многие белые или темные пятна в политической биографии Сталина раннего периода там нашли если не свое полное освещение, то достаточно убедительную и квалифицированную оценку.

Согласно сведениям, подкрепленным архивными данными, которые приводит Островский, отец Сталина умер в августе 1909 года. Вот что пишет автор по этому поводу: “А в это время в Тифлисе, немного не дожив до 60 лет, умирал Бесо Джугашвили. 7 августа он был доставлен из ночлежного дома в Михайловскую городскую больницу и 12 числа умер от цирроза печени. Похоронили его 14 на общественный счет. Едва ли не единственным человеком, который спустя двадцать лет мог рассказать об этом, был сапожник Ягор Незадзе. Местонахождение могилы Бесо не установлено”.³⁰

Если взять за источник запись, приводимую в церковной книге, то получается, что отец Сталина родился в 1850 году, а мать — в 1858 году, т.е. отец был старше матери на 8 лет. В работе А.В.Островского вполне определенно утверждается со ссылкой на архивные данные, что отец Сталина Виссарион (Бесо) Джугашвили родился в 1850 году в селении Диди-Лило.³¹

По крайней мере до недавних пор были налицо весьма противоречивые сведения относительно времени рождения как отца, так и матери Сталина. Что же за

²⁸ Иосиф Сталин в объятиях семьи. С.19.

²⁹ Эдвард Радзинский. Сталин. М. 1997. С. 25.

³⁰ А.В.Островский. Кто стоял за спиной Сталина? С. 314.

³¹ Там же. С. 81.

этим скрывалось и вообще скрывается что-либо? Едва ли есть какие-либо серьезные основания за такой противоречивостью непременно искать какие-то скрытые мотивы. Их просто трудно не только объяснить, но и даже выдумать. Мне представляется, что большее доверие вызывает в качестве даты рождения матери Сталина 1860 год. Именно эта дата позволяет не прибегать к различного рода уловкам, объясняющим якобы раннее замужество матери Сталина – в 16 лет – (хотя, как замечают биографы Сталина, раннее замужество в Грузии не было явлением из ряда вон выходящим, да и к тому же возраст в 16 лет по тем временам отнюдь не считался и не мог считаться ранним для заключения брака), а также тот факт, что до рождения Иосифа у четы Джугашвили родились три сына, которые умерли в младенчестве.³²

Внук Я. Г. Эгнаташвили (о нем речь будет идти ниже) несколько лет назад рассказывал корреспонденту одного из московских журналов: «...Перед тем как родился Сталин, у его матери (которую я имел счастье знать и неоднократно бывать у нее) первенцем был Михаил, умерший в возрасте одного года. Потом родился Георгий, тоже умерший в младенчестве от тифа. И первого и второго крестил мой дед. А когда родился третий ребенок – Иосиф, – Екатерина Георгиевна ему сказала: "Ты, конечно, человек очень добрый, но рука у тебя тяжелая. Так что извини меня, ради Бога. Иосифа покрестит Миша"».³³

В некрологе, который был опубликован в советской печати в связи со смертью Е.Г.Джугашвили, описывался ее жизненный путь и, в частности, говорилось, что в 1874 году 18-летняя Екатерина Георгиевна вышла замуж за Виссариона Ивановича Джугашвили, рабочего фабрики Адельханова в Тифлисе.³⁴ Некоторые биографы Сталина указывают на то, что муж Екатерины был примерно на 5 лет старше нее.³⁵ Однако, как явствует из приведенной выше выписки из регистрационной книги, он был старше своей жены на 8 лет. Опять-таки разногласия в отношении действительного года рождения отца Сталина – Виссариона Джугашвили, как мне представляется, порождена прежде всего тем, что различные авторы, которые брались за написание

³² Так, Л. Троцкий, И. Дойчер – один из солидных западных биографов Сталина, Троцкого и Ленина, (с которым мы еще будем возможность сталкиваться в дальнейшем), Р. Такер – автор фундаментальной трехтомной биографии Сталина), английский автор И.Грей пишут о том, что Иосиф был четвертым ребенком в семье Джугашвили. Д. Волкогонов в своей известной работе, посвященной Сталину, пишет, что "из троих сыновей Михаил и Георгий, не прожив и года, скончались, остался лишь Сосо (Иосиф)." *Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. М. 1996. Книга 1. С. 37.* Разногласия по этому вопросу, очевидно, объясняется тем, что все эти авторы использовали различные источники (а такими являлись преимущественно воспоминания), а не документальные материалы, которых нет, хотя, как мне представляется, в соответствующих метрических записях в церковных книгах могут содержаться эти данные. Однако для политической биографии Сталина все это или не имеет существенного значения, или является малозначимым фактом, никак не повлиявшим на формирование его как личности. С другой стороны, эти факты свидетельствуют о том, что жизненные условия, в которых обитал Иосиф, были суровыми и в них не так-то просто было даже просто выжить.

³³ "Шпион." Альманах писательского и журналистского расследования. 1993. №2. С. 40. (В дальнейшем "Шпион")

³⁴ "Заря Востока", 8 июня 1937г.

³⁵ См. *Ian Grey. Stalin.* p. 9.

его биографии, не располагали достоверными данными, часто черпали свои сведения друг у друга и таким образом вольно или невольно плодили различные версии, часто противоречащие одна другой. Подобная разногласия дает кое-кому повод делать различные предположения в связи с данными обстоятельствами. Я не склонен придавать сколько-нибудь серьезное значение скудости и противоречивости достоверных сведений о родителях Сталина, поскольку любые детали в этом отношении не имеют принципиального значения для понимания его биографии в целом.

Отец Сталина родился, вероятно всего, в 1850 году в селе Диди-Лило. «Отец вождя Виссарион (называли его просто Бесо), — сообщается в публикации журнала «Молодая гвардия» со слов Давида Папिताшвили, — был выше среднего роста и худощав. Волосы у него были черные, носил он усы и бороду. Как я его помню, у него не было ни одного седого волоса. В молодости наш вождь внешне очень походил на своего отца».³⁶

Я специально останавливаюсь на этом вопросе, поскольку в позднейшие времена некоторые биографы Сталина довольно активно разрабатывали версию, согласно которой отцом Иосифа был не Бесо Джугашвили, а какой-то князь.

Так, Р Конквест приводит следующие соображения по этому весьма деликатному вопросу: «Екатерина, или Кеке, — пишет он, — восполняла нерегулярные заработки своего мужа, работая в качестве прислуги в богатых домах. Один из них был дом Энаташвили, купца второй гильдии (то есть преуспевающего в соответствии с провинциальными стандартами). Говорят, что Эгнаташвили имел отношения с красивой молодой служанкой, что само по себе ни в коем случае не является неправдоподобным или редким явлением: в конце концов Карл Маркс, который жил в это время, имел ребенка от домашней прислуги.

Соль этой истории, в том виде как она есть, двойка. Первое, говорят, что Эгнаташвили оплачивал расходы, связанные с получением Сталиным образования. Это верно, что Сталин получал «стипендию» и что его мать, как говорят, экономила из своего скудного заработка, чтобы помогать ему. Но правда также и то, что очень немногие из столь же необеспеченных ребят могли ходить в ту же школу, в которую ходил он.

Говорят, что Сталин знал об этой истории, но все же верил, что он был действительно сыном Джугашвили. Но имеется определенная причина полагать, что, будучи уязвленным насмешками других в связи с этим, он стал циничным по отношению к своей матери...

Но даже если Эгнаташвили считал, что он был или мог быть отцом, это еще не доказывает, что он им действительно был. Как мы отмечали, Сталин всегда верил, что Виссарион, на которого он, как говорят, был очень похож, — действительно его настоящий отец.

Биография Сталина была подвергнута беспрецедентному числу позднейших фальсификаций. Это не в такой степени относится к его ранним годам, но, как мы видим, и здесь имеется много такого, что представляется темным или сомнительным».³⁷

С заключительным выводом этого компетентного, хотя и весьма тенденциозного американского историка-советолога, пожалуй, можно и согласиться.

³⁶ Детство и юность вождя. С. 26.

³⁷ R. Conquest. Stalin. p. 4.

Яков Георгиевич Эгнаташвили, у которого в доме убиралась и стирала белье Екатерина Георгиевна Джугашвили, согласно довольно распространенной версии, является истинным отцом Сталина. Фамилия Эгнаташвили встречается в анналах советской госбезопасности. Один из них дослужился в системе госбезопасности до звания генерал-лейтенанта и умер еще при жизни Сталина. Некролог был опубликован в газете «Правда». Внук Я. Г. Эгнаташвили Георгий Александрович Эгнаташвили также работал в органах государственной безопасности и был начальником охраны Н. М. Шверника (после М. И. Калинина ставшего формальным главой Советского государства). В беседах с журналистами он рассказал о некоторых деталях своего знакомства со Сталиным, поведал о своем деде, а также о других довольно интересных обстоятельствах, касающихся Сталина.³⁸

Из всей совокупности самых разных и большей частью противоречивых свидетельств, конечно, нельзя сделать каких-либо определенных, а тем более категорических выводов. Думается, что данное обстоятельство навсегда останется покрытым покровом некоей таинственности.

То, что Я. Г. Эгнаташвили слухи и предположения «сделали» отцом Сталина, отнюдь еще ничего не доказывает. Так, цитированный выше Р. Конвест считает, что «нет никаких оснований верить такого рода историям и нет никаких доказательств в их пользу».³⁹

Отметим некоторые детали, касающиеся мнимого отца Сталина – Я. Г. Эгнаташвили, рассказанные его внуком. Прожил он 86 лет. В молодости был известным в Грузии борцом, участвовал в кулачных боях, которые в то время часто практиковались и в Гори. Четыре года проработал на каменоломнях у одного богатого князя под Тифлисом в каторжных условиях. Владелец каменоломни после окончания работы не дал ему денег даже на дорогу, и он пешком возвратился в Гори. Он владел виноградниками, считал себя виноторговцем, был человеком зажиточным. Вот что рассказывает его внук:

«Поскольку в молодости князя его крепко обидели, он их, можно сказать, всю свою жизнь ненавидел. Помогал бедным. В том числе и Екатерине Георгиевне, которая у него по хозяйству работала. Ну и поэтому в наш дом приходил Сталин. Он был постарше моего отца и дяди и очень серьезным подростком. Дедушка усаживал его за стол и давал ему книги, которые он читал вслух. Он читал произведения Казбеги и Чавчавадзе...Эти книги особенно нравились моему дедушке. Да и сам Иосиф ему нравился – серьезный, целеустремленный, находчивый. Поэтому дедушка и платил за его обучение в духовной семинарии...»⁴⁰

Другая версия относительно якобы действительного отца Сталина сводится к тому, что известный русский ученый и путешественник Н.Пржевальский, который, как установлено, в конце 70-х годов XIX века был некоторое время в Гори, является отцом Сталина. Главным «аргументом» служит поразительное внешнее сходство между Пржевальским и Сталиным. Однако такие «аргументы» едва ли могут считаться убедительными и их нельзя принимать всерьез.

³⁸ «Шпион» 1993г. №1.

³⁹ R. Conquest, Stalin, p.3.

⁴⁰ «Шпион». 1993г. №2. С.39.

Вот как комментировал это обстоятельство внук Я. Г. Эгнаташвили. На вопрос журналиста:

– Георгий Александрович, по одной из версий, отцом Сталина был Пржевальский. Основания следующие:

Пржевальский и Сталин очень похожи друг на друга, два года до рождения Сталина Пржевальский провел в Гори, у Пржевальского был незаконнорожденный сын, которому он помогал материально...

– Глупость невероятная... Дескать, Екатерина Георгиевна работала в гостинице, где жил Пржевальский, потом за деньги он выдал ее замуж за Виссариона Джугашвили, чтобы спасти от позора... Да ни в какой гостинице она никогда не работала! Она стирала, обслуживала и помогала по хозяйству моему дедушке. Сколько я себя помню, легенды одна за другой вокруг Сталина ходят – чей он сын? Ну и что, что за два, за полтора года до рождения Сталина в Гори жил Пржевальский?.. Значит, он его отец?! Совершеннейшая чепуха. Вы же знаете, что у нас в Грузии на этот счет все очень серьезно и строго. И в народе греха не утаишь, полно должжителей, а потом у нас столько меньшевиков было да еще этих, осколков дворян, а они бы не упустили случая позлорадствовать!.. Ведь все это враги Сталина, и они бы раздули вокруг этого факта такую идеологию, что ой-ей-ей!”⁴¹

По поводу такого “родства” Сталина с Пржевальским Рой Медведев, один из известных историков сталинизма и бывший видный диссидент, справедливо заметил: “Можно было услышать также, что отцом Сталина был знаменитый русский путешественник Н. М. Пржевальский, который некоторое время гостил в г. Гори. Пржевальский в зрелом возрасте похож на 50-летнего Сталина, в чем можно убедиться по фотографии этого путешественника, помещенной как в Малой Советской Энциклопедии, так и в первом издании Большой Советской Энциклопедии.

Однако, если мы заглянем не в энциклопедии, а в биографию Пржевальского, то сможем узнать, что он действительно гостил в г. Гори, но через полтора года после рождения маленького Иосифа”.⁴²

Что же добавить к этому? Действительно, вокруг такого рода гипотез создана целая “идеология”! И смысл подобного рода биографических изысканий относительно якобы подлинного отца Сталина отнюдь не является чем-то малозначимым. Его инициаторы, в том числе и в советской прессе в перестроечный период, стремились таким путем доказать довольно простую вещь: отец Сталина, зная о том, что он в действительности не является его подлинным отцом, жестоко обращался со своим сыном и тем самым заложил в него серьезные по своим последствиям патологические комплексы, которые впоследствии проявились во всей жизнедеятельности Сталина. Обычны при этом ссылки на И. Иремашвили, который писал, что “незаслуженные, страшные побои сделали мальчика столь же суровым и бессердечным, как был его отец”. В свое время еще Л. Троцкий касался этого вопроса и ссылался на Иремашвили, который делает тот вывод, что “свою затаенную вражду к отцу и жажду мести мальчик с ранних лет начал переносить на всех тех, кто имел или мог иметь какую-либо власть над ним. «С юности осуществление мстительных замыслов стало для него целью,

⁴¹ “Шпион” 1993г. №2. С.40.

⁴² Рой Медведев. Семья тирана. Н.Новгород. 1993. С.8.

которой подчинялись все его усилия. Даже с неизбежным элементом ретроспективной оценки, — пишет Троцкий, — эти слова сохраняют всю свою значительность».⁴³

Сейчас, конечно, не просто трудно, но и, очевидно, вообще невозможно хотя бы в самых общих чертах восстановить картину бытия юного Джугашвили и его отношения к отцу и взаимоотношения с отцом. Видимо, не стоит сильно преувеличивать значение данного обстоятельства, обзревая дальнейшую деятельность Сталина, хотя в чисто психологическом плане нельзя отрицать определенного влияния, которое могли оказать на него в период нравственного созревания взаимоотношения с отцом.

Если обратиться к источникам, то на этот счет имеются совершенно противоположные и отвергающие друг друга свидетельства. Сам Сталин в беседе с немецким писателем Э.Людвигом в декабре 1931 года на вопрос, что толкнуло Вас на оппозиционность? Быть может, плохое обращение со стороны родителей? (К тому времени уже достаточно широкое распространение получила версия о прирожденной жестокости Сталина вследствие плохого обращения с ним его отца — *Н.К.*), ответил: «Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо».⁴⁴

Комментируя данное высказывание Сталина, Троцкий пишет, что придавать этим словам документальную ценность было бы опрометчиво, и не только потому, что Сталину вообще нельзя доверять, но и в силу того, что каждый на его месте поступил бы, вероятно, так же. «Вряд ли, во всяком случае, можно упрекать Сталина за то, что он отказался публично жаловаться на своего давно умершего отца. Скорее приходится удивляться почтительной неделикатности писателя».⁴⁵

В литературе о Сталине среди некоторых авторов прочно утвердилось мнение, что его отец часто подвергал своего сына побоям. Одни считают, что делал это он потому, что не считал Иосифа своим действительным сыном, зная, что его подлинным отцом является совсем другой человек. Американский биограф Сталина Р.Конквест в одной из книг, специально посвященной биографии Сталина, также поднимает этот вопрос. Он пишет, что в Грузии распространены легенды, согласно которым подлинным отцом Иосифа был какой-то князь или граф. «И это не является невозможным,» — пишет автор, — поскольку, мол, Грузия занимала первое место в мире по числу князей на квадратную милю. Согласно данным на 1851 г., там насчитывалось 47 княжеских фамилий. Правда, автор замечает, что данное обстоятельство не может служить аргументом в пользу признания данной легенды в качестве достоверной.⁴⁶

В начале 60-х годов на Западе в печати довольно широко муссировалась тема, кто был подлинным отцом Сталина. Западногерманский журнал "Spiegel" опубликовал материал, посвященный данной проблеме, сопроводив его фотоснимками. В этой публикации детально анализировалась версия, согласно которой настоящим отцом Сталина был известный русский путешественник Н.Пржевальский. Поводом для такого рода предположений послужило поразительное портретное сходство Сталина в поздние годы его жизни с Пржевальским, а также то обстоятельство, что примерно

⁴³ *Лев Троцкий*. Сталин. Т.1. С.27.

⁴⁴ *И.В.Сталин*. Соч. Т. 13. С.113.

⁴⁵ *Лев Троцкий*. Сталин. Т.1. С.28.

⁴⁶ *Robert Conquest*. Stalin. p. 3.

в тот период, когда родился Сталин, он находился в Гори. Для предположений подобного характера, конечно, можно найти или выдумать любые обоснования, но рассматривать их в качестве действительно серьезных, как мне кажется, нет оснований. Равно как и с заранее заданными, имеющими четко направленный характер, являются версии о том, что настоящим отцом Сталина был какой-то грузинский вельможа. Прежде всего называется упоминавшийся выше Эгнатошвили.

Что можно сказать по поводу такого рода “исторических изысканий”? Вообще говоря, достоверно установить подлинность такого рода фактов вообще невозможно, не говоря уже о том, что делать это по прошествии столь большого периода времени, просто смешно. Сколько-нибудь серьезные, особенно претендующие на историческую обоснованность исследования, не могут оперировать такими в высшей степени сомнительными “аргументами”. Однако в приложении к биографии Сталина такие приемы практикуются достаточно широко, особенно теми, кто заранее запрограммирован на вполне определенные выводы.

Мне представляется, что в любом случае биография Сталина не должна даже в малейшей степени опираться на подобного рода умозрительные, а чаще всего злонамеренные предположения и произвольные гипотезы относительно его родителей. Наиболее достоверными, как мне думается, являются те сведения, которыми мы располагаем и которые зафиксированы в многочисленных документальных источниках. Более того, именно родители Сталина – Виссарион Джугашвили и Екатерина Геладзе – воспитали его и именно с ними он сам ассоциировал себя в качестве сына. Думается, что других, более весомых доказательств, нет смысла приводить. По крайней мере, иные версии и гипотезы, которые широко комментируются в нынешней сталиниане, заслуживают гораздо меньше доверия, чем те, на которые предпочтительно опираться.

Все сказанное, разумеется, не снимает и не может снять вполне закономерного вопроса о том, какое влияние на молодого Сталина оказали его родители, как семейная среда отразилась на формировании его нравственных устоев, характера и в целом его мировосприятия. Данный вопрос имеет существенное значение, поскольку некоторые биографы Сталина чуть ли не все отрицательные черты его характера, которые проявились в дальнейшем, связывают с условиями его раннего детства, с воспитанием в семье, с тем, что он рос и развивался в обстановке враждебности и отчужденности со стороны отца, который заложил в него озлобленность, чувство мести, злопамятность, мстительность и беспощадность. В известном смысле можно говорить о некоей чуть ли не генетической доминанте, предопределившей все зловещие черты этой исторической фигуры. По крайней мере, именно такие исходные посылки закладываются некоторыми биографами Сталина, рассматривающими эволюцию формирования его характера.

Сейчас, по прошествии стольких лет, невозможно достоверно установить, насколько соответствуют действительности бытующие мнения относительно жестокого обращения Бесо Джугашвили со своим сыном. Но мне представляется, что имеющиеся в распоряжении биографов Сталина сведения по данному вопросу все же позволяют сделать более или менее верные, отражающие действительность, выводы. По крайней мере, факт плохого обращения Бесо Джугашвили в отношении своего сына едва ли может вызывать серьезные сомнения, поскольку имеется весьма авторитетное на этот счет подтверждение со стороны дочери Сталина – Светланы,

которая едва ли заинтересована в том, чтобы наговаривать на своего отца. Давать здесь общую оценку ее воспоминаниям в данном случае нет смысла. Применительно же к рассматриваемому нами вопросу следует отметить, что ее свидетельства отличаются не только искренностью и доступной ей степенью объективности, но и критическим отношением к своему отцу, стремлением понять его психологию и мотивы поведения. Нам еще представится возможность не раз обращаться к фактам и оценкам, которые содержатся в книгах С. Аллилуевой. Ее, так сказать, мировоззренческие оценки своего отца и мотивация многих его действий мне кажутся во многих случаях поверхностными, лишенными проникновения в суть проблем, носящими легковесный характер. Однако по этой причине едва ли можно ставить под сомнение конкретные факты и обстоятельства жизни Сталина, которые приводит в своих воспоминаниях его дочь. Собственно, именно она является наиболее достоверным источником сведений, касающихся некоторых сторон его характера и жизни. Политическая мотивация, лежащая в основе ее оценок, на мой взгляд, не должна ставить под вопрос историческую ценность и достоверность ее воспоминаний.

Так, в книге “Только один год”, опубликованной через два года после ее отъезда на Запад, она пишет: «Иногда он рассказывал мне о своем детстве. Драки, грубость нередкое явление в бедной, полуграмотной семье, где глава семьи пьет. Мать была мальчишка, ее бил муж. Но мальчик любил мать и, защищая ее, однажды бросил нож в своего отца. Тот с криками погнался за ним, и его спрятали соседи. Родители были оба из крестьян, пределом достижимого для отца было работать сапожником на фабрике. У матери было больше фантазии и амбиции – она хотела сделать единственного сына священником и таким образом подняться с того дна, каким была ее жизнь. Она была истинно и глубоко религиозна, и рано овдовев, работала не покладая рук, чтобы дать сыну образование».⁴⁷

Согласно источникам, опубликованным на Западе, друг его детства Давид Мачавариани рассказывал, что однажды Бесо ворвался в дом, где находились Екатерина и маленький Сосо, обозвал Екатерину “шлюхой” и набросился с побоями на сына:

«Минутой позже мы [Давид Мачавариани со своими родственниками и соседями] услышали звук бьющейся посуды, пронзительные крики жены [Виссариона], а маленький Сосо, весь в крови, стремглав бросился к нам с криками: «Помогите! Идите быстрее, он убивает мою мать!» Мой отец и соседи с трудом уняли Бесо, который с пеной у рта и усевшись верхом на грудь Като душил ее. Чтобы утихомирить его, пришлось стукнуть его и связать по рукам и ногам. Моя мать занялась беднягой Сосо, у которого на голове была рана, и, так как он боялся возвращаться домой, они с Като остались на ночь у нас, тесно прижавшись друг к другу на матрасе на полу».⁴⁸

Правдоподобность подобной ситуации не вызывает каких-либо сомнений. Несколькостораживает лишь описание событий с такими красочными деталями, которые не могут сохраниться в памяти по прошествии многих и многих десятилетий

⁴⁷ Светлана Аллилуева. Только один год. М. 1990. С. 313.

⁴⁸ Davitchewy J. Ah! Ce qu'on rigolait bien avec mon copain Staline. P.1979. p.36-37.

даже у людей, обладающих хорошей памятью. Здесь приходится считаться с тем, что такого рода воспоминания носили откровенно тенденциозный характер и были заведомо направлены на дискредитацию Сталина, на то, чтобы внушить читателю мысль: изначально в силу своего сурового детства Сталин, испытывавший побои, сам естественным образом ожесточился и со временем превратился в крайне жестокого человека.

Мягко выражаясь, суровое обращение отца со своим сыном считается многими биографами Сталина в качестве факта, не вызывающего серьезных сомнений, поскольку он подтверждается самыми разными свидетельствами, исходящими как от людей, враждебно настроенных по отношению к Сталину, так и от людей, которых нельзя заподозрить в заведомо предвзятом отношении к нему, в частности, дочери Сталина. Но, соглашаясь с тем, что такой факт, очевидно, соответствует действительности, мы вместе с тем не можем не указать на одно существенное обстоятельство: этот довольно важный момент, в принципе способный повлиять на формирование характера и оказать серьезное воздействие на всю психологическую конструкцию личности, в интерпретации биографов Сталина определенной направленности весьма преувеличивается.

Одни делают это по причине того, что придают самодовлеющее и явно гипертрофированное значение чисто психологическим моментам, которые якобы чуть ли не определяют в дальнейшем склад характера и особенности личности того или иного человека в соответствии с теми жизненными условиями, которые были в раннем детстве. «Современники Сталина, похоже, знали о его одержимости идеей битья. Грузинский меньшевик Ираклий Церетели шутил, что в устах Сталина, говорившего с сильным грузинским акцентом, фраза «Бытие определяет сознание» звучала как «Битие определяет сознание»», — пишет психоаналитик Д. Ранкур-Лаферриер в своей книге «Психика Сталина»⁴⁹

Другие (и это особенно наглядно продемонстрировал Троцкий во всех своих работах, посвященных Сталину) стремятся доказать, что он изначально, с самого своего рождения рос и формировался в среде, сделавшей его черствым, лишенным даже подобия каких-либо человеческих качеств и чувств.

Именно в этом контексте следует рассматривать и свидетельства, касающиеся и других качеств отца Сталина. Речь идет о его чрезмерной склонности к употреблению спиртных напитков, попросту говоря о том, что он был пьяницей. Как заключают некоторые биографы Сталина, это не могло не отразиться самым пагубным образом на его сыне не только в чисто психологическом плане, но и в сугубо медицинском — в смысле генетических последствий. Конечно, трудно, если вообще возможно, сказать что-либо по вопросу об органической взаимосвязи между склонностью отца к алкоголю и последующей политической биографией его сына. На этот счет, видимо, никакая наука пока не в состоянии дать сколько-нибудь вразумительного ответа. Однако в исследовании деяний Сталина, которыми занимаются его биографы, склонность Бесо Джугашвили к спиртным напиткам занимает несоразмерно большое, порой чуть ли не доминирующее место. Именно поэтому, как мне кажется, политическая биография Сталина не должна обходить и такие довольно щекотливые моменты, поскольку на их

⁴⁹ Д. Ранкур-Лаферриер. Психика Сталина. С. 77.

основе делаются весьма сомнительные по своей обоснованности и добросовестности выводы.

В этом отношении Л. Троцкий, основываясь на свидетельствах И.Иремашвили, особый акцент делает на том, что отец Сталина был человеком сурового нрава и притом жестокий пьяница. Большую часть своего скудного заработка он пропивал.⁵⁰ Другой биограф Сталина Р.Такер пишет: «Достоверно известно, что Бесо был суровым, вспыльчивым человеком и большим любителем выпить».⁵¹ И.Грей, английский биограф Сталина, написавший несколько книг по русской истории, некоторое время работавший в британской разведке, основываясь на источниках того же круга, что и другие, также особый акцент делает на склонности отца Сталина к выпивке. Он отмечает: «Говорят, что он был пьяницей. Грузины пользуются репутацией сильно выпивающих людей. В Грузии и России выражение “пьян, как сапожник”, было общепринятым выражением».⁵² Д. Волкогонов пишет, что отец Сталина «...сильно пил. Матери и Сосо часто выпадали жестокие побои. Пьяный отец, прежде чем уснуть, норовил дать затрещину своенравному мальчишке, явно не любившему отца», — заключает Волкогонов, основываясь на свидетельствах И. Иремашвили, и делает это с такой потрясающей уверенностью, как будто он был самоличным свидетелем всего происходившего.⁵³

Вообще надо сказать, что И.Иремашвили стал главным, иногда даже единственным источником сведений о ранних годах жизни Сталина и его родителей, которые биографы Сталина принимают во внимание.⁵⁴ Публикации, в том числе и те, которые касаются именно этого периода в жизни Сталина, в частности, документальная подборка воспоминаний и документов, появившаяся накануне 60-летия Сталина в журнале “Молодая гвардия”, обычно в расчет не принимаются, поскольку рассматриваются в качестве апологетических, а потому и мало достоверных. С этим в определенной мере можно согласиться, хотя для выяснения истины мало иметь только один источник и рассматривать его в качестве вполне достоверного. Впрочем, о склонности отца Сталина к пьянству свидетельствует не только И. Иремашвили, но и другие источники, в достоверности которых нет оснований сомневаться. Этот момент в генеалогии Сталина можно считать установленным с необходимой долей достоверности.

187

⁵⁰ Л.Троцкий. Сталин. Т.1. С. 26.

⁵¹ Роберт Такер. Сталин. Т. 1. С.76.

⁵² Ian Grey. Stalin. p.10.

⁵³ Дмитрий Волкогонов. Сталин. Книга 1. С. 37.

⁵⁴ Примечание: Многие авторы, исследующие биографию Сталина, в особенности ранний период его жизни и деятельности, высказывают вполне резонные критические замечания в отношении воспоминаний И.Иремашвили. Делает это и Троцкий, который базируется прежде всего на том, что, мол, грузинские меньшевики-эмигранты, не в состоянии быть вполне объективными. Американский историк Р.Макнил также подвергает довольно серьезному критическому сомнению воспоминания И.Иремашвили, отмечая ряд фактических несоответствий и противоречий в его книге. Один из пороков этих воспоминаний он усматривает в том, что их автор явно преувеличивает свою близость к Сталину в период их знакомства. (Robert H. McNeal. Stalin. Man and Ruler. L. 1988.p.336)

Именно этому следует Р.Такер, который в своей биографии Сталина пишет: «Привязанность, которую Сосо Джугашвили испытывал к своей матери, резко отличалась от его чувств по отношению к отцу. Иремашвили рассказывает о жестоких побоях, которыми награждал ребенка пьяный Виссарион, о постепенно возраставшей антипатии Сосо к отцу. Живя под постоянной угрозой вспыльчивого Виссариона и наблюдая с возмущением, как матери приходилось ночами работать на швейной машине, так как Виссарион пропивал почти все свое небольшое жалованье, Сосо начал ненавидеть этого человека и по возможности избегать его. В характере Сосо появилась мстительность, свойственная ему и в дальнейшей жизни; он стал бунтарем против отеческой власти в любом проявлении».⁵⁵

Многие биографы Сталина охотно цитируют далеко идущий вывод И.Иремашвили: «Незаслуженные страшные побои сделали мальчика столь же суровым и бессердечным, каким был его отец. Поскольку люди, наделенные властью над другими благодаря своей силе и старшинству, представлялись ему похожими на отца, в нем скоро развилось чувство мстительности ко всем, кто мог иметь какую-либо власть над ним. С юности осуществление мстительных замыслов стало для него целью, которой подчинялись все его усилия».⁵⁶

Задумываясь над всеми приведенными выше высказываниями, можно сделать вполне определенно лишь один достоверный вывод: данные свидетельства имеют под собой одни и те же источники, прежде всего свидетельства друга молодого Иосифа времен детства и учебы в духовной академии в Тифлисе — И. Иремашвили. Каких-либо оснований с порога отвергать эти свидетельства нет достаточных причин, равно как нет причин безоговорочно принимать их на веру.

Вообще в биографической литературе, касающейся деятелей более или менее крупного исторического масштаба, как-то стихийно установилась своеобразная традиция. Ее суть состоит в том, что разные авторы так или иначе становятся в известном смысле своего рода заложниками взглядов и концепций, которые выдвигались и обосновывались их предшественниками. Здесь превалирует не какое-то заведомое стремление следовать заранее сформировавшейся точке зрения, а определенная дань сделанному ранее, своего рода признание того, что было сделано другими, и как бы подтверждение того, что автор ценит их вклад в исследование проблемы и в определенной мере считается с их мнением. В этом смысле изыскания биографов Сталина ничем не отличаются от себе подобных: каждый новый биограф так или иначе опирается на то, что было сделано до него. Важно при этом, чтобы соблюдалась верность не той или иной исторической версии, а верность исторической правде, чтобы заблуждения или ошибки, однобокости и всякого рода пристрастия предшественников не служили каким-либо препятствием в стремлении установить подлинную картину того, что было на самом деле.

Применительно к биографии Сталина это имеет особое значение, поскольку дело не только в том, что вокруг него создано огромное количество мифов и весьма обширен круг лиц, которые слишком идеологически ангажированы, чтобы быть объективными исследователями. В вопросе о Сталине буквально всякие мелочи и

⁵⁵ Роберт Такер. Сталин. Т. 1. С. 78.

⁵⁶ Iremaschwili Y. Stalin und die Tragödie Georgiens. S. 11-12.

детали обретают зловещий и порой весьма трудно объяснимый политический смысл. Но это только на первый взгляд, поскольку даже за самыми мелкими деталями скрываются “политические уши” тех, кто стремится все представить в том или ином идеологическом ключе, который заранее и преднамеренно выбран. За свою жизнь Сталин совершил бесчисленное количество таких дел, которые с полным основанием могут быть отнесены к разряду преступлений. Это, однако, не дает оснований быть пристрастным в освещении различных этапов его жизни, и в частности, периода его юности, условий формирования его характера, того влияния, которое оказали на него родители.

Примем в качестве бесспорного тот факт, что отец Сталина был пьяницей. Однако этот факт, по существу, еще ничего не говорит предосудительного о самом Сталине. Да и сам Сталин, если считать достоверными сведения, которые приводит Н. С. Хрущев в своих воспоминаниях, рассказывал, что его отец сильно пил. «Так пил, что порою пояс пропивал. А для грузина пропить пояс — это самое последнее дело. “Он, — рассказывает Сталин, — когда я еще в люльке лежал маленьким, бывало, подходил, обмакивал палец в стакан вина и давал мне пососать. Приучал меня, когда я еще в люльке лежал”»,⁵⁷ — передает слова Сталина Хрущев. Трудно предположить, что такие откровения являются плодом фантазии Хрущева, хотя не менее трудно допустить, что грудной ребенок мог запомнить такого рода факты (хотя возможно, что самому Иосифу рассказывала об этом его мать).

Если принять в качестве достоверных те негативные сведения, которые различные авторы приводят в отношении отца Сталина, то не вызывает какого-либо удивления, что фигуре Виссариона Джугашвили в материалах о ранних годах жизни самого Сталина уделяется весьма своеобразное внимание. По этому поводу Л. Троцкий выражал свое недоумение: «То обстоятельство, что авторы воспоминаний заслоняют фигуру отца фигурой матери, не может быть истолковано иначе, как стремлением уклониться от характеристики Виссариона Джугашвили».⁵⁸

Но мне не видится данное обстоятельство каким-то из ряда вон выходящим. Отец Сталина умер, когда сыну, по словам его матери, было всего 11 лет.⁵⁹ По свидетельству С. Аллилуевой, отец Сталина погиб в пьяной драке — кто-то ударил его ножом.⁶⁰ Р. Конквест в своей биографии Сталина также касается этого вопроса. Он отмечает, что имеются различные даты его смерти, в частности, одна из них относится к 1909 году. Виссарион Джугашвили якобы был убит в пьяной драке в Тифлисе.⁶¹

Профессор истории Массачусетского университета Р. Макнил, автор ряда солидных изданий по советской истории, в том числе и биографии Сталина, ссылаясь на сведения, полученные им от грузинского профессора И. Табагуа из института истории АН Грузии, который, мол, имел доступ к архивным материалам, придерживается точки зрения, что отец Сталина умер в 1909 году.⁶² Дополнительно можно также сослаться на такое обстоятельство: в ряде документов, содержащих сведения о Сталине

⁵⁷ Н. С. Хрущев. *Время. Люди. Власть. Воспоминания*. М. 1999. Т. 2. С. 118.

⁵⁸ Лев Троцкий. *Сталин*. Т. 1. С. 26.

⁵⁹ Там же. С. 27.

⁶⁰ Светлана Аллилуева. *Двадцать писем к другу*. М. 1990. С. 121.

⁶¹ Robert Conquest. *Stalin*. p. 12.

⁶² Robert H. McNeal. *Stalin. Man and Ruler*. p. 336.

из архивов царской охранки, которые хранятся в специальном фонде Гуверовского института (США), также имеются ссылки на то, что отец Сталина был жив в 1909 году: «Виссарион Иванович ведет жизнь бродяги» (Документ датирован 19 августа 1909 г.).⁶³

Выше мы уже ссылались на вполне достоверные сведения относительно смерти отца Сталина, приведенные в книге А. Островского. Здесь же невольно хочется подчеркнуть другое: разные авторы совершенно по-разному излагают дату и обстоятельства его смерти, в том числе и дочь Сталина С. Аллилуева. Все это дает основание еще раз отметить зыбкость и противоречивость свидетельств, на которых базируются некоторые выводы, касающиеся как детства самого Иосифа, так и жизни его родителей. По крайней мере, к этим свидетельствам необходимо относиться критически и не брать легко на веру то, что кажется наиболее приемлемым для подтверждения выводов, к которым порой стремятся подвести читателя некоторые биографы Сталина.

Ранняя, как считалось прежде, смерть отца, естественно, объясняет то, что в его жизни отец не мог уже в силу этого факта занимать такое же место, как мать, не говоря уже о других причинах, таких, как склонность отца к пьянству, на почве чего между ним и отцом возникали конфликты, что не могло не влиять на отношение сына к отцу. Вообще говоря, биографы Сталина единодушны в признании того, что его отец бил сына. Для такого вывода имеются довольно убедительные свидетельства, и в их достоверности нет причин сомневаться. Вместе с тем (на это обстоятельство справедливо указал Р.Конквест), подобное отношение к своим детям в крестьянской и полукрестьянской среде не было таким уникальным явлением. Во всем мире мы встречали и до сих пор порой встречаем такого рода явления. В прошлом же веке к подобным вещам относились не так, как мы воспринимаем их сейчас.⁶⁴

Другим возможным источником отчуждения могло явиться то, что Виссарион Джугашвили хотел, чтобы его сын пошел по его стопам и стал сапожником. Мать Сталина Екатерина Джугашвили в 1930 году, отвечая на вопросы журналистов, говорила: «Сосо всегда был хорошим мальчиком... Мне никогда не приходилось наказывать его. Он усердно учился, всегда читал или беседовал, пытаюсь понять всякую вещь... Сосо был моим единственным сыном. Конечно, я дорожила им... Его отец Виссарион хотел сделать из Сосо хорошего сапожника... Я не хотела, чтобы он был сапожником. Я хотела одного, чтоб он стал священником».⁶⁵

Даже приведенные выше обстоятельства вполне могут объяснить довольно сдержанное, если не сказать большего, отношение Сталина к своему отцу. И нет ничего удивительного в том, что в период своего могущества Сталин старался не привлекать внимания к персоне своего отца, что, естественно, отражалось и на всей официальной историографии.

И, наконец, стоит затронуть еще один момент, связанный с его отцом. Речь идет о том, что якобы Сталин, вопреки фактам, пытался представить дело так, что его отец был рабочим, а не ремесленником. В тот период, когда он утверждался у власти, вопросы социального происхождения играли, скажем так, не последнюю роль в борьбе за завоевание популярности среди партийных масс. Особый акцент на данном

⁶³ Цит. по *Edward Ellis Smith. The young Stalin.* p. 9.

⁶⁴ *Robert Conquest. Stalin.* p. 10.

⁶⁵ Цит. по *Лев Троцкий. Сталин.* Т.1. С. 27.

обстоятельстве делал Троцкий, который в своей книге о Сталине скрупулезно прослеживает все нюансы того, как преподносился вопрос о социальном происхождении Сталина. Он пишет, что в ранних биографических справках о Сталине неизменно говорилось о нем как о сыне крестьянина из деревни Диди-Лило. Сам Сталин впервые в 1926 году назвал себя сыном рабочего. «Умышленная неясность в этом пункте, — заключает Троцкий, — продиктована несомненно стремлением не ослаблять впечатление от “пролетарской” родословной Сталина».⁶⁶

В данном случае серьезно оспорить утверждение Троцкого трудно, хотя вызывает, по меньшей мере, недоумение та настойчивость, с которой он неоднократно затрагивает этот вопрос в биографии Сталина, равно как и в ряде других своих публикаций, посвященных Сталину. Стоило ему самому вспомнить о своем социальном происхождении, чтобы деликатно не касаться этого, в общем-то, по реальным понятиям, второстепенного вопроса.

Справедливости ради, надо отметить, что в ранних публикациях биографических справок, посвященных Сталину, вопрос о социальном положении его отца освещался не столь однозначно, как пытается доказать Троцкий. Так, в специально изданном в связи с 10-й годовщиной Октябрьской революции томе «Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции», в котором были помещены автобиографии и биографии наиболее видных и активных деятелей революции, в статье о Сталине говорится следующее «Сталин (*Джугашвили*) Иосиф Виссарионович, род. в 1879 г. в гор. Гори Тифлисской губ. По национальности грузин, сын сапожника, рабочего обувной фабрики Адельханова в Тифлисе, по прописке — крестьянина Тифлисской губ. и уезда, села Диди-Лило».⁶⁷

Как видим, здесь проводится определенное различие между реальным социальным положением отца Сталина, который работал на фабрике и уже в силу этого факта не мог быть отнесен к сословию крестьян, и его официальным социальным статусом, зафиксированным в соответствии с тогдашними правилами по прописке.

Американский автор Б.Вольф, который был лично знаком со Сталиным и другими видными деятелями российского революционного движения и Советской власти, в своей книге «Трое, которые сделали революцию», впервые вышедшей в 1948 г., писал, что разночтение в вопросе о “социальном происхождении” Сталина объясняется тем, что в период обострения борьбы за власть после смерти Ленина социальное “происхождение” считали чуть ли не главным фактором, обуславливающим социальную психологию и даже предрасположенность к “уклонам”. Именно это обстоятельство, по его мнению, и стало причиной того, что Сталин, который в начале 20-х годов писал в анкетах о своем крестьянском происхождении, позднее стал “сыном фабричного рабочего”. Позднее обе эти версии были объединены. «В действительности, — пишет Б. Вольф, — обе они правильны. Виссарион был потомственным крестьянином, но, подобно многим представителям своего класса, он принадлежал к категории крестьян-ремесленников. На протяжении поколений его семья занималась сапожным ремеслом... В последние годы своей жизни старший Джугашвили нанялся

⁶⁶ Там же. С. 24.

⁶⁷ Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции. Автобиографии и биографии. Репринтное воспроизведение. М. 1989. часть III. С. 107.

на кожевенную фабрику Адельханова, став таким образом “пролетарием”, но не прекратил числиться в официальных записях о социальном положении в качестве крестьянина».⁶⁸

Сам предмет чуть ли не искусственной дискуссии о социальном положении Виссариона Джугашвили мне представляется малозначительным, ибо, безотносительно к тому, кем мы будем считать его — рабочим или ремесленником, а то и крестьянином, — общая картина не меняется. Совершенно очевидно, что он находился на одной из низших ступеней социальной лестницы общества того времени. И говорить о каком-то четком осознанном и ясно выраженном классовом сознании Виссариона Джугашвили, тем более не приходится, учитывая реальную ситуацию, уровень его образования и т.д.

Бесспорно другое: социальное происхождение самого Сталина в значительной, если не в решающей степени, предопределило его дальнейший путь, как бы очертило магистральные вехи его жизненного движения, создало предпосылки формирования его характера и отношения к окружающей действительности. Социальная среда явилась тем фундаментом, на базе которого постепенно выработалось его критическое отношение к основополагающим устоям российского общества того времени. И в этом, а не в чем-то ином, можно усматривать определенное значение вопроса о социальном статусе его родителей.

Коснулся данного сюжета в своих воспоминаниях и Н. С. Хрущев. Он рассказывал: «Об отце его не знаю, как сейчас в биографии Сталина написано. Но в ранние годы моей деятельности ходил слух, что отец его — вовсе не рабочий. Тогда придирались, кто какого происхождения. Если обнаруживалось нерабочее происхождение, то считали человеком второго сорта. И это было понятно. Самый революционный и самый стойкий — рабочий класс. Он выносил всю тяжесть борьбы на своих плечах и поэтому к другим классам и прослойкам общества, не пролетарским, имел придирическое, не настороженное, а именно придирическое отношение. К таковым относились с большим недоверием.

Итак, говорили, что у Сталина отец был не просто сапожник, а имел сапожную мастерскую, в которой работало 10 или больше человек. По тому времени это считалось предприятием. Если бы это был кто-либо другой, а не Сталин, то его бы на партбилетах мурыжили бы так, что кости трещали.* А тут находились объяснения обтекаемого

⁶⁸ *Bertram D. Wolf*. Three who made a revolution. N.Y. 1964. p.411.

* О том, что вопросы социального происхождения играли немалую роль в тогдашней политической жизни, свидетельствуют некоторые любопытные анекдоты того времени, взятые из дневника одного из профсоюзных деятелей тех лет Б.Кобзева.

«Поступило от Энгельса заявление в ЦКК о том, что он отказывается от своих убеждений, изложенных в Коммунистическом Манифесте о невозможности построения социализма в одной стране (в связи с докладом Сталина на 15 съезде). Кроме того, Ленин подал такое же заявление о том, что он отказывается от всех своих статей и докладов по национальному вопросу в связи с признанием Сталина — единственным теоретиком по национальному вопросу.

Заключение ЦКК о бывшем фабриканте Ф. Энгельсе. Принимая во внимание, что 80 лет достаточный период для того, чтобы подать такое заявление — считать это фракционным маневром и оставить заявление без внимания.

Что касается бывшего дворянина Ленина, то, принимая во внимание некоторые его заслуги перед пролетарской революцией, ограничиться тем, что поставить этому Ленину на вид за его колебания в национальном вопросе.» ("Исторический архив", 1997. №1. С. 135.)

характера. И все-таки люди об этом говорили. Я этот факт здесь просто припоминаю. Он не служит поводом для каких-нибудь особенных выводов, ибо не имеет никакого значения. Я просто рассказываю, как тогда относились к такого рода вопросам». ⁶⁹

Тот факт, что Виссарион Джугашвили в какое-то довольно короткое время имел собственную сапожную мастерскую в г. Гори, не представляло особой тайны, как полагает Хрущев. И сам факт был предметом не только "разговоров", но и вполне официально был зафиксирован в воспоминаниях о Сталине, опубликованных в печати. Об этом же, не называя своего отца по имени, писал и сам Сталин в цитированной выше работе "Анархизм или социализм". По воспоминаниям А.М.Цихитатришвили, когда предприниматель по фамилии Баграмов открыл в Гори сапожную мастерскую, он выписал из Тифлиса лучших мастеров, в том числе и Бесо Джугашвили. Бесо скоро стал известным мастером. Большое количество заказов дало ему смелость открыть собственную мастерскую. ⁷⁰

Но свидетельство Хрущева примечательно тем, что оно, по существу, как бы иллюстрирует мысль Б.Вольфа о чисто "прикладном" значении вопроса о социальном происхождении Сталина в период ожесточенной схватки за место лидера партии после смерти Ленина. Именно в этом, и только в этом историческом контексте, данный вопрос и представлял определенный интерес. Что же касается его значения при рассмотрении исторической роли Сталина, путей формирования его убеждений и характера, то, на мой взгляд, это не имеет принципиального значения. Будь его отец рабочим, в тогдашних конкретных условиях России, и Грузии в особенности, это едва ли что меняло в своих главных параметрах: рабочие, т.е. вчерашние крестьяне, не столь уж коренным образом отличались от крестьян. Примитивный взгляд о доминирующем значении социального происхождения на формирование крупных деятелей исторического масштаба во многих случаях решительно опровергается фактами. Сама же история российского революционного движения дает тому массу доказательств. Дворянское происхождение Ленина отнюдь не стало помехой тому, чтобы он стал революционером. Вообще жизненный путь человека, особенно если он оставляет заметный след в истории, нельзя прямолинейно связывать с его социальным происхождением, ибо оно — лишь одна из составляющих в сложном и многообразном комплексе взаимодействующих факторов, в конечном счете предопределяющих общую картину его жизни.

В целом, подводя некоторый итог рассмотрению вопроса о родителях Сталина, можно с полным основанием сказать, что они бесспорно оказали на него, как и любые родители, определенное влияние. Как явствует из свидетельств современников, а также людей, близких к нему (жена Н. С. Аллилуева, дочь Светлана), он особенно был привязан к матери, испытывая по отношению к ней глубокие чувства.

Светлана Аллилуева писала в своей первой книге «Двадцать писем к другу»: «Еще любил он и уважал свою мать. Он говорил, что она была умной женщиной. Он имел в виду ее душевные качества, а не образование, — она едва умела нацарапать свое имя. Он рассказывал иногда, как она колотила его, когда он был маленьким, как колотила и его отца, любившего выпить. Характер у нее был, очевидно, строгий и решительный, и это восхищало отца. Она рано овдовела и стала еще суровее. У нее

⁶⁹ Н.С.Хрущев. *Время. Люди. Власть. Воспоминания*. Т. 2. С. 118.

⁷⁰ *Детство и юность вождя*. С. 25.

было много детей, но все умерли в раннем детстве, — только отец мой выжил. Она была очень набожна и мечтала о том, чтобы ее сын стал священником. Она осталась религиозной до последних своих дней и, когда отец навестил ее, незадолго до ее смерти, сказала ему: «А жаль, что ты так и не стал священником»... Он повторял эти ее слова с восхищением; ему нравилось ее пренебрежение к тому, чего он достиг — к земной славе, к суете...»⁷¹

Именно мать передала ему некоторые черты своего характера — твердость, чувство собственного достоинства, жизненную стойкость. Опубликованные некоторое время назад письма Сталина и его жены к матери — Е. Г. Джугашвили — позволяют в определенной степени судить об отношении самого Сталина к своей матери. Однако такого рода эпистолярные свидетельства не всегда могут в должной мере отражать подлинную картину их взаимных отношений. Сталин в этих письмах предстает довольно черствым, до удивления лаконичным человеком. Постоянные ссылки на занятость мало что могут объяснить. Писем самой матери нет, хотя косвенно мы можем судить о том, что она постоянно помнила о сыне, беспокоилась о его здоровье. В этом контексте примечательно одно свидетельство, принадлежащее В. Швейцер, жене известного революционера С. Спандаряна, которая вместе с мужем находилась в туруханской ссылке и многократно встречалась там со Сталиным. Вот соответствующее место из ее воспоминаний:

«В холодной, снежной Туруханке каждое письмо, особенно личное, приобретало необычайное значение; оно придавало какой-то особый колорит жизни не только того, кто получал его, но и всей колонии ссыльных. Как-то раз Сталин получил письмо от своей матери из солнечного Кавказа. «Роза души моей!» писала она. Старушка обожала своего единственного сына. Нежно любил Сталин свою мать. Ласковые слова проникли и в нашу холодную комнатку, запахло цветами... Стало радостно на душе. Сталин засиял от радости и раскатисто засмеялся, повторяя: «Роза души моей!». «Только у нас в Грузии могут так образно выражать свою ласку», — сказал он.

В юношеском возрасте Сталин писал стихи, и когда он их читал, мать от умиления плакала. «Простая женщина моя мать, но с поэтической натурой», рассказывал нам про нее Сталин».⁷²

Вообще о взаимоотношениях Сталина со матерью известно немного. Поэтому приведенный выше эпизод примечателен и в том отношении, что он хотя бы косвенно свидетельствует о том, что между сыном и матерью поддерживалась более или менее регулярная переписка даже во время пребывания Сталина в ссылке. Естественно, рассчитывать, что такого рода переписка каким-то образом сохранилась, учитывая реальные обстоятельства, не приходится. В данном случае нас интересует прежде всего характер их взаимоотношений, особенно в свете распространенных утверждений о якобы черствости и бездушии, которые, мол, проявлял Сталин ко всем без исключения, включая и свою мать.

На первый взгляд может показаться, что такие детали имеют лишь косвенное касательство к политической биографии Сталина. Однако это далеко не так. Выше я уже специально останавливался на вопросе, который условно назовем «генетической предрасположенностью» к действиям жестокого, порой преступного характера,

⁷¹ Светлана Аллилуева. Двадцать писем к другу. С. 121.

⁷² В. Швейцер. Сталин в Туруханской ссылке. М. 1943. С. 42.

базируясь на которой многие биографы Сталина строят свои далеко идущие политические и даже своего рода философские выводы, касающиеся Сталина. Здесь же хотелось подчеркнуть одно: Сталин испытывал к своей матери вполне обычные сыновние чувства, присущие каждому нормальному человеку. И эти чувства он сохранил на протяжении всей своей жизни, чему имеется достаточно надежные подтверждения, принадлежащие его дочери, которая часто дает своему отцу весьма нелестные характеристики.

Что же касается самой Екатерины Георгиевны Джугашвили, то она горячо любила своего единственного сына. К тому же, и это следует подчеркнуть особо, она, по всей видимости, не испытывала чувства ликования в связи с тем, что ее сын стал во главе страны, как царь, а не пошел по другому пути — пути служения богу.

Такое заключение правомерно сделать на основании той скупой информации, которая имеется в распоряжении биографов Сталина. Последний раз он встретился с матерью в октябре 1935 года. Екатерину Джугашвили предупредили о приезде к ней сына всего за час до появления Сталина, который решил вернуться в Москву после проведенного в Гаграх отпуска через Тифлис.

Сталин приехал с охраной. Екатерина Георгиевна знала, что ее сын теперь очень большой «начальник» в Москве, но плохо представляла его реальную власть и влияние. Поэтому она спросила:

— Иосиф, кто же ты теперь будешь?

— Секретарь Центрального Комитета ВКП(б), — ответил Сталин.

Но мать Сталина, которую окружавшие люди звали «Кеке», плохо понимала, что такое «Секретарь ЦК». Сталин поэтому пояснял:

— Вы, мама, помните нашего царя?

— А как же, помню.

— Ну, вот, я вроде бы царь.⁷³

Дочь Сталина так писала о Е. Г. Джугашвили: «У бабушки были свои принципы, — принципы религиозного человека, прожившего строгую, тяжелую, честную и достойную жизнь. Ее твердость, упрямство, ее строгость к себе, ее пуританская мораль, ее суровый мужественный характер, — все это перешло к отцу».⁷⁴

Практически все имеющиеся источники единодушно отмечают, что мать Сталина вела исключительно скромный, поистине пуританский, образ жизни. Она не согласилась жить вместе с сыном в Москве, хотя сам Сталин и его жена настаивали на этом. Побывав в гостях у сына в начале 20-х годов, она возвратилась в Тифлис, где и прожила всю оставшуюся жизнь. В начале 30-х годов ее здоровье начало ухудшаться.⁷⁵ В конце мая 1937 года она заболела воспалением легких и уже не смогла больше оправиться от болезни. Вскоре в газетах Грузии было опубликовано сообщение о том, что «4 июня в 23 часа 5 минут у себя на квартире после тяжелой болезни (воспаление легких) при явлениях паралича сердца скончалась мать товарища Сталина Екатерина Георгиевна Джугашвили». Три дня продолжалась траурная церемония прощания с покойной. 8 июня состоялись похороны. Вот их описание, взятое из брошюры

⁷³ Цит. по «Независимая газета» 13 августа 1992г.

⁷⁴ Светлана Аллилуева. Двадцать писем к другу. С. 154.

⁷⁵ Иосиф Сталин в объятиях семьи. С. 15.

Р. Медведева: "8 июня в 4 часа дня состоялась краткая гражданская панихида по умершей и опять без каких-либо религиозных обрядов. В 5 часов 15 минут Л. Берия, Г. Мгалоблишвили, Ф. Махарадзе, В. Бакрадзе, Г. Мусабеков и С. Гоглидзе (тогдашние руководящие деятели Грузии – *Н.К.*) подняли гроб и вынесли его из Дома Красной Армии. Как писала газета "Заря Востока", «траурная процессия медленно движется по улицам и направляется к Давидовой горе. Многочисленная толпа трудящихся Тбилиси следует за гробом. По высоким нагорным улицам города под звуки траурного марша процессия приближается к зданию Мтацминского музея писателей, недалеко от которого вырыта свежая могила. Минуты последнего молчания». С короткими речами выступили представители грузинского правительства, а также руководств Азербайджана и Армении, народный артист СССР Акакий Хорава, представители трудовых коллективов города.

В 6 часов 50 минут вечера гроб с телом Екатерины Джугашвили опустился в могилу.

Так недалеко от могил И. Чавчавадзе и А. Грибоедова нашла свой вечный покой мать Сталина, простая крестьянка, швея и прачка, которая мечтала, чтобы ее сын стал священником..."⁷⁶

В литературе о Сталине многие особый акцент делают на том факте, что он не поехал на похорону своей матери в июне 1937 г. Он послал лишь собственноручную записку на русском и грузинском языках для надписи на ленте к венку: "Дорогой и любимой матери от сына Иосифа Джугашвили (от Сталина)".⁷⁷ По грузинским, да и иным обычаям, такое его поведение не может не вызывать удивления, если не сказать большего. Однако из данного факта отнюдь не следует безапелляционный вывод, будто он не испытывал к своей матери теплых чувств. Трудно судить о причинах, по которым он не принял участия в похоронах матери. Об этом можно только гадать.

Мне кажется, что существует довольно логичное объяснение того факта, что Сталин не принял участия в похоронах своей матери. Это объяснение надо искать в реальной обстановке тех дней, когда проходили подготовка и сами похороны. Именно эти дни в Москве разворачивались исключительно драматические события, связанные с подготовкой и проведением процесса против Тухачевского и других видных военачальников Красной армии. У меня нет никаких объективных доказательств, но именно данное обстоятельство, по-моему, стало действительной причиной отсутствия Сталина на похоронах. Как видно из имеющихся документальных данных, Сталин в этот период принимал активное участие в подготовке и проведении самого процесса, был его главным режиссером. Так, в журнале посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина зафиксировано, что именно в эти дни – 5, 7 и 8 июня – он принимал своих ближайших соратников, среди которых неизменно фигурировал и нарком внутренних дел Н. И. Ежов. Более чем очевидно, что разговоры велись по вопросам проведения следствия и проведения процесса над военными.⁷⁸ Видимо, ситуация казалась ему настолько серьезной и даже чреватой любыми неожиданностями, что он не рискнул покинуть Москву даже на несколько дней. Его личное присутствие в Москве

00 1 ымыдз мтлов дара нажо а еаоно ба гхджофс

⁷⁶ Рой Медведев. Семья тирана. Н. Новгород. 1993. С. 24.

⁷⁷ Иосиф Сталин в объятиях семьи. С. 20.

⁷⁸ "Исторический архив". 1995г. №4. С. 55.

представлялось ему абсолютно необходимым, чтобы в полной мере держать развитие событий под своим личным контролем. Впоследствии появилась версия, согласно которой Тухачевский вместе с другими противниками Сталина из армии и органов безопасности (в частности, управления охраны правительства) готовили военный переворот. Планировалось устранить как самого Сталина, так и его ближайших соратников. В дальнейшем, в соответствующих главах, я более детально остановлюсь на этом сюжете. Здесь же мне хотелось лишь найти более или менее логичное объяснение причин отсутствия сына на похоронах своей матери.

И хотя данное предположение является всего лишь предположением, думается, что оно близко к истине. Других более или менее правдоподобных объяснений я не нахожу. Обычай и кавказский менталитет, конечно, диктовали Сталину, чтобы он проводил свою мать в последний путь. Тем более, что он отдавал себе отчет в том, что его отсутствие на похоронах нанесет ему серьезный моральный ущерб в глазах многих и предоставит дополнительные аргументы в руки его критиков, особенно в Грузии. Эти соображения нельзя считать малозначимыми, а он, как мы увидим из истории его жизни, придавал серьезное значение фактам и гораздо менее важным. Так что остается предположить, что сугубо политические соображения, связанные с тогдашней ситуацией в Москве, и явились причиной его отсутствия на похоронах матери.

Но очевидно и другое: какие бы мотивы ни лежали в основе его поступка, с чисто человеческой точки зрения, с позиций моральных принципов, такую линию поведения оправдать невозможно. Понять, найти объяснение — можно. Но оправдать нельзя.

В дальнейшем этот эпизод в жизни Сталина послужил для его критиков одним из аргументов, с помощью которого они делали далеко идущие выводы общего плана. Речь идет о том, что, отталкиваясь от него, приводя этот аргумент в качестве одного из многих других подобного рода, они доказывали, что Сталин был черствым и бездушным человеком, которому оказались чужды даже такие святыне чувства, как сыновья любовь и уважение к собственной матери. И если он так относился к матери, то нечего удивляться его безжалостному и порой садистскому отношению к другим людям — такова прямолинейная логика его критиков. С ней, конечно, трудно спорить. Но и считать ее достаточно убедительной и бесспорной тоже нельзя. За такого рода аргументацией явственно проглядывают сугубо политические цели — дискредитация Сталина по всем параметрам, “по всем азимутам”, в том числе и в чисто семейном, в чисто человеческом плане.

Из опубликованных писем Сталина матери видно, что он постоянно и внимательно следит за ее здоровьем, дает ей довольно “бодрые” советы: «Знаю, что тебе нездоровится ... Не следует бояться болезни, крепись, все проходит».⁷⁹ В марте 1937 года, за несколько месяцев до ее кончины, Сталин пишет матери: «Передают, что ты здорова и бодра. Правда это? Если это правда, то я бесконечно рад этому. Наш род, видимо, крепкий род».⁸⁰ А буквально за несколько недель до ее смерти он посылает ей лекарства и, видимо, зная, что она не так уж часто пользовалась ими, советует: «Лекарства сперва покажи врачу, а потом прими их, потому что дозировку лекарства

⁷⁹ Иосиф Сталин в объятиях семьи. С. 18.

⁸⁰ Там же. С. 18-19.

должен определять врач. Живи тысячу лет, мама — моя!»⁸¹ Через несколько недель ее не стало.

Вообще в письмах Сталина матери почти не встречаются какие-либо жалобы и сетования. Лишь однажды он признался: «После кончины Нади, конечно, тяжела моя личная жизнь. Но, ничего, мужественный человек должен остаться всегда мужественным». «Я свою долю выдержу».⁸²

Конечно, его письма не отличаются особой эмоциональностью, в них нет всякого рода сыновних признаний и выражений чувств. Они сухи и даже черствы. Но, видимо, отношения сына и матери носили не внешний, а глубоко внутренний характер и не нуждались в каких-либо словесных излияниях. И вообще сами эти письма свидетельствуют о том, что Сталин даже в сугубо личных вопросах был человеком чрезвычайно сдержанным, если не сказать суровым.

Это, однако, не дает каких-либо серьезных оснований делать вывод о том, что он был плохим сыном. И тем более на базе такого рода спекуляций нельзя строить всякого рода умозаключения о его нравственных, морально-этических и, разумеется, политических принципах.

В этом контексте представляются справедливыми и проливающими свет на истинное отношение Сталина к своей матери рассуждения, высказанные дочерью Сталина Светланой. Она писала в своей книге «Только один год»: "Область чисто человеческих чувств и взаимоотношений была для него всегда крайне ограничена. Он целиком принадлежал политическим эмоциям и интересам, они пронизывали его натуру насквозь, оставляя слишком мало места для всего остального, чем живет человек. Все теплое, любящее, что он мог знать и помнить с детства, персонифицировалось для него в его матери, которую он по-своему любил и уважал всю жизнь. Но он был так далек от нее, духовно и физически; он не умел и не знал, как сделать эти чувства реальными для неё, и они попросту не доходили до нее, теряясь в далеких расстояниях. Когда-то она на своих плечах вывела его на дорогу, дав все возможное в тех условиях, собирая гроши на его обучение. Она стирала для других — иных навыков и знаний у нее не было. Я не думаю, чтобы когда-нибудь позже он в какой-то степени воздал должное ее усилиям и заботам о нем.... Все, к кому он был когда-либо сердечно привязан и испытывал теплые чувства, были связаны в его сознании с матерью".⁸³

В дальнейшем еще не раз представится возможность коснуться довольно существенного при исследовании биографии Сталина, как и любой другой крупной исторической фигуры, вопроса о том, как в нем сочетались сугубо личные начала и интересы и общественно-политические мотивы, какова диалектика соотношения этих факторов. В данном же случае пока следует ограничиться таким общим выводом: сугубо личная мотивация явно играла подчиненную роль. Правда, данный вывод требует более основательной аргументации, чем только ссылки на свидетельства его дочери. В дальнейшем мы попытаемся на примере конкретных случаев более детально обосновать правомерность такого заключения.

⁸¹ Там же. С. 19.

⁸² Там же. С. 17.

⁸³ Светлана Аллилуева. Только один год. С. 317-318.

Я намеренно затронул вопрос о родителях Сталина и его отношении к ним, чтобы специально подчеркнуть одну простую мысль: некоторые биографы Сталина, на мой взгляд, делают неоправданно большой и произвольный акцент на этой довольно туманной и мало документированной странице его жизни. Патологические, по их мнению, черты его поведения, нашедшие свое выражение и в его политике, и во всей его деятельности, органически связывают то со склонностью его отца к вину, то с его “низким” происхождением, то с якобы присущей Сталину неприязнью к собственной матери и т.п. Все это — в лучшем случае только домыслы. В худшем — клевета. Я не склонен преуменьшать или вовсе отрицать роль и значение различного рода наследственных факторов в формировании личности, в их воздействии на характер, особенности психики того или иного деятеля. Однако в данном случае, как мне кажется, должна быть мера. Хотя очевидно и то, что никто не может точно и объективно определить эту меру, когда речь идет о политических деятелях такого масштаба и такого формата, как Сталин. Во всяком случае, семейная среда, в которой он родился и начал свой жизненный путь, имела существенно важное значение и оказала на него изначально исключительно важное влияние. Но по мере того, как шло время и как изменялись условия и обстоятельства его интеллектуального и нравственного формирования, степень воздействия этих присущих каждому человеку факторов становилась все меньше. Поэтому придавать им какое-то изначально фатальное значение, предопределившее его жизненную философию и политическую психологию, совершенно неверно.

3. Детство

В биографии Сталина, как известно, таится много загадок, много темных, неясных и труднообъяснимых моментов. И удивительно то, что эта череда неясных, а то и чуть ли не мистических обстоятельств начинается с самой даты его рождения. До недавних пор общепринятой датой его рождения считалось 22 декабря 1879 года (по новому стилю), т.е. 10 декабря по старому стилю. В публиковавшихся и во времена правления Сталина материалах, имеющих касательство прежде всего к полицейским источникам, встречались и другие даты его рождения. Как уже отмечалось выше, довольно противоречивые, по крайней мере не вполне определенные сведения, сообщала о дне рождения своего сына и Е. Джугашвили. Эти сведения воспринимались как вторичные, когда речь шла о фактах, зафиксированных в полицейских документах. Последние, видимо, базировались на устных показаниях самого Сталина, который, по тем или иным соображениям, мог вводить в заблуждение органы охраны по поводу даты своего рождения. Официально же, и с каждым разом все более масштабно и широко, юбилеи в период его правления отмечались именно 22 декабря: в 1929, 1939 и 1949 годах.

Однако в начале 90-х годов стали достоянием общественности документы, ставящие под вопрос дату его рождения. В журнале “Известия ЦК КПСС” была опубликована подборка материалов, касающаяся данного вопроса. В частности, приведен документ (в фотокопии), в котором зафиксирована иная дата рождения И. В. Сталина. Это метрическая книга Гурьевской Успенской соборной церкви для записи родившихся и умерших. В первой части этой книги, предназначенной для регистрации родившихся, отмечено, что в 1878 г. 6 декабря у жителей г. Гори

православных крестьян Виссариона Ивановича и его законной жены Екатерины Гавриловны Джугашвили родился сын Иосиф. 17 декабря того же года он был крещен в этой церкви. Как и положено в таких случаях, здесь же указаны сословия и фамилии крестников и того, кто совершил «таинство крещения».⁸⁴

В документальной публикации приводятся и другие убедительные свидетельства о действительной дате рождения Сталина. Прочитируем в подробном извлечении соответствующую публикацию в журнале:

«Что это за документы? В первую очередь необходимо упомянуть свидетельство, выданное Иосифу Джугашвили в июне 1894 г. об окончании им полного курса Горького духовного училища. Этот документ ниже приводится, мы же подчеркнем лишь отмеченную здесь дату рождения его обладателя: он появился на свет “в шестой день месяца декабря тысяча восемьсот семьдесят восьмого года”

Косвенным подтверждением этих сведений служат и материалы департамента полиции. Документы этого ведомства, относящиеся к И. В. Сталину, хранятся в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС. Копии некоторых из них находятся в архиве ЦК КПСС. В свое время они собирались в папке под названием «Материалы к биографии И. В. Сталина».

Царская жандармерия, департамент полиции вели, как известно, тщательную слежку за «неблагонадежными» гражданами, составляли на них подробнейшие досье. В этих документах по поводу даты рождения имеются расхождения. К примеру, по сведениям Санкт-Петербургского губернского жандармского управления дата рождения И. В. Сталина – 6 декабря 1878 г. В документах Бакинского жандармского управления время рождения помечено 1880 г. Встречаются документы, где появление на свет «подопечного» отнесено к 1879 г., а также к 1881 г. Однако большинство документов полицейского ведомства не расходятся с записью в метрической книге Горькой Успенской соборной церкви».⁸⁵

Авторы публикации приводят и другие документальные свидетельства: «Вот документ, собственноручно заполненный И. В. Сталиным. В декабре 1920 г. он подробно ответил на вопросы анкеты шведской левой социал-демократической газеты “Folkets Dagblad Politiken” («Ежедневная Народная Политическая Газета»), издававшейся в Стокгольме. Здесь дата рождения – 1878 год. По материалам этой анкеты газета вскоре (через полтора с лишним года – для газеты это не вскоре – Н.К.) подготовила небольшую статью с изложением биографии И. В. Сталина. Она опубликована 14 августа 1922 г. (№186). Здесь же помещена фотография Генерального секретаря ЦК партии. (Газета имеется в библиотеке Академии общественных наук при ЦК КПСС).

Упомянутая анкета – единственный из обнаруженных в архиве документ, где рукой И. В. Сталина проставлена дата его рождения.

Вообще говоря, это странно, ведь ко всем партийным съездам и конференциям делегаты заполняли, как правило, анкеты. Но Сталин сам этого не делал, его анкеты оформлены регистраторами или помощниками. Иногда на них ставилось факсимиле подписи Сталина. По этим документам можно проследить, что уже в 1921 г. отчет жизни Сталина стал вестись с 1879 года.

⁸⁴ «Известия ЦК КПСС» 1990г. №11. С. 132.

⁸⁵ Там же. С. 132-134.

Любопытен и такой документ, обнаруженный в фонде Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС. Он относится к декабрю 1922 г. Помощник И. В. Сталина И. П. Товстуха направляет биографическую справку о Генеральном секретаре ЦК РКП(б) одному из руководителей Истпарта П. Н. Лепешинскому, видимо, по просьбе последнего. Год рождения И. В. Сталина в справке – 1879. Этот документ И. П. Товстуха сопровождает такой запиской: «Прилагаемые биографические сведения – лично тов. Сталиным были просмотрены и им исправлены». В архиве ЦК КПСС действительно удалось обнаружить черновик биографической справки с исправлениями И. В. Сталина. Впоследствии И. П. Товстуха написал для Энциклопедического словаря Гранат краткую биографию И. В. Сталина, где год его рождения, естественно, также «приурочен» к этой дате. С середины 20-х гг. из биографических документов И. В. Сталина окончательно исчезает 1878 г. и официальной датой его рождения утверждается 1879 г. Эта дата фигурирует во всех издававшихся в 20-е и последующие годы энциклопедиях и биографических справочниках о партийных и советских руководителях.

К сожалению, имеющиеся материалы не позволяют с достоверностью утверждать, сознательно ли И. В. Сталин изменил дату своего рождения и, если да, то с какой целью. Возможно, ответы на эти вопросы будут найдены позднее (если такие ответы вообще существуют)».⁸⁶

Как можно прокомментировать всю эту довольно странную, хотя и не столь уж редкую ситуацию, когда идут споры по поводу истинного года или дня рождения того или иного деятеля прошлого?

Во-первых, неоспоримой, на мой взгляд, является дата рождения, зафиксированная в церковной записи и подтвержденная в свидетельстве Горийского духовного училища. Все другие документальные свидетельства являются вторичными. В том числе и собственноручные записи и авторизованные записи, касающиеся даты рождения Сталина.

Во-вторых, каковы мотивы, побудившие Сталина считать 21 декабря 1879 г. своим днем рождения? При самом богатом воображении трудно найти какие-то чисто политические причины, могущие дать ответ на этот вопрос. Если в юности еще можно прибавить себе годы, чтобы тебя считали более взрослым, то в зрелом возрасте этого обычно не делают. В зрелом и пожилом возрасте людям свойственно стремление выглядеть моложе своих лет, по крайней мере, чтобы их считали более молодыми, чем они есть на самом деле. И в этом нет ничего необычного, здесь трудно искать какие-то скрытые и коварные мотивы: просто такова природа возраста.

Именно в тот период, когда Сталин перевалил за 40-летний рубеж и недавно женился на женщине, которая была моложе него более чем на 20 лет, и зафиксировано появление другой даты его рождения, т.е. он как бы стал моложе на год. Может быть, именно это сугубо психологическое обстоятельство и явилось причиной появления такой путаницы в дате рождения. Подобное объяснение, конечно, носит характер умозрительного предположения. И в приложении к Сталину, учитывая черты его характера и неприятие всякой сентиментальности и прочих «сантиментов», оно выглядит скорее как противоестественное, нежели как естественное. В конечном

⁸⁶ «Известия ЦК КПСС» 1990г. №11. С. 134.

итоге Сталин как бы сам вжился в свой новый год рождения и эта дата стала официальной и широко отмечаемой.

Могут быть и другие объяснения. Однако высказанное выше представляется мне простым и убедительным. Во всяком случае, искать здесь какие-то сугубо политические мотивы было бы, на мой взгляд, более чем надуманным делом. Хотя применительно к биографии такой личности, как Сталин, найдутся авторы, готовые из этого факта сконструировать определенную, если не политическую, то уж во всяком случае психологическую версию вполне определенной направленности. Мол, все это логически вписывается в образ Сталина как прирожденного фальсификатора, человека, которому органически присущи самые худшие качества. Иными словами, рисуется какая-то закономерная цепь фальсификаций, которая будто бы пронизывала всю жизнь этого человека — со дня его рождения до самой смерти. Именно в эту схему удобно ложится сам по себе довольно загадочный, но в сущности не столь уж и значительный факт — расхождение в официальной и действительной дате его появления на свет.

Думаю, что по многим соображениям будет правильным и удобным (чтобы не создавать хотя бы ненужной путаницы в хронологии) в дальнейшем придерживаться общепринятой даты рождения Сталина — 21 декабря 1879 г.

Небольшой городок Гори, в котором родился Сталин, впервые упоминается в летописях в начале VII века. В 1801 году он получил статус уездного города. После завершения в 1871 г. строительства железной дороги, которая соединила Тифлис с черноморским портом Поти, городок стал и железнодорожной станцией. Население было пестрым: по переписи 1873 г. в нем насчитывалось около 6 тыс. жителей: более половины — армяне, далее грузины (2250 человек), татары, русские, греки и т.д.⁸⁷

Представляется уместным привести некоторые описания городка Гори, относящиеся к тому времени, когда там родился и жил Сталин. Так, русский автор Е. Марков в своем труде «Очерки Кавказа» (Изд. СПб. 1887 г.) писал: «Гори — один из самых красивых и оригинальных городов Закавказья. Это первый по значению город после Тифлиса во всей губернии и вообще один из лучших закавказских городов. Взглянув на окрестную местность, сейчас же поймешь, почему Гори должен был получить значение в истории Грузии, поймешь, даже не роясь в старых летописях, историю самого Гори. Широкая, низменная долина врывается в этом месте с севера, от Главного хребта, в долину Куры, прорезающую от запада на восток все Закавказье. Сама долина Куры выходит около Гори из ущелья своего рода и расширяется в карталинскую равнину. Таким образом, Гори — ключ двух пересекающихся артерий Закавказья. Горцы северного хребта, имеретины запада, карталинцы востока могли удобно меняться товарами на базарах Гори. Для горцев особенно — это самый естественный, удобный и близкий рынок. Они издавна сгоняли сюда своих коней и овец, приносили свои башлыки и бурки, а отсюда получали хлеб, вино и всякий привозной товар. Понятно, что это самое положение делало Гори важной крепостью, главным оплотом Карталинии от горских набегов и от нападения соседних царств».⁸⁸

Можно также привести описание Гори, сделанное знаменитым французским писателем Александром Дюма, побывавшим в этих местах. Дюма ехал из Тифлиса в

⁸⁷ Иосиф Сталин. М. «Новатор» 1997. С. 11.

⁸⁸ Г. Бухникашвили. Гори. С. 107 — 108.

Западную Грузию. Прибыв в Гори, он задержался на почтовой станции за неимением лошадей. Подробно пересказывая свои злоключения на станции, а затем опасную переправу через реку Лиахви, Дюма пишет о городе: «Я отважился пробежать по улицам Гори. К несчастью, по случаю праздника базар был заперт. В кавказских городах, где нет монументов, кроме разве какой-нибудь греческой церкви, всегда одинаковой постройки, принадлежит ли она к древнейшей или новейшей архитектуре, к X или XIX столетию, если базар заперт, то нечего уже смотреть, кроме каких-нибудь деревянных лачужек, которым жители дают название домов, и одного каменного или кирпичного дома с зеленой кровлей, выштукатуренного известью и называемого дворцом (?). В таком доме непременно живет начальник города. Но я был бы несправедлив относительно Гори, если бы сказал, что в нем только это и есть. Я заметил здесь развалины старинного укрепленного замка XIII или XIV столетия, которые показались мне великолепными. Они лежат на вершине скалы и с той стороны, откуда я смотрел, нельзя было понять, каким образом строители замка туда поднимались. Скорее можно бы подумать, что бог спустил его с неба на проволоке и поставил отвесно на скале, сказав: «Вот божественное право».⁸⁹

Начальное духовное училище было основано в Гори в 1817 году. Оно много лет являлось единственным учебным заведением на весь уезд. Официально оно было открыто 16 мая 1818 года. На торжественном открытии присутствовали духовные лица, князя и дворяне всего уезда.⁹⁰

Ко времени рождения Сталина в Гори действовала учительская семинария, при которой имелись четыре начальных училища: грузинское, армянское, русское и татарское. Кроме того, в городе имелись уездное училище, армяно-григорианское духовное училище, женская прогимназия и армянская женская школа.⁹¹ Как видим, городок представлял собой своеобразный образовательный центр, что по тогдашним временам было довольно редким явлением. Именно это обстоятельство, видимо, и зародило в матери Иосифа стремление дать ему какое-то образование, чтобы он смог "выйти в люди". Еще до поступления в духовное училище сосед Джугашвили К. Чарквиани по просьбе матери обучил маленького Иосифа грузинской азбуке. Мальчик проявлял способности к учебе, что, очевидно, и служило стимулом для определения его в школу. Следует учитывать реальное положение семьи, низкий уровень ее материального состояния, чтобы должным образом оценить поистине фанатичное стремление матери дать ребенку образование. Можно предположить, что на ее стремление большое влияние оказал тот факт, что ее собственные родители сумели дать образование ее братьям, хотя их семья и находилась чуть ли не на самых низших ступенях социальной лестницы тогдашнего грузинского общества. В условиях посткрепостнической Грузии получение даже начального образования для низших слоев населения было явлением отнюдь не ординарным.

Вообще проблема образования для людей, подобных Сталину, — это в сущности начало суровой борьбы за достойное место в жизни, попытка выйти из заколдованного

⁸⁹ Там же. С. 101-102.

⁹⁰ Там же. С. 68.

⁹¹ Там же. С. 13.

* Этот факт зафиксирован в некрологе в связи со смертью Е.Г.Джугашвили.

круга неграмотности и невежества, на которые их обрекали сами жизненные обстоятельства. Весьма красноречивое описание домика, в котором родился ее отец, оставила Светлана Аллилуева, посетившая Гори в середине 80-х годов вместе со своей дочерью Ольгой от брака с американцем. Вот как она передает свои впечатления:

«Я, конечно, должна была познакомить свою дочь с детством ее деда — и мы отправились в Гори, смотреть музей. Крошечная лачуга, не более курятника, где вся семья ютилась в одной комнатухе, произвела неизгладимое впечатление на маленькую американку. «А где они готовили пищу?» — спросила она. Я перевела. «Летом на улице, — ответила экскурсовод, — а зимой — тут, в комнате, на керосинке». Здесь жили мальчик, его отец-пьяница и мать, зарабатывающая стиркой белья. Мать отдала мальчика в приходскую школу, где он изучал три языка: русский, грузинский, греческий (Оле показали парту, за которой он сидел). Потом он учился в семинарии, чтобы стать священником. Мы видели здание семинарии в Тбилиси. Он стал революционером: ушел из семинарии, уехал из Грузии. Долгие годы, десятилетия, не видел свою родину и свою мать, растившую его на гроши. Потом, когда он стал главой государства, ее поместили в Тбилиси в одну из комнат бывшего губернаторского дворца. Там старуха и умерла, огражденная «славой» и надзором КГБ от всего, что было ей привычно, но до самой своей смерти все так же неуклонно посещая церковь. Ольга знала, что совместно с Черчиллем и Рузвельтом ее дед выиграл войну против нацизма — у нее была фотография «большой тройки». Но только теперь, здесь, в этой маленькой лачужке, над которой возвышались холм и крепость, а дальше белели снеговые вершины, она могла увидеть жизнь не из учебников».

Примечательные мысли по данному поводу высказал и английский писатель Ч. П. Сноу в своей книге «Вереница лиц», в которой немало места посвящено Сталину. В частности, он писал: «В сравнении с бедностью и убожеством жилища, где родился будущий Сталин, дома Уэллса или Ллойд Джорджа смотрелись бы вызывающе — до

* Любопытный эпизод в связи с этим сообщает бывший грузинский меньшевик Г. Уратадзе. В своей книге, изданной Гуверовским институтом войны, революции и мира, он, рассказывая о видном большевистском деятеле Грузии, Б. Мдивани пишет, что тот был большим мастером рассказывать анекдоты. «Как видно, он продолжал свои шутки и анекдоты и потом, когда он стал председателем грузинского Ревкома. Один из новых эмигрантов передал мне следующее: чтобы задобрить Сталина, ЦК (имеется в виду ЦК компартии Грузии — Н.К.) перевел во дворец его старуху-мать на жительство. Когда началась ежовщина по прямому распоряжению из Москвы, местная Чека неимоверно увеличила охрану матери Сталина и для этого расставила двойную цепь часовых вокруг дворца. В этом же дворце находился и Совнарком Грузии. Когда члены Совнаркома пришли во дворец и увидели такую охрану, спросили своего председателя Мдивани — чем вызвана она? И он, якобы ответил: «Это не я, а из Москвы по прямому проводу было спешное распоряжение усилить охрану Кеке» (Кеке — имя матери Сталина). — «А для чего это?» — «Это для того, чтобы она не родила другого Сталина», — как будто ответил Мдивани. Анекдот этот или шутка быстро распространились не только в Грузии, но и в России и передавали, что Сталин, узнав об этом, был страшно раздражен против Мдивани. Правда ли все это, или нет — не знаю, но, зная веселый характер Мдивани, я охотно допускаю, что он мог это сказать» (Григорий Уратадзе. Воспоминания грузинского социал-демократа. С. 209).

⁹² Аллилуева Светлана. Книга для внучек. «Октябрь». 1991г. № 6. С. 44.

неприличия – роскошными. Ни один крупный политический лидер во всей истории не был выходцем из таких глубоких низов». ⁹³

Именно через такую призму – назовем условно это фактором бедности – можно в должной мере оценивать тяжкий и суровый путь к знаниям, который пришлось преодолеть многим из той социальной среды, к которой принадлежал Сталин. Видимо, справедливо считать, что чем тяжелее условия жизненной среды, чем суровее путь к приобретению знаний, тем больше уважения должно проявлять по отношению к тем, кто успешно преодолел препятствия на столь тяжком и тернистом пути.

В этом контексте выглядят весьма неприглядными и даже кощунственными прямы, а чаще завуалированные насмешки и упреки, на которые не скупилась оппозиция Сталина в связи с его низким уровнем образования. В данном случае было бы более уместным по достоинству оценить то упорство и ту настойчивость, которые молодой Сталин проявлял, стремясь получить образование. Не будет ошибкой предположить, что тяготы, связанные с получением образования, явились одним из важных факторов, повлиявших на формирование взглядов молодого человека, на складывание основных черт его характера. И здесь трудно не согласиться с мыслью Чарльза Сноу, который писал: «Фактически у него, как и у Эйнштейна в том же возрасте, характер уже сформировался и многие взгляды с убеждениями тоже. Разлит он был не по годам, основные черты Сталина исторического сложились уже тогда (т.е. в ранней юности – Н.К.)». ⁹⁴

ГОРЬКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ

3. Горькое духовное училище

Как явствует из сохранившихся архивных документов, подтвержденных также и в биографической хронике, содержащейся в официальном издании сочинений Сталина, Иосиф Джугашвили был принят в Горькое духовное училище в сентябре 1888 года. В связи с тяжелым материальным положением его семьи ему определили ежемесячную стипендию в размере 3 рублей, а также разрешили его матери зарабатывать в месяц до 10 рублей, обслуживая учителей и школу. ⁹⁵ Надо заметить, что в духовное училище принимали детей преимущественно из духовного сословия, а также из обеспеченных семей. Так что сам факт поступления в училище можно расценить как заметный успех матери Иосифа. Сам выбор духовного училища, вероятно, был обусловлен прежде всего глубокой религиозностью Екатерины Джугашвили, а также тем обстоятельством, что ей оказали определенное содействие в устройстве сына на учебу те люди, с которыми она соприкасалась как прачка и уборщица.

Поскольку училище было четырехклассным, а молодой Сталин закончил его лишь в 1894 году, возникает вопрос: почему для окончания четырехлетнего обучения ему потребовалось шесть лет, куда исчезли два года? Дело в том, что И. Джугашвили был принят вначале в подготовительный класс, что дает объяснение увеличению срока учебы в один год. Другой год, как справедливо считают биографы Сталина, был потерян в связи с семейными конфликтами, вызванными самим фактом учебы Иосифа.

14

⁹³ Цит. по Сталин: в воспоминаниях современников. С. 664.

⁹⁴ Там же. С. 665.

⁹⁵ «Детство и юность вождя». С. 34.

По свидетельствам лиц, знавших семью Джугашвили, Сосо было 5 лет, когда его отец уехал в Тифлис и стал работать на обувной фабрике Адельханова. «Мать Кеке со своим маленьким сыном осталась в Гори. Между Виссарионом и Кеке возникли неприятности по вопросу о воспитании сына. Отец был того мнения, что сын должен унаследовать профессию своего отца, а мать придерживалась совершенно иного взгляда, — вспоминал С. П. Гогличидзе, один из тех, кто в годы правления Сталина поделился своими воспоминаниями о ранних годах жизни Сосо и его семьи, зафиксированными в материалах Тбилисского филиала Института Маркса, Энгельса, Ленина.»

— Ты хочешь, чтобы мой сын стал митрополитом? Ты никогда не доживешь до этого! Я — сапожник, и мой сын тоже должен стать сапожником, да и все равно будет он сапожником! — так часто говорил Виссарион своей жене.

Несмотря на то что Виссарион жил и работал в Тифлисе, а Кеке с сыном — в Гори, она постоянно беспокоилась:

— А ну, как приедет Виссарион, да увезет сына и окончательно оторвет его от учебы?»⁹⁶

В конце концов так и случилось. Неистовому Бесо, отцу Сталина, не давала покоя мысль, что его сын ходит в училище, а не изучает ремесло. И вот в один прекрасный день в Гори приехал Виссарион и отвез его в Тифлис, где отдал на фабрику Адельханова. Маленький Сосо работал на фабрике: помогал рабочим, мотал нитки, прислуживал старшим. Через некоторое время мать в свою очередь поехала в Тифлис и увезла сына с фабрики. Некоторые из преподавателей знали о судьбе Сосо и советовали оставить его в Тифлисе. Служители экзарха Грузии предлагали ей то же самое, обещая, что Сосо будет зачислен в хор экзарха, но Кеке и слышать об этом не хотела. Она спешила увести сына обратно в Гори...⁹⁷

Сама мать Сталина незадолго до своей смерти в беседе с корреспондентом газеты следующим образом описала суть этого семейного конфликта: «Учился он прекрасно, но его отец, мой покойный муж Виссарион, задумал мальчика взять из школы, чтобы обучать своему сапожному ремеслу. Возражала я как могла, даже поссорилась с мужем, но не помогло: муж настоял на своем. Через некоторое время мне все же удалось его снова определить в школу».⁹⁸

Указанные обстоятельства дают объяснение тому факту, почему Иосифу потребовалось шесть лет, чтобы закончить четырехклассное духовное училище. В период обучения в училище с молодым Сосо случилось одно несчастье, которое, впрочем, не повлияло на его судьбу трагическим образом, хотя, видимо, и оставило какой-то след в его жизни. По свидетельству упоминавшегося уже выше С. П. Гогличидзе, «как-то раз, 6-го января (в день церковного праздника «Крещения») на «иордань», возле моста через Куру, пришло множество народу. На главной улице были выстроены

* Конечно, собранные в тот период свидетельства имели своей главной целью представить молодого Сталина и обстоятельства его жизни в самом выгодном, самом благоприятном для него свете. Однако, помня об этом, едва ли стоит на этом основании ставить под вопрос достоверность всех фактов, которые приводились в воспоминаниях. Их трактовка, конечно, могла быть явно тенденциозной, но сами факты, как представляется, не относятся к числу вымыслов.

⁹⁶ Детство и юность вождя. С. 44.

⁹⁷ Там же. С. 45.

⁹⁸ «Правда». 27 октября 1935г.

войска. После церемонии духовенство возвращалось по своим церквам, причем все улицы были переполнены народом. Столпился народ и в узкой улочке около Оконской церкви. Никто и не заметил, что сверху бешено мчится фаэтон с пассажиром...

Фаэтон врезался в толпу как раз в том месте, где стоял наш хор певчих. Сосо хотел было перебежать через улочку, но не успел: фаэтон налетел на него, ударил дышлом по щеке, сшиб с ног, но... по счастью, колеса переехали лишь по ногам мальчика.

Хор певчих мгновенно окружила толпа. Подняли потерявшего сознание ребенка (Сосо было тогда 10–11 лет) и доставили домой. При виде изувеченного сына мать не смогла сдержать горестного вопля..

Сосо открыл глаза и прошептал: «Не бойся, мама, я чувствую себя хорошо». Мать сразу успокоилась. Пришел доктор, промыл рану, остановил кровотечение, сделал перевязку и затем объявил:

– Внутренние органы не повреждены...

Сосо пролежал в постели две недели, а затем снова вернулся к занятиям».⁹⁹

В детстве Сталин переболел также оспой, которая оставила свой след на всю последующую жизнь. Троцкий не преминул в связи с этим заметить, что это было «свидетельством подлинно плебейского происхождения и культурной отсталости среды».¹⁰⁰ Вообще же бросается в глаза одно обстоятельство: некоторые авторы, которые пишут о Сталине, в том числе и в особенности о его детских и юношеских годах, с какой-то навязчивой настойчивостью акцентируют внимание, порой без всякой необходимости к этому, на тех или иных второстепенных моментах, которые могли бы представить его в негативном плане. Это относится и к следам оспы на его лице, и к дефектам руки, ставшим, очевидно, следствием происшествия, о котором шла речь выше. Думается, что подобный «стилистический почерк» отнюдь не добавляет ценности аргументации таких авторов, и даже наоборот, сеет семена сомнений в их объективности.

Учеба юного Сталина в Горийском духовном училище стала тем небольшим окошечком, через которое открывался в той или иной степени перед ним новый мир, мир познания себя и окружающих. Конечно, было бы сильным преувеличением полагать, что в этот шестилетний период произошло становление его личности и формирование характера. Однако именно тогда, видимо, в этот фундамент были заложены первые кирпичики, которые впоследствии уже во время учебы в Тифлисской православной духовной семинарии и определили его облик как человека и политика.*

Подавляющее большинство имеющихся документальных данных однозначно свидетельствуют о том, что молодой Иосиф в период обучения в духовном училище неизменно проявлял большие способности к учебе и интерес к самому процессу приобретения знаний. С высоты сегодняшних критериев можно, конечно,

⁹⁹ **Детство и юность вождя.** С. 37.

¹⁰⁰ *Лев Троцкий.* Сталин. Т. 1. С. 25.

* Обращает на себя внимание такой факт: Сталин в середине 40-х годов лично сам просматривал готовившееся к публикации второе, исправленное и дополненное издание своей краткой биографии. В ней говорилось о его поступлении в Тифлисскую духовную семинарию, но он счел необходимым вставить слово *православную*. Очевидно, данному обстоятельству он придавал важное значение. (См. «Известия ЦК КПСС». 1990. №9. С. 115.)

иронически относится к успехам юного грузинского парнишки, который должен был в процессе учебы овладеть также и русским языком, потому что до этого он его, несомненно, не знал, поскольку в его семье единственным языком общения был грузинский. Да и окружающая среда, по-видимому, в основном состояла не из русских.

Вначале юному Сосо приходилось нелегко, о чем свидетельствуют хранящиеся в музее в г. Гори табели его успеваемости: в первые годы преобладали тройки, есть там документы о пересдаче некоторых экзаменов.¹⁰¹ Однако заложенные в нем природные способности, упорство и трудолюбие помогли ему в преодолении трудностей, он стал показывать примерные результаты в учебе и проявил себя как один из лучших учеников училища. На этот счет имеются многочисленные свидетельства. Даже если мы и сочтем такие позднейшие свидетельства не отвечающими всем критериям достоверности, поскольку они публиковались во время господства культа личности Сталина, тем не менее мы не можем отбросить их, ибо они подкрепляются документальными данными. Речь идет прежде всего об официальном свидетельстве об окончании духовного училища. Приведем его полностью:

“Воспитанник Горийского духовного училища Джугашвили Иосиф... поступил в сентябре 1889 года в первый класс училища и при отличном поведении (5) оказал успехи:

По Священной истории Ветхого Завета - (5)

По Священной истории Нового Завета - (5)

По Православному катехизису - (5)

Изъяснению богослужения с церковным уставом - (5)

русскому с церковнославянским - (5)

Языкам греческому - (4) очень хорошо

грузинскому - (5) отлично

Арифметике - (4) очень хорошо

Географии - (5)

Чистописанию - (5)

Церковному пению русскому - (5)

и грузинскому - (5)“

По окончании полного курса учения в духовном училище в июне 1894 года причислен училищным правлением к первому разряду училищных воспитанников с преимуществами, присвоенными окончившим полный курс учения в духовном училище...”¹⁰²

Приведем некоторые высказывания соучеников юного Сосо по Горийскому училищу, которые, на наш взгляд, дают определенное представление о формирующихся чертах характера и личности будущего советского лидера. Так, один из них М.Титвинидзе в 1936 году рассказывал:

“ В нашем классе учились дети богатых и бедняков. Их отношение к нам постепенно обострялось еще и потому, что Сталин, считавшийся в классе первым учеником, был из нашей среды.

¹⁰¹ Рой Медведев. Семья тирана. С. 10.

¹⁰² Сергей Семанов, Владислав Кардашов. Иосиф Сталин. Жизнь и наследие. М., «Новатор». 1997. С. 16.

Сталин обладал исключительной памятью. Объяснения преподавателей он усваивал отлично и потом в точности их пересказывал.

Он никогда не отказывался от своих слов, будучи всегда уверен в их правильности. Прекрасно отвечал он, когда его вызывали к доске.

...Преподаватель Илуридзе упорно придирался к Иосифу и всегда на уроке старался «срезать» его, как вожака нашей группы. Он называл нас «детьми нищих и несчастных».

Однажды Илуридзе вызвал Иосифа и спросил:

– Сколько верст от Петербурга до Петергофа?

Сосо ответил правильно. Но преподаватель не согласился с ним. Сосо же настаивал на своем и не уступал.

Упорство его, нежелание отказаться от своих слов, страшно возмутили Илуридзе. Он стал угрожать и требовать извинений, но Иосиф обладал крепким, непримиримым характером и упорством. Он снова несколько раз повторил то же самое, заявляя, что он прав. К нему присоединились некоторые из учеников, и это еще более разозлило преподавателя. Он стал кричать и ругаться. Сталин стоял неподвижно, глаза его так и расширились от гнева...

Он так и не уступил”.¹⁰³

Нам, конечно, трудно судить, насколько глубоким и серьезным было воздействие на юного Джугашвили обстановки, которая царил в духовном училище, какое в целом влияние она оказала на его формирование как личности. Но, видимо, априори можно утверждать, что именно в такие годы, когда человек начинает открывать для себя большой мир, когда он начинает сталкиваться с проблемами, раскрывающими этот мир, он особенно восприимчив, именно в такие годы в его характере и в его мировосприятии закладываются основы человеческой личности. В дальнейшем они укрепляются, совершенствуются и проходят путь эволюционного развития, но, так сказать, исходные параметры остаются в качестве своеобразного остова, стержня человеческой личности. По этой причине представляется необходимым сделать на годах учебы в Горийском духовном училище особый акцент.

С точки зрения возможностей интеллектуального развития духовное училище едва ли давало какие-то значительные возможности. Судя по всему, оно было одним из типичных церковных учебных заведений низшего типа, обучение в котором осуществлялось в привычных рамках тогдашней системы. По отзывам учившихся в нем выпускников, преподавательский состав был достаточно квалифицированным. Так, по словам одного из них Гогличидзе, в нем “учительствовали многие известные преподаватели, литераторы и общественные деятели”. В целом обстановка в училище была довольно демократичной. Педагоги являлись людьми, хорошо подготовленными к работе. Смотритель училища был кандидатом богословия, эту ученую степень имел не только он. Трое учителей окончили Киевскую духовную академию. У нее была репутация высококлассного учебного заведения. Преподавали в Горийском училище и студенты-академики.¹⁰⁴

Легко предположить, что среди новых проблем, с которыми не мог не столкнуться юный ученик духовного училища, были такие, как русский язык и его

¹⁰³ *Детство и юность вождя*. С. 38.

¹⁰⁴ *См. Евгений Громов. Сталин: власть и искусство*. М. 1998. С.14.

собственное положение среди учащихся. Русского языка он не знал и предстояло одновременно с его изучением проходить и другие предметы. Видимо, для этого и существовали подготовительные классы, с которых и начал Сосо. В период его учебы в Гори в 1890 году в Грузии были ужесточены меры по так называемой руссификации. Стало обязательным преподавание предметов на русском языке, который для многих учеников не только Горийского училища, но и вообще для грузинских школьников был фактически иностранным языком. Не удивительно, что в обстановке растущих социальных трений мероприятия по руссификации вызвали довольно широкое недовольство прежде всего в кругах патриотически настроенной интеллигенции. Не обошли эти настроения и учебные заведения, в том числе и Горийское духовное училище. В той или иной форме протесты находили свое выражение, и одним из участников таких протестов не мог не быть и юный Сосо. На этот счет имеются некоторые свидетельства, однако, на мой взгляд, было бы наивным преувеличивать как масштабы, так и характер подобного рода актов недовольства. В целом процесс адаптации к новым условиям, в том числе и изучение русского языка, не только для Сосо, но и для других, конечно, составлял необходимый элемент приобщения к знаниям.

Вторым новым моментом в его жизни, бесспорно, стало вольное или невольное осознание того, какое место он занимает в сословной иерархии тогдашнего общества. Речь, разумеется, идет не о том, что он начал серьезно сознавать свое неравное, по сравнению с другими, положение в училище, где он являлся своего рода белой вороной в виду своего низкого происхождения и беспросветной бедности родителей. Его одноклассники, как правило, были из состоятельных семей. В раннем детстве такого рода "открытия" воспринимаются особенно болезненно и переживаются глубоко. Мы не располагаем какими-либо свидетельствами на этот счет, но бесспорно одно – юный Сосо, конечно, испытывал на себе соответствующее отношение со стороны других, и это не могло не влиять на него. Иными словами, можно сказать, что это были первые ступени того процесса, который, выражаясь современным языком, можно определить как процесс своей классовой, общественной самоидентификации.

На это обстоятельство с полным на то основанием указал и Л. Троцкий в своей биографии Сталина: «Не менее грубо давала себя знать социальная градация и в школе, где дети священников, мелких дворян и чиновников не раз обнаруживали перед Иосифом, что он им не чета. Как видно из рассказа Гогохия, сын сапожника рано и остро почувствовал унижительность социального неравенства: "Он не любил ходить к людям, живущим зажиточно. Несмотря на то, что я бывал у него по несколько раз в день, он подымался ко мне очень редко, потому что дядя мой жил, по тем временам богато" Таковы первые источники пока еще инстинктивного социального протеста, который в атмосфере политического брожения страны должен был позже превратить семинариста в революционера»¹⁰⁵, – заключает Троцкий.

Если следовать заранее заданной схеме, то легко можно вывести дальнейшее вступление Сталина на революционный путь, то, что он стал профессиональным революционером именно из простого факта его низкого происхождения, из того, что он чуть ли не с пеленок осознал себя борцом против несправедливости и социального неравенства. Такой подход несостоятелен по своему существу, ибо он в сущности

¹⁰⁵ Лев Троцкий. Сталин. Т.1. С. 29.

объясняет лишь вещи, лежащие на поверхности, страдает примитивизмом. Социальное происхождение не предопределяет пути и перепутья великих исторических личностей. Эта истина настолько банальна, что нет нужды ее как-то аргументировать, тем более что я уже ранее касался этого вопроса.

И в приложении к Сталину она так же справедлива, как и во многих других случаях. Хотя бесспорно, что его происхождение во многом повлияло на весь дальнейший ход его жизни. Горийский период его юности, видимо, во многом схож с жизнью таких же как и он грузинских ребят. Очевидно, основываясь на рассказах своего отца, С. Аллилуева пишет, что он «был обыкновенным деревенским мальчишкой, дрался, пакостил: однажды бросил кирпич сверху через дымоход в очаг, напугал и обжег людей. В школе больше всего любил арифметику, потом математику. Немного рисовал. Греческий помнил и в старости. Должно быть амбиция, стремление достигнуть чего-то, стать хоть в чем-нибудь выше других, досталась сыну от матери. Может быть, именно поэтому он и был в числе сильных учеников в церковной горийской школе. В Тифлисской семинарии он уже не был в числе лучших и бросил ее, не окончив. Церковное образование было единственным систематическим образованием, полученным моим отцом.

Я убеждена, что церковная школа, где он провел в общем более десяти лет имела огромное значение для характера отца на всю его жизнь, усилив и укрепив врожденные качества».¹⁰⁶

Я привел данное высказывание дочери Сталина для того, чтобы подчеркнуть одну существенную мысль: какое влияние на формирование его характера и личности вообще оказали годы учебы в Горийском духовном училище. Вообще говоря, значение данного, сугубо начального этапа в жизни молодого Иосифа определить можно лишь умозрительно, по аналогии с тем, какое вообще воздействие на становление личности имеют начальные периоды его формирования как человека. Думается, что здесь не следует чрезмерно преувеличивать, равно как и недооценивать глубину и степень воздействия первых лет приобщения к знаниям. Эти годы несомненно накладывают свою печать на дальнейшую эволюцию личности любого человека. Но, разумеется, они не предопределяют направление и характер самого дальнейшего развития, так сказать, будущие контуры личности в целом. В этом контексте мне представляется, что по существу большинство биографов Сталина впадают в крайность, непомерно преувеличивая значение отдельных эпизодов его ранней юности, делая на их основе далеко идущие выводы о его характере и патологических наклонностях. Процесс формирования личности – непрерывный процесс, и даже в зрелые годы он продолжается, никогда в сущности не останавливаясь.

Однако скудность информации о юности Сталина, а главное – определенная изначальная заданность в его оценке – как бы предопределяют соответствующие подходы биографов, превращают их в заложников заранее сформулированных выводов. Я считаю такой стиль и метод неправильными, не позволяющими объективно изложить и интерпретировать даже те скудные факты, на которые в той или иной степени можно положиться как на достоверные.

Поэтому с учетом данной поправки необходимо подходить к оценке известных нам фактов из истории его юности. По общим отзывам его соучеников, он отличался

¹⁰⁶ Светлана Аллилуева. Только один год. С. 313.

большим старанием в учебе, проявлял живой интерес к чтению и с самым непосредственным сопереживанием воспринимал прочитанное. На это счет имеется немало свидетельств, в частности, широко комментируется его интерес к произведениям грузинской литературы. Он читает поэмы и рассказы И. Чавчавадзе, А. Церетели, Р. Эристави. Самое сильное впечатление на него произвел роман “Отцеубийца” А. Казбеги. Главный герой романа по имени Коба – смелый, сильный духом, немногословный борец с несправедливостью – стал впоследствии партийным псевдонимом Сталина. По словам упоминавшегося выше И. Иремашвили, “идеалом и предметом мечтаний Сосо являлся Коба... Коба стал для Сосо богом, смыслом его жизни. Он хотел бы стать вторым Кобой, борцом и героем, знаменитым, как этот последний. В нем Коба должен был воскреснуть. С этого момента Сосо начал именовать себя Кобой и настаивать на том, чтобы мы именовали его только так. Лицо Сосо сияло от гордости и радости, когда мы звали его Кобой”.¹⁰⁷

Главным и основным его занятием в свободное от уроков время было чтение книг. В училище имелась неплохая библиотека, но подбор книг вскоре перестал удовлетворять Сосо. Он жаловался товарищам, что не может найти хороших, интересных книг. Ученик старшего класса Ладо (Владимир) Кецховели рассказал ему о частной библиотеке Арсена Каланадзе.

Каланадзе имел в Гюри типографию, книжный магазин и библиотеку, в доме у него собиралась местная интеллигенция. Пристрастившийся к чтению Сосо Джугашвили к концу своего пребывания в училище перечитал почти все книги, имевшиеся у Каланадзе.¹⁰⁸

По мере того как молодой Сосо овладевал русским языком, у него появлялся интерес и к русской литературе, к которой он постепенно приобщался. Как свидетельствуют источники, уже в эти годы Сосо познакомился с такими классиками русской литературы, как Пушкин, Лермонтов, Некрасов и др. «Мы восторженно любили Пушкина и Лермонтова, – вспоминал один из соклассников Сталина. – Сособым удовольствием читали произведения, посвященные Кавказу: “Мцыри” Лермонтова, “Кавказский пленник”, “Обвал”, “Кавказ” Пушкина...»¹⁰⁹ Несомненно, что Сосо любил стихи. И сам начал их сочинять, когда еще учился в Горийском училище. По словам его однокашника Г. Елисабедашвили, он “писал экспромтом и товарищам часто отвечал стихами” Писали стихи и его приятели, они друг друга поощряли к своего рода соревнованию.¹¹⁰

Зачитывался Сосо и приключенческими романами М.Рида, Ж.Верна и Ф.Купера, о чем сам рассказывал позднее советскому авиаконструктору А.Яковлеву. Впрочем, увлечение произведениями этих писателей было в то время повсеместным.¹¹¹

По свидетельствам его соучеников по училищу, Сосо научился отлично рисовать, хотя в те годы в училище рисованию не обучали. Принимал он активное участие и в общественных начинаниях молодежи – концертах, любительских спектаклях и т.п.¹¹²

¹⁰⁷ Iremaschwili J. Stalin und die Tragödie Georgiens. S. 18.

¹⁰⁸ Детство и юность вождя. С. 52.

¹⁰⁹ Цит. по Евгений Громов. Сталин: власть и искусство. С. 17.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ А.С. Яковлев. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М. 2000. С. 403.

¹¹² Детство и юность вождя. С. 53, 57.

Более подробно с начальным процессом формирования, так сказать, истоков эстетических вкусов и пристрастий молодого Сталина знакомит книга Е. Громова, из которой взяты некоторые из приведенных выше свидетельств. При всей своей заданности, она отличается среди книг, посвященных Сталину и его отношению к литературе и искусству, относительной объективностью и стремлением раскрыть действительную картину формирования художественных вкусов и пристрастий Сталина.

В целом, как бы подводя итог горийскому периоду в жизни Сталина, можно с достаточной уверенностью утверждать следующее. Именно тогда он сделал первые шаги на долгом и трудном пути познания жизни, впервые соприкоснулся с ее реальными проблемами, столкнулся с живыми фактами социального неравенства, на собственном опыте ощутил то, с чем сопряжено его положение на низших ступенях тогдашней иерархической лестницы. Думается, что впечатления и ощущения, которые он вынес из всего этого, в немалой степени повлияли на его мировосприятие, каким бы наивно-детским оно ни было в его годы. Это было, условно говоря, первое знакомство с реальностями классового мира, который впоследствии он вознамерился переделать.

Другим непосредственным результатом, очевидно, стало то, что он начал понимать и осознавать значение знаний в жизни человека, необходимость овладения этими знаниями, поскольку они расширяли жизненные горизонты, открывали новые перспективы. Именно в этот период он соприкоснулся с таким поистине бесценным духовным сокровищем, которое представляла из себя русская литература. Зародившаяся в его сознании любовь к русской литературе стала одним из важнейших источников его дальнейшего духовного развития. Кстати сказать, любовь к русской литературе он сохранил на всю жизнь.

В известном смысле горийский период в жизни молодого Иосифа стал той первой ступенькой, которая в дальнейшем привела его в лагерь бунтовщиков, а затем и сознательных ниспровергателей существовавшего общественного строя – в лагерь революционеров.

В этом контексте несомненный интерес представляет, как мне кажется, и вопрос об отношении юного Сталина к религии. Ведь по своему существу религиозная идеология в царской России, не говоря уже о церкви, были призваны не расшатывать устои государственной власти, а, наоборот, способствовать всемерному укреплению этой власти, прививать верующим чувство незыблемости сложившихся на протяжении веков порядков. Православие играло роль государственной идеологии и являлось одним из главных элементов, цементирующих целостность Российской империи.

Конечно, в сознании молодого бунтовщика, в которого со временем превратился Сосо, роль религии и церкви не могли восприниматься в такой обнаженной социально-нравственной ипостаси. Более того, к уяснению великой потенциальной роли религии в общественной жизни он пришел уже в период своей зрелости как государственного деятеля, облеченного колоссальной ответственностью. Именно этот аспект мировоззренческих представлений Сталина будет затронут в дальнейшем, когда мы будем касаться его государственной деятельности. Здесь же хотелось высказать некоторые соображения, касающиеся религиозности молодого Сталина в самом обыденном смысле. Проще говоря, речь идет о том, отразилось ли религиозное воспитание и образование на выборе его жизненного пути как революционера.

Прежде всего необходимо оттенить одну простую мысль: религия сама по себе никогда не была в силу своей природы враждебна идее революции как выражению практических шагов по ликвидации несправедливости в жизни. Более того, религиозная среда часто давала миру великих революционеров-бунтарей. Дала она немало и мыслителей, оказавших большое влияние на формирование всякого рода революционных воззрений. В этом смысле нельзя искусственно возводить какую-то глухую стену между бунтарским духом, идеями установления справедливого общественного строя и религиозными взглядами и воспитанием. Поэтому мне кажется, что в своей основе религиозное воспитание, которое молодой Сосо получал в духовном училище и в семинарии, не играло роль серьезного препятствия на пути становления его как революционной личности. В некотором смысле даже наоборот: идеи добра и справедливости, заложенные в основу многих христианских, да и иных религиозных вероучений, диктовали необходимость критической оценки а "скорее переоценки" реальностей, с которыми сталкивались верующие.

В период, когда Сталин был у власти, довольно настойчиво внедрялась точка зрения, согласно которой юный Сталин чуть ли не с первых лет обучения в Горьком духовном училище проявлял явно непочтительное отношение к религии и к вере в бога вообще. Приведем в качестве образчика воспоминание одного из сотоварищей Иосифа по училищу:

«Если память мне не изменяет, беседа, о которой я хочу рассказать, имела место, когда Иосифу и мне было по 13 лет.

Во время летних каникул, возвратившись в Гюри из родного села Бершусты, я навестил Иосифа, и мы вышли гулять на улицу. Прошли мост через Куру, перешли за полотном железной дороги и расположились на зеленой лужайке.

Молодые, еще не искушенные в жизни, мы любили беседовать на отвлеченные темы. Я заговорил о боге. Иосиф слушал меня и после минутного молчания ответил:

— Знаешь, нас обманывают, бога не существует.

Эти слова удивили меня. Ни от кого еще не слышал таких слов.

— Сосо, что ты говоришь?!

— Я дам тебе прочесть книгу, из которой ты увидишь, что мир и вся жизнь устроены по-иному, и разговоры о боге — пустая болтовня, — сказал Иосиф.

— Какая это книга? — заинтересовался я.

— Дарвин. Обязательно прочти, — наставительно ответил Иосиф.¹¹³

Из подобного рода свидетельств можно заключить, что юный Сталин был чуть ли не убежденным атеистом. Однако такая картина кажется мне не соответствующей подлинной реальности. Из многих воспоминаний товарищей юного Сосо вырисовывается иная картина. Тот же самый Г.Глурджидзе, свидетельство которого приведено выше, в 1939 году говорил, что Сосо был "очень верующим", "всегда присутствовал на богослужениях" и был заводилой церковного хора, что "он не только сам соблюдал религиозные обряды, но и напоминал нам об их значении".¹¹⁴

¹¹³ Детство и юность вождя. С. 50.

¹¹⁴ А. Челидзе. Неопубликованные материалы из биографии товарища Сталина. Журнал "Антирелигиозник". 1939 г. № 12.

4. Тифлисская семинария

Прежде чем непосредственно перейти к семинарскому периоду жизни Сталина, роли, которую он сыграл в формировании его политических взглядов и убеждений, а в конечном счете в определении его дальнейшего жизненного пути, следует хотя бы в самом общем виде осветить вопрос о содержании семинарского образования, объеме и уровне знаний, получаемых семинаристами, об основных особенностях, которыми характеризовалась система этого довольно распространенного в то время вида образования в России. Духовные семинарии представляли собой средне-духовные учебные заведения. Они сыграли важную роль в интеллектуальном и нравственном развитии страны, в процесс приобщения народа к знаниям, в становлении самой системы среднего образования. Значительна роль семинарий и в такой сфере, как возникновение и развитие революционного движения, возникновение и рост бунтарских настроений в молодежной среде. Духовное образование, прежде всего среднее, было относительно доступным, что имело существенное, даже первостепенное значение для малосостоятельных сословий России. Что касается образовательного уровня семинаристов по окончании полного семинарского курса, то он в целом соответствовал гимназическому уровню. Если образовательный уровень "среднего" гимназиста и "среднего" семинариста был примерно одинаков, то по общему развитию семинаристы не только не уступали гимназистам, но и превосходили их. Выпускник семинарии после проверочного испытания мог поступить на любой факультет университета.¹¹⁸

Содержательный элемент образования в семинарии состоял из преподавания богословских дисциплин и общеобразовательных, примерно тех же самых, что и в обычных гимназиях. Приоритет, естественно, отдавался богословским предметам. В основу общего образования было положено изучение классических языков и математики, причем за первые четыре года обучения (а в семинарии был шестилетний курс) учащиеся проходили гимназический курс (с добавлением некоторых богословских дисциплин), а два последних года посвящались преимущественно освоению богословских дисциплин.

Большую часть семинаристов составляли те, кто содержался на полном казенном обеспечении – так называемые казеннокоштные. Административно-преподавательская система семинарии имела следующую иерархию: во главе семинарии стоял ректор, затем шли инспектор, помощник инспектора, преподаватели обязательных предметов, надзиратели и прочие должностные лица (духовенство, экононы и т.п.).

Особо следует сказать о повседневной жизни воспитанников семинарии. Она проходила под строгим надзором: запрещалось самовольно отлучаться из семинарии, участвовать в публичных чествованиях общественных деятелей, посещать театры, собирать сходки, читать "неблагонадежную" литературу, а под ней на практике подразумевались почти все периодические издания. Интерес к такого рода литературе увеличивался хотя бы в силу самого факта запрета (по пресловутой формуле – запретный плод сладок). Характерно в этом смысле признание главы Синода (высшего церковного органа России) К.П.Победоносцева: «Нередко случалось, – констатировал

¹¹⁸ См. "Вопросы истории". 1996г. № 11-12. С. 107, 111.

Победоносцев в 1890 г., — что то же развращающее чтение, которое запретным своим свойством привлекало воспитанников, составляло в то же время любимую духовную пищу... у самих начальников и преподавателей».¹¹⁹

Репрессивные меры администрации семинарий, такие как прекращение или сокращение выписки периодики, всякого рода запреты приводили к тому, что учащиеся заводили тайную библиотеку, начинали издавать рукописный журнал; несмотря на преследования, такие «кружки самообразования» возрождались каждые несколько лет. Их руководителей (по признанию администрации, самых способных и прилежных семинаристов) исключали из учебных заведений, высылали на родину, отдавали под надзор полиции.¹²⁰

Политика религиозных властей вела и к иным тяжелым последствиям: принудительная церковность, насаждаемая в духовной школе посредством обязательного посещения богослужений, участия в церковном пении и чтении, давала, как правило, обратный эффект. «Нельзя молиться по приказу, из-под палки, в продолжение четырех часов, — писал преподаватель семинарии. — Воспитанник стоит и проклинает все. Я никогда нигде не слышал более страшных проклятий, чем за семинарской службой». Озлобление учащихся обращалось не только против учебных начальников и церкви, но и против всего государственного порядка в целом, о чем говорили непрерывные волнения в семинариях. Глава Синода отмечал в 1890 г., что почти во всех делах о политических заговорах было зафиксировано участие семинаристов.¹²¹

Существовавшая система довольно суровых наказаний за нарушение внутреннего распорядка семинарской жизни (а она включала в себя такие меры, как внушение, выговор, водворение на несколько дней в карцер и, наконец, исключение из семинарии с правом обратного поступления в семинарию или без такового) не только не могла устранить недовольство семинаристов, но, напротив, часто вела к усилению их недовольства, рождала еще более энергичный протест. С известной долей упрощения можно утверждать, что духовные семинарии в Российской империи играли двоякую роль: кузницы духовных пастырей и кузницы кадров для революционной деятельности. Достаточно сказать, что выходцами их духовных семинарий были такие масштабные фигуры русской национальной и революционной мысли, как Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, под мощным воздействием идей которых формировались взгляды многих будущих революционеров.

Обрисованная в самых общих чертах картина семинарского образования в России и обстановка, царившая в семинариях, в той или иной степени свойственны были всей семинарской системе, в том числе и Тифлисской православной духовной семинарии. Разумеется, в каждой из них были свои особенности, порожденные местными условиями, была своя история, свои герои и свой собственный мартиролог.

Тифлисская семинария по примечательному стечению обстоятельств была основана в 1755 году, когда был открыт и Московский университет.¹²² В каком-то смысле семинария для Грузии сыграла ту же роль, что и Московский университет для России.

СТАТЬИ ИЛИ ОТДЕЛЫ ИЗ ЭТОЙ КНИГИ

¹¹⁹ Цит. по «Вопросы истории» 1997г. №11. С. 132.

¹²⁰ «Вопросы истории» 1997г. №11. С. 132.

¹²¹ Там же.

¹²² БСЭ. Издание третье. Т.7. С. 375. Правда, в литературе встречаются и другие даты основания Тифлисской семинарии, в частности, 1817 год.

Здесь нет необходимости подробно рассматривать историю этой семинарии. Но на одном весьма важном для формирования жизненного пути молодого Сталина обстоятельстве, связанном с Тифлисской семинарией, стоит остановиться особо. Речь идет о том бунтарском духе, который царил в семинарии в годы, предшествовавшие его поступлению туда и в период обучения в ней. Вне всякого сомнения, этот факт не мог не сыграть и сыграл важную роль, если не в выборе конечной жизненной цели молодого Иосифа, то уж во всяком случае в общем направлении его дальнейшего развития.

В Тифлисской семинарии еще до поступления туда Иосифа произошел поистине драматический случай, всколыхнувший всю Грузию и получивший довольно широкий отзвук даже в России. Исключительно жесткий внутренний режим, постоянная слежка за семинаристами, бесцеремонные обыски их жилых помещений и личных вещей в поисках так называемой подрывной литературы периодически приводили ко всякого рода конфликтам. Эпизодически среди семинаристов возникало недовольство, принимавшее различные формы протеста. Ответы на такие протесты были довольно стандартные – всякого рода наказания, ужесточение режима и т.п. меры. Так было, в частности, в 1873 году, когда, согласно донесению жандармского полковника своему начальству, некоторые учащиеся были замечены за чтением “недозволенной” литературы (Дарвина, Бокля, Милля, Чернышевского), а трое из учителей вели преподавание своих предметов “в либеральном духе”, за что были уволены со службы и переданы в жандармерию.¹²³

В 1885 году при очередном обыске была обнаружена “недозволенная” литература. За этим, естественно, последовали суровые дисциплинарные санкции, в частности, ряд семинаристов, среди которых числились наиболее способные ученики, был исключен из учебного заведения. В их числе оказался и Иосиф Лагишвили – сын священника из Горийского уезда, который потом тщетно добивался своего восстановления. В ряду этих событий был и такой драматический эпизод: один из семинаристов – Сильвестр Джибладзе (с именем которого в дальнейшем оказалось связанным вступление молодого Сталина на революционный путь) дал пощечину ректору семинарии протоиерею Чудецкому, вызвав этим поступком бурное одобрение своих товарищей. За это он был исключен из семинарии, осужден на три года штрафной военной службы.

Позднее, в июне 1986 года доведенный до отчаяния, Лагишвили убил ректора семинарии протоиерея Чудецкого, который отличался особым мракобесием, неприкрытой ненавистью к Грузии и ее культуре. Событие это всколыхнуло весь Тифлис. Семинария была на несколько месяцев закрыта. Начальник Тифлисского жандармского управления доносил по службе, что тифлисская семинария находится в весьма неблагоприятном положении по сравнению с другими семинариями в России, а ее учащиеся часто выказывают антирелигиозный настрой мыслей и враждебность к России. «Экзарх Грузии Питирим, ставленник Святейшего синода, с кафедральной трибуны проклял весь грузинский народ. Достойный ответ Питириму дал видный общественный прогрессивный деятель Грузии Дмитрий Кипиани. Выступление Д. Кипиани было воспринято как оскорбление Святейшего синода и самого самодерж-

¹²³ *Issac Deutscher. Stalin. p. 33.*

ца. Петербург требовал предания суду «дерзкого» защитника грузинского народа. Д. Кипиани был осужден на трехлетнюю ссылку в Астрахань. Накануне окончания срока ссылки этот бесстрашный человек, защищавший честь своего народа, был зверски убит...»¹²⁴

Недовольство учеников семинарии было порождено многими причинами. Прежде всего режимом, который царил в ней, непрерывной слежкой, издевательствами, которым подвергались учащиеся. К этому присовокуплялись и более серьезные мотивы, связанные с растущим недовольством в связи с ущемлением чувства национального достоинства, бесцеремонным процессом русификации не только самого преподавания, но и по существу всех основных сфер духовной жизни Грузии. Постепенно намечались и вызревали элементы и социального протеста как отражения общего для тогдашней Грузии компонента общественного развития. Можно сказать, что общественная атмосфера, царившая в Грузии в тот период, формировалась под непосредственным воздействием таких факторов, как национальный вопрос, или иначе говоря, рост национального самосознания; социальный вопрос и связанные с ним проблемы; комплекс проблем национально-культурного порядка; критика царизма с позиций либерального демократизма. Вообще все эти процессы развивались на самобытной почве Грузии, и вместе с тем они какой-то незримой нитью постепенно связывались с общими тенденциями развития общественной жизни Российской империи в целом. На всех этих аспектах мы остановимся позднее, рассматривая процесс приобщения молодого Сталина к идеям революционной борьбы против царизма. Сейчас же хочется подчеркнуть тот момент, что все указанные выше факторы в определяющей степени отразились на выборе жизненного пути молодого Иосифа Джугашвили.

Следует отметить, что буквально за несколько месяцев до его поступления в семинарию – в декабре 1893 года – там состоялась довольно мощная забастовка учащихся, о которой жандармский генерал Янковский информировал свое начальство в Петербурге. По его информации, учащиеся требовали увольнения некоторых преподавателей и введения преподавания грузинской литературы. Экзарх Грузии провел целый день в семинарии, стремясь убедить учеников отказаться от забастовки. Его усилия не принесли результата. Тогда ректор семинарии обратился за помощью к полиции. Семинария была закрыта, а ученики отправлены по домам. Общественность Тифлиса была возбуждена и расценивала такие акции как проявление несправедливости. Учащиеся, перед тем как покинуть семинарию, давали клятву солидарности друг с другом.

Суровые репрессии не заставили себя ждать: 87 учеников были исключены из семинарии, в их числе Ладо Кецохели (в дальнейшем один из тех, кто оказал на молодого Иосифа огромное влияние в плане вступления его на революционный путь), М.Цхакая – видный в дальнейшем деятель партии большевиков и один из близких соратников В.И.Ленина.¹²⁵ 23 из них даже было запрещено проживание в Тифлисе.

Один из западных биографов Сталина И.Дойчер пишет: «Когда пятнадцатилетний Джугашвили появился в семинарии, эхо последней забастовки

¹²⁴ А.В.Маскулия. Миха Цхакая. М. 1968. С. 11.

¹²⁵ См. Issac Deutscher. Stalin. p. 34 – 35.

было еще очень свежим. Учащиеся наверняка должны были обсуждать это событие и комментировать исключение 87 своих товарищей, и новичок мог только симпатизировать требованию, чтобы его родная литература преподавалась в семинарии. Таким образом, с самого начала он был заражен политическим брожением». ¹²⁶ Есть все основания согласиться с такой оценкой, поскольку она верно отражает обстановку, в которой юный Джугашвили начал этот свой, можно сказать, определяющий этап жизненного пути.

В официальной биографической хронике, которая помещалась в каждом томе сочинений Сталина, издававшихся при его жизни, сообщается, что 2 сентября 1894 года он поступает в первый класс Тифлисской духовной семинарии. Для поступления в семинарию ему необходимо было сдать приемные экзамены, которые он, по свидетельству современников, сдал блестяще. Факт поступления в семинарию отражен и в «Духовном Вестнике грузинского экзархата» от 1 января 1895 года, где сообщалось, что в числе других 18 ребят Иосиф Джугашвили был зачислен в первый класс в качестве полупансионера, т.е. не на полный казенный счет. ¹²⁷ Его матери, очевидно, пришлось доплачивать какую-то сумму денег за его пребывание в семинарии. Впоследствии вопрос об оплате учебы в семинарии всплыл в качестве одной из версий при рассмотрении причин исключения Сталина из духовной семинарии.

Документальные свидетельства, в том числе и официальные архивные документы, которыми располагают биографы Сталина, дают вполне определенное представление о том, как молодой Иосиф учился в семинарии. В первые два года он занимался прилежно и был одним из лучших учеников своего класса, хотя не самым лучшим, как это было в период его обучения в Гурийском духовном училище. При наличии незаурядных природных данных, блестящей памяти и целеустремленности, отличавшими его, тот факт, что он не стал первым в своем классе, объясняется, видимо, иными причинами. Скорее всего главную роль сыграл здесь, выражаясь современным языком, некоторый пересмотр обычной шкалы жизненных ценностей. Другими словами, овладение семинарской программой, освоение преподававшихся предметов перестало для него быть главной целью на данном отрезке жизненного пути. Как свидетельствовали его соученики, Иосиф перестал уделять внимание урокам, учился на тройки — лишь бы сдать экзамены. Он не терял времени и энергии на усвоение легенд из священного писания и уже с первого класса начал интересоваться светской литературой, общественно-экономическими вопросами. Из предметов, преподававшихся в семинарии, молодой Сталин особенно любил гражданскую историю и логику, по которым у него неизменно были отличные отметки. По остальным предметам он готовился в конце года, к экзаменам. ¹²⁸ Его соученики отмечали, что Сосо увлекался исторической литературой, в первую голову историей великой французской революции, революции 1848 года, парижской коммуны, историей России. Автор книги о молодом Сталине Э.Смит, в свою очередь, пишет, что Иосиф-семинарист изучает произведения Гюго и Бальзака, Дарвина и Теккерея, Фейербаха и Спинозы, хотя,

¹²⁶ Issac Deutscher. Stalin. p. 35.

¹²⁷ Детство и юность вождя. С. 64.

¹²⁸ Там же. С. 68.

видимо, и не в таком объеме, как утверждают советские источники о его семинарской жизни.¹²⁹

В целом складывается такая картина: особого прилежания к занятиям в семинарии Иосиф не проявлял, рамки семинарской программы его не удовлетворяли, он всячески стремился выйти за ее жесткие пределы. Определенная апатия к учебе была своеобразным выражением более глубокого общего недовольства, зрелого в душе Иосифа-семинариста.

Учеба в семинарии стала для него важным этапом в овладении русским языком, открывавшим широкие горизонты познания мира. И хотя некоторые апологетически настроенные в отношении Сталина биографы делают особый акцент на том, что он в это время уже чуть ли не в совершенстве овладел русским языком, такое утверждение, на мой взгляд, едва ли соответствует действительности.

Конечно, молодой Иосиф проявлял незаурядные способности и в овладении русским языком, который фактически стал для него родным. Но это произошло не в период его обучения в семинарии, а значительно позже. На семинарские же годы как раз и приходится время интенсивной работы над русским языком. О весьма высоком, но отнюдь не совершенном уровне его знаний русского языка свидетельствует один из подлинных архивных документов, а именно его собственноручное объяснение в адрес ректора семинарии в связи с пропуском занятий. Приводим это объяснение полностью:

«О. Инспектор!

Я не осмелился бы писать Вам письмо, но долг – избавить Вас от недоразумений на щет неисполнения мною данного Вам слова – возвратиться в семинарию в понедельник – обязывает меня решиться на это.

Вот моя история. Я прибыл в Гори в воскресенье. Оказывается умерший завещал похоронить его вместе с отцом в ближайшей деревне – Свенеты. В понедельник перевезли туда умершего, а во вторник похоронили. Я решил было возвратиться во вторник ночью, но вот обстоятельства, связывающая руки самому сильному в каком бы отношении ни было человеку: так много потерпевшая от холодной судьбы мать умершаго со слезами умоляет меня «быть ея сыном хоть на неделю».

Никак не могу устоять при виде плачущей матери и, надеюсь простете, решил тут остаться, тем более, что в среду отпускаете желающих.

Воспитан. И. Джугашвили.»¹³⁰

Молодой Сталин проучился в Тифлисской семинарии неполных пять лет. За это время он изучал наряду с богословскими предметами также общеобразовательные, к которым у него был большой интерес. В семинарии изучались русский язык, литература, математика, логика, гражданская история, греческий и латинский языки. В воспоминаниях современников и в других архивных документах не зафиксирован достаточно определенно его интерес к богословским наукам. Однако априори можно утверждать, что он как один из примерных семинаристов достаточно хорошо овладел соответствующими богословскими дисциплинами. Без этого вообще его пребывание в семинарии было бы невысказано.

¹²⁹ E. Smith. The young Stalin. p. 56. Эти данные Смит взял из советских официальных источников.

¹³⁰ Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи С. 31.

Вместе с тем нет и фактов, которые бы говорили в пользу того, что юный Иосиф проявлял особое рвение в овладении богословскими предметами и в отправлении всякого рода религиозных обрядов. При той косности и муштре, а также казенщине, сопровождавшей религиозные службы, трудно было ожидать особого рвения. Мы уже вскользь касались вопроса о религиозном факторе в формировании мировоззрения молодого Сталина. Здесь хотелось бы остановиться на одном любопытном моменте. После крушения Советского Союза некоторые патриотически настроенные круги православной русской церкви и вообще патриоты – оппоненты “демократов”, поборники самобытного пути исторического развития России стали довольно активно выдвигать и обосновывать ту точку зрения, что Сталин был якобы внутренне верующим человеком, несмотря на все те жесткие репрессии, которым была подвергнута церковь в период его нахождения у власти. Приведем здесь высказывание отца Дмитрия Дудко – известного современного церковного писателя и проповедника. Он ссылается на мысль, высказанную русским философом Н.Бердяевым, о том, что атеизм – это дверь к Богу с черного хода, и далее развивает ее применительно к вопросу о вере Сталина в Бога. «Сталин с внешней стороны атеист, – замечает он, – но на самом деле он верующий человек... Не случайно в Русской православной Церкви ему пропели, когда он умер, даже вечную память, так случайно не могло произойти в самое “безбожное” время. Не случайно он и учился в Духовной Семинарии, хотя и потерял там веру, но чтоб по-настоящему ее приобрести. А мы этого не понимаем...»¹³¹

Я здесь лишь пунктиром обозначил такую сложную и значительную проблему, как отношение Сталина к религии и Богу. Она требует специального исследования, которое выходит за рамки целей, поставленных в данной работе. Здесь же хотелось оттенить одно существенное обстоятельство, постоянно привлекающее внимание всех, кто пишет о Сталине. Речь идет о влиянии духовного образования, полученного им, на склад его мышления и особенно на манеру выражения своих мыслей. Каждому, кто знакомится с его статьями и речами, сразу же бросается в глаза весьма своеобразная речевая стилистика и манера аргументации. Они, бесспорно, несут на себе печать глубокого воздействия стиля изложения, присущего многим богословским сочинениям. Здесь влияние Горийского духовного училища и Тифлисской духовной семинарии видно, как говорится, даже невооруженным глазом.

Приведем в связи с этим мнение доктора философских наук, профессора Петербургского университета А. Л. Вассоевича:

«И. В. Сталин получил духовное образование, и можно не сомневаться, что его особенности повлияли и на систему доказательств в сталинских трудах, и на стилистику сталинских выступлений. Один из лучших образцов церковного красноречия (который легко обнаружить, например, в творениях Иоанна Златоуста) состоит в риторическом приеме многократного повторения нескольких ключевых словосочетаний. Этот прием был взят на вооружение воспитанником Горийского духовного училища и Тифлисской духовной семинарии И. В. Сталиным при подготовке своих политических выступлений. Великий революционер прекрасно осознавал сильнейшее психологическое воздействие излюбленной им риторической фигуры... Собрание его сочинений

¹³¹ Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи С. 734.

убеждает читателя в том, что излюбленному приему И. В. Сталин оставался верен вплоть до последних лет жизни. Через четыре с лишним десятилетия после смерти «отца народов», задумываясь над истоками прежде всего психологических побед, которые И. В. Сталин всякий раз одерживал над деятелями троцкистской оппозиции, нельзя сбрасывать со счета и того, что бурливое и цветастое революционное красноречие Льва Троцкого в конечном счете оказывалось менее эффективным, чем сталинская риторическая манера многократных повторов. Заимствованная из церковного красноречия и обращенная к населению страны, которая еще недавно была православной, эта манера оказывалась более близкой и понятной также для большинства вышедших из простонародья членов большевистской партии».¹³²

Оппоненты Сталина старательно акцентируют на данном моменте свое внимание и упрекают его в догматизме, схематизме и риторичности, свойственными языку религиозных проповедей и наставлений. Внешне это выглядит действительно так, хотя в самой такой манере, на мой взгляд, как и в любой другой, нет ничего зазорного и предосудительного. Примеров религиозно окрашенных, если можно так сказать, оборотов сталинской речи достаточно много. Стоит только вспомнить его знаменитое выступление по радио 3 июля 1941 года с вошедшим чуть ли не в поговорку обращением «Братья и сестры!», а также известную клятву выполнить заветы Ленина, произнесенную 26 января 1924 года, в которой рефреном звучал такой оборот: «Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам... Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!» и т.д.

Стилистическая окраска такого рода приемов, а также постоянно использовавшиеся им образцы риторических вопросов, адресованных как бы к самому себе, а также в первую очередь к слушателям, и соответствующих ответов на них, и многие другие ораторско-литературные особенности его устной и письменной речи — все это несет на себе зримую печать образования, полученного им в духовных учебных заведениях. В этом контексте, конечно, особое влияние на него оказал Катехизис, в котором основы религиозной веры излагаются в форме вопросов и ответов на них.

Можно, конечно, иронизировать на этот счет, к чему охотно прибегали в прошлом и прибегают в наше время критики Сталина. Однако в подобных методах есть и свои, причем немалые, достоинства. Весь строй проповедей церковного характера в силу своей предметной сущности требовал простоты и ясности языковых средств, четкости и предельной доходчивости в изложении мыслей.* Некоторые

¹³² «Советская Россия». 4 марта 2000г.

* Весьма примечательным в этом плане является эпизод, рассказанный покойным министром иностранных дел А.А.Громыко в его мемуарах. Перед отъездом в командировку в США, куда он был назначен незадолго до войны, его пригласили на беседу со Сталиным. Последний поинтересовался тем, как Громыко владеет английским языком, и услышав его ответ, дал следующий совет: «А почему бы вам временами не захаживать в американские церкви, соборы и не слушать проповеди церковных пастырей? Они ведь говорят четко на чистом английском языке. И дикция у них хорошая. Ведь недаром многие русские революционеры, находясь за рубежом, прибегали к такому методу для совершенствования знаний иностранного языка.»

Я несколько смутился, — пишет А. Громыко. — Подумал, как это Сталин, атеист, и вдруг рекомендует мне, тоже атеисту, посещать американские церкви? Не испытывает ли он меня, так сказать, на прочность? Я едва не спросил: «А вы, товарищ Сталин, прибегали к этому методу?» Но удержался и вопроса не задал, так как знал, что иностранными языками Сталин не владел, и мой вопрос был бы, в общем, неуместен.» (А. А. Громыко. Памятное. М. 1988. Книга первая. С. 77.)

биографы Сталина подчеркивают, что такой строй речи Сталина был обусловлен необходимостью того, чтобы его понимали все – и образованные, и необразованные, даже малограмотные люди. Чтобы его понимали в такой огромной стране, каким был Советский Союз, от западных окраин до Тихого океана. И в таком объяснении, помимо зримого влияния церковного образования, полученного Сталиным, содержится рациональное зерно. Кроме всего прочего, такой речевой стиль характеризует Сталина как человека, крайне критически относившегося к различным “красивостям” речи, к чему так часто, в меру и не в меру, прибегали деятели революционного движения в то время. Ясность речи отражает ясность мысли, простота изложения мысли свидетельствует о том, что мысль продумана, осмыслена и нашла свое адекватное выражение.

Сказанное выше касается, строго говоря, сузубо внешней стороны его семинарского образования. Если же вести речь о содержательной стороне дела, то, видимо, общий круг его знаний не по богословским, а по светским предметам, в общем соответствовал уровню гимназического курса. Этот уровень в старой России, как оценивают и современные специалисты по образованию, был довольно приличным. Рискую повториться, снова напомню, что дочь Сталина С. Аллилуева в своих воспоминаниях особо подчеркивала, что отец “греческий помнил и в старости”.¹³³

Здесь следует специально отметить, что во всем письменном наследии Сталина, а также в его речах мы ни разу не встретим даже малейшего намека на знание греческого языка, не говоря уже о латинском, который он также изучал. А при той чуть ли не феноменальной памяти, о которой пишут почти все, кто с ним соприкасался, можно с полным основанием предположить, что словарный состав иностранных языков, в данном случае греческого и латинского, был ему в определенном объеме знаком достаточно хорошо. Однако следов использования этих языков в его произведениях мы не находим. О причинах этого можно лишь строить различные предположения. Одна из них такая: в начальный период деятельности Сталина знание латинского и греческого языков на гимназическом уровне было явлением настолько банальным, что никому просто не приходило в голову демонстрировать эти знания, хотя в работах Ленина, Троцкого, Бухарина и других деятелей большевистской партии часто встречаются латинские крылатые слова и изречения.

На эти моменты я обращаю внимание отнюдь не из желания отметить у Сталина какие-то особые лингвистические дарования, которых у него, вполне возможно, и не было. А только лишь для того, чтобы оттенить его спокойную реакцию и выдержку, когда в дальнейшем в период острой политической борьбы его оппоненты, в особенности Троцкий, изощренно изголялись над тем, что он не владеет иностранными языками. Порой стремление уязвить Сталина “по этому пункту” обретало какой-то поистине анекдотический и смехотворный характер. Как будто знание иностранных языков является непременным атрибутом, обязательным для политического

¹³³ Светлана Аллилуева. Только один год. С. 313.

Имеется, правда, свидетельство П.Н. Поспелова, бывшего в 1940 – 1949 гг. главным редактором газеты “Правда” тесно соприкасавшегося по работе со Сталиным, что тот в минуты хорошего настроения, припоминая семинарский багаж, произносил какие-нибудь латинские изречения, подшучивая: “Вот только мы с вами, Петр Николаевич, знаем здесь латынь” (Николай Зенькович. Тайны уходящего века – 3. М. 1999. С. 443.)

руководителя. Никто не спорит, что иностранный язык является, по словам К. Маркса, орудием в жизненной борьбе. Знание иностранных языков расширяет возможности любого политического деятеля, раздвигает его общий кругозор, но оно не способно из мелкотравчатого политика сделать крупного политического деятеля.

Данное отступление от непосредственного предмета рассмотрения продиктовано тем, что в политической биографии Сталина, в истории всей его деятельности как политической фигуры указанное выше обстоятельство порой обретало значение, далеко выходящее за рамки чисто образовательной проблемы. Многие его политические концепции стратегического масштаба ставились под сомнение по причинам якобы “национальной” ограниченности, проистекавшей, в частности, из-за незнания иностранных языков. Подобные “аргументы” не выдерживают серьезной критики.

Но вернемся к вопросу о том, что дала молодому Иосифу духовная семинария, какой след оставила она в его характере и как она повлияла на выбор главных жизненных целей. Понятно, что дать исчерпывающие ответы на все эти важные, можно сказать, ключевые вопросы его жизненного пути на этапе формирования молодого Сталина как личности, совсем нелегко. И трудность объясняется не только относительной скудностью фактических материалов, но и тем, что сам Сталин, как это ни покажется странным, в дальнейшем, во все периоды своей деятельности, почти не затрагивал эти вопросы. Имеются скудные факты, касающиеся времени обучения в семинарии, которые, скорее всего со слов отца, приводит его дочь в своих книгах. Эти свидетельства представляются вполне достоверными. Чего, однако, нельзя в полной мере сказать о свидетельствах, опубликованных при жизни Сталина, где авторами выступают его соученики по семинарии и сподвижники по раннему периоду его революционной деятельности. В своем подавляющем большинстве они выдержаны в откровенно апологетическом ключе, и уже в силу этого вызывают серьезные сомнения. Впрочем, полностью отвергать их тоже нет достаточных оснований, поскольку некоторые из них в той или иной степени подтверждаются некоторыми независимыми источниками. Поэтому, очевидно, на эти свидетельства также можно опираться, отдавая себе отчет в том, что они требуют критической оценки.

В качестве вполне достоверного факта можно констатировать, что молодой Сталин проявлял большой интерес к чтению как художественной, так и научно-популярной литературы. Богословские науки, в особенности Старый и Новый завет, он, конечно, знал уже в силу самого своего обучения в духовных учебных заведениях, того большого внимания, которое уделялось там их усвоению.

В семинарии, продолжая традиции, заложенные в Гюрийском училище, Иосиф увлекается чтением произведений русской классической литературы. Правда, уже четко обозначился и определенный крен в сторону произведений критического реализма. Он читает сочинения Щедрина («Господа Головлевы»), Гоголя («Мертвые души»), Эркмана-Шатриана—«История одного крестьянина», роман Теккерера «Ярмарка тщеславия» в двух томах (в то время он был переведен как «Базар житейской суеты») и много других книг. С детства Сталин хорошо знал грузинских писателей, любил произведения Ш. Руставели, И. Чавчавадзе, В. Пшавела. Особо следует сказать о том, что, увлекаясь литературой, Сталин в период учебы в Тифлисской семинарии написал несколько стихотворений, которые очень понравились Илье Чавчавадзе,— достаточно отметить, что они помещались в газете «Иверия», которую редактировал Чавчавадзе,

на первой странице, на видном месте. (Г. Паркадзе, Из воспоминаний о нелегальных сталинских кружках. «Заря Востока» № 46 от 26 февраля 1939 г.)

В июне — декабре 1895 года на страницах «Иверии» за подписью И. Дж—швили (И. Джугашвили), а затем — Сосело (уменьшительное от имени Иосиф), было напечатано пять стихотворений Сталина. Из них одно является посвящением писателю Рафаэлу Эристави, другое называется — «Луне», а остальные не озаглавлены.

Стихотворения молодого Сталина обратили на себя внимание. В 1901 году грузинский общественный деятель М. Келенджеридзе, составивший пособие по теории словесности, поместил в книге среди лучших образцов грузинской классической литературы стихотворение за подписью — Сосело.

В 1907 году тот же М. Келенджеридзе составил и издал «Грузинскую хрестоматию или сборник лучших образцов грузинской словесности» (т. I), в которой на 43-й с границе помещено стихотворение Иосифа Сталина, посвященное Р. Эристави. Шестое стихотворение «Старец Ниника» было напечатано в газете «Квали» в июле 1896 года.¹³⁴

В связи с «поэтическим творчеством» молодого Сталина необходимо отметить следующее обстоятельство. В период шквальной критики Сталина и сталинизма, которая развернулась в период перестройки и после нее, некоторые высказывали сомнение в том, что указанные выше стихи принадлежат перу молодого Сталина. «Доказательством» правомерности таких сомнений послужило то, что некоторые из них были подписаны псевдонимом И. Дж — швили, который, мол, мог использовать писавший в то же время поэт Иван Джавахишвили. Как справедливо и язвительно в данном случае замечает явно критически настроенный по отношению к Сталину Р. Конвест, если псевдоним И. Дж — швили еще и можно приписать Ивану Джавахишвили, то Сосело едва ли.¹³⁵ Добавим к этому, что писать стихи, а тем более публиковать их в прессе семинарист Джугашвили не имел права, это считалось грубейшим нарушением уставных норм семинарской жизни. Поэтому у него (в отличие от И. Джавахишвили) было более чем достаточно причин использовать псевдоним.

Еще в качестве одного из аргументов в доказательство того, что молодой Иосиф не был действительным автором опубликованных стихотворений приводится то, что в дальнейшем он не писал стихов, по крайней мере нет абсолютно никаких ни прямых, ни косвенных свидетельств этого. Этот аргумент не выдерживает серьезной критики, поскольку подавляющее большинство людей, которые когда-то в юности писали стихи, в более зрелом возрасте оставляют это занятие. И ничего удивительного в этом нет: другие проблемы и другие цели выходят на первый план. Применительно к молодому Сталину подобный разворот событий представляется вполне логичным, не вызывающим особых вопросов.

Мы не будем касаться того, насколько стихи молодого Сталина значительны по своему литературному слогу и форме. Нас интересуют прежде всего те моменты, которые в связи с его поэтическими опытами помогают понять процесс его формирования как личности. И здесь, на мой взгляд, стоит отметить два обстоятельства. Первое — это развитое чувство патриотизма и национального достоинства, любовь к

¹³⁴ См. *Детство и юность вождя*. С. 69-79.

¹³⁵ *Robert Conquest. Сталин*, p. 18.

своей родине – Грузии, что достаточно красноречиво говорит о направлении его идейного развития. Второе – это наличие четко выраженных социальных мотивов, проглядывающих в его мироощущениях и оценках индивидуальной и общественной роли личности вообще. Эти два элемента явственно выражены в стихотворении, посвященном памяти писателя Рафаэля Эристави:

Когда крестьянской горькой долей,
Певец, ты тронут был до слез,
С тех пор немало жгучей боли
Тебе увидеть привелось.

Когда ты ликовал, взволнован
Величием своей страны,
Твои звучали песни, словно

Лились с небесной вышины.

Когда отчизной вдохновленный,
Заветных струн касался ты,
То, словно юноша влюбленный,
Ей посвящал свои мечты.

С тех пор с народом воедино

Ты связан узами любви,

И в сердце каждою грузина

Ты памятник воздвиг себе.

Певца отчизны труд упорный

Награда увенчать должна:

Уже пустило семя корни,

Теперь ты жатву пожинай.

Не зря народ тебя прославил,

Перешагнешь ты грань веков,

И пусть подобных Эристави

Страна моя растит сынов.¹³⁶

Думается, что даже одно это стихотворение дает более или менее наглядное представление о главных устоях гражданской позиции молодого Иосифа Джугашвили. Направление его дальнейшего развития уже определилось в своих основных чертах, и жизнь лишь способствовала тому, чтобы оно проходило ускоренными темпами.

Американский автор Р. Такер, основываясь на общеизвестных фактах из биографии Сталина этого периода, пишет: «Когда четырнадцатилетний Джугашвили в августе 1894 г. вошел в каменное 3-этажное здание Тифлисской духовной семинарии, он оказался в мире, существенно отличавшемся от того, к которому привык в Гори. Около шестисот учеников, практически все время (за исключением примерно одного часа в послеобеденное время) находившихся взаперти в строении казарменного типа, которое некоторые называли «каменным мешком», вели строго регламентированную жизнь: в 7.00 – подъем, утренняя молитва, чай, классные занятия до 14.00, в 15.00 – обед, в 17.00 – переключка, вечерняя молитва; чай в 20.00, затем самостоятельные

¹³⁶ Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. С. 25 - 26

занятия, в 22.00 – отбой. ...По воскресеньям и религиозным праздникам подросткам приходилось по 3–4 часа выстаивать церковные богослужения. Обучение велось в монотонной и догматической манере, которая подавляла всякие духовные потребности. Во главе угла, как и в Гори, была русификация. На занятиях не только вменялось в обязанность говорить по-русски, но запрещалось также читать грузинскую литературу и газеты, а посещение театра считалось смертельным грехом».¹³⁷

Вся атмосфера, господствовавшая в семинарии, не могла не оказать на молодого Сталина чрезвычайно тягостного воздействия, особенно если учесть, что из родительского дома, из привычного горийского бытия он был как бы переброшен в совсем иную среду. В таком возрасте подобные перемены, несомненно, отражаются на любом человеке, тем более, что речь идет о кардинальных переменах в укладе самой жизни. Видимо, поэтому он с самого начала начал испытывать к новой среде неприязнь и нескрываемое отчуждение. Новая жизнь, вернее жизнь в новых условиях, сказались и на его характере, поведении и вообще на мировосприятии. Его товарищи по гимназии впоследствии отмечали, что прежде Сосо был живым пареньком, довольно веселым и общительным, а после поступления в семинарию он стал серьезным, сдержанным, погруженным в себя. Так, Давид Папиташвили вспоминал:

«После вступления в семинарию товарищ Сосо заметно изменился. Он стал задумчив, детские игры перестали его интересовать». Аналогичные оценки дает и Ваню (младший брат Ладо Кецохвели), хорошо знавший Сосо. Он свидетельствовал: «В этот период характер товарища Сосо совершенно изменился: прошла любовь к играм и забавам детства. Он стал задумчивым и, казалось, замкнутым. Отказывался от игр, но зато не расставался с книгами и, найдя какой-нибудь уголок, усердно читал»¹³⁸.

Именно чтение стало, очевидно, на данном этапе его жизненного пути главным средством, с помощью которого молодой Сталин пытался понять и осознать суровую реальность и свое место в ней, свое отношение к новой жизненной среде, тем условиям, которые его окружали. Новые книги будили мысль, ставили перед юношей вопросы, ответы на которые он и пытался найти прежде всего в книгах. Вместе с тем, сопоставление книжных знаний, которые он приобретал, с условиями его реальной жизни ставили перед ним все новые и новые вопросы. И на них найти ответа в книгах было невозможно.

Общеобразовательные предметы, входившие в программу семинарии, развивали его кругозор, но их было явно недостаточно, чтобы получить ответы на интересовавшие его вопросы. Тем более, что программа семинарии была ориентирована на достижение совсем иной цели – подготовить выпускников к церковной деятельности в качестве приходских священников. Библиотека семинарии также была укомплектована книгами в соответствии с ее назначением. Как и все семинаристы до него, Сосо обратился к иным источникам книжной мудрости, благо что в Тифлисе существовала частная “Дешевая библиотека”, услугами которой пользовались и семинаристы, хотя это и запрещалось семинарским уставом. Был еще и другой источник “вольных книг” – букинистический магазин. Но книги стоили дорого и были не по карману семинаристам, поэтому молодой Сталин читал книги в самом магазине и благодаря своей прекрасной памяти многое усваивал таким способом.

¹³⁷ Роберт Такер. Сталин. Т. I. С. 85.

¹³⁸ Детство и юность вождя. С. 65, 67.

О том, какие книги он читал, дают представление сохранившиеся записи в так называемом Конduitном журнале, в который заносились различные нарушения, допускавшиеся семинаристами, и, соответственно, наказания, выпадавшие на их долю за эти нарушения. Сохранились записи, касающиеся молодого Сталина. Вот некоторые из них: «Джугашвили, оказалось, имеет абонементный лист из «Дешевой Библиотеки», книгами из которой он пользуется. Сегодня я конфисковал у него соч. В. Гюго «Труженики моря», где нашел и названный лист».

«Пом. инсп. С. Мураховский. Инспектор Семинарии Иеромонах Гермоген».

«Наказать продолжительным карцером—мною был уже предупрежден по поводу посторонней книги—«93 г.» В. Гюго».

(Запись (в ноябре 1896 г.) в конduitном журнале Тифлисской дух. семинарии. Экспонат Тбилисского филиала Центрального музея имени В. И. Ленина.)¹³⁹

Вот еще записи аналогичного характера, которые дают представление о круге интересов Сосо. «В 11 ч. в. мною отобраена у Джугашвили Иосифа книга «Литературное развитие народных рас» Летурно, взятая им из «Дешевой Библиотеки»; в книге оказался абонементный листок. Читал названную книгу Джугашвили на церковной лестнице. В чтении книг из «Дешевой Библиотеки» названный ученик замечается уже в 13-й раз. Книга представлена мною о. Инспектору. Пом. Инспектора С. Мураховский».

«По распоряжению о. Ректора,—продолжительный карцер и строгое предупреждение»¹⁴⁰.

«Джугашвили Иосиф (V, I.) во время совершения членами инспекции обыска у некоторых учеников 5-го класса, несколько раз пускался в объяснения с членами инспекции, выражая в своих заявлениях недовольство производящимися время от времени обысками среди учеников семинарии, и заявил при этом, что-де ни в одной семинарии подобных обысков не производится. Ученик Джугашвили вообще не почтителен и груб в обращении с начальствующими лицами, систематически не кланяется одному из преподавателей (С. А. Мураховскому), как последний неоднократно уже заявлял инспекции.

Помощник инспектора А. Ржавенский». «Сделан был выговор. Посажен в карцер, по распоряжению о. Ректора, на пять часов. И. Д». (Иеромонах Димитрий Абашидзе. — Авт.)

(Запись в конduitном журнале Тифлисской духовной семинарии за 1898—1899 гг. Экспонат Тбилисского филиала Центрального музея имени В. И. Ленина.)¹⁴¹

Один из соучеников Сталина по семинарии П. Талаквдзе рассказал о таком весьма характерном эпизоде, рисуя картину нравов, царивших в Тифлисской семинарии: «Вспоминается 1898 год. Как-то раз, после обеда, мы, ученики, сидели в Пушкинском сквере, около семинарии. Вдруг кто-то закричал: «Инспектор Абашидзе производит обыск у Джугашвили!» Я бросился в семинарию, подбежал к гардеробу, находившемуся в нижнем этаже, где хранились наши вещи в закрываемых нами на замок ящиках.

¹³⁹ Детство и юность вождя. С. 71

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же. С. 84.

Войдя в гардероб, я увидел, что инспектор Абашидзе уже закончил обыск. Он взломал ящик Сосо, достал оттуда нелегальные книги и, забрав их под мышку, поднимался на второй этаж здания. Рядом с ним шел Сосо...

Вдруг в это время к инспектору неожиданно подбежал ученик шестого класса Василий Келбакиани и толкнул монаха, чтобы выбить из его рук книги. Это оказалось безуспешным. Тогда Келбакиани набросился на инспектора спереди, и книги тут же посыпались на пол. Сосо и Келбакиани быстро подхватили книги и бросились бежать... Опешивший инспектор Абашидзе так и остался ни с чем.»

(По воспоминаниям П. Талаквадзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)¹⁴²

Свидетельства такого рода стали достоянием общественности в ходе подготовки к празднованию отмечавшегося в 1939 году 60-летия Сталина. Конечно, можно предположить, что в тот период старались создать чуть ли не идеальный образ молодого Сталина. На первый план, естественно, выдвигались все моменты, связанные с его революционным, бунтарским настроем. Весь подбор материалов должен был убедить читателей в том, что уже тогда он сознательно и бесповоротно вступил на путь борьбы против царизма. Причем в решающей степени сама датировка этого этапа его жизненного пути была predeterminedена высказыванием самого Сталина. Речь идет прежде всего о его беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом. Приведем соответствующее место из этой беседы, состоявшейся в декабре 1931 года:

«Людвиг. Разрешите задать Вам несколько вопросов из Вашей биографии. Когда я был у Масарика, то он мне заявил, что осознал себя социалистом уже с 6-летнего возраста. Что и когда сделало Вас социалистом?

Сталин. Я не могу утверждать, что у меня уже с 6 лет была тяга к социализму. И даже не с 10 или с 12 лет. В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе».¹⁴³

В этой же беседе Сталин коснулся и своего обучения в семинарии, что можно считать редким фактом, поскольку публично он данной проблемы практически никогда не затрагивал. Отвечая на вопрос, что толкнуло его на путь оппозиционности, Сталин сослался на обстановку, царившую в семинарии: «Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения.

Людвиг. Но разве Вы не признаёте положительных качеств иезуитов?

Сталин. Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе для осуществления дурных целей. Но основной их метод — это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство, — что может быть в этом положительного? Например, слежка в пансионате: в 9 часов звонок к чаю, уходим в столовую, а когда возвращаемся к себе в комнаты, оказывается, что уже за это время обыскали и перепотрошили все наши вещевые ящики... Что может быть в этом положительного?»¹⁴⁴

¹⁴² *Детство и юность вождя.* С. 84 - 85.

¹⁴³ *И.В.Сталин.* Соч. Т. 13. С. 113.

¹⁴⁴ *И.В.Сталин.* Соч. Т. 13. С. 113-114.

Таким образом, приведенные выше свидетельства соучеников Сосо служат как бы наглядной иллюстрацией мыслей, высказанных самим Сталиным почти за десять лет до публикации этих воспоминаний. Дает ли это обстоятельство повод ставить под сомнение достоверность свидетельств его товарищей по семинарии? Думается, что нет. Ведь такого рода свидетельства касаются не одного лишь Сталина. Многие другие ученики, в частности, И.Иремашвили, писавший о Сталине с критических позиций, говорят об этом же.

Молодой Сосо в семинарии начал приобщаться к царившей там "общественной жизни", одним из неперенных атрибутов которой было создание всякого рода кружков, носивших не столько характер самообразовательных, сколько оппозиционных, где ученики обменивались мнениями, высказывали свои мысли по поводу системы обучения в семинарии, а также и по более серьезным проблемам, интересовавшим широкие слои тогдашней грузинской интеллигенции. Само собой понятно, что постепенно все больший удельный вес стали приобретать социальные проблемы, поскольку именно они как бы связывали в единый узел все остальные. Широко распространены были различные рукописные журналы, на страницах которых семинаристы выражали свои взгляды, осваивали литературный стиль, а проще говоря – учились письменно выражать свои мысли.

Иосиф не только не оказался в стороне от этих потоков семинарской жизни, но, напротив, принимал в них самое активное участие. Это отвечало его бунтарской натуре, а также лежало в русле стремления обогатить свои знания. В семинарские годы он знакомится с такими научными произведениями, как "Происхождение человека и естественный отбор" Ч. Дарвина, "Сущность христианства" Л. Фейрбаха, "История цивилизации в Англии" Г. Бокля, "Этика" Б. Спинозы, "Основы химии" Д. Менделеева. Читал он, разумеется, и другие книги. Но упомянутые выше дают некоторое представление о направленности его интересов, вполне определенно говорят за то, что он стремился вооружить себя знанием фундаментальных наук. В этой связи явно тенденциозным и спекулятивным выглядит утверждение автора одной из многих, появившихся в последние годы книг о Сталине, некоего А. Гордиенко, который, сославшись на отсутствие в учебном плане семинарии каких-либо научных дисциплин и современных иностранных языков, пишет: «Несмотря на то, что в годы учебы Иосиф очень много читал, он имел громадные проблемы практически во всех областях фундаментальных знаний, что впоследствии самым страшным образом сказалось на судьбах не только советской науки, но и всей страны».¹⁴⁵

Логика подобного рода умозаключений весьма своеобразна. Можно подумать, что выпускники гимназии после ее окончания не имели каких-либо проблем "во всех областях фундаментальных знаний". (В целом, как отмечалось выше, общий учебный уровень духовных семинарий соответствовал общему уровню гимназий. История русской науки знает примеры того, как выпускники духовных семинарий становились

Кстати сказать, русский перевод этого двухтомного труда публиковался в "Отечественных записках" в 1861 году, т.е. одновременно с английским изданием. Отдельным изданием он вышел в 1863-64 гг. Эта работа английского историка и социолога пользовалась особым вниманием российской читающей публики. Поэтому нет ничего удивительного в том, что молодой Сталин обратил на нее внимание.

¹⁴⁵ А. Н. Гордиенко. Иосиф Сталин. Минск. 1998. С. 6.

видными учеными и даже государственными деятелями в старой России). К слову сказать, и выпускники университетов тоже отнюдь не были застрахованы от того, чтобы не иметь проблем “во всех областях фундаментальных знаний.”

Думается, что такие пассажи, как приведенный выше, не должны оставаться вне поля критического внимания. Дело в том, что на основе поверхностных и чисто формальных моментов, касающихся Сталина и особенно его образования, авторы определенного толка безапелляционно делают далеко идущие выводы. Можно подумать, что выпускники средних учебных заведений в старой России должны были быть чуть ли не энциклопедистами. К тому же, получение формального образования не означает конец нескончаемого по своей сути процесса приобретения знаний. Для многих, в том числе и для молодого Сталина, самостоятельная работа над собой, расширение своего интеллектуального кругозора всегда оставалась повседневной работой. Именно благодаря непрерывному процессу самообразования Сталин приобрел обширные познания в самых различных областях, что позднее поражало многих специалистов, соприкасавшихся с ним. Это зафиксировано во многих мемуарах, причем важно подчеркнуть один существенный момент: исключительно широкую и основательную осведомленность Сталина во многих областях знаний отмечают и люди, не испытывавшие к нему симпатий. Так что безапелляционно говорить об ограниченности знаний Сталина в научных областях, думается, нет оснований. По крайней мере, этих знаний ему вполне хватало, чтобы осуществлять руководство такой огромной страной.

Но вернемся к его семинарским годам и попытаемся хотя бы в самой общей форме очертить эволюцию его интеллектуального развития, постепенное его превращение из бунтаря, которого возмущали семинарские порядки, в сознательного революционера, в борца против царского самодержавия. Очевидно, что главным двигателем этой эволюции было приобщение молодого Сталина к революционной литературе, прежде всего марксистской. Именно эта литература, подкрепленная его пока еще небольшим, но уже вполне определенным жизненным опытом, предопределили формирование молодого Сталина в революционера, и не просто в революционера, но и в социалиста. Социалисты в тот период были наиболее радикальным крылом революционного движения.

В официальной биографической хронике Сталина отмечается, что в 1896 – 1898 годах он изучает “Капитал” К.Маркса, “Манифест коммунистической партии” и другие работы К.Маркса и Ф.Энгельса, знакомится с ранними произведениями В. И. Ленина. “Капитал” К. Маркса считался в то время, да и в дальнейшем на протяжении многих десятков лет, своего рода Библией марксизма, и каждый сторонник этого учения считал первоочередным долгом изучить главное произведение научного марксизма. Конечно, молодой Сталин не был исключением в этом ряду революционеров. Однако имеются весьма веские основания сомневаться в том, что этот труд мог быть серьезно освоен им на базе тех знаний, которыми он располагал. Вообще мне представляется, что изучение “Капитала” для многих поколений революционеров носило скорее характер некоего чуть ли не ритуального приобщения к марксизму, нежели являло собой необходимый элемент теоретической подготовки и практического обоснования их революционных взглядов. Сам этот труд является весьма специфическим научным исследованием, для действительно серьезного понимания которого требуется, по крайней мере, неплохое экономическое образование. Так что,

на мой взгляд, изучение главного Марковского труда молодым Сталиным, едва ли могло знаменовать собой революционный переворот в его сознании.

Любопытные и представляющие несомненный интерес по данному вопросу воспоминания оставил сам Сталин. Правда, они воспроизводятся со слов пользовавшегося его благосклонностью известного советского кинорежиссера К. Чиаурели. Но, видимо, этот рассказ отражает действительную картину, поскольку подтверждается и другими воспоминаниями. Вот его содержание:

«В Тифлисе проживал небезызвестный букинист. Я учился в семинарии. У нас существовал марксистский кружок. Букинист одновременно издавал дешевые брошюры народнического толка, им лично написанные. Первый экземпляр первого тома Марковского «Капитала» был каким-то образом получен им. Учтя «спрос» на «Капитал», он решил давать книгу на прокат. Плата была высокая. Наш кружок буквально по гривеннику собрал деньги. Нам тяжело было выкроить из своего скромного бюджета такую сумму. Мы были возмущены «просветительной» политикой этого народника.

Получив заветный том, мы просрочили возврат на три дня. Букинист потребовал дополнительную плату за просрочку. Мы заплатили. Но каково было его возмущение и досада, когда он увидел, что «Капитал» экспроприирован!

Мы раскрыли перед ним второй рукописный том «Капитала». За короткий срок мы переписали «Капитал» до последней строчки».¹⁴⁶

Разумеется, нет смысла вдаваться в рассмотрение вопроса о том, какую роль сыграл главный Марков труд в формировании мировоззрения молодого революционера. Можно предположить, что ценность этого труда для тех, кто вставал на революционную стезю, состояла прежде всего в том, что он своей теорией прибавочной стоимости как бы теоретически обосновывал сам по себе бесспорный факт эксплуатации в капиталистическом обществе. Иными словами, идеи и аргументация «Капитала» не имели, так сказать, прямого революционного выхода, и в этом смысле не им обязан молодой Иосиф выбору своего жизненного кредо.

Иное дело, конечно, «Манифест коммунистической партии», четкость главных идей которого и блестящий стиль изложения, не могли не произвести самого сильного впечатления на молодого революционера. Русский перевод «Манифеста» к тому времени был известен уже давно, а в период обучения Иосифа в семинарии батумский кружок впервые начал переводить его на грузинский язык, печатать на гектографе и распространять среди революционно настроенной молодежи. Тогда же отдельные выдержки из первой главы «Манифеста» публиковались в легальной газете «Квали» под видом заметок публициста из-за границы.¹⁴⁷

В семинарии молодой Сталин был не только участником, но и организатором одного из кружков, поставившим своей целью изучение социалистических идей с

¹⁴⁶ Встречи с товарищем Сталиным. М. 1939. С.156 – 157.

* По поводу первоначального знакомства молодого Джугашвили с «Капиталом» даже в тщательно отработанной подборке материалов о его детстве и юности встречаются противоречия и разночтения. Так, в одном месте издания утверждается, что одной из первых книг, прочитанных им в 1894 году, был «Капитал». А буквально через страницу в том же издании говорится, что этот труд молодой Джугашвили и его товарищи изучали в конце 90-х годов. (См. Детство и юность вождя. С. 69, 71.

¹⁴⁷ История Коммунистической партии Советского Союза. М. 1965. Т. I. С.251.

тем, чтобы его участники смогли овладеть основами этого нового для них учения. Об этом свидетельствуют соученики Иосифа по семинарии, которые поделились своими воспоминаниями в период всевластия Сталина. Но об этом пишет и его товарищ И.Иремашвили в книге, опубликованной в Германии в 1932 году, о чем уже шла речь выше. Добавим к этому данные, содержащиеся в известной книге Л.Берия "К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья". В ней сообщается: «Товарищ Сталин в 1896–1897 гг. в Тифлисской духовной семинарии руководил двумя революционно-марксистскими кружками учащихся семинаристов.

В первый революционно-марксистский кружок, так называемый «старший», входили семинаристы Тифлисской духовной семинарии Давиашвили (Давидов) Миша, Долидзе Арчил (Ростом), Паркадзе Гуца, Глурджидзе Григорий, Натрошвили Симон, Размадзе Гиго, Ахметелов Ладо, Иремашвили Иосиф.

Во второй кружок, так называемый «младший», входили Елиабедашвили Георгий, Сванидзе Александр, Гургенидзе Дмитрий, Сулиашвили Датико, Бердзенишвили Васо, Кецховели Ваню, Ониашвили Д. и др.»¹⁴⁸

В том, что молодой Иосиф принимал самое активное участие в организации и работе подпольных кружков, сомнений нет. Можно лишь спорить о том, какова была их направленность. Видимо, в целом они были ориентированы на знакомство с революционной литературой преимущественно социалистической ориентации. Во время совместных встреч участники кружков обменивались мнениями о прочитанных книгах, делились своим пониманием тех или иных теоретических проблем, методах решения волновавших тогдашнее грузинское общество вопросов. Словом, делали то, что с точки зрения начальства семинарии может быть обозначено одним словом – недозволенные занятия. Трудно судить, какой практический результат давали такие кружки в смысле подготовки к конкретным акциям революционного характера. Но, видимо, они и не ставили себе такой задачи. Главный результат работы таких кружков заключался в том, что они серьезно способствовали становлению их участников как личностей, расширению их кругозора, выработке определенных взглядов и

¹⁴⁸ Книга эта представляет собой доклад на собрании тбилисского партактива 21–22 июля 1935г. В историографии она оценивается в качестве коллективного труда, авторство которого присвоил Л.Берия. По общему признанию, этот доклад, опубликованный не только в грузинской печати, но и в газете "Правда", а также многократно выходивший отдельными изданиями вплоть до ареста Берия, стал важным этапом в кампании по раздуванию культа личности Сталина, особенно по возвеличиванию его роли в развитии революционного движения в Закавказье. Оставляя за скобками идеологическую тенденциозность этой книги, заданность важнейших выводов и оценок, сделанных в ней, думается, что фактологическая ее основа в значительной мере может быть использована в освещении данного этапа деятельности Сталина, поскольку она базируется на архивных материалах, к которым имели доступ составители доклада. Разумеется, надо иметь в виду, что сам отбор архивных документов также был подчинен изначально заданной цели. С этими оговорками, тем не менее, ее можно использовать в качестве вспомогательного материала при рассмотрении закавказского периода деятельности Сталина.

¹⁴⁹ Брат будущей первой жены Сталина – Екатерины Сванидзе. Расстрелян советскими органами безопасности как немецкий шпион в 1941г.

¹⁴⁸ Берия Л.П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. М. 1948. С. 23.

настроений. Конечно, не все участники подпольных кружков встали в дальнейшем на путь революционной борьбы, и это вполне объяснимо. Но все же часть из них через такие кружки приобщилась к оппозиционной, а затем и революционной работе. В таком контексте их можно рассматривать как определенную революционную школу начального уровня.

Приведем воспоминания одного из участников кружка, которым руководил молодой Иосиф: «По предложению Иосифа была снята комната за пять рублей в месяц под Давидовской горой. Там мы нелегально собирались один, иногда два раза в неделю, в послеобеденные часы, — до переключки. Иосиф жил в пансионе, и денег у него не было, мы же получали от родителей посылки и деньги на мелкие расходы. Из этих средств платили за комнату.

Члены кружка были отобраны самим Сталиным по надежности и конспираторским способностям каждого.

Среди семинаристов были доносчики, которые сообщали инспектору Абашидзе о настроениях и занятиях учеников и, в особенности, Иосифа.

В кружке Иосиф читал нам произведения Игнатия Ниношвили, разъяснял теорию Дарвина о происхождении человека, а к концу года мы перешли к чтению политической экономии и отрывков из книг Маркса и Энгельса.

Мы следили также за сообщениями и дискуссиями на страницах газеты “Квали” Задавали Иосифу вопросы, и он разъяснял нам все просто, ясно, четко. Сталин не ограничивался устной пропагандой идеей Маркса — Энгельса. Он создал и редактировал рукописный ученический журнал на грузинском языке, в котором освещал все спорные вопросы, обсуждавшиеся в кружке и на страницах “Квали”

Наш семинарский журнал представлял собою тетрадь страниц в тридцать. Журнал выходил два раза в месяц и передавался из рук в руки.»¹⁴⁹

Наряду с формированием политических воззрений важное значение участие в работе таких подпольных кружков имело и в чисто психологическом плане, в выработке и утверждении определенных черт характера. Для Иосифа Джугашвили период учебы в семинарии стал периодом, когда в своих главных чертах сложились основные, доминирующие качества его личности, приведшие впоследствии к его утверждению в качестве активного и видного деятеля революционного движения. Здесь имеются в виду прежде всего такие свойства его характера, как целеустремленность, умение последовательно идти к достижению своих целей, невзирая на все препятствия и трудности. Твердость и решительность, большая сила воли. Несомненно также и то, что в эти годы в его характере получили развитие такие черты, как скрытность, склонность к конспирации, недоверчивость, осторожность, умение скрывать свои подлинные мысли и чувства, а также такое свойство, как пренебрежение ко всяким, по его мнению “излишним”, не нужным для революционера качествам — сентиментальности, чуткости, душевности и открытости. Эти черты характера находили свое проявление и в более ранние годы, однако именно годы учебы в семинарии привели к тому, что из определенных задатков характера сформировались уже вполне устойчивые черты личности, фундаментальные свойства характера.

К этому следует добавить и такую важную для политического деятеля особенность личности, как желание и способность быть лидером, вести за собой других, уметь реализовать свою волю, если хотите, то навязать ее другим. Эти качества молодого Иосифа, по признанию как его почитателей, так и критиков, стали рано и отчетливо проявляться в его поведении, особенно в годы учебы в семинарии, хотя некоторые признаки таких свойств характера замечались и в Горийском училище. Так, Р. Такер в своей книге о Сталине пишет: «У молодого Джугашвили начали проявляться скрытность и угрюмая отчужденность, характерные для него в более поздние годы. Приобрел он известность и тем, что легко обижался даже на шутки. Серго Орджоникидзе, соратник по революционной работе в Грузии, вспоминал, что Сосо имел «обидчивый характер» еще в юности и что друзья по Тифлисской семинарии удивлялись по поводу этой, по их мнению, совершенно негрузинской черты характера Джугашвили. «Коба не понимает шуток, — с грустью говорили они. — Станный грузин — не понимает шуток. Отвечает кулаками на самые невинные замечания»¹⁵⁰

Этот же американский автор, ссылаясь на воспоминания И. Иремашвили, отмечает, что у молодого Джугашвили явственно проявилось стремление утвердить себя в качестве вожака: «Самонадеянное “чувство победителя” не покинуло его. Начав вместе с Иремашвили карьеру бунтовщика в кружке молодых социалистов, он нисколько не сомневался в своем праве принадлежать к руководству движением. Члены кружка самообразования избрали лидером семинариста-старшеклассника Девдариани, который составил для новичков шестилетнюю программу чтения, имевшую целью к моменту окончания семинарии сделать из них образованных социал-демократов. Но прошло совсем немного времени, как Джугашвили организовал несколько кружков и стал сам вести в них занятия. И вновь, теперь уже в семинарский период, проявилось стремление к личной власти, то есть то самое качество, которое отличало Джугашвили и в более поздние годы. То же самое можно было сказать о его нетерпимом отношении к иным мнениям. По словам Иремашвили, во время дискуссий среди молодых социалистов в семинарии Сосо имел привычку упорно настаивать на собственной правоте и безжалостно критиковать другие взгляды.»¹⁵¹

Можно соглашаться или не соглашаться с такими оценками некоторых отнюдь не привлекательных черт характера Сталина, которые замечали в нем в период учебы в семинарии. Возможно, здесь мы имеем дело с тенденциозностью, стремлением как

¹⁵⁰ Роберт Такер. Сталин. Т. 1. С. 87. (Цитата, приведенная, кстати, неточно, в подтверждение мысли автора, нуждается в комментарии. Она взята из книги И. Дубинского-Мухадзе «Орджоникидзе» и широко используется многими биографами Сталина в качестве документального доказательства того, что он якобы был лишен чувства юмора и, как говорится, глухо не понимал шуток. Между тем приписываемые Орджоникидзе слова являются не каким-либо достоверным источником, а являются всего-навсего размышлениями самого Дубинского-Мухадзе на тему том, что думал Орджоникидзе о Сталине. Словом, это свидетельство — не более чем плод авторского воображения, вполне допустимого в художественном произведении, но отнюдь не в историческом очерке (см. книгу И. Дубинский-Мухадзе. Орджоникидзе. М. 1963. С. 167). Тем более что позднейшие свидетельства многих людей, близко соприкасавшихся со Сталиным, говорят об обратном: он обладал достаточно хорошо развитым чувством юмора, любил шутки и сам охотно шутил.

¹⁵¹ Роберт Такер. Сталин. Т. 1. С. 87.

бы перебросить незримый мост между Сосо Джугашвили – семинаристом с присущими ему якобы чертами мрачной угрюмости, злобности и нетерпимости, лишенным всякого подобия романтизма – и беспощадным диктатором Сталиным, который, мол, не только унаследовал, но и развил в себе свойственные ему с детства отрицательные черты характера до демонических масштабов. Эта связь, по мнению тех, кто ее активно “проталкивает”, должна с чисто психологической точки зрения объяснить многое в поведении Сталина. Проще говоря, рисуется облик личности с изначально заложенными в нем пороками, которые, будучи реализованными в масштабах всей страны, явились одной из первопричин людских бед и трагедий беспримерного размаха.

Я, конечно, не склонен идеализировать личность Сталина, в том числе и в молодости. Очевидно, были у него как положительные, так и отрицательные черты характера, склонности и привычки. Однако неверна в своей основе попытка, причем явно несостоятельная, выпячивать лишь отрицательные свойства его натуры. Попытка конструировать далеко идущие концепции на фундаменте якобы каких-то органических пороков его личности, причем чуть ли не с пеленок, выглядит, по меньшей мере, не очень убедительной, поверхностной. Мол, в дальнейшем, они лишь получили свое логически закономерное развитие и превратились в гипертрофированные черты дьявола во плоти.

Объективная оценка личности вообще, а тем более личности столь крупного исторического масштаба, не должна строиться на таких сомнительных посылах. Ведь даже многие факты, приведенные нами, опрокидывают такое предвзятое представление о нем. Разве одни его стихи, пронизанные чувством патриотизма и справедливости, не говорят достаточно убедительно о духе романтизма, стремлении к равенству людей, к доброту? Думается, что они говорят о его личности гораздо больше и гораздо правдивее, чем однобоко подобранные высказывания. К тому же, суровая, наполненная лишениями жизнь, условия обитания сами по себе не располагали к безоглядному веселью и безудержному оптимизму. В его характере уже в юности и молодости бросается в глаза чрезвычайная сдержанность, холодный скептицизм, откровенная неприязнь к чисто внешней стороне дела. Вообще, в характере любого человека, как принято считать, недостатки являются продолжением его достоинств. И только в своей неразрывной взаимосвязи они позволяют получить более или менее адекватное представление о личности человека в целом. Коротко говоря, Сталин в молодости не был ни ангелом, ни потенциальным дьяволом. Он был просто человеком с присущим ему набором черт характера, притом не простого, сложного и весьма противоречивого, но отнюдь не примитивного.

Формирование его личности – и это совершенно бесспорно – протекало под мощным воздействием атмосферы, царившей в семинарии, а еще ранее духовного училища. Причем это воздействие было многообразным. С одной стороны, именно оттуда он вынес многое из того, что стало составлять стержень его натуры – дух бунтарства, дух непримиримости к социальной несправедливости, стремление сделать все, чтобы изменить такой порядок вещей. С другой стороны, с этих лет он унаследовал определенные каноны, стиль, форму и манеру выражения своих мыслей и в некоторой степени даже лексику. Что же касается его религиозных воззрений, а точнее говоря – веры в Бога, то учеба в семинарии во всяком случае не способствовала укреплению в нем такой веры. Вот что об этом пишет С. Аллилуева: “Религиозного чувства у него никогда не было. Бесконечные молитвы, насильственное духовное обучение могло

вызвать у молодого человека, ни на минуту не верившего в дух, в Бога, только обратный результат: крайний скептицизм ко всему «небесному», «возвышенному». Результатом стал, наоборот, крайний материализм, цинический реализм «земного», «трезвого», практического и «сниженного» взгляда на жизнь».¹⁵²

Для правильного понимания и оценки Сталина как политического деятеля – и не только того периода, когда он стал руководителем партии и страны, но и более раннего периода – чрезвычайно важное значение имеет его отношение к национальному вопросу. Эта проблема будет достаточно подробно рассмотрена в дальнейшем. Сейчас же мне представляется уместным остановиться на том, был ли он, и если да, то в какой степени, подвержен в молодости воздействию грузинского национализма, имевшего в то время определенное распространение в Грузии. В более широком разрезе вопрос можно сформулировать так: какую роль играл национальный фактор в становлении его убеждений, в формировании его политических взглядов. Применительно к годам учебы в семинарии суть сводится к ответу на вопрос: было ли его вступление на позиции революционной борьбы предопределено националистическими соображениями, чувством попранного национального достоинства, осознанием себя в качестве личности, подвергающейся дискриминации из-за своей национальной принадлежности. Совершенно очевидно, что без прояснения данного вопроса трудно дать объективную оценку многих сторон деятельности Сталина как в период его вступления на революционный путь, так и в дальнейшем, когда он выступал неоспоримым лидером такой многонациональной страны, каким был Советский Союз. До некоторой степени вопрос можно поставить в такой плоскости: вырос ли из молодого грузинского националиста революционер или же, наоборот, приобщение к революционной деятельности, переход в марксистскую «веру», с ее бесспорным приматом интернационализма, привели к тому, что он окончательно утратил определенные националистические взгляды и представления, которые, по всей вероятности, были присущи ему в ранней молодости?

Первоосновой его мироощущения, конечно, в ранние и в семинарские годы являлось осознание своей принадлежности к грузинской нации, к грузинскому народу. Однако в силу того, что Гори и Тифлис, где ему приходилось «постигать» азы национального вопроса, имели чрезвычайно пестрое и смешанное население, где грузины даже не составляли большинства, где примерно на равных условиях жили представители других национальностей, национальный фактор не играл столь важную роль, которую кое-кто пытается приписать. Скорее верно другое – а именно то, что элементы интернационализма как первооснова его формирующегося мировоззрения постепенно обретали доминирующую роль. Антирусские и антироссийские настроения имели известное распространение в кругах интеллигенции, но не тех социальных слоев, к которым принадлежал и молодой Иосиф. Напротив, знакомство с русской литературой могло только содействовать вызреванию в его сознании чувства уважения к русскому народу. Это, разумеется, не означает, что он был индифферентен к фактам притеснения грузинской национальной культуры, пренебрежения к грузинскому языку со стороны некоторых семинарских преподавателей, наконец, к самому процессу форсированной русификации, совпавшему с годами его учебы в семинарии. Приводившиеся выше факты подтверждают правомерность такой оценки.

¹⁵² Аллилуева Светлана. Только один год. С. 313.

Вместе с тем логично напрашивается и другой весьма примечательный вывод: молодой Иосиф довольно быстро и довольно рано “перерос” узкие одежды грузинского национализма. Да и нет сколько-нибудь убедительных и достоверных свидетельств того, что он когда-либо им серьезно был заражен. Ведь патриотические стихи – отнюдь не признак национализма любой окраски. Сама среда его жизни и круг общения с людьми различных национальностей были своеобразной профилактической прививкой против узколобного национализма. Более того, на примерах реальной жизни молодой Джугашвили постигал довольно простую логику, подсказывавшую, что люди скорее разнятся по своему имущественному положению, нежели по национальности. Первое всецело доминировало над вторым, и не заметить этого юноша не мог, как не мог не сделать соответствующих выводов для себя.

Можно, пожалуй, в чем-то согласиться с немецким автором биографии Сталина Г.Хильгером. Он пишет: «...Иосиф Джугашвили выступил против существующего строя, руководствуясь не грузинскими национальными идеалами, а диалектическим материализмом Маркса и его учением о классовой борьбе. Для трезвого рассудка Сталина и его объективной оценки исторических условий характерным было то, что он, прекрасно осознавая свою принадлежность к грузинской национальности, уже юношей примирился с порабощением родины Российской империей. Он видел в этом необходимое и неизбежное зло, которое с точки зрения исторической перспективы представлялось ему все же более приемлемым, чем возможное подчинение Грузии Турции или Персии. Учитывая это, следует рассматривать и то обстоятельство, что в будущем Сталин, особенно в последний период жизни, все больше превращался в патриота русского образца.»¹⁵³

Немецкий автор, на наш взгляд, верно подметил, что первоосновой, фундаментом революционных устремлений Иосифа Джугашвили была его приверженность социалистическим идеям, марксистскому учению. Что же касается второго тезиса, согласно которому молодой Сталин “порабощение родины Российской империей” рассматривал в качестве неизбежного, но приемлемого в тех исторических условиях зла, то он выглядит умозрительным и бездоказательным. Дело вовсе не в выборе между двух зол, а в том, что национальное освобождение молодой Сталин, как и многие последовательные социалисты, связывал с более глубоким и более важным процессом – социальным освобождением.

Заслуживает внимания еще один аспект проблемы, прямо примыкающий к рассматриваемой нами теме. Речь идет о чуть ли не врожденном чувстве антисемитизма, который якобы был присущ Сталину с самого юного возраста. В дальнейшем мы специально и обстоятельно рассмотрим проблематику, связанную с так называемым антисемитизмом Сталина, поскольку без этого не будет достаточно полной и объективной его политической биографии. Это тем более важно и актуально в современных условиях, когда просионистски настроенные авторы всячески раздувают эту тему, спекулируют на ней, используя при этом, мягко выражаясь, нечистоплотные приемы и методы “научного” исследования. Сейчас же коснемся так называемого антисемитизма молодого Сталина.

Амбициозный автор биографии Сталина Э.Радзинский безапелляционно утверждает: «И еще одно жестокое чувство было заложено в нем с детства», имея в

¹⁵³ Раух Г., Хильгер Г. Ленин. Сталин. Ростов-на-Дону. 1998. С. 169.

виду антисемитизм.¹⁵⁴ Каких-либо заслуживающих доверия свидетельств или собственных аргументов он не приводит. “Аргументом” ему служат рассуждения о том, что, мол, «евреи-сапожники прекрасно тачали грузинские сапоги на любой вкус. И за то, что они были состоятельными, за то, что в совершенстве знали свое ремесло, их ненавидел пьяный неудачник Бесо (так в тексте – *Н.К.*). С раннего детства отец преподает Сосо начатки злобы к этому народу».¹⁵⁵ Косвенным подтверждением такого рода выводов, по Радзинскому, могут служить свидетельства стодвенадцатилетней Ханы Мошиашвили, подруги Кеке (матери Сталина – *Н.К.*), грузинской еврейки, переехавшей в 1972 году в Израиль из Грузии.

Как говорится, весьма убедительный исторический источник!

С ним может соперничать разве что пресловутое агентство ОБС (в послевоенном Советском Союзе было много анекдотов со ссылками на агентство ОБС – Одна баба сказала). В подтверждение антисемитизма юного Сосо Радзинский ссылается также на эпизод, когда Сосо со своими друзьями впустили в синагогу свинью, за что были осуждены православным священником в его проповеди перед прихожанами.

С позволения сказать, такие аргументы можно приводить в качестве какого-то курьеза, а не в доказательство чуть ли высосанного из рук отца антисемитизма. Однако авторов определенного пошиба ничуть не смущает вся искусственность и даже смехотворность таких “аргументов”. Во имя доказательства заранее запрограммированного тезиса они не гнушаются даже анекдотическими и полуанекдотическими аргументами. Однако за подобными аргументами скрывается иная материя, неизменно присутствующая во всех изысканиях сионистов. Они один из источников антисемитизма неизменно усматривают в том, что представители других народов якобы испытывают чувство зависти к евреям, неизменно оказывающимся более способными, более умелыми и т. д. Не будем вести дискуссию по данному весьма спорному тезису. В приложении к рассматриваемому нами аспекту проблемы подобные аргументы выглядят крайне несостоятельными. Говорить о чувстве антисемитизма, чуть ли не как о врожденном качестве характера и мировоззрения молодого Сталина, по меньшей мере смехотворно. Такие сложные явления, к каким бесспорно относится и антисемитизм, имеют под собой куда более сложную основу. Высосанная из пальца зависть Виссариона Джугашвили к умелым и процветающим сапожникам-евреям – не более чем мелкотравчатая профанация серьезной и доказательной аргументации. К тому же, имеются бесспорные свидетельства того, что отец Сталина был хорошим сапожником. Как вспоминал один из тех, кто хорошо знал семью Джугашвили и на чьи свидетельства о предках Сталина опираются практически все биографы Сталина, после смерти своего отца «Бесо Джугашвили поселился в Тифлисе и стал работать на кожевенном заводе Адельханова. Здесь он выдвинулся как прекрасный работник и получил звание мастера».¹⁵⁶ Именно это позволило ему предпринять попытку открыть собственную сапожную мастерскую.

¹⁵⁴ Радзинский Эдвард. Сталин. С. 31.

¹⁵⁵ Там же.

* Н.Хрущев в своих мемуарах повествует о том, что якобы Сталин рассказывал в узком кругу своих соратников, что его отец, смочив свой палец вином, давал сосать его сыну, когда он был еще в колыбели.

¹⁵⁶ Детство и юность вождя. С. 24.

Несколько иной, но также целенаправленный по своему характеру смысл носит, например, такое утверждение, принадлежащее другому автору: «Семинаристы были лишены возможности тесно общаться с евреями или католиками, что могло бы расширить кругозор молодого Джугашвили и научить его терпимости к людям иной социальной или культурной среды». ¹⁵⁷ Видите ли, отсутствие общения с евреями и католиками было одной из причин узкого кругозора молодого Сталина! Почему взяты в данном случае евреи и католики? Почему такой избирательный принцип? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы получить подразумеваемый заранее ответ.

Следует, кстати, заметить, что в Закавказье при ее чрезвычайной национальной пестроте межнациональное общение сызмальства являлось делом само собой разумеющимся. И в этом смысле оно объективно играло роль серьезного фактора формирования интернационального сознания, служило естественной преградой на пути развития националистических предрассудков. Думается, что именно такая среда как раз и оказывала на юного Сосо свое решающее влияние.

Словом, приведенные выше примеры служат лишь иллюстрацией новейших стилей и методов “объективного” исследования жизни и деятельности Сталина от его рождения и до смерти. Если же говорить серьезно, то нет никаких оснований приписывать молодому Иосифу какие-то антисемитские чувства и настроения. В период его учебы эта проблема едва ли занимала его. Да и вообще смешна и примитивна, хотя и далеко не безобидна, манера ставить вопрос об отношении к евреям в качестве своеобразного оселка, на котором проверяются качества того или иного политического и государственного деятеля. В конечном счете у молодого Сталина было много действительно насущных проблем, решению которых он посвящал свои усилия. Высосанная из пальца проблема врожденного антисемитизма молодого Сталина – всего лишь изобретение его биографов вполне определенного пошиба. А это такая публика, которой дела до серьезных аргументов нет, коль они задалась целью доказать свое.

Оставляя пока данный сюжет в стороне, хочется подчеркнуть, что молодой Сталин жил и воспитывался отнюдь не в атмосфере какой-то национальной нетерпимости и отчужденности. Скорее наоборот. Есть свидетельства, что Сталин понимал и мог изъясняться на армянском, азербайджанском и осетинском языках. ¹⁵⁸ Реальные условия тогдашней Грузии могли способствовать и действительно способствовали выработке интернационального сознания, а не узколобого национализма и ненависти к другим народам. Исходя из этого, на первый взгляд, довольно произвольного предположения, можно сделать следующий вывод: если Сталин в ранней молодости и был некоторое время подвержен влиянию грузинского национализма, в чем-то разделял распространенные в узких кругах грузинской

¹⁵⁷ *Гордиенко А.Н.* Иосиф Сталин. С. 8. Здесь, видимо, будет уместным заметить, что Гордиенко просто позаимствовал эту мысль у американского автора А.Улама, “забыв” указать на первоисточник данного довольно сомнительного вывода. Правда, американский биограф Сталина ставит свое умозаключение на более солидную базу, подчеркивая, что более широкий круг знакомств молодого Иосифа способствовал бы тому, что он формировал бы свое мировоззрение не только на основе политико-философских взглядов, но и на фундаменте личного гуманного опыта. См. *A. Ulam. Stalin*, p. 25.

¹⁵⁸ *Б. С. Илизаров.* Тайная жизнь Сталина. С. 144.

интеллигенции настроения недовольства тем фактом, что Грузия входила в состав России и была несамостоятельной, то сравнительно быстро он преодолел, вернее сказать, “перерос” эту действительно “детскую болезнь”. По мере того, как он все больше переходил на позиции социализма и знакомился с учением марксизма, он все более основательно связывал решение национального вопроса, в том числе и вопроса о Грузии, с более общим и кардинальным решением всего комплекса социально-политических проблем, стоявших перед российским обществом в целом. Можно предположить, что это был первый и наиболее существенный его шаг в осознании некоей универсальной ценности марксистского учения. Разумеется, нельзя утверждать, что именно так, именно в таких понятиях он сознавал реальную взаимосвязь национальных и социальных проблем. Но вся его дальнейшая работа в сфере разрешения национального вопроса как раз и дает основания предположить, что именно таким был его путь постижения сложной диалектики национального вопроса.

К тому же в самой Грузии национализм не играл сколько-нибудь большую роль в общественной жизни. В своем подавляющем большинстве грузины осознавали, что присоединение к России спасло страну от порабощения со стороны соседних мусульманских Ирана и Турции, войска которых многократно на протяжении целой череды веков опустошали грузинские земли, а сама она не раз была в вассальной зависимости или под прямым господством персидских шахов и османских султанов. Принципиальное значение имело и то, что Грузия, как и Россия, была православной страной, что создавало предпосылки для налаживания дружественных отношений между их народами. Население грузинских городов состояло в своем большинстве не из самих грузин, а было смешанным, с преобладанием русских, армян и т.д. Словом, не мононациональный и довольно пестрый состав населения создавал объективные предпосылки для мирного сожительства различных национальностей. Добавим к этому, что процесс русификации, проводившийся Закавказье, не носил откровенно грубого и неприкрытого характера и не воспринимался широкими слоями населения в качестве акта подавления их национального самосознания. Хотя, конечно, он не мог не нанести определенного ущерба престижу русских, в силу не зависящих от них причин расплачивавшихся за меры царского правительства. Вместе с тем приобщение к русской культуре, влияние русской и грузинской культуры друг на друга, определенное переплетение и взаимодействие этих культур, в особенности литератур, со всех точек зрения было прогрессивным процессом, способствовавшим установлению добрососедских отношений между двумя народами. Так что, видимо, нет достаточных причин и оснований преувеличивать роль националистического фактора во всем комплексе русско-грузинских отношений в период, о котором идет в данном случае речь. Националистический фактор играл заметную роль только в определенных слоях грузинского населения, прежде всего в среде грузинской интеллигенции, составившей социальную базу грузинского меньшевизма в последующий исторический отрезок времени.

Давая самую общую картину его семинарских годов, отмечая то определяющее значение, которое сыграли эти годы в формировании его личности, в выборе цели и направления дальнейшей жизни, следует остановиться на том, как этот период в его жизни оценивает Троцкий. Специально выделить его меня побуждает ряд обстоятельств. Ведь последний был не только самым крупным политическим

противником и идейным оппонентом Сталина, но и одним из первых и наиболее компетентных авторов его политической биографии. Сам Троцкий в своей книге о Сталине писал: «Я с гораздо большей подробностью, как увидит читатель, останавливался на формировании Сталина в подготовительный период, чем на его политической роли в настоящее время. Факты последнего периода известны каждому грамотному человеку. Критику политики Сталина я давал в разных работах. Цель этой политической биографии – показать, каким образом сформировалась такого рода личность, каким образом она завоевала и получила право на столь исключительную роль. Вот почему [интересны] жизнь и развитие Сталина в тот период, когда о нем никто или почти никто не знал. Автор занимается тщательным анализом отдельных, хотя и мелких, фактов и свидетельских показаний. Наоборот, при переходе к последнему периоду он ограничивается симфизическим (очевидно, имеется в виду упрощенным – Н.К.) изложением, предполагая факты, по крайней мере важнейшие, известными читателю».¹⁵⁹

Нельзя не признать, что Троцкий весьма скрупулезно занимается чуть ли не следовательским “выяснением” важнейших моментов жизни молодого Сталина, начиная с его рождения и особенно времени его обучения в Гурьевском духовном училище и в Тифлисской семинарии. Троцкий самым придирчивым и доскональным образом анализирует любые доступные ему факты, способные пролить свет на формирование Сталина как революционера. Он сопоставляет и критически рассматривает документы и материалы, свидетельства соучеников Сосо, различные публикации по данной проблематике. Причем надо заметить, что в его книге отсутствуют необходимые ссылки на источники, что он не вполне убедительно пытается оправдать следующим рассуждением: «Критики, состоящие на службе Кремля, заявят и на этот раз, как они заявляли по поводу “Истории русской революции”, что отсутствие библиографических ссылок делает невозможным проверку утверждения автора. На самом деле библиографические ссылки на сотни и тысячи русских газет, журналов, мемуаров, сборников и пр. очень мало дали бы иностранному критику или читателю, а только загромоздили бы текст. Что касается русских критиков, то в их распоряжении есть аппарат государственных архивов и библиотек. Если бы в моих писаниях были бы фактические ошибки, неправильные цитаты, неправильное использование материалов, то на это было бы указано давным-давно. На самом деле я не знаю ни в одной антитроцкистской литературе ни одного указания на неправильное использование мною указанных источников. Этот факт, смею думать, дает серьезную гарантию и иностранному читателю».

Главная ткань повествования опирается и здесь на документы, мемуары и другие объективные источники. Но в тех случаях, где ничто не может заменить показания памяти самого автора, я считал себя вправе приводить те или другие эпизоды, личные воспоминания, ясно оговаривая каждый раз, что выступаю в данном случае не только как автор, но и как свидетель».¹⁶⁰

Троцкий как биограф Сталина стремится априори защитить себя от упреков в возможной необъективности и пристрастии, в том, что им руководят не поиски

¹⁵⁹ Лев Троцкий. Сталин. Т. 1. С. 5.

¹⁶⁰ Лев Троцкий. Сталин. Т. 1. С. 5-6.

истины, и интересы борьбы со своим политическим противником. Не случайно он подчеркивает, что в его работе «могут, разумеется, встретиться те или другие частичные, второстепенные погрешности или ошибки. Но чего в этой работе никто не найдет, это недобросовестного отношения к фактам, игнорирования документов или произвольных выводов, основанных только на личных пристрастиях. Автор не оставил в стороне ни одного факта, документа, свидетельства, направленного в пользу героя этой книги».¹⁶¹

Что можно сказать по этому поводу? Прежде всего то, что как бы он ни старался уверить читателей в своей полной беспристрастности и объективности, такого впечатления у непредвзятого читателя не остается. Можно сказать, что по определению он не мог быть вполне объективным, а тем более беспристрастным по отношению к Сталину. Касается это не только концептуальных позиций автора, его принципиальных оценок роли Сталина, но и освещения жизни Иосифа Джугашвили в период учебы в семинарии. Здесь предвзятость и заведомая тенденциозность автора выражаются вполне отчетливо. Хотя, надо отдать должное Троцкому, делает он это весьма тонко, умело, не прибегая к прямым фальсификациям и облыжным обвинениям. Каждый свой выпад, каждое утверждение он пытается подтвердить искусно подобранными фактами или же собственными умозаключениями, построенными в соответствии с законами логики.

Остановимся на наиболее существенных моментах критического рассмотрения Троцким юношеского периода жизни Сталина.¹⁶² Он указывает на то, что в разных советских источниках приводились различные даты поступления Иосифа в семинарию. Противоречивые данные приводились и относительно того, сколько лет он проучился в семинарии. Все это действительно так. Но на этом основании едва ли можно строить какие-либо серьезные заключения о заведомой злонамеренности такого рода разночтений. Как раз наоборот. Они скорее говорят за то, что каких-либо «руководящих» указаний по данным вопросам вообще не было. Различные свидетели приводили различные даты, сообразуясь со своей памятью. А память, как известно, всегда может подвести. Кроме того, хронологические неувязки и разночтения в общем-то не имеют принципиального значения, а потому видеть в них проявление якобы органически присущей сталинской системе приверженности к фальсификациям в данном случае нет веских оснований.

Второй аспект, которому Троцкий уделяет пристальное внимание, относится к начальному этапу приобщения молодого Джугашвили к революционному движению. Здесь Троцкий высмеивает попытки, как он выражается, советских плутархов, изобразить дело так, будто молодой Сталин в годы учебы в семинарии якобы прокладывал некие новые пути в революционном движении. На самом же деле он лишь приобщался к бунтарскому протесту, который зародился задолго до него, и уже в силу этого не мог играть какой-то пионерской роли. Здесь нельзя не согласиться с Троцким, ибо он с полным правом высмеял неуклюжие попытки апологетов эпохи Сталина приписывать последнему то, чего в действительности не было. Соглашаясь с

¹⁶¹ Там же. С. 6.

¹⁶² Все его наиболее значимые аргументы и факты изложены в книге, о которой идет речь. См. главу «Семья и школа» в книге Троцкого о Сталине (Т. I. С. 18–48).

этим, нельзя, однако, ставить под вопрос тот неоспоримый факт, что молодой Сталин с самых юных лет приобщился к тем, кто выступал с критикой режима. Джугашвили-семинарист не только выражал протест против режима, но и предпринимал практические шаги для того, чтобы этот протест обрел конкретные организационные формы.

Далее, Троцкий довольно туманно пишет по поводу отношения Иосифа Джугашвили к национальному вопросу: «Об увлечении молодого Иосифа национальной проблемой Грузии официальные биографы не упоминают вовсе. Сталин появляется у них сразу как законченный марксист. Между тем, нетрудно понять, что в наивном “марксизме” того первого периода туманные идеи социализма еще мирно уживались с национальной романтикой “Кобы”».¹⁶³

Замечание на первый взгляд вполне справедливое, но оно имеет и дальний прицел: посеять сомнения в том, что в молодости Сталин занимал правильные по марксистским критериям позиции по национальному вопросу. Выше я уже касался данной проблемы. И в целом мне представляется, что нет серьезных и убедительных причин и оснований полагать, что есть какой-то политический криминал в том, что революционный романтизм молодого Сталина в самый ранний период был окрашен в национальные тона. Можно сказать точнее — в национальные, а не в националистические тона.

С особым вниманием и уже с неприкрытой тенденциозностью Троцкий фиксирует все высказывания, которые рисуют личность молодого Сталина с явно отрицательной стороны. И если можно усомниться в том, что Троцкий не оставил в стороне ни одного факта, документа и свидетельства в пользу героя своей книги, то наверняка нельзя усомниться в том, что он пропустил хотя бы малейший факт или свидетельство, которое было бы не в пользу Сталина. Об этом однозначно говорит следующий пассаж из книги Троцкого: «Иремашвили делает еще одно психологическое замечание, которое, если и заключает в себе элемент ретроспективной оценки, остается все же крайне метким: Иосиф “видел всюду и во всем только отрицательную, дурную сторону и не верил вообще в какие бы то ни было идеальные побуждения или качества людей”. Эта важнейшая черта, успевшая обнаружиться уже в молодые годы, когда весь мир еще остается обычно покрыт пленкой идеализма, пройдет в дальнейшем через всю жизнь Иосифа как ее лейтмотив. Именно поэтому Сталин, — заключает Троцкий, — несмотря на другие выдающиеся черты характера, будет оставаться на заднем плане в периоды исторического подъема, когда в массах пробуждаются их лучшие качества бескорыстия и героизма, и, наоборот, его циническое неверие в людей и способность играть на худших струнах, найдет для себя простор в эпоху реакции, которая кристаллизует эгоизм и вероломство».¹⁶⁴

Как видим, Троцкий на базе отдельных замечаний, которые к тому же, может быть, являются не просто субъективными, но и заведомо враждебными и необоснованными, делает выводы широкого, обобщающего плана. Сначала приклеивается ярлык, а затем этим ярлыком оперируют в качестве неоспоримого факта или аргумента. Картина столь характерная для историографии “демократической” эпохи современной России!

¹⁶³ Лев Троцкий. Сталин. Т. 1. С. 39.

¹⁶⁴ Лев Троцкий. Сталин. Т. 1. С. 42.

Нельзя оставить без внимания и рассуждения Троцкого, связанные с якобы внутренней отчужденностью Сталина к русскому языку. За этим скрывается явное стремление принизить Сталина, поставить под сомнение его знание русского языка. Но давайте предоставим слово самому автору: «Мальчик учился русской речи только в школе, где большинство учащихся составляли опять-таки грузины. Духа русского языка, его свободной природы, его внутреннего ритма Иосиф так и не усвоил. Но это только одна сторона дела. Чужому языку, который призван был заменить ему родной, Иосиф учился в искусственной атмосфере духовной школы. Обороты русской речи он ощущал не как естественный и неотъемлемый духовный орган для выражения собственных чувств и мыслей, а как искусственное и внешнее орудие для передачи чуждой, а затем и ненавистной ему мистики. В последующей жизни он оказался тем менее способен ассимилировать и, так сказать, интимизировать язык, уточнить и облагородить его, что человеческая речь вообще призвана была служить ему гораздо больше для того, чтобы скрывать или прикрашивать свои мысли и чувства, чем для того, чтобы выражать их. В результате русский язык навсегда остался для него не только полуиностранным и приблизительным, но, что гораздо хуже для сознания, условным и натянутым».¹⁶⁵

Рассуждения витиеватые, но целенаправленные. В них содержится не столько оценка лингвистических способностей и достижений молодого Сталина, сколько политическая и нравственная характеристика, а вернее, приговор, выносимый ему. Но не будем в данном случае полемизировать с автором относительно правомерности его умозаключений. Скажем лишь, что, хотя Сталин и говорил на русском языке с сильным грузинским акцентом (впрочем, как и многие другие грузины и раньше, и сейчас), русским языком он владел превосходно.*

Ясно и предельно четко, с завидной лаконичностью и простотой он писал и свои статьи, и произносил свои речи. Это беспристрастно зафиксировано в его сочинениях. Многим, даже весьма образованным русским людям, можно было бы пожелать такого владения чужим языком. Что же до своеобразной языковой стилистики, несущей печать обучения в духовных учебных заведениях, то об этом я уже писал выше. В чем, конечно, Троцкий прав (а здесь он лишь повторяет банальную истину), так это в том, что стиль составляет существенную черту личности. Именно

С. Яковлев

¹⁶⁵ Там же. С. 45-46.

* Весьма любопытный эпизод, характеризующий отношение Сталина к русскому языку, приводит в своих воспоминаниях авиаконструктор А.Яковлев. Он рассказывает об обстоятельствах смещения М.М.Кагановича (брата Л.М.Кагановича, члена Политбюро и одного из ближайших сподвижников Сталина). Вот что он пишет: «Сталин поздоровался, пригласил сесть и сказал, что ЦК решил освободить от должности наркома авиационной промышленности М. М. Кагановича, как несправившегося. Сталин дал Кагановичу довольно нелестную деловую характеристику.

— Какой он нарком? Что он понимает в авиации? Сколько лет живет в России, а по-русски как следует говорить не научился!

Тут мне вспомнился такой эпизод. Незадолго до того М. М. Каганович при обсуждении вопросов по ильюшинскому самолету выразился так: «У этого самолета надо переделать "мордочку"»

Сталин прервал его: «У самолета не мордочка, а нос, а еще правильнее носовая часть фюзеляжа. У самолета нет мордочки.» (А. С. Яковлев. Цель жизни. С. 159.)

ясный, четкий и лаконичный стиль был присущ Сталину. И если здесь сыграла свою роль его учеба в Горьком училище и в Тифлисской семинарии, то, надо признать, что эта учеба принесла свои положительные плоды. Русский язык стал для него фактически родным языком, языком выражения его мыслей. А чувства свои он предпочитал держать при себе. По крайней мере, он их нигде не афишировал, отличаясь, видимо, с детства и молодости исключительной эмоциональной сдержанностью.

И, наконец, последний сюжет из критического анализа Троцким нравственного облика молодого Сталина. Троцкий с нескрываемым скептицизмом пишет о том, что молодой Иосиф рано порвал с религией и стал атеистом. Сомневается он и в том, что последний мог в захолустном городке Гори прочитать труд Дарвина и вследствие этого усомниться в религиозной истине: Бог создал человека. Такие сомнения отнюдь не полностью беспочвенны. Но дело опять-таки совсем не в этом. Троцкий акцентирует внимание на другом: как долго молодой Сталин притворялся верующим, какими большими способностями к притворству и лицемерию он обладал, чтобы в течение столь длительного времени изучать богословские науки, не веря в них.

Трудно быть судьей в таких деликатных вопросах. Но не трудно понять, что выбор можно сделать лишь тогда, когда имеешь такую возможность. Учеба для молодого Иосифа, бесспорно, значила многое, и он, что вполне объяснимо и понятно, не мог отказаться от получения образования только по той причине, что стал атеистом. Поле выбора было чрезвычайно узким, если оно вообще существовало. Без понимания этой простой истины нельзя дать справедливую и объективную оценку его поведению. Но делать, как это делает Троцкий, на базе абстрактных рассуждений выводы о нравственной ущербности и лицемерии молодого Сталина, о том, что пороки молодости предопределили с роковой неизбежностью весь его нравственный облик в дальнейшем, по меньшей мере недопустимо.

Я счел необходимым так подробно остановиться на критических замечаниях Троцкого в адрес Сталина в бытность последнего семинаристом, поскольку они в концентрированном виде суммируют другие, аналогичные или сходные с ними, оценки многих современных авторов, пишущих о Сталине. Если смотреть на вещи под широким углом зрения, то многие упреки и обвинения, которые как бы предъявляются давно усопшему политическому деятелю с основной целью — вызвать к нему антипатию — можно квалифицировать как недобросовестный прием. В конечном счете ведь нельзя на их базе, если даже признать все приписываемые ему негативные черты характера и недостатки достоверными, отвечающими действительности, делать далеко идущие выводы. Я не склонен идеализировать молодого Сталина, приписывать ему какие-то особые, выдающиеся качества. Очевидно, ряд свидетельств о некоторых его отрицательных чертах поведения и характера, были достоверны. Но в новейшей интерпретации они обретают какое-то чуть ли демоническое звучание. Служат неким генетическим кодом многих его акций в будущем. С такой трактовкой нельзя согласиться, ибо она не просто однобока и примитивна, но и откровенно тенденциозна. Вот почему я так подробно останавливаюсь на некоторых узловых моментах его семинарского периода жизни.

Молодой Джугашвили, и об этом говорят практически все источники, в первые два года учебы проявлял старание и показал себя хорошим учеником. Присущие ему способности — пылкий ум, блестящая память, помноженные на любознательность

и упорство, — не могли не дать результатов. Он учился хорошо и выделялся среди своих соклассников начитанностью и самостоятельностью мышления и поведения. Но что еще более важно, он активно занимался самообразованием, много читал, проявляя особый интерес к таким книгам, которые давали бы ответы на волновавшие его вопросы. Как правило, это были запрещенные для семинаристов книги. О реакции начальства семинарии на подобное поведение Иосифа уже говорилось выше. Здесь же стоит подчеркнуть, что чтение запрещенной литературы не было каким-то эпизодическим явлением, а носило постоянный характер. Причем наказания, которым он подвергался из-за этого, его не устрашали. При обысках и расследованиях выяснялось, что Иосиф систематически читает такую литературу, за что многократно он подвергался различным наказаниям, в том числе и помещению в карцер. Так, в кондуитном журнале за ноябрь 1896 г. имеется следующая запись Гермогена — ректора семинарии: «Джугашвили, оказалось, имеет абонементный лист из «Дешевой библиотеки», книгами из которой он пользуется. Сегодня я конфисковал у него соч. В.Гюго «Труженики моря», где нашел и названный лист». Далее следует кара: «Наказать продолжительным карцером — мною был уже предупрежден по поводу посторонней книги — «93-й год» В.Гюго». В записи за март 1897 г. сообщается, что Джугашвили вот уже в 13-й раз замечен за чтением книг из «Дешевой библиотеки» и что у него отобрана книга «Литературное развитие народных рас».¹⁶⁶

То же самое отмечается и в дальнейшем. Так, запись в кондуитном журнале за 28 сентября 1898 г. гласит: «В 9 часов вечера, в столовой инспектором была усмотрена группа воспитанников, столпившихся вокруг воспитанника Джугашвили, что-то читавшего им...» Оказалось, что Джугашвили читал посторонние, не одобренные начальством семинарии книги, составлял особые заметки по поводу прочитанных им статей, с которыми и знакомил воспитанников.

После этого администрация устроила обыск в спальнях семинаристов. Была вынесена резолюция: «Иметь суждение о Джугашвили в правлении семинарии».

Существенное значение для формирования молодого Сталина как революционера имеет вопрос о том, когда он впервые познакомился с произведениями русских марксистов. Видимо, по логике вещей, первыми произведениями русских марксистов стали произведения Г. В. Плеханова, который был весьма популярен в среде молодых революционеров и пользовался у них большим авторитетом. Каких-либо документальных подтверждений этого нет. Возможно, по той причине, что когда публиковались воспоминания соучеников Сталина по семинарии (конец 30-х годов) Плеханов был не то, что под запретом, но его роль и значение для развития революционного движения в России и становления социал-демократической партии явно недооценивались, если не сказать принижались.

Это, разумеется, не относилось к Ленину. В то время официальная партийная печать, как и вообще все пропагандистские средства, всячески стремились подчеркнуть идейное и политическое родство Сталина с Лениным. Поэтому в опубликованных материалах зафиксировано, что молодой Джугашвили именно в период обучения в семинарии впервые познакомился с произведениями Ленина (в то время Ленин публиковал свои статьи под псевдонимом Тулин). Они произвели

¹⁶⁶ Детство и юность вождя. С. 71.

на молодого Сталина сильное впечатление. Учившийся вместе с Сосо в семинарии П.Капанадзе вспоминал горячую дискуссию в один из дней 1898 г. в сквере, возле здания семинарии, когда Иосиф Джугашвили смело и резко критиковал взгляды редактора оппозиционно настроенной по отношению к режиму газеты «Квали» Н. Жордания. Как только прозвучал звонок и группа разошлась, Сосо сказал Капанадзе, что читал статьи Тулина, которые ему очень понравились, и добавил: «Я во что бы то ни стало должен увидеть его»¹⁶⁷

Трудно подтвердить, равно как и поставить под сомнение, данное свидетельство. вполне возможно, что некоторые статьи Ленина на излете XIX века каким-то путем могли проникнуть в Тифлис, поскольку революционно настроенные молодые люди старались всячески расширить источники своей информации, и все, что тогда казалось им важным и злободневным, привлекало их пристальное внимание. Однако можно и усомниться в том, что его статьи уже в тот период стали известными ученику семинарии И. Джугашвили: ведь пути распространения революционных произведений были тогда крайне ограничены. Впрочем, вопрос о том, когда именно, в каком конкретно году молодой Сталин впервые познакомился со взглядами будущего основателя и вождя большевизма, как мне представляется, не играет принципиальной роли. В конечном счете годом раньше или годом позже – суть от этого не меняется.

Существенно важно подчеркнуть другое: молодой И. Джугашвили активно знакомится с революционной литературой и, судя по всему, она его все больше и больше захватывает. Суровые репрессивные меры семинарских властей не приносят результатов: Джугашвили не только не прекратил заниматься “недозволенными делами”, в том числе и чтением запрещенных книг, но и вовлекал в это своих соучеников. В воспоминаниях как Иремашвили, так и других соучеников (опубликованных при жизни Сталина) на этот счет приводятся многочисленные факты. Конечно, порой возникает сомнение в их достоверности: ведь каждый по своему опыту знает, что трудно сохранять в памяти, причем в деталях, воспоминания о событиях более чем тридцатилетней давности. Впрочем, здесь важны не те или иные подробности, а общая картина. А она, эта общая картина, рисуется практически всеми участниками тех событий примерно в одном ключе. Так что эта сторона вопроса не вызывает значительных разночтений и разногласий среди биографов Сталина.

На основании всего этого можно с достаточной долей уверенности утверждать, что в семинарии круг интеллектуальных интересов Иосифа Джугашвили все больше концентрировался не на изучении богословских дисциплин, а на самообразовании, с преимущественным креном в область общественных проблем. Чтение революционной литературы стало играть доминирующую роль в его развитии. Именно благодаря такой литературе он из стихийного бунтаря и борца против иезуитского режима, господствовавшего в семинарии, постепенно переходил на позиции революционера. И не просто революционера-противника существующего общественного строя, а в социалиста радикального толка. Не случайно молодой Джугашвили не примкнул к числу тех, кто впоследствии составил костяк грузинских социал-демократов меньшевистской ориентации. Но об этом речь пойдет в следующей главе.

Сейчас же стоит привести один из эпизодов, характеризующих направление революционных воззрений молодого Сталина. Он, кстати сказать, стал чуть ли не

¹⁶⁷ Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. М. 1937. С. 26.

обязательным пассажем почти всех биографий Сталина, в которых рассматриваются его молодые годы. Со ссылкой на воспоминания Н.Жордания, позднее одного из лидеров грузинских меньшевиков, сообщается о том, как однажды в конце 1898 г. в редакцию газеты «Квали», которой руководил Н.Жордания, пожаловал юноша, отрекомендовавшийся воспитанником семинарии Джугашвили и постоянным читателем этого еженедельника. Он заявил, что решил бросить семинарию и посвятить себя работе среди рабочих, и попросил совета. Поговорив с ним некоторое время, Жордания пришел к заключению, что для партийного пропагандиста теоретических знаний у него недостаточно, и поэтому рекомендовал остаться в семинарии еще год и продолжить марксистское самообразование. «Подумаю», — ответил Джугашвили и ушел. Примерно через полгода Жордания посетил его коллега Джибладзе и вне себя от возмущения рассказал о том, что тому молодому человеку поручили рабочий кружок, а он начал вести пропаганду не только против правительства и капиталистов, но и “против нас”.¹⁶⁸ Факт этот не требует каких-либо комментариев.

Вот как сам Сталин говорил о начале своей революционной деятельности в уже цитированной беседе с Э.Людвигом: «В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе.»¹⁶⁹ В биографической хронике, сопровождающей каждый том его сочинений, зафиксирована дата — 1895 год: Сталин устанавливает связь с подпольными группами русских революционных марксистов, высланных царским правительством в Закавказье.¹⁷⁰

Но прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о начальном этапе революционной деятельности Сталина, следует рассказать о том, как и когда закончился важный в его жизни семинарский период. Завершить обучение в семинарии молодому Сталину не довелось. Значит, не довелось стать обладателем свидетельства о получении среднего образования. Такое свидетельство открывало, по крайней мере теоретически, путь для поступления в какой-либо университет в пределах Российской империи. Но судьба, видимо, распорядилась иначе.

Несколько отвлекаясь от сюжета изложения, хотелось бы попутно коснуться того, как сам Сталин, будучи в апогее своей политической жизни, ответил на вопрос Э.Людвига, верит ли он в судьбу. «Нет, не верю. Большевики, марксисты в «судьбу» не верят. Само понятие судьбы, понятие «шикзая» — предрассудок, ерунда, пережиток мифологии, вроде мифологии древних греков, у которых богиня судьбы направляла судьбы людей... «Судьба» это нечто незакономерное, нечто мистическое. В мистику я не верю. Конечно, были причины того, что опасности прошли мимо меня. Но мог иметь место ряд других случайностей, ряд других причин, которые могли привести к прямо противоположному результату. Так называемая судьба тут не при чем».¹⁷¹

Итак, Сталин не верил в судьбу. Но не веря в нее, он сам как бы направлял траекторию ее движения. Это верно и в приложении к тому, чем закончилось его

¹⁶⁸ Роберт Такер. Сталин. Т.1. С. 89-90.

¹⁶⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 113.

И. В. Сталин. Соч. Т. 1. С. 415.

¹⁷¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 120.

пребывание в Тифлисской духовной семинарии. По этому поводу среди биографов Сталина нет какой-либо общепринятой точки зрения. Да ее и не может быть, поскольку в соответствующей документальной и мемуарной литературе имеют хождение несколько версий, каждая из которых имеет право считаться достоверной. Могут быть приняты в качестве достоверных не одна, а несколько версий. Конечно, лишь в том случае, если они не противоречат друг другу, а дополняют одна другую.

Каковы же эти версии? Насколько их можно считать убедительными, отвечающими тому, как обстояли дела в действительности?

Первая версия, так сказать, официальная, апробированная авторитетом самого героя нашего повествования. Согласно этой версии, он "был вышиблен из семинарии за пропаганду марксизма." Так сам Сталин в одной из анкет, заполнявшихся делегатами партийных съездов и конференций, ответил на вопрос о своем образовании.

Вторая, тоже официальная, но только версия семинарского начальства, гласит, что он исключен из семинарии ввиду того, что "по неизвестной причине" не явился на экзамены в конце учебного года.¹⁷²

И, наконец, **третья** версия, согласно которой Екатерина Джугашвили сама взяла своего сына из семинарии по причине того, что он серьезно заболел (туберкулезом) и нуждался в лечении.

Вкратце рассмотрим эти версии, сделав акцент на том, насколько они соответствуют действительности. Для того, чтобы причины и обстоятельства исключения Иосифа из семинарии были более понятны, следует привести отрывок из воспоминаний русского учителя Грузинской православной семинарии в Тифлисе, которые были опубликованы в 1907 году в Москве. Так что искать в них каких-либо искажений, навеянных соображениями культа личности Сталина, не приходится. Этот преподаватель писал, что до 1900 года в Грузинской семинарии было более 300 воспитанников... Кончало курс всех (грузин и других) до 50 человек. Ректора-монахи, обуреваемые жадной карьеры, руководствуясь убеждением – «меньше воспитанников, меньше забот и волнений, меньше каких-либо случайностей, меньше инцидентов, скорее – епископское величие» – исключали массами грузин-воспитанников нещадно... «В результате в два с половиной года исключены две трети грузин-семинаристов (бунта, повторяю, не было, значит, и оправдания какого-либо для монахов-ректоров тоже не было)»...¹⁷³ И хотя, как явствует из этих воспоминаний, волна исключений из семинарии полным ходом развернулась после 1900 года, можно предположить, что первые предвестники этого процесса, так сказать, первые ласточки, стали появляться и раньше, в период обучения в ней Иосифа. Видимо, общая тенденция исключения воспитанников-грузин из семинарии вполне вписывается и в случай с молодым Сталиным. Таким образом, данное обстоятельство должно быть принято во внимание при рассмотрении обстоятельств исключения Сталина из семинарии.

Строго говоря, все три версии вполне правдоподобны и имеют право рассматриваться в качестве действительных причин того, почему молодой Иосиф

¹⁷² Эта мотивировка взята из подборки документов и материалов *Детство и юность вождя* (С. 86), где есть ссылка на "Духовный вестник Грузинского экзархата" от 15 июня - 15 июля 1899 г. № 12 - 13. С. 8.

¹⁷³ *Детство и юность вождя*. С. 64.

Джугашвили так и не смог завершить свой курс обучения в семинарии. Он заканчивал пятый класс и ему оставалось проучиться еще один год, т.к. шестой класс был последним, выпускным классом.

Исключение Иосифа из семинарии из-за его "недозволенной деятельности", т.е. участия во всякого рода революционных кружках, а тем более организацию и руководство ими, было бы вполне логическим основанием с точки зрения руководства семинарии. Особенно принимая во внимание факты систематического нарушения им порядков, установленных в семинарии. Эти факты не носили эпизодический или случайный характер, о чем ректор семинарии, его помощники и инспектора были прекрасно осведомлены. Вполне можно допустить, что именно эта причина и явилась истинным мотивом его исключения. Возможно, не желая бросать ненужную тень на свою репутацию, и заботясь о престиже семинарии, которая и без того считалась рассадником "всякой крамолы", начальники семинарии воспользовались предлогом неявки Иосифа на экзамены, чтобы окончательно отделаться от него. Ведь если бы он был на хорошем счету у начальства, то, видимо, были бы применены другие меры наказания: потребовали бы от него объяснений, оставили на второй год и т.п. Словом, обошлись бы без крайней меры, к которой вправе прибегать администрация семинарии. Так что первая и вторая версии не противоречат друг другу. Точнее сказать, первая версия может рассматриваться в качестве наиболее обоснованной и логичной. Вторая же была использована для того, чтобы не мотивировать первую истинными причинами исключения, имея в виду высказанные выше соображения. Такова (в конспективной форме) аргументация в пользу правомерности первой версии.

Вторая версия также может рассматриваться в качестве достоверной и реальной. В Москве в 1940 году издательством литературы на иностранных языках была опубликована на английском языке книга Е.Ярославского «Основные вехи жизни Сталина». В ней автор пишет, иногда произвольно цитируя выдержки из семинарских источников, что отец Дмитрий предложил семинарскому совету исключить Иосифа Джугашвили как "политически неблагонадежного". Однако в качестве реальных мотивов исключения перечисляются такие, как неуплата соответствующего взноса за обучение (а Иосиф был не на полном пансионе), неявка на экзамены, грубость, проявление политической неблагонадежности, безбожие, наличие опасных взглядов.¹⁷⁴

Как видим, здесь наличествует целый набор причин, на основании которых И.Джугашвили мог быть исключен из семинарии. Возникает лишь сомнение в том, что отец Дмитрий, внося предложение об исключении из семинарии, ссылаясь и на политическую неблагонадежность Иосифа Джугашвили. Ведь для вполне убедительной мотивировки было достаточно и других, перечисленных выше причин.

В мемуарной литературе сохранились свидетельства, согласно которым И.Джугашвили сам помышлял о том, чтобы оставить семинарию. Об этом он говорил в беседе с Н. Жордания. Некоторые его соученики вспоминали, что он перестал уделять внимание урокам, учился "на тройки", лишь бы сдать экзамены. Словом,

он в этот период и мысли не имел о том, чтобы оставить семинарию.

¹⁷⁴ В 20-х и 30-х, а также в начале 40-х годов Е.Ярославский считался одним из видных, если не идеологов, то пропагандистов партии. Ему принадлежит ряд работ по истории ВКП(б).

¹⁷⁴ Yaroslavsky E. Landmarks in the Life of Stalin. M. 1940. p. 15-17.

имелись все признаки того, что он не “цеплялся” за семинарию, а, возможно, и внутренне был готов оставить ее. По крайней мере с достаточной долей уверенности можно сказать, что вся гнетущая атмосфера жизни семинариста его тяготила. Немаловажным являлось и то, что учеба в семинарии с ее казарменным режимом безусловно не давала ему возможности полностью отдаться революционной деятельности. В итоге все это и послужило причиной того, что ему не удалось завершить свое семинарское образование. Как сообщается в биографической хронике, 29 мая 1899 г. он был исключен из Тифлисской духовной семинарии за пропаганду марксизма.¹⁷⁵

Третья версия представляется маловероятной. Она довольно подробно и скрупулезно проанализирована Троцким и я позволю себе привести основные его доводы. Он пишет: «...мать Сталина в последний период своей жизни, когда ею стали интересоваться официальные историки и журналисты, категорически отрицала самый факт исключения. При вступлении в семинарию пятнадцатилетний мальчик отличался, по ее словам, цветущим здоровьем, но усиленные занятия истощили его в такой мере, что врачи опасались туберкулеза. Екатерина прибавляет, что сын ее не хотел покидать семинарию и что она “взяла” его против его воли. Это звучит маловероятно. Плохое здоровье могло вызвать временный перерыв в занятиях, но не полный разрыв со школой, не отказ матери от столь заманчивой карьеры для сына. С другой стороны, в 1899 году Иосифу было уже двадцать лет, он не отличался податливостью, и вряд ли матери было так легко распорядиться его судьбой. Наконец, по выходе из семинарии Иосиф вовсе не вернулся в Гори, под крыло матери, что было бы наиболее естественно в случае болезни, а остался в Тифлисе без занятия и без средств. Старуха Кеке чего-то не договорила журналистам. Можно предположить, что мать считала, в свое время, исключение сына великим для себя позором, и так как дело происходило в Тифлисе, то она заверяла соседей в Гори, что сын не исключен, а добровольно покинул семинарию по состоянию здоровья. Старухе должно было к тому же казаться, что “вождю” государства не приличествовало быть исключенным в юности из школы. Вряд ли можно искать каких-либо других, более скрытых причин той настойчивости, с которой Кеке повторяла: “Он не был исключен, я его сама взяла”».¹⁷⁶

Думается, что аргументация Троцкого в данном случае логична и убедительна. За исключением, правда, того тезиса, что мать Сталина считала “неприличным” вождю государства быть исключенным из семинарии. Как мы видели, она была глубоко набожной женщиной и не проявляла особой радости и почтительности в связи с положением, которое ее сын занял в стране. Сан священника был более почетным и более значимым в ее глазах. Во всяком случае, вне зависимости от всех этих нюансов, версия о том, что мать И. Джугашвили сама взяла его из семинарии, тем более вопреки его воле, представляется мне хотя и возможной, но все-таки маловероятной. Поэтому рассматривать ее в качестве наиболее достоверной нельзя, учитывая всю совокупность приведенных выше фактов и аргументов.

Сама эта версия появилась в начале 30-х годов, когда одному из американских журналистов удалось встретиться и побеседовать с матерью Сталина. Очевидно, добиться этого было не так просто, учитывая многие обстоятельства. Видимо, потребовались соответствующие разрешения и необходимые в подобных случаях

¹⁷⁵ *И. В. Сталин*. Соч. Т. 1. С. 416.

¹⁷⁶ *Лев Троцкий*. Сталин. Т. 1. С. 44.

согласования. Е. Джугашвили так рассказала об обстоятельствах прекращения учебы Иосифа в семинарии: «Когда он поступил в семинарию, ему было 15 лет и он был одним из самых здоровых ребят, которых я когда-либо видела. Но в семинарии он занимался так напряженно, что когда ему было 19 лет, доктора сказали, что он заболел туберкулезом. И я взяла его из школы. Он не хотел уходить оттуда. Но я все-таки взяла его. Ведь он был моим единственным сыном.»¹⁷⁷

Существует еще одна версия причины исключения Сталина из семинарии. Ее приводит российский исследователь биографии Сталина А.В.Островский. Подвергая сомнению версию, согласно которой Джугашвили был исключен из семинарии за неявку на экзамены по неизвестным причинам, он справедливо ставит вопрос: «Но как можно исключить человека из учебного заведения, не зная причин его отсутствия на экзаменах? Ведь они могли быть и уважительными. К тому же нередко воспитанников, не сдавших экзамены, оставляли на второй год. Учитывая это, можно с полным основанием утверждать, что официальная версия имела чисто формальный характер и должна была скрыть какую-то другую причину отчисления.»

Как объяснял произошедшее сам И. В. Джугашвили? В «литере Б» от 13 июля 1902 г., заполненной в батумской тюрьме, мы читаем: «До пятого класса воспитывался на казенный счет, после **была потребована плата** за обучение и за содержание как не из духовного звания, за неимением средств вышел из училища». 15 марта 1913 г. в Петербургском ГЖУ на вопрос «Где обучался?» И. В. Джугашвили дал подобный же ответ: в 1894 г. «поступил в духовную семинарию, из которой вышел не окончив курс в 1899 г. по неимению средств, так как **был лишен казенной стипендии**»

Данная версия тоже вызывает вопросы: если все обстояло именно так, почему названная причина не нашла отражения в решении Правления семинарии? И почему деньги за обучение потребовали именно весной 1899 г., а не раньше? Очевидно, даже в том случае, если весной 1899 г. действительно возник вопрос о внесении платы за обучение, это было следствием какой-то другой причины, которую И. В. Джугашвили тоже не пожелал назвать.»¹⁷⁸

Исследовав различные версии исключения молодого Джугашвили из семинарии, А.В.Островский делает вывод: «Таким образом, вопрос о причинах его исключения из семинарии пока остается открытым». Причем делает примечание, что во время работы над книгой им было получено письмо, в котором излагается версия, будто бы И. В. Джугашвили был отчислен из семинарии за участие в драке, завершившейся поножовщиной.¹⁷⁹

Наиболее достоверным объяснением того, что молодому Сталину не удалось завершить свое обучение в семинарии, мне представляется следующее. Он был исключен из нее по совокупности причин, в которых главной была его «недозволенная деятельность». Все остальные также сыграли свою роль, причем сам он, судя по всему, не испытывал из-за своего исключения особого сожаления. Внутренне он уже созрел для того, чтобы выбрать иной путь – путь борца против царизма, за утверждение идеалов социальной справедливости. Как справедливо заключает Э. Смит, «он поступил

¹⁷⁷ Robert Payne. The Rise and Fall of Stalin. p. 59.

¹⁷⁸ А.В.Островский. Кто стоял за спиной Сталина? С. 150-151.

¹⁷⁹ Там же. С. 151.

в семинарию в пятнадцатилетнем возрасте, намереваясь стать священником. Он покинул ее с мировоззрением бунтаря и амбициями революционера.”¹⁸⁰

Детство и юность остались позади. Впереди была новая страница жизни, а точнее сказать, новая жизнь, в которую он вступил как раз в канун начала нового века. Никому, и прежде всего ему самому, в то время не могла даже в горячечном бреду прийти мысль о том, что он окажется волею судеб тем человеком, который оставит свою неизгладимую печать на первой половине начинавшегося столетия. Пути истории столь же неисповедимы, как и пути Господни.

¹⁸⁰ E. Smith. The young Stalin. p. 56.

Глава 3

ПУТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА

1. Революция: закономерный общественный процесс или уголовное деяние?

Прежде чем приступить к освещению практического участия Сталина в российском революционном движении, необходимо хотя бы весьма лаконично коснуться одного вопроса коренной важности, навеянного постсоветской российской действительностью. Речь идет о принципиальном отношении различных кругов общества к революции как феномене исторического процесса. Хотя данная проблема вроде и не имеет непосредственного касательства к рассматриваемой теме, на самом же деле это не так. Отношение к революции всегда было, а сегодня в еще большей мере, чем когда-либо раньше, своеобразной лакмусовой бумагой, с помощью которой определяется не только классовая позиция тех или иных сил, но даже просто степень их объективности, способности подняться до уровня беспристрастного анализа прошлого и настоящего. Не нужно специально доказывать (ибо это самоочевидно), что принципиальная позиция признания или непризнания революции как вполне законного и обусловленного объективными законами исторического развития явления в жизни той или иной страны, фактически и предопределяет отношение к тем, кто принимал участие в этой революции. От того, какой точки зрения придерживаться в данном вопросе, зависят важнейшие критерии, на базе которых выносятся суждения о революционных деятелях той или иной эпохи.

В наше время, а это время одного из самых глубоких всеобъемлющих кризисов, вылавдавших на долю России, уже само слово революция (имеется в виду социальная революция) вызывает почти физическое отторжение со стороны созидателей так называемого "светлого капиталистического будущего". Всеми способами, по поводу и без повода, в сознание людей усиленно вдалбливается мысль о том, что революция по своему существу и своим последствиям есть явление сродни уголовному деянию. Разумеется, в масштабах несопоставимых с любым уголовным преступлением! Лакеи утвердившего свою власть нового класса буржуазии все беды российского общества пытаются в той или иной форме связать с революцией, которая, мол, остановила процесс поступательного развития страны и в конечном итоге стала источником неисчислимых страданий народа. По адресу русской революции источаются ниагарские водопады лживых измышлений, фабрикуются и пускаются в оборот всевозможные мифы, облакаемые в одежды "научных изысканий" и "непреложных выводов истории". Их фабрикаторов нисколько не смущает то, что нередко эти мифы сродни горячечному бреду и не имеют ничего общего с объективной оценкой хода исторических событий. В революции, и только в ней, они видят источник и причину общественных неурядиц и проблем даже сегодняшнего дня, не говоря уже о прошлом. Виня во всем революцию, они фактически выступают в качестве охранителей незыблемости установленного ныне в России строя. В этом коренятся и гносеологические, и практические корни осуждения революции как таковой.

Словом, революцию стремятся поставить вне законов развития истории, представить ее не “локомотивом истории” (слова Маркса), а в виде своеобразного исторического выкидыша. Успешно совершив невиданную доселе в истории революцию по свержению нового общественного строя – социализма, – реализовав в ходе этой революции главную цель – овладение властью и через ее посредство собственностью, – новый правящий класс сразу же стал убеждать общество: в России не должно быть больше никаких революций, она, мол, уже по горло сыта всяческими революционными переворотами. Смысл и подоплека подобных рассуждений очевидны для каждого реально мыслящего человека: полномасштабная буржуазная революция завершилась победой, и больше недопустимы никакие революции. Само собой разумеется, что возможная революции не может не быть направлена против утверждающего себя в качестве незыблемого нового общественного строя.

Удивление вызывает не сама эта позиция. Иной она просто и не может быть. Странно другое: в этот хорошо аранжированный хор, предающий анафеме революцию, вдруг включились и некоторые левые силы, тоже мусолящие идею, согласно которой Россия, мол, уже исчерпала свой лимит на революции, а потому, де, о ней больше не может быть и речи. В итоге получается, что на буржуазную контрреволюцию никаких лимитов нет (а ведь буржуазная контрреволюция тоже является разновидностью революции). Лимит есть лишь на такую революцию, которая направлена против господствующего в стране класса.

Мне показалось действительно необходимым сделать эти замечания, касающиеся современной интерпретации смысла и исторической “неправомерности” русской революции. Причем, когда я говорю о революции, я имею в виду не только Октябрьскую революцию, но и первую русскую революцию, а также Февральскую революцию. Ведь от самого понимания и признания исторически закономерного характера фактически любой революции в истории любой страны, в значительной степени зависит и отношение к тем личностям, которые принимали участие в этих революциях, посвящали служению ей свои силы. В этом контексте мне рисуется и роль Сталина, воплощенная в его участии в российском революционном движении. Нельзя объективно и правильно, в соответствии с требованиями историзма, оценить это его участие в русской революции, придерживаясь точки зрения, что революции вообще, и как правило, – явления, носящие сугубо отрицательный характер. А именно такую, в сущности антиисторическую и антинаучную направленность имеют все новейшие изыскания, посвященные исследованию и освещению его деятельности в революционном движении на протяжении двух десятков лет.

Имеют далеко не второстепенное значение и нравственные критерии, которыми руководствовались участники бурных революционных движений, охвативших тогда страну. Причем речь идет не только и даже не столько о личных нравственных критериях, но и о критериях более высокого ранга – общественных критериях. Как ни покажется странным, но о революции и ее активных действующих лицах вполне пристало говорить и с позиций нравственных категорий. Для тех, кто готовил русскую революцию и шел в ее первых рядах, не стоял вопрос о том, насколько это было нравственным и отвечало ли высоким и благородным целям. В терминологии сегодняшнего дня гуманные цели революции представлялись для ее сторонников самоочевидными. Нравственное начало, поскольку таковое лежало в основе их практических действий, служило моральным оправданием эксцессов, неизбежно

сопряженных с самой революцией и личным участием в ней. Без учета данного обстоятельства трудно, если вообще возможно, давать оценки деятельности революционеров той поры. Оценки, которые были бы в согласии с духом соответствующей исторической эпохи, а не конъюнктурными потребностями дня сегодняшнего.

Для современного обывателя понятие профессиональный революционер наверняка ассоциируется с понятием киллера или террориста. И это вполне соответствует шкале его ценностей, где революция занимает место, отведенное всякого рода преступным деяниям. Но едва ли пристало ориентироваться на взгляды и потребности такого обывателя. Мы имеем в виду серьезного читателя, способного мыслить самостоятельно, а значит, и способного провести различие между профессиональным революционером в историческом значении этого слова и современным террористом и киллером. Для поколений целого ряда российских революционеров революция стала целью, смыслом и содержанием всей их жизни. Именно она, “одна, но пламенная страсть”, была путеводной звездой, очертившей своим мерцанием их жизненный путь. К их числу с полным правом можно отнести и Сталина. Я не хочу этим утверждением как-то возвысить Сталина, придать его сложной и противоречивой личности какой-то искусственный ореол высоконравственного героизма. Нет, речь идет лишь о том, чтобы в оценках и суждениях о нем не было намеренного игнорирования нравственного компонента, который безусловно присутствовал в его действиях.

Справедливо утверждение, что эпоха определяет облик людей, живущих в ней. Столь же справедливо и то, что сам облик эпохи во многом формируется под воздействием этих же самых людей. Имеются в виду не только классы и большие общественные группы, но и яркие индивидуальности, через призму личности которых проглядывают характерные черты эпохи. В не меньшей, если не в большей степени, это относится и к революциям. Каждая революция выдвигает своих лидеров и активных участников, и по ним зачастую можно судить о самой революции, ее направленности и специфических особенностях. Коротко говоря, какова революция, таковы и ее герои.

Уж коль зашла речь о героях революции, облик которых дает возможность судить о самой революции, невольно приходят на ум аналогии с героями “последней русской революции”, увенчавшейся установлением власти криминального капитала, то по ним можно судить и о природе самой этой революции. Хотелось бы упомянуть еще один момент, характеризующий, так сказать, идеологический арсенал, используемый защитниками криминального капитализма. В качестве “теоретического” обоснования неизбежности и правомерности воровского захвата общенародной собственности в свои руки, апологеты этой новейшей русской революции ссылаются даже на Маркса, в частности, на его рассуждения о грабительской природе так называемого первоначального накопления капитала. Их нисколько не смущает полнейшая бессмысленность и полная несостоятельность таких ссылок. Ведь у Маркса речь шла о том историческом периоде, когда в руках буржуазии не было достаточного первоначального капитала и накопить его она могла только грабительским путем, в частности, изгоняя крестьян с их земель, захватывая богатства других народов и т.д. То есть грабительская природа первоначального накопления была предопределена самим фактом отсутствия такого капитала в руках общества.

Применительно же к нынешним российским условиям ни о каком отсутствии первоначального капитала не могло и не может идти речи. Такой капитал, сосредоточенный в руках государства, имелся, причем его объемы и масштабы были более чем впечатляющими. Он имел форму общенародной собственности, которым распоряжалось преимущественно государство. Захвативший в свои руки власть класс и не думал о каком-либо длительном процессе первоначального накопления капитала в своих руках. Он просто жульническим, открыто воровским способом (посредством незаконной по многим параметрам с правовой точки зрения приватизации) присвоил себе львиную долю общенационального достояния. Это скорее был финальный грабёж, а не мифическое первоначальное накопление капитала. И Марксова концепция притянута сюда за уши: как говорится, в огороде бузина, а в Киеве дядька! ⁴³⁷

Надеюсь, читатель поймет мотивы, под воздействием которых я несколько отвлекся от сюжета непосредственного рассказа о революционной деятельности Сталина. Мне представлялось существенно важным подчеркнуть принципиальное различие, которое существует между двумя типами революционных потрясений, испытываемых обществом, а точнее говоря, между революцией и контрреволюцией. Ибо они по самой своей природе диаметрально противоположны прежде всего по целям, которые они ставят перед собой, по своему характеру и по составу своих лидеров и участников.

⁴³⁸ Революция, которой посвятил себя с молодых лет Сталин, не преследовала своей целью достижение личного благополучия ее участников. Она, конечно, в силу неизбежности была сопряжена с насилием, кровопролитием и прочими атрибутами всякой революции, которыми так пугают обывателей в сегодняшней “демократической” России. Но в отличие от “первой победоносной буржуазной контрреволюции” в России она не была революцией во имя интересов перерожденцев, толстосумов, воров и жуликов. Свои силы она черпала в народных массах, поскольку ориентировалась на реализацию их коренных интересов.

Естественно, что под таким углом зрения, с учетом характера и целенаправленности самих революционных событий, в которых участвовал Сталин, можно дать более или менее объективную оценку его роли в них. Данное обстоятельство, как мне думается, ни в коем случае не должно оставаться на втором плане, а тем более вообще за кадром. В этом, собственно, и состоит увязка всего рассматриваемого сюжета с отнюдь не лирическим отступлением на тему о последней российской революции. На первый взгляд кажется, что здесь нет никакой внутренней взаимосвязи. В действительности же она существует. Хотя и проявляется не столь обнаженно и открыто. Она сказывается прежде всего в исходных, фундаментальных посылах, которые превалируют в оценках самого смысла революционной деятельности Сталина. Авторы определенного толка усматривают этот смысл в стремлении добиться самоутверждения, реализовать свои честолюбивые устремления. В дальнейшем, мол, этот смысл модифицируется и выражается в утверждении своей власти и могущества.

Здесь мы не будем полемизировать с подобными утверждениями. Об этом пойдет речь в соответствующих главах книги. Сейчас же мне хотелось оттенить одну мысль: цели революции, которой посвятил свою деятельность Сталин, были выше всяких честолюбивых устремлений. Это, конечно, не означает, будто я вообще склонен считать, что Сталин, даже в самый ранний период своей бунтарской деятельности начисто был лишен каких-либо личных устремлений, в том числе и честолюбивых.

Отнюдь нет. Сам он впоследствии следующим образом охарактеризовал роль такого рода личных побудительных мотивов в жизни исторических деятелей: «При различных условиях роль честолюбия различна. В зависимости от условий честолюбие может быть стимулом или помехой для деятельности крупной исторической личности. Чаще всего оно бывает помехой.»¹ В приложении к самому Сталину, разумеется, нельзя сказать, что его личное честолюбие, которое большинство его оппонентов называло непомерным, явилось помехой в его деятельности. Оно скорее играло положительную роль, позволяя полнее реализоваться потенциам, заложенным в его личности.

Этими общими замечаниями, конечно, не исчерпывается весь тот чрезвычайно сложный конгломерат побудительных личных мотивов, лежавших в основе поступков как самого Сталина, так и других деятелей российского революционного движения. Но если говорить кратко, то революция составляла главный смысл и содержание всей их жизни. Причем у многих из них сама частная личная жизнь оставалась на втором плане.

Однако перейдем непосредственно к предмету нашего рассмотрения.

2. Начальный этап революционной деятельности Сталина

В двадцатилетнем возрасте в жизни, и можно сказать, во всей дальнейшей судьбе Сталина наступил коренной поворот. Он оказался за бортом семинарии и в определенном смысле за бортом всего сложившегося и привычного уклада бытия. С прошлым, на первый взгляд, его уже ничего не связывало, а будущее открывалось, окутанное пеленой полной неизвестности и неопределенности. Этот коренной перелом в его жизни, конечно, не был результатом случайного стечения обстоятельств. Скорее наоборот, он стал закономерным итогом его интеллектуальных и нравственных исканий, переживаний и устремлений, приведших его в конце концов в лагерь революционных бунтарей. Было бы большим упрощением считать, что он с самого начала ясно представлял себе, какой жизненный путь он выбирает и что ему сулит этот самый выбор. В решающей степени его действия диктовались реальной обстановкой, условиями его тогдашней жизни. В сущности ко времени его исключения из семинарии он уже порвал все духовные нити, связывавшие его с перспективой служения на nive священнослужителя. В значительной степени вырисовывалась и еще неясная, но уже более или менее определенная перспектива того жизненного пути, которому он намеревался следовать в дальнейшем. Эту перспективу можно определить как участие в революционной борьбе в рядах российской социал-демократии как наиболее последовательного и решительного крыла всего пестрого революционного движения тогдашней России.

К тому же следует учитывать еще одно немаловажное обстоятельство: молодой Сталин не имел какой-либо профессии, ему практически некуда было приложить свои силы. В каком-то смысле он был выброшен из привычной общественной среды, стал своего рода изгоем. Последнее также, несомненно, оказало немаловажное влияние

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 1. С. 123.

при выборе дальнейшего пути. Но какую бы роль ни играло это последнее обстоятельство, все же главной побудительной причиной вступления его на путь революционной борьбы стало уже в своих основных чертах сформировавшееся новое мировоззрение.

Американский автор А. де Йонге, рассматривая причины, побудившие молодого Джугашвили примкнуть к марксистскому направлению революционного движения, подчеркивает, что в то время «марксизм уже занимал на Кавказе прочные позиции. Более важное значение имело то, что Сталина привлекал агрессивный тон марксистской полемики и его догматические свойства. В нем, как семинаристе, находили отклик догмы и правильность интерпретации учения... Но он никогда не был рабом догмы, всегда был способен сочетать ее со своими непосредственными интересами, используя ее для оправдания каждого своего действия.»²

Есть все основания полагать, что этот его выбор был итогом сознательного решения. Отличаясь сильной волей и целеустремленностью, молодой Иосиф едва ли испытывал гамлетовский комплекс нерешительности в определении магистрального направления своей будущей жизни. Семена сомнений в отношении справедливости господствовавших тогда общественных устоев, зароненные в его душу в детстве и юности, с неизбежной закономерностью должны были дать свои плоды. Как натура исключительно цельная, не раздираемая сомнениями и колебаниями, он был в каком-то смысле обречен на то, чтобы стать профессиональным революционером. Его главной и, можно сказать, единственной профессией в этом мире стала революция как выражение цели и смысла всей его жизни.

Впоследствии, уже во времена «правления» Сталина, многие его оппоненты и критики нередко подвергали осмеянию само это понятие – профессиональный революционер. Действительно, с точки зрения обывательских канонов такая профессия выглядит абсурдной и даже какой-то мистической. На этот счет было высказано немало ехидных и саркастических комментариев и замечаний. Однако фактом реальной действительности тогдашней России было существование небольшого, но и не такого уж ничтожного слоя людей, каким являлись профессиональные революционеры. Некоторые из них, в отличие от Сталина, имели определенные профессии, но главной своей профессией они избрали революционную деятельность. Их гражданские специальности стали лишь своеобразным прикрытием их главной деятельности – по подготовке революции.

Участие молодого Сталина в подпольной революционной деятельности, причем участию достаточно плодотворному, способствовали и некоторые черты его характера. Он был человеком весьма организованным, целеустремленным, отличался скрытностью натуры, лишенным всяческого налета сентиментальности, склонности к красивым фразам. Он умел кратко и ясно выражать свои мысли, доводить их до своих слушателей понятным языком. Его отличала солидная начитанность, неплохое знание марксистской литературы, умение отделить главное от второстепенного. Короче, определенный теоретический фундамент в сочетании с некоторым жизненным опытом уже в самом начале его карьеры как профессионального революционера позволили ему включиться в активную подпольную деятельность. По

² Alex de Jonge. Stalin and the shaping of the Soviet Union. Glasgow. 1987. p. 41.

отзывам практически всех, кто знал его в этот период, Сталин был весьма умелым конспиратором, что несомненно облегчало приобщение его к подпольным делам.

Как уже отмечалось выше, еще в семинарии он руководил нелегальными кружками, основная цель которых состояла в изучении некоторых марксистских произведений. В январе 1898 года он начинает руководить рабочим марксистским кружком в Главных тифлисских железнодорожных мастерских. Сам Сталин в одном из немногих своих выступлений, содержащих сведения автобиографического порядка, следующим образом охарактеризовал эту свою подпольную работу:

“Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Это было лет 28 тому назад. Я вспоминаю, как я на квартире у т. Стура в присутствии Джибладзе (он был тогда тоже одним из моих учителей), Чодришвили, Чхеидзе, Бочоришвили, Нинуа и др. передовых рабочих Тифлиса получил первые уроки практической работы. В сравнении с этими товарищами я был тогда молодым человеком. Может быть, я был тогда немного больше начитан, чем многие из этих товарищей. Но, как практический работник, я был тогда, безусловно, начинающим. Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое своё боевое революционное крещение. Здесь, в кругу этих товарищей, я стал тогда учеником от революции. Как видите, моими первыми учителями были тифлисские рабочие.”³

О том, как молодой Сталин руководил просвещением рабочих в кружках, написано довольно значительное количество воспоминаний. Разумеется, все они относятся к тому периоду, когда культ Сталина уже сформировался. Отсюда нетрудно сделать вывод, что эти воспоминания носили откровенно апологетический характер. В них доминировало стремление представить молодого революционера чуть ли не в качестве некоего апостола марксистской мысли, которому уже были ясны ответы на все вопросы, выдвигаемые жизнью. Оценки Сталина как вождя партии как бы проецировались на всю его прошлую жизнь. Нет особой необходимости доказывать, что подобный подход к освещению роли Сталина как марксистского пропагандиста, а тем более восторженные оценки его ранней революционной деятельности, мягко выражаясь, не отражают действительно объективной картины. Поэтому едва ли имеет смысл приводить эти оценки или ссылаться на них, хотя справедливости ради, не стоит и считать, что подобные воспоминания лишены всякой фактической основы.

В том же 1898 году, еще в период учебы в семинарии, Сталин вступает в грузинскую социал-демократическую организацию «Месаме-даси» (в переводе на русский язык – “третья группа”).⁴ Эта организация возникла в конце 1892 года, ее лидером становится Н.Жордания – один из самых видных грузинских социал-демократов, ориентировавшихся в целом на “мягкий”, не революционный путь борьбы с царизмом.

Обстоятельства вступления Сталина в партию, членом которой он считал себя с 1898 года, для историков остались неясными. Грузинские меньшевики, яростно выступавшие против Сталина после установления Советской власти, решительно и категорически оспаривают многие факты, касающиеся ранней революционной деятельности Сталина. В частности, Г. Уратадзе писал в своих воспоминаниях: «Считаю

³ И.В.Сталин. Соч. Т. 8. С. 174.

⁴ И.В.Сталин. Соч. Т. 1. С. 416.

нужным... отметить следующее: как сам Сталин, так и его биографы пишут, как будто «Сталин, Цулукидзе и Кецохвели были членами этой группы «Месамедаси», занимали ее левое крыло и вели ожесточенную борьбу против оппортунистического правого крыла, которым руководил Жордания». Все это сплошная выдумка. Сталин и его вышеупомянутые товарищи не только не вели никакой борьбы «против правого крыла», но ни один из них не был даже членом этой группы. Названием «Месамедаси» эта группа пользовалась практически только для создания социал-демократической организации, т. е. до 1898 года. В этом году была создана первая социал-демократическая организация в Тифлисе, и с этого года название «Месамедаси» стало только обозначением исторической даты. Так оно и вошло в историю общественного развития грузинской жизни.»⁵

Данное свидетельство не проливает света на обстоятельства вступления Сталина в партию, вернее, в социал-демократическую организацию. Автор, явно в противоречии со многими достоверно известными фактами, рисует несколько идиллическую картину тогдашних взаимоотношений внутри этой первой грузинской организации марксистского толка. Да и сам Н.Жордания впоследствии, когда он был в эмиграции, приоткрыл завесу над своими разногласиями с молодым Сталиным, к которому он не только не питал симпатии, но совсем наоборот. Вот его оценка молодого Сталина-революционера:

“Этот юноша с первых же шагов хотел быть лидером. Так как необходимых познаний у него не было, то действовать он мог только интригами. Он не был оратором, говорил скучно, как вызубренный урок, и, чтобы привлечь внимание слушателей, часто употреблял крепкие слова. Публицистических талантов тоже не имел. Оставалась область чисто организационная. В ней он и засел твердо и основательно... Обойдя местных руководителей, Н.Чхеидзе и И.Рамишвили, он обосновался в рабочем квартале и начал собирать рабочих вокруг себя. Ненавидя всех передовых товарищей, он обвинял их в трусости, бездарности, измене рабочему классу и призывал рабочих к выступлению на улице. Внутри организации он создал собственную организацию, которая подчинялась исключительно ему и отказывалась от всякой ответственности перед комитетом. Результатом такой тайной работы была, как известно, демонстрация рабочих перед тюрьмой и их расстрел... Иначе как провокацией назвать это было нельзя.

Рабочие стали избегать Сосо, не допускали к себе. На его счастье его арестовали и выслали. Это отчасти вернуло ему престиж и избавило от зачисления в провокаторы.”⁶

Оценки Жордания, и это явно бросается в глаза беспристрастному читателю, выглядят не иначе, как своего рода проекция оценок позднего Сталина на молодого Джугашвили. Что же касается мимоходом оброненного обвинения в причастности к провокаторской деятельности, то на этом вопросе я остановлюсь достаточно подробно позднее. Сейчас же речь о другом.

Следует учитывать, что в период, о котором идет речь, вступление в партию, вернее в одну из социал-демократических организаций, носило весьма специфический

⁵ Григорий Урадзе. Воспоминания грузинского социал-демократа. С. 15.

Интервью Н.Жордания опубликовано в газете «Последние Новости» (Париж), 16 декабря 1936 г., № 351. Перепечатано в «Независимой газете». 10 сентября 1997 г.

характер, в корне отличаясь от порядков, сложившихся позднее. Скорее всего, такое вступление в организацию оформлялось самим фактом участия в практической работе такой организации и не было сопряжено с какими-то формальными процедурами, возможно, за исключением словесной рекомендации со стороны других членов социал-демократической группы. Очевидно, активное участие Сосо в деятельности кружков в семинарии и среди рабочих Тифлиса создало ему определенную известность в социал-демократических кругах. Кроме того, он был непосредственно связан с некоторыми из них лично. Так что, скорее всего, его вступление в партию носило характер простой констатации уже свершившегося факта. По крайней мере, никто из политических противников Сталина и критиков тех или иных деталей его революционной биографии не ставили под сомнение принадлежность его к партии с 1898 года.

Ко времени своего вступления в партию Иосиф уже был достаточно подкованным марксистом. Однако отнюдь не до такой степени, как об этом писали во время правления Сталина его апологеты. Наверняка явно преувеличенной является такая, например, оценка Е. Ярославского: «К тому времени, когда товарищ Сталин был исключен из семинарии, он обладал уже знанием «Капитала» Маркса и ряда других марксистских работ, имел уже 4-летний опыт работы в подпольных марксистских кружках, первый опыт издания нелегального ученического журнала. Он имел уже большой запас знаний в различных отраслях общественных и естественных наук. Эти познания товарищ Сталин неустанно умножал, и он поражает даже специалистов своей глубокой осведомленностью по самым разнообразным вопросам.

У товарища Сталина по выходе его из духовной семинарии было уже вполне сложившееся марксистское мировоззрение. У него было и знание жизни низов, из которых он сам вышел. Его ненависть к царскому самодержавию и к социальной опоре царизма с тех пор все более углублялась, в нем росла и крепла глубокая любовь к народу».⁷

Но нас в данном случае интересуют не отдельные нюансы в характеристике молодого Сталина как революционера и бунтаря. Важно уловить формирование и развитие определенных качеств его характера и особенностей его политического мышления, оказавших впоследствии свое влияние на его государственную и политическую деятельность. Именно такой разрез его ранней революционной деятельности представляет несомненный интерес и по прошествии целого столетия. Что же касается отдельных деталей, то они нас интересуют в той степени и постольку, поскольку они помогают составить более или менее адекватное представление о его политической эволюции.

Как явствует из воспоминаний Жордания, между ним как лидером грузинских социал-демократов и молодым Сталиным с самого начала существовали реальные, а не выдуманные разногласия и противоречия. Конечно, с точки зрения политического веса обе эти фигуры в тот период были не равнозначны. Первый был признанным лидером организации с репутацией блестящего публициста и неплохого теоретика. Второй – всего лишь начинающий революционер, причем не успевший получить законченное образование. И тем не менее, молодой Джугташвили бросает вызов такому

И. ОБОБЩАЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ

В. В. ВАРНА, 1904 УЧЕБ.

⁷ Е. Ярославский. О товарище Сталине. М. 1939. С. 14.

серьезному противнику. Видимо, неправильно объяснять этот шаг стремлением Иосифа к лидерству, его склонностью к интриганству. Корни конфликта имели более серьезную основу, что убедительно подтвердили и дальнейшие события, приведшие к расколу социал-демократической партии на большевиков и меньшевиков. По крайней мере, есть гораздо больше оснований усматривать первопричину конфликта в политических и тактических моментах, нежели в плане чисто личного соперничества, о котором ввиду разности политического веса двух соперников тогда всерьез не могло идти и речи.

На это обстоятельство указывает и будущий тесть Сталина С. Аллилуев в своих воспоминаниях. Он, в частности, пишет: «В те далёкие годы имя Ноя Жордания было хорошо известно представителям рабочего класса. Понятно, что рабочим, слабо разбиравшимся в марксизме, выступления против Ноя Жордания и его взглядов казались необычайно смелыми и дерзкими. Помню, с каким жгучим интересом и любопытством расспрашивал я об именах смельчаков, рискнувших поднять свой голос против Жордания, Рамишвили, Чхеидзе. Мне назвали три имени — Александра Цулукидзе, Владимира Кецховели и Иосифа Джугашвили. Так я впервые услышал о трёх друзьях-товарищах, положивших начало революционной марксистской социал-демократии в Закавказье.

Иосиф Джугашвили, или, как его называли рабочие, Сосо, начал руководить кружком в железнодорожных мастерских незадолго до моего возвращения из Михайлова в Тифлис.

Кружковцы — Георгий Телия, Прокофий Долидзе, Георгий Лелашвили и другие — были очень довольны своим пропагандистом. Беседы он вёл на популярном и понятном для них языке. Он постоянно рассказывал о значении организации сил рабочего класса, о стачечной борьбе, терпеливо разъяснял все трудные вопросы.

Однажды, во время беседы, Сосо весьма нелестно отозвался о Ное Жордания. Никто в то время не позволял себе вслух высказывать такое резко отрицательное мнение о руководителях «Месаме-даси». На другой день один из кружковцев сообщил организатору кружка о выступлении Сосо. Но многие кружковцы, несмотря на популярность Жордания, встали горой за своего пропагандиста. Постепенно рабочие свыклись с резкими критическими выступлениями пропагандиста против того или иного лидера большинства «Месаме-даси». Так разногласия, раздиравшие тифлисскую социал-демократическую организацию, были перенесены в кружки, в мастерские на обсуждение рабочих.»⁸

Молодой Сталин начал вести революционную работу среди рабочих еще будучи семинаристом. После исключения из семинарии возможности в этом плане, конечно, увеличились. Однако, видимо, вставали в порядок дня и проблемы материального бытия, проще говоря, необходимо было иметь какие-то источники существования и, кроме того, своеобразную легальную «крышу» Мать, которая жила в Гори, в материальном отношении помогать ему была просто не в состоянии, а полагаться на получение средств от партийных организаций в тот период также не приходилось.

Вообще самый первый период после исключения Сосо в апреле 1899 г. из семинарии является одним из тех белых пятен в его политической биографии, которая до сих пор в литературе не нашла своего полного и обстоятельного освещения.

⁸ С. Аллилуев. Пройденный путь. М. 1946. С. 43-44.

Некоторую ясность вносит работа А.В.Островского, приводящего в своей книге ряд архивных материалов. Картина, рисуемая им, выглядит так. Воспроизведем ее в том виде, как она дана в самой книге.

«Прежде всего воспоминания свидетельствуют, что исключенный из семинарии, не имея ни крова, ни работы, И. В. Джугашвили вынужден был вернуться в Гори. Но и там его никто не ждал с распростертыми объятиями.

«Когда Сосо исключили из семинарии, — вспоминала Мария Махароблидзе (в замужестве Кублидзе), — мать очень рассердилась на него, и Сосо прятался несколько дней в садах селения Гамбареули. Я со своими товарищами ходили тайком к Сосо и носили ему пищу».

Исключение И.В. Джугашвили из семинарии было тяжелым ударом для Кеке. Оно не только не могло не задеть ее самолюбия, но и означало крушение ее надежд на благополучное будущее единственного сына. Поэтому возникновение конфликта между ним и матерью представляется вполне реальным. Но неужели в Гори Сосо не мог найти приюта у своего дяди Глаха, других родственников или знакомых?

Возникает мысль о том, что в садах Гамбареули он скрывался не только от матери. В связи с этим несомненный интерес представляет свидетельство Г. Елисабедашвили, который утверждал, что перед исключением из семинарии «товарища Сталина хотели арестовать».

В последних числах мая — начале июня, когда в семинарии закончились экзамены и ее воспитанники стали разъезжаться по домам, в Гори появился Миха Давиташвили, который забрал Сосо с собой в Цроми.

Из воспоминаний брата Миши Петра Давиташвили: «Здесь Сосо самозабвенно принялся за самообразование <...>. Миша и Коба как раз здесь начали свою конспиративную жизнь. В Цроми к ним часто приезжали товарищи <...>. Между прочим <...> приезжал Ладо Кецохвели».

Можно лишь предполагать, что скрывается за словами «начали свою конспиративную жизнь» и с какой целью Ладо Кецохвели приезжал в Цроми. Однако пребывание И. В. Джугашвили здесь летом 1899 г. действительно стало важным моментом в его биографии.

Именно в это время горийский уездный начальник получил из Тифлиса распоряжение произвести в доме священника Н. Э. Давиташвили обыск. Никаких документов, связанных с этим обыском, обнаружить пока не удалось. Ничего не известно и о его причинах. Сам Н. Э. Давиташвили политической деятельностью не занимался. Нет никаких данных о том, что к этому времени в поле зрения полиции находился его сын Миха.

Исполнение полученного распоряжения было доверено секретарю уездного правления Д. В. Гогохия. А поскольку его жена приходилась Н. Э. Давиташвили племянницей, прежде чем нагрянуть к своему родственнику, Д. В. Гогохия отправил в Цроми «осетина Джиора Гасишвили», чтобы он предупредил Н. Э. Давиташвили о предстоящем визите. Неизвестно, нужна ли была такая предосторожность. Во всяком случае, обыск не дал никаких результатов.

Так летом 1899 г. произошло первое известное нам знакомство И. В. Джугашвили с полицией.

После этого он возвратился в Гори. Имеются сведения, что здесь на квартире В. Т. Хаханишвили он встречался с Михаилом Монаселидзе и Ладо Кецохвели. Одним

из вопросов, который обсуждался ими, был вопрос о необходимости изменения деятельности местной социал-демократической организации.”⁹

Социал-демократические организации в Грузии, да и вообще в России, всегда испытывали постоянную нужду в средствах. В конце декабря 1899 года Сталин поступает на работу в Тифлисскую физическую обсерваторию в качестве вычислителя-наблюдателя (Э.Радзинский утверждает – в качестве ночного сторожа!). В его обязанности входило наблюдение за приборами, установленными на метеорологической площадке, ведение журнала, в котором регистрировались показания приборов и т.п.⁴ Зарплата была весьма скромная – 20 рублей в месяц. Местонахождение обсерватории, график работы и условия проживания в ней позволяли Иосифу заниматься революционной деятельностью. «Тишина, царившая в этом глухом укромном месте, наиболее благоприятствовала конспиративному образу жизни молодого Сталина». ¹⁰ Ко времени работы в обсерватории относится и первый арест Сосо. Причины и обстоятельства этого ареста довольно туманны, и на этот счет имеются разноречивые сведения. Но сам факт ареста подтверждается как архивными материалами, так и свидетельствами современников.**

Непродолжительная служба в качестве вычислителя-наблюдателя была и осталась единственной работой, которую он выполнял по найму за всю свою жизнь. Это дает повод для всякого рода иронических замечаний по его адресу. Правда, согласно некоторым источникам (в том числе и официальной Краткой биографии) Сталин после исключения из семинарии подрабатывал, давая частные уроки. Однако американский автор Э.Смит утверждает, что Сталин едва ли мог перебиваться репетиторством (в современном понимании этого слова), поскольку состоятельные семьи в Тифлисе едва ли согласились бы на то, чтобы их отпрыскам преподавал студент, исключенный из семинарии.¹¹ Нам трудно судить, насколько достоверны все эти сведения. Во всяком случае бесспорным является тот факт, что, кроме службы в обсерватории, в биографии Сталина не зафиксировано его участие, выражаясь современным стилем, в каком-либо “общественно-полезном труде”

Я пишу это не в ироническом ключе. Совершенно ошибочно думать, что образ жизни профессионального революционера, который выбрал молодой Иосиф, являл собой некое подобие бездельной, а тем более богемной жизни. Напротив, он был сопряжен с большими материальными трудностями и лишениями, с не прекращавшейся ни на минуту заботой о куске хлеба и крыше над головой, с необходимостью постоянно находиться в состоянии предельной бдительности. Конспиративный образ

⁹ А.В.Островский. Кто стоял за спиной Сталина? С. 152-153.

* Несколькими штрихами давая оценку книге Э.Радзинского о Сталин, А.В.Островский с сарказмом замечает: “ В своей книге, посвященной И. В. Сталину, писатель Э. С. Радзинский, которого почему-то считают историком, пишет о том, как будущий вождь, которому «суждено было определять» ход событий XX века, став наблюдателем Тифлисской обсерватории, вглядывался на рубеже столетий «в глубь Вселенной» Между тем, Тифлисская физическая обсерватория не имела никакого отношения к астрономии. Она являлась обыкновенной метеорологической станцией. (А.В.Островский. Кто стоял за спиной Сталина? С. 157.)

¹⁰ *Детство и юность вождя.* С. 89.

** Подробнее об этом см. в книге А.В.Островский. Кто стоял за спиной Сталина? С. 158-160.

¹¹ E.Smith. The young Stalin. p. 57-58.

жизни с закономерностью влек за собой и выработку соответствующих психологических качеств личности. В этом отношении не удивительно, что со временем Сталин превратился не только в отличного конспиратора, о чем говорят многие источники, но и в человека, одной из отличительных черт характера которого была предельная подозрительность. Надо полагать, что сами условия революционного подполья в какой-то степени объясняли закрепление в нем таких черт характера. Со временем они стали обретать уже иные масштабы и формы проявления.

Однако при оценке личности Сталина как политического деятеля необходимо принимать во внимание то колоссальное воздействие, которое оказала на него жизнь подпольщика-революционера на протяжении почти двадцати лет. И как раз именно в тот период жизни, когда уже окончательно формируются главные черты характера. В суровых условиях подполья и нелегалщины воспитываются твердые, лишенные сентиментальности, а порой и романтизма, люди. Опасности, с которыми им приходится постоянно сталкиваться, выковывают в них волю и решимость. Вместе с тем такие условия отнюдь не способствовали развитию чувства сострадания, жалости, словом, всего того, что вкладывается в понятие гуманизм в нынешнем понимании этого слова. В этом смысле длительная подпольная жизнь Сталина, бесспорно, оставила на нем свою неизгладимую печать. Личная жизнь стала для него чем-то второстепенным, несущественным. Аскетизм и почти спартанская неприхотливость превратились в его отличительные черты. Такой заангажированный биограф Сталина, как Д.Волкогонов в своей книге, касаясь влияния на Сталина условий нелегальной жизни, писал: «Сухость, холодность, расчетливость и осторожность Сталина, возможно, усугубились тяготами жизни профессионального революционера, вынужденного с 1901 по 1917 год находиться на нелегальном положении, часто попадать в тюрьмы и ссылки. Все, знавшие тогда Сталина, отмечали его редкую способность к самообладанию, выдержке и невозмутимости. Он мог спать среди шума, хладнокровно воспринять приговор, стойко переносить жандармские порядки на этапе».¹²

Сознательно выбрав стезю профессионального революционера, молодой Джугашвили всецело отдался этой тяжелой, чреватой преследованиями и арестами, ссылками и постоянным наблюдением со стороны полиции, жизни. Такой выбор в конце концов стал прологом его невероятного возвышения к самым вершинам государственной власти в стране. Даже в самом невероятном сне такое и не могло присниться ему. Ход реальной жизни оказался фантастичнее любых предположений.

Однако вернемся к вопросу о его практической революционной работе. Едва ли имеется смысл в деталях описывать все перипетии его начальной революционной деятельности. Подобные детали вряд ли имеют принципиальное значение для понимания основных вех жизни Сталина как политического деятеля. Если говорить обобщенно, то его революционная работа в этот период концентрировалась на следующих направлениях.

Во-первых, он ведет активную работу в кружках в качестве пропагандиста, причем эти кружки состоят преимущественно из рабочих различных тифлиских фабрик и мастерских. В ориентации на пропагандистскую работу прежде всего в среде рабочих выражается, в частности, и ориентация самого Сталина на наиболее

¹² Д.Волкогонов. Сталин. Т. I. С. 41-42.

радикальное крыло грузинской социал-демократии. При этом особенностью, даже лейтмотивом пропагандистских выступлений Сталина в рабочей среде, были неизменные призывы к сплочению рабочих, укреплению их солидарности и взаимовыручке. Он, как свидетельствуют источники, всегда занимал наиболее радикальные позиции и был сторонником наиболее острых, боевых форм развития рабочего движения. 23 апреля 1900 года состоялось первое его политическое выступление на рабочей маевке в окрестностях Тифлиса. Сам факт такого выступления уже примечателен, поскольку известно, что Сталин не блистал особыми ораторскими способностями. Более действенной и более сильной чертой его натуры как подпольщика-революционера была сфера организаторской работы, где со временем он проявил себя с самой выгодной стороны. Не случайно, что в августе того же, 1900 года, он становится одним из руководителей массовой забастовки в Главных тифлиссских железнодорожных мастерских.

Вторым важным направлением его деятельности в этот период является работа, нацеленная на создание нелегальной и легальной революционной марксистской печати. В подходе к этому вопросу в среде тифлиссских социал-демократов возникают острые разногласия, которые в дальнейшем перерастают в более фундаментальные расхождения, ставшие причиной раскола социал-демократов. Впоследствии на более широком, уже общероссийском фоне, произошел раскол российской социал-демократии на большевиков и меньшевиков. Но пока что и радикальные, и умеренные части тифлиссской и вообще кавказской социал-демократии работали в рамках одной, единой организации. Причем противоборство между ними происходило чуть ли не по всему спектру практических проблем, хотя, казалось бы, перед лицом единого общего противника – царизма – они должны были уметь находить пути к устранению своих разногласий. Сталин в данном отношении отличался особой непримиримостью и жесткостью своих взглядов и позиций. Вообще следует заметить, что мягкотелость никогда не принадлежала к чертам его характера и к свойствам его политической психологии и линии поведения.

Неудивительно, что особую активность Сталин проявляет на поприще создания нелегальной газеты “Брдзола” (“Борьба”), начавшей выходить с сентября 1901 года на грузинском языке. Он был, наряду с другими кавказскими революционерами, одним из главных создателей и редакторов этой газеты. Первый том сочинений Сталина открывается написанной им передовой статьей, посвященной тогда самому актуальному вопросу разворачивания революционной борьбы – вопросу о характере и направлении новой революционной газеты. Вот как мыслил себе задачи и направления работы газеты Сталин (учтем, что это первое дошедшее до нас политическое произведение Сталина*): “Итак, грузинское свободное периодическое издание является неотложной нуждой социал-демократического движения. Вопрос сейчас лишь в том, как поставить это издание, чем оно должно руководствоваться и что оно должно давать грузинскому социал-демократу.

Правда, такой достаточно компетентный биограф Сталина, как И.Дойчер считает, что стилистически эта статья не очень похожа на позднейшие произведения Сталина и что, видимо, она написана несколькими авторами с участием Джугашвили. (*Isaac Deutscher. Stalin.* p. 57.)

Если взглянуть со стороны на вопрос существования грузинской газеты вообще и в частности на вопрос её содержания и направления, то может показаться, что этот вопрос разрешается сам собой, естественно и просто: грузинское социал-демократическое движение не представляет собой обособленного, только лишь грузинского рабочего движения с собственной программой, оно идёт рука об руку со всем российским движением и, стало быть, подчиняется Российской социал-демократической партии, —отсюда ясно, что грузинская социал-демократическая газета должна представлять собой только местный орган, освещающий преимущественно местные вопросы и отражающий местное движение. Но за этим ответом скрывается такая трудность, которую мы не можем обойти и с которой мы неизбежно будем сталкиваться. Мы говорим о трудности в отношении языка... Так как большинство грузинских рабочих-читателей не может свободно пользоваться русской газетой, руководители грузинской газеты не вправе оставлять без освещения все те вопросы, которые обсуждает и должна обсуждать общепартийная русская газета. Таким образом, грузинская газета обязана знакомить читателя со всеми принципиальными теоретическими и тактическими вопросами. Вместе с тем она обязана возглавлять местное движение и должным образом освещать каждое событие, не оставляя без разъяснений ни одного факта и отвечая на все вопросы, волнующие местных рабочих. Грузинская газета должна связывать и объединять грузинских и русских борющихся рабочих. Газета должна сообщать читателям обо всех интересующих их явлениях из местной, русской и заграничной жизни.¹³

Я сознательно привел столь обширную выдержку из статьи для того, чтобы читатель мог сам убедиться в некоторых особенностях как политического мышления, так и уровня теоретической подготовленности ее автора. Что здесь заслуживает быть отмеченным? Ясность и определенность позиции, четкость поставленных задач и уже тогда органически присущее ему понимание тесной и неразрывной взаимосвязи интересов грузинского рабочего класса и вообще грузинского народа с общероссийскими интересами. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, поскольку именно оно лежит в качестве краеугольного камня в сталинском толковании национального вопроса. Этот же национальный вопрос, точнее пути и методы его практического решения в российских условиях, стал одним из самых серьезных оселков, на котором проверялась и оттачивалась действительная политическая зрелость государственных и политических деятелей России. Так было сто лет назад. Так обстоит дело и сегодня.

Разумеется, знакомство с ранними публикациями Сталина не открывают перед нами какого-либо яркого мыслителя-теоретика, прокладывающего свои пути в трактовке злободневных проблем современности и социал-демократического движения. Не обнаруживают они и каких-либо выдающихся публицистических способностей автора. Однако они вполне убедительно свидетельствуют о том, что молодой Сталин хорошо владеет пером, ясно и четко мыслит и умеет убедительно аргументировать свои позиции.

Заслуживает быть отмеченной и вторая его статья, помещенная позднее в той же газете. Она вышла под названием "Российская социал-демократическая партия и ее ближайшие задачи". В ней автор рассматривает довольно широкий круг вопросов,

¹³ И. В. Сталин. Соч. Т.1. С. 6-7.

сосредоточивая внимание на критике взглядов тех, кто ориентировал рабочее движение на отстаивание прежде всего экономических требований, упуская из вида задачи политического характера, и прежде всего свержение самодержавия. Заслуживает специального упоминания позиция молодого Сталина по национальному вопросу, которую он изложил в этой статье. Характеризуя сущность национального вопроса в тогдашней России он, в частности, писал: «Стонут угнетённые нации и вероисповедания в России, в том числе гонимые со своей родины и оскорблённые в своих святынях чувствами поляки, финны, права и свободу которых, дарованные им историей, самодержавие нагло растоптало. Стонут постоянно преследуемые и оскорбляемые евреи, лишённые даже тех жалких прав, которыми пользуются остальные российские подданные, — права жить везде, права учиться в школах, права служить и т. д. Стонут грузины, армяне и другие нации, лишённые права иметь свои школы, работать в государственных учреждениях, вынужденные подчиниться той позорной и угнетающей политике русификации, которую с таким рвением проводит самодержавие. Стонут многие миллионы русских сектантов, которые хотят верить и исповедываться так, как им подсказывает их совесть, а не так, как желают православные попы.»¹⁴

Любопытно поставить вопрос, как нынешние авторы, активно раздувающие версию о чуть ли не генетически обусловленном антисемитизме Сталина, объяснят тот факт, что уже с самого начала своего революционного пути Сталин считал необходимым выступить против притеснений евреев в царской России? Ответят, видимо, что со временем его позиция изменилась. Что же, вполне возможно. Но и в таком случае о каком-то изначально присущем ему антисемитизме говорить абсурдно.

Объективная оценка ранних политических работ Сталина начисто опровергает утверждения о якобы убогом и примитивном уровне его ранних публикаций. Равно как и утверждения о том, что интеллектуальный и образовательный уровень бывшего семинариста был весьма невысок. Можно, наконец, провести сравнение с уровнем нынешнего высшего образования, при котором многие выпускники вузов с большим трудом и массой ошибок выражают свои мысли (если они, конечно, есть) на бумаге.

Политическая биография Сталина, разумеется, не может быть написана без использования его произведений, созданных в самые различные периоды, как в ранние годы его деятельности, так и на закате жизни. По ряду важных аспектов статьи и выступления Сталина порой являются едва ли не единственным достоверным документальным источником. В первую голову это касается ранних периодов его деятельности. Я, конечно, хорошо понимаю и понимаю, что полностью опираться на его произведения, рассматривая их в качестве абсолютно надежной и в полной мере объективной документальной базы, в серьезном исследовании нельзя. Это все равно, что судить о человеке только на основании того, что он говорит сам о себе. Ведь автобиография и биография — жанры, хотя и имеющие много сходства, тем не менее различающиеся и по своему характеру, и по степени объективности, не говоря уже о принципиальных отличиях, касающихся существа самих оценок деятельности личности, мотивов, которыми эта личность руководствовалась в своих поступках. Нет нужды доказывать, что в приложении к Сталину данное обстоятельство имеет особое значение, учитывая сложность и противоречивость самой этой фигуры, а также

¹⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 1. С. 22.

колоссальный разброс мнений и суждений вокруг едва ли не любой стороны его деятельности. При всем при том, метафорически выражаясь, опубликованные произведения Сталина служат как бы своеобразной материальной основой при вынесении исторического вердикта в отношении этого политического деятеля. Конечно, произведения Сталина, помещенные в собрании его сочинений, требуют к себе критического подхода, поскольку на них нередко лежала печать политической конъюнктуры, продиктованной различными мотивами, интересами и расчетами непосредственной борьбы. Такого рода обстоятельства я стремился, в той мере, в какой было возможно, учитывать в каждом конкретном случае, когда возникала необходимость опираться на произведения Сталина.

Мне представляется, что есть смысл в связи с ранними работами Сталина специально остановиться на одном довольно спорном вопросе. Речь идет о том, что некоторые произведения, помещенные в собрании его сочинений, якобы написаны не им, а принадлежат перу других лиц или же написаны им в соавторстве с другими. Понятно, что прояснение данного вопроса требует тщательного специального и профессионального исследования. Однако определенную ясность в него поможет внести свидетельство П.А.Шария – одного из идеологических работников ЦК компартии Грузии, затем довольно близкого сотрудника Л.Берии. Ценность его воспоминаний, не известных широкому кругу читателей, придает то обстоятельство, что он являлся тем работником, который занимался идентификацией произведений Сталина при подготовке к изданию его собрания сочинений. Вот как описывает Шария перипетии, сопровождавшие эту работу. Приводим наиболее существенные моменты из его воспоминаний, надеюсь, что они дадут возможность читателю самому вынести суждение по этому довольно пикантному вопросу.

Сам Шария в беседе с корреспондентами в 70-х – 80-х годах сказал, что со Сталиным «был дружен». И объясняется это тем, что он оказался причастным к истории издания сталинского собрания сочинений. Произошло это так.

В 1945 исполнялось 40 лет со дня смерти А.Г. Цулукидзе. К этой дате Шария решил выпустить томик избранных произведений Цулукидзе на русском языке. Сам засел месяца на три переводить статьи. Готовая книга была отправлена всем членам Политбюро.

Через некоторое время Шария был срочно вызван к Маленкову с группой людей, хорошо знающих русский и грузинский. Забрав, кого надо из ученых и писателей, он полетел в Москву.

Оказалось, что Маленков вошел к Сталину, когда тот листал томик Цулукидзе. Маленков сказал: «И у меня такой есть», – и в ответ услышал: «Кажется, было решение и о моих сочинениях?»

Выйдя из кабинета, Маленков кинулся наводить справки. В самом деле: решение об издании собрания сочинений Сталина было принято где-то около 1935 года (для Шарии это десятилетие ожидания – свидетельство того, что Сталин не заботился о создании своего культа).

Начавшаяся работа затормозилась из-за Мочалова - сотрудника Института Маркса – Энгельса – Ленина, - который десять лет «сидел на отделе Сталина» в ИМЭЛ: заведовал отделом. У Мочалова не были подготовлены к изданию тексты сталинских работ, больше того – не были выявлены эти работы. Шария организовал изучение сталинского стиля, выделение работ Сталина из множества неподписанных газетных

статей, перевод ранних работ на русский язык. Мочалов сопротивлялся: «Это Каменев. Это неизвестно кто».

И вот однажды у Сталина собраны Александров, Кружков, Митин (в то время ведущие работники идеологических учреждений партии), Шария, Мочалов... Сталин предоставляет слово Мочалову. Тот докладывает, что грузинские товарищи — конечно, из лучших побуждений — готовы приписать Сталину чужие работы. Сталин предлагает высказаться. Все молчат. «Может быть, Шария скажет?» — «Да, я скажу», — начинает Шария и говорит о том, что он не видывал «такого нахальства». — «Пожалуйста, без выражений», — останавливает его Сталин. Шария продолжает: он ничего не приписывает, анонимные статьи подготовлены для того, чтобы спросить об их авторстве (в сторону Сталина) самого автора. — «Ну что ж», — и Сталин просматривает работу за работой: «моя», «моя», «моя» (Мочалов мрачнеет), «не моя» (Мочалов взбодрился). «Посмотрите, товарищ Сталин, — говорит Шария, — это же Ваш язык. Ваша композиция».

«А, вспоминаю, — произносит Сталин, — я начал писать эту статью, но должен был уехать, и по моим тезисам ее закончил Давиташвили».

При одной из встреч Шария обратил внимание Сталина на то, что не годится издавать Сочинения «кустарно»: нужна редакционная коллегия. «Предлагайте», — сказал Сталин. Шария первым назвал Поскребышева и на удивленную реакцию собеседника ответил, что только Поскребышев всегда сможет обратиться к автору. Кандидатуру Пospelова Сталин отвел.

Члены редколлегии ограничивались в лучшем случае корректурной правкой. Серьезные замечания к первому тому подготовил один Шария. Отправил Поскребышеву. Приехал однажды в Москву — тот его вызывает. Оказалось, что Поскребышев даже не сказал Сталину о присланных замечаниях: «Что я — дурак?» С такими исправлениями Шария пусть идет объясняться сам. А теперь он доложит Сталину, что приехал Шария с предложениями по первому тому. И вот Сталин читает свою фразу: «Мы за пролетариат, потому что ему принадлежит будущее». К Шарии: «Что Вам здесь не нравится?» Шария отвечает: сейчас критикуют марксизм за прагматизм, за отсутствие морали. Предлагает изменить: мы за пролетариат, потому что он против частной собственности. В другом месте Сталин писал со знаком плюс о неodarвинизме. Но теперь неodarвинизм оценивается иначе, объясняет Шария и предлагает изменить оценку или вообще изъять кусок текста. — «Это будет приспособленчество». — «Вы автор. Вы имеете право...»

Споры длятся часами. Сталин принимает предложения Шарии. Потом распоряжается: исправления Шарии без согласования с ним, Сталиным, направлять прямо в печать. Шария и теперь счастлив оказанным тогда доверием. Все это было подано как иллюстрация мысли: Сталину можно было резко возражать, с ним можно было спорить — какой же он тиран?¹⁵

На основе приведенной информации читатель, конечно, сможет сделать свои собственные выводы. Лично у меня сложилось убеждение, что работа по определению авторства Сталина в отношении ранних опубликованных произведений была проведена тщательно и компетентными специалистами. Эта работа получила одобрение автора и была, так сказать, авторизована. Для Сталина, стоявшего на

¹⁵ **Минувшее.** Исторический альманах. Т. 7. М. 1992. С. 455-456.

вершине власти, не было абсолютно никакого смысла присваивать себе авторство отдельных произведений. Во-первых, в силу того, что они едва ли добавляли ему авторитета как политику или теоретика (они все не были отмечены печатью какой-либо оригинальности, а тем более гениальности). Во-вторых, с известной долей уверенности можно сказать, что Сталин, к тому же обладавший прекрасной памятью, мог отличить написанное им от того, что писали другие. Собственный стиль автор узнает скорее, чем любой эксперт. Все это дает нам право рассматривать опубликованные в собраниях сочинений Сталина произведения как написанные им, принадлежащие его перу. Отдельные сомнения на этот счет, высказываемые некоторыми его биографами, большей частью носят спекулятивный характер малодоказательных гипотез и предположений.

Но вернемся непосредственно к теме нашего повествования.

Пополнению теоретического багажа, выработке более четких классовых позиций, более глубокому осмыслению путей развития революционного движения в России, и в Закавказье в особенности, способствовало и установление Кобой связей с одним из близких к Ленину деятелей партии В. Курнатовским, который в это время приехал в Тифлис для проведения партийной работы. Через него Коба узнал о развернутой ленинской "Искрой" широкой и масштабной работе по строительству партии нового типа как сначала в теоретическом, так и в дальнейшем в практическом плане. Устанавливаются у него контакты и с другими представителями русского революционного движения, которые в то время оказались высланными на Кавказ.

Однако возвратимся к самой революционной деятельности молодого Джугашвили. Здесь мне хотелось бы остановиться на такой ее особенности, как умение вести работу в условиях жесткой слежки, присущей ему склонности к конспирации, важности, которую он придавал тщательной проверке надежности своих товарищей по подпольной деятельности. Думается, нет нужды особо подчеркивать, что эти черты его натуры и, можно сказать, стиля его подхода к людям весьма существенным образом сказались на нем впоследствии, когда он стал руководителем партии и страны.

Уже период его учебы в Тифлисе был отмечен незаурядными способностями умело скрывать свои подлинные взгляды и свою деятельность. Не обладай он этими качествами, он, несомненно, уже в самые первые годы "вылетел" бы из семинарии. Приобщение к подпольной деятельности усилили его склонность к конспирации, стимулировали развитие осторожности и расчетливости, крайней осмотрительности в действиях. Сошлемся на вполне объективные свидетельства. «В жандармском обзоре наблюдения за одним из социал-демократических кружков, руководимых Сталиным, приводится следующая информация: «Иосиф Джугашвили, наблюдатель в физической обсерватории, где и квартирует. По агентурным сведениям, Джугашвили—социал-демократ и ведет сношения с рабочими. Наблюдение показало, что он держит себя весьма осторожно...»¹⁶ Об этом же говорят и свидетельства тех, кто соприкасался с ним по революционной работе. Так, один из них отмечал: «Сталин всегда соблюдал строгую конспирацию. Выходя на улицу, он шел не туда, куда ему надо было, а в противоположную сторону, и приходил к нужному месту окольными путями.»¹⁷ На

¹⁶ Детство и юность вождя. С. 94.

¹⁷ Там же.

собраниях Сталин появляется неожиданно, саживается молча и слушает, пока не берет слово. С ним всегда приходят два-три товарища, и один из них остается у дверей на страже. Сталин не засиживается. Чтобы уйти незаметно для шпиков, нужно много сложных маневров.

Помимо конспиративных навыков революционная подпольная деятельность способствовала выработке у Сталина такого чрезвычайно важного качества, сыгравшего в дальнейшем первостепенную роль в его возвышении в партии и стране, как организационные способности, умение сплотить людей и повести их за собой, убедить их в правильности своей политической линии, своих позиций. Без этого качества было бы немыслимо формирование Сталина как крупного политического деятеля в дальнейшем. На это справедливо обращают внимание и некоторые западные биографы Сталина. Так, А. де Йонге, основываясь на истории борьбы молодого Сталина против руководства грузинской социал-демократии во главе с Н. Жордания, замечает, что из картины, нарисованной последним, явствует, что Сталин "уже был блестящим организатором".¹⁸ В данном случае автор не столько становится на сторону Сталина в его борьбе против Жордания, сколько делает объективный вывод, логически вытекающий из истории противоборства двух течений в грузинской социал-демократии. Именно курс на организацию практической работы в революционном движении, ориентация на наиболее активные, радикальные методы ведения борьбы отличают Сталина на этом раннем этапе его деятельности.

Кульминацией его пропагандистской и организаторской активности явилась массовая первомайская демонстрация, проведенная в апреле 1901 года в Тифлисе, которая вызвала не только общекавказский, но и общероссийский резонанс. Это была первая такого рода демонстрация на всем Кавказе. Она была тщательно продумана и хорошо спланирована, хотя о ее подготовке стало известно полиции. Участник этой демонстрации С. Аллилуев вспоминал об этой демонстрации и роли Сталина в ее организации и проведении: «Шёл тысяча девятьсот первый год... Сосо Джугашвили и Виктор Курнатовский готовили рабочий класс Тифлиса к первомайской демонстрации. Как ни конспиративно проводилась подготовка, о предстоящей маёвке всё же узнала полиция...

С пением «Варшавянки» мы двинулись к центру. Откуда-то прискакали казаки. Завязалась борьба. Нашу группу рассеивали в одном месте, мы смешивались с гулявшей публикой и вмиг появлялись в другом. Так продолжалось несколько минут.

Полиция, казаки и дворники, налетевшие со всех сторон, заполнили проспект. Они стали теснить и избивать демонстрантов, разгонять гуляющих. Небольшими группами мы пробивались сквозь цепь и окольными путями направлялись на Солдатский базар, куда, по договорённости, мы должны были прибыть после демонстрации на проспекте.

На Солдатском базаре по случаю воскресного дня, как обычно, собралось много народу. Но покупатели в тот день были необычные. Они подходили к лавкам, приценились и, ничего не купив, отходили. Лишь в полдень торговцы поняли, что за «покупатели» собрались на базаре. Когда с арсенала грянул пушечный выстрел, над площадью раздалось:

¹⁸ Alex de Jonge. Stalin and the shaping of the Soviet Union. p. 45.

– Да здравствует Первое мая! Долой самодержавие!

В ту же минуту полицейские с обнажёнными шашками бросились на знаменосца. Знамя перехватили, и оно пошло по рукам рабочих. Там, где полицейские особенно наседали, знамя опускалось, чтобы тотчас же взвиться в другом месте. Произошло кровавое побоище. Засвистели казачьи нагайки, засверкали шашки. Рабочие отвечали камнями и палками. Схватка была отчаянная. Многие рабочие были ранены. Досталось и полицейским.»¹⁹

Б. Вольф, автор серьезной книги “Трое, которые сделали революцию”, компетентный знаток истории русской революции, в таких словах дал оценку этого периода деятельности Кобы: «Не принимая официозные и официальные версии, согласно которым молодой Джугашвили делает все, руководит всем, находится всюду сразу, мы можем быть уверены в том, что двадцатидвухлетний профессиональный революционер принимал активное участие, насколько это было в его силах, в бурных стачках и демонстрациях, потрясших спящий Батум вскоре после его прибытия туда.»²⁰ Хотя данное замечание и относится к батумскому периоду деятельности Сталина, его без всякой натяжки можно приложить и к более раннему – тифлисскому периоду.

Демонстрация в Тифлисе явилась первым по-настоящему боевым крещением для молодого революционера. Именно во время этой демонстрации молодой революционер выступил с публичной политической речью. То, что она закончилась побоищем, – вина отнюдь не его участников или организаторов. Хотя упоминавшийся ранее И.Иремашвили пишет в своей книге, что в начале мая Сосо приехал в Гори и в беседах с ним говорил, что в будущем году будет организована еще более мощная демонстрация. «Я понял, что кровь, пролитая во время этой демонстрации, опьянила его.»²¹ – утверждает Иремашвили. По его словам, «полиция искала Кобу как одного из руководителей (майской демонстрации), но он ускользнул от ареста, и полиция безуспешно в течение недель искала его. Он сбежал в свой родной город Гори. Он не мог оставаться у своей матери, так как это было бы первым местом, где полиция искала бы его, поэтому он скрывался где-то еще в Гори. Тайно поздно ночью он часто посещал меня в моей квартире.»²²

Еще накануне первомайской Джугашвили оказался в поле пристального внимания полиции. В ночь с 21 на 22 марта 1901 года полиция нанесла серьезный удар по социал-демократическому движению: были арестованы активные и видные деятели социал-демократического движения и среди них Курнатовский, Франчески, Джибладзе, Жордания, Цулукидзе и другие. Но Джугашвили среди арестованных не было.

¹⁹ С. Аллилуев. Пройденный путь. С. 82.

²⁰ B. D. Wolf. Three who made a revolution. p. 423.

²¹ Iremaschwili J. Stalin und Tragödie Georgiens. S. 28.

²² Iremaschwili J. Stalin und Tragödie Georgiens. S. 27.

3. Переход на нелегальное положение

21 марта 1901 года в Тифлисской обсерватории, где жил Сталин, был произведен обыск. Поскольку этот эпизод является первым в жизни Сталина непосредственным соприкосновением с полицией, представляется интересным привести некоторые детали, рассказанные впоследствии одним из товарищей Сосо по революционной работе. Вот что он рассказал: «21 марта 1901 года, когда жандармерия производила обыск в наших комнатах, товарища Сталина дома не было.

Я в тот день после дневного дежурства пришел к себе в комнату и, усталый, не раздеваясь, прилег на кушетку.

Это было уже после десяти часов вечера. Во сне слышу сильный стук в дверь. Проснулся, спрашиваю:

— Кто там? Грубо отвечают:

— Отворите немедленно!

Я повторяю вопрос и слышу — говорят: «Из жандармского управления». Отворив дверь, вижу, стоит целая свора полицейских и жандармов. А перед ними подавленная фигура нашего сторожа, дежурившего в тот день вместе со мной.

Ворвались, спросили, кто я такой, кто еще тут живет, приступили к обыску. Обыскали сперва мою комнату, забрали и опечатали кое-какие легальные книги марксистского направления, составили протокол и дали подписаться. Потом вошли в комнатку товарища Сталина. Перевернули все вверх дном, шарили по углам, перетряхнули постель, но ничего не нашли. Книги товарищ Сталин после прочтения всегда возвращал, не держал дома, а нелегальные брошюры мы прятали между черепицами, у самого берега Куры. В этом отношении товарищ Сталин был очень осторожен.

После обыска второй комнаты снова составили протокол. Ушли ни с чем.

Я страшно волновался после их ухода — не знал, как предупредить, как дать знать товарищу Сталину об обыске.

Оказывается, во время обыска, как потом рассказывал товарищ Сталин, обсерватория была окружена снаружи полицейскими агентами. Агенты были в штатском, но узнать в них филеров наблюдательному глазу было нетрудно.

Все это бросилось товарищу Сталину в глаза, когда он проезжал на конке. Заметив на остановке такую необычайную картину, товарищ Сталин не сошел, конечно, и, как ни в чем не бывало, поехал дальше.

Сойдя у вокзала, он долго ходил по улицам в разных направлениях, чтобы только убить время и потом уже узнать, в чем дело.

Наконец, пройдя на Михайловскую улицу, товарищ Сталин заметил, что агенты по-прежнему наблюдают за обсерваторией. Пришлось снова уйти от места оцепления.

Долго ходил товарищ Сталин по городу, и, когда вторично подошел к зданию, никого вокруг уже не было. Но все же он не поверил внешним признакам и прошел во двор не как обычно — через калитку, с улицы, — а окружным путем, по берегу Куры. Войдя в комнату, товарищ Сталин расспросил меня о случившемся. Я ответил, что были незваные гости».²³

²³ Детство и юность вождя. С. 95.

Приведенный выше рассказ дает объяснение причин того, почему Сталин не был арестован вместе с другими видными социал-демократами. Он же служит аргументом против голословного утверждения Э.Смита о том, что «...Если бы Сосо не был предупрежден своими начальниками из полиции о предстоящих арестах, то он 21 марта 1901 года разделил бы тюремную камеру со своими товарищами по революционному движению. Его карьера до 1917 года отмечена аналогичными эпизодами».²⁴

Сейчас я не стану полемизировать с такого рода утверждениями, поскольку не имеет никакого смысла чисто умозрительно, не располагая никакими весомыми фактами и доводами, делать столь категорические выводы, как это делает Смит. Вопрос о «сотрудничестве» Сталина с органами полиции будет рассмотрен в отдельной главе, причем не на базе каких-то сомнительных предположений, а в контексте всей его политической карьеры. Думается, что именно такой подход, базирующийся на почве фактов, а не спекулятивных гипотез, позволяет убедительно опровергнуть измышления относительно службы Сталина в качестве агента-provocатора царской охраны.

Да и вынесенное на другой же день после обыска постановление жандармского управления говорит само за себя: «...привлечь названного Иосифа Джугашвили и допросить обвиняемым – по производимому мною в порядке положения о государственной охране исследованию степени политической неблагонадёжности лиц, составивших социал-демократический кружок интеллигентов в г. Тифлисе».²⁵

Но вернемся к основному сюжету нашего повествования. Обыск в обсерватории положил конец легальной жизни Сталина. Он вынужден был перейти на нелегальное положение, на котором находился вплоть до победы Февральской революции в 1917 году. В Краткой биографии этот важный во всей его дальнейшей политической жизни шаг излагается следующим образом: «21 марта 1901 года полиция произвела обыск в физической обсерватории, где жил и работал Сталин. Обыск и ставшее потом известным распоряжение охраны об аресте заставляют Сталина перейти на нелегальное положение. С этого момента вплоть до Февральской революции 1917 года он ведёт в нелегальных условиях напряжённую, героическую жизнь профессионального революционера ленинской школы.»²⁶

Довольно красочно, хотя и с явной аффектацией, в своей апологетической книге о Сталине описал «прелести» нелегальной жизни французский писатель А. Барбюс в середине 30-х годов. Надо отметить, что он лично встречался с вождем и, вероятно, многие факты почерпнуты им непосредственно из бесед со Сталиным. (В скобках в интересах объективности надо заметить, что, по оценке Троцкого, «текст книги Барбюса состоит, главным образом, из ошибок»). Вот что он писал: «Займешься этим ремеслом, и куда ни глянь – на горизонте четко вырисовываются тюрьма, Сибирь да виселица. Этим ремеслом может заниматься не всякий.

Надо иметь железное здоровье и всесокрушающую энергию; надо иметь почти беспредельную работоспособность. Надо быть чемпионом и рекордсменом

²⁴ E. Smith. The young Stalin. p. 80.

²⁵ Цит. по Л. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья. С. 26.

²⁶ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 15.

недосыпания, надо уметь перебрасываться с одной работы на другую, уметь голодать и щелкать зубами от холода, надо уметь не попадаться, а попавшись — выпутываться.»²⁷

Собственно, именно такая перспектива была наиболее вероятной картиной будущей жизни Сталина, посвятившего себя карьере профессионального революционера. О том, что на этом поприще он добился определенной известности, говорит факт его избрания в ноябре 1901 года в состав Тифлисского комитета Российской социал-демократической рабочей партии.

В интересах справедливости необходимо заметить, что по поводу избрания Сталина в состав Тифлисского комитета бытуют и другие версии. Так, Э.Смит в своей книге о молодом Сталине, пишет, что 11 ноября 1901 года состоялось заседание, на котором был сформирован Тифлиссский комитет РСДРП, руководителем которого, согласно воспоминаниям Н.Жордания, был избран С.Джибладзе. Он же утверждает, что «нет никаких свидетельств, что Сосо был избран членом комитета», он стал, мол, самоназначенным делегатом конференции. «Вскоре после этого Тифлисская социал-демократическая организация исключила его из партии и изгнала из города.» При этом Смит ссылается на грузинское социал-демократическое издание «Эхо борьбы» («Брдзолис Кхама») за №3, 1930 год (издавалась в Париже в 30-е годы).

Вот как выглядит эта версия в изображении указанного издания (дается в переводе с английского): «С самых первых дней деятельности среди рабочих он (Сталин – *авт.*) привлек внимание своими интригами, направленными против подлинного руководителя социал-демократической организации С.Джибладзе. Ему выносили предупреждения, но он не внял им и продолжал распространять клеветнические измышления, направленные на дискредитацию авторитетных и признанных представителей социал-демократического движения, пытаясь таким путем стать во главе местной организации. Его привлекли к партийному суду чести и признали виновным в клевете на Джибладзе. Единодушным голосованием он был исключен из тифлиссской социал-демократической организации.»²⁸

Разумеется, достоверность данной версии по прошествии целого столетия одинаково трудно как опровергнуть, так и подтвердить. Соответствующих документальных материалов нет, да и их, по всей вероятности, и не могло быть, учитывая конспиративный характер работы социал-демократической организации в условиях царской России. Обычно столь деликатные внутривнутрипартийные, а тем более персональные вопросы, не оставляли каких-либо следов в партийных архивах. Появление такого рода сведений позднее можно объяснить в значительной степени соображениями идейной борьбы со стороны грузинских меньшевиков против Сталина и его режима. А то, что грузинские меньшевики были наиболее непримиримыми и яростными противниками сталинского режима, сомневаться не приходится.

Что же касается самой возможности исключения молодого Джугашвили из организации социал-демократов, то она не представляется чем-то невероятным. Если этот факт и действительно имел место, то он как раз достаточно убедительно говорит о том, что молодой Сталин не был «серой лошадкой» в движении. Он, несомненно, имел свои представления о характере, стратегии и методах деятельности

²⁷ *Афри Барбюс*. Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир. М. 1936. С.32-33.

²⁸ Цит. по *E. Smith*. The young Stalin. p. 89.

организации и отстаивал последовательно свои позиции. И вполне естественно допустить, что на этой почве у него были серьезные столкновения со своими оппонентами из умеренного крыла Тифлисской организации. Сводить дело к якобы присущей Сталину такой черте характера, как интриганство, стремление всячески опорочить своих соперников на партийном поприще, мне представляются недостаточно убедительными. На первом плане были, конечно, принципиальные идейные расхождения, что подтверждается и всем дальнейшим развитием отношений между большевистским и меньшевистским крылом Российской социал-демократической рабочей партии, и в особенности, ее кавказским звеном.

Во всяком случае именно в тот период, о котором идет речь, Сталин покидает Тифлис и направляется в Батум. Официальная биографическая хроника объясняет этот переезд тем, что Тифлисский комитет направил его в Батум для проведения работы по созданию там социал-демократической организации. Скорее всего, так это и было, хотя существовали и другие причины для того, чтобы на время распрощаться с Тифлисом. Иосиф Джугашвили стал объектом пристального внимания со стороны полиции, и чтобы избежать ареста, необходимо было сменить место проживания. Выбор пал на Батум, очевидно, в силу того, что он тогда представлял для революционных социал-демократов бесспорный интерес как перспективный очаг разрастания массового рабочего движения. В городе имелись значительные по тем временам промышленные предприятия, где можно было развернуть революционную агитацию. Сама обстановка там отличалась повышенной социальной напряженностью, что, по мнению грузинских революционеров, открывало благоприятные перспективы в плане активизации всех форм их деятельности.

Некоторые биографы Сталина, в частности Р. Такер, рассматривая причины, побудившие его покинуть Тифлис, в качестве вполне правдоподобной рассматривают еще одну версию. Согласно этой версии, не лишенной правдоподобия, причиной переезда, — пишет Р. Такер, — явились разногласия по вопросу о том, следует ли в Тифлисский комитет наряду с профессиональными партийными работниками (то есть в большинстве своем представителями интеллигенции) избирать рабочих. Джугашвили безуспешно пытался воспротивиться положительному решению, выдвигая такие аргументы, как конспиративные соображения, неподготовленность и несознательность рабочих. Эта версия изложена в работе по истории закавказской социал-демократии, изданной сперва в 1910 г. в Женеве, а затем — в 1923 г. в Москве. Автор — Аркомед С. Т. (настоящая фамилия — Г. А. Караджян) — сам был избран в Тифлисский комитет в то же самое время, что и Джугашвили), будучи социал-демократом, участником указанных событий, прямо не назвал Джугашвили. Он лишь написал, что включению рабочих в комитет воспротивился один молодой интеллигент, позиция которого якобы мотивировалась личными причудами и жадной властью. Потерпев в ходе голосования в комитете поражение, этот молодой человек выехал из Тифлиса в Батум.²⁹

Сталин прибыл в Батум в конце ноября 1901 г. С собой он привез оборудование для небольшой подпольной типографии для печатания листовок и прокламаций. Он резко критиковал местных социал-демократических деятелей батумской организации.

²⁹ Роберт Такер. Сталин. Т. I. С. 94.

А там преобладали сторонники умеренного крыла, ориентировавшиеся в основном на легальные методы работы и чисто экономические требования; в их числе находились Н.Чхеидзе и И.Рамишвили. (Н.Чхеидзе, как и И.Рамишвили, стали впоследствии видным деятелями меньшевистской партии. Н.Чхеидзе в качестве председателя Петроградского совета приветствовал В.И.Ленина по возвращении того из эмиграции в апреле 1917 года на Финляндском вокзале.) Коба, со свойственной ему прямоотой и радикализмом, указывал на то, что батумские рабочие мирно спят и призвал их следовать примеру тифлисских рабочих.³⁰

В Батуме Коба провел подпольную конференцию, на которой была создана руководящая группа, действовавшая фактически как Батумский комитет РСДРП искровского (т.е. ленинского) направления. По предложению и при прямом участии Кобы была организована подпольная типография, где печатались листовки и прокламации с призывами к забастовочной борьбе. В городе социальная напряженность нарастала с каждым днем. Забастовочные комитеты на заводах Манташова и Ротшильда под руководством Сталина организуют забастовки, одна из которых заканчивается победой рабочих: их требования администрация завода согласилась удовлетворить. Видимо, этот частичный успех способствовал дальнейшему нарастанию забастовочной борьбы. Со своей стороны хозяева и власти принимают жесткие меры, прежде всего репрессивного порядка. Ряд активных участников забастовки подвергается аресту. Создалась такая ситуация, когда, по убеждению Кобы, появилась возможность придать забастовочной борьбе характер политического выступления.

По его инициативе и под его непосредственным руководством 9 марта 1902 года была проведена, как указывается в его официальной биографической хронике, грандиозная политическая демонстрация рабочих батумских предприятий с участием более 6000 человек. Главным требованием демонстрантов было освобождение 300 рабочих-манifestантов, арестованных полицией накануне. Полиция произвела новые аресты. Тюрьма была переполнена. Арестованных размещали даже в бараках. У казарм, где размещались арестованные, состоялось ожесточенное столкновение с полицией. В итоге 15 рабочих было убито и 54 ранено, около 500 человек арестовано.³¹ Масштабы этого выступления были действительно впечатляющими, особенно для такого небольшого городка, как Батум.

Сама демонстрация и события, связанные с ней, несомненно стали одним из значительных этапов в ранней революционной деятельности Сталина. Вместе с тем они оказали немалое воздействие на дальнейшее его формирование как решительного сторонника активных боевых, а не паллиативных действий. Позиция и поведение молодого Сталина во время батумской демонстрации могут расцениваться как своего рода пролог его позиции и действий в дальнейшем, когда он почти всегда оказывался в лагере тех, кто стоял за наиболее решительные шаги. В этом смысле батумский эпизод как бы отложил свой отблеск на облик будущего Сталина, продемонстрировав характерные для него черты — решительность и радикализм.

О характере и значении подпольной работы Кобы в Батуме красноречиво говорит донесение помощника начальника кутаисского губернского жандармского

³⁰ Батумская демонстрация 1902 года. М. 1937. С. 152.

³¹ И.В.Сталин. Соч. Т. I. С. 419.

управления по Батумской области. В нем сообщалось: «Осенью 1901 г. Тифлисский комитет РСДРП командировал в гор. Батум для пропаганды между заводскими рабочими одного из своих членов – Иосифа Виссарионовича Джугашвили, бывшего воспитанника 6-го класса Тифлисской духовной семинарии. Благодаря деятельности Джугашвили... стали возникать на всех батумских заводах социал-демократические организации, вначале имевшие главой Тифлисский комитет. Плоды социал-демократической пропаганды уже обнаружались в 1902 г. в продолжительной забастовке в гор. Батуме на заводе Ротшильда и в уличных беспорядках».³²

Вполне естественно, что позиция Кобы, приехавшего из Тифлиса и развернувшего в Батуме бурную деятельность, не могла не вызвать и вызвала рост разногласий в местном партийном комитете, где преобладали сторонники “мягкой”, умеренной линии. Деятельность Кобы, вне всяких сомнений, подверглась ожесточенной критике как проявление авантюризма и т.д. Касаясь этого эпизода в жизни Сталина, один из ранних биографов Сталина Б.Суварин писал в своей книге, посвященной истории его жизни следующее: «Недавние аресты главных партийных функционеров привели к созданию в тот момент благоприятной обстановки. Сталин использовал создавшуюся возможность для подстрекательства безоружных рабочих к нападению на тюрьму – авантюры, стоившей жизни нескольким нападавшим. Рабочие Батума никогда не простили это бесполезное пролитие крови своих товарищей».³³

Согласно такой логике вообще всякая революционная деятельность, неизбежно сопряженная с жертвами, ставится под сомнение. Ведь выступление батумских рабочих произошло, если оценивать его беспристрастно, отнюдь не благодаря какому-либо подстрекательству. Для столь массовых акций одного подстрекательства было явно недостаточно. В массах накопился такой заряд недовольства, что он с неизбежностью должен был вылиться наружу. К тому же, нельзя сбрасывать со счета действительно провокационные действия властей, поставивших своей целью жестокими репрессиями подавить нарастающее революционное брожение. События в Батуме стали одним из переломных моментов в развитии революционного движения в Грузии и в Закавказье в целом. Нашли они отклик и в других частях обширной Российской империи. Так что негативно оценивать этот эпизод в ранней деятельности Сталина – профессионального революционера – нет оснований.

4. Первые арест и ссылка

С Батумом связан и первый в жизни Сталина арест, положивший начало его непосредственному знакомству с правоохранительной системой царской России. Он был арестован 5 апреля 1902 года на заседании батумской руководящей партийной группы и заключен в батумскую тюрьму. В этой тюрьме Коба просидел чуть больше года – с 5 апреля 1902 по 19 апреля 1903 года, когда он был переведен в Кутаисскую тюрьму. О его поведении в тюрьме имеется ряд свидетельств как откровенно апологетического, так и не менее критического свойства, принадлежащих разным людям. Мне представляется любопытным привести высказывания обоого рода.

³² Л.Берия. К истории.... С.35.

³³ *Souvarine. B. Staline: Apres historique du bolchevisme.* Paris. 1935. p. 46.

Свидетельства авторов периода культа личности Сталина преследовали цель показать, что и в тюрьме Сталин вел энергичную революционную работу. Так, в книге Л. Берия констатируется: «Товарищ Сталин и в кутаисской тюрьме, так же как в батумской, ведёт большую политическую работу среди заключённых, устанавливает связь со всеми камерами политических заключённых, проводит среди них пропаганду ленинско-искровских идей, резко разоблачает оппортунизм большинства “Месамедаси”, газеты “Квали” и Ноя Жордания, пропагандирует идеи гегемонии пролетариата и необходимость пролетарского руководства крестьянским движением.»³⁴

А вот другое свидетельство, принадлежащее человеку, критически, если не откровенно враждебного относившемуся к Сталину на протяжении всего времени. Речь идет о Г. Уратадзе. В своей книге он пишет: «Кобу (Сталина) я видел первый раз в жизни и не подозревал даже о его существовании. На вид он был невзрачный, оспой изрытое лицо делало его вид не особенно опрятным. Здесь же должен заметить, что все портреты, которые я видел после того, как он стал диктатором, абсолютно не похожи на того Кобу, которого я видел в тюрьме первый раз, и ни на того Сталина, которого я знал в продолжении многих лет потом. В тюрьме он носил бороду, длинные волосы, причесанные назад. Походка вкрадчивая, маленькими шагами. Он никогда не смеялся полным открытым ртом, а улыбался только. И размер улыбки зависел от размера эмоции, вызванной в нем тем или иным происшествием, но его улыбка никогда не превращалась в открытый смех полным ртом. Был совершенно невозмутим. Мы прожили вместе в кутаисской тюрьме более чем полгода, и я ни разу не видел его, чтобы он возмущался, выходил из себя, сердился, кричал, ругался, словом, проявлял себя в ином аспекте, чем в совершенном спокойствии. И голос его в точности соответствовал его «ледяному характеру», каким его считали близко его знавшие.

Потом, в продолжение многих лет, я встречался с ним в разных областях общественной жизни, главным образом в революционной работе, и я до сих пор не могу найти объяснения всему тому, что произошло с этим человеком в его жизненной карьере.

Говорят и пишут, что история не знает такого примера. Это верно, но это не объяснение факта, а только его констатация. Как будто ничего не предвещало ему такого восхождения! Биография его, до его головокружительного восхождения, совсем не сложна. Даже можно сказать: до этого он — человек без биографии.»³⁵

Тема — Сталин в тюрьме — сама по себе представляет несомненный интерес по целому ряду соображений: и в чисто психологическом ключе, и в плане того, как тюремное заключение сказалось на его политических воззрениях, в каком направлении оно повлияло на его дальнейшую судьбу. Попутно надо не упускать из виду тот общепризнанный факт, что к тому времени, когда он впервые очутился в тюрьме, в России “наличествовали все элементы полицейского государства.”³⁶

Прежде всего представляется, что для молодого Иосифа арест и тюрьма не явились событием, потрясшим его сколько-нибудь серьезным образом. В каком-то смысле он всей своей предшествующей жизнью в семинарии, где царил суровый

³⁴ Л. Берия. К истории... С. 36.

³⁵ Г. Уратадзе. Воспоминания... С. 66.

Ричард Пайнс. Россия при старом режиме. М. 1993. С. 406.

режим и семинаристы находились чуть ли не в условиях заключения, был подготовлен к довольно легкому и вполне естественному восприятию тюремной обстановки. Он безусловно в чисто психологическом плане был вполне подготовлен, чтобы без особых потрясений пережить свое первое тюремное заключение. В этом отношении он находился в более выгодном положении, нежели другие революционеры, оказывавшиеся за решеткой. К тому же, следует учесть и его вполне уже сформировавшийся характер, отличавшийся твердостью и большой силой воли, что играет первостепенную роль при соприкосновении с проблемами, неизбежно возникающими при лишении человека свободы.

Таковы общие выводы, которые кажутся мне достаточно обоснованными. Хотя бы с чисто логической точки зрения. Однако имеется один весьма любопытный документ, который рисует поведение Кобы в тюрьме, мягко выражаясь, не совсем в благоприятном для него свете. В архивах сохранилось его прошение на имя главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя Г.С.Юлицына. Вот его текст:

«Нижайшее прошение.

Все усиливающийся удушливый кашель и беспомощное положение состарившейся матери моей, оставленной мужем вот уже 12 лет и видящей во мне единственную опору в жизни — заставляет меня второй раз обратиться к Канцелярии главноначальствующего с нижайшей просьбой освобождения из-под ареста под надзор полиции. Умоляю канцелярию главноначальствующего не оставить меня без внимания и ответить на мое прошение. Проситель Иосиф Джугашвили. 1902 г., 23 ноября».

19 января 1903 г. с подобным же, но исполненным достоинства прошением к князю Г. С. Голицыну обратилась мать Сталина Е.Г.Джугашвили.³⁷

Если попытаться как-то прокомментировать это прошение, то можно усмотреть в нем несколько моментов. Во-первых, оно могло быть продиктовано как болезненным состоянием, так и настойчивыми просьбами со стороны матери, надеявшейся с помощью такого рода прошений облегчить судьбу единственного сына. Довольно сомнительно, что сам Коба мог считать доводы, изложенные в прошении, основательными для того, чтобы добиться своего освобождения. Обвинения, по которым он проходил, носили серьезный характер и на снисхождение властей надеяться едва ли имелись какие-либо основания. Все это представляется мне достаточно логичным. Хотя сам стиль и вся тональность, в котором было написано прошение, как-то не вяжутся с обликом и характером молодого Кобы. Не исключено, здесь скрывалась и ставка на случай: авось, власти и откликнутся в позитивном духе.

Я привел данный эпизод опять-таки в интересах истины, помня слова Цицерона: «Первый закон истории — бояться какой бы то ни было лжи, а затем — не бояться какой бы то ни было правды.»³⁸

В целом же в литературе сохранилось довольно скудное количество информации, которая могла бы пролить свет на жизнь Сталина и его поведение в тюремной обстановке. Не сохранилось протоколов его допросов (если таковые вообще велись), по которым можно было бы судить, как он себя вел по отношению к органам

³⁷ А.В.Островский. Кто стоял за спиной Сталина? С. 197.

³⁸ Мысли великих людей. Т. I. С. 468.

дознания. Однако априори, зная уже кое-что о характере Кобы и его манере поведения, можно составить себе довольно правдоподобную картину его возможного поведения. Кстати, даже такой яростный противник Сталина, как Троцкий, касаясь этого сюжета, пишет: «Нет оснований сомневаться, что в тюремных конфликтах Коба занимал не последнее место и что в отношениях с администрацией он умел постоять за себя и за других».³⁹ Эта оценка логически вытекает из понимания характера Сталина и в устах Троцкого звучит едва ли не как комплимент.

В своей книге о Сталине Троцкий приводит воспоминания одного из тех, кто соприкасался с Кобой в период его пребывания в кутаисской тюрьме. По словам некоего Каланадзе, «в тюремной жизни он установил распорядок, вставал рано утром, занимался гимнастикой, затем приступал к изучению немецкого языка и экономической литературы... Любил он делиться с товарищами своими впечатлениями от прочитанных книг...»⁴⁰

С нескрываемым сарказмом Троцкий комментирует это свидетельство следующим образом: «Совсем не трудно представить себе список этих книг: популярные произведения по естествознанию; кое-что из Дарвина; “История культуры” Липперта; может быть, старики Бокль и Дрэпер в переводах семидесятых годов; “Биографии великих людей” в издании Павленкова; экономическое учение Маркса в изложении русского профессора Зибера; кое-что по истории России; знаменитая книга Бельтова об историческом материализме (под этим псевдонимом выступил в легальной литературе Плеханов); наконец, вышедшее в 1899 году капитальное исследование о развитии русского капитализма, написанное ссыльным В. Ульяновым, будущим Н. Лениным, под легальным псевдонимом В. Ильина. Всего этого было и много и мало. В теоретической системе молодого революционера оставалось, конечно, больше прорех, чем заполненных мест. Но он оказывался все же недурно вооружен против учения церкви, аргументов либерализма и особенно предрассудков народничества.»⁴¹

Оставляя сарказм и иронию Троцкого в стороне, следует признать, что Коба совсем неплохо вписался в атмосферу тюремной жизни и использовал свое заключение для пополнения знаний, расширения связей и знакомств с участниками революционного движения самых различных направлений. Последнее обстоятельство играло важную роль, поскольку открывало для него возможность как бы изнутри изучить цели и методы работы других революционных партий и групп. Без таких знаний было трудно, если вообще возможно, строить и собственную партийную политику, особенно в той части, которая касалась взаимоотношений РСДРП с другими участниками общего революционного процесса.

Контакты с людьми, жизненные наблюдения за поведением заключенных, наконец, неизбежное общение со своими тюремщиками, в том числе и с администрацией, надо полагать, дали большую пищу для размышлений молодого революционера. Можно сказать, что тюрьма стала своеобразной школой жизни для Кобы, и как это ни прозвучит парадоксально, значительно расширила его кругозор. Да

³⁹ Лев Троцкий. Сталин. Т. I. С. 62.

⁴⁰ Там же. С. 63.

⁴¹ Там же.

и вообще в то время, о котором идет речь, почти каждый человек, считающий себя настоящим революционером, почитал чуть ли не своеобразной доблестью, своего рода знаком революционности, побывать хотя бы раз в тюремных стенах. Тогда считалось, что степень революционности определяется чуть ли не числом и сроками приговоров полицейских властей. Так что первый арест Сталина стал чем-то вроде продолжения его революционной практики.

Полицейское расследование дела о батумском столкновении с полицией, по которому наряду с другими и был арестован Коба, приняло довольно затяжной характер. Видимо, в этом деле имелось немало обстоятельств, вызывавших настороженность и опасения со стороны полицейских властей в случае, если оно будет рассмотрено в гласном судебном разбирательстве. Ведь как-никак речь шла об убийстве и ранении многих людей, вина за что полиции неизбежно вскрылась бы в ходе открытого суда. Кроме того, власти, очевидно, опасались, что подсудимые будут вести себя на суде дерзко, и история кровавого побоища приобретет еще большую известность, вызовет нежелательные разговоры в обществе и т.д. Словом, у полицейских властей имелись веские причины опасаться гласного суда над арестованными. Хотя согласно действовавшему законодательству, состав предъявляемых обвиняемым преступлений требовал именно судебного разбирательства.

Власти пошли по другому, весьма распространенному тогда пути – по пути вынесения приговора Особым совещанием. Это Особое совещание состояло из четырех достаточно высоких чиновников от министерства внутренних дел и министерства юстиции, и оно имело право заочно выносить приговоры в отношении обвиняемых, которые подлежали утверждению министра внутренних дел. Такая упрощенная процедура имела, по мнению властей, многие преимущества, по крайней мере, давала возможность выносить достаточно суровые приговоры, не обременяя себя издержками судебного разбирательства и не рискуя потерять лицо в случае провала открытого процесса.

Приговор Особого совещания и был той мерой наказания, которое выпало на долю Кобы в начальный период его революционной деятельности. В дальнейшем ему придется еще не раз столкнуться с царской Фемидой. Первый же приговор был, хотя и не столь суровым, но и не мягким. Джугашвили в числе других участников дела был в июле 1903 года приговорен к высылке под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на срок в три года.

Приговоренных из кутаисской тюрьмы переводят осенью того же года в батумскую тюрьму, где в течение некоторого времени формируется группа для этапа в ссылку. Местом первой ссылки Сталина было село Новая Уда в Иркутской губернии. Путь от Батума до места ссылки занимал немало времени, учитывая тогдашние средства передвижения, а также необходимость формирования и переформирования этапов в местах пересылки. Наконец, 27 ноября 1903 года, как гласит официальная биографическая хроника, Сталин прибыл в место назначения.

Со временем его пребывания там связано одно значительное событие в его жизни, которое повлияло на всю его дальнейшую судьбу. Как он сам позднее рассказывал, именно в этот период произошло его заочное знакомство с Лениным. Вот что он поведал по этому поводу: «Впервые я познакомился с Лениным в 1903 году. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки. Но оно

оставило во мне неизгладимое впечатление, которое не покидало меня за всё время моей работы в партии. Я находился тогда в Сибири в ссылке. Знакомство с революционной деятельностью Ленина с конца 90-х годов и особенно после 1901 года, после издания “Искры”, привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного. Он не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был её фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии. Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, мне всё время казалось, что соратники Ленина — Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие — стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орёл, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперёд партию по неизведанным путям русского революционного движения. Это впечатление так глубоко запало мне в душу, что я почувствовал необходимость написать о нём одному своему близкому другу, находившемуся тогда в эмиграции, требуя от него отзыва. Через несколько времени, будучи уже в ссылке в Сибири, — это было в конце 1903 года, — я получил восторженный ответ от моего друга и простое, но глубоко содержательное письмо Ленина, которого, как оказалось, познакомил мой друг с моим письмом. Письмо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период... Не могу себе простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, по привычке старого подпольщика, я предал сожжению.

С этого времени началось мое знакомство с Лениным.»⁴²

В связи с рассказанным выше эпизодом в мемуарной литературе о Сталине высказываются различные суждения. Одни ставят под сомнение сам факт возможности такой переписки. К их числу в первую очередь относится Троцкий. В обоснование своего утверждения он приводит целый ряд доводов, которые, на первый взгляд, выглядят логически безупречными. Но беспристрастный анализ всей аргументации, на которую опирается Троцкий, все же не позволяет признать ее убедительной. И прежде всего, то, что сам факт такой переписки не нашел своего подтверждения в архивных источниках, отнюдь не свидетельство того, что обмена письмами не было и такой обмен вообще не мог быть. Очевидно, что не только этот, но и бесчисленное множество других фактов не нашли в силу ряда различных причин своего закрепления и отражения в архивах как социал-демократического движения, так и царской полиции. Чисто логический, а скорее умозрительный метод доказательства или опровержения подобного рода фактов едва ли приемлем в историческом исследовании. Аналогичную аргументацию использовал и Э.Смит, который безапелляционно утверждает, что Сталин не посылал Ленину никакого письма и не получал такового от Ленина, поскольку, мол, данный факт не нашел отражения в архивах российских полицейских властей, в ленинских документах, в сочинениях самого Сталина. К тому же, по мнению Смита, Ленин был в это время чрезвычайно загружен подготовкой и проведением съезда партии и ему было не до того, чтобы заниматься перепиской с неизвестным ему ссылкой.⁴³

⁴² И.В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 52-54.

⁴³ E. Smith. The young Stalin. p. 113-114.

Некоторые другие биографы прямо обвиняют Сталина в фальсификации, указывая на то, что последний якобы в своих честолюбивых политических целях сознательно пошел на “фабрикацию” данного факта, чтобы подчеркнуть свою близость к Ленину с той еще поры, когда партия только-только создавалась. В частности, И.Грей пишет по этому поводу: «Маловероятно, чтобы Коба получил письмо, адресованное ему в Новую Уду, где он находился очень недолго. Неправдоподобно, чтобы Ленин, находившийся тогда в Швейцарии, слышал в то время что-нибудь о Кобе или Джугашвили. Эта история с письмом, по-видимому, была преднамеренным вымыслом; причем, столь торжественный случай и обращение к имени Ленина использовались для того, чтобы доказать, что Сталин является верным преемником Ленина...

Однако эта история в своей сущности представляется верной. В октябре 1904 года Коба из Кутаиси написал своему другу Давиташвили в Лейпциг, выражая горячую поддержку ленинским идеям. Тот показал письмо Ленину, который благосклонно прокомментировал письмо “пламенного колхидца”...»⁴¹

Мне кажется, что для серьезной и предметной полемики здесь фактически нет никакой почвы. Ни подтвердить, ни опровергнуть слова Сталина сейчас нет никакой возможности. Да, собственно, не столь уж важны сами детали их заочного знакомства. Они имели определенный смысл в 20-х годах, в период ожесточенной внутрипартийной борьбы, когда апелляция к авторитету Ленина и демонстрация реальной или мнимой близости к нему приобретали подчас серьезное значение в качестве аргумента в этой внутрипартийной борьбе. Для объективной же оценки становления Сталина как политического деятеля данный эпизод имеет скорее иллюстративный, нежели принципиальный характер. К тому же, нет никаких убедительных мотиваций ставить под сомнение факт переписки между Лениным и Сталиным в тот период.

Смоей точки зрения, принципиальное значение имели не те или иные детали и обстоятельства их вступления в личный контакт, тем более что они затерялись в потоке времени. Важно иное – понимание и объективная оценка той роли, которую сыграл Ленин в политическом становлении Сталина, в превращении его в последовательного сторонника большевизма, что, разумеется, включало в себя признание не только теоретических основ большевизма, но и целостной политической философии, методов реализации поставленных целей, словом, всего того, что можно было бы определить как систему ценностей ленинизма.

И если мы под этим углом зрения обратимся к данной теме, то придем к совершенно определенному, не допускающему никаких сомнений заключению: Сталин с самого начала видел в Ленине образец революционного борца нового типа, человека, готового к решительной и бескомпромиссной схватке с режимом, того, кто, не отказываясь от оружия критики, все же предпочитает критику оружием. Всему складу ума и психологического облика Сталина импонировали именно такие черты. Добавим к этому его восхищение и почти преклонение перед Лениным как теоретиком, труды которого играли роль компаса для определения политического курса новой рождавшейся партии.

В подтверждении сказанного сошлемся на письмо, написанное Кобой из Кутаиса, найденное среди материалов переписки Ленина и Крупской (жена Ленина

⁴¹ Ian Grey, Stalin. p. 41.

занималась поддержанием связей и перепиской с партийным подпольем) с большевистскими организациями России. Датируется письмо сентябрем – октябрем 1904 года. В нем Коба пишет: «Человек, стоящий на нашей позиции, должен говорить голосом твердым и непреклонным. В этом отношении Ленин – настоящий горный орел... Заключение (практический вывод) отсюда таково: возвысим пролетариат до сознания истинных классовых интересов, до сознания социалистического идеала, а не то чтобы разменять этот идеал на мелочи или приспособить к стихийному движению. Ленин установил теоретический базис, на котором и строится этот практический вывод. Стоит только принять эту теоретическую предпосылку, и никакой оппортунизм не подступит к тебе близко. В этом значение ленинской идеи. Называю её ленинской, потому что никто в русской литературе не высказывал её с такой ясностью, как Ленин.»⁴⁵

Но вернемся к предмету нашего изложения. В ссылке Коба с самого начала не собирался отбывать свой срок. Этот вид наказания не был сопряжен с чрезмерной опекой со стороны жандармских властей. Да и вся обстановка в стране в это время характеризовалась подспудным ростом социальной напряженности, что непосредственно стимулировало развитие революционных выступлений. Россия стояла на пороге войны с Японией, которая со всей очевидностью обнажила коренные пороки правящего в стране режима. Явные признаки приближавшейся революционной бури, конечно, ощущались и молодым Иосифом. Обретенный им к тому времени опыт подпольной деятельности, навыки конспирации, к которой он проявлял особую склонность, давали ему основание надеяться на успешное осуществление побега из места ссылки. Как вполне авторитетно свидетельствует Троцкий (на счету которого тоже имеется побег из Сибири): «К началу 1904 года ссылка успела окончательно превратиться в решето. Бежать было, в большинстве случаев, не трудно: во всех губерниях существовали свои тайные “центры”, фальшивые паспорта, деньги, адреса. Коба оставался в селе Новая Уда не больше месяца, т.е. ровно столько, сколько нужно было, чтобы осмотреться, найти необходимые связи и выработать план действий.»⁴⁶

Действительно, Сталин пробыл в ссылке чуть больше месяца – с 27 ноября 1903 по 5 января 1904 года. Это согласно официальной хронике. Некоторые мемуаристы, в частности, будущий тесть Сталина С. Аллилуев в своих воспоминаниях приводит следующие подробности его побега: «Пробыв всего несколько дней в ссылке, он пытался бежать, но у него не было тёплой одежды. Сосо в дороге обморозил лицо и уши и вынужден был прервать побег. Но мысль о побеге не покидала его. Пятого января побег был осуществлён.»⁴⁷

⁴⁵ И.В. Сталин. Соч. Т. 1. С. 56 – 58.

⁴⁶ Лев Троцкий. Сталин. Т. I. С. 65.

⁴⁷ С. Аллилуев. Пройденный путь. С. 109.

5. Снова на Кавказе

Путь его лежал на Кавказ. Да и трудно себе представить, чтобы он, не обладая необходимыми связями и личными знакомствами с подпольщиками в Петербурге и в Москве, рискнул бы отправиться в одну из двух столиц. Этот момент, на котором некоторые биографы Сталина акцентируют свое внимание, стремясь таким способом подчеркнуть провинциальный масштаб революционной деятельности Кобы в тот период, на мой взгляд, не заслуживает особого внимания. Реальная и объективная оценка его деятельности к моменту побега из ссылки не позволяет причислить его к партийным функционерам (выражаясь современным стилем) общероссийского масштаба. Но это обстоятельство не может служить оправданием для всяческих обвинений его в политическом провинциализме. Активная деятельность в рамках Кавказа не может и не должна противопоставляться более масштабной революционной работе в общероссийских рамках. Собственно, это был период созревания, обретения необходимого опыта, без которого и работа в центре также была бы немислима.

В чисто психологическом плане, для более глубокого понимания личности Сталина и всего хода его эволюции в дальнейшем как деятеля общероссийского, а потом и мирового масштаба, несомненный интерес представляет и вопрос о том, что первая ссылка в Сибирь, во время которой он впервые попал в собственно Россию, вышел за пределы своего привычного кавказского круга, во всей своей наглядности раскрыла перед ним всю необъятность страны. Можно по-разному называть это ощущение, но оно не могло не оказать сильного воздействия на молодого революционера, И, видимо, со времен первой ссылки у Сталина появилось, а затем и окончательно сформировалось чувство собственной причастности к судьбам России. На этот счет нет никаких исторических подтверждений. Однако, мне представляется, что этот чисто психологический фактор, сыгравший в дальнейшем столь существенную роль в его биографии, возник именно в период его пребывания в ссылке.

Однако, видимо, не только чувство революционного долга, или назовем его жадной подпольной деятельностью, звало его к себе на родину. Есть основания предполагать, что немалую роль сыграли и обстоятельства личного свойства. Примерно в это время или несколько позднее он через своих товарищей по революционной деятельности познакомился с Екатериной Сванидзе, ставшей впоследствии его первой женой. Вот что об этом пишет автор наиболее полного жизнеописания Сталина Р.Такер. Он специально оговаривается, что подробных сведений относительно первого брака Иосифа в распоряжении историков нет, поэтому приходится опираться в основном только на воспоминания И.Иремашвили. Со своей будущей женой Иосиф познакомился, очевидно, через ее брата Александра, который учился вместе с ним в Тифлисской семинарии и был участником одного из революционных кружков, руководимых Сосо. Хотя Иремашвили утверждает, что бракосочетание состоялось в 1903 г., оно произошло гораздо позже.

Упомянувшийся уже Р.Макнил в своей книге пишет, что они поженились в 1905 году. Иосиф обвенчался с ней в церкви. Последнее было сделано, чтобы угодить его матери, отличавшейся, как уже было отмечено выше, особым чувством религиозности. Ограничиться так называемым гражданским браком – значило бы проложить непроходимую пропасть между матерью и сыном. Сама Екатерина

Сванидзе родилась в 1882 году в семье, члены которой стали впоследствии довольно видными и активными участниками революционного движения.⁴⁸ Ее отец – Семен Сванидзе работал на железной дороге и был социал-демократом. Сама она была далека от революционных идей своего отца и брата, ее интересовали лишь семейные дела. В этом смысле она являла собой пример типичной грузинской женщины того времени.

Приведенные выше свидетельства Р.Макнила в действительности не соответствуют фактам. Проведенное российским историком А.В.Островским исследование на базе архивных материалов рисует следующую картину первого брака Сталина. К середине 1906 года стало очевидно, что у Екатерины Сванидзе будет от Кобы ребенок. Естественно, возникла необходимость официально оформить их отношения. Но сделать это было непросто, поскольку Коба находился в розыске и в Тифлисе проживал нелегально. Найти священника, который бы согласился их обвенчать в церкви, было трудно. В конце концов с помощью друзей удалось разрешить эту проблему. Однокурсник Сосо по семинарии – один из священников церкви Святого Давида – согласился обвенчать их, но в церкви нужно было появиться в один или два часа пополудни и с небольшим числом участников свадебной процедуры. «Так и было сделано. Венчание в церкви Святого Давида состоялось в ночь с 15 на 16 июля 1906 г. Из метрической книги этой церкви следует, что обряд венчания был совершен священником Христисием Тхинвалели, а свидетелями при венчании были «по женихе тифлисский гражданин Давид Мотосович Монаселидзе, Георгий Иванович Елисабедашвили, по невесте: Михаил Николаевич Давидов и Михаил Григорьевич Цхакая». Обвенчавшись, Екатерина Сванидзе не только сохранила свою девичью фамилию, но и не стала делать отметки о браке в паспорте.

В эту же ночь на улице Крузенштерна состоялась свадьба, на которой присутствовало немногим более десяти человек. Кроме жениха и невесты, а также их свидетелей, это были Васо и Георгий Бердзеношвили, Арчил Долидзе, Александра и Михаил Монаселидзе, С. А. Тер-Петросян.

Чем на протяжении почти полутора месяцев после этого события занимался И.В.Джугашвили, мы не знаем. Известно лишь, что в конце лета 1906 г. он принял участие в подготовке партийной конференции закавказских организаций РСДРП.⁴⁹

Первая жена Иосифа имела такое же имя, какое было у его матери, причем она во многом, и не только чисто внешне, походила на его мать. Екатерина Сванидзе происходила отнюдь не из интеллигентной среды и не разделяла революционных взглядов своего брата Александра. Она была простой грузинской женщиной, для которой обязанности жены составляли всю суть жизни. Как и Екатерина Джугашвили, она была глубоко религиозна и, по словам Иремашвили, даже молилась ночами о том, чтобы муж отказался от кочевой жизни профессионального революционера и занялся чем-то более основательным. Напоминала она старшую Екатерину и абсолютной преданностью Иосифу, на которого «глядела... как на полубога» Где супруги жили во время редких встреч – неизвестно. Вполне возможно, что в какой-то части дома родителей Екатерины Сванидзе, который, как считают, находился в селении Диди-Лило близ Тифлиса, на родине далеких предков Джугашвили (здесь Р.Макнил, не

⁴⁸ R. Mc Neal. Stalin. Man and Ruler. p. 19.

⁴⁹ А.В.Островский. Кто стоял за спиной Сталина? С. 248–250.

располагая никакими фактами, пускается в догадки и предположения, не имеющие под собой какой-либо почвы.) Между тем имеется свидетельство тестя Сталина – С.Аллилуева, который в своих воспоминаниях описал такой эпизод: «В конце июля (очевидно, 1907 года – *Н.К.*) по совету товарищей я направился к Кобе. Коба с женой жил в небольшом одноэтажном домике. Я застал его за книгой. Он оторвался от книги, встал со стула и приветливо сказал:

– Пожалуйста, заходи.

Я сказал Кобе о своём решении выехать в Питер и об обстоятельствах, вынуждающих меня предпринять этот шаг.

– Да, надо ехать, – произнёс Коба. – Житья тебе Шубянский (градоначальник Баку – *Н.К.*) не даст.

Внезапно Коба вышел в другую комнату. Через минуту-две он вернулся и протянул мне деньги. Видя мою растерянность, он улыбнулся.

– Бери, бери! – произнёс он, – попадёшь в новый город, знакомых почти нет. Пригодятся... Да и семья у тебя большая.»⁵⁰

Некоторые детали, уточняющие хронологию событий, приводит в своей книге о Сталине Р.Макнил. Еще раз повторим, что он ссылается при этом на данные, которые сообщил ему грузинский профессор Табагуа на основе архивных изысканий. Согласно этим данным, Екатерина 22 марта 1907 года (а не в 1908 г. как обычно утверждается в некоторых публикациях) родила сына Якова. Во время проживания в Баку она заболела.

Обстоятельства, связанные со смертью первой жены Сталина, на основе архивных материалов воспроизводит в своей книге А.В.Островский. Я приведу полностью соответствующий фрагмент: «В Баку, – вспоминал М. Монаселидзе, – Като тяжело заболела. В октябре 1907 г. больную Като Сталин привез в Тбилиси, а затем опять вернулся в Баку». Через «две-три недели болезни Е. С. Сванидзе скончалась».

«22 ноября, – писал М. Монаселидзе, – Като скончалась. Сталин в это время был в Тбилиси. Като скончалась у него на руках. У гроба Като была снята фотография членов семьи и близких. Среди которых был и товарищ Сталин»

Сообщение о смерти Като было опубликовано в №№ 22, 23 и 24 газеты «Цкаро». Оно гласило: «Ссердечной скорбью извещают товарищей, знакомых и родных о смерти Екатерины Семеновны Сванидзе Джугашвили Иосиф – своей жены, Семен и Сефора – дочери, Александра, Александр и Марико – своей сестры. Вынос тела в Колоубанскую церковь 25 ноября в 9 часов утра, Фрейлинская, 3».

Похоронена была Е. С. Сванидзе на Кукийском кладбище святой Нины.⁵¹

Любивший ее Джугашвили был глубоко опечален. Иремашвили, ставший уже меньшевиком и, таким образом, политическим противником, тем не менее пришел, чтобы выразить свое соболезнование и присутствовать на панихиде в церкви, которую отслужили в соответствии с последней волей покойной и пожеланиями семьи Сванидзе. Когда небольшая процессия достигла кладбища, рассказывал Иремашвили, «Коба крепко пожал мою руку, показал на гроб и сказал: “Сосо, это существо смягчало мое каменное сердце; она умерла и вместе с ней последние теплые чувства к людям”

⁵⁰ С.Аллилуев. Пройденный путь. С. 182.

⁵¹ А.В.Островский. Кто стоял за спиной Сталина? С. 262.

Он положил правую руку на грудь: «Здесь внутри все так опустошено, так непередаваемо пусто».⁵²

В свою очередь Троцкий также ссылается на Иремашвили, рисуя картину постепенного превращения Кобы в подобие некоего монстра, в характере которого на первый план выступают черты отъявленного мизантропа. «Начиная с того дня, когда он похоронил свою жену, — цитируется Иремашвили, — он утратил последний остаток человеческих чувств. Его сердце наполнилось невыразимо злобной ненавистью, которую уже его безжалостный отец начал сеять в детской душе сына. Он подавлял сарказмом все более редко подымавшиеся моральные сдержки. Беспощадный по отношению к самому себе, он стал беспощадным по отношению ко всем людям.»⁵³

Что ж, описание Иремашвили весьма впечатляет искренней сентиментальностью! Однако оно как-то уж слишком контрастирует с тем портретом Кобы, который в других местах своей книги рисует тот же Иремашвили. Не очень верится в сентиментальность Кобы даже в такой для него трагический час. Невольно начинаешь думать, что весь смысл данного пассажа сводится к тому, чтобы оттенить одну единственную мысль — утрату Кобой последних теплых чувств к людям вообще. Именно доказательству его черствости и полного равнодушия к людям подчинено все повествование, связанное с данным эпизодом.

Вот почему свидетельства подобного рода не хочется воспринимать на веру как бесспорные факты, верно отражающие обстоятельства личной жизни молодого Сталина. К тому же они в целом не укладываются в общую конфигурацию его чрезвычайно сдержанного, далекого от порывов сентиментальности и приступов отчаяния, характера. Конечно, может быть, он глубоко и искренне любил свою первую жену и испытывал чувство большой утраты с ее смертью. Однако не может не вызывать отторжения намерение через этот эпизод представить Кобу как законченного и даже патологического мизантропа. Общую картину отнюдь не меняет и то, что некоторые биографы, как бы нехотя признают то, что Иосиф любил свою первую жену, но, мол, это было чем-то неестественным, точнее противоестественным для него. Ведь в сущности и любовь к своей первой жене не могла изменить его натуру человеконенавистника, который не знал и не ведал, что такое истинная любовь к людям.

Такова логика подобных умозаключений и логических построений. Однако, и это достаточно общепринятый постулат, одной из главных побудительных причин, толкающих человека на путь революционной борьбы, как раз и является любовь к людям, стремление освободить их от эксплуатации, несправедливости и угнетения. И в этом более широком контексте постулат о мнимом равнодушии Сталина, в том числе и в молодом возрасте, к людям вообще, кажется мне, мягко говоря, не вполне убедительным.

Но вернемся непосредственно к деятельности Сталина после совершенного им побега из сибирской ссылки. По свидетельству С. Аллилуева, едва Коба вернулся из ссылки, как снова весь ушёл в революционную работу. Прямым подтверждением

⁵² *Iremaschwili J. Stalin und die Tragödie Georgiens. S. 40.*

⁵³ *Лев Троцкий. Сталин. Т.1. С. 130.*

этого служит следующее донесение начальника тифлисского охранного отделения в Департамент полиции: “Джугашвили Иосиф Виссарионов, крестьянин села Диди Лило Тифлисской губернии, разыскивается циркуляром Департамента полиции за №5500 от 1 мая 1904 г. В 1902 г. привлекался обвиняемым при Тифлисском губернском жандармском управлении, последствием чего была высылка под гласный надзор полиции на 3 года в Восточную Сибирь (предложение Департамента полиции 17 июля 1903 г. №4305), откуда 5 января 1904 г. скрылся. **По указанию агентуры, проживает в городе Тифлисе, где ведет активную преступную деятельность**”⁵⁴.

Он участвует в работе Кавказского союзного комитета РСДРП, пишет листовки и прокламации, выступает на конспиративных собраниях и многочисленных дискуссиях. В центре тогдашней внутрипартийной жизни оказались принципиальные разногласия между большевиками и меньшевиками, наиболее выпукло проявившиеся в ходе II съезда РСДРП (1903г.), который фактически и зафиксировал существовавший в латентном виде раскол партии на два диаметрально противоположных крыла. С этого времени борьба двух течений в российской социал-демократии стала основной осью, вокруг которой развивались все внутрипартийные события.

Существо этих разногласий хорошо известно, как известны и конечные результаты этой многолетней политической борьбы. В мою задачу не входит рассматривать и анализировать весь спектр вопросов, различный подход к которым и проложил непреодолимую пропасть между большевиками и меньшевиками. Кто его знает, может быть, не будь этих разногласий, судьба русской революции и пути ее развития имели бы совершенно иной характер и иную направленность. Но как известно, сослагательное наклонение – единственное, неприемлемое для истории, точнее для характеристики исторического процесса и его результатов.

В официальной партийной историографии, как во времена Сталина, так и после него, противостояние между большевиками и меньшевиками трактовалось как альфа и омега всей партийной деятельности до революции. Думается, что до определенной степени так это и было. Однако при освещении конкретных этапов истории РСДРП место и роль этого исторического противостояния, на мой взгляд, сознательно или в силу укоренившихся в мышлении шаблонов явно преувеличивались в ущерб правде жизни. Каковы бы ни были степень и острота противоборства двух фракций единой тогда партии, все-таки у них существовала и общность по многим принципиально важным вопросам. В конце концов перед ними был общий враг – царское самодержавие, и над ними висела одна и та же опасность, которая, как известно, сплачивает, куда сильнее, чем многие другие политические и иные узы.

Памятуя об этом, думается, можно определить и верный ракурс для оценки партийной деятельности Сталина в тот период. С самого начала следует отбросить, как откровенно упрощенный, постулат, согласно которому стержнем всей партийной работы Сталина в Закавказье в тот период была непримиримая и неустанная борьба против меньшевиков. Разумеется, такая борьба имела место и этот факт находит

⁵⁴ А.В. Острофский. Кто стоял за спиной Сталина? С. 228.

* Достаточно весомым подтверждением того, что к этому времени Коба имел беспорочный авторитет в революционном движении, служит факт его избрания в заочном порядке (он находился в батумской тюрьме) в состав Кавказского комитета РСДРП. **

красноречивое отражение в опубликованных работах Сталина, относящихся к тому времени. Более того, Сталин, в силу ряда свойственных его натуре черт характера, был более, чем другие, склонен выступать против концепций политической борьбы, отстаиваемых меньшевиками. Ему органически претили их умеренность и осторожность в выборе средств борьбы, акцент на экономические требования в ущерб методам боевой и наступательной тактики. Сталинский менталитет чуть ли не инстинктивно отторгал политическую философию меньшевизма, которую кратко, хотя и упрощенно, можно выразить ставшей крылатой фразой – “медленным шагом, робким зигзагом” – идти к цели. (Отнюдь не случайно, что автором этой емкой формулы был один из виднейших лидеров меньшевизма Ю.Мартов)

Вполне естественно, что в такой обстановке в среде закавказских социал-демократов развернулась борьба за преобладающее влияние на рабочие организации, за руководство ими. В известном смысле можно говорить в данном контексте и о борьбе за лидерство. Причем в силу ряда объективных исторических причин позиции меньшевиков в рабочем движении Кавказа, как и вообще во всем спектре антиправительственных сил, были гораздо более сильными, чем позиции большевиков. Поэтому феерическая картина непрерывных побед Сталина и большевиков над меньшевиками, которая красочно рисовалась официальной партийной историографией, конечно же, далека от реально существовавшей в то время.* Кобу, как явствует из воспоминаний современников, мало волновали или тревожили соображения, что меньшевики составляли тогда бесспорное большинство в социал-демократических организациях, да и среди рабочих они пользовались безусловным первенством в сравнении с большевиками. Фактор численного большинства был в его понимании отнюдь не решающим в политической борьбе. Вся его последующая деятельность служит как бы иллюстрацией такого отношения к понятию большинства. А.Барбюс приводит следующий любопытный эпизод:

«Однажды рабочий Долибадзе сказал Кобе:

– Но ведь меньшевики, товарищ Сосо, – это, черт возьми, все-таки большинство партии!

Этот рабочий до сих пор помнит, что ответил ему Сосо.

– Большинство-то это, положим, что и не большинство, – это я говорю тебе в смысле качества революционеров. А в общем, ничего: придет время и ты узнаешь – кто был прав и кто не прав.»⁵⁵

Конечно, эта ремарка Кобы говорит о его, мягко выражаясь, весьма своеобразном толковании известного постулата марксистской диалектики о соотношении количества и качества и переходе количества в качество. Но это все-

Вот один характерный пример того, как произвольно обращались с историей, как факты подгонялись под заранее заготовленную схему. В 1932 году в журнале “Большевик” была опубликована статья Сталина “Письма с Кавказа”, написанная еще в 1910 году. В связи с этой публикацией центральными комитетами компартий Грузии и Азербайджана были приняты соответствующие директивные постановления. Один из пунктов постановления ЦК компартии Грузии гласил: «Поручить институту марксизма-ленинизма в месячный срок пересмотреть все исторические работы под углом зрения статьи тов. Сталина «Письмо с Кавказа». (“Сборник материалов в связи с «Письмом с Кавказа» тов. Сталина”. Азербешр. Баку. 1932. С. 30)

Анри Барбюс. Сталин. С. 47-48.

таки еще и не откровенно жульническое понятие, получившее распространение в хрущевские времена. Я имею в виду понятие “арифметическое большинство”, пущенное в обиход в интересах шельмования политических противников.

С оговоркой такого свойства, как мне представляется, и следует характеризовать деятельность Сталина в тот исторический отрезок времени. Видимо, следовало бы сделать еще ряд существенных замечаний, касающихся понимания и толкования молодым Сталиным норм, регулирующих внутривнутрипартийные отношения меньшинства и большинства. Сами эти понятия – большинство и меньшинство – разумеется, не статичны, они весьма подвижны: сегодняшнее меньшинство завтра превращается в большинство и наоборот. Реальная картина российской политической сцены в тот период наглядно подтверждала эту простую истину. Но все-таки неоспоримым фактом является то, что меньшевики в Грузии на всем протяжении революционного процесса составляли большинство, а большевики всегда были в меньшинстве. И это предопределяло ход и перипетии всех внутривнутрипартийных баталий. Естественно, данное обстоятельство накладывало и свою неизгладимую печать на формирование всей политической философии Сталина как революционера, на выработку им своих стратегии и методов этой борьбы.

История борьбы между большевиками и меньшевиками не только за влияние на рабочее движение, но и в целом за пути и перспективы развития революционного процесса в России, как мне представляется, сформировала в Сталине-политике сугубо прагматическое отношение к таким понятиям, как большинство и меньшинство. Фигурально выражаясь, большинством он считал тех, кто стоит, по его мнению, на правильных позициях. В своей дальнейшей политической и государственной деятельности он не раз подтверждал это. Вне зависимости от того, как относиться к Сталину-политику, такое псевдодialeктическое толкование понятий большинства и меньшинства, по меньшей мере, отдает откровенным цинизмом. Это – объективный факт и факт бесспорный.

6. Коба и меньшевики

Специального внимания заслуживает еще один довольно пикантный момент в политической биографии Сталина того периода. Речь идет о весьма распространенной среди исследователей жизни Сталина версии, согласно которой в первое время после образования двух течений он примыкал к меньшевикам и лишь впоследствии стал на позиции большевизма. Собственно, единственным аргументом в подтверждении данной версии служит опубликованный 23 декабря 1925 года газетой ЦК компартии Грузии “Заря Востока” документ – справка начальника Тифлисского охранного отделения Карпова, датированная 1911 годом. В ней говорилось, что “с 1902 г. он работал в социал-демократической организации, сначала меньшевиком, а потом большевиком”. На него ссылается и Троцкий, который первым более или менее обстоятельно рассмотрел данный вопрос. Будучи сам чужаком среди большевиков (к ним он примкнул лишь летом 1917 года), он в своей книге о Сталине демонстрирует по этому вопросу не столь уж разоблачительный пафос. Видимо, Троцкий сознавал, что одного упоминания в полицейской справке о первоначальной принадлежности Джугашвили к меньшевикам (а само деление на большевиков и меньшевиков возникло не в 1902, а в 1903 году после II съезда партии) явно недостаточно, чтобы делать

категорические выводы. Поэтому он считал необходимым подкрепить свое утверждение и доводами, так сказать, чисто психологического порядка. Они достаточно любопытны, поэтому их стоит привести: «... Не все ли равно, в самом деле, примкнул ли Коба к большевизму в середине 1903 года или накануне 1905 года? – ставит вполне справедливо вопрос Троцкий. – Однако этот скромный вывод помимо того, что он раскрывает перед нами попутно механику кремлевской историографии и иконографии, имеет серьезное значение для понимания политической личности Сталина. Большинство писавших о нем принимает его переход на сторону большевизма как нечто естественно вытекающее из его характера и, так сказать, само собой разумеющееся. Такой взгляд нельзя не признать односторонним. Твердость и решительность предрасполагают, правда, к принятию методов большевизма; однако сами по себе эти черты еще не решают. Люди твердого склада встречались и среди меньшевиков, и среди социалистов-революционеров. С другой стороны, не так уж редки были мягкие люди в среде большевиков. Большевизм вовсе не исчерпывается психологией и характером; он представляет прежде всего историческую философию и политическую концепцию.»⁵⁶

С такой логикой рассуждений, конечно, согласиться можно. И тем не менее, предположение о принадлежности Сталина к меньшевикам, пусть и короткое время, мне представляется маловероятным. Как ни пытается Троцкий доказать, что одного характера и твердости Сталина было недостаточно, чтобы примыкать к большевикам, все же именно в силу присущих ему черт не только характера, но и мировосприятия он несомненно находился не в стане меньшевиков с их политической философией постепенности и умеренности. Ведь еще до разделения РСДРП на два крыла он находился в конфликте с умеренными в грузинской социал-демократии (Жордания, Джибладзе, Чхеидзе и другими). Это явствует из их же собственных свидетельств. С какой же стати, когда противостояние двух враждебных течений в движении стало еще более четким и более масштабным, он вдруг очутился в лагере своих непримиримых оппонентов? Что-то здесь не сходятся концы с концами. Имеется гораздо больше оснований упрекать Кобу в чрезмерной непримиримости к меньшевикам, в игнорировании с его стороны необходимости совместной работы с ними, чем в примиренчестве, а тем более принадлежности к ним. И ясно, что не только личные качества Сталина, но и вся его политическая философия как раз и вмещались в русло большевизма.

Косвенным образом такую аргументацию подтверждает и американский биограф Сталина А. Улам. Касаясь данного сюжета, он пишет: «Что убедило Кобу присоединиться к большевикам? Вне всяких сомнений, с самого начала – амбиции. В 1904 – 1905 гг. быть меньшевиком в Грузии означало следовать за такими признанными лидерами, как Жордания и Джибладзе. Быть большевиком давало, грубо говоря, лучший шанс более быстрого продвижения, не быть затерявшимся в толпе и привлечь к себе внимание за пределами Грузии.»⁵⁷ Не исключено, что соображения, скажем так, карьерного порядка и играли какую-то роль в определении Кобой выбора политической ориентации. Но нам представляется, что таковые, если они и имели

⁵⁶ Лев Троцкий. Сталин. Т. I. С. 81.
Adam B. Ulam. Stalin... p. 55.

место, играли более чем второстепенную роль. Всерьез говорить о карьере применительно к профессиональному революционеру пока что провинциального масштаба, по меньшей мере, не очень серьезно. Даже беря в расчет честолюбие, отличавшее Кобу. Гораздо более основательны соображения относительно его принципиальных расхождений с Жордания и Джибладзе. С ними ему было не по пути и раньше. А с образованием двух организационно оформившихся течений в социал-демократии их пути разошлись еще круче.

Однако вернемся к злополучной полицейской справке, породившей столько толков и кривотолков вокруг принадлежности Сталина к меньшевикам. Что касается как бы вскользь промелькнувшего в ней упоминания о его первоначальной принадлежности к меньшевикам, то оно, как мне кажется, не соответствовало действительности. Видимо, не стоит уж слишком преувеличивать осведомленность полицейских чинов во всех деталях политической позиции того или иного деятеля российского революционного движения. Кстати, в этой справке содержится явная несоразность, касающаяся датировки участия Кобы в революционном движении. Как видно из других документов той же охранки, такое его участие зафиксировано с более раннего периода. Вот один из таких фактов. Тифлисское жандармское управление писало 1 июля 1902 г. за № 2040 помощнику начальника Кутаисского жандармского управления в Батумском округе: «По агентурным данным, осенью того же 1901 г. Джугашвили был избран в состав Тифлисского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, участвовал в двух заседаниях этого комитета, а в конце 1901 г. был командирован для пропаганды в Батум...»⁵⁸

Одним словом, сведения, приведенные в рассматриваемой справке, не отличаются точностью и, естественно, возникает вопрос в их достоверности. К тому же, принадлежность к большевикам или меньшевикам стала в глазах полиции иметь значение не в момент раскола партии, а значительно позднее, когда выявились принципиальные разногласия между ними в коренных вопросах борьбы против режима. Суммируя сказанное, можно сказать, что Коба, будучи приверженцем наиболее радикальных методов борьбы с царизмом, не мог принадлежать к лагерю меньшевиков. Спекуляции на этот счет, скорее всего, следует отнести к разряду мифов, за которыми нет действительно убедительных фактов.

В эпицентре внутривнутрипартийной борьбы в тот период стоял вопрос о созыве III съезда партии, на чем настаивали большевики, поскольку Центральный Комитет после II съезда оказался под контролем сторонников меньшинства и, по убеждению Ленина и его приверженцев, проводил в корне ошибочную линию в условиях набравшего все больший размах революционного процесса. Логика развития внутривнутрипартийной борьбы все больше толкала оба течения в российской социал-демократии на диаметрально противоположные позиции, что с закономерной неизбежностью вело в конечном итоге к расколу.

Для Сталина внутривнутрипартийная борьба, а точнее борьба против меньшевиков, стала одним из главных направлений всей его политической деятельности. Можно сказать, что именно этот период заложил в нем свое собственное понимание многих партийных принципов. У него сложилось убеждение, что внутривнутрипартийная борьба,

⁵⁸ Л. Берия. К истории... С. 28

борьба с политическими оппонентами – явление естественное и неизбежное. Еще большее значение, на мой взгляд, приобрел главный вывод, сделанный им на основе опыта внутривнутрипартийных баталий, – с политическими противниками надо искать не компромиссов, общих точек соприкосновения позиций, а вести курс на то, чтобы добиться их полного разгрома. В дальнейшем, когда поле и масштабы политической деятельности Сталина стали неизмеримо большими, такое понимание смысла и методов борьбы со своими противниками он не только сохранил, но и развил чуть ли не до универсального уровня.

Естественно, Коба активно участвовал в политических дебатах, в особенности по вопросу проведения съезда партии. И поскольку сторонники меньшинства противились созыву съезда и решили взамен него провести свою собственную конференцию, большевики взяли курс на проведение собственного съезда. В этой обстановке Коба первостепенное внимание обратил на практические организационные меры по выполнению задач, связанных с проведением съезда. Уже с тех времен, подобно длинному шлейфу, видится его склонность сочетать меры политического и пропагандистского характера с организационными шагами. В дальнейшем это ценное качество и предопределило его успехи в схватках со своими оппонентами, которые, на первый взгляд, располагали огромными преимуществами перед ним. При непосредственном участии Кобы Кавказский союзный комитет и проведенная в ноябре 1904 года конференция кавказских комитетов высказывается за проведение III съезда партии. Акцент при этом делался на то, чтобы местные партийные организации последовательно проводили в жизнь тактические и организационные принципы большевизма.

Неудивительно, что такая линия встретила резкий отпор со стороны меньшевиков, имевших значительный перевес в большинстве партийных организаций Кавказа. Под несомненным воздействием Кобы Кавказский союзный комитет принял решение о роспуске Бакинского комитета (июнь 1904 г.) Коба лично отправился тогда в Баку, чтобы обеспечить выполнение указанного решения. Несколько в иной форме, но по существу то же самое произошло и с Тифлисским комитетом, руководство которого во главе с С.Джибладзе и Н.Рамишвили отказалось подчиниться решению Кавказского союзного комитета и заявило о выходе из кавказского союза РСДРП (нечто вроде федерации партийных комитетов кавказского региона). Вполне в духе бескомпромиссной и наступательной стратегии и тактики, которыми руководствовался Коба, было принято решение и о роспуске Тифлисского комитета. Причем характерно то, что это решение мотивировалось требованиями соблюдения устава партии: «Центральный орган Кавказского союза – союзный комитет по поводу выхода из союза Тифлисского комитета постановил: подобный поступок Тифлисского комитета (выход из союза) нарушает принятые II съездом партийные принципы, союзный устав и этим самым оставляет вне партии теперешних членов Тифлисского комитета; поэтому союзный комитет учреждает новый Тифлисский комитет, который будет подлинным представителем партии в Тифлисе и вместе с другими кавказскими товарищами поведёт нас на борьбу против правительства и буржуазии.»⁵⁹

⁵⁹ Л.Берия. Из истории... С. 57-58.

Примерно к этому периоду относится и установление заочного (письменного) контакта Сталина с Лениным. (Не считая тот, о котором уже шла речь выше). В письме, написанном Кобой из Кутаиси находившемся в Лейпциге М. Давиташвили он критиковал позицию Г. В. Плеханова как лидера меньшевиков и писал: "Здесь был один приехавший из ваших краев, взял с собой резолюцию кавказских комитетов в пользу экстренного съезда. Напрасно смотришь на дело безнадежно: колебался только Кутаисский комитет, но мне удалось убедить их"⁶⁰.

Как пишет А.В.Островский, довольно обстоятельно осветивший данный эпизод из политической биографии Сталина, "это письмо представляет интерес в двух отношениях. С одной стороны, оно свидетельствует о первых известных нам контактах И.В.Джугашвили с эмиграцией, а с другой стороны, интересно тем, что стало известно В.И.Ленину и таким образом произошло их заочное знакомство. Позднее И. В. Сталин сдвинул этот эпизод на год вперед, живописав, как непосредственно обратился к В.И.Ленину с письмом из сибирской ссылки и получил от него ответ."⁶¹

Однако вернемся к основной линии нашего сюжета.

Я специально остановился на борьбе молодого Сталина против меньшевиков, чтобы у читателя сложилось основанное на фактах представление о некоторых сторонах его тактики и политических методах борьбы со своими оппонентами. Опыт, приобретенный им в период подполья, в особенности непримиримая, рассчитанная на полную капитуляцию противостоящей стороны борьба, несомненно, стали существенной составной частью его будущей политической стратегии. Пока что это были только первые уроки внутрипартийных баталий, но важно отметить те выводы и уроки, которые извлекал Коба из них, оттачивая свое мастерство в той сфере, которая стала со временем едва ли не основным и главным полем его деятельности. По крайней мере, в те исторические отрезки времени, когда он вел борьбу за утверждение своего лидерства в партии.

7. Первая русская революция

Начало русско-японской войны в январе 1904 года смешало все политические карты в стране. Оно поставило перед основными действующими на общероссийской арене силами ряд новых проблем и дилемм, и выбор между ними был отнюдь не из легких. И одной из главных было отношение к этой войне. В свете целостного портрета Сталина как государственника и патриота, которым он показал себя в годы своего всевластия, несомненный интерес представляет в ретроспективном плане и его позиция по отношению к русско-японской войне. Надо сказать, что его личная точка зрения нашла свое выражение в партийных решениях, и она вполне соответствовала общей позиции большевиков, стоявших на платформе поражения собственного правительства. Они исходили из того, что военные неудачи России приведут к углублению кризиса режима и ускорят падение царизма. В прокламации Тифлисского комитета по поводу войны эта точка зрения сформулирована предельно

⁶⁰ Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с местными партийными организациями. 1903 – 1905. М. 1977. Т. 3. С. 52-54.

⁶¹ А.В.Островский. Кто стоял за спиной Сталина? С. 222.

откровенно: «Пожелаем, чтобы эта война для российского самодержавия явилась более плачевной, чем Крымская война... Тогда пало крепостное право, теперь же, в результате этой войны, мы похороним родное детище крепостничества – самодержавие с его смрадной тайной полицией и жандармами!»⁶²

С многомерной исторической дистанции, по прошествии целого столетия, конечно, отношение большевиков к войне и личная позиция Сталина по этому вопросу выглядят отнюдь не столь бесспорными, как им казалось тогда. Если пользоваться марксистской терминологией, то они допускали одну существенную ошибку – узко классовые интересы ставили выше общенациональных. Хотя сами классовые интересы угнетенных являлись лишь составной частью общенациональных интересов, отстаивать и выражать которые взялись большевики. Эта же ошибка была допущена ими и во время первой мировой войны, когда они также заняли пораженческую позицию.

Весьма показательны, как сам Сталин характеризовал русско-японскую войну и поражение в ней царской России спустя 40 лет: «...поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжёлые воспоминания. Оно легло на нашу страну чёрным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня.»⁶³

Как видим, через 40 лет оценка Сталиным русско-японской войны претерпела коренные изменения. В 1945 году он выступал как государственный и патриот, апеллировал к народу, подчеркивая, что Япония и в первой войне с Россией выступала в качестве агрессора. Акцент на тяжелых чувствах, порожденных в народе поражением русских войск в той войне, говорит сам за себя. Видимо, и в тот период, когда Сталин и большевики выступали с пораженческой платформой, они не могли не ощущать, что такая их позиция не находила отклика ни в одном сколько-нибудь многочисленном слое российского общества. Однако на первом плане стояли другие соображения и верность определенной политической догме ставилась выше, чем реальность.

К периоду, рассматриваемому нами, относится и первое выступление Сталина по национальному вопросу. Причастность его к теоретическому и практическому решению этого вопроса во многом определила дальнейшую траекторию его политической и государственной карьеры в Советской России после победы Октябрьской революции. Мы еще будем иметь возможность специально остановиться на оценке того вклада, который внес Сталин в разработку национального вопроса. Здесь же хочется заострить внимание на его первом публичном выступлении по проблематике национальных отношений на Кавказе. В первом томе его сочинений помещена статья под названием «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?» Она была опубликована без подписи, но есть все основания считать ее автором Сталина, поскольку содержание, манера письма и характерные стилистические приемы говорят в пользу его авторства. Приведем некоторые принципиальные положения статьи, отражающие его понимание национального

⁶² Л. Берия. Из истории... С. 59.

⁶³ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1946. С. 205.

вопроса. «Прежде всего необходимо помнить, что действующая в России социал-демократическая партия назвала себя **Российской** (а не **русской**). Очевидно, этим она хотела нам показать, что она под своим знаменем будет собирать не только русских пролетариев, но и пролетариев всех национальностей России, и, следовательно, она примет все меры для уничтожения воздвигнутых между ними национальных перегородок, — пишет Сталин.

Далее, наша партия очистила «национальный вопрос» от окутывающего его тумана, придававшего ему таинственный вид, расчленила этот вопрос на отдельные элементы, придала каждому из них характер классового требования и изложила их в программе в виде отдельных статей. Этим она ясно нам показала, что взятые сами по себе так называемые «национальные интересы» и «национальные требования» не имеют особой цены, что эти «интересы» и «требования» достойны внимания лишь настолько, насколько они двигают вперёд или могут двинуть вперёд классовое самосознание пролетариата, его классовое развитие.»⁶⁴

В Краткой биографии Сталина эта статья получила неоправданно завышенную оценку: «В этой статье Сталин выступает как крупный теоретик национального вопроса, мастерски владеющий марксистским диалектическим методом.»⁶⁵ Из содержания статьи, носящей скорее характер комментария программных положений большевиков по национальному вопросу, нельзя еще сделать вывод о нем как крупном теоретике.

Но верно другое: в ней заметен его пристальный интерес к национальной проблематике. Здесь, как и в вопросе об отношении к русско-японской войне, снова выплывает доминирующая роль классового фактора, через призму которого рассматриваются все важные аспекты национальной проблемы. И здесь, как и в том случае, видимо, целесообразно отметить известную ограниченность и догматичность трактовки самой сути взаимосвязи между общим и частным, между национальными интересами, взятыми в их общем виде, и классовыми интересами, толкуемыми, опять-таки с позиций весьма далеких от диалектики. Что же касается критической части упомянутой статьи Сталина, то в ней довольно аргументированно разобраны взгляды тогдашних федералистов — социал-демократов. В целом же эта статья не выделяется ни особой глубиной анализа, ни новизной в постановке теоретических проблем. Но она важна в том плане, что в ней автор впервые заявил о себе в качестве специалиста по проблематике национального вопроса. А этот вопрос в тогдашних российских условиях играл первостепенную роль. На Кавказе же его место и значение во всех перипетиях политических баталий были еще более непосредственными и более значимыми, чем в России в целом.

Касаясь эволюции политических воззрений Сталина накануне и в период первой русской революции, следует подчеркнуть, что он последовательно выступал с позиций отстаивания идеи гегемонии рабочего класса на всех этапах развития революции. В данном вопросе он твердо придерживался ленинской линии, которая в известном смысле была новацией в традиционном марксистском понимании и толковании буржуазно-демократической революции. Ведь буржуазно-демократичес-

⁶⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. I. С. 42.

⁶⁵ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 32.

кий характер революции как бы логически предполагал, что вождем ее должна быть буржуазия. Такова была общепринятая среди марксистов того времени точка зрения. Однако, отталкиваясь от своеобразия российских условий и учитывая, что сам ход революции с неизбежностью перешагнет ее буржуазно-демократические рамки, большевики сделали свои собственные выводы по этому вопросу. В тогдашней российской обстановке подобная возможность реально существовала. Поэтому активные усилия со стороны большевиков предпринимались для пропаганды и отстаивания тезиса о гегемонии рабочего класса в русской революции. Данный тезис звучит рефреном во многих статьях, принадлежащих перу Кобы.

1905 год явился для российской истории одним из переломных годов – годом первой русской революции, первоначальные успехи которой, а в конечном счете и поражение, по многим параметрам определили историческое развитие страны в начале века. За скобками моей задачи находится рассмотрение хотя бы ключевых моментов развития этого невиданного доселе в российской истории катаклизма. Нас интересует – и то только в своих принципиальных аспектах – участие лично Сталина в этих событиях, а главное – то воздействие, которое оказали на формирование его политической философии как сама революция, так и ее поражение.

Если говорить обобщенно, то к неизбежному наступлению революционного потрясения он был готов и сам активно участвовал в его приближении. В этом легко убедиться, ознакомившись с его печатными произведениями. О них можно сказать, перефразируя крылатое выражение римского сенатора античных времен Катона. О чем бы ни говорил в сенате Катон, он неизменно заканчивал свою речь фразой: "Я считаю, что Карфаген должен быть разрушен!" Примерно так писал и Коба, только место Карфагена у него занимал режим самодержавия. Как явствует из официальной биографической хроники, подкрепленной многими свидетельствами участников событий тех времен, Коба в это время проводит чрезвычайно активную как агитационно-пропагандистскую, так и организационную работу. Главная, если не единственная цель этой работы, – мобилизация сил для антиправительственных выступлений.

При этом на первый план им выдвигается задача вооружения рабочих, что означало практическую подготовку вооруженного восстания. «Что нам нужно, чтобы действительно победить? Для этого нужны три вещи: первое – вооружение, второе – вооружение, третье – еще и еще раз вооружение».⁶⁶ Однако, если для некоторых районов России, в частности для Москвы и Петербурга, такая постановка вопроса была еще в большей или меньшей мере правомерна и подкреплена реально складывавшейся ситуацией, то для Тифлиса, где провозглашалась эта задача, как и в целом для Закавказья, ставить вопрос о вооруженном восстании было несерьезно. Да и последующий ход событий убедительно это подтвердил. Так что радикализм Кобы нередко выходил за пределы реальности, часто он не имел под собой реальной почвы.

Проживая в основном в Тифлисе, он чуть ли не непрерывно разъезжает по различным районам Закавказья (Батум, Чиатуры, Баку, Кутаис и другие города), где

⁶⁶ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1938. С. 78. Попутно отмечу, что данное заявление Сталина не нашло отражения в собрании его сочинений, видимо, по той причине, что источником здесь служили чьи-то воспоминания.

выступает на всякого рода митингах, собраниях, дискуссиях. Неизменно в центре его выступлений находится критика позиции и взглядов меньшевиков, и порой даже создается впечатление, что не в царизме, а в них он видит своих главных противников.

Такая политическая aberrация, когда удар нацеливается не против главного противника, а против своих, пусть и ненадежных и непоследовательных союзников, постепенно, шаг за шагом превращается в одну из отличительных черт сталинской политической стратегии. Может быть, в его сознание слишком запал афоризм любимого им поэта Ш.Руставели – “недруга опасней близкий, оказавшийся врагом” настолько запал, что превратился в некий политический императив, которым он руководствовался во внутрипартийной борьбе. Прямых оснований полагать так, конечно, нет, но объективность требует указать на эту черту политической стратегии Кобы. Впрочем, эта стратегия лежала в русле общей стратегии, проводившейся большевиками. В этом отношении он показал себя последовательным сторонником и проводником большевистской линии, важнейшие принципы которой разрабатывались и обосновывались Лениным.

Если подойти к вопросу о первой русской революции в психологическом ключе, точнее с точки зрения того, верил ли сам Сталин, как и другие участники движения, что им удастся добиться своей цели – свержения царизма, то на этот вопрос следует, пожалуй, дать вполне определенный положительный ответ. Да, они искренне верили в возможность практической реализации своей программы-минимум. Ведь и сам факт того, что при ином, более благоприятном стечении обстоятельств, революция могла закончиться для царского режима крахом не в 1917 году, а гораздо раньше, – уже сам этот факт весомо говорит в пользу того, что программы различных революционных сил тогдашнего российского общества, в первую голову большевиков, были построены отнюдь не на песке.

Впоследствии, когда первая русская революция окончилась поражением, большевики во главе с Лениным подвергли серьезному критическому разбору причины своих, да и других революционных сил, ошибок и просчетов. В мою задачу не входит рассмотрение всех этих вопросов, хотя они и имеют непосредственное касательство к формированию политической философии и политической психологии Сталина. Думается, что генеральная репетиция Октябрьской революции многому научила тех, кто впоследствии выступил в качестве режиссеров и участников грандиозного исторического поворота, коим и стали события 1917 года в России.

Для Сталина участие в бурных процессах 1905 года было большой и чрезвычайно поучительной школой. В политике он уже перестал быть новичком и учеником. Нисколько не преувеличивая его роль и участие в первой русской революции вообще и в революционных событиях того времени на Кавказе, как это делалось в период нахождения Сталина у власти, все же с достаточным основанием можно утверждать: он был активным деятелем революционного потока. Непосредственная вовлеченность в чрезвычайно стремительно развивавшиеся события тех лет значительно расширила его умственный и нравственный горизонт, способствовала закладке более основательного фундамента, необходимого для того, чтобы стать политической фигурой общероссийского масштаба. Во время первой русской революции на политическом горизонте его звезда еще не взошла. Больше того, фигурально выражаясь, такую величину, как Сталин, в то время невозможно было разглядеть в самые мощные телескопы. Пока полем его деятельности был Кавказ. Но накопленный им политический,

организационный и интеллектуальный потенциал уже искал выхода на более широкую арену. И первым шагом в этом направлении явилось участие Кобы в конференции большевиков в Таммерфорсе (Финляндия, декабрь 1905 года).

8. Знакомство с заграницей: Таммерфорс, Стокгольм, Лондон

Было бы, однако, неправильным считать, что сам Сталин ставил перед собой непосредственную задачу выйти на общероссийскую политическую арену. Как говорится, одних честолюбивых побуждений, пусть и подкрепленных уже обретенным опытом, было недостаточно. В этом контексте интересен такой факт из его политической карьеры. Большинство биографов Сталина акцентируют внимание на том факте, что Коба не был делегатом III съезда партии (апрель 1905 г.). Из этого факта делается вывод, что он в тот период занимал довольно скромное место и играл столь же скромную роль в большевистской организации. Представителями от Кавказа были Каменев, Невский, Цхакая и Джапаридзе (пятый делегат от Кавказского союза не установлен). Коба в число делегатов не попал. Троцкий объясняет отсутствие Кобы тем, что последний якобы лишь незадолго до съезда примкнул к большевизму, не входил в созданное ноябрьской (1904 г.) конференцией бюро и, естественно, поэтому не мог претендовать на мандат.⁶⁷

На проблеме «Сталин и меньшевики» мы уже останавливались выше. Здесь же следует лишь отметить, что объяснение Троцкого не базируется на каких-либо достоверных фактах и носит чисто умозрительный характер. Можно, разумеется, согласиться с тем, что действительная роль и место Кобы в тогдашней кавказской организации большевиков не соответствовали той картине, которая рисовалась историографией в сталинские времена. Однако представляется бесспорным, что он был одним из наиболее активных и видных в кругу деятелей большевистской организации, что подкрепляется многочисленными фактами, в том числе и свидетельствами самой царской полиции. О причинах его неучастия в работе съезда судить сейчас трудно. Оно могло быть вызвано различными причинами, но едва ли теми, о которых пишут некоторые биографы Сталина. Косвенным подтверждением такого вывода явился и факт участия Кобы в конференции большевиков в финском городе Таммерфорс.

Сама эта конференция была первой чисто большевистской конференцией. Значение этой конференции в истории партии и в становлении большевизма нельзя назвать эпохальным. Однако чрезвычайно примечательным был особый упор, сделанный конференцией на культивирование демократических начал в партийной жизни, что уже само по себе рисует большевиков отнюдь не как неких антиподов принципов демократии. Так, в резолюции конференции о реорганизации партии указывалось: «Признавая бесспорным принцип демократического централизма, конференция считает необходимым проведение широкого выборного начала с предоставлением выбранным центрам всей полноты власти в деле идейного и

⁶⁷ См. Лев Троцкий. Сталин. Т. I. С.94.

практического руководства, наряду с их сменяемостью, самой широкой гласностью и строгой подотчетностью их действий.»⁶⁸

Если в жизни партии конференция не явилась событием исключительной важности, то именно таким она стала для Сталина. Объясняется это простым, но имевшим далеко идущие последствия фактом – на ней он впервые встретился с Лениным, между основателем большевизма и бесспорным вождем партии и его будущим преемником впервые был установлен личный контакт. В дальнейшем характер отношений между ними во многом самым существенным образом повлиял на исторические судьбы страны. Но подробнее об этом пойдет речь в соответствующих главах. Сейчас же стоит привести высказывания самого Сталина о том, какое впечатление произвел на него Ленин. К сожалению, история не располагает какими-либо сведениями, касающимися впечатления, произведенного на самого Ленина молодым революционером с Кавказа. Да и говорить об этом не приходится: слишком разновеликими были и роль, и место, и авторитет обоих этих деятелей в тот период.

Вот впечатления Сталина.

«Впервые я встретился с Лениным в декабре 1905 года на конференции большевиков в Таммерфорсе (в Финляндии). Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моём воображении в виде великана, статного и представительного. Каково же было моё разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных...

Принято, что «великий человек» обычно должен запаздывать на собрания, с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причём перед появлением «великого человека» члены собрания предупреждают: «тсс... тише... он идёт». Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было моё разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, по-простецки ведёт беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил...

Замечательны были две речи Ленина, произнесённые на этой конференции: о текущем моменте и об аграрном вопросе. Они, к сожалению, не сохранились. Это были вдохновенные речи, приведшие в бурный восторг всю конференцию. Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление, – всё это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных «парламентских» ораторов.

Но меня пленила тогда не эта сторона речей Ленина. Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее. И потом берёт её в плен, как говорят, без остатка.»⁶⁹

⁶⁸ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I. М. 1936. С. 59.

⁶⁹ И.В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 54 - 55.

практического руководства, наряду с их сменяемостью, самой широкой гласностью и строгой подотчетностью их действий.»⁶⁸

Если в жизни партии конференция не явилась событием исключительной важности, то именно таковым она стала для Сталина. Объясняется это простым, но имевшим далеко идущие последствия фактом – на ней он впервые встретился с Лениным, между основателем большевизма и бесспорным вождем партии и его будущим преемником впервые был установлен личный контакт. В дальнейшем характер отношений между ними во многом самым существенным образом повлиял на исторические судьбы страны. Но подробнее об этом пойдет речь в соответствующих главах. Сейчас же стоит привести высказывания самого Сталина о том, какое впечатление произвел на него Ленин. К сожалению, история не располагает какими-либо сведениями, касающимися впечатления, произведенного на самого Ленина молодым революционером с Кавказа. Да и говорить об этом не приходится: слишком разновеликими были и роль, и место, и авторитет обоих этих деятелей в тот период.

Вот впечатления Сталина.

«Впервые я встретился с Лениным в декабре 1905 года на конференции большевиков в Таммерфорсе (в Финляндии). Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моём воображении в виде великана, статного и представительного. Каково же было моё разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных...

Принято, что «великий человек» обычно должен запаздывать на собрания, с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причём перед появлением «великого человека» члены собрания предупреждают: «тсс... тише... он идёт». Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было моё разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, по-простецки ведёт беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил...

Замечательны были две речи Ленина, произнесённые на этой конференции: о текущем моменте и об аграрном вопросе. Они, к сожалению, не сохранились. Это были вдохновенные речи, приведшие в бурный восторг всю конференцию. Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление, – всё это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных «парламентских» ораторов.

Но меня пленила тогда не эта сторона речей Ленина. Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее. И потом берёт её в плен, как говорят, без остатка.»⁶⁹

⁶⁸ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I. М. 1936. С. 59.

⁶⁹ И.В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 54 - 55.

Вне зависимости от того, какие непосредственные цели преследовал Сталин в 1924 году, к которому относится приведенный выше отрывок из его речи, бесспорным, на взгляд любого объективного исследователя его деятельности, является тот факт, что Ленин произвел и не мог не произвести на революционера из провинции огромное впечатление. В Ленине Коба увидел человека действия, имеющего ясную и четкую программу революционного преобразования общества. Это не могло не импонировать его представлениям о подлинном вожде партии, настоящем руководителе революционной борьбы рабочего класса. Полностью в духе его собственных представлений лежала и ленинская концепция строительства партии нового типа, в которой он видел инструмент осуществления исторической миссии рабочего движения России.

Сталин в полном согласии с ленинскими идеями обосновывает необходимость строительства партии на новых основах, причем расставляет при этом акценты, в которых уже явственно проглядывает более поздний Сталин. Так, в одной из своих статей он писал: «До сегодняшнего дня наша партия была похожа на гостеприимную патриархальную семью, которая готова принять всех сочувствующих. Но после того, как наша партия превратилась в централизованную **организацию**, она сбросила с себя патриархальный облик и полностью уподобилась **крепости**, двери которой открываются лишь для достойных. А это имеет для нас большое значение. В то время как самодержавие старается развратить классовое самосознание пролетариата «тред-юнионизмом», национализмом, клерикализмом и т. п., когда, с другой стороны, либеральная интеллигенция упорно старается убить политическую самостоятельность пролетариата и добиться опеки над ним, — в это время мы должны быть крайне бдительными и не должны забывать, что наша партия есть **крепость**, двери которой открываются лишь для проверенных.»⁷⁰

Уже здесь ощущаются не только сталинское понимание партии, но даже его лексика, склонность использовать военную терминологию для определения политических целей и понятий. Надо заметить, что в этом отношении он шел далеко впереди Ленина, которому не было свойственно подобное понимание политических процессов.

В свете сказанного нет никаких оснований ставить под сомнение искреннее преклонение Кобы перед Лениным. Конечно, Коба в то время еще не был Сталиным, но, возможно, уже тогда в его сознании мелькнула мысль стать со временем вторым Лениным. Но это, конечно, всего лишь досужее предположение, за которым не стоят никакие факты.

Но вернемся к поездке Кобы в Таммерфорс. Для поездки туда он раздобыл фальшивый паспорт на имя Ивановича. На протяжении некоторого времени Сталин использовал этот псевдоним в своей партийной работе, а также в качестве литературного имени. Разумеется, нелегальная поездка в Финляндию требовала немалых расходов и соответствующей проработки всех деталей, сопряженных с перемещением по территории России (Финляндия, хотя и пользовалась широкой автономией, но все же входила в состав Российской империи). Кое-кто из биографов Сталина задается вопросом: а откуда, собственно, он добывал средства, необходимые

⁷⁰ И.В. Сталин. Соч. Т. I. С. 67.

для таких поездок. Как ему удавалось обзаводиться нужными документами и успешно проходить через неизбежные в подобных случаях полицейские проверки?

Процедура получения заграничного паспорта, необходимого для поездки, была достаточно сложной, хотя и не такой драконовской, какая была установлена во времена Сталина и при Советской власти вообще. Необходимо было подать письменное заявление на имя губернатора или главы городской власти и получить документ, свидетельствующий о том, что законных оснований для запрещения выезда за границу не имеется. Коба наверняка пользовался фальшивыми документами, которые изготавливались подпольщиками, или же подлинными, но на чужое имя. Пошлина за паспорт составляла 15 рублей, что равнялось примерно среднему месячному заработку рабочего.

Что можно ответить на эти и другие аналогичные вопросы? Во-первых, большевики, как и другие партии, оппозиционные правительству, располагали определенными суммами, специально предназначенными для таких мероприятий. Это был, так сказать, централизованный фонд, предназначавшийся для финансирования партийных изданий, проведения организационной работы партии (деятельность ЦК, поездки и т.д.) Кроме того, местные организации также имели свои, пусть и скромные, но достаточные средства, чтобы обеспечить своим делегатам поездки на съезды и конференции.* Следует помнить, что члены партии в обязательном порядке уплачивали членские взносы, служившие одним из источников партийных средств. Именно эти финансовые средства служили, в частности, для того, чтобы оказывать необходимую материальную помощь и поддержку когорте так называемых профессиональных революционеров, к числу которых принадлежал и Коба. Во-вторых, условия жизни профессиональных революционеров приучили их к умению обходиться самым скромным минимумом житейских благ. Это всецело приложимо и к Сталину. В партии большевиков было немало профессиональных революционеров, не имевших личных источников доходов. И все они так или иначе вели свою трудную и полную неожиданных опасностей жизнь, несли свой "революционный крест"

Недоумение вызывает то, что подобные вопросы и сомнения высказываются почти исключительно в адрес Сталина. Причем делается это опять-таки с единственной целью – посеять сомнения и навести на мысль, что все это он мог делать только с помощью царской полиции, которая якобы и обеспечивала успешное осуществление им этих партийных функций. Разумеется, строго контролируя его действия и получая от него в награду за свои услуги необходимую ей информацию. Упомянувшийся уже Э.Смит именно так интерпретирует первую поездку Кобы на общероссийское партийное мероприятие.⁷¹

Первый политический дебют Сталина на российской политической арене, знакомство с Лениным и другими видными деятелями большевиков оказали на

* Это явствует, например, из выступления Н.Жордания на IV съезде РСДРП, в котором он говорил о том, что местные организации партии, выделявшие средства на поездку делегатов, шли даже на то, чтобы наделять одного делегата двумя голосами, чтобы не тратить так много денег. (См. **Протоколы Четвертого (Объединительного) съезда РСДРП.** М. 1934. С. 354.

⁷¹ E.Smith. The young Stalin. p. 148.

кавказца сильное впечатление. К тому времени он сознавал свое достаточно скромное место в кругу большевиков и никак не претендовал на какие-либо лидирующие позиции. Да и не было к тому достаточных оснований. Определенный свет на это проливают воспоминания самого Сталина, который в 1920 году на торжественном вечере, посвященном 50-летию Ленина, следующим образом передает свои тогдашние впечатления:

«Мне вспоминается, как Ленин, этот великан, дважды признался в промахах, допущенных им.

Первый эпизод – решение о бойкоте Виттевской думы в Таммерфорсе, в Финляндии, в 1905 году, в декабре, на общероссийской большевистской конференции. Тогда стоял вопрос о бойкоте Виттевской думы. Близкие к товарищу Ленину люди, – семёрка, которую мы, провинциальные делегаты, наделяли всякими эпитетами, уверяла, что Ильич против бойкота и за выборы в Думу. Оно, как выяснилось потом, так и было действительно. Но открылись прения, повели атаку провинциалы-бойкотисты, питерцы, москвичи, сибиряки, кавказцы, и каково же было наше удивление, когда в конце наших речей Ленин выступает и заявляет, что он был сторонником участия в выборах, но теперь он видит, что ошибался, и примыкает к делегатам с мест. Мы были поражены. Это произвело впечатление электрического удара. Мы ему устроили овацию.»⁷²

Некоторые критики акцент делают на том, что Сталин в юбилейный для Ленина день, выступая с приветственной речью, счел возможным говорить прежде всего об ошибках Ленина и его самокритичности. Однако суть, конечно, не в этой детали, хотя и она в известной мере характеризует Сталина, в тот период не проявлявшего склонности к воспеванию дифирамб в адрес Ленина. Молодого революционера поразила сам факт того, что лидер партии не скрывает своих ошибок и не боится признаться в них в кругу единомышленников. Очевидно, ему импонировала и мысль о том, что по некоторым важным вопросам политической стратегии и тактики делегаты с мест лучше, чем в партийных верхах знают о подлинных настроениях масс. А ведь хорошее знание этих настроений во многом, если не сказать в решающей степени, влияет на выработку курса партии в целом. Так что, говоря обобщенно, первое личное знакомство Кобы с Лениным и другими вожаками большевиков того периода, непосредственное участие в формулировании позиции партии по коренным вопросам ситуации в России, несомненно, явилось чрезвычайно ценной школой большой политики. Можно сказать, что именно там и тогда он впервые соприкоснулся на практике с вопросами большой политики.

Конференция проходила в самый пик первой русской революции. То обстоятельство, что именно в это время Коба побывал в центральной России дало ему возможность своими собственными глазами увидеть размах разраставшейся революционной бури. Впрочем, не только центральная Россия, но и национальные окраины являли собой картину стихийно нарастающего бунта. Недовольство было повсеместным. Оно захватило не только массы трудящегося населения, в первую очередь рабочих, но и почти все круги интеллигенции, в том числе и либерально настроенной. Теснимый буквально со всех сторон, режим вынужден был пойти на существенные уступки,

выразившиеся в октябрьском манифесте Николая II. Некоторое ограничение самодержавного всевластия, согласие на созыв Государственной думы, при одновременном отказе согласиться на выработку конституции, чего требовали самые широкие круги общественности, в том числе и социал-демократы, конечно, не были способны стабилизировать ситуацию в стране и остановить дальнейший ход революционной волны.

Различные политические силы по-разному оценивали сложившуюся обстановку. Нас в данном случае интересует позиция большевиков и, конечно, Сталина. Он неоднократно выступал в партийной печати со статьями, анализирующими ключевые вопросы революционной стратегии и тактики, неизменно отстаивая наступательную стратегию и подчеркивая необходимость практической подготовки вооруженного восстания.

На самой конференции Иванович (такой партийный псевдоним тогда носил Сталин) выступил с докладом о работе закавказской организации большевиков, а также с речью в поддержку тактики бойкота Государственной думы. Он был одним из членов комиссии по выработке резолюции, обосновывавшей необходимость бойкота Государственной думы.⁷³

Как видим, дебют Сталина на общероссийской партийной сцене был удачным. Он проявил активность и решительно поддержал наиболее радикальную линию в предстоявших политических схватках. Такая его позиция логически вытекала из всей его политической философии. При этом стоит особо подчеркнуть, что на первый план он выдвигал идею твердого партийного руководства как важнейшего условия успеха всей борьбы. Среди причин, приведших к поражению революции, он выделял именно отсутствие в тот период единой и сплоченной партии. Вот что он писал в статье "Две схватки": «Необходима была только сплоченная партия, единая и нераздельная социал-демократическая партия, которая бы возглавила организацию всеобщего восстания, объединила бы революционную подготовку, проводимую врозь отдельными городами, и взяла на себя инициативу наступления. Тем более, что сама жизнь подготавливала новый подъём — кризис в городе, голод в деревне и другие подобные им причины делали со дня на день неизбежным новый революционный взрыв. Беда была в том, что такая партия создавалась только теперь: обессиленная расколом, партия только что оправлялась и налаживала дело объединения.»⁷⁴

За рамки моей главной цели выходит рассмотрение конкретных вопросов развития первой русской революции. Сама эта тематика уже досконально исследована в литературе. Нас проблематика революции интересует прежде всего в плоскости того, какое влияние она оказала на формирование всей политической философии и психологии Сталина. Другой аспект, который привлекает наше внимание, — его личное участие в революции. Хотя последний вопрос и не кажется мне столь уж первостепенно важным и принципиальным. Его значение видится опять-таки через призму первого — с точки зрения становления Сталина как политика. Ведь в конечном счете для ретроспективного взгляда на события, отделенные от нашего времени целым столетием, детали, даже существенные, не имеют определяющего значения.

⁷³ См. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I. С. 58 - 60.

⁷⁴ И.В. Сталин. Соч. Т. 1. С. 199-200.

Общая картина вырисовывается и без таких деталей. Важно только, чтобы эта общая картина верно отражала реальное развитие событий того времени и представляла предмет нашего повествования — Сталина — в его истинном свете. Без прежней лакировки, но и без ставших привычными позднейших искажений, упрощений и даже прямой фальсификации.

Из Финляндии Коба едет к себе на родину. Биограф Сталина Э.Смит утверждает, что «два месяца пребывания Сталина после его возвращения из Финляндии отмечены не политической активностью, а его возможным причастием к убийству, написанием революционных материалов и одним из наиболее противоречивых эпизодов в его карьере — полицейским рейдом на Авлабскую подпольную типографию в Тифлисе».⁷⁵

История с этой подпольной типографией занимает довольно специфическое место в биографии Сталина. Эта типография была создана в одном из районов Тифлиса — Авлабаре — в 1903 году. Во времена правления Сталина, как в исследовательской, так и мемуарной литературе, появились утверждения, согласно которым Сталин был организатором этой типографии. Каких-либо документальных подтверждений этого не было. Более того, к моменту создания авлабарской типографии Коба находился в тюрьме и, конечно, не мог быть создателем подпольной типографии. Факт участия Сталина в создании типографии не зафиксирован и в его официальной биографической хронике. Типография печатала тысячи листовок и прокламаций, и полиция пыталась выйти на ее след, но безуспешно. Однако в конце концов благодаря чистой случайности типография была раскрыта, полиция произвела аресты лиц, причастных к ее организации и работе. Сталина среди них не оказалось.

Последнее обстоятельство подвигло некоторых критиков Сталина на создание очередного измышления, будто провал типографии произошел из-за предательства Кобы. Довольно детально эту тему «мусолит» в своей книге Э.Смит. Однако все его домыслы (мол, Коба выдал полиции местонахождение типографии, чтобы полиция, в свою очередь, не чинила ему преград для поездки в Стокгольм на съезд партии) не подкреплены никакими фактами или документами и носят чисто спекулятивный, а точнее сказать, явно клеветнический характер. Документально установлено, что провал типографии носил чисто случайный характер: во время обыска один из жандармов нечаянно бросил в колодец горящую бумагу, которая была подхвачена потоком воздуха. Таким образом, был обнаружен потайной вход в типографию и раскрыто ее местонахождение. Тот факт, что на протяжении трех лет полиции не удавалось раскрыть типографию, печатавшую большое количество листовок и пропагандистских материалов, говорит о блестящей конспирации и хорошей маскировке, к которым прибегали подпольщики. Однако обезопасить себя от всяких случайностей они были просто не в состоянии. И такая случайность как раз и сыграла свою роковую роль. 15 апреля 1906г. состоялся рейд полиции на типографию. Сталин в это время находился в Стокгольме.

Однако возвратимся непосредственно к событиям, связанным с политической деятельностью Сталина. 1906 год был ознаменован объединительными тенденциями в российском социал-демократическом движении. Поражение революции и усиление реакции по всем направлениям более чем все другие обстоятельства убедили и

⁷⁵ E. Smith. The young Stalin. p. 158.

большевиков, и меньшевиков всерьез подумать о преодолении своих разногласий. В практическую повестку дня во весь рост встал вопрос об объединении их в рамках единой партии. Собственно, формально партия и так оставалась единой, но только лишь на бумаге. В жизни существовали фактически две партии, каждая со своими руководящими органами и местными организациями.

Уроки поражения отрезвили как большевиков, так и меньшевиков. Процесс восстановления партийного единства стал доминирующим. Он проходил в важнейших районах страны, где были социал-демократические организации. В феврале 1906 года был создан объединенный тифлисский комитет. В конце марта 1906 года Коба избирается делегатом на IV ("Объединительный") съезд РСДРП от тифлисской организации.

Некоторые биографы Сталина, в частности, Б.Суварин, с недоумением задаются вопросом: как мог он быть избран от организации, большинство которой было на позициях меньшевиков.⁷⁶ Резон в таком недоумении, конечно, есть. Но гораздо больше резона в другом: обстановка в партии в тот период была такова, что объединительные тенденции были господствующими и с этим не могли не считаться меньшевики и их лидеры. К тому же, какими бы слабыми в сравнении с меньшевиками ни были позиции большевиков, все же за них выступали многие члены организации. На съезде самый видный представитель грузинских меньшевиков Н.Жордания приводил такие цифры: в Тифлисе членов партии насчитывалось всего около 4000, из них большевиков – 300 человек.⁷⁷ Так что согласно норме пропорционального представительства делегат от большевиков должен был быть представлен на съезде. Ведь не сам же Коба назначил себя делегатом съезда!

Походя можно добавить, что и на самом съезде вставал вопрос о неправомерном формировании делегации от тифлисской организации. И одним из инициаторов постановления этого вопроса как раз и был Сталин, фигурировавший на съезде под фамилией Иванович. Так что в правомочности участия Сталина в работах объединительного съезда от тифлисской организации сомневаться нет абсолютно никаких оснований. Я же специально затронул эту проблему, чтобы на конкретном факте проиллюстрировать уже издавна бытующую в "сталиноведении" практику наводить тень на плетень даже в вопросах совершенно очевидных, подтвержденных имеющимися документами.

Не вдаваясь в рассмотрение хода съезда и не вникая в существо обсуждавшихся на нем вопросов, позволю себе сделать только несколько самых лапидарных замечаний. На съезде меньшевики находились в большинстве, поэтому резолюции по наиболее важным вопросам в целом отражали их позиции. Мыслившийся в качестве съезда, призванного укрепить единство партии, объединить обе противоборствовавшие части на базе общей платформы, он в действительности превратился в арену серьезного и непримиримого противостояния. Можно сказать, что он сыграл прямо противоположную роль, нежели та, которая на него возлагалась.

В протоколах съезда нашло отражение участие Сталина в его работах. Можно даже сказать, что он был довольно активным делегатом, выступил в прениях одним

⁷⁶ *Souvarine. B. Staline: Aperçu historique du bolchevisme* p. 85.

⁷⁷ См. *Протоколы Объединительного съезда РСДРП*. М. 1926. С. 233.

из первых при обсуждении главного пункта повестки дня – аграрного вопроса. Большевики ратовали за решение аграрного вопроса путем муниципализации земли. Большевики не имели единой платформы: Ленин отстаивал идею национализации, некоторые из большевиков выступали за раздел земли среди крестьян, чтобы таким способом привлечь их на сторону рабочего класса. И весьма примечательным является то, что Сталин также высказался в пользу раздела земли среди крестьян, подвергнув критике как идею муниципализации, так и национализации. Вот как он мотивировал свою точку зрения в ходе обсуждения вопроса: «Что касается существа дела, то я должен сказать, что исходным пунктом нашей программы должно служить следующее положение: так как мы заключаем временный революционный союз с борющимся крестьянством, так как мы не можем, стало быть, не считаться с требованиями этого крестьянства, – то мы должны поддерживать эти требования, если они в общем и целом не противоречат тенденции экономического развития и ходу революции. Крестьяне требуют раздела; раздел не противоречит вышесказанным явлениям, – значит, мы должны поддерживать полную конфискацию и раздел. С этой точки зрения и национализация и муниципализация одинаково неприемлемы. Выставляя лозунг муниципализации или национализации, мы, ничего не выигрывая, делаем невозможным союз революционного крестьянства с пролетариатом.»⁷⁸ Закончил Иванович свою речь совсем не ортодоксальными по марксистским меркам словами: «Если освобождение пролетариата может быть делом самого пролетариата, то и освобождение крестьян может быть делом самих крестьян». Такой вывод явно противоречил догме, утверждавшей, что освобождение крестьян входит как одна из составных частей в концепцию освобождения рабочего класса. Иными словами, крестьянству предназначалась определенная самостоятельная роль в процессе развития революции.

Как видим, аргументация выглядела убедительной, и по крайней мере, не шаблонной, накатанной в русле господствовавших тогда в партии теоретических установок. Но нас интересуют в данном контексте не тонкости аргументации и оттенки в позиции различных сторон, а то обстоятельство, что Сталин **впервые** вообще разошелся с Лениным, причем по столь важному вопросу. И мало того, что разошелся, но и публично изложил свою точку зрения, продемонстрировав тем самым отсутствие единства в стане большевиков. Мне представляется, что этот факт красноречиво говорит о том, что к тому времени он стал уже достаточно самостоятелен в политических, да и в теоретических вопросах. Объяснять данный поступок какими-то иными соображениями, вроде того, что Ленин в то время был в меньшинстве, поэтому, дескать, Сталин, как прожженный циник и политический флюгер, уже не счел для себя тактически выгодным ориентироваться на лидера своей партии, на мой взгляд, неправомерно. Подобные домыслы не имеют под собой никакой доказательной базы и не выдерживают серьезной критики.

Но тем не менее примечательным фактом его политической биографии остается то, что он занял принципиально иную, чем Ленин, позицию по такому коренному и актуальному вопросу, как аграрный вопрос. В дальнейшем мы будем еще иметь возможность фиксировать расхождения в позициях Ленина и Сталина по различным

⁷⁸ Протоколы Объединительного съезда РСДРП. С. 54. www.kommunist.ru

проблемам. Из самого факта расхождений, однако, не следует делать каких-то далеко идущих выводов. Политическая практика дает обильное количество примеров разногласий и расхождений даже в среде единомышленников. Это – вполне естественное явление, а отнюдь не какое-то экстраординарное событие. Оно вполне приложимо и к данному случаю.

Тем более, что впоследствии Сталин при подготовке к изданию своих сочинений посчитал необходимым специально отметить приведенный выше факт и признал ошибочность своей позиции в тот период. В предисловии к первому тому он, связав подход к решению аграрного вопроса с более общим вопросом – развития социалистической революции, отметил: «Только спустя некоторое время, когда ленинская теория перерастания буржуазной революции в России в революцию социалистическую стала руководящей линией большевистской партии, разногласия по аграрному вопросу исчезли в партии, ибо стало ясно, что в такой стране, как Россия, где особые условия развития создали почву для перерастания буржуазной революции в социалистическую, – марксистская партия не может иметь какой-либо другой аграрной программы, кроме программы национализации земли.»⁷⁹

В связи с рассмотрением позиции Сталина по аграрному вопросу и, в частности, защитой им принципа раздела помещичьих земель между крестьянами, хочется обратить внимание на одно довольно существенное обстоятельство. Автор одной из авторитетных работ по истории российской революции, написанной под углом зрения анализа личного вклада в нее Ленина, Троцкого и Сталина, Б.Вольф особо отмечает, что взгляды Сталина оказались в конце концов господствующими. В подтверждение своего утверждения он приводит тот факт, что победе большевиков в Октябрьской революции во многом способствовало фактическое принятие лозунга раздела земли, а не ее национализации. Именно это обусловило поддержку крестьянством Октябрьской революции.⁸⁰

Оставляя в стороне многие детали проходившей на съезде борьбы, укажем на то, что представляется нам наиболее существенным, опять-таки в контексте процесса созревания Сталина как политической личности, уже имеющей свою точку зрения и свою позицию. Стокгольмский съезд наглядно это продемонстрировал. Об этом же свидетельствуют и печатные выступления Кобы после возвращения со съезда, в которых обстоятельно и в резко критическом духе проанализированы итоги работы объединительного съезда. Речь идет прежде всего о вышедшей в июле – августе 1906 года его брошюре “Современный момент и Объединительный съезд рабочей партии”. В ней он по существу поставил под сомнение все важнейшие решения съезда, что вполне отвечало и позиции Ленина и большевиков в целом. Весь запал обращен на критику стратегической линии и программных установок, которых придерживались в то время меньшевики. Знакомство с этой брошюрой свидетельствует о его неизменной враждебности к меньшевизму как политическому течению и платформе практической деятельности. И, надо признать, что основные тезисы, отстаиваемые автором, хорошо аргументированы с точки зрения революционной марксистской теории. Мы уже имеем дело с вполне сформировавшимся деятелем партии,

⁷⁹ И.В. Сталин. Соч. Т. 1. С. XIV.

⁸⁰ *Bertram D. Wolf*. Three who made a revolution. p. 467.

отличительной чертой которого выступает не только желание, но и умение сочетать теорию с практикой. Хотя по-прежнему Сталин, как правило, говорит о себе только как практике. Каких-либо претензий на лавры большевистского теоретика он не выдвигает, несмотря на то, что некоторые его статьи того периода явственно обнаруживают постоянный интерес автора к вопросам теории марксистского учения.

То, что молодому революционеру было явно тесно в рамках его непосредственной практической работы и его постоянно влекло к себе теоретическое поприще, совершенно очевидно. Так, в 1906 – начале 1907 годов Сталин публикует в грузинской печати серию статей, объединенных общим названием “Анархизм или социализм?” Появление их объясняется, видимо, не только тяготением автора к вопросам теории, но и соображениями чисто практического характера. В это время в Грузии анархисты старались укрепить свое влияние среди рабочих, в особенности деклассированных элементов этого класса, и добились определенных успехов. Потребности политической борьбы и вынудили Кобу обратиться к данной тематике.

Я не стану давать исчерпывающую оценку этой публикации. Здесь хочется подчеркнуть лишь следующее. Это была фактически первая работа Сталина, в которой он рискнул вступить на зыбкую почву философии. В ней специально рассматриваются диалектический метод и материалистическая теория, излагаются известные постулаты марксистской философии, причем делается это с присущей автору склонностью все разложить по полочкам и чуть ли не пронумеровать систему своих умозаключений и выводов. В ней уже явственно проглядывает вся позднейшая сталинская методология. Метафорически выражаясь, эту работу можно уподобить яйцу, из которого через три десятилетия вылупилась курица – известный труд Сталина “О диалектическом и историческом материализме”

Но каковы бы ни были достоинства или недостатки первой полуфилософской работы, она показывает, что ее автор достаточно осведомлен не только в марксистских построениях, но и опирается на доводы, почерпнутые из арсенала различных научных теорий, в особенности естествознания. И, конечно же, он оперирует прежде всего положениями, высказанными Марксом и Энгельсом, но не просто опирается на них, а примеряет к конкретным условиям Грузии. Оригинальность и теоретическая ценность данной работы молодого Сталина, разумеется, весьма относительны. Но я рассматриваю ее не в качестве своего рода вклада в марксистскую евангелистику. В данном случае речь идет об оценке личности ее автора, точнее о том, каков был диапазон его теоретических интересов и насколько он был подготовлен, чтобы самостоятельно анализировать серьезные проблемы. Обращает на себя внимание и такая особенность его индивидуального стиля, которая со временем превратилась в характерную черту: он охотно и уместно использует всякие литературные образы и сравнения из русской классики.

Короче говоря, из всего сказанного вывод напрашивается однозначный: мы имеем дело не с полуграмотным семинаристом, как пытаются представить некоторые откровенные недоброжелатели Сталина, а с человеком, который владеет пером, самостоятельно мыслит и умеет ясно, четко, хотя порой и довольно упрощенно и схематично, излагать свои взгляды по сложным проблемам, в том числе и теоретического характера. Если мы примем во внимание, что весь его интеллектуальный багаж был в основном накоплен путем самообразования, то следует признать, что он добился в этом блестящих результатов. По крайней мере на фоне других интеллектуалов,

особенно из среды грузинских меньшевиков, кичившихся своими глубокими познаниями в области теории, он не выглядел бледно-серым пятном.

С весны 1907 года в рядах российских социал-демократов развертывается борьба вокруг проведения очередного съезда партии. Соответственно, она сопровождается противостоянием меньшевиков и большевиков в связи с выборами делегатов на съезд. Каждое из течений стремится обеспечить себе большинство, чтобы таким путем предопределить характер и направленность решений высшего форума партии. Коба активно участвует в этой борьбе, и уже совсем неудивительно, что именно его от тифлиссских большевиков избирают делегатом на съезд (Правда, на самом съезде он получил лишь мандат делегата с совещательным голосом. Но об этом несколько подробнее мы расскажем ниже). Любопытно отметить, что от тифлиссской организации делегатами с совещательным голосом были избраны также будущий главный политический соперник Сталина – Троцкий, бывший тогда в лагере меньшевиков, и писатель А.М.Горький в качестве беспартийного.⁸¹

Пятый съезд партии, проходивший в мае – июне 1907 года в Лондоне, вне всякого сомнения, был значительной вехой в политическом росте Сталина. Он уже не выступал в качестве новичка, имел за своими плечами опыт участия в подобных мероприятиях. Однако его личная активность в работе съезда оказалась более чем скромной. Его фамилия (а он фигурировал опять как Иванович) встречается в протоколах съезда всего три раза, да и то в связи с обсуждением материалов мандатной комиссии. Эта комиссия рассматривала вопрос о выдаче ему мандата делегата с совещательным голосом в связи с тем, что при выборах делегатов от тифлиссской организации возникли какие-то недоразумения.

Мне представляется, что определенный интерес имеет эпизод, разыгравшийся на съезде в связи с утверждением мандата Кобы (наряду с тремя другими делегатами). Привожу его в таком виде, как он отражен в протоколах съезда: «Председатель. Поступило предложение мандатной комиссии: «Мандатная комиссия единогласно постановила просить съезд о предоставлении совещательного голоса тт.: Барсову, Ивановичу, Днестровскому и Альбину. Если нет возражения, я считаю это предложение принятым.

Мартов. Я просил бы выяснить, кому дается совещательный голос: кто эти лица, откуда и т. д. (Голоса: «Без объяснений!»)

Председатель. Есть два предложения: Мартова – «дать объяснения», а другое – «без объяснений». Ставлю на голосование предложение Мартова.

Мартов (с места). Ставлю на вид, что нельзя голосовать, не зная, о ком идет дело.

Председатель. Действительно, это неизвестно. Но съезд может довериться единогласному мнению мандатной комиссии.»⁸²

Пикантность произошедшего эпизода заключается в одной детали. Председательствующим на заседании был Ленин, и его признание, что действительно неизвестно, о ком идет речь, дало основание или, по крайней мере, повод, для некоторых биографов Сталина утверждать, что Ленин в то время, мол, не знал, кто

⁸¹ См. **Протоколы пятого съезда РСДРП**. М. 1933. С. 16.

⁸² **Протоколы пятого съезда РСДРП**. С. 250.

такой Иванович (Сталин) и что из этого видна вся незначительность роли Сталина в большевистском движении в тот период. Подобное толкование указанного эпизода слишком упрощенно и согласиться с ним нельзя. Ведь в данном случае речь шла не об одном только Ивановиче (да и как можно утверждать, что Ленин непременно должен был знать, какой партийный псевдоним носил в данном случае Сталин), а и других делегатах. Во всяком случае, такие комментарии данного эпизода выглядят довольно натянутыми и тенденциозными.

Неизвестно, по каким соображениям Сталин не выступал на съезде. Домыслы на этот счет могут быть различными. Но опубликованные вскоре после съезда записки делегата Иванoviча под названием “Лондонский съезд Российской социал-демократической партии” фактически опровергают представление о том, что Сталин был на нем не более чем сторонним наблюдателем.

В своих заметках он основательно, по многим параметрам, проанализировал результаты работы съезда, охарактеризовал позиции как большевиков, так меньшевиков по всем принципиальным вопросам, стоявшим в порядке дня съезда. Хотя, как показал дальнейший ход событий, в одном, причем главном вопросе, Сталин оказался плохим пророком. Главное значение лондонского съезда он видел в том, что «съезд дал нам не раскол, а дальнейшее сплочение партии, дальнейшее объединение передовых рабочих всей России в одну нераздельную партию.»⁸³ В действительности же решения съезда не только не способствовали консолидации партии, преодолению разногласий между большевиками и меньшевиками, уж не говоря, о создании одной нераздельной партии, а, наоборот, явились прологом еще большего обострения внутрипартийного противоборства. В конечном счете съезд стал прологом окончательного размежевания этих двух течений в российской социал-демократии, приведшего их в конце конов на разные стороны баррикад в назревавших в стране революционных катаклизмах. Вполне возможно, что первоначальная оптимистическая оценка Сталиным итогов работы съезда была продиктована конъюнктурными соображениями тогдашней ситуации, когда обе стороны клялись в своей решимости отбросить разногласия и единым фронтом выступать против общего противника – царизма. Однако все это не меняет существа дела.

После завершения работы съезда Коба направился в Париж и пробыл там около недели. Об этом свидетельствуют фонды Грузинского филиала института марксизма-ленинизма, среди материалов которого российский биограф Сталина А.В.Островский нашел воспоминания одного грузинского студента, давшего Кобе приют в своей квартире в Париже.⁸⁴

Стоит упомянуть еще один эпизод из политической биографии Сталина того периода. В книге А.Барбюса, после изложения событий, посвященных Стокгольмскому съезду, как бы мимоходом говорится: “На следующий год Сталин ненадолго едет в Берлин поговорить с Лениным.”⁸⁵ За отсутствием точных данных, на основе только лишь сопоставлений, Троцкий высказал предположение, что во время этой встречи с Лениным, в частности, обсуждался вопрос о подготавливавшейся грузинскими

⁸³ *И. В. Сталин*. Соч. Т. 2. С. 46.

⁸⁴ *А. В. Островский*. Кто стоял за спиной Сталина? С. 255-256.

⁸⁵ *Акри Барбюс*. Сталин. С. 68.

большевиками экспроприации в Тифлисе и способах доставки денег за границу в большевистский центр.⁸⁶

Бросая ретроспективный взгляд на события, связанные с Лондонским съездом, стоит, конечно, упомянуть и такую весьма любопытную деталь. На этом съезде впервые встретились (разумеется, не в плане личного знакомства) Сталин и Троцкий. На предыдущем съезде Троцкого не было. В своих заметках Сталин впервые упомянул и имя Троцкого, причем в явно негативном контексте. Чтобы существо дела было более или менее понятным, необходимо хотя бы коротко остановиться на позиции, которую занимал во время съезда Троцкий. Он не примыкал ни к меньшевикам, ни к большевикам, выступал, так сказать, с платформой центризма. В своей речи он довольно резко критиковал меньшевиков, но основной удар нацелил против большевиков. Вот один из пассажей его выступления: «Для вас важна фракционная демонстрация на съезде, а не единство партийного действия в стране. Я говорю вам, товарищи большевики: если для вас дороги те политические задачи, во имя которых вы боретесь, подчините им вашу фракционную нетерпимость, возьмите назад вашу резолюцию, вступите в соглашение с течениями и группами, которые в общем и целом занимают близкую к вам позицию и внесите резолюцию, которая сплотит большинство и создаст для фракции возможность планомерной работы. (*Ленин*: «Внесите вы!») Да? Вы требуете, чтобы я внес на съезд примирительную резолюцию в то время, как вы всем своим поведением подрываете самую возможность компромисса. Вы хотите торговаться из-за каждого слова на съезде, состоящем из 300 человек, вместо того чтобы сделать искреннюю попытку соглашения в комиссии.»⁸⁷

Такова была позиция Троцкого, которую Сталин в своей статье оценил следующей фразой: «Так называемого центра, или болота, на съезде не было. Троцкий оказался “красивой ненужностью”».⁸⁸ Много лет спустя, эта фраза как бумеранг будет возвращена ее автору, правда, в несколько иных модификациях, вроде такой адресованной Сталину – “самая выдающаяся посредственность в партии” и т.п. Но сейчас не место углубляться в истоки конфликта между этими двумя историческими фигурами, об этом будет идти речь в соответствующих главах. Здесь же нам хотелось привлечь внимание читателя к самому факту зарождения такого конфликта, динамика и формы выражения которого определялись, конечно, не только политическими разногласиями, но и личной неприязнью. А истоки такой неприязни зафиксированы, причем документально, уже в 1907 году.

Об этом писал И. Дойчер, автор ряда биографических книг о Ленине, Сталине и Троцком, в которых не то что сквозит, а прямо-таки вопиет нескрываемая симпатия к Троцкому. Вот что он писал по поводу этой первой встречи двух революционных деятелей, ставших впоследствии смертельными врагами: «В то время оба эти человека – Коба и Троцкий – вообще были звездами различной величины и яркости. Едва ли кому-либо могла прийти в голову мысль о том, что они станут смертельными врагами в самой крупной в истории России вражде. Троцкий уже пользовался тогда

⁸⁶ См. *Лев Троцкий*. Сталин. Т. 1. С. 157.

⁸⁷ *Протоколы пятого съезда РСДРП*. С. 274.

⁸⁸ *И.В. Сталин*. Соч. Т. 2. С. 51. (Кстати, И. Дойчер считает, что эта характеристика Троцкого принадлежит Ленину, слова которого Сталин просто повторил).

известностью в российском и европейском масштабе, тогда как звезда Кобы тускло светила на узком кавказском горизонте. Но уже с самой первой встречи в лондонской церкви (заседания съезда проходили в здании церкви – Н.К.) Коба не мог не избавиться в своей душе от первых семян неприязни к бывшему председателю Петербургского совета». ⁸⁹

В связи со статьей Сталина о съезде, очевидно, стоит затронуть еще один любопытный момент, послуживший поводом для позднейших обвинений его в антисемитизме. В своих заметках он особо остановился на национальном составе делегатов съезда. Не думаю, что сделано это было случайно. Видимо, данному обстоятельству он придавал отнюдь не второстепенное значение, с чем, как мне представляется, вполне можно согласиться. «Не менее интересен состав съезда с точки зрения национальностей, писал он. Статистика показала, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи (не считая, конечно, бундовцев), далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские, далее идут евреи (не считая, конечно, поляков и латышей), затем грузины и т. д. По этому поводу кто-то из большевиков заметил шутя (кажется, тов. Алексинский), что меньшевики – еврейская фракция, большевики – истинно русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром.

А такой состав фракций не трудно объяснить: очагами большевизма являются главным образом крупнопромышленные районы, районы чисто русские, за исключением Польши, тогда как меньшевистские районы, районы мелкого производства, являются в то же время районами евреев, грузин и т. д.» ⁹⁰

Основываясь на приведенном выше фрагменте из его статьи, некоторые авторы с каким-то неистовством обличают Сталина в том, что он уже тогда был откровенно выраженным антисемитом. Странная логика! Вернее, отсутствие всякой логики! Привести фактические данные о национальном составе делегатов съезда, отметить, что во фракции меньшевиков преобладали евреи, а большевиков – русские значит ни больше, ни меньше, как проявить антисемитизм. Как будто уже сама по себе статистика может носить антисемитский характер. Ведь если бы вместо евреев фигурировала какая-либо другая национальность, то никаких разговоров о чувстве неприязни к этой нации, разумеется, не возникало бы. Такова “беспристрастность” и “строгая объективность” некоторых биографов Сталина. Что же касается шутки, автором которой был Алексинский, то приписывать ее Сталину смешно. И тем более смешно на этой фразе строить какие-то далеко идущие предположения, а тем более выводы едва ли не расистского пошиба.*

Но это все детали. Правда такие, на произвольном истолковании которых порой возводятся целые идеологические концепции. В целом же из приведенных мною фактов вырисовывается вполне определенная картина: Коба не остался в стороне от

⁸⁹ *Issac Deutscher. Stalin.* p. 103.

⁹⁰ *И.В. Сталин.* Соч. Т. 2. С. 50-51.

* В подтверждение этого приведем оценку данного высказывания И. Дойчером, который писал, что едва ли можно обнаружить в словах Кобы проявления антисемитизма, не считая разве что грубого характера самой шутки, коробившей слух большинства социалистов, поскольку “никто более Кобы не был столь резок в осуждении расистской ненависти.” (*Isaac Deutscher. Stalin.* p. 102.)

бурных потрясений первой русской революции. Он был активным и деятельным их участником. Разумеется, в эти годы он не претендовал и не мог претендовать на первые роли, как пыталась изобразить сталинская историография во времена его власти. И если такие попытки надо категорически отвергнуть, точно так же следует поступить и в отношении тех, кто намеренно принижает его участие в первой русской революции. И здесь нельзя не согласиться в определенной мере с Р.Медведевым, который в своей резко критической по отношению к Сталину книге писал:

«Верно, что Сталин не являлся трибуном революции. Он не обладал живостью мысли. Но его неверно называть лишь районным активистом, ибо сферой его деятельности было все Закавказье, и он участвовал в работе Всероссийской партийной конференции в Таммерфорсе в 1905 г., а также IV и V съездов РСДРП – в Стокгольме и Лондоне (в 1906 и 1907 гг.). Одним из главных ораторов на V съезде партии был Л. Троцкий, который писал позднее, что он узнал о присутствии Сталина на первых съездах партии только из биографии последнего, написанной французским автором (Б. Сувариним) и опубликованной в Париже в 1935 г. Это пренебрежительное замечание Троцкого дает скорее повод к нелестной оценке самого Троцкого. В те годы делегатов на партийных съездах было немного (около 150 на IV съезде и около 350 на V съезде). Однако молодой Троцкий уже тогда обладал чрезмерным высокомерием и не желал замечать многих ничем еще не отличавшихся рядовых делегатов, да к тому же еще “с совещательным голосом”

Неверно утверждать также, что революция 1905 г. не “раскрыла” Сталина, что он прошел через нее “как тень”, что “Коба и революция не знали друг друга”. Нет, революция раскрыла многие стороны сталинской натуры, и он принимал участие во многих важных ее событиях, хотя и предпочитал действовать обычно не на переднем плане.»⁹¹

Если формулировать общий вывод предельно лаконично и, возможно, несколько упрощенно, то можно сказать так: не столько молодой Сталин делал тогда революцию, сколько революция делала из него революционера. В такой оценке больше правды, чем в спорах о его реальной роли и т.п.

9. Сталин и первый опыт российского парламентаризма

Из широкого круга проблем, связанных с непосредственной революционной деятельностью Кобы в этот период, мне представляется интересным не только с чисто исторической точки зрения, но и в плане формирования его концептуальных политических воззрений, затронуть отношение Сталина к такому противоречивому и сложному явлению, каким был процесс возникновения и эволюции российского парламентаризма. Разумеется, нельзя утверждать, что подлинное отношение Сталина к парламентаризму, каким оно проявилось в годы его правления, вытекало из его позиции по отношению к первым росткам российского парламентаризма в рассматриваемый период. Оно было куда более сложным и не столь однозначным, как может показаться на первый взгляд. В сущности, тогда вопрос о российском

⁹¹ Рой Медведев. О Сталине и сталинизме. М. 1990. С.19.

парламентаризме для большевиков, и Кобы в том числе, был подчиненным, вернее производным от их общей позиции в революции.

Коротко остановимся на главных вехах, характеризующих общую картину возникновения, становления и упадка российского парламентаризма.

Октябрьская Всероссийская политическая стачка 1905 фактически заставила царя выступить с Манифестом 17 октября 1905, обещавшим, в числе прочего, созыв законодательной Государственной думы, выборы в которую на основании закона от 11 декабря 1905 г. осуществлялись по куриям (землевладельческая, городская, крестьянская, рабочая и др.) Избирательный закон ущемлял элементарные права многих категорий граждан, а сами выборы не были прямыми. Признав за Государственной думой некое подобие законодательной власти, царизм стремился всячески ограничить ее полномочия, для чего высший законосовещательный орган Российской империи – Государственный совет (существовал в 1810–1917 гг.) был преобразован во вторую законодательную палату с правом вето на решения Думы. Согласно законодательству Дума не имела права изменять основные законы. Царь сохранял всю полноту власти по управлению страной через ответственное только перед ним правительство. Фактически дума была безвластна, и само ее рождение лишь с большой натяжкой можно квалифицировать как начало российского парламентаризма.

Для подтверждения такой оценки можно сослаться на мнение крупного американского советолога Р.Пайпса. В своей двухтомной работе о русской революции он пишет: «Октябрьский манифест открывал путь к ослаблению возникшей в отношениях между государством и обществом в России напряженности. Однако цели своей он не достиг. Ведь конституционный строй может успешно существовать лишь при условии, что и правительство, и оппозиция принимают правила игры, в России же к этому не были готовы ни монархия, ни интеллигенция. И та и другая отнеслись к новому порядку как к помехе или отклонению от верного пути, который первая видела в самодержавии, а вторая – в демократической республике. В результате конституционный эксперимент, хотя и имел определенные положительные последствия, в целом провалился – и больше такой возможности России уже не представилось.»⁹²

Какова была позиция большевиков, и Кобы в частности, по отношению к выборам в первую Государственную думу (ее называли еще Виттевской, по имени главы царского правительства в тот период С.Ю.Витте)? Они призывали решительно бойкотировать выборы, которые проводились в феврале – марте 1906 года, т.е. в обстановке поражения революции и усиления репрессивных мер со стороны органов власти. Вот что писал сам Коба в марте того же года: «...наша задача—со всей решимостью расстроить планы реакции, смести Государственную думу и тем самым расчистить путь народной революции.

Но что такое Дума, из кого она состоит?

Дума – это убудочный парламент. Она только на словах будет обладать решающим голосом, на деле же у неё будет лишь совещательный голос, ибо в качестве цензоров над нею будут стоять верхняя палата и вооружённое до зубов правительство.

⁹² Ричард Пайпс. Русская революция. Часть первая. М. 1994. С. 172-173.

В манифесте прямо говорится, что ни одно постановление Думы не может быть проведено в жизнь, если его не одобрят верхняя палата и царь.

Дума не является народным парламентом, это парламент врагов народа, ибо выборы в Думу не будут ни всеобщими, ни равными, ни прямыми, ни тайными. Ничтожные избирательные права, предоставляемые рабочим, существуют только на бумаге.»⁹³

Позиция вполне определенная, бескомпромиссная и максималистская. Коба, как и подавляющее большинство большевиков, допустили серьезные просчеты в отношении линии на бойкот Думы. Эти ошибки касались как стратегической, так и тактической линии, и вытекали из коренного порока их позиции в целом – они полагали, что революция находится на подъеме, а она на самом деле катилась к своему поражению. Неверная оценка общей ситуации и предопределила то, что позиция большевиков не нашла сколько-нибудь массовой поддержки среди населения, прежде всего в самом рабочем классе, к которому они апеллировали.

Это было, можно сказать, первое знакомство Сталина с опытом парламентаризма. Не делая каких-либо далеко идущих заключений, тем не менее очевидно, что такому фактору как парламентская деятельность, борьба за голоса избирателей он придавал в тот период более чем второстепенное значение. Разумеется, это вытекало из более общей позиции большевиков, ориентировавшихся на радикальный революционный путь изменения общественного уклада. Но совершенно ясно и другое: пиетета к парламентским формам борьбы он не питал.

В какой-то степени это имело под собой и вполне объективные основания. Царский режим сам не хотел мириться с существованием даже самых убудочных форм народовластия, что и наглядно подтвердила участь первой думы: 9 июля 1906 г. был издан царский указ о роспуске Думы. Таким образом, говорить о том, что этот первый опыт российского парламентаризма внес сколько-нибудь существенный вклад в общественное развитие страны и переход ее на рельсы даже урезанного демократизма, отнюдь не приходится. В политической психологии Сталина этот эпизод оставил скорее негативный след.

Не намного более удачливой в смысле ее политической судьбы оказалась и участь второй Государственной думы, функционировавшей немногим более трех месяцев – 20 февраля – 2 июня 1907 года. Большевики сделали соответствующие выводы из уроков своих ошибок и уже не участвовали в бойкоте выборов во вторую Государственную думу, состоявшиеся в начале 1907 года. Реальность жизни порой преподносит удивительные политические результаты: хотя выборы во вторую Государственную думу происходили на волне спада революционного подъема, ее состав оказался гораздо более левым по своей ориентации. Заметим, что именно состав второй Государственной думы фактически предопределил ее судьбу: как образно выразился один из тогдашних политиков, для правительства было трудно разогнать первую Думу, для него трудно было и не разогнать вторую Думу. Достаточно сказать, что только от социал-демократов в Думу было избрано 65 депутатов (из общего числа 518 депутатов), трудовиков – 104, эсеров – 37.⁹⁴ Большевики (их было 18) вместе с

⁹³ И.В. Сталин. Соч. Т. 1. С. 207.

⁹⁴ БСЭ. 3-е изд. Т. 7. С. 153.

меньшевиками были в единой фракции социал-демократов, да и партия тоже в тот период формально была единой. И неудивительно, что перманентная борьба этих двух непримиримых течений российской социал-демократии была перенесена и в парламентскую фракцию. Большевики отстаивали тактику создания "левого блока" с трудовиками и максимального использования Думы в интересах развертывания революционной пропаганды. Большевики же стояли за сотрудничество с конституционными демократами (кадетами). Разногласия внутри фракции фактически парализовали ее эффективную парламентскую деятельность. Вопрос о линии поведения фракции обсуждался на V съезде РСДРП, который принял резолюцию, в какой-то степени учитывавшую точку зрения большевиков (численный перевес большевиков на съезде был незначительным). В ней, в частности, говорилось: «Непосредственно политическими задачами социал-демократии в Думе является а) выяснение народу полной непригодности Думы, как средства осуществить требование пролетариата и революционной мелкой буржуазии, в особенности крестьянства, б) выяснение народу невозможности осуществить политическую свободу парламентским путем, пока реальная власть остается в руках царского правительства, и выяснение неизбежности открытой борьбы народных масс с вооруженной силой абсолютизма, борьбы, имеющей своей целью обеспечение полноты победы – переход власти в руки в руки народных представителей и созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования»⁹⁵

Однако о практической реализации этой стратегической задачи речь не шла, поскольку дни самой второй Думы уже были сочтены. Правительство приняло решение разогнать ее. Поводом для такого шага послужило сфабрикованное в недрах охраны дело по обвинению фракции социал-демократов в организации военного заговора. В ночь на 3 июня 1907г. депутаты от социал-демократической партии были арестованы, а затем преданы суду (те из них, кто не успел скрыться в подполье или уехать за границу, по прошествии нескольких месяцев были приговорены к каторжным работам или ссылке). Одновременно с роспуском Думы был обнародован и новый избирательный закон. В соответствии с ним избирательные права, прежде всего трудящихся классов, значительно урезывались и создавались необходимые условия для избрания такого состава новой Думы, который бы обеспечивал абсолютное большинство для представителей правящего режима. События, связанные с роспуском Думы, вошли в российскую историю как третьеиюньский государственный переворот.

Нельзя сказать, что для большевиков этот переворот оказался неожиданным, подобно грому среди ясного неба. Ведь по прошлому опыту они знали, что правительство не желало идти на уступки даже в не самых важных вопросах, стремясь не только сохранить, но и укрепить самовластие режима. Поскольку оно считало, причем небезосновательно, что уже сами уступки приведут не к стабилизации ситуации в стране и снижению уровня общественного противостояния, а, наоборот, лишь ухудшат положение, подтолкнут к усилению уже затухавшей революционной волны. Правильно оценивая цели и стратегию правительственного лагеря, Ленин и большевики в целом допускали серьезный политический просчет, фактически не

⁹⁵ Протоколы пятого съезда РСДРП. С. 618.

признавая тот очевидный факт, что революция потерпела поражение. переворот третьего июня стал как бы хронологической точкой отсчета принципиально нового этапа в развитии ситуации в стране. Поражение первой русской революции было как бы зафиксировано в актах, принятых в ходе третьиюньского переворота и вслед за ним. Над умонастроениями же большевиков довлела уже исчерпавшая себя к тому времени инерция революционного подъема.

Само собой разумеется, что такое умонастроение было присуще и Кобе. На разгон Думы он откликнулся резко и энергично с присущей ему категоричностью. В газете «Бакинский пролетарий» была помещена его статья, в которой анализировались причины и возможные последствия шага правительства. Конечно, он не жалел ругательных слов в адрес властей, клеймил позором позицию либеральных кругов и т. д. Но мне хочется акцентировать внимание не на этих моментах, вполне естественных для позиции Кобы. Обращает на себя внимание другое обстоятельство: Коба вновь возвращается к мысли о бесплодности деятельности Думы как таковой, считает нужным развеять всяческие иллюзии в отношении перспектив так называемого парламентского пути развития революции. Вот квинтэссенция его рассуждений: «Подумайте только. Была первая Дума. Была и вторая. Но ни та, ни другая не «разрешила» — да и не могла «разрешить» — ни одного из вопросов революции. По-старому остаются: крестьяне без земли, рабочие без восьмичасового рабочего дня, все граждане без политической свободы. Почему? Да потому, что царская власть ещё не умерла, она ещё продолжает существовать, разгоняя за первой Думой вторую, организует контрреволюцию и старается расстроить силы революции, оторвать от пролетариев многомиллионное крестьянство. Между тем, подземные силы революции — кризис в городах и голод в деревнях — продолжают вести свою работу, всё сильнее взбудораживая широкие массы рабочих и крестьян, всё настойчивее требуя разрешения коренных вопросов нашей революции... Ясно, что без свержения царской власти и созыва Всенародного Учредительного Собрания невозможно удовлетворить широкие массы рабочих и крестьян...

Свержение царской власти и созыв Всенародного Учредительного Собрания — вот куда ведёт нас разгон второй Думы.»⁹⁶

Однако такой оптимистический прогноз базировался скорее на благих пожеланиях, нежели объективном учете сложившейся к тому времени ситуации. Справедливости ради следует сказать, что такие революционные иллюзии, продиктованные ошибочной оценкой общей ситуации в стране, своеобразной аберрацией политического зрения, были свойственны не только Кобе с его максимализмом, но и в целом большевизму как идейно-политическому течению в российском революционном движении. Как говорится, он ошибался вместе с партией.

Среди биографов Сталина существуют различные мнения и о его позиции в отношении выборов в третью Государственную думу. Ленин к тому времени на основе анализа новой обстановки в стране пришел к выводу, что прежняя тактика бойкота выборов в Думу была ошибочной. Такой пересмотр позиции встретил, однако, сопротивление со стороны многих большевиков, оказавшихся неспособными гибко реагировать на изменения, которые переживала страна, а вместе с нею и все силы,

⁹⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 44 - 45.

принимавшие участие в революции. Некоторые наиболее радикально настроенные представители большевизма даже подвергали резкой критике самого Ленина "за его меньшевизм". Сторонники бойкота выборов в новую Думу никак не могли уловить все нюансы изменившейся ситуации, прежде всего того факта, что революция потерпела поражение.

Будучи уже знакомым с радикализмом Кобы, с его непримиримостью ко всякого рода половинчатым решениям, можно было бы предположить, что и он выступал сторонником бойкота выборов, т.е. оказался в стане тех, кто расходился с Лениным, критиковал его за примиренчество. Троцкий пишет без всяких обиняков: «...Коба был в числе бойкотистов. Помимо прямых свидетельств на этот счет, правда, исходящих от меньшевиков, имеется одно косвенное, но наиболее убедительное: ни один из нынешних официальных историков не упоминает ни одним словом о позиции Сталина по отношению к выборам в III Государственную Думу... Можно не сомневаться, что и Коба в тесном кругу не скупился на крепкие грузинские и русские слова (имеется в виду критика в адрес Ленина – Н.К.)»⁹⁷

Прямо оспорить данное утверждение невозможно из-за отсутствия соответствующих документов. Однако имеется одно косвенное доказательство того, что Коба не принадлежал к числу сторонников бойкота и, таким образом, упрек Троцкого в его адрес не имеет под собой достаточных оснований. Этим косвенным доказательством служит написанный им наказ социал-демократическим депутатам III Думы, принятый на собрании уполномоченных от рабочей курии г. Баку в сентябре 1907 года. Этот наказ выдержан полностью в духе сталинского радикализма и в этом смысле не вызывает сомнений его авторство. В нем, в частности, вновь подтверждалась непримиримая позиция в отношении мирной возможности радикальных преобразований общественного строя в России, столь характерная для Кобы тогда и для Сталина в дальнейшем: социал-демократическая фракция «должна сказать народу во всеулышание, что в России нет возможности мирным путём добиться освобождения народа, что единственный путь к свободе — это путь всенародной борьбы против царской власти... Участвуя в повседневной законодательной и прочей деятельности в Государственной думе, социал-демократическая фракция должна преследовать свои постоянные критические и агитационные задачи, а не цели непосредственного законодательства, выясняя народу всю непрочность и безрезультатность последнего, пока реальная власть находится всецело в руках самодержавного правительства.»⁹⁸

Такова в самых общих чертах картина формирования первоначальных представлений сравнительно молодого тогда Сталина по вопросам парламентаризма в России. Эти представления, конечно, сложились под решающим влиянием общей ленинской концепции, рассматривавшей парламентские методы деятельности партии как побочные, целиком и полностью подчиненные задачам революционной работы среди масс. Кроме того, эти представления по большей части носили прагматический характер, продиктованный потребностями практической революционной деятельности в тот период. Еще, конечно, рано говорить о некоей целостной и вполне сложившейся у Сталина политической концепции отношения к парламентаризму.

⁹⁷ Лев Троцкий. Сталин. Т. I. С. 137.

⁹⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 79-80.

Но уже достаточно явственно в его представлениях проглядывают отдельные, причем фундаментальные черты и особенности такой концепции. Везде видны акцент на радикальные революционные методы, предостережения в адрес тех, кто склонен питать иллюзии в отношении возможностей парламентаризма в условиях тогдашней России, да и вообще в условиях буржуазного строя. Оставалось сделать небольшой шаг, чтобы полностью встать на почву решительного осуждения так называемого парламентского кретинизма.

* * *

В качестве своеобразного эпилога рассматриваемых сюжетов хочется затронуть вопрос о том, какое воздействие на молодого тогда Сталина произвела заграница, какой след она оставила в формировании прежде всего его политического сознания. Что пребывание за границей действительно не могло пройти для него бесследно, в этом сомнений нет. Но, мне думается, что фактор, назовем его условно, “иностранный влияния” сыграл в его жизни более чем скромную роль. Косвенным подтверждением такого вывода может служить то, что в своих выступлениях и статьях Сталин чрезвычайно редко ссыался на впечатления, полученные им во время пребывания за границей. И дело, видимо, было не только в том, что само такое пребывание носило кратковременный характер и не запечатлелось как яркое и незабываемое. В основном во время таких поездок он был занят работой на съездах и различных совещаниях, беседами и обменом мнениями по актуальным проблемам деятельности большевиков со своими товарищами. Но тем не менее какие-то впечатления у него обязательно должны были остаться и запечатлеться в памяти. И здесь напрашивается достаточно однозначный вывод: строго говоря, впечатления, полученные им во время заграничных поездок, несли на себе больше негативный, чем позитивный оттенок.

Но главное, как мне кажется, состояло в другом. Сталин питал внутреннюю антипатию к тем партийным работникам, основное поле деятельности которых развертывалось за пределами России. Это сквозит и в его собственных высказываниях, сделанных им в беседе с немецким писателем Э.Людвигом. Я позволю себе привести довольно обширную выдержку из этой беседы, поскольку она лучше, чем все авторские рассуждения ответит на рассматриваемый вопрос.

Итак:

«**Людвиг.** Ленин провёл долгие годы за границей, в эмиграции. Вам пришлось быть за границей очень недолго. Считаете ли Вы это Вашим недостатком, считаете ли Вы, что больше пользы для революции приносили те, которые, находясь в заграничной эмиграции, имели возможность вплотную изучать Европу, но зато отрывались от непосредственного контакта с народом, или те из революционеров, которые работали здесь, знали настроение народа, но зато мало знали Европу?»

Сталин. Ленина из этого сравнения надо исключить. Очень немногие из тех, которые оставались в России, были так тесно связаны с русской действительностью, с рабочим движением внутри страны, как Ленин, хотя он и находился долго за границей. Всегда, когда я к нему приезжал за границу — в 1906, 1907, 1912, 1913 годах, я видел у него груды писем от практиков из России, и всегда Ленин знал больше, чем те, которые оставались в России. Он всегда считал своё пребывание за границей бременем для себя.

Тех товарищей, которые оставались в России, которые не уезжали за границу, конечно, гораздо больше в нашей партии и её руководстве, чем бывших эмигрантов, и они, конечно, имели возможность принести больше пользы для революции, чем находившиеся за границей эмигранты...

Что касается знакомства с Европой, изучения Европы, то, конечно, те, которые хотели изучать Европу, имели больше возможностей сделать это, находясь в Европе. И в этом смысле те из нас, которые не жили долго за границей, кое-что потеряли. Но пребывание за границей вовсе не имеет решающего значения для изучения европейской экономики, техники, кадров рабочего движения, литературы всякого рода, беллетристической или научной. При прочих равных условиях, конечно, легче изучить Европу, побывав там. Но тот минус, который получается у людей, не живших в Европе, не имеет большого значения. Наоборот, я знаю многих товарищей, которые прожили по 20 лет за границей, жили где-нибудь в Шарлоттенбурге или в Латинском квартале, сидели в кафе годами, пили пиво и всё же не сумели изучить Европу и не поняли её.»⁹⁹

Думается, что ответ, данный Сталиным, с исчерпывающей полнотой отвечает на вопрос о том, какое воздействие на него имело пребывание за границей. Во всяком случае ясно одно: из всей совокупности факторов, под влиянием которых он формировался как политический деятель, данный фактор – пребывание за границей – занимает более чем скромное место. Минимальное значение этого фактора во всей системе сталинского мироощущения и мировосприятия, несомненно, сыграло исключительно важную роль в том курсе, который он проводил, будучи руководителем партии и государства. Над ним никогда не тяготел груз поверхностных познаний заграничной жизни, и если он в частном порядке иногда вспоминал некоторые эпизоды из времен своего пребывания за границей, то в основном эти воспоминания носили оттенок иронии, смешанной с сарказмом.

Есть основания утверждать, что отсутствие свойственного многим, в первую очередь выходцам из интеллигенции, чувства преклонения перед Западом явилось серьезной нравственной и идейной составляющей при выработке им в период его руководства государством соответствующего курса во внутренней и внешней политике. В каком-то смысле его пребывание за границей, пусть и кратковременное,

⁹⁹ *И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 120-121.*

В той же беседе с Э. Людвигом Сталин в ответ на один из вопросов счел возможным в ироническом духе прокомментировать свои впечатления о пресловутой немецкой законопослушности. «Когда-то в Германии действительно очень уважали законы. В 1907 году, когда мне пришлось прожить в Берлине 2–3 месяца, мы, русские большевики, нередко смеялись над некоторыми немецкими друзьями по поводу этого уважения к законам. Ходил, например, анекдот о том, что когда берлинский социал-демократический форштанд назначил на определённый день и час какую-то манифестацию, на которую должны были прибыть члены организации со всех пригородов, то группа в 200 человек из одного пригорода, хотя и прибыла своевременно в назначенный час в город, но на демонстрацию не попала, так как в течение двух часов стояла на перроне вокзала и не решалась его покинуть: отсутствовал контролёр, отбирающий билеты при выходе, и некому было сдать билеты. Рассказывали шутя, что понадобился русский товарищ, который указал немцам простой выход из положения: выйти с перрона, не сдав билетов...» (*И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 122.*)

эпизодическое, уберегло его от серьезного для государственного деятеля заболевания, симптомы которого выражаются в недооценке своей собственной страны и переоценке всего заграничного. История России знает немало печальных примеров того, как преклонение перед заграницей с какой-то загадочной закономерностью превращалось в пресмыкательство перед ней. Достаточно обратиться к реалиям сегодняшней жизни, чтобы увидеть и понять, насколько губительной для страны и ее национального духа является культивирование средствами массовой информации так называемых западных ценностей и эталонов жизни. В своем логическом развитии оно неизбежно вырождается в унижительное пресмыкательство перед так называемыми цивилизованными странами. Как будто уровень экономического благосостояния населения и есть главный и единственный критерий цивилизованности!

Как говорят, все познается в сравнении. Оглядываясь в прошлое и сопоставляя его с настоящим, невольно приходишь к выводу, что одним из чрезвычайно ценных качеств Сталина как государственного деятеля и политика было то, что он начисто был лишен чувства преклонения перед “цивилизованным Западом”. Кое-кто склонен был усматривать в этом чуть ли не проявление национальной ограниченности и узколобого национализма российского пошиба. Согласиться с этим ни в коем случае нельзя. Как нельзя всерьез полагать, что любой деятель крупного политического масштаба может стать таковым, если будет недооценивать роль и место своей страны среди других стран. Не говоря уже о том, чтобы принижать их значение, пресмыкаясь перед заграницей. Исторические масштабы крупной личности так или иначе, но непременно связаны с масштабами и исторической ролью страны, которую он представляет.

ПОРА ИСПЫТАНИЙ И НАДЕЖД (1907 – 1911 ГГ.)

1. Послереволюционная ситуация и расстановка политических сил в стране

Десятилетие, которое отделяет поражение первой русской революции от нового, поистине грандиозного по своим масштабам, размаху и последствиям революционного взрыва в 1917 году, занимает примечательное место в истории нашей страны. Естественно, оно составляет и чрезвычайно важную полосу в политической биографии Сталина. Но прежде чем перейти к непосредственному обзору его жизни и деятельности в этот период, следует, очевидно, хотя бы в самых общих чертах остановиться на некоторых важнейших вехах, запечатлевших в себе облик этого десятилетия. Это важно для понимания обстановки, в которой ему приходилось действовать, и для объективной оценки мотивов, лежавших в основе его поведения на политической сцене. Было бы наивным ожидать от Кобы, что он подвергнет сколько-нибудь радикальной переоценке свои взгляды на перспективы русской революции. Поражение первой русской революции явилось результатом действия и взаимодействия многих как объективных, так и субъективных причин. Я полагаю, что рассмотрение всех этих вопросов выходит далеко за рамки темы, рассматриваемой мною. Хотя несомненно, что неудача, постигшая большевиков, равно как и все революционно настроенные слои российского общества, не могла не отразиться на всей совокупности его политических взглядов, его политической философии в целом. Однако характер и содержание этого воздействия имели прямо противоположную направленность, нежели та, которую выразил виднейший представитель российского демократического лагеря Г.В. Плеханов своими ставшими крылатыми словами: "Не надо было братья за оружие!". Большевики, и Сталин в их числе, восприняли поражение первой русской революции не как финал борьбы, а как промежуточный ее этап. Этап, давший многое в смысле политического и классового воспитания трудящихся, да и других слоев тогдашнего общества. Для любого здравомыслящего наблюдателя было очевидно, что страна стала во многих отношениях иной, нежели она была до первой русской революции. Необходимо было извлечь соответствующие уроки из поражения, определить новые ориентиры дальнейшей политической борьбы.

Царский режим подвергся в годы первой русской революции самым тяжелым испытаниям. Прежний ореол незыблемой устойчивости власти самодержавия сильно потускнел. В самом узком правящем слое не то что царили паника и растерянность, но явственно проявлялись признаки определенной растерянности и нараставшей тревоги. Позиции наиболее реакционной части общества – крупных помещиков – были серьезно подорваны. Сохранявшиеся в стране остатки крепостничества выглядели не только как экономический и политический анахронизм, но и как безрассудный вызов самому времени, ходу истории: ведь на дворе уже стоял двадцатый век! В общественном мнении намечались серьезные сдвиги. Значительные слои господствующих классов, и в первую голову крепнувшая буржуазия, требовали

проведения серьезных структурных реформ, без которых они не мыслили движение страны по пути экономического и политического развития. Речь шла, в сущности, об установлении в России конституционного строя буржуазной монархии. Наиболее мощными были требования радикальных преобразований, выдвигавшиеся представителями трудящихся классов, – прежде всего рабочего класса. Сам факт ошеломительного размаха революционных выступлений 1905–1907 годов наглядно продемонстрировал, что перемены назрели, и что если их не будут проводить сверху, указами самого правительства, то общенациональный кризис будет углубляться, принимая все более острые формы, противодействовать которым с каждым днем становилось бы все труднее. И хотя первая русская революция закончилась поражением, страна тем не менее была беременна новой революцией. Понимали это не только представители революционных сил, но и здраво мыслящие представители оппортунистических слоев.

И надо сказать, что из сложившейся в стране расстановки социально-классовых сил правящие круги сделали надлежащие выводы. Как и в любой другой стране, в России прибегли к универсальному способу – использованию метода кнута и пряника. С одной стороны, были не просто ужесточены репрессивные меры по подавлению революционных выступлений и вообще всякого недовольства. Они приняли жестокий характер и были особенно разительными в сопоставлении с немалыми демократическими завоеваниями, вырванными из рук царизма в годы подъема первой русской революции. Самые суровые меры властей против попыток ниспровержения или ослабления строя, дополненные целым рядом законодательных актов откровенно репрессивного характера (введение военно-полевых судов и т.д.), показали решимость режима не допустить подрыва своих основ. Тысячи рабочих и крестьян были замучены, расстреляны, повешены. Беспощадно действовали карательные отряды. Царскими указами с 1907 по 1909 год, по неполным сведениям, было осуждено по политическим делам более 26 тысяч человек, в том числе к смертной казни приговорено 5086. В 1909 году в тюрьмах томилось 170 тысяч человек.¹ Наряду с открытыми репрессиями широко практиковались и иные меры – экономического (снижение тарифов, увеличение штрафов, удлинение рабочего дня до 10–12 часов, массовые увольнения), административного (ужесточение всяческих правил и норм проведения общественных мероприятий и т.д.), юридического и иного плана. Надо отметить также и фронтальное наступление на неокрепшие, фактически только создававшиеся в России профсоюзные организации, способные сыграть роль коллективных защитников интересов трудящихся. Число членов профсоюзов сократилось с 245 тысяч в начале 1907 года до 13 тысяч к концу 1909 года. За 1906 – 1910 гг. власти закрыли 497 профсоюзов и отказали в регистрации 604 профсоюзам.² Те демократические завоевания во многих областях общественной жизни, которые были достигнуты в период подъема революции, были ликвидированы царским правительством. Репрессии стали главным инструментом политики режима. Это и был классический метод кнута.

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. М. 1966. Т. 2. С. 239.

² История Коммунистической партии Советского Союза. М. 1960. С. 22.

В качестве пряника использовалась целая серия далеко идущих мер, целью которых было укрепление экономических, политических, административных, судебных и иных устоев государственной власти. Не только представители буржуазных кругов, но и многие последовательные сторонники монархии отдавали себе отчет в том, что реформы неизбежны и даже неотвратимы. Что в интересах самой монархии, в интересах землевладельцев, промышленников и торговцев, провести назревшие и уже перезревшие реформы сверху, чем пустить дело на самотек и столкнуться с риском осуществления радикальных общественных преобразований снизу. Иными словами, хотя и революция потерпела поражение, но острота всех нерешенных проблем, поднятых ею, с неотвратимой закономерностью ставила в порядок дня вопрос об осуществлении мер, способных разрядить социально-политическую обстановку, хоть как-то утихомирить страну. Ясно, что рассчитывать на одни репрессии было просто политическим безумием, хотя некоторые защитники режима всерьез уповали на эффективность именно таких методов.

Российская буржуазия, не обладавшая политическим весом, адекватным ее экономической власти, не говоря уже об отсутствии солидного политического опыта и демократических традиций, в качестве своей главной стратегической линии избрала союз с монархией, опору на царизм. Взамен она требовала проведения реформ, способных спустить пары революционного кипения. Ее пугала сама возможность повторения событий 1905 года, перспектива того, что наступление новой революции поставит под вопрос и ее собственные позиции. Иными словами, общность коренных классовых интересов помещиков и буржуазии, а также примыкавших к ним некоторых других слоев состоятельного населения, в конечном счете, и предопределили проведение достаточно широкой в условиях России программы реформ. Их справедливо связывают с именем А.П.Столыпина.

Надо отметить, что еще накануне первой русской революции наиболее дальновидные и широко мыслящие представители российских правящих кругов, в лице прежде всего С.Витте, предлагали комплекс мер различного направления, нацеленных на стабилизацию внутривнутриполитического положения в стране, нейтрализацию революционных выступлений и создание более благоприятных условий для развития российской экономики. (В скобках можно заметить, что в каком-то отдаленном приближении эти меры созвучны с современными проектами так называемой интеграции "демократической России" в сообщество высокоразвитых западных государств.) Так вот, с приходом А.Столыпина к власти – он был назначен главой кабинета – комплекс довольно масштабных реформ, далеко выходящих за рамки того, что предлагали Витте и другие, был представлен стране. Надо отметить, что в своей основе эти предложения пользовались поддержкой царя, который, хотя порой и выражал свое недовольство, но в сущности отдавал себе отчет в том, что меры, предлагавшиеся Столыпиным, объективно необходимы и без них для России обозначался прямой путь в тупик.

Не вдаваясь в подробности (это – самостоятельная и достаточно хорошо разработанная тема), перечислю лишь кардинальные направления столыпинской политики. Ключевым звеном в экономической сфере, в сфере земельных, а значит и социальных отношений в деревне, была аграрная реформа. Ее цель состояла в ликвидации сохранившихся в деревне пережитков крепостничества путем разрушения общины и насаждения частной крестьянской земельной собственности. Помимо чисто экономических мотивов, правительством двигало стремление создать на селе достаточно

многочисленный слой крупных собственников (кулаков), которые стали бы надежной опорой власти в деревне. Пожалуй, в политическом аспекте это и представляло главную цель реформы. Последовавшее затем расслоение крестьян и выделение из их наделов хуторов и отрубов, формирование крепких кулацких хозяйств подтвердили дальновидность стратегических и политических расчетов Столыпина. Таким способом укреплялась социально-классовая база режима. Вместе с тем нельзя не отметить и того обстоятельства, что наряду с укреплением социальной опоры режима в деревне аграрная реформа имела своим следствием и другое – обострение классовых отношений на селе, рост антипомещичьих выступлений, всякого рода “землеустроительных бунтов”, сопровождавших проведение столыпинской реформы.

Другим важным компонентом аграрной реформы стало переселение крестьян на казенные земли в малообжитых азиатских районах страны. Наряду с сугубо экономическими целями эта мера преследовала и явно политические – разрядить обстановку в центральной России, переселив прежде всего тех, кто был недоволен своим положением. Динамика социальной напряженности таким способом существенно снижалась.

При всей стратегически продуманной с точки зрения защиты коренных интересов правящих классов концепции реформ они в конечном счете не дали тех результатов, на которые рассчитывали ее инициаторы. Реформы не были последовательными и радикальными, они в значительной степени сохраняли всевластие помещиков. По мере их осуществления все больше всплывали на поверхность ее негативные последствия, обострявшие общую обстановку в Российской империи. Круги либеральной оппозиции постепенно утрачивали веру в способность правительства добиться успешной реализации поставленных целей. Они были недовольны тем, что вместо обещанных политических свобод в стране все больше набирал силу административный произвол и репрессии. С другой стороны, росло и недовольство правых сил, под прямым воздействием которых Столыпин был вынужден пойти на постепенное свертывание своих реформ.

Выражаясь стилем современной лексики, конфликт между властью и обществом не только не получил своего разрешения, что открывало бы перспективу более динамичного развития страны, но и приобрел новые, достаточно острые формы. В качестве иллюстрации характера этого извечного для российской действительности конфликта можно привести слова видного деятеля буржуазной оппозиции, одного из лидеров и идеологов партии кадетов В.А.Маклакова: «Настроение общества определялось нашей историей; оно было расплатой за успехи и заслуги нашей исторической власти. Со времени Петра власть была много выше общества и народа и вела их к их же благу насилием. Успехи власти, за которые ей должна была быть благодарна Россия, народу были непонятны и чужды. И в отношении его к исторической власти существовали долго только две крайности: раболепное послушание или тайное сопротивление. Понятие согласия и сотрудничества с властью было обществу незнакомо. История вырабатывала два крайних типа общественных деятелей – “прислужников” и “бунтовщиков”. Независимых, самостоятельных, но лояльных по отношению к власти людей жизнь не воспитывала»³.

³ Цит. по В.В.Леонтович. История либерализма в России. 1762 – 1914. М. 1995. С. 534.

Можно соглашаться или не соглашаться с такой оценкой природы извечного противостояния власти и общества в России, но трудно оспорить сам факт существования такого конфликта. Либеральные круги российского общества стремились найти цивилизованное (выражаясь современной политической терминологией) решение проблемы. Однако как само поле такого решения, так и его методы, лежали в плоскости поисков согласия и сотрудничества с властью. Либеральное крыло российской общественности в сущности не выступало в качестве противника существующего строя и власти. Эту позицию образно сформулировал лидер той же кадетской партии, один из самых ярких ее деятелей на протяжении многих лет П.Н.Милюков. Выступая 19 июня 1909 г. на завтраке у лорд-мэра Лондона, он заявил: «Пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией его величества, а не его величеству»⁴.

Реальную оппозицию правительству составляли лишь партии левого направления, прежде всего социал-демократы. Разумеется, не только и не столько в самой Думе, но и в общественной жизни страны в целом. Несмотря на слабость позиции левых сил в Думе, они все-таки создавали определенные трудности для режима, выступая с резкой критикой правительственных предложений по широкому спектру проблем, обсуждавшимся в ней. В одном из выступлений в Думе глава кабинета министров А.Столыпин, обращаясь к противникам режима, в первую голову социал-демократам, произнес знаменитые слова, вызвавшие большой резонанс в тогдашнем российском обществе: «Противники государственности хотят освободиться от исторического прошлого России. Нам предлагают среди других сильных и крепких народов превратить Россию в развалины — чтобы на этих развалинах строить неведомое нам отечество... Им нужны — великие потрясения, нам нужна — великая Россия!»⁵

Эта фраза прочно вошла в политический лексикон и широко использовалась в полемике против левых сил. Кстати сказать, ее частенько вспоминают и сегодня, используя в качестве некоего неотразимого аргумента в идейной борьбе против современных коммунистов. Однако суть противоборства тогда не сводилась к тому, что одни ставили своей целью разрушить Россию, а другие — возвеличить ее. Такая постановка вопроса представляет собой фактическую подтасовку исторической реальности того времени. Революционеры никогда не ставили перед собой задачу уничтожения российской государственности. Речь шла о другом — о свержении царизма, что по убеждению практически всех действительно оппозиционных партий, да и многих либералов, открывало путь для более эффективного развития страны. Красивая и емкая фраза Столыпина сознательно была рассчитана на подмену понятий с тем, чтобы дискредитировать революционное крыло российской общественности, подорвать к ней доверие широких масс населения.

Апеллируя к патриотизму и выступая под флагом последовательной борьбы за укрепление российского государства и его институтов власти, глава правительства рассчитывал расширить базу массовой поддержки своей политики, снизить накал

⁴ Цит. по **Власть и оппозиция**. Российский политический процесс XX столетия. М. 1995. С.62.

⁵ Цит. по **Александр Солженицын**. Красное колесо. М. 1993. Т. 2. С. 198-199.

социальной напряженности в обществе и таким путем укрепить режим. Нельзя сказать, что эти усилия были совершенно бесплодны. Они, конечно, принесли свои результаты, но таковые были слишком скромными, учитывая масштабы и остроту стоявших перед Россией проблем.

В кругах революционеров Столыпин снискал себе славу крайнего реакционера, душителя и вешателя. С его именем с полным на то основанием ассоциировалась вся репрессивная политика царизма, появились даже такие выражения, как “стольпинский галстук” (веревка для повешения), “стольпинский вагон” (арестантский вагон) и т.п. Ретроспективный взгляд на исторический отрезок времени, о котором идет речь, не дает серьезных оснований для переоценки репрессивного характера политики, проводившейся Столыпиным. Он был и остался до мозга костей противником революции и революционных преобразований в стране. Но эта, в целом соответствующая реальности, его историческая оценка не должна ставить под вопрос другие важные качества его как государственного деятеля. Я имею в виду его любовь к России, преданность стране, безусловный патриотизм. Впрочем, в истории многих стран часто встречаются государственные и политические деятели, которым невозможно дать однозначную – черно-белую оценку. Это приложимо и к личности Столыпина.

Своеобразный флер подвижничества и жертвенности принесла имени Столыпина и сама его трагическая смерть – в 1911 году он был смертельно ранен эсером Д.Богровым (настоящее имя – Мордехай Гершков). К убийству Столыпина была причастна и охранка, преследовавшая свои политические цели. Гибель Столыпина – инициатора и проводника наиболее крупных преобразований в Российской империи в начале XX столетия – символизировала собой в какой-то мере и крах этих реформ, их половинчатость, неадекватность общественным потребностям страны в тот период.

Повторяясь, можно сказать, что Россия была беременна революцией, а реформы режима ставили своей целью совершить своеобразный исторический аборт, чтобы избавить ее от этого нежелательного плода. Наиболее дальновидные, обладавшие чувством реальности и предвидения, представители правящих классов, не могли не понимать, что поражение первой русской революции отнюдь не снимало с повестки дня коренные вопросы, без решения которых страна не могла успешно двигаться вперед. Узел противоречий, в тисках которых находилась Российская империя, оказалось не под силу разрешить комплексом половинчатых реформ, инициированных Столыпиным. Фигурально выражаясь, этот узел противоречий нельзя уподобить “гордиеву узлу” который мог бы быть разрублен мечом репрессий или мечом половинчатых реформ. И хотя эти реформы дополнялись мерами чисто репрессивного характера, однако и это столь излюбленное сочетание методов кнута и пряника не могло принести в тогдашних российских условиях желаемого успеха. Стабильность государства и устойчивость режима не были гарантированы. Причины, приведшие к первой русской революции, остались, и именно это предопределяло важнейшие тенденции развития страны в ближайшей исторической перспективе.

Для того, чтобы хотя бы в самой общей форме представить развитие послереволюционной ситуации в России в тот период, обстановку, в которой развертывалась деятельность Сталина, думается, целесообразно вкратце остановиться на вопросе о расстановке политических сил на российской арене. Речь идет об основных

политических партиях, в той или иной форме противостоявших большевикам. Сталину так или иначе приходилось соприкасаться в своей деятельности с представителями различных политических сил, действовавших в стране. Излишне подчеркивать, что выработка принципиальной стратегической и тактической линии по отношению к этим силам составляла важнейшую предпосылку успешного осуществления того курса, который проводили большевики.

Но прежде хотелось бы сделать одно существенное замечание. Система политических партий, в своем сперва зародышевом виде, стала возникать в России лишь в третьей части XIX века. Вообще до отмены крепостного права само понятие политические партии было для российского общества чем-то не только чуждым и малопонятным, но и малознакомым. Опыт западноевропейских стран в сущности не оказывал серьезного влияния на общественность страны в этом плане, хотя, конечно, наиболее передовые слои общества были с ним знакомы и проявляли к нему определенный интерес. Причины коренились в самой российской действительности, в социально-классовой структуре общества, в исторических традициях и т.д. Капитализм, с наступлением которого принято связывать возникновение и расцвет системы политических партий, в России только делал первые шаги и о наступлении его господства в масштабах всей страны говорить не приходилось. Это была одна из главных, если не главная причина того, что политическая система России носила в известном смысле архаический характер. Другой причиной, как мне представляется, был тот факт, что режим царского самодержавия играл роль своеобразного заместителя системы политических партий. Он выражал и защищал коренные интересы всех господствующих классов общества, отдавая, естественно, приоритет защите интересов класса помещиков. Другими словами, царизм защищал и интересы нарождавшегося класса буржуазии. Но что было еще более важным, он отнюдь небезуспешно претендовал на то, чтобы быть выразителем и защитником общенациональных интересов страны в целом. Царское самодержавие в каком-то смысле подменяло и заменяло собой систему политических партий, которые, как справедливо считается, отражают и выражают интересы отдельных классов и социальных групп. Это своеобразие российского политического ландшафта накладывало на протяжении многих лет свою печать на развитие социально-политических процессов в Российской империи. Но чем менее была развита система политических партий в стране, тем большую скорость и динамику обрела она после возникновения самих этих партий. Что вполне вписывается в законы политической борьбы.

Итак, каков же был в тот период общий расклад главных политических сил в стране? Каковы были программные цели и основополагающие политические установки этих сил? Каков был их удельный вес в общеполитическом балансе?

На крайне правом крыле находился **“Союз русского народа”**, основанный в ноябре 1905 в Петербурге. В конце 1907 – начале 1908 гг. в “Союз” входило примерно 350 тыс. чел. из приблизительно 410 тыс. членов всех черносотенных организаций. Его социальный состав был довольно пестрым. Подавляющее большинство членов были крестьянами, значительно меньше ремесленников, мелких торговцев, наемных

рабочих. В то же время верхушку “Союза” составляли представители интеллигенции, государственные служащие, купцы, землевладельцы, духовенство. К 1907 году “Союз” превратился в крупную общероссийскую партию, выступавшую в качестве серьезной опоры царского режима, незыблемости самодержавия. Он последовательно высказывался за единство и неделимость России, против предоставления национальным регионам права на самоопределение в любой форме, подчеркивал, что “русская народность как собирательница земли русской и устроительница русского государства есть народность державная, господствующая и первенствующая.” Идеология “Союза русского народа” была пронизана антисемитизмом, причем одним из программных пунктов его было “воспрепятствование порабощению русского народа” со стороны евреев. Примечательно, что “Союз” отстаивал необходимость принятия комплекса мер по ограничению прав еврейского населения в России и одновременно провозглашал поддержку сионизма, обещая через своих представителей в Государственной думе поставить перед другими странами вопрос о создании собственного еврейского государства в Палестине и содействие выселению туда евреев, “каких бы материальных жертв такое выселение ни потребовало от русского народа. Так что задолго до знаменитой декларации министра иностранных дел Великобритании лорда Бальфура (ноябрь 1917 г.) об образовании “еврейского национального очага” в Палестине представители “Союза русского народа” выступали с подобной идеей. Социально-экономическая часть программы “Союза” фактически сводилась к закреплению незыблемости существовавшего положения, недопущению серьезных аграрных преобразований (характерно, что даже реформы Столыпина подвергались определенной критике с откровенно правых позиций). В широком политическом контексте деятельность “Союза” преследовала цель, используя темноту широких масс населения, спекулируя на патриотических лозунгах, отвлекать их от участия в революционной борьбе. Нельзя сказать, что эта деятельность оказалась полностью безуспешной и что она не нанесла существенного урона разворачиванию революционной борьбы трудящихся масс. Однако узость самой социальной базы, ставка на самые отсталые слои населения в конечном счете и предопределяли то, что эта организация оказалась на обочине политического развития страны и не смогла завоевать сколько-нибудь прочных позиций в массовом движении России.

“Союз 17 октября”, октябристы. Это была политическая партия, названная в честь Манифеста от 17 октября 1905г., знаменовавшего, по мнению октябристов, вступление России на путь конституционной монархии. В 1906г. в России действовало свыше 260 отделов “Союза 17 октября”, включая 23 примкнувших к нему родственных местных политических организаций общей численностью около 80 тыс. чел. В последующие годы численность “Союза 17 октября” упала. Социальный состав – чиновники, помещики, крестьяне, торгово-промышленная буржуазия. Октябристы выступали за установление в России конституционно-монархического строя на основе Манифеста от 17.10.1905 с сохранением за монархом титула «самодержец», с двухпалатным народным представительством, формируемым на основе двухстепенных цензовых выборов; за введение демократических свобод (совести, слова, печати, собраний, союзов) и гражданского равенства без различия пола, национальности и вероисповедания. В связи с существованием в партии многочисленных противников равноправия евреев в мае 1907года была принята резолюция, признававшая невозможность “немедленного и безусловного разрешения еврейского вопроса”.

Выступая под лозунгом сохранения единства и нераздельности Российского государства, октябристы отрицали возможность предоставления автономии отдельным частям империи (кроме Финляндии).

В аграрном разделе программы партии утверждалась необходимость уравнять крестьян в правах с другими гражданами, облегчить им выход из общины и закрепить землю в их полную собственность. Предлагалось принудительное отчуждение части частновладельческих земель с обязательным вознаграждением владельцев. В такой сфере, как рабочее законодательство, октябристы высказывались за свободу рабочих организаций, союзов и собраний, за свободу стачек “на экономической почве”, учреждение примирительных палат для разрешения споров с работодателями, организацию государственного страхования рабочих и др. Программа октябристов содержала требования введения бессловного независимого суда, расширения компетенции суда присяжных, а также принятия ряда мер в области экономики и финансов, народного образования, местного самоуправления и т.д. Выход страны из революционного кризиса они видели в немедленном созыве законодательной Думы. В дни декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве октябристы поддержали карательные действия царизма, возложив ответственность за братоубийства на революционеров. Критика действий революционных партий составляла главное содержание агитации и пропаганды октябристов. Они высказались в поддержку учреждения военно-полевых судов для борьбы с революцией и из оппозиционной стали правительственной партией. Вместе с правыми они предлагали Думе осудить революционный террор, солидаризировались с аграрной политикой правительства, выступали против законопроектов, исходивших от левого крыла Думы.

Председателями Думы последовательно были октябристы Хомяков (до марта 1910 г.), Гучков (до марта 1911 г.) и Родзянко. Октябристский “центр”, попеременно блокируясь с умеренно-правыми и (с 1909 г.) с кадетами, обеспечивал правительству послушное большинство в Думе. Резкие выпады лидеров октябристов в адрес правительства или его отдельных членов в целом не меняли стремления партии действовать в русле столыпинской политики. Кризис третьей юньской системы* вызвал некоторое “полевение” октябристов, часть из них стала выступать за переход к “решительным” действиям (в рамках парламентской тактики) с тем, чтобы заставить правительство пойти по пути умеренно-либеральных реформ. Разногласия по поводу стратегии и тактики партии привели к расколу сначала парламентской фракции, а затем и самой партии. Вне Думы партия к 1915 году прекратила свое существование.

Конституционно-демократическая партия (кадеты). Одна из наиболее влиятельных политических партий, представлявшая левое крыло российского либерализма. Организационно партия оформилась в декабре 1905 года. Кадеты выступали за реформирование общественно-политической системы во всех ее ключевых звеньях. Они исходили из необходимости разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, ставили задачу обеспечения законодательного характера народного представительства, избранного всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием.

* Система власти, получившая название от политической акции царизма от 3 июня 1907 г., в соответствии с которой была распущена 2-я Государственная дума и радикально изменен избирательный закон. Эта акция явилась фактическим государственным переворотом, грубо нарушившим основные положения самого же октябрьского Манифеста.

Партия выступала за создание правительства, ответственного перед Государственной думой, демократизацию местного самоуправления, гражданское и политическое равноправие, введение демократических свобод. Ориентируясь на западные образцы парламентского строя, кадеты стремились к укоренению в России норм правового государства. В области национальных отношений кадеты, являясь противниками принципа федерализма, отстаивали лозунг культурно-национального самоопределения. Для Польши и Финляндии кадеты добивались признания автономии “в пределах империи”. В социальной области основное внимание уделялось аграрному вопросу, решение которого предусматривалось путем наделения землей безземельных и малоземельных крестьян за счет государственных, монастырских и иных владений, а также путем частичного принудительного отчуждения помещичьей земли с компенсацией их владельцев за счет государства по “справедливой (нерыночной) оценке”. В сфере рабочего вопроса программа включала либерализацию взаимоотношений рабочих и предпринимателей, в частности, предоставление рабочим права собраний, стачек, создания союзов, а также содержала ряд требований по социальной защите труда: постепенное введение 8-часового рабочего дня, сокращение сверхурочных работ, запрет на привлечение к ним женщин и подростков. Кадеты приветствовали октябрьский Манифест, однако оговаривали необходимость созыва Учредительного собрания, которое бы обеспечило конституционное закрепление провозглашенных в Манифесте свобод, а также выдвигали требование дальнейшего реформирования общественно-политических и экономических отношений. Программный пункт о форме государственного строя России сформулирован в пользу конституционной и парламентской монархии. Кадеты заявили о внеклассовости своей партии, подчеркивая, что ее деятельность определяется не интересами какой-либо социальной группы, а общими потребностями развития страны. В соответствии с этим они стремились к созданию своих ячеек среди различных слоев населения. Облегченные условия приема (зачастую требовалось лишь устное заявление желающего вступить в ряды кадетов), привлекательность умеренно-радикальной программы партии вызвали рост рядов этой партии: к апрелю 1906 г. в стране функционировало более 360 местных организаций, а численность партии достигла 70 тыс. чел. Социальный состав партии был неоднороден. В нее входили прежде всего интеллигенция, часть либерального дворянства, средняя городская буржуазии. В 1906–1907 гг. в ее низовые организации вступали также служащие, приказчики, рабочие, учителя и др. Необычайно высок был интеллектуальный потенциал ее руководящего звена. В него входили видные ученые, профессора столичных университетов, известные адвокаты, общественные деятели, публицисты. Партию отличал разноликий национальный состав: кроме, естественно, русских, в рядах партии были евреи, поляки, немцы, армяне, грузины, татары и др. Платформа партии не исключала возможности осуществления политической революции в том случае, если власть упорствует в своем нежелании проводить неотложные реформы. Однако предпочтение отдавалось мирным формам борьбы, предполагавшей использование рычагов парламентаризма, поискам разумного компромисса с самодержавным режимом.

Перечисленные выше партии, если учитывать не только их программные декларации (а они более чем часто существенным образом отличались от реальной практики), но и действительные их цели, можно отнести к разряду тех, о которых

принято говорить, что они были сторонниками правящего режима. По крайней мере в одном, а это принципиально важно, они неизменно выступали единым фронтом – это борьба против революции, отрицание необходимости коренной ломки социально-экономических основ общества. В этом смысле они были опорой режима, несмотря на многочисленные конфликты и столкновения с ним по самым различным вопросам. Конечно, в политических платформах этих партий имелись различия, иногда весьма существенные, но для революционного лагеря эти различия имели второстепенное значение. Поэтому они в целом клеймились большевиками как пособники царизма и неизменная его опора. Это отчетливо видно по публикациям, с которыми выступал Сталин, и которые отражены в его собрании сочинений.

Партия социалистов-революционеров (эсеры). Учредительный съезд партии состоялся в конце декабря 1905 г. – начале января 1906 г. Идеологическая основа деятельности партии эсеров была довольно расплывчатая и противоречивая. Признавая успехи марксизма как теоретического учения, воспринимая во многом его терминологию, эсеры вместе с тем не считали марксизм для России почвенным явлением, не соглашались они и с тем, что путь России к социализму предписан только этим учением. Для них, как и для старых народников, основополагающей чертой была вера в особый для России путь к социализму. В то же время они требовали существенных корректировок этого пути с учетом изменений, происшедших и происходивших в российской действительности. В целом исходный пункт их программы представлял собой концепцию утверждения в России демократического социализма на основе особого пути к нему. Эсеровская партийная программа включала в себя четыре основных блока, содержащих соответственно характеристику тогдашнего капитализма, противостоящего ему международного социалистического движения, своеобразии условий развития российского социалистического движения и обоснование конкретной программы этого движения с последовательным изложением пунктов, касающихся всех основных сфер общественной жизни: государственно-правовой, хозяйственно-экономической и культурной.

В экспроприации капиталистической собственности и реорганизации всего производства и общественного строя на коллективистских началах эсеры видели свою конечную цель. Важнейшая особенность эсеровского социализма заключалась в теории социализации земледелия. Исходная идея этой теории заключалась в том, что социализм в аграрной стране, сохранившей общинные традиции, должен был начать произрастать раньше всего в деревне. Необходимой предпосылкой для социализма и органической его формой считались политическая свобода и демократия. В программе партии провозглашались цели – установление демократической республики, свободы слова, печати, собраний, совести, союзов, стачек, всеобщего и равного избирательного права для всех граждан, достигших 20-летнего возраста без различия пола, религии и национальности при прямой системе выборов и тайном голосовании, а также пропорционального представительства в выборных органах и прямого народного законодательства. В вопросе о государственном устройстве России эсеры заявляли себя сторонниками федерации: широкой автономии для отдельных областей, а также для национальных регионов с признанием за ними права на самоопределение. В центре экономической программы-минимум находилось требование социализации земли, означавшее отмену частной собственности на землю без выкупа, превращение ее не в государственную собственность, а в общенародное достояние без права купли-

продажи и передачу всей земли в заведование центральных и местных органов самоуправления. Таким образом, политическая демократия и социализация земли представляли quintэссенцию эсеровской программы-минимум, ее реализация должна была создать необходимые предпосылки и обеспечить условия для мирного, эволюционного перехода России к социализму.

По своей численности и масштабам влияния в массах населения партия социалистов-революционеров значительно уступала социал-демократам. К началу первой русской революции в стране действовало свыше 40 организаций, объединявших около 2 – 2,5 тыс. членов. Основной костяк партии состоял из студентов и учащихся, представителей интеллигенции; рабочие и крестьяне составляли не более четверти ее состава. В дальнейшем, особенно в период подъема революции, численность и классовый состав партии претерпели серьезные изменения: число членов партии возросло до 50 – 60 тыс. человек, причем рабочие и крестьяне стали составлять около 90% ее членов.

Однако вес и известность партии в российском обществе определялись совершенно иными факторами, прежде всего ее террористической деятельностью. Именно благодаря этому она в довольно широких кругах обрела, выражаясь современным политическим жаргоном, имидж партии действия, а не слов. Жертвами эсеровского террора стали: министр внутренних дел Д. С. Сипягин (смертельно ранен 27.4.1902 С. В. Балмашевым) и В. К. Плеве (убит 15.7.1904 Созоновым); губернаторы: харьковский – князь И. М. Оболенский (ранен 29.6.1902 Ф. К. Качурой), и уфимский – Н. М. Богданович (убит 6.5.1903 О. Е. Дулебовым). 4.2.1905 в Кремле, бомбой, брошенной Каляевым, был убит московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович. В период первой русской революции эсерами совершено от 200 до 220 террористических актов.⁶

Своеобразие эсеровской концепции российской революции заключалось прежде всего в том, что они не признавали ее буржуазной. Отрицалась также способность буржуазии стать во главе революции и даже быть одной из ее движущих сил. По-своему решался эсерами и вопрос о власти. Они отказались от народовольческой бланкистской идеи «захвата власти» революционерами-социалистами. Мнение, что после свержения самодержавия власть должна перейти к буржуазии, преобладало. Используя политические и гражданские свободы, эсеры надеялись путем демократических выборов получить большинство сначала в органах местного самоуправления, а затем и во всей стране, т.е. в общенациональном представительном органе – Учредительном собрании, которое должно было определить форму государственного правления и стать высшим законодательным органом.

Большой урон престижу партии был нанесен разоблачением (1909 г.) провокаторства Азефа, который являлся одним из лидеров партии и руководителем ее боевой организации. Этим разоблачением был фактически похоронен индивидуальный террор. Кризис партии эсеров усугублялся также столыпинской аграрной реформой, которая, разрушая общину, укрепляя чувство собственности у крестьян, подрывала основы эсеровского аграрного социализма. Эсеровские призывы бойкотировать реформу, не выделяться из общины, не покупать и не закладывать

⁶ **Власть и оппозиция.** Российский политический процесс XX столетия. С. 71.

землю, не принимать участия в землеустроительных комиссиях, поступать как с изменниками с теми крестьянами, которые откликнутся на реформу, не находили сколько-нибудь серьезного отклика в деревне.

В конечном счете партия социалистов-революционеров оказалась не то что на обочине глубинных социально-экономических и политических процессов, потрясавших Россию, но не смогла уловить главных тенденций общественного развития, и поэтому не сыграла роль серьезной революционной силы. И все это при том, что ее костяк состоял из волевых, решительных и последовательных борцов против царского режима. Моральные качества ее руководителей были бесспорными, но одних только этих качеств оказалось явно недостаточно, чтобы обеспечить успех партии. И тем не менее, оглядываясь назад, можно сказать, что вклад социалистов-революционеров в общероссийский освободительный процесс был ощутим. И хотя большевики, и Сталин в частности, выступали в качестве политических соперников и противников эсеров, их идеология и методы работы, несомненно, оказали весьма значительное воздействие на формирование политической стратегии и тактики большевиков, особенно после их прихода к власти. Но об этом речь пойдет в соответствующих главах.

Партия меньшевиков — Российская социал-демократическая партия (меньшевиков), РСДРП (м), фракция Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), организационно оформившаяся после 2-го съезда партии и получившая название по результатам выборов в центральные органы партии. Наиболее видными деятелями меньшевизма были Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, Г. В. Плеханов, А. Н. Потресов, Н. Н. Жордания, И. Г. Церетели, Н. С. Чхеидзе. Во фракции отсутствовало жесткое организационное единство и единоличное лидерство. Меньшевики постоянно распадались на группы, занимавшие различные политические позиции и ведущие между собой острую борьбу. Важнейшей задачей меньшевики считали организацию рабочих на широкой классовой основе. С началом русско-японской войны 1904-05 гг. меньшевистская «Искра» выдвинула лозунги борьбы за немедленное заключение мира и созыв Учредительного собрания. В основе их тактики в период 1905-07 гг. лежали взгляды на буржуазию как на движущую силу революции, которой надлежит возглавить освободительное движение в стране. По мнению меньшевиков, пролетариат не должен стремиться к власти, поскольку объективные условия для этого еще не сложились. Они считали, что революция в России развивается по образцу западноевропейских буржуазных революций: «...меньшевизм не видел для пролетариата иной возможности плодотворного участия в данном кризисе, кроме содействия буржуазно-либеральной демократии в ее попытках оттеснить от государственной власти реакционную часть имущих классов» (Мартов).

В соответствии со своими основополагающими взглядами меньшевики рассматривали первую русскую революцию как буржуазную по своему социально-экономическому содержанию. Однако, в отличие от большевиков, они заявляли, что всякое отстранение буржуазии от революционного движения приведет к его ослаблению. На их взгляд, в случае победы революции пролетариат должен поддержать наиболее радикальную часть буржуазии. Меньшевики предостерегали рабочих от возможной попытки захвата власти, которая, как они заявляли, стала бы трагической ошибкой. Захватив власть, рабочий класс вынужден был бы «делать» социалистическую

революцию, для которой ни Россия, ни сам пролетариат не подготовлены. Узловым пунктом меньшевистской концепции революции было противопоставление буржуазии крестьянству, которое, по их мнению, хотя и способно «двигать» революцию, но сильно осложнит достижение победы своим стихийным бунтарством и политической несознательностью.

Решение аграрного вопроса меньшевики видели в муниципализации земли: они предлагали узаконить частную собственность на принадлежавшие крестьянам наделы при передаче помещичьих земель во владение органов местного самоуправления (муниципалитетов). Меньшевики считали, что победа революции может быть достигнута не только в результате народного восстания, возможность которого они допускали, но и в результате действий какого-либо представительного учреждения, которое бы выступило с инициативой созыва всенародного Учредительного собрания. Второй путь казался им предпочтительнее. Весной 1905 г. влияние меньшевиков было наиболее значительным в западных и южных губерниях Европейской России, а также на Кавказе, где был создан местный меньшевистский центр – Кавказское бюро РСДРП.

Осенью 1905 года разногласия между меньшевиками и большевиками несколько сгладились: большевистская тактика, основанная на идее гегемонии пролетариата в демократической революции была принята «как неизбежный факт действительности». В декабре 1905 года во время вооруженных восстаний меньшевики действовали совместно с большевиками в Москве, Харькове, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Красноярске (впоследствии они оценили тактику РСДРП в этот период как ошибочную и опасную для пролетариата). В конце декабря 1905 года на паритетных началах был создан Объединенный ЦК РСДРП, который подготовил 4-й (Объединительный) съезд РСДРП. Меньшевики были на съезде в большинстве (62 решающих голоса против 46). Свои политические надежды они связывали прежде всего с деятельностью Государственной думы. По их мнению, конфликты Думы с правительством могли стать исходной точкой для широких народных движений и в конечном итоге привести к свержению самодержавия. Меньшевистская резолюция ориентировала пролетариат на поддержку Думы, которая признавалась общенациональным политическим центром революции. Несмотря на сопротивление большевиков, съезд принял решение об образовании думской с.-д. фракции, а также меньшевистскую резолюцию по аграрному вопросу. После съезда ЦК и ЦО (центральный орган) РСДРП перешли под контроль меньшевиков. В с.-д. фракции меньшевиков было в два раза больше, чем большевиков, они руководили деятельностью фракции, стремились создать блок всех революционных и оппозиционных сил, включая кадетов. На 5-м съезде РСДРП доминировали большевики и ЦК перешел под контроль ленинцев.

С окончанием революции завершилось окончательное становление меньшевизма как политического и организационного течения в российском революционном движении. Сложился комплекс идей, определявших политическое поведение меньшевиков в последующие годы. Главные теоретические и политические установки можно было бы свести к следующим положениям: общенациональная революция, в которой пролетариат играет авангардную роль, но в случае победы уступает власть буржуазии; ориентация на коалицию трех сил – рабочего, либерального и крестьянского движений; концепция трансформации «интеллигентской» РСДРП в «широкую рабочую партию», в которой роль профессиональных революционеров

должна быть сведена к минимуму; отказ от стремления полностью управлять революционным процессом и перенос центра тяжести партийной работы в массовые рабочие организации — профсоюзы, Советы, кооперацию и др.; признание равноценности думской и внедумской деятельности партии.

Стремление меньшевиков ценой отказа от революционных лозунгов превратить РСДРП в реформистскую партию западноевропейского типа выразилось в т.н. ликвидаторстве. “Ликвидаторы” выступали за свертывание нелегальной партийной деятельности, ликвидацию нелегальных партийных организаций.

Особые надежды меньшевики связывали с Государственной думой. В 3-й Государственной думе, куда было избрано 19 социал-демократов (в т.ч. 12 меньшевиков), они стремились возродить «общенациональную оппозицию», настаивали на сотрудничестве с кадетами во всей законодательной работе. По настоянию меньшевистских депутатов с.д. фракция вынесла решение о своей независимости от ЦК партии. Предлагалось вообще ликвидировать ЦК, превратив его в “информационный центр”. В 1908г. в Москве, Петербурге и ряде др. городов начало оформляться течение “меньшевиков-партийцев”, выступавших за сохранение нелегальных структур партии. Их поддержал Плеханов. Лидеры меньшевистской эмиграции — Мартов, Дан, Мартынов — не всегда соглашались с идеями открытых «ликвидаторов». Они заявляли, что не исключают возможности новой революции и не отрицают необходимости сохранения РСДРП. Их опорой были заграничные группы содействия РСДРП и их Центральное бюро. Наиболее прочными были позиции меньшевиков в Грузии. Жордания и его единомышленники стремились создать легальную реформистскую партию, не разрушая имевшуюся организацию, а постепенно перестраивая ее. Кампанию за примирение всех фракций и течений в РСДРП вел Троцкий, издававший в 1908-12 гг. в Вене внефракционную газету “Правда” Меньшевики отказались участвовать в созванной в январе 1912 года большевиками Пражской конференции.

С началом первой мировой войны меньшевизм раскололся на “патриотическое” и интернационалистское течения. С патриотических позиций выступал Плеханов, утверждавший, что войну ведет не правительство, а народ, борющийся за независимость России. Он считал, что сотрудничество со странами Антанты создаст более благоприятные условия для “европеизации” России, а поражение в войне с Германией, напротив, замедлит ее экономическое развитие, и тем самым повредит “делу народной свободы” Действовавшие в России меньшевики во главе с Потресовым выдвинули формулу “непротиводействия войне” которая в процессе пропагандистской работы превратилась в лозунг “самозащиты”. Они считали войну империалистической и выдвинули лозунг “ни побед, ни поражений”

После февральской революции 1917 года меньшевизм стал одной из наиболее влиятельных сил в стране, его представители играли ведущую роль во многих Советах рабочих депутатов, занимали министерские посты во Временном правительстве; значительно увеличилась численность меньшевистских организаций. С февраля по декабрь 1917 года меньшевистскую политику определяли лидеры центристского направления (Дан, Либер, Церетели, Чхеидзе), которые после свержения самодержавия провозгласили себя “революционными оборонцами”

Меньшевики оказались по разные стороны баррикад с большевиками. Они решительно и безоговорочно осудили Октябрьскую революцию и вступили на путь непримиримой борьбы с новой властью в России. В конечном итоге они оказались

фактически в стане своих бывших идейных и политических противников, поддержав фактически белое движение и попытки свергнуть Советскую власть. Логика исторического противоборства провела резкую разграничительную линию между теми, кто когда-то входил в единую партию и в целом выступал за практическую реализацию идеалов социальной справедливости.

БУНД — Всеобщий еврейский рабочий союз. Партия еврейских ремесленников и промышленных рабочих, сформировалась на базе просветительских кружков и стачечных касс, возникших в начале 1890-х годов в западных областях Российской империи.

Марксизм бундовцы трактовали применительно к традиционным представлениям об особой миссии еврейского народа, ими была выдвинута идея о специфике еврейского пролетариата. В 1897 г. состоялся Учредительный съезд представителей групп еврейской с.-д., который основал Бунд. В 1898 г. Бунд участвовал в подготовке и проведении 1-го съезда РСДРП, вошел в ее состав как организация, автономная в вопросах, касающихся еврейского пролетариата. Одновременно лидеры Бунда начали пересмотр национальных требований. В 1901 г. съезд Бунда принял резолюцию, в которой признавалось, что будущим государственным устройством России должна стать федерация национальностей с полной национальной автономией каждой из них, независимо от занимаемой территории. В 1903 г. Бунд выдвинул в качестве ультимативного пункта требование признания его “единственным представителем еврейского пролетариата” 2-й съезд РСДРП отклонил это требование, и делегация Бунда покинула съезд, заявив о выходе Бунда из РСДРП. В дальнейшем национальная программа Бунда неоднократно обсуждалась и уточнялась на его съездах и конференциях. 6-й съезд Бунда в программе по национальному вопросу зафиксировал основные положения: полное гражданское и политическое равноправие евреев; для еврейского населения употребление родного языка в сношениях с судом, государственными учреждениями и органами местного и областного самоуправления; национально - культурная автономия.

В период революции 1905-07 гг. Бунд имел 274 организации, объединявшие около 34 тыс. членов. В тактических установках до ноября 1906 г. Бунд приближался к позиции большевиков. В марте 1906 г. Бунд высказался за объединение с РСДРП и снял требование признания Бунда “единственным представителем еврейского пролетариата” На 4-м съезде РСДРП Бунд вошел в РСДРП.

Спад революционной волны вызвал поворот Бунда на меньшевистские позиции. (Меньшевики считали, что бундовская концепция “культурно-национальной автономии” не противоречит национальной программе РСДРП). Численность Бунда к 1910 г. составляла около 2 тыс. человек. В июле 1912 г. Бунд выдвинул лозунги образования “ответственного министерства”, свободы коалиций, отмены “черты оседлости”, права празднования субботы. Бунд вновь поставил вопрос о сочетании классовых и национальных интересов, развернул пропаганду австро-марксизма, добивался от меньшевиков-ликвидаторов на Августовской конференции 1912 г. признания, что национально-культурная автономия не противоречит программе РСДРП. 1-я мировая война вызвала раскол в Бунде на организации франкофильского и германфильского толка. Еврейская общественность твердо придерживалась российской ориентации. Деятельность в легальных общественных организациях (таких, как комитеты обороны, бюро труда, рабочие столовые, культурно-просвети-

тельские общества, филантропические организации и пр.) помогла Бунду изжить внутренний кризис, укрепить связи с массами. Февральская революция расширила влияние Бунда; его численность выросла до 34 тыс. чел., представители партии были широко представлены в Петроградском, Московском и провинциальных Советах рабочих и солдатских депутатов, бундовские лидеры выдвинулись на руководящие роли в общероссийском меньшевистском движении, поддерживали Временное правительство (последнее в марте 1917 г. отменило все 140 законов и распоряжений, ограничивающих евреев во всех сферах общественной жизни). Бунд вел политический диалог с кадетами, но от сотрудничества с большевиками отказывался, т.к. отрицал возможность немедленного перехода к социализму и считал более предпочтительной для страны буржуазно-демократическую альтернативу. Октябрьскую революцию бундовцы встретили отрицательно, считая приход к власти большевиков “узурпацией народной воли” Стратегия Бунда была направлена на непризнание и свержение власти большевиков.

“Активистское” крыло партии считало допустимым военные действия против большевиков. Вместе с тем значительная часть бундовцев высказалась за переговоры с коммунистами. 8-й съезд Бунда (дек. 1917 г.) принял установку на парламентский, демократический путь борьбы с большевиками, полагая, что Учредительное собрание отстранит их от власти. После разгона Учредительного собрания, подписания Брестского мира (март 1918 г), Бунд сделал ставку на свержение Советской власти (в мае 1918 в партии возобладала более умеренная линия – “борьба с большевизмом в Советах и путем Советов”). К концу 1918 г. в Бунде определились три течения: левое – сторонники участия в работе Советов для борьбы за созыв Учредительного собрания; правое – сторонники активной борьбы с большевиками и непризнания власти Советов; и центристское – сторонники “парламентской оппозиции” в Советах.

Гражданская война и еврейские погромы привели к крушению надежд лидеров Бунда на буржуазно-реформистский путь развития России. В марте 1919 г. Бунд провозгласил признание Советской власти, оговорив, однако, что бундовцы “не берут целиком ответственности за ее политику, остаются на платформе тактической оппозиции” Большевики не препятствовали стремлению бундовцев сохранить некоторую самостоятельность организации. В Белоруссии левым бундовцам был предоставлен статус автономной организации и создана Еврейская коммунистическая партия. На Украине левые бундовцы объединились в Коммунистический Бунд. Раскол Бунда завершился в апреле 1920 г., когда было принято решение о выходе Бунда из меньшевистской партии, признании программы РКП(б) и присоединении к Коминтерну. Отвергая нажим большевиков, бундовцы пытались сохранить свою организационную автономию. Но в конечном итоге Бунд вынужден был заявить о присоединении к РКП(б) на условиях, предложенных Коминтерном. Не признавшие этого решения правые бундовцы объединились в Социал-демократический Бунд и разделили общую судьбу меньшевиков. Часть их руководителей эмигрировала, создав за границей “представительство ЦК Бунда” В 20-е-30-е гг. многие члены и руководители бывшего Бунда были репрессированы. В марте 1921 г. на территории России Бунд самоликвидировался, часть членов его была принята в РКП(б).

Краткий обзор расстановки основных политических сил в России в период между двумя российскими революциями, конечно, дает лишь самое общее представление о главных партиях того времени, их программных целях и политичес-

кой стратегии и тактике. Но мне кажется, что даже такое беглое знакомство важно для правильной оценки процесса формирования взглядов Сталина в этот период, для понимания его позиции по конкретным вопросам того времени. В особенности это касается критики Сталиным позиции Бунда по национальному вопросу, которая подробно проанализирована в ряде его работ предреволюционного периода.

2. Участвовал ли Сталин в экспроприациях?

Вопрос об участии Сталина в так называемых экспроприациях (как тогда говорили, в “эксах”), несомненно, представляет бесспорный интерес. И суть дела не только в самой исторической достоверности или недостоверности такого рода участия, но и в том, как подобное участие вписывалось в систему его политических воззрений. Иными словами, отвечало ли участие в организации актов экспроприации основополагающим ценностям политической философии, которую он исповедовал? Ответ на этот вопрос в косвенной форме может пролить дополнительный свет на характер его позднейших действий уже в качестве главного руководителя Советского государства.

Но прежде чем перейти к рассмотрению данного вопроса, необходимо в интересах истины провести необходимое разграничение его политических и моральных аспектов. Для Сталина как приверженца марксистского мировоззрения на первом плане, безусловно, стояли мотивы политического порядка. В переводе на язык политической стратегии и тактики речь шла о том, способствовали ли такого рода экспроприации достижению основных революционных целей рабочего класса и (что также существенно важно) насколько такие действия помогали развертыванию борьбы против царского самодержавия? Морально-этические соображения, видимо, также играли свою роль, но они подчинялись соображениям политического и стратегического порядка.

Однако было бы недопустимым упрощением сводить все к умозрительному и чисто абстрактному сопоставлению, а тем более противопоставлению, политических и морально-этических мотиваций, лежавших в основе так называемых эксков. Ведь от чисто уголовных актов грабежа чужой собственности экссы отличались прежде всего тем, что они не преследовали каких-то корыстных или личных целей обогащения. К тому же, саму государственную и крупную частную собственность (а именно она была прежде всего объектом действий по экспроприации) те, кто прибегал к экскам, рассматривали как незаконную, нажитую посредством самой жестокой эксплуатации трудящихся. Поэтому обращение части этой экспроприированной собственности на непосредственные нужды революционной борьбы не могло, по мнению участников эксков, рассматриваться как сугубо аморальное деяние, несовместимое с революционными принципами. В таком подходе как бы уже содержалось моральное оправдание актов экспроприации.

Имея уже некоторое представление о политической философии, исповедовавшейся Сталиным, можно со значительной долей уверенности утверждать, что каких-то моральных угрызений в отношении эксков он не испытывал и априори не мог испытывать. Более того, в силу многих черт своего характера и особенностей политического мышления он, видимо, рассматривал такого рода действия в качестве оправданных и допустимых. Поэтому наивно было бы полагать, что его всерьез могли

беспокоить абстрактные этические соображения на этот счет. И, уверен, не в силу того, что ему якобы было присуще полное пренебрежение к системе морально-этических ценностей вообще, а по причине того, что сама эта система морально-этических ценностей базировалась не на абстрактно-отвлеченных понятиях, а на интересах классовой борьбы. Выражая интересы подавляющего большинства трудящегося населения, такая система с неизбежностью входила в противоречие со многими общепринятыми в обществе принципами, отражавшими в первую очередь интересы господствующих классов.

Другой существенно важный вопрос касается того, как и в какой мере такая системы морально-этических воззрений революционных кругов вписывалась в систему общепринятых морально-этических принципов, выработанных человечеством и закрепленных в религии, общественной морали и этике, в народных традициях, да и в обыденной жизни вообще. Но этот вопрос требует специального исследования, выходящего за рамки нашего непосредственного предмета разговора. В той или иной форме и в той или иной степени его мы будем касаться на протяжении рассмотрения всей политической биографии Сталина. Сейчас же ограничимся тем, что было сказано выше.

К этому можно добавить, что в западной историографии, посвященной фигуре Сталина, вопрос о его причастности к экспроприациям вот уже много десятилетий занимает довольно видное место. Достаточно сказать, что Исаак Дон Левин — один из первых западных авторов объемистой биографии Сталина, вышедшей еще в 1931 г., один из разделов своей книги так и озаглавил “Бандит или революционер?”⁷ Сама работа Левина не блещет ни глубиной, ни широтой постановки проблем, ни документальной базой. Его выводы и характеристики поверхностны, хотя и подаются с претензией на глубину. Исторические параллели, которыми изобилует книга, зачастую искусственны и малоубедительны. Но тем не менее, эта работа, как одна из первых достаточно солидных западных биографий Сталина, заслуживает внимания. Автор затрагивает в ней и рассматриваемую нами проблему. Однако ничего нового, как с точки зрения аргументации, так и с точки зрения анализа, в книге, по существу, нет.

Но возвратимся к предмету нашего исследования.

Думается, что для Сталина в вопросе об экспроприациях гораздо большее значение имели соображения политического порядка. А порой и чисто прагматического плана, т.е. как использовались добытые средства для осуществления финансирования подпольной деятельности партии, издания газет, закупок оружия и т.п. Здесь можно сослаться на самого Сталина, который в одной из своих статей писал: «Да, справедливо ругали нас, когда говорили: деньги берете, а оружия не видно.»⁸

Что же касается соображений политического плана, то возникавшие здесь коллизии разрешались отнюдь не легко и просто. Основное противоречие заключалось в том, что марксизм как политическая философия отвергал индивидуальный террор в качестве орудия классовой борьбы не только по причине того, что он в сущности не мог обеспечить достижение целей рабочего движения. С точки зрения революционной стратегии террор скорее играл на руку господствующим классам, нежели наносил им сколько-нибудь серьезный урон. Он отвлекал массы трудящихся от участия в

Isaac Don Levine. Stalin. N. Y. 1931. pp. 65-76.

⁸ *И.В. Сталин. Соч. Т. 1. С. 269.*

широком революционном движении и сеял иллюзии, будто кардинальные социально-экономические и политические проблемы могут быть разрешены столь простым способом. Не в меньшей степени такой подход относился и к актам экспроприации, которые с марксистской точки зрения также не могли рассматриваться в качестве дозволенного инструмента политической борьбы. Более того, они скорее способствовали дискредитации революционного движения, как бы ставя на одну доску простые уголовные грабежи и акты экспроприации в интересах материального обеспечения различных форм революционной деятельности.

Суть дела состояла не только, а, возможно, и не столько в неэффективности таких методов для достижения целей рабочего движения, но прежде всего в неадекватности этих методов благородным целям самого движения. Кроме того, путь террора, всякого рода экспроприаций и других действий аналогичного рода подрывал авторитет революционных организаций в глазах общественного мнения страны, вредил делу достижения фундаментальных целей рабочего движения. Негативные побочные последствия, сопряженные с осуществлением экспроприаций, значительно перевешивали тот положительный результат, на который могли рассчитывать организаторы действий такого характера. Мне представляется, что именно эти два соображения политического свойства и предопределяли принципиальную позицию Сталина в вопросах осуществления “эксов” в рассматриваемый период. Присущие ему твердость и приверженность к активным и решительным действиям, несомненно, говорили за то, что к актам экспроприации он внутренне не мог относиться отрицательно. Но свойственные же ему прагматизм и способность к тщательному взвешиванию плюсов и минусов всякого политического действия не могли не породить в нем сдержанного отношения к эксам. Уже на этом этапе своей политической деятельности Сталин на практике осваивал сложную и трудную диалектику взаимосвязи и соподчинения главных и промежуточных задач любой акции. Если формулировать мысль несколько упрощенно, то можно, пожалуй, выразить ее так: как радикально настроенный революционер, как человек, склонный к решительным, а не половинчатым мерам, Сталин в принципиальном плане едва ли был противником экспроприаций, но как политик, как приверженец марксистского мировоззрения, он не видел в них серьезного средства для развертывания революционной борьбы. Прямым подтверждением тому может служить следующее его высказывание, относящееся примерно к этому же периоду: «Нам не пристало пугать буржуазию отдельными набегами из-за угла – предоставим заниматься такими «делами» известным налётчикам. Мы должны **открыто** выступать против буржуазии, мы должны **всё время, до окончательной победы**, держать ее под страхом! А для этого требуется не экономический террор, а крепкая массовая организация, могущая повести рабочих на борьбу.»⁹

Поэтому действительно объективная и взвешенная оценка его позиции по данному вопросу должна базироваться на учете указанных двух моментов, на необходимом разграничении чисто прагматического и общего политического подхода. Конечно, в таком разграничении присутствует определенная двойственность, но она как раз и отражает сложность и двойственность тогдашней действительности.

⁹ И.В.Сталин. Соч. Т. 2. С. 112.

Следует, очевидно, затронуть хотя бы в самом общем виде вопрос о том, каково было общее отношение политических партий, и прежде всего социал-демократов, к так называемым партизанским выступлениям и экспроприациям в особенности. Более или менее объективной оценка такого отношения может быть дана не с позиций сегодняшнего дня, а с учетом реальной социально-политической ситуации, существовавшей тогда в России. Партии левого толка подходили к этому вопросу не с позиций абстрактной морали, главным критерием для них служило то, насколько такие действия соответствуют интересам развертывания революционного движения масс и способствуют ли они самому процессу вовлечения широких слоев населения в революционную борьбу с самодержавием. В этом смысле их позицию можно определить как сугубо прагматическую, продиктованную соображениями политической и стратегической целесообразности. Ленину приписывают почти крылатую фразу: "Мы должны заставить царя платить за своих революционеров."¹⁰ Фраза, конечно, довольно циничная, но в ней содержится и доля истины, вполне адекватно отражающая настроения, господствовавшие тогда в революционных кругах. Причем надо заметить, что в различные периоды развертывания революционного процесса, на различных его этапах отношение к актам революционного террора и экспроприациям было неодинаковым. В разгар бурного роста революционных выступлений это отношение было скорее позитивным, нежели негативным, поскольку такие действия как бы стимулировали революционную энергию масс, придавали ей большую активность, решительность и наступательный дух.* Такая общая оценка приложима не только к позиции большевиков, но и с известными оговорками и меньшевиков, не говоря уже об эсерах. По мере того как революция шла на убыль, изменялось и принципиальное отношение различных партий, прежде всего социал-демократов, к экспроприациям.

Это нашло свое отражение в соответствующих резолюциях Стокгольмского и Лондонского съездов РСДРП. Так, в резолюции Стокгольмского съезда говорилось, что необходимо:

а) бороться против выступлений отдельных лиц или групп с целью захвата денег под именем или с девизом социал-демократической партии;

б) избегать нарушений личной безопасности или частной собственности мирных граждан, за исключением тех случаев, когда это является произвольным результатом борьбы с правительством или, как, например, при постройке баррикад, вызывается потребностями непосредственной борьбы. Съезд отвергает экспроприацию денежных капиталов в частных банках и все формы принудительных взносов для целей революции...

г) капиталы Государственного банка, казначейства и других правительственных учреждений не захватывать, кроме как в случае образования органов революционной

¹⁰ Robert Payne. The Rise and Fall of Stalin. L. 1968. p. 118.

* С конца 1905 года большевики значительно активизировали свои акции по добыванию финансовых средств, равно как и другие действия боевого характера. Так, на счету Л.Б.Красина, отвечавшего за организацию боевых операций большевиков, насчитывается не одна сотня подобных действий. (См. Л.Б.Красин. Годы подполья. Сборник воспоминаний, статей и документов. М. 1928.)

власти в данной местности и по их указанию; при этом конфискация народных денег, собранных в казенных учреждениях, должна происходить гласно и при полной отчетности.”¹¹

На следующем, Лондонском съезде, позиция РСДРП по этому вопросу была еще более ужесточена. В резолюции по этому вопросу отмечалось:

“1) партийные организации должны вести энергичную борьбу против партизанских выступлений и экспроприаций, разъясняя рабочим массам всю несостоятельность этих средств в борьбе за политические и экономические интересы рабочего класса и весь их вред для дела революции;

2) какое бы то ни было участие в партизанских выступлениях и экспроприациях или содействие им воспрещается членам партии.”¹²

Довольно любопытна интерпретация, которую дал Сталин этой резолюции в своей статье, написанной вскоре после завершения съезда. В ней отчетливо выражено его подлинное отношение к данной резолюции, дающее все основания считать, что он рассматривал занятую съездом позицию как сугубо формальную и чисто компромиссную. “Из меньшевистских резолюций, – писал он, – прошла только резолюция о партизанских выступлениях, и то совершенно случайно: большевики на этот раз не приняли боя, вернее не захотели довести его до конца, просто из желания «дать хоть раз порадоваться тов. меньшевикам»...”¹³

Негативное отношение Сталина к резолюции, резко и категорически осуждавшей практику экспроприаций, вполне вписываются в его общеполитическую и, можно сказать, мировоззренческую философию. Это со всей очевидностью следует как из его слов, так и из его принципиальных подходов к таким явлениям тогдашней действительности, какими были экспроприации. Справедливости ради надо заметить, что обоснование позиции, занятой большевиками по данному вопросу, данное Сталиным, не соответствовало действительности. Об этом писали многие его биографы. Суть проблемы заключалась не в том, что большевики якобы не хотели давать бой меньшевикам, а в том, что практика экспроприаций уже исчерпала себя, стала приносить больше вреда, чем пользы, наносила ущерб авторитету партии в общественном мнении, в том числе и среди рабочих. В рядах самих большевиков уже сформировалась серьезная оппозиция в отношении экспроприаций, и Ленин, который до этого в целом благожелательно относился к подобным акциям, пришел к выводу, что от прежней позиции необходимо отказаться.

Сталин, видимо, полагал, что столь резкая перемена позиции не служит интересам революционного дела и может обескураживающе подействовать на тех, кто принимал участие в экспроприациях или готовил новые такие акции. А что такие акции готовились, он наверняка знал. Поэтому он и выбрал столь обтекаемую форму в оценке принятой съездом резолюции. Он не хотел связывать руки ни себе, ни тем, кто участвовал непосредственно в актах экспроприации. Как пишет Б. Вольф в своей книге о роли Ленина, Троцкого и Сталина в истории российской революции (и на мой взгляд, достаточно обоснованно), Коба «хотел внушить своим решительным

¹¹ Протоколы Объединительного съезда. С. 337.

¹² Протоколы Пятого съезда РСДРП. С. 621.

¹³ И. В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 52.

сторонникам – Цинцадзе, Камо и членам их группы – пренебрежение к резолюции съезда, подавая это решение как принятое “совершенно случайно” и в силу смехотворной причины – “дать хоть раз порадоваться тов. меньшевикам”¹⁴.

Теперь коснемся вопроса о личном участии Сталина в акциях такого характера. Надо сказать, что находящиеся в распоряжении историков документы и факты не позволяют сделать достаточно объективных и вполне обоснованных выводов относительно личного участия Сталина в акциях по экспроприации. В не меньшей степени это приложимо и к выводу о том, что он был непричастен к таким акциям. На этот счет имеются лишь косвенные свидетельства и предположения. Поэтому мне кажется, что изложенный выше гипотетический вариант отношения Сталина к актам экспроприации может быть полезен при рассмотрении данного вопроса.

Нет оснований придавать вопросу об участии Сталина в экспроприациях какого-то исключительного, чрезмерно преувеличенного значения. В конечном счете имели ли место такие факты или нет – лишь эпизод во всей его насыщенной политической биографии. Ответ на этот вопрос – как положительный, так и отрицательный, – не вносит каких-либо принципиальных коррективов в общую картину его политической жизни. Но все-таки он существенен с точки зрения понимания его психологии, отношения к методам политической борьбы, оценке того, ставил ли он строго определенные морально-этические границы допустимости тех или иных действий в достижении определенных целей. Иными словами, значение этого отдельного эпизода в политической карьере Сталина для нас обретает определенное значение, если его рассматривать в плоскости генезиса сталинизма как системы политических воззрений, как совокупности методов достижения поставленных целей. Именно под таким углом зрения, в таком контексте данный эпизод обретает свое подлинное звучание и заслуживает того внимания, которое ему уделяют исследователи жизни Сталина.

Начнем с того, как сам Сталин ответил на поставленный в косвенной форме вопрос о его участии в такого рода актах. Упомянувшийся уже Э. Людвиг в своей книге о Сталине, которая в немалой степени основывалась на его беседе с ним, пишет по этому поводу следующее:

«Поскольку вся эта история замалчивалась в официальной биографии Сталина, хотя и было достаточно определенно установлено, что он имел прямое отношение к ограблению, я спросил его об этом, ожидая, что он многословно будет отрицать данный факт, но что я способен уловить истину, следя за выражением его лица. “В Европе, – сказал я ему, – вас изображают как кровавого царя или как грузинского бандита”

Сталин начал тихо смеяться, несколько раз моргнул и встал, впервые за все наше трехчасовое интервью. Он прохаживался своей неторопливой походкой и взял

К.Цинцадзе – грузинский большевик-боевик. В одной из публикаций, посвященных 25-й годовщине образования РКП(б) (эта дата отмечалась в 1923 году), он, пожалуй, первый, и единственный раз в советской печати упомянул (хотя и не в прямой форме) о причастности Сталина к организации боевых групп большевиков для проведения террористических акций. В своей книге о Сталине Троцкий довольно подробно останавливается на этом сюжете, но, придерживаясь своей главной линии – всячески принизить роль Сталина в революционном движении, в целом склоняется к выводу, что его участие в боевых акциях большевиков, если таковое и было, носило весьма скромный характер. См. *Лев Троцкий. Сталин*. Т. 1. С. 147-149.

¹⁴ *Bertram D. Wolf*. Three who made a revolution. p. 467.

написанную на русском языке свою биографию, но, конечно, в ней ничего не было по вопросу, который я поставил.

“Здесь вы найдете всю необходимую информацию,” – сказал он».

Людвиг далее пишет: “Вопрос об ограблении банка был единственным, на который он не ответил... Его манера уклоняться от ответа по-новому высветила мне его характер. Он мог бы отрицать это; мог бы признать это; он мог бы изобразить все это дело как легенду. Но вместо этого он действовал как настоящий азиат...”¹⁵

В данном случае речь шла о знаменитом акте экспроприации, совершенном 13 июня 1907 года на Эриванской площади в Тифлисе. Его осуществила группа боевиков во главе с легендарным большевиком Камо, уроженцем Гюри, тесно связанным с Кобой еще с юношеских лет. Обстоятельства этого ограбления достаточно детально описаны в соответствующей исторической литературе. Приведу лишь некоторые наиболее существенные моменты. Вот что значит в первом официальном протоколе по поводу этого происшествия:

«ПРОТОКОЛ

1907 года, июня 13 дня, гор. Тифлис.

Я, околоточный надзиратель 4-го участка Светлаков, составил настоящий акт в следующем: сего числа, в 11 часов злоумышленники, пользуясь общей паникой публики и невозможностью дать сопротивление конвою и среди поднявшегося от взрывов дыма и удушливых газов, схватили мешки с деньгами, которых, по заявлению кассира Курдюмова, было 250 тысяч рублей, открыли в разных концах площади револьверную стрельбу и вместе с деньгами скрылись. От взрывов снарядов выбиты все стекла домов и магазинов по всей Эриванской площади.

Из дальнейшего производства дознания и опроса установить личность злоумышленников и по какому направлению побежали злоумышленники с похищенными деньгами ввиду полного отсутствия показаний не удалось. Найденные на площади доска от фэзтона, железные части разорвавшихся снарядов при сем препровождаются».¹⁶

Прокурор Тифлисской судебной палаты докладывал министру юстиции: «Никто из очевидцев не в состоянии был точно определить число нападавших лиц, место, откуда были брошены бомбы, и направление, по которому скрылись злоумышленники... Из находившихся на площади воинских и полицейских чинов только один солдат произвел выстрел, тогда как остальные не успели даже рассмотреть злоумышленников. Момент похищения денег также остался незамеченным».

Жандармский подполковник Бабушкин – директору департамента полиции: «Нет данных считать преступление делом политических партий».¹⁷

В дальнейшем, по ходу расследования обстоятельств дела, выдвигались различные предположения относительно действительных организаторов и исполнителей этого дерзкого и хорошо организованного нападения, в результате которого были 13 человек (главным образом из состава конвоя) убиты и около 50 человек ранены, в основном легко. В полиции на первых порах даже полагали возможным, что налет в Тифлисе был организован самими чиновниками, а не

¹⁵ Цит. по Robert Conquest. Stalin. p. 43.

¹⁶ И. Дубинский-Мухадзе. Камо. М. 1974. С. 74.

¹⁷ Там же. С. 75.

революционной партией. В числе партий и групп, организовавших это ограбление, фигурировали анархисты, армянские националисты, эсеры и т.д. Но в конечном счете следствие все же установило, что этот акт был совершен большевиками.

Об этом эпизоде (а он вызвал исключительно широкий резонанс в России и за границей, не говоря уже о среде самих большевиков) писала и Н.К.Крупская в своих воспоминаниях. Я приведу довольно обширную выдержку из ее воспоминаний, посвященную знаменитому “эксу”, поскольку это позволяет получить наглядное представление как о самом этом акте, так и о фуроре, вызванном его проведением. «В июле 1907 г. была совершена экспроприация в Тифлисе на Эриванской площади. В разгар революции, когда шла борьба развернутым фронтом с самодержавием, большевики считали допустимым захват царской казны, допускали экспроприацию. Деньги от тифлисской экспроприации были переданы большевистской фракции. Но их нельзя было использовать. Они были в пятисотках, которые надо было разменять. В России этого нельзя было сделать, ибо в банках всегда были списки номеров, взятых при экспроприации пятисоток. Теперь, когда реакция свирепствовала всюду, надо было устраивать побеги из тюрем, где царское правительство мучило революционеров, надо было, для того чтобы не дать заглухнуть движению, ставить нелегальные типографии и т. п. Деньги нужны были до зарезу. И вот группой товарищей была организована попытка разменять пятисотки за границей одновременно в ряде городов. Как раз через несколько дней после нашего приезда за границу была сделана ими попытка разменять эти деньги. Знал об этом, принимал участие в организации этого размена провокатор Житомирский. Тогда никто не знал, что Житомирский провокатор, и все относились к нему с полным доверием. А он уже провалил в это время в Берлине т. Камо, у которого был взят чемодан с динамитом и которому пришлось долго сидеть потом в немецкой тюрьме, а затем германское правительство выдало Камо России. Житомирский предупредил полицию, и пытавшиеся произвести обмен были арестованы...

Швейцарские обыватели были перепутаны насмерть. Только и разговоров было, что о русских экспроприаторах. Об этом с ужасом говорили за столом в том пансионе, куда мы с Ильичом ходили обедать. Когда к нам пришел в первый раз живший в это время в Женеве Миха Цхакая, самый что ни на есть мирный житель, его кавказский вид так испугал нашу квартирную хозяйку, решившую, что это и есть самый настоящий экспроприатор, что она с криком ужаса захлопнула перед ним дверь.»¹⁸

Говоря о практической пользе тщательно подготовленной и умело осуществленной экспроприации, следует признать, что она не дала никакого осязаемого результата. Полученная в ходе этой акции крупная сумма денег, в которых испытывали острую нужду большевики, фактически оказалась бесполезной. Более того, при попытке обмена купюр за границей были арестованы видные представители большевистского движения, в частности, будущий нарком иностранных дел Литвинов, будущий нарком здравоохранения Семашко и некоторые другие.

Однако вся сложность и противоречивость ситуации с тифлисским “эксом” и деньгами, полученными таким путем, не исчерпывалась невозможностью их обмена на иностранную валюту. Этот эпизод стал одним из серьезных источников

¹⁸ Н.К.Крупская. Воспоминания о Ленине. М. 1989. С. 143-144.

противостояния между большевиками и меньшевиками, которые формально состояли в одной партии. Началась серия взаимных обвинений и партийных разбирательств, учреждение комиссий по расследованию всего дела. Все это приняло затяжной характер и продолжалось несколько лет, и в конечном счете не завершилось чем-то путным. Б. Вольф в своей книге, ссылаясь на архивные источники, оказавшиеся в США, а также на личные беседы с рядом лиц, имевших непосредственное касательство ко всем этим межпартийным разбирательствам, пишет, что расследованием дела занимались три специально созданные комиссии. Эти комиссии особое внимание уделяли выяснению роли Кобы в данном деле. Конечным результатом явилось якобы исключение его из партии.¹⁹

На вопросе об исключении Сталина из партии, якобы имевшем место в тот период, я остановлюсь несколько позже. Сейчас же завершим разговор о некоторых моментах, связанных непосредственно с тифлисским делом. Следует заметить, что сами по себе пикантные обстоятельства этого дела отступают на задний план, поскольку нас в данном случае интересуют не они, а участие – прямое или косвенное – Сталина в подготовке, организации и осуществлении данного акта. Как уже отмечалось, сам Сталин не пожелал дать ни положительного, ни отрицательного ответа на поставленный Э. Людвигом вопрос о его причастности к экску в Тифлисе. Чем мотивировалась такая его позиция, сказать трудно. На этот счет можно строить лишь догадки и гипотезы с различной степенью их достоверности. Возможно, он действительно не имел отношения к тифлисскому экску, что кажется мне наименее вероятным вариантом. Можно допустить, что посчитал неприличным, нереспектабельным для себя в его положении фактического лидера государства признавать свою причастность к такому, мягко выражаясь, деликатному инциденту.

Троцкий и его сторонники в 20–30-е годы также подвергали анализу этот эпизод из политической биографии Сталина. Согласно их версии, мотивы, которыми руководствовался Сталин, умалчивая о своем участии в организации налета на Эриванской площади, носили политический подтекст. Так, в издании “Бюллетень оппозиции”, выпускавшимся за границей Троцким и его сторонниками, в статье “К политической биографии Сталина” говорилось: “В 1907 году Сталин принимает участие в экспроприации тифлисского банка. Меньшевики, вслед за буржуазными филистерами, немало негодовали по поводу «заговорщицких» методов большевизма и его «анархо-бланкизма». У нас к этому негодованию может быть только одно отношение: презрение. Факт участия в смелом, хотя и частичном ударе по врагу делает только честь революционной решимости Сталина. Приходится, однако, изумляться, почему этот факт трусливо устранен из всех официальных биографий Сталина? Не во имя ли бюрократической респектабельности? Думаем все же, что нет. Скорее по политическим причинам. Ибо, если участие в экспроприации само по себе отнюдь не может скомпрометировать революционера в глазах революционеров, то ложная политическая оценка тогдашней ситуации компрометирует Сталина как политика. Отдельные удары по учреждениям, в том числе и «кассам» врага совместимы лишь с массовым наступлением, т.е. с подъемом революции. При отступлении масс, частные, отдельные, партизанские удары неизбежно вырождаются в авантюры и ведут к

¹⁹ *Bertram D. Wolf. Three who made a revolution. pp. 395-396, 471.*

деморализации партии. В 1907 году революция откатывалась, и экспроприации вырождались в авантюры. Сталин во всяком случае показал в этот период, что не умеет отличать отлива от прилива.”²⁰

Разумеется, и такое объяснение нельзя игнорировать без всякой мотивации. Однако наиболее убедительной выглядит, на мой взгляд, такая версия. В свое время, уже после установления Советской власти (об этом подробно речь пойдет ниже) он решительно и категорически отрицал в суде то, что исключался из партии за причастность к актам экспроприации. Поэтому, естественно, не мог позже опровергать сам себя, признавая прямое или косвенное участие в тифлисском эксе. Ведь с точки зрения политического престижа для большевика участие в таких дерзких акциях выглядело отнюдь не позорным и преступным деянием, а, наоборот, как шаг, оправданный интересами служения делу революции, а потому достойный не осуждения или порицания, а как проявление преданности делу революции, как демонстрация мужества и решительности. Но что делало честь большевику-подпольщику, не могло украшать государственного деятеля. Было уже совершенно иное время и имели силу совершенно иные ценностные критерии. Поэтому нельзя сбрасывать со счета морально-этические мотивы, которыми руководствовался Сталин, уклоняясь от ответа на вопрос Э.Людвига. Суммируя, можно предположить, что именно эти оба соображения и объясняют уклончивость Сталина в его беседе с немецким писателем.

Следует отметить, что в официальных публикациях (сочинения Сталина, его краткая биография, другие партийные документы) нет никаких упоминаний о его причастности к этому делу. Более того, в биографической хронике, относящейся к этому периоду его деятельности, нет ссылок на то, что он именно в этот период ездил в Германию для конспиративной встречи с Лениным, во время которой, как считают некоторые исследователи, и обсуждался план и детали предстоявшего акта экспроприации.* Между тем, сам Сталин в той же беседе с Людвигом и в некоторых других случаях говорил о своей поездке в Германию. Так что неясностей и недоговоренностей на этот счет достаточно. Здесь имеется большое поле для различных спекуляций и предположений.

Одну из них изложил И.Дойчер в своей политической биографии Сталина. Она заслуживает того, чтобы на ней остановиться более подробно. И.Дойчер пишет: «роль Кобы во всем этом была важной, хотя она никогда так и не прояснилась. Он действовал как своего рода связной между Кавказским бюро большевиков и боевыми отрядами. В этом своем качестве он никогда не был вовлечен в эти акции. Скорее всего он давал или не давал одобрение осуществлению запланированных акций, высказывал свои советы, обеспечивал “тылы” при проведении крупных операций и наблюдал за их реализацией издалека. Царская полиция в своей охоте на преступников никогда не подозревала Кобу в связи с ними. Его искусство маскировки было так превосходно, что эту его роль удалось тщательно скрыть даже от глаз партии.»²¹

И. Дойчер

²⁰ “Бюллетень оппозиции” 1930г. № 14.

* Вопрос о конспиративной встрече Сталина с Лениным в Берлине уже затрагивался в предыдущей главе, поэтому нет необходимости детально рассматривать его здесь.

²¹ *Isaac Deutscher. Stalin.* p. 99.

Как можно прокомментировать такой вывод? Конечно, боевые операции, в том числе и по экспроприации денежных средств, имели весьма специфический характер, требовали тщательной конспирации, в их подготовку и осуществление вовлекался строго проверенный и ограниченный круг лиц. Вполне возможно, что о них не имели никакого представления не только рядовые члены партии, но и даже многие члены соответствующих комитетов. Хотя в принципе трудно допустить, что подобные акции вообще могли осуществляться без участия, а тем более одобрения надлежащих партийных комитетов. В этом смысле у большевиков была строгая дисциплина, которая скрупулезно соблюдалась членами партии, и отступления от нее сурово карались в соответствии с партийными нормами. В данном случае логично предположить, что соответствующую санкцию на подготовку и проведение операции Коба и другие ее участники получили от центрального партийного органа большевиков в лице Ленина. Естественно, что разглашать, а тем более афишировать механизм и детали принятия решений по таким деликатным вопросам было бы чистым идиотизмом. В конце концов именно здесь коренится причина того, что сам тифлисский экс, как и ряд других акций подобного свойства, а также участие Сталина в их проведении, оказались покрыты завесой неизвестности. В биографической литературе о Сталине фигурируют несколько версий его причастности к тифлисской экспроприации. Одна из них говорит о том, что именно он бросил бомбу с крыши сумбатовского дворца, которая послужила первым актом и сигналом к осуществлению всей акции.²² Другая заключается в том, что Коба организовал доставку захваченных денег в здание обсерватории, где у него были хорошие нелегальные связи. Третья версия сводится к тому, что он был разработчиком и главным руководителем всей операции.²³

В связи с тифлисской экспроприацией нельзя обойти молчанием один момент. Бывший довольно крупный советский номенклатурный работник Г.Беседовский, в годы правления Сталина перешедший на положение невозвращенца и написавший там книгу о сталинском термидоре, приводит отрывок из письма Ленина, которое будто бы содержало инструкции относительно организации всего этого дела. В нем Ленин якобы писал: “надо все это устроить так, чтобы ответственность ни в коем случае не падала на нашу партию. Организуйте отдельный отряд боевиков-экспроприаторов и поставьте во главе его вполне надежное лицо, человека, который скорей умрет, чем откроет правду в случае ареста. Если отряд провалится, мы от него отречемся и объявим, что отряд действовал самозванно и самочинно, без нашего разрешения. Иначе мы действовать не можем, так как вся эта меньшевистская слякоть съест нас живьем в случае провала”²⁴.

Каких-либо ссылок и пояснений к данному письму у Беседовского нет. Скорее всего, оно является откровенной подделкой. Хотя само содержание и вся тональность

²² Подробнее об этом см. *Григорий Беседовский. На путях к термидору*. М. 1997. С. 348-359. На Беседовского ссылаются многие авторы, пишущие о Сталине. Однако достоверность целого ряда фактов, приводимых им, вызывает не просто сомнение, но и прямое недоверие. Это касается и эпизода, связанного с ролью Сталина в экспроприации на Эриванской площади.

²³ См. *Robert Payne. The Rise and Fall of Stalin*. p. 118-119.

²⁴ *Григорий Беседовский. На путях к термидору*. С. 349.

подобного рода письма вполне укладывается в рамки ленинского подхода к данному вопросу. Таким образом, подвергая сомнению не столько достоверность существования самого письма, сколько возможность доступа к нему Беседовского, я склоняюсь к мысли, что между Лениным и Сталиным был контакт по вопросу организации экса в Тифлисе.

Анализ различных версий причастности Сталина к экспроприации в Тифлисе, приводит меня к заключению, что наиболее приемлемым и по логическим, и по фактическим основаниям, является вывод, который содержится в книге А. В. Островского. Суть его вывода такова: "...Не следует забывать, что И.В.Джугашвили занимал такое положение в большевистской организации, которое исключало возможность его непосредственного участия в событиях на Эриванской площади.

Но занимая в большевистской организации руководящее положение, он не мог не быть посвящен в подготовку самого «экса». Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что он не только был в курсе его подготовки, но и имел к ней самое непосредственное отношение, а 13 июня находился в Тифлисе и полностью был в курсе происходящего."²⁵

Разумеется, можно представить и некоторые иные варианты развития событий, связанных с осуществлением ограбления на Эриванской площади и роли Кобы во всем этом деле. Однако по прошествии почти целого века со времени этого события рассчитывать на точное установление истины едва ли приходится. Заслуживает внимания еще одно существенное обстоятельство: соответствующие власти царской России, расследовавшие это дело, ни в прямой, ни в какой-либо косвенной форме не связывали его с именем Кобы. Это также должно приниматься в расчет, когда речь идет о роли Сталина в тифлисской эксе. Видимо, есть все основания сделать следующий вывод: трудно рассчитывать, что историки смогут когда-либо дать исчерпывающий и абсолютно достоверный ответ на все вопросы, касающиеся знаменитого тифлисского ограбления, которое так или иначе сопрягается с именем Сталина.

Но вернемся к политической стороне проблемы, связанной с предполагаемым участием Сталина в акциях по экспроприации денежных средств. Факт экспроприации вскоре же после его совершения стал объектом острейшей политической борьбы между большевиками и меньшевиками. Последние использовали его для обвинений большевиков в нарушении решений съездов партии, в том, что такими действиями большевики подрывают авторитет революционного движения, компрометируют социал-демократов в глазах общественного мнения. Не без некоторых оснований они указывали на то, что благодаря таким действиям партию легко можно дискредитировать, изобразив ее в качестве сборища бандитов и налетчиков. Проще говоря, представить РСДРП не в качестве политической партии, а в качестве спянной группы уголовников.

Нельзя не признать, что в обстановке спада революционного подъема активные боевые действия, в том числе и акты экспроприации, лишались своего внутреннего смысла. Они уже были не в состоянии стимулировать революционный подъем и являли собой некий паллиатив подлинно активных массовых действий. Хотя с чисто человеческой точки зрения можно понять эти отчаянные и мужественные акты. Ведь

они служили и своего рода ответом на широкомасштабную полосу жестоких полицейских репрессий, обрушенных режимом на революционное движение в целом и на членов революционных партий в первую голову. Правящий режим сам в определенной мере как бы подталкивал своих противников к жестким и отнюдь не всегда чисто политическим ответным действиям. Так что выносить однозначно осуждающее суждение по поводу боевых акций противников режима, и в первую очередь большевиков, на мой взгляд, нет оснований. Необходимо учитывать характер всей обстановки в тот период, которая подчас диктовала необходимость прибегать и к экстраординарным мерам борьбы с режимом.

Однако в борьбе вокруг экспроприаций доминировали не чисто моральные соображения, а скорее мотивы преимущественно политического свойства. Ведь противостояние большевиков и меньшевиков носило непримиримый и ожесточенный характер, и спор вокруг актов экспроприаций фактически сводился к тому, чтобы скомпрометировать противную сторону, добиться укрепления своих собственных позиций во внутрипартийном противоборстве. Весьма примечательно то обстоятельство, что некоторые зарубежные исследователи этого периода российской истории констатировали, что не только большевики, но и меньшевики как партия в целом не видели ничего экстраординарного в самих этих актах. В ряде случаев они и сами были непосредственно вовлечены в них. Так, например, А. Улам пишет, что и умеренные, и радикальные социал-демократы были вовлечены в так называемые партизанские действия против режима. «Меньшевики не могут избежать определенной ответственности за экспроприации, и поэтому их последующие выражения ужаса по этому поводу должны восприниматься с известным скептицизмом.»²⁶ Трудно не согласиться с этим мнением, поскольку оно вполне объективно отражает не те или иные политические пристрастия и предубеждения, а реальную обстановку того времени. Достаточно привести такой абсолютно убедительный аргумент, взятый из протоколов лондонского съезда РСДРП. При обсуждении вопроса о мерах борьбы против экспроприаций и других партизанских действий, которые, в частности, предусматривали исключение из партии тех, кто принимал в них участие, один из делегатов (кстати, не большевик) заявил: «Если принять этот пункт, то пришлось бы исключить целую массу лучших людей, среди них и весь ЦК, — в том предположении, конечно, что этот пункт будет иметь обратную силу.»²⁷

Вернемся, однако, к перипетиям споров и столкновений, связанных с возможным участием Сталина в экспроприациях. Сугубо политическая нацеленность обвинений в его адрес в связи с этими акциями с полной очевидностью проявилась уже после Октябрьской революции. Остановимся на этом более подробно, тем более что данный эпизод чуть ли не в обязательном порядке присутствует в качестве одного из важных аргументов при вынесении вердикта о Сталине как политическом деятеле. Обнажая суть вопроса, можно сказать, что реальная или вероятная причастность Сталина к тифлисской экспроприации для подавляющего большинства его биографов служит своеобразным «убийственным» аргументом, на базе которого делаются далеко идущие выводы о криминальной по своей природе сталинской политики вообще. Мол,

²⁶ Adam B. Ulam. Stalin. The man and his era. p. 90.

²⁷ Протоколы пятого съезда РСДРП. С. 584.

криминальные действия как инструмент политики – это отличительная черта сталинского поведения как политика и как государственного деятеля вообще. И эта особенность его стиля как политического деятеля нашла свое выражение в качестве яркого образца в тифлисском “эксе.” Отсюда и проистекает пристальное внимание, которое уделяют его биографы данному эпизоду. Правда, каких-либо новых материалов и аргументов, способных пролить свет на все обстоятельства указанного дела, не приводится. В основном все вращается вокруг патетических рассуждений об аморальности такого рода акций и т.п.

Чуть ли не единственным источником здесь служат свидетельства одного из участников революционного движения в Закавказье Р.Арсенидзе. Они опубликованы в издававшемся в США на русском языке “Новом журнале” в номере за июнь 1963 года. Согласно воспоминаниям Арсенидзе, для соответствующего разбора дела был создан партийный суд под председательством С.Джибладзе. “После расследования, по докладу Комиссии, участники и организаторы ограбления во главе с Коба, – утверждал Р.Арсенидзе, – были исключены из партии. Постановление это вместе с документами было переслано в ЦК партии за границу. Дальнейшая судьба дела мне неизвестна. Передавали, что ЦК, в большинстве состоявший из большевиков (после Лондонского съезда), не дал хода делу”²⁸.

В итоге рассмотрения суд признал Кобу виновным и исключил его из партии. Б.Суварин в своей книге о Сталине, основываясь, очевидно, на сведениях, полученных им от грузинских эмигрантов-меньшевиков, утверждает, что кавказский комитет, в котором преобладали противники большевиков, проведя собственное расследование тифлисского эпизода, решил исключить из партии всех участников этого нападения, включая Сталина. Но ни одно имя не было упомянуто публично, из-за опасений, что это может дать наводку полиции.²⁹

Как утверждает упоминавшийся уже Р.Арсенидзе, “с тех пор грузинская организация навсегда была закрыта для Кобы.” Американский советолог Р.Пэйн, приводя в своей книге о Сталине эти свидетельства, высказывает сомнения относительно мотивов вероятного исключения Кобы из партии. На мой взгляд, сомнения вполне обоснованные и логичные. Он пишет, что едва ли Коба мог быть исключен из партии только на основе обвинений в участии в экспроприации. В Грузии и меньшевики, в частности, тот же Джибладзе, принимали самое активное участие в организации и проведении террористических актов (например, убийство в 1906 году генерала Грязнова в Тифлисе). Поэтому участие Кобы в тифлисской экспроприации вряд ли могло быть достаточным основанием для исключения его из партии, считает Р.Пэйн. Правда, американский биограф упускает из виду такой немаловажный момент, как временной фактор. Если партийный суд над Кобой имел место, то он происходил уже после пятого съезда РСДРП, осудившего экспроприации. И в таком случае позиция членов этого партийного суда опиралась на авторитет съездовских резолюций. Сама прежняя причастность членов суда к боевым акциям в отношении царского режима

²⁸ Арсенидзе. Из воспоминаний о Сталине. “Новый журнал” Нью-Йорк. 1963. Книга 72. С. 232.

²⁹ Boris Souvarine. Stalin: A Critical Survey of Bolshevism. Alliance Book Corp. 1939. Глава IV. Профессиональный революционер. Электронная версия.

уже не могла быть причиной того, чтобы не применить к Кобе строгих мер, вплоть до исключения из партии. Напомним, тогда еще единой и для большевиков, и для меньшевиков.

Р.Пэйн, высказывая свои сомнения, полагает, что подлинной причиной исключения Кобы из партии якобы было не само участие в экспроприации, а черты его характера – грубость, жестокость, стремление к неограниченной власти, кровожадное отношение к товарищам по партии, его попытки использовать захваченные деньги в своих собственных целях. Мол, в конечном счете он оставался абреком, “отказывавшимся признавать любую власть, кроме собственной.”³⁰

Но коснемся истории рассмотрения данного вопроса в первые месяцы после Октябрьской революции, когда можно еще было более или менее достоверно установить подлинные факты и вынести основанное на них заключение. Так называемое разбирательство дела Сталина об участии в актах экспроприации не ограничилось теми тремя комиссиями, о которых речь уже шла выше. В марте 1918 года начался новый и, пожалуй, наиболее внушительный акт этой политической то ли комедии, то ли трагикомедии. Непосредственными действующими лицами ее стали такие фигуры, как один из лидеров меньшевиков Мартов и сам Сталин.

В начале апреля 1918 года начался судебный процесс, который вызвал определенный резонанс даже в тех условиях, когда в стране разворачивались события поистине первостепенного значения для судеб страны (несколькими неделями назад был подписан Брестский мир, обозначивший глубочайший раскол в обществе). Поводом (да и, видимо, причиной одновременно) послужила статья, опубликованная 18 марта 1918 г. в газете “Вперед”. Ее автор Мартов писал: “что кавказские большевики примазывались к разного рода удалым предприятиям экспроприаторского рода, хорошо известно хотя бы тому же г. Сталину, который в свое время был исключен из партийной организации за прикосновенность к экспроприациям”.³¹

Последний подал на Мартова в суд революционного трибунала, предъявляя ему обвинение в заведомой клевете: “С такими обвинениями, с какими выступил Мартов, можно выступать лишь с документами в руках, а обливать грязью на основании слухов, не имея фактов – бесчестно”.³² Попутно стоит заметить, что разыгравшаяся судебная баталия приобретала актуальность прежде всего в связи с тем, что в этот период шла очередная выборная кампания, и политические страсти накалились.

Как же разворачивались события? Помня знаменитую мысль Аристотеля, что “только доказательство существенно, остальное дополнение”, изложим лишь квинтэссенцию происходившего процесса. Причем так, как она была представлена именно в то время. Газета “Правда” опубликовала информацию об этом процессе под заголовком “Дело Мартова”. Информация была весьма скупой, хотя довольно точно передала суть того, что разыгралось на судебных слушаниях. Вот ее содержание:

³⁰ Robert Payne. The Rise and Fall of Stalin. p. 121.

³¹ Цит. по Лев Троцкий. Сталин. Т. 1. С. 148.

³² Здесь необходимо заметить, что Мартов и его защита настаивали на рассмотрении дела не революционным трибуналом, а обычным судом, что, по их мнению, давало бы реальные гарантии беспристрастного разбирательства.

³³ Цит. по Лев Троцкий. Сталин. Т. 1. С. 148.

Мартов бросил “обвинения т. Сталину в исключении его из партийной организации за прикосновенность к экспроприациям” По его сведениям, в 1908 г. состоялось решение областного комитета Закавказья об исключении Бакинского комитета С-Д, в котором состоял Сталин, из организации за участие в экспроприации”

Сталин: “Никогда за 20 лет партийной работы, из которых около половины прошло в ссылке и тюрьме, он не судился, и не исключался из организации.”³³

Взаимные обвинения сторон, конечно, ни к чему не могли привести. Сталин нажимал на то, что действия Мартова преследуют политические цели и представляют собой попытку нанести политический ущерб Советскому правительству. Мартов же настаивал на вызове свидетелей, которые могли бы подтвердить обоснованность его утверждений в отношении Сталина. Речь шла в первую очередь о привлечении в качестве свидетелей Джибладзе и Рамишвили (меньшевики), которые могли дать необходимые сведения. Сталин ссылаясь (и не без оснований) на трудности и даже невозможность установить необходимый контакт с Закавказьем в тех условиях. Видимо, аргументы обеих сторон имели определенный резон.

Суд (кстати, состоявший из большевиков) отложил свои слушания и поручил Б.Николаевскому (меньшевику) получить от Джибладзе, Рамишвили и других грузинских революционных деятелей, имевших касательство к рассматриваемому вопросу, необходимые для установления истины свидетельские показания. Б.Николаевский выполнил это поручение. Как утверждают западные исследователи, свидетельские показания, добытые Б.Николаевским, подтвердили справедливость обвинений Мартова. Однако по возвращении Б.Николаевского в Москву выяснилось, что протоколы первого судебного заседания исчезли.³⁴

16 апреля 1918 года состоялось второе заседание суда. Вот как его ход осветила газета “Правда”:

«т. Сталин указывает, что клевета Мартова, конечно, была направлена не против него, Сталина, как такового, мало ли экспроприаторов на белом свете, и однако Мартову до них нет дела, клевета имела определенную цель, очернить перед выборами меня, как члена ЦИК, как большевика, сказать выборщикам:

“Смотрите, вот они какие, ваши большевики.”

Мартов повторяет доводы своего защитника и в своей речи бросает по адресу тов. Сталина слово “экспроприатор” за что получает предостережение председателя».³⁵

В конечном счете все это судебное разбирательство завершилось тем, что трибунал нашел дело по обвинению Мартова в клевете, выдвинутое Сталиным, не подсудным революционному трибуналу и оставил его без рассмотрения. Одновременно Мартову было вынесено “общественное порицание” за оскорбление Советского правительства.³⁶

Излагая все перипетии данного сюжета, я старался быть в максимальной степени объективным, приводя доводы и соображения приверженцев и той, и другой

³³ “Правда”. 6 апреля 1918г.

³⁴ E. Smith. The young Stalin. pp. 208-209.

³⁵ “Правда” 17 апреля 1918г.

³⁶ “Правда”. 17 апреля 1918г.

стороны. У каждой из них были свои резоны, свои сильные и слабые стороны. Но в конце концов, какие же выводы напрашиваются из рассмотрения всех обстоятельств, связанных с возможным участием Сталина в акциях по экспроприации и якобы имевшем место исключении его из партии за причастность к таковым? Объективность диктует необходимость воздержаться от категорических заключений, поскольку убедительных и неопровержимых доказательств, как в пользу положительного, так и отрицательного вывода в распоряжении исследователей этого периода политической карьеры Сталина нет. Обращает на себя внимание следующее: в ходе судебного разбирательства Сталин делал акцент на том, что никогда не исключался из партии. Прямого и недвусмысленного отрицания своей причастности к экспроприациям мы не находим в его выступлениях перед трибуналом. По крайней мере, в тех материалах суда, которые стали доступны общественности. Это косвенно может служить подтверждением того, что такое участие имело место. Если бы было иначе, то он несомненно использовал бы данный аргумент в своих обвинениях против Мартова.

Вторым моментом, заслуживающим внимания, является то, что иск Сталина к Мартову был фактически отклонен революционным трибуналом, состоявшим из большевиков, хотя и по чисто формальным основаниям. Это также может быть расценено как косвенное признание обоснованности обвинений, брошенных Мартовым. По крайней мере, такое решение опровергало утверждения в пристрастности суда. В пользу мнения о том, что суд был беспристрастный, говорит и то обстоятельство, что он согласился с доводами Мартова и его защитников о необходимости привлечь к выяснению истины свидетелей, причем преимущественно из числа меньшевиков, которые априори должны были давать показания против Сталина.

Учитывая же обстоятельства, о которых шла речь выше, а именно, что причастность в той или иной форме к подобным актам, как отмечалось на Лондонском съезде партии, можно было бы инкриминировать чуть ли не всему составу тогдашнего ЦК (а в нем большинство было за меньшевиками), складывается достаточно обоснованное представление о сугубо политической мотивации, лежавшей в основе обвинений, выдвинутых Мартовым против Сталина в 1918 году.

Давая обобщенную оценку этому сюжету из биографии Сталина, видимо, надо признать, что вся его политическая философия не только не отторгала, но и считала вполне допустимыми и даже необходимыми любые меры борьбы против режима, в том числе и акты экспроприации. Некоторые исследователи перекидывают логический мостик от этого факта к фактам широкомасштабных репрессий в период всевластия Сталина. Мол, с давних пор ему были абсолютны чужды какие-то сантименты и ограничения чисто морального порядка. Внешне подобные аналогии и умозаключения вроде бы оправданы и звучат убедительно. Но, на мой взгляд, при таком подходе фактически упускается из виду главная составляющая – а именно политическая мотивация действий. А именно она как раз и играла доминирующую роль не только в рассматриваемых эпизодах, но и во всей деятельности Сталина. Мне думается, что смотреть на сложные, глубокие и исключительно противоречивые общественные явления прежде всего через призму персональных качеств той или иной личности, даже обладавшей столь огромной властью, какой обладал Сталин, значит идти по самому легкому и вместе с тем неправильному пути. Такой путь не ведет к постижению истины. Разумеется, личные качества и особенности лидера

играли важную роль, но не они в конечном счете определяли направление и сам характер развития политических процессов на том или ином историческом отрезке времени.

Чтобы завершить раздел об участии Кобы в экспроприациях, думается есть необходимость хотя бы в самом общем виде коснуться и вопроса о приписываемой ему причастности к прямым актам террора. Вряде публикаций, впервые появившихся в зарубежной печати еще тогда, когда Сталин находился на вершине власти, содержались утверждения и намеки на то, что Коба имел касательство к таким “делам”, как убийство тифлисского военного диктатора генерала Грязнова 17 января 1906 года, убийство “отца” грузинского ренессанса И. Чавчавадзе 28 августа 1907 года (последний выступал с резкой критикой левых движений). Сюда же относилось и дело по убийству рабочего Жаринова, который якобы подвергся “устранению” за то, что выступал против террористических акций, и его товарищи опасались, что он может выдать их полиции. Словом, имелся целый набор сомнительных дел, с которыми пытались связать имя Кобы.

Надо прямо сказать, что за всеми этими обвинениями не было никаких, даже хотя бы отчасти правдоподобных, фактов и оснований. Многие биографы Сталина, даже крайне враждебно настроенные к нему, как, например, Троцкий, считали такие обвинения несерьезными. Но тем не менее подобные обвинения были живучи, ибо они подпитывались явно тенденциозными мотивами: провести прямую логическую связь между ними и позднейшими репрессиями Сталина. Здесь присутствовала своя железная логика мышления и доказательства: Сталин с ранних пор своей деятельности был чуть ли не помешан на терроре. По крайней мере, склонность к террору была ему присуща имманентно.

Вопросам репрессий в годы правления Сталина будет уделено особое внимание во втором томе работы. Сейчас же мне кажется достаточным указать на то, что поскольку обвинения в его адрес в связи с террором, относящиеся к периоду его подпольной работы, не подкрепляются никакими фактами и серьезными доводами, то и всерьез анализировать их нет необходимости. В данном случае это равносильно тому, чтобы доказывать, что он не был верблюдом. Кроме того, если говорить без всяких обиняков, грехов у Сталина по части террора и репрессий вполне достаточно, поэтому нет нужды навешивать на него те, к которым он был непричастен, или прикосновенность к которым более чем сомнительна. И в конце концов для нас первостепенное значение имеют не отдельные детали, хотя и они важны для правильной исторической оценки столь же крупной, сколь и противоречивой фигуры, какой был Сталина, а уяснение процесса формирования этой личности и то, к чему в итоге привел этот процесс.

3. “Второе революционное крещение”

В предшествующих разделах мне уже приходилось говорить о свойственном Сталину своеобразном стиле выражения своих мыслей, когда он охотно и умело использовал лексику религиозных писаний. Надо сказать, что в силу полученного им образования он прекрасно знал Священное писание и многое почерпнул из него не только в чисто содержательном плане, но и в смысле заимствования понятий и выражений. Нет необходимости убеждать, что сокровищница всех основных европейских, да и не только европейских, языков во многом обогатилась именно

благодаря словам и выражениям, почерпнутым из Ветхого и Нового завета. Многие из них стали крылатыми и как бы изначально народными. Поэтому неудивительно, что даже для определения основных вех своей революционной деятельности он прибегал к использованию религиозной лексики.

Известному французскому естествоиспытателю XVIII века Бюффону принадлежит выражение : стиль — это человек. В приложении к Сталину это емкое определение кажется особенно удачным и уместным. Стиль его речи, да и манера политического мышления в целом, весьма выразительно характеризуют его как личность. Использование религиозных понятий и терминов в политической полемике, в формулировании важных государственных задач и т.п., к которым Сталин часто прибегал, очевидно, по его мнению, должно было служить максимально точному выражению мыслей, делать такие мысли понятными широкому кругу людей. И только заведомо предубежденный человек способен усматривать в этом лишь склонность к догматизму и катехизисному мышлению. По моему, именно те, кто так считает, как раз и проявляют приверженность к схематической и догматизированной манере мышления.

В свете сказанного отнюдь неудивительно, что бакинский период своей подпольной работы он определил "как второе революционное крещение" Вот его, если можно так сказать, самооценка: "Я вспоминаю, далее, 1907–1909 годы, когда я по воле партии был переброшен на работу в Баку. Три года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня, как практического борца и одного из практических местных руководителей. В общении с такими передовыми рабочими Баку, как Вацек, Саратовец, Фиолетов и др., с одной стороны, и в буре глубочайших конфликтов между рабочими и нефтепромышленниками — с другой стороны, я впервые узнал, что значит руководить большими массами рабочих. Там, в Баку, я получил, таким образом, второе своё боевое революционное крещение. Там я стал подмастерьем от революции."³⁷

Как видим, сам Сталин бакинский период своей подпольной работы определяет как чрезвычайно важный в формировании его как революционного деятеля. Причем подчеркивает то, что он выступал в качестве практического работника. Иными словами, он не выказывал какие-то большие амбиции и не претендовал на роль деятеля общероссийского масштаба. Нет здесь и намека на какие-то заслуги в области теоретической разработки проблем революционной борьбы. В целом эта самооценка, на мой взгляд, отвечает фактам реальной действительности того периода. Безудержные восхваления бакинского этапа его деятельности, которые были характерны для советской историографии во времена пребывания его у власти, конечно, не могут считаться сколько-нибудь обоснованными. Они просто отражали дух того времени, и их не следует принимать всерьез.

Однако нет оснований и принижать значение работы Сталина в тот период, поскольку именно тогда он приобрел достаточно богатый и столь важный для него опыт широкой массовой работы. Именно к этому периоду относится его активное участие в профсоюзном движении, непосредственные контакты с массовыми рабочими организациями, овладение опытом повседневной стачечной борьбы по

³⁷ И.В.Сталин. Соч. Т. 8. С. 174.

отстаиванию насущных требований бакинских рабочих. В этот же период он соприкоснулся и с такими аспектами рабочего движения, как ведение переговоров с предпринимателями, заключение с ними определенных соглашений на основе компромиссов и т.д. Словом, впервые в столь широком масштабе он столкнулся с каждодневной практикой классовой борьбы, причем в условиях общего спада революционного движения в стране. Правда, специфика Баку состояла в том, что будучи основным районом нефтедобычи в стране, да тогда и одним из крупнейших в мире вообще, этот город являл собой своеобразное исключение. В России рабочее движение шло на убыль, а в Баку оно развивалось довольно бурными темпами. Власти и сами предприниматели хорошо понимали значение нефти и проявляли, если так можно выразиться, определенную сдержанность в отношении методов противодействия выступлениям рабочих. Забастовки грозили срывом добычи и поставок горючего, нужда в котором постоянно росла. Так что приходилось поневоле считаться в той или иной мере с требованиями рабочих. К тому же, в отличие от Тифлиса и других городов Кавказа, в Баку позиции рабочего класса, не говоря уже о его численности, были особенно сильны. Бакинский пролетариат занимал передовые позиции во всем революционном рабочем движении страны. Соответственно, высокими здесь были и ставки в непрекращавшейся борьбе между большевиками и меньшевиками за влияние на рабочие массы, за лидерство в революционном движении.

В Баку, как и в целом на Кавказе, меньшевики обладали преимущественным влиянием, однако не в такой степени, как в других кавказских регионах, а тем более в Грузии. Шансы ослабить их влияние, укрепить позиции большевиков в промышленном районе Баку были гораздо более перспективными, чем где бы то ни было на Кавказе. В тот период это являлось главной стратегической целью большевиков в этом районе России. И Коба как раз и посвятил всю свою деятельность осуществлению данной цели. По своим политическим качествам, в силу своей непримиримости к меньшевикам, благодаря уже солидному опыту, накопленному во внутривластных баталиях, он вполне подходил к выполнению возложенной на него задачи. Вполне логично предположить, что переезд в Баку для продолжения партийной работы был не только и не столько его личным выбором, но и продиктован мотивами партийной стратегии. Некоторые исследователи ссылаются на то, что для Кобы дальнейшая работа в Грузии, и в Тифлисе в частности, стала уже невозможной, поскольку местные полицейские органы его слишком хорошо знали, что резко ограничивало возможности для его подпольной работы. Приводят также и такой аргумент: якобы экстремизм Кобы, его непримиримая враждебность к меньшевикам подорвали его репутацию не только в революционных кругах, но и среди рабочих масс, поэтому, мол, ему ничего не оставалось, как покинуть Грузию и перебраться туда, где его меньше знали.

Не исключено, что отмеченные выше моменты сыграли какую-то роль в том, что Коба переехал в Баку, чтобы начать новый этап своей революционной карьеры. Но, во-первых, сами эти негативные моменты отнюдь не являются бесспорными и нуждаются в подкреплении фактами. Факты же довольно скудны, если не сказать сомнительны. Кроме мимолетных и случайных свидетельств, исходящих из стана политических противников Кобы того периода, они ничем не подтверждаются, а потому не могут служить в качестве убедительного аргумента. Во-вторых, более

обоснованной представляется версия, согласно которой переезд в Баку Кобы был продиктован соображениями партийного характера, интересами реализации главной стратегической цели большевиков в данном промышленном районе. Тому есть и прямое подтверждение: во втором томе сочинений Сталина в редакционном примечании к работе “Анархизм или социализм?” говорится, что “в середине 1907 года товарищ Сталин был переведен Центральным Комитетом в Баку на партийную работу...”³⁸

Добавим к этому, что профессиональные революционеры-большевики, да и не только они, были не какими-то вольнонаемными служащими, свободно избравшими место своей работы. Они подчинялись партийной дисциплине во всем, и, прежде всего в том, что касалось их практической деятельности в интересах партии. И когда мы выносим суждение о причинах, побудивших Кобу избрать Баку ареной своей дальнейшей деятельности, нужно обязательно учитывать это последнее обстоятельство. А Сталин, как известно, и как он неоднократно говорил сам, строго и неукоснительно соблюдал требования партийной дисциплины. По крайней мере, это верно по отношению к периоду его подпольной работы.

Новая обстановка, новые условия деятельности, новые, более масштабные задачи, несомненно, способствовали его политическому и интеллектуальному росту в бакинский период. И с учетом сказанного, думается, что его собственные слова о том, что здесь он стал подмастерьем от революции, кажутся даже некоторым преуменьшением. Этот период стал для него своего рода практическим экзаменом для перехода в разряд партийных деятелей общероссийского масштаба. Прошлые его появления на общепартийной российской арене носили во многом эпизодический, и даже случайный характер. Простое участие в работах одной конференции и двух съездов партии – это, конечно, не тот политический капитал, опираясь на который можно претендовать на участие в партийном руководстве. Хотя, конечно, можно только строить предположения и догадки по поводу того, имел ли сам Сталин в то время такого рода амбиции. Думается, что вся его натура и сформировавшийся в полной мере характер, а также само существо его политической философии – все это не только не исключало таких амбиций, а скорее предполагало их наличие. Но, опять-таки, это не вывод или оценка, а всего лишь предположение, имеющее под собой кое-какие основания.

Остановимся на некоторых наиболее существенных сторонах деятельности Сталина в бакинский период. Она концентрировалась главным образом на развертывании организаторской и пропагандистской работы среди рабочих бакинских нефтепромыслов. Как говорится, исходный материал для успешного проведения такой работы здесь был более чем благодатный. Рабочие подвергались самой жестокой эксплуатации. Условия их жизни были чуть ли не скотскими, о соблюдении даже самых элементарных прав не приходилось и говорить. Владельцы предприятий, воодушевленные общим спадом революционных выступлений в стране, начали переходить в наступление, лишая рабочих и их довольно аморфные профессиональные союзы остатков прежних прав, завоеванных в период подъема рабочего движения. Естественно, что непосредственной и важнейшей задачей стало отстаивание повседневных нужд рабочих-промысловиков. Учитывая пестрый

³⁸ И.В.Сталин. Соч. Т.2. С. 372.

национальный состав населения Баку, важное значение приобретала работа по их сплочению, разъяснение того, что общие интересы неизмеримо важнее, чем те или иные национальные различия и разногласия.

И Коба, вне всякого сомнения, оказался как нельзя хорошо подготовленным к выполнению такой работы. Именно здесь, в Баку, он вплотную окупился в национальную проблематику, что сыграло впоследствии важную роль в его политической карьере. К тому же, за его плечами был и опыт работы среди представителей различных национальностей, приобретенный в Грузии ранее. Бакинский период способствовал обогащению его знаний по национальному вопросу, стал своеобразным практическим фундаментом для углубленного изучения этого вопроса и в теоретической плоскости. В этом смысле он оказался в весьма выгодном положении по сравнению с другими теоретиками национального вопроса. Видимо, Баку с точки зрения постижения сложных национальных проблем был одним из наиболее пригодных плацдармов.

Стоит отметить еще одну немаловажную деталь. Начиная с бакинского периода, Сталин выступает в печати со статьями и материалами только на русском языке, в отличие от прежних времен, когда подавляющую часть своих печатных работ он писал на грузинском языке. Знакомство с его статьями, написанными по-русски, позволяет без всяких натяжек сделать вывод: русским языком он овладел вполне прилично, для него, как пишущего человека, русский язык стал поистине родным.^{*} Что касается содержания его статей, то они посвящены преимущественно вопросам защиты непосредственных интересов рабочих, обоснованию той простой мысли, что каких-либо уступок со стороны предпринимателей рабочие могут добиться лишь в результате борьбы, посредством объединения своих общих усилий. Без этого все разговоры об установлении так называемых “европейских” отношений между рабочими и хозяевами, которые еще недавно велись предпринимателями, — пустая болтовня. Обращает на себя внимание — еще один момент. Коба неизменно и постоянно в своих статьях проводит идею о том, что партия “должна сказать народу во всеуслышание, что в России нет возможности мирным путём добиться освобождения народа, что единственный путь к свободе — это путь всенародной борьбы против царской власти.”⁹⁹

^{*} В этой связи хочется провести невольное сравнение его с Хрущевым, для которого русский язык изначально был родным языком. Вот свидетельство Д.Т.Шепилова (бывшего во времена Хрущева секретарем ЦК и кандидатом в члены Президиума ЦК): «За два года совместной работы с Хрущевым в ЦК я видел единственный документ, на котором было личное начертание Хрущева. Это было вскоре после моего избрания секретарем ЦК партии. Была получена телеграмма от одного из наших послов. Хрущев распорядился через помощника дать прочитать телеграмму Сулову и мне. Своей же рукой он начертил нам распоряжение ознакомиться. В правописании Хрущева оно начиналось с буквы «А»: «Азнакомица». Резолюция была написана очень крупными, торчащими во все стороны буквами, рукой человека, который совершенно не привык держать перо или карандаш.

Будущий историк, который захочет по первоисточникам ознакомиться с некоторыми вопросами того периода, будет удивлен тем, что не найдет в архивах ЦК партии и Совета Министров ни одного документа, написанного рукой Хрущева.» (“Вопросы истории” 1998г. № 4. С. 21.) Это, так сказать, сравнительный уровень бывших советских вождей. Каждый способен сделать надлежащие выводы, — и общая картина будет ясна.

⁹⁹ И.В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 79.

Повторяясь, подчеркну, что в этом смысле Коба, подобно древнеримскому сенатору Катону, который любую свою речь заканчивал словами "Карфаген должен быть разрушен", неизменно повторял, что мирный путь для победы революции – исключен, что это – пустая иллюзия. Такой подход весьма характерен для него и позволяет вынести вполне определенные суждения о всей его политической философии. Заметим, кстати, что в дальнейшем эта идея проходит красной нитью через всю политическую деятельность Сталина. Она становится альфой и омегой его политической стратегии, что оказало немаловажное воздействие на весь его облик как государственного и политического деятеля. И, разумеется, на всю внутреннюю и внешнюю политику страны в период, когда ее основные параметры определял Сталин.

Для понимания сущности разногласий между большевиками и меньшевиками, точнее сказать, принципиальном водоразделе, разделявшем их, следует подчеркнуть, что они с диаметрально противоположных позиций подходили к вопросу о вооруженном восстании, о подготовке такого восстания. Если Ленин и, конечно, Сталин, неизменно выступали за подготовку такого восстания, рассматривая его в качестве не только законного, но и, при наличии соответствующих условий, наиболее целесообразного средства свержения самодержавия, то меньшевики под различными предложениями высказывались даже против обсуждения этого вопроса на съезде партии. Весьма красноречивым в этом отношении было выступление на пятом съезде Мартова: «Мы предлагаем совершенно устранить из порядка дня пункт "о подготовке восстания" предложенный товарищами большевиками. Мы находим, что принципиально недопустимо, чтобы партия классово-борьбы пролетариата на своем съезде обсуждала такой вопрос. Социал-демократическая партия может принимать участие в восстании, призывать массы к восстанию, определять свое отношение к восстанию, как форме революционной борьбы народных масс; но готовить восстание она не может, если остается на почве своей программы, если не становится партией заговора... Мы не можем на своем съезде обсуждать такой вопрос, как не можем обсуждать, скажем, вопроса: "подготовка царубийства"»⁴⁰.

Едва ли есть необходимость специально подчеркивать, что подобная принципиальная позиция меньшевиков вызывала у большевиков, в том числе у Кобы, резко отрицательное отношение. В глазах Кобы нежелание меньшевиков даже ставить на обсуждение вопрос о подготовке к восстанию означало не просто политическую трусость, но фактически предательство дела революционной борьбы. Разумеется, имелись и многие другие вопросы, по которым взгляды обеих фракций партии кардинально расходились. Неудивительно поэтому, что в межпартийных баталиях, развертывавшихся в бакинской организации, Коба особенно резко, дерзко и непримиримо атаковал меньшевиков, обвиняя их в фактической капитуляции перед самодержавием.

Политические противники Сталина в своих позднейших воспоминаниях неизменно обращают внимание на грубое, даже вызывающее поведение Кобы во время межпартийных схваток. Так, Р.Арсенидзе, соприкасавшийся с Кобой в период подпольной работы, описывает такой эпизод: «Однажды председатель собрания назвал его (Кобы - Н.К.) поведение "неприличным", а Коба ответил ему, что он ведь публично

⁴⁰ Протоколы пятого съезда РСДРП. С. 73.

не снимал свои штаны”. В том же грубом тоне он говорил о Мартове и других лидерах меньшевиков, называя их “необрезанными жидами”.⁴¹

Судить о достоверности таких свидетельств, конечно, трудно, однако, имея даже общее представление о характере Кобы и его прямолинейности, вполне можно допустить, что он поступал именно в таком духе. Впрочем, многие более поздние эпизоды его политической биографии также дают подтверждение этому своеобразному стилю поведения в политической борьбе. Хотя истины ради, надо отметить, что отношения в среде революционеров отнюдь не отличались особой деликатностью и изысканностью манер. Так что эти и аналогичные упреки в адрес Кобы, на мой взгляд, носят исключительно побочный, второстепенный характер, и акцент на них некоторые биографы делают, руководствуясь прежде всего тем, чтобы дискредитировать его, как говорится, “по всем азимутам”

В бакинский период в выступлениях Кобы начинает пробиваться и постепенно обретать все большее звучание подспудное недовольство деятельностью заграничных органов партии, осуществлявших общее партийное руководство. Видимо, дело не объяснялось только лишь тем фактом, что в ЦК господствовали меньшевики. В его выступлениях все чаще и настойчивее звучит мысль о том, что партийные лидеры, находящиеся в эмиграции, оторваны от российской действительности и уже в силу этого не способны надлежащим образом осуществлять руководство партийной работой на местах. «Да и странно было бы думать, — писал он, — что заграничные органы, стоящие вдали от русской действительности, смогут связать воедино работу партии, давно уже прошедшей стадию кружковщины.»⁴² В своей статье “Партийный кризис и наши задачи” он высказывается еще более резко и категорично: «Задача руководства партийной работой и без того составляет обязанность Центрального Комитета. Но она плохо исполняется в настоящее время, результатом чего является почти полная разобщенность местных организаций.»⁴³

Критические замечания в адрес ЦК, кроме всего прочего, говорят и о том, что Коба уже перестал рассматривать себя в качестве работника местного масштаба. Он уже выносит суждения об общепартийной работе, перешагивая таким образом кавказские рамки. В некотором смысле эти его замечания можно квалифицировать как некую заявку на гораздо более масштабную роль в общепартийной работе, роль, которая ему уже по плечу. Такое предположение, как мне представляется, не лишено оснований, а дальнейшее развитие его партийной карьеры в среде большевиков как раз и подтверждает данное предположение.

Другим интересным нюансом является подспудная, не высказываемая прямо, мысль о том, что партийные деятели, обосновавшиеся в эмиграции, в знании реальной российской действительности, а значит и в своей деятельности, идут далеко позади

⁴¹ Р.Арсенидзе. Из воспоминаний о Сталине. “Новый журнал”. 1963 г. Книга 72. С. 221-222.

⁴² И.В.Сталин. Соч. Т. 2. С. 147.

* Упомянутый выше американский биограф Сталина Р.Пэйн называет эту статью “важным документом”, “так как он показывает его (Сталина – Н.К.) как человека, который впервые развивает самостоятельный план действий” (Robert Payne. The Rise and Fall of Stalin. p.130.)

⁴³ И.В.Сталин. Соч. Т. 2. С. 156.

тех, кто работает в России, борется в подполье, неся на себе основную тяжесть партийной нагрузки. Сформировавшаяся в эти годы определенная неприязнь к так называемым эмигрантам со временем все больше укоренялась в его сознании. Правда, публично он никогда ее не выражал, и более того, как это видно из его беседы с Э.Людвигом, проводил принципиальное различие между разными типами эмигрантов. Но все-таки внутренняя неприязнь к тем, кто из-за границы пытался руководить российским революционным движением, у него, по всей вероятности, была. Думаю, что она и осталась на всю жизнь.

Я сознательно акцентирую внимание на этом моменте, поскольку он кажется мне довольно существенным для дальнейшей политической эволюции Сталина. В своем роде он послужил неким исходным, отправным пунктом в длительном и сложном процессе вызревания в нем убеждений государственника. Становление государственного мышления, государственного подхода у любой личности исторического масштаба – это не простой и прямолинейный путь. Приложимо это и к Сталину. Здесь же я пытаюсь оттенить некоторые глубинные, первоначальные истоки формирования такого политико-философского подхода. Собственная почва, реальная российская действительность должны служить базой для выработки политической стратегии – такова квинтэссенция зарождавшихся и утверждавшихся в его сознании взглядов и фундаментальных политических установок.

Одним из важных направлений деятельности Кобы в бакинский период была работа по организации выпуска печатных изданий, прежде всего газет. В официальных материалах, опубликованных при жизни Сталина, дана чрезмерно восторженная и явно преувеличенная оценка этой стороны его работы в Баку. Однако не вызывает никаких сомнений сам факт его активного участия в организации выпуска таких газет, как “Бакинский пролетарий,” “Гудок” и др. Вообще налаживанию партийной печати он уделял пристальное внимание, памятуя, очевидно, о словах Ленина, что газета является не только коллективным пропагандистом и агитатором, но и коллективным организатором. Эта сторона его деятельности отражена в соответствующих материалах полиции, что позволяет сделать вполне объективные выводы о его вкладе в дело постановки партийной печати.

Так, в секретном донесении Тифлисскому губернскому жандармскому управлению начальник бакинской охраны ротмистр Мартынов доносил 19 октября 1909. г., что:

«...Коба» выехал в Тифлис для присутствия на конференции, на которой он явится уполномоченным от Бакинской организации. Предстоит решение вопроса о постановке в Баку общей с Тифлисской техники и издании общего органа под наименованием “Кавказский пролетарий”. Ввиду того, что орган этот желают издавать на трёх языках (русском, армянском, татарском), требуется увеличение средств на технику, для соответственного её оборудования на больший размер газеты, пополнение шрифта армянским и татарским; недостаток средств в Бакинской организации... и другие, связанные с изданием газеты вопросы, составят предмет занятий конференции, после которой “Коба” должен вернуться в Баку и немедленно приступить к постановке техники. О выезде его из Тифлиса прошу телеграфировать, указав № поезда».⁴⁴

⁴⁴ М.Д. Багиров. Из истории большевистских организаций Баку и Азербайджана. М. 1946. С. 101-102.

Его активное участие в качестве автора на страницах этих газет также служит убедительным подтверждением того, что постановке партийной печати Коба уделял большое внимание. Таким образом, если утверждения официальной сталинской историографии, что он был и организатором, и редактором указанных изданий еще можно поставить под сомнение, то активное участие в этом было бесспорным.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство, связанное с бакинским периодом революционной деятельности Кобы. Некоторые биографы Сталина утверждают, что в Баку он не играл сколько-нибудь значительной роли. Так, Смит пишет, что он «был второстепенной фигурой среди видных членов социал-демократической организации Баку, включавших таких деятелей, как Шаумян, Джапаридзе и Енукидзе.»⁴⁵ Действительно, в это время там вели партийную работу многие довольно видные большевики, в их числе Шаумян, Джапаридзе, Спандарьян, Орджоникидзе, Азизбеков, Ворошилов, Фиолетов и другие. Солидные силы были и на стороне меньшевиков, поскольку именно в Баку развертывалась важная фаза борьбы за влияние на рабочие массы.

Сейчас затруднительно высказать вполне взвешенную оценку реальной роли Кобы в руководстве бакинской организацией большевиков. Но что он входил в состав Бакинского комитета, был одним из видных, а не второстепенных его деятелей, это бесспорно. Следует заметить также, что взаимоотношения среди членов соответствующих партийных комитетов, как и вообще между подпольщиками-большевиками, в тот период не определялись какими-либо строго иерархическими критериями. Они исходили из того, что делают общее дело, и вопросы подчинения или главенства не имели определяющего, доминирующего значения. Понятия партийной иерархии, сложившиеся после утверждения большевиков у власти, ни в коем случае неправомерно переносить на времена подпольной деятельности. Тогда была совершенно иная обстановка, соответственно, господствовали и иные нормы взаимных отношений.

В свете этого мне представляются надуманными, явно сфабрикованными измышления по поводу того, что в среде большевиков, в особенности между Кобой и Шаумяном, шла ожесточенная борьба за лидерство, за влияние в организации. Б.Суварин, например, пишет, что «между обоими началась длительная борьба, достигшая такого размаха, что бакинские рабочие даже подозревали Джугашвили в том, что он доносил полиции на Шаумяна. Они хотели привлечь его к партийному суду. Его спасли арест и ссылка в Сибирь.»⁴⁶

Останавливается на этом эпизоде подпольного периода деятельности Сталина упоминавшийся уже А.В.Островский. Критически проанализировав некоторые версии о мнимой причастности Сталина к сотрудничеству с царской полицией, появившиеся еще в 30-е годы, он категорически отменяет их как явно провокационные и лишённые реальной документальной базы. По поводу эпизода, связанного с Шаумяном, он пишет следующее: «Первые попытки запустить в обращение версию о связях И. В. Сталина с царской охранкой не увенчались успехом. Она была встречена скептически даже его самыми непримиримыми политическими противниками.

⁴⁵ E. Smith. The young Stalin. p. 214.

⁴⁶ Boris Souvarine. Stalin...Глава IV. Профессиональный революционер. Электронная версия.

Одним из немногих, кто готов был признать правдоподобность этой версии, являлся бывший лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания. В 1936 г. на страницах издававшейся в эмиграции газеты «Брзалис Кхма» («Эхо борьбы») он поделился воспоминаниями, в которых, не называя, правда, фамилии, привел следующее свидетельство одного из знакомых ему большевиков.

Когда из Тифлиса И. В. Сталин уехал в Баку, там у него возник конфликт с С. Г. Шаумяном. В разгаре борьбы между ними С. Г. Шаумяна арестовали. Через некоторое время знакомый Н. Н. Жордания встретил вышедшего из тюрьмы С. Г. Шаумяна и тот заявил: «Я уверен, что Сталин донес полиции, имею доказательства <...> У меня была конспиративная квартира, где я иногда почевал. Адрес знал только Коба, больше никто. Когда меня арестовали, то прежде всего спросили о квартире <...> Кто же мог им сказать?»⁴⁷

С тех пор это свидетельство получило самое широкое распространение в антисталинской литературе. Между тем его несерьезность очевидна с первого же взгляда, – заключает А. В. Островский. – Мало ли каким образом охране удалось установить существование конспиративной квартиры С. Г. Шаумяна. Например, с помощью наружного наблюдения. Но дело не только в этом. Если бы С. Шаумян подозревал И. В. Сталина в связях с охранкой, это не могло бы не отразиться на их отношениях после освобождения С. Г. Шаумяна. Между тем, у нас нет никаких данных о том, что эти отношения имели напряженный характер. А все, что пишется на этот счет, имеет совершенно бездоказательный характер и восходит к приведенному выше свидетельству Н. Жордания.⁴⁷

Аргументы, приводимые в опровержение муссировавшейся грузинскими меньшевиками версии о тайных связях Кобы с полицией, на мой взгляд, выглядят вескими и убедительными. Однако опровержение одной фальшивки отнюдь не закрывает наглухо путь для других. Причем столь же сомнительных по своей доказательной базе.

В этом контексте представляют интерес свидетельства меньшевика Г. Уратадзе, неоднократно соприкасавшегося с Кобой по работе в революционном движении. Кстати, его книга была опубликована в 1968 году под эгидой Гуверовского института войны, революции и мира. Я не берусь давать какой-то общей оценки публикациям, вышедшим из недр этого института, что было бы в принципе неверно, поскольку он выпускал книги различного достоинства в плане объективности и достоверности. Но что можно сказать вполне определенно и без малейшей натяжки, так это то, что все или почти все публикации носили отчетливо выраженный антикоммунистический характер. Собственно, в этом и состояла главная задача данного учреждения. Г. Уратадзе пишет, что сразу же после раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков в 1903 году Коба «сейчас же примкнул к большевикам. Но когда лидером большевиков стал Ст. Шаумян, началась склока между ними на почве первенства. Шаумян служил в Баку и жил почти легально. Там же, в Баку, работал нелегально и Сталин, тогда еще – Коба. Борьба между ними продолжалась долго. И дошло до того, что в 1909 году бакинская большевистская группа обвинила его открыто в «доносе» на Шаумяна и предала его партийному суду. Состоялся суд, но состав суда был арестован в тот же день, а Сталина

арестовали, когда он шел на суд. Находясь в тюрьме, члены суда решили закончить суд в тюрьме, но тюремные условия не очень способствовали этому. Дело затянулось. Потом Сталина сослали, и дело заглохло. Он опять бежал из ссылки, но на Кавказ не возвращался. Остался в России и оттуда наезжал временами в Грузию. Наезжал главным образом в те дни, когда на Кавказе происходила экспроприация. Он в этих экспроприациях не принимал личного участия, но экспроприированные деньги каждый раз аккуратно отвозил Ленину. Так что он был главным “финансистом” российского большевистского центра. Несмотря на это, этот центр в эти годы никогда не выдвигал его кандидатуры ни на какой высокий пост.»⁴⁸

Приведенное “свидетельство” относится к разряду тех, которые нельзя принимать на веру. Вообще мемуарные свидетельства, исходящие от меньшевиков, практически без всякого исключения пронизаны плохо скрываемой ненавистью к Сталину, вне зависимости от того, когда они писались. Даже одно это обстоятельство обязывает любого исследователя, обладающего хотя бы элементарным чувством объективности, подходить к ним с изрядной осторожностью и даже скептически. Слишком уж выпирают наружу явные политические мотивы, лежащие в основе их воспоминаний. Кстати, именно по этой причине некоторые западные авторы ставят под вопрос достоверность их сведений.

Вопрос о взаимоотношениях Сталина с полицией мы рассмотрим позднее в специальной главе. Здесь же хочется заметить следующее. Конечно, Коба как на ранних этапах своей революционной деятельности, так и позже, не считал себя середнячком, способным лишь исполнять поручения других. Не в его натуре это было. Однако нет никаких оснований полагать, что свои личные амбиции, стремление к лидерству он ставил во главу угла во всей своей революционной деятельности. Что именно соображения партийной карьеры являлись доминантой всего его поведения. Честолюбие, свойственное ему, несомненно, играло определенную роль в его поступках, во всей линии поведения. Но оно отступало на второй план, когда речь заходила об интересах общей борьбы, о партийных интересах. Заведомо же приписывать ему крайний карьеризм и интриганство как методы продвижения по партийной лестнице – значит сознательно рисовать заранее уже сфабрикованный образ. Опять-таки нельзя упускать из виду, что речь идет о подпольной работе, а это – совсем не та сфера, где делались политические карьеры. Так что упреки Кобы на этот счет выглядят малоубедительными, и пусть они остаются на совести тех, кто оперирует ими.

Более или менее объективные исследователи истории политической деятельности Сталина, такие, например, как А.Улам, считают версию, впервые выдвинутую меньшевиками, а потом усердно подхваченную некоторыми западными и российскими биографами Сталина, малоубедительной. Речь идет не больше, не меньше, как о том, будто С.Шаумян был арестован по доносу Кобы в полицию. А.Улам, в частности, приводит следующее утверждение Б.Суварина: «Это факт, что в партийных кругах арест Шаумяна объясняли анонимным доносом, и этот анонимный донос связывали со Сталиным.»⁴⁹ По мнению А.Улама, даже такой тщательный в

⁴⁸ Григорий Урамадзе. Воспоминания ... С. 67.

⁴⁹ Boris Souvarine. Stalin...Глава IV. Профессиональный революционер. Электронная версия.

отношении отбора фактов автор, как Б.Суварин, неправоммерно возводит такое утверждение до уровня “доказательства”.⁵⁰

После смерти Сталина сын С.Шаумяна, ссылаясь на некие “семейные разговоры”, также усиленно доказывал, что Сталин был причастен к аресту его отца царской охранкой. Я полагаю, что подобного рода “семейные воспоминания” нельзя всерьез рассматривать в качестве достоверного аргумента, а тем более доказательства. Особенно учитывая обстановку того времени, когда всяческое поношение и разоблачение усопшего вождя стало чуть ли не нормой.

Работа Кобы в Баку в целом была достаточно успешной, насколько успешной она могла быть в условиях продолжавшегося спада революционного потока во всей стране. Если до его приезда туда позиции меньшевиков в организации были преобладающими, то к осени 1907 года соотношение сил изменилось в пользу большевиков. На прошедшей в октябре того же года общегородской конференции сторонники большевиков явно превалировали. Конференция избрала бакинский комитет, в состав которого вошел и Коба. Вскоре после конференции разворачивается кампания по участию бакинских рабочих в совещании с нефтепромышленниками об условиях гарантии прав рабочих. Этот аспект деятельности Сталина в Баку нашел широкое отражение в его статьях и других материалах, помещенных в официальном издании собрания его сочинений. Поэтому я не буду на нем останавливаться детально.

Отмечу лишь один существенный момент. Именно в период пребывания в Баку Коба начал переоценивать свое отношение к легальной работе, к которой он прежде относился с некоторым скептицизмом. Подобная эволюция весьма симптоматична и позволяет сделать более широкий вывод об особенностях его политического мышления. Убедившись на собственном опыте в Баку, он понял, что в условиях спада революции легальная работа обретает несравненно больший вес и значение, чем прежде. Он не цепляется за прежние свои установки и проявляет гибкость, без наличия которой едва ли можно представить серьезного политика. Этот своеобразный поворот в политических воззрениях Кобы нашел отражение в его “Письмах с Кавказа”, опубликованных не в местной, а в общепартийной печати и получивших таким образом общепартийную огласку. В них он писал: «Если наша организация сравнительно легко справилась с кризисом, если она не прерывала никогда своей деятельности и всегда так или иначе отзывалась на все вопросы дня, — то этим она во многом обязана окружающим её «легальным возможностям», до сих пор продолжающим своё существование.»⁵¹

“Письма с Кавказа” вполне однозначно характеризуют Кобу уже как деятеля общероссийского формата. Хотя, конечно, ознакомление с этой статьей не обнаруживает в ней каких-либо принципиально новых или самобытных политических новаций, а тем более теоретических положений. Эта статья носит достаточно актуальный для того периода борьбы характер и содержит мысли практического свойства. Она не претендует на теоретический анализ и обобщения, хотя некоторые элементы этого в ней содержатся. Я специально обращаю внимание на это, поскольку уже во время полного утверждения Сталина у власти в партии и стране имела место

⁵⁰ А. Улам. Stalin. p. 97

⁵¹ И.В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 183.

прямо-таки смехотворная кампания по раздвиганию значимости *этой его статьи* (Об этом в одном из примечаний в предыдущей главе вскользь уже говорилось). Так, в связи с опубликованием ее в 1932 году в журнале “Большевик” ЦК компартии Грузии принял специальное постановление, один из пунктов которого буквально гласил: «Поручить институту марксизма-ленинизма в месячный срок пересмотреть все исторические работы под углом зрения статьи тов. Сталина «Письмо с Кавказа».

Секретарь ЦК КП (б) Грузии

Л. БЕРИЯ.⁵²

Это один из наглядных примеров того, насколько “объективным”, а правильнее сказать, конъюнктурном, было отношение к исследованию истории в так называемый период господства культа личности. Однако данный почти смехотворный позднейший факт несколько не умаляет определенной ценности указанной статьи Сталина. Она сыграла свою позитивную роль и обратила внимание Ленина, которому, видимо, импонировали боевой настрой его кавказского единомышленника и трезвый практический анализ обстановки в этом важном районе России. Можно предполагать, что “Письма с Кавказа” стали одной из ступенек на пути продвижения Кобы в центральное руководство большевистской партии.

Активная подпольная деятельность Кобы не могла не стать объектом пристального внимания со стороны полиции. С весны 1908 года полицейские репрессии в Баку приобрели больший размах, чем прежде. И Коба стал одним из тех, кто попал в руки полиции. Вот что гласят соответствующие документы царской охраны:

«1908 года Августа 4-го дня, в гор. Баку.

ЖУ

Я, начальник Бакинского Губернского Жандармского Управления, Генерал-Майор Козинцев, рассмотрев оконченную производством переписку по собранию сведений о выяснении степени политической благонадёжности, назвавшегося Кайосом Нижарадзе и в действительности оказавшегося Иосифом Виссарионовым Джугашвили, нашёл следующее: 25-го Марта сего года чинами Бакинской сыскной полиции был задержан неизвестный, назвавшийся жителем сел. Маглаки Кутаисской губернии и уезда Кайосом Нижарадзе, при обыске у которого найдена была переписка партийного содержания. Произведённой по сему делу перепиской в порядке охраны выяснено, что Нижарадзе крестьянин Дидилиловского сельского общества Иосиф Виссарионов Джугашвили, привлекавшийся в 1902 году при Кутаисском Губернском Жандармском Управлении по 251-й ст. и при Тифлисском по 1-й ч. 251 ст. Улож. о Наказ. Последнее дознание было разрешено административным порядком, и Джугашвили по Высочайшему повелению от 9-го июля 1903 года был выслан под гласный надзор полиции на три года в Восточную Сибирь, откуда скрылся и разыскивался циркуляром Департамента Полиции от 1-го Мая 1904 г. за № 5500. Иосиф Джугашвили с 25 Марта сего года содержится под стражей в Бакинской тюрьме; полагал бы Иосифа Виссарионова Джугашвили водворить под надзор полиции в Восточную же Сибирь сроком на три года.

Постановил: настоящую переписку препроводить на распоряжение Г. Бакинского Градоначальника.

Подлинное подписал: Генерал-Майор Козинцев. Верно:

⁵² Сборник материалов в связи с «Письмом с Кавказа» тов. Сталина. Баку. 1932. С. 30.

Правитель Канцелярии Бакинского Градоначальника (подпись). Сверял: Делопроизводитель (подпись)».⁵³

Коба был заключен в Баиловскую тюрьму в Баку, где провел более восьми месяцев. Баиловская тюрьма имела репутацию одной из самых мрачных тюрем в стране. Но не в силу какого-то особого режима, господствовавшего в ней, а вследствие своей исключительной перенаселенности и скученности. “Посадочных мест” явно не хватало и камеры были переполнены заключенными. Обращает на себя внимание то, что, будучи в тюрьме, Коба продолжал публиковать статьи в бакинской партийной печати, что свидетельствовало или о весьма нестрогих условиях тюремного режима, или же об особых конспиративных способностях Кобы. А, возможно, и том и другом одновременно. О пребывании Кобы в Баиловской тюрьме сохранились довольно любопытные воспоминания, принадлежащие эсеру С.Верещаку, опубликованные в эмигрантской газете «Дни» в номерах от 22 и 24 мая 1928г. под заголовком “Сталин в тюрьме”. (Кстати, вскоре некоторые отрывки из них были перепечатаны в “Правде”, что может служить дополнительным подтверждением их достоверности).

Приведем отдельные оценочные положения из этих воспоминаний, так как они дают возможность посмотреть на Кобу как бы со стороны, глазами его политического оппонента. С.Верещак писал: «Однажды в камере большевиков появился новичок... И когда я спросил, кто этот товарищ, мне тайно сообщили: “Это – Коба... Среди руководителей собраний и кружков выделялся как марксист и Коба. В синей сатиновой косоворотке, с открытым воротом, без пояса и головного убора, с перекинутым через плечо башлыком, всегда с книжкой...»

По словам автора воспоминаний Коба «не обладал остроумием и излагал свои мысли довольно сухо. Всех, однако, удивляла подобная машине точность его памяти. Казалось, что он помнит весь “Капитал” Маркса».⁵⁴ «Марксизм был его стихией, в нем он был непобедим. Не было такой силы, которая бы выбила его из раз занятого положения. Под всякое явление он умел подвести соответствующую формулу по Марксу. На не просвещенных в политике молодых партийцев такой человек производил сильное впечатление. Вообще же в Закавказье Коба слыл как второй Ленин. Он считался “лучшим знатоком марксизма”».

По свидетельству С. Верещака, Коба был одним из инициаторов стычек с тюремной администрацией: «Он всегда активно поддерживал зачинщиков... Это делало его в глазах тюремной публики хорошим товарищем. Когда ... на первый день Пасхи, 1-я рота Сальянского полка пропускала через строй, избивая, весь политический корпус, Коба шел, не сгибая головы под ударами прикладов, с книжкой в руках».⁵⁵

Рассказанный выше эпизод о стоическом поведении Кобы во время экзекуции в Баиловской тюрьме неизменно находится в поле внимания биографов Сталина. Некоторые из них ставят под сомнение саму возможность такого эпизода. Так, А.Улам утверждает, что подобного эпизода вообще не было, а если бы он имел место, то обязательно бы вызвал в России бурю возмущения.⁵⁶

⁵³ М.Д. Багиров. Из истории большевистских организаций Баку и Азербайджана. С. 96.

⁵⁴ Цит. по Robert Payne. The Rise and Fall of Stalin. p. 125.

⁵⁵ Цит. по Семанов С.Н., Кардашов В.И. Иосиф Сталин: жизнь и наследие. М. 1997. С. 54-55.

⁵⁶ А.Улам. Stalin. pp. 109-110.

Что можно сказать по этому поводу? Едва ли С.Верещак стал бы в столь благоприятном свете рисовать поведение Кобы в тюрьме: для этого у него не было абсолютно никаких резонов. Кстати сказать, в тех же воспоминаниях автор дает весьма нелестную характеристику Кобе, отмечая такие, якобы присущие ему черты, как отсутствие культуры, грубость, цинизм, недоверие не только к окружающим товарищам, но и к самому себе, что, мол, воспитывается условиями подпольной жизни. Отмечает он также и такие свойства, как отсутствие принципов и некоммуникабельность. Наряду с перечислением откровенно негативных свойств С. Верещак подчеркивает удивительное самообладание Кобы, его выдержку и спокойствие в любых ситуациях, его стальные нервы.⁵⁷

Что касается несостоявшейся бури возмущения по всей России, то “общественность империи” хранила гробовое молчание даже в связи с куда более жестокими акциями режима. Нельзя забывать, что это были времена разгула столыпинской реакции, когда смертные приговоры, да и расстрелы без суда, являлись не столь уж большой редкостью. Так что, видимо, эпизод, о котором поведал эсер, по всей вероятности, действительно имел место быть. Впрочем, это – всего лишь небольшой штрих к политическому портрету Сталина, присутствие или отсутствие которого не меняет его общего облика.

В ноябре 1908 года Кобу этапным порядком направляют в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции сроком на два года, причем местом ссылки определен г. Сольвычегодск. В официальной биографии Сталина зафиксировано, что по пути к месту назначения он заболевает возвратным тифом и переводится из вятской пересыльной тюрьмы в вятскую губернскую земскую больницу. Наконец, в конце февраля 1909 года Коба прибывает в Сольвычегодск, но уже через четыре месяца бежит из ссылки, остановившись проездом на несколько дней в столице. Во второй половине июля Коба снова оказывается в Баку, находясь, естественно, на нелегальном положении. Там он продолжает свою работу, основные направления которой уже вкратце были описаны выше. В центре его внимания продолжают оставаться вопросы организации стачечной борьбы. В том же году Коба совершает несколько поездок в Тифлис, целью которых были подготовка и проведение тифлисской общегородской партийной конференции и издание большевистской газеты “Тифлисский пролетарий”

В этот период Коба не раз обращается и к ставшему весьма актуальным вопросу о необходимости созыва общепартийной конференции и особенно подчеркивает назревшую потребность перенесения практического центра руководства партийной работой из-за границы в Россию. Показателем того, что к его мнению прислушиваются в партийных верхах и уже признают в определенной мере его авторитет в качестве работника общероссийского формата стало назначение Кобы уполномоченным ЦК партии (“агент ЦК”).⁵⁸

Некоторые моменты, касающиеся дальнейшей партийной карьеры Сталина, проясняет один из старых большевиков М.И.Фрумкин (в 20-е годы в связи с внутрипартийными разногласиями он был подвергнут суровой критике лично Сталиным). После

⁵⁷ E. Smith. The young Stalin. pp. 218-219.

⁵⁸ И. В. Сталин. Соч. т. 2. С. 414.

того, как в январе 1910 года в Париже на пленуме ЦК РСДРП было принято решение пополнить состав ЦК и создать его Русское бюро, встал вопрос о конкретных кандидатурах. В своих воспоминаниях М.И.Фрумкин писал: “Приблизительно в конце февраля 1910 г. приехал в Москву из-за границы с Пленума ЦК В. П. Ногин (Макар). Основная его задача была организовать часть ЦК, которая должна работать в России. В эту русскую часть по соглашению с меньшевиками должны были войти и три их представителя <...> Но эта тройка категорически отказалась вступать в грешную деловую связь с большевиками». Тогда на совещании пишущего эти строки с Ногиним было решено предложить ЦК утвердить следующий список пятерки – русской части ЦК: Ногин, Дубровинский-Инноцентий (приезд его из-за границы был решен), Р.В. Малиновский, К. Сталин и Владимир Петрович Милютин <...> Сталин был нам обоим известен как один из лучших и более активных бакинских работников. В. П. Ногин поехал в Баку договариваться с ним”⁵⁹.

Воспоминания Фрумкина были опубликованы в 1922 году, когда никаких признаков зарождающегося культа личности Сталина не существовало в природе. И автору едва ли могла прийти в голову мысль как-то “потрафить” Сталину. В этой связи довольно натянутыми выглядят аргументы Троцкого (об этом речь пойдет в следующей главе), который пытался поставить под сомнение факт привлечения Кобы к работе в качестве члена Русского бюро и агента ЦК. С точки зрения исторической достоверности представляется бесспорным тот факт, что в 1910 году Коба стал котироваться в большевистских верхах в качестве одного из ведущих партийных руководителей. Предпринятая в январе 1910 года попытка В.И.Ленина (по неизвестным пока причинам безуспешная) кооптировать Сталина в состав ЦК – убедительное тому подтверждение.

Активная и разносторонняя работа Кобы в подполье, конечно, не остается вне поля зрения полиции. За ним ведется слежка, и несмотря на большое искусство конспирации, присущее Кобе, он снова арестовывается. О самом факте его ареста имеется донесение начальника Бакинского охранного отделения:

«Упомянутый в сводках наружного наблюдения... под кличкой «Молочный», известный в организации под кличкой «Коба», член БК РСДРП, являвшийся самым деятельным партийным работником, занявшим руководящую роль... задержан по моему распоряжению чинами наружного наблюдения 23 сего марта.

К необходимости задержания «Молочного» побуждала совершенная невозможность дальнейшего наблюдения за ним, т. к. все филеры стали ему известны, и даже назначенные вновь приезжие из Тифлиса немедленно проваливались, причём «Молочный», успевая каждый раз обмануть наблюдение, указывал на него и встречавшимся с ним товарищам, чем, конечно, уже явно вредил делу».⁶⁰

В материалах полиции отмечаются не только конспиративные таланты Кобы, что затрудняло, естественно, слежку за ним и принятие предупредительных мер по пресечению его т.н. антигосударственной деятельности. В царской охранке учитывали и придавали должное значение и той роли, которую он играл в подпольном революционном движении. Так, в одном из донесений полиции говорилось:

⁵⁹ “Пролетарская революция” 1922 г. №5. С.231-233.

⁶⁰ М.Д.Багиров. Из истории большевистских организаций... С.115.

«Джугашвили является членом Бак. Комитета РСДРП, известный в организации под кличкой «Коба»... ввиду упорного его участия, несмотря на все административного характера взыскания, в деятельности революционных партий, в коих он занимал всегда весьма видное положение, и ввиду двукратного его побега из мест административной высылки, благодаря чему он ни одного из принятых в отношении его административных взысканий не отбыл, я полагаю бы принять высшую меру взыскания — высылку в самые отдалённые места Сибири на пять лет» (из донесения ротмистра Галимбатовского о взятии под стражу Иосифа Виссарионовича Джугашвили, 24 марта 1910 г. Материалы Единого партархива ЦК АКП(б), дело № 430).»⁶¹

В другом секретном донесении начальнику Тифлисского губернского жандармского управления ротмистр Мартынов от 9 июня 1910 г. писал: «“Коба”, член Бакинского Комитета РСДРП, большевик в наблюдении «Молочный», оказавшийся жителем сел. Тидивили Тифлисской губернии и уезда Иосифом Виссарионовым Джугашвили, мною обыскан и арестован (донесение мое от 24 апреля с/г за № 1283).»⁶²

Из приведенных документов явствует, что охранка испытывала серьезные проблемы при проведении наблюдения за Кобой. Владение им техникой конспиративной работы, таким образом, подчеркивается не только товарищами по подпольной работе, но и теми, кто вел за ним слежку. И когда некоторые авторы претенциозных, тенденциозных и в высшей степени поверхностных сочинений о Сталине, которые заполняют сегодняшний книжный рынок, задают риторический вопрос: почему после ареста Коба отделяется столь мягкими приговорами, вроде ссылки на поселение под надзором полиции, они попросту игнорируют один простой факт: Коба вел свою подпольную работу так конспиративно и так умело, что полиция не могла при его арестах получить необходимые вещественные доказательства, опираясь на которые она могла бы передать дело для судебного рассмотрения и вынесения гораздо более сурового приговора. Так что всякого рода умозрительные выводы и стенания по поводу такой “мягкой” карательной политики царских властей выдают лишь неосведомленность и некомпетентность тех, кто всерьез пишет об этом. По моему мнению, это же и служит объяснением того, на первый взгляд загадочного и необъяснимого факта: почему Сталин ни разу не был судим открытым или закрытым судом. Видимо, не только в наше время, но и тогда существовала такая деликатная вещь, как наличие достаточно убедительных доказательств, которые могли бы быть представлены суду, чтобы рассчитывать на приговор, устраивавший полицейские власти.

Нельзя обойти молчанием еще один аспект, связанный с опубликованными еще при жизни Сталина материалами полиции относительно его революционной деятельности. Некоторые, в особенности западные исследователи, высказывают сомнения в подлинности этих материалов, в частности, высказывают мысль, что общие оценки значимости подпольной работы Кобы и его роли в большевистских организациях, якобы сфальсифицированы в целях возвеличивания Сталина. В первую голову это касается книги Л.Берия. Что можно сказать в связи с этим? Книга Л.Берии, конечно, носила явно тенденциозный и откровенно апологетический характер, ее целью было непомерно возвеличить роль Сталина в революционном движении

⁶¹ Л.Берия. К вопросу об истории большевистских организаций... С. 185-186.

⁶² М.Д.Багиров. Из истории большевистских организаций... С. 115-116.

Закавказья, как и в России в целом. Здесь все очевидно и не вызывает каких-либо кривотолков. Однако каких-либо обоснованных серьезных оснований ставить под вопрос донесения полиции, касавшиеся Сталина, на мой взгляд, не имеется. Во-первых, как говорят, когда не хочется верить, то под сомнение можно поставить все что угодно. Во-вторых, полицейские оценки, как видно из их содержания, отнюдь не страдают всякого рода суперлативами, преувеличениями. Они довольно скромны, и как мне представляется, констатируют всего лишь факты сухим канцелярским языком. Примечательно, что собственно оценочные характеристики сдержаны и их тональность находится как бы в прямой зависимости от хода времени: по мере того, как возрастала реальная роль Сталина в большевистском движении, становились более емкими и оценки этой роли. Так что, по-моему, достоверность полицейских материалов не должна вызывать сомнений.

После ареста Коба вновь очутился в Баиловской тюрьме, где через пять с лишним месяцев получил постановление наместника Кавказа о воспрещении проживания на Кавказе в течение пяти лет. Его снова по этапу высылают в Сольвычегодск, куда он и пребывает в октябре 1910 года. Совершенно очевидно, что, не имея убедительных вещественных доказательств, на основе которых его можно было бы предать суду, охранка стремится изолировать его от той естественной среды, в которой он чувствовал себя, как рыба в воде, и мог успешно проводить свою подпольную работу. Расчет полиции, видимо, строился на том, что вне Кавказа Коба не сможет вести активную партийную работу и, таким образом будет парализована его революционная деятельность.

В дополнение мне хочется высказать и такое общее соображение. Ведя борьбу против различных сил, участвовавших в революции, режим в целом явно недооценивал их реальную, а главное – перспективную опасность. Он не считал, что их деятельность способна поставить под угрозу сами основы существовавшего строя. Видимо, уроки первой русской революции были в недостаточной мере усвоены режимом, ведущие деятели которого полагали, что обозначившийся спад в развитии классового противостояния носит долговременный характер, а чрезвычайная разобщенность в революционной среде, в особенности между партиями левого толка, вообще исключает возможность новой революции.

Просчеты подобного свойства вообще органически присущи господствующим режимам большинства стран, о чем свидетельствует конкретно-исторический опыт многих государств. Революции боятся, но считают, что она все равно не наступит в силу многих причин. Это продемонстрировала и эпоха, которую пережила Россия между двумя революционными катаклизмами в начале XX века. Отчасти и этими соображениями были обусловлены относительно “мягкие” меры репрессивного характера, применявшиеся к участникам революционного движения (я оставляю за скобками лишь период так называемой столыпинской реакции, отмеченный, как уже говорилось выше, целой полосой жестких репрессивно-карательных мер).

На этом можно было бы закончить изложение событий, связанных с освещением бакинского периода подпольной деятельности Сталина, с так называемым его “вторым крещением”. Но, пожалуй, нельзя обойти молчанием и некоторые моменты, вокруг которых в литературе о Сталине идет острая полемика. В частности, Ю.В.Емельянов в своей книге “Сталин. Путь к власти” подвергает острой и аргументированной критике различного рода измышления, связанные с бакинским периодом деятель-

ности Сталина, которые содержатся в ряде тенденциозных работ. Он вносит также уточнения в хронологические рамки бакинского периода. Я не стану повторять аргументацию Емельянова, а лишь отошлю читателя к соответствующему разделу его книги.⁶³ По крайней мере, доводы, приведенные Емельяновым, не оставляют почвы под утверждениями некоторых авторов, будто основным полем деятельности Сталина в этот период были организация вымогательства денег у хозяев промыслов, организация поджогов и т.п. акции. Вполне правомерно, на мой взгляд, Емельянов подчеркивает важность бакинского периода в деятельности Сталина с точки зрения лучшего познания жизни рабочих, понимания их нужд, а также в более глубоком осмыслении того факта, что решение классовых проблем органически связано с национальными проблемами.

Мне представляется обоснованным вывод, содержащийся в упомянутой книге. И я позволю себе его процитировать, поскольку он дополняет нарисованную мною общую картину бакинского этапа политической карьеры Сталина. "Казалось бы, уровень решаемых им проблем «заземлился». Вместо занятий теорией революционного преобразования мира он теперь вникал в житейские проблемы рядовых рабочих Баку. Однако лишь поняв суть проблем рабочих, их жизнь и условия труда, руководитель пролетарской партии мог превратить абстрактные теоретические схемы в реальность, сделать цели общественного преобразования действенной силой. Теперь он должен был внимательно учитывать особенности психологии пролетариев, вышедших из глубин народа и сохранивших основы народной традиционной культуры. Кроме того, если, будучи «учеником революции», он был лишь одним из многочисленных исполнителей великих планов и действовал по приказам и шаблонам, то, став «подмастерьем революции», он многое решал самостоятельно."⁶⁴

Даже беглый обзор бакинского этапа его деятельности позволяет сделать бесспорный вывод: эта полоса в жизни Кобы была чрезвычайно насыщенной и вместе с тем извилистой. На его долю выпадали и удачи, и поражения, особенно по части арестов и высылки. Но он, безусловно, принадлежал к типу людей, которых испытания не ломают, не вызывают чувства отчаяния и разочарования. Напротив, из них он выходит еще более уверенным в правоте дела, которому посвятил свою жизнь. Можно без преувеличения сказать, что Коба достойно нес тяжкую ношу профессионального революционера-подпольщика. Это не могут оспорить, не приходя в прямое противоречие с фактами, даже те, кто критически оценивает всю его карьеру как политического деятеля.

Баку оставил важный след в его жизни. Он стал и рубежным этапом на пути превращения Кобы в Сталина – революционного политического деятеля общероссийского масштаба. Впереди были новые места работы, новые тревоги и новые проблемы. Прежними оставались лишь главные жизненные и политические ориентиры, которым он следовал. Опыт подполья во многом предопределил его главные жизненные ориентиры. Вместе с тем этот опыт способствовал окончательному формированию важнейших черт характера Сталина как личности. Разумеется, эти черты характера не стали чем-то закостенелым, не поддающимся изменениям.

⁶³ Ю. В. Емельянов. Сталин. Путь к власти. М. 2002. С. 199-207.

⁶⁴ Там же. С. 203.

Ведь, в сущности, становление и развитие личности проходит всю жизнь. Особенно это касается деятелей крупного исторического формата: условия, в которых им приходится действовать, и проблемы, которые им приходится решать, никогда не находятся в статичном состоянии. Сама жизнь и динамика общественного развития требуют от них постоянных усилий, чтобы находиться на уровне требований эпохи. Остановиться в своем развитии — для них равнозначно политическому самоубийству. А Сталин, как известно, никогда не был склонен к такого рода поступкам.

1907

1907

1908

1908

1909

1909

1910

1911

1911

1912

1912

1913

1914

1914

1915

СТАНОВЛЕНИЕ СТАЛИНА КАК ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО МАСШТАБА

1. На общероссийской арене

Прежде всего надо дать хотя бы самую общую, схематическую характеристику положения, которое сложилось к тому времени в стране вообще и в партии большевиков в особенности. Здесь, я думаю, уместно сослаться на самого Сталина, следующим образом обрисовавшего тогдашнюю политическую ситуацию (сделал он это позднее, в 1924 году): “Период 1909–1911 годов, когда партия, разбитая контрреволюцией, переживала полное разложение. Это был период безверия в партию, период повального бегства из партии не только интеллигентов, но отчасти и рабочих, период отрицания подполья, период ликвидаторства и развала. Не только меньшевики, но и большевики представляли тогда целый ряд фракций и течений, большей частью оторванных от рабочего движения. Известно, что в этот именно период возникла идея полной ликвидации подполья и организации рабочих в легальную, либеральную столыпинскую партию.”¹

Качества любого политического деятеля особенно четко проверяются именно в такие критические периоды, когда легко впасть в разочарование, апатию, утратить веру в перспективу дела, за которое борешься. Надо сказать, что этот период поражения, а в некотором смысле и разложения партии, Сталин прошел достойно. Он не поддался паническим и капитулянтским настроениям, не утратил веру в будущее. Этот трудный для партии период как раз и совпал с периодом становления Сталина как политической фигуры общероссийского масштаба (разумеется, в рамках большевистской партии).

Начнем с главного момента, характеризующего формирование и эволюцию фигуры Сталина как политика. Пребывание Кобы во второй сольвычегодской ссылке отмечено установлением более тесного контакта с заграничным центром партии, прежде всего в лице Ленина. Именно отсюда он пишет письмо с изложением своей позиции по самым злободневным вопросам, стоявшим тогда в эпицентре партийной жизни. Одним из центральных вопросов было восстановление единства партии, достичь которого большевики тогда надеялись путем создания блока между Лениным и Плехановым. О планировавшемся блоке он писал:

«По моему мнению линия блока (Ленин – Плеханов) единственно правильная: 1) она, и только она, отвечает действительным интересам работы в России, требующим сплочения всех действительно партийных элементов; 2) она, и только она, ускоряет процесс освобождения легальных организаций из-под гнёта ликвидаторов, вырывая яму между рабочими-меньшевиками и ликвидаторами, рассеивая и убивая последних. Борьба за влияние в легальных организациях является злобой дня, необходимым

¹ И.В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 58-59.

этапом на пути к возрождению партии, а блок составляет единственное средство для очищения таких организаций от мусора ликвидаторства.

В плане блока видна рука Ленина, — он мужик умный и знает, где раки зимуют. Но это ещё не значит, что всякий блок хорош. Троцкий блок (он бы сказал — «синтез») — это тухлая беспринципность, маниловская амальгама разнородных принципов, беспомощная тоска беспринципного человека по «хорошему» принципу. Логика вещей строго принципиальна по своей природе и она не потерпит амальгам. Блок Ленин — Плеханов потому и является жизненным, что он глубоко принципиален, основан на единстве взглядов по вопросу о путях возрождения партии. Но именно потому, что это блок, а не слияние, — именно потому большевикам нужна своя фракция.»²

Снова (уже в который раз!) Коба акцентирует внимание на необходимости создания своего рода партийного центра для руководства практической работой в самой России. Об этом я уже писал выше и считаю возможным еще раз коснуться данного вопроса, поскольку, как мне представляется, он являет собой не какую-то мелкую деталь внутривнутрипартийных дел почти вековой давности, а дает возможность увидеть некоторые грани Сталина как политической фигуры, звезда которой уже начала всходить на общероссийском небосклоне. Вот что говорилось в его письме:

«По-моему, для нас очередной задачей, не терпящей отлагательства, является организация центральной (русской) группы, объединяющей нелегальную, полулегальную и легальную работу на первых порах в главных центрах (Питер, Москва, Урал, Юг). Назовите её как хотите — «русской частью Цека» или вспомогательной группой при Цека — это безразлично. Но такая группа нужна как воздух, как хлеб. Теперь на местах среди работников царит неизвестность, одиночество, оторванность, у всех руки опускаются. Группа же эта могла бы оживить работу, внести ясность. А это расчистило бы путь к действительному использованию легальных возможностей. С этого, по-моему, и пойдёт дело возрождения партийности.

Так я думаю о работе в России.

Теперь о себе. Мне остаётся шесть месяцев (пребывания в ссылке — Н.К.) По окончании срока я весь к услугам. Если нужда в работниках в самом деле острая, то я могу сняться немедленно.»³

«Сняться немедленно» Сталину не удалось. Ему пришлось заканчивать свой срок ссылки в Сольвычегодске, где он также занимается революционной работой, организуя сходки ссыльных социал-демократов, за что в порядке наказания подвергается аресту на непродолжительное время. По истечении в июне 1911 года срока ссылки он освобождается от гласного надзора полиции и выбирает местом жительства Вологду (на Кавказе, а также в обеих столицах проживать ему запрещалось). Вологду он избрал потому, что она находилась не так уж далеко от Петербурга, куда, очевидно, он намеревался нелегально перебраться. В Вологде Коба, несмотря на формальное освобождение от гласного надзора полиции, находится в поле пристального внимания охраны уже негласно. Такая практика была рутинной в тогдашней России.

Х. БИРЮКОВ

² И.В. Сталин, Соч. Т. 2. С. 209-210.

³ И.В. Сталин, Соч. Т. 2. С. 211-212.

В сентябре того же года Коба нелегально приезжает в Петербург и прописывается по паспорту Чижикова. Со второй половины 1911 года начинается, как зафиксировано в официальной биографии Сталина, так называемый петербургский период его революционной деятельности, что однозначно свидетельствовало уже о его формате как деятеле общероссийского масштаба. Конечно, и прежде он неоднократно появлялся на общероссийской арене политической борьбы, участвуя в работах съездов партии. Однако это были скорее эпизодические выходы на сцену, и роли, исполняемые им, носили достаточно скромный характер. Переезд в Петербург, бывший не только столицей империи, но и средоточием революционной деятельности большевиков, говорил сам за себя. Отныне он постепенно вовлекается в эпицентр тогдашней большевистской политики. Соответственно, расширяются характер и масштабы его деятельности, шаг за шагом обретается способность мыслить гораздо более широко, нежели прежде, когда он работал в Закавказье и занимался по преимуществу местными проблемами. И что также немаловажно, существенно расширяются его связи с другими деятелями большевистского движения. В Петербурге в той или иной степени он оказывается причастным и к вопросам выработки стратегических целей революционного движения, отработки новых тактических приемов. Все это с естественной закономерностью раздвигало его политические горизонты и постепенно приучало мыслить уже общероссийскими категориями. В этом смысле данный период его политической карьеры, несомненно, стал определенной вехой в дальнейшем становлении Сталина не только как революционера, но и как государственного деятеля. Разумеется, речь идет не о государственной деятельности как таковой, а о выработке необходимых для государственного деятеля качеств: масштабности мышления, широты кругозора, способности улавливать сложную и неизбежно противоречивую диалектику развития фундаментальных процессов общественного бытия, умения правильно оценивать ход и перспективы главных тенденций, из которых складывается вся панорама исторического процесса. Без наличия этих, а также многих других качеств нельзя представить себе политического, а тем более государственного деятеля крупного формата.

По приезду в Петербург Сталин устанавливает контакты со знакомыми большевиками, в частности, со своим будущим тестем С.Аллилуевым. Я позволю себе привести довольно обширную выдержку из воспоминаний самого Аллилуева, которая, как мне кажется, неплохо передает живую атмосферу жизни революционеров-подпольщиков, в данном случае Сталина. Вот что писал будущий тесть Сталина:

«В начале сентября (имеется в виду 1911 год – *Н.К.*), возвращаясь домой, я заметил во дворе двух типичных субъектов в котелках – обычный головной убор шпиков того времени. «Видимо, начинается слежка за мной», – подумал я.

Каково же было мое изумление, когда дома я нашел ожидающих меня гостей – товарища Сталина и Сильвестра Тодрия! Оказалось, что товарищ Сталин вторично бежал из Вологодской губернии, куда сослало его царское правительство. На этот раз он не знал ни моего адреса, ни адреса других товарищей и вынужден был, как всегда в таких случаях, долго бродить по улицам. И опять помогла случайная встреча. Поздно ночью на Невском товарищ Сталин встретил Сильвестра Тодрия, который возвращался домой с работы. Хотя Сильвестр жил поблизости, но укрыть у себя товарища Сталина не мог, так как в то время все ворота, а на Невском в особенности, запирались на ночь и охранялись дворниками.

Не оставалось ничего иного, как идти в меблированные комнаты. Решили пойти на Гончарную улицу и взять в меблированных комнатах номер для товарища Сталина. Пришли. Швейцар, внимательно оглядев пришедших, спросил Тодрия, не еврей ли он.

Дело в том, что побег товарища Сталина совпал с тем временем, когда в Киеве был убит председатель совета министров Столыпин. Его убили провокатор Богров. Правительство приняло экстраординарные меры для поимки предполагаемых соучастников Богрова. Был разослан секретный циркуляр всем домовладельцам, содержащим гостиницы, предписывающий немедленно сообщать в полицию о каждом вновь прибывающем лице еврейской национальности.

Сильвестр ответил, что он грузин, а его товарищ русский, только что приехал из провинции. Товарищ Сталин отдал свой паспорт на имя Петра Алексеевича Чижикова, получил ключ и отправился в номер. Тодрия ушел домой. На другое утро он зашел за товарищем Сталиным, и они направились ко мне на Выборгскую сторону.

Когда товарищи рассказали мне обо всем этом, я немедленно сообщил товарищу Сталину что, по-видимому, за ним следят, и рассказал ему о подозрительных типах в котелках. Товарищ Сталин стал подтрунивать надо мной.

Я смущенно стал оправдываться, сказал, что искренне рад приходу товарища Сталина, но что во дворе действительно торчат сыщики. Товарищ Сталин поглядел в окно и убедился, что один из шпииков бродит по Саратовской улице (из нашего двора был второй выход на Саратовскую улицу), а другой остался во дворе.

Как выяснилось потом, швейцар меблированных комнат не удовлетворился ответом Сильвестра и сообщил в полицию о подозрительном постояльце и его товарище, похожем на еврея. Охранка взяла их под свое наблюдение.

Товарищ Сталин пробыл у меня до вечера. Мы решили, что он будет ночевать у электромонтера тов. Забелина, который жил в Лесном. Поздно вечером товарищи Сталин, Тодрия и Забелин отправились в путь. Забелин, хорошо знавший местность, повел их в обход, по темной и глухой аллее. Здесь шпики вынуждены были отстать.

Переночевав в Лесном, товарищ Сталин на другое утро ушел в город. Он установил связь с петербургской организацией, выполнил все, что было им намечено, а затем вернулся «домой», в гостиницу, где 9 сентября он был арестован, а 14 декабря его вновь выслали в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции.»⁴

Столь быстрый арест, учитывая исключительную осторожность Сталина и его строгую конспирацию, может показаться довольно странным. Мол, как он, такой опытный конспиратор, оплошал и чуть ли не сразу попал опять в руки полиции. Видимо, ответ надо искать в том описании, которое дал С.Аллилуев: меры полиции в связи с убийством Столыпина были ужесточены, и в таких обстоятельствах не так уж сложно было и оказаться под подозрением. К тому же, Сталин имел чисто русскую фамилию Чижиков, а внешность, выражаясь современным языком, лица кавказской национальности. Это также не могло не насторожить агентов охранки.

В связи с пребыванием Сталина в вологодской ссылке стоит, пожалуй, коснуться еще одного довольно деликатного вопроса. Обойти его было бы неправильно, хотя он

⁴ Сталин. М. 1940. (Сборник содержит материалы, посвященные 60-летию Сталина – Н.К.) С. 218-219.

имеет лишь косвенное отношение к политической биографии Сталина. В воспоминаниях Н.Хрущева фигурирует, в частности, такой эпизод. Вот как он его описывает: «Мне запало в душу, как Сталин рассказывал об одной своей ссылке. Не могу сказать сейчас точно, в каком году это происходило. Его сослали куда-то в Вологодскую губернию. Туда вообще много было выслано политических, но и много уголовных. Он нам несколько раз об этом рассказывал. Говорил: «Какие хорошие ребята были в ссылке в Вологодской губернии из уголовных! Я сошелся тогда с уголовными. Очень хорошие ребята. Мы, бывало, заходили в питейное заведение и смотрим, у кого из нас есть рубль или, допустим, три рубля. Приклеивали к окну на стекло эти деньги, заказывали вино и пили, пока не пропьем все деньги. Сегодня я плачу, завтра — другой, и так поочередно. Артельные ребята были эти уголовные. А вот «политики», среди них было много сволочей. Они организовали товарищеский суд и судили меня за то, что я пью с уголовными». Уж не знаю, — заключает Н.Хрущев, — какой там состоялся приговор этого товарищеского суда. Никто его об этом, конечно, не спрашивал, и мы только переглядывались. А потом обменивались мнениями: он еще в молодости, оказывается, имел склонность к пьянству. Видимо, у него это наследственное.»⁵

Деталь, как говорится, весьма колоритная. Она в весьма неприглядном свете рисует облик ссыльного революционера. Оспаривать достоверность рассказа Хрущева вроде бы нет никаких оснований и резонов. Вполне можно допустить, что его свидетельство — не плод воображения, а то, что он действительно слышал от самого Сталина. Ведь выдумать такие подробности трудно. Но здесь, несколько отвлекаясь в сторону от нашей непосредственной темы, хочется сделать одно существенное замечание. К воспоминаниям Хрущева, особенно в части, касающейся Сталина, необходимо относиться критически, не принимать на веру все, что он пишет. Н.Хрущеву была присуща откровенная предвзятость, граничащая с тенденциозностью. Он всячески стремился опорочить своих политических оппонентов и соперников и возвеличить себя. Чтобы не быть голословным, приведу всего лишь один факт, дающий возможность на основании не общих рассуждений, а на базе конкретных доказательств показать, что дело обстояло именно так.

Н.Хрущев в своих мемуарах пишет о том, как его возмущало поведение Л.Кагановича, буквально лакействовавшего пред Сталиным. «Больше всего меня возмущало, да и не только меня, но и других, поведение Кагановича. Это был холуй. У него сразу поднимались ушки на макушке, и тут он начинал подличать. Бывало, встанет, горло у него зычное, сам мощный, тучный, и рокошет: «Товарищи, пора нам сказать правду. Вот в партии все говорят: Ленин, ленинизм. А надо говорить так, как оно есть, какая существует ныне действительность. Ленин умер в 1924 году. Сколько лет он проработал? Что при нем было сделано? И что сделано при Сталине? Сейчас настало время дать всем лозунг не ленинизма, а сталинизма». Когда он об этом распространялся, мы молчали. Стояла тишина.»⁶

Видимо, все было именно так, как описывает Н.Хрущев. Однако существуют абсолютно достоверные факты, доказывающие, что сам Хрущев, наверное, задолго до

⁵ Н.С.Хрущев. Воспоминания. Т. 2. С.117-118.

⁶ Н.С.Хрущев. Воспоминания. Т.2. С.123.

Кагановича, выступал провозвестником так называемого сталинизма. Вот что он говорил на восьмом съезде Советов в 1936 году, когда обсуждалась и принималась новая конституция: «Наша Конституция — это марксизм-ленинизм-сталинизм, победивший на шестой части земного шара! Не сомневаемся, что марксизм-ленинизм-сталинизм победит на всем земном шаре».⁷

Комментарии, как говорят, излишни. Каганович выступал за введение в политический оборот понятия сталинизм в узком кругу, среди ближайших соратников вождя, да и то, по всей вероятности, уже после войны. Хрущев же выступал поборником этой же идеи публично, как говорится, во весь голос и на всю страну, причем еще в середине 30-х годов. Так что обвинение в холуйстве бумерангом возвращается к самому Хрущеву. Такого рода моменты и особенности Хрущева необходимо обязательно учитывать, решая в каждом конкретном случае вопрос о достоверности того или иного эпизода из его воспоминаний. По крайней мере, всегда нужна основательная критическая оценка и сопоставление с другими источниками.

Так, к примеру, он многократно возвращается к вопросу о том, что Сталин был чуть ли не пьяницей, даже пишет о наследственной склонности к этому. Другие источники, в частности воспоминания людей, также близко соприкасавшихся со Сталиным, такой вывод не подтверждают. И суть даже не в воспоминаниях, подтверждающих или опровергающих подобные утверждения. Элементарный здравый смысл говорит, что пьяница или человек, чрезмерно склонный к этому, не мог сколько-нибудь успешно руководить партией и страной на протяжении такого длительного времени. Это исключалось самим характером обязанностей, да и чисто медицинскими параметрами.⁸

Может быть, эти мои замечания покажутся несущественными и не касающимися сферы непосредственной политической деятельности Сталина. Но это не так. Любой политик — это тоже человек, и его личные качества и особенности влияют на проводимую им политику, хотя, разумеется, и не определяют ее наиболее существенные черты, а тем более содержание и направленность.

Но вернемся к событиям, связанным с революционной деятельностью Сталина в тот период. За ним пристально следит царская полиция, что находит свое подтверждение в соответствующих агентурных донесениях. Вот одно из них:

⁷ «Правда» 2 декабря 1936 г.

⁸ Еще раз, несколько отвлекаясь от непосредственного предмета рассмотрения, хочется заметить, что тот же Хрущев не раз не только перед всей страной, но и перед всем миром демонстрировал свои достоинства «трезвенника» при прямом исполнении государственных обязанностей. Так, он в состоянии приличного подпития произнес в Венгрии речь в начале 1957 года (вскоре после так называемых венгерских событий), которая изобиловала потрясающими перлами. В официальной печати она была опубликована в «отредактированном» виде и выглядела вполне пристойной. Но журнал «Посев» (издание эмигрантской организации НТС) счел ее настолько «неординарной» и заслуживающей всеобщего внимания, что поместил на своих страницах ее полную стенографическую запись под выразительным заголовком «Творческое развитие хрущевизма». Я уж не говорю о «художествах» на этот счет бывшего президента России Ельцина, ставшего просто посмешищем в глазах миллионов людей во всех странах. В этом контексте упреки в адрес Сталина насчет его мнимой склонности к пьянству выглядят по меньшей мере умильными.

«Высланный из С.-Петербурга и подчиненный вновь гласному надзору полиции в избранном месте жительства в гор. Вологде крестьянин Тифлисской губернии и уезда, села Диди-Лило, Иосиф Виссарионов *Джугашвили*, 29 минувшего февраля скрылся из города Вологды неизвестно куда, по предположению в одну из столиц.

По агентурным сведениям, *Джугашвили* продолжает по-прежнему свою преступную деятельность по партии с.-д., являясь там одним из деятельных членов.

...Об изложенном сообщая Вашему Высокоблагородию.

Полковник (подпись).

«Верно: За Делопроизводителя Московского Охранного отделения (подпись)»⁹

В другом агентурном донесении от 17 мая 1912г. жандармский ротмистр сообщал в департамент полиции:

«*"Сосо"* – партийный псевдоним крестьянина сел. Диди-Лило, Тифлиского уезда, Иосифа Виссарионова *Джугашвили*, известного еще под партийной кличкой «*Коба*». С 1902 года он известен, как один из деятельнейших социал-демократических работников... *Джугашвили* разновременно стоял во главе Батумской, Тифлисской и Бакинской социал-демократических организаций...».¹⁰

Эти агентурные сообщения говорят сами за себя. Некоторые биографы Сталина, стремясь принизить значение его активности в этот период, иногда изображают дело так, будто он не столько активно участвовал в подпольной работе, сколько имитировал такую активность. Думается, что оценка охраны в данном случае – доказательство бесспорное и не вызывает сомнений. Кроме того, следует заметить, что по мере того, как возрастали авторитет и известность Сталина в партии, рос его вес в партийных делах, соответственно, возрастало и внимание к нему со стороны охраны.

Реальным подтверждением уже реального выхода Сталина на общероссийскую политическую арену явилась его кооптация в состав Центрального Комитета партии большевиков на Пражской партийной конференции, которая по своему значению сыграла роль съезда. Именно на Пражской конференции, состоявшейся в январе 1912 года, фракция большевиков, входившая в состав единой социал-демократической партии, была оформлена в самостоятельную партию. Можно сказать, что исторические судьбы большевиков и меньшевиков отныне окончательно разошлись. Их пути в дальнейшем не раз пересекались, но уже не в качестве соратников по борьбе с царизмом, а скорее как политических противников, находившихся по разные стороны баррикад, воздвигнутых столь противоречивым и порой почти непостижимым ходом исторического процесса в России.

Пражская конференция знаменовала собой переломный этап не только в жизни большевистской партии, но и в революционной деятельности самого Сталина. Как метафорически пишут некоторые его биографы, *Коба* превратился в Сталина. И это была не просто замена одного партийного псевдонима на другой. Можно говорить о том, что с этого времени Сталин начал свое восхождение как личность, оказавшая немалое влияние на судьбы не только России, но и даже мира в целом. Но все это еще

⁹ М.Д. Багиров Из истории большевистских организаций Баку и Азербайджана... С. 122.

¹⁰ М.Д. Багиров Из истории большевистских организаций Баку и Азербайджана... С. 123.

будет впереди. Тогда даже в самом фантастическом сне ему не могло присниться, какая судьба ожидает его в будущем.

Очевидно, следует затронуть вопрос о самом псевдониме — Сталин. Я не собираюсь во всех деталях рассматривать этот довольно любопытный и безусловно важный момент в политической биографии Сталина. Кто интересуется этим вопросом, может почерпнуть довольно обширные сведения на этот счет в специальной работе историка В.В.Похлебкина “Великий псевдоним”, изданной в Москве в 1996 году. Хотя, надо отметить, что весь строй аргументации автора указанной работы, отличающейся научной добросовестностью и основательностью, порой вызывает серьезные возражения. В частности, речь идет о том, что якобы к выбору своего нового партийного псевдонима Коба пришел, вспомнив фамилию автора перевода любимого им “Витязя в тигровой шкуре” некоего Сталинского. Законный скептицизм вызывает и та магия определенных цифр, которая, по мнению В.В.Похлебкина, сопровождала, а порой и определяла политическую карьеру Сталина.

Мне бы хотелось отметить лишь следующее. Впервые подпись К.Сталин появилась 12 февраля 1913г. под статьей “Выборы в Петербурге”.¹¹ Ранее, в ряде других статей он подписывался — *К.Салин, К.Ст.* Видимо, к избранию своего окончательного партийного псевдонима он пришел не сразу. И, вероятно, не только и не столько звучность самого псевдонима, его ассоциативность со сталью были главными первоначальными мотивациями его окончательного решения. Многократно упоминавшийся нами биограф Сталина Смит пишет, что выбор такого псевдонима объясняется тем, что “джуга”, мол, по-грузински означает сталь, и потому-де Коба и выбрал такой псевдоним.¹² Такой же версии придерживаются и многие другие биографы Сталина. Автор книги “Великий псевдоним” В.В.Похлебкин опровергает такие предположения.¹³

Видимо, можно выстраивать самые разные гипотезы в связи с выбором активным революционером И.Джугашвили уже в зрелом возрасте именно такого псевдонима. Однако никаких сколько-нибудь достоверных сведений относительно причин того, как он пришел к выбору такого псевдонима и чем он при этом руководствовался, в распоряжении исследователей нет.

Своего рода “индустриальную” версию происхождения его псевдонима мы находим у одного из ближайших соратников Сталина В.М.Молотова. В частности, он сказал, что его собственный партийный псевдоним выбран сознательно: «Фамилия

Примечания

¹¹ *И.В.Сталин.* Соч. Т. 2. С. 284.

¹² *E.Smith.* The young Stalin. p. 272.

¹³ В.В.Похлебкин в своей работе приводит свидетельство грузинского специалиста о том, что «джуга» означает вовсе не “сталь”, как я Вам сообщал прежде, поскольку это было, так сказать, как бы известное, расхожее мнение. “Джуга” — это очень древнее языческое грузинское слово с персидским оттенком, вероятно, распространенное в период иранского владычества над Грузией, и означает оно просто имя. Значение, как у многих имен — не переводимо. Имя как имя, как русское Иван. Следовательно, Джугашвили — значит просто “сын Джуги” и ничего другого. Выходит, что Вы правы — к происхождению псевдонима “Сталин” его первоначальная, природная фамилия никакого отношения не имеет.» (*В.В.Похлебкин.* Великий псевдоним. М. 1996. С.72-73.)

индустриальная. Я с рабочими был, в рабочих кружках.»* На вопрос о сталинском псевдониме Молотов ответил следующим образом:

«— Я не помню, с какого года. Как он придумал, я у него не спрашивал. То же фамилия индустриальная. Он хотел подчеркнуть крепость. Но ему подходит. Подходит.

— А Ленин?

— Значительно раньше Ленского расстрела. Думаю — от реки Лены, хотя в ссылке он не на Лене был, а на Енисее. Елены никакой в его истории, его биографии не было. Есть версия, что с этой фамилией был жандармский ротмистр, который допрашивал его, когда первый раз арестовали. Но это так...»¹⁴

Конечно, действительную историю выбора, ставшего поистине историческим, псевдонима, мог бы объяснить сам Сталин, но он не оставил никаких, даже самых косвенных, признаний на этот счет. Не внушает серьезного доверия и утверждение матери Сталина в беседе с американским корреспондентом в начале 30-х годов: «Вы знаете, что именно Ленин дал ему имя Сталин. Ленин сказал, что он подобен стали. Это было хорошее имя.»¹⁵

Находящиеся в распоряжении исследователей факты и материалы, в том числе мемуарного плана, не дают возможности сделать сколько-нибудь обоснованного вывода о мотивах, побудивших Кобу избрать свой новый псевдоним. Вот почему прошлым, нынешним и будущим историкам остается только гадать и выдвигать разные, порой достаточно аргументированные, предположения о происхождении его псевдонима. Как говорится, тайна сия, видимо, навсегда останется тайной, возбуждая воображение и фантазию историков.

Конечно, в период правления Сталина вокруг самой его фамилии сознательно или по указке свыше создавались чуть ли не легенды. Сама благозвучность его партийного псевдонима, явная и привлекательная ассоциативность с чем-то заведомо положительным, надежным, прочным, активно использовались для его возвеличивания. И, пожалуй, самый яркий образчик такой пропаганды дал известный французский писатель А.Барбюс, имевший личные встречи со Сталиным. Итогом всего этого стала написанная им биография Сталина, апофеозом которой явилась чуть ли не литургически-возвышенная концовка книги, содержащая следующую, ставшую знаменитой фразу: «Это — железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин — сталь. Он несгибаем и гибок, как сталь. Его сила — это его несравненный здравый смысл, широта его познаний, изумительная внутренняя собранность, страсть к ясности, неумолимая последовательность, быстрота, твердость и сила решений, постоянная забота о подборе людей.»¹⁶

* Мне знакома несколько иная версия происхождения его партийного псевдонима. В 1912 году в «Правде» работал старый большевик Ф.Сыромолотов. Одно время он якобы даже исполнял обязанности секретаря редакции. Однако после личной трагедии (в автомобильной катастрофе погибла его жена) в ноябре 1912 года он покинул редакцию и уехал из Петербурга. В.М.Скрябин, который также в это время работал в редакции «Правды», чтобы сохранить какую-то преемственность или по другим причинам, позаимствовал часть фамилии своего предшественника, взяв себе псевдоним Молотов.

¹⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.Чуева. М. 1991. С.151.

¹⁵ Цит. по: Н. Montgomery Hyde. Stalin. A History of a Dictator. L. 1971. p. 19.

¹⁶ Афи Барбюс. Сталин. С. 351-352.

Возвратимся, однако, к предмету нашего повествования. Относительно самой природы культа личности Сталина и тех политических функций, которые он играл в исторической судьбе страны, будет речь идти в соответствующих главах. Тот же период, которого мы касаемся сейчас, к формированию этого культа прямого отношения не имеет. Он лишь служит одним из тех кирпичиков, на котором впоследствии сформировался Сталин как политический и государственный деятель. И он, этот период, представляет несомненный интерес, поскольку позволяет проследить за самим процессом постепенного формирования Сталина как фигуры исторического масштаба.

Царская охранка с самым пристальным вниманием следила за всем, что происходило в рядах большевиков, в том числе и на Пражской конференции. Была она в курсе фактически всех основных событий, происходивших в большевистской верхушке, поскольку имела в ней свою агентуру в лице прежде всего Р.Малиновского, ставшего депутатом четвертой Государственной думы от рабочей курии. Основываясь на его донесениях, а также на агентурных сообщениях других своих источников, московское охранное отделение подготовило специальную агентурную записку с подробнейшим анализом работ Пражской конференции и тех решений, в том числе и по кадровым вопросам, которые на ней были приняты. В ней фигурировало и имя Сталина. В этом документе сообщалось: «На основании предоставленного цекистам права кооптирования избраны в члены ЦК: а) «Коба» — известный Деп. Полиции кр. Тифлисской губ. Иосиф Виссарионов Джугашвили, отбывший срок администр. высылки в гор. Сольвычегодске, Вологодск. губ., и арестованный, согласно сведений Моск. Охр. Отд., в С.-Петербурге, 9 сентября 1911 года, и б) «Владимир», бывший рабочий Путиловского завода и уч-к последней школы партийных пропагандистов и агитаторов в м. Лонжюмо; работает в настоящее время в Екатеринославской губ.; настоящая фамилия его — Белостоцкий.»¹⁷

Обстоятельства кооптации Сталина в состав ЦК вызывали и вызывают определенные споры среди историков. Остановимся несколько более детально как на самой Пражской конференции, так и на введении Сталина в состав ЦК. В период господства культа личности Сталина, а затем и после развенчания его культа на XX съезде КПСС Хрущевым в историко-партийной литературе велась довольно оживленная, хотя, на мой взгляд, несколько схоластическая дискуссия относительно места Пражской конференции в истории становления большевизма как идейного течения и самой большевистской партии как организационного воплощения этого течения. Суть полемики сводилась к тому, что в разряд принципиальных разночтений возводились оценки Пражской конференции, данные в «Кратком курсе», которые якобы извращали подлинную историю партии. В «Кратком курсе» говорилось: « На этой конференции были изгнаны из партии меньшевики, навсегда было покончено с формальным объединением большевиков в одной партии с меньшевиками. Из

¹⁷ **Большевики.** Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранного отделения. М. 1990. С. 173. (Первое издание этой книги появилось при Советской власти в 1918 году. На это обстоятельство я специально обращаю внимание, поскольку вопрос о сохранности агентурных материалов, касавшихся подпольной работы, в частности, большевиков, станет предметом различных спекуляций. Но об этом речь пойдет в последующих главах.)

политической группы большевики оформляются в самостоятельную Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков). Пражская конференция положила начало партии нового типа, партии ленинизма, **большевиcтской партии.**»¹⁸

Противники такой трактовки усматривали в этом чудовищную фальсификацию, поскольку, мол, большевизм как политическое течение существовал с 1903 года. Эта точка зрения отражена в многотомной истории КПСС, изданной в брежневские времена. Там, в частности, говорилось: «Ранее, в «Кратком курсе истории ВКП(б)» давалась неправильная оценка Пражской партийной конференции, указывалось, что конференция «положила начало партии нового типа, партии ленинизма, большевистской партии». На самом же деле большевистская партия, как писал Ленин, существует с 1903 года, то есть со времени II съезда РСДРП. Анализ новых материалов показывает, что в работах по истории партии, написанных под влиянием культа личности, неточно освещалась роль Сталина в подготовке и проведении Пражской конференции, утверждалось, будто эта конференция избрала Сталина членом ЦК, тогда как он был кооптирован пленумом ЦК, состоявшимся в конце конференции».¹⁹

Однако, как ни крути, к каким ленинским цитатам ни прибегай, но оспорить тот факт, что Пражская конференция «оформила самостоятельное существование большевистской партии», о чем говорилось в «Кратком курсе», невозможно. Ведь вся история социал-демократического движения, в том числе и большевистского крыла его, до этой конференции, все многочисленные попытки объединения большевиков и меньшевиков во имя общей борьбы с царизмом, — все это исторические факты. Сама Пражская конференция подвела закономерный и логический итог внутривнутрипартийной борьбе и впервые оформила образование самостоятельной партии. Причем надо заметить, что и в дальнейшем, уже после Пражской конференции, объединительные тенденции в социал-демократическом движении отнюдь не исчезли, не были похоронены раз и навсегда. Достаточно обратиться к работам самого Ленина данного периода, чтобы убедиться в этом. Писал на эту тему и Сталин, в частности, в первой передовой статье газеты «Правда» от 22 апреля 1912 г., написанной им, говорилось:

Мы отнюдь не намерены замазывать разногласий, имеющих среди социал-демократических рабочих. Более того: мы думаем, что мощное и полное жизни движение немыслимо без разногласий, — только на кладбище осуществимо «полное тождество взглядов»! Но это ещё не значит, что пунктов расхождения больше, чем пунктов схождения. Далеко нет! Как бы ни расходились передовые рабочие, они не могут забыть, что все они, без различия фракций, — одинаково эксплуатируемы, что все они, без различия фракций, одинаково бесправны... Поскольку мы должны быть непримиримы по отношению к врагам, постольку же требуется от нас уступчивость по отношению друг к другу.»²⁰ Не только содержание, но и тональность процитированного отрывка дают ясное представление о том, что и после выделения в самостоятельную партию большевики вовсе не поставили раз и навсегда крест на возможности в дальнейшем общих действий с другими фракциями в рамках общего социал-демократического движения.

¹⁸ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. С. 139.

¹⁹ История коммунистической партии Советского Союза. Т.2. С. 379.

²⁰ И.В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 248-249.

К тому же, если большевистская партия существовала как политическая партия с 1903 года, то к чему были ожесточенные схватки за созыв и проведение Стокгольмского и Лондонского съездов, неистовые политические баталии на самих этих съездах, не говоря уже о других форумах менее представительного характера. Ведь непримиримая межпартийная борьба между большевиками и меньшевиками буквально пронизывала всю деятельность как центральных, так и местных органов формально единой партии. Так что оценка Пражской конференции, данная во времена Сталина, в целом соответствовала действительным историческим фактам. При этом, как мне представляется, напрямую связывать такую оценку со стремлением возвысить роль Сталина – значит однобоко и тенденциозно трактовать исторические события. В конечном счете, весь спор по поводу Пражской конференции носил во многом чисто схоластический характер, ибо по-своему справедливы были обе точки зрения. Большевизм как идейное и политическое течение существовал даже не со времени раскола в 1903 году, но фактически и раньше. Равно как верно и то, что в качестве самостоятельной политической партии большевизм оформился на Пражской конференции в январе 1912 года.

К чисто формальным, не имеющим принципиального характера, обстоятельствам, следует, на мой взгляд, отнести и факт кооптации, а не избрания Сталина на этой конференции в состав Центрального Комитета. Но прежде чем более детально рассмотреть вопрос о том, когда и как Сталин оказался в составе ЦК партии большевиков, необходимо затронуть один момент, на который обращает особое внимание Троцкий в своей книге о Сталине. Он приводит слова некоего историка Рябичева: «В марте – апреле 1910 г. удастся, наконец, создать российскую коллегию ЦК. В состав этой коллегии входит и Сталин. Однако эта коллегия не успела развернуть работы: вся она была арестована». «Если это верно, то Коба, по крайней мере формально, вошел с 1910 г. в состав ЦК. Важная веха в его биографии! Однако это не верно, – пишет Троцкий. – За пятнадцать лет до Рябичева старый большевик Германов (Фрумкин)* рассказал следующее: «На совещании пишущего эти строки с Ногиным было решено предложить ЦК утвердить следующий список пятерки – русской части ЦК: Ногин, Дубровинский, Малиновский, Сталин и Милютин» Дело шло, таким образом, не о решении ЦК, а лишь о проекте двух большевиков. «Сталин был нам обоим лично известен, – продолжает Германов, – как один из лучших и более активных бакинских работников. Ногин поехал в Баку договориться с ним, но по ряду причин Сталин не мог взять на себя обязанности члена ЦК». В чем именно состояла помеха, Германов не говорит.²¹ Сам Ногин писал о своей поездке в Баку два года спустя: «В глубоком подполье находился Сталин (Коба), широко известный в то время на Кавказе и принужденный тщательно скрываться на Балаханских промыслах» Из рассказа Ногина вытекает, что он даже не познакомился с Кобой.»²²

* Этому сюжета я уже вкратце касался в предыдущей главе.

²¹ Воспоминания М.И.Фрумкина (впоследствии заместитель наркома финансов) под партийным псевдонимом Л.Германов были опубликованы в журнале «Пролетарская революция» 1922 г. № 5.

²² Лев Троцкий. Сталин. Т. 1. С. 175.

Далее Троцкий заключает, что “можно с уверенностью предположить, что причиной неудачи миссии Ногина послужило недавнее участие Кобы в “боевых действиях”.²³

Как можно прокомментировать изложенное выше? Конечно, обстоятельства всего этого дела – первой попытки включить Кобу в состав российской коллегии ЦК – с надлежащей достоверностью выяснить невозможно. Сами условия подпольной революционной деятельности, естественно, предполагали строгую конспирацию, особенно когда это касалось такого вопроса, как персональный состав руководящих органов партии. Однако мне хотелось бы подчеркнуть другое: независимо от того, соответствуют ли истине приведенные выше обстоятельства, бесспорным остается тот факт, что уже тогда вопрос о привлечении Кобы к работе руководящих органов партии рассматривался в практическом плане. Это убедительно говорит в пользу того, что он к тому времени пользовался известностью и определенным авторитетом не только в местных партийных организациях, где преимущественно протекала его работа, но и во всероссийском общепартийном масштабе.

Теперь коснемся вопроса о кооптации Сталина в состав ЦК партии большевиков на Пражской конференции. Во-первых, следует особо подчеркнуть, что такая кооптация состоялась не после конференции, а во время ее работы. С долей сомнений можно предположить, что такой метод был, возможно, обусловлен прежде всего условиями самой конспиративной деятельности партии, которая находилась под неусыпным пристальным оком царской охранки. Были необходимы какие-то меры, способные обезопасить деятельность членов ЦК. Ведь не случайно, что к началу первой мировой войны чуть ли не все члены ЦК, работавшие в России, оказались в тюрьмах или в ссылке. Сам состав участников конференции был шире, чем состав ЦК, поэтому факт кооптации на пленуме ЦК новых членов в то время, когда сама конференция еще не завершилась, говорит, по-моему, прежде всего о предосторожностях чисто конспиративного плана. Ведь при вынесении суждения по данному вопросу нельзя сбрасывать со счета тот факт, что из 14 делегатов конференции с правом решающего голоса двое, как выяснилось впоследствии, были агентами охранки (Р.Малиновский и А.Романов.) Именно они самым детальным образом и информировали полицию о ходе самой конференции и по другим внутрипартийным вопросам. Для характеристики обстановки, царившей на самой конференции, говорит и такая деталь: по предложению Ленина не сообщать ничего о конференции в переписке (которое оспаривал один из делегатов) было даже принято решение вообще прекратить всякую переписку (видимо, на период работы конференции).²⁴

Детальное ознакомление с соответствующими материалами конференции позволяет все же сделать вывод о том, что не только сугубо конспиративные

²³ Там же. С. 176.

²⁴ См. **Протоколы VI (Пражской) всероссийской конференции РСДРП**. Журнал “Коммунист” 1988г. №8. С. 67-68. Опубликованные в № № 8 и 9 за 1988 год, протоколы конференций не полны, некоторые тетради, в которых велись протоколы, не сохранились. Однако и сохранившиеся материалы рисуют достаточно напряженную атмосферу, в которой протекали работы конференции.

соображения стали причиной его кооптации в ЦК. Сам порядок выборов в состав ЦК был довольно своеобразным: каждый делегат записывал фамилии кандидатов, которых он считал необходимым избрать, и передавал эту записку Ленину. Результаты выборов из соображений конспирации на конференции не оглашались. О них знал лишь Ленин, который по окончании выборов информировал об избрании каждого члена Центрального Комитета.

Членами Центрального Комитета в итоге такого способа голосования Пражская конференция избрала, кроме широко известных в партии деятелей, также довольно малоизвестных. Всего в состав первого чисто большевистского Центрального Комитета вошло 7 человек: В. И. Ленин, Ф. И. Голощекин, Г. Е. Зиновьев, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандарян, Д. М. Шварцман и Р. В. Малиновский. Иными словами, весь состав ЦК оказался сформированным из числа самих делегатов. (Как бы сказали сейчас, произошел своеобразный “междусобойчик”) А между тем, как уже отмечалось, не все избранные на конференцию делегаты сумели по разным причинам (арест полицией, транспортные трудности и т.д.) прибыть в Прагу и принять участие в конференции. Кроме того, состав ЦК явно не отражал позиции и интересы тех партийных активистов, которые вели непосредственную работу в России. Данное обстоятельство (об этом можно говорить с достаточной долей уверенности) и стал побудительной причиной того, что еще до завершения работ конференции по несомненной инициативе Ленина состав членов Центрального Комитета был пополнен. Сами интересы дела требовали внесения определенных коррективов, что и было сделано.

Таковы были, как мне представляются, мотивы, обусловившие введение Сталина в состав ЦК большевиков. Но, впрочем, эти детали не столь уж и важны. Ведь по всем нормам партийной жизни и правил формальное избрание на конференции или кооптация на пленуме ЦК мало чем отличались по своему содержанию. Как бы сказали в наше время, кооптация была вполне легитимна со всеми вытекающими из этого факта последствиями. К тому же, надо не упускать из поля зрения, что речь идет о формировании руководящего органа партии, действовавшей в условиях глубокого подполья. Примечательно в этом отношении и цитировавшееся выше донесение полиции, где говорилось “на основании предоставленного цекистам права кооптирования **избраны** в члены ЦК” (выделено мною – Н.К.). Делать на этих нюансах особый акцент, а тем более строить на такой базе какие-то далеко идущие выводы – по меньшей мере не совсем правильно. Но к таким приемам часто прибегали в целях политической дискредитации Сталина после его смерти. Здесь четко проглядывала тенденция представить его чуть ли не изначально в качестве политического проходимца, строившего свою партийную карьеру путем всякого рода интриг, махинаций и подлогов. Но, как говорится, у Сталина и без того много политических грехов, чтобы еще прибегать ко всякого рода сомнительным или маловразумительным аргументам в целях его развенчания. В смысле, мягко выражаясь, неуважительного отношения к фактам и особенно их трактовки, период после смерти Сталина не намного лучше периода, когда Сталин стоял у власти и исторические события интерпретировались в удобном для него свете. Обе крайности, как известно, когда-нибудь и в чем-нибудь сходятся. В приложении к оценкам отдельных эпизодов деятельности самого Сталина это находит самое непосредственное подтверждение.

На Пражской конференции Сталин не только был кооптирован в члены ЦК, но и избран в состав Русского бюро ЦК, которое было создано для практического руководства партийной работой в России. Оно состояло из пяти человек. В связи с этим некоторыми исследователями выдвигается версия, что кооптация Сталина была продиктована якобы тем, что он не получил необходимой поддержки среди делегатов конференции, но как члену Русского бюро ему необходимо было придать больше веса и авторитета, поэтому, мол, Ленин и настоял на кооптации в соответствии с правом, которым располагал Центральный Комитет. Доля истины в такой постановке вопроса, бесспорно, имеется. Но вместе с тем это всего лишь – предположение. К тому же необходимо учитывать еще одно обстоятельство: в состав ЦК были тогда избраны и некоторые деятели партии, по всем параметрам уступавшие Кобе и в авторитете, и в опыте партийной работы, да и по другим качествам. Так что Ленин не случайно, если это было именно так, настоял на кооптации Сталина в состав ЦК партии большевиков.

Вопрос о взаимоотношениях между Лениным и Сталиным в предреволюционный период, несомненно, заслуживает внимания, имея в виду прежде всего такой фактор как формирование Сталина в качестве деятеля общероссийского масштаба. Из приведенных ранее высказываний самого Сталина и других фактов явствует, что он, вне всяких сомнений, видел в Ленине неоспоримого лидера большевизма, считал его бесспорным, самым авторитетным теоретиком, творчески развивающим учение марксизма применительно к российским условиям. Вполне естественно предположить, что он стремился установить с ним и более тесные связи. Предпосылкой этому служили сама практическая работа Сталина в российском революционном движении, непосредственное знакомство с конкретной ситуацией в стране, заслуженно завоеванная им репутация твердого и непримиримого большевика. Ленин, конечно, все это ценил и рассматривал Сталина в качестве своего надежного сторонника. Однако в силу того простого факта, что Ленин был в эмиграции, а Сталин лишь эпизодически и на крайне короткие сроки выезжал за границу, характер и степень их взаимоотношений были довольно скромными. Можно сказать, что весьма скромные масштабы их взаимных связей вполне объяснимы. Поэтому, разумеется, никакой почвы под собой не имеет распространявшаяся в годы власти Сталина версия, согласно которой уже в предреволюционные годы установилось тесное сотрудничество двух вождей большевизма. Реальных фактов, могущих сколько-нибудь убедительно подтвердить такую версию, не было. Сталинская пропагандистская машина вынуждена была прибегать к всяческим натяжкам, преувеличениям, а порой и прямым фальсификациям, чтобы подвести более или менее правдоподобную фактическую базу под эту версию. Малейшее упоминание в ленинской переписке имени Сталина преподносилось таким образом, чтобы придать видимость достоверности пропагандированной версии.

Вместе с тем отнюдь не убедительной выглядит и версия, которую усиленно распространяли политические и идейные противники Сталина. Пионером в этом деле был Троцкий, пытавшийся в крайне тенденциозном свете изобразить взаимоотношения между Лениным и Сталиным вообще и в дореволюционный период в частности. Политическая мотивация в данном случае была настолько очевидной, что об этом можно и не говорить.

Здесь мне кажется уместным остановиться на некоторых моментах, касающихся так называемых разногласий между Лениным и Сталиным. Диктуется это во многом

тем обстоятельством, что эти разногласия намеренно преувеличиваются и рисуются многими биографами едва ли не в виде своеобразного пролога будущего конфликта между основоположником и лидером большевизма и его последователем и учеником. К рассматриваемому периоду политической деятельности Сталина относятся некоторые его критические высказывания в адрес Ленина. Я не склонен придавать им какого-то принципиального значения, поскольку они, во-первых, вполне естественны вообще для сферы политической деятельности, учитывая тем более атмосферу идейного разброда, растерянности и пессимизма, которыми характеризовалась тогдашняя обстановка в революционном движении России. Во-вторых, сам факт отдельных критических замечаний в адрес Ленина со стороны одного из его последовательных сторонников свидетельствует лишь о наличии расхождений по каким-то частным вопросам. И не более того. К тому же, квалифицировать эти расхождения в качестве политического криминала со стороны Сталина — значит упрощать реальную картину, исходить из презумпции абсолютной непогрешимости Ленина и заведомой неправоты тех, кто по тому или иному вопросу имел расхождения с ним. В партии большевиков были представлены деятели, которых объединяли общность взглядов и позиций по принципиальным стратегическим вопросам движения. И нет ничего более далекого от действительности, чем изображать эту партию в тот период как безвольное и послушное стадо, следовавшее за своим пастухом — Лениным. В партии были разногласия и расхождения по целому ряду вопросов, в том числе и немаловажных. И сейчас, по прошествии почти века, нас более бы удивили полное единомыслие и единодушие, чем дискуссии и споры, имевшие место в партийной жизни.

В частности, речь идет об отношении Кобы к полемике по философским вопросам, разыгравшейся в среде большевиков и между большевиками и другими представителями социал-демократического движения. Кульминационным пунктом этой полемики стала известная работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», в которой он изложил свою позицию по ряду принципиальных философских проблем и подверг критике взгляды своих оппонентов. Коба не во всем был согласен с Лениным, что нашло отражение в его письме к одному из соратников по революционной деятельности в Закавказье М.Цхакая. Официальная многотомная история КПСС следующим образом оценила сущность его взглядов в данной ситуации: «Нечеткую позицию в философских вопросах занимал одно время Сталин. Он недооценивал значение борьбы Ленина против махистов, не видел всей глубины их расхождения с марксизмом. В одном из писем к М. Г. Цхакая он заявлял, что эмпириокритицизм имеет и хорошие стороны. Задача большевиков, — писал он, — развивать философию Маркса и Энгельса «в духе И. Дицгена, усваивая попутно хорошие стороны “махизма”». Между тем, хотя немецкий социал-демократ Иосиф Дицген, рабочий-самоучка, действительно написал ценные философские труды, в ряде существенных вопросов он отступал от материализма, и предложение развивать марксизм в духе Дицгена с учетом философии идеалиста Маха было, разумеется, неправильно».²⁵

Не увязывая концы с концами, авторы официальной истории КПСС несколькими страницами ниже, видимо, желая подчеркнуть неотразимую убедительность

ленинской работы по философии, пишут: «Книга Ленина произвела глубокое впечатление на партийные кадры. Так, Сталин, который в то время занимал в философских вопросах нечеткую позицию, после ознакомления с ленинским произведением в письме в редакцию “Пролетария” назвал его “единственной в своем роде сводкой положений философии (гносеологии) марксизма”». ²⁶

Что можно сказать по поводу этих философских аспектов разногласий? Прежде всего, при внимательном взгляде на вещи трудно обнаружить здесь какие-то принципиальные расхождения. Скорее речь идет об отдельных нюансах, не дающих основания для категорических выводов о неправильной позиции Сталина в философской полемике. Попутно нельзя не заметить, что с точки зрения революционера-практика, ведущего свою работу в России, вся острота философской полемики могла восприниматься с достаточным на то правом как, мягко говоря, чрезмерная, не отвечающая животрепещущим потребностям практической революционной работы. Прагматизм вообще был одной из отличительных черт Сталина, и с этих позиций он вполне мог считать, что философская полемика носила отчасти умозрительный оттенок.

Это потом, уже после того, как стал утверждаться и всячески пропагандироваться культ личности Ленина, указанная его работа была возведена на пьедестал высшей философской мудрости. Нисколько не преуменьшая важности этой работы в формировании философских основ ленинизма, думается, что на процесс развития революционной борьбы в России она не оказала непосредственного воздействия. Так что делать далеко идущие выводы о наличии каких-либо серьезных философских разногласий между Лениным и Сталиным в этот период – значит допускать откровенную натяжку.

К разряду аналогичных, непомерно раздуваемых эпизодов, примыкает и одно из писем Кобы, в которых содержится некий намек на критику Ленина. Речь идет о его письме, написанном 24 января 1911 г. из Сольвычегодской ссылки одному из своих товарищей по партии В. Бобровскому.* В этом письме содержалась сакраментальная фраза о “буре в стакане воды”, в которой биографы Сталина с некоторой долей правоты усматривают едкий сарказм в отношении Ленина. Вот что писал Коба: «О заграничной “буре в стакане воды”, конечно слышали: блок Ленина – Плеханова, с одной стороны, и Троцкого–Мартова–Богданова, с другой. Отношение рабочих к первому блоку насколько я знаю благоприятное. Но вообще на границу рабочие начинают смотреть пренебрежительно; “пусть мол лезут на стену, сколько их душе угодно; а по-нашему, кому дороги интересы движения, тот работай, остальное же приложится” Это по моему к лучшему».

В одном из писем в связи с философской полемикой Коба писал: «Как тебе понравилась новая книга Богданова? По-моему, некоторые отдельные промахи Ильича очень метко и правильно отмечены. Правильно также указание на то, что материализм Ильича во многом отличается от такового Плеханова, что вопреки требованиям логики (в угоду дипломатии?) Ильич старается затушевать...» ²⁷

²⁶ Там же. С. 288.

* Письмо было перехвачено полицией и впервые опубликовано 25 декабря 1925 года в тифлисской газете “Заря Востока” В собрание сочинений Сталина не включено по вполне очевидным причинам.

²⁷ В. Дубинский-Мухадзе. Орджоникидзе. С. 93.

Вокруг этой фразы о «буре в стакане воды» в историографии о Сталине была развернута настоящая пропагандистская буря, особенно после начала так называемой десталинизации. Многие, причем весьма солидные западные биографы Сталина, ссылаются в качестве документального исторического источника на книгу об Орджоникидзе, написанную И.Дубинским-Мухадзе и изданную в 1963 году. Приведем соответствующий пассаж из нее, касающийся данной темы, хотя этот пассаж, как и многие другие в этой книге, следует рассматривать в качестве своего рода беллетристики, а не исторического источника, заслуживающего доверия. Вот как там передана реакция Ленина, с которым беседует в Париже Орджоникидзе (а автор чуть ли не стенографически записывает содержание их разговора):

«Ленин, будто вскользь, обронил фразу, сразу придавшую беседе острый характер.

– Вам, Серго, знакомо выражение “заграничная буря в стакане воды”?

По тому, как это было сказано, Орджоникидзе понял, что Ленин не сомневался и не ждал от него подтверждения. Скорее это был ответ Ильича на вопрос, который Серго так и не решился задать. Много раз он порывался спросить, знает ли Владимир Ильич о письмах Кобы, о его пренебрежительных отзывах “заграничная буря в стакане воды”... Был бы Коба здесь, Серго не посчитался бы с его обидчивым характером. Но Серго не хотел – это чересчур больно – услышать из уст Ильича слова, осуждающие друга, томящегося в ссылке.

Тут же мелькнула, в сущности, совсем неважная мысль – откуда известно Ленину? От Миха, Шаумяна или от не так давно приехавшего из Тифлиса Филия? А может быть, от Владимира Бобровского? Ему было адресовано письмо Кобы из Сольвычегодска, а ведь он давний, близкий знакомый Ленина, по его поручению долгое время провел в Грузии...

– Ишь ты, “заграничная буря в стакане воды”, – повторил Ленин. – Экая ахинея!

– Владимир Ильич, не надо! – еще не понимая, против чего он протестует, попросил Серго. – Коба наш товарищ! Меня с ним многое связывает.

– Как же, знаю, – охотно подтвердил Ильич. – У меня самого хорошие воспоминания о Сталине.* Я хвалил его «Заметки делегата» о Лондонском съезде партии и особенно “Письма с Кавказа” Только революция еще не победила и не дала нам права ставить над интересами дела личные симпатии и всякие хорошие воспоминания...

Ленин снова нахмурился. Говорите – “Коба наш товарищ”, дескать, большевик, не перемахнет. А что непоследователен, на это закрываете глаза? Нигилистические шуточки “о буре в стакане воды” выдают незрелость Кобы как марксиста».²⁸

Остается только сделать краткий комментарий в связи со всем этим сюжетом. Достоверность того, что Коба оценивал бушевавшие тогда в среде социал-демократов споры как “бурю в стакане воды”, не вызывает каких-либо сомнений. Это вполне соответствовало резкости его характера, прямоте, а порой и прямолинейности высказываний и оценок, к которым он прибегал. Но, на мой взгляд, такая его позиция

* О надуманном и искусственном характере приводимого диалога свидетельствует хотя бы тот факт, что Ленин не мог тогда назвать Кобу именем Сталина. Этот псевдоним стал использоваться Сталиным два года спустя.

²⁸ В. Дубинский-Мухадзе. Орджоникидзе. С. 92-94.

вполне вписывается и в его достаточно критическое отношение революционера-практика к бытовавшим тогда в среде социал-демократической эмиграции спорам и разногласиям. Мол, вместо того, чтобы заниматься реальными практическими делами, они устраивают “бури в стакане воды” Факт расхождений с Лениным в подходе к этим вопросам, конечно, налицо. Однако эти расхождения носят отнюдь не принципиальный характер, их скорее можно считать чисто тактическими. По крайней мере не такими, чтобы на их базе строить выводы фундаментального политического плана. Кроме того, надо принимать во внимание то обстоятельство, что Коба высказывал свои отдельные критические замечания не публично, не в печати, а в письмах, что безусловно придавало этим высказываниям характер частного мнения, а не вполне определенной политической позиции, а тем более конфронтации с Лениным. В любом случае, на мой взгляд, нельзя говорить о каких-либо серьезных политических разногласиях, а тем более политическом противостоянии между Сталиным и Лениным в рассматриваемый период. В то время Троцкого, который самым дотошным образом обсасывает все эти эпизоды, с Лениным разделяли действительно серьезные не просто разногласия, а настоящие политические баррикады. Но он это искусно обходит и сосредоточивает весь запал своей критики на Сталине, четко проводя свою главную мысль: Сталин всегда был враждебен Ленину, по крайней мере, духу его учения. А такой вывод, как легко может убедиться каждый объективный исследователь, слишком уж явно противоречит подлинным историческим фактам.

Место и роль Ленина в партии большевиков были уникальными, его авторитет бесспорного лидера не ставился под сомнение никем в самой партии, да и вне ее. И совершенно очевидно, что важнейшие, выражаясь современным бюрократическим стилем, кадровые вопросы в руководстве партии, не решались без его непосредственного, зачастую решающего влияния. Хотя Коба и не входил в то время в круг его ближайших соратников, но наверняка рассматривался им в качестве ценного партийного работника, обладавшего хорошими организаторскими способностями, твердостью в проведении партийной линии и несомненно достаточно прилично теоретически подготовленного. О последнем свидетельствовали статьи Сталина в печати, с которыми Ленин имел возможность ознакомиться в эмиграции. Так что вхождение Сталина в состав большевистского Центрального Комитета в 1912 году безусловно и однозначно говорило о том, что он твердо вышел на общероссийскую политическую арену и стал принимать активное участие в решении кардинальных вопросов большевистской стратегии и тактики.

К моменту Пражской конференции Коба отбывал ссылку в Вологде. Для встречи с ним туда в середине февраля 1912 года отправляется Г.Орджоникидзе. Он информирует его о решениях самой конференции и, разумеется, о том, что теперь он входит в состав руководящего центра партии в качестве члена ее Центрального Комитета. В конце того же месяца Сталин совершает очередной побег и направляется из Вологды в Закавказье. Есть основания предполагать, что “партийная командировка” в старые и столь знакомые места была заранее оговорена с партийным центром и была связана с задачей ознакомления местных комитетов с решениями конференции и постановкой новых задач, вытекавших из разработанных в Праге решений. Сталин побывал в Тифлисе и Баку, встречался там с местными партийными активистами, а в Баку провел совещание работников большевистских районных организаций, которое

присоединилось к решениям Пражской конференции. О подобном совещании в Тифлисе нет никаких упоминаний в соответствующих источниках, что наверняка говорит о том, что такового вообще не было, поскольку позиции большевиков в этом городе были гораздо более слабыми, чем позиции меньшевиков. Последние занимали доминирующее положение в социал-демократическом движении Грузии. Проведя в Закавказье несколько недель, Сталин в начале апреля приезжает в Петербург. Видимо, новое место партийной деятельности было выбрано с учетом его нового положения члена ЦК партии большевиков.

Важной, если не самой главной, составной частью партийной работы Сталина в этот период явилось его участие в постановке и выпуске органов большевистской печати – газет “Звезда” и “Правда”. Сразу же следует подчеркнуть, что в период, когда Сталин стоял у власти, его роль в этом важном общепартийном деле непомерно раздувалась. Он изображался в качестве чуть ли не единственного организатора выпуска этих газет и фактического их редактора. Так, в официальной краткой биографии Сталина утверждалось, что он в дни ленских забастовок руководит еженедельной большевистской газетой “Звезда”. Относительно его роли в создании “Правды” говорилось, что “она была основана согласно указанию Ленина, по инициативе Сталина.”²⁹ Сам Сталин в 1922 году в связи с 10-летней годовщины выхода первого номера газеты “Правда” рисует следующую картину обстоятельств организации выпуска газеты: “ Это было в середине апреля 1912 года, вечером, на квартире у тов. Полетаева, где двое депутатов Думы (Покровский и Полетаев), двое литераторов (Ольминский и Батурич) и я, член ЦК (я, как нелегал, сидел в «бесте» у «непркосновенного» Полетаева), договорились о платформе «Правды» и составили первый номер газеты. Не помню, присутствовали ли на этом совещании ближайшие сотрудники «Правды» – Демьян Бедный и Данилов.”³⁰

Если роль Сталина в создании газеты “Правда” и несколько преувеличивалась, то это вовсе не значит, что она была незначительна. Напротив, его с полным основанием можно считать одним из главных создателей этой газеты. Еще более активна (и при том хорошо документирована) его роль как одного из самых регулярных ее авторов. Он часто помещал свои статьи в “Звезде” и “Правде”, причем выступал как под различными псевдонимами, так и анонимно, готовя редакционные статьи и другие материалы. Знакомство с этими статьями, помещенными во втором томе собрания его сочинений, не оставляет сильного впечатления. По большей части, они носят агитационно-пропагандистский характер. Хотя надо отметить, что они выдержаны в наступательном духе, посвящены актуальным для тех дней проблемам: преимущественно рабочего движения, предвыборной кампании и т.д. Печати какой-либо теоретической глубины или яркости стиля они на себе не несут.

Сталин как редактор к тому времени, несомненно, приобрел солидный опыт. Поэтому его редакторская роль в “Звезде” и “Правде”, не вызывает сомнений, о чем говорят в своих воспоминаниях многие непосредственные участники всего этого предприятия. Причем речь идет и о воспоминаниях, опубликованных задолго до того времени, когда Сталин установил в партии и стране свою власть, и, соответственно,

²⁹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 51.

³⁰ И.В. Сталин. Соч. Т. 5. С. 130.

определял в той или иной форме характер и направленность пропагандистских материалов, в том числе и о его действительной роли в революционном движении. Свойственная Сталину ясность, простота и лаконичность изложения мыслей, вне всякого сомнения, были полезны в редактировании материалов, рассчитанных на простых людей. Здесь, как говорится, было не до литературных изысков. Важно было донести до рабочей массы основные политические установки партии большевиков, способствовать намечавшемуся подъему революционных выступлений. Эта работа была и нужна, и важна.

Давая обобщенную оценку роли Сталина в налаживании легальной большевистской печати, было бы справедливо сделать такой общий вывод: он действительно принимал активное и непосредственное участие в организации и руководстве легальной большевистской печатью. Отрицать это – значит игнорировать реальные исторические факты. С другой стороны, нет оснований преувеличивать его роль в этом деле. Нужна объективная и сбалансированная оценка, свободная от перекосов обеих этих крайностей.

Весьма симптоматичным, почти магическим совпадением, стал арест Сталина в Петербурге как раз в тот день, когда вышел первый номер “Правды” – 22 апреля 1912 г. После более чем двухмесячного пребывания в доме предварительного заключения Сталин высылается по этапу из Петербурга в Нарымский край под гласный надзор полиции сроком на три года. 18 июля 1912 г. он прибывает в место своей ссылки, а уже 1 сентября совершает очередной побег и прибывает в Петербург. Легкость, с которой он ему удаётся осуществлять эти побег, конечно, может вызвать удивление и недоумение. Однако если обратиться к биографическим данным, касающимся других видных деятелей большевистского движения, помещенным в книге “Деятели СССР и Октябрьской революции”, изданном еще в 1927 году в качестве соответствующего тома энциклопедического словаря “Гранат”, то мы легко убедимся в том, что многие эти деятели, подобно Сталину, совершали многократные побег из ссылок. В то время подобные случаи являлись не каким-то экстраординарным событием, а явлением, можно сказать, довольно заурядным. Так что в этом плане Сталин был не уникален. О других деятелях большевистской партии в этом ракурсе их деятельности писали мало, о Сталине и его побегах из ссылок твердили денно и ночно. Поэтому в глазах широкой публики и сформировался образ дерзкого и на редкость удачливого ссыльного революционера. Но, повторяюсь, чего-то уникального, исключительного во всем этом не было.

Столь быстрый, даже стремительный побег из нарымской ссылки объяснялся двумя главными соображениями. Во-первых, необходимо было спешить и осуществить побег до наступления холодов, т.к. после замерзания водных путей сообщения побег совершить было невозможно. Во-вторых, Сталина в столице ждали весьма серьезные и ответственные дела, связанные с развернувшейся в то время кампанией по выборам в IV Государственную думу. Он принимал активное участие в разработке предвыборной платформы большевиков, которая включала в себя такие принципиальные положения, как: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьей земли. Разумеется, принципиальные установки предвыборной платформы большевиков (а они впервые выступали на выборах самостоятельно) вытекали из их общей программы. Однако чрезвычайно важно было конкретизировать эти программные требования применительно к реальным

условиям предвыборной кампании, обеспечить организационную и агитационную поддержку рабочим кандидатам.

Видимо, впервые в своей политической карьере Сталин вплотную и в таком широком объеме столкнулся с проблемами предвыборной борьбы. Можно, с известными оговорками, сказать, что это явилось его первым столь непосредственным знакомством с буржуазным парламентаризмом. Не думаю, что это знакомство прошло бесследно для него в смысле формирования каких-то взглядов на парламентаризм вообще и методы предвыборной борьбы, в частности. Однако нет и весомых свидетельств того, что идеи парламентаризма оказали на его политическую философию достаточно серьезное влияние. Будучи радикалом по природе своих воззрений, он не питал иллюзий в отношении судебных парламентских методов борьбы за власть. По крайней мере, из его высказываний как рассматриваемого, так и последующих периодов, можно сделать данное заключение, не рискуя ошибиться.

По приезде в Петербург он окунулся в самую гущу напряженной предвыборной кампании, в частности, пишет "Наказ петербургских рабочих своему депутату". В этом наказе достаточно четко проглядывает его позиция в отношении целей, которые должны преследовать рабочие депутаты в Государственной думе. «Думская трибуна... — говорится в наказе, — является одним из лучших средств при данных условиях для просвещения и организации широких масс пролетариата.

Именно для этого и посылаем в Думу нашего депутата, поручая ему и всей социал-демократической фракции IV Думы широкое распространение с думской трибуны наших требований, а не пустую игру в законодательствование в господской Думе.»³¹

В конечном счете выборы в Думу принесли определенный успех кандидатам большевиков, хотя некоторые исследователи откровенно иронизируют по этому поводу: мол, шесть депутатов — это не та цифра, которая свидетельствует об успехе. Однако нельзя забывать о многих, поистине бесчисленных преградах, которые воздвигались властями в целях воспрепятствованию народного волеизъявления. Но главное заключалось в том, что большевики фактически впервые получили в Думе своих самостоятельных представителей. Доля этого успеха относится и к Сталину.

Вскоре после выборов Сталин на короткое время направляется в Москву, устанавливает связь с вновь избранными депутатами-рабочими. Возможно, визит в Москву был сопряжен и с приобретением необходимых документов для поездки в Краков, где намечалось заседание членов ЦК партии большевиков. Первоначально планировалось провести конференцию, но из-за отсутствия некоторых делегатов решили провести совещание, которое и состоялось в конце декабря 1912г. — начале января 1913 г. В целях конспирации оно было названо "февральским совещанием". В ноябре 1912 года Сталин нелегально прибывает в Краков, где участвует в указанном совещании.

Некоторые почти комические обстоятельства того, как Сталин добирался до Кракова, приводит в своих воспоминаниях С.Кот, который был во время войны послом в Москве польского правительства в эмиграции. Он описывает это со слов самого Сталина, сказанных во время одного из банкетов в честь польской делегации в декабре 1941 года.

Лит. фонд им. В.И. Ленин

Фонд

История литературы

Лит.

17871

³¹ И.В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 251.

Итак, говорит Сталин: “Я прибыл на станцию Чербина и увидел там большой ресторан. Я был ужасно голоден. Я сделал заказ и сел за стол. Официант разносил блюда другим, но неизменно миновал при этом меня. Наконец я услышал звонок. Некоторые из посетителей ресторана встали и направились к выходу. Я подошел к буфету и резко сказал: “Это возмутительно! Всех обслужили, кроме меня!”

Официант заполнил супом тарелку и вручил ее мне. Раздался еще один звонок: прибыл поезд из Кракова, и все помчались к поезду. В ярости я бросил тарелку на пол, сунул официанту рубль и выскочил. В конце концов прибыл в Краков.

Через некоторое время я встретился с Лениным. Едва мы поприветствовали друг друга, как я выпалил: “Товарищ Ленин, дайте мне что-нибудь поесть, так как я еле жив от голода; я не ел ничего со вчерашнего вечера.” Ленин ответил: “А почему, проезжая через Чербину, Вы не поели? Там есть хороший ресторан.” “Поляки не дали мне ничего.” И я рассказал ему всю историю. “Но на каком языке Вы делали заказ?”, — спросил он. “По-русски, конечно, я не знаю других языков.” “Какой Вы дурак, Сталин.... Разве Вы не знаете, что поляки воспринимают русский язык как язык их угнетателей?”³²

Совещание обсудило наиболее актуальные вопросы движения и приняло соответствующие резолюции, которые, кстати сказать, сразу же стали известны охранке. Общие оценки и выводы были выдержаны в оптимистическом ключе, отразившемся в следующей констатации совещания: «Период развала проходит. Наступило время собирания сил. Сплотимся же в нелегальные организации РСДРП. Они не закрывают дверей ни для одного социал-демократа, желающего в них работать, желающего помогать организации пролетариата, его борьбе с капиталом, его начавшемуся натиску на царскую монархию.

Общенациональный политический кризис медленно, но неуклонно назревает в России. Третьеиюньская система была последней попыткой спасения черносотенной монархии царя, попыткой обновить ее союзом с верхами буржуазии, и эта попытка потерпела крах. Новые силы демократии не по дням, а по часам растут и крепнут среди крестьянства и городской буржуазии в России. Быстрее, чем прежде, увеличивается в деревне и в городах число пролетариев, растет их организованность, их сплоченность, их уверенность в своей непобедимости, подкрепляемая опытом массовых стачек.

РСДРП, организуя в единое целое передовые отряды этого пролетариата, должна вести его к революционным битвам во имя наших старых революционных требований.»³³

Но особое значение, по крайней мере для Сталина и его дальнейшей политической судьбы, имело обсуждение на совещании вопросов, связанных с национальными моментами. Как раз именно в это время в рядах социал-демократического и вообще революционного движения усилились тенденции к обособлению по национальным признакам. Речь фактически шла о том, чтобы подменить единые социал-демократические организации национальными социал-

³² Stanislaw Kot. Conversations with the Kremlin and Dispatches from Russia. L. 1963. pp. XXI-XXVI

³³ ВКП(б) в резолюциях... Часть I. С. 199.

демократическими организациями. Зримо вырисовывалась грозная опасность дробления революционного движения и обособления его по национальным квартирам. Совещание уделило этой проблеме особое внимание. В принятой резолюции подчеркивалось: «Совещание настойчиво призывает поэтому рабочих всех национальностей России к самому решительному отпору воинствующему национализму реакции, к борьбе со всеми и всяческими проявлениями националистического духа среди трудящихся масс и к самому тесному сплочению и слиянию с.д. рабочих на местах в единые организации РСДРП, ведущие работу на каждом из языков местного пролетариата и осуществляющие на деле единство снизу, как это ведется издавна на Кавказе».⁸⁴

Нет сомнений в том, что постановка и обсуждение данного вопроса на совещании проходила при самом активном участии Сталина. Он к тому времени пользовался среди большевиков репутацией человека, хорошо разбирающегося в национальной проблематике, и имеющего большой и весьма положительный опыт разрешения всякого рода национальных конфликтов и трений. Видимо, на самом совещании, а также в личных беседах с Лениным Сталин предстал в роли действительного знатока национального вопроса. Это реноме во многом предопределило его путь в большую политику. И совершенно закономерно, что Ленин посоветовал Сталину написать фундаментальную статью по национальному вопросу. С тем, чтобы он с максимальным успехом справился с данной задачей, Ленин посоветовал ему отправиться в Вену, где имелись наилучшие условия с точки зрения наличия литературы, источников и т.д. Именно там разворачивали свою деятельность ведущие знатоки национального вопроса из среды австрийской социал-демократии – Бауэр, Шпрингер и др. Таким образом, перед Сталиным открывалась возможность выступить в качестве теоретика уже не в кавказских масштабах, а в общероссийском и даже общеевропейском измерении.

2. Теория национального вопроса и будущая политическая судьба Сталина

Трудно сказать, осталось бы в анналах истории имя Сталина как автора работы «Марксизм и национальный вопрос», если бы ему не была уготована та судьба, которая его ожидала. Скорее всего, эта его работа затерялась бы в числе многочисленных публикаций по национальной проблематике, обратив на себя внимание лишь узких специалистов. Однако рассматривая эту работу через призму его дальнейшей политической карьеры, следует уделить ей самое пристальное внимание. Она заслуживает того по ряду причин. Остановимся на главных из них.

Первый вопрос – это степень ее оригинальности, вопрос о том, действительно ли она представляла собой серьезную теоретическую разработку проблем, заявленных в названии статьи. На этот счет в обширной литературе о Сталине, как это ни покажется удивительным, обнаруживается довольно редкое, если не единодушие, то по крайней мере, близкое к тому мнению: она представляет собой вполне компетентное, обстоятельное и достаточно аргументированное исследование вопроса

⁸⁴ Там же. С. 204.

и ясное и четкое изложение позиции большевиков по всему комплексу поднятых проблем. Даже такой непримиримый и яркий враг Сталина, как Троцкий, называет работу Сталина “небольшим и очень содержательным исследованием”.³⁵

Если мы обратимся к самой работе Сталина, то легко убедимся в справедливости такой общей оценки. Она довольно объемиста — в собрании сочинений занимает почти 80 страниц. Ее структура логична. Язык и манера изложения отличаются присущими автору ясностью и четкостью. И хотя построена она в остром полемическом ключе и изобилует подчас резкими оценками оппонентов, тем не менее данное обстоятельство не низводит эту работу до уровня пропагандистского материала, продиктованного текущими потребностями политических баталий. Подразумеваемая, хотя и открыто не выраженная автором претензия на научную разработку темы, реализована, как мне кажется, достаточно убедительно. Несколько завышена, но в своей основе справедлива оценка, данная этой работе в официальной биографии Сталина: «Работа Сталина „Марксизм и национальный вопрос” явилась крупнейшим выступлением большевизма по национальному вопросу на международной арене до войны. *Это была теория и программная декларация большевизма по национальному вопросу...* В своей работе Сталин дал марксистскую теорию нации, сформулировал основы большевистского подхода к решению национального вопроса (требование рассматривать национальный вопрос как часть общего вопроса о революции и в неразрывной связи со всей международной обстановкой эпохи империализма), обосновал большевистский принцип интернационального сплочения рабочих».³⁶

Ссылки на высокую оценку Лениным статьи Сталина, приводимые в “Краткой биографии”, конечно, звучат убедительно, но и они не дают основание рассматривать Сталина чуть ли не как главного теоретика марксизма по национальному вопросу. В известном смысле он суммировал и привел в систему взгляды и позицию партии большевиков по проблемам национальной политики. В какой-то степени вся его работа может расцениваться как замаскированное, но тем не менее вполне очевидное опровержение известного марксистского постулата о том, что рабочие не имеют отечества. Жизнь показала несостоятельность данного постулата, и в заслугу большевиков, и в частности Сталина, можно поставить то, что они нашли в себе смелость молчаливо похоронить этот постулат “Коммунистического манифеста”

В этой связи хочется сделать одно небольшое замечание. Критики Сталина, столь часто и столь охотно ставящие ему в укор незавершенное семинарское образование, всячески подчеркивающие его провинциальность и т.п., как-то не задаются вопросом о том, как человеку со столь низким уровнем образованности удалось написать такую в целом вполне оригинальную работу. Более того, он с успехом ведет полемику с общепризнанными корифеями австрийской и германской социал-демократической мысли О.Бауэром, Р.Шпрингером, К.Реннером, К.Каутским и другими. Причем его аргументы выглядят отнюдь не школярскими, а постановка многих вопросов, умение выявить их суть, вскрыть слабые стороны его оппонентов — все это впечатляет. Так что рассуждения о невысоком общеобразовательном уровне Сталина, его чуть ли не убогом кругозоре следует оставить на совести тех, кто

³⁵ Лев Троцкий. Сталин. Т. 1. С. 215.

³⁶ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 54-55.

к ним прибегает. Работа “Марксизм и национальный вопрос” достаточно убедительно свидетельствует о глубокой и широкой теоретической подготовке автора.

Совершенно бездоказательными, откровенно тенденциозными и потому полностью несостоятельными представляются оценки, высказываемые американским автором Э.Смитом относительно авторства Сталина в связи с данной работой. Он, в частности, утверждает, что хотя Сталин и написал ранее ряд статей, в которых затрагивался национальный вопрос, но «он не обладал ни эрудицией, ни профессиональными навыками, ни знанием немецкого языка, чтобы выполнить такую значительную работу по столь сложной проблеме.»³⁷ И далее: «трудно быть уверенным, что эта статья вышла из-под его пера».³⁸ Мол, А.Трояновский (впоследствии видный советский дипломат — *Н.К.*) и его жена Е.Розмирович, жившие в то время в Вене, помогли ему в работе над статьей. Видимо, такие откровенно досужие предположения показали Смигу недостаточными и он выдвигает другие, не менее сомнительные по сути гипотезы. Возможно, мол, Ленин, редактируя материал Сталина, интегрировал в него статью, которую писал другой большевик — сотрудник «Правды» — М.А.Савельев.³⁹

Мне кажется, что нет смысла вести серьезную полемику с этими и аналогичными утверждениями. Хотя бы потому что они из разряда откровенно спекулятивных: за ними не стоят факты, они не только не базируются на серьезных источниках, но являют собой образец своего рода исторического мифотворчества. Высказанные раз, они уже начинают жить как бы самостоятельной жизнью и кочуют из одной книги, посвященной Сталину, в другую. Таким образом, попросту говоря, досужий домысел возводится в ранг исторического источника или в худшем случае в разряд научной гипотезы. Применительно к освещению жизни Сталина подобные методы — не просто случайность, а самое что ни есть распространенное явление. Я уже оставляю в стороне вопрос о том, что Смит с настоящим остервенением обрушивается на Сталина, когда рассматривает трактовку последним еврейского вопроса. Здесь степень негодования Смита доходит до предела и обретает характер бурного взрыва. К тому же, по мнению американского автора, название работы неточное, больше подходит другое “Еврейский Бунд и его ошибочные идеи относительно национально-культурной автономии”

В качестве своеобразного опровержения утверждений Смита можно привести оценку данной проблемы со стороны другого, куда более авторитетного американского автора А.Улама, бывшего в свое время директором Русского исследовательского центра при Гарвардском университете (на него я не раз уже ссылался в предшествующих главах). Так вот, по поводу того, что Сталин якобы не обладал достаточной эрудицией и знаниями, чтобы написать столь солидную работу, А.Улам считает, что Сталин, будучи “прожорливым читателем, обладал солидным запасом исторических и философских знаний.”⁴⁰ Другой более или менее объективный биограф Сталина И.Грей без всяких оговорок замечает: « “Марксизм и национальный вопрос” написан свойственным ему ясным и четким стилем. Вне всякого сомнения, в своих подходах и аргументации - это

³⁷ Edward Smith. The young Stalin. p. 275.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. p. 290

⁴⁰ Adam Ulam. Stalin. p. 120.

его собственная работа, показывающая, как последовательно развивались его мысли по данному вопросу на протяжении последних восьми лет. Более того, он писал ее уверенно, так как знал об этой проблеме больше, чем Ленин или Троцкий с Бухариным, с которым он встретился в Вене в это время». ⁴¹

Наконец, можно привести мнение еще одного видного западного биографа Сталина американского профессора, специалиста по русской истории Р.Хингли, преподававшего в Оксфорде, Гарварде и других престижных университетах. Он, полемизируя с Троцким и другими критиками Сталина, пишет, что знание немецкого языка Сталиным, конечно, было поверхностным или минимальным, но в его распоряжении имелось большое количество источников в переводах на русский язык. К тому же, стилистический анализ неоспоримо говорит в пользу авторства Сталина. ⁴²

Полагаю, что приведенных фактов и оценок достаточно, чтобы рассеять всякие сомнения относительно подлинного авторства Сталина и той роли, которую сыграли другие лица в оказании ему помощи в подборе источников на немецком языке. Кстати, Сталин в Вене встретился не только с Бухариным. Произошла и его мимолетная встреча с Троцким, о чем впоследствии писал сам Троцкий. Еще раньше, в 1906 году, оба они принимали участие в работах Стокгольмского съезда партии, но, судя по всему, личного знакомства так и не произошло. Случилось это через несколько лет в Вене. Вот какими мрачными мазками рисует картину своего первого личного знакомства со Сталиным – своим ненавистным и заклятым врагом – Лев Троцкий: «В 1913 году в Вене, в старой габсбургской столице, я сидел в квартире Скобелева за самоваром. Сын богатого бакинского мельника, Скобелев был в то время студентом и моим политическим учеником; через несколько лет он стал моим противником и министром Временного правительства. Мы пили душистый русский чай и рассуждали, конечно, о низвержении царизма. Дверь внезапно раскрылась без предупредительного стука, и на пороге появилась незнакомая мне фигура, невысокого роста, худая, со смугло-серым отливом лица, на котором ясно видны были выбоины оспы. Пришедший держал в руке пустой стакан. Он не ожидал, очевидно, встретить меня, и во взгляде его не было ничего похожего на дружелюбие. Незнакомец издал гортанный звук, который можно было при желании принять за приветствие, подошел к самовару, молча налил себе стакан чаю и молча вышел. Я вопросительно взглянул на Скобелева.

“Это кавказец Джугашвили, земляк; он сейчас вошел в ЦК большевиков и начинает у них, видимо, играть роль.

Впечатление от фигуры было смутное, но не заурядное. Или это позднейшие события отбросили свою тень на первую встречу? Нет, иначе я просто позабыл бы о нем. Неожиданное появление и исчезновение, априорная враждебность взгляда, нечленораздельное приветствие и, главное, какая-то угрюмая сосредоточенность произвели явно тревожное впечатление... Через несколько месяцев я прочел в большевистском журнале статью о национальном вопросе за незнакомой мне подписью: И. Сталин. Статья останавливала на себе внимание главным образом тем, что на сером, в общем, фоне текста неожиданно вспыхивали оригинальные мысли и яркие формулы. Значительно позже я узнал, что статья была внушена Лениным, и что по ученической

⁴¹ Ian Grey. Stalin. p. 79.

⁴² Ronald Hingley. Joseph Stalin: Man and Legend. N.Y. 1974. p. 73.

рукописи прошлась рука мастера. Я не связывал автора статьи с тем загадочным грузином, который так неучтиво наливал себе в Вене стакан чаю, и которому предстояло через четыре года возглавить комиссариат национальной политики в первом советском правительстве...»⁴³

Приведенный выше отзыв Троцкого подводит нас ко второму вопросу, на котором мне представляется необходимым остановиться, поскольку он также неизменно присутствует практически во всех более или менее серьезных книгах о Сталине, написанных на Западе. Это вопрос о том, какова степень участия Ленина в научно-теоретической и политической разработке основных положений, изложенных в данной работе. На этот счет имеются две противоположные точки зрения.

Сторонники первой утверждают, что автором всех основных идей и положений сталинской статьи фактически был Ленин. Сам же Сталин выступал чуть ли не в качестве некоего литературного статиста, лишь переложившего на бумагу взгляды Ленина. Эту точку зрения активно пропагандировал Троцкий, который фактически первым выдвинул и попытался обосновать данную версию. «“Марксизм и национальный вопрос” представляет, несомненно, самую значительную, вернее, единственную теоретическую работу Сталина. На основании одной этой статьи, размером в 40 печатных страниц, можно было бы признать автора выдающимся теоретиком. Остается только непонятным, почему ни до того, ни после того он не написал ничего, сколько-нибудь приближающегося к этому уровню. Разгадка таится в том, что работа полностью внушена Лениным, написана под его ближайшим руководством и проредактирована им строка за строкой».⁴⁴

Сходную с данной точкой зрения высказывают и такие авторы, как Б.Суварин, И.Дойчер, Б.Вольф и некоторые другие западные биографы Сталина.

Что можно сказать по этому поводу? Убедительна ли аргументация, подтверждающая правомерность таких утверждений?

На мой взгляд, подобные утверждения, хотя их и пытаются подкрепить кое-какими фактами, являются неверными, не отвечающими действительности. Они продиктованы изначально тенденциозным подходом к личности самого Сталина. В качестве чуть ли не “доказательства” приводят некоторые места из воспоминаний Н.Крупской, касающиеся данного сюжета. Она, в частности, писала: «В половине февраля 1913 г. было в Кракове совещание членов ЦК; приехали наши депутаты, приехал Сталин. Ильич Сталина знал по Таммерфорсской конференции, по Стокгольмскому и Лондонскому съездам. На этот раз Ильич много разговаривал со Сталиным по национальному вопросу, рад был, что встретил человека, интересующегося всерьез этим вопросом, разбирающегося в нем.

Перед этим Сталин месяца два прожил в Вене, занимаясь национальным вопросом, близко познакомился там с нашей венской публикой, с Бухариным, Трояновскими».⁴⁵

На основе этого свидетельства Крупской Троцкий и другие делают безапелляционные выводы, будто Ленин чуть ли не изложил устно Сталину все положения будущей статьи. И в подтверждение своих умозаключений приводят также

⁴³ Лев Троцкий. Портреты революционеров. М. 1991. С. 46.

⁴⁴ Лев Троцкий. Сталин. Т. 1. С. 218.

⁴⁵ Н.К.Крупская. Воспоминания о Ленине. С.212.

свидетельство Крупской о том, как внимательно Ленин относился к молодым, начинающим авторам. Я вспоминаю, — писала она, — отношение Ильича к малоопытным авторам. Смотрел на суть, на основное, обдумывал, как помочь исправить. Но делал он это как-то очень бережно, так, что и не заметит другой автор, что его поправляют. А помогать в работе Ильич здорово умел. Хочет, например, поручить кому-нибудь написать статью, но не уверен, так ли тот напишет, так сначала заведет с ним подробный разговор на эту тему, разовьет свои мысли, заинтересует человека, прозондирует его как следует, а потом предложит: “Не напишете ли на эту тему статью?” И автор и не заметит даже, как помогла ему предварительная беседа с Ильичом, не заметит, что вставляет в статью Ильичевы словечки и обороты даже». ⁴⁶

Надо заметить, что к тому времени, о котором идет речь, Сталин уже не был начинающим, малоопытным автором. Ленин уже был знаком с некоторыми его печатными выступлениями, был хорошо осведомлен и с его работой в качестве одного из руководителей газеты “Правда” Так что представлять их отношения в тот период как отношения начинающего школяра со своим учителем — значит заведомо упрощать картину. Разумеется, между ними имел место обстоятельный обмен мнениями по национальному вопросу и основных позициях партии в связи с этим. Такое предварительное обсуждение — вещь вполне естественная, и она не ставит под вопрос авторский престиж Сталина, поскольку в своей статье он формулировал не только, а скорее всего не столько свои личные взгляды, но и партийные позиции. И если бы их взгляды существенно различались, то Ленин едва ли бы советовал Сталину написать статью по национальному вопросу. Часто цитируются слова Ленина из письма А.М.Горькому: «У нас один чудесный грузин засел и пишет для “Просвещения” большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы»⁴⁷. Узнав, что статью Сталина редакция намеревалась напечатать в качестве дискуссионной, Ленин решительно воспротивился атому: «Трояновский поднимает нечто вроде склоки из-за статьи Кобы для “Просвещения”... Конечно, мы абсолютно против. Статья очень хороша. Вопрос боевой и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи». ⁴⁸ В марте 1913 года В. И. Ленин писал в редакцию “Социал-Демократа”: «...У нас аресты тяжкие. Коба взят... Коба успел написать большую (для трёх номеров “Просвещения”) статью по национальному вопросу. Хорошо! Надо воевать за истину против сепаратистов и оппортунистов из Бунда и их ликвидаторов». ⁴⁹

Из приведенных выше фактов следует однозначный вывод: Ленин высоко оценивал статью Сталина по национальному вопросу. Несомненно и то, что принципиальные политические положения статьи были согласованы между ними. Если принять за правду свидетельство М.Джиласа — одного из виднейших югославских руководителей, имевших в конце 40-х годов встречи со Сталиным, — то и сам Сталин подчеркивал причастность Ленина к данной своей работе: «А насчет своей книги “Марксизм и национальный во-прос”, — вспоминает Джилас, — он заметил:

⁴⁶ Там же. С. 215.

⁴⁷ В.И.Ленин. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 162.

⁴⁸ В.И.Ленин. Собр. Соч. изд. четвертое. Т. 35. С. 60. (Ссылка дана на четвертое издание, поскольку в полном собрании сочинений редакторы пошли на определенные ухищрения, чтобы исказить содержание того, что писал Ленин, вплоть до произвольных купюр).

⁴⁹ Там же. С. 63.

– Это точка зрения Ильича, Ильич книгу и редактировал.»⁵⁰

Как видим, весь сыр-бор здесь не в том, что Ленин имел прямое отношение к написанию Сталиным данной работы. (Заметим в скобках, что редактировать в общепринятом смысле слова – это не значит писать за другого.) Речь идет о другом – а именно о том, является ли сам Сталин фактическим автором этой солидной теоретической и политической статьи. Объективные исследователи не ставят данный факт под сомнение, ибо для этого нет никаких серьезных оснований.

Несколько доводов, подтверждающих правомерность такого вывода.

Прежде всего, Сталин серьезно занимался изучением национального вопроса, был хорошо знаком с реальной ситуацией в национальных отношениях на Кавказе. Он неоднократно выступал по национальной проблематике со своими статьями в партийной печати, на всякого рода партийных совещаниях и встречах. Так что за ним правомерно закрепилась репутация знатока национального вопроса.

Во-вторых, литературный стиль и слог изложения всего материала с полной очевидностью выдает его как единственного и неоспоримого автора данного произведения. Буквально на всех страницах статьи явственно лежит печать его манеры мышления, аргументации и письма. Сама логика построения всего произведения типично сталинская от начала до конца. Что же касается утверждения Троцкого, почему он в дальнейшем не написал столь же глубокую и содержательную работу, как эта, то дело здесь в негативной оценке Троцким всего теоретического наследия Сталина, в стремлении всячески принизить это наследие. В дальнейшем мы еще будем иметь не раз возможность касаться тех или иных новаций, внесенных Сталиным в теоретический багаж большевизма. Поэтому в данном случае ограничимся лишь замечанием общего характера: это утверждение совершенно беспочвенно и тенденциозно.

В-третьих, на мой взгляд, лишена серьезной аргументации и точка зрения тех, кто приписывает какой-то особый вклад, внесенный в написание данной работы Бухарину и Трояновскому. С последними Сталин поддерживал контакт во время своего пребывания в Вене и написания этой работы. Обычно при этом ссылаются на то, что сам Сталин не знал немецкого языка и, по всей вероятности, Бухарин помогал ему в работе с источниками на немецком языке. Об этом, в частности, пишет американский советолог С.Козэн.⁵¹

Вероятность такого сотрудничества вполне допустима, хотя прямых свидетельств в пользу этого и нет. Более того, по некоторым архивным данным Сталина консультировала в переводах с немецкого языка некая Ольга Вейланд.⁵² Мы же заострим внимание на другом обстоятельстве. В статье Сталина обильно цитируются работы австрийских и немецких теоретиков национального вопроса. Однако почти все они были изданы в переводах на русском языке, а потому вполне были доступны и без знания немецкого. Исключение составляют лишь несколько ссылок на источники на немецком языке, которые и в самом объеме работы, и по своему содержательному смыслу, занимают более чем скромное место. Правда,

⁵⁰ Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. М. 1992. С. 112.

⁵¹ См. *Стивен Козэн*. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М. 1988. С. 48.

⁵² *А.В. Островский*. Кто стоял за спиной Сталина? С. 384.

несколько странное впечатление производит один момент в статье Сталина, где он пытается уличить русского переводчика в искажении смысла: « В русском переводе М. Панина (см. книгу Бауэра в переводе Панина) вместо “национальных особенностей” сказано “национальные индивидуальности” Панин неверно перевёл это место, в немецком тексте нет слова “индивидуальность”, там говорится о “nationalen Eigenart” т. е. об особенностях, что далеко не одно и то же».⁵³

Такие тонкости в истолковании смысла перевода, разумеется, доступны лишь человеку, хорошо знающему не только сам предмет, но и немецкий язык. Сталин, конечно, не обладал и не мог обладать такими знаниями языка, чтобы уловить отмеченные нюансы в переводе. Надо полагать, что данное замечание сделано им по чьей-то подсказке. Сама эта подсказка кажется мне не совсем уместной, т.к. она не столько уточняет смысл переводимого понятия, сколько демонстрирует знание тонкостей немецкого языка. Это был явный перебор. А на такие переборы как раз и был весьма горазд именно Бухарин. Видимо, его остальной “вклад” в сталинскую работу носил примерно аналогичный характер.

И, наконец, последний (разумеется, по месту, но не по значимости) аргумент в доказательство того, что не кто иной, как Сталин, а не Ленин или еще кто-либо другой был автором данной работы, состоит в следующем. В статье “Марксизм и национальный вопрос” явственно ощущается некоторое различие в акцентах по национальному вопросу, которые делали Ленин и Сталин. Если первый неизменно подчеркивал принцип права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Более того, в ленинском подходе доминировала подспудно, но всегда вполне определенно, Марксова мысль о том, что рабочие не имеют отечества. Не случайно в ленинском наследии идея патриотизма как бы отступает на задний план и его знаменитая статья о национальной гордости великороссов может рассматриваться скорее как исключение, а не как доминирующая идея. Сталин же в этой работе, как и в дальнейшем в других, связанных с национальной проблематикой, акцент ставит не на принципе самоопределения, в особенности в его крайней форме, каким является отделение и образование самостоятельного государства, а на необходимости учитывать конкретные обстоятельства при решении этого вопроса. По крайней мере, идея самоопределения не выступает у него как некий доминирующий, самодовлеющий принцип, как бы подминающий под себя все остальное.

На первый взгляд, рассмотренные выше детали, касающиеся сталинской работы, могут показаться не столь уж принципиальными или же не заслуживающими такого пристального внимания. Но я придерживаюсь другой точки зрения. Они важны не сами по себе, поскольку по прошествии столь долгого периода времени, отдельные детали как бы утрачивают свою значимость. Они важны по той причине, что позволяют составить объективное представление о самом процессе формирования Сталина не только как политического деятеля, но и теоретика большевизма. Пренебрежительно-снисходительное отношение к этой стороне его деятельности, распространенное с легкой руки Троцкого, в послесоветский период стало особенно модным и повсеместным. Поэтому такие вопросы требуют необходимого прояснения.

⁵³ И. В. Сталин. Соч. Т.2. С.321.

Остановимся теперь на некоторых принципиальных положениях самой работы. Первоначально она была опубликована под заголовком “Национальный вопрос и социал-демократия” в №№ 3-5 журнала “Просвещение” за 1913 год. В следующем году, когда сам автор находился в Туруханской ссылке, она была издана отдельной брошюрой под названием “Национальный вопрос и марксизм”. В дальнейшем она получила окончательное название “Марксизм и национальный вопрос” Метаморфозы с наименованием самой работы достаточно симптоматичны. Первый, так сказать, исходный вариант буквально повторял название книги О.Бауэра, с которым Сталин полемизировал чуть ли на протяжении всей статьи. Логично предположить, что первоначально, называя так свою статью, Сталин хотел подчеркнуть, что трактовка Бауэром отношения социал-демократии к национальному вопросу в действительности не имеет ничего общего с позицией революционной социал-демократии. Мол, не в интерпретации Бауэра, а в его собственной, нужно искать подлинное отношение революционной социал-демократии к проблематике национального вопроса. В этом проглядывала своя логика и был определенный резон. В дальнейшем Сталин остановился на варианте “Марксизм и национальный вопрос”. Этот вариант уже не привязан к социал-демократии, поскольку, как считали большевики, социал-демократы изменили и марксизму и делу социализма, поэтому любая увязка позиции по национальному вопросу большевиков с социал-демократией только вводила в заблуждение и порождала путаницу.

Вынесение же в заголовок на первое место марксизма имело целью подчеркнуть ту мысль, что именно марксизм, целостное учение Маркса, его базовые принципы и положения и предопределяют как теоретические, так и практические подходы большевиков ко всем проблемам национального движения. Хотя справедливость требует признать, что за исключением некоторых ключевых положений в марксизме проблематика национального вопроса занимала относительно скромное место. Объяснялось это тем, что основоположники научного коммунизма придерживались своего взгляда на национальные проблемы, достаточно четко, хотя и весьма лаконично, сформулированные в “Манифесте коммунистической партии”. Важнейшие положения марксистского понимания национальных проблем сводились к следующим постулатам: «Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом»⁵⁴. Квинтэссенция марксистской позиции по национальному вопросу излагалась следующими емкими формулами:

«Далее, коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность.

Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия.

⁵⁴ К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения в трех томах. Т. 1. М. 1966. С. 119.

Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни.

Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение. Соединение усилий, по крайней мере цивилизованных стран, есть одно из первых условий освобождения пролетариата.

В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой.

Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой».⁵⁵

Как видим, национальный вопрос, по мнению основоположников марксизма, являлся по существу производным от классового вопроса, и пути его решения выделялись ясными, простыми, не сопряженными со сколько-нибудь серьезными общественными коллизиями. Жизнь, однако, оказалась гораздо более сложной и противоречивой, так что простые и универсальные решения национальных проблем не только в отдельных странах, но и в мире в целом, остались если не утопией, то благим пожеланием. В дальнейшем и Маркс, и Энгельс в той или иной форме, и в том или ином контексте затрагивали национальную проблематику, высказывая свои взгляды, которые уже в большей степени учитывали конкретно-исторические реалии. Принципиально важным стало крылатое выражение Маркса о том, что не может быть свободным народ, угнетающий другие народы. На базе такой постановки вопроса основоположники коммунизма выдвинули идею о праве наций на самоопределение.

Таковы в самом сжатом виде принципиальные марксистские установки в национальном вопросе. Однако взятые сами по себе, эти установки не могли служить достаточной и всеобъемлющей теоретической и практической базой для выработки конкретных политических программ партий, исповедывавших марксизм. Конкретные условия, особенно в многонациональных государствах, к которым в первую голову относились Российская империя и Австро-венгерская империя Габсбургов, выдвигали национальную проблематику на авансцену социальной и политической борьбы, вызывая острейшие разногласия среди различных приверженцев марксизма.

Вполне естественным и оправданным поэтому было и обращение Сталина к исходным понятиям, предопределявшим подход к национальному вопросу. Ключевым в этом ряду было понимание и трактовка самого термина нация. Надо сказать, что к тому времени имели хождение различные трактовки самого понятия нация. Авторами их были, в частности, ведущие австрийские теоретики социал-демократической ориентации, с которыми и полемизировал он в своей работе. Сталин убедительно (даже оценивая все это в долговременной исторической ретроспективе) показал односторонность и несостоятельность различного рода определений нации, которые давались австро-марксистами и К.Каутским. Он дал свое собственное определение нации, обосновав его не только логическими доводами, но и солидной социально-исторической аргументацией. Это его определение стало классическим,

общепринятым в науке, и всерьез его никто не сумел оспорить. Вот это определение: «**Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры ...**Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией».⁵⁶

Критики Сталина указывают на то, что это определение включает в себя некоторые элементы из формулировок его оппонентов, в первую очередь К.Каутского. Такое замечание справедливо, но оно ни в коей мере не ставит под вопрос того простого факта, что не кто иной, как Сталин дал эту универсальную и емкую характеристику основных признаков нации. То, что другие до него отмечали отдельные эти признаки, свидетельствует как раз о том, что научное познание, выражающееся, в частности, в формулировании тех или иных законов общественного развития и, соответственно, понятий, относящихся к этому развитию, есть процесс, в котором суммируется достигнутый уровень знаний. В этом нет ничего необычного. Любое знание, в том числе и в сфере познания общественных явлений, есть своего рода синтез. И определение, данное Сталиным, как раз и является таким синтетическим определением. Ведь никто до него не давал такого определения. В том числе и именитые знатоки марксизма из Германии и Австро-Венгрии. Так что, выражаясь современным стилем, его научный приоритет в данном вопросе неоспорим.

Разумеется, понятие нации, сформулированное Сталиным, как и всякое другое понятие, нельзя считать универсальным, не подлежащим уточнениям, изменениям, корректировкам. Ход исторического развития вносит в него новые элементы, реальная жизнь обогащает его. Отмечая это, тем не менее, следует особо подчеркнуть, что для своего времени такая формулировка действительно являлась серьезным научным обобщением.

Подходя к определению нации с диалектических позиций, он специально подчеркивал, что «... не существует никакого **единственно** отличительного признака нации. Существует только сумма признаков, из которых при сопоставлении наций выделяется более рельефно то один признак (национальный характера), то другой (язык), то третий (территория, экономические условия). Нация представляет сочетание всех признаков, взятых вместе».⁵⁷ Данное уточнение имеет принципиальное значение, поскольку некоторые авторы, писавшие по национальному вопросу, неправоммерно акцентировали внимание на отдельных признаках нации, придавали им исключительную, первостепенную значимость в ущерб другим признакам. В этом контексте Сталин резкой и аргументированной критике подвергает позицию Бауэра. «Точка зрения Бауэра, отождествляющая нацию с национальным характером, отрывает нацию от почвы и превращает ее в какую-то незримую, самодовлеющую силу, — пишет Сталин. — Получается не нация, живая и действующая, а нечто мистическое, неуловимое и загабное. Ибо, повторяю, что это, например, за

⁵⁶ И.В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 296-297.

⁵⁷ Там же. С. 301.

еврейская нация, состоящая из грузинских, дагестанских, русских, американских и прочих евреев, члены которой не понимают друг друга (говорят на разных языках), живут в разных частях земного шара, никогда друг друга не увидят, никогда не выступят совместно, ни в мирное, ни в военное время?»⁵⁸

Возможно, теперь по прошествии многих десятков лет, такая аргументация в отношении еврейской нации и представляется несколько упрощенной, не учитывающей реально существующие факторы, которые в конечном счете порой перевешивают различия, отличающие лиц еврейской национальности, живущих в разных странах. Некая, чуть ли не магическая сила (реально же – чрезвычайно развитое национальное чувство, приверженность к иудейской вере и почти генетически ощущаемое сознание принадлежности к единой нации) способствовала тому, что евреи как нация сохраняли себя, будучи даже в территориальном и языковом отношении разобщенными. Однако все это не ставит под знак вопроса набор коренных признаков нации, сформулированных в работе «Марксизм и национальный вопрос».

Я не ставлю своей целью дать обстоятельный разбор всех важнейших положений, изложенных в статье Сталина. Но на некоторых аспектах все же необходимо специально остановиться, учитывая не только их значение для того времени, когда эта работа писалась, но и для последующей деятельности Сталина, для выработки им принципиальных политических установок по основным вопросам политики в сфере национальных отношений. Кроме того, некоторые из теоретических посылок, на которых базировались основополагающие выводы статьи, самым непосредственным образом отразились на оценках отдельных этапов развития России, не говоря уже об истории Советского государства.

Как известно, классовый подход был своего рода альфой и омегой всей политической философии большевиков. С полной силой он проявился и в подходе Сталина ко всей совокупности проблем национальных отношений. Было бы грубейшей ошибкой недооценивать значимость классового фактора в системе политических отношений, в том числе и в формировании позиции по кардинальным национальным проблемам. Но мне кажется, что нельзя также и безмерно преувеличивать его значение в ущерб другим факторам, под воздействием которых складывается жизнь наций, их своеобразная национальная психология. Ленин, Сталин, вообще большевики, борясь за осуществление своих программных целей, нередко классовым принципом заслоняли многие другие важные факторы, формировавшие реальную социально-экономическую и политическую ситуацию. Проявлялось это выпукло и в подходе к национальному вопросу. Так, Сталин, подчеркивая неразрывность всех признаков нации, необходимость рассматривать их в диалектической связи и единстве, тем не менее бесспорный приоритет отдает по существу социально-классовому фактору. «...Осью политической жизни России, – писал он, – является не национальный вопрос, а аграрный. Поэтому судьбы русского вопроса, а, значит, и “освобождения” наций, связываются в России с решением аграрного вопроса, т. е. с уничтожением крепостнических остатков, т. е. с демократизацией страны. Этим и объясняется, что в России национальный вопрос выступает не как самостоятельный и решающий, а как часть общего и более важного вопроса раскрепощения страны». «Не националь-

⁵⁸ Там же.

ный, а аграрный вопрос решает судьбы прогресса в России. Национальный вопрос — подчиненный».⁵⁹

Применительно к России, да и то с существенными оговорками, такая постановка вопроса, возможно, и была правомерной. Однако мне думается, что здесь проглядывает явное упрощение, чрезмерная прямолинейность, если не сказать однолинейность. Из такой позиции логически вытекала недооценка важности других факторов, определявших всю национальную проблематику в тогдашней России. История XIX и XX веков, а также современная действительность дают нам множество примеров, когда чисто классовые, экономические мотивы порой уступают по своему значению другим факторам, таким, например, как чувство национальной общности и т.д. Примеров можно привести множество, но в этом нет необходимости в силу самоочевидности данного утверждения.

Вообще в подходе большевиков к национальному вопросу, особенно в предреволюционную эпоху и первые периоды после революции, явно ощущается недооценка национального фактора, фактора национального самосознания как такового. Проистекало это из приверженности к известным постулатам марксизма в отношении наций и перспектив их развития. Отсюда как следствие и серьезная недооценка патриотизма как такового, и государственного патриотизма в частности. В целом такой подход хотя и не явно, но все-таки проглядывает во всей работе Сталина. Лишь впоследствии, когда он стал у государственного руля, ему пришлось, если не открыто, то молчаливо, провести серьезную переоценку ценностей. В конечном счете такой перекос он сумел преодолеть. Но об этом речь будет идти в дальнейшем.

Сейчас же мне хотелось отметить, что в пылу борьбы против царизма большевики, и Сталин в их числе, весьма однобоко трактовали некоторые проблемы национальных отношений в дореволюционной России. Ведь именно с их “легкой руки” широкое хождение получила не то что теория, а настоящее историческое клеймо, приклеенное к России. Я имею в виду безоговорочно принимавшийся за истину в последней инстанции тезис, что царская Россия была тюрьмой для народов, населяющих ее. Это клеймо, нацеленное своим острием против царизма, било не только, а возможно, и не столько по царизму, сколько по самой России. О том, насколько это выдуманное клеймо тяготело над общественным мнением, если считать, что такое существовало в сталинские времена, можно судить хотя бы по такому факту. В самый разгар сталинских репрессий в статье о национальном вопросе, помещенной в Малой советской энциклопедии, рисовалась поистине ужасающая картина положения народов в дореволюционной России (с точки зрения их национального положения). Вот что там говорилось: «Царская Россия была “тюрьмой народов”. Господствующие помещичье-буржуазные классы, жестоко угнетая трудящиеся массы русского народа, с еще большей силой обрушивались на трудящихся нерусских национальностей, которые составляли более половины (56,7%) всего населения царской России. Царский самодержавный строй базировался на порабощении десятков бесправных народов, на угнетении, удушении и ограблении обширных и богатых сырьем национальных окраин. Приведение к “покорности” сопротивлявшихся масс сопровождалось кровавым массовым истреблением коренного населения захваченных областей,

⁵⁹ И.В. Сталин. Соч. Т. 2. С. С. 318-319.

насильственным выселением его из России, (куда выселялись из России? На луну что ли? — Н.К.) как это имело место на Кавказе. Многие национальности, в особенности на востоке и на севере, теряли свою экономич. базу — землю. Лучшие земли на территории покоренного народа отнимались у коренного населения и раздавались рус. генералам, офицерам, помещикам, фабрикантам, попам, кулакам. Больше чем для половины населения царской России язык, школа, театр, литература и печать на родном языке были запрещены. В итоге этой варварской колонизаторской политики десятки миллионов людей угнетенных национальностей (киргизы, башкиры, якуты, марийцы и др.) были доведены до крайней степени нужды; они буквально физически вымирали. Тяжелое положение трудящихся масс нац. районов усугублялось и тем, что наряду с рус. помещиками и капиталистами их эксплуатировали и угнетали местные кулаки, купцы, князья, муллы, ксендзы, раввины. Царизм культивировал атмосферу вражды между народами России, организовывал еврейские погромы, провоцировал резню между татарами и армянами, между армянами и грузинами и т. д. Царизм лишил 6 миллионов евреев элементарных человеческих прав, всячески стараясь привить массам антисемитизм, это наиболее варварское проявление бурж. национализма».⁶⁰

Картина нарисована, что называется, почти апокалиптическая. Здесь во всем явные преувеличения, передержки, тенденциозная однобокость, голословность. И все во имя того, чтобы обличить как можно сильнее царизм. Нисколько не обеляя царизм и не рисуя какую-то идиллию о жизни нерусских народов в составе царской России, не ставя под сомнение ряда откровенно дискриминационных мер, практиковавшихся в отношении некоторых народов страны, тем не менее нельзя согласиться с мрачным полотном, нарисованным авторами статьи в МСЭ. Уклон здесь явно обвинительный, а точнее, очернительный. Совершенно вне поля зрения авторов остались положительные моменты в истории развития межнациональных отношений в России. А таковые безусловно имели место даже на фоне царской политики в национальном вопросе. Ведь нельзя, не вступая в конфронтацию с фундаментальными реалиями истории, отрицать тот факт, что именно в то время шел исторически прогрессивный процесс становления единого многонационального государства, в котором русский народ играл роль центра притяжения. И этот процесс протекал не в силу злой воли царских властей, а в результате действия объективных исторических причин. Приобщение многих народов России к русской культуре, их взаимное обогащение и влияние также являлись неопровержимыми фактами действительности. Многое можно было бы сказать в связи с этим, но все это выходит за непосредственные рамки нашего повествования. Я лишь мимоходом затронул данную тему, поскольку она непосредственно касается политической биографии Сталина и имеет непосредственное отношение к формированию и дальнейшей эволюции его как государственного деятеля. Думается, что своего рода исторический нигилизм, которым страдали на протяжении довольно длительного времени большевики и их лидеры, сыграл не самую благотворную роль в судьбах нашей страны.

Перекидывая мост из прошлого к событиям совсем недавнего времени, нельзя отделаться от искушения провести некую историческую параллель. После развала

⁶⁰ Малая Советская энциклопедия. М.1938. Т. 7. С. 359-360.

Советского Союза ставшие у власти в бывших союзных республиках так называемые национальные элиты (а по существу — народившаяся национальная буржуазия, сформировавшаяся в значительной части из бывших крупных партийных функционеров и заправил теневой экономики) также развернули в своих странах открытую и скрытую пропаганду, цель которой состояла в том, чтобы изобразить Советский Союз также чуть ли не в виде некоей “тюрьмы народов”. Истины ради, надо сказать, что такая терминология не использовалась. Однако смысл такой кампании состоял именно в этом. Говорить открыто они не могли, ибо даже заведомым вралям приходится считаться с общеизвестными фактами. Но путем всякого рода рассуждений и намеков постоянно протаскивалась мысль о неких национальных притеснениях, ущемлении национальных прав и интересов, якобы широко практиковавшихся в советских условиях. До “тюрьмы народов”, конечно, пока еще не договаривались, но с радостью вопили и вопят о “закономерном крахе империи”, о том, что, наконец, обрели свободу и независимость от ненавистной Москвы. Хотелось бы воспользоваться известными словами, что история повторяется сначала как комедия, а потом как фарс. Но эти слова никак неуместны. Ибо изначально не было комедии, а была трагедия, и ее сменил не фарс, а самая что ни есть настоящая трагедия исторического размаха.

Возвращаясь к теме, следует отметить, что печать упомянутого выше исторического нигилизма косвенно отразилась и в некоторых акцентах, которые делал Сталин, рассматривая проблематику национальных отношений в России в период царизма. При этом, разумеется, не надо высказывать за реальные исторические рамки, памятуя о том, что он писал свою работу, ориентируясь на революционную борьбу против царизма по всем направлениям, в том числе и на национальном фланге. Именно это доминировало в его подходах, определяло набор аргументов и направленность выводов всей работы в целом.

Особым пафосом отмечены те страницы его статьи, где он в соответствии с марксистской доктриной защищает и обосновывает право наций на самоопределение. В его формулировке это выглядит следующим образом: «Право на самоопределение, т. е. — нация может устроиться по своему желанию. Она имеет право устроить свою жизнь на началах автономии. Она имеет право вступить с другими нациями в федеративные отношения. Она имеет право совершенно отделиться. Нация суверенна, и все нации равноправны».

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет отстаивать любое требование нации. Нация имеет право вернуться даже к старым порядкам, но это

* В этой связи уместно вспомнить слова Сталина о том, что “рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму” (*И. В. Сталин*. Соч. Т. 2. С. 305.) Приобщение национальных элит стран Содружества к так называемому свободному рынку (а точнее, к беспардонному разграблению и присвоению общенациональных богатств под фиговым листком “первоначального накопления капитала”) стало не только первой, но и второй и последующими школами, где национальная буржуазия этих стран не просто училась национализму (ей вовсе не надо было этому учиться, она вся уже была пропитана им), а самым активным и изощренным образом культивировала национализм, одурманивала националистическими идеями широкие массы населения. Этот феномен превратился в неотъемлемую и едва ли не главную особенность всей политической стратегии постсоветской народившейся буржуазии в бывших советских республиках.

еще не значит, что социал-демократия подпишется под таким постановлением того или иного учреждения данной нации. Обязанности социал-демократии, защищающей интересы пролетариата, и права нации, состоящей из различных классов, — две вещи разные».⁶¹

Немало места в работе Сталина отводится и критике национализма. Однако эта критика порой носит довольно абстрактный и схематический характер. Проскальзывают в работе, на мой взгляд, и нотки некоторого преувеличения успешности опыта решения национальных проблем в США и других странах Западной Европы. Но все эти моменты находятся как бы на втором плане. Центр тяжести сосредоточен на критике социал-демократических теорий культурно-национальной автономии. В тех условиях этот вопрос являлся одним из коренных вопросов составлявших водораздел между позицией большевиков и их оппонентов по национальному вопросу. Поэтому Сталин детальным образом анализирует несостоятельность и порочность идеи культурно-национальной автономии, показывает ее вред для развития рабочего движения как в рамках России, так и в более широких международных масштабах. обстоятельной критике подвергнуты теоретические и политические установки Бунда, грузинских меньшевиков, поддерживавших идею культурно-национальной автономии. Критика бундовских позиций ни в коей мере не выражает или отражает приписываемый Сталину некоторыми авторами антисемитизм. На этой теме мы в дальнейшем остановимся специально, прежде всего потому что она является объектом самых бессовестных и низкопробных спекуляций и инсинуаций. Здесь же сделаем всего одно замечание, имеющее, как мне кажется, немаловажное значение.

Сталин без всяких оговорок разделяет точку зрения, согласно которой судьба евреев как нации — это ассимиляция. При этом надо особо подчеркнуть, что речь шла не о еврейской нации вообще, а о евреях в отдельных странах (Германии, России и т.д.). Такую точку зрения высказывал еще Маркс. Разделяли ее Каутский, Бауэр и многие другие социалисты. Отталкиваясь от исторического опыта, а также опираясь на бесчисленное множество фактов, характеризующих жизнь еврейских общин в различных странах, в том числе и в России, следует, очевидно, сделать вывод, что многочисленные предсказания относительно якобы неизбежной ассимиляции евреев как неизбежной будущности этого народа, оказались, мягко говоря, несостоятельными. Конечно, в отдельных странах и в определенной мере протекали процессы ассимиляции евреев. Однако в целом эти процессы носили частный характер, они не затрагивали основной массы еврейского населения, а потому с полной обоснованностью можно утверждать, что предсказанная ассимиляция оказалась фикцией. Один из исследователей этого вопроса отмечал: «В диаспоре еврейскую душу можно лишь терзать: подлинная ассимиляция возможна лишь когда еврейская душа окажется свободной; но свободной она может быть лишь при условии, что она — еврейская».⁶² Видимо, прав был английский писатель еврейского происхождения И. Зангвил, который, имея в виду ассимиляцию, утверждал: «Народ, который научился жить без страны, невозможно завоевать».⁶³

⁶¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 310-311.

⁶² Еврейские афоризмы. М. 1991. С. 15-16.

⁶³ Еврейские афоризмы С. 53.

Евреи, в том числе и в России, слабо поддавались ассимиляции. В США и в некоторых западноевропейских странах процесс ассимиляции также носил весьма своеобразный характер. Речь идет о том, что наиболее состоятельные представители еврейских общин, не ассимилируясь в странах своего проживания, весьма интенсивно и в крупных масштабах ассимилировали солидные капиталы (если данный термин вообще уместно использовать для характеристики процесса концентрации капиталов в руках еврейских финансистов и предпринимателей). Вместе с ассимиляцией капиталов они получали реальный доступ к рычагам власти, поскольку капитал сам по себе уже является инструментом власти.

Концепция ассимиляции, которую поддерживал в своей работе Сталин, в конечном счете оказалась опрокинутой реальным ходом развития жизни как в России, так и в странах Запада. Думается, что нет оснований по причине того, что Сталин разделял взгляды “ассимиляторов”, причислять его к приверженцам антисемитизма. По мнению Сталина, отсутствие у российских евреев связанного с землей широкого устойчивого слоя, тот факт, что только 3-4 процента из них связаны с сельским хозяйством, а остальные 96% заняты в торговле, промышленности, в городских учреждениях, и кроме того, рассеяны по России, не составляя ни в одной губернии большинства, — все это ведет к ассимиляции евреев.

Второе обстоятельство, на которое в связи с требованием Бунда создания национальной автономии для евреев, указывал Сталин, — «это особое положение евреев, как отдельных национальных меньшинств, внутри инациональных компактных большинств целостных областей. Мы уже говорили, что такое положение подрывает существование евреев как нации, ставит их на путь ассимиляции. Но это — процесс объективный. Субъективно, в головах евреев, он вызывает реакцию и ставит вопрос о гарантии прав национального меньшинства, о гарантии от ассимиляции. Проповедуя жизненность еврейской «национальности», Бунд не мог не стать на точку зрения “гарантии” Став же на такую позицию, он не мог не принять национальной автономии. Ибо если и мог ухватиться Бунд за какую-либо автономию, то только за национальную, т. е. культурно-национальную: о территориально-политической автономии евреев не могло быть и речи ввиду отсутствия у евреев определённой целостной территории».⁶⁴

Я намеренно привел в достаточно подробном изложении аргументацию Сталина в связи с еврейским вопросом. Ведь надо реально знакомиться с конкретными фактами и высказываниями и на их основе делать какие-то выводы и заключения. У нас же всеобщее распространение получила совершенно иная манера — сначала наклеить на кого-то политический ярлык, а потом размахивать им в качестве бесспорного доказательства. Учитывая особую обостренность, которую так называемый еврейский вопрос приобрел в нынешней России, необходимо даже при рассмотрении чисто исторических его аспектов проявлять особую щепетильность, всецело опираться на факты, не давая таким образом никакой зацепки тем, кто пытается искусственно раздуть проблему антисемитизма, кто даже в объективном изложении общеизвестных фактов не преминет обнаружить проявления антисемитизма.

Но вернемся к нашей непосредственной теме.

⁶⁴ И.В. Сталин. Соч. Т. 2. С.335-336.

Сталин, отвергая концепцию национально-культурной автономии, усматривает ее вредоносность прежде всего в том, что она фактически ведет к разобщению трудящихся по национальным квартирам, является формой сепаратизма. А сепаратизм неизбежно ослабляет рабочее движение, льет воду на мельницу царизма и буржуазии всех национальностей. В его работе обстоятельно рассматривается в качестве реального противовеса различным сепаратистским идеям концепция территориальной автономии (в статье она фигурирует как областная автономия). Принятие в качестве наиболее оптимального для российских условиях принципа областной автономии давало возможность кардинально и на справедливых основах решить национальный вопрос в России. Причем надо подчеркнуть, что весь комплекс национальных проблем Сталин не отрывает от принципиально важного вопроса приобщения оставших в своем развитии народов к более высокой культуре. Такая постановка вопроса отвечала интересам не только расширения и углубления общего фронта революционной борьбы, но и коренным национальным интересам всех народов, населявших Российскую империю.

Вот что он писал в связи с этим: «Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешён лишь в духе **вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры**. Только такое решение может быть прогрессивным и приемлемым для социал-демократии. Областная автономия Кавказа потому и приемлема, что она **втягивает запоздалые нации в общее культурное развитие**, она помогает им вылупиться из скорлупы мелконациональной замкнутости, она толкает их вперёд и облегчает им доступ к благам высшей культуры. Между тем как культурно-национальная автономия действует в прямо противоположном направлении, ибо она замыкает нации в старые скорлупы, закрепляет их на низших ступенях развития культуры, мешает им подняться на высшие ступени культуры».⁶⁵

Завершая краткий разбор статьи “Марксизм и национальный вопрос”, хочу заметить, что данная работа, безусловно, заметно выделялась своим уровнем среди работ других авторов, посвященных национальной проблематике. А по этой теме выступали в печати и другие представители большевиков. В частности, С.Шаумян выпустил в 1914 году брошюру “О национально-культурной автономии”, Н.Скрыпник – статьи “К национальному вопросу” и “О том, как бундисты разоблачили ликвидаторов” В “Правде” была помещена статья П. И. Стучки “Русско-латышское пролетарское единство” и другие. Во всех партийных изданиях велись отделы и рубрики, освещавшие положение в национальных районах. Отнюдь не случайно, что все принципиальные положения, высказанные Сталиным, получили авторитетную поддержку не только со стороны Ленина, но и в официальных партийных решениях. Так, в резолюции по национальному вопросу, принятому в Поронино (близ Кракова) осенью 1913 года на совещании ЦК партии большевиков с партийными работниками, когда Сталин уже находился в ссылке, были закреплены многие положения, ранее сформулированные в статье “Марксизм и национальный вопрос” Это явилось авторитетным подтверждением как правильности его позиции по данному вопросу, так и косвенным признанием его роли как теоретика национального вопроса.

⁶⁵ Там же. С. 351.

Следует вместе с тем оттенить одну весьма существенную деталь, которая впоследствии сыграла исключительно важную роль в развитии внутривнутрипартийных баталий по национальному вопросу в связи с работой по созданию Союза Советских Социалистических Республик. Речь идет о различиях в расстановке акцентов по национальному вопросу между Лениным и Сталиным. Если первый неизменно делал особый упор на необходимости борьбы против великорусского национализма и шовинизма, то у Сталина эта тема, если и звучала, то весьма приглушенно. Каких-либо тревожных, бьющих в набат, призывов к борьбе против великорусского национализма у Сталина мы не встречаем. Он всегда довольно спокойно и весьма сдержанно оценивал опасность великорусского шовинизма. И в этом его бросающееся в глаза отличие от позиции Ленина.

Кстати, именно в резолюции поронинского совещания (в котором Сталин не принимал участие) тема борьбы против великорусского шовинизма прозвучала особенно резко. Обосновывая право угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т.е. на отделение и образование самостоятельного государства, резолюция подчеркивала: «Этого требуют как основные принципы международной демократии вообще, так и, в особенности, неслыханное национальное угнетение большинства населения России царской монархией, которая представляет из себя самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами Европы и Азии. Этого требует, далее, дело свободы самого великорусского населения, которое неспособно создать демократическое государство, если не будет вытравлен черносотенный великорусский национализм, поддерживаемый традицией ряда кровавых расправ с национальными движениями и воспитываемый систематически не только царской монархией и всеми реакционными партиями, но и холопствующим перед монархией великорусским буржуазным либерализмом, особенно в эпоху контрреволюции».⁶⁶

Сейчас нет смысла вдаваться в безусловно существовавшее и в то время различие в принципиальных позициях Ленина и Сталина в отношении великорусского шовинизма. Это — предмет самостоятельного исследования. Однако для нас важно, во-первых, зафиксировать данный факт как реальный, который можно установить, внимательно анализируя соответствующие работы Ленина и Сталина. Во-вторых, отметить, что это различие стало одним из источников так называемого конфликта между Лениным и Сталиным в начале 20-х годов, когда решались кардинальные вопросы строительства нового федеративного государства. В широком политическом контексте это различие имело принципиальное значение и повлекло за собой далеко идущие последствия. Но об этом пойдет речь в соответствующей главе, посвященной политическим разногласиям по вопросу об автономизации и борьбе за политическое наследие Ленина. Здесь же, как мне кажется, уместно отметить некоторые истоки разногласий по национальному вопросу между Лениным и Сталиным, которые, правда, не четко очерчены, а намечены лишь пунктиром.

Подводя краткий итог рассмотрению вклада Сталина в развитие теории национального вопроса, можно с полным правом утверждать, что эта работа обозначила своего рода новую траекторию в политической орбите будущего преемника Ленина.

⁶⁶ ВКП (б) в резолюциях... Часть I. С. 216.

Он заявил о себе, причем во всероссийском масштабе, не только как практик подпольной революционной деятельности, но и как теоретик. В среде большевистской эмиграции, где тон задавали хорошие ораторы, люди, получившие университетское образование, знавшие несколько иностранных языков, повидавшие мир и обретшие европейский лоск, претензия человека с незаконченным семинарским образованием на роль партийного теоретика, вызывала, по всей видимости, удивление, если не сказать большего. Однако факт остается фактом: именно этот человек достаточно громко заявил о себе как о теоретике национального вопроса. Думается, что недалек от истины известный английский историк А. Буллок, следующим образом охарактеризовавший значение статьи Сталина для его дальнейшей политической карьеры: «Работа эта не только повысила авторитет Сталина в партии (тем самым усилив его самомнение), будучи напечатана в ведущем теоретическом органе, но и завоевала ему репутацию специалиста в национальном вопросе, послужив основанием для его назначения через пять лет на должность наркома по делам национальностей в большевистском правительстве».⁶⁷

История

История

3. Последний арест

Период работы над статьей по национальному вопросу и участие в партийных совещаниях, а также встречи с Лениным в конце 1912 – начале 1913 гг. стали самым продолжительным по времени пребыванием Сталина за границей. Отправившись в конце декабря 1912 года в Краков, Сталин возвращается в середине февраля 1913 года в Петербург. Здесь он вместе со Свердловым приступает к работе по реорганизации редакции газеты «Правда». Ленин в это время неоднократно выражал свое недовольство тем, что газета по ряду важных вопросов занимала недостаточно четкую позицию. Речь шла в первую очередь о вопросах борьбы с ликвидаторским течением, которое фактически ориентировалось на прекращение всякой нелегальной партийной деятельности, что в конечном счете ставило под вопрос само существование большевистской партии. Серьезные проблемы имелись и в освещении деятельности думской социал-демократической фракции. Единства в этой фракции не было, да и вообще едва ли оно могло быть ввиду принципиальных расхождений между большевистскими депутатами и депутатами от меньшевиков. Несмотря на то, что, казалось, имелась реальная почва для совместной работы перед лицом общей задачи борьбы с царизмом, точек соприкосновения по принципиальным политическим вопросам почти не находилось. Легче было назвать вопросы, по которым они расходились, чем вопросы, по которым находили общий язык.

Как показывают имеющиеся в нашем распоряжении факты, и в вопросах тактической линии внутри тогда единой социал-демократической фракции в Государственной думе Сталин занимал позицию, в известном смысле отличавшуюся от позиции Ленина. Он, и это видно из его письма, отправленного из Кракова в Женеву Каменеву в декабре 1912 года, отстаивал более гибкую тактику, высказывал сомнения в целесообразности жесткой линии. «Ильич рекомендует «твердую политику»

⁶⁷ Алан Булок. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. М. 1994. Т. 1. С.57.

шестерки* внутри фракции, политику угроз большинству фракции, политику апелляции к низам, *против* большинства фракции, но Ильич [уступит], ибо ясно само собой, что для такой твердой политики шестерка еще не созрела, не подготовлена, что нужно сначала укрепить шестерку, а потом бить ею большинство фракции, как Илья [Муромец] бил татар татаринном. Кроме того, очень может быть, что месяца через два-три уже будет большинство во фракции (есть надежда перетянуть одного-двух), и тогда у нас появится возможность бить *фракцией ликвидаторов*, это гораздо выгоднее. Посему нужно работать и немножечко подождать с твердой политикой. Последняя ошибка с участием в “Луче”⁶⁸ лишний раз показывает, что нужно, прежде всего, укрепить самое шестерку, желающую быть большевистской, но еще не вполне большевистскую. Шестерке на каждом шагу [нужно] что [...] в руководителе: я случайно не присутствовал на одном из заседаний фракции и это было достаточно, чтобы шестерка выкинула глупость с “Лучом” Словом – нужно немного подождать ... Ну-с, пока, крепко жму руку. Коба».⁶⁸

Приводя этот факт (а имеются и некоторые другие), свидетельствующий о наличии достаточно отчетливых разногласий или различий в позиции Ленина и Сталина по отдельным вопросам партийной тактики, я вовсе не хочу, чтобы создалось превратное впечатление, будто их разделяла чуть ли не некая политическая пропасть. Как видно из существа затронутых проблем, речь идет не о принципиальных разногласиях, а всего лишь о различиях в подходах и методах, о разных акцентах. Кроме всего прочего, данные примеры как раз и характеризуют Сталина как самостоятельную фигуру, как политика, обладающего собственным взглядом на происходившие события, и способного отстаивать эту свою позицию. В хрущевские и брежневские времена на таких моментах делалось особое ударение, чтобы противопоставить Ленина Сталину и изобразить последнего чуть ли не в качестве политического противника Ленина. Однако объективный анализ существа всех этих и других расхождений, имевшихся между ними, не дает оснований для подобных далеко идущих выводов. Подобного рода выводы и заключения диктовались не чем иным, как политической конъюнктурой и не имели ничего общего с подлинно научным исследованием.

Однако вернемся к нашей непосредственной теме.

Большевики старались уловить и использовать в своих целях наметившийся сдвиг в народных настроениях. Развитие ситуации в стране наполняло новым свежим ветром их паруса, сулило укрепление их позиций в общем революционном потоке. Поэтому оптимизмом дышит и написанное Сталиным воззвание ЦК партии большевиков в связи с годовщиной ленского расстрела. «Расстрел на Лене открыл новую страницу в нашей истории. Чаша терпения переполнилась. Прорвалась плотина народного негодования. Тронулась река народного гнева. Слова царского лакея

«...»

«...»

«...»

«...»

* Имеются в виду шесть депутатов-большевиков Государственной думы, которые составляли меньшинство в единой фракции.

⁶⁸ Речь идет об ошибочном, с точки зрения Сталина, решении депутатов от большевиков участвовать в работе легальной газеты “Луч”, которая придерживалась по существу ликвидаторских позиций.

⁶⁸ Большевистское руководство. Переписка. 1912 – 1927. М. 1996. С. 16. .

Макарова “так было, так будет” подлили масла в огонь. Они оказали такое же действие, как в пятом году приказ другого царского пса Трепова: “патронов не жалеть!” Забурлило, запенилось рабочее море. И дружной, почти полумиллионной стачкой протеста ответили русские рабочие на ленский расстрел. И высоко подняли они наше старое красное знамя, на котором рабочий класс снова начертал три главных требования русской революции:

634. **8-часовой рабочий день — для рабочих.** 635. **Конфискация всех помещичьих и царских земель —**

для крестьян.

636. **Демократическая республика — для всего народа!**⁶⁹

Словом, обстановка в России обозначила все более растущие, зримые признаки приближения новой революционной волны. И, естественно, для Сталина открывались широкие, можно сказать, доселе невиданные возможности принять самое активное и непосредственное участие в работе уже в качестве достаточно видного деятеля большевистской партии общероссийского масштаба. Но, как говорится, перспективы светлые, да путь извилистый. Именно в это время в судьбе Сталина произошел весьма важный и, как мне кажется, оставивший глубокий след на всем его характере, поворот. Речь идет об очередном его аресте (что само по себе не было чем-то из ряда вон выходящим) и — это самое главное — высылке в Туруханский край под гласный надзор полиции сроком на четыре года.

Буквально через считанное число дней после возвращения из-за границы Сталин был 23 февраля 1913 г. арестован в зале Калашниковской биржи во время концерта, устроенного большевистской организацией Петербурга. Обстоятельства этого последнего в его жизни ареста довольно любопытны. О них оставили свои воспоминания некоторые довольно видные в свое время в партии деятели, в частности, старый большевик А. Шотман. Написанная им книга вышла в свет, можно сказать, лишь на заре безудержного восхваления Сталина, поэтому она не вызывает больших сомнений относительно достоверности приводимых фактов. Хотя, и на ней уже видны отблески расцветавшего культа вождя.

Вот как описывает арест Сталина автор этих воспоминаний.

«В разгар вечера пришел тов. Сталин, после приезда из-за границы скрывавшийся в Петербурге и руководивший “Правдой” и большевистской частью думской фракции. Как впоследствии стало известно, т. Сталин отказывался пойти на этот вечер, с полным основанием полагая, что там будут шпики, которые могут его узнать. Но Малиновский убедил его, гарантируя ему полную безопасность, расписав расположение комнат, имеющих запасные выходы, через которые можно уйти при малейшей опасности. Арестовали тов. Сталина, если не ошибаюсь, приблизительно через час после его прихода. Тов. Сталин сидел за столом, спиной к залу, и с кем-то разговаривал. Григорий Иванович Петровский и я стояли от него не более, как в пяти-шести шагах. Мы сразу не заметили, что сзади к т. Сталину подошел жандармский офицер и, наклонившись к нему, что-то тихо ему сказал.

Офицер был без обычных побрякушек, и даже погоны как-то не бросались в глаза. Тов. Сталин, еще не видя жандарма, но услышав его слова, круто повернулся и что-то сердито произнес, чего мы не разобрали.

⁶⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 2. С. 374-375.

Потом спокойно пошел в сопровождении жандармского офицера, окруженного сонмом шпиков. Вслед за тов. Сталиным пошел Малиновский, “протестуя” против ареста и делая вид, что он принимает все меры к его освобождению.

Теперь известно, что арест т. Сталина был организован и выполнен Малиновским». ⁷⁰

В литературе о Сталине фигурируют и другие детали последнего ареста Сталина. Так, упоминавшийся выше Э.Смит со ссылкой на депутата Думы от большевиков Бадаева, пишет о якобы имевшем место следующем коротком диалоге между Сталиным и жандармами:

Жандарм: “Джугашвили, наконец, мы взяли тебя!”

Сталин: “Я не Джугашвили. Моя фамилия Иванов”

Жандарм: “Расскажи эту историю своей бабушке.” ⁷¹

Наконец, я приведу еще одно мемуарное свидетельство последнего ареста Сталина, принадлежащее перу Т.А. Словатинской, старой большевички, участницы событий тех дней. Вот, как все выглядело в ее изображении: «Помню всю историю, как сейчас. Сталин сидел за столиком в одной из комнат и беседовал с депутатом Малиновским, когда заметил, что за ним следят. Он вышел на минутку в артистическую комнату и попросил кого-то из товарищей вызвать меня из буфета. (Я дежурила там, так как сбор с буфета тоже шел в нашу кассу.) Мы разговаривали всего несколько минут. И.В. (Сталин – Н.К..) успел сказать мне, что появилась полиция, уйти невозможно, очевидно, он будет арестован. Он попросил меня сообщить в ПК (Петербургский комитет – Н.К.), что перед концертом он был у Малиновского и думает теперь, что оттуда и следили.

Действительно, как только он вернулся на свое место, к столику подошли двое в штатском и попросили его выйти. Сделали они это тихо и деликатно. Публика не обратила внимания, вечер продолжался. О том, что Малиновский провокатор, никто еще не знал, однако этот случай показался подозрительным... Впоследствии И. В. рассказывал, что когда в день ареста он зашел по делу к Малиновскому домой, тот очень настойчиво звал его с собой на концерт. И. В. совсем не хотел идти, отговаривался тем, что у него нет настроения и вообще он совсем неподходяще одет, но Малиновский пристал, даже нацепил какой-то свой галстук». ⁷²

В конце концов обстоятельства и детали ареста Сталина в зале биржи в Петербурге носят частный характер, хотя и имеют определенное значение. Я привел несколько свидетельств очевидцев одного и того же события, и все они в той или иной степени расходятся в конкретных деталях. Это лишний раз подтверждает ту простую мысль, что к личным воспоминаниям необходимо относиться весьма критически. По крайней мере учитывать эти их особенности, когда такие свидетельства ложатся в основу тех или иных исторических выводов.

⁷⁰ А.Шотман. Как из искры возгорелось пламя. М. 1935. С. 179.

⁷¹ Edward Smith. The young Stalin. p. 298.

⁷² Смерч. Сборник. М. 1988. С. 54.

4. Туруханская ссылка

Некоторые биографы Сталина, с достаточным, на мой взгляд, основанием, считают Туруханскую ссылку одним из важнейших периодов его жизни, оказавших большое влияние на его формирование.⁷³ Причем речь идет не только о политических аспектах, но и чисто человеческих качествах. Конечно, к тому времени, когда он оказался в Туруханской ссылке, его характер и основные политические воззрения уже вполне сформировались. Человек, как известно, формирует свой характер и свои взгляды на протяжении всей жизни. Но в ней бывают и такие полосы, которые оставляют глубокий и неизгладимый след, кладут незримую печать на всю жизненную судьбу, служат неким рубежным этапом. Таким рубежом для Сталина и явилась Туруханская ссылка.

После ареста 23 февраля 1913 г. он на протяжении более четырех месяцев находился в петербургской тюрьме, ожидая приговора властей. Однако снова, как и раньше, дело до суда не дошло, очевидно по той же самой причине: у полиции не было законных и убедительных доказательств, чтобы вынести его дело на суд. Ведь одних полицейских донесений, а тем более сообщений провокаторов было явно недостаточно, чтобы устроить судебный процесс. 2 июля 1913 г. Сталин высылается по этапу в Туруханский край под гласный надзор полиции сроком на четыре года. 11 июля он прибывает в Красноярск, а через четыре дня направляется в Туруханск, откуда 10 августа — в место своего “постоянного пребывания” небольшой поселок Костино. Образно говоря, он оказался у черта на куличках. И это было отнюдь не случайно. Оторванность, можно сказать, чуть ли не герметическая изолированность от внешнего мира, должны были предотвратить возможность его побега из ссылки и возвращение к прежней активной партийной работе.

В Костино он оказался вместе с другим видным деятелем большевистской партии Я.М.Свердловым, являвшимся, как и Сталин, членом ЦК партии и Русского бюро ЦК. Свердлов был арестован по прямому доносу провокатора Р.Малиновского. Царская охранка, таким образом, попыталась серией арестов видных большевиков-подпольщиков парализовать деятельность партии в пределах империи, считаясь с фактом общего нарастания революционной борьбы в этот период.

Туруханская ссылка по праву имела репутацию одной из самых суровых среди других, также далеко не комфортных мест, куда направлялись царскими властями активные противники режима. Сюда ссылали, как правило, наиболее деятельных, неугомонных представителей революционного движения, добиваясь таким способом устранения их из политической борьбы. Расчет был и на то, что суровые условия могут сломить человека, подорвать его моральный дух, убежденность, желание и дальше вести революционную работу. Эта специфическая “антиреволюционная профилактика” приносила свои плоды. Среди ссыльных нередко были самоубийства, не говоря уже о других, менее драматических случаях. Морально-психологическое воздействие суровых условий бескрайнего Туруханского края на состояние ссыльного не случайно не раз отмечал Я.Свердлов в своих письмах оттуда. Вот одно из них: «Оторванность у нас сильная от всего живого, и это самое тяжелое. Надо обладать сильным источником внутренней бодрости, чтобы не подвергнуться воздействию

⁷³ См., например, *Adam Ulam. Stalin*. p. 124.

мертвечины. На большинство ссылка действует положительно губительно, заставляя целиком уходить в мелочные, будничные вопросы. Таков результат отсутствия широких интересов, живых связей с жизнью. Но некоторым удается сохранить “душу живую”⁷⁴.

Мне кажется, что бесспорный интерес представляет собой описание самого Туруханского края и условий жизни там, которое оставил Я.Свердлов. В некотором смысле оно может рассматриваться и как свидетельство самого Сталина, с которым Свердлов провел многие месяцы Туруханской ссылки в затеряншемся за полярным кругом поселении Костино. Вот что писал Свердлов о Туруханском крае:

«Туруханский край занимает огромное пространство. Начинаясь в 400 верстах от Енисейска он тянется по реке Енисею, доходя до Ледовитого океана. На западе граничит с Томской и Тобольской губерниями, на востоке — с Иркутской и Якутской. Населен крайне редко. По Енисею живут преимущественно крестьяне. Деревни (по местному зовутся станками) их отстоят одна от другой на 20—40 верст. В верховьях края встречаются селения и в 25-30 домов, но ниже центра, села Монастырского (1000 верст от Енисейска), обычным их типом является поселок из 2-5 домов.

По различным притокам Енисея и в глухих тундрах живут различные инородцы: остяки, тунгусы, юраки, долганы, самоеды. Все население, как крестьяне, так и инородцы, занимается рыбным промыслом и звероловством, с той лишь разницей, что у крестьян главным источником существования служит рыбный промысел, а у инородцев — пушной. Кроме того, многие инородцы занимаются оленеводством...

Культурное развитие и тех и других крайне низкое. Грамотных даже среди крестьян незначительный процент... На весь край лишь две школы, и те церковно-приходские, и обе в верховьях... Общественная жизнь совершенно неразвита.

Местное население пребывает в полной кабале у различных торговцев — скупщиков рыбы и пушнины... Преобладает натуральный обмен. Рыба и пушнина вымениваются непосредственно на товары. При низкой расценке местной добычи цены на все товары неимоверно высоки. Даже и в средний по добыче год к весне многие заболевают цингой... Эпидемии оспы, тифа уносят массу жертв. Обильную жатву собирает и потребление алкоголя... За лето жизнь края несколько оживляется. Ходят пароходы (частные и казенные), успевая сделать два рейса...

В момент наибольшего скопления количество ссыльных доходило до двух с лишним тысяч человек.. В настоящее время (статья написана в период пребывания Свердлова в ссылке — *Н.К.*) число ссыльных немногим больше сотни. С самого начала массовой ссылки в край наряду с административно-ссыльными доставлялись и ссыльно-поселенцы. Между этими двумя категориями существенное различие: административные ссылаются на срок не выше 5 лет, за время ссылки получают казенное пособие в размере 15 рублей в месяц, по окончании могут ехать куда угодно, в любой пункт России, за побег могут быть подвергнуты 3 месяцам тюрьмы. Ссыльно-поселенцы только через 9 лет получают право жительство по Сибири, становясь крестьянами, пособия из казны не получают, за побег без перехода границы Сибири могут быть приговорены до 1 года 4 месяцев тюрьмы, а за переход границы — к 3 годам каторги...

Оторванность от российской жизни неимоверная. Газеты доходят лишь в очень солидном возрасте, на 25—27 день по появлении на свет. Всего лишь год, как проведен

⁷⁴ Я.М.Свердлов. Избранные произведения. Т. 1. М. 1957. С. 344.

телеграф, да и то только до села Монастырского. Война лишь усилила остроту оторванности... Не осталась война без влияния и на материальное положение. Дороговизна жизни возросла значительно, а ресурсы уменьшились. Получавшаяся некоторыми помощь из дому почти прекратилась. Если и до войны едва-едва можно было прожить на 15 рублей, то теперь тем более трудно. Особенно тяжело приходится поселенцам. На них сильнее сказывается и обеднение крестьян вследствие падения цен на рыбу и пушнину...

Климат края крайне суров. Уже в центре морозы достигают часто 70° по Цельсию...»⁷⁵

Картина, нарисованная Свердловым, в известной степени передает обстановку последней сталинской ссылки. Не надо обладать богатым воображением, чтобы представить себе условия, в которых оказался Сталин во время Туруханской ссылки. Исторические источники и мемуарные воспоминания, которые давали бы возможность воссоздать с должной достоверностью прожитые им в ссылке годы, достаточно скромны, хотя и более обширны и более разнообразны, чем по другим его ссылкам и пребываниям в гюрьме. Имеется несколько любопытных упоминаний об эпизодах, случившихся с ним в Туруханской ссылке, в официальных выступлениях самого Сталина. Ценным источником служат несколько его личных писем, сохранившиеся в партийном или полицейском архивах. Некоторая информация содержится в воспоминаниях лиц, близких к Сталину, в частности в воспоминаниях А.С.Аллилуевой – сестры будущей жены Сталина Н.С.Аллилуевой. Некоторые эпизоды его злоключений в Туруханской ссылке описаны в пересказе людей, встречавшихся со Сталиным впоследствии. В обоих случаях речь идет о событиях, записанных с его собственных слов. Что касается официальных данных, проходивших тщательную проверку и редактуру при жизни Сталина, то в биографической хронике, помещенной во втором томе собрания его сочинений, упоминаются буквально несколько скудных фактов, относящихся к его политической деятельности в период Туруханской ссылки.

Бесспорный, хотя и весьма специфический, интерес представляют полицейские материалы, касающиеся его пребывания в ссылке. Ценные детали содержатся и в опубликованных письмах Я.Свердлова, написанных им из ссылки во время совместного проживания там со Сталиным, а также позже, когда они уже жили в разных местах. Специально Туруханской ссылке Сталина посвящены и воспоминания В.Швейцера, члена большевистской партии, жены С.Спандарьяна, избранного на Пражской конференции членом ЦК партии. Эти воспоминания написаны в 1937 году. Неудивительно, что они выдержаны в восторженно-апологетическом ключе, и поэтому, разумеется, не все факты, упоминаемые в них, можно принять на веру. Скорее, их следует оценивать весьма критически. И тем не менее, многие эпизоды и житейские детали, о которых сообщает В.Швейцера, представляются вполне достоверными, чтобы их использовать, разумеется, с долей здорового скептицизма, при освещении жизни Сталина в этот период.

И, наконец, стоит упомянуть свидетельства тех, кто соприкасался со Сталиным в период этой ссылки. Как исторический источник они, бесспорно, заслуживают внимания, хотя не все из них отвечают критериям достоверности. Некоторые воспоминания содержатся в различных полумемуарных, полулитературных публикациях, появившихся на гребне развернувшейся после развенчания культа

⁷⁵ Я.М.Свердлов. Избранные произведения. Т. I. С. 46-57.

личности антисталинской кампании. Причем, как правило, эти источники имели вторичный характер, исходили, так сказать, из вторых рук. Но тем не менее и они, несомненно, помогают воссоздать реальную картину событий тех далеких дней. Особо стоит упомянуть воспоминания некоего А. Байкалова, который соприкасался со Сталиным уже на самом завершающем этапе его пребывания в ссылке.

Этим в основном и ограничивается круг источников, на базе которых я попытаюсь воссоздать некоторые заметные эпизоды его жизни в Туруханской ссылке, причем основной акцент, естественно, будет сделан на политических моментах, а также на оценках его качеств как личности. Ведь экстремальные условия жизни уже сами по себе служат самым суровым экзаменом человеческого характера. И один из американских биографов Сталина справедливо замечает, что “человека можно испытать огнем, но его также можно испытать холодом.”⁷⁶ Правда, этот автор полагает, что, фигурально выражаясь, “испытание холодом”, которому подвергся Сталин во время ссылки, принесло самые негативные результаты: отрицательные свойства его характера, такие как нигилизм, недоверие к людям, угрюмость, замкнутость, пренебрежение к проявлениям человеческих чувств – все это якобы усилилось во время последней ссылки, превратив Сталина в черствого, крайне расчетливого человека, чуждого простым человеческим чувствам.

Мне такая трактовка вопроса представляется явно заданной и не соответствующей истине. Конечно, суровые условия не могли не сказаться на его характере. Но почему обязательно в негативном плане? То обстоятельство, что он выдержал эти трудные три с половиной года, говорят как раз о силе характера, исключительной воле и целеустремленности. Именно в этом ключе, очевидно, следует оценивать место Туруханской ссылки в политической судьбе Сталина. Она закалила его, преподала немало уроков суровой жизненной борьбы, борьбы за выживание в тяжелейших условиях заполярья. Все это, несомненно, сказалось и на его дальнейшей политической карьере.

На мой взгляд, немаловажное значение имело еще одно обстоятельство. Столь близкое знакомство с сибирской природой, ее необозримыми просторами, могучими реками, флорой и фауной таежного края, в котором он жил, повлияло и на формирование более емкого, более глубокого представления о России и возможных ее судьбах. Можно сказать, что Туруханская ссылка как бы стала для него некоей школой русского патриотизма. А это, в свою очередь, во многом предопределило и его качества как государственного деятеля, ставшего у руля такой огромной страны. Он как бы на собственном опыте познал и ощутил величие нашей страны.

Туруханская ссылка, конечно, была самым суровым испытанием в сравнении со всеми предшествующими мерами наказания, которые выпадали на долю Сталина. Можно сказать, что всей своей прошлой жизнью он был подготовлен к ней. Весь уклад его бытия и прежде не отличался даже подобием элементарного человеческого комфорта, если вообще здесь уместно такое слово. Приведем здесь любопытное замечание Ф. Раскольниковца, одного из видных участников Октябрьской революции, хорошо знавшего Сталина на протяжении многих лет. «В домашнем быту Сталин – человек с потребностями ссыльнопоселенца. Он живет очень скромно и просто,

⁷⁶ Robert Payne. The rise and fall of Stalin. p. 157.

потому что с фанатизмом аскета презирует жизненные блага: ни жизненные удобства, ни еда его просто не интересуют. Даже в друзьях он не нуждается».⁷⁷

Мне кажется, что эта характеристика многое проясняет в психологии Сталина, если иметь в виду чисто человеческие качества и особенности. Ссылки, в особенности Туруханская, приучили его к самому минимальному уровню жизненных потребностей. Через такую призму (а надо сказать, что она весьма примитивна) он и подходил ко многим, так сказать, излишествам в жизни. Туруханский эталон оставил неизгладимый след в его сознании и, видимо, еще больший в подсознании. В сумме все это и дает определенные основания считать данный период одним из важнейших в окончательном формировании особенностей его личности.

По сохранившимся (в первую очередь по причине перлюстрации полицией его писем «на волю») скудным источникам можно судить, что тяжелые материальные условия выживания сильно отразились на нем. В его редких письмах лейтмотивом, особенно на первых порах, звучит тема денег. Он непрестанно жалуется на суровость здешних условий и просит прислать ему денег. Вот его письмо, написанное в декабре 1913 года и адресованное одному из его будущих главных соперников в борьбе за власть Г. Зиновьеву, который находился тогда за границей вместе с Лениным. «В своем письме от 9/XI [Вы] пишете, что будете присылать мне мой «долг» по маленьким частям. Я бы хотел, чтобы Вы их прислали возможно скоро, по каким бы маленьким частям ни было. (Если деньги будут, шлите прямо на меня в Костино). Говорю это потому, что деньги нужны до безобразия. Все бы ничего, если бы не болезнь, но эта проклятая болезнь, требующая ухода (т. е. денег) выводит из равновесия и терпения. Жду. Как только получу немецкие книги, дополню статьи и в переработанном виде пошлю ...

Ваш Иос[иф]».⁷⁸

Несколькими неделями ранее в письме Р. Малиновскому, с которым он был знаком гораздо ближе, чем с Зиновьевым, Сталин с несвойственной ему драматизацией описывает тяжелые условия своей жизни и просит принять меры для оказания ему помощи. «Здравствуй, друг, — писал он. — Неловко как-то писать, но приходится. Кажется, никогда не переживал такого ужасного положения. Деньги все вышли, начался какой-то подозрительный кашель в связи с усилившимися морозами (37 градусов мороза), общее состояние болезненное, нет запасов ни хлеба, ни сахара, ни мяса, ни керосина (все деньги ушли на очередные расходы и одеяние с обувью). А без запасов здесь все дорого: хлеб ржаной 4 копейки фунт, керосин — 15 копеек, мясо — 18 копеек, сахар — 25 копеек. Нужно молоко, нужны дрова, но ... деньги, нет денег, друг. Я не знаю, как проведу зиму в таком состоянии. У меня нет богатых родственников и знакомых, мне положительно не к кому обратиться, и я обращаюсь к тебе, да не только к тебе — и к Петровскому, и к Бадаеву. Моя просьба состоит в том, что если у соц.-дем. фракции до сих пор остается «фонд репрессивности», пусть она, фракция, или лучше — бюро фракции выдаст мне единственную помощь хотя бы в рублей 60. Передай мою просьбу Чхеидзе и скажи, что я и его прошу принять близко к сердцу мою просьбу, прошу его не только как земляка, но главным образом как

⁷⁷ Вождь, хозяин, диктатор. М. 1990. С. 327.

⁷⁸ Большевицкое руководство. Переписка. 1912 — 1927. С. 17.

председателя фракции... Понимаю, что всем вам, а тебе особенно — некогда, нет времени, — но черт меня дери, не к кому больше обращаться, а околеть здесь, не написав даже одного письма к тебе, не хочется. Дело это надо устроить сегодня же и деньги переслать по телеграфу, потому что ждать дальше — значит голодать, а я и так истощен и болен. Мой адрес знаешь: Туруханский край. Енисейская губерния, деревня Костино, Иосифу Джугашвили». ⁷⁹

Далее Сталин затрагивает вопрос, который, надо полагать, волновал его не меньше, чем чисто финансовые проблемы. Речь шла об издании его статьи по национальному вопросу в виде брошюры. «Мне пишет Зиновьев, что статьи мои по «Национальному вопросу» выйдут отдельной брошюрой, ты ничего не знаешь об этом? Дело в том, что если это верно, то следовало бы добавить к статьям одну главу (это я мог бы сделать в несколько дней, если только дадите знать), а затем я надеюсь (вправе надеяться), что будет гонорар (в этом злосчастном крае, где нет ничего кроме рыбы, деиьги нужны как воздух). Я надеюсь, что ты в случае чего постоишь за меня и выхлопочешь гонорар... Ну-с, жду от тебя просимого и крепко жму руку, целую, черт меня дери... Привет Стефании, ребятам. Привет Бадаеву, Петровскому, Самойлову, Шагову, Миронову (по всей видимости, это ошибка, и следует читать «Муранову» — А. О.). Неужели мне суждено здесь прозябать четыре года?.. Твой Иосиф». ⁸⁰ В последней фразе перед нами предстает совсем иной, чем мы привыкли видеть, Сталин! Это — не просто жалоба и сетования, а настоящий крик отчаяния.

И, наконец, еще одно письмо из далекого Туруханского края, написанное в начале 1914 года. Адресовано оно Зиновьеву, который, очевидно, по поручению ЦК партии и лично Ленина занимался, в числе других вопросов, и связью с большевиками в России. Сталин пишет ему: «11 января. Почему, друг, молчишь? За тебя давно писал какой-то Н., но, клянусь собакой, я его не знаю. От тебя нет писем уже 3 месяца. Дела... Новость: Сталин послал в «Просвещение» большую-пребольшую статью „О культурно-национальной автономии“ Статья, кажется, ладная. Он думает, что получит за нее порядочный гонорар и будет таким образом избавлен от необходимости обращаться в те или иные места за деньгами. Полагаю, что он имеет право так думать. Кстати: в статье критикуется брошюра Кострова (на грузинском языке) в связи с общими положениями культур-автономистов. Ну-с, жму руку. Мой привет знакомым» ⁸¹.

В качестве заключительного аккорда приведу еще одно письмо Сталина Зиновьеву, датированное уже маем 1914 года. Я столь обильно цитирую эти письма по двум причинам: во-первых, эти письма составляют в сущности все, что сохранилось из эпистолярного наследия Сталина периода туруханской ссылки. Во-вторых, они служат доказательством того, что он продолжает живо интересоваться теоретическими аспектами национального вопроса и, выражаясь выспренным стилем, горит желанием продолжить свои изыскания в области национальных проблем. «20 мая. Дорогой друг, — писал он. — Горячий привет вам, В. Фрею. Сообщаю еще раз, что письмо получил. Получили ли мои письма? Жду от вас книжек Кострова. Еще раз прошу прислать книжки Штрассера, Паннекука и К. К. (очевидно, имеется в виду К. Каутский — Н.К.). Очень

⁷⁹ Там же. С. 18.

⁸⁰ Цит. по А.В. Островский. Кто стоял за спиной Сталина? С. 398.

⁸¹ Там же. 399.

прошу прислать какой-либо (общественный) английский журнал (старый, новый, все равно — для чтения, а то здесь нет ничего английского и боюсь растерять без упражнения уже приобретенное по части английско-го языка). Присылку „Правды” почему-то прекратили, — нет ли у вас знакомых, через которых можно было бы добиться ее регулярного получения? А как Бауэр? Не отвечает? Не можете ли прислать адреса Трояновского и Бухарина? Привет супруге Вашей и Н. Крепко жму руку. Где [Рольд]. Я теперь здоров»⁸².

Со временем, как можно заключить из писем Сталина, положение улучшилось. Видимо, первые трудности прошли, он постепенно свыкся с суровой обстановкой и теперь в его лаконичных письмах “на волю” уже не проглядывает чувство отчаяния и едва ли не безысходности. В ноябре 1915 года он пишет своей будущей теще О.Е.Аллилуевой: «Очень-очень Вам благодарен, глубокоуважаемая Ольга Евгеньевна, за Ваши добрые и чистые чувства ко мне. Никогда не забуду Вашего заботливого отношения ко мне! Жду момента, когда я освобожусь из ссылки и, приехав в Петербург, лично благодарю Вас, а также Сергея, за все. Ведь мне осталось всего-навсего два года.

Посылку получил. Благодарю. Прошу только об одном — не тратьтесь больше на меня: вам деньги самим нужны. Я буду доволен и тем, если время от времени будете присылать открытые письма с видами природы и прочее. В этом проклятом крае природа скудна до безобразия — летом река, зимой снег, это все, что дает здесь природа, — и я до глупости истосковался по видам природы хотя бы на бумаге. Мой привет ребятам и девицам. Желая им всего-всего хорошего. Я живу как раньше. Чувствую себя хорошо. Здоров вполне — должно быть привык к здешней природе. А природа у нас суровая: недели три назад мороз дошел до 45 градусов. До следующего письма.

Уважающий Вас Иосиф».⁸³

Как видим, тональность последнего письма разительно отличается от предыдущих. Здесь нет прежней озабоченности своим финансовым положением, напротив, он просит не тратьтесь на него. Видимо, ситуация стабилизировалась, он вполне свыкся с условиями жизни, не испытывал каких-либо серьезных проблем, как в начале ссылки. Проглядывает и черта, которую трудно было заподозрить в нем — нечто вроде сентиментальности, столь чуждой его натуре: он истосковался по видам природы и просит присылать открытки с видами природы. Даже как-то странно и непривычно читать эти его слова. В дальнейшем на всем протяжении его жизни мы не встретим подобного рода проявлений сентиментальности. По крайней мере, таких свидетельств не сохранилось. Во всяком случае из одного этого факта можно заключить, что ничто человеческое ему не было чуждо и в минуты откровенности он вполне был способен на проявление простых человеческих чувств. Оставаясь при этом человеком исключительно сдержанным, замкнутым, держащим свою душу закрытой для других.

Коснемся еще одного аспекта его пребывания в ссылке — взаимоотношений со Свердловым. Этот момент заслуживает внимания, поскольку авторы многих публикаций о Сталине, приводя соответствующие отрывки из переписки Свердлова со своими родственниками и знакомыми, делают акцент на неуживчивости Сталина,

⁸² А.В.Островский. Кто стоял за спиной Сталина? С. 409.

⁸³ Большевицкое руководство. Переписка. 1912 — 1927. С. 20-21.

его отчужденности к людям, отсутствию у него элементарного чувства товарищества. Спорить с такими оценками трудно, хотя надо заметить, что в данном случае выводы делаются на базе односторонней интерпретации. Но тем не менее эти свидетельства представляют бесспорный интерес с точки зрения характеристики Сталина как человека и как политика.

Из письма Свердлова, отправленного Р.Малиновскому в сентябре 1913 года, можно заключить, что в тот период отношения между Свердловым и Сталиным были вполне нормальными. Более того, оба они совместно наметали побег из ссылки, для чего им необходимы были деньги. Вот это письмо: «Дорогой Роман! Не знаю, успеет ли дойти это письмо до начала распутицы. Бывает часто, что отправленная отсюда почта замерзает в дороге, не дойдя до Енисейска. Посему и не пишу много. Только что распростились с Васькой (имеется в виду Сталин — *Н.К.*), он гостил у меня неделю. Получил наши письма, отправленные неделю тому назад? Завтра утром он уже уедет из Монастыря (село Монастырское — *Н.К.*) домой. Теперь сюда придвинулся телеграф. Через месяц, вероятно, все будет уже закончено. Если будут деньги, мы пошлем вам в Питер телеграмму. Теперь вот наша просьба. Если у тебя будут деньги для меня или Васьки (могут прислать), то посылай по следующему адресу: *Туруханск, Енисейской губернии, с. Монастырское, Карлу Александровичу Лукашевичу*. И больше ничего. Никаких пометок для кого и тому подобное не надо. Одновременно пошли или мне или Ваське открытку с сообщением об отправке и пометь при этом цифру. Вот и все. Прошлой почтой мы писали тебе, просили о высылке газет и журналов. Сделай, что можно. Всего доброго, всяческих успехов. Привет всем друзьям. Жму крепко руку».⁸⁴

Имеются достоверные данные о том, что большевистское руководство за границей, и прежде всего Ленин, неоднократно рассматривали вопрос об организации побега из ссылки Сталина и Свердлова. Однако все эти попытки оказались безуспешными, поскольку связующим звеном между ссыльными и большевистским центром служил Р.Малиновский, передававший всю информацию о подготовке к побегу царской охранке. В полицейских донесениях это нашло свое казенное отражение. Приведем несколько сообщений такого рода. 25 августа 1913 г. исполняющий обязанности вице-директора департамента полиции посылает на имя начальника Енисейского губернского жандармского управления спешное распоряжение:

«Ввиду возможности побега из ссылки в целях возвращения к прежней партийной деятельности упомянутых в записках от 18 июня сего года за № 57912 и 18 апреля сего года за № 55590 Иосифа Виссарионовича Джугашвили и Якова Мовшева Свердлова, высланных в Туруханский край под гласный надзор полиции, департамент полиции просит Ваше высокоблагородие принять меры к воспрепятствованию Джугашвили и Свердлову побега из ссылки».⁸⁵

30 января 1914 г. начальник Енисейского губернского управления полковник Байков сообщает енисейскому губернатору:

⁸⁴ Я.М.Свердлов. Избранные произведения. Т. 1. С. 231.

⁸⁵ В.Швейцер. Сталин в Туруханской ссылке. М. 1943. С. 12.

«Директор департамента полиции телеграммой от 29 сего января за № 55 уведомил меня, что высланным по постановлению г. министра внутренних дел в Туруханский край под гласный надзор полиции Иосифу Виссарионовичу Джугашвили и Якову Мовшеву (Михайловичу) Свердлову высланы 28 сего января, кроме ранее высланных ста рублей, еще пятьдесят рублей для организации побега их из Туруханского края.

О вышеизложенном, в дополнение отношения моего от 18 декабря 1913г. за №12104, сообщаю Вашему Превосходительству на распоряжение.

Полковник Байков».⁸⁶

Нужные в таких случаях “профилактические” меры в отношении Сталина и Свердлова были приняты. Надзор за ними усилился и организация побега оказалась неосуществимой. В первой половине марта 1914 года Сталина и Свердлова из поселка Костино переводят в поселок Курейка, расположенный севернее Полярного круга. Как зафиксировано в полицейской переписке, “оба поименованные поднадзорные находятся налицо в крае и что меры к предупреждению их побега приняты.”

В Курейке из ссыльных их было всего двое. Они поселились в одном доме. Свердлов так описывал условия их жизни: «Устроился я на новом месте значительно хуже. Одно то уже, что живу не один в комнате. Нас двое. Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с которым мы уже встречались в ссылке другой. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда. Но это не так важно»⁸⁷. И еще одно признание: «Со мной товарищ. Но мы слишком хорошо знаем друг друга. Притом же, что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех своих мелочах. Хуже всего, что только со стороны “мелочей жизни” и виден. Нет места для проявления крупных черт. С товарищем теперь на разных квартирах, редко и видимся».⁸⁸ И, как финал: «Со своим товарищем мы не сошлись “характером” и почти не видимся, не ходим друг к другу. Ко мне никто не ходит, ибо ходить некому. Хорошо и дома одному».⁸⁹

То, что два революционера не сошлись характером и, находясь чуть ли не в одиночестве, тем не менее не желали даже общаться друг с другом, действительно выглядит довольно странно. Надо полагать, что сказывалось не только различие в характерах, но и вызванная условиями жизни озлобленность, раздражительность. К тому же, Сталин никогда не отличался особой общительностью, проявлял замкнутость, временами даже отчуждение к близким ему людям. Так что стенания Свердлова по поводу Сталина понять можно. Хотя надо заметить, что и сам Свердлов, видимо, тоже не отличался особой уживчивостью с людьми. Вступал он в конфликты не только со Сталиным. Так в одном из писем он сообщает: «...второй день я на отдельной квартире. Не думай, что после ссоры с Ж...»⁹⁰ (речь идет о другом видном большевике, также члене ЦК партии Ф.Голощекине – Н.К.).

⁸⁶ Там же. С.12-13.

⁸⁷ Я.М.Свердлов. Избранные произведения. Т. I. С. 266.

⁸⁸ Там же. С. 276-277.

⁸⁹ Там же. С. 280.

⁹⁰ Там же.

Словом, на базе одних свидетельств Свердлова делать однозначные выводы о неуживчивости Сталина, думаю, было бы не совсем верно, а скорее, совсем неверно. О некоторых эпизодах совместного со Свердловым пребывания в ссылке Сталин не раз рассказывал позднее соратникам по Политбюро. Н.Хрущев в своих мемуарах, ссылаясь на Сталина, так излагает историю их взаимоотношений в ссылке: «Они сначала дружили, но потом, судя по его рассказам, было видно, что рассорились или разошлись. По крайней мере, перестали жить в одной крестьянской избе. Свердлов ушел оттуда, нашел себе квартиру и покинул Сталина. Сталин всегда говорил нам, что, когда они жили вместе, чалдоны, у которых они размещались в той деревне, считали, что главный — это Яшка, а не Рябой. Сталина называли Рябым, потому что у него лицо было изъедено оспой. Когда Яшка ушел на другую квартиру, они стали говорить: “Мы-то считали, что доктор главный, а оказывается, не доктор, а Рябой”. Местные крестьяне называли Свердлова доктором. Он был раньше провизором и, видимо, оказывал какую-то помощь больным, какие-то были у него лекарства. Поэтому и шла о нем слава, что он доктор.

Сталин рассказывал: “Мы готовили себе обед сами. Собственно, там и делать-то было нечего, потому что мы не работали, а жили на средства, которые выдавала казна: на три рубля в месяц. Еще партия нам помогала. Главным образом мы промышляли тем, что ловили нельму. Большой специальности для этого не требовалось. На охоту тоже ходили. У меня была собака, я ее назвал Яшкой”. Конечно, это было неприятно Свердлову: он Яшка и собака Яшка.” “Так вот, — говорил Сталин, — Свердлов, бывало, после обеда моет ложки и тарелки, а я никогда этого не делал. Поем, поставлю тарелки на земляной пол, собака все вылизет, и все чисто. А тот был чистюля”».⁹¹

Мне думается, что история взаимоотношений между двумя членами большевистского ЦК в ссылке нашла достаточно правдивое отражение в приведенных выше материалах. Каких-либо серьезных и далеко идущих выводов политического плана на их базе сделать нельзя: это было бы грубым упрощением. Между тем, в кампании по разоблачению Сталина указанный эпизод размовки со Свердловым возносился на принципиальную высоту и преподносился в качестве еще одного сурового и неопровержимого доказательства чуть ли не изначальной коварности Сталина, его жесткости по отношению к товарищам. Возможно, какая-то доля истины в таких оценках и была. Но не более того. В конечном счете, речь шла об отношениях двух людей в экстремальных условиях и, видимо, истоки разлада между ними следует

⁹¹ Хотя это может показаться мелочной деталью, но, думаю, что здесь в повествование Н.Хрущева следует внести поправку. По свидетельствам различных источников, в Туруханской ссылке Сталин, видимо, из-за чувства одиночества завел собаку, которую назвал “Тишка”. Об этом, в частности, пишет С.Аллилуева, которая в данном случае заслуживает большего доверия, чем Хрущев: «Когда-то в молодости он любил рыбную ловлю, охоту, любил собак. В сибирской ссылке у него была собака “Тишка” или “Тихон Степаныч”, с которой он любил ходить в тайгу на охоту, и просто разговаривать. Он вспоминал иногда этого “Тихона Степаныча”. (Светлана Аллилуева. Только один год. С.323.) Можно предположить, что Н.Хрущева или подвела память, или он намеренно “Тишку” превратил в “Яшку”, чтобы выставить Сталина в неприглядном виде, лишний раз подчеркнуть свойственное ему пренебрежение к людям, в том числе и к товарищам по революционной работе.

⁹¹ Н.С.Хрущев. Воспоминания. Т. 2. С. 119.

искать не в одном только Сталине: как гласит китайская пословица, — одна чашка не звенит, нужна и другая.

Об отношении Сталина к Свердлову в период, когда Сталин стал полновластным хозяином в стране, судить трудно. В публичных выступлениях он о нем не говорил, не хвалил и не ругал. Видимо, холодок, пробежавший между ними в период Туруханской ссылки, остался навсегда. Справедливости ради надо отметить, что вскоре после смерти Ленина, а именно в ноябре 1924 года, Сталин поместил в партийном журнале небольшую статью, специально посвященную памяти Свердлова. В ней содержится весьма высокая политическая оценка этого деятеля партии, причем особый акцент в ней был сделан на его организаторских талантах. В статье, в частности, говорилось: «Я далёк от того, чтобы претендовать на полное знакомство со всеми организаторами и строителями нашей партии, но должен сказать, что из всех знакомых мне незаурядных организаторов я знаю — после Ленина — лишь двух, которыми наша партия может и должна гордиться: И. Ф. Дубровинского, который погиб в туруханской ссылке, и Я. М. Свердлова, который сгорел на работе по строительству партии и государства».⁹²

Эта публичная оценка — одна из немногих, принадлежащих перу Сталина. Хотя следует подчеркнуть, что он вообще был до крайности скуп на похвалы в адрес тех или иных деятелей большевистской партии. Мотивы этого лежат, как говорится, на поверхности: видимо, он был убежден, что, за исключением самого Ленина, никто и не мог претендовать на какое-то особое место в анналах истории большевиков. Себя, разумеется, он рассматривал в качестве единственного исключения в этом ряду.

Вместе с тем, коль речь зашла о гипертрофированном чувстве собственной значимости в истории революционного движения, присущем Сталину, и постепенно принявшем поистине чудовищные формы, стоит отметить и такую характерную деталь. По отношению к Свердлову Сталин проявлял несвойственную ему «снисходительность» и не ставил палки в колеса кампании по восхвалению революционных заслуг Свердлова, хотя легко и мог это делать. В период расцвета так называемого культа личности был выпущен художественный фильм «Яков Свердлов», издавались отдельные произведения Свердлова, функционировали музеи и т.д. Город Екатеринбург, получивший в 1924 году имя Свердлова, так и оставался при жизни Сталина Свердловском. Заметим, что при жизни Сталина было немало примеров, когда города, названные в честь тех или иных деятелей большевистской партии, подвергались переименованию: так, в 1944 году город Орджоникидзе был переименован в город Дзуджикау (ныне Владикавказ).

В случае со Свердловым, думается, упрекнуть Сталина в какой-то политической мстительности на почве личной неприязни нет оснований. Хотя, конечно, прибегнуть к ней было не так уж и просто, учитывая исключительно высокую оценку, данную Лениным Свердлову после его смерти в 1919 году. Впрочем, высокая оценка Лениным некоторых деятелей большевистской партии несколько не помешала Сталину в период репрессий подвергнуть их не просто политическому ostracismu, но и физическому уничтожению.

⁹² И.В. Сталин. Соч. Т. 6. С.279.

В реестре нежелательных характеристик Сталина в период его Туруханской ссылки числится и эпизод, связанный с так называемой библиотекой Дубровинского — умершего в ссылке видного большевика. Опять-таки трудно судить о достоверности этих, как пишет сам автор документальной повести “Отблеск костра” Ю. Трифонов, “воспоминаний о воспоминаниях” Но я тем не менее приведу этот эпизод, рассказанный дочерью с ссылкой на своего отца — старого большевика Филиппа Захарова. Согласно его воспоминаниям, находившиеся в селе Монастырском большевики ожидали прибытия туда Сталина, направлявшегося к месту своего назначения. «По неписаному закону принято было, что каждый вновь прибывший в ссылку товарищ делал сообщение о положении дел в России. От кого же было ждать более интересного, глубокого освещения всего происходящего в далекой, так давно оставленной России, как не от члена большевистского ЦК? Группа ссыльных, среди которых были Я. М. Свердлов и Филипп, работала в это время в селе Монастырском на стройке. Возводили дом, который, как они знали, должен был служить тюрьмой. К слову сказать, долго решали, имеют ли моральное право ссыльные работать на такой стройке, но решили, предотвратить использование любого дома под тюрьму они все равно не в силах, а заработать больше было негде, вот и стали строить.

Туда как раз и должен был прибыть Сталин. Дубровинского уже не было в живых.

Филипп, не склонный по натуре создавать себе кумиров, да к тому же слышавший от Дубровинского беспристрастную оценку всех видных тогдашних деятелей революции, без особого восторга ждал приезда Сталина, в противоположность Свердлову, который старался сделать все возможное в тех условиях, чтобы поторжественней встретить Сталина. Приготовили для него отдельную комнату, из весьма скудных средств припасли кое-какую снедь. Прибыл!.. Пришел в приготовленную для него комнату и... больше из нее не показывался! Доклада о положении в России он так и не сделал. Свердлов был очень смущен.

Сталина отправили в назначенную ему деревню Курейку, а вскоре стало известно, что он захватил и перевез в полное свое владение все книги Дубровинского... Горячий Филипп поехал объясняться. Сталин принял его так, как примерно царский генерал мог бы принять рядового солдата, осмелившегося предстать перед ним с какими-то требованиями. Возмущенный Филипп (возмущались все!) на всю жизнь сохранил осадок от этого разговора».⁹⁸

Дискутировать по поводу “воспоминаний о воспоминаниях” нет смысла. Чуть ли не в одинаковой степени их можно расценивать как достоверные, так и недостоверные. К тому же, необходимо сделать поправку и на то, что в среде ссыльных, оторванных от большой земли, варившихся в своем собственном котле, довольно частыми были склоки и конфликты на почве личной неприязни или антипатии. Большевики здесь на составляли счастливого исключения. С учетом сказанного следует, видимо, и подходить к оценке данного эпизода.

Теперь прежде чем затронуть некоторые вопросы политического свойства, связанные с туруханским периодом жизни Сталина, стоит немного сказать и о чисто житейской стороне его бытия в ссылке. Сухие сибирские морозы оказались благотворными для его здоровья. Об этом пишет его дочь С. Аллилуева, подчеркивая,

⁹⁸ Смечт. С. 49-50.

что он полюбил Сибирь и часто вспоминал об этом отрезке своей жизни. Но его поражали не только сибирские просторы и сибирские морозы, но и весьма своеобразные нравы, господствовавшие в затерянных в этих просторах поселках, довольно суровая, если не сказать, жестокая психология, ставшая нормой обычного поведения людей в тех краях. Впечатления эти врезались в его память и оставили настолько глубокий след, что он даже в одной из своих публичных речей упомянул об этом. Выступая в 1935 году перед выпускниками военной академии, он рассказал о таком эпизоде, с которым столкнулся в ссылке: «Я вспоминаю случай в Сибири, где я был одно время в ссылке. Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что тридцатый остался там. На мой вопрос: “как же так, остался?” они с тем же равнодушием ответили: “чего ж там еще спрашивать, утонул, стало быть”. И тут же один из них стал торопиться куда-то, заявив, что “надо бы пойти кобылу напоить”. На мой упрек, что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: “Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы всегда сделать можем. А вот кобылу.. попробуй-ка сделать кобылу” Вот вам штрих, может быть малозначительный, но очень характерный».⁹⁴

В ссылке и с самим Сталиным приключались различные происшествия, порой ставившие его на грань жизни и смерти. В соответствующей литературе в период власти Сталина они иногда предавались гласности, видимо, с целью героизировать образ вождя. Так, в одном из сборников, изданных в связи с его 60-летием, известный тогда летчик Г.Байдуков рассказывал о своих встречах со Сталиным:

«Незаметно разговор перешел на прошлое. Иосиф Виссарионович рассказал нам, как, будучи в ссылке, он чуть не погиб в Енисее, когда провалился в полынью и вынырнул уже обледеневшим перед глазами собравшихся у проруби женщин. Женщины с испуга побросали коромысла, ведра и убежали в деревню. Долго пришлось уговаривать, чтобы пустили отогреться. Только исключительно крепкий организм спас его тогда от смерти».⁹⁵

Со слов Сталина А.С.Аллилуева так передает еще один весьма драматический эпизод, произошедший с ним в Туруханской ссылке. Конечно, и он призван был в выгодном свете представить образ вождя как человека, не раз подвергавшегося смертельным опасностям и мужественно преодолевавшим трудности. Вот этот рассказ:

«Однажды зимой он с рыбаками отправился проверить улов. Путь был не близкий — за несколько километров. На реке разделились. Сталин пошел к своим снастям. Улов был богатый, и, перекинув через плечо тяжелую связку рыбы, Сталин двинулся в обратный путь. Неожиданно завьюжило. Начиналась пурга. Мгла полярной ночи становилась непроницаемой. Крепчал мороз. Ветер хлестал в лицо, сбивал с ног. Связка замерзшей рыбы тяжелее давила на плечи, но Сталин не бросал ношу. Расстаться с ней — значило обречь себя на голод. Не останавливаясь, борясь с ветром, Сталин шел

⁹⁴ И.Сталин. Вопросы ленинизма. М. 1947. С. 491.

⁹⁵ Встречи с товарищем Сталиным. М. 1939. С. 139.

вперед. Вешек не было видно — их давно замело снегом. Сталин шел, но жилье не приближалось. Неужели сбился с пути?

И вдруг, совсем рядом, показались тени, слышались голоса.

— Го-го-го! — закричал он. — Подождите!..

Но тени метнулись в сторону и исчезли. Голоса смолкли. В шуме вьюги он только слышал, как ударялись друг о друга замерзшие рыбы за его плечами. Теряя силы, он все же продолжал идти вперед. Остановиться — значило погибнуть. Пурга все бушевала, но он упрямо боролся с ней. И когда казалось — надеяться уже не на что, послышался лай собак. Запахло дымом. Жилье! Ощупью добрался он до первой избы и, ввалившись в нее, без сил опустился на лавку. Хозяева поднялись при его появлении.

— Осип, ты? — Они в страхе жались к стене.

— Конечно, я. Не лешак же!

— А мы встретили тебя и подумали — водяной идет. Испугались и убежали...

И вдруг на пол что-то грохнуло. Это отвалилась ледяная корка, покрывавшая лицо Сталина. Так вот почему шарахнулись рыбаки там, по пути. Обвешанный сосульками, в ледяной коре, он показался им водяным. Да еще рыба, звеневшая за его плечами! Он не мог удержать смеха, глядя на остяков, смущенно окружавших его.

— Я проспал тогда восемнадцать часов подряд, — вспоминал он, рассказывая о пурге.⁹⁶

Другой эпизод в пересказе приближенного к Сталину режиссера М. Чиаурели (постановщика выдержанной в апологетической манере фильма “Клятва”) повествует о побеге Сталина из сибирской ссылки. Трудно сказать, о какой конкретно ссылке идет речь: по некоторым обстоятельствам, изложенным в рассказе, Туруханская ссылка вроде сюда и не вписывается. Но в данном случае точная привязка к определенному месту и времени не имеет какого-то принципиального значения. Здесь существенны сами детали, а также манера поведения самого беглеца. Вот что поведал Сталин о своем побеге: « Я находился в распоряжении исправника. Это был человек крутого нрава, заслуживший ненависть не только ссыльных, но и всего населения, особенно возчиков. Возчики, как известно, играли в суровых условиях Севера, с перегонами в сотни верст, немаловажную роль. Эти люди, выдавшие виды, были буквально терроризированы исправником. Задумав бегство, я решил сыграть на этой ненависти.

“Я хочу подать жалобу на исправника. У меня есть связь в Зимней”, — сказал я одному из возчиков. А Зимняя была ближайшая железнодорожная станция, до которой надо было ехать несколько дней. Возчик охотно согласился везти меня туда, выговорив себе, помимо платы, по “аршину” водки на больших остановках и по “поларшина” на малых.

Подгоняемый ненавистью к самодуру-исправнику, возчик вез меня отлично. На остановках для него кабатчики выстраивали за мой счет “аршины” и “полуаршины” рюмок с водкой.

Морозы стояли сорокаградусные. Я был закутан в шубу. Возчик погонял лошадей, распахнув свою шубенку и открывая чуть ли не голый живот жестокому морозному

⁹⁶ А. С. Аллилуева. Воспоминания. М. 1946. С. 189-190.

⁹⁷ Встречи с товарищем Сталиным. С. 157.

ветру. Тело его, видно, было хорошо проспиритовано. Здоровый народ! Так мне удалось бежать...»⁹⁷

Такие зарисовки должны были оттенить облик Сталина как человека, близко стоявшего к народу, понимавшего его душу, умеющего находить общий язык с самыми простыми людьми. И хотя события, о которых шла речь, имели место в дореволюционном прошлом, они как бы перекидывали мостик к современности, подчеркивая близость вождя к массам. Но независимо от мотивов, двигавших колесо сталинской пропаганды, рисовавших столь близкий к народу его образ, едва ли можно поставить под сомнение то, что он в период своей подпольной работы, а также во время ссылок и пребывания в тюрьме, самым тесным и непосредственным образом соприкасался с повседневной жизнью простых людей. Он многое сумел почерпнуть из этого соприкосновения с реальной повседневной жизнью представителей низших слоев тогдашнего российского общества. И по свидетельствам многих, высоко ценил опыт простых людей, ставя его выше чисто интеллигентских знаний.

В литературе, посвященной пребыванию Сталина в Туруханской ссылке, неизменно присутствовали и эпизоды, рисовавшие его твердость и непреклонность, даже дерзость в отношении тех, кто призван был наблюдать за ним, предотвращать возможность побега. Рассказывалось, в частности, о конфликте со стражником, охранявшим его в станке Курейка. Столкновения со стражником у Сталина начались вскоре после прибытия в Курейку. По инструкции стражник должен был посещать ссыльного два раза в день, в девять утра и вечером. Выполнял он эту обязанность бесцеремонно.

Весной 1914 года, к вечеру, население станка было свидетелем невиданной сцены: стражник пятился от избы, где жил Сталин, к Енисею, размахивая перед собой обнаженной шашкой, а ссыльный, необычайно возбужденный, со сжатыми кулаками, наступал на него, теснил к обрыву. В тот день Сталин не выходил из дома: то ли приболел, то ли работал. Стражнику это показалось подозрительным, он решил проверить и без стука ввалился в комнату ссыльного. Тогда Сталин схватил его за шиворот и вывел на улицу...⁹⁸

Сталин неоднократно протестовал против нарушений его прав ссыльного со стороны стражника и в конце концов добился того, что прежнего стражника начальство заменило и вместо него назначило другого – некоего М. Мерзлякова. Последний впоследствии (уже при Советской власти) вспоминал: «Меня обмундировали, оклад положили 50 рублей в месяц, дали гребцов, и я на лодке отправился в Курейку. Перед отъездом снабдили инструкциями и строго-настрого наказали, чтобы следить за административно-ссыльным Джугашвили, не пускать его со станка Курейки, не позволять ходить на пароход, не давать читать журналы, газеты, не допускать сборищ, запрещать игры с молодежью и прогулки на лодке. Особенно строго было наказано следить за ссыльным Джугашвили в отношении огнестрельного оружия»⁹⁹.

Но какими бы строгими ни были правила, запрещавшие ссыльным владеть огнестрельным оружием, обойтись без ружья было нельзя, т.к. охота являлась одним

⁹⁸ См. Иосиф Сталин. М. 1997. С. 77.

⁹⁹ Там же.

из источников добывания средств к существованию. Сталину так или иначе удалось поладить с новым стражником, найти, как бы выразились нынешние любители иностранной терминологии, *modus vivendi*. Это, конечно, кое в чем облегчало условия жизни, но не делало их комфортными. В дальнейшем этот «добропорядочный» стражник еще раз возник в жизни Сталина, когда в период коллективизации его исключили из колхоза на том основании, что он при прежнем режиме был стражником. Бывший стражник обратился с письмом за помощью к своему бывшему поднадзорному, рассчитывая на его благосклонность. Сталин ответил следующим письмом (оно, кстати, не включено в его собрание сочинений):

«Сельсовету дер. Емельяново, Красноярского района и округа, и Михаилу Мерзлякову. :?тсж

Мерзлякова припоминаю по месту моей ссылки в селе Курейка (Турух. края), где он был в 1914—1916 гг. стражником. У него было тогда одно единственное задание от пристава — наблюдать за мной (других ссыльных не было тогда в Курейке). Понятно поэтому, что в дружеских отношениях с Мих. Мерзляковым я не мог быть. Тем не менее я должен засвидетельствовать, что если мои отношения с ним не были «дружественными», то они не были и враждебными, какими обычно бывали отношения между ссыльными и стражниками. Объясняется это, мне кажется, тем, что Мих. Мерзляков относился к заданию пристава формально, без обычного полицейского рвения: не шпионил за мной, не травил, не придирался, сквозь пальцы смотрел на мои частые отлучки и нередко поругивал пристава за его надоедливые «указания» и «предписания». Все это считаю своим долгом засвидетельствовать перед Вами.

Так обстояло дело в 1914—1916 гг., когда Мерзляков, будучи стражником, выгодно отличался от других полицейских.

Чем стал потом М. Мерзляков, как он вел себя в период Колчака и прихода Советской власти, каков он теперь, — я, конечно, не знаю.

С коммунистическим приветом

Сталин».¹⁰⁰

Наконец, завершая краткое описание некоторых бытовых сторон пребывания Сталина в Туруханской ссылке, следует упомянуть об одном моменте. Еще при жизни Сталина в стране ходили слухи о том, что во время пребывания в ссылке он якобы имел связь с хозяйкой дома, в котором он жил, и от нее якобы родился сын. После смерти Сталина, особенно в период так называемой десталинизации, на этот счет появилось немало публикаций. Они носили характер дешевых сенсаций, хотя и преподносились как весьма респектабельные и базирующиеся на фактах и свидетельствах лиц, имевших возможность знать об обстоятельствах этого дела. Невнятно упоминается об этом и в некоторых биографиях Сталина, написанных западными авторами. Вполне убедительной, не вызывающей возражений и каких-либо сомнений, документальной базы на этот счет фактически нет.

Отсутствие серьезных и достоверных подтверждений такого рода версий «тайной семейной жизни» Сталина вполне объяснимо в силу весьма деликатного характера самой проблемы. Мне представляется, что по жизненной логике, а она в данном случае сильнее всякого рода пуританских рассуждений, такие факты более

ИЗ ДОК. ИСТОРИИ:

Коллективизация

¹⁰⁰ В.Швейцер. Сталин в Туруханской ссылке. С.33-34.

чем вероятны. Об этом пишет и С.Аллилуева: «Тетки говорили мне, что во время одной из сибирских ссылок он жил с местной крестьянкой, и что где-то теперь живет их сын, получивший небольшое образование и не претендующий на громкое имя».¹⁰¹

Стоит привести еще одно любопытное свидетельство. В самый разгар кампании по развенчанию Сталина после XX съезда КПСС Комитету госбезопасности СССР было поручено провести тщательное расследование обстоятельств, связанных с его пребыванием в Туруханской ссылке. Поводом для такого расследования послужила публикация в американском журнале «Лайф» весной 1956 года материалов (в сотрудничестве Сталина с царской охранкой. (Об этом речь специально пойдет в следующей главе). Здесь же я приведу те места из записки, которые касаются личной жизни Сталина. * В ней, в частности, сообщается, что «по рассказу гр-ки Перелыгиной было установлено, что И.В.Сталин, находясь в Курейке, совратил ее в возрасте 14 лет и стал сожителем с ней». По словам той же Перелыгиной, «у нее, например, в 1913 году родился ребенок, который умер. В 1914 году родился второй ребенок который был назван по имени Александр. По окончании ссылки Сталин уехал, и она была вынуждена выйти замуж за местного крестьянина Давыдова, который и усыновил родившегося мальчика Александра. За все время жизни Сталин ей никогда не оказывал никакой помощи. В настоящее время сын Александр служит в Советской Армии и является майором.»

Что можно сказать по поводу столь пикантного эпизода, якобы имевшего место во время Туруханской ссылки Сталина? С одной стороны, его можно принять за реальный факт. С другой стороны, в нем можно и усомниться, учитывая обстановку сложившуюся в самый разгар кампании по разоблачению культа личности. Тем, кто развернул эту кампанию, было выгодно не только политически ниспровергнуть Сталина, но и приписать ему целый набор того, что в те времена именовалось емким словом «аморалка» Правда, этот эпизод не получил тогда своего развития и так и остался всего лишь архивной констатацией.

Мне представляется невозможным по прошествии стольких лет выносить какое либо определенное суждение на этот счет. Поэтому будем считать данный вопрос открытым. Но говоря в целом, он не кажется мне столь уж принципиальным при изложении политической биографии Сталина. Тем более, принимая в расчет, что этот эпизод нельзя расценивать в качестве абсолютно достоверного факта. Не упомянуть о нем я счел необходимым опять-таки во имя принципа объективности и беспристрастности.

Если то, о чем идет речь, в самом деле соответствует действительности, то и это не вносит, на мой взгляд, ничего принципиально нового в общую картину жизненного пути Сталина. Просто один из штрихов, дорисовывающий его весьма сложный и в то же время вполне понятный для нормального человека облик. Я не склонен пускаться в рассуждения о моральных аспектах этого возможного эпизода его сибирской одиссеи, поскольку здесь нет почвы и резонов для серьезного разговора

¹⁰¹ Светлана Аллилуева. Только один год. С. 330.

* Фотокопия записки в адрес Н.С.Хрущева воспроизводится в книге А.В.Островского Кто стоял за спиной Сталина?

Обычная житейская ситуация, каких в жизни случается немало, но в приложении к Сталину она почему-то вдруг стараниями отдельных исследователей обретает какую-то особую, загадочную, чуть ли не полупреступную окраску. Во всяком случае к политической биографии Сталина она не имеет прямого отношения.

Теперь остановимся на вопросе о собственно политической деятельности Сталина в период Туруханской ссылки. Разумеется, в том ее понимании, какая она была вообще возможна для человека, фактически отрезанного от мира. Судя по некоторым его письмам, в первый период пребывания в ссылке он проявлял самый живой и непосредственный интерес к развитию политических событий в столице, в первую очередь к деятельности большевистской фракции в Государственной думе. Как-никак, а к ней еще совсем недавно он имел непосредственное отношение, будучи по поручению ЦК своеобразным координатором их работы, в частности по вопросам выработки большевистской линии поведения в думе. В этой связи примечательно его письмо Р.Малиновскому, написанное в апреле 1914 года. Оно пронизано оптимизмом, если не сказать пафосом, не вполне соответствовавшим реальному положению дел: «Вообще, душа радуется при виде того, как искусно, как мастерски используются фракцией и питерским коллективом все и всякие легальные возможности. Органы печати, политические и профессиональные, растущие как грибы; удачные выступления членов фракции и частые их разъезды (весьма нужные и полезные); регулярное вмешательство питерского коллектива во все дела пролетарских выступлений; рост престижа “Правды”, кроме Питера, еще в провинции; колоссальный рост пожертвований в пользу “Правды”, и, наряду с этим, жалобный вой во всех смыслах разлагающейся группы ликвидаторов — картина великолепная, черт меня дерни!...»¹⁰²

Из писем Сталина явствует, что он внимательно читает нерегулярно поступающие к нему газеты и журналы, настойчиво просит присылать необходимые ему книги по социально-политической проблематике, в особенности по национальному вопросу. Так, вскоре после прибытия в ссылку он пишет шифрованное письмо Н.К.Крупской в Краков: «Я, как видите, в Туруханске. Получили ли письмо с дороги? Пришлите деньги. Если моя помощь нужна, напишите, приеду немедля. Пришлите книжек Штрассера, Паннекука и Каутского».¹⁰³ Крупская в ответном письме, пересланном через Киев, сообщала, что сразу же были посланы деньги, подобраны книги по национальному вопросу и проинформировала о некоторых внутривнутрипартийных делах.

Видимо, занятия национальным вопросом стояли в центре его тогдашних политических интересов. Весьма удачный опыт, воплотившийся в фундаментальной статье, подробно о которой речь шла выше, стимулировал его, побуждал к дальнейшей разработке этой проблематики. В письме к Р.Малиновскому он излагает свои довольно амбициозные планы в области литературной работы: «Мне пишет один из питерских моих приятелей, что работников-литераторов страшно мало в Питере. Если это верно, напиши — я скажу И. Сталину, чтобы он почаще писал. Все-таки помощь. Он уже послал в “Просвещение” большую статью о “культурно- национальная автономии”. Если он получит из России нужные книги (а он их получит, ибо выписал их), то напишет и

¹⁰² Большевистское руководство. Переписка. 1912 – 1927. С. 19.

¹⁰³ Иосиф Сталин. С. 74.

пришлет такую же большую статью (фельетонов на 5) для “Правды” под заглавием “Об основах марксизма” Будет также (для “Просвещения”) статья “Организационная сторона национального вопроса” Если нужно, напишет и пришлет для “Правды” популярную статью по национальному вопросу, доступную вполне для рабочих. Ты только напиши, закажи». ¹⁰⁴

Работа Сталина о культурно-национальной автономии оказалась потерянной, а потому о ее содержании судить нельзя. Можно только высказать логичное предположение, что она развивала и конкретизировала положения, высказанные автором в статье “Марксизм и национальный вопрос”. Как видно, Сталин продолжал углубленное изучение этой исключительно важной проблемы. В.Швейцер в своих воспоминаниях писала об одной из своих поездок к Сталину: «...на столе лежала книга Розы Люксембург на немецком языке, которую Иосиф Виссарионович читал и переводил на русский. В ссылке Сталин продолжал работать над второй частью своей книги “Марксизм и национальный вопрос”, первую часть которой он написал за границей, живя у Владимира Ильича Ленина. Книга эта была напечатана в нескольких номерах журнала “Просвещение” в 1913 году. Владимир Ильич очень высоко оценил работу товарища Сталина и считал его выдающимся знатоком национального вопроса». ¹⁰⁵

Трудно поверить в то, что Сталин действительно переводил книгу Р.Люксембург на русский язык: для этого он недостаточно знал немецкий язык. Скорее всего, он пытался читать ее с помощью словаря, что больше соответствовало уровню его знаний немецкого языка. Из полицейских документов явствует, что при одном из его арестов у него был обнаружен среди других книг русско-немецкий разговорник. Видимо, в преддверии своих поездок за границу в тот период он начал (или продолжил) изучение немецкого языка. Однако в любом случае, даже при прекрасном владении самим вопросом, ему явно не под силу был самостоятельный перевод книги Р.Люксембург, которая писала отнюдь не таким же ясным и лапидарным стилем, как Сталин.

Обращает на себя внимание еще одно любопытное обстоятельство. В письме к Н.К.Крупской он писал, что может в случае необходимости приехать “немецля”. Это, очевидно, дает основание полагать, что, по его расчетам, ему нетрудно было совершить, как и прежде, очередной побег из ссылки. Однако на деле оказалось все иначе. По прошествии нескольких месяцев в письме тому же Р.Малиновскому звучат совершенно иные нотки: «Кто-то, оказывается, распространяет слухи, что я не останусь в ссылке до окончания срока. Вздор! Заявляю тебе и клянусь собакой, что я останусь в ссылке до окончания срока (до 1917 г.). Когда-то я думал уйти, но теперь бросил эту идею, окончательно бросил. Причин много, и, если хочешь, я когда-нибудь подробно напишу о них. Иосиф». ¹⁰⁶

Какие причины имел в виду Сталин, сказать сейчас трудно, если вообще возможно. Не исключено, что до него могли дойти распространявшиеся тогда среди ссыльных слухи относительно причастности Р.Малиновского к провокаторской деятельности и он, чтобы ввести охранку в заблуждение намеренно писал, что останется в ссылке до окончания срока. Таким путем можно было дезориентировать

и т.д. т.д.с. (з.и.к.)

¹⁰⁴ **Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927.** С. 19.

В.Швейцер. Сталин в Туруханской ссылке. С. 31.

¹⁰⁶ **Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927.** С. 19.

как самого Р.Малиновского, так и через него охранку. Вполне допустимы и другие, неизвестные нам причины высказанного им намерения, вопреки прежней практике, отбыть весь причитавшийся срок.* Во всяком случае, даже если Сталин и не собирался проводить целых четыре года за Полярным кругом, то его слова оказались пророческими: побега из последней ссылки он так и не совершил.

Центральным событием, своего рода осью, вокруг которой вращалась вся политическая жизнь не только в Туруханской ссылке, но и в России, как и во всем мире, конечно, была начавшаяся первая мировая война. Все политические партии вне зависимости от их желания или нежелания должны были занять определенную позицию в связи с разразившимся всемирным пожаром. Раскаты этого поистине вселенского события докатились и до Туруханского края. Война сказалась на жизни ссылных самым прямым и непосредственным образом: ухудшились их материальные условия, ужесточился режим, до минимума сведены возможности организации побега, не говоря уже о том, что суровыми стали меры наказания за политические преступления, которые фактически приравнивались к государственной измене.

Но самым главным для ссылных революционеров являлся вопрос об отношении к начавшейся войне. Как уже отмечалось выше, позиция большевиков (и Сталина в том числе) в период русско-японской войны была однозначной — они выступали за поражение в ней, полагая, что такое поражение станет прелюдией к краху царского режима и откроет путь к революции. Частично такие надежды оправдались. Но после начала первой мировой войны ситуация в мире, как и в стране, коренным образом отличалась от периода русско-японской войны. Естественно, это диктовало необходимость выработки новой стратегии и тактики по такому жизненно важному вопросу. Щепетильность заключалась прежде всего в том, что во всей империи бурный размах приобрели усиленно поощряемые сверху патриотические настроения, призывы дать отпор германской агрессии против России. Правящие круги умело направляли этот патриотический подъем, стремясь канализировать его в русло поддержки режима и правительства. На этом фоне любая антивоенная позиция легко могла быть представлена как антинациональная и предательская по своему существу. Поэтому принятие большевиками антивоенной платформы, в какой бы форме это ни было выражено, неизбежно было сопряжено с перспективой потери ими своего влияния в части рабочего движения и вообще в общественном мнении страны. Дилемма, надо сказать, была достаточно суровой. Выбор был узок: или пойти наперекор развернувшейся патриотической волне и отстаивать свои прежние принципиальные взгляды, рискуя при этом утратить часть завоеванного авторитета, или поддаться напору этой волны и пойти “вместе со всеми”

Решающую роль в выработке и отстаивании позиции большевиков по вопросу об отношении к войне сыграл В.И. Ленин. Он проявил исключительную настойчивость, решительность и бескомпромиссность, выступая за то, чтобы большевики и их фракция

* В связи с этим неубедительным выглядит утверждение Троцкого, что Сталина от побега из Туруханской ссылки удержали не только физические и полицейские трудности, связанные с побегом, но и опасность нелегального существования в условиях военного режима. А Сталин, как замечает Троцкий, был осторожен. (См. *Лев Троцкий*. Сталин. Т.1. С. 240-241.) Но ведь, как мы видим из его письма Р.Малиновскому, он еще до начала войны, в апреле 1914 года, писал, что не собирается совершать побег.

в Государственной думе не поддались угару патриотических настроений и не изменили своей принципиальной линии. Основные положения большевиков по вопросам войны и мира были сформулированы в написанном В.И. Лениным манифесте ЦК партии "Война и российская социал-демократия", опубликованном 19 октября 1914 г. Ключевые моменты этой позиции сводились к следующему положению: 1) исходя из тезиса, согласно которому война приблизила революцию, большевики выдвинули лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую; 2) большевики считали, что социалисты должны занять принципиальную позицию, отстаивающую лозунг поражения своего правительства в войне. При этом они исходили из того вероятного предположения, что неудачи на фронте неизбежно приведут к ослаблению режима, подорвут его основы и, таким образом, будут способствовать подъему революционной волны. Это, в свою очередь, неизбежно повлечет за собой перерастание империалистической войны в войну угнетенных народов против своих поработителей.

Как видим, позиция большевиков отличалась радикализмом и в своих основных положениях в чем-то перекликалась с их позицией во время русско-японской войны. Хотя, разумеется, во многом она отличалась новизной постановки главных задач и тактических приемов их достижения. Если говорить обобщенно, игнорируя некоторые детали, которые сейчас с высоты прошедших времен представляются малосущественными, то большевики оказались если не в полном, то в фактическом одиночестве. Стратегия, отстаиваемая большевиками, имела какие-то шансы на успех лишь в том случае, если бы ею руководствовались социалисты всех воюющих стран. Но они оказались по разные стороны баррикад. Социалисты ведущих воюющих государств не только не заняли позиции пораженчества, а, напротив, активно проголосовали за утверждение военных бюджетов правительств своих стран, а также в некоторых из них вошли в состав правительств. Ленин и большевики в целом с безоговорочной категоричностью осудили такую позицию. Все это, можно сказать, явилось началом непреодолимого раскола в рабочем движении вообще, который впоследствии привел к формированию в нем по существу враждебных, несовместимых друг с другом, политических направлений — коммунистического и социал-демократического.

Нельзя сказать, что партия большевиков полностью и всецело оказалась единой и сплоченной в вопросах войны и мира, хотя подавляющее большинство партийных работников приняло позицию, предложенную Лениным. Большевики-члены Думы голосовали против принятия военного бюджета, выступали с речами, в которых осуждалась война. Словом, на практике проводили в жизнь ленинскую линию. Для определения позиции партии и разъяснения ее основных положений велась работа по подготовке и проведению общероссийской партийной конференции. Однако в силу ряда причин, прежде всего трудностей, вызванных военным временем, созвать такую конференцию не удалось. Вместо нее в начале ноября 1914 года неподалеку от Петрограда (в начале войны Петербург был переименован в Петроград) было проведено всероссийское совещание, которое одобрило тезисы Ленина. Но совещанию не удалось завершить свою работу: на третий день ее участники, в том числе и большевистские депутаты Думы, были арестованы. Вскоре состоялся суд над большевистскими депутатами Думы: им грозили самые суровые наказания по законам военного времени. На суде депутаты, стремясь затруднить раскрытие

внутрипартийных дел, отрицали свое участие в нелегальной партийной деятельности. Конечно, в их поведении сказалось и то, что им реально грозила смертная казнь. Но в целом надо сказать, что представшие перед судом депутаты вели себя мужественно.

Вместе с тем они проявили определенные колебания во время процесса, за что подверглись критике со стороны Ленина. Фактически они отказались от открытой поддержки позиции, выдвинутой Лениным. Но наибольший вред авторитету большевистского руководства нанес арестованный и представший вместе с депутатами перед судом уполномоченный ЦК партии Л.Б.Каменев. Он публично заявил о своем несогласии с позицией ЦК, с лозунгом о поражении своего правительства в войне. Большевистские депутаты были приговорены к вечному поселению в Сибирь.

Такова в самом схематичном виде картина, рисующая отношение большевиков к начавшейся войне. Какова же была позиция Сталина по этому жизненно важному вопросу?

На этот счет существуют не совсем одинаковые, а, вернее, совсем неодинаковые, можно сказать, противоположные точки зрения.

Официальная сталинская историография утверждала: «Отрезанный от всего мира, оторванный от Ленина и партийных центров, Сталин занимает ленинскую интернационалистскую позицию по вопросам войны, мира и революции. Он пишет письма Ленину, выступает на собраниях ссыльных большевиков в селе Монастырском (1915 г.), где клеймит позором трусливое и предательское поведение Каменева на суде над большевистской „пятёркой“—депутатами IV Государственной думы. Он приветствует (1916 г.) вместе с группой ссыльных большевиков легальный большевистский журнал „Вопросы Страхования“, указывая, что задачей журнала является приложить „все усилия и старания к делу идейного страхования рабочего класса нашей страны от глубоко развращающей, антипролетарской и в корне противоречащей принципам международной проповеди гг. Потресовых, Левицких и Плехановых».¹⁰⁷

Документальные свидетельства, однозначно подтверждающие, что с самого начала войны Сталин ясно и недвусмысленно занял ленинскую позицию, весьма скромны. В распоряжении историков имеются лишь два документа на этот счет. Один из них датируется февралем 1915 года и представляет собой совместное письмо С.Спандаряна и его, Сталина, Ленину. В нем содержится язвительно-пренебрежительная оценка высказываний представителей так называемого оборонческого крыла российского революционного движения. «Читал я недавно статьи Кропоткина — старый дурак, совсем из ума выжил. Читал также статейку Плеханова в „Речи“ — старая неисправимая болтунья-баба! Эхма... А ликвидаторы с их депутатами-агентами вольно-экономического общества? Бить их некому, черт меня дер! Неужели так и останутся они безнаказанными?! Обрадуйте нас и сообщите, что в скором времени появится орган, где их будут хлестать по роже, да порядком, да без устали».¹⁰⁸

Хилость документальной базы, подтверждающей тот факт, что Сталин не имел никаких колебаний в вопросах отношения к войне и не поддавался веяниям патриотической волны, на мой взгляд, не играет существенной роли. По всей логике

¹⁰⁷ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 56.

¹⁰⁸ Большевистское руководство. Переписка. 1912 — 1927. С. 21.

своего политического мышления (и это представляется мне обоснованным) он безусловно должен был склоняться к радикальной ленинской точке зрения. Тем более, если учесть его прежнюю позицию во время русско-японской войны. Нет ни одного, даже косвенного свидетельства в пользу того, что Сталин в этот период находился под влиянием патриотических лозунгов. Хотя такие патриотические настроения были довольно широко распространены даже среди ссыльных.

Троцкий ставил под сомнение факт того, что Сталин с самого начала войны занял четкую и определенную позицию. По мнению Троцкого, нет ни малейшего основания считать, что Сталин с самого начала занял “пораженческую” позицию, поскольку в силу “медлительности и консервативности мысли” Сталина он был просто не в состоянии дойти “самостоятельно до выводов, означавших целый переворот в рабочем движении”.¹⁰⁹

Подводя краткое резюме, на основе приведенных фактов и аргументов можно сделать следующий вывод.

Конечно, всерьез говорить о том, что Сталин чуть ли не первый самостоятельно выдвинул главные большевистские лозунги, определявшие их отношение к начавшейся войне, по меньшей мере несерьезно. Он был слабо информирован, отрезан от мира, не находился в гуще политической борьбы, и уже в силу этих причин никак не мог стать одним из соавторов новой большевистской стратегии по данному вопросу. Это, мне думается, самоочевидно и не требует дополнительных разъяснений. С другой стороны, не менее очевидно и другое: вся политическая философия Сталина в качестве одной из своих краеугольных основ включала радикализм, непримиримость по отношению к царскому режиму. Поэтому, естественно, он был ярким сторонником любых мер, которые могли бы способствовать ослаблению этого режима. Война, полагали ортодоксальные большевики из стана Ленина, как раз и служила инструментом ослабления царизма. Позиция Сталина в силу указанных причин, несомненно, тяготела к позиции, которую разработал и обосновал Ленин. Она была близка и органична ему по своему духу радикализма. Что же до каких-либо дел, связанных с практической реализацией Сталиным данной позиции, то об этом всерьез говорить не приходится, учитывая условия ссылки, по существу, герметическую политическую изоляцию за Полярным кругом.

Правда, кое-какие намеки на это содержатся в воспоминаниях той же В.Швейцер. Она описывает свою вместе с С.Спандаряном поездку к Сталину в Курейку и сообщает, что при встрече «за столом завязался разговор.

— Что слышно из России, какие новости? — спрашивал Сталин.

Сурен рассказывал все, что знает о войне, о работе подпольных организаций, о связи с заграницей. Особенно долго шел разговор о войне.

Когда Сурен рассказывал подробности о суде над думской фракцией и о предательстве Каменева, Сталин ответил Сурену:

— Этому человеку нельзя доверять. — Каменев способен предать революцию». ¹¹⁰

Совершенно очевидно, что это “достоверное” свидетельство В.Швейцер было продиктовано политической конъюнктурой, господствовавшей в стране, когда она

¹⁰⁹ Лев Троцкий. Сталин. Т. 1. С. 243.

¹¹⁰ В.Швейцер. Сталин в Туруханской ссылке. 28.

писала свои воспоминания. В Москве проводились тогда показательные процессы, на одном из которых подсудимым был Л. Каменев. Сталину нужно было представить Каменева в качестве потенциального предателя с дореволюционным стажем. Именно этой цели и служил эпизод, о котором рассказывала В. Швейцер.

Из более или менее заметных политических событий Туруханского периода, отмеченных, кстати, в официальной биографической хронике Сталина, стоит упомянуть собрание политических ссыльных — членов Русского бюро ЦК и большевистской фракции четвертой Государственной думы в селе Монастырском, состоявшемся 5 июля 1915 г. На собрании присутствовали члены ЦК Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, С. С. Спандарян, Ф. И. Голощекин, депутаты Думы Бадаев, Муранов, Петровский, Самойлов, Шагов и некоторые другие большевики, находившиеся в ссылке.

Доклад сделал Г. И. Петровский, который рассказал о ходе процесса и о том, что Каменев, который должен был поддержать позиции большевистских депутатов, всячески отмежевывался от большевистской политики в оценке данной войны. Выступившие на собрании члены Русского бюро ЦК резко осудили поведение Л. Каменева. В своем выступлении С. Спандарян назвал речь Каменева «речью либерального адвоката». Так же резко выступили против Каменева депутат Думы М. Муранов и др.

В принятой резолюции «О думской фракции большевиков на суде» одобрялась позиция думской фракции по вопросу о войне. Вместе с тем в ней отмечалось, что думская фракция не использовала полностью трибуну суда для пропаганды большевистской политики; резолюция осуждала поведение на царском суде Каменева. Эта резолюция была разослана другим группам ссыльных и партийным организациям России.¹¹¹

В этом собрании, как отмечалось выше, участвовал и Сталин, а также Каменев (сохранились фотографии, запечатлевшие участников этой встречи.) Роль Сталина в этом совещании фактически не прояснена. Можно предположить, что она была относительно скромной. В пользу такого предположения косвенно свидетельствуют воспоминания Б. Шумяцкого, старого большевика, ставшего в 30-е годы руководителем советской кинематографии, который также был в ссылке в Туруханском крае. Он писал: «Сталин... замкнулся в самом себе. Занимаясь охотой и рыбной ловлей, он жил почти в совершенном одиночестве... Почти не нуждался в общении с людьми и лишь изредка выезжал к своему другу Сурену Спандарьяну в село Монастырское с тем, чтобы через несколько дней вернуться обратно в свою берлогу отшельника. Он скупно бросал свои отдельные замечания по тому или иному вопросу, поскольку ему приходилось бывать на собраниях, устраиваемых ссыльными».¹¹²

Прямо противоположную картину рисует В. Швейцер. По ее словам, «трудно было работать в условиях ссылки, когда за каждым следили по пятам, когда ссыльные были разбросаны по разным местам туруханской пустыни. Центром было село Монастырское. В этом селе сосредоточилось наибольшее количество ссыльных большевиков. Поэтому товарищ Сталин часто приезжал сюда. Иногда он пробирался

¹¹¹ См. М. Москалев. Бюро Центрального Комитета РСДРП в России. М. 1964. С. 249.

¹¹² Цит. по Лев Троцкий. Сталин. Т. 1. С. 239.

нелегально, иногда же придумывал какой-нибудь повод для поездки и, сопровождаемый стражником, приезжал в Монастырское. Нужно было руководить подпольной работой, быть в курсе политических событий, происходящих в стране и во всем мире, советоваться с товарищами».¹¹³

Я привожу эти противоречащие друг другу свидетельства с единственной целью показать, сколь сложно, а порой и фактически невозможно воссоздать действительную картину, если опираться только на воспоминания участников событий тех лет. Они нуждаются в критическом осмыслении, их необходимо как бы взвешивать на весах здравого смысла, отсеивая все, что было навеяно политической конъюнктурой. При этом нельзя забывать и о том, что человеческая память — вещь не всегда надежная, коль речь идет о событиях многолетней давности. Авторы же воспоминаний порой пишут о событиях с такой точностью и достоверностью, как будто они произошли только вчера.

В критической литературе о Сталине чуть ли не в качестве вполне установленного факта фигурирует версия, согласно которой последний занял в отношении Каменева явно примиренческую позицию. Мол, в отличие от других последовательных большевиков он примиренчески отнесся к поведению Каменева на суде, что фактически мало чем отличалось от фактической его поддержки. На такой интерпретации данного эпизода строятся и высказываемые некоторыми биографами Сталина утверждения, что в отношениях между Сталиным и Каменевым сложилось некое подобие беспринципного политического сотрудничества. Этим «сотрудничеством» якобы и объясняется поддержка, оказанная Сталиным Каменеву в критические моменты в период Октябрьской революции (о чем будет идти речь в дальнейшем).

Затрудняясь высказать какое-либо однозначное суждение по данному поводу, хочу лишь констатировать, что надежных и достоверных документов, способных как-то обосновать подобного рода утверждения, нет. Вполне возможно, что Сталин в тот период и оказал своеобразную поддержку Каменеву. Однако это отнюдь не означает, что они стали чем-то вроде близких политических союзников. Сталину вообще не было свойственно устанавливать прочные и длительные политические связи. Своих политических друзей он всегда рассматривал как временных союзников. К тому же, при известном снобизме Каменева, трудно предположить, что Сталин мог мириться с ролью подручного. К этому времени он уже был вполне сформировавшейся личностью, с сильным, волевым характером, лишенным всякого рода сентиментальных черт.

Как известно, рано или поздно, но все имеет свой конец. На исходе 1916 года намечился и перелом в личной судьбе Сталина, связанный с событиями отнюдь не персонального характера. В связи с тем, что власти вынуждены были любыми способами пополнять людские потери на фронтах, правительство приняло решение о призыве административно-ссылных в армию. В их число попал и Сталин. В декабре 1916 года его по этапу направляют в Красноярск, куда он добирается через несколько недель путешествия по таежному краю. Однако в феврале 1917 года призывная комиссия освобождает его от воинской службы в связи с физическим изъясном

¹¹³ В.Швейцер. Сталин в Туруханской ссылке. С. 19.

(повреждение руки). При жизни Сталина, с его явного благословения, распространялась версия, будто данное решение комиссии диктовалось опасениями, что его крайне опасно направлять в армию, поскольку там он развернет кипучую революционную пропаганду и нанесет тем самым существенный вред режиму. Последняя версия представляется явно апологетической и не выдерживает серьезной критики.

Так или иначе, но Сталин был освобожден от армейской лямки. В связи с тем, что до окончания ссылки оставалось всего несколько месяцев, он обратился с прошением к властям разрешить ему отбывать оставшийся срок в месте нынешнего пребывания. Власти дают ему разрешение на отбывание оставшегося срока в небольшом городке Ачинске, неподалеку от Красноярска. По всей видимости, это решение было вызвано, кроме всего прочего, и тем, что физически было не так просто организовать его возвращение в отдаленную Курейку.

Так он оказался в феврале 1917 года в Ачинске. До начала революции, свергнувшей царский трон, оставались считанные дни. В то время в этом городке оказались и другие деятели большевиков, находившиеся в сибирской ссылке, в частности и Л. Каменев. О пребывании Сталина в Ачинске сохранились некоторые свидетельства, в частности, А. Байкалова. Они весьма любопытны, поскольку содержат нечто вроде суммарной характеристики его личности. Приведем наиболее существенные моменты из этой характеристики.

«Ни во внешности Сталина, ни в его разговоре не было ничего поразительного или даже примечательного. Коренастый, среднего роста, со смуглым лицом, покрытым оспинами, свисающими усами, густыми волосами, узким лбом и довольно короткими ногами, он производил впечатление человека ограниченных интеллектуальных способностей. Его маленькие глаза, скрывавшиеся за густыми бровями, были мрачными, лишенными выражения того добродушного юмора, который составлял доминирующую черту его льстивых послереволюционных портретов. Его русский язык был очень убог. Он говорил медлительно, с сильным грузинским акцентом: его речь являла собой разительный контраст с речью Каменева, блестящего оратора и хорошего собеседника. Беседовать с Каменевым было настоящим интеллектуальным удовольствием...

Сталин обычно оставался неразговорчивым и угрюмым, спокойно курящим свою трубку, набитую крепкой махоркой. Я вспоминаю, как табачный дым раздражал Ольгу Давыдовну (жену Каменева, которая была сестрой Троцкого – *Н.К.*). Она ворчала, кашляла, вздыхала, умоляла Сталина прекратить курение, но он не обращал на нее никакого внимания. Редкое участие Сталина в беседе Каменев обычно прерывал краткими, почти презрительными замечаниями... Он считал соображения Сталина недостойными серьезного рассмотрения.

Мое общее впечатление о Сталине было таково, что его интеллектуальный уровень был ниже уровня среднего «партийного работника»... Его образование было весьма недостаточным и основной багаж его идей был почерпнут их дешевых социалистических брошюр. Для меня также было очевидно, что он являл собой тип ограниченного и фанатичного человека.

Убогое образование, недостаточное знание русского языка и неспособность к абстрактному теоретическому мышлению служили для Сталина преградой для того, чтобы стать хорошим литератором, а что касается его ораторских способностей, то их у него вообще не было. Не было у него также никакого личного обаяния, которое

порой придает человеку магнетическую силу. Его внешность была скорее отталкивающей, вообще его отношение к другим людям отличалось грубостью, провокационностью и цинизмом».¹¹⁴

Думается, эта характеристика относится к числу тех предвзятых оценок, которыми изобилует литература о Сталине. В данном случае полемизировать с автором нет резона по вполне понятным причинам. Мое внимание обратили на себя не столько категорические и уничижительные слова о самом Сталине, сколько то, что Каменев прерывал его короткими, почти презрительными замечаниями. Вообще, как отмечали многие, Каменеву были присущи высокомерие и некий снобизм, часто замаскированный, но тем не менее достаточно явный. Очевидно, Сталин, будучи, по общему признанию, человеком весьма мстительным, никогда не забывал о нанесенных ему обидах. В свое время припомнил он и Каменеву, видимо, не только эти, но и другие эпизоды.

Сименем Каменева связано и другое событие, случившееся в первые дни после победы Февральской революции. Речь идет о телеграмме, посланной от имени участников митинга, состоявшегося в Ачинске, в адрес новых российских властей. Содержание телеграммы было таково: «Председателю Совета Министров Львову. Председателю Исполнительного Комитета Государственной Думы Родзянко.

Экстренное собрание, созванное городским общественным управлением в составе представителей всех общественных, воинских частей и граждан города Ачинска постановило признать Исполнительный Комитет Государственной Думы и новый Совет Министров и принять к руководству и исполнению распоряжения нового правительства. Кроме того, постановлено просить передать приветствие г-ну России великому князю Михаилу Александровичу, показавшему пример подчинения воле народа в Учредительном Собрании»¹¹⁵.

Во время апрельской 1917 года конференции партии большевиков, а также в период борьбы с оппозицией в 20-е годы этот эпизод стал предметом ожесточенной внутрипартийной борьбы. Каменеву вменялась в вину фактическая поддержка Михаила Романова. (Как известно, он вынужден был отказаться от престола после отречения Николая II.) Сталин на заседании Исполкома Коминтерна счел возможным упомянуть об этом факте, позорившем репутацию большевика. Причем вся эта история приняла характер чуть ли не базарной перепалки, о чем свидетельствует стенографическая запись: «Сталин. Товарищи, я очень извиняюсь, что отнимаю у вас время из-за пустяка, — пустяка не с точки зрения того эффекта, который тогда телеграмма тов. Каменева на имя Михаила Романова произвела, — а с точки зрения давности.

Я думал, что тов. Каменев будет молчать, — уж лучше бы ему молчать, — но раз он взялся за опровержение факта, — опровергать же факт — это величайшая глупость, — то позвольте факт восстановить.

Первое: дело происходило в сибирском городе Ачинске, в 1917 году, после Февральской революции, где и я был ссыльным, вместе с тов. Каменевым. Был банкет

¹¹⁴ Цит. по E. Smith. The young Stalin. p. 323-324.

¹¹⁵ Пути мировой революции. Стенографический отчет 7-го расширенного пленума ИККИ. М.-Л. 1927. Т. II. С. 356-357.

или митинг, я не помню хорошо, и вот на этом собрании несколько граждан вместе с тов. Каменевым послали телеграмму на имя Михаила Романова (*Каменев с места: "Признайся, что лжешь, признайся, что лжешь!"*). Каменев, молчите! (*Каменев с места: "Признаешь, что лжешь?"*). Каменев, молчите, чтобы не было хуже! (*Председатель по-немецки призывает а порядку тов. Каменева.*) Телеграмма на имя Михаила Романова, как первого гражданина России, посланная несколькими купцами и тов. Каменевым. Я узнал об этом на другой день после этого банкета или собрания от самого тов. Каменева, который зашел ко мне и сказал, что он допустил глупость! (*Каменев с места: "Врешь, никогда тебе ничего подобного не говорил!"*). Каменев, молчите! (*Председатель по-немецки призывает к порядку тов. Каменева.*) Телеграмма была напечатана во всех газетах, кроме наших большевистских газет. Вот факт первый.

Второй факт. В апреле месяце у нас была партийная конференция, причем во время конференции делегаты подняли вопрос о том, что такого человека, как Каменев, из-за этой телеграммы ни в коем случае выбирать в ЦК нельзя. Дважды были устроены закрытые заседания большевиков, — не конференции, а только собрание старых большевиков, — где Ленин отстаивал тов. Каменева и с трудом отстоял, как кандидата в члены ЦК, как человека, которого нужно провести в члены ЦК. Только Ленин мог спасти тогда Каменева. Я также отстаивал тогда Каменева, так как он признается в своей ошибке и жалеет об этом, и, следовательно, не следует его губить.

И третий факт. Совершенно правильно, что "Правда" присоединилась тогда к тому тексту опровержения, который опубликовал тов. Каменев, так как это было единственное средство спасти Каменева и уберечь партию от ударов со стороны врагов. Если теперь тов. Каменев пользуется тем, что партия была вынуждена покрыть его, чтобы спасти его, то это не говорит об искренности тов. Каменева, это говорит не о том, что он уважает партию и правду, а о том, что он способен на то, чтобы солгать и обмануть Коминтерн. (*Аплодисменты.*)

Еще два слова. Так как тов. Каменев здесь пытается уже слабее опровергать то, что является фактом, вы мне, конечно, разрешите собрать подписи участников апрельской конференции, тех, которые настаивали на исключении тов. Каменева из ЦК из-за этой телеграммы и тех, которых потом Ленин убедил. (*Троцкий с места: "Только не хватит подписи Ленина"*). Тов. Троцкий, молчали бы вы. (*Троцкий с места: "Не пугайте, не пугайте!"*). Вы идете против правды, а правды вы должны бояться. (*Троцкий с места: "Это — сталинская правда, это — грубость и нелояльность"*). (*Председатель по-немецки призывает к порядку тов. Троцкого.*) Разрешите мне собрать подписи участников апрельской конференции нашей партии 1917 г. с тем, чтобы они внесли заявление, что действительно это было так: телеграмма была подписана, она была подписана Каменевым, вместе с другими, а Ленин отстаивал и защищал Каменева, ибо жалел тов. Каменева. (*Голос с места: "Правильно, правильно!"*)¹¹⁶

Приведенный мною эпизод достаточно красноречив и говорит сам за себя. Кстати, его можно встретить и в книге Д. Волкогонова о Сталине. Правда, видимо, желая подчеркнуть научную фундированность своей книги и то, что его работа основывается на архивных документах, он в данном случае ссылается в качестве источника на архив ИККИ. Выглядит это по меньшей мере смешно, поскольку было

¹¹⁶ Пути мировой революции. Т. II. С. 342-343.

опубликовано в открытой печати шесть десятков лет назад! Аналогичных примеров можно было бы привести немало. Но уже один этот говорит сам за себя.

Но вернемся к завершению нашей непосредственной темы.

Весть о победе Февральской революции Сталин встретил в Ачинске. Несомненно, что его, как и практически всех большевиков, да и не только их, столь стремительное и невероятно успешное развитие событий в далеком Петрограде ошеломило. Революция, о которой они мечтали и для осуществления которой отдали столько сил, стала свершившимся фактом. Революция явилась одним из переломных этапов в историческом развитии страны. Таковым стала она и в политической, и в личной судьбе Сталина.

Я не стану здесь пускаться в рассуждения об исторической закономерности и неизбежности падения царского режима. Полагаю, что этот факт трудно всерьез оспорить даже самым ярым приверженцам монархизма в России. Под углом зрения исторического процесса все сколько-нибудь значимые события уже обретают исторически закономерный характер. Ведь их нельзя вырвать из самой сути истории, они служат естественными вехами ее развития и проявления. Было бы наивно гадать, что было бы, если бы события развивались в ином историческом русле. История, как известно, не знает сослагательного наклонения. Но она не знает и такого феномена, как обратный ход событий. Всякое происшедшее явление в истории, будь оно даже случайным по форме своего происхождения, в действительности представляет собой проявление исторической закономерности. Подчас это трудно, и даже порой невозможно, осознать участникам происходящего события.

Большевики, в том числе и Сталин, многое сделали для стимулирования темпов революционного процесса. Однако глубоко ошибочным было бы считать, что они подготовили само наступление революции. Это было им не под силу не только по причине их малочисленности, но и просто в силу такого непреложного факта, что партии, как и отдельные личности, не определяют ход исторического процесса, а лишь, познав законы его развития, способны в той или иной мере способствовать его разворачиванию.

Важно при наступлении революционной ситуации найти в себе политическую волю, решимость и — главное — способности оседлать революционную волну и на ее гребне оказаться в числе ведущих революционных сил. Такую способность большевики проявили. Им удалось оказаться в самом русле бурного революционного потока. Этому во многом способствовала их прежняя самоотверженная подпольная и легальная деятельность. Она стала своеобразной школой политического мастерства. Накопленный опыт подпольной работы помог и Сталину довольно быстро осознать историческую уникальность момента, понять, что необходимо в максимально короткий срок оказаться в центре происходящего. Успех всякой революции, равно как и всякого серьезного переворота, в России всегда решался не в провинции, а столицах — Петербурге и Москве. Провинция обычно следовала в фарватере событий, имевшим место в столицах. Но для того, чтобы правильно руководить развитием революционного процесса, было необходимо знать не только ситуацию в столицах, но и быть хорошо знакомым с положением дел в провинции. Сталин как раз и был той фигурой, за плечами которого был опыт работы в этих двух сферах. Это во многом предопределило высокую траекторию его политического роста в период революционных бури и натиска.

СТАЛИН И ЦАРСКАЯ ОХРАНКА

1. Смысл и подлинные мотивы фабрикации мифов о тайных связях Сталина с царской охранкой

Политическая биография Сталина не может считаться полной и объективной, если мы не рассмотрим, хотя бы в сжатом виде, вопрос о его взаимоотношениях с царской охранкой. Это диктуется не только тем обстоятельством, что значительная часть его предреволюционной жизни и политической деятельности прошла, можно сказать, в постоянном контакте с карающей дланью старого режима. Аресты и ссылки, побег и подпольная работа так или иначе ставили его перед необходимостью постоянно учитывать действия своего незримого противника, каковым являлись органы сыска и дознания царской России. Необходимость рассмотреть данный вопрос мотивируется в еще большей степени тем, что на протяжении многих десятилетий вокруг характера отношений Сталина с царской охранкой сложилась определенная система мифов и фальсификаций. Их зарождение и даже в — определенные отрезки времени — расцвет порождены самой логикой политической борьбы, развернувшейся вокруг имени Сталина и его роли в истории.

Если говорить по существу, то вопрос об отношениях Сталина с полицейскими властями стал одним из наиболее изоциренных методов политической дискредитации как самого Сталина, так и его политического курса вообще. Методы здесь применяются не новые, они были многократно апробированы и на других деятелях в истории. Они просты и вместе с тем достаточно эффективны. В широкий оборот вводится политический ярлык, вокруг которого намеренно раздувается пропагандистская шумиха. Затем этот политический ярлык обретает как бы права гражданства и становится своеобразным постулатом, не требующим доказательств. Нельзя сказать, что такие методы не использовались в политической и идеологической борьбе прежде. Они столь же стары, как и сама политическая борьба. Однако в наше время такие методы получили чрезвычайно широкое распространение, превратились в своеобразный эталон политической и моральной дискредитации определенных личностей нашей истории.

Излишне говорить, что подобные приемы не имеют ничего общего с подлинно научным и объективным исследованием деятельности той или иной политической фигуры, особенно такой сложной и противоречивой, каким был Сталин в жизни и каким он остался в исторической памяти. Было бы неправильно с порога и без всяких аргументов отбросить обвинения в его адрес о сотрудничестве с царской охранкой. Интересы выяснения истины требуют привести наиболее существенные обвинения в его адрес, проанализировать их как с точки зрения логической и политической состоятельности, так и с точки зрения исторической достоверности. Просто отметить как несостоятельные все “аргументы”, которые приводятся в подтверждение вымышленной версии, значит оставить без серьезного опровержения широко распространяемые вымыслы. Иными словами, голое и бездоказательное отрицание данной версии по существу играет на руку тем, кто ее выдвигает и защищает. Такой подход мне

представляется неверным, хотя бы по той причине, что он оставляет неосвещенными некоторые деликатные эпизоды из политической биографии Сталина. Фигура умолчания или же возмущенного отрицания утверждений о сотрудничестве Сталина с полицией оставляет почву для новых измышлений на этот счет. Хотя, повторюсь, с самого начала ясно, что мы здесь имеем дело с провокационными фальсификациями, продиктованными четко выраженными политическими мотивами.

Следует обратить внимание на одно весьма примечательное обстоятельство: версия о тайном сотрудничестве Сталина с охранкой в своем, так сказать, наиболее полном и обнаженном виде появилась уже после смерти Сталина. Правда, некоторые глухие намеки на это стали циркулировать в эмигрантских, преимущественно грузинских, меньшевистского толка, изданиях. Однако они носили какой-то невнятный и явно приглушенный характер. Складывалось впечатление, что просто забрасывают удочку и ждут, кто и как на нее клюнет. Всерьез такие намеки и завуалированные обвинения никто из солидных политических деятелей или историков не принимал. Даже такой смертельный враг Сталина, каким был Троцкий, никогда не поднимал этого вопроса и не рассматривал данную версию в качестве имеющей какие-либо шансы на достоверность. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания, поскольку в своих обвинениях в адрес Сталина Троцкий не останавливался буквально ни перед чем, стремясь опорочить своего главного противника, изобразить его в качестве человека, которого судьба не обделила едва ли не всеми пороками, свойственными людям. Что же касается политических оценок, то здесь Троцкий также не знал никакой меры и зачастую, вопреки логике и здравому смыслу, порой противореча самому себе, рисовал такой облик Сталина, что все исторические злодеи буквально меркли перед ним. Однако в богатом арсенале антисталинских эскапад Троцкого никогда не присутствовало подозрение, а тем более обвинение его в сотрудничестве с царской охранкой. И надо сказать, что Троцкий не по наслышке был знаком с царской полицией и методами ее действий, как и с материалами охраны, ставшими известными после Февральской революции.

Более того, не кто иной, как Троцкий в своей книге о Сталине счел необходимым не только фактически отмежеваться от обвинений Сталина в сотрудничестве с охранкой и в доносах на своих товарищей по революционной борьбе, но и решительно возразить тем, кто выдвигал подобные обвинения. В частности, он писал: «Ему начинают приписывать многое, в чем он не повинен. Социалист-революционер Верещак, близко сталкивавшийся с Кобой в тюрьме, рассказал в 1928 году в эмигрантской печати, будто после исключения Иосифа Джугашвили из семинарии директор получил от него донос на всех его бывших товарищей по революционному кружку. Когда Иосифу пришлось давать по этому делу ответ перед тифлисской организацией, он не только признал себя автором доноса, но и вменил себе этот акт в заслугу: вместо того, чтоб превратиться в священников или учителей, исключенные должны будут стать, по его расчету, революционерами. Весь этот эпизод, подхваченный некоторыми легковверными биографами, несет на себе явственное клеймо измышления. Революционная организация может поддерживать свое существование только беспощадной строгостью ко всему, что хоть отдаленно пахнет доносом, провокацией или предательством. Малейшая снисходительность в этой области означает для нее начало гангрены. Если бы даже Сосо оказался способен на такой шаг, в котором на треть Макиа-

вели приходится две трети Иуды, совершенно невозможно допустить, чтобы партия потерпела его после этого в своих рядах».¹

Конечно, на довод о том, что даже Троцкий – самый яркий и бескомпромиссный противник Сталина – считал, что Сталина начинают обвинять в том, в чем он не повинен, могут возразить, что это еще ничего не доказывает. Действительно, это ничего не доказывает, но само по себе о многом говорит. И любой мыслящий читатель не может оставить этот факт вне поля своего внимания.

Правда, американский биограф Сталина Р.Хингли, на которого я уже ссылался прежде, констатируя этот факт, тем не менее утверждает, что даже если бы имелись документальные подтверждения сотрудничества Сталина с охранкой, то ни Троцкий, ни другие противники Сталина якобы не решились бы использовать это оружие в борьбе, чтобы не скомпрометировать саму партию.² Этот аргумент может вызвать лишь саркастическую усмешку, поскольку за ним не стоит реальная логика политической борьбы. В ней обе стороны – Сталин и его оппоненты – использовали всякие методы, такие, например, как организация заговоров, сколачивание тайных организаций и т.п. Трудно поверить, что, если бы соперники Сталина располагали хотя бы малейшими доказательствами на этот счет, то они не преминули бы их использовать в своих целях. Да и сам американский профессор, по существу, ставит под знак вопроса возможность того, что документальные свидетельства о сотрудничестве Сталина с охранкой имелись, поскольку в начальный период Советской власти, когда архивы охранки стали доступны большевикам, Сталин и его приспешники не располагали возможностями скрыть их. Приводя этот довод, американский автор, тем не менее, вопреки своим же высказываниям в целом не отвергает версию о работе Сталина на охранку.

В этой связи, стоит со всей определенностью признать, что хотя все, что написано Троцким о Сталине, и пронизано духом ненависти к нему, высокомерным презрением и откровенной тенденциозностью, но нигде не несет на себе печати фальсификации или подтасовок фактов. Он интерпретирует многие факты совершенно односторонне, пристрастно, порой упрощая всю картину происходившего. Но его нельзя упрекнуть в научной недобросовестности, чем его биография Сталина выгодно отличается от подавляющего большинства современных писаний на эту тему.

Методы современной политической борьбы, в особенности в сфере исторических оценок, поражают даже самых законченных циников. Они служат как бы своеобразной визитной карточкой тех, кто их культивирует. Невольно приходит на ум мысль о том, что недоброй памяти теоретик и блестящий практик концепции чудовищной лжи как эффективного средства достижения поставленных целей Геббельс, покажется легковесным дилетантом, если сопоставить его методы и приемы с методами и приемами современных политических кухонь. С экранов телевизоров, со страниц газет и журналов, по радио и в Интернете распространяются самые невероятные бредни, выдаваемые за правдивую, объективную и достоверную информацию. Это имеет прямое отношение к освещению советской истории, в особенности того периода, когда во главе партии и страны стоял Сталин. И находится, как это ни стран-

¹ Лев Троцкий. Сталин. Т.1. С. 85.

Ronald Hingley. Joseph Stalin: Man and Legend. p. 36-37.

но, много людей, которые верят всему, что они слышат или читают. Как не вспомнить слова одного из мудрецов древнего Китая, который сказал: “Если ты веришь всему, что пишут, то лучше бы ты не умел читать.”

В советские времена часто с гордостью повторяли, что наш народ – самый читающий в мире. С этим можно соглашаться или не соглашаться – дело зависит от того, с каких позиций к этому подходить. Но мне кажется бесспорным, что в нашем народе за многие годы укоренилось не достойное его исторического прошлого и лучших черт национального характера слепое доверие к тому, что ему кто-либо внушает. Если это и был самый читающий народ, то едва ли он был и самым мыслящим. Тем более критически мыслящим. Эту характерную и явно негативную черту национального характера умело, по-иезуитски бесстыдно, используют сейчас в оболванивании людей всякого рода политические проходимцы и прохиндеи от мнимой исторической науки. Они непрерывно фабрикуют всякого рода мифы и откровения, цель которых вполне соответствует знаменитой фразе Гёббельса о том, что чем чудовищнее ложь, тем легче в нее поверят. При этом авторов таких мифов ничуть не смущает то, что их измышления не выдерживают никакой критики и сопоставления с реальными фактами истории и действительности. К примеру, сколько шума было поднято по поводу так называемого “золота партии”. Публиковались многочисленные статьи, издавались многотысячными тиражами столь же бездарные, сколь и лживые книги на эту тему. Но ничего доказать не удалось, если иметь в виду серьезные факты и аргументы. Однако в голове обывателя остался какой-то след, нечто вроде зарубки в подсознании. А именно это и составляет главную, но, конечно, не единственную цель подобного рода мифов и фальсификаций.

Тема о тайном сотрудничестве Сталина с охранкой как раз и является, на мой взгляд, одним из примеров подобного рода фальсификаций. Причем авторы фальсификаций переходят всякие границы. Их версии и домыслы порой напоминают бред сумасшедшего, что, однако, не мешает тому, чтобы они находили выход на страницы газет и журналов. В качестве наглядной иллюстрации можно привести такой пример: “Независимая газета” в 1996 году в очередную годовщину рождения Сталина поместила статью некоего А. Образцова, который с маниакальной настойчивостью “доказывал”, что Сталин был английским агентом. Прочитируем некоторые пассажи этого, с позволения сказать, исследователя биографии Сталина.

“...Первая встреча Сталина с английским и турецким резидентами произошла зимой 1901 года в Батуме.

Батум был центром Аджарии, мусульманской провинции Грузии. Приезд Сталина из Тифлиса в Батум не был случайным: именно в мусульманском Батуме он видел звено, дернув за которое, можно было вызвать лавину народного восстания против русских.

За полгода пребывания в Батуме молодой Сталин успел многое. Он отыскал английского коммерсанта, имел с ним несколько встреч. Затем он встречался с турецким резидентом в Батуме”.³

Автор в качестве доказательства своей версии, вопреки общеизвестным фактам, утверждает, что Сталин всю жизнь ненавидел Россию и боролся против нее и что

³ “Независимая газета”. 21 декабря 1996г.

его связи с английской разведкой объясняются его стремлением с помощью англичан нанести максимально возможный вред России. Автор пишет: "Сталин ненавидел все русское. Он считал русских своими личными врагами. И это было отмечено уже первым английским разведчиком, коммерсантом из Батума. (Кстати, именно здесь причина того, что Булгаков не был допущен туда Сталиным для написания известной пьесы.)"

И уже совсем скорее из области патологической психиатрии, нежели истории, выглядят бредовые фантазии автора о встречах Сталина с Черчиллем. Вот цитата из означенного опуса: "...Первая встреча Сталина и Черчилля произошла в Лондоне в мае 1907 года. Сталин прибыл туда на V съезд РСДРП. Черчилль готовился к своей фантастической карьере — уже в 1910 году он стал министром внутренних дел. А пока он занимался тем, чем занимались все молодые английские политики, — шпионажем, разведкой, интригами. Основной интерес Англии всегда находился где-то на Ближнем Востоке. Тот, кто владел Ближним Востоком, владел миром. Это подтверждается и сегодня. Англичане никогда не пренебрегали знакомствами с туземными лидерами.

В той встрече, в 1907 году, Черчилль и Сталин произвели друг на друга отличное впечатление. Да это и понятно: их отношение к восточному монстру было однозначным... Сталину было предложено перебраться в Баку — бакинская нефть завораживала Англию..." И, наконец, последний пассаж: "...Вторая встреча Сталина и Черчилля в Тегеране в 1943 году была встречей двух старых друзей. Во время встречи один на один Черчилль упрекнул Сталина в том, что тот вместо развала России возродил ее. На что Сталин ответил кратко: «Если бы я так руководил Англией, ее уже не было бы на карте мира...»⁴

Читатель, даже самый несведущий в вопросах истории, несомненно, воспримет подобные изыскания именно так, как они того заслуживают. Я же привел этот пример в качестве наглядной иллюстрации, раскрывающей кухню политических манипуляций вокруг Сталина и его деятельности. Конечно, не все фальсификаторы, подвизающиеся на этой ниве, столь примитивны и низкопробны. Охотно используются и приемы, облекающие всякого рода измышления и бредовые фантазии в форму свободных литературных произведений, будь то повесть, роман и т.п. Здесь, как говорится, заслонов фантазии авторов вроде и не существует, хотя каждому понятно, что художественные произведения, касающиеся исторических личностей, должны обладать хотя бы одним единственным достоинством — они не должны самым грубым и бесцеремонным образом искажать исторические факты. В оценках и различного рода деталях у каждого автора полная свобода выбора, и его за это трудно упрекнуть.

Но другое дело, когда в основу такого "творения" ложатся не реальные исторические факты, а прямые измышления и откровенная ложь. Так, один из активных поборников "демократических преобразований" — писатель А.Адамович (кстати, уже умерший, что оберегает литературу от засорения его "творческими изысканиями") в разгар антисталинской кампании конца 80-х — начала 90-х годов опубликовал то ли роман, то ли повесть под названием "Фигус", которая была напечатана в одном из многотиражных российских журналов. Под кличкой "Фигус" в истории российского революционного движения фигурировал один из провокаторов, который был разоб-

⁴ Там же.

лачен. Адамович же приклеивает эту кличку Сталину и сладострастно живописует все подробности его провокаторской и личной жизни. Как говорится, с автора взятки гладки: он лишь использовал чисто литературные приемы. Может быть, автор перевернулся публикациям, которые в то время мутным потоком хлынули на читателей? Но это не меняет сути дела. Речь идет фактически об одном из распространенных приемов тенденциозной деятельности по фальсификации истории вообще и жизни и деятельности Сталина, в частности. Писатели и публицисты “демократического” пошиба очень уж охотно прибегают к таким методам и приемам, не гнушаясь ничем. Причем надо заметить, что такие приемы являются отнюдь не исключением, а скорее повседневной практикой нашей действительности.

С точки зрения широкой исторической перспективы вопрос касается не только, а может быть, и не столько оценки личности самого Сталина, сколько того, чтобы вдолбить в сознание населения довольно простую мысль: социализм как общественный строй и коммунисты как носители этой идеи всегда были, есть и будут порочны в самой своей сущности. Их вожди были не только жестоки, коварны и лицемерны, но и не останавливались даже перед прямым предательством своего собственного дела, поступая на службу царской охранки. Вождь большевиков Ленин был агентом германского Генерального штаба, Сталин – агентом царской охранки. Утвердившая свою власть путем осуществления тщательно разработанной программы буржуазной контрреволюции новая российская элита (да и не только российская) всячески поносит Октябрьскую революцию, как, впрочем, и всякую революцию вообще (кроме, разумеется, “вполне законной” буржуазной контрреволюции). Она проводит широкомасштабную непрерывную пропагандистскую кампанию по одурачиванию широких слоев населения. И, пожалуй, центральным тезисом этой кампании служит тезис о том, что Советская власть была чужеродна для России, что она повинна во всем и вся. Деятели же большевистской партии, и прежде всего ее лидеры в лице Ленина и Сталина, заслуживают того, чтобы история расценивала их чуть ли не как уголовников от политики. Ни больше, ни меньше! Мол, ни о каком позитивном вкладе этих фигур исторического масштаба в исторические судьбы страны не может быть и речи, они не только не принесли своей деятельностью пользы ей, но, напротив, обрушили на нее неисчислимы бедствия и страдания. Короче говоря, раздувание вопроса о причастности Сталина к провокаторской деятельности – одно из звеньев в цепочке мощной кампании по дискредитации идей социализма. Кому-то может такой вывод

По материалам департамента полиции, по отчетам Бакинского охранного отделения установлено, что под этой кличкой работал Ериков Николай Степанович, крестьянин Тифлисской губернии, рабочий, проживавший нелегально по паспорту Бакрадзе Давида Виссарионовича. Он состоял секретным сотрудником Бакинского охранного отделения с апреля 1909 г. по 1917 г., давал сведения по РСДРП. Получал вознаграждение от 35 до 50 руб. ежемесячно. Он состоял в партии с 1897 г. В 1906 г. был членом комитета одной из городских организаций. В 1909 г. вошел в состав Балаханского комитета.

В 1910–1913 гг. он освещал работу Бакинского, Балаханского, Сураханского комитетов социал-демократов. Он сообщил о приезде в Баку руководителя Тифлисской организации Ноя Жордания, а также отдельных известных ему лиц (в том числе и Джугашвили), принимавших участие в работе социал-демократических организаций (См. Б.И. Кантелов, З.И. Перегудова. Был ли Сталин агентом охранки? “Вопросы истории КПСС” 1989. № 4. С.98.)

показаться слишком примитивным и упрощенным. Однако лишь на первый взгляд он выглядит упрощенным. Как показала новейшая история нашей страны, в особенности, последнего десятилетия, материальные интересы нового господствующего класса – вот та движущая сила, которая определяет в конечном итоге его позиции по любому сколько-нибудь важному вопросу. Это прямо и непосредственно относится и к вопросам оценки новейшей истории нашей страны. Это в такой же степени относится и к оценкам государственных и политических деятелей, в том числе и к Сталину.

Правда, необходимо сделать одну оговорку. В исторической литературе в нашей стране и за рубежом тема о причастности Сталина к работе на департамент полиции поднималась отнюдь не в последнее десятилетие, а гораздо раньше. С позиций здравого смысла нет ничего предосудительного, а тем более недопустимого в изучении данной проблемы. Разумеется, если речь идет о серьезном, основанном на фактах и документах, исследовании в интересах установления подлинной исторической правды. К сожалению, по большей части приходится сталкиваться не с объективным рассмотрением указанной темы, а с попытками обосновать версии с заранее заданными результатами. Факты и документы интерпретируются произвольно, вне всякой связи с историческим контекстом, в качестве неопровержимых доказательств приводятся какие-то устные свидетельства из третьих рук. Причем, как правило, исходят они от лиц, пострадавших в так называемый период культа личности, или их родственников. Сами по себе такие свидетельства едва ли можно считать надежным историческим документом, не говоря уже о том, что целый букет таких свидетельств попросту оказался плодом или вымысла, или аберрации памяти.

2. Домыслы и слухи вместо фактов

Ж.С.Мин

В предыдущих главах я в той или иной степени уже затрагивал вопрос о мнимом сотрудничестве Сталина с царской охранкой. Здесь же более обстоятельно рассмотрим основные аргументы тех, кто доказывает достоверность данной версии. Видимо, имеет смысл хотя бы кратко коснуться и вопроса о характере и масштабах той работы, которая проводила охранка для вербовки провокаторов из среды участников революционного движения. Это поможет более предметно понять саму рассматриваемую проблему.

Совершенно бесспорным представляется то, что полиция, конечно, пыталась завербовать Сталина в качестве своего агента с тем, чтобы он работал на нее, способствуя выявлению подпольщиков, информируя о деятельности партийных организаций, словом выполнял функции провокатора. Такое предположение логично и объясняется просто: по существу каждого, кто попадал в лапы охранки, она непременно пыталась завербовать, поставить себе на службу. Сталин едва ли мог быть в этом отношении исключением. Каких-либо вполне достоверных исторических документов на этот счет в нашем распоряжении нет. Можно сослаться лишь на косвенное свидетельство. Речь идет о записях старой большевички И.Г.Морозовой – активной участнице революционного движения в Закавказье, которая с подпольных времен была лично знакома со Сталиным. После революции она принимала участие в работе специальной комиссии, в обязанности которой входило выявление лиц, сотрудничавших с охранкой. «Как проходит вербовка, она интересовалась у многих. Однажды спросила у Кобы, пробовала ли полиция поймать его в свои сети, и вызвала усмешку:

— Пробует-то она поймать каждого, но не всегда ей это удается. Если ты тверд, то никакая охранка тебе не страшна.”⁵ Так что Сталин не был в этом отношении каким-то счастливым исключением. “И легендарного революционера Камо пытались вербовать во время первого ареста. Тот прикинулся дурачком — отвечал глупо, не к месту смеялся, и жандармский офицер сразу же вернул его в камеру, назвав тупицей. Камо спросил:

«Кого вы имеете в виду?» — «Тебя, дурак!» — ответил офицер. «Я думал, кого-то другого», — наивно пояснил Камо. А в кабинете они были вдвоем”.⁶

Вербовка тайных осведомителей среди участников революционного движения была повседневной практикой царской охранки. К этой работе в полиции относились с исключительным вниманием, придавая ей первостепенное значение. Еще С. Зубатов (в конце XIX — начале XX века он был начальником московского отделения охранки, а затем начальником особого отдела департамента полиции) учил своих коллег по сыску: «Вы, господа, должны смотреть на тайного сотрудника, как на любимую женщину, с которой вы находитесь в нелегальной связи. Берегите ее, как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг, и вы ее опозорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут вас: доверятся вам и будут работать с вами честно и самоотверженно... Никогда никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только по псевдониму».⁷

Надо отдать должное царской полиции в том, что касается организации вербовки секретных агентов для работы в ее интересах. Здесь она действовала довольно эффективно на протяжении многих лет. И это было не случайно, поскольку департамент полиции был укомплектован достаточно квалифицированными кадрами, имевшими хорошую профессиональную подготовку. Так, С.Белецкий, стоявший в 1911 — 1914 гг. во главе департамента полиции, свидетельствовал после Февральской революции: “В мою пору департамент полиции плохо или хорошо — это другой вопрос, — но эволюционировался; 9/10 служащих были люди с высшим образованием и в большинстве с практическим судебным стажем. Все, что было нового в подпольной прессе и на русском и заграничном книжном рынке из области социальных вопросов, все выписывалось, переводилось, читалось, посылалось в форме ежемесячников розыскным офицерам; всякие сведения, даже личного свойства, касающиеся того или другого политического видного противника, мною принимались во внимание при обсуждении плана борьбы и т. п. Изучая с одинаковым вниманием как большевистское, так и меньшевистское течение того времени, я большевиков в ту пору, взятых в отдельности или, лучше сказать, в своей обособленности, не так опасался, чтобы предполагать в лице их одних наличность достаточных в то время сил и средств для нанесения серьезного удара правительственному строю. Для меня более серьезную опасность в ту пору представляли меньшевики...”⁸

С помощью своей агентуры в различных оппозиционных режиму партиях полицейские власти имели вполне адекватное истине представление об основных на-

⁵ Виктор Джанибеян. Провокаторы. Воспоминания, мысли и выводы. М. 2000. С. 44.

⁶ Там же. С.45.

⁷ Там же.

⁸ Дело провокатора Малиновского. М. 1992. С. 108.

правлениях их деятельности, численном составе, руководящих деятелях, конкретной работе отдельных организаций и т.д. В недрах полицейских органов, борющихся с революционным движением, тщательно изучались программные установки партий, скрупулезно фиксировались внутривнутрипартийные споры и разногласия, и в соответствии с интересами охраны выстраивались основные направления и методы борьбы против этих партий. Можно сказать, что в целом делалось это на высоком профессиональном уровне, хотя, конечно, случались и серьезные “проколы”, допускались по стародавней российской бюрократической традиции всякого рода приписки, преувеличения и т.п. При вербовке секретных сотрудников из революционной среды основная ставка делалась на подкуп. Не менее значительную роль играла и практика запугивания и устрашения взятых под подозрение участников движения. Большую роль играла также ставка на дискредитацию того или иного кандидата в глазах его товарищей по партии, что помогало полиции в отдельных случаях сломить волю к сопротивлению намеченного к сотрудничеству кандидата. Словом, набор средств и методов был весьма обширным и постоянно совершенствовался.

В итоге по существу все-более менее радикальные революционные партии и движения в той или иной степени оказались под колпаком полиции. Об этом дает наглядное представление публикация документов Московского охранного отделения по партии большевиков за период с 1903 по 1916 год, впервые изданных еще в 1918 году. Знакомство с этими документами оставляет впечатление того, что буквально каждый сколько-нибудь серьезный шаг партии становился известным полиции и она могла предпринимать свои контрмеры.

Партии революционного толка, конечно, знали, что полиция засылает в их ряды и вербует провокаторов самого различного пошиба. Однако они не знали и не могли знать подлинных масштабов проникновения провокаторства в их среду. По неполным подсчетам, в различных политических партиях и организациях имелось около 6,5 тысячи провокаторов и других работников политического сыска самодержавия.⁹ Согласно последним подсчетам исследователей данной проблемы, только в разных охранных отделениях и губернских жандармских управлениях работало в общей сложности около 2070 секретных сотрудников, дававших сведения о РСДРП, Социал-демократии Латышского края и Социал-демократии Королевства Польского и Литвы.¹⁰

Приведенные выше цифры говорят сами за себя, хотя их точность, может быть, и не столь уж бесспорна. Однако каковы бы ни были погрешности в полной достоверности указанных цифр, картина поистине массового распространения провокаторства в последние полтора десятка лет существования царского режима вполне отвечала реалиям времени. Истории дореволюционной России печально известны громкие дела, связанные с разоблачением провокаторов. Надо отметить, что ввиду массового распространения этого мерзкого феномена деятельность некоторых революционных организаций зачастую находилась на грани паралича. Большевики и их руководители, в частности В.И. Ленин, сознавали опасности для партии, связанные с провокаторской работой полиции. Они, разумеется, принимали меры проти-

⁹ **Большевики.** Документы по истории большевизма ... С.7.

¹⁰ См. *Пережудова Э. И.* Источник изучения социал-демократического движения в России (Материалы фонда департамента полиции) “Вопросы истории КПСС” 1988г. № 9. С. 96.

водействия подрывной активности охраны. В. И. Ленин рассматривал борьбу с провокацией как важнейшую составную часть нелегальной партийной работы. По его мнению, лучшее средство борьбы против подрывной агентуры царизма – «довести революционную организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства»¹¹. Главное – создать такую организацию, которая будет способна преследовать и обезвреживать шпионов. «Перебить шпионов нельзя, а создать организацию, выслеживающую их и воспитывающую рабочую массу, – можно и должно»¹².

И хотя охране удалось нанести ощутимые удары по партии большевиков благодаря «услугам» провокаторов, она в целом все же смогла выстоять и сохранить себя как влиятельная политическая сила именно благодаря тому, что опиралась на широкое массовое движение, последовательно и настойчиво укрепляла партийную дисциплину, умело сочетала методы нелегальной и легальной работы, совершенствовала свою конспиративную технику. Можно сказать, что она сумела выдержать противоборство с царской полицией, и в этом плане выгодно отличалась от некоторых других российских партий, которые были парализованы провокаторской работой охраны (прежде всего имеется в виду партия социалистов-революционеров).

После Февральской революции при Временном правительстве была проведена большая работа по выявлению провокаторов. Вот что пишут об этом компетентные специалисты по данной проблематике: «1917 г. в Петербурге, Москве, на местах были созданы комиссии, которые занимались вопросами секретной агентуры и ее выявлением. Назовем основные из них: Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих должностных лиц; Комиссия по заведованию архивом заграничной агентуры в Париже; Комиссия по обеспечению нового строя; Комиссия по разбору дел бывшего департамента полиции, а также созданная на базе последней в июне 1917 г. Особая комиссия по обследованию деятельности бывшего департамента полиции и подведомственных ему учреждений. Результатами работы комиссий были выявление документов по секретной агентуре, публикация именных списков, принятие тех или иных мер против бывших агентов (арест, подписка о невыезде, временное запрещение участвовать в общественной и политической жизни).

Наиболее значительная работа была проведена Комиссией по обеспечению нового строя и Особой комиссией по обследованию деятельности бывшего департамента полиции. Ими был собран и систематизирован большой материал, проведены допросы подозреваемых лиц, опубликованы списки секретных сотрудников.

После Октябрьской революции разработка материалов по выявлению секретных сотрудников велась в созданной в апреле 1918 г. Особой комиссии при историко-революционном архиве в Петрограде, которая продолжала исследование документов департамента полиции, охранных отделений, жандармских управлений. В 1919 г. эта комиссия была упразднена, но работа продолжалась самим архивом (Историко-революционный архив Петрограда), а затем, с переездом его в Москву – Архивом революции и внешней политики.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 194.

¹² Там же. Т. 7. С. 17.

В ЦГИАМе* эта работа активно проводилась вплоть до 1941 г. Архив стал центральным учреждением, куда стекались сведения из государственных архивов страны. На основании этих данных составлялась единая картотека на всех выявленных по стране секретных сотрудников, которая достаточно полно отражала состав агентуры, работавшей в различных партийных организациях в России и за границей».¹³

Я привел эту обширную выдержку, чтобы подчеркнуть одно весьма важное обстоятельство: после падения царизма как Временное правительство, так и Советская власть, провели большую и весьма результативную работу по выявлению и наказанию бывших провокаторов. Архивы охранки, как на местах, так и в провинции, сохранились и подверглись тщательному изучению. Вызывают серьезные сомнения утверждения некоторых публицистов, что уже в то время проводилась соответствующая "санация" архивов с целью изъятия документов, могущих скомпрометировать тех или иных политических деятелей. Тогда это едва ли было возможно, чего, конечно, нельзя сказать о более поздних периодах. К тому же, например, архивы охранки в Закавказье почти на протяжении трех лет находились в распоряжении тогдашних властей (в Грузии, например, меньшевиков), которые, несомненно, предали бы гласности имена провокаторов из числа своих политических противников-большевиков, особенно если последние занимали руководящие посты в Москве. Но таких эпизодов никто не зафиксировал, потому что их просто не было.

Некоторые из документов царской охранки оказались в США, где хранятся в специальном фонде в Гуверовском институте при Стэнфордском университете. В своем подавляющем большинстве они уже введены в научный оборот, в частности, многократно цитировавшимся в предыдущих главах автором тенденциозной биографии молодого Сталина Э.Смитом. Объективная оценка использованных документов не дает основание расценивать их как нечто новое, а тем более сенсационное в сравнении с уже находившимися в научном обороте источниками. Кроме того, некоторые весьма солидные западные советологи довольно резко высказались в отношении книги Смита, указывая на то, что она не отвечает необходимым критериям научной объективности, гипотезы выдает за факты и т.п.

Эти краткие замечания в связи с тем, как обстоят дела с документальной базой обвинений в адрес Сталина о его сотрудничестве с охранкой, конечно, необходимы, хотя и не рисуют картины в целом. Проблема документальной базы выдвигаемых обвинений, а вернее сказать, ее фактического отсутствия, заслуживает специального исследования, в котором необходимо тщательно и скрупулезно проанализировать буквально все версии и аргументы, выдвигаемые обличителями Сталина. Здесь же я ограничусь рассмотрением проблемы в самом обобщенном виде, невольно сужая круг затрагиваемых эпизодов и лишь обозначая некоторые аспекты темы, не вдаваясь в их детальный анализ. Итак, перейдем непосредственно к существу аргументации тех, кто в той или иной форме и в той или иной степени защищает версию о причастности Сталина к работе на царскую охранку.

Начнем с версии, которая приписывает самому Сталину прямое или косвенное признание в том, что он якобы в какой-то форме сотрудничал с охранкой. Здесь серь-

* Центральный государственный исторический архив СССР в Москве

¹³ Б.И.Каптелов, З.И.Пережудова. Был ли Сталин агентом охранки?. "Вопросы истории КПСС". 1989г. № 4. С.91.

езных, заслуживающих доверия фактов практически нет. Их заменяют так называемые свидетельства современников или же сомнительного свойства домыслы и гипотезы. Так, в своих мемуарах Н.Хрущев, рассказывая о репрессиях 30-х годов, вспоминает такой эпизод: во время одной из бесед Сталин спросил его: «Что, арестовали ваших помощников?». Отвечая: «Да, хорошие были, честные ребята» «Да? А вот они дают показания, сознались, что они враги народа. Они и на вас показывают, что фамилию вы носите не свою. Вы вовсе не Хрущев, а такой-то. Это все чекисты стали делать, туда тоже затесались враги народа и подбрасывают нам материал, вроде бы кто-то дал им показания. И на меня есть показания, что тоже имею какое-то темное пятно в своей революционной биографии». Поясню, о чем шла речь. Тогда, хоть и глухо, но бродили все же слухи, что Сталин сотрудничал в старое время с царской охранкой и что его побеги из тюрем (а он предпринял несколько побегов) были подстроены сверху, потому что невозможно было сделать столько удачных побегов Сталин не уточнил, на что намекали, когда разговаривал со мной, но я полагаю, что эти слухи до него как-то доходили. Он мне о них не сказал, а просто заявил, что чекисты сами подбрасывают фальшивые материалы».¹⁴

Что можно сказать по поводу этого свидетельства? Ставить под сомнение сам факт того, что такой разговор мог иметь место, нет оснований. Вполне возможно, что Сталин действительно говорил Хрущеву, а, может быть, и другим своим соратникам об этом. Однако всерьез принимать такого рода «жалобы» вождя в отношении органов безопасности, мне думается, нет никаких оснований. Подобные высказывания, если они вообще были в действительности, вполне укладываются в русло довольно своеобразного, граничащего с откровенным лицемерием, поведения Сталина в некоторых ситуациях. В ряд подобных эпизодов вписывается и такой (кстати, он всячески мусолился в советской печати хрущевского периода в связи с разоблачениями репрессий 30-х годов.) Речь идет о том, что якобы жена Орджоникидзе рассказывала одному из сотрудников своего мужа некоему С. Гинзбургу следующее: работники НКВД произвели на квартире Орджоникидзе обыск. Когда последний пришел домой и узнал об этом, он сразу же позвонил Сталину и начал выражать со свойственным ему пылом свое негодование, но тот якобы спокойно ему заметил: «Серго, что ты волнуешься? Этот орган может в любой момент произвести обыск и у меня».¹⁵

Как бы в скобках следует оттенить такую черту Сталина, отложившую самую прямую печать на весь период, в особенности последние годы, его правления, как недоверие и подозрительность. Причем это подтверждается большим массивом фактов и свидетельств. Но я счел уместным сослаться на один — не вызывающий абсолютно никаких сомнений. Речь идет о книге А.Барбюса, о которой уже шла речь выше. В заключительной главе А.Барбюс как бы обобщает целостную характеристику Сталина как вождя и государственного деятеля. И это обобщение, если его экстраполировать в прошлое, многое говорит о Сталине и как о человеке, и как о политике: «Он крайне осмотрителен и доверие свое дарит нелегко. Один из его ближайших сотрудников не доверял другому. «Здоровое недоверие — это хорошая основа для совместной рабо-

¹⁴ Н.С.Хрущев. Воспоминания. Т. 1. С. 184.

¹⁵ О.В.Хлевнюк. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М.1993. С. 116.

ты», – сказал ему Сталин. Он осторожен, как лев”.¹⁶ Как можно судить на основе приведенного выше факта, сам Сталин считал не только возможным, но и свидетельствующим в его пользу, подчеркивание такой его черты, как недоверие (в данном случае суть дела не изменяется, если это недоверие даже смягчить эпитетом “здоровое”). В конечном счете недоверие остается недоверием, а оно легко и незаметно трансформируется в свое логическое продолжение – подозрительность.

Но обратимся снова к непосредственному предмету рассмотрения. Вероятность того, что органы ОГПУ, а затем НКВД и МГБ могли вести некое подобие “разработки” Сталина, будь то его гипотетическая причастность к работе царской охранки, или же еще какие-либо иные эпизоды его деятельности, представляется мне в высшей степени маловероятной. Так могут думать лишь те, кто строит свои версии в отрыве от действительности тех дней, вне реального исторического контекста. Достоверно известно – и это подтверждается многочисленными документальными фактами – что после смерти Дзержинского в 1926 году Сталин установил свой личный контроль над органами государственной безопасности. Это, конечно, не означает, что до того времени он не оказывал на эти органы серьезного влияния. Но все-таки, каким бы ни было вначале его деятельности в качестве Генерального секретаря это влияние, оно в своей основе было ограниченным, не безраздельным и, конечно, не полным. Лишь позднее, на исходе 20-х – начале 30-х годов, органы безопасности стали в значительной степени орудием и главным инструментом утверждения его личной власти. И допустить, что эти органы могли вести деятельность, направленную против своего патрона, особенно по таким деликатным моментам, как сотрудничество с царской охранкой, более чем невероятно. И уж совсем нелепо воспринимается даже намек на то, что эти органы могут в любой момент произвести обыск у самого Сталина. Сам вождь явно лицемерил, ибо прекрасно знал, что подобные вещи относились к разряду бредовых фантазий. Видимо, он хотел продемонстрировать, что в партии все равны и одинаково ответственны перед ней, независимо от занимаемого поста. Едва ли стоит подобные высказывания воспринимать серьезно.

В несколько ином ракурсе, но в том же самом генеральном русле лежит и версия, согласно которой Сталин работал на охранку, но проник туда якобы по заданию партии. Ф. Волков, автор одной из весьма заурядных, но довольно претенциозных книг о Сталине, с особым рвением доказывает, что Сталин был агентом охранки. В частности, приводится такое, с позволения сказать, доказательство: «В одной из многочисленных бесед, происходивших между В.М. Молотовым, уже находившимся на пенсии, и писателем И. Ф. Стаднюком, он прямо спросил Молотова:

– Верны ли слухи, что Сталин был агентом царской охранки?

– Да, – ответил Молотов, – он был внедрен в царскую охранку по заданию большевистской партии.

Вряд ли, – пишет далее Ф. Волков, – можно принять версию о том, что Сталин не добровольно сотрудничал с царской охранкой, а был заслан туда по заданию партии. Если бы это было так, то работа Сталина в царской охранке по заданию партии не скрывалась бы так тщательно и о ней бы писали его биографы – академики Г. Александров, П. Поспелов, М. Митин и другие авторы».¹⁷

¹⁶ *Афри Барбюс*. Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир. С. 353.

¹⁷ *Ф. Д. Волков*. Взлет и падение Сталина. М. 1992. С. 20.

О степени доказательности подобных версий говорит хотя бы такой факт: в качестве документального подтверждения Волков дает такую “документальную” ссылку – “Из беседы с И. Ф. Стаднюком 15 апреля 1989 года” Нисколько не утрируя, могу сказать, что на такой “документальной базе” вообще можно доказать все, что взбредет в голову. Удивляет лишь то, что такие “аргументы” фигурируют в качестве доказательства. Впрочем, я невольно оговорился: в свете того, что я писал в самом начале данной главы, такие аргументы как раз не должны удивлять, поскольку они являются едва ли не главной доказательной базой выдвигаемых некоторыми авторами версий.

Тот же Волков в качестве доказательства службы Сталина в полиции ссылается и на такой “факт”, обнародованный в журнале «Вопросы истории КПСС» в № 4 за 1989 год: «... Ветеран партии Б. И. Иванов дал такие показания журналисту Александру Лазебникову о пребывании Сталина в Курейке: “Действительно, я был в ссылке, жил в Курейке с Джугашвили. Все время, пока он находился там, в нашей маленькой колонии большевиков постоянно случались провалы. Мы решили поговорить начистоту, так скачать по «гамбургскому счету» (На суде чести – Ф. В.). Назначили день собрания большевиков Курейки, но Джугашвили на него не явился. Назавтра мы узнали, что он исчез из Курейки – ушел в побег, а до первого поселения пятьсот верст. Такой побег можно было совершить только с помощью властей” По свидетельству Г. И. Петровского, Сталин обязался и далее активно сотрудничать с царской охранкой».¹⁸

О каких провалах среди большевиков в Курейке могла идти речь, если их там было всего несколько человек? В чем выражались эти вымышленные провалы? Что они повлекли за собой? Кто от этого действительно пострадал? Да и что они вообще могли предпринять с точки зрения революционной деятельности, будучи оторванными от всего мира, находясь, как говорится, у черта на куличках? Из писем Свердлова известно, что в Курейке проживало 38 мужчин и 29 женщин и все поголовно были неграмотными. О какой-либо революционной работе там и тем более о провалах говорить смешно. Все это – не более чем какой-то пролусумасшедший бред или измышления, рассчитанные на легионеров людей. Я уже не говорю о том, что все общеизвестные и общепризнанные факты однозначно свидетельствуют о том, что Сталин никогда не совершал побега из Курейки, тем более с помощью полиции. Кстати, там всего был один полицейский, наблюдавший за ссыльно-поселенцами, к которым и относился Сталин. Так что читатель сам может по достоинству оценить лживость такого рода “показаний” (обратите внимание на терминологию – как будто речь идет о свидетельских показаниях, данных в суде!). Характерно и другое: практически чуть ли не вся “доказательная база” как у Волкова, так и у многих других авторов, строится на свидетельствах отдельных репрессированных или умерших лиц. Разумеется, такие свидетельства никак нельзя проверить, сопоставить с другими, т.е. провести необходимую экспертную проверку их достоверности. Но они преподносятся в качестве чуть ли не аксиом, которые надо принимать на веру.

Думаю, что стоит привести еще один образец грубо сработанных фальсификаций, призванных доказать версию, что Сталин якобы сам признавался в том, что был связан с царской охранкой. (Хотя и приводимый ниже материал довольно обширный,

¹⁸ Ф. Д. Волков. Валет и падение Сталина. С. 34.

но, видимо, в интересах истины стоит процитировать его наиболее существенную часть, с тем, чтобы последующий комментарий был понятен читателю):

«В декабрьском 1955 года номере эмигрантского издания “Освобождение”, выходящего без особой периодичности, на второй странице была опубликована обширная статья Д. Сагирашвили “К третьей годовщине смерти Сталина”, где, в частности, говорилось:

«Для характеристики личности Сталина [...] достаточно привести беседу его с одной группой грузинских комсомольцев в Тбилиси, приведенной в фельетоне Агниашвили в грузинской газете «Коммунист» от 20 апреля 1940 г. Сталин вел беседу со своими слушателями на тему «Каким должен быть истинный революционер?», и, рассказав о своей жизни, между прочим, сообщил в назидание им следующее: “В 1907 году царское самодержавие арестовало меня и, продержав шесть месяцев в тюрьме, выслало в Сибирь. Вот приехал я в назначенное место, обосновался, ознакомился с местностью, хожу туда-сюда, переписываюсь с Лениным, но потом надоело сидеть без живой работы и я решил нелегально выехать отсюда. Что же мне делать? — спрашиваю себя. Немного подумав, захожу я в местное Охранное отделение и предлагаю себя их агентом-сотрудником. Предлагаю свои услуги по розыску и аресту революционных организаций. Конечно, Охранное отделение принимает меня охотно. Я прошу у них удостоверение о том, что я состою их сотрудником. Они выполняют мою просьбу. Получив удостоверение, я на другой же день сажусь в поезд и направляюсь в Москву. Вдруг в вагоне поезда я заметил какого-то подозрительного субъекта, который исподлобья осматривает меня. Я не смущаюсь. Ах ты, “Виришвило” (грузинское ругательное слово — в дословном переводе — “сын осла”, которым любил выражаться диктатор). Думаю, ты хочешь провести меня. Я тебе покажу. Не долго думая, схожу на ближайшей станции, захожу в жандармское отделение, предъявляю свое удостоверение, выданное охранным отделением, и указываю на того субъекта, чтобы его задержали и установили его личность, как так, говорю, я подозреваю в нем бежавшего из ссылки революционера. Они, конечно, верят. У меня ведь документ в руках. Жандармы немедленно посылают за этим человеком и арестовывают его. Но пока выясняют его личность, я оставляю их всех, сажусь в тот же поезд и улечуиваюсь. Вот каким должен быть истинный революционер” Так закончил Сталин свое нравоученье молодым слушателям».¹⁹

Редактор-составитель сборника Ю. Фельштинский, приводя указанную версию, пишет о том, что найти в указанной газете цитированный выше материал не удалось. Но он пишет, что могла быть допущена ошибка в ссылке на дату упомянутой публикации. Словом, как явствует из смысла его рассуждений, сама версия заслуживает внимания и не ставится под сомнение, хотя нет никаких документальных подтверждений ее.

По всем параметрам эта версия не выдерживает никакой критики. И вот почему.

Публикаторы ее утверждают, что Сталин вел такую беседу с молодыми грузинскими коммунистами в 1920 году в Тифлисе. Но в 1920 году он не был и не мог быть

19 Был ли Сталин агентом охранки?

Сборник статей, материалов и документов. М.

¹⁹ Был ли Сталин агентом охранки? Сборник статей, материалов и документов. М. 1999. С. 6-7.

там. В Грузию он приехал лишь в 1921 году, и этот факт подтверждается всеми доступными и достоверными источниками. Это – первая неувязка. Сама же мнимая беседа излагается так, как будто она записана профессиональной стенографисткой. Между тем даже многие важные заседания и совещания в то время не стенографировались просто в силу нехватки стенографисток. Но для будущих биографов Сталина, видимо, специально сделали исключение и пригласили для записи беседы стенографистку.

Но и это не все. Сталин, видимо, должен был знать свою собственную биографию, поэтому абсурдно звучит его мнимое заявление, что в 1907 году “царское самодержавие арестовало меня и, продержав шесть месяцев в тюрьме, выслало в Сибирь.” Хорошо известно, что в 1907 году он не подвергался арестам и высылке в Сибирь. Едва ли он перепутал все на свете, в том числе и такие важные в его жизни события.

Более чем сомнение вызывает и то обстоятельство, что Коба так легко получил у охранки удостоверение, что он состоит ее сотрудником. Как мы помним, вербовка агентов и учет их дел были поставлены на строго конспиративную основу (Зубатов даже рекомендовал не называть настоящих имен агентов начальству). Предположить, что охранка могла так просто выдать Кобе удостоверение о его принадлежности к самой этой службе – значит поверить мифу. А таких мифов много, они встречаются на каждом шагу, когда речь заходит о биографии Сталина.

И дело здесь не только в Сталине, но прежде всего в авторах подобных фальсификаций. Они фабрикуют свои версии, даже не потрудившись внимательно изучить хронологию его жизни и деятельности. И все это закономерно, поскольку мы имеем дело с политическим жульем, приемы и уловки которого всегда и везде одинаковы по своей сути, хотя и разнятся по способам и манере исполнения. В данном случае налицо грубо сфабрикованная стряпня, доказать несостоятельность которой достаточно просто.

Я уже не говорю о существовании так называемого откровения Сталина перед молодыми грузинскими коммунистами и комсомольцами. Оно скорее напоминает своим содержанием и стилем манеры Хлестакова, чем Сталина. Надо заметить: при всех присущих ему недостатках и пороках, его никто не упрекал в хлестаковщине. Но авторы подобных мифов и выдумок, видимо, не обладают чувством меры и сами себя ставят под удар.

В наборе аргументов, якобы доказывающих непреложность версии о сотрудничестве Сталина с полицией, одно из центральных мест занимает тот факт, что ему удавалось довольно легко совершить шесть побегов из ссылки. Действительно, это обстоятельство требует убедительных обоснований. Приведем наиболее существенные из них.

Во-первых, как уже отмечалось выше, Сталин никогда не предстал перед судом, ему всегда выносились приговоры, по существу, как бы сейчас сказали, в административном порядке в соответствии с действовавшими тогда процессуальными нормами. Соответственно, и меры наказания не отличались особой суровостью. Его не приговаривали к тюремному заключению, а тем более к каторге. Ссылки и водворение под надзор полиции – отнюдь не самые суровые виды наказания за революционную деятельность. Соответственно, и меры надзора не отличались особой суровостью. Их нельзя, разумеется, сопоставлять с тюремным заключением. Кстати, Сталина никогда не удавалось совершить побега из тюрем, в которых он провел немало

времени. Авторы обвинений в адрес Сталина почему-то в упор не замечают этого факта и не принимают его во внимание в системе своей аргументации.

На минутку представим себе, как обстояло дело с полицейским надзором за высланными ссыльно-поселенцами. Последние должны были в определенные сроки отмечаться в полиции, а в остальном они вели достаточно вольную жизнь, не многим отличавшуюся от жизни других подданных Российской империи. Так что бегство из ссылки не представляло собой какую-то особо героическую одиссею. Сошлемся здесь на такого наиболее авторитетного в данном вопросе человека, как бывший заведующий Особым отделом Департамента полиции Л. А. Ратаев: «Ссылка, — признавал он, — существовала только на бумаге. Не бежал из ссылки только тот, кто этого не хотел, кому, по личным соображениям, не было надобности бежать».²⁰

Так что можно сказать, что многократные побеги из ссылок не только большевиков, но и членов других революционных партий — эсеров, меньшевиков и т.д. — было явление чуть ли не ординарное. И пристало бы скорее удивляться тому, что некоторые революционеры не совершали побеги из ссылок, чем тому, что такие побеги совершались достаточно часто и весьма успешно. Чтобы убедиться в том, что Сталин в данном отношении не являл собой пример какого-то уникального, неуловимого революционера, достаточно обратиться к автобиографиям и авторизованным биографиям деятелей СССР и Октябрьской революции, впервые опубликованным к 10-летию Октябрьской революции. Многие из деятелей большевистской партии многократно подвергались арестам и ссылкам и совершали оттуда побеги. Например, Енукидзе — 7 раз, Орджоникидзе — 5 раз. Неоднократно совершали побеги Свердлов, Ногин и многие другие большевики.

Знакомясь с их биографиями, как правило, неизменно наталкиваешься на то, что большинство из них не раз подвергалось арестам и ссылкам, причем чуть ли не сразу же по прибытии на место поселения ими предпринимались попытки бежать. В значительной части эти попытки завершались успешно, хотя некоторые оканчивались неудачей, что, впрочем, не останавливало их. Так, например, о побегах из ссылки Свердлова можно прочесть в данном издании следующее: «Несколько неудачных побегов не сломили упорства Свердлова, и только осторожность жандармов, отправивших его под более усиленный надзор в Максимкин Яр — самое отдаленное место ссылки, на некоторое время заставила его сидеть на месте. Не имея теплой одежды, он простудился и долго пролежал больным, после чего был переведен обратно в Нарым. Немного подлечившись и отдохнув, он снова бежит, но опять неудачно. Лодка, на которой он ехал по бурной реке, перевернулась, пройдя несколько верст. Свердлов пробыл несколько часов в ледяной воде, был вытаснен из реки рыбаками и в непромокающей одежде отправлен с жандармами обратно в место своей ссылки. Приезд жены и ребенка в Нарым успокоил на некоторое время жандармов. Но вскоре после их приезда Свердлов совершает новый смелый побег, окончившийся на этот раз благополучно».²¹

О видном большевике В.П.Ногине можно прочесть следующее: после первого ареста в 1898 году «...начинается непрерывная цепь высылки, побегов, арестов, сиде-

²⁰ Провокатор. Правда о революционном терроре в России. Л. 1991. С. 139.

²¹ Деятели СССР и Октябрьской революции. Автобиографии и биографии. Часть III. С. 15.

ний по тюрьмам, путешествий за границу и возвратов вновь на революционную работу в Россию... Как-то, вспоминая прошлое, он подсчитал количество тюрем, известных ему по личному сидению в них. Таких тюрем он насчитал 50».²²

Перечень подобных примеров можно было бы продолжить. Но, думаю, читатель уже убедился в том, что замечание относительно не то что ординарности, но отнюдь не исключительности побегов Сталина из ссылок, является справедливым. Акцентировка же внимания биографов Сталина, да и не только биографов, на данном обстоятельстве объясняется, конечно, масштабами самой фигуры. Здесь злую шутку сыграло то, что в период, как принято говорить сейчас, культура личности Сталина, его революционные заслуги непомерно раздувались, в том числе, конечно, и серия его побегов из ссылок. Это не могло не породить каких-то сомнений и обернулось своего рода бумерангом, ударившим позднее по репутации самого Сталина.

Однако успешные побеги их ссылок не служат и не могут служить доказательством его причастности к работе на царскую полицию. В таком случае, следуя этому критерию, заподозрить в провокаторстве можно многих большевиков, и среди них тех, кто впоследствии стал жертвой сталинских репрессий. Ясно, что данный аргумент нельзя признать сколько-нибудь убедительным.

Важно подчеркнуть еще один существенный момент. Если бы Сталин был на тайной службе в охранке, то какой логикой можно объяснить то, что та же охранка упекла его в период нарастания революционного подъема в России в столь отдаленные места, откуда побег совершить было практически невозможно. Что же, охранка работала против своих же собственных интересов? Такое предположить невозможно, ибо она весьма высоко ценила секретную работу своих информаторов, особенно если они занимали достаточно видное место в ряду большевистских деятелей (пример Р.Малиновского). А Сталин к тому времени уже стал фигурой общероссийского масштаба. На доводах тех, кто утверждает, что охранка якобы была недовольна его своеволием и пассивностью в выполнении ее заданий и потому «упекла» его в Туруханскую мглу, мы остановимся чуть ниже. Здесь же со всей определенностью подчеркнем, что элементарная логика и простой здравый смысл никак не могут объяснить действия охранки, если бы Сталин действительно был ее секретным агентом.

Но вопрос не исчерпывается только лишь эпизодом с ссылкой Сталина в Туруханский край. Надо принимать во внимание и предыдущие аресты и ссылки. Проясняя суть проблемы А.В.Островский с полным основанием пишет: «Чисто теоретически можно допустить, что его завербовали позднее, после ареста 23 марта 1910 г. Однако такое предположение находится в противоречии со всей последующей его судьбой. Из семи лет после этого ареста И. В. Сталин провел на воле всего лишь 10 месяцев, т. е. менее года. Невероятно, чтобы, приобретя столь ценного секретного сотрудника, охранка предпочла держать его в тюрьмах и ссылке».²³

Возникает еще вопрос о том, что охранка якобы могла использовать аресты своих секретных сотрудников как прикрытие их деятельности, как надежную гарантию от возможности их разоблачения со стороны революционных организаций, в которых они действовали. Как же обстоит в свете этого дело с арестами Сталина?

²² Там же. Часть II. С. 82.

²³ А.В.Островский. Кто стоял за спиной Сталина? С. 475.

А.В.Островский дает на этот вопрос убедительный и неоспоримый ответ. Он пишет: ... арест секретного сотрудника как форма прикрытия его сотрудничества с охранкой входит в практику политического сыска дореволюционной России только с 1910 г. Однако подобный арест секретного сотрудника с последующими его ссылкой или тюремным заключением допускался только с согласия его самого. Если с этих позиций подойти к арестам И. В. Сталина 1910, 1911 и 1912 гг., то их можно было бы рассматривать как форму прикрытия, но этого никак нельзя сказать об аресте 1913 г. и последовавшей за ним ссылке в Туруханский край.

Исходя из этого, можно утверждать, что частые аресты и ссылки И.В.Сталина не могут рассматриваться даже в качестве косвенного аргумента в пользу версии о его сотрудничестве с охранкой. Более того, с учетом сказанного выше, они выглядят не столько как улика, сколько как алиби.²⁴

Что же касается вопроса о том, почему Сталину не удалось бежать из Туруханской ссылки, то на него я уже частично ответил ранее. Необходимо сказать, что не только Сталину, но и многим другим не удалось бежать из этой ссылки, в частности Свердлову. Нельзя забывать, что в то время страна уже была втянута в бойню первой мировой войны. Коренным образом изменились в сторону ужесточения меры по пресечению всякой антиправительственной деятельности. Естественно, что несравненно более строгими стали и меры по предотвращению побегов из ссылки. Читая упомянутые выше биографии видных большевиков, обращаешь внимание на то, что примеров успешного побега из ссылки в этот период немного. Значит, это была общая особенность тогдашней ситуации, которая отразилась и на судьбе Сталина как ссылочно-поселенца.

Мотивы, толкавшие на путь предательства и провокаторства, были довольно тривиальны. Среди них доминирующим являлось желание получать от полиции за свое сотрудничество деньги, иными словами алчность. Об этом свидетельствует такой авторитет, как жандармский генерал А.Спиридович: «Причины, толкающие людей на предательство своих близких знакомых, очень часто друзей, различны... Чаще всего будущие сотрудники сами предлагали свои услуги жандармскому офицеру, но бывали, конечно, случаи, и очень частые, когда предложения делались со стороны последних. Так или иначе, но из-за чего же шли в сотрудники деятели различных революционных организаций? Чаще всего, конечно, из-за денег. Получать несколько десятков рублей в месяц за сообщение два раза в неделю каких-либо сведений о своей организации — дело нетрудное... Если совесть позволяет».²⁵

В приложении к Сталину этот мотив вербовки выглядит абсолютно необидительным. Как известно, — это отмечали почти все, знавшие его, в том числе и политические противники, — его отличали простые, весьма скромные запросы. Некоторые даже писали о скудности его потребностей, доходившей до некоего рода аскетизма. Отметая этот мотив вербовки, я хочу подчеркнуть, что во всех версиях причастности его к тайной работе на охранку она не фигурирует, видимо, в силу своей явной неприложимости к личности Сталина.

Другой, и при том весьма распространенной причиной перехода на путь предательства, была слабость характера, страх перед наказанием, податливость на угрозы

²⁴ А.В.Островский. Кто стоял за спиной Сталина?. С. 465.

²⁵ Цит. от Виктор Джанибекян. Провокаторы. С. 47.

жандармов и т.п. Сталин, по всем отзывам, отнюдь не отличался слабостью характера, паническим страхом перед лицом возможного наказания. Даже наоборот. Господствует почти единодушное мнение, что он отличался твердостью характера, упорством и жесткостью в своем поведении, в том числе и в тюремных условиях и в ссылках. Об этом свидетельствуют многочисленные его конфликты с тюремной администрацией и стражниками, под надзором которых он находился. Тот же Троцкий писал: «Нет оснований сомневаться, что в тюремных конфликтах Коба занимал не последнее место и что в сношениях с администрацией он умел постоять за себя и за других».²⁶

Да и трудно представить себе, что Сталин, с молодых лет обрекший себя на жизнь профессионального революционера со всеми вытекающими из этого последствиями, испытывал страх перед наказанием, которое грозило ему в виде тюремного заключения или ссылки. В.И. Ленин в своих показаниях комиссии по расследованию дела Р.Малиновского в 1917 году после возвращения в Россию говорил о Сталине: «Русских членов ЦК было немного; ведь я и Зиновьев жили за границей. Из здешних Сталин (Джугашвили) большею частью был в тюрьме или в ссылке»²⁷. Можно сделать вывод, что Сталин приобрел достаточно привлекательную в глазах большевиков репутацию чуть ли не вечного обитателя тюрем и ссылок.

Естественно возникает вопрос: зачем же полиции нужен такой секретный агент-provokator, который львиную долю времени проводит в лапах самой же полиции? Что-то нет логики в таких действиях царской охраны, в которой работали не круглые идиоты, а хорошо подготовленные профессионалы. Вот почему сторонники версий о работе Сталина на охранку как-то обходят стороной эти принципиально важные для выяснения картины вопросы. Если же они и касаются их, то в обоснование своей точки зрения приводят какие-то маловразумительные или вообще сомнительные доводы. Видимо, интуитивно или сознательно чувствуя шаткость такой позиции, они стремятся подкрепить свои утверждения прямыми подтасовками и грубой фабрикацией "документов", якобы прямо свидетельствующих о роли Сталина как агента-provokatora. Здесь мы подошли к давно известному и давно разоблаченному факту фабрикации нашумевшего документа по этому вопросу. Хотя об этом уже написано много, и убедительно доказано, что данный документ является грубой фальшивкой, мне думается, что есть смысл остановиться на нем более подробно, а не отсылать читателя к соответствующим публикациям.

Но прежде чем перейти непосредственно к этому злополучному "документу", необходимо коснуться еще одного момента, так или иначе связанного с ним. Речь идет о нашумевшей статье бывшего крупного советского разведчика А.М. Орлова.* Вскоре после XX съезда КПСС он опубликовал в американском журнале "Лайф" статью под названием "Сенсационная подоплека осуждения Сталина". Статья эта вызва-

²⁶ Лев Троцкий. Сталин. Т.1. С.62.

²⁷ Цит. по Дело provokatora Малиновского. С. 53.

* В кадрах НКВД он фигурировал также под псевдонимом Л.Л. Никольский. Настоящая фамилия Фельбинг Лейба Лазаревич. В 30-х годах был нелегальным резидентом советской разведки в ряде стран Западной Европы. Имел звание майора госбезопасности, чин – равнозначный генералу в армии. В июле 1938 года стал невозвращенцем. Жил в США. Выступал со статьями, разоблачающими сталинский режим, на базе которых и была издана его книга "Тайная история сталинских преступлений". В России она вышла на русском языке в 1991 году под тем же названием.

ла широкий резонанс и явилась тоже своего рода сенсацией. Квинтэссенция его публикации состояла в следующем: подлинной причиной разоблачения на XX съезде культа личности Сталина стало то, что тогдашнему хозяину Кремля Н. Хрущеву стала известна папка с материалами, якобы документально подтверждающими работу Сталина на царскую охранку. Орлов выдвигает и мотивирует свою гипотезу весьма невразумительно, что особенно видно сейчас по прошествии многих лет. Я не стану специально останавливаться на этом вопросе. Коснусь лишь того, что он писал по поводу сотрудничества Сталина с царской полицией и как эти факты стали достойным известности среди некоторых высокопоставленных деятелей сталинского режима в 30-х годах и что все это повлекло за собой.

Согласно версии Орлова, высокопоставленный сотрудник НКВД Штейн, участвовавший в подготовке материалов для московских процессов того времени, наткнулся в архивах на папку, в которой заместитель директора департамента полиции Виссарионов хранил секретные документы. В них были донесения Сталина, якобы написанные им собственноручно. Но предоставим слово самому Орлову: «Обширные рукописные докладные и письма были адресованы Виссарионову, почерк же принадлежал диктатору и был хорошо знаком Штейну. Папка действительно прекрасно характеризовала Сталина, однако не Сталина-революционера, а Сталина – агента-provокатора, который неумоимо работал на царскую тайную полицию.

Несколько мучительных дней Штейн прятал папку Виссарионова в своем кабинете. Наконец решение было принято. Он забрал папку и полетел в Киев, чтобы показать ее своему бывшему начальнику по НКВД, который был к тому же его лучшим другом. Это был В. Балицкий, очень влиятельный член ЦК Коммунистической партии Советского Союза. Балицкий также руководил НКВД Украины. Мой двоюродный брат Кацнельсон был близким другом Балицкого с первых дней революции, а теперь и его заместителем.

Когда Балицкий изучил обжигающую руки папку, то был потрясен не менее Штейна. Он позвал к себе Зиновия. Они детальнейшим образом исследовали каждый документ в подшивке. Хотя и простым глазом было видно, что документы подлинные, все же провели необходимую экспертизу и анализы, чтобы установить возраст бумаги и конечно же идентичность почерка.

Не оставалось и тени сомнения: Иосиф Сталин долгое время был агентом царской тайной полиции и действовал в этом качестве до середины 1913 года».²⁸

Я не стану далее утомлять читателя пересказом почти фантастических вымыслов Орлова о том, как обнаруженная папка якобы подвигла некоторых военных, в частности, Якира и Тухачевского, на организацию заговора против Сталина. Вообще надо сказать, что версия, представленная Орловым, абсолютно несостоятельна во всех отношениях. Характерно, что многие ярые противники Сталина, такие, как Р.Медведев, сочли целесообразным подвергнуть эту версию убедительной критике. Трудно сказать, что лежало в основе такой критики – то ли научная добросовестность, то ли желание отмежеваться от явно сфабрикованной лжи, но фактом остается то, что и с точки зрения таких исследователей версия Орлова фальшива. Р.Медведев, книги которого о Сталине и сталинизме, отличаясь явно выраженной тенденциозной заданностью, тем не менее написаны вполне компетентно, со знанием исторических

²⁸ Цит. по книге **Был ли Сталин агентом охранки?** С. 35.

реалий. Не соглашаясь с его оценками и интерпретацией важнейших событий и фактов той эпохи, следует сказать, что написанное Р.Медведевым разительно отличается по своему уровню от писаний таких, мягко выражаясь, малокомпетентных и амбициозных авторов, как Э.Радзинский.

По мнению Р.Медведева, статью Орлова «иначе как сознательным вымыслом, порожденным жадой сенсации, не назовешь. Начать хотя бы с того, что Кацнельсон в 1937 году не был ни членом, ни кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Арестовали перечисленных Орловым «заговорщиков» отнюдь не одновременно, причем никто из них не пытался скрыться. Например, Косиор был арестован через год после ареста Тухачевского. Если бы существовали фотокопии документов из «папки Виссарионова», хоть одна из них должна была бы сохраниться или же попасть за границу, ведь многие «заговорщики» вполне могли обеспечить сохранность или передачу зарубежным друзьям любого документа. Так что версия о заговоре высших военных и политических деятелей с целью военного переворота совершенно несостоятельна. К тому же трудно поверить, что до 1937 года никто в НКВД не пытался изучить столь важный архив. В статье Орлова очень много и других несообразностей, и вся она представляет собой не слишком ловко состряпанную фальшивку.»²⁹

Р.Медведев вполне справедливо дает такую уничижительную характеристику версии Орлова. То, что писаниям последнего ни в малейшей степени нельзя доверять как, пусть субъективному, но все же достоверному источнику, видно хотя бы из такого пассажа, содержащегося в его статье: «В то время как Ленин руководил деятельностью партии из-за границы, Малиновский был главным депутатом в России и имел право принимать новых членов в Центральный Комитет партии, когда считал это необходимым. Именно Малиновский в 1912 году включил Сталина в состав Центрального Комитета. Сталин жил тогда в Санкт-Петербурге и в ряде случаев служил посредником между Малиновским и Лениным».³⁰

Каждый мало-мальски знакомый с историей большевистской партии прекрасно понимает, что такие утверждения не имеют ничего общего с подлинными обстоятельствами дела. Никто, даже Ленин, не мог самолично решать вопросы о введении того или иного активиста в состав Центрального Комитета. Предположить, что этим «правом» обладал Малиновский, который сам только что на Пражской конференции был впервые избран в состав ЦК, – верх несуразности, если не идиотизма.*

²⁹ **Вождь. Хозяин. Диктатор.** Сборник. М. 1990. С. 318-319.

³⁰ Цит. по книге **Был ли Сталин агентом охраны?** С. 35.

* Надо сказать, что в утверждениях относительно единоличного решения Р. Малиновского о кооптации Сталина в состав членов ЦК А. Орлов не одинок. В ряде публикаций, посвященных Сталину, в том числе и биографиях последнего, написанных некоторыми западными советологами, эта версия также получила «права гражданства». Причем ссылаются на некую договоренность между Лениным и Малиновским во время Пражской конференции, согласно которой ввиду сложных условий нелегальной работы в России последний наделялся правом кооптировать в состав ЦК отдельных партийных активистов. Между тем давно и хорошо известно, что Пражская конференция приняла по данному вопросу следующее решение: «Предоставить право кооптации простым большинством без ограничения количества кооптированных... Выбирается ЦК тайной баллотировкой...» (См. *Москалев М.* Бюро Центрального Комитета РСДРП в России. С. 193.) Решение о кооптации Сталина и И.С.Белостоцкого было принято на заседании вновь избранного ЦК в Праге. Там же. С. 194) Все это – общеизвестные факты, которые, однако, не мешают некоторым авторам безапелляционно утверждать, что именно Малиновский ввел Сталина в ЦК большевистской партии.

Подобного рода нелепости полностью компрометируют его автора. Не в меньшей мере они компрометируют и тех, кто в стремлении доказать причастность Сталина к работе на царскую охранку используют в качестве аргументов “факты”, почерпнутые из таких или подобных им “исторических источников” Словом, “свидетельства” бывшего советского разведчика относительно истории сотрудничества Сталина с полицией – яркий, но отнюдь не единичный пример заведомо лживой фальсификации.

Теперь остановимся еще на одном примере подобного рода. В некотором смысле он может служить вершиной пирамиды лжи, воздвигнутой усилиями фальсификаторов разного уровня профессиональной подготовки. Речь идет о так называемом письме Еремина – заведующего особым отделом департамента полиции начальнику Енисейского охранного отделения Железнякову. В этом письме сообщается о сотрудничестве Сталина с охранкой. Я думаю, что нет резона детально останавливаться на всех перипетиях, связанных с историей появления этого письма, с полемикой вокруг него, в которую были вовлечены многие видные западные советологи и представители российской эмиграции в западных странах. Отмечу лишь, что впервые оно было предано гласности Исаком Дон Левиным, экспертом по советской политике и автором одной из первых подробных биографий Сталина, изданной за рубежом. Приведем это письмо полностью, в том виде, в каком оно фигурирует в соответствующей литературе.

“М.В.Д.

Заведывающий особым отделом Департамента полиции

12 июля 1913 года

2898

Совершенно секретно

Лично

Начальнику Енисейского Охранного отделения А. Ф. Железнякову

[Штамп: «Енисейское Охранное отделение»]

[Входящий штамп Енисейского Охранного отделения:] Вх. № 65 23 июля 1913 года».

Милостивый Государь

Алексей Федорович!

Административно-высланный в Туруханский край Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин, будучи арестован в 1906 году, дал начальнику Тифлисского г[убернского] ж[андармского] управления ценные агентурные сведения. В 1908 году н[ачальник]к Бакинского Охранного отделения получает от Сталина ряд сведений, а затем, по прибытии Сталина в Петербург, Сталин становится агентом Петербургского Охранного отделения.

Работа Сталина отличалась точностью, но была отрывочная.

После избрания Сталина в Центральный комитет партии в г. Праге Сталин, по возвращении в Петербург, стал в явную оппозицию правительству и совершенно прекратил связь с Охраной.

Сообщаю, Милостивый Государь, об изложенном на предмет личных соображений при ведении Вами розыскной работы.

Примите уверения в совершенном к Вам почтении

[Подпись:] Еремин”.³¹

Мне представляется, что исчерпывающую экспертизу данного документа провели авторы статьи, из которой я и позаимствовал его. Будучи сами работниками архива и занимаясь изучением соответствующей проблематики, они заслуживают доверия как профессиональные специалисты. Мне остается лишь в конспективном виде изложить их аргументацию в связи с данным документом. Они пишут, что при внимательном рассмотрении документа встает много вопросов. Письмо направлено начальнику Енисейского охранного отделения Алексею Федоровичу Железнякову. И в одном этом обращении содержатся три ошибки, которые не мог бы себе позволить такой ас политического сыска, как полковник Еремин, якобы подписавший этот документ.

Во-первых, в 1913 г. Енисейского охранного отделения как такового не существовало. Был Енисейский розыскной пункт, и его заведующий имел статус помощника начальника Енисейского губернского жандармского управления. Заведующим Енисейским розыскным пунктом был действительно Железняков, но не Алексей Федорович, как указывается в документе, а Владимир Федорович.

Далее, обращает на себя внимание угловой штамп документа. В просмотренных за 1906–1913 гг. материалах особого отдела департамента полиции не встречается ни один штамп, который был бы идентичен (по расположению строк, шрифту) публикуемому документу. Нигде сверху штампа не указывалась подведомственность «М. В. Д.», так как особый отдел — структура департамента. «М. В. Д.» указывалось в том случае, если между особым отделом и МВД стояло название учреждения — департамент полиции. Со второй половины 1910 г. в переписке особый отдел пользовался бланком, где в штампе слово “заведывающий” было заменено на слово “заведующий”

Вызывает некоторое сомнение штамп входящей документации. Во всех жандармских учреждениях штампы входящей документации были с зафиксированной на каждый день датой, и только входящий номер заполнялся от руки. В данном случае и дата, и входящий номер — рукописные.

Авторы статьи указывают, что рассматриваемое письмо идет в учреждение с пометой “лично”, которая не говорит о каких-то личных отношениях, а указывает на серьезность документа. В переписке такого рода необходимо указывать не только должность, но и чин Железнякова. Кстати, и в подписи эти моменты отсутствуют. Это наводит на мысль, что авторы фальсификации не были уверены или не знали, в каких чинах находились упоминаемые ими лица.

Далее, авторы обращают внимание на то, что в документе имеется несурaziца с исходящим номером. Проведя сопоставления с другими документами полиции, они заключают, что из особого отдела не мог выйти документ с таким исходящим номером.

Анализируя текст самого документа, они отмечают, что согласно правилам революционного правописания нигде в жандармской переписке не встречается такое написание отчества, как Иван Петрович, Михаил Васильевич, Иосиф Виссарионович. В документах указывается: Петров, Васильев, Виссарионов.

³¹ Б.И. Каптелов, З.И. Перегудова. К спору о “Кобе” Джугашвили и “Фикусе” Статья помещена в сборнике *Историки отвечают на вопросы*. Выпуск 2. М. 1990. С. 174.

Вызывает сомнение арест Джугашвили в 1906 г. В публикации документа в журнале "Лайф" в 1956 году утверждалось со ссылкой на Л.Троцкого, что Сталин был арестован 15 апреля 1906 г. при раскрытии Авлабарской типографии в г. Тифлисе. Однако архив данными об аресте Сталина в 1906 г. не располагает. В документах за более позднее время арест его в 1906 г. никак не отражен, что вызывает сомнение в возможности его ареста в 1906 г. (в департаменте подобные вещи фиксировались скрупулезно).

В связи с провалом Авлабарской типографии в архиве имеется несколько дел, в которых фигурируют 17 человек, задержанных в разное время – с 15 апреля по 21 мая. Фамилия Джугашвили среди этих лиц отсутствует. Типография была захвачена 15 апреля 1906 г. Джугашвили в это время был в Стокгольме на IV съезде РСДРП, который открылся 10 апреля.

Не подтверждается версия о том, будто Сталин выдал Авлабарскую типографию. Судя по документам, типография была обнаружена случайно, никаких агентурных данных о ее существовании на территории Авлабара у жандармерии не было.

В рассматриваемом документе Джугашвили неоднократно называется Сталиным. Видимо, департаменту полиции это имя было известно только как имя автора работ по национальному вопросу, безотносительно к Джугашвили. В материалах департамента полиции Джугашвили фигурирует как "Коба", "Сосо", "Кавказец", "Молочный" – две последние клички были кличками при наружном наблюдении. И ряд фамилий, под которыми он жил и которыми пользовался при переписке.

Возникает еще один вопрос: мог ли Еремин, крупный специалист по политическому розыску, автор ряда инструкций по ведению агентуры, в том числе и по правилам переписки, так открыто писать о своем агенте? Отрицательный ответ напрашивается сам собой. Кроме того, если даже данные о Сталине–Джугашвили как секретном сотруднике надо было сообщить в Енисейск, то обе эти фамилии должны были быть зашифрованы.

Авторы статьи убедительно доказывают, что Еремин не мог подписать этот документ, поскольку в это время уже был переведен на другой пост – начальником Финляндского жандармского управления. Делая безоговорочный вывод о том, что данный документ не является подлинным, они попутно делают довольно любопытный и важный комментарий. Речь идет о том, что в препроводительных документах к письмам полиции указывалось, что направляются агентурные сведения, автором которых является гласно-поднадзорный Туруханского края Иосиф Виссарионов Джугашвили. И ничего нет странного, что автор перехваченных писем был назван "автором агентурных сведений". Слово "агентурный" в данном случае употребляется для обозначения того, что сведения получены агентурным путем, то есть нелегальным, с применением перлюстрации, проводившейся в нарушение законодательства. Иначе говоря, слово "агентурный" относится к способу получения информации и не связано с ее источником.³²

³² Б.И. Каптелов, З.И. Перегудова. К спору о "Кобе" Джугашвили и "Фикусе" Статья помещена в сборнике **Историки отвечают на вопросы**. Выпуск 2. С. 176-180. Этой же проблеме посвящена во многом идентичная статья этих же авторов в журнале "Вопросы истории КПСС". 1989г. № 4. С. 90-98.

Чтобы завершить этот небольшой экскурс в историю, связанный с так называемым документом Еремина, добавлю, что сразу же по его публикации в американском журнале, Комитет Государственной Безопасности провел соответствующую экспертную проверку. Выводы проверки были изложены в записке председателя КГБ И. Серова на имя первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева. Заключение звучало вполне однозначно: указанный документ является подделкой. Причем приводились соответствующие аргументы в его подтверждение. В частности, в справке КГБ говорилось: «Комитетом госбезопасности проведена проверка этого сообщения и установлено следующее:

ЕРЕМИН с 1910 года по июнь 1913 года действительно служил заведующим Особого отдела департамента полиции, а затем был переведен на службу в Финляндию. Таким образом, дата в приведенном документе из журнала «Лайф» не совпадает на месяц.

Проверен также журнал исходящей корреспонденции Особого отдела департамента полиции за 12 июня 1913 года, по которому документ за № 2988 не отправлялся. Все номера исходящей корреспонденции за июнь месяц 1913 года не четырехзначные, а пяти и шестизначные.

Документ за подписью ЕРЕМИНА адресован начальнику Енисейского охранного отделения Алексею Федоровичу ЖЕЛЕЗНЯКОВУ.

Проверкой архива в Красноярске установлено, что в списке общего состава чиновников отдельного корпуса жандармов за 1913 год действительно значится ротмистр ЖЕЛЕЗНЯКОВ, но не Алексей, а Владимир Федорович. Причем его должность была не начальник Енисейского охранного отделения, а прикомандированный к Енисейскому жандармскому управлению без штатной должности.

Других документов по этому вопросу не обнаружено».³³

Как видим, аргументация экспертизы КГБ во многом совпадает с выводами, сделанными позднее двумя уже цитировавшимися авторами статьи на эту тему.

Заслуживает быть отмеченным одно обстоятельство. Общеизвестный знаток Советского Союза и советской истории, видный американский дипломат (он был послом в СССР в конце жизни Сталина) Дж. Кеннан в своей солидной работе, посвященной изучению политики Советской России и ее взаимоотношениям со странами Запада при Ленине и Сталине, также не обошел стороной вопрос о мнимой причастности Сталина к связям с царской охранкой. Он ссылается на свои беседы с эмигрантами из Советского Союза, знакомыми с той эпохой и конкретной политической обстановкой, в том числе и теми, кто тщательно изучал рассмотренную выше фальшивку. Так вот, Кеннан приходит к выводу, что данная публикация является фабрикацией, хотя, добавляет, что имеется много неясного в ее происхождении. «Кто бы ни написал этот специфический документ, он, несомненно, имел близкое знакомство с положением дел в революционной среде и в полиции», — заключает Кеннан. Однако, по мнению Кеннана, круги бывших белогвардейцев, из среды которых в прошлом в основном и исходили подобного рода документы, имели весьма скудные знания об истории рево-

³³ Цит. по фотокопии записки, воспроизведенной в книге А.В.Островского «Кто стоял за спиной Сталина?»

люционного движения и это их невежество ярко проявлялось в их трудах.³⁴ Полагаю, что вывод такого известного специалиста, как Кеннан, заслуживает если не доверия, то безусловного внимания.

Хочу акцентировать особое внимание читателя на еще одном обстоятельстве, которое походя уже затрагивалось. Речь идет о следующем. В многочисленных публикациях, посвященных подпольной деятельности Сталина и его отношениям с царской охранкой, упоминание термина “агентурным путем” однозначно и совершенно неправомерно трактовалось так, будто Сталин сам давал полиции соответствующую информацию. Тогда как в действительности речь шла о сведениях, полученных агентурными способами, и к их передаче охране Сталин не имел никакого отношения. С помощью подобных “мелких хитростей”, а точнее – заведомо ложного истолкования существа проблемы “аргументировалась” версия и строилась система доказательств о причастности Сталина к агентурной работе в полиции.

И завершая рассмотрение вопроса о подлинном, а не выдуманном характере связей Сталина с полицейскими властями царской России, приведем еще один, бесспорно, подлинный, а не сфабрикованный документ, исходивший из недр охранного отделения. Речь идет о представляющем несомненный интерес письме начальника московской охраны Мартынова директору департамента полиции от 1 ноября 1912 г. Служебное донесение шефа московской охраны свидетельствует о том, что полиция вела тщательное наблюдение за Сталиным, буквально фиксируя каждый его шаг. Естественно приходит в голову мысль: зачем вести столь тщательное наблюдение за своим агентом? Причем использовать для этого дела столь ценного для царской охраны секретного агента-provokatora, каким был Р.Малиновский. Тем более, что по всем канонам секретной работы охраны категорически исключались варианты, при которых один тайный агент мог распознать другого. На подобный риск полиция не шла, оберегая свою агентуру от провалов. Приводимое ниже письмо важно прежде всего в том отношении, что может служить веским и объективным доказательством того, что Сталин ни с какой стороны не был причастен к работе на царскую охранку. Поэтому, мне кажется, что несмотря на определенный перебор по части цитирования соответствующих документов, все-таки есть смысл представить вниманию читателей указанное письмо. Хотя бы по той причине, что оно убедительнее всяких логических аргументов и авторских умозаключений раскрывает ключевые аспекты рассматриваемой проблемы.

Итак, Мартынов сообщал своему начальству:

«Совершенно доверительно. В последних числах минувшего октября месяца сего года через гор. Москву проезжал и вошел в связь с секретным сотрудником вверенного мне отделения “Портным” кооптированный в ленинский ЦК Российской социал-демократической рабочей партии еще на Пражской конференции, кр. Тифлисской губернии Иосиф Виссарионов ДЖУГАШВИЛИ, носящий партийный псевдоним “Коба”

Поименованный И. ДЖУГАШВИЛИ, наблюдавшийся в апреле месяце сего года по г. Москве, переданный отсюда наружному наблюдению С.-Петербургского Охран-

³⁴ *George F. Kennan. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston – Toronto. 1961. p. 246.*

ного отделения и в г. С.-Петербурге 22 того же апреля арестованный, по его рассказам, успел в настоящее время бежать из места административной высылки (отдаленная местность восточной Сибири), побывал за границей у “Ленина” и теперь возвращается в г. С.-Петербург, где он успел до поездки за границу проработать при редакции газеты «Правда» около полутора месяцев.

Так как поименованный “Коба” оставался в Москве лишь одни сутки, обменялся с секретной агентурой сведениями о последних событиях партийной жизни и вслед за сим уехал в г. С.-Петербург, то наружным наблюдением он, во избежание провала сотрудника (имеется в виду провокатор Малиновский, носивший псевдоним – Портной – Н.К.) не сопровождался и о его отъезде начальнику С.-Петербургского Охранного отделения было сообщено тотчас же телефонограммой и дополнительной к таковой шифрованной депешей, в копии при сем представляемой.

В конфиденциальном разговоре с поименованным выше секретным сотрудником “Коба” сообщил нижеследующие сведения о настоящем положении деятельности Российской социал-демократической рабочей партии...» Далее сообщается о партийной жизни и намечаемых планах. В конце донесения начальник Московского охранного отделения пишет: «...представляемый при сем агентурный материал никому мною не сообщался во избежание возможности наминки или провала агентурного источника, почему ходатайствую пред Вашим Превосходительством об использовании такового по частям без ссылок и указаний на вверенное мне отделение...

А. Мартынов»³⁵.

Петербургскому охранному отделению была послана также телеграмма о том, что «Коба-Джугашвили» отправился в Питер и что следует его «задержать не сразу, лучше перед отъездом за границу...». Из содержания этого документа ясно, что Джугашвили выступал здесь лишь в качестве источника для агента-провокатора,³⁶ — делают неопровержимый и единственно верный вывод авторы статьи.

Из письма Мартынова видно, как скрупулезно соблюдает секретность и конспирацию начальник московской охранки, считающий необходимым предостеречь даже свое начальство на предмет того, чтобы не произошло утечки информации о его агентуре. Так что в данном контексте особенно высвечивается грубо сработанный характер письма Еремина. Сам же провокатор Р.Малиновский, который информировал охранку о встрече и беседе с Кобой, впоследствии, уже перед трибуналом, судившим его в ноябре 1918 года и приговорившим к расстрелу, признал, что выдал Свердлова. Что же касается Сталина, то он показал: «Другой случай с Кобой (Сталиным). Тут я его не выдал, но Белецкий (директор департамента полиции – Н.К.) мне сказал, чтоб я был как можно дальше от Кобы, так как он будет на днях арестован, а он как назло, точно желая меня испытать, терзать и так уж гниющую рану, пришел к нам, а от нас в Калашниковскую биржу, где и был арестован».³⁷

Рекомендация Белецкого “как можно дальше держаться от Кобы” имела целью не поставить под удар самого Р.Малиновского в связи с предстоящим арестом Сталина. И если бы последний действительно был секретным информатором, то полиции

³⁵ Б.И. Каптелов, З.И. Перегудова. К спору о “Кобе” Джугашвили и “Фикусе” С.181-182.

³⁶ Там же. С. 182.

³⁷ Дело провокатора Малиновского. С. 145-146.

не составляло бы труда и ему дать соответствующие рекомендации, чтобы даже по чистой случайности не поставить под удар столь ценного агента, каким являлся Малиновский. Арест же Сталина после контактов с Малиновским мог вызвать в организациях большевиков определенные подозрения. Кстати, впоследствии именно путем такого рода сопоставлений некоторые видные в то время деятели большевистского подполья пришли к выводу о гипотетической и даже вероятной причастности Р.Малиновского к провалам ряда работников и организаций.

В качестве своего рода резюме рассмотрения вопроса об отношениях Сталина с царской охранкой хочется высказать следующее.

Конечно, каждый имеет безусловное право по-своему относиться к Сталину и соответствующим образом оценивать его деятельность на том или ином историческом отрезке времени. Но это право не включает в себя свободу выносить исторический приговор на основе всякого рода фальсификаций, слухов и домыслов. Как говорится, у Сталина и без того на душе было много грехов, чтобы еще и “вешать на него дохлых собак” в виде версии о тайной работе на царскую охранку. Апологеты этой версии, как может убедиться читатель, не располагают ни одним сколько-нибудь достоверным и неопровержимым фактом, способным подкрепить их позицию. Отсюда вытекает и их тактика – фабриковать “факты”, сеять сомнения, полагаться на слухи и не заслуживающие серьезного доверия позднейшие свидетельства.

Следует отметить еще одну сторону вопроса. Более или менее серьезные и не полностью утратившие чувство объективности исследователи эпохи Сталина и его деятельности признают зыбкость и неубедительность аргументации в защиту версии о сотрудничестве с охранкой. Они исходят из того, что доказательства в пользу этой версии малоубедительны. Однако, вопреки стародавнему принципу права о так называемой презумпции невиновности, они тем не менее не исключают возможности подобного сотрудничества. Мол, представленные документы и аргументы неубедительны, но всякое могло быть, поэтому, де, версия о тайных связях с царской полицией остается в повестке дня.

Что можно сказать по этому поводу? Конечно, исторические оценки и выводы – это не юридический процесс, и категория презумпции невиновности едва ли приложима к оценкам исторических событий и личностей. Здесь совершенно иное поле столкновения интересов и различного рода противостояний. И чем выше ставка в таком противостоянии, тем больше элементов субъективизма, а порой и откровенной тенденциозности. Единственным принципом, который может хоть в какой-то степени предохранить от вынесения неправомерных выводов в исторических оценках, – это строго следовать фактам, объективно интерпретировать их, а не подгонять их под заранее определенную схему. Именно этому принципу я и стремился следовать, рассматривая данную проблему.

Наконец, позволю себе сослаться на такого достаточно серьезного специалиста, как профессор истории Массачусетского университета Р.Макнил. (Он, кстати, был редактором 14-16 томов сочинений, которые как бы завершили публикацию прерванного в связи со смертью Сталина издания его произведений). В своей книге о Сталине, касаясь рассматриваемого нами вопроса, он, в частности, пишет: «Нет достоверных документов, свидетельствующих о том, что Коба был полицейским агентом, хотя многие исследователи ищут их в архивах парижского отделения секретной полиции (охранки – Н.К.) – богатом собрании материалов, которые доступны на протяжении

многих лет в Гуверовском институте. И тот факт, что полиция арестовала Сталина в 1913 году и сослала его в особо отдаленный район Сибири и не освободила его или не позволила бежать на протяжении всего времени существования режима, все это демонстрирует, что, по крайней мере в этот период, полиция не обращалась со Сталиным, как со своим агентом».³⁸

Достаточно определенный, хотя и с некоторыми оговорками, вывод американского исследователя говорит сам за себя. Действительно, зададимся простым вопросом: почему в период, когда власти были особенно обеспокоены нарастающим революционным движением и когда они особенно нуждались в получении максимально полной и достоверной информации о деятельности революционных партий и групп, они не нашли ничего более разумного, как отправить своего чрезвычайно ценного информатора в ссылку? Неужели работники царского сыска были начисто лишены элементарного здравого смысла и расчета? Если им нужно было каким-то образом замаскировать работу Кобы на полицию, скажем, путем демонстративного ареста и высылки, то едва ли для этого был бы избран Туруханский край. Выбраться оттуда, как я уже отмечал, шансов имелось мало. Вполне закономерно сделать заключение, что так со своим ценным агентом могли поступить только законченные идиоты. Причислять к таковым сотрудников царской охраны, памятуя о той широкой сети агенты, созданной ими в рядах революционных организаций, нет ни малейших оснований.

Уже этот довод, основанный не на каких-то умозрительных построениях и маловразумительных предположениях, а на железной и неопровержимой логике, говорит за то, что Сталин не был агентом царской охраны. Всевозможные спекуляции относительно того, что он якобы, говоря, современным полублатным жаргоном, решил “кинуть” своих хозяев и они в отместку за такое поведение упекли его за Полярный круг, на мой взгляд, выглядят, по меньшей мере, несерьезно. У полиции было достаточно средств и способов, чтобы держать под контролем своего давнего и весьма ценного секретного сотрудника.

Я попытался осветить лишь некоторые из наиболее существенных вопросов, касающихся данной темы. Из всего изложенного, на мой взгляд, вытекает один бесспорный вывод: Сталин не был агентом царской охраны, хотя в силу своей революционной деятельности неизбежно вынужден был постоянно соприкасаться в той или иной форме с ее сотрудниками. Многочисленные аресты, ссылки и побеги столь тесно и замысловато переплелись в его судьбе, что по прошествии стольких лет нет возможности дать четкий и однозначный ответ на многие стороны его жизни в тот период. Неясности, недоуменные вопросы вполне закономерны при рассмотрении подпольного периода его жизни и деятельности. Сам характер этой конспиративной деятельности уже предполагал наличие тайн и всякого рода мистификаций, к которым прибегал не только он, но и многие другие деятели революционного движения. Будь то большевики или эсеры, меньшевики или националисты из различных окраинных революционных организаций.

Все это, как говорится, было. И не могло быть иначе! Однако на базе каких-то сомнительных, малодостоверных и тем более фальсифицированных свидетельств

ДОКЛАДЫ

1911

1911

³⁸ Robert H. Mc Neal. *Stalin. Man and Ruler*. L. 1988. p. 17-18.

делать заключение о причастности Сталина к работе на царскую охранку, нет никаких оснований.

Позволю себе сделать еще одно замечание по данному сюжету. Как известно, в годы правления Сталина был организован ряд широкомаштабных политических процессов. В их ходе видным деятелям партии большевиков предъявлялись всякого рода обвинения вплоть до заговора с целью свержения Советской власти, шпионажа в пользу иностранных разведок и т.д. Некоторым обвиняемым, к тому же предъявлялись обвинения в сотрудничестве с царской охранкой. Делалось это с заведомой целью провести прямую параллель между борьбой против политики Сталина со службой на полицию старого режима. Я не буду сейчас вдаваться в детали и рассматривать вздорность или обоснованность такого рода обвинений. Это станет предметом специального рассмотрения во втором томе мой работы. Здесь же мне хочется заметить, что с позиций простой осторожности, если бы у Сталина были какие-либо грехи по части работы на охранку, он, по всей вероятности, не стал бы специально делать акцент на том, что некоторые его противники имели связи с полицией. Тем более делать этот вопрос предметом открытого судебного разбирательства. Инстинкт самосохранения и осторожности подсказывал бы ему иное решение: не акцентировать внимание на данном вопросе. Думается, что отмеченный момент также может служить дополнительным, правда, косвенным аргументом в пользу точки зрения, которую я отстаиваю.

Эту главу хочется закончить таким замечанием: у Сталина как партийного и государственного деятеля и без того достаточно грехов, а порой и преступных деяний, чтобы вешать на него еще и высосанное из пальцев обвинение в сотрудничестве с полицией. Но некоторые продолжают мусолить эту тему, преследуя очевидные и однозначно неблагоприятные цели. Маскируется же все это разглаговльствованями о стремлении установить историческую правду. Причем широко используется весьма примитивный, но достаточно эффективный метод: если нет возможности доказать данную версию, то, на худой конец, достаточно посеять сомнения, бросить лишний ком грязи на эту фигуру нашей истории. Мертвые, как известно, отмываться от подобной грязи не способны. Хотя приходит на память и другое высказывание, сказанное, правда, по другому поводу великим русским князем Святославом: "мертвые сраму не имут."

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СУДЬБАХ СТАЛИНА

1. Первые недели после Февральской революции: колебания Сталина

Почти все революции отличает довольно странная на первый взгляд особенность – они происходят как-то неожиданно, как некое стихийное бедствие, которого ожидают, но тем не менее поражаются при его наступлении. Эффект неожиданности, характеризующий революционные потрясения, не минует и тех, кто всю свою жизнь посвящает приближению этой революции, работает на нее. Это в полной и, можно сказать, в классической форме относится и к двум революциям, происшедшим в России всего на протяжении восьми месяцев – Февральской и Октябрьской. Столь стремительный, буквально спрессованный до невероятия, ход общественных событий поражает воображение даже сейчас, про прошествии многих десятилетий, минувших с тех пор. В водоворот событий, потрясших устои казавшейся прочной и незыблемой в веках Российской империи, оказалась вовлеченной не только наша страна, но и по существу значительная часть мира.

Это было время поистине величайших потрясений, когда темпы социально-политических процессов, казалось, обгоняют ход самой истории, как бы подстегивая и торопя ее. К.Маркс называл революции локомотивами истории, праздником трудящихся масс. С его словами чем-то перекликается восторженное восприятие Февральской революции поэтом Б.Пастернаком. В стихотворении “Русская революция”, написанном в 1918 году, для передачи атмосферы тех дней он воспользовался такой метафорой: “И грудью всей дышал Социализм Христа”.

Без всякого преувеличения можно сказать, что две революции, ареной которых стала Россия, изменили характер и направление развития всей страны.* Вместе

* Разумеется, в мою задачу не входит давать развернутую характеристику этих русских революций, их сопоставление в плане общих черт и коренных различий. Подобная задача – предмет самостоятельного исследования, что выходит за рамки данной работы. Однако, как бы мимоходом, нельзя не сказать о том, что в исторической литературе определенной направленности, в том числе и в российской, не говоря уже о так называемой западной советологической, усиленно пропагандируется такая идея: Февральская революция была подлинной революцией, т.е. имеет все признаки легитимности (хотя любая революция по определению вообще не нуждается в признании своей “законности”) Историческая легитимность революции подтверждается прежде всего самим фактом ее свершения: на то она и называется революцией!). А вот Октябрьская революция – не более чем переворот и заговор кучки людей. Вот как, например, пишет об этом широко известный американский советолог Р.Пайпс: «Несмотря на то что принято говорить о двух русских революциях 1917 года – Февральской и Октябрьской, – только первая из них вполне заслуживает названия революции. В феврале 1917 года Россия пережила настоящую революцию в том смысле, что восстание, положившее конец царизму, возникло стихийно, хотя и не без толчка со стороны, а образованное в результате него Временное правительство получило единодушную всенародную поддержку. Не так было в октябре 1917 года. События, приведшие к свержению Временного правительства, развивались не спонтанно, но стали следствием заговора, задуманного и осуществленного хорошо организованной группой конспираторов... В октябре произошел классический государственный переворот, захват государственной власти меньшинством, проведенный в угоду демократическим условиям того времени, с видимостью поддержки и участия в нем большинства населения, но на деле без привлечения масс.» (*Ричард Пайпс. Русская революция. Часть вторая. М. 1994. С. 55-56.*)

с тем они явились переломной вехой в жизни практически всех российских граждан, да и не только их. Естественно, что эти события стали переломными и в жизни Сталина. Пожалуй, ни один другой год, включая и трагический для него 1941, не оставил в его сознании столь глубокого и неизгладимого следа. Это для него был год поистине фантастических метаморфоз: вчерашний ссыльно-поселенец, отбывавший свой срок в глуши туруханской тундры, влачивший жалкое существование и промышлявший охотой и рыбной ловлей, чтобы не умереть с голода, оказался в эпицентре событий, драматические акты которой развертывались с калейдоскопической хаотичностью. Он не только стал свидетелем великих потрясений, но и активным участником их.

Для него, как и для партии большевиков в целом, не исключая и ее вождя В.И.Ленина, подобный разворот событий, конечно, явился неожиданностью. Исторический сюрприз, которым практически для всех партий России явилась Февральская революция, был таковым и для большевиков. Поэтому любые разглагольствования о том, что якобы большевики, и Сталин в том числе, были готовы к революции, поскольку неустанно боролись в целях ее приближения, не более чем плод, мягко выражаясь, преувеличения, а точнее, попытка выдать желаемое за действительность. Весь парадокс заключался в том, что именно для тех людей, которые посвятили свою жизнь и политическую судьбу задаче пробуждения революции, она как раз и явилась историческим сюрпризом. Точка зрения, согласно которой партия большевиков встретила наступление революции во всеоружии, так сказать, в полной боевой готовности, получила широкое распространение в тот период, когда Сталин прочно утвердился у власти в партии и стране. Да и вообще следует заметить, что по мере того, как увеличивалась временная дистанция между революционными событиями 1917 года и тем или иным отрезком текущего времени, все больше начинало превалировать явно лакированное изображение событий прошедших дней. Видимо, такая судьба выпадает на долю всех по-настоящему великих исторических переломов.

Рассказать в деталях о всех сторонах деятельности Сталина в 1917 году, даже учитывая то, что этот год фактически предопределил его дальнейшую политическую судьбу, не представляется возможным в силу вполне очевидных причин. Я ставил перед собой цель осветить в обобщенном виде его деятельность и участие в главных событиях того периода, уловить внутренний дух процесса перемен, происходивших в нем как в политическом, так и в мировоззренческом плане. Известно, что крупные исторические события, помимо всего прочего, выявляют и крупные исторические фигуры, которые в ходе таких событий проходят своего рода экзамен, проверку на право остаться на страницах истории. Именно под этим углом зрения, с позиций, так сказать, получения пропуска в анналы истории, я стремился освещать деятельность Сталина в период двух русских революций, разделенных друг от друга во временном плане микроскопическим отрезком времени. Разумеется, я ни в коей мере не склонен преувеличивать его реальную роль и значение как политической фигуры в рассматриваемый период. Но если грубым искажением действительности было бы такое преувеличение, то не намного лучшим вариантом является и сознательное, порой высокомерно-уничтожительное отрицание его отнюдь не первостепенной, но все же значительной роли в этот период.

Сталин фактически не принимал участия в Февральской революции, поскольку она свершилась скоротечно и весть о ее победе застала его в Сибири. Но почти молниеносный успех в феврале отнюдь не означал решения проблем, стоявших перед стра-

ной после падения старого режима, а тем более сколько-нибудь основательного определения путей дальнейшего развития российского общества. Не станет упрощением утверждение, что она вызвала к жизни больше проблем, чем смогла разрешить. В каком-то смысле можно сказать, что подлинная революция, коренным образом изменившая формировавшиеся веками устои жизни в российском обществе, началась уже после ее формальной победы. Расклад социально-политических сил накануне и после Февральской революции отличался крайней пестротой, что само по себе уже предопределяло сложные повороты и неожиданные зигзаги в дальнейшем развитии страны. Не только с высоты сегодняшнего дня, с точки зрения исторической ретроспективы, но даже и в тех условиях серьезным наблюдателям было ясно, что Россию отнюдь не ожидает перспектива стабильного развития. О каком-либо однолинейном движении по пути исторического прогресса, таком движении, которое бы аккумулировало в себе диаметрально противоположные интересы различных общественных сил, мечтать было невозможно. Реальный ход событий с железной закономерностью должен был привести в столкновение, а затем и в яростное противоборство, те самые широкие общественные слои, которые, как первоначально казалось, едины в своем восторженном восприятии наступивших перемен.

После первого всплеска всеобщего энтузиазма и ликования в связи с крушением трехсотлетней династии Романовых неизбежно должен был наступить и действительно наступил этап непримиримого противостояния, переросшего вскоре в открытую схватку основных классово-политических сил в стране. Сама жизнь ставила на повестку дня сложные проблемы, решения которых требовали коренные интересы страны. В конечном счете стоял вопрос о том, куда и как пойдет страна дальше. Сетования либеральных критиков относительно того, что Россия не остановилась на победе в Феврале и покатилась чуть ли не в некую историческую пропасть (под ней подразумевается Октябрьская революция), могут вызывать лишь недоумение, но никак не сочувствие. Серьезный объективный анализ реальной ситуации в стране давал все основания предполагать, что именно после победы Февральской революции развернется по-настоящему бескомпромиссная борьба полярных сил российского общества. Быстротечная победа в феврале обернулась скоротечной по историческим меркам, но, возможно именно поэтому особенно острой борьбой, в которой решался главный вопрос – по какому пути будет дальше идти страна.

С учетом такого понимания сложившейся тогда обстановки необходимо оценивать и участие Сталина в бурных событиях 1917 года. Очерченный мною исторический контекст положения в стране дает основание утверждать, что ему довелось на практике пройти самую серьезную школу открытой политической борьбы, ареной которой была в то время Россия. Собственно, не только перед отдельными политиками, но и перед всеми партиями жизнь поставила проблему выработки новой стратегии и тактики, причем времени для этого отводилось немного, если оно вообще было. Темпы и сам ритм политической жизни в стране, особенно в столице – Петрограде, требовали от всех, кто стремился утвердить себя в качестве влиятельной силы, исключительной гибкости, помноженной на способность правильно определять перспективы развития событий, уметь привлечь на свою сторону широкие слои населения. В хаотической обстановке того времени легко было растеряться, неверно оценить ситуацию, что, естественно, грозило катастрофическими последствиями для политических партий, так и для их лидеров, оказавшихся неспособными уловить дух времени, оседлать политического Пегаса.

Это задним числом, так сказать, ретроспективно, легко давать категорические оценки и выносить безапелляционные суждения. Тогда же положение было сложным, и каких-то готовых рецептов для выработки политической линии, соответствующей новым реальностям, не существовало и не могло существовать. Без учета данного обстоятельства конкретное освещение роли Сталина в событиях 1917 года будет явно упрощенным, искусственно вырванным из реального исторического контекста. Причем независимо от того, идет ли речь о событиях между февралем и октябрём того года, или о самой Октябрьской революции.

Итак, в начале марта 1917 года Сталин вместе с другими ссыльными, среди которых был и Л.Каменев, из Ачинска отправляется в Петроград. По дороге они отправляют приветственную телеграмму Ленину в Швейцарию. 12 марта Сталин прибывает в столицу. Здесь он сразу же обращается к своему старому знакомому по революционной работе С.Аллилуеву, своему будущему тестю. У него он рассчитывает получить информацию о партийных делах и войти как-то в курс событий. Сестра его будущей жены А.С. Аллилуева в своих воспоминаниях (кстати, они вышли в 1946 году и вскоре подверглись в печати разностной критике; разумеется, не без одобрения самого Сталина.) дает такую зарисовку обстоятельств его возвращения в Петроград и первых впечатлений, почерпнутых им в дороге: «Сталин в лицах изображает встречи на провинциальных вокзалах, которые присяжные, доморощенные ораторы устраивали возвращающимся из ссылки товарищам. Иосиф копирует очень удачно. Так и видишь захлебывающихся от выпренных слов говорильщиков, бьющих себя в грудь, повторяющих: «Святая революция, долгожданная, родная... пришла наконец-то..» Очень смешно изображает их Иосиф. Я хохочу вместе со всеми.

...Долго мы сидим, слушаем гостя. Сталин рассказывает, как торопился он в Питер из Ачинска, где застали его события 17 февраля. Он приехал в Петроград одним из первых. Конечно, если бы он ехал из Курейки, то был бы в пути дольше. С группой ссыльных он на экспрессе доехал из Ачинска в Петроград за четыре дня».¹

В одной из предыдущих глав мы уже касались эпизода, связанного с пресловутой телеграммой, отправленной сразу же после отречения Николая II в адрес Михаила Романова. Сталин в дальнейшем, в период борьбы с оппозицией в 20-х годах, использовал этот факт для политической дискредитации Каменева. Здесь же мне хотелось оттенить другой аспект вопроса: ситуация тогда была настолько сложна и неопределенна, позиции различных политических сил в стране были настолько размыты, а общая эйфория от молниеносной победы революции столь велика, что трудно было быстро и правильно сориентироваться, четко определить дальнейшую стратегию и тактику.

Это в полной мере относится и к Сталину. Достоверные исторические источники и материалы позволяют вполне объективно судить как о конкретных позициях Сталина по коренным проблемам того периода, так и об эволюции, которую закономерно претерпевали его взгляды. Разумеется, абсолютно несостоятельными представляются апологетические утверждения периода культа личности о том, что Сталин с самого начала, со своего возвращения в Петроград, занял единственно правильную позицию в оценке ситуации. Мол, с возвращением Ленина из эмиграции эта позиция только укрепилась, и Сталин достойно сыграл роль вождя революции наряду с Лениным.

¹ А.С. Аллилуева. Воспоминания. С. 166-167.

* Остановимся на некоторых наиболее существенных моментах периода его деятельности между двумя революциями.

Само собой понятно, что самым **ключевым** был вопрос об отношении к **установившейся (точнее сказать, к устанавливавшейся) в стране новой власти**. От ответа на него зависела и позиция по другим кардинальным проблемам, стоявшим перед страной. Обобщенно говоря, в партии большевиков в целом, как и среди отдельных ее членов, в тот период отсутствовала какая-то единая общая точка зрения. Как и бывает в таких случаях, сформировались три крыла – левое, правое и центристы. Левое крыло, следуя старой большевистской линии, выступало против всякой поддержки Временного правительства, рассматривая его в качестве выразителя интересов буржуазии. Правое крыло придерживалось той точки зрения, что Россия переживает период буржуазно-демократической революции, поэтому, сообразуясь с самим характером момента, необходимо оказывать поддержку новым властям. Разумеется, речь шла не о безоговорочной и безусловной поддержке. Но тем не менее курс на определенное сотрудничество с Временным правительством приверженцы этой позиции обозначали достаточно ясно. Третье крыло занимало промежуточную позицию между двумя другими, по ряду вопросов солидаризируясь с левыми, по некоторым другим вопросам – с правыми. Сталин, равно как и Каменев, оказались в лагере центристов. Самой логикой развития событий было предопределено неизбежное противостояние этих трех направлений в большевистской партии вскоре после победы в феврале. До возвращения Ленина из эмиграции принципиальные установки партии в коренных вопросах ситуации оказались как бы в подвешенном состоянии.

Приезд Каменева, Сталина и Муранова (а оба последних являлись членами ЦК) в Петроград существенно повлиял на расстановку сил в партийном руководстве. Наличие состав Русского бюро ЦК как по численности, так и по персональному составу, явно не отвечал масштабам и сложности стоявших перед партией задач. Вначале Русское бюро заняло двойственную позицию по вопросу о включении Сталина в свой состав. 12 марта на заседании Бюро обсуждался вопрос о “новых лицах”, намеченных к включению в Бюро (несколькими днями раньше оно уже дважды пополнялось новыми членами). По кандидатуре Сталина было принято довольно двусмысленное решение: «Относительно Сталина было доложено, что он состоял агентом ЦК в 1912 г. и потому являлся бы желательным в составе Бюро ЦК, но ввиду некоторых личных черт, присущих ему, Бюро ЦК высказалось в том смысле, чтобы пригласить его с совещательным голосом»².

Какие имелись в виду личные черты, осталось неизвестным.* Недоумение вызывает и то, что члены Русского бюро называют Сталина всего лишь агентом ЦК, хотя

² “Вопросы истории КПСС”. 1962 г. № 3. С. 143.

* Западные биографы Сталина на этот счет придерживаются различных точек зрения: А.Улам выдвигает предположение, что причиной или поводом такого решения явилось поведение Сталина в 1912-1913 гг. в период его работы по руководству газетой “Правда” (См. *A.Ulam. Stalin: The Man and his Era.* p. 132, 143-135). Р.Такер безапелляционно утверждает: «...нет сомнений в том, что имелись в виду его высокомерие, отчужденность и нетоварищеское поведение в Туруханской ссылке». (*Роберт Такер. Сталин.* Т.1. С. 155). Роберт Слассер, профессор Мичиганского университета, выпустивший в 1987 году книгу, специально посвященную освещению деятельности Сталина в 1917 году, полагает, что точка зрения Р.Такера наиболее правдоподобна. (См. *Роберт Слассер. Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции.* М. 1989. С. 21).

он в то время уже был членом ЦК. Данное обстоятельство, видимо, отражает общую сумятицу и неразбериху, царившую тогда в российском руководстве партии. Другими причинами этого не объяснишь. Однако первоначальное довольно туманное и противоречивое решение буквально через пару дней фактически было дезавуировано: 15 марта Сталина ввели не только в состав Бюро, но и Президиума Бюро. Остается только гадать, как за несколько дней произошли волшебные метаморфозы с "присущими ему личными чертами", что он уже оказался вполне пригодным даже в составе Президиума Русского бюро ЦК. В литературе о Сталине этот пикантный момент получил достаточно стороннее и однозначно негативное толкование: вот, мол, уже тогда личные качества Сталина вызывали отторжение со стороны партийных работников, соприкасавшихся с ним.

Я не склонен придавать данному эпизоду незаслуженно серьезного внимания. В конце концов в большевистской верхушке также существовали склоки и соперничество, взаимные симпатии и антипатии. И они, разумеется, сказывались не только на сугубо личных отношениях. По крайней мере, тот факт, что выжидательная позиция в отношении включения Сталина в состав руководящего органа партии в тот период, была сразу же пересмотрена, говорит сам за себя. Этим я, конечно, не хочу каким-то образом ставить под сомнение наличие у Сталина отрицательных черт характера, которые порождали антипатию к нему со стороны отдельных партийных деятелей того периода. Вообще говоря, данный эпизод его политической карьеры в период так называемой борьбы с культом личности изображался в качестве чуть ли не обвинительного вердикта в его адрес со стороны партии в целом. Соответственно формулировались и отвечающие такой посылке исторические ретроспективы.

Объективная же оценка этого эпизода не дает серьезных оснований для каких-то далеко идущих выводов и умозаключений политического характера. Отрицательные личные черты и свойства Сталина будут неизменным аргументом его политических противников в борьбе в против него. Эти отрицательные черты и свойства его личности, подобно тени, всегда сопровождали всю его политическую судьбу. Сам же Сталин (и об этом более подробно будет идти речь в дальнейшем) признавал за собой грехи по части характера. Но изобрел и противоядие против таких обвинений (оно казалось ему вполне убедительным): мол, это – всего лишь недостатки чисто личного свойства, не имеющие никакого отношения к политической линии и позиции. Насколько состоятельна такая точка зрения, пусть судит сам читатель. Я стою на том, что личные качества и черты человека, особенно, если он находится на вершине власти, а тем более обладает властью, соразмерной с диктаторской, неизбежно, в силу природы вещей, будут так или иначе сказываться и на его политике. В конечном счете нельзя забывать, что политический деятель – это прежде всего личность, и особенности его характера бросают свой неизгладимый отпечаток на его политику.

Одновременно с введением Сталина в состав Русского бюро он вошел и в состав редколлегии "Правды" 15 марта в ней появилось сообщение о радикальных изменениях в персональном составе редакционной коллегии. Сталин вместе с Каменевым и Мурановым фактически отстранили Русское бюро от руководства газетой и взяли его свои руки. В известном смысле можно говорить о том, что они придали газете совершенно новое политическое лицо. Это сказало прежде всего на позиции по наиболее злободневным проблемам, волновавшим не только партийных функционеров, но и рядовых членов партии. В газетных публикациях начали явственно прогля-

дывать признаки некоего нового подхода к вопросам об отношении к Временному правительству, по вопросам войны и мира и по ряду других. Биографическая литература о Сталине в целом однозначно расценивает изменения в составе руководства газетой и проведение ею новой линии в качестве своеобразного «редакционного переворота», произведенного прибывшей из сибирской ссылки тройкой.

Вот как писал об этом в своих мемуарах, изданных в 1925 году, А. Шляпников, бывший одним из руководителей Русского бюро ЦК: «Тт. Каменев, Сталин и Муранов решили овладеть «Правдой» и повести ее на «свой» лад... Редактирование очередного, 9-го номера «Правды» от 15 марта, на основании этих формальных прав, они взяли полностью в свои руки, подавив своим большинством и формальными прерогативами представителя Бюро ЦК т. В. Молотова». Как вспоминал далее Шляпников, «когда этот номер «Правды» был получен на заводах, там он вызвал полное недоумение среди членов нашей партии и сочувствовавших нам, и язвительное удовольствие у наших противников. В Петербургский комитет, в Бюро ЦК и в редакцию «Правды» поступали запросы, — в чем дело, почему наша газета отказалась от большевистской линии и стала на путь оборонческой? Но Петербургский комитет, как и вся организация, был застигнут этим переворотом врасплох и по этому случаю глубоко возмущался и винил Бюро ЦК. Негодование в районах было огромное, а когда пролетарии узнали, что «Правда» была захвачена приехавшими из Сибири тремя бывшими руководителями «Правды», то потребовали исключения их из партии».³

По прошествии столь длительного времени данный эпизод в политической биографии Сталина выглядит чуть ли не как микроскопическое пятнышко, едва различимое на фоне времени и задвинутое за рамки исторических событий в силу своей малозначительности. Оно как бы скрылось за подлинно грандиозным горизонтом реально весомых исторических сдвигов, потрясавших в тот период не только Россию, но и саму большевистскую партию. Вместе с тем, нельзя преуменьшать значения данного эпизода в широком историческом контексте: он приоткрывает завесу и позволяет лучше судить о методах политической борьбы Сталина. Последний отнюдь не испытывал особого пиетета перед всякого рода формальностями, коль речь шла о серьезных политических проблемах. Целеустремленность и здесь проглядывает как одна из самых характерных черт, присущих стилю его политической философии. Именно эта устремленность сделала возможным то, что, как пишет его биограф И. Дойчер, «он в течение трех недель, до возвращения Ленина из Швейцарии 3 апреля, осуществлял фактическое руководство партией».⁴

Обратим внимание на оценку его роли в этот период со стороны И. Дойчера, — достаточно авторитетного специалиста, не испытывавшего ни малейших симпатий к Сталину. Скорее, наоборот: его перу принадлежит самое фундаментальное исследование, посвященное жизни и деятельности Троцкого. Именно Троцкий был для Дойчера своего рода кумиром. Так что здесь трудно заподозрить какую-то натяжку. Однако столь высокая оценка мне представляется значимой не с точки зрения ее фактической подлинности (руководство партии в тот период не осуществлялось кем-либо персонально), сколько под углом зрения признания роли Сталина в качестве одной из ключевых фигур большевистского руководства.

³ А. Шляпников. Семнадцатый год. Кн. 2. М. — Л. 1925. С. 180 — 183.

⁴ Issac Deutscher. Stalin. p. 140.

Другим событием, значимым для дальнейшей политической карьеры Сталина, явилось включение его в состав Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, куда он был делегирован 18 марта в соответствии с решением Бюро ЦК партии. В этой связи может вызвать лишь саркастическую усмешку утверждение такого компетентного автора, как Б.Суварин: “Сталин, делегированный Центральным Комитетом его партии, т.е. самим собой и его ближайшими товарищами, стал членом Исполкома Советов, не будучи избранным ни рабочими, ни солдатами. История вытянула его из под покровов его подпольной деятельности и дала ему возможность действовать открыто.”⁵ Во-первых, Сталин никак не мог сам себя делегировать в состав Исполкома, явившись туда без соответствующих полномочий и представившись вроде того: “Здравствуйте, я ваша тетя”. Еще на первом заседании Совета, буквально через считанные часы после революции, сам Совет принял предложение большевиков об усилении Исполкома путем введения в него по три представителя от партий большевиков, меньшевиков и эсеров.⁶ Так что законные основания для делегирования Сталина в состав Исполкома были налицо. Во-вторых, выборы в советы в первый период после победы Февральской революции носили зачастую довольно формальный характер, не говоря уже о том, что они не производились на справедливой и демократической основе. Сами меньшевики и эсеры, утвердившие свое лидирующее положение в Петроградском Совете, во многом оказались у его руля именно в силу отсутствия четкого и повсеместно выполнявшегося порядка выборов. Случалось так, что в числе делегатов были и люди на основании так называемого устного мандата, когда кроме собственного заявления о своих полномочиях, не представлялись какие-либо иные свидетельства того, что данное лицо избрано в состав Совета. Да и наивно было бы ожидать чего-то иного в обстановке только что победившей революции, когда на первом плане стояли отнюдь не какие-то чисто формальные правила и положения.

Э. С. Суварин

Публичная деятельность Сталина в Исполкоме Петроградского совета не стала яркой страницей в его политической биографии. Более того, с легкой руки меньшевика Суханова в его “Записках о революции”, роль Сталина в Исполкоме изображается большинством его биографов как роль весьма тусклой и заурядной политической фигуры. Поскольку это замечание Суханова служит своеобразным “документальным фундаментом” этой оценки, стоит его привести полностью и кратко прокомментировать. Итак, Н.Суханов пишет:

“У большевиков в это время кроме Каменева появился в Исполнительном Комитете Сталин. Этот деятель — одна из центральных фигур большевистской партии и, стало быть, одна из нескольких единиц, державших (державших до сей минуты) в своих руках судьбы революции и государства. Почему это так, сказать не берусь: влияния среди высоких, далеких от народа, чуждых гласности, безответственных сфер так прихотливы! Но во всяком случае, по поводу роли Сталина приходится недоумевать. Большевистская партия при низком уровне ее «офицерского корпуса», в массе невежественного и случайного, обладает целым рядом крупнейших фигур и достойных вождей среди «генералитета». Сталин же за время своей скромной деятельности

Boris Souvarine. Stalin: A Critical Survey of Bolshevism. Электронная версия. Глава 5 – “Revolution”

⁵ *История Коммунистической партии Советского Союза.. Т. 2. С. 678.*

в Исполнительном Комитете производил — не на одного меня — впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно. Больше о нем, собственно, нечего сказать”⁷

Выше я уже касался противоречивости и необедительности данной характеристики. Здесь же хочется отметить, что Суханов в основу своих оценок, по всей видимости, в качестве главного критерия берет то, как часто и как красиво тот или иной деятель выступал на заседаниях Исполкома с речами. Сталин же — это хорошо известно — не был оратором, не обладал ярким даром публичных выступлений, хотя его речи и отличает строгая логичность и предельная четкость изложения мыслей. Поэтому, если судить о роли Сталина по меркам ораторского искусства, то она действительно не оставляла и не могла оставить сильного впечатления. Однако революцию делали не только яркие ораторы и народные трибуны, но и серьезные организаторы, причем с точки зрения объективных критериев отнюдь не безоговорочно пальму первенства можно отдать первым. По крайней мере, очевидно, что цель и смысл пребывания Сталина в составе Исполкома Петроградского совета, как это мыслила партия, заключались не в том, чтобы продемонстрировать ораторские дарования представителя большевиков. Среди большевиков было немало блестяще одаренных ораторов. И каждый делал свое дело на своем месте. В этом и состоит простая сермяжная правда. Делать же на основе умозаключения Суханова широкие выводы о безликости и серости фигуры Сталина на политическом небосклоне тогдашней России, по меньшей мере, неправильно.

Но вернемся непосредственно к тем проблемам, которые в начальный (да и не только в начальный) период после победы в феврале, составляли содержание всей общественной жизни страны и, соответственно, представляли поле напряженного политического противоборства. Осью, вокруг которой вращались фактически все споры в среде большевиков, было отношение к Временному правительству. Само отсутствие в партии единства по этому вопросу выглядит скорее закономерностью, нежели случайностью. С чисто психологической точки зрения, не говоря уже о соображениях абстрактно-теоретического порядка, трудно было, приветствуя победу революции и крушение столь ненавистного большевикам (и не только им, но и подавляющему большинству политически активного населения страны) режима, сразу же после достигнутого успеха занять позицию непримиримого и жесткого противостояния новому правительству. Ведь, по существу, революция только раскрывала свое настоящее лицо, обнажала свою истинную социально-классовую природу и направленность. Естественно, требовалось какое-то время, чтобы достаточно объективно и в полной мере оценить первые шаги нового правительства и сформулировать свое отношение к нему.

К тому же, необходимо учитывать еще одно немаловажное обстоятельство, игравшее тогда едва ли не решающую роль: большевики, согласно своим концепциям о природе буржуазно-демократической революции и перспективах ее перерастания в революцию социалистическую, должны были найти какое-то теоретическое объяснение и истолкование с точки зрения марксистской теории всему тому, ареной чего стала Россия. И, как всегда, жизнь, реальное содержание социально-экономических и политических процессов не могли плавно уместиться в прокрустово ложе теорети-

⁷ Н.Н. Суханов. Записки о революции. Том 1. М. 1991. С.280.

ческих построений. Противоречия и неодинаковые подходы, различия в оценках ситуации, нюансы в прогнозах вероятного развития событий были неизбежны. Странным было бы не наличие таких разногласий, а их отсутствие.

Итак, осевой вопрос – отношение к Временному правительству. К нему примыкал, являясь вполне самостоятельным, а не только производным, – вопрос о Советах как органах зарождавшейся новой власти. Речь шла фактически о том, что революция вызвала к жизни, пока еще не в окончательно оформленном виде, проблему двоевластия. В эпоху революционных сдвигов и потрясений такая или аналогичная ей ситуации возникали не впервые, и не только в России. Ибо каждая сколько-нибудь влиятельная социально-политическая сила стремилась оседлать революционный поток и направить его в русло осуществления своих собственных устремлений. Такова элементарная логика развития практически любой революции. Российская же революция отличалась еще и тем, что произошла в крайне сложных и тяжелых условиях продолжавшейся мировой войны. Таким образом, сама жизнь своими незримыми обручами как бы объединила эти, да и многие другие, отнюдь не второстепенные вопросы, в нечто единое целое. Комплекс проблем, стоявших перед страной, в том числе и перед большевиками, нельзя было уподобить некоему историческому гордиевому узлу, который можно было бы разрубить одним ударом меча, как это сделал Александр Македонский.

Какова же была позиция Сталина по этим кардинальным вопросам российской действительности того времени? Ответ на этот вопрос позволяет судить, насколько глубоко он сумел за столь короткое время сориентироваться в сложившейся обстановке, какими ему виделась не только ближайшие, но и более отдаленные перспективы развития русской революции. В соответствии с ответами на данные вопросы, видимо, он строил и линию своего политического поведения, свою политическую стратегию.

Но прежде чем непосредственно рассмотреть поставленный вопрос, позволю себе сделать несколько попутных замечаний, имеющих прямое касательство к теме нашего разговора. Задним числом, конечно, легко выносить безапелляционные и безошибочные исторические вердикты. Однако таковые вообще неприложимы к оценке как исторических событий, так и отдельных исторических фигур. В полной мере это относится и к оценке всей деятельности Сталина в период между двумя революциями, как и к оценке его позиции по кардинальным проблемам того периода.

Здесь уместно отметить, что в обстановке развернувшейся после смерти Ленина острейшей внутрипартийной борьбы особое место заняли, казалось бы, чисто исторические аспекты, в особенности выяснение роли того или иного тогдашнего партийного деятеля в период после Февральской революции и до завоевания власти большевиками. За этой, внешне чисто историографической битвой, скрывалась ожесточенная политическая схватка, ставкой в которой было право на то, чтобы стать политическим преемником Ленина. Застрельщиком этой грандиозной баталии выступил Троцкий, и именно благодаря этому многие достаточно темные или сомнительные эпизоды предоктябрьского периода нашли свое освещение в тогдашней партийной литературе и печати. Троцкому надо отдать пальму первенства в попытке не просто преуменьшить роль Сталина в этот период, но и вообще изобразить его в качестве чуть ли не политического пигмея. Разумеется, в сравнении с такими гигантами борьбы, каким преподносил себя он сам.

В рамках поставленной мною задачи нет возможности детально остановиться на всех существенно важных моментах тогдашней политической дискуссии. Замечу лишь, что реальные политические поражения никому не удавалось превращать в политические победы с помощью любых, даже самых искусно проведенных дискуссионных баталлий. Так случилось и с Троцким. Именно он, сконцентрировав свои усилия на принижении роли Сталина в рассматриваемый период, стремился набрать политические очки, чтобы выставить себя в качестве одной из самых решающих (если не самой решающей) фигур в период между двумя революциями. История здесь была поставлена на службу политике, и цель заключалась в том, чтобы таким путем подкрепить претензии на единоличное лидерство в партии после смерти Ленина.

Свою задачу я вижу в том, чтобы нарисовать объективную картину, какой она складывается на базе имеющихся материалов и позднейших комментариев историков различного направления. Конечно, по понятным причинам, такая картина будет схематичной, не сопоставимой с многокрасочным полотном тогдашних реальных событий, одним из фрагментов которого предстает и деятельность Сталина в эти критические для судеб страны месяцы.

Позволю себе сделать еще одну оговорку, имеющую, как мне кажется, существенное значение при выборе критериев, лежащих в основе общей оценки политической активности Сталина в этот исключительно динамичный и противоречивый отрезок российской истории. В советской исторической литературе, равно как и в буржуазной советологии, не говоря уже о современной историографии так называемого демократического покроя, чуть ли не ключевым, базисным аргументом в критике Сталина того периода (правильнее сказать, всей его деятельности вообще) было скрупулезное выискивание различий и разногласий последнего с ленинской позицией и ленинскими взглядами по соответствующим вопросам. Мне такая методология представляется изначально односторонней, не отвечающей требованиям историзма, противоречащей элементарным нормам объективного подхода.

Я несколько не ставлю под сомнение главную, определяющую и решающую роль Ленина в выработке и реализации важнейших политико-стратегических установок партии большевиков на всех переломных этапах русской революции. Эта его роль общеизвестна и общепризнана, и на этот счет нет нужды распространяться. Но хочется оттенить другое: в большевистской партии Ленин пользовался непререкаемым авторитетом, однако это не означало, что все другие члены партии, в первую очередь в ее руководящих верхах, не могли иметь свое мнение и высказывать его, полемизируя с Лениным, в том числе и по самым принципиальным вопросам. Для политической партии, особенно для партии, работавшей для подготовки революции, – это было явление нормальное. Поэтому, по меркам истории, нет ничего сверхъестественного, а тем более криминального в том, что Сталин в целом ряде довольно важных вопросов придерживался иной, нежели Ленин, точки зрения и практической позиции. Ведь никто не рассматривал взгляды Ленина как своего рода “Новый завет” большевиков, обязанных слепо следовать каждой его букве. Правы те исследователи, кто в расхождениях между Лениным и Сталиным на различных исторических поворотах, видят скорее свидетельство “интеллектуальной независимости” последнего, чем политический или теоретический криминал.⁸ Думается, что именно такой угол зрения

⁸ См. об этом *Robert Mc Neal, Stalin. Man and Ruler*, p. 31. *Жизнь и деятельность Сталина*

дает возможность более объективно подойти к реальной исторической оценке происходивших событий. А то получается, тот же культ личности со всеми его последствиями в области исторического исследования, только другим концом!

Позицию Сталина по отношению к Временному правительству до середины апреля 1917 года с полным основанием можно назвать центристской. Вполне определено, хотя и несколько витиевато, она сформулирована в ряде статей, опубликованных им в "Правде" вскоре после приезда в Петроград. Но наиболее концентрировано она выражена в его докладе на партийном совещании большевиков, состоявшемся в конце марта – начале апреля 1917 года.* Выступая 29 марта с основным докладом "Об отношении к Временному правительству"⁶⁴, Сталин утверждал:

«Власть поделилась между двумя органами (имеются в виду Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов – *Н.К.*), из которых ни один не имеет всей полноты власти. Трения и борьба между ними есть и должны быть. Роли поделились. Сов. Р. и С. Д. фактически взял почин революционных преобразований: С. Р. и С. Д. – революционный вождь восставшего народа, орган контролирующий Временное правительство. Временное же правительство взяло фактически роль закрепителя завоеваний революционного народа. С. Р. и С. Д. мобилизует силы, контролирует Временное же правительство – упираясь, путаясь, берет роль закрепителя тех завоеваний народа, которые фактически уже взяты им. Такое положение имеет отрицательные, но и положительные стороны; нам невыгодно сейчас форсировать события, ускоряя процесс откалывания буржуазных слоев, которые неизбежно в последствии должны будут отойти от нас. Нам необходимо выиграть время, затормозив откалывание средне-буржуазных слоев, чтобы подготовиться к борьбе с Временным правительством. Но без конца такое положение продолжаться не будет. Революция углубляется. От политических вопросов будут переходить к социальным. Социальные требования отколют средне-буржуазные слои. Неразумно рассчитывать, что удастся довести до конца революцию без раскола с буржуазией».

Развернувшаяся на совещании дискуссия выявила резкие разногласия по данному вопросу, в том числе и по положениям, сформулированным в докладе Сталина. Так,

* Материалы этого совещания впервые были преданы огласке Троцким в качестве приложения в его книге "Сталинская школа фальсификации", выпущенной в Берлине в 1932 году. В СССР они опубликованы впервые в 1957 году, а затем в более полном и уточненном виде в журнале "Вопросы истории КПСС", №5 и №6 за 1962 год. Здесь даются ссылки на первую публикацию, сделанную Троцким.

** Обращает на себя внимание, что данный доклад Сталина не был включен в собрание его сочинений, равно как и в ряд изданий сборника его произведений "На путях к Октябрю", вышедших в 20-е годы. Мотивы этого, конечно, кроются в нежелании автора предавать широкой огласке ошибочные с точки зрения ортодоксального большевизма взгляды, отстаивавшиеся им в тот период. Попутно заметим, что в собрание сочинений Сталина также не были включены некоторые его другие выступления и публикации, бросающие на него некую неблагоприятную тень в плане соответствия его позиции установкам, которые отстаивал Ленин. Продиктовано это было, опять-таки, стремлением предстать в анналах истории в качестве второго после Ленина вождя революции, чуть ли не с самого начала ясно видевшего пути будущего развития революции в социалистическом направлении.

⁶⁴ Цит. по *Л. Троцкий. Сталинская школа фальсификации*. М. 1990. С. 231. ⁶⁴.

один из видных большевиков Н.Скрыпник* заявил: «Что понимают под словом поддержка? Поскольку я слышал, все говорят, что Временное правительство принимает те или иные революционные меры под давлением революционного пролетариата. Но это – поддержка не правительства, а тех мер, которые мы сами требовали и которые оно проводит. Вопрос же о поддержке имеет очевидно другой смысл, – это не поддержка мер, а декларация перед заграницей и Россией доверия ему. Такого доверия мы ему оказать не можем. Правительство не закрепляет, а задерживает ход революции».¹⁰

Общий настрой выступавших обозначился явно не в пользу, пусть частичной, условной, с большими оговорками, поддержки Временного правительства. Сталин явно не желал идти на конфронтацию. Но главное, как мне представляется, он сам не был убежден в том, что такое правительство вообще достойно серьезной поддержки. В итоге дискуссии он пересмотрел (или, точнее, скорректировал) свою точку зрения. В заключительном слове он заявил: «При таком положении дел можно ли говорить о поддержке такого правительства? Можно говорить о том, чтобы правительство поддержало нас. Не логично говорить о поддержке Временного правительства, наоборот, уместнее говорить о том, чтобы правительство не мешало нам проводить свою программу». В конечном счете Сталин предложил «принять за основу резолюцию, не поддерживающую Времен. Правительство: оно организует армию, вызывает вражду солдат против рабочих и, опираясь на силу англо-французского капитала, организует уже контрреволюцию».¹¹

Для того, чтобы этот существенный фрагмент общего политического полотна событий того времени обрел свои истинные масштабы и очертания, необходимо подчеркнуть, что сам Сталин в 1924 году, в ходе борьбы с троцкизмом, счел необходимым признать ошибочность своей тогдашней позиции. Вот что он говорил в связи с этим:

Нельзя было также вести политику поддержки Временного правительства, ибо оно являлось правительством империализма. Необходима была новая ориентировка партии в новых условиях борьбы. Партия (ее большинство) шла к этой новой ориентировке ощупью. Она приняла политику давления Советов на Временное правительство в вопросе о мире и не решилась сразу сделать шаг вперед от старого лозунга о диктатуре пролетариата и крестьянства к новому лозунгу о власти Советов. Эта половинчатая политика была рассчитана на то, чтобы дать Советам разглядеть на конкретных вопросах о мире подлинную империалистическую природу Временного правительства и тем оторвать их от последнего. Но это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и зат-

»

* В 1933 году этот видный деятель партии покончил жизнь самоубийством. Любопытно, как это было представлено тогда общественности: «Рассматривая акт самоубийства, как акт малодушия, особенно недостойный члена ЦК ВКП(б), ЦК считает необходимым известить членов партии, что т. Скрыпник пал жертвой тех буржуазно-националистических элементов, которые вошли к нему в доверие... Запутавшись в своих связях с ними, т. Скрыпник допустил ряд политических ошибок, и осознав эти ошибки, он не нашел в себе мужества большевистски преодолеть их на деле и пошел на акт самоубийства» («Правда», 8 июля 1933 г.)

¹⁰ Цит. по Л.Троцкий. Сталинская школа фальсификации. С. 243.

¹¹ Там же. С. 247.

рудняла революционное воспитание масс. Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от неё полностью лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам Ленина. Нужна была новая ориентировка. Эту новую ориентировку дал партии Ленин в своих знаменитых "Апрельских тезисах"¹².

Приезд Ленина из эмиграции в Петроград 3 апреля положил конец двойственной, противоречивой, а порой и явно несостоятельной позиции партии большевиков в отношении Временного правительства. Кстати, надо заметить, что и само Временное правительство, стремясь укрепить свои позиции, предпринимало шаги, на самом же деле подрывавшие эти самые позиции. В каком-то смысле Временное правительство работало против самого себя, что, конечно, неизбежно влекло за собой рост разочарования в нем не только со стороны трудящихся слоев, но и даже среди его сторонников. Направление политики Временного правительства, его персональный состав, постоянные шатания и виляния из стороны в сторону – все это в значительной мере способствовало ослаблению его престижа в глазах общественного мнения. Это же и укрепляло позиции тех, кто выступал против любой поддержки Временного правительства.

Положение в стране с точки зрения любых реалистических критериев можно было назвать критическим. Взять ли условия жизни подавляющего большинства населения как в городе, так и на селе. Вдохнув глоток свободы, массы трудящихся надеялись на долгожданные перемены в своей жизни, что в первую очередь относилось ко всему комплексу социально-экономических проблем: улучшение положения рабочих, наделение землей крестьян, радикальное устранение всех пут, обусловленных существованием всякого рода полупфеодальных пережитков, прежде всего в сфере трудовых отношений. И ко всему прибавлялась – как одна из самых животрепещущих проблем – выход из войны, бремя которой уже стало невыносимым для всей страны. Стоявшую перед обществом дилемму можно было бы определить следующим образом: революция путем реформ или реформы путем революции.

Иными словами, или провести реформы, носящие по своему существу революционный характер, чтобы таким путем избежать новой, уже социальной революции. Господствующие классы и отражавшие их интересы основные политические партии, не только не были готовы к такому развороту событий, но и делали все возможное, чтобы избежать его.

Другая альтернатива вырисовывалась сама собой – добиться реализации этих целей посредством революции, причем в силу законов общественного развития такая революция неизбежно должна была выйти далеко за рамки даже самых радикальных преобразований в рамках существующего режима. Иными словами, вопрос стоял по существу о смене социально-экономического строя и, соответственно этому, политического режима. Исторический опыт давно уже доказал, что там, где отсутствует желание и готовность правящих классов идти на необходимые реформы, там объективно, вне всякой зависимости от их субъективных устремлений, неизбежно вызревает почва для революции, со всеми присущими ей крайностями и издержками.

Наивными, лишенными серьезных оснований, представляются потуги тех, кто пытался и пытается изобразить Февральскую революцию как вполне завершенный,

¹² И.В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 333.

законченный исторический поворот, открывавший перед страной путь к расцвету, утверждению принципов социальной справедливости, всеобщей демократии, равенству и всем прочим благам, которые якобы знаменует собой буржуазно-демократическая революция. По их узколобому представлению в октябре 1917 года большевики совершили не революцию, а контрреволюцию, похоронившую все достижения Февраля. Такой подход не имеет ничего общего с объективной оценкой как самой ситуации, сложившейся в России в 1917 году, так и с пониманием самой природы революционных потрясений. Если перевороты можно совершать, не только не опираясь на поддержку самых широких народных масс, но часто даже вопреки их коренным интересам, то подлинные революции немислимы без поддержки и участия большинства населения страны. Острые, накаленные до предела противоречия тогдашнего российского общества, ни в коей мере не были разрешены Февральской революцией. И именно это обстоятельство стало первопричиной того, что в порядок дня ходом развития событий был остро поставлен вопрос о доведении до своего логического конца тех кардинальных преобразований, в которых нуждалась страна. Таким образом, суть проблемы не в каком-то кровожадном стремлении большевиков к насилию, к установлению своей власти, а в том, что в соответствии с логикой исторического процесса Февральская революция явилась как бы прологом Октябрьской революции.

Мимоходом еще раз подчеркну: опыт многих стран убедительно доказал, что революции в силу своей природы не нуждаются в каком-то легитимном оправдании, поскольку сами они являются высшей формой фактического отрицания прежних правовых устоев и порядков. Поэтому говорить о законности или незаконности, правомерности или неправомерности той или иной революции по меньшей мере наивно, если не смешно. Сам факт их свершения убедительно свидетельствует о том, что они закономерно вызревали в недрах общества. Для защитников строя, основанного на эксплуатации, любая революция, направленная на его ниспровержение, в силу очевидных причин представляется незаконной, не имеющей правового и морального оправдания. Если бы это было в их силах, то они изъяли бы из истории все страницы, связанные с революциями, да и само это понятие поставили бы вне закона.

Эти рассуждения, на первый взгляд, не имеют прямого отношения к предмету нашего исследования. Но в действительности они непосредственным образом связаны с ним. Живо они перекликаются и с некоторыми событиями современной российской истории. Поэтому понимание и оценка ситуации, сложившейся в России в тот период, имеет первостепенное значение и для выяснения роли Сталина в событиях тех дней.

Историческая арена, активными действующими лицами на которой выступали большевики, была по своему уникальной. Незавершенность одной революции не могла не ставить вопроса о неотвратимости другой революции, которая должна была радикально решить задачи, оказавшиеся непосильными для первой. Конечно, Сталин в силу своих убеждений, на основе своего революционного опыта и по причине свойственного ему радикализма был и не мог не быть сторонником именно революционного пути дальнейшего развития России. Однако вполне ясного и четкого представления о том, какой политико-стратегической линии должна придерживаться партия, чтобы добиться своих целей, он, да и вся партия в целом, не имели. Старые рецепты мало чего давали в новых, причем уникальных по своему своеоб-

разию, условиях. К тому же, следует признать, что его интеллектуальный и теоретический багаж к тому времени был не столь значителен, чтобы он оказался в состоянии сформулировать стратегическую концепцию большевистской партии в этот судьбоносный период. Выполнить эту задачу оказалось по плечу только Ленину, проявившему настоящий гений революционной мысли и революционного действия.

Квинтэссенция новой ленинской стратегии, на фундаменте которой был определен политический курс партии, состояла из следующих основополагающих положений, четко сформулированных в «Апрельских тезисах»: буржуазно-демократическая революция в России закончена, поскольку вопрос о власти решен (власть от помещиков перешла к буржуазии). Существенно важной особенностью являлось то, что революция пошла дальше обычной буржуазной революции, она вплотную подошла к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, которая оказалась переплетенной с диктатурой буржуазии. Особенность расстановки классовых сил после победы в феврале, считал Ленин, заключалась в том, что мелкобуржуазная демократия колебнулась в сторону буржуазии, увлекая за собой часть рабочих на путь соглашательства, и заключила с ней политический блок, результатом которого и явилось фактическое признание Советами Временного правительства в качестве законной и официальной власти.

Ленин исходил из того, что, несмотря на завершенность буржуазно-демократического этапа, широкомасштабная революционная борьба в стране будет продолжаться, поскольку Временное правительство, присвоившее себе плоды народной победы, не могло дать народу то, за что он боролся: обеспечить выход из войны, решить аграрный вопрос, серьезно улучшить положение трудящихся, эффективно бороться с разрухой, гарантировать реальные политические свободы. А поскольку эти вопросы не могут быть решены при существующей власти, революция будет развиваться до тех пор, пока власть не перейдет к классу, который обеспечит их решение. Таким классом, по мнению Ленина, мог быть только пролетариат. Коротко говоря, он увидел реальную возможность установления в стране диктатуры одного класса — пролетариата — в интересах самых широких слоев населения всей России.

Сказать, что новая политическая линия, предложенная Лениным, произвела ошеломляющее впечатление, значит почти ничего не сказать. Это был гром среди ясного неба. Еще не улеглась в сознании населения, да и всех активных политических слоев, эйфория в связи с февральской победой, а лидер большевиков уже призывает к новой революции. Причем революции, гораздо более глубокой и масштабной, нацеленной на коренной поворот в ее исторических судьбах. Многие сочли новую программу действий, сформулированную Лениным, чуть ли не бредом сумасшедшего. Следует сказать, что и среди немалой части большевиков господствовало мнение, что их лидер оторвался от реальности, не понимает сущность российской ситуации и по важнейшим проблемам судит как эмигрант, утративший живые связи со страной. Сам Ленин писал: «И тезисы и доклад мой вызвали разногласия в среде самих большевиков и самой редакции «Правды».¹³ В такой обстановке партийное руководство, включая Сталина, решило провести общепартийную

¹³ В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 131.

дискуссию по “Апрельским тезисам”, которые были опубликованы в газете “Правда” 7 апреля 1917 г. В ходе дискуссии, продолжавшейся на страницах партийной печати, партийных собраниях, конференциях и т. п. в течение трех недель, многое прояснилось, большинство партии высказалось в поддержку предложений Ленина. Дискуссия завершилась на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б).

Имеющиеся в распоряжении историков документы и материалы свидетельствуют о том, что Сталин также перешел на позиции Ленина и поддержал тезисы. Правда, процесс перехода был не безболезненным и отнюдь не одномоментным. На одном из заседаний Русского бюро ЦК через три дня после возвращения Ленина из эмиграции он охарактеризовал тезисы как “схему”, лишенную фактов, в силу чего она не является удовлетворительной.¹⁴ Есть достаточные основания полагать, что колебания Сталина в отношении ленинских тезисов носили какой-то вялый характер: они не несли в себе черты принципиального отторжения новой революционной стратегии, выдвинутой лидером большевиков. Скорее всего, его первоначальное неприятие тезисов было порождено не принципиальными соображениями, а прежде всего фактором неожиданности и потрясающей новизны основных положений, положенных в основу этих тезисов.

Сталин, оторванный на протяжении ряда лет от непосредственной революционной работы, погруженный в заботы о простом физическом выживании, естественно, не мог глубоко и всесторонне оценить характер и особенности принципиально новой ситуации, сложившейся в стране. Старые представления и стереотипы относительно характера и перспектив развития русской революции, конечно, доминировали в тот период в его политическом мышлении. Именно этими соображениями объясняется его первоначальная “мягкая оппозиция” апрельским тезисам Ленина. В чем-чем, а в отсутствии радикализма, в нацеленности на наиболее кардинальные, революционные шаги, упрекнуть его трудно. Это, конечно, не означает, что всегда и во всем он шел, что называется, напролом. В данном случае его, очевидно, озадачила не столько радикальная постановка важнейших вопросов Лениным, а некая психологическая неготовность принять такую постановку. Требовалось какое-то время, чтобы осмыслить все это, взглянуть на обстановку не с приземленных позиций вчерашнего ссыльного, оторванного от всего мира, а с позиций активного участника событий исторического масштаба. И тот факт, что Сталин сравнительно быстро пересмотрел свою позицию и активно поддержал новую стратегию революционной борьбы, на мой взгляд, свидетельствует не о его приспособленчестве, умении становиться на сторону тех, кто одерживает верх. Аргументация Ленина, жаркие дискуссии в самой партии показали ему, что новая стратегия политической борьбы отвечает духу времени, открывает перед партией большевиков реальный шанс укрепить свои позиции, превратиться в одну из ведущих сил на политической арене России.

Но все это представляется ясным и очевидным только в чисто ретроспективном плане. В тогдашней же реальной обстановке подобная перспектива развития представлялась отнюдь не столь бесспорной и закономерной. Поэтому сознательно делать какой-то особый акцент на первоначальных колебаниях Сталина в вопросах

¹⁴ Подробнее см. *Robert Mc Neal. Stalin. Man and Ruler.* p. 30.

курсом пресмотра всей прежней большевистской стратегии, сформулированной в тезисах Ленина, едва ли правомерно. Скептическое в первый период после их выдвижения отношение к апрельским тезисам вполне закономерно и логично укладывается в схему простой политической эволюции, которую неизбежно должны были пройти – и действительно прошли – тогдашние ведущие деятели партии.

Разумеется, данный эпизод никак не вписывался в официальную сталинскую историографию, которая изображала его как деятеля, всегда и во всем поддерживавшего Ленина, твердо стоявшего рядом с ним на всех перипетиях исторических событий и никогда не проявлявшего ни малейших колебаний. Но это, собственно, уже другой аспект проблемы. В данном случае речь идет о том, чтобы дать по возможности максимально объективную оценку тому, что имело место в действительности. А такая оценка никак не вмещается в прокрустово ложе однозначных и безоговорочных вердиктов: колебался, значит, не был стойким и последовательным ленинцем. Или же такого апологетического утверждения: всегда и во всем был на стороне Ленина, являясь, наряду с Лениным, вождем и организатором революции. Оба эти полярные подходы упрощают реальную историческую картину и не позволяют беспристрастно и взвешенно оценить деятельность Сталина в судьбоносный 1917 год.

На мой взгляд, даже сами колебания Сталина, его поиски ответов на актуальные вопросы, стоявшие тогда перед страной и перед партией, дают возможность лучше понять его непростую и противоречивую политическую психологию, проследить за процессом формирования его как политического деятеля общероссийского формата. Время подстегивало тогда всех, и порой трудно было, что называется сходу, вскочить на подножку локомотива истории, который стремительно мчал Россию в неизведанное будущее. К тому же, колебания для политического деятеля, кроме бесспорных отрицательных черт, несут в себе и положительный заряд: они, – как в данном случае, – достаточно убедительное свидетельство политической самостоятельности Сталина. В дальнейшем нам не раз придется касаться вопроса о разногласиях Сталина с Лениным, поскольку эти моменты имеют чрезвычайно важное значение для понимания Сталина как политика, для раскрытия процесса формирования его в качестве самостоятельного государственного деятеля.

В контексте сказанного выше малоубедительной, а по существу тенденциозной выглядит оценка, которую дает Троцкий деятельности и позиции Сталина в первые месяцы после Февральской революции. Он пишет: “Нет ни одной статьи того времени, где Сталин сделал бы попытку оценить свою вчерашнюю политику и проложить себе путь к ленинской позиции. Он просто замолчал. Он был слишком скомпрометирован своим злосчастным руководством в течение первого месяца революции. Он предпочел отойти в тень. Он нигде не выступал в защиту ленинских взглядов. Он уклонялся и выжидал. В самые ответственные месяцы теоретической и политической подготовки к перевороту Сталин политически просто не существовал”.¹⁵

Приведя эту, мягко говоря, далекую от объективности оценку роли Сталина в революции, даже такой явно симпатизирующий Троцкому автор, как Б.Суварин, счел необходимым сделать оговорку, чтобы хоть как-то “подправить” кричащую тенденци-

¹⁵ Лев Троцкий. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Иркутск. 1991. С. 318.

озность этой оценки. “Эта заявление верно, если под политикой понимать общие идеи, широкие выводы, вытекающие из теории и программы, планы на будущее. Но в более узком смысле и на более низком уровне повседневной политической деятельности, Сталин был одним из главных агентов осуществления планов Ленина. В этом плане и в рамках своих возможностей он сослужил партии беспорную службу, и Ленин, кажется, в полной мере использовал особые способности Сталина”,¹⁶ — заключает Б.Суварин.

В период между Февральской и Октябрьской революциями одним из важнейших вопросов был **вопрос об отношении к войне**. Едва ли есть необходимость подробно обосновывать его значение не только для развития ситуации в стране, но и для судеб политических партий и политических фигур, игравших ведущую роль на государственном небосклоне России того времени. Перспективы развития революции были самым тесным и органическим образом связаны с решением вопроса о войне и мире. В свою очередь, решение вопроса о выходе из кровавой бойни, продолжавшейся к тому времени уже почти три года и, если смотреть правде в лицо, по существу, поставившей всю огромную страну на грань катастрофы, самым прямым образом было связано с перспективами самой этой революции. Если война, вопреки расчетам тех, кто ее начал, стала одной из главных причин, породивших революцию, то выход из этой войны также лежал в русле дальнейшего развития самой этой революции. Но своеобразие ситуации в России в тот период было таково, что война как одна из причин революционного взрыва в силу закономерного развития событий могла превратиться и в своего рода могильщика этой же самой революции. Другими словами, продолжение войны могло привести к тому, что революция сама сгорит в пламени военного пожара. И к чести Сталина как политического деятеля, можно отнести то, что он достаточно четко уловил эту внутреннюю диалектическую взаимосвязь и взаимозависимость между войной и революцией. В одной из самых первых статей, написанных им после приезда в Петроград, он писал: “...«...продолжительная война с ее последствиями финансового, хозяйственного и продовольственного кризиса является тем подводным камнем, о который может разбиться корабль революции”.¹⁷

Таким образом, его позиция по одному из коренных вопросов того времени была в общем достаточно определена. Что же касается имевших отнюдь не второстепенное значение конкретных деталей этой позиции, то здесь картина не столь однозначна. Первоначально Сталин придерживался точки зрения, согласно которой давление со стороны масс на Временное правительство может оказаться эффективным средством прекращения войны и заключения мира. Поставив вопрос: где же выход из сложившейся в стране ситуации, он давал следующий ответ:

“Выход — путь давления на Временное правительство с требованием изъятия им своего согласия немедленно открыть мирные переговоры.

Рабочие, солдаты и крестьяне должны устраивать митинги и демонстрации, они должны потребовать от Временного правительства, чтобы оно **открыто и во всеулышание выступило с попыткой склонить все воюющие державы немедленно приступить к мирным переговорам на началах признания права наций на самоопределение.**

¹⁶ *Boris Souvarine. Stalin: A Critical Survey of Bolshevism. Электронная версия. Глава 5 — “Revolution”*

¹⁷ *И.В.Сталин. Соч. Т. 3. С. 15.*

Только в таком случае лозунг “долой войну!” не рискует превратиться в бессодержательный, в ничего не говорящий пацифизм, только в этом случае может он вылиться в мощную политическую кампанию, срывающую маску с империалистов и выявляющую действительную подоплёку нынешней войны.”¹⁸

Такая постановка вопроса, в общем правильная в тех условиях, была вместе с тем слишком уж обтекаемой и неконкретной. В дальнейшем партия большевиков по инициативе Ленина выдвинула более четкую и определенную программу по обеспечению выхода страны из войны, центральным пунктом которой стало требование немедленного мира без аннексий и контрибуций. Учитывая изначально нежелание Временного правительства искать пути действительного выхода из войны, его вполне четко и неоднократно выраженное стремление под флагом сохранения верности союзническим соглашениям продолжать войну до победного конца, призрачные надежды на эффективность мер давления на Временное правительство (а это проглядывает в позиции Сталина достаточно отчетливо) справедливо воспринимаются как политическая наивность.

Дальнейший ход событий очень быстро подтвердил это. В день празднования Первого мая (по новому стилю) министр иностранных дел Милюков направил ноту правительствам Англии и Франции. В ней Временное правительство уведомляло, что Россия “будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников”, и “питать полную уверенность в победоносном окончании настоящей войны...”¹⁹ Нота эта явилась детонатором политического взрыва огромной силы, потрясшего всю страну, и приведшего в конечном счете к кардинальной перетряске состава Временного правительства. После этого эпизода Сталин уже не проявлял каких-либо колебаний или иллюзий в отношении позиции Временного правительства по вопросам войны и мира. К слову сказать, не только лично Сталин как один из деятелей партии большевиков, но и многие другие ее представители на первых порах после Февральской революции питали некоторые иллюзии в отношении Временного правительства. И данное замечание направлено не на то, чтобы обелить Сталина, а на то, чтобы подчеркнуть, что ситуация в стране, особенно на первых порах после победы в феврале, была пронизана энтузиазмом и характеризовалась столь бурным всенародным ликованием, что испытывать определенные иллюзии и питать надежды, пусть и призрачные, было вполне естественным.

Заслуживает определенного внимания еще один факт того периода из биографии Сталина как политического деятеля. Хотя, конечно, с точки зрения нынешнего времени он представляется весьма малозначительным. Речь идет о его позиции по вопросу **объединения с меньшевиками**. Этот вопрос возник в связи с принципиально новой обстановкой, сложившейся на политической арене страны. Так что его постановка в повестку дня была отражением реальной действительности, требовавшей консолидации всех революционных сил. Сталин в первый период после приезда в столицу (по крайней мере до возвращения Ленина из эмиграции) стоял на позиции возможного объединения с меньшевиками.

На мартовском совещании, о котором уже шла речь выше, Сталин, выступая с докладом, следующим образом изложил свою точку зрения: “Без разногласий нет партийной жизни. Внутри партии мы будем изживать мелкие разногласия. Но есть

¹⁸ Там же. С. 8.

¹⁹ «Вестник Временного правительства». 20 апреля (3 мая) 1917г.

один вопрос – объединять необъединимое невозможно. С теми, кто сходится на Циммервальде и Кинтале, т. е., кто против революционного оборончества, у нас будет единая партия. Это – демаркационная линия. Большевикам нужно заявить, что это пожелание является только пожеланием только группы собравшихся сейчас, и это не обязательно для всех большевиков. Мы должны идти на собрание и никаких платформ не выставлять. В рамках пожелания – созыв конференции на почве антиоборончества”.²⁰ В конечном итоге была создана комиссия для ведения переговоров, которую фактически возглавил Сталин: ему было поручено выступить по этому вопросу на общем собрании большевиков и меньшевиков. Большевики решили участвовать в совместном собрании с меньшевиками, однако только с информационной целью. Но буквально в эти дни всякие попытки найти общий язык с меньшевиками были полностью и окончательно похоронены возвращением В.И.Ленина из эмиграции. Он выступил на совместном собрании большевиков и меньшевиков с речью, в которой отстаивал и развивал свои апрельские тезисы. Большевики с яростью и злобой выступили против ленинских тезисов. Большевики в знак протеста покинули совместное собрание. А через день, 6 апреля, в центральном органе партии большевиков “Правде” появилось сообщение о том, что большевики никакого участия в попытках объединения не принимают. Таким образом, робкая и заранее обреченная на провал идея объединения, оказалась благополучно похороненной даже еще до того, как она смогла принять четкие и ясно очерченные формы.

Как видим, в принципиальном плане Сталин допускал возможность объединения с меньшевиками, но только на определенных условиях, причем оговаривал, что эту его позицию не обязательно разделяют другие члены партии большевиков. Обращает на себя внимание и то, что партийную жизнь он не видел (по крайней мере тогда!) возможной без разногласий. Для более позднего Сталина подобная точка зрения представлялась бы уже безусловно крамольной.

Сталин не случайно затронул вопрос об объединении: для этого были реальные основания. Объединительные тенденции, получившие тогда довольно широкое распространение не только среди большевиков, но и меньшевиков, служили отражением того простого факта, что на уровне местных организаций такое объединение зачастую осуществлялось фактически явочным порядком и находило довольно широкую поддержку со стороны рядовых членов партии. И хотя тенденцию к объединению нет оснований характеризовать в качестве главной, доминирующей, она, тем не менее, была достаточно сильной. Партийные верхи не могли полностью игнорировать такого рода настроений.*

²⁰ Цит. по Л.Троцкий. Сталинская школа фальсификации. С. 266

* Любопытно в контексте всего сказанного то, как освещает позицию Сталина в данном вопросе Д.Волгонов в своей книге. Он пишет: “К этому времени во многих губерниях стали создаваться объединенные организации большевиков и меньшевиков. ЦК выступал против такого союза, хотя, объективно говоря, традиционный взгляд на недопустимость таких объединений по меньшей мере сомнителен. Тогда, когда это усиливало революцию в борьбе с самодержавием, а позже с буржуазией, это могло, видимо, рассматриваться как практика политических компромиссов для достижения определенных целей. Сталин проявлял, в частности, большую энергию в разрушении, ликвидации таких объединенных организаций. А может быть, следовало прислушаться к предложениям меньшевиков?” (Дмитрий Волгонов. Сталин. Книга 1. С. 64.) Как может убедиться читатель, Сталин как раз и выступал с позиций возможности объединения с меньшевиками, а по Волгонову выходит, что именно он был главным разрушителем. Хотя каких-либо фактов Волгонов и не приводит по той простой причине, что таковых вообще в природе нет.

Однако в принципиальном плане о реальном объединении речи не могло быть, поскольку большевиков и меньшевиков разделяли не просто разногласия по коренным вопросам, но фактически между ними лежала непреодолимая политическая пропасть. Это прекрасно понимал Ленин, поэтому он решительно и категорически выступал против любых попыток со стороны большевиков найти какие-то точки соприкосновения с меньшевиками. Он считал, что такие попытки равнозначны беспринципной политической сделке, могущей иметь катастрофические последствия для будущего всей партии.

И, действительно, если большевики и меньшевики не смогли найти согласия даже тогда, когда и те и другие имели перед собой общего врага в лице царизма, то всерьез говорить о каком-то объединении в новых условиях, было еще более нереалистично. Для такого единства не было реальной платформы в виде общности стратегических целей революции и конкретных путей ее дальнейшего развития. И тот факт, что буквально через несколько месяцев обе эти политические силы оказались фактически на разных сторонах баррикад, убедительно свидетельствует о заведомой бесплодности предпринимавшихся попыток найти общий язык.

Ошибочность позиции Сталина в данном вопросе, как мне видится, объяснялась тем, что в то время он еще не до конца понимал характера развертывавшейся революции, а главное – неизбежного ее перерастания из буржуазно-демократической в социалистическую. В соответствии с этим он и выстраивал свою стратегию в отношении возможных союзников. Отсюда и проистекала его линия на возможное объединение с меньшевиками.

Давая обобщенную оценку позиции Сталина по ряду коренных вопросов в первый период после победы Февральской революции, следует констатировать, что эта позиция, конечно, никак не вписывалась в то, что получило известность в истории как ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Да и сам В.И. Ленин ко времени победы Февральской революции еще не в полностью завершеном виде сформулировал важнейшие положения своей концепции, которая обретала реальное содержание только в ходе острейшей политической борьбы, развернувшейся в тот период в стране. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что в период между двумя российскими революциями не теория как таковая определяла политическую практику большевиков, а, напротив, реальная практика служила основой для новых теоретических положений. Сталин, к тому времени зарекомендовавший себя в качестве прежде всего практика революционной борьбы, не мог, конечно, чуть ли не мгновенно сориентироваться в тогдашней ситуации, которая была в историческом плане уникальной, чрезвычайно динамичной и, к тому же, крайне противоречивой. Чтобы быстро сориентироваться в таких условиях, прежнего теоретического багажа и практического опыта явно не хватало.

Примечательно, что колебания Сталина того периода некоторыми деятелями партии, которых, пользуясь современной лексикой, с полным правом можно считать рьяными сталинистами, воспринимались достаточно серьезно. Так, например, В.М. Молотов писал, что “до приезда Ленина и в первое время после его приезда у него были

серьезные политические колебания оппортунистического толка, тогда как я безраздельно поддерживал линию Ленина”.²¹

2. Апрельская конференция и VI съезд партии

Коренной пересмотр всей политической стратегии большевиков, олицетворением чего стали “Апрельские тезисы” Ленина, был для Сталина столь же разительным и неожиданным, как и для всей партии в целом. Понадобилось определенное время, чтобы осознать характер и масштабы перемен, связанных с принципиально новым политическим курсом, вытекавшим из ленинских тезисов. Нужна была основательная переоценка всей системы прежних политических ориентиров, всей стратегии и тактики партии. Для этого нужно было время, а обстановка не оставляла возможностей для теоретических споров и дискуссий. Хотя такие дискуссии и проводились. Правда, были они не столь продолжительными, как того требовал предмет разногласий, но в целом плодотворными. Все это позволило партии в целом, и Сталину в частности, достаточно быстро освободиться от старого багажа теоретических установок и стать на новые позиции. Процесс этот был закреплен Апрельской партийной конференцией, ознаменовавшей важный этап в политической биографии Сталина.

Чем же знаменательна Апрельская конференция для политической биографии и всей дальнейшей судьбы Сталина?

На этой конференции он впервые выступил официальным докладчиком по национальному вопросу, что свидетельствовало о том, что в партии в целом его рассматривали уже не просто в качестве видного практического работника, но и как теоретика, в первую очередь по национальному вопросу. Это, безусловно, повышало его статус в партии и в партийном руководстве.

Во-вторых, на этой конференции он впервые был избран в состав Центрального Комитета партии. Причем выборы были с предварительным обсуждением представленных кандидатур и проводились путем тайного голосования. При обсуждении его кандидатуры (и это весьма примечательно!) с обоснованием его выдвижения выступил В.И. Ленин. В протоколе, впервые опубликованном в 1958г., зафиксировано:

“Тов. Сталин (незаконно — Коба).

Ленин (за). Тов. Коба мы знаем очень много лет. Видали его в Кракове, где было наше бюро. Важна его деятельность на Кавказе. Хороший работник во всяких ответственных работах. Против нет.”²²

1958, с. 323

²¹ “Независимая газета” 4 марта 2000г. Любопытно, что Молотов, не оставивший своих воспоминаний (не считая записей его высказываний, сделанных писателем Ф.Чуевым), в нескольких скурых набросках, преданных гласности лишь в 2000г., счел необходимым дать оценку позиции Сталина в 1917г. Судя по тональности высказываний Молотова, он рассматривал эти колебания Сталина как серьезное пятно в его в целом положительной политической биографии.

²² Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Протоколы. М. 1958. С. 323. Биограф Сталина А.Улам в связи с результатами выборов в состав ЦК вполне уместно замечает, что речь идет о человеке, которого всего пять недель назад не хотели включать в состав Бюро ЦК из-за качества его характера. Теперь он, в соответствии со свободной выраженной волей своих коллег, был признан как ведущий “практик” российской партии большевиков. (Adam B. Ulam. Stalin. p. 141.)

Результаты тайного голосования были для Сталина весьма благоприятными: он прошел в состав ЦК третьим по числу полученных голосов, включая Ленина, за которого проголосовало 104 делегата из 109, принявших участие в выборах. Сталин получил 97 голосов. К примеру, Свердлов, также избранный в ЦК, получил 71 голос.²³

Причем надо отметить, что выборы были проведены еще до того, как Сталин выступил на конференции с докладом по национальному вопросу. Видимо, на их результатах сказались то, что еще в начале конференции он выступил с решительной поддержкой позиции Ленина. Формирование состава ЦК, хотя и происходило по вполне демократической системе, тем не менее, очевидно, что едва ли не решающую роль играло мнение лидера партии В.И.Ленина, который составу своих ближайших помощников по руководству партией придавал первостепенное значение. Так было в прошлом. Тем более в принципиально новой политической обстановке персональный состав руководящего центра приобретал особую важность. Вполне определенный выбор Ленина в пользу кандидатуры Сталина в качестве члена ЦК, вне всякого сомнения, оказал решающее влияние при тайном голосовании, поскольку авторитет вождя партии был общепризнанным, хотя и не строился на каком-то особом положении или каких-то исключительных полномочиях. Формально, будучи первым среди равных, он своей позицией фактически предопределял то или иное решение вопроса даже на таких форумах, как съезды и конференции партии.

Хотя сам В.И.Ленин и большевики в целом старались строго придерживаться установленных в партии норм внутривнутрипартийной жизни, опыт нелегальной работы нередко заставлял их в каком-то смысле пренебрегать этими нормами; по крайней мере, не быть рабами этих норм и не ставить их соблюдение превыше интересов самого революционного дела. Кроме того, довольно большой в количественном отношении состав тех или иных выборных органов часто не позволял привлекать всех его участников к решению возникавших вопросов (нередко одни отсутствовали, другие были заняты выполнением иных поручений и т.д.). Поэтому в партийных верхах сложилась практика формирования своеобразных узких составов руководства, с ограниченным числом членов, на которых возлагалась обязанность быстро и оперативно решать конкретные вопросы, с обязательным привлечением для этого других членов выборных органов. Подобная практика себя оправдывала, и становилась тем более настоятельной, чем чаще возникали ситуации, требовавшие принятия экстренных решений.

Я пишу об этом в связи с датировкой времени включения Сталина в состав Политбюро ЦК партии. На этот счет существует определенная путаница. В биографиях Сталина, начиная с середины 20-х годов и кончая официальными источниками (биографическая хроника в собрании сочинений и "Краткая биография") однозначно указывается, что "в мае 1917 года, после конференции, учреждается Политбюро ЦК, куда Сталин выбирается в качестве его члена. С тех пор и до настоящего времени Сталин неизменно избирается членом Политбюро ЦК".²⁴

Между тем, в официальной историографии партии считается, что впервые руководящий орган ЦК с названием Политическое бюро был образован ЦК РСДРП(б)

²³ **Протоколы Седьмой (Апрельской) конференции РСДРП (б).** М. 1934. С.190.

²⁴ **Иосиф Виссарионович Сталин.** Краткая биография. С. 60.

тные колебания Сталина в первый месяц после Февральской революции. Более того, как явствует из его выступления на конференции при обсуждении кандидатуры Каменева при выдвижении в состав ЦК, он самому факту колебаний не придавал какого-то особого значения: “ведь многие товарищи колебались первые революционные моменты”. И далее: “То, что мы спорим с т. Каменевым, дает только положительные результаты. Присутствие т. Каменева очень важно, так как дискуссии, которые веду с ним, очень ценны. Убедив его, после трудностей, узнаешь, что этим самым преодолеваешь те трудности, которые возникают в массах”.²⁶

Одним из ключевых вопросов, носивших на первый взгляд преимущественно теоретический характер, но на самом деле являвшимся вопросом всей политической стратегии партии на ближайшее и более отдаленное будущее, был вопрос характере развертывавшейся революции. Главный водораздел пролегал между Лениным, Сталиным и другими последовательными большевиками, с одной стороны, и Камневым, Рыковым и их сторонниками, с другой стороны. Рыков, в частности, решительно выступил против социалистической перспективы развития революции в России. На конференции он заявил: “Но можем ли мы рассчитывать на поддержку масс, выкидывая лозунг пролетарской революции? Россия самая мелкобуржуазная страна в Европе. Рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции невозможно, и потому, поскольку партия будет стоять на точке зрения социалистической революции, постольку она будет превращаться в пропагандистский кружок. Толчок к социальной революции должен быть дан с Запада. Толчок от революционной солдатской руки идет на Запад, там он превращается в социалистическую революцию, которая будет опорой нашей революции. Иначе политика наша превратится в политику маленькой кучки”.²⁷

Ленин безоговорочно отверг эту точку зрения, приняв которую, партия большевиков превратилась бы в партию, не имеющую ясной стратегической перспективы, в партию, которая сама себя обрекла на положение политического флюгера. Вот принципиальная оценка Ленина: “Тов. Рыков говорит, что социализм должен прийти из других стран с более развитой промышленностью. Но это не так. Нельзя сказать, кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм”.²⁸ Следует отметить, что данный вопрос через несколько месяцев с новой остротой был поднят уже на VI съезде партии, где уже Сталину пришлось защищать и отстаивать принципиальную позицию Ленина.

Однако возвратимся непосредственно к участию Сталина в работе Апрельской конференции. Как уже отмечалось, помимо активной защиты позиции Ленина по принципиальным вопросам текущего положения, Сталин выступил с докладом по национальному вопросу. Для России национальный вопрос всегда был одним из ключевых вопросов всего развития. Его удельный вес и значение многократно возрастали в новой ситуации, когда перед многонациональной страной вплотную встала задача определения важнейших направлений национально-государственного строитель-

²⁶ «Седьмая (Апрельская Всероссийская конференция РСДРП (б)). Протоколы. М. 1958. С. 322.

²⁷ Там же. С. 92.

²⁸ Там же. С. 98.

ства. От выбора правильной стратегии и тактики в этом вопросе зависело очень многое в судьбах страны и, конечно, в судьбах политических партий.

Сталин в качестве одного из главных экспертов партии по национальному вопросу защищал в тот период основные ленинские установки в подходе к национальному вопросу. Уже в первые дни после приезда в Петроград он выступил с рядом статей, в которых защищал следующую точку зрения:

“...Необходимо провозгласить:

1) политическую автономию (не федерацию!) областей, представляющих целостную хозяйственную территорию с особым бытом и национальным составом населения, с «делопроизводством» и «преподаванием» на своём языке;

2) право на самоопределение для тех наций, которые по тем или иным причинам не могут остаться в рамках государственного целого.

Таков путь, ведущий к действительному уничтожению национального гнёта, к обеспечению максимума свободы национальностей, возможного при капитализме”.²⁹

Следует особо выделить позицию Сталина по вопросу о федеративном принципе государственного устройства страны. Видимо, с учетом нынешней ситуации в России, она представляет не только чисто исторический интерес, но и в каких-то аспектах перекликается с современными реалиями. Сталин решительно отвергает принцип федерализма и обосновывает это так:

“...тенденция развития идёт не в пользу федерации, а против неё. Федерация есть переходная форма.

И это не случайно. Ибо развитие капитализма в его высших формах и связанное с ним расширение рамок хозяйственной территории с его централизующими тенденциями требуют не федеральной, а унитарной формы государственной жизни.

Мы не можем не считаться с этой тенденцией, если не берёмся, конечно, повернуть назад колесо истории.

Но из этого следует, что неразумно добиваться для России федерации, самой жизнью обречённой на исчезновение”.³⁰

Он упорно подчеркивает непригодность для России федеративного принципа государственного устройства:

“Половинчато-переходная форма – федерация – не удовлетворяет и не может удовлетворить интересов демократии;

Решение национального вопроса должно быть настолько же жизненным, насколько радикальным и окончательным, а именно:

1) право на отделение для тех наций, населяющих известные области России, которые не могут, не хотят остаться в рамках целого;

2) политическая автономия в рамках единого (слитного) государства с едиными нормами конституции для областей, отличающихся известным национальным составом и остающихся в рамках целого.

Так и только так должен быть решён вопрос об областях в России.”³¹

После Октябрьской революции большевики, и Сталин в том числе, радикально пересмотрели свое отрицательное отношение к федеративному принципу государ-

²⁹ И.В.Сталин. Соч. Т. .3. С.19.

³⁰ Там же. С. 25.

³¹ Там же. С. 27-28.

ственного устройства России. Сам Сталин в середине 20-х годов следующим образом объяснял причины и мотивы такого пересмотра:

“Эту эволюцию взглядов нашей партии по вопросу о государственной федерации следует объяснить тремя причинами.

Во-первых, тем, что ко времени Октябрьского переворота целый ряд национальностей России оказался на деле в состоянии полного отделения и полной оторванности друг от друга, ввиду чего федерация оказалась шагом вперёд от разрозненности трудящихся масс этих национальностей к их сближению, к их объединению.

Во-вторых, тем, что самые формы федерации, наметившиеся в ходе советского строительства, оказались далеко не столь противоречащими целям экономического сближения трудящихся масс национальностей России, как это могло казаться раньше, или даже — вовсе не противоречащими этим целям, как показала в дальнейшем практика.

В-третьих, тем, что удельный вес национального движения оказался гораздо более серьёзным, а путь объединения наций — гораздо более сложным, чем это могло казаться раньше, в период до войны, или в период до Октябрьской революции.”³²

Приведенная аргументация выглядит вполне убедительной. Однако она не может затушевать тот факт, что по складу своего политического мировоззрения Сталин был и остался до конца своих дней противником федерации как главного принципа государственного строительства. На этом я остановлюсь в дальнейшем более развернуто. Здесь же хочется отметить, что сталинские “реверансы” в пользу федерализма кажутся мне какими-то вынужденными, продиктованными чисто политическими или же даже конъюнктурными соображениями. То, что такое предположение не является беспочвенным, покажет история противостояния между Лениным и Сталиным по национальному вопросу в начале 20-х годов.

В период после Февральской революции дискуссия по вопросам государственного устройства страны не носила какого-то отвлеченного характера. Она была органически связана с реальной политической обстановкой и перспективами ее дальнейшего развития. Крах царского режима в тот период не мог не поставить во весь рост и проблему национального самоопределения. Именно эта проблема оказалась центральным пунктом в докладе Сталина на Апрельской конференции.

Специфика подхода к решению национального вопроса, детально обоснованная Сталиным в его докладе на Апрельской конференции, состояла в том, что была проведена четкая грань между принципиальным признанием права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства и целесообразностью такого отделения в зависимости от обстановки. “Признавая за угнетёнными народностями право на отделение, **право** решать свою политическую судьбу, мы не решаем тем самым вопроса о том, должны ли в данный момент отделиться такие-то нации от Российского государства. Я могу признать за нацией право отделиться, — говорил Сталин в своем докладе, — но это ещё не значит, что я её обязал это сделать. Народ имеет право отделиться, но он, в зависимости от условий, может и не воспользоваться этим правом. С нашей стороны остаётся, таким образом, свобода агитации за или против отделения, в зависимости от интересов пролетариата, от

³² И.В. Сталин. Соч. Т. 3. С. 30-31.

ственного устройства России. Сам Сталин в середине 20-х годов следующим образом объяснял причины и мотивы такого пересмотра:

“Эту эволюцию взглядов нашей партии по вопросу о государственной федерации следует объяснить тремя причинами.

Во-первых, тем, что ко времени Октябрьского переворота целый ряд национальностей России оказался на деле в состоянии полного отделения и полной оторванности друг от друга, ввиду чего федерация оказалась шагом вперёд от разрозненности трудящихся масс этих национальностей к их сближению, к их объединению.

Во-вторых, тем, что самые формы федерации, наметившиеся в ходе советского строительства, оказались далеко не столь противоречащими целям экономического сближения трудящихся масс национальностей России, как это могло казаться раньше, или даже — вовсе не противоречащими этим целям, как показала в дальнейшем практика.

В-третьих, тем, что удельный вес национального движения оказался гораздо более серьёзным, а путь объединения наций — гораздо более сложным, чем это могло казаться раньше, в период до войны, или в период до Октябрьской революции.”³²

Приведенная аргументация выглядит вполне убедительной. Однако она не может затушевать тот факт, что по складу своего политического мировоззрения Сталин был и остался до конца своих дней противником федерации как главного принципа государственного строительства. На этом я остановлюсь в дальнейшем более развернуто. Здесь же хочется отметить, что сталинские “реверансы” в пользу федерализма кажутся мне какими-то вынужденными, продиктованными чисто политическими или же даже конъюнктурными соображениями. То, что такое предположение не является беспочвенным, покажет история противостояния между Лениным и Сталиным по национальному вопросу в начале 20-х годов.

В период после Февральской революции дискуссия по вопросам государственного устройства страны не носила какого-то отвлеченного характера. Она была органически связана с реальной политической обстановкой и перспективами ее дальнейшего развития. Крах царского режима в тот период не мог не поставить во весь рост и проблему национального самоопределения. Именно эта проблема оказалась центральным пунктом в докладе Сталина на Апрельской конференции.

Специфика подхода к решению национального вопроса, детально обоснованная Сталиным в его докладе на Апрельской конференции, состояла в том, что была проведена четкая грань между принципиальным признанием права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства и целесообразностью такого отделения в зависимости от обстановки. “Признавая за угнетёнными народностями право на отделение, **право** решать свою политическую судьбу, мы не решаем тем самым вопроса о том, должны ли в данный момент отделиться такие-то нации от Российского государства. Я могу признать за нацией право отделиться, — говорил Сталин в своем докладе, — но это ещё не значит, что я её обязал это сделать. Народ имеет право отделиться, но он, в зависимости от условий, может и не воспользоваться этим правом. С нашей стороны остаётся, таким образом, свобода агитации за или против отделения, в зависимости от интересов пролетариата, от

³² И.В. Сталин. Соч. Т. 3. С. 30-31.

интересов пролетарской революции. Таким образом, вопрос об отделении разрешается в каждом отдельном случае самостоятельно, в зависимости от обстановки, и именно поэтому вопрос о признании права на отделение не следует смешивать с вопросом о целесообразности отделения при тех или иных условиях. Я лично высказался бы, например, против отделения Закавказья, принимая во внимание общее развитие в Закавказье и в России, известные условия борьбы пролетариата и пр.”³³

Думается, что нет необходимости да и возможности во всех деталях останавливаться на всех перипетиях постановки и обсуждения на конференции национального вопроса. Сейчас важно, поскольку речь идет о политической биографии Сталина, подчеркнуть следующий факт фундаментального значения: на этой конференции он впервые в общероссийском масштабе выступил в качестве не только теоретика, но и практика национального вопроса. Из всего сонма большевистских деятелей именно ему было поручено озвучить и защищать принципиальные положения партийной платформы по национальному вопросу. Американский биограф Сталина Р.Такер в связи с этим замечает: “Еще до официального создания соответствующего ведомства он уже действовал в качестве большевистского комиссара по делам национальностей.”³⁴ Бесспорно, что уже сам этот факт определенно свидетельствовал не только о признании его в качестве ведущего эксперта партии по национальному вопросу, но и активной политической фигуры общероссийского формата. Деятельное участие Сталина в работе Апрельской конференции продвинуло его на одно из первых после Ленина позиций в большевистском руководстве. Само собой разумеется, что это в немалой степени сказалось на его судьбе как политического деятеля накануне и в период свержения Октябрьской революции.*

Деятельность Сталина в мае-июне 1917 года в исторической и мемуарной литературе оценивается по-разному. Одни усиленно подчеркивают, что в этот период он фактически бездействует, редко выступает в большевистской печати, проявляет политическую пассивность и т.д. Здесь камертоном служат высказывания Троцкого соответствующей направленности. Другие, более объективные авторы, обращают внимание на то, что главная роль Сталина в тот период, как и в дальнейшем, заключалась в том, чтобы вести столь важную и нужную партии организационную работу, имевшую первостепенное значение. Ведь любая революция подготавливается не только, а

³³ *И.В. Сталин*. Соч. Т. 3. С.52-53.

³⁴ *Роберт Такер*. Сталин. Т. 1. С. 159.

* В связи с оценкой места и роли Сталина в партии большевиков достаточно спорной, не подкрепленной фактами тогдашней действительности, представляется мне точка зрения Р. Медведева, который утверждает, что “до появления Ленина в Петрограде Сталин стал фактически не только во главе «Правды», но и во главе всей партии.” (*Жорес Медведев, Рой Медведев*. Избранные произведения. М. 2002г. Т. 1. С. 26) Сам характер и организационное ее построение в тот период не дают оснований для такого рода выводов. Ленин был бесспорным лидером партии, и в тот период ни одна фигура из большевистского руководства не претендовала и не могла претендовать на такое лидерство даже в отсутствие Ленина. Ближе к истине стоит оценка роли Сталина Б.Сувариним, который писал: “В Октябре Сталин еще не был важной персоной, но уже был чем-то; и если его имя было неизвестно, его вес чувствовался, хотя и сливался с коллективным авторитетом партии” (*Boris Souvarine*. Stalin: A Critical Survey of Bolshevism. Электронная версия. Глава 5 – “Revolution”).

порой и не столько, выступлениями на митингах и другими публичными акциями, но и прежде всего реальной организационной работой. Да и сам Троцкий в своей книге о Сталине подрывает убедительность своих утверждений, приводя свидетельство одного из тех, кто знал Сталина еще по бакинской тюрьме: “Я всячески хотел понять роль Сталина и Свердлова в большевистской партии, — писал Верещак в 1928 г. — В то время, как за столом президиума съезда сидели Каменев, Зиновьев, Ногин и Крыленко и, в качестве ораторов, выступали Ленин, Зиновьев и Каменев; Свердлов и Сталин молча дирижировали большевистской фракцией. Это была тактическая сила. Вот здесь я впервые почувствовал все значение этих людей”³⁵.

В калейдоскопе событий, в непрерывной смене на арене политической борьбы имен деятелей различного направления, — а именно это и было характерно для исторического отрезка между двумя российскими революциями, — мало кто мог претендовать на какое-то свое, заранее определенное, прочное место на политической сцене. Менялась политическая арена — менялись и действующие лица: одни вспыхивали ярким пламенем, но вскоре их звезда закатывалась, и о них быстро забывали. В то же время бурный ход событий выдвигал на авансцену новые фигуры, политическая судьба которых также была весьма переменчива. И отнюдь не удивительно, что разные очевидцы и участники тех событий дают различную оценку месту той или иной личности в период, о котором идет речь. И уже из приведенных выше фактов и свидетельств отчетливо вырисовывается картина того, что Сталин в этот период играл, конечно, не заглавную, но все-таки довольно значительную роль в развороте событий того времени. С чем действительно следует согласиться, так это с тем, что эта его роль не носила, так сказать, демонстрационного характера, поскольку он с явной неохотой играл роль публичного политика. Как публичного политика его заслоняли другие деятели большевистской партии, для многих из которых покрасоваться, показать себя в качестве видных политических фигур, было органической частью их характера и призвания. Сталина же больше занимала сфера реальной практической деятельности, в которой он чувствовал себя, как рыба в воде.

Для подтверждения этой оценки приведем соответствующее место из биографии Сталина, принадлежащей перу И. Дойчера:

“В то время как Ленин, Зиновьев и Каменев занимали места на трибунах и вели бои с помощью слов и резолюций, Сталин и Свердлов действовали как неутомимые и невидимые представители большевистских фракций на собраниях, добиваясь того, чтобы рядовые члены партии работали в унисон с лидерами. Цепкий и умелый организатор, которому Ленин отвел столь видную роль в своих революционных планах, должен был теперь показать себя не в узких условиях подполья, а на виду, в гуще нараставшего народного движения. Однако по самому своему характеру его роль оставалась анонимной и скромной, как и прежде. Не для него были популярность и слава, которыми революция щедро и быстро награждает своих великих трибунов и ораторов”³⁶.

Остановимся на практической деятельности Сталина в этот период. Она сосредотачивалась на кампании перевыборов в Советы, где большевики шаг за шагом ук-

³⁵ Цит. по *Лев Троцкий*. Сталин. Т. 1. С.284.

³⁶ *Isaac Deutscher*. Stalin. p.152.

репляли свои позиции, завоевав половину мест в рабочих фракциях. Широкие масштабы приняла в это время и массовая кампания против продолжавшейся войны, в ходе которой большевики также последовательно закрепляли свои успехи. Важное место в его работе занимали и муниципальные выборы, проходившие тогда в ряде районов страны. Словом, в эпицентре его внимания находилась деятельность, нацеленная на завоевание на сторону большевиков широких трудящихся масс. Это, в сущности, и была та ось, вокруг которой и вращалась вся деятельность партии, в том числе и самого Сталина.

Как видно из выступлений Сталина в печати, он внимательно следит за малейшими изменениями в развитии ситуации в столице и в стране в целом. Ему было свойственно четкое и ясное понимание особенностей переживаемого момента. «Революция растёт вширь и вглубь, захватывая новые сферы, вторгаясь в промышленность, в сельское хозяйство, в сферу распределения, ставя вопрос о взятии всей власти, — писал он. — Во главе движения идёт провинция. Если в первые дни революции Петроград шёл впереди, то теперь он начинает отставать. При этом создаётся впечатление, что Петроградский исполнительный комитет старается остановиться на уже достигнутой точке.

Но в революционную эпоху невозможно устоять на одной точке, тут можно лишь двигаться — вперёд или назад. Поэтому, кто старается остановиться во время революции, тот неминуемо отстанет, а кто отстал, тому нет пощады: революция толкнёт его в лагерь контрреволюции».³⁷ Дальнейшее стремительное изменение политической картины в июне — июле 1917 года, вошедшее в историю как одна из наиболее острых фаз кризиса в стране, убедительно подтвердило оценку, данную Сталиным.

Июньский кризис 1917 года, второй (после апрельского) политический кризис в России, стал одним из этапов нарастания общенационального кризиса. Он был порожден непримиримыми противоречиями между рабочими и солдатами, с одной стороны, и буржуазией, намеревавшейся пресечь развитие революции организацией наступления на фронте, — с другой. 1-й Всероссийский съезд Советов (на нём преобладали меньшевики и эсеры) 3 (16) — 24 июня (7 июля) поддержал Временное правительство и отклонил требование большевиков о прекращении войны и о передаче власти Советам. Это усилило возмущение масс. Антидемократические действия Временного правительства привели к тому, что 8 (21) июня забастовали рабочие многих заводов Петрограда. ЦК партии большевиков, чтобы придать выступлению организованный характер, в тот же день назначил на 10 (23) июня мирную демонстрацию рабочих и солдат Петрограда. Меньшевики и эсеры, а также, разумеется, и правительство, обвинили большевиков в «военном заговоре». Съезд Советов 9 (22) июня запретил демонстрацию, и ЦК РСДРП(б) в тот же день отменил её, чтобы не противопоставлять себя съезду.

Большевики поставлены были в довольно сложное положение. Проведение демонстрации противопоставило бы их съезду. Кроме того, буржуазия стремилась спровоцировать столкновение рабочих и солдат с контрреволюционными элементами, что дало бы предлог обвинить большевиков в заговоре и расправиться с ними.

В ночь на 10 июня заседала большевистская фракция съезда Советов, а затем — Центральный Комитет партии. На своем заседании ЦК принял решение об отмене назначенной демонстрации. Оно было опубликовано в “Правде” как обращение «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда».

Вот как сам Сталин описывает динамику тогдашних событий, в которых он принимал самое активное участие: “9 июня ЦК, ПК (Петроградский комитет — *Н.К.*) и Военная организация устраивают совместное заседание. ЦК ставит вопрос: ввиду того, что съезд Советов и все «социалистические» партии высказываются против нашей демонстрации, не следует ли отложить выступление. Все отвечают отрицательно. В 12 ч. ночи 9 июня съезд Советов выпускает воззвание, в котором весь свой авторитет направляет против нас. ЦК постановляет — демонстрацию не устраивать 10 июня и отложить её на 18 июня, учитывая, что самим съездом Советов назначается демонстрация на 18 июня, где массам удастся выявить свою волю.

Рабочие и солдаты встречаются с затаённым недовольством это постановление ЦК, но они выполняют его”³⁸

Сталин в эти критические дни находится в эпицентре политических событий. Он выступает на различных конференциях и совещаниях большевиков, где дает обстоятельную характеристику сложившейся ситуации и высказывает ряд принципиальных соображений относительно дальнейшей стратегии и тактики партии в эти чрезвычайно напряженные и сложные дни. В частности, он подчеркивал: “Развитие нашей революции вступило в полосу кризиса. Новый этап революции, врывающейся во все сферы хозяйственной жизни и революционизирующей их снизу доверху, подымает на ноги все силы старого и нового мира. Война и связанная с ней разруха обостряют классовые противоречия до последних пределов. Политика соглашений с буржуазией, политика лавирования между революцией и контрреволюцией становится явно несостоятельной”³⁹

В свойственном ему стиле катехизиса он формулирует самые актуальные задачи, стоящие перед революционными силами: “Первая заповедь — не поддаваться провокации контрреволюционеров, вооружиться выдержкой и самообладанием, беречь силы для грядущей борьбы, не допускать никаких преждевременных выступлений.

Вторая заповедь — теснее сплотиться вокруг нашей партии, сомкнуть ряды против ополчившихся на нас бесчисленных врагов, высоко держать знамя, ободряя слабых, собирая отставших, просвещая несознательных”⁴⁰

Сталин принимает непосредственное личное участие в переговорах с ЦИК Советов, чтобы разрешить возникший кризис, поскольку проведение демонстрации вопреки демонстрационному запрету со стороны Съезда Советов могло иметь далеко идущие отрицательные последствия для самих большевиков, как бы подтверждая обвинения в их адрес, что они устроили нечто вроде попытки захвата власти. В тех условиях, при сложившемся положении классовых и политических сил в стране, а также в самих Советах, ставить вопрос о захвате власти было бы чистой политикой

³⁸ *И.В.Сталин.* Соч. Т. 3. С. 158 - 159.

³⁹ Там же. С. 87.

⁴⁰ Там же. С. 107.

ческой авантюрой, чреватой колоссальными последствиями. Предоставим слово самому Сталину, который следующим образом описывает развитие событий: “Но выступление началось. Пулемётчики разослали по заводам делегатов. Часам к шести мы стояли перед фактом выступления огромных масс рабочих и солдат. Часов в пять на заседании Центрального исполнительного комитета Советов я официально, от имени Центрального Комитета партии и конференции, заявил, что мы решили не выступать. Обвинять нас после этого в организации выступления, значит говорить ложь, достойную наглых клеветников.

Выступление разыгралось. Имела ли партия право умыть руки и уйти в сторону? Учитывая возможность ещё более серьёзных осложнений, мы не имели права умыть руки, — как партия пролетариата, мы должны были вмешаться в выступление и придать ему мирный и организованный характер, не задаваясь целью вооружённо-го захвата власти.”⁴¹

Рассматривая политическую деятельность Сталина в период июньских событий, нельзя оставить без внимания и один любопытный эпизод, проливающий свет на Сталина как активного участника тех событий. Именно с отменой ЦК партии июньского выступления связана первая известная истории попытка Сталина подать в отставку с поста члена ЦК ввиду несогласия с принятым решением. Тогда он, а также Смилга, имевшие самое непосредственное отношение к подготовке демонстрации, в знак протеста подали в отставку.⁴² Отставка эта принята не была, и на этом можно было бы поставить точку. Но обращает на себя внимание, что ряд биографов Сталина весьма тенденциозно интерпретирует уже саму попытку отставки. Так, Р.Слассер пишет по этому поводу: “Тот факт, что Сталин изъявил желание выйти из состава ЦК, впервые обнаруженный советскими историками в 1966 году, необыкновенно ярко показывает, какое сложилось у него в тот момент мнение о самом себе и своем месте в партии. В тот период, когда Сталин еще не совсем освоился с только что обретенным видным положением в партии, он продемонстрировал готовность добровольно отказаться от всего, поддавшись сиюминутной обиде. Более того, называя отмену демонстрации ошибкой, Сталин, по сути дела, высказывал упреки в адрес Ленина, пусть и против желания, но все-таки санкционировавшего эту отмену и теперь делавшего все, что было в его силах, чтобы утихомирить не на шутку разгневанных представителей наиболее воинственного крыла партии. В ретроспективе намерение Сталина выйти из состава ЦК снижает цену его позднейшим хвастливым утверждениям, будто он был членом Политбюро с самого его основания. Если бы он в июне 1917 года действительно осуществил свое намерение, то его пребывание на верхних ступенях партийной иерархии продолжалось бы немногим более месяца.”⁴³

Пишут о первой попытке Сталина использовать угрозу своей отставки как своеобразном средстве политического нажима и некоторые другие биографы Сталина.* Принимая во внимание характер Сталина и учитывая свойственный ему радикализм, можно предположить, что так оно и было. И хотя это была первая известная акция

⁴¹ *И.В.Сталин*. Соч. Т. 3. С. 109.

⁴² “Вопросы истории КПСС”. 1966г. № 5. С. 62.

⁴³ *Роберт Слассер*. Сталин в 1917 году. С. 143-144.

* См., например, *Robert Mc Neal*. Stalin. p. 33.

Сталина такого характера, вообще следует заметить, что в среде большевистского руководства к такому приему прибегали многие, и прибегали не раз, так что сам по себе данный факт не являл собой чего-то экстраординарного и выходящего за пределы обычной политической практики. Он представлял собой обычный для тех времен инструмент отстаивания своей позиции, своей точки зрения. Истории большевистской партии известны многочисленные факты, когда даже сам лидер партии Ленин не раз угрожал подать в отставку с поста члена ЦК в случае, если не будет принята его точка зрения. Поэтому, стоя на почве историзма, принимая во внимание конкретные реалии того времени, из факта первой попытки Сталина сложить с себя полномочия члена ЦК в виду политических разногласий, едва ли стоит делать далеко идущие выводы, придавать этому факту чрезмерное значение. Правда, в дальнейшем, в 20-е годы, а также позднее, когда он стоял уже во главе партийного руководства, его неоднократные попытки подать в отставку с поста Генерального секретаря обретут совсем иной оттенок, и не только оттенок, но и принципиально иное содержание. Но об этом речь пойдет в соответствующих главах. Сейчас я ограничусь лишь высказанными соображениями, подчеркнув при этом то, что уже сам факт подачи в отставку, независимо от всех иных обстоятельств, сопряженных с нею, однозначно свидетельствует о его политической самостоятельности. Он не выступает в роли статиста, а пытается такими крайними средствами отстоять свою точку зрения.

Однако вернемся к развитию событий, активным участником которых был Сталин, еще несколько месяцев назад влачивший жизнь отшельника-спецпоселенца. Столь разительная метаморфоза в его жизни также должна приниматься в расчет, когда мы анализируем его политическую деятельность в тогдашних российских условиях. Предугадать конкретное направление развития событий той поры — и это надо подчеркнуть со всей определенностью — было вне пределов любых человеческих возможностей. В стремительном развороте стихийного революционного потока было много неожиданностей, сбивавших с толку не только отдельных деятелей, но и многие политические партии. Искусство политического предвидения, основанное на трезвом и объективном учете главных тенденций общественного процесса, в таких условиях обретает особо важное значение. И надо признать, что Сталин в этот период не плелся в хвосте событий, а пытался понять возможные перспективы их развития, уловить, так сказать, дух времени.

Следующим этапом, характеризующим дальнейшее обострение социально-экономической и политической обстановки в стране, стал **июльский кризис**. Поводом к нему явились неудачное наступление на фронте, расформирование революционных воинских частей. 2 (15) июля кадеты вышли из Временного правительства, угрожая меньшевикам и эсерам разорвать коалицию. 3 (16) июля в Петрограде вспыхнули стихийные демонстрации. События развивались бесконтрольно и грозили перерасти в вооруженную антиправительственную демонстрацию. Большевики были против выступления, поскольку в армии и в провинции революционный кризис не назрел. Петроград не получил бы необходимой поддержки. Но уже вечером 3 июля некоторые воинские части вышли на улицу под лозунгами «Долой 10 министров-капиталистов!», «Долой Временное правительство!» «Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов!». К ним присоединились рабочие Путиловского и других заводов столицы.

Эсеро-меньшевистское руководство Советов запретило демонстрацию, но удержать массы было невозможно. Большевики решили возглавить движение, придав ему

организованный мирный характер. 4 (17) июля 500 тыс. рабочих, солдат и матросов под лозунгом «Вся власть Советам!» вышли на демонстрацию.

ЦИК объявил демонстрацию “большевистским заговором” и отклонил требования масс. Юнкерам и казакам было приказано разогнать демонстрантов. Контрреволюционеры организовали провокационные расстрелы демонстрантов. Антиправительственные выступления состоялись в Москве, Киеве, Риге, Орехово-Зуеве, Н. Новгороде, Красноярске и др. городах.

ЦК РСДРП(б) 5 (18) июля вынес решение о прекращении демонстраций. Временное правительство объявило Петроград на военном положении. С фронта с одобрения ЦИК были вызваны верные правительству войска. Рабочих стали разоружать, революционные воинские части расформировывать. Начались аресты. 5 (18) июля были разгромлены редакция “Правды” и её типография, 6 (19) июля правительство отдало приказ об аресте В. И. Ленина, который вынужден был уйти в подполье. Правительственный кризис усугубился отставкой премьер-министра Львова. 8 (21) июля министром-председателем стал А. Ф. Керенский. ЦИК Советов признал за Временным правительством “неограниченные полномочия и неограниченную власть” Советы стали его придатком. Июльский кризис, таким образом, положил конец двоевластию.

Сталин, как и в июньские дни, в этот период также находится в эпицентре борьбы. Он принимает активное участие в организаторской работе, направленной на то, чтобы смягчить удар контрреволюции, обеспечить планомерное отступление революционных сил, не допустить разгрома большевистских организаций. Но чисто организаторской работой его участие в бурных июльских событиях не исчерпывалось. Вот свидетельство Ф. Раскольникова, предводителя кронштадтских большевиков, сыгравших исключительно важную роль в революции: “Трудная роль выпала на долю тов. Сталина, которому фактически пришлось быть не только политическим руководителем, но и дипломатом”.⁴⁴ Дипломатическая миссия Сталина заключалась в ведении переговоров с представителями властей и партий, входивших в правительство. А возникло тогда много проблем, требовавших серьезных усилий по их урегулированию.

Выступает он и с анализом нового этапа развития революции в стране. “Как марксисты, мы должны подойти к кризису власти не только с формальной точки зрения, но, прежде всего, с точки зрения классово-й. Кризис власти — это напряжённая, открытая борьба классов за власть”,⁴⁵ — подчеркивает он. Главный вывод, который делают большевики, в том числе и Сталин, состоит в том, что начался принципиально новый этап развития революции в России. “Мирный период развития революции кончился, — говорил Сталин в своем выступлении на экстренной конференции Петроградской организации большевиков. — Настал новый период, период острых конфликтов, стычек, столкновений. Жизнь будет бурлить, кризисы будут чередоваться. Солдаты и рабочие молчать не будут.”⁴⁶

⁴⁴ Ф. Ф. Раскольников. Кронштадт и Питер в 1917 году. М. 1990. С. 155. Первое издание книги вышло в 1925 г., поэтому каких-либо опасений относительно возможного преувеличения значения деятельности Сталина в июльские дни испытывать не приходится. Тогда еще не развернулась масштабная кампания по возвеличиванию роли Сталина.

⁴⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 3. С. 115.

⁴⁶ Там же. С. 120.

Важным событием в политической жизни тогдашней России стал VI съезд партии большевиков, состоявшийся в конце июля — начале августа 1917 г. Можно также смело утверждать, что этот съезд явился и своеобразной вехой в политической биографии Сталина. На нем он впервые выступил в качестве основного докладчика с Отчетом ЦК партии и с докладом о политическом положении (в разделе повестки дня «О текущем моменте»). Конечно, то, что ему пришлось играть заглавную роль в работах съезда, объяснялось прежде всего тем обстоятельством, что Ленин находился в подполье, некоторые другие видные деятели партии были арестованы и содержались под стражей (Троцкий, Каменев и др.). Это, по всей вероятности, и выдвинуло Сталина в тот период на авансцену политических событий. Вместе с тем, было бы грубым упрощением принимать во внимание только указанное выше обстоятельство, игнорируя сам факт бесспорного роста политического веса и влияния Сталина в период между двумя революциями. Он уже сам по себе, а не только в силу отсутствия других лидеров, играл вполне самостоятельную политическую роль и рассматривался в партийных кругах в качестве фигуры первостепенной важности.

Для выполнения этой роли он был подготовлен как в теоретическом, так и в практическом отношениях. О нем знали как о ведущем партийном специалисте в области национальных отношений, бесспорно крупном и надежном партийном организаторе, за плечами которого стоял большой опыт подпольной работы. И именно такое сочетание качеств было особенно необходимо тогда, когда партия находилась в полуподпольном состоянии, когда она стояла на пороге решения жизненно важных проблем выработки новой политической стратегии.

Разумеется, не Сталину, а Ленину принадлежит главная и решающая роль в формулировании основных позиций партии по ключевым проблемам ситуации в стране и в выработке стратегического курса на социалистическую революцию. Однако было бы в корне неверно на этом основании принижать бесспорные заслуги Сталина в выработке партийной политики и осуществлении стратегического курса партии в период между двумя русскими революциями. Особенно велика его роль в проведении VI съезда партии, в отстаивании основополагающих ленинских установок, в том, что партия сумела выйти сравнительно с небольшими потерями из сложных перипетий того сложного во всех отношениях периода.

Рассматривая политическую биографию Сталина в широком историческом контексте, видимо, целесообразно остановиться не на всех моментах его деятельности в период VI съезда, а на некоторых ключевых, имеющих принципиальное значение или вызывающих определенные споры или кривотолки.

Основным содержанием отчетного и политического докладов Сталина на съезде был анализ противоречивого развития ситуации в стране, в особенности трех политических кризисов (апрельского, июньского и июльского) и обоснование стратегии и тактики партии в быстро изменявшейся обстановке. Налицо был рост влияния и авторитета большевиков, резкое увеличение численности партийных рядов: за период между Апрельской партийной конференцией и VI съездом число членов партии возросло почти втрое и составило 240 тысяч человек.⁴⁷

Исторический журнал

Касаясь вопроса о путях завоевания власти, Сталин подчеркнул, что до июльских событий была возможна мирная победа, мирный переход власти к Советам. Если бы съезд Советов решил взять власть, кадеты не осмелились бы открыто выступить против, ибо такое выступление было обречено на поражение. Но теперь, когда контрреволюция организовалась и укрепилась, бессмысленно говорить, что Советы могут мирным путем взять власть. Принципиальное значение имел вопрос об отношении к Советам, и касаясь этого вопроса, Сталин сказал: "Тем фактом, что мы снимаем прежний лозунг о власти Советов, мы не выступаем против Советов. Наоборот, можно и должно работать в Советах, даже в Центральном Исполнительном Комитете Советов, органе контрреволюционного прикрытия. Хотя Советы теперь лишь органы сплочения масс, но мы всегда с массами и не уйдем из Советов, пока нас оттуда не выгонят. Ведь мы остаемся и в фабрично-заводских комитетах, и в муниципалитетах, хотя они не имеют в своих руках власти. Но, оставаясь в Советах, мы продолжаем разоблачать тактику социалистов-революционеров и меньшевиков".⁴⁸

Особый интерес не только чисто в историческом, но и в принципиальном теоретическом плане имела позиция Сталина по вопросу о перспективах развития социалистической революции в России. Позиция по данному вопросу фактически стала своеобразным краеугольным камнем, легшим впоследствии в основу сталинской теории построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Известно, что согласно классическому постулату марксизма социалистическая революция должна явиться результатом выступления пролетариата наиболее развитых капиталистических стран. Вопрос о социалистической революции в такой стране, как Россия, где существовали многочисленные остатки прежней феодальной формации, в среде русских марксистов фактически не рассматривался в качестве ни ближайшей, ни отдаленной перспективы.

Поэтому серьезной новацией в теоретическом плане была даже сама постановка данного вопроса в качестве задачи практического действия. В докладе о политическом положении Сталин, по существу впервые поставил его, заявив: "Было бы недостойным педантизмом требовать, чтобы Россия «подождала» с социалистическими преобразованиями, пока Европа не «начнёт». «Начинает» та страна, у которой больше возможностей..."⁴⁹

Интересы истины требуют добавить, что фактически именно Ленину принадлежит теоретическое и политическое обоснование данного положения. Знаменитые "Апрельские тезисы", по существу, базировались на концепции возможности и необходимости социалистического переворота в России. Добавим, что, выступая на Апрельской конференции, Ленин решительно отверг точку зрения А.Рыкова, согласно которой в стране с преимущественно крестьянским населением, такой, как Россия, социалистическая революция в марксистском понимании не может быть успешной. Позицию Ленина по этому принципиальному вопросу я уже излагал выше. Однако — и это необходимо подчеркнуть особо — в самой партии в то время господствовало убеждение, что только высокоразвитые капиталистические страны могут открыть России путь к социализму.

⁴⁸ И.В. Сталин. Соч. Т. 3. С. 185.

⁴⁹ Там же. С. 174.

Дискуссия по этому вопросу на съезде развивалась так. Обсуждалась резолюция съезда, в одном из пунктов которой говорилось, что «задачей этих революционных классов является тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления её, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и к социалистическому переустройству общества».⁵⁰ Делегат съезда Е.Преображенский (впоследствии один из активных участников троцкистской оппозиции) внес поправку: «Предлагаю иную редакцию конца резолюции: «для направления ее к миру и при наличии пролетарской революции на Западе — к социализму».⁵¹

Сталин, защищавший проект резолюции, высказал следующее возражение, ставшее впоследствии одним из главных исходных моментов его концепции построения социализма в одной стране. Приведем это высказывание полностью: «Я против такой поправки. Не исключена возможность, что именно Россия является страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась в условиях войны такой свободой, как Россия, и не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас же рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитала. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего.»⁵²

Конечно, можно иронизировать, как это делает американский биограф Сталина Р.Слассер, по поводу того, что высказывание Сталина в сущности являлось лишь повторением того, что ранее говорил Ленин и что Сталин лишь «поднял дискуссию на более высокий уровень «творческого марксизма», заявляя тем самым претензии на лидерство в обход Ленина или любого другого партийного руководителя. Судя по протоколам, делегаты никак не прореагировали на дерзость Сталина. В протоколах всего лишь зафиксирован факт голосования, в результате которого предложение Преображенского не прошло, а Сталин получил перевес голосов.»⁵³ Фактом остается то, что не кто иной, как именно Сталин четко, определенно и без малейших оговорок сформулировал свое видение перспектив социалистической революции в России. И это нужно занести в актив политической, да и теоретической, деятельности Сталина в рассматриваемый период. Кроме того, формулировка Сталина в сравнении с ленинской, более определенно говорит о том, что именно Россия может стать провозвестницей социалистического переворота. Так что, на мой взгляд, нельзя принижать, не вступая в противоречие с истиной, значение выдвинутой Сталиным на этом съезде формулы.

И, наконец, следующий вопрос, который вызывал определенные кривотолки относительно правильности позиции Сталина в этот период, — это вопрос о явке Ленина в суд. Известно, что после июльских событий в печати появились инсинуации

⁵⁰ Протоколы шестого съезда РСДРП(б). М. 1934. С.233.

⁵¹ Там же.

⁵² И.В.Сталин. Соч. Т. 3. С. 186-187.

⁵³ Роберт Слассер. Сталин в 1917 году. С. 225.

по поводу причастности Ленина к шпионажу в пользу Германии. На основе этих инсинуаций властями было издано распоряжение об аресте Ленина, Зиновьева и ряда других большевиков. Ленин вместе с Зиновьевым скрылись в подполье. Активное участие в организации перехода Ленина на нелегальное положение сыграл Сталин, что нашло убедительное подтверждение во многих мемуарных публикациях.

На VI съезде обсуждался в числе других вопросов и вопрос о явке Ленина и Зиновьева в суд. Сталин по этому, пусть частному, но исключительно важному вопросу занимал следующую позицию: «В данный момент всё ещё неясно, в чьих руках власть. Нет гарантии, что, если они явятся, они не будут подвергнуты грубому насилию. Другое дело, если суд будет демократически организован и будет дана гарантия, что не будет допущено насилие. На вопрос об этом нам отвечали в ЦИК: «Мы не знаем, что может случиться». Следовательно, пока положение еще не выяснилось, пока ещё идёт глухая борьба между властью официальной и властью фактической, нет для товарищей никакого смысла являться в «суд». Если же во главе будет стоять власть, которая сможет гарантировать наших товарищей от насилий, они явятся.»⁵⁴

В период борьбы против культа личности данная позиция Сталина также ставилась ему в вину, причём обосновывалось это тем, что оценка Сталиным политического положения не учитывала того факта, что после июльских событий власть оказалась уже в руках контрреволюционной буржуазии.⁵⁵

С чисто формальной стороны данный упрек вроде бы и выглядит обоснованным. Однако он игнорирует тот факт, что именно в этот период Сталин неоднократно и со всей определенностью подчеркивал, что период двоевластия уже остался позади и власть перешла в руки контрреволюции. Так что уличать Сталина в непонимании или ошибочной оценке сложившейся ситуации, на мой взгляд, нет серьезных оснований. Другое дело, что в постановке Сталиным в такой форме вопроса о явке Ленина в суд могли играть роль и другие, чисто политические и тактические моменты. Это отметил и Молотов, бывший в то время активным работником партии. В частности, он говорил: «Теперь о явке Ленина на суд в 1917 году. Знаю, что в этом обвиняют Сталина. Думаю, перебарщивают. Тут я уже не совсем точно помню, я не перечитывал этих документов. Возможно, что у Сталина тут была, с точки зрения формальной, более осторожная позиция — дескать, надо отрицательно отнестись к этому требованию Временного правительства, но не при всех случаях жизни. А может быть, это способ был, так сказать, лишний раз уличить Временное правительство, использовать его, доказать, что оно никаких гарантий не может дать. Вот это, я думаю, более вероятно... Но позицию Сталина по вопросу явки Ленина на суд, мне кажется, извращают. Больше сводится к тому, что именно извращают.»⁵⁶

Дискуссия на съезде по вопросу явки Ленина в суд была достаточно острой и выявила две точки зрения.

Одни выступали категорически против. Так, Скрипник заявил:

«В резолюции, предложенной т. Сталиным, было известное условие, при котором наши товарищи могли бы пойти в республиканскую тюрьму, — это гарантия безо-

⁵⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 3. С. 170.

⁵⁵ См. История Коммунистической партии Советского Союза. Т.3. С. 178.

⁵⁶ Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 159.

пасности. Я думаю, что в основу резолюции должны лечь иные положения. Мы одобряем поведение наших вождей. Мы должны сказать, что мы протестуем против клеветнической кампании против партии и наших вождей. Мы не отдадим их на классовый пристрастный суд контрреволюционной банды”.⁵⁷

Другие считали, что необходимо явиться в суд, чтобы использовать судебное разбирательство для разоблачения Временного правительства и кампании травли партии. Делегат съезда Д. Мануильский следующим образом определил позицию по данному вопросу: “Вопрос о явке тт. Ленина и Зиновьева нельзя рассматривать в плоскости личной безопасности. Если бы вопрос разрешался в этой плоскости, каждый член партии сказал бы, что Временное правительство скорее перешагнет через наш труп, чем получит Ленина. Но приходится этот вопрос рассматривать в другой плоскости — с точки зрения интересов революции, с точки зрения интересов и достоинства партии. Нам приходится иметь дело с массами, и мы видим, какой козырь в руках буржуазии, когда речь идет об уклонении от суда наших товарищей. Мы уже отдали часть наших товарищей: лучших из них посадили в Петропавловскую крепость. Мы должны дать бой контрреволюции. Процесс против Ленина будет процессом против всего Интернационала. Из процесса Ленина мы должны сделать дело Дрейфуса”.⁵⁸

Другой делегат М. Лашевич мотивировал свою позицию так: “При решении этого вопроса мы должны исходить из интересов партии. Я уверен, что мы на этом суде из подсудимых обратимся в обвинителей”.⁵⁹

Подводя итог, можно сказать, что в целом позиция Сталина по вопросу явки Ленина в суд была вполне определенной и ясной — он выступал против такой явки. Примечательно свидетельство А.С. Аллилуевой, касающееся как раз периода пребывания Ленина в подполье, когда он временно скрывался на квартире Аллилуевых: “Почти каждый день к Ленину приходил Сталин. В первый же день по переезде Ильича в нашу квартиру к нему вместе со Сталиным зашел Серго Орджоникидзе. Был тогда и Ногин, была Стасова. Обсуждали, следует ли Ильичу отдать себя в руки временного правительства. Сталин и Серго возражали единодушно — для них было ясно, что обещаниям Керенского верить нельзя. — Юнкера убьют Ленина, прежде чем доставят его в тюрьму,— сказал Сталин”.⁶⁰

Что же касается оговорок относительно определенных условий, при которых такая явка стала бы возможной, то это, скорее всего, был со стороны Сталина тактический шаг, призванный разоблачить Временное правительство и подчеркнуть его полную неспособность и нежелание обеспечить самые элементарные условия справедливого судебного разбирательства. Такая оценка позиции Сталина в данном вопросе представляется мне взвешенной и отвечающей фактам и реальной ситуации того времени. Обвинения в половинчатости и неопределенности позиции Сталина, выдвигавшиеся в период борьбы с культом личности, носили явно тенденциозный характер и не могут рассматриваться как убедительные и добросовестные.

⁵⁷ *Протоколы шестого съезда РСДРП (б)*. С. 32.

⁵⁸ Там же. С. 33.

⁵⁹ Там же. С. 34.

⁶⁰ А.С. Аллилуева. Воспоминания. С. 181.

На VI съезде Сталин был избран в состав ЦК. В принятом новом Уставе партии предусматривалось, что ЦК избирается ежегодно на съезде, а для текущей работы он выделяет узкий состав. На пленуме ЦК, состоявшемся после окончания съезда, Сталин избирается в узкий состав ЦК и редактором газеты “Рабочий и солдат”⁶¹

Подводя некоторый итог, есть основания утверждать, что VI съезд стал не то что звездным часом в политической биографии Сталина дооктябрьского периода, но весьма важной вехой, своеобразным рубежом, ясно обозначившим его превращение в одну из ведущих политических фигур на тогдашнем небосводе российской политики. По крайней мере, в среде большевиков. Конечно, его ключевая роль в работах съезда партии во многом объяснялась счастливым лично для него и трагическими для партии стечением обстоятельств: именно в эти месяцы Ленин, а также некоторые другие ведущие деятели большевиков находились в подполье или в заключении. Как уже отмечалось выше, во многом по данной причине не кому-либо, а ему выпало на долю выступать с главными докладами на съезде. Первоначально, например, докладчиком по текущему моменту (о политическом положении) намечался Троцкий, однако за несколько дней до этого он был арестован.⁶² И с этим докладом было поручено выступить Сталину.

Подобное стечение обстоятельств, конечно, сыграло некоторую роль в политической эволюции Сталина, в процессе ускорения процесса его превращения в одну из ключевых фигур большевистского руководства в период между двумя русскими революциями. Оно ускорило этот процесс, но не больше того! Бурные перипетии, которые составляли основное содержание периода между двумя революциями, неизбежно должны были вытолкнуть и его на авансцену политических схваток. Та эпоха была эпохой сурового естественного отбора среди политиков, и лишь некоторые из них выдержали этот отбор. Остается сделать единственно соответствующий правде жизни вывод: Сталин обладал необходимыми качествами, чтобы пройти этот достаточно жесткий исторический отбор. Привходящие обстоятельства, конечно, играли свою роль, часто немаловажную, но они сами подчинялись закономерному ходу событий, в порой и прямо вытекали из самого хода этих событий.

Разумеется, уникальность всей российской политической сцены той поры и соответствующая роль на ней отдельных политических фигур, не просто была подходящей почвой для возникновения разного рода отклонений в выработке стратегии и особенно тактической линии поведения, но и самым естественным образом предопределяла неизбежность не только расхождений даже между единомышленниками, но даже фатально неизбежных ошибок. Но главное заключалось не в том, чтобы не допускать ошибок — подобное было абсолютно исключено самой логикой политического развития событий — а в том, чтобы своевременно их исправлять и не допускать перерастания в порочную линию стратегического порядка. С точки зрения данного критерия выдвигать по адресу Сталина сколько-нибудь серьезные упреки нет веских оснований. Для него это был короткий, но чрезвычайно насыщенный период обретения богатого опыта политического расчета, маневрирования и постепенного накопления сил для выполнения новых, более масштабных задач.

⁶¹ **Протоколы Центрального Комитета РСРП(б).** М. 1958. С. 6. Следует отметить, что в перечне лиц, избранных в узкий состав ЦК, Сталин стоит на первом месте.

⁶² **Протоколы шестого съезда РСДРП (б).** С. 9-10.

2. Октябрьская революция и приход большевиков к государственной власти

Курс на социалистическую революцию в России, ясно и определенно сформулированный В.И. Лениным в “Апрельских тезисах”, и закрепленный сначала в решениях Апрельской конференции, а затем и VI съезда партии, как мы могли уже убедиться, был выработан и принят в обстановке отнюдь не полного единодушия в среде самих большевиков. Более того, в определенном смысле он стал закономерным итогом самой острой и напряженной борьбы прежде всего в самих верхах большевистской партии. Мотором и главной движущей силой, которая направляла деятельность партии на всемерную подготовку к социалистической революции, — а в тогдашних условиях речь могла идти прежде всего о взятии власти путем организации массовых выступлений, а в конечном итоге вооруженном выступлении, — этой политической и интеллектуальной силой был В.И. Ленин.

Споры о характере и причинах Октябрьской революции начались, собственно говоря, даже раньше, чем она сама началась. Не прекращаются они и до сих пор, принимая подчас формы непримиримых идеологических и политических баталий. В наше безвременье они обрели даже особую обостренность и ожесточенность. Вот почему мне представляется уместным привести достаточно обширную оценку, которую дает американский автор А. Рабинович в своей книге “Большевики приходят к власти”. Книга эта, опубликованная в 1976 году и вышедшая в русском переводе в России в 1989 году, написана на базе огромного массива источников и литературы. Автор стремился сохранять максимальную объективность и избегать тенденциозного подхода, при котором реальные факты и обстоятельства заранее подгоняются под заранее определенную схему. В итоге мы получаем исследование, формально отвечающее критериям научного плана, а на самом деле являющееся очередной, пусть и облеченной в научную форму, фальсификацией. Так вот, книга А. Рабиновича выгодно отличается в этом отношении от многих западных и нынешних российских публикаций по данной тематике. Хотя, — и это надо специально подчеркнуть, — автор не питает никаких симпатий к большевикам, и тем более не является апологетом их политики.

А. Рабинович в своей книге делает следующий вывод: “Тщательное исследование в указанном направлении заставило меня подвергнуть сомнению основные выводы как советских, так и западных историков относительно положения в партии большевиков и источников ее силы в 1917 году, а также самого характера Октябрьской революции и в Петрограде. Если советские историки объясняют успех Октябрьской революции исторической неизбежностью и наличием сплоченной революционной партии во главе с Лениным, то многие западные ученые рассматривают это событие либо как историческую случайность, либо — чаще — как результат хорошо подготовленного государственного переворота, не имевшего значительной поддержки масс. Я, однако, считаю, что исчерпывающее объяснение захвата большевиками власти намного сложнее, чем любая из этих предлагаемых интерпретаций.

Изучая по документам той эпохи настроения и интересы фабрично-заводских рабочих, солдат и матросов, я обнаружил, что их стремлениям отвечала выдвигнутая большевиками программа политических, экономических и социальных реформ, в то время как все другие главные политические партии России были ос-

новательно дискредитированы из-за их неспособности осуществить значительные реформы и нежелания немедленно прекратить войну. В результате провозглашенные большевиками цели пользовались в октябре 1917 года поддержкой широких масс.»⁶³

Для Сталина, как, кстати, и для любого мало-мальски объективного наблюдателя за ситуацией в тогдашней России, было более чем очевидно: новая власть в лице Временного правительства, постоянно раздираемая внутрипартийными склоками и противоречиями, не была в состоянии разрешить ни один из вопросов, вызвавших февральский революционный взрыв. Консервативные силы старого порядка — прежде всего монархисты — находились в состоянии глубокой политической протрации и не обладали ни реальным, ни моральным весом, чтобы восстановить монархию. К самому Временному правительству они относились не только с глубочайшим недоверием, но и откровенным презрением. Словом, представители старого порядка были деморализованы и не представляли собой серьезной социально-политической силы, способной повернуть ход истории вспять.

С свою очередь, буржуазные круги, рассматривавшие Временное правительство главным выразителем своих социально-политических устремлений, также не могли испытывать восторгов по поводу управления страной со стороны Временного правительства. Само это правительство переживало один кризис за другим, оно не обладало ни твердостью, ни решимостью в полной мере овладеть ситуацией, взять ее под свой контроль. И дело сводилось не только и не столько к личным качествам тех лиц, которые возглавляли правительство или входили в его состав на различных этапах развития ситуации. Такая диспозиция являлась объективным отражением сложной и противоречивой социально-политической ситуации в самой стране, в армии, в деревне, в крупнейших экономических и политических центрах страны — Петрограде и Москве.

Довольно субъективную и подчеркнута эмоциональную, но в целом весьма красочную картину, характеризовавшую тогдашнюю ситуацию в России, дает в своей книге С. Дмитриевский, бывший эсер, затем меньшевик, а потом большевик, ставший в начале 30-х годов невозвращенцем и издавший в 1931 году в Берлине книгу о Сталине. Он пишет в ней:

“Везде и надо всем царит улица. Беспокойная, суетливая, непонятная, сама еще ничего не понимающая, распутная, ленивая, трусливая и озорная улица большого города и большой неожиданной революции. Всюду толпы, крики, речи, кой-где выстрелы, брань, кружатся обрывки газетной бумаги, воззваний, хрустит шелуха семечек, дымят бесчисленные папиросы, кружатся в воздухе непонятные, непрожеванные призывы, увещания, просьбы. Улица, гнусная и грязная улица надо всем. Она затопляет учреждения, ее шум, нестройный и разноголосый, отдается в правительственных дворцах, влияет там на мысль и действие, делает и их неясными, нестройными. Полный хаос. Полная неразбериха. Все есть — и нет ничего. Нет государства, нет правительства, нет России. Безвременье...”

⁶³ Александр Рабинович. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М. 1989. С. 13.

И только на широких просторах крестьянской земли еще тишина. Там выжидают.”⁶⁴

Советы рабочих и солдатских депутатов, претендовавшие на роль альтернативной государственной власти, также переживали сложный и противоречивый период в своем становлении и развитии. В них шла борьба между различными политическими партиями, осью которой являлось соперничество между меньшевиками, эсерами и другими соглашательскими партиями, с одной стороны, и большевиками, с другой. В целом шел непрерывный процесс полевления Советов, что упрочивало позиции большевиков в них и позволяло использовать сами Советы в качестве важнейшего инструмента в борьбе за завоевание политической власти в стране.

Существовавшая в России на протяжении определенного отрезка времени система двоевластия, на мой взгляд, лишь с некоторой натяжкой может быть названа таковой. Действительно, функционировали и Временное правительство, и Советы. Но наряду с ними существовали и другие полулегальные-полунелегальные системы и органы власти как в городах, так и в сельской местности. Можно сказать, что система двоевластия дополнялась системой безвластия, причем последняя порой проявляла себя с гораздо большей эффективностью.

Июньский, и особенно июльский, кризисы во всей наготе обнажили сложность, неустойчивость, а порой и несоразность положения. Страна семимильными шагами двигалась к национальной катастрофе, к своему государственному распаду. Силы контрреволюции решили воспользоваться июльскими событиями, чтобы нанести большевикам поражение и выкорчевать их с политического поля России. Однако исторический момент властями был упущен: сделать это было уже невозможно. Советы, лишившись власти (в той степени, в какой они ею обладали), тем не менее не превратились всего лишь в историческое воспоминание. По мере роста политического противостояния классовых сил в стране, и в Петрограде в особенности, по мере того, как все яснее обнажалась природа Временного правительства — власти буржуазных реакционных кругов, стремившихся остановить ход революции и восстановить в тылу и на фронте “твердый порядок”, — по мере развития этих и других столь же важных процессов позиции революционных левых сил в Советах становились все прочнее. Вес и влияние социал-соглашателей соответственно уменьшались.

Фактором первостепенного значения явилось и пробуждение деревни. Крестьяне (в том числе и одетые в солдатские шинели, а они составляли большинство в армии), уставшие слушать многочисленные обещания правительства решить, наконец, два центральных вопроса революции — вопрос о мире и вопрос о земле, — стали пробуждаться к активной политической деятельности. Начались захваты земель, поджоги помещичьих усадеб и т.п. эксцессы. Такие эксцессы в истории России чаще всего являлись предвестниками наступления социально-политической бури.

Все эти процессы, взятые в своей совокупности, однозначно свидетельствовали о резком полевлении общего политического настроения в стране. Это не могло не внести существенных изменений в политическую стратегию и тактику основных противоборствующих сил.

⁶⁴ Сергей Дмитриевский. Сталин. Предтеча национальной революции. М. 2003. С. 135.

Буржуазно-помещичьи круги, сознавая всю шаткость и непредсказуемость положения, предприняли ряд мер для укрепления своих позиций, для консолидации власти. Несмотря на некоторые различия в стратегии и тактике, эти меры ориентировались на ужесточение режима власти. Причем нужны были спешные шаги, поскольку стремительный ход событий мог опрокинуть любые расчеты.

Вся деятельность партии большевиков была нацелена на реализацию решений съезда партии, взявшего курс на социалистическую революцию. Надо отдать должное, что большевики действовали отнюдь не прямолинейно, не с открытым забралом, не подставляли себя под неизбежные удары правительства, — а июльские события показали, что за такими ударами дело не станет. Они проводили повседневную и активную работу в массах, расширяя с каждым днем число своих сторонников и сочувствующих им.

Позднее, в середине 20-х годов, в период острой полемики с Троцким, Сталин следующим образом обрисовал главные черты тактики большевиков: «Характерной чертой этого периода нужно считать быстрое нарастание кризиса, полную растерянность правящих кругов, изоляцию эсеров и меньшевиков и массовую перебежку колеблющихся элементов на сторону большевиков. Следует отметить одну оригинальную особенность тактики революции в этот период. Состоит она, эта особенность, в том, что каждый, или почти каждый, шаг своего наступления революция старается проделать под видом обороны. Несомненно, что отказ от вывода войск из Петрограда был серьёзным шагом наступления революции, тем не менее это наступление было проделано под лозунгом обороны Петрограда от возможного наступления внешнего врага. Несомненно, что образование Военно-революционного комитета было ещё более серьёзным шагом наступления на Временное правительство, тем не менее оно было проведено под лозунгом организации советского контроля над действиями штаба округа. Несомненно, что открытый переход гарнизона на сторону Военно-революционного комитета и организация сети советских комиссаров знаменовали собой начало восстания, тем не менее эти шаги были проделаны революцией под лозунгом защиты Петроградского Совета от возможных выступлений контрреволюции. Революция как бы маскировала свои наступательные действия оболочкой обороны для того, чтобы тем легче втянуть в свою орбиту нерешительные, колеблющиеся элементы. Этим, должно быть, и объясняется внешне-оборонительный характер речей, статей и лозунгов этого периода, имеющих тем не менее глубоко наступательный характер по своему внутреннему содержанию.»⁶⁵

Со своей стороны, правительство предприняло ряд мер по овладению ситуацией в стране и укреплению своих позиций. Одним из шагов в этом направлении стало Государственное московское совещание, состоявшееся 12–15 (25–28) августа 1917 г. под председательством А. Ф. Керенского. В этом совещании принимали участие представители крупных землевладельцев, промышленников, купцов, генералов, высшего духовенства. Целью совещания был призыв к ликвидации Советов и создание правительства, способного раздавить революцию. Открывая совещание, Керенский заверил, что он «железом и кровью» раздавит все попытки сопротивления правительству. В выступлениях Л. Г. Корнилова, А. М. Каледина, П. Н. Милюкова, В. В. Шульгина

⁶⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. .342.

и др. была сформулирована программа контрреволюции: ликвидация Советов, упразднение общественных организаций в армии, война до победного конца, восстановление смертной казни не только на фронте, но и в тылу.

Позиция большевиков в отношении этого совещания сводилась к следующему: использовать трибуну совещания для разоблачения замыслов реакции, образовать на совещании большевистскую фракцию, которая должна была выработать декларацию, зачитать ее перед началом работы совещания и демонстративно покинуть его. Однако эсеро-меньшевистский ВЦИК, «чтобы не нарушать единства воли демократии», исключил большевиков из своей делегации. И тем не менее ЦК большевиков опубликовал свою резолюцию, в которой говорилось: «Московское совещание имеет своей задачей санкционировать контрреволюционную политику, поддержать затягивание империалистической войны, встать на защиту интересов буржуазии и помещиков, подкрепить своим авторитетом преследование революционных рабочих и крестьян. Таким образом, Московское совещание, прикрываемое и поддерживаемое мелкобуржуазными партиями — эсерами и меньшевиками — на деле является заговором против революции, против народа.

Исходя из сказанного, ЦК РСДРП предлагает партийным организациям: 1) разоблачать созываемое в Москве совещание, орган заговора контрреволюционной буржуазии против революции; 2) разоблачать контрреволюционную политику эсеров и меньшевиков, поддерживающих это совещание; 3) организовать массовые протесты рабочих, крестьян и солдат против совещания.⁶⁶

Разгром заговора генерала Корнилова. В соответствии с программой, принятой на московском совещании, началась практическая работа по реализации намеченных на нем целей. В Ставке и при штабах фронтов формировались специальные ударные части; офицерские организации в Петрограде, Москве, Киеве и др. городах должны были выступить в момент начала мятежа. Главной боевой силой был 3-й конный корпус генерала А. М. Крымова, который намечалось ввести в революционный Петроград, чтобы разгромить вооруженные силы большевиков, разогнать Советы и установить военную диктатуру. Одновременно предполагалось нанести удар по революционным организациям в Москве, Киеве и др. крупных городах.

25 августа (7 сентября) Корнилов двинул войска на Петроград, потребовав отставки Временного правительства и выезда Керенского в Ставку. С согласия английского посла Бьюкенена корниловские отряды сопровождали английские броневики. Министры-кадеты 27 августа (9 сентября) подали в отставку, выражая солидарность с Корниловым. В ответ на это Керенский объявил Корнилова мятежником и отстранил от должности верховного главнокомандующего. Изменение политики Керенского было вызвано боязнью, что возмущенные массы могут смести не только Корнилова, но и его самого. Керенский рассчитывал поднять пошатнувшийся авторитет Временного правительства среди народных масс; но его расчёты не оправдались.

Активную роль в организации подавления корниловского мятежа играл, наряду с другими руководящими деятелями партии, и Сталин. В эти дни в газетах «Рабочий» и «Рабочий путь» он публикует ряд статей, в которых в предельно ясной и острой

⁶⁶ Протоколы Центрального Комитета РСРП(б). С. 14.

форме ставится вопрос об организации всенародного отпора контрреволюционному заговору, дается анализ причин и движущих сил мятежа, а также основных методов и средств по его разгрому. В частности, Сталин писал: «В происходящей теперь борьбе между коалиционным правительством и партией Корнилова выступают не революция и контрреволюция, а два различных метода контрреволюционной политики, причём партия Корнилова, злейший враг революции, не останавливается перед тем, чтобы, сдав Ригу, открыть поход против Петрограда для того, чтобы подготовить условия для восстановления старого режима.»⁶⁷

Тактика большевиков состояла в том, чтобы бороться против Корнилова вместе с войсками Временного правительства, но не поддерживать последнее, а разоблачать его контрреволюционную сущность. 27 августа ЦК РСДРП(б) обратился к рабочим и солдатам Петрограда с призывом встать на защиту революции. За 3 дня в отряды Красной Гвардии записалось несколько тыс. рабочих. Чтобы воспрепятствовать движению эшелонов с корниловцами, под Петроградом строились заграждения, железнодорожники разбирали пути. Против мятежников выступили солдаты революционных частей петроградского гарнизона, моряки Балтийского флота и красногвардейцы. К 30 августа (12 сентября) движение корниловцев всюду было остановлено; в их войсках началось разложение. В Ставке и штабах фронтов были арестованы генералы Корнилов, Лукомский, Деникин, Марков, Романовский, Эрдели и др. 31 августа (13 сентября) официально объявлено о ликвидации корниловщины. Под влиянием революционного подъёма масс в ходе борьбы с Корниловым началась полоса массовой большевизации Советов.

Интересы истины требуют отметить, что корниловский мятеж так быстро и бесславно закончился полным крахом не только в силу того, что большевикам и другим левым силам удалось поднять на борьбу с ним довольно широкие слои населения, прежде всего в столице. Другой важной составляющей из причин поражения мятежа явилось то, что само Временное правительство и поддерживавшие его силы, в том числе меньшевики, эсеры и кадеты, в свою очередь опасались, что победа генерала Корнилова сметет и их с политической сцены России как силы явно неспособной управлять ею в столь ответственный исторический час. Нельзя не отметить и того, что многие офицеры, деморализованные прежней политикой правительства, также оказались в стороне от событий, и вместо того, чтобы активно и энергично поддерживать мятеж, выступали скорее в роли пассивных зрителей за всем происходящим.

Все это в своей совокупности и предопределило ход событий в августовские дни 1917 года. Подобный оборот дел означал существенный сдвиг в общей расстановке социально-классовых и политических сил в стране. Большевики уже реально превращались в одну из самых влиятельных политических сил Российского государства как раз именно в тот период, когда оно стремительными шагами двигалось к национально-государственной катастрофе.

Еще одним в ряду безуспешных попыток властей в корне изменить развитие ситуации в стране явился созыв **Демократического совещания**. Оно проходило 14–22 сентября (27 сентября – 5 октября) 1917 г. в Петрограде и было создано в целях ослабления все более нарастающего в России общенационального кризиса и

⁶⁷ И.В. Сталин. Соч. Т. 3. С. 258.

укрепления позиций Временного правительства. На совещании присутствовало более полутора тысяч делегатов (от Советов, профсоюзов, организаций армии и флота, кооперации, национальных учреждений и т. д.), в т. ч. 532 эсера, 172 меньшевика, 136 большевиков. Утратив после быстрого разгрома корниловщины большинство в Советах, соглашатели пытались Демократическим совещанием подменить 2-й Всероссийский съезд Советов и создать новое коалиционное правительство. Путём подтасовки состава совещания меньшевики и эсеры добились большинства, не отражавшего подлинного соотношения сил в стране и не представлявшего большинства революционного народа, а лишь соглашательские мелкобуржуазные верхи.

Большевистская фракция в Демократическом совещании решила использовать трибуну совещания для разоблачения соглашателей, сосредоточивая главные усилия на работе среди революционных масс, на подготовке вооруженного восстания. 21 сентября на заседании большевистской фракции совещания Сталин выступил с докладом, в котором защищал и обосновывал стратегию, предложенную Лениным в отношении этого совещания.⁶⁸ Декларация фракции РСДРП(б), подготовленная комиссией ЦК партии и оглашённая на Демократическом совещании 18 сентября (1 октября), подвергла резкой критике политику эсеро-меньшевистских лидеров и весь опыт коалиционной власти и требовала безотлагательного созыва Всероссийского съезда Советов, передачи Советам всей власти, отмены частной собственности на землю и передачи её крестьянству, введения рабочего контроля над производством и распределением, национализации важнейших отраслей промышленности, вооружения рабочих, отмены тайных договоров и немедленного предложения всеобщего демократического мира.⁶⁹

Из-за крупных разногласий в правящем лагере Демократическое совещание зашло в тупик. В конце концов 20 сентября (3 октября) на заседании президиума Демократического совещания было решено выделить из состава совещания представителей всех групп и фракций (пропорционально их численности) в постоянный орган – Всероссийский демократический совет (так называемый предпарламент), которому передавались функции Демократического совещания.

Предпарламент открылся 7(20) октября в Мариинском дворце. Вопрос об участии большевиков в предпарламенте превратился в один из серьезных предметов разногласий в большевистской верхушке. Можно сказать, что лидеры большевиков разделились на два лагеря по вопросу об участии в Предпарламенте. Борьба между сторонниками и противниками участия была напряженной и разделила многих большевистских лидеров на непримиримые противостоящие группировки. Давая позднее ретроспективную оценку характера этих разногласий, Сталин отмечал, что, несомненно, разногласия по вопросу о предпарламенте имели серьёзный характер. В чём состояла, так сказать, цель предпарламента? В том, чтобы помочь буржуазии отодвинуть Советы на задний план и заложить основы буржуазного парламентаризма. Мог ли предпарламент выполнить такую задачу при сложившейся революционной обстановке – это другой вопрос. События показали, что эта цель была неосуществима, а сам предпарламент представлял собой выкидыш корниловщины. Но несомненно, что

⁶⁸ *И.В. Сталин. Соч. Т. 3. С. 421.*

⁶⁹ Текст декларации см. **Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 49-54.**

именно такую цель преследовали меньшевики и эсеры, создавая предпарламент. Что могло означать при этих условиях участие большевиков в предпарламенте? Не что иное, как введение в заблуждение пролетарских масс насчёт подлинного лица предпарламента.⁷⁰

Сталин в вопросе об отношении к участию в предпарламенте твердо поддерживал позицию Ленина, который в своих письмах в ЦК из подполья указывал, что участие большевиков в нем является серьезной ошибкой, поскольку сеет иллюзии среди широких масс населения и продлевает жизнь старой власти, которая все больше погружалась в пучину кризиса и на каждом шагу демонстрировала свою недееспособность. Предпарламент являл собой некий последний барьер, отделявший старую власть от неизбежного падения в пропасть. А поскольку большевики твердо взяли курс на вооруженное восстание и свержение старой власти посредством такого восстания, участие в работах предпарламента, естественно, вносило определенную дезориентацию в их ряды, мешало эффективной подготовке вооруженного восстания. К тому же, ортодоксальные большевики, к числу которых следует отнести и Сталина, рассматривали улицу, а не предпарламент полем реальной политической борьбы за власть.

Сталин и Учредительное собрание. Чтобы в целом охарактеризовать отношение Сталина как политического деятеля к представительным органам власти в этот период, необходимо рассмотреть вопрос о его отношении к выборам в Учредительное собрание и к самому этому собранию. В каком-то смысле этот исторический сюжет хронологически несколько выходит за рамки рассматриваемого отрезка времени, но с точки зрения сохранения тематического единства именно в данном разделе имеет смысл хотя бы в самом общем виде рассмотреть поставленную проблему.

Вопрос о созыве Учредительного собрания как высшем органе государственной власти, на долю которого ложилась обязанность определить коренные вопросы государственного, национального и экономического устройства страны после революции, всплыл в первые же недели после Февральской революции. Временное правительство сформировало соответствующие органы, занимавшиеся разработкой необходимых правовых документов.⁷¹ Положение о намечавшихся выборах, утверждённое Временным правительством, предусматривало пропорциональную систему представительства, основанную на всеобщем избирательном праве. Избирательная кампания началась в июле и проходила, как и сами выборы, неравномерно и фактически неорганизованно в связи с общей неурядицей в стране и постоянными кризисами и столкновениями различных политических сил.

Позиция Сталина в вопросах выборов в Учредительное собрание в целом не имела каких-либо заметных нюансов в сопоставлении с общепринятой партийной позицией. Сам он был выдвинут кандидатом по большевистскому списку.

В период развертывания выборной кампании в Учредительное собрание Сталин проявлял особую активность. За его подписью в газетах большевиков появился

⁷⁰ См. *И.В. Сталин*. Соч. Т. 6. С. 343.

⁷¹ Основной состав этих документов опубликован в издании *Учредительное собрание. Россия 1918. Стенограмма и другие документы*. М. 1991.

ряд статей, разъясняющих и обосновывающих принципиальную позицию большевиков в связи с выборами. Обращает на себя внимание, что он в статье “К выборам в Учредительное собрание”, опубликованной в конце июля, в центр внимания партии ставит вопросы объединения всех сил в городе и особенно на селе во имя достижения победы на выборах. Поскольку именно деревня и была тем главным полем сражения за голоса избирателей, от исхода которой в конечном счете зависели и результаты в общероссийском масштабе. Сквозившая в статьях Сталина озабоченность и даже некоторая неуверенность имели под собой реальную почву: широкие слои сельского населения находились под сильным влиянием партии эсеров, выступавшей главной выразительницей чаяний крестьян о земле.

Примечательно, что Сталин самым детальным образом формулирует пункты платформы, которая могла бы служить базой для соглашения с крестьянско-солдатскими беспартийными организациями. Таких пунктов он перечислил 20.

Вместе с тем обращает на себя внимание и главный, так сказать, фундаментальный вывод, которым Сталин определяет место Учредительного собрания во всей политической системе России: “Велико значение Учредительного собрания. Но неизмеримо больше значение тех масс, которые остаются вне Учредительного собрания. Сила не в самом Учредительном собрании, а в тех рабочих и крестьянах, которые, творя своей борьбой новое революционное право, будут двигать вперед Учредительное собрание.

Знайте, что чем организованнее будут революционные массы, тем внимательнее будет прислушиваться к их голосу Учредительное собрание, тем обеспеченнее будет судьба русской революции.”⁷²

Выборы начались 12 ноября 1917г. и проходили неравномерно, в ряде районов они происходили значительно позднее. Иными словами, сами выборы, не говоря уже о списках кандидатов от партий, состоялись после Октябрьской революции. Абсолютно точных и полностью достоверных данных о результатах выборов нет, поскольку различные источники указывают разные цифры. Однако общий их результат был однозначен: на выборах большевики потерпели поражение, а эсеры и меньшевики оказались бесспорными победителями. В Учредительное собрание, по данным сохранившихся списков, было избрано 715 человек. По неполным данным, места распределились следующим образом: большевиков — 175, левых эсеров — 40, меньшевиков — 15, «народных социалистов» — 2, кадетов — 17, не назвавших партийной принадлежности — 1, от национальных групп — 86. Эсеры получили 370 мест. Большинство, полученное партиями мелкобуржуазной демократии, в известной мере было обусловлено тем, что значительная часть крестьянства, особенно в отдаленных губерниях, не смогла еще тогда оценить революционных преобразований, проведенных под руководством большевиков.⁷³ Эта интерпретация, господствовавшая в советские времена, конечно, слишком упрощает действительные причины именно такого итога выборов. Я не стану вдаваться в детали, а сошлюсь здесь на мнение видного историка и литератора В.В.Кожина. Он на основе конкретного анализа итогов выборов, а также высказываний крупных деятелей партии эсеров и др. материалы, сделал вывод, что эсеры в

⁷² И.В.Сталин. Соч. Т. 3. С.155.

⁷³ История Коммунистической партии Советского Союза. М. 1967. Т. 3. С.495.

то время не могли реально претендовать на власть, а если бы и взяли ее в свои руки, то не смогли бы ее удержать. Причина в том, что судьбы России в тот период определялись соотношением политических сил в столицах и других крупных городах. А именно здесь большевики обладали преобладающими позициями.⁷⁴ Для характеристики итогов выборов применительно к ситуации того времени можно воспользоваться более поздним политическим термином — арифметическое большинство. Чисто арифметическое большинство в исходе политических баталий отнюдь не всегда играет решающую роль. Это хорошо проиллюстрировала судьба Учредительного собрания, к которой Сталин приложил и свою руку.

Время созыва заседаний Учредительного собрания неоднократно переносилось, поскольку новая власть в лице Советов во главе с большевиками нуждалась во времени, чтобы определить свое отношение к Учредительному собранию. Просто так, без всяких мотивов и обоснований, оно не могло отмахнуться от Учредительного собрания. В еще меньшей мере оно было готово признать его в качестве высшей верховной власти страны. Это было бы равносильно добровольному уходу с исторической сцены. К тому времени Вторым всероссийским съездом советов уже были приняты основополагающие декреты о мире, власти и земле.

Поэтому большевики в качестве главного тактического средства борьбы против Учредительного собрания избрали такой путь: Учредительное собрание должно одобрить принятые ранее декреты и признать Советы в качестве органов власти, отражающих интересы трудящихся масс. Надо сказать, что слишком серьезных разногласий в большевистской верхушке по отношению к Учредительному собранию не наблюдалось, что и понятно, поскольку речь шла о фактическом пребывании большевиков у власти и аннулировании итогов Октябрьской революции. Сталин находился в числе тех, кто последовательно стоял за разгон Учредительного собрания, хотя неделями раньше он публиковал статьи и материалы, в которых всячески превозносилась роль этого собрания в определении будущего России. Впрочем, такие политические сальто Сталина проделывал не раз, равно как и другие лидеры большевиков. Это можно назвать политической беспринципностью или политической гибкостью. Все зависит от того, с каких позиций подходить к данному вопросу: с точки зрения моральных критериев или политической целесообразности.

В конечном счете судьба Учредительного собрания еще до его открытия была предрешена. Большевистская фракция внесла предложение признать принятые советской властью декреты. В этой связи довольно любопытным было выступление меньшевика И. Церетели, который вскрыл явное противоречие в позиции большевиков, которые, с одной стороны, отрицали Учредительное собрание как высшую государственную власть, а, с другой стороны, апеллировали к нему, требуя признания советских декретов. Приведу соответствующий фрагмент из стенограммы заседания: “Позвольте мне сказать, что не только с моей точки зрения и не только с точки зрения огромного большинства народов России, избравших это Учредительное собрание как полномочный орган, но и с точки зрения тех партий, которые гордо заявляют об отсутствии необходимости отчитываться перед Учредительным собранием, это Учредительное собрание является органом верховной народной воли, ибо

⁷⁴ Вадим Кожин. Россия. Век XX. (1901 « 1939). М. 2002. С. 240-241.

если это не так... (Голос слева: нет, не так...), то чем объяснить ваше предложение Учредительному собранию санкционировать то, что здесь было предложено? (Рукоплескания в центре и справа. Голос слева: не санкционировать, а не бороться.)

Председатель. Прошу покорнейше молчать. Прошу успокоиться.⁷⁵

Однако никакие дискуссии уже не могли что-либо изменить: дамоклов меч, нависший над Учредительным собранием России, опустился, и оно перестало существовать. Разве что оставив о себе воспоминания участников и куцую стенограмму заседания.

Кстати, именно в этой стенограмме зафиксирован ставший знаменитым эпизод, когда матрос Железняк, начальник караула, потребовал прекратить заседания. Вот как это отражено в стенограмме: «*Гражданин матрос*(т.е.Железняк). Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал. (Голоса: "Нам не нужно караула".)

Председатель. Какую инструкцию? От кого?

Гражданин матрос. Я являюсь начальником охраны Таврического дворца, имею инструкцию от комиссара.

Председатель. Все члены Учредительного собрания очень устали, но никакая усталость не может прервать оглашения того земельного закона, которого ждет Россия. (Страшный шум. Крики: "Довольно, довольно!") Учредительное собрание может разойтись лишь в том случае, если будет употреблена сила! (Шум. Голоса: "Долой Чернова!")

Гражданин матрос... (Не слышно.) Я прошу покинуть зал заседания⁷⁶

Подводя краткий итог этой внешне трагикомической,^{*} но на самом деле драматической истории с Учредительным собранием, можно заключить, что этот эпизод поставил своеобразную точку в попытках направить Россию по пути либерально-демократического развития западного толка. Насколько такой крутой поворот событий соответствовал глубоким национально-государственным интересам России и ее будущему, покажет лишь время. Надо особо подчеркнуть, что лейтмотивом большевистской позиции было следующее положение, сформулированное в декрете ВЦИК о роспуске Учредительного собрания: "старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества."⁷⁷

Краткий обзор отношения Сталина к предпарламенту и Учредительному собранию в наше время представляет собой сугубо исторический интерес, тем более что с победой в Октябре и предпарламент, и Учредительное собрание бесславно

⁷⁵ Учредительное собрание. Россия 1918. Стенограмма и другие документы. С. 98.

⁷⁶ Там же. С. 158-159.

* В высшей степени любопытна оценка роспуска собрания, принадлежащая перу Керенского: «Открытие Учредительного Собрания обернулось трагическим фарсом. Ничто из того, что там происходило, не дает возможности назвать его последним памятным бастионом защиты свободы». (А.Ф.Керенский. Россия на историческом повороте. Мемуары. М. 1993. С.33.

⁷⁷ Учредительное собрание. Россия 1918. Стенограмма и другие документы. С. 67.

канули в стремительно текущую реку истории. Несомненно, более серьезный и более актуальный интерес вызывает вопрос о том, как участие Сталина в этих, с позволения сказать, парламентских битвах (а он в качестве члена ВЦИК и даже президиума ВЦИК, депутата Учредительного собрания в силу своего положения неоднократно вступал в переговоры и другие контакты с деятелями парламентских органов власти, и, соответственно, приобрел соответствующий опыт в этих делах), — как парламентская деятельность Сталина в целом повлияла на формирование его отношения к парламентам как органам представительной государственной власти вообще.

Говорить, что на этот счет нет каких-либо вполне достоверных и однозначных фактов и свидетельств, нет оснований. Такие свидетельства, зачастую более чем красноречивые, имеются в сочинениях Сталина. Достаточно сослаться на его выступление на 3-м Всероссийском съезде Советов, чтобы уяснить его истинное, а не показное, чисто официальное отношение к парламентаризму. Более того, в этом выступлении содержится и типично сталинское понимание выборов и соотношения между выборными органами и подлинной властью. Полемизируя с Мартовым на этом съезде, Сталин сделал следующее довольно остроумное и весьма многозначительное заявление: «Да, буржуазный парламентаризм мы похоронили, напрасно Мартовы тащат нас к мартовскому периоду революции. (Смех, аплодисменты.) Нам, представителям рабочих, нужно, чтобы народ был не только голосующим, но и правящим. Властвуют не те, кто выбирают и голосуют, а те, кто правят. (Бурные аплодисменты).»⁷⁸

Эта мысль Сталина, в сущности, выражает его понимание демократии, дает ясное представление, какую ценность в его глазах имели представительные органы власти и сами выборы как непосредственный инструмент осуществления народовластия. Оговорка, что речь идет о буржуазном парламентаризме, в данном случае не меняет существа дела. В дальнейшей политической деятельности Сталина мы еще не раз столкнемся с, мягко выражаясь, скептическим отношением к институту выборов и к тому, как этот институт соотносится с реальными рычагами осуществления власти. Поэтому мне особенно хочется акцентировать внимание на приведенном выше высказывании Сталина как на одном из краеугольных камней в его концепции политической власти и управления.

В дополнение и подтверждение данного своего утверждения приведу высказывание Сталина на рассматриваемую тему, относящееся уже к 20-х годам, когда он уже обрел достаточный опыт участия в управлении государством и мог выносить суждения, подкрепленные практикой жизни. Так, в речи на совещании работников Рабоче-крестьянской инспекции, наркомом которой он являлся, Сталин недвусмысленно сформулировал свое кредо относительно истинных источников власти в государстве: «...страной управляют на деле не те, которые выбирают своих делегатов в парламенты при буржуазном порядке или на съезды Советов при советских порядках. Нет. Страной управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительными аппаратами государства, которые руководят этими аппаратами.»⁷⁹

Как видим, здесь уже не проводится принципиальное различие между буржуазными и советскими органами выборной власти (разумеется, не вообще, а именно

⁷⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 36-37.

⁷⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 4. С. С. 366.

применительно к трактовке данного вопроса). Речь идет о законченной формуле, и смысл ее выражен предельно четко и недвусмысленно: управляют не те, кого выбирают специально для этого, а те, кто имеет в своих руках рычаги исполнительной власти. Уже здесь явственно проглядывает идея верховенства и всевластия аппарата, ставшая в последующем альфой и омегой политической системы, созданной Сталиным.

Подводя краткий итог, можно сделать следующий весьма красноречивый и имеющий, бесспорно, принципиальное значение вывод: по-видимому на всю оставшуюся свою политическую жизнь Сталин вынес, если не снисходительное презрение к парламентской деятельности, то, по меньшей мере, серьезную ее недооценку. Не в парламентах он видел главный инструмент и орудие политической деятельности и особенно борьбы за завоевание и упрочение власти. Можно смело предположить, что парламентская борьба ассоциировалась в его сознании с чередой беспринципных сделок и закулисных комбинаций, за частую вредивших реальной политической борьбе. Распространенный в среде марксистов, и большевиков в особенности, термин "парламентский кретинизм" в своей естественной эволюции обрел откровенно презрительный оттенок. Если первоначально под ним разумелась переоценка методов парламентской деятельности в ущерб революционной работе среди масс, то в дальнейшем он стал аналогом чуть ли не политической патологии, своего рода политической раковой опухоли, способной привести партию и даже целый класс к банкротству в борьбе за власть. Ярлык парламентского кретинизма навсегда остался в системе сталинских мировоззренческих взглядов как синоним политической импотенции и даже классового предательства.

Конечно, это всего лишь авторские умозаключения, основанные скорее на доводах логики, нежели на объективных фактах. Однако подобные умозаключения представляются мне не столь уж беспочвенными и маловероятными. Можно без всяких натяжек сказать, что опыт парламентской борьбы в России в период между двумя революциями сослужил Сталину отнюдь не позитивную роль. И в этом мы сможем не раз убедиться, рассматривая многие последующие эпизоды его политической биографии.

Курсом вооруженного восстания. Но вернемся к описанию событий, непосредственно связанных с подготовкой вооруженного восстания и участием Сталина в этих поистине судьбоносных эпизодах российской истории новейшего времени. Хочу сразу же очертить основные параметры изложения материала, относящегося к данной проблеме. Дело в том, что существует обширнейшая литература как чисто научного, так и популярного, в основном беллетристического толка, не говоря уже о мемуарной, посвященной рассматриваемой тематике. На протяжении многих и многих лет, как до утверждения Сталина у власти, так и в период так называемого культа личности, и в особенности, в эпоху развенчания Сталина, начиная с середины 50-х годов, вплоть до наших дней, появляется множество публикаций, в которых под тем или иным углом зрения, с той или иной долей объективности, рассматривается и подвергается анализу, причем весьма скрупулезно, деятельность Сталина в период непосредственной подготовки и проведения Октябрьской революции.

Вне пределов моих возможностей рисовать детальную картину происходивших событий и давать оценки тем или иным публикациям, посвященным данному эпизоду в политической карьере Сталина. При этом я отдаю себе отчет, что этот период занимает одно из самых важных мест во всей его политической биографии. Однако в рамках задуманной мною книги должны соблюдаться необходимые пропорции,

как раз и ставящие известные пределы при рассмотрении тех или иных эпизодов. Кроме того, я льщу себя надеждой, что общий абрис исторической обстановки тех дней мною обрисован более или менее в такой мере, чтобы получить общее и внятное представление об основных проблемах тех дней и главных политических силах, сцепившихся в непримиримом противоборстве. Поэтому я остановлюсь лишь на некоторых из эпизодов, относящихся к рассматриваемому периоду, которые позволяют вынести достаточно объективное представление об этой полосе политической карьеры Сталина.

Отталкиваясь от предыдущего изложения событий, можно сказать, что начиная с конца августа – начала сентября в большевистском руководстве все более настойчиво утверждается линия на восстание как средство свержения Временного правительства и установления власти трудящихся. При этом нельзя сказать, что споры по вопросу о характере и перспективах надвигавшейся революции, которые со времени возвращения Ленина из эмиграции, раздирали партийные верхи, отошли на второй план или же нивелировались. Напротив, чем глубже становился общенациональный кризис, чем слабее становилась старая власть и чем благоприятнее маячили перспективы революционного взрыва, тем более ожесточенной становилась борьба в большевистском ЦК по всем этим вопросам.

Наиболее радикальную позицию занимал В.И. Ленин, как главный генератор всех большевистских идей. Некоторые его коллеги по партии склонны были считать своего лидера, выражаясь современной лексикой, политическим экстремистом. Однако подобные упреки и непонимание со стороны ближайших сподвижников его не останавливали. Вождь большевистской партии считал, что в порядок дня всем ходом развития событий в России поставлен вопрос о социалистической революции, и большевики совершат величайшее преступление перед трудящимися массами и историей, если не воспользуются представившейся уникальной возможностью. С точки зрения Ленина, вопрос стоял лишь о тщательной подготовке выступления, правильном выборе времени этого выступления и отношении к восстанию как к искусству.

В рамках Центрального Комитета неоднократно обсуждались ленинские письма и записки, а также пожелания и советы, которые он передавал через посредство связных лиц, одним из которых выступал Сталин. Наглядное представление дает, например, протокол заседания ЦК партии от 15(28) сентября 1917г. Центральным пунктом порядка дня стоит вопрос о письме Ленина, в котором он прямо ставит вопрос о том, что большевики должны взять власть. Его письмо так и начинается: “Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого никто не свергнет.

Большинство народа за нас.”⁸⁰

⁸⁰ Протоколы Центрального Комитета РСРП(б). С. 56.

Какже реагирует ЦК на письмо своего вождя? Вот что зафиксировано в протоколе: “Тов. Сталин предлагает разослать письма в наиболее важные организации и предложить обсудить их. Решено перенести на ближайшее заседание ЦК.

Ставится на голосование вопрос, кто за то, чтобы был сохранен только один экземпляр писем. За — 6, против — 4, воздержалось — 6.

Тов. Каменевым вносится предложение принять следующую резолюцию:

ЦК, обсудив письма Ленина, отвергает заключающиеся в них практические предложения, призывает все организации следовать только указаниям ЦК и вновь подтверждает, что ЦК находит в текущий момент совершенно недопустимым какие-либо выступления на улице.” Резолюция Каменева отвергается, а о рассылке письма Ленина в партийные организации, каких-либо указаний в протоколах не содержится.⁸¹

Из приведенных выше лаконичных строк явствует одно: ЦК более чем настроенно относится к предложениям Ленина. Сталин, вне зависимости от того, поддерживал ли он в глубине души позицию Ленина, выступает за то, чтобы с ленинской платформой были ознакомлены партийные организации. Объективно говоря, такая постановка вопроса Сталиным больше говорит за то, что он склонялся к ленинской точке зрения.

Через короткое время состоялось заседание ЦК, на котором обсуждается вопрос о созыве в ближайшее время съезда партии и в связи с этим намечается состав комиссии по выработке проекта программы партии. В состав комиссии входят Ленин, Бухарин, Троцкий, Каменев, Сокольников, Коллонтай.⁸² Отсутствие Сталина в составе комиссии, хотя он и считался признанным специалистом в области национальных проблем, игравших в тот период одну из ключевых ролей в развитии политической ситуации, выглядит, по меньшей мере, странным. Спекулировать по поводу именно такого состава комиссии, конечно, можно, однако такие спекуляции вряд ли являются плодотворными. Возможно, сосредоточенность Сталина, как и Свердлова, на повседневной практической работе послужила причиной невключения его в состав комиссии. Но это всего лишь предположение, причем, надо признать, довольно неубедительное.

В дальнейшем, на Седьмом экстренном съезде РКП(б), вопрос о составе комиссии по составлению проекта программы партии всплыл вновь. На этот раз его обсуждение протекало в ином русле, которое несколько проясняет ситуацию с отсутствием Сталина в программной комиссии в октябре 1917г. Итак, стенограмма седьмого съезда гласит: “Соловьев. Я предлагаю в комиссию следующих товарищей:

Ленина, Бухарина, Троцкого, Зиновьева, Сокольников, Сталина и Смирнова. *Эти товарищи работали по вопросу о пересмотре программы.* (Выделено мною — Н.К.). Было бы целесообразно комиссию в числе 7 лиц утвердить.

Урицкий. Мне, по крайней мере, неизвестны программные статьи ни Сталина, ни Зиновьева, но Радека хорошо известны. Поэтому предлагал бы включить Радеку вместо Сталина.

⁸¹ Там же. С. 55.

⁸² Протоколы Центрального Комитета РСРП(б). С. 76.

✦ Председатель. Сталин писал по национальному вопросу, кто читал, — знает. Дело не в этом. Раз поступили возражения, буду голосовать поименно.”⁸³

В результате голосования Сталин вошел в состав комиссии по составлению проекта программы партии. Как можно судить из приведенного материала, Сталин, даже не будучи формально включенным в состав комиссии в октябре 1917 года, фактически участвовал в работе по подготовке проекта программы партии. Так что данный эпизод носил скорее всего случайный характер, и на его основе нельзя делать вывод о том, что престиж Сталина как одного из крупнейших политических, организаторских и теоретических работников был в тот период под вопросом. На этом, кстати сказать, некоторые биографы Сталина строят всякого рода спекулятивные домыслы преимущественно тенденциозного порядка.

Однако возвратимся к историческим событиям октября месяца. Биографическая хроника деятельности Сталина за две-три недели до Октябрьского выступления, помещенная в качестве приложения к собранию его сочинений, выглядит довольно лаконичной. Если судить по ней, то его политическая деятельность в этот отрезок времени не несла на себе черты бурной активности. Оппоненты Сталина, начиная с Троцкого и кончая многими современными авторами, как раз и акцентируют внимание на данном обстоятельстве, считая его убедительным доказательством скорее пассивного, нежели деятельного участия Сталина в решающие недели октябрьских потрясений. Внешне их аргументы выглядят более или менее убедительно, однако их слабость состоит в том, что они отражают по существу чисто внешнюю, так сказать, демонстрационную сторону деятельности Сталина в этот период. Но объективность заставляет признать, что каких-либо иных свидетельств также не имеется в распоряжении биографов Сталина.

Но все-таки не будем слишком пристрастными, чтобы опираясь только на одно это обстоятельство, выносить безапелляционный вердикт, что Сталин оказался человеком, оставшимся вне революции, как об этом пишет Р.Слассер. Обратимся к фактам, имеющим документальное подтверждение.

10(23) октября состоялось заседание ЦК большевиков, имевшее поистине историческое значение. В числе 12 участников этого заседания был и Сталин. На нем Ленин выступил с сообщением о текущем моменте, в котором обосновал необходимость подготовки к захвату власти, выделив при этом техническую сторону дела: “Большинство теперь за нами. Политически дело совершенно созрело для перехода власти... Политическая обстановка таким образом готова. Надо говорить о технической стороне. В этом все дело. Между тем мы, вслед за оборонцами, склонны систематическую подготовку восстания считать чем-то вроде политического греха.

Ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу.”⁸⁴

Судя по протокольной записи, какой-либо оживленной дискуссии по этому вопросу не было. 10 голосами против 2 (Зиновьев и Каменев) была принята резолюция, весь пафос которой состоял в констатации следующего: вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело и что “ЦК предлагает всем организациям партии руково-

⁸³ Седьмой экстренный съезд. Стенографический отчет. М. 1962. С.162.

⁸⁴ Протоколы Центрального Комитета РСРП(б). С.85.

даться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)“.⁸⁵

Зиновьев и Каменев выступили со своим особым заявлением. В нем пространно и высокопарно они аргументировали свои возражения против курса на восстание, квалифицируя его в качестве губительного. Однако в целом можно считать, что курс на вооруженное восстание получил абсолютную поддержку большинства присутствовавших членов ЦК. Дело подготовки вооруженного выступления, таким образом, было переведено из плоскости теоретических споров на практические рельсы.

Реальным подтверждением этого можно считать учреждение на данном заседании Политического бюро “для политического руководства в ближайшее время...” Предложение о создании такого органа в рамках ЦК было внесено Дзержинским и в него вошло 7 человек: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников и Бубнов.⁸⁶

В исторической литературе существуют различные точки зрения по вопросу о самом факте создания Политбюро, его функциях в то время и вообще истории его существования. С легкой руки Троцкого некоторые историки считают, что данное решение носило чуть ли не случайный характер, архивных данных о каких-либо заседаниях этого органа не существует и что это первое в истории большевистской партии Политбюро имело эфемерный и эпизодический характер, поскольку с его функционированием не связано каких-либо значительных политических и организационных действий. Не вдаваясь в существо спора, разрешить который сугубо умозрительными или гипотетическими предположениями и доводами невозможно, ограничимся одним бесспорным выводом: именно тогда было впервые создано в партии большевиков Политбюро. По мнению И. Дойчера, был, таким образом, создан институт, призванный, по всей вероятности, высоко возвыситься над государством, партией и революцией.⁸⁷

Вне зависимости от того, как в дальнейшем развивались события, связанные с созданием первого в истории большевистской партии Политбюро, какова был подлинная роль его первого состава, неоспоримым историческим фактом является то, что в дальнейшем именно Политбюро стало средоточием всей полноты власти в государстве и партии сначала при Ленине, а потом и при Сталине. При Сталине, правда, это средоточие власти функционировало до тех пор, пока он не взял всю полноту власти в свои руки и фактически подмял под себя Политбюро. Но пока это произойдет, пройдет бесконечная череда событий и потрясений едва ли не тектонического масштаба. Но обо все этом речь пойдет в соответствующих главах книги.

После заседания ЦК 10(23) октября следующим, не менее важным этапом, стало заседание ЦК партии большевиков, состоявшееся 16(29) октября. Теперь уже состав участников был гораздо более широким, поскольку в нем помимо членов ЦК участвовали представители Петроградского комитета, Военной организации партии (т.н. “Военка”) и т.д. С обоснованием своей прежней позиции выступил Ленин, кото-

⁸⁵ Там же. 86.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ См. *Isaac Deutscher. Stalin.* p. 170.

рый заключает категорическим и бескомпромиссным выводом: “Из политического анализа классовый борьбы и в России и в Европе вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженным восстанием.”⁸⁸

На этот раз обсуждение вопроса прошло в бурной дискуссии, большинство участников которой, в целом поддерживая курс на восстание, высказывали конкретные предложения по срокам выступления, его организации и другим техническим вопросам. В протоколах на этот раз отражено существо выступлений участников заседания. Сталин, в частности, высказал следующие соображения: “День восстания должен быть целесообразен. Только так надо понимать резолюцию... То, что предлагают Каменев и Зиновьев, это объективно приводит к возможности контрреволюции организовать; мы без конца будем отступать и проиграем всю революцию. Почему бы нам не предоставить себе возможности выбора дня и условий, чтобы не давать возможности организовать контрреволюции. Переходит к анализу международных отношений и доказывает, что теперь больше веры должно быть. Тут 2 линии: одна линия держит курс на победу революции и опирается на Европу, вторая не верит в революцию и рассчитывает быть только оппозицией. Петроградский Совет уже встал на путь восстания, отказав санкционировать вывод войск. Флот уже восстал, поскольку пошел против Керенского.”⁸⁹

Особенностью тактики большевиков в эти критические дни была явная неопределенность относительно конкретного срока восстания: Ленин настаивал на том, чтобы восстание произошло до открытия Второго Всероссийского съезда Советов, намеченного на 25 октября. Другие полагали, что не следует форсировать события и не провоцировать власти, способные в качестве контрмеры пойти на запрет Съезда Советов. В позиции Ленина был заложен глубокий стратегический и тактический смысл: открывшийся Съезд Советов должен поставить Временное правительство перед свершившимся фактом и объявить себя верховным органом революционной власти. В тогдашней обстановке общей растерянности и неуверенности, в обстановке, когда правительство фактически не располагало верными ему достаточно мощными военными силами, чтобы в зародыше подавить вооруженное восстание, подобная ленинская стратегия была единственно верной стратегией, ведущей к победе.

Однако и на этот раз линия на вооруженное восстание натолкнулось на еще более решительное сопротивление со стороны Зиновьева и Каменева. Резолюция в пользу вооруженного выступления была принята 19 голосами за, 2 — против, 4 — воздержались.⁹⁰ Не получив поддержки в руководстве своей партии, Каменев и Зиновьев выступили в непартийной печати со своими аргументами против предполагавшегося выступления. Таким образом, по всем канонам политической этики — особенно суровой и жесткой в большевистской среде — они совершили акт политического предательства по отношению к своей партии. Положение усугублялось еще и тем, что органы буржуазной печати в эти недели и дни были полны сообщениями о готовившемся большевиками мятеже против законной власти Временного правительства. Ситуация обострилась до крайности.

⁸⁸ Протоколы Центрального Комитета РСРП(б). С. 94.

⁸⁹ Протоколы Центрального Комитета РСРП(б). С. 100.

⁹⁰ Там же. С. 104.

Ленин обратился с письмом не в ЦК, а к членам партии большевиков. В нем он писал: "Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии".⁹¹

На заседании произошла настоящая баталия. Одни решительно осуждали заявления Каменева и Зиновьева, но считали, что собрание членов ЦК неправомочно исключать их из числа членов партии и ЦК. Предложенную самими Каменевым отставку с поста члена ЦК принимают и вместе с тем обязывают обоих "штрейкбрехеров" не выступать ни с какими заявлениями против решений ЦК и намеченной им линии работы.

Довольно странную позицию занял в этом вопросе Сталин. Казалось бы, весь его радикализм и приятие курса на вооруженное восстание с логической закономерностью определяют его отрицательное отношение к позиции двух оппозиционеров. По всей логике вещей он должен был поддержать Ленина. На деле же получилось совсем иное. Вначале обсуждения он заявил, что "предложение тов. Ленина должно быть разрешено на пленуме, и предлагает в данный момент не решать.

Тов. Милютин присоединяется к мнению тов. Сталина, но доказывает, что вообще ничего особенного не произошло."⁹²

В ходе развертывания дискуссии он уже занимает более четкую, явно антиленинскую позицию. Вот его аргументация, как она изложена в протоколах: "Тов. Сталин считает, что К[аманев] и З[иновьев] подчинятся решениям ЦК, доказывает, что все наше положение противоречиво; считает, что исключение из партии не рецепт, нужно сохранить единство партии; предлагает обязать этих двух тт. подчиниться, но оставить их в ЦК."⁹³

Едва ли есть смысл и необходимость комментировать позицию Сталина. Здесь он выступает в явно несвойственной ему функции примирителя, сторонника мягких мер убеждения, а не жестких репрессивных акций против нарушителей партийной дисциплины. Пытаясь понять и объяснить столь странную метаморфозу политической эквилибристики Сталина в тот период, можно исходить из различных предположений и догадок. Попытаемся досказать недосказанное Сталиным. Мне думается, что за такой осторожной и чрезвычайно примирительной позицией Сталина скрывалась его собственная внутренняя неуверенность в окончательном исходе вооруженного восстания. Разумеется, он об этом не говорил открыто. Более того, тщательно скрывал, подчеркивая свою веру в конечный успех. Однако червь сомнения и неуверенности где-то глубоко сидел в его душе, и именно это стало причиной столь примирительной позиции Сталина к нарушителям партийной дисциплины, яснее выражаясь, к штрейкбрехерам, пытавшимся сорвать революционное выступление.

Усматривать же в этом акте проявление политического либерализма – значит не понимать всей сущности, фундаментальных основ, природы политической психо-

⁹¹ Там же. С. 109.

⁹² **Протоколы Центрального Комитета РСРП(б)**. С. 108.

⁹³ Там же. С. 107.

логии и политического мировоззрения Сталина. В пользу такого предположения говорила не только вся его предшествующая деятельность как подпольщика-революционера. Об этом же со всей очевидностью свидетельствует вся его дальнейшая политическая карьера, вся история возвышения на политическом Олимпе Советского государства. Орбита политической деятельности Сталина никогда или почти никогда не проходила в поле притяжения таких сил, как либерализм и снисходительное отношение к политическим противникам. Что, разумеется, не равносильно утверждению, будто компромисс и гибкое тактическое лавирование не составляли солидную часть его политического арсенала. Даже поверхностное знакомство с характером политических принципов Сталина неопровержимо говорит в пользу именно такого объяснения его поступка в те октябрьские дни.

На этом же заседании Сталин заявил о выходе из редакции “Рабочего пути”, которую он возглавлял. Подоплекой данного шага явилось то, что редакция газеты поместила на своих страницах письмо Зиновьева. В этом письме Зиновьев, не отказываясь по существу от своей позиции, предлагает сомкнуть ряды и отложить спор до более благоприятных обстоятельств.

Сталин своей единоличной властью поместил в том же номере газеты редакционное замечание, текст которого был краток, но весьма красноречив: “ОТ РЕДАКЦИИ. Мы в свою очередь выражаем надежду, что сделанным заявлением т. Зиновьева (а также заявлением т. Каменева в Совете) вопрос можно считать исчерпанным. Резкость тона статьи тов. Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками.”⁹⁴

Отставка Сталина принята не была с той мотивировкой, что: “ввиду того, что заявление тов. Сталина в сегодняшнем № сделано от имени редакции и должно быть обсуждено в редакции, решено, не обсуждая заявления тов. Сталина и не принимая его отставки, перейти к очередным делам”⁹⁵.

Дать объективную оценку этим эпизодам из политической биографии Сталина можно лишь с учетом реального положения, которое было тогда в стране и в партии большевиков, в особенности в ее руководящей верхушке. Это положение характеризовалось нараставшим общенациональным кризисом, быстрой и неожиданной сменой соотношения сил между различными политическими группировками в обществе, неопределенностью и непредсказуемостью перемен, которые приносили в общественную жизнь не только дни, но и даже часы. Главное же — безумно смелой, граничившей с авантюрой, представлялась сама идея победоносной революции. В случае же поражения, которое могло быть порождено сочетанием многих, часто не поддающихся учету обстоятельств, партия оказалась бы перед перспективой полного банкротства, оправиться от которого было бы очень и очень трудно, если вообще возможно. Исторический шанс, казавшийся таким реальным и таким достижимым, мог обернуться историческим поражением, отбросившим бы партию на задворки общественной жизни страны. Словом, и соблазн был велик, и риск казался не меньшим. Так что колебания и сомнения в рядах большевистской партии имели под собой серьезные основания, и объяснять их преимущественно личными качествами и свойствами той

⁹⁴ Протоколы Центрального Комитета РСРП(б). С.115.

⁹⁵ Там же. С.107-108.

или иной политической фигуры — значило бы упрощать картину. Судить же об этих событиях через призму исторической ретроспективы, конечно, легко, поскольку ничто не кажется более возможным, чем то, что стало реальностью.

Думаю, что высказанные соображения позволяют лучше понять линию поведения Сталина в эти дни. У него налицо были немалые сомнения в неизбежности и неотвратимости успешного исхода вооруженного восстания. Если бы таких сомнений не было, то линия его поведения была бы более последовательной и более жесткой. Причем, как мне думается, эти сомнения касались главным образом и в первую очередь не стратегических вопросов предстоящего восстания, а тактических моментов, связанных с конкретным развитием ситуации в те дни.

Другим существенным моментом, проливающим свет на позицию и поведение Сталина в эти дни, выступают довольно тщательно взвешенные расчеты сугубо маскировочного характера. О них откровенно сказал позднее и сам Сталин, когда подчеркивал маскировочный характер наступательных действий, выдавая их за действия сугубо оборонительного, вынужденного свойства. (Об этом уже речь шла выше).

Но каковы бы ни были внутренние сомнения Сталина (об этом можно строить только предположения и догадки), а также его тактические расчеты и соображения, определенная двойственность позиции в отношении Зиновьева и Каменева, — все это в конечном счете не повлияло на его деятельное участие в подготовке и проведении практических шагов по реализации намеченных большевиками планов. Об этом свидетельствует то, что на том же заседании ЦК, о котором только что шла речь, был учрежден партийный практический центр по руководству восстанием. Он вошел в историю как Военно-революционный центр в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского. Этот центр входит в состав революционного Советского комитета (имеется в виду Петроградский Военно-революционный комитет), доминирующее влияние в котором в октябре 1917 года приобрели большевики.⁹⁶ Формально председателем ВРК был левый эсер Лазимир. Фактически комитетом руководило Бюро ВРК, большинство в котором составляли большевики. Петроградский Военно-революционный комитет направил во все воинские части гарнизона и в штаб гарнизона своих комиссаров. Без их одобрения любые приказы соответствующих властей, в особенности военных, не имели силы. Этот шаг и явился, так сказать, тем пороховым шнуром, который поджег пламя Октябрьской революции.

Временное правительство и его органы власти, в первую очередь, начальник военного гарнизона, решили нанести упреждающий удар, чтобы расправиться с большевиками и взять под контроль ситуацию в городе. Отрядами юнкеров были закрыты большевистские издания, принято решение о разведении мостов на Неве. Однако, как говорится, было уже поздно. Реальный контроль над воинскими частями находился в руках большевиков и сочувствующих им масс. Аппелляция правительства к солдатам не дала желаемого результата, организовать переброску верных правительству войск также не удалось. Более того, прибывшие в Петроград части оказались под влиянием большевиков. Попытки Керенского организовать сопротивление с помощью других отрядов из ближайших к городу гарнизонов также оказались тщетными. Можно сказать, что основные силы старого офицерства питали к Временному прави-

тельству и его главе чувства глубокого презрения, и были совсем не против того, чтобы это правительство покинуло историческую сцену с помощью большевиков. Так сложился сложный и непостижимый на первый взгляд клубок глубочайших противоречий, который был разрушен ударом меча революции.

Какова же была активность Сталина в эти дни? В протоколах ЦК лаконично зафиксировано, что на заседании 21 октября (3 ноября), где он, кстати, был введен в состав Исполнительного комитета советов, Сталин выступил с рядом важных инициатив. Причем эти инициативы носили не какой-то отвлеченный и пропагандистский характер, а фактически были нацелены на решение коренных вопросов власти и издание соответствующих правовых актов намечавшегося к открытию Второго Всероссийского съезда советов. В протоколах читаем:

“Тов. Сталин предлагает подготовить доклады на темы:

1) о войне; 2) о власти; 3) о контроле; 4) о национальном вопросе; 5) о земле.

... Тов. Сталин предлагает послать в Москву товарища с требованием немедленного приезда московской делегации; наметить круг вопросов, по которым нужны тезисы:

О земле, о войне, о власти — поручить тов. Ленину.

О рабочем контроле — тов. Милютину.

О национальном вопросе — тов. Сталину.

Доклад о текущем моменте — тов. Троцкому.”⁹⁷

“Все это принимается” — лапидарно констатируется в протоколах.

Мне думается, что в общей оценке роли Сталина приведенные выше факты имеют первостепенное значение. Но они как бы обходятся стороной или явно принимаются некоторыми авторами, пишущими о Сталине. А между тем выдвинутые им предложения очерчивали основные пункты повестки дня открывавшегося съезда и даже в каком-то смысле намечали первые контуры персонального состава будущего нового большевистского правительства. Ясно, что в свете такого рода неоспоримых фактов говорить о какой-то незначительной роли Сталина, а тем более о том, что он чуть ли не проспал Октябрьскую революцию, по меньшей мере несерьезно. И уж во всяком случае малоубедительно.

В длинной череде фактов и аргументов, призванных принизить участие Сталина в Октябрьском перевороте, не последнее место занимает тот, что имя его отсутствует в числе членов ЦК, собравшихся на заседание 24 октября (6 ноября) 1917 г. На заседание в самый канун революции! Действительно, это вызывает немало вопросов и требует каких-то внятных ответов. По крайней мере, хотя бы более или менее внятных пояснений.

Что можно сказать по этому поводу? В биографической хронике отмечается, что в этот день Сталин делает доклад о политическом положении на заседании большевистской фракции Всероссийского съезда советов.⁹⁸ В тот же вечер он информирует прибывшего в Смольный Ленина о ходе политических событий. Из мемуарной литературы (в данном случае подлинность и достоверность приводимых в ней фактов, естественно, не может восприниматься безоговорочно, тем более что речь идет

⁹⁷ Протоколы Центрального Комитета РСРП(б). С. 118.

⁹⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 3. С. 423.

о мемуарах сталинского периода) также трудно извлечь какие-то существенные факты или детали. А.С.Аллилуева пишет в своих воспоминаниях о том судьбоносном дне: «Я помню, как он пришел домой накануне Октября. Скинув с себя в передней кожаную куртку, —эту куртку и такую же фуражку он носил с начала осени, — Сталин прошел к нам. Все были дома.

— А, Иосиф! — обрадовались мы. Мама торопилась покормить его. Придвинув стакан чая, Сталин заговорил с отцом о том, что происходит в городе. Он выслушал отца, а потом сказал очень спокойно:

— Да, все готово! Завтра выступаем. Все части в наших руках. Власть мы возьмем...»⁹⁹

Оставим будущим историкам возможность дать ответ на вопрос о том, какую именно роль сыграл Сталин в самый канун Октябрьской революции. Хотя, заметим, что по одному дню судить обо всем нельзя по понятным причинам.

Коснемся еще одной деликатной темы, связанной с оценкой исторической роли Сталина и Троцкого в дни Октября. Один из биографов Троцкого как-то остроумно заметил, что Троцкий, проиграв в политической борьбе со Сталиным, решил взять исторический реванш на ниве исторической полемики, где он обладал явным преимуществом — был блестящим публицистом и человеком отнюдь не всегда склонным строго следовать логике фактов. Сталина же в обладании особым даром публициста никто не «уличал» даже во времена культа личности. Однако реванш в публицистике отнюдь не равнозначен реваншу в сфере реальной политической борьбы. Хотя, разумеется, Троцкий саму полемику со Сталиным сделал одним из самых важных, если не самым важным, инструментом борьбы против Сталина и его политики.

Полемика этих двух активных участников Октябрьских событий по вопросу о самих этих событиях любопытна во многих отношениях и бросает свет на личные качества и особенности обеих этих фигур и их понимание политических процессов и политической борьбы в целом.

В период борьбы против Троцкого в середине 20-х годов свой основной удар Сталин сосредоточил на том, что Троцкий в своекорыстных политических целях извращает подлинную историю периода подготовки и проведения Октябрьской революции. Главная цель последнего, по мнению Сталина, состояла в том, чтобы принизить роль партии и Ленина и изобразить себя чуть ли не в качестве главного организатора Октябрьского переворота. Непосредственным поводом к развертыванию этой, на первый взгляд чисто исторической полемики, а на самом деле самой ожесточенной политической схватки, ценой которой являлись власть, утверждение лидирующего положения в партии, стала публикация работы Троцкого «Уроки Октября» В ней автор, не называя Сталина по имени, подвергает жесткой и язвительной критике его позицию на различных этапах периода между Февралем и Октябрем. Причем прямо цитирует по газетам и стенограммам высказывания Сталина, свидетельствовавшие о его расхождениях с Лениным.

Сталин, конечно, не был бы Сталиным, если бы пропустил мимо своего внимания выпады против него. Причем, скажем, выпады и обвинения, достаточно веско подтвержденные фактами и аргументами. В свою очередь, он обрушил на Троцкого

⁹⁹ А.С.Аллилуева. Воспоминания. С. 194.

целую гору обвинений, которые также основывались на конкретных фактах и подтверждались соответствующими материалами. Вот, в частности, что говорил Сталин: «Перейдём теперь к легенде об особой роли Троцкого в Октябрьском восстании. Троцкисты усиленно распространяют слухи о том, что вдохновителем и единственным руководителем Октябрьского восстания являлся Троцкий. Эти слухи особенно усиленно распространяются так называемым редактором сочинений Троцкого, Ленцнером. Сам Троцкий, систематически обходя партию, ЦК партии и Петроградский комитет партии, замалчивая руководящую роль этих организаций в деле восстания и усиленно выдвигая себя как центральную фигуру Октябрьского восстания, вольно или невольно, способствует распространению слухов об особой роли Троцкого в восстании. — Затем Сталин делает реверанс в сторону своего оппонента, скорее похожий на язвительный сарказм: — Я далёк от того, чтобы отрицать несомненно важную роль Троцкого в восстании. Но должен сказать, что никакой особой роли в Октябрьском восстании Троцкий не играл и играть не мог, что, будучи председателем Петроградского Совета, он выполнял лишь волю соответствующих партийных инстанций, руководивших каждым шагом Троцкого. Обывателям, вроде Суханова, всё это может показаться странным, но факты, действительные факты, целиком и полностью подтверждают это моё утверждение.»¹⁰⁰

Я привожу столь обширные цитаты из сочинений Сталина, чтобы читатель сам мог судить, на чьей стороне была правда в этом отнюдь не чисто историческом споре. Особый акцент Сталин делает на том, что не Петроградский совет, который фактически возглавлял Троцкий, а партийный центр, сформированный Центральным Комитетом, был подлинным организатором восстания. Логика его рассуждений выдержана достаточно последовательно и внешне убедительна. Он отмечает, что в заседании ЦК 16(29) октября всего приняло участие 25 человек. Обсуждается вопрос о восстании с чисто практически-организационной стороны. Принимается резолюция Ленина о восстании большинством 20 против 2, при 3 воздержавшихся. Избирается практический центр по организационному руководству восстанием. «Кто же попадает в этот центр? В этот центр выбираются пятеро: Свердлов, Сталин, Дзержинский, Бубнов, Урицкий. Задачи практического центра: руководить всеми практическими органами восстания согласно директивам Центрального Комитета. Таким образом, на этом заседании ЦК произошло, как видите, нечто «ужасное», т. е. в состав практического центра, призванного руководить восстанием, «странным образом» не попал «вдохновитель», «главная фигура», «единственный руководитель» восстания, Троцкий. Как примирить это с ходячим мнением об особой роли Троцкого?»¹⁰¹ — вопрошает Сталин.

И далее Сталин продолжает: «Между тем, здесь нет, собственно говоря, ничего странного, ибо никакой особой роли ни в партии, ни в Октябрьском восстании не играл и не мог играть Троцкий, человек сравнительно новый для нашей партии в период Октября. Он, как и все ответственные работники, являлся лишь исполнителем воли ЦК и его органов. Кто знаком с механикой партийного руководства большевиков, тот поймет без особого труда, что иначе и не могло быть: стоило Троцкому

¹⁰⁰ *И.В. Сталин*. Соч. Т. 6. С. 327-328.

¹⁰¹ Там же. С. 328-329.

нарушить волю ЦК, чтобы лишиться влияния на ход дел. Разговоры об особой роли Троцкого есть легенда, распространяемая услужливыми «партийными» кумушками.”¹⁰²

С точки зрения формальной логики здесь все вроде бы обстоит безупречно и не вызывает особых возражений. Если, конечно, оставить за скобками принципиальные вопросы о том, какова была реальная, а не формальная роль партийного центра по руководству революцией. А как раз эту роль Троцкий решительно отвергает и ссылается на то, что нет никаких документов и фактов, раскрывающих активную роль данного центра в подготовке и проведении революционного переворота. И здесь приходится прислушиваться к аргументам Троцкого, а не следовать слепо чисто формальной логике Сталина.

Силу и убедительность аргументации Троцкого придает, в частности, и тот факт, что последний в полемике ссылается на оценку, данную Сталиным в первую годовщину Октябрьской революции роли того самого Троцкого, которого он упрекает в самовосхвалении и самовозвеличивании. Вот что писал Сталин в статье, помещенной в “Правде” 6 ноября 1918 г. под названием “Октябрьский переворот”:

“Вся работа по практической организации восстания, проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета, т. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому.”¹⁰³

Цитирувавшаяся статья помещена в собрании сочинений Сталина, но, разумеется, с изъятием приведенного выше абзаца. Да и наивно было бы полагать, что автор сочинений мог бы сохранить в издании столь лестную оценку своего самого злейшего и непримиримого врага. Естественно возникает вопрос, что побудило Сталина в первую годовщину революции чуть ли не петь дифирамбы в адрес Троцкого, с которым к тому времени у него обнаружили серьезные противоречия по многим политическим вопросам. Какого-то скрытого и тонкого политического расчета здесь не просматривается, да и обстоятельства того времени едва ли побуждали Сталина делать какие-либо реверансы в отношении Троцкого. Напрашивается вывод, что в тот период он именно так оценивал роль, выполненную Троцким во время Октябрьского переворота. Сама по себе оценка Сталиным этой роли достаточно определена и едва ли может вызвать какие-либо двусмысленные толкования. Правда, Р. Такер имеет на этот счет свое мнение: он считает, что в общем же в статье очень тонко приуменьшался вклад Троцкого, чья роль в том же хвалебном абзаце оценивалась, по сути, как чисто организационная, а не как политическая и организационная, каковой она в действительности была.¹⁰⁴ Да и сам Троцкий в своей книге о Сталине пишет: “Эти слова звучат сейчас как панегирик. На самом деле, задней мыслью автора являлось напомнить партии, что в дни восстания, кроме Троцкого, существовал еще ЦК, в который входил Сталин. Вынужденный, однако, придать своей статье видимость объективности, Сталин не мог в 1918 г. не сказать того, что сказал. Во всяком случае, в первую годовщину советской власти он «практическую организацию восстания» приписывал Троцкому.”¹⁰⁵

¹⁰² Там же. С. 329.

¹⁰³ Цит. по. *Лев Троцкий. Портреты революционеров*. М. 1991. С. 84.

¹⁰⁴ Р. Такер. Сталин. Т. 1. С. 186.

¹⁰⁵ *Лев Троцкий. Сталин*. Т. 1. С. 321. *См. также комментарий в статье*

Мне кажется, эта трактовка (как Такера, так и Троцкого) довольно искусственна, поскольку в конце концов речь идет об общей оценке роли Троцкого и нужно проявить особого рода ухищрение, чтобы усмотреть здесь тонкий намек на недооценку политической роли последнего. Что же касается того обстоятельства, что Сталин хотел таким путем подчеркнуть решающую роль Центрального Комитета партии в подготовке и осуществлении восстания, то при всем желании здесь трудно обнаружить какой-то криминал, пусть даже и закамуфлированный панегириком по адресу Троцкого. Неоспоримым и общеизвестным фактом исторической действительности является то, что подлинным вождем и организатором, как в политической, так и в других областях, Октябрьского восстания был В.И. Ленин. Но и он действовал не как некий демиург, самовластно определявший ход событий, а как лидер, опиравшийся на определенный руководящий коллектив, выступавший в лице ЦК партии.

На мой взгляд, общеисторическая оценка места и роли отдельных личностей в организации победы восстания не должна служить предметом серьезных научных споров, а тем более всякого рода политических спекуляций. Такой она стала вследствие охватившей партию в более поздние времена межфракционной борьбы, реальным содержанием которой выступала борьба за власть в партии. Причем борьба за власть не ради самой власти, а за то, чтобы, опираясь на эту власть, определять генеральное направление развития страны.

Здесь уместно сделать одно замечание. Не только в данном случае, применительно к Троцкому, но и в дальнейшем Сталин неоднократно высказывал такие оценки и характеристики, от которых, не заявляя об этом публично, де-факто отказывался или, больше того, изменял их на диаметрально противоположные. Едва ли подобная черта присуща была одному лишь Сталину как политическому деятелю. К сожалению, она является чуть ли не органическим свойством чуть ли не любого политического деятеля. В среде же большевистских лидеров в виду раздиравших их на протяжении практически всего времени внутрипартийных споров и разногласий подобная, мягко выражаясь, лабильность по отношению к собственным взглядам и оценкам являлась постоянной чертой. В дальнейшем нам еще не раз придется сталкиваться с подобного рода политической мимикрией, особенно в период внутрипартийной борьбы 20-х годов.

Однако возвратимся непосредственно к событиям Октября 1917 года. Сам процесс взятия власти большевиками оказался на редкость бескровным и, видимо, для них самих необыкновенно легким. Второй Всероссийский съезд Советов, проходивший на протяжении двух дней, оформил переход власти в руки Советов. В воззвании к рабочим, солдатам и крестьянам, принятом съездом, говорилось: "Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено.

... Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок."¹⁰⁶

¹⁰⁶ Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. М. 1936. С. 9.

Были приняты декреты о мире, о земле, об отмене смертной казни, обращения к фронту, казакам, резолюция о погромном движении, в которой, в частности, говорилось: "Всероссийский съезд советов р., с. и кр. депутатов поручает советам на местах принять немедленно самые энергичные меры к недопущению контрреволюционных выступлений, антиеврейских и каких бы то ни было погромов. Честь рабочих, крестьянской и солдатской революции требует, чтобы никакие погромы не были допущены."¹⁰⁷

Таким образом, самые насущные вопросы, касавшиеся жизни и судеб буквально всех граждан России, вопросы о мире и земле, были решены максимально радикальным путем. Впервые не на словах, а устами высшего государственного органа власти, были провозглашены и обоснованы конкретные пути и методы практического решения этих вопросов. Разумеется, от принятия декретов до их воплощения в жизнь была дистанция колоссальных размеров. Но главное — начало было положено.

Я специально упомянул в числе первоочередных мер, принятых съездом, резолюцию против погромов. В дальнейшем, уже во времена Сталина так называемая еврейская проблема, или как ее кое-кто толкует, "проблема государственного антисемитизма", обретет в силу ряда причин особую актуальность и превратится в предмет самой изощренной фальсификации и спекуляции. Поэтому здесь важно подчеркнуть, что борьба против погромов евреев с самых первых дней рождения Советской власти была провозглашена как одна из важнейших задач новой власти.

Логическим завершением революционного переворота стало и формирование нового правительства, которое получило название Совета народных комиссаров (СНК), во главе с его председателем, которым стал В.И. Ленин. Сталин занял в новом правительстве пост народного комиссара по делам национальностей. (Первоначально он именовался председателем комиссии по делам национальностей).

Победа восстания в Петрограде, а затем в Москве и в ряде других крупных городов, сам факт создания нового правительства, как это ни покажется странным на первый взгляд, стал не только фактором консолидации большевистской верхушки, но одновременно и мощным импульсом для развертывания внутренней борьбы в самом большевистском руководстве, включая ЦК партии и Совет Народных Комиссаров. Предметом ожесточенных споров стали серьезные разногласия по вопросу формирования однородного социалистического правительства. За этой формулой скрывалось требование части членов ЦК и СНК самым радикальным образом пересмотреть состав правительства.

Полагаю, что есть смысл полностью привести это заявление, поскольку его значение далеко выходит за рамки чисто исторического факта и обретает большое звучание в широкой политической ретроспективе: "Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни.

Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Со-

¹⁰⁷ Там же. С. 16.

вет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и поэтому слагаем с себя пред ЦИК звание народных комиссаров.¹⁰⁸ Заявления подписали народные комиссары В.Ногин, А.Рыков, В.Милютин, И.Теодорович, а также ряд других комиссаров рангом ниже и видных деятелей партии. Как явствует из заявления, оно было не просто политической демонстрацией, а самым серьезным предостережением о возможности установления “безответственного режима”. Заявление по своему духу и формулировке мало чем отличалось от обвинений большевиков в узурпации власти со стороны представителей других партий, но и по своему содержанию и тональности даже кое в чем превосходило их.

Сталин в числе других членов большевистского руководства во главе с Лениным решительно и категорически выступил против такого политического демарша. По его убеждению, — и это соответствовало реально сложившемуся в то время положению дел в столице и в стране — данная политическая акция означала фактический раскол в партии, смертельную угрозу делу революции вообще. Большинство ЦК направило “подписантам-оппозиционерам” ультиматум, грозя тем, что настаивание на их требованиях поставит их вне рядов партии. “Разумеется, раскол был бы фактом крайне прискорбным. Но честный и открытый раскол сейчас несравненно лучше внутреннего саботажа, срывания своих собственных решений, дезорганизации и протрации,¹⁰⁹ — говорилось в ультиматуме, подписанном в числе десяти большевистских деятелей и Сталиным.

Думаю, что нет необходимости входить в детали кризиса, связанного с требованием части большевиков сформировать однородное социалистического правительство. Замечу лишь, что в конце концов он был разрешен в итоге длительных переговоров и консультаций противостоящих сил на базе компромисса, в соответствии с которым чисто большевистское правительство пополнилось рядом новых членов из числа левых эсеров.

Приведенный факт — лишь одна иллюстрация сложности и противоречивости положения в первые дни и недели после взятия большевиками власти. Как видно из документов, Сталин в этот период занимал позицию твердой и безоговорочной поддержки Ленина. Видимо, это обстоятельство, помимо других, способствовало тому, что в первые послеоктябрьские недели и месяцы Сталин стал пользоваться особым доверием Ленина. Лидер большевиков лишний раз смог убедиться в том, что на этого человека вполне можно положиться в самых серьезных, самых кризисных ситуациях.

А то, что ситуация носила действительно кризисный характер, нет никаких сомнений. После захвата власти руководящая группа большевиков во главе с Лениным, куда входил и Сталин уже не на правах “подмастерья”, а мастера революционной борьбы, столкнулась с сопротивлением не только в своей партии, но, по существу, всего остального пестрого политического спектра страны. Г.В.Плеханов, “первоучитель русской социал-демократии”, как он отрекомендовал сам себя, обратился с “От-

¹⁰⁸ Протоколы Центрального Комитета РСРП(б). С. 136.

¹⁰⁹ Протоколы Центрального Комитета РСРП(б). С. 134.

крытым письмом к петроградским рабочим” В нем он со всей решительностью осудил Октябрьский переворот, сославшись на слова Энгельса, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому не готов. Плеханов предрекал, что русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну. Он предупреждал о тяжелых последствиях, связанных с захватом власти большевиками, и призывал рабочий класс высказаться “твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или, — еще хуже того, — одной партией.”¹¹⁰

Плеханов ошибся в том, что русский пролетариат не совершит социальной революции. Но он не ошибся в том, что эта социальная революция повлечет за собой гражданскую войну. Роковое пророчество Плеханова (да и не его одного) сбылось, но сам по себе этот факт отнюдь не ставит под вопрос закономерный характер и неизбежность Октябрьской революции. В более широком и более глубоком историческом понимании Октябрьской революции гораздо ближе к истине, к осознанию закономерности именно такого хода событий, был другой выдающийся русский мыслитель и философ — Н.А.Бердяев, бывший принципиальным политическим противником большевизма. За что, кстати сказать, в числе других и был выслан из Советской России в 1922 году. Позднее, размышляя над историей русского коммунизма, он пришел к следующему выводу: оценка Марксом крестьянства как реакционного класса не отвечала реалиям России, ее историческому пути. Далее Бердяев приходит к такому, вроде бы парадоксальному, но в своей истинной сущности правильному заключению: “Ортодоксальный, тоталитарный марксизм запретил говорить о противоположности интересов пролетариата и крестьянства. На этом сорвался Троцкий, который хотел быть верен классическому марксизму. Крестьянство было объявлено революционным классом, хотя советскому правительству приходится с ним постоянно бороться, иногда очень жестоко. Ленин вернулся по-новому к старой традиции русской революционной мысли. Он провозгласил, что промышленная отсталость России, зачаточный характер капитализма есть великое преимущество социальной революции. Не придется иметь дело с сильной, организованной буржуазией. Тут Ленин принужден повторить то, что говорил Ткачев, а отнюдь не то, что говорил Энгельс. Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма.”¹¹¹

Конечно, в приложении к роли Сталина в период двух революций, было бы сплошной натяжкой говорить, что он уже тогда внес существенный вклад в русификацию марксизма, в то, чтобы марксизм как теория опирался на российскую почву, исходил из конкретных российских условий. Но если преувеличением будет такое утверждение, то не менее ошибочным будет и отрицание того, на мой взгляд, неоспоримого факта, что он постепенно становился именно на этот путь русификации марксизма, на тот путь, который в конечном итоге сделал поворот во всей его политической философии. Направлением и содержанием такого поворота было постепенное, но неуклонное движение в сторону русского исторического государственного мышления.

¹¹⁰ **Октябрьский переворот.** Революция 1917 года глазами ее руководителей. М.1991. С.304-305.

¹¹¹ *Н.А.Бердяев.* Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М.1997. С.338.

* *

Итак, свершилось то, о чем никто из большевиков, включая самого их вождя, не могли и мечтать даже в самых фантастических сновидениях. Они стали у государственного кормила такой огромной страны, как Россия. Причем обрели власть в условиях, назвать которые тяжелыми и трудными, значит ничего не сказать. Да и сам термин “взяли власть” фактически еще не обрел какого-либо реального содержания. От формального провозглашения новой власти до ее утверждения в качестве таковой простирался поистине тяжкий и длительный тернистый путь.

Отклоняясь немного от предмета моего рассмотрения, хочу сделать одно замечание. С самых первых лет революции на нее были обрушены потоки клеветы и грязи, замешанные на ненависти, страхе и бессилии, слившиеся в одно неистребимое стремление — опорочить революцию, доказать, что она-де и произошла чуть ли не на пустом месте. Мол, до первой мировой войны ситуация в стране была стабильной и страна семимильными шагами шла к процветанию. Вот только антинациональные козни большевиков и разрушили здание великой империи! Несостоятельность подобной точки зрения давным-давно доказана серьезными историческими исследованиями, а кроме того, и откровенными признаниями самих представителей правящих кругов. Но после развала Советского Союза и провозглашения “независимости России” миф о якобы вступавшей в эру всеобщего процветания и социального благоденствия страны снова был реанимирован (разумеется, прежде всего в антисоветских и антикоммунистических целях) и постоянно рефреном звучит в устах некоторых современных деятелей.

Позволю привести красноречивое свидетельство ярого врага Советской власти и приверженца монархии И. Солоневича: “ Староэмигрантские песенки о России, как о стране, в которой реки из шампанского текли в берегах из паюсной икры, являются кустарно обработанной фальшивкой: да, были и шампанское и икра, но — меньше чем для одного процента населения страны. Основная масса этого населения жила на нищенском уровне. И, может быть, самое характерное для этого уровня явление заключается в том, что самым нищим был центр страны, — любая окраина, кроме Белоруссии, была и богаче и культурнее. На «великорусском империализме» великороссы выиграли меньше всех остальных народов России.

Тем не менее, именно Великороссия построила Империю.”¹¹²

Однако не будем попусту гадать и рассуждать относительно того, как бы сложилась историческая судьба России, не случись Октябрьская революция, в корне изменившая судьбы не только всей страны, но и каждого, буквально каждого ее гражданина. Для некоторых людей перемены в их собственных судьбах, в частности, для Сталина, были подобны некоему геологическому разлому, разделившему жизнь на две качественно различные эпохи — дореволюционную и послереволюционную.

Сталин из подпольщика-революционера превратился в государственного деятеля. На страницах биографии Сталина, написанной Троцким, встречаются многие яркие и меткие мысли и замечания, точные и образные аналогии и гипотезы. К их числу, с известными оговорками, можно отнести и финальную часть первого тома его

112 Иван Солоневич. Народная монархия. М. 1991. С. 68.

сочинения, где он пишет о значении данного поворота в судьбе своего неизменного оппонента: «Та неизмеримая дистанция, которая отделяла в эпоху царизма подпольного революционера от правительства, сразу исчезла. Власть стала близким, семейным понятием. Коба освободился в значительной мере от своего провинциализма, если не в привычках и нравах, то в масштабах политического мышления. Он остро и с обидой почувствовал то, чего ему не хватает лично, но в то же время проверил силу тесно спаянного коллектива одаренных и опытных революционеров, готовых идти до конца. Он стал признанным членом штаба партии, которую массы несли к власти. Он перестал быть Кобой, став окончательно Сталиным.»¹¹³

Октябрьская революция явилась не только тектоническим сдвигом в исторических судьбах России. Она стал тем переломным рубежом, который отделяет Сталина революционера от Сталина государственного деятеля. Это был самый важный рубеж во всей его политической биографии, рубеж, определивший весь его дальнейший жизненный путь. В его политической судьбе начался принципиально новый качественный этап, который в своем сложном и длительном логическом развитии сделал Сталина фигурой огромного исторического масштаба. При этом важно не упустить из виду того обстоятельства, что между Сталиным как революционером и Сталиным как государственным деятелем не пролегла какая-то незримая китайская стена. Оба эти качества органически сливались, образуя тот исторический феномен, который мы называем Сталиным.

Характер и масштабы любой революции определяются не только глубиной и размахом перемен, сопряженных с осуществлением ее целей. В немалой степени облик революции, ее масштабность можно понять и через призму тех людей, которые стоят во главе этой революции. Конечно, не величина масштаба личности характеризует революцию как таковую. Сама глубина и размах революции как бы отбрасывают свой отблеск на тех людей, которые в ней участвуют. Иными словами, мелкие по своему историческому масштабу люди не могут быть движущей силой, мотором подлинно великой революции. В этом контексте Октябрьская революция явила нам блестящий образец, выдвинув целую плеяду действительно незаурядных, отвечавших потребностям своей эпохи лидеров. И, бесспорно, одним из них был Сталин, как бы и кто бы и какими бы способами не пытался представить его серым пятном на фоне грандиозного революционного пожара. С некоторыми оговорками можно согласиться с мнением, высказанным А. Уламом, который в своей книге о Сталине и его эпохе писал следующее: «Победа революции была обеспечена в такой же мере словом, как и мечом, тем, что люди, которые выступали от имени революции, делали это с большей убежденностью и большим пылом, чем те, кто выступал против нее. Но новая Россия, новая структура власти были построены комитетчиками, теми, кто рассматривал бесчисленные проблемы власти в холодном неэмоциональном свете, теми, кто впечатлял своих коллег прозаической практичностью и рассеивал их сомнения готовностью решать неблагоприятные и не сулившие особой славы задачи. Таким человеком и был Сталин.»¹¹⁴ Оговорка, которую я имел в виду, касается того, что в корне неправильно было бы рассматривать и оценивать роль и место Сталина в революции ис-

ключительно через призму его организаторской работы, отодвигая тем самым на второй план его значение как политической фигуры отнюдь не второго плана. А именно в этом состоит односторонность даже сравнительно объективных работ, посвященных политической деятельности Сталина в данный период.

Победа в Октябре как бы подвела черту под длительным, полным борьбы, поражений и надежд, этапом его жизни. Одновременно она открыла перед ним совершенно новую, доселе неизвестную ему, историческую стезю — стезю государственно-го деятеля. Сошлюсь опять-таки на А. Улама. Он пишет по этому поводу: «В случае со Сталиным фортуна оказалась еще более фантастической. Всего 11 месяцев назад он был политическим ссыльным, затворником в сибирском поселении, размышлявшим о несправедливости жизни и задававшим себе вопрос, когда, наконец, его товарищи вызволят его оттуда. Теперь он был ключевой фигурой движения, которое теперь не только стремилось, но и начало переделывать облик России и мира.»¹¹⁵

Нельзя сказать, что переход из одного жизненного качества в другой мог быть и был простым процессом. Напротив, это был сложный, трудный, насыщенный противоречиями путь, и чтобы пройти его успешно, нужны были и колоссальные усилия, и неимоверная сила воли, стратегическая смелость, способность мыслить широкими историческими категориями и масштабами. В какой-то степени — именно в какой-то степени, и не больше — всей своей предшествующей жизнью и опытом политической борьбы Сталин был подготовлен к новой, выпавшей на его долю участи.

Октябрь Семнадцатого года можно назвать тем рубежом, который знаменовал собой превращение Сталина из преимущественно политического в государственно-го деятеля. Переход из одного качества в другое — понятие довольно условное, поскольку грань между первым и вторым также весьма условна: каждый государственный деятель является одновременно, признает он это или нет, деятелем политическим. В это свое новое качества Сталин вступил с суммой уже вполне сложившихся взглядов и принципов. Одной из отличительных черт его политического портрета являлось то, что он представлял собой деятеля, корни которого тянулись не из-за границы, а произрастали из внутренней, российской почвы. Надо подчеркнуть, что данная особенность была не просто одной из отличительных черт, но такой чертой, что предопределяла собой многие другие и отбрасывала не какую-то неясную тень, а яркий свет на весь характер его деятельности в целом.

Хотя и в тенденциозном, но в ясном виде эту особенность Сталина подметил и выделил его противник Троцкий. Для последнего эта черта являла собой едва ли не порок вселенского масштаба, унижающего подлинного революционера-интернационалиста, превращающего его в деятеля уездного (местечкового тут явно не подходит!) уровня. Вот как он выразил это, сопоставляя Сталина и Раковского (одного из своих сторонников, деятеля большевистской партии болгарского происхождения). «Европеец и настоящий европеец», — не раз со вкусом говорил Ленин, мысленно противопоставляя Раковского широко распространенному типу большевика-провинциала, наиболее выдающимся и законченным представителем которого является Сталин. В то время, как Раковский, подлинный гражданин цивилизованного мира, в каждой стране чувствует себя дома, Сталин не раз ставил себе в особую заслугу то, что

¹¹⁵ Там же. р. 157.

никогда не был в эмиграции. Ближайшими и наиболее надежными сподвижниками Сталина являются лица, не жившие в Европе, не знающие иностранных языков и, по существу дела, очень мало интересующиеся всем тем, что происходит за границами государства. Всегда, даже и в старые времена дружной работы, отношение Сталина к Раковскому окрашивалось завистливой враждебностью провинциала к настоящему европейцу.”¹¹⁶

Идеал так называемого настоящего европейца на долгие годы стал, да и до сих пор служит, той ложной путеводной звездой, которая многих завела в тупик, лишила подлинных национальных корней. Особенный ущерб этот внешне привлекательный, а на самом деле внутренне лишенный национального духа, национального ядра, а потому и исторически бесплодный политический лик “настоящего европейца”, способен принести тогда, когда его носитель становится во главе государства и от которого зависит выбор пути национального развития, геополитическая стратегия государства.

То, что Сталину ставится в вину отсутствие подлинного духа “настоящего европейца”, не вызывает удивления. На самом деле отсутствие этого качества являлось его достоинством, а не пороком или ущербной национальной узостью. Подлинный национальный дух, дух великого русского народа, который со временем стал органической чертой его политического мировоззрения, в своей основе никак не противоречит и не приходит в столкновение с просвещенным европейским духом. Если под последним понимать не пронизанное меркантильностью и индивидуализмом мировосприятие мира.

Я позволю себе завершить эту главу следующим обобщающим выводом: если большевики замыслили русскую революцию как органическую составную часть всемирной революции, то история их обманула. Октябрьская революция оказалась успешной и победоносной отнюдь не в силу того, что она носила интернациональный характер. Наоборот, она обрела подлинно историческое значение и измерение прежде всего и главным образом потому, что носила глубоко национальный характер. Национальный характер в том смысле, что выразила глубокие устремления всей совокупности наций и народностей, входивших в российское государства.

1. ВТОРОЙ ПЕРИОД (1917-1921)

ОБЩАЯ ОЦЕНКА И ВЫВОДЫ ИЗ НЕЕ

1. ОБЩАЯ ОЦЕНКА

2. ВЫВОДЫ ИЗ НЕЕ

1. ОБЩАЯ ОЦЕНКА

2. ВЫВОДЫ ИЗ НЕЕ

1. ОБЩАЯ ОЦЕНКА

2. ВЫВОДЫ ИЗ НЕЕ

1. ОБЩАЯ ОЦЕНКА И ВЫВОДЫ ИЗ НЕЕ

¹¹⁶ Лев Троцкий. Портреты революционеров. С. 314. *См. также: Троцкий Л. Д. Избранные произведения. М., 1969.*

Глава 8

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАЛИНА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

1. От захвата власти к ее утверждению

Историческое своеобразие Октябрьской революции с точки зрения тактики ее осуществления состояло в том, что переход власти в руки большевиков произошел фактически не как социалистический по своей природе социальный переворот, а как очередное разрешение череды бесконечных кризисов и потрясений, будораживших на протяжении ряда месяцев страну. Внешне он выглядел как акт, положивший конец двоевластию и передавший ее в руки Советов. Это обстоятельство, по мнению многих исследователей, предопределило и первоначальную реакцию на Октябрьскую революцию. Здесь стоит привести оценку такого, явно враждебного идеям социализма американского автора, как Р.Пайпс. Он отмечал, то большевики прибегли к уловкам “легального” перехода власти в руки Советов, используя сложившиеся после февраля демократические институты и зарождавшиеся традиции демократии. В своей капитальной работе “Русская революция” он не без оснований писал: “Все эти уловки притупили ощущение, что произошел крутой поворот, усыпили бдительность общества и свели на нет возможность активного сопротивления. Насколько глубоко было непонимание значения Октябрьского переворота, показывает реакция Петроградской биржи. Судя по сообщениям газет, ни смена власти, ни последующее объявление, что в России произошла социалистическая революция, не привели на бирже к сколь-нибудь заметным переменам...”

Изложение Временного правительства в целом не вызвало сожалений: очевидцы рассказывают, что население было и осталось безразличным. Даже в Москве, где большевикам пришлось преодолевать упорное сопротивление, исчезновение правительства прошло практически незамеченным. Обывателю было все равно, кто находится у власти, ибо его жизнь, казалось, хуже стать уже не может.”¹

Однако стремительность и относительная легкость, которыми сопровождался захват большевиками власти на первом этапе революции, имел не только свои позитивные стороны. Обратная сторона этого явления проявилась позднее, когда противники революции, что называется, пришли в чувство и осознали, что же в действительности произошло. Результатом стало стремительно нараставшее сопротивление утверждению власти большевиков. Наступил такой этап в развитии революционного процесса, когда формальное обладание властью необходимо было превратить в реальное, что являлось задачей гораздо более трудной и более сложной.

Именно в этот период потребовались колоссальная организаторская работа, решительность, а зачастую и беспощадность, чтобы не упустить из своих рук бразды все еще эфемерной власти. Партия большевиков располагала достаточно опытными в этом плане кадрами, но их было страшно мало. Не говоря уже о необъятной России,

¹ Ричард Пайпс. Русская революция. Часть вторая. М. 1994. С. 177.

даже в обеих столицах, пользуясь современной лексикой, дефицит кадров давал о себе знать буквально на каждом шагу и во всем. Консолидации власти препятствовало отсутствие у большевиков умелых управленцев во всех областях государственной жизни. Все это помножалось на акты активного и пассивного саботажа, сопровождавшие буквально каждый шаг, каждое распоряжение новой власти.

В такой обстановке личные черты характера Сталина и его особенности как политического деятеля оказались востребованными в полной мере. Говоря об этом, я не стремлюсь создать у читателя впечатление, будто Сталин и некоторые другие лидеры большевиков могли восполнить нужный кадровый ресурс. Да и не один Сталин отличался решительностью и твердостью в проведении большевистской линии в первоначальный период утверждения власти большевиков. Просто он был одним из тех, кому необходимые в данной обстановке качества, были присущи в полной мере.

Отнюдь не было чистой случайностью, что именно Сталин в эти решающие дни оказался рядом с Лениным в решении самого сложного вопроса — вопроса об армии. Речь шла если не о привлечении ее на сторону победивших, то, по меньшей мере, о ее нейтрализации, о том, чтобы не допустить перехода отдельных воинских частей на сторону прежнего режима.

В контексте этого и ряда других фактов неубедительным, а проще говоря, несостоятельным выглядит следующее рассуждение биографа Сталина И. Дойчера. В своей книге он пишет, что Ленин в вопросах идеологии и принципов воспринимал взгляды почти любого другого члена Центрального Комитета гораздо более серьезно, чем сталинские; однако в вопросах повседневной работы правительства, в его огромной административной работе он оценивал поддержку и помощь Сталина более высоко, чем кого-либо другого.² Само по себе разделение возникавших тогда проблем на чисто идеологические и административные мне представляется несколько упрощенным. И идеологические, и политические, и так называемые административные проблемы того времени переплетались в тесный клубок, и было бы поистине сизифовым трудом пытаться провести между ними четкую разграничительную линию. Такую линию можно было провести лишь умозрительно, игнорируя их органическую взаимосвязь и взаимообусловленность. Так что, повторимся: Дойчер слишком все упрощает и на базе такого упрощения приходит к обобщению, не имеющему ничего общего с фактами реальной действительности.

Здесь уместно предоставить слово самому Сталину, в несвойственном ему насыщено эмоциональном духе, передавшем атмосферу тех дней: "Первые дни после Октябрьской революции, когда Совет Народных Комиссаров пытался заставить мятежного генерала, главнокомандующего Духонина, прекратить военные действия и открыть переговоры с немцами о перемирии. Помнится, как Ленин, Крыленко (будущий главнокомандующий) и я отправились в Главный штаб в Питере к проводу для переговоров с Духониным. Минута была жуткая. Духонин и Ставка категорически отказались выполнить приказ Совнаркома. Командный состав армии находился целиком в руках Ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет 14-миллионная армия, подчинённая так называемым армейским организациям, настроенным против Советской власти. В самом Питере, как известно, назревало тогда восстание

² Isaac Deutscher. Stalin. p. 186.

юнкеров. Кроме того, Керенский шёл на Питер войной. Помнится, как после некоторой паузы у провода лицо Ленина озарилось каким-то необычайным светом. Видно было, что он уже принял решение. «Пойдём на радиостанцию, — сказал Ленин, — она нам сослужит пользу: мы сместим в специальном приказе генерала Духонина, назначим на его место главнокомандующим тов. Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом — окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои собственные руки».

Это был «скачок в неизвестность». Но Ленин не боялся этого «скачка», наоборот, он шёл ему навстречу, ибо он знал, что армия хочет мира и она завоеует мир, сметая по пути к миру все и всякие препятствия, ибо он знал, что такой способ утверждения мира не пройдёт даром для австро-германских солдат, что он развяжет тягу к миру на всех без исключения фронтах.³

В конечном счете, как показали дальнейшие события, расчет большевиков оказался верным. Армия не пошла за генералами, стремившимися свергнуть Советскую власть. Приказ о смещении Духонина с поста главнокомандующего, подписанный Лениным и Сталиным, был выполнен весьма своеобразным образом: он был убит взбунтовавшимися солдатами.

Однако все это не означало кардинального решения вопроса: миллионы солдат на фронте и в тылу не хотели воевать и ждали реализации провозглашенного большевиками декрета о мире. О том, как был на практике реализован этот декрет, я остановлюсь несколько позднее, при рассмотрении вопроса о заключении Брестского мирного договора.

Сейчас же затронуты в самых общих чертах деятельность по подавлению сопротивления противников революции, в которой Сталин принимал самое активное и непосредственное участие. Буржуазные, да и по существу, все органы печати, развернули против «большевистского переворота» безудержную кампанию, обвиняя их в узурпации власти, незаконном захвате власти, в «измене идеалам революции» и т.п. преступлениях государственного характера. Само государство находилось в состоянии хаоса и развала, грозившего перерасти в неминуемую катастрофу общенационального масштаба. А попытки большевиков утвердить хоть какие-то элементы порядка и власти квалифицировались как государственное преступление.

Эта кампания в печати была не просто критикой со стороны оппозиции, а прямым призывом и подстрекательством к свержению установившейся власти. Сталин, как и большевики в целом, прекрасно сознавали силу печатного слова, магическое воздействие пропаганды на растерянные слои населения. За их плечами был богатый опыт борьбы с властью с помощью газет и листовок, посредством организации прямых антиправительственных выступлений. Так что их собственный опыт не позволял им проявлять либерализм в отношении враждебных органов печати. Да и вообще их можно упрекнуть в чем угодно, только не в либерализме и легкомысленном отношении к печати как действенному средству борьбы не только за завоевание, но и сохранение и утверждение только что взятой власти. И логику их поведения можно,

³ И.В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 62-63.

если не оправдать целиком, то хотя бы понять: не для того они брали власть, чтобы легко и безвольно отдать ее в руки своих противников.

Примечательно, что не кто иной, как Сталин выступает 22 ноября 1917г. на заседании Военно-революционного комитета по вопросу о закрытии контрреволюционных газет.⁴ Через несколько дней он вместе с Лениным подписывает “Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции.”⁵ Таким образом, неоспоримым историческим фактом является то, что Сталин стоял у истоков первых репрессивных мер советской власти в отношении ее противников. Эта сторона его деятельности осталась как бы в тени, не привлекла особого внимания историков. А между тем в свете дальнейшего развития событий, в первую очередь в годы всевластия Сталина, она заслуживает более серьезного изучения. Свобода слова и печати, за которую так рьяно выступали большевики на протяжении многих лет, была без малейших колебаний принесена в жертву интересам борьбы за упрочение завоеванной власти.

Причем следует подчеркнуть: из сферы словесных баталий эта борьба была переведена в сферу репрессивных мер, подкрепленных соответствующими декретами и распоряжениями, часто принимавшимися органами власти, не обладавшими соответствующими легитимными прерогативами. Но следование букве закона в глазах большевиков представлялось ничем иным, как проявлением буржуазного парламентского кретинизма. Впрочем, отказ от провозглашенных норм демократии отнюдь не носил откровенно циничного характера. Новая власть в своей правотворческой деятельности опиралась на собственную правовую систему. Разумеется, можно спорить — насколько легитимна была сама эта система. Но фактом остается то, что она зарождалась и облекалась в соответствующие нормативные акты.

Репрессивные меры в отношении буржуазных органов печати были приняты Всероссийским Центральным исполнительным комитетом по инициативе большевиков. Эта мера вызвала бурную, по большей части отрицательную реакцию в обществе. Протестовали против ее принятия и единственные в то время союзники большевиков левые эсеры. Они приводили достаточно веские и хорошо аргументированные возражения, доказывая, что подобными мерами нельзя добиться победы революционных идеалов. Левый эсер Карелин в речи на заседании ВЦИК, намекая на то, что еще совсем недавно со стороны Временного правительства принимались репрессии в отношении органов печати большевиков, с намеком, который трудно было не понять, говорил: “Существует «готтентотская мораль»: когда у меня украдут жену — это плохо, а когда я украду — это хорошо... История говорит о том, что, когда по отношению к направлению мысли применялся гнет, ореол все возрастал. Запретный плод сладок.” Его товарищ по партии Б.Малкин, директор Петроградского телеграфного агентства подкрепил аргументацию своего единомышленника следующим соображением: “Мы резко отвергаем то мировоззрение, которое думает вводить социализм чуть ли не насильственным путем — вооруженной силой. И мы победим не потому, что мы закроем буржуазные газеты, а потому, что наша программа и тактика выражают интересы широких трудовых масс и создают прочную коалицию солдат, рабочих и крестьян.

⁴ И.В.Сталин. Соч. Т. 4. С. 442.

⁵ Там же. С. 443.

Мы напоминаем вам, марксистам, что новые социальные отношения нельзя декретировать..."⁶

Чтобы найти какие-то членораздельные слова для опровержения высказанных аргументов, надо потратить немало сил, но все будет напрасным. Трудно было понять, что буквально через несколько дней после революции закрываются отдельные, пусть даже и враждебные по отношению к самой революции, печатные органы. Однако большевики пошли на это, и, думается, что непоколебимую решительную позицию здесь занимал и Сталин, вообще мало склонявшийся к принятию половинчатых решений. Единственное объяснение, которое приходит на ум, это то, что большевики слишком хорошо знали силу печатного слова и отдавали себе отчет в том, что публичная критика их политики, как и действий в целом, способна подорвать основы еще не окрепшей власти. Слишком велика была цена свободы печати, чтобы не решиться на ее отмену. На одной чаше весов лежала власть, на другой – приверженность принципу свободы печати. И третьего выбора вообще не было. Априори было ясно, какой выбор они сделают. Но все-таки до поры до времени, пока еще разворот событий не принял форму острого вооруженного противостояния, большевики силой обстоятельств вынуждены были терпеть критику в свой адрес. В том числе из стана тех, кого даже при самой богатой фантазии никак нельзя было зачислить в лагерь противников революции как таковой.

Здесь мне хотелось бы более подробно остановиться на одном эпизоде, связанном с резкой критикой большевиков и Октябрьской революции А.М.Горьким. Казалось бы, что "буревестник революции" должен был бы горячо приветствовать Октябрьский переворот. Однако он оказался по другую сторону баррикад, и в редактируемой им газете "Новая жизнь" начал вести ожесточенную, страстную, полную сарказма, а порой и презрения, кампанию против большевиков. Запретить эту газету большевики, по понятным причинам, не могли, ибо в таком случае продемонстрировали бы перед всем миром полное пренебрежение элементарными правами на свободу слова. Причем, свободу слова не врагам революции, а ее нравственным предтечам. Поэтому на протяжении целого ряда месяцев они вынужденно терпели чуть ли не ежедневно помещаемые Горьким в газете статьи, в которых он бичевал новую власть. Примечательно само название его публикаций – "Несвоевременные мысли."

Представляет несомненный интерес воспроизвести хотя бы самые главные, самые злободневные, самые острые оценки и упреки, адресовавшиеся новой власти и ее вождям. Прежде всего это касалось самого характера революции. "Народные комиссары, – писал Горький, – относятся к России как к материалу для опыта, русский народ для них – та лошадь, которой ученые-бактериологи прививают тиф для того, чтоб лошадь выработала в своей крови противотифозную сыворотку. Вот именно такой жестокий и заранее обреченный на неудачу опыт производят комиссары над русским народом, не думая о том, что измученная, полуголодная лошадка может издохнуть."

Реформаторам из Смольного нет дела до России, они хладнокровно обрекают ее в жертву своей грезе о всемирной или европейской революции."⁷

⁶ Цит. по "Независимая газета" 13 ноября 1991г.

⁷ М.Горький. Несвоевременные мысли. М. 1990. С. 96.

Нелицеприятно и даже с чувством плохо скрываемого презрения он пишет о вожде большевиков Ленине, с которым он ранее поддерживал хорошие не только личные, но и общественные отношения. И хотя эта оценка Ленина и его эксперимента довольно обширна, я позволю себе воспроизвести ее, чтобы читатель почувствовал атмосферу тех дней и как бы вошел в шкуру тех деятелей литературы и искусства (а во многом и широких слоев интеллигенции), которые отринули в первые недели и месяцы Октябрьскую революцию. Кстати, это позволяет лучше представить себе общественную атмосферу, в которой протекала тогда деятельность Сталина.

Вот что писал А.М.Горький о большевиках и Ленине, в особенности: "Вообразив себя Наполеонами от социализма, ленинцы рвут и мечут, довершая разрушение России — русский народ заплатит за это озерами крови.

Сам Ленин, конечно, человек исключительной силы; двадцать пять лет он стоял в первых рядах борцов за торжество социализма, он является одной из наиболее крупных и ярких фигур международной социал-демократии; человек талантливый, он обладает всеми свойствами «вождя», а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс...

Измученный и разоренный войною народ уже заплатил за этот опыт тысячами жизней и принужден будет заплатить десятками тысяч, что надолго обезглавит его.

Эта неизбежная трагедия не смущает Ленина, раба догмы, и его приспешников — его рабов. Жизнь, во всей ее сложности, не ведома Ленину, он не знает народной массы, не жил с ней, но он — по книжкам — узнал, чем можно поднять эту массу на дыбы, чем — всего легче — разъярить ее инстинкты. Рабочий класс для Лениных то же, что для металлиста руда. Возможно ли — при всех данных условиях — отлить из этой руды социалистическое государство? По-видимому — невозможно; однако — отчего не попробовать? Чем рискует Ленин, если опыт не удастся?

Он работает как химик в лаборатории, с тою разницей, что химик пользуется мертвой материей, но его работа дает ценный для жизни результат, а Ленин работает над живым материалом и ведет к гибели революцию. Сознательные рабочие, идущие за Лениным, должны понять, что с русским рабочим классом продельвается безжалостный опыт, который уничтожит лучшие силы рабочих и надолго остановит нормальное развитие русской революции."⁸

Можно было бы продолжить список обвинений, выдвинутых одним из тех, кого с полным основанием считали интеллектуальной совестью революционной России. Думается, что большевикам, в том числе Ленину и Сталину, тяжело было читать столь нелестные и казавшиеся вполне обоснованными, полные страсти и возмущения, вердикты в свой адрес. Особенно возмущала Горького политика удушения свободы слова, сразу же принятая на вооружение свершившейся революцией. Действительно, невообразимым парадоксом представлялся факт того, что революция, совершенная во имя свободы, выступает в роли душителя этой свободы. На страницах большевистских газет предпринимались попытки как-то сгладить мощное негативное впечатление для большевиков от публикуемых статей. Но контрдоводы выглядели неубедительными, если не сказать жалко-беспомощными. Их эффект скорее был отрицательным, чем положительным. Примечательно одно обстоятельство: в полемику с Горь-

⁸ М. Горький. Несвоевременные мысли. С. 84.

ким не вступал ни один сколько-нибудь авторитетный и влиятельный представитель большевистской верхушки, в том числе и Сталин. Попытался было это сделать Зиновьев, вызвавший Горького на публичный диспут, но последний едко заметил, что он не оратор, не любит публичных выступлений и “недостаточно ловок для того, чтобы состязаться в красноречии с профессиональными демагогами.”⁹

На протяжении более чем полугода Горький выступал в роли самого авторитетного и непримиримого обличителя новой власти. Можно было бы подумать, что “буревестник революции” уподобился гагарам: “им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.”

Однако в действительности все обстояло не так уж просто, как кажется на первый взгляд. Не один Горький оказался под гнетущим воздействием хаоса, разрухи, разнузданных погромов, всяческого рода запретов и репрессий, неизбежно сопряженных с революцией в такой стране, какой тогда была Россия. По мере того, как ситуация становилась все более определенной, по ходу того, как резко поляризовались силы революции и контрреволюции, по мере того, как росла поддержка политики большевиков со стороны основных масс населения трудовой России, и у людей типа Горького стало меняться отношение к большевикам и проводимой им политике. Разумеется, он не открестился от своих наиболее убедительных упреков в отношении большевиков по части удушения свободы слова и других завоеваний Февраля. Но в целом к маю 1918 года в статьях Горького стали звучать несколько иные мотивы, да и сама направленность и тональность “несвоевременных мыслей” претерпели заметную эволюцию. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие его строки: “Но, если вам угодно, то и о большевиках можно сказать нечто доброе, — я скажу, что, не зная, к каким результатам приведет нас, в конце концов, политическая деятельность их, психологически — большевики уже оказали русскому народу огромную услугу, сдвинув всю его массу с мертвой точки и возбуждив во всей массе активное отношение к действительности, отношение, без которого наша страна погибла бы.

Она не погибнет теперь, ибо народ — ожил и в нем зреют новые силы, для которых не страшны ни безумия политических новаторов, слишком фанатизированных, ни жадность иностранных грабителей, слишком уверенных в своей непобедимости.”¹⁰

Подобная эволюция говорит сама за себя: она — свидетельство не конформизма писателя, в котором кое-кто склонен его упрекать, а признак того, что контуры революции стали обозначаться все более четко и определенно. Широким массам населения по-прежнему жилось исключительно трудно, порой невыносимо тяжело. Но в массовом сознании росло и все более укреплялось понимание того, что большевики, в отличие от Временного правительства и его опоры — кадетов, эсеров, меньшевиков, националистов всех мастей, — стали не на словах, а на деле проводить в жизнь те обещания, на волне которых они, собственно, и были вознесены на вершины власти.

Французский социалист Жорес как-то заметил, что революции — это варварская форма прогресса, имея в виду те потрясения и невзгоды, которые ее сопровождают. Однако — и это блестяще подтвердилось на истории России — реальная обстановка

⁹ Там же. С. 141.

¹⁰ *М. Горький. Несвоевременные мысли. С. 173.*

нередко складывается таким образом, что именно через варварскую форму прогресса народам приходится пройти, чтобы обеспечить свое дальнейшее развитие. Ведь совершенно не случайно годовщины революции во многих странах широко празднуются и отмечаются в качестве национальных праздников. Хотя многие из них также не носили благопристойного и мирного характера и сопрягались с колоссальными потрясениями и огромными человеческими жертвами.

Все эти исторические экскурсы и реминисценции нацелены не на то, чтобы априори оправдать и обелить те или иные политические действия Сталина в условиях борьбы за утверждение революционных порядков. Цель состоит в ином — более полно и по возможности объективно обрисовать исторический фон, конкретные обстоятельства, в которых ему приходилось действовать.

Как уже отмечалось, среди самых жгучих вопросов, вставших перед новой властью, первое место в тот период занимал вопрос о войне и мире. От его решения зависела не только судьба большевистского правительства, но и, по существу, судьба всей страны. Геополитическая стратегия Германии в отношении России, коротко говоря, сводилась к превращению последней в зависимое от Германии государство, что в корне меняло мировые позиции последней и в определенной степени предreshало исход продолжавшейся мировой войны. Достижение этой стратегической цели мыслилось посредством раздробления России на мелкие государственные образования. Вторым элементом этих замыслов было присоединение к Германии прибалтийских российских губерний и создание на восточных границах своеобразного санитарного кордона. Национальные окраины России, включая Украину, часть Польши, Грузию и т.д., сохраняя формальный суверенитет, фактически превращались в протектораты Германии. Важнейшей составной частью этих фактически колонизаторских планов являлось создание таких экономических, политических и иных условий, при которых Россия на деле превращалась в экономический придаток Германской империи. Суммируя, можно сказать, что речь шла о ликвидации России как великого государства, о возвращении ее к границам чуть ли не допетровских времен. И одна из неоспоримых заслуг большевиков заключалась в том, что им удалось, опираясь на поддержку народа, независимо от политических симпатий и антипатий различных слоев его, предотвратить такой оборот событий. В этом контексте абсолютно не выдерживает критики мысль, высказанная крупным писателем и, к сожалению, мелкомасштабным политическим мыслителем В.Набоковым, который в статье к 10-й годовщине Октябрьской революции, писал с чувством глубочайшей печали: **“...Мы верны той России, которой могли гордиться, России, создавшей медленно и мерно и бывшей огромной державой среди других огромных держав. А что она теперь, куда ж ей теперь, советской вдове, бедной родственнице Европы?”**¹¹ История Советского Союза всем доказала, что она не осталась бедной родственницей Европы, участь которой кое-кто ей уготовивал. Советская Россия стала надеждой и спасительницей цивилизованной Европы от гитлеровского варварства. Но это все еще предстояло пережить. Вот же исторический период, о котором идет сейчас речь, вопрос стоял ни больше, ни меньше, как о самом существовании России как единого и суверенного государства.

¹¹ “Даугава”. 1990г. № 9. С. 118. www.daugava.lv

Октябрьская революция, приход большевиков к власти, первоначальный этап фактического паралича системы политического, хозяйственного и иного управления — все это вдохнуло новые надежды в умы и сердца германских неокolonизаторов. Им казалось, что создались наиболее благоприятные, прямо-таки уникальные условия для претворения в жизнь своих замыслов.

Для уяснения положения вещей необходимо иметь в виду, что к тому времени Россия не была побежденной страной. Она располагала определенными силами для войны с Германией, опираясь при этом еще и на помощь союзников. Однако и сама ситуация в армии и стране коренным образом изменились, так что о продолжении войны до победного конца не могло быть и речи. Нужно было идти на заключение мира, ибо только такой путь открывал перед страной возможность хоть как-то стабилизировать положение, укрепить основы государственности и сохранить суверенитет и независимость страны.

В самом большевистском руководстве по данному вопросу не просто не было единства мнений, а фактически произошел полный раскол. Не случайно западные исследователи расценивают глубоко расхождение в позициях руководящей верхушки партии как самый глубокий кризис всей политики большевиков. Р.Пайпс пишет, например: «Данное расхождение во взглядах привело в начале 1918 года к самому серьезному кризису, какой когда-либо переживала партия большевиков»¹².

Период борьбы за заключение Брестского мирного договора стал чрезвычайно ответственной и знаковой вехой в политической биографии Сталина. Если говорить обобщенно, то именно в этот период он впервые на практике соприкоснулся с глобальными вопросами войны и мира, приобрел первоначальный опыт анализа сложной международной ситуации, в которой оказалась Советская Россия, и поиска наиболее эффективных путей и методов выхода из сложившегося положения. Конечно, эпоха Бреста стала для него бесценной школой искусства политического маневрирования, искусства правильного выбора цели и средств ее достижения. В смысле внешнеполитического опыта, как и вообще опыта ведения международных дел, Сталин в период Бреста получил настоящее крещение, оставившее, вне всякого сомнения, неизгладимый след в его сознании, оказавшее огромное воздействие на его политическую философию, на его понимание глобальных вопросов геополитики.

Конечно, сразу нужно подчеркнуть, что в брестской эпопее он играл подчиненную, но отнюдь не второстепенную роль. В его биографии сохранилось не так уж много документов и материалов, достаточно объективно и широко раскрывающих его роль во всей истории борьбы за заключение Брестского мирного договора. Хотя к тому времени он занимал в партийном руководстве весьма прочные и видные позиции. Так, 29 ноября 1917 г. он стал членом Бюро ЦК в составе Сталина, Ленина, Троцкого и Свердлова (в протоколах перечисление идет в таком порядке — *Н.К.*) В довольно хаотической записи принятого решения говорилось: «Постановляется, что ввиду трудности собирать заседание ЦК этой четверке предоставляется право решать все экстренные дела, но с обязательным привлечением к решению всех членов ЦК, находящихся в тот момент в Смольном.

¹² Ричард Пайпс. Русская революция. Часть вторая. С. 249.

Четверо решают экстренные дела. Сталин, Свердлов, Ленин, Троцкий. С обязательным привлечением всех членов ЦК.”¹³

Как явствует из протоколов, в состав Бюро не вошли ни Зиновьев, ни Каменев, ни некоторые другие деятели большевиков, имена которых тогда были на устах у всех. Это обстоятельство высвечивает четкую грань между реальной ролью того или иного деятеля в партийном руководстве и той ролью, которую он обретал, так сказать, при свете юпитеров, на публике. Войти в четверку высших руководителей партии значило бесспорное признание не только чисто организаторских способностей Сталина, но и его политического веса в тот период. Об этом весьма красноречиво говорит тот факт, что 23 декабря 1917 г. он назначается исполняющим обязанности председателя Совнаркома на время отпуска Ленина.¹⁴

Несколько отвлекаясь, следует заметить, что количественный состав Бюро ЦК в протоколах определяется по-разному. Так, через два месяца, а именно на заседании 22 января 1918 г., о составе Бюро ЦК говорится:

“Бюро ЦК.

1) ЦК в Москву.

2) Бюро в Москве, как было в апрельские дни. Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников, Троцкий.”¹⁵

Итак, до переезда в Москву Бюро ЦК действовало в составе четырех человек. Как свидетельствует Троцкий (а в данном случае его свидетельство представляется вполне достоверным, поскольку он сам входил в состав Бюро), “Свердлов был, однако, поглощен секретариатом партии, выступал на собраниях, улаживал конфликты и редко бывал в Смольном. Четверка практически свелась к тройке. Естественно, если каждый из членов тройки ограничивал при каждом своем шаге мнение двух других членов... Тройка существовала по крайней мере номинально, до переезда правительства в Москву.”¹⁶

Троцкий в своих многочисленных публикациях (а главным действующим лицом, своего рода героем со злодейским клеймом на лбу, в его писаниях всегда выступает Сталин), вынужден был с оттенком высокомерия и наигранной иронии, признать, что во время брестских переговоров, когда он возглавлял советскую делегацию, на его конкретные запросы и предложения Ленин часто телеграфировал ему — “посоветуюсь со Сталиным и дам ответ.”¹⁷ Факт получения таких телеграмм он не отрицает, его приводило в негодование лишь обильное цитирование в советских органах печати данного ответа. Он даже развенчивает домыслы о существовании в этот период некоего триумvirата в составе Ленина, Сталина и Троцкого. С его опровержением слухов о наличии подобного рода “союза трех”, конечно, нельзя не согласиться. Даже в самые первые месяцы советской власти трудно, если вообще возможно, представить себе существование столь противоестественного триумvirата. Слишком уж разными по всем своим политическим и личностным качествам были эти ведущие фигуры новой власти, чтобы можно было даже представить себе их согласованные действия,

¹³ Протоколы Центрального Комитета РСРП(б). С. 155.

¹⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 444.

¹⁵ Протоколы Центрального Комитета РСРП(б). С. 166.

¹⁶ Лев Троцкий. Сталин. Т. 2. С. 8-9.

¹⁷ Там же. С. 8.

а тем более единство политических и стратегических установок, не говоря уж о коренных различиях в подходе ко многим практическим вопросам. Да и в чисто психологическом плане они были мало совместимы. По крайней мере, Сталин и Троцкий.

В марте 1918г. правительство переехало в Москву. Мотивировалось это тем, что возможно наступление немцев на Петроград, и в такой обстановке оставаться в столице было рискованно. Сообщалось, что этот перенос столицы якобы носит временный характер. Но, как и часто случается, не бывает ничего более постоянного, чем то, что объявляют временным. То же самое произошло и с переносом столицы в Москву. Отвлекаясь от тогдашних чрезвычайных обстоятельств, диктовавших необходимость переезда властей в Москву, в этом акте можно усмотреть и нечто гораздо более символическое. Возвращая Москве исторически обоснованный статус столицы, правительство большевиков, желая того или нет, как бы подчеркивало возвращение к историческим русским традициям и ценностям. В некотором смысле этот шаг символизировал отказ от установившейся во времена Петра I ориентации на Запад как образец, которому должна следовать Россия, если она стремится преодолеть свою отсталость. Словом, это был акт восстановления исторической справедливости и вольного или невольного подчеркивания исторической связи времен в новых российских условиях.

Здесь я позволю себе уместным высказать одно замечание, внешне будто бы и не имеющее непосредственного отношения к предмету нашего изложения, но тем не менее внутренне с ним связанное и имеющее принципиальное значение. Как ни подчеркивали большевики свой полный и окончательный разрыв с прошлым, как ни старались они убедить всех, и прежде всего самих себя, в том, что история России отныне, с их приходом к власти, вступает в совершенно новую, не имеющую связи с прошлым фазу, реальное положение дел, да и сами законы исторического развития, не позволяли им произвольно следовать этой линии. На самом деле любая революция не может во всем раз и навсегда разорвать веками сложившиеся исторические связи, то, что Шекспир называл "связью времен". Прошлое не только довлело над ними, но и во многом предопределяло направление и характер их практических действий. Так что говорить о полном разрыве с прошлым можно лишь условно, подразумевая под этим прежде всего и главным образом разрыв с негативным историческим наследием — остатками крепостничества, отсталостью, системой эксплуатации и другими социальными недугами старой России. Словом, исконная история России вошла в историю новой, революционной России как ее неотъемлемая составная часть, как органический элемент, без учета которого нельзя было идти вперед. Больше того, историческое наследие прошлого стало тем фундаментом, на котором строилось здание новой России.

Что же касается бесчисленного множества нигилистических высказываний и оценок исторического прошлого России, которыми, особенно в первые годы после революции, были напичканы выступления и заявления лидеров большевистской партии, то их, пользуясь терминологией Ленина, можно без преувеличения назвать "детской болезнью левизны". Но эта болезнь, как и всякая другая, проходит, если не заканчивается летальным исходом. В случае с большевиками, к счастью, произошло первое. И, как мы сможем убедиться в дальнейшем, огромную, если не решающую роль сыграл здесь Сталин. Уже в период борьбы вокруг заключения мира с Четвертым союзом (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция) в ряде его высказываний довольно явственно просматривается акцент на то, что большевики должны смот-

реть не на Запад и не уповать на помощь революции в Германии или в других развитых капиталистических странах, а обращать свои взоры прежде всего на свою собственную страну. Разумеется, в его высказываниях присутствуют и ссылки на революционное движение в западных странах. Однако эти ссылки скорее напоминают обязательные ритуальные заклинания, нежели выражают глубокие убеждения. Словом, брестский период можно оценивать как период серьезных концептуальных переоценок и интеллектуальных поисков путей дальнейшего развития русской революции. В тех условиях это было равнозначно поиску путей дальнейшего развития России как государства.

Однако вернемся к самому сюжету заключения мирного договора. Не вдаваясь во все детали сложной и довольно длительной борьбы вокруг вопроса о заключении Брестского мира, целесообразно лишь в общих чертах определить основные противоборствовавшие силы. Ленин и неизменно поддерживавшие его Сталин, Свердлов и некоторые другие члены ЦК, выступали за заключение мира, стремясь по возможности оговорить условия мира наименьшими потерями для страны. Другие, получившие название, “левых коммунистов” (Бухарин, Дзержинский, Ломов (Оппоков) и другие, считали заключение сепаратного и несправедливого мира предательством по отношению к революционному движению в западных странах, на неизбежный рост которого они возлагали все надежды. Они были против каких-либо соглашений с империалистическими государствами и требовали объявить революционную войну международному империализму. “Левые коммунисты” готовы были даже идти на возможность утраты Советской власти “во имя интересов международной революции”

Третью, промежуточную позицию, занимал Троцкий и его сторонники. Эта позиция нашла свое лаконичное выражение в формуле – “ни мира, ни войны”, т.е. мира не подписываем, войны не ведем. Троцкий (в то время нарком иностранных дел РСФСР) предлагал объявить войну прекращённой, армию демобилизовать, но мира не подписывать.

Накал политических страстей по вопросу заключения мира был необычайно острым. Ленин и его сторонники вначале находились в меньшинстве. В целях оказания давления на своих оппонентов и принятия тяжелого, но вынужденного решения, Ленин даже пригрозил своей отставкой. На что один из противников мирного договора Ломов (Оппоков) заявил: “Если Ленин грозит отставкой, то напрасно пугаются. Надо брать власть без В.И. {Ленина}. Надо идти на фронт и делать все возможное.”¹⁸

Угрозы уйти в отставку следовали не только со стороны Ленина, но и сторонников революционной войны. Многие из них неоднократно заявляли о своем несогласии с ленинской позицией и выступали с требованием своей отставки. Как гласят протоколы, на одном из таких критических заседаний Сталин “ставит вопрос, не означает ли уход с постов фактический уход из партии? Понимают ли товарищи, что оставление ими постов есть зарез для партии и не обязаны ли они подчиняться постановлениям партии?”

Тов. Ленин указывает, что уход из ЦК не значит уход из партии.

Тов. Сталин говорит, что он никого не обвиняет и считает вправе поступать, как они считают лучшим, но указывает, что Ломова, Смирнова, Пятакова совершенно нечем заменить. Отдают ли себе товарищи отчет, что их поведение ведет к расколу?

¹⁸ Протоколы Центрального Комитета РСРП(б). С.213-214.

Если они хотят ясности, а не раскола, то просит их отложить их заявление до завтра или до съезда, который будет через несколько дней.¹⁹

На заседании ЦК 24 февраля 1918г. Сталин делает не свойственное ему прочувствованное, с оттенком сентиментальности, заявление, которое мы и приводим ниже: мол, он “ничего не предлагает, но говорит о той боли, которую он испытывает по отношению к товарищам. Его поражают быстрота и натиск их, когда они прекрасно знают, что их нечем заменить, и ставит вопрос, зачем они это делают...? — Далее он аргументирует свою позицию главным доводом. — Провинция поймет это как фактический раскол. Если их решение субъективно, то он просит их подождать, так как на деле они открывают новую линию для раскола и этим наносят крайне тяжелый удар всему аппарату Советской власти.”²⁰

Как может убедиться читатель, борьба по вопросу заключения мирного договора протекала в атмосфере острой дискуссии и полемики, в которой основным оружием были аргументы, а не приказы и окрики. При этом надо заметить, что в обсуждение вопроса были вовлечены практически все местные партийные организации, а в них также наблюдался различный расклад сил. Это подтверждается документами, приведенными в качестве приложений к стенографическому отчету Седьмого экстренного съезда РКП(б).²¹

В этом контексте представляется, по меньшей мере, бездоказательным, если не сказать тенденциозным, утверждение известного американского советолога Р.Даниелса, следующим образом оценивающего характер и исторические последствия дискуссии по заключению мира: “Разрешение партийных противоречий весной 1918 года создало образец, которому следовали на протяжении всей истории коммунистической оппозиции в России. Это было разрешение спорных вопросов не путем обсуждения, убеждения или компромисса, а посредством кампании жесткого давления в партийных организациях, подкрепленных нагромождением резких оскорблений в партийной печати и в выступлениях лидеров партии. Ленин задавал тон полемике, а его помощники по организационным вопросам обеспечивали необходимую позицию членов партии. Наиболее эффективной силой всего этого был личный авторитет Ленина, которому мало кто имел безрассудство противостоять на протяжении сколько-нибудь длительного времени. На ход событий воздействовало также то, что левым коммунистам давали почувствовать, что отсутствие единства в партии угрожает будущему самого советского режима.”²²

Многодневные и многочасовые обсуждения в ЦК вопросов войны и мира никак не могли привести к принятию согласованного решения. Колебания в большевистском руководстве приводили ко всевозможным затяжкам и перерывам в переговорах с немцами и австрийцами. Больше того, они способствовали тому, что требования к России все более и более ужесточались. В конце концов Россия оказалась перед угрозой широкомасштабного немецкого наступления.

¹⁹ Там же. С. 217.

²⁰ Там же. С. 224.

²¹ См. **Седьмой экстренный съезд РКП(б). Стенографический отчет.** М. 1962. С.233-345.

²² *Robert Vincent Daniels. The conscience of the revolution. Communist opposition in Soviet Russia.* Cambridge. 1960. p. 77-78

Ленин еще раз ставит вопрос ребром: “политика революционной фразы окончена. Если эта политика будет теперь продолжаться, то он выходит и из правительства и из ЦК. Для революционной войны нужна армия, ее нет. Значит, надо принять условия.”²³

В протоколах следующим образом отражена точка зрения Сталина: “Тов. Сталин находит, что вся сила нашей партии заключалась до сих пор в том, что мы занимали вполне ясную и определенную позицию по всем вопросам. Этой ясности и определенности нет по вопросу о мире, так как существуют различные течения. Надо этому положить конец.”²⁴

Из всех запротоколированных выступлений Сталина на заседаниях ЦК в дни “брестского кризиса” в собрание его сочинений было включено лишь одно. Оно в выигрышном для Сталина виде излагает его позицию. Другие его выступления и замечания опущены, им не нашлось места в собрании сочинений, поскольку при общей принципиально правильной линии в защиту необходимости заключения мира, в них содержались явно невыгодные для него моменты и нюансы. В частности, имеются пассажи, в которых он поддерживает ту или иную позицию Троцкого, высказывает определенные сомнения и оговорки т.д. В частности, на одном из заседаний он заявил: “Выход из тяжелого положения дала нам средняя точка — позиция Троцкого.”²⁵ Признаки колебаний проскальзывают и в таком его заявлении: “Можно не подписывать, но начать мирные переговоры. Требования разоружения советских войск внутри России нет; немцы провоцируют нас на то, чтобы мы отказались. Вопрос стоит так: либо поражение нашей революции и связывание революции в Европе, либо же мы получаем передышку и укрепляемся. Этим не задерживается революция на Западе.”²⁶

Некоторым образом суммируя взгляды и позицию Сталина в вопросе о заключении мира, имеет смысл привести ее в ортодоксальной официальной редакции, которая нашла отражение в его собрании сочинений. “Товарищ Сталин считает, что, принимая лозунг революционной войны, мы играем на руку империализму. Позицию Троцкого невозможно назвать позицией. Революционного движения на Западе нет, нет в наличии фактов революционного движения, а есть только потенция, ну, а мы не можем полагаться в своей практике на одну лишь потенцию. Если немцы начнут наступать, то это усилит у нас контрреволюцию. Наступать Германия сможет, так как у неё есть свои корниловские войска — «гвардия». В октябре мы говорили о священной войне против империализма, потому что нам сообщали, что одно слово «мир» поднимет революцию на Западе. Но это не оправдалось. Проведение нами социалистических реформ будоражит Запад, но для проведения их нам нужно время. Принимая политику Троцкого, мы создаем наихудшие условия для революционного движения на Западе. Поэтому товарищ Сталин предлагает принять предложение товарища Ленина о заключении мира с немцами.”²⁷

Любой объективный человек видит, что подлинная позиция Сталина была отнюдь не столь однолинейной и однозначной, как ее представляет историография

²³ Протоколы Центрального Комитета РСРП(б). С. 211.

²⁴ Там же. С. 178.

²⁵ Там же.

²⁶ Протоколы Центрального Комитета РСРП(б). С. 212.

²⁷ И.В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 27.

периода нахождения Сталина у власти. Поддерживая тоску зрения Ленина в принципе и по существу, в ряде моментов он колебался и проявлял непоследовательность. А это, как говорится, не укладывалось в рамки официального образа вождя как несгибаемого, не знающего колебаний в серьезных вопросах политического и государственного деятеля.

Я оставляю за скобками конкретные условия Брестского мирного договора и все перипетии переговоров по нему, поскольку это выходит за непосредственные рамки собственно политической биографии Сталина. Замечу лишь, что на заседании ЦК 23 февраля 1918г. В. И. Ленин настойчиво поставил вопрос о принятии новых, более тяжелых для России условий мирного договора. Большинство голосов было принято предложение В. И. Ленина, а на заседании ЦК 24 февраля утвержден новый состав мирной делегации, которая в тот же день выехала в Брест. Троцкий в нее уже не входил. Переговоры о мире возобновились 1 марта, а 3 марта 1918 г. состоялось последнее заседание мирной конференции. Договор о мире был подписан.

При подписании мирного договора русская делегация огласила декларацию. В ней была дана оценка этого ультимативного договора и мотивированно обоснована его грабительская сущность. Надо сказать, что декларация преследовала не только и не столько пропагандистские цели, сколько оставляла на будущее возможности его аннулировать. В декларации, в частности, говорилось: «мир, который ныне заключается в Брест-Литовске, не есть мир, основанный на свободном соглашении народов России, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Этот мир продиктован с оружием в руках. Это — мир, который, стиснув зубы, вынуждена принять революционная Россия. Это — мир, который, под предлогом «освобождения» российских окраин, на деле превращает их в немецкие провинции и лишает их права на свободное самоопределение... Мы немедленно подписываем предъявленный нам ультимативный мирный договор, отказываясь от всякого его обсуждения.»²⁸

Состоявшийся в начале марта VII экстренный съезд партии подтвердил решение о подписании Брестского договора, причем по инициативе Ленина было принято также дополнение, согласно которому Центральному Комитету дается полномочие во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистическими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну.²⁹

Съезд, делегатом которого (с правом совещательного голоса, впрочем, как Ленин и другие руководящие деятели ЦК) был Сталин,^{*} подвел черту под самой ожесточенной схваткой в большевистском руководстве со времени возникновения партии.

²⁸ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Стенографический отчет. С.286-287.

²⁹ Там же. С. 176.

* В связи с участием Сталина в работах седьмого съезда партии в литературе о Сталине имеют хождение и ошибочные версии. Согласно одной из них, местопребывание Сталина в это время представляет собой загадку, поскольку, мол, в протоколах съезда, впервые изданных в 1923г., его имя не упоминается ни в числе выступавших, ни в числе делегатов. А.Улам, выдвинувший данную версию, полагает, что это было связано с тем, что сам съезд проходил в полусекретном порядке и существовала опасность переворота во время работ съезда. Поэтому Сталину и ряду других лиц было предложено держаться в стороне, чтобы в случае захвата Ленина и Свердлова быть в состоянии восстановить режим. (*Adam B. Ulam, Stalin*, p. 167). Факты, однако, не подтверждают данную версию.

Однако отзвуки этой борьбы долго еще давали о себе знать в партийных дискуссиях и внутривнутрипартийных баталиях. На съезде Сталин был избран членом ЦК, получив 32 голоса "за", Ленин — 34. Бросается в глаза, что Сталин не проявлял никакой активности во время работы съезда. Он ни разу не выступил и не произнес даже реплики с места. Подобная пассивность может быть объяснена тем обстоятельством, что к моменту начала работы съезда соотношение сил в партийном руководстве и в местных организациях партии уже вполне определилось: большинство высказалось за подписание мирного договора. Снова раздувать страсти и накалять и без того уже перегретую атмосферу не имело никакого резона. Видимо, такая мотивация представляется подходящей и вполне правдоподобной для объяснения молчания Сталина во время Седьмого съезда партии.

В широком историческом контексте и в плане исторической перспективы брестский период был чрезвычайно важной вехой в процессе становления Сталина уже не только как партийного функционера, но и как государственного деятеля. Несомненно, что в личном плане на него неизгладимое впечатление оказали твердость, решительность, гибкость, проницательность и широта подходов, продемонстрированные в эти дни и недели Лениным. Видимо, не раз на протяжении всей своей дальнейшей политической деятельности, особенно в часы тяжелых испытаний, он мысленно возвращался к брестским дням. Стратегия и тактика Ленина в эти месяцы стали для него образцом и, возможно, не раз позволяли находить нужные решения в трудных ситуациях. В конце концов государственный деятель формируется в горниле борьбы, только в борьбе выковываются и проходят проверку его политические качества.

В свете сказанного некоторое недоумение вызывает то, что при всем обилии литературы о Сталине брестскому периоду уделяется недостаточно внимания. Порой даже этот период рассматривается с использованием фигуры умолчания. Мне же думается, что этот период имеет первостепенное значение в политической эволюции Сталина не столько с точки зрения отдельных исторических поворотов и нюансов, а в общем контексте формирования его политической философии. Именно это представляет сейчас, по прошествии многих десятков лет, закономерный интерес. Прежде всего по той причине, что на политической орбите Сталина в дальнейшем были отрезки, невольно заставляющие проводить параллели с периодом Бреста.

Сюжет, посвященный брестской эпопее, хочется завершить оценкой, исходящей от такого закоренелого антисоветчика, каким является Р.Пайпс. Признание в его устах звучит куда убедительнее, чем восхваления, исходящие от самих большевиков или их единомышленников: "Прозорливо пойдя на унижительный мир, который дал ему выиграть необходимое время, а затем обрушился под действием собственной тяжести, Ленин заслужил широкое доверие большевиков. Когда 13 ноября 1918 года они разорвали Брестский мир, вслед за чем Германия капитулировала перед западными союзниками, авторитет Ленина был вознесен в большевистском движении на беспрецедентную высоту. Ничто лучше не служило его репутации человека, не совершающего политических ошибок; никогда больше ему не приходилось грозить уйти в отставку, чтобы настоять на своем."³⁰

³⁰ Ричард Пайпс. Русская революция. Часть вторая. С.280.

2. Сталин и реализации национальной политики.

Выше уже отмечалось, что альфой и омегой всех проблем России в первый период Советской власти, выступали три проблемы — вопросы войны и мира, аграрный вопрос и вопросы национальной политики. Все они существовали не изолировано друг от друга, их объединяли тысячи нитей незримых органических связей. Решение каждого из них в той или иной степени было сопряжено с решением других. Более того, решение каждого из них служило предпосылкой и условием для решения всех остальных. Однако не существовало какого-либо легкого и однозначного метода их решения. Ведь вся страна тогда являла собой клубок жгучих и трудноразрешимых проблем.

Национальный вопрос по всем объективным критериям относился к числу наиболее запутанных и сложных. Для его решения не существовало ни универсальных путей, ни сколько-нибудь проверенных практикой методов. Ведь Россия была самой многонациональной страной из всех крупных держав. И ее судьба, и будущие пути развития неразрывно связывались с тем, как будет решен национальный вопрос, насколько правильным будет выбор стратегии подхода к национальным проблемам, насколько полно и глубоко будут учтены национальные особенности и черты каждого из народов, ее населявших. Шаблонного подхода к решению национального вопроса в различных регионах страны не могло быть, ибо это означало одно — вконец запутаться в национальных проблемах и завести дело налаживания взаимного сожительства народов в непреодолимый тупик.

Исторический опыт царской России был поучителен во многих отношениях. Но в целом надо признать, если стоять на почве фактов, а не идеализации действительности, что в царской империи национальный вопрос не был решен. Это давало о себе знать многочисленными выступлениями в национальных окраинах: одни требовали отделения от России (Финляндия, Польша), другие требовали автономии в рамках сохранения федеративных связей с Россией, третьи настаивали на автономии, на расширении своих национальных прав в области образования, культуры, языка, религиозных свобод и т.д. Царское правительство проводило в отношении национальных окраин в целом дифференцированную политику, допуская в ряде случаев большую степень самоуправления (Финляндия, Польша). Однако, повторяю, в целом национальный вопрос стоял в повестке дня как один из наиболее острых и актуальных. Формула “единой и неделимой России”, какой бы привлекательной она ни представлялась не только монархистам, но и многим истинным патриотам, с каждым годом все более обнаруживала свои внутренние пороки и недостатки. Ахиллесовой пятой этой формулы являлась ее органическая увязка с самодержавием как незыблемой формой государственного устройства России.

Короче говоря, после победы Октябрьской революции проблемы национального устройства страны не только не утратили своей злободневности, но и стали еще более острыми. Надо отметить, что большевики еще до победы революции располагали достаточно четкой и ясной программой решения национального вопроса в стране. Об этом уже шла речь в соответствующей главе. Здесь надо добавить, что наличие общей программы отнюдь не равнозначно наличию конкретного плана решения каждой национальной проблемы в рамках всей страны. Были сформулированы общие принципы и общие подходы, изложены отдельные варианты решения национального вопроса применительно, скажем, к Финляндии или Польше. Однако общая про-

грамма и есть общая программа, и никакая, даже сама блестящая и хорошо продуманная программа, не заменит практической национальной политики в каждом отдельном национальном регионе страны.

Основные принципы в сфере национальной политики большевиков отличались последовательностью и демократизмом. Выражаясь современными понятиями и категориями, это была вполне цивилизованная программа, во многом превосходившая те принципы и нормы, которые лежали в основе законодательства и политики по национальному вопросу тогдашних “цивилизованных” стран. Важнейшей особенностью большевистской программы в области национальных отношений являлась тесная увязка национальных проблем с социально-классовыми проблемами. Говоря более определенно, национальные проблемы рассматривались как производные от социально-классовых проблем. Причем подразумевалось, что радикальное решение социально-классовых проблем чуть ли не автоматически поведет за собой и решение проблем национального плана.

В этом, на мой взгляд, была явная слабость большевистской программы, поскольку хотя между социально-классовыми и национальными проблемами и существуют органическая связь и взаимозависимость, решение первой из них отнюдь не ведет автоматически (и даже не автоматически!) к решению второй. Слишком много специфических черт и особенностей присуще национальным проблемам, чтобы так грубо упрощенно привязывать их друг к другу и соединять в один узел. В ходе проведения практической национальной политики большевики, и Сталин в первую очередь, сначала на практическом опыте, а потом и на уровне теоретического осмысления, пришли к пониманию всей сложной диалектической взаимосвязи социально-классовых и национальных проблем. На примере эволюции взглядов Сталина на весь комплекс этих проблем мы в дальнейшем убедимся, что ему в какой-то мере удалось преодолеть или даже переступить через систему бывших незыблемыми догм и положений, исповедуемых ортодоксальным большевизмом.

Прежде всего, — и это самое главное, — национальный вопрос, будучи взятым во всей своей совокупности и общности, гораздо более исторически “древний” (если это слово вообще уместно для определения), чем классовый вопрос. Национальные различия и противоречия, хотя и имеют классовую основу, отнюдь не сводятся к ним. По крайней мере, в огромном числе случаев. Само разрешение классовых противоречий не ведет с неизбежностью, как вытекало из марксистско-ленинского учения, к разрешению и устранению фундаментальных причин национальных конфликтов и противоречий. Исторический опыт прошлого не позволял большевикам опираться на него в данном случае, поскольку в истории не было еще такого прецедента. Разрешение классовых противоречий путем тех или иных социально-экономических мер, определенная классовая стабилизация не влекли за собой с автоматической закономерностью столь же эффективное разрешение национальных проблем. По своей природе и по своему историческому генезису национальные конфликты и противоречия порой далеко выходили за рамки классовых и чисто социальных причин. В целом, комплекс национальных проблем, вставших перед страной, в том числе в первую очередь и перед Сталиным, как ответственным руководителем специального органа по реализации национальной политики Советской власти — Народного комиссариата по делам национальностей — в реальности оказался гораздо более сложным, чем полагали большевики как до прихода к власти, так и в первые годы после ее завоевания.

Второе замечание касается упрощенной и противоречащей реальным историческим фактам общей оценки ситуации в национальном вопросе в Российской империи, которой придерживались большевики. Броская метафорическая формула о “царской России как тюрьме народов” получила среди них полное право гражданства и рассматривалась как аксиома, не нуждающаяся в доказательствах. Вскользь мы ранее уже отмечали историческую несостоятельность этой формулы. Здесь же считаю нужным подчеркнуть, что своим рождением эта формула была обязана опять-таки меркантильным потребностям политической борьбы, стремлению большевиков привлечь на свою сторону слои населения и политические силы, боровшиеся за свои национальные интересы.

Вот один из примеров, характеризующих в корне неправильную оценку со стороны некоторых большевиков исторического прошлого России в вопросах формирования многонационального русского государства. Когда я использовал слова “со стороны некоторых большевиков”, то у меня самого возникло сомнение: только лишь со стороны некоторых? Фактически, и об этом надо сказать со всей определенностью, такая оценка не являлась точкой зрения отдельных представителей этой партии: она являлась общепартийной линией. Так, выступая на 10 съезде партии (1921 г.), содокладчик по национальному вопросу Г. Сафаров утверждал: “Вся история бывшей Российской империи, которую Энгельс называл огромным количеством чужой, награбленной собственности, была историей колонизации.”³¹ Истоки обвинений России в колонизаторстве восходят к основоположникам марксизма, в частности к Энгельсу. Не случайно, что в начале 1930-х годов Сталина считал целесообразным и политически своевременным подвергнуть некоторые взгляды Энгельса относительно внешней политики царской России критике. Более подробно на этом вопросе я остановлюсь в дальнейшем. Сейчас же хочется подчеркнуть, что генезис данной формулы имеет отнюдь не русское происхождение. Кому-то может показаться, что я старательно и без должных аргументов защищаю национальную политику русского царизма, которая, как известно, подвергалась критике не только со стороны большевиков, но и многими другими политическими кругами России, придерживающимися демократических взглядов. Но речь идет не о защите политики царизма, а о защите истины. А это две разные вещи.

Практическое применение данной формулы давало национальным (и националистическим в первую голову) силам своеобразный карт-бланш, заранее оправдывая чуть ли не любые формы и методы борьбы против Российского государства как такового, а не только против царского режима. Рамки национального движения ничем не ограничивались, они выступали как самоценность, превыше которой нет ничего. Как ни звучит парадоксально, данная формула из фактора сплочения и созидания на практике играла скорее разрушительную роль, отодвигая общие классовые интересы на задний план перед чисто национальными (а порой и откровенно националистическими) интересами. И зачастую именно национальный фактор довлел над классовым, подавляя его или отодвигая на второй план. Формула “царской России как тюрьмы народов” сыграла с большевиками, особенно на первых этапах борьбы за утверждение своей власти, роль бумеранга.

³¹ Протоколы X съезда РКП(б). М. 1933. С. 193.

В данной формуле содержалось, как в зародыше, зерно отрицания прогрессивной роли русского народа в развитии национальных окраин, принижалось косвенным путем колоссальное воздействие прогрессивной русской культуры на культурное развитие других народов России. Не говоря уже о том, что в целом ставился под сомнение исторически обусловленный и исторически прогрессивный процесс формирования многонационального Российского государства. Благодаря этой формуле процесс складывания единого многонационального Российского государства предстал как сплошная цепь насильственных завоеваний и захватов, непрерывная полоса национального гнета и притеснения. Общеизвестным фактом является то, что отнюдь не только путем военных походов и завоеваний расширялось и укреплялось Российское государство. Хотя, такие примеры имели место, как были и примеры прямо противоположного порядка.

Если расшифровать рассматриваемую формулу до конца и поставить все точки над *i*, то выходило, что русский народ как ведущая сила формирования многонационального Российского государства выступал не в роли объединителя, а в роли колонизатора. История же Российской империи, по большому счету, радикально отличается от истории формирования западных классических колониальных империй. Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что Россия не захотела иметь так называемых заморских владений, которыми располагали западные колониальные державы. В основе формирования многонационального Российского государства лежали совершенно иные исторические императивы, нежели те, которыми руководствовались западные державы. Русскому народу издревле (и это подтверждает вся его история) не были присущи черты народа-колонизатора, огнем и мечом устанавливавшего свое господство, подвергавшего физическому истреблению завоеванные народы. Здесь мне хочется сослаться на И. Солоневича, которого можно упрекать в монархизме и прочих "грехах", но трудно обвинить в предвзятости и тенденциозности, коль речь идет о фактической стороне дела. Так вот он много десятков лет тому назад писал: "Русский «империализм» наделал достаточное количество ошибок. Но общий стиль, средняя линия, *п р а в и л о*, заключалось в том, что человек, включенный в общую государственность, получал все права этой государственности. Министры поляки (Чарторыйский), министры армяне (Лорис-Меликов), министры немцы (Бунге) — в Англии невозможны никак. О министре индусе в Англии и говорить нечего. В Англии было много свобод, но только для англичан. В России их было меньше, — но они были для всех."³² Думается, эта оценка не далека от истины. По крайней мере, она помогает лучше понять суть т.н. "русского колонизаторства", о котором до сих пор не перестают твердить, особенно в некоторых бывших советских республиках.

Столь подробное введение в суть проблемы продиктовано желанием очертить контуры исторических реальностей, в которых начала разворачиваться деятельность Сталина по формированию и проведению национальной политики Советской власти в первые годы ее существования. Как плюсы, так и минусы большевистской программы по национальному вопросу, не могли не сказаться самым непосредственным образом на его деятельности на посту наркома по делам национальностей.

³² Иван Солоневич. Народная монархия. С 126.

Само назначение Сталина на этот пост имело глубоко символическое значение: он был не только экспертом в области национальных проблем, но и представителем национального меньшинства. Последнее, видимо, также учитывалось при его назначении на данную должность. Хотя, на мой взгляд, этот момент не следует преувеличивать, поскольку в национальном плане первый состав Совнаркома был неоднородным, и при анализе персональных назначений на посты народных комиссаров не проглядывает какой-то четкий национальный критерий. Скорее всего, в основе лежал принцип профессиональной пригодности. Хотя в серьезном ключе о каком-то принципе профессиональной пригодности при назначении на тот или иной пост народного комиссара можно говорить с большой натяжкой. Подавляющее большинство новых российским министрам (народным комиссарам) было не подготовлено профессионально к исполнению своих новых ролей. Здесь я вхожу в некоторое противоречие с часто повторявшейся в прежние времена фразой о том, что первое советское правительство было самым выдающимся с точки зрения критериев интеллектуальности и образованности правительством по сравнению с тогдашними правительствами других стран. Мол, оно не имело себе аналога в мировой практике. Однако критерий интеллигентности или образованности еще не синоним профессиональной подготовленности. К тому же, в действительности, за редким исключением, первые российские народные комиссары не занимались ранее серьезной управленческой деятельностью. Они были революционерами, и как раз осуществление революции и являлось их профессиональной деятельностью. Часто на что-либо иное они не были способны. Поэтому не случайно, что многие фигуры, блиставшие на тогдашнем политическом небосклоне российской политики, как-то незаметно угасли или отошли на задний план. Жизнь, помимо революционного порыва, предъявляла и иные требования. Соответствие этим требованиям, помимо многих других факторов, и предопределяло в конечном счете политическую долговечность и вес той или иной политической фигуры. Можно сказать, что и в среде политических деятелей происходил своего рода естественный отбор.

Кратко обозначив наиболее узкие и слабые места программы национального вопроса и стратегии и тактики проведения национальной политики большевиков, обратимся к практическим шагам, предпринятым Советской властью в национальном вопросе.

Ключевым моментом можно считать принятие «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая была подписана Лениным и Сталиным 2 ноября 1917 г. Вопрос об авторстве этой декларации в советских источниках преподносится по-разному: в официальной биографической хронике утверждается, что она написана Сталиным.³³ В большинстве других источников и соответствующей литературе авторство декларации признается за Лениным, с тем уточнением, что Сталин и Бухарин внесли свои поправки и сделали замечания по ее тексту. По логике вещей очевидно, что именно Ленин был автором этой основополагающей декларации, содержащей не только национальную, но прежде всего общеполитическую и общегосударственную проблематику. Приписывать Сталину авторство нет серьезных оснований ни по каким параметрам: ни по важности самого документа, ни по стилю, ни по тому признаку, что он подписал ее вместе с Лениным.

³³ См. *И.В. Сталин*. Соч. Т. 4. С. 441.

Декларация была принята 3-м Всероссийским съездом Советов (январь 1918г.) и стала одним из краеугольных камней всего политико-государственного и национального строительства Советского государства. В ней говорилось: “1) Россия объявляется Республикой советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим советам.

2) Советская российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик.” В ней законодательно закреплялись отмена всех национальных и религиозных ограничений или привилегий, равенство всех народов, свободное развитие всех национальных и этнических групп, право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств.³⁴

На этом же съезде Советов Сталин выступил с докладом по национальному вопросу и с проектом резолюции о федеральных учреждениях российской республики. Обращает внимание следующее: как бесспорное достоинство советской национальной политики он подчеркивает, что только Советская власть открыто провозгласила право всех наций на самоопределение вплоть до полного отделения от России. Новая власть оказалась более радикальной в этом отношении, чем даже национальные группы внутри некоторых наций.³⁵

Что правда, то правда: ни одно русское правительство, включая Временное, как и ни одно вообще буржуазное правительство “цивилизованного Запада”, никогда не доходило в своих “демократических устремлениях” до признания этого принципа, современем, и во многом благодаря практике Советского Союза, ставшего одной из основных норм современного международного права. Однако интересы истины требуют дополнить сказанное тем, что сам характер и объем провозглашенного принципа существенно ограничивался исключительно важным уточнением, указывавшим на “необходимость толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации.”³⁶ Иными словами, провозглашение этого принципа и органическая его увязка с классовыми аспектами существенно ограничивали его содержание, рамки и масштабы применения, что лишало этого принципа главного — универсального характера.

Неизменно провозглашая и подчеркивая классовую составляющую принципа самоопределения, следуя букве своих догматов, Сталин и большевики на практике вынуждены были считаться с реалиями жизни и фактически вносили необходимые коррективы в свою национальную политику. В противном случае эта политика могла остаться всего-навсего просто торжественной декларацией, в результате чего она лишилась бы действительности и практической значимости.

Это можно проиллюстрировать на примере из того же периода, когда решался вопрос о признании независимости Финляндии. Сталин как народный комиссар по делам национальностей вел всю практическую работу по решению вопроса о предоставлении Финляндии независимости. Он возглавлял советскую делегацию на встречах с финскими представителями, ездил в конце 1917 г. в Финляндию для ведения

³⁴ Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. С. 28-30.

³⁵ И.В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 31.

³⁶ Там же. С. 31-32.

соответствующих официальных переговоров. Выступая в ноябре 1917г. на съезде Финляндской социал-демократической рабочей партии, он, в частности, подчеркивал: "Нас пугали, наконец, развалом России, раздроблением её на многочисленные независимые государства, при этом намекали на провозглашённое Советом Народных Комиссаров право наций на самоопределение, как на «пагубную ошибку». Но я должен заявить самым категорическим образом, что мы не были бы демократами (я не говорю уже о социализме!), если бы не признали за народами России права свободного самоопределения. Я заявляю, что мы изменили бы социализму, если бы не приняли всех мер для восстановления братского доверия между рабочими Финляндии и России. Но всякому известно, что без решительного признания за финским народом права на свободное самоопределение восстановить такое доверие невозможно. И важно здесь не только словесное, хотя бы и официальное, признание этого права. Важно то, что это словесное признание будет подтверждено Советом Народных Комиссаров на деле, что оно будет проведено в жизнь без колебаний. Ибо время слов прошло."³⁷

В этих формулировках Сталина, хотя и сохраняется классовая риторика, отдается должное классовым моментам в решении вопроса о предоставлении независимости Финляндии, однако все-таки верх берет здравый практический расчет, реальная оценка ситуации и, соответственно, торжествует линия действий, согласующаяся с этой реальностью. Так что слова оставались словами, а в основе конкретных практических действий лежал реалистический расчет.

Яркой иллюстрацией такого подхода может служить доклад Сталина на заседании ВЦИК 22 декабря 1917г. В нем он подчеркнул весьма здравую мысль, против которой трудно было бы что-либо возразить: "Буржуазная печать заявляет, что мы привели страну к полному развалу, потеряли целый ряд стран, в том числе и Финляндию. Но, товарищи, мы её потерять не могли, ибо фактически она никогда не являлась нашей собственностью. Если бы мы удержали Финляндию насильственным путём, то это вовсе не значило бы, что мы её приобрели."³⁸

У читателя, да и у меня самого, часто создается впечатление постоянно дающей себя знать двойственности, явной противоречивости теоретических установок и практических действий, отличавших советскую политику в области национальных отношений. И это впечатление вполне обоснованно, он является не результатом соответствующего подбора фактов и цитат, а отражением того, что было на самом деле, отражением сложной и противоречивой действительности рассматриваемой эпохи. Я не видел свою задачу в выгодном свете нарисовать деятельность Сталина в области формулирования и осуществления советской национальной политики. Не стремился также скрыть или замолчать те события и факты, которые с высоты сегодняшнего дня выглядят не совсем, скажем так, приглядными. Но с не меньшей настойчивостью я стремился избежать шаблонного, заранее заданного тона непрерывных обличений и обвинений, которыми заполнены фолианты, в которых освещается деятельность Сталина на посту наркома по делам национальностей. На первый взгляд кажется, что объективный подход наиболее легкий и наиболее доступный. На деле же оказывается, что следовать историческому принципу и избегать всякой тенденциозности –

³⁷ И.В.Сталин. Соч. Т. 4. С. С.3.

³⁸ Там же. С. 23.

дело чрезвычайно сложное и трудное. По меньшей мере, гораздо более трудное, чем идти по заранее намеченному пути, подтверждая набором фактов и свидетельств уже намеченную схему. Быть объективным означает гораздо больше, чем просто избегать всякой тенденциозности и предвзятости, бесстрастно фиксировать и раскладывать по полочкам известные и неизвестные события и факты. По моему, объективность требует прежде всего и — еще раз прежде всего — учета реальной на то время обстановки, постижения духа той эпохи, о которой идет речь. А это задача не из легких и простых. Поэтому так трудно и соблюдать эту самую объективность. Особенно в применении к Сталину, весь жизненный путь которого — и без того сложный, противоречивый, а порой и просто неясный — подвергался и подвергается непрерывным извращениям. Не важно со знаком плюс или минус. Для правдивой истории знаки минус и плюс одинаково ущербны и неприемлемы.

В своем изложении данного этапа политической деятельности Сталина я сознательно делаю упор на процессе эволюции, которую в ходе реализации национальной политики большевиков претерпели как теоретические, так и практические воззрения и подходы Сталина. Эта эволюция весьма показательна и имеет не только сугубо исторический интерес, но и практический смысл, в каком-то отношении перекликающийся с событиями в области национальных отношений современной России. И хотя, как известно, всякие параллели условны, а иногда и просто опасны, взгляд с позиций ретроспективы бывает весьма плодотворным для понимания реалий сегодняшнего дня.

Интересна в этом плане постановка Сталиным такого жизненно важного для судеб страны вопроса, как вопрос об отделении от нее национальных окраин. Если исходить из чисто абстрактного толкования принципа самоопределения, включая в него и право на отделение и образование самостоятельного государства, то, казалось бы, он должен, если хотел быть последовательным, отстаивать именно такую трактовку вопроса о самоопределении. Однако уже в 1920г. в предисловии к сборнику статей по национальному вопросу он счел необходимым конкретизировать и обосновать свою, в чем-то начавшую претерпевать процесс изменений позицию. Вот, какой она выглядит в его собственном изложении: “Может показаться странным, что статья решительно отвергает требование об отделении окраин от России, как контрреволюционную затею. Но по существу в этом нет ничего странного. Мы за отделение Индии, Аравии, Египта, Марокко и прочих колоний от Антанты, ибо отделение в этом случае означает освобождение этих угнетённых стран от империализма, ослабление позиций империализма, усиление позиций революции. Мы против отделения окраин от России, ибо отделение в этом случае означает империалистическую кабалу для окраин, ослабление революционной мощи России, усиление позиций империализма. Именно поэтому Антанта, борясь против отделения Индии, Египта, Аравии и прочих колоний, борется вместе с тем за отделение окраин от России. Именно поэтому коммунисты, борясь за отделение колоний от Антанты, не могут вместе с тем не бороться против отделения окраин от России. Очевидно, вопрос об отделении решается в зависимости от конкретных международных условий, в зависимости от интересов революции.”³⁹

³⁹ И.В.Сталин. Соч. Т. 4. С. 272-273.

Едва ли есть необходимость как-то комментировать приведенный выше пассаж. Кто стоит на точке зрения здравого смысла, тот не может отрицать такового и в рассуждениях Сталина. Кто же, что называется с порога, отвергает революцию как правомерное историческое явление в тот или иной период в жизни отдельных стран, тот, разумеется, скажет, что это — типичный пример двойных стандартов, яркий образец утилитарного прагматизма. То есть все зависит от того, с каких позиций и под каким углом зрения рассматривать сталинскую трактовку вопроса.

Ситуация, в которой оказался Сталина на посту наркома по делам национальностей, в своем роде была уникальной. Если все основные комиссариаты в той или иной степени имели своих предшественников в лице учреждений царского или Временного правительств, то Наркомнац (Народный комиссариат по делам национальностей) выделялся своей уникальностью. Каких-либо предшественников в прежних органах государственного управления он не имел. Поэтому все приходилось начинать буквально с самого начала. Единственный плюс состоял в том, что из-за отсутствия прежнего чиновничьего аппарата как такового в Наркомнаце меньше приходилось сталкиваться с таким повседневным тогда явлением, как саботаж со стороны прежних чиновников всякого уровня.

Очевидно, есть прямой смысл и необходимость в том, чтобы дать хотя бы самое общее описание функций и характера деятельности этого народного комиссариата. Задачи комиссариата заключались в том, чтобы на практике обеспечить осуществление национальной политики Советской власти. Иначе говоря, добиться реализации права народов России на самоопределение, равенство и суверенитет, свободное развитие. Важнейшим направлением практической работы являлось содействие организации национальных республик, областей и других национальных образований, ведение работы с национальными кадрами. Фокусом деятельности комиссариата была работа по упрочению в национальных районах завоеваний революции, преодоление экономической и культурной отсталости национальных окраин, воссоздание на новых началах государственного единства страны. Неотъемлемой частью работы народного комиссара и руководящих работников комиссариата являлось участие в различного рода переговорах и совещаниях, связанных с практическим решением возникавших проблем национального характера. Комиссариат проводил большую работу по воспитанию и укреплению отношений дружбы и сотрудничества между трудящимися всех национальностей; боролся с проявлениями шовинизма и национализма, сепаратизма.

В составе Наркомнаца в ноябре 1917г. были организованы комиссариаты по польским делам и по литовским делам; в январе 1918г. возникли комиссариаты: мусульманский, белорусский, еврейский, армянский, в марте — латышский. С апреля по июнь 1918г. были созданы отделы: эстонский, чувашский, киргизский, немецко-колонистов, украинский и чехословацкий. Национальные комиссариаты являлись основными органами Наркомнаца, в задачу которых входило: 1) информирование Советской власти о нуждах данной национальности, 2) информирование национальностей о всех шагах и мероприятиях Советской власти, 3) удовлетворение через органы Советской власти культурно-просветительных нужд масс населения данной национальности, 5) улаживание всякого рода конфликтов, возникавших между органами Советской власти и различными национальностями, и т. д. Эти комиссариаты первоначально вели работу с соответствующими национальностями практически по всем вопро-

сам. У них имелись отделы труда, беженцев, социального обеспечения, просвещения, земледелия, юридический и др.

С образованием национальных советских республик и после провозглашения на 3-м Всероссийском съезде Советов России Федерацией Советских Республик характер деятельности Наркомнаца существенно изменился: работа по вопросам культуры, просвещения, социального обеспечения перешла в ведение соответствующих республиканских наркоматов. Главной задачей Наркомнаца стало содействие организации становлению национальных республик и областей. В обязанности Наркомнаца входили: разработка проектов соответствующих мероприятий и внесение их во ВЦИК и СНК, объединение и направление работы национальных представительств отдельных автономных республик, областей и коммун при правительстве РСФСР, содействие автономным республикам, областям и коммунам в их сношениях с центральными учреждениями РСФСР, подготовка кадров политических работников нерусских национальностей, контроль за выполнением всеми учреждениями и должностными лицами Конституции РСФСР, декретов и постановлений СНК и ВЦИК по национальным вопросам и т. д.

При Наркомнаце в качестве совещательного органа действовал Совет национальностей,* в состав которого входили нарком (председатель), члены коллегии, председатели представительств автономных республик, областей и коммун, заведующие национальными отделами.

Важным направлением деятельности наркомата было издание литературы на языках ранее угнетенных народов. Существенной стороной деятельности наркомата являлось освещение жизни различных национальностей, обобщение опыта национального строительства, организация обмена опытом в области такого строительства. Одним из важных участков работы была подготовка и выработка различных программных документов по вопросам национальных отношений, организация съездов, конференций и совещаний, посвященных вопросам национальных отношений.

Наркомнац издавал свои печатные органы: газету (с 1922г. журнал) "Жизнь национальностей", журнал "Новый Восток" и другие печатные издания. На страницах "Жизни национальностей", фактическим редактором которой был Сталин, регулярно публиковались его выступления и статьи по национальному вопросу.

Наркомнац просуществовал более пяти лет и в 1923г. был упразднен в связи с образованием СССР. Численность наркомата была относительно большой и менялась в зависимости от обстоятельств и положения дел в республиках.**

* Любопытно обратить внимание на одну малоизвестную деталь. Когда на одном из заседаний Политбюро в мае 1920 года обсуждался вопрос о работе Наркомнаца и в связи с этим возникло предложение о создании в составе наркомата Совета национальностей, Л.Б. Каменев обменялся с Лениным записками. Он предлагал свою собственную кандидатуру в качестве председателя этого совета (как говорится, не страдал избытком скромности!), мотивируя это так: "Сталин только эксперт. Ставлю, — если это не будет обиды для Сталина — свою кандидатуру." (В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891 — 1922. М. 1999. С.338.) Однако это самовыдвижение не встретило, как видно из всего, поддержки со стороны Ленина и оказалось нереализованным. В соответствии с решением о реорганизации Наркомнаца был утвержден состав Совета национальностей во главе с наркомом Сталиным. (Там же. С. 340)

** Основные сведения о Народном комиссариате по делам национальностей и его структуре и функциях почерпнуты из Энциклопедии **Гражданская война и военная интервенция в СССР**. М. 1983. С. 369.

Как явствует из приведенного перечня задач, функций и структуры впервые созданного комиссариата, работы у нового наркома было более чем достаточно. В мемуарной литературе, касающейся этого периода политической деятельности Сталина, центр тяжести искусственно перемещен на те житейские трудности и проблемы, которые пришлось решать наркому. Главным, если не единственным источником информации при этом, служат воспоминания бывшего польского революционера, а затем большевика С.Пестковского.⁴⁰ На них ссылаются Троцкий и почти все более поздние биографы Сталина.

С точки зрения содержания и достоверности эти воспоминания вроде не вызывают каких-либо нареканий, учитывая время их написания: они были опубликованы еще до того, как началась волна безудержных восхвалений Сталина, неизменным спутником которой выступала историческая фальсификация. Эта фальсификация, если о ней судить по большому счету, принесла вреда Сталину гораздо больше, чем пользы: ибо польза была временной, сиюминутной, преходящей, а вред остался навсегда. Кажется, даже немного странным, что такой, бесспорно, дальновидный и дальнзоркий политический деятель, каким был Сталин, не смог сделать правильный выбор между преходящей политической выгодой и неоспоримым политическим и — даже больше — историческим вредом в долгосрочной перспективе.

Пестковский с самого образования Наркомнаца оказывал практическую помощь Сталину в организации работы наркомата.* Вскоре он стал его заместителем. Ссылаясь на воспоминания Пестковского и соответствующие фрагменты книги Троцкого о Сталине, американский автор Р.Такер пишет: “В этот период Сталин активнее, чем обычно, действовал в теперь уже привычной роли верного помощника Ленина по особым поручениям. Кабинет, который он и Пестковский занимали в Смольном, находился вблизи от кабинета Ленина. Сталина часто вызывали к Ленину по телефону, или же Ленин просто появлялся в дверях и уводил Сталина к себе. Однажды Пестковский, войдя в кабинет Ленина, застал обоих стоящими на стульях перед висевшей на стене большой картой России, по которой оба водили пальцами в северной ее части, где-то в районе Финляндии. Ночи Сталин часто проводил в одной из комнат Смольного, где был установлен телеграфный аппарат, по необходимости связываясь с политическими функционерами в любой точке страны. Троцкий, оспаривая правомерность мнения Пестковского о Сталине как заместителе Ленина, тем не менее подтверждает, что он, являясь «членом штаба Ленина, выполнял разные поручения»⁴¹

При объективном анализе общей картины совершенно очевидным представляется тот факт, что Ленин и Сталин работали в самом тесном контакте, поскольку в тот период национальные проблемы, наряду с вопросами войны и мира, находились в центре внимания всего большевистского руководства. Да и не было в большевистс-

⁴⁰ Они опубликованы в журнале “Пролетарская революция” 1930г., № 6.

* Большую организаторскую работу в комиссариате по иностранным делам проводил И.П.Товстуха, старый член партии, начавший работу со Сталиным в 1918г. Позднее, в 1921г. он перешел на работу непосредственно к Сталину, став заведующим его секретариатом. Кстати, Товстуха был первым официальным биографом Сталина, поместившим в энциклопедическом словаре “Гранат” краткую официальную биографию Сталина. (См. **Деятели СССР и Октябрьской революции**. Автобиографии и биографии. Часть III. С. 107-111.

⁴¹ Роберт Такер. Сталин. Т.1. С. 174-175.

кой партии человека, помимо самого Ленина, который бы так основательно владел национальной проблематикой. И, добавим, не только в чисто теоретическом плане, о чем уже шла речь выше, но и — это было в тот период особенно ценно и важно — в плане досконального знания конкретных национальных проблем в значительной части российских национальных окраин. С. Пестковский свидетельствует: «Ленин не мог обходиться без Сталина ни одного дня. Вероятно, с этой целью наш кабинет в Смольном находился «под боком» у Ленина. В течение дня он вызывал Сталина по телефону бесконечное число раз или же являлся в наш кабинет и уводил его с собой. Большую часть дня Сталин просиживал у Ленина. Что они всегда там делали, мне неизвестно...»⁴²

По причине сложности, а часто и деликатности национальных проблем, обсуждавшихся и решавшихся Наркомнацем, не могло не возникать споров и расхождений, что представляется делом вполне естественным и неизбежным. Пестковский свидетельствует, что такие споры и разногласия были характерны для коллегии комиссариата, причем отмечает, что «все члены коллегии по национальному вопросу стояли в оппозиции к Сталину, нередко оставляя своего народного комиссара в меньшинстве» Конечно, трудно себе представить, что буквально все члены коллегии проявляли столь единодушное отторжение Сталина как руководителя: в таком случае всякая работа была бы вообще немислима. А этого, разумеется, не было. Троцкий искусно обыгрывает данный эпизод и, хотя не пишет об этом прямо, но между строк проводит мысль о том, что в результате страдало дело и работа комиссариата была чуть ли не парализована. При этом он допускает явную подтасовку, утверждая: «По тексту конституции народный комиссар считался только председателем коллегии, состоявшей из полдюжины, а иногда и дюжины членов. Руководство ведомством было нелегко.»⁴³

Между тем конституция РСФСР прямо устанавливала: «Народный комиссар вправе единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего народного комиссариата, доводя о них до сведения коллегии. В случае несогласия коллегии с тем или иным решением народного комиссара коллегия, не приостанавливая исполнения решения, может обжаловать его в Совет народных комиссаров или в президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета советов.»⁴⁴

Конечно, Троцкий прав, когда он пишет, что руководить ведомством было нелегко. Но он явно грешит против истины, когда пытается изобразить дело таким образом, будто из-за неуживчивого и самовластного характера Сталина работа Наркомнаца шла не шатко, не валко. Да и тот же Пестковский замечает: «Сталин решил путем упорной работы перевоспитать нас... Здесь он проявил много выдержки и ума.»⁴⁵

Пытаясь, как говорится, все окончательно расставить по своим местам и сделать выводы обобщающего характера, с помощью которых можно было бы вынести окончательный вердикт Сталину как никчемному руководителю комиссариата и вообще личности, не обладавшей необходимыми для руководителя качествами, Троц-

⁴² Цит. по *Лев Троцкий*. Сталин. Т. 2. С. 37.

⁴³ Там же. С. 30.

⁴⁴ *Съезды Советов в постановлениях и резолюциях*. С. 84.

Цит. по *Лев Троцкий*. Сталин. Т. 2. С. 30.

кий в своей книге пишет: «Он имел власть, но этой власти было совершенно недостаточно, чтобы принуждать; приходилось убеждать. Для этого у Сталина не было данных. Противоречие между властностью натуры и недостатком интеллектуальных ресурсов создавало для него нестерпимое положение. Он не пользовался авторитетом в собственном ведомстве... Когда его терпение истощалось, он просто прятался «в самых неожиданных местах». Действительно ли он на кухне у коменданта обдумывал свои тезисы, можно сомневаться. Скорее он тяжело переживал про себя обиду и размышлял о том, как хорошо было бы, если бы несогласные не смели возражать. В то время ему, однако, и в голову не приходило, что наступит такой период, когда он будет только приказывать, а все остальные будут молчать и повиноваться.»⁴⁶

Я несколько увлекся рассмотрением ситуации в комиссариате по делам национальностей и тем, как противники Сталина пытались представить его деятельность даже в той сфере, где он был бесспорным специалистом. Впрочем, если отдельные детали и соответствовали действительности, они не могли нарисовать и не рисовали картины в целом. А она состояла в следующем: на протяжении более чем пяти лет он более или менее успешно руководил одним из самых трудных и самых важных в тот период участков государственной работы. К тому же, принимая во внимание черты характера Сталина, такие, как твердость и решительность, присущую ему грубость, настойчивость в достижении поставленной цели, трудно представить, что он вел себя подобно институтке, сталкиваясь с противодействием со стороны своих коллег по работе. Так что, в итоге, рассказы о его неумелом, сопровождавшемся сплошными спорами и склоками, руководстве Наркомнацем, оставив на совести их авторов. Этим, я надеюсь, не хочу подвести читателя к мысли, будто Сталин на посту комиссара по делам национальностей легко и просто решал все возникавшие проблемы, мгновенно находил «гениальное» или «единственно правильное» решение. Как говорится, обе эти оценки слишком далеки от истины, чтобы считать их сколько-нибудь серьезными. На самом деле шла кропотливая, полная поисков и ошибок, неожиданных поворотов и крутых зигзагов, работа. И с этой работой Сталин, безусловно, справлялся. Доказательством тому служит хотя бы тот факт, что он бесменно находился на этом посту практически весь период существования комиссариата по делам национальностей. И это при всем том, что данный пост являлся лишь одним из числа многих других, которые Сталин занимал в то время.

Когда речь заходит о спорах и конфликтах, происходивших у Сталина с отдельными членами коллегии наркомата, а также зачастую с представителями отдельных национальных образований, то ситуация объясняется отнюдь не характером Сталина, а существом проблем, вызывавших споры. Такие конфликты имели место и нередко арбитром в их решении выступал Ленин, а также Политбюро как фактически высший партийный орган. В качестве конкретного примера можно привести конфликт, возникший между ним и фракцией большевиков проходившего в Москве в мае 1918г. совещания татаро-башкирских Советов и мусульманских комиссариатов ряда губерний, на котором обсуждались вопросы созыва Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской Республики. Члены фракции, будучи противниками создания ТБСР, проявляли национальный нигилизм и выражали несогласие с разделяемой большин-

⁴⁶ Лев Троцкий. Сталин. Т. 2. С. 31.

ством участников совещания позицией Сталина по вопросам образования ТБСР (о расширении территории, увеличении представительства в комиссии по созыву Учредительного съезда и на самом съезде народностей, населяющих проектируемую республику). 16 мая 1918 г. члены фракции, после принятия совещанием решения о созыве Учредительного съезда ТБСР, осудив позицию И. В. Сталина, ушли с совещания.⁴⁷

Предмет спора был перенесен на Политбюро, которое в принципе поддерживало позицию Сталина, а не его оппонентов. В итоге обсуждения данного вопроса было вынесено следующее постановление: "По вопросу о Татаро-Башкирской Республике на заседании ЦК были приглашены два представителя партийной фракции происходящего в это время совещания местных людей. На самом совещании возник конфликт между т. Сталиным и членами фракции, которые и подали письменное заявление в ЦК. По обсуждении обеих точек зрения, ЦК принял резолюцию, удовлетворившую и представителей фракции, и т. Сталина".⁴⁸ Что это было за "соломоново решение", сказать трудно, но в целом восторжествовала точка зрения Сталина, который выступал против национального нигилизма. Причина проста — в нем он видел одну из серьезных угроз делу национального сплочения, что имело жизненно важное значение для победы Советской власти, в особенности на первых порах ее становления. Так что, как можно убедиться, вопрос упирался вовсе не в жесткость и неуступчивость Сталина, не в его амбиции как руководителя наркомата по делам национальностей, а в существо, причем принципиальное существо проблемы. К слову сказать, как раз в процессе возникновения и разрешения подобного рода конфликтов и столкновений и выработывалась практическая линия государства в области национальных отношений.

Кратко коснемся некоторых других сторон деятельности Сталина на самом первом этапе решения возникших национальных проблем. С конца 1917 г. и на протяжении ряда месяцев 1918 г. разгорался конфликт между Советской властью и Центральной украинской радой (она представляла собой режим, в своих существенных чертах сходный с правительством Керенского, с тем, однако, принципиальным отличием, что Рада находилась фактически под контролем германских войск).

Предоставим слово самому Сталину: "Говорят, что конфликт зародился на почве вопроса о самоопределении. Но это неверно. Рада предлагает установить в России федеративный строй. Совет же Народных Комиссаров идет дальше Рады, вплоть до права на отделение. Следовательно, разногласие между Советом Народных Комиссаров и Радой не в этом вопросе. Совершенно неправильно также утверждение Рады о централизме, как о пункте расхождения. Областные центры, построенные по типу Советов Народных Комиссаров (Сибирь, Белоруссия, Туркестан), обращались в Совет Народных Комиссаров за директивами. Совет Народных Комиссаров ответил: вы сами — власть на местах, сами же должны выработать директивы, следовательно, не в этом разногласие."⁴⁹

Сталин не только в качестве народного комиссара, но и члена высшего советского руководства активно участвовал в разрешении конфликта с Радой. Суть и содер-

⁴⁷ "Известия ЦК КПСС" 1989 г. № 8. С. 155.

⁴⁸ Там же. С. 144.

⁴⁹ *И. В. Сталин*. Соч. Т. 4. С. 15-16.

жание конфликта сводилась к тому, что Рада вела борьбу против Советской власти и выступала пособником германских оккупантов, марионеткой которых она в действительности и являлась. Известно, что конфликты и противоречия подобного рода решались отнюдь не в рамках переговоров, а на фронтах войны, с каждым днем все более полыхавшей в национальных окраинах России.

В этих условиях роль национального фактора как консолидирующей силы значительно возрастала. 5 декабря 1917г. Сталин заключает соглашение с представителями Белорусского областного комитета о совместной работе в целях укрепления Советской власти в Белоруссии. 31 декабря 1917г. в газетах публикуется декрет «О «Турецкой Армении»» за подписями Ленина и Сталина. В помещенной в тот же день статье, посвященной данной теме, Сталин со всей определенностью заявляет: «Пусть знают народы России, что русской революции и его правительству чужды стремления к захватам.»⁵⁰ В 1918–1920гг. Сталин участвует в многочисленных съездах и совещаниях, на которых рассматриваются и решаются вопросы национального строительства в Советской России, проблемы отношений с новыми властями национальных окраин бывшей Российской империи.

Один перечень всех этих мероприятий занял бы не одну страницу текста книги. Да, видимо, замысел и назначение книги, посвященной политической биографии Сталина, не требует того, чтобы со скрупулезной дотошностью осветить буквально каждый практический шаг, любое выступление Сталина по национальному вопросу. В данном разделе свою цель я усматриваю в том, чтобы обозначить основные вехи его деятельности на посту наркома по делам национальностей. Но главное – проследить эволюцию его воззрений на решение национального вопроса в новом Советском государстве, его конкретные взгляды относительно автономии, принципов национального строительства, вопросов борьбы с национализмом. Словом, всего того, что в полную силу скажется позднее, когда в его руках сосредоточатся главные рычаги партийного и государственного руководства. Представляется очевидным, что эти вопросы имеют не только сугубо исторический интерес, но, что самое важное, помогают понять внутренние пружины тех процессов в области национального строительства, которые в дальнейшем сыграли столь крупную роль в истории развития Советского Союза, а также в широкомасштабной внутрипартийной борьбе. Истоки некоторых, давших о себе знать в полную силу, разногласий и противостояний уходят своими истоками именно к рассматриваемому периоду.

Прежде всего хочется выделить и подчеркнуть постановку Сталиным вопроса о национализме и борьбе с ним. Предварительно необходимо заметить, что в рассматриваемый период общая стратегия и политика большевиков концентрировалась на том, чтобы привлечь на свою сторону широкие массы национальных окраин. Общепринятым в тот период был акцент не на борьбе против национализма, а на борьбе против шовинизма. Под последним, естественно, понимался великорусский шовинизм. Выше уже говорилось о реальной подоплеке такого подхода к вопросу о великорусском шовинизме как безусловном и чуть ли не естественном наследии национальной политики царизма.

Но какими бы политическими или тактическими соображениями ни руководствовались большевики, сосредоточивая огонь против русского шовинизма, фактом

⁵⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 26.

остается то, что оборотной стороной этого явления, так сказать, неизбежным порождением этой борьбы являлся рост националистических устремлений со стороны определенных кругов национальных окраин. Невольно напрашивается аналогия с последним, завершающим периодом существования Советского Союза, когда антикоммунистические силы в союзных республиках в национализме увидели одно из важнейших, если не самое важное средство свержения Советской власти. Они сделали свою главную ставку на национализм, запустив в широкий оборот всякие теоретические относительно национального угнетения и ущемления своих национальных прав. Национализм — это убедительно подтверждает не только опыт нашей собственной истории, но также и истории многих других государств — как раз и служит самым удобным и самым эффективным полем, на котором развертывается деятельность по разложению государственного единства и подрыва самих основ государственного существования.

Поэтому чрезвычайно примечательно, что еще в тот период, когда опасность национализма явно недооценивалась, а зачастую и попросту игнорировалась, не говоря уже о том, что часто использовалась как инструмент борьбы против интервенции и контрреволюции, Сталин считал необходимым подчеркнуть именно опасность национализма и необходимость борьбы против него. Ему по собственному политическому опыту была хорошо известна та грозная разрушительная мощь, которую таит в себе национализм.

Вот что он говорил на совещании по созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики в мае 1918 г.: “Национализм — это та последняя позиция, с которой нужно сбросить буржуазию, чтобы окончательно победить её. Но пройди мимо национального вопроса, игнорировать и отрицать его, как это делают некоторые наши товарищи, это еще не значит разбить национализм. Далеко нет! Национальный нигилизм только вредит делу социализма, играя наруку буржуазным националистам. Чтобы разбить национализм, нужно, прежде всего, поставить и разрешить национальный вопрос.”⁵¹ Здесь характерна сама постановка проблемы увязки борьбы против национализма с преодолением и искоренением национального нигилизма.

Такая постановка вопроса правомерна и базируется на исходной предпосылке: не что иное, как национальный нигилизм, пренебрежение к национальным интересам создают условия для роста национализма. Национальный нигилизм служит питательной почвой для развития и укрепления национализма. Забвение этой диалектической взаимосвязи слишком дорого обошлось Советской власти и коммунистам на последнем этапе существования СССР. Данный пример говорит сам за себя. Сталин выступает здесь как серьезный аналитик национального вопроса, углубляя и развивая положения и установки по национальному вопросу, которые были сформулированы им в предыдущих работах. Определенным творческим вкладом в обобщение теории и практики решения национального вопроса в Советской России стала и его работа “Октябрьский переворот и национальный вопрос”, опубликованная в двух номерах “Правды” в ноябре 1918 г.

Другим по-настоящему важным и злободневным вопросом был вопрос о соотношении федерализма и унитаризма. Федеративное устройство республики, есте-

⁵¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 91.

ственно, не могло не отражаться на централизации управления государством, всеми его органами, включая армию и т.д. Между федерализмом и централизмом существуют явные и значительные противоречия, особенно остро дающие о себе знать в условиях войны, других экстремальных ситуациях. В какой-то степени федерализм суживает возможности лучшей организации управления народным хозяйством, органами власти и управления вообще.

Это противоречие носило вполне объективный характер и нуждалось в разрешении. Большевики до Октябрьской революции отрицательно оценивали историческую роль федерации как формы государственного устройства. Такой же позиции придерживался и Сталин, о чем уже шла речь в соответствующей главе. Мотивировалась данная позиция тем, что федерация не отвечает условиям развития и расширения рынка в условиях империализма и служит своего рода анахронизмом, наносящим серьезный вред делу экономического, социального и политического развития стран с федеративным устройством. После победы революции в октябре 1917 года партия большевиков пересмотрела свои принципиальные установки в отношении федерации. Итогом всего этого и явилось построение Советской России на федеративных началах.

Однако реальное противоречие между федерализмом как системой государственного устройства и унитаризмом как наиболее подходящей формой управления, особенно в сложных условиях гражданской войны, существовало как факт данности. И это противоречие нужно было решать, чтобы обеспечить победу Советской власти на всей территории страны, в том числе и в национальных окраинах России. А что это было целью большевиков, ни у кого не вызывало ни малейших сомнений.

В руках большевиков был такой мощный инструмент, каким являлась российская коммунистическая партия, строившаяся отнюдь не на национальной основе. Она, хотя и состояла из отдельных национальных отрядов (Украинская, Грузинская, Азербайджанская и др. партии), но формировалась на строго централизованной основе, подчиняясь решениям и указаниям единого партийного центра. Именно это давало большевикам возможность при формальном существовании федерализма как системы государственного устройства на деле осуществлять управление страной из единого центра. А таковым был ЦК партии. Без наличия такого не просто приводного ремня, а мощного и отлаженного механизма взаимодействия, нельзя было и мечтать о сохранении власти большевиков, и тем более о распространении ее на национальные окраины России. Конечно, и такая система не избавляла от возникновения разного рода разногласий и противостояний, принимавших подчас самые острые формы. Однако все противоречия и разногласия решались в рамках Политбюро, игравшего на деле роль сверхправительства. Даже беглое ознакомление с перечнем обсуждавшихся на Политбюро вопросов, связанных с национальными проблемами, показывает, что весь этот блок вопросов был необычайно широк. В большевистской верхушке сложилась такая практика, когда даже второстепенные вопросы, как тогда говорили, “веримешель”, подлежали обсуждению и решению на Политбюро.⁵²

Сталин не сразу, а нехотя, шаг за шагом, с явной неохотой приходил к признанию федерализма как наиболее подходящей формы государственного устройства в

⁵² Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952. Каталог. Т. 1. 1919-1929. М. 2000.

условиях Советской власти.⁵³ Это видно из его беседы с сотрудником газеты “Правда”, опубликованной в апреле 1918г. В этой беседе он высказал оценку федерализма и перспективы его развития в США и Швейцарии, оказавшиеся явно несостоятельными. В частности, с убежденностью, явно не соответствовавшей тенденциям реального исторического развития, он утверждал: “История показала, что федерализм Америки и Швейцарии есть переходная ступень от независимости штатов и кантонов к полному их объединению. Федерализм оказался вполне целесообразной формой, как переходная ступень от независимости к империалистическому унитаризму, но он был изжит и отброшен, как только созрели условия для объединения штатов и кантонов в единое государственное целое...

В России политическое строительство идёт в обратном порядке. Здесь принудительный царистский унитаризм сменяется федерализмом добровольным для того, чтобы, с течением времени, федерализм уступил место такому же добровольному и братскому объединению трудовых масс всех наций и племён России. Федерализму в России...суждено, как и в Америке и Швейцарии, сыграть переходную роль — к будущему социалистическому унитаризму.”⁵³

Как видим, историческое предвидение Сталина оказалось несостоятельным как в отношении США и Швейцарии, так и России. Да это было скорее историческое заблуждение, чем историческое предвидение, на которое оно претендовало. Но здесь нам важно выделить и оттенить одну мысль: явную антипатию Сталина в этот период его политической деятельности к федерализму как форме государственного устройства. И хотя позже он признает ошибочность своей оценки перспектив развития федерализма как вполне приемлемой формы государственного устройства и при социализме, внутренняя, скрытая антипатия к федерализму у него наверняка сохранится. В этом мы сможем убедиться, обозревая дальнейшие этапы его политического пути.

Но как тогда, так и в дальнейшем, главный упор Сталин делает на укреплении единства многонационального государства. Эта мысль проходит красной нитью сквозь его многочисленные выступления и статьи по национальному вопросу. Я считаю уместным процитировать довольно обширный отрывок из его статьи, чем пытаться своими словами передать содержание его взглядов.

В статье, опубликованной в “Известиях” 9 февраля 1919г. под названием “Политика правительства по национальному вопросу”, Сталин анализирует причины распада старой России и отпадения от нее национальных окраин. Этот процесс начался, как известно, после Февральской революции. “Октябрьская революция и Брестский мир лишь углубили и развили дальше процесс распада, — пишет он. — Стали говорить уже не о России, а о Великороссии, причём образовавшиеся на окраинах буржуазные правительства, проникнутые враждой к социалистическому Советскому правительству в центре, объявили последнему войну.”⁵⁴

⁵³ Хотя такой довольно своеобразный переход Сталина на точку зрения признания федерализма и подтверждается многими фактами, у меня все равно остается впечатление, что субъективно он внутренне как-то отторгал федерализм.

⁵³ И.В.Сталин. Соч. Т. 4. 72-73.

⁵⁴ И.В.Сталин. Соч. Т. 4. С. 225.

Вместе с тем он подчеркивает мощное нарастание центростремительных тенденций, выражением чего, в частности, явилось установление федеративной связи Белорусской Республики с Россией (1919г). Как все это напоминает, по крайней мере с точки зрения внешней канвы, события современности. В конечном счете он заключает: “Так от распада старого империалистического единства **через** независимые советские республики народы России приходят к новому добровольному братскому единству.

Путь этот, несомненно, не из самых лёгких, но он — единственный путь, ведущий к прочному, нерушимому социалистическому союзу трудовых масс национальностей России.”⁵⁵

По мере упрочения Советской власти и приближения окончательной победы в ходе Гражданской войны меняется не только тональность, но и содержание многих высказываний Сталина, где речь идет о тенденциях отделения национальных окраин от России. Здесь он выступает как безусловный и безоговорочный сторонник единства России, объединения вокруг нее всех бывших национальных окраин. Он — и это можно сказать без малейшей натяжки — показывает себя последовательным государственным человеком. В программной статье “Политика Советской власти по национальному вопросу в России”, помещенной в “Правде” в октябре 1920г. он без всяких оговорок заявляет: “Требование отделения окраин от России, как форма отношений между центром и окраинами, должно быть исключено не только потому, что оно противоречит самой постановке вопроса об установлении союза между центром и окраинами, но, прежде всего, потому, что оно в корне противоречит интересам народных масс как центра, так и окраин.”⁵⁶

С таким подходом вполне согласуется и аргументация, использованная Сталиным для разоблачений тех, кто бросал в адрес Советской власти упреки в том, что она своей политикой и своими практическими действиями якобы разрывает на части единое тело российской государственности. Позволю себе опять привести выдержку из статьи Сталина, относящейся к февралю 1919г. и опубликованной в газете “Известия”: “Противники Советской власти не преминули ещё раз бросить ей обвинение в «новой попытке» расчленить Россию. Наиболее реакционные из них, учуяв тягу окраин к центру, провозгласили «новый» лозунг восстановления «Великой России», конечно, огнём и мечом, путём низвержения Советской власти. Красновы и Деникины, Колчаки и Чайковские, вчера еще пытавшиеся разбить Россию на ряд самостоятельных контрреволюционных очагов, сегодня вдруг прониклись «идеей» «всероссийского государства». Агенты англо-французского капитала, которым нельзя отказать в политическом нюхе, вчера еще игравшие на распад России, ныне повернули игру до того круто, что образовали сразу целых два «всероссийских» правительства (в Сибири и на юге). Всё это, несомненно, говорит о непобедимой тяге окраин к центру, использовать которую стараются ныне отечественные и иностранные контрреволюционеры.”⁵⁷

Бросая ретроспективный взгляд на события давно минувших дней, можно с некоторым основанием утверждать, что одной из важных причин победы большеви-

⁵⁵ Там же. С. 229.

⁵⁶ Там же. С. 352.

⁵⁷ *И.В. Сталин*. Соч. Т. 4. С. 227.

ков в противоборстве с белыми стало то, что они постепенно, шаг за шагом становились на позиции сохранения единого государства. Но, разумеется, на принципиально новой социально-классовой основе. Они как бы перехватили вначале чуждый им лозунг единой и неделимой России, но наполнили его новым реальным содержанием. В итоге история доказала, что сама эта идея, этот лозунг именно благодаря большевикам стали фактом российской действительности, т.е. идею они воплотили в жизнь. А это гораздо важнее и ценнее, чем громогласно провозглашать лозунг и фактически делать все, чтобы он на практике был торпедирован близоруккой, чисто декларативной политикой.

И, наконец, последний, по счету, но не по важности, вопрос об автономии. Факты показывают, что именно в автономии Сталин видел наиболее целесообразную форму организации государственной власти в России. В этом нельзя не видеть, если подходить с позиций широкой исторической перспективы, фундаментальный подход Сталина как прежде всего государственника, озабоченного в первую голову укреплением единого и централизованного государства. Именно такое государство, если договаривать то, о чем он предпочитал по тактическим и иным мотивам умалчивать, в наилучшей форме и наиболее эффективным способом служит интересам как классовым, так и общенародным. В конечном счете, в рассуждениях Сталина о преимуществах и достоинствах автономии проглядывает забота об общегосударственных интересах, ясно выражается идея примата этих интересов над местными, национальными интересами. Окрашенное в тона той бурной эпохи, это понимание было дальновзорким, выходящим за горизонты текущих задач и потребностей Советской власти. Оно четко ориентировано на долгосрочную перспективу и принимало в расчет всякое неожиданное развитие событий, связанное с национальными проблемами.

Еще раз воспользуюсь случаем, чтобы изложить его понимание и толкование содержания и природы советской автономии его же собственными словами. Поскольку в изложении его мыслей можно невзначай утерять важные нюансы.

В солидной, достаточно аргументированной и логически выверенной статье "Политика Советской власти по национальному вопросу", помещенной в "Правде" в октябре 1920г. он писал: "Некоторые товарищи смотрят на автономные республики в России и вообще на советскую автономию как на временное, хотя и необходимое зло, которое нельзя было не допустить ввиду некоторых обстоятельств, но с которым нужно бороться, чтобы со временем устранить его. Едва ли нужно доказывать, что взгляд этот в корне неверен и, во всяком случае, не имеет ничего общего с политикой Советской власти по национальному вопросу. Советскую автономию нельзя рассматривать как нечто абстрактное и надуманное, тем более её нельзя считать пустым декларативным обещанием. Советская автономия есть самая реальная, самая конкретная форма объединения окраин с центральной Россией. Никто не станет отрицать, что Украина, Азербайджан, Туркестан, Киргизия, Башкирия, Татария и другие окраины, поскольку они стремятся к культурному и материальному процветанию народных масс, не могут обойтись без родной школы, без суда, администрации, органов власти, составленных преимущественно из местных людей. Более того, действительная советизация этих областей, превращение их в советские страны, тесно связанные с центральной Россией в одно государственное целое, **немыслимы** без широкой организации местной школы, без создания суда, администрации, органов власти и пр. из людей, знающих быт и язык населения. Но поставить школу, суд, администрацию, орга-

ны власти на родном языке – это именно и значит осуществить на деле советскую автономию, ибо советская автономия есть не что иное, как сумма всех этих институтов, облечённых в украинскую, туркестанскую, киргизскую и т. д. формы.⁵⁸

Здесь комментарии, как говорят, излишни. Совершенно четко и однозначно выражена мысль о том, что все национальные окраины, включая Украину, должны входить в состав единого Российского государства. При этом предусматривались все необходимые гарантии соблюдения их национальных интересов в области культуры, образования, организации органов власти, языка и т. д. Словом, широкая автономия со всеми вытекающими из этого последствиями. Причем Сталин в этой же статье решительно и категорически высказывается против так называемой культурно-национальной автономии, указывая на то, что сами пропагандисты этой концепции бундовцы вынуждены были признать ее нежизненный характер.

Думаю, что без лишних доказательств следует, что именно в эти годы Сталин приходит к своей знаменитой теории автономизации, которая стала камнем преткновения и одним из главных источников его будущего политического конфликта с Лениным. Именно отсюда ведут нити, которые превратили вопрос о принципах построения единого советского государства в предмет открытого и жесткого противоборства в большевистской верхушке.

Всматриваясь в описываемую эпоху глазами человека сегодняшнего дня, нельзя не отметить следующего обстоятельства. Тогда взоры практически всех революционеров, разделявших марксистскую теорию пролетарской революции, были в основном, если не целиком и полностью, обращены к Западу. Отсюда, из наиболее развитых капиталистических стран Европы, они ожидали прихода революции, без помощи которой Октябрьский переворот, как им казалось, мог стать просто-напросто историческим экспериментом. Не переворотом в смысле коренного изменения всей социально-экономической и политической структуры общества, а в узком смысле просто государственного переворота. Данного сюжета я уже вскользь касался в предыдущих главах. Но каждый раз он вырисовывается под каким-то неожиданно новым углом зрения и ставит вопросы, на которые надо давать ответы. Поэтому внешне схожие по тематике сюжеты в каждом конкретном случае обретают несколько иное звучание. Отсюда и необходимость вновь и вновь возвращаться к ним.

Нельзя сказать, что Ленин и его сторонники, уповая на революцию в европейских странах, вообще выпускали из виду Азию и Восток в целом. В ленинских работах встречается немало указаний на то, что необходимо уделять серьезное внимание проблеме пробуждения таких стран, как Китай, Индия и т. д., поскольку в них сосредоточен потенциально неисчерпаемый источник революционной волны. Однако все же главным полем революционного притяжения рассматривалась Европа. В значительной мере из-за неудачи ноябрьской революции 1918 года в Германии и краха революции в Венгрии в 1919 году оптимистические надежды на скорый приход западной революции на помощь российской если не исчезли полностью, то оказались сильно подорванными. Революционные иллюзии разбились о суровую реальность: всерьез говорить о каком-то скором – в чисто временном, а не историческом измерении –

⁵⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 358-359.

начале революционного подъема в странах Европы было можно лишь в том случае, если сознательно закрывать глаза на действительное положение дел.

В заслугу Сталина можно поставить то, что он одним из первых, если не первый, со всей значимостью поставил вопрос о Востоке как наиболее реальном очаге возгорания революционного пожара. Как ни покажется странным, но мне думается, что глубинной психологической подосновой того, что он обратил свои взоры в сторону Востока, стало его слабое знакомство с ситуацией в западных странах. Сам факт того, что он всю жизнь провел в России и не находился долгие годы в эмиграции, сыграл не отрицательную, а скорее положительную роль. Не будучи глубоко знаком с подлинной ситуацией в странах капиталистической Европы, он не питал многих иллюзий, жертвами которых явились российские революционеры, для которых время, проведенное в изгнании, стало источником несбыточных надежд на революционный подъем "в передовой Европе"

Доказательством того, что Сталин нарастанию революционного движения на Востоке придавал большее значение, чем надеждам на революционный взрыв в Европе, служат некоторые положения из статей и выступлений, посвященных данной проблеме. Причем надо особо оговорить, что по вполне объяснимым причинам он не мог открыто противопоставлять дремавшую в полуполитаргическом "революционном" сне капиталистическую Европу начинавшему бурлить Востоку. Это могло быть воспринято в качестве недопустимой с марксистской точки зрения ереси. Но даже из того, что он писал вполне логично сделать такие выводы.

В статье "Октябрьский переворот и национальный вопрос", опубликованной в "Правде" ноябре 1918г. он писал: "Великое мировое значение Октябрьского переворота в том, главным образом, и состоит, что он:

1) расширил рамки национального вопроса, превратив его из частного вопроса о борьбе с национальным гнётом в Европе в общий вопрос об освобождении угнетённых народов, колоний и полуколоний от империализма;

2) открыл широкие возможности и действительные пути для этого освобождения, чем значительно облегчил угнетённым народам Запада и Востока дело их освобождения, втянув их в общее русло победоносной борьбы с империализмом;

3) перебросил тем самым мост между социалистическим Западом и порабощенным Востоком, построив новый фронт революций, от пролетариев Запада через российскую революцию до угнетённых народов Востока, против мирового империализма."⁵⁹

Конечно, говоря о социалистическом Западе, Сталин мог подразумевать тогда только Россию, поскольку весь остальной Запад был капиталистическим. Да и сама Россия не относилась к сугубо европейским державам, она скорее являла собой своеобразное сочетание Европы и Азии. В русской политической мысли в то время были достаточно широко распространены идеи евразийства, к которым Сталин, видимо, инстинктивно питал определенные симпатии. Я не располагаю какими-либо фактами и доказательствами, способными подтвердить это мое предположение. Но, как покажет дальнейшая его политическая деятельность уже в ипостаси руководителя Советского государства, к некоторым положениям евразийства он склонялся на прак-

⁵⁹ И.В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 166.

тике. Не разделяя всей совокупности концепций евразийства, он явно тяготел к той их составляющей, которая имеет непосредственное отношение к выводам геополитического плана.

Популярный лозунг “Не забывайте Востока!” он наполнял реальным содержанием, причем делал это не только в силу своего служебного долга как наркома по делам национальностей, а как теоретик и практик национального вопроса. “Задача коммунизма — разбить вековую спячку угнетённых народов Востока, заразить рабочих и крестьян этих стран освобождающим духом революции, поднять их на борьбу с империализмом и лишить, таким образом, мировой империализм его «надёжнейшего» тыла, его «неисчерпаемого» резерва, — писал он в статье, помещенной в газете “Жизнь национальностей” в ноябре 1918г. — Без этого нечего и думать об окончательном торжестве социализма, о полной победе над империализмом.

Революция в России первая подняла угнетённые народы Востока на борьбу с империализмом.... нужно раз навсегда усвоить ту истину, что, кто хочет торжества социализма, тот не может забыть о Востоке.”⁶⁰

Пристальное внимание в эти годы Сталин уделял национальной проблематике, связанной с Закавказьем и Северным Кавказом. Положение здесь ему было досконально знакомо по прошлой работе в Закавказье. Все, сколько-нибудь важные, связанные не только с национальными, но и иными, в том числе военными, вопросами, решались в центре с непременным участием Сталина. Приведу в связи с этим очень показательный факт, относящийся к лету 1919 года. На совместном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК обсуждался вопрос об азербайджанской партии “Гуммет”, которая стояла на позициях в принципе близких к большевистским. Сталин на этом заседании отсутствовал. И вот какое решение было принято: “О признании партии «Гуммет» самостоятельной коммунистической партией Азербайджана, с правами областного комитета партии и о признании Азербайджана независимой советской республикой.—Признать, что ЦК принципиально не возражает против предложения партии «Гуммет» с тем, чтобы окончательное решение вопроса были предоставлено Закавказскому Краевому Комитету РКП, предварительно сообщить это решение т. Сталину и считать его состоявшимся лишь в том случае, если с его стороны не будет возражения. То же решение относится целиком и к признанию независимого Азербайджана.”⁶¹

Все разговоры о том, что Сталин в то время выступал на политической сцене лишь в вторых рядах и не оказывал влияния на принятие принципиальных решений, как видно, убедительно опровергаются фактами. А таких фактов можно было бы привести немало. Столь же несостоятельны и попытки изобразить его в качестве своего рода тени Ленина, в амплу деятеля, который лишь послушно шел за своим учителем, стараясь таким политическим подхалимажем закрепить свои позиции в партийном руководстве. Было и в рассматриваемый период немало случаев, когда по тому или иному конкретному вопросу он оказывался в оппозиции к Ленину, что само по себе, по оценкам некоторых западных авторов, свидетельствовало об интеллектуальной самостоятельности Сталина. Так, в том же заседании ЦК, где рассматривался

⁶⁰ Там же. С. 172-173.

⁶¹ “Известия ЦК КПСС.” 1990 г. № 2. С. 150.

вопрос о конфликте Сталина по поводу образования Татаро-Башкирской республики, зафиксирован следующий момент: “За тезисы т. Ленина голосовали все, кроме Сокольникова и Сталина. Присоединился к тезисам т. Ленина и т. Троцкий, впоследствии и т. Зиновьев от имени большинства членов ЦК, живущих в Петрограде.”⁶²

Но вернемся непосредственно к существу рассматриваемого вопроса. Надо хотя бы одной фразой отметить, что не остается вне поля внимания Сталина и ситуация в Туркестане, где также бушевала гражданская война и социально-экономические и политические проблемы тесно переплетались с национальными. Равным образом это касается и многих других, по существу, всех национальных окраин.

В связи с приближением окончания Гражданской войны удельный вес и значимость национальных проблем значительно возрастают. Подготовка к переходу к мирному строительству и залечиванию ран войны ставит перед страной все новые и новые задачи, в частности, связанные с национальным размежеванием на Северном Кавказе. Ситуация там отличалась особой сложностью и пестротой. Даже по нашему современному положению на Северном Кавказе видно, как трудноразрешимы и чрезвычайно запутаны вопросы национальных отношений в этом регионе России. Тогда они по своей сложности были еще более серьезными, требовавшими тщательного анализа ситуации, дававшего гарантию от шаблонных подходов и скороспелых решений. Здесь знание Сталиным конкретного положения дел и достаточно высокий личный авторитет вдобавок к широким полномочиям, которыми его наделил Центр, помогли успешно решить многие из остро стоявших проблем.

Октябрь-ноябрь 1920 года Сталин посвящает практической работе на Северном Кавказе, куда он отправляется со специальной миссией. Здесь с его участием состоялся съезд народов Терской области, на котором он делает доклад “О советской автономии Терской области”. В этом докладе со всей откровенностью были поставлены многие вопросы, которые разделяли местное население, в частности, горцев и казаков. Отдав должное каждому, высказав резкое осуждение действий определенных слоев казачества, выступавших против Советской власти, Сталин вместе с тем подверг суровой критике и поведение горцев, совершавших различные бесчинства в отношении иногородних, в основном казаков.

Такой справедливый, я бы сказал, по-настоящему объективный подход, являлся единственно правильным. Нельзя было слепо становиться только на одну сторону, ущемляя права другой стороны. Это породило бы еще больше проблем и завело дело национального размежевания и примирения в окончательный тупик. Сталин заявил: “Горцы должны знать, что Советская власть защищает граждан России одинаково, без различия национальности, всё равно, являются ли они казаками или горцами. Следует помнить, что если горцы не прекратят бесчинств, Советская власть покарает их со всей строгостью революционной власти.”⁶³

Неверно было бы полагать, что Сталин приехал на Кавказ с целью запугивания непокорных горцев или взбунтовавших казаков. Он от имени центральной власти демонстрировал практическое применение принципа равенства всех народов. Более того, его выступлению присуще и чувство терпимости, которую Советская власть

⁶² “Известия ЦК КПСС.” 1989г. № 8. С.144.

⁶³ *И.В. Сталин.* Соч. Т. 4. С. 400.

готова была проявить, коль речь шла об учете национальных обычаев и привычек. В частности, он говорил: “У каждого народа, у чеченцев, у ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, а также у оставшихся на автономной горской территории казаков должен быть свой национальный Совет, управляющий делами соответствующих народов применительно к быту и особенностям последних. Я уже не говорю об иногородних, которые были и остаются верными сынами Советской России и за которых Советская власть всегда будет стоять горой.”⁶⁴ Характерно и его замечание относительно пожеланий мусульман: “Если будет доказано, что будет нужен шариат, пусть будет шариат. Советская власть не думает объявить войну шариату.”⁶⁵

В плане исторической ретроспективы практическое решение национальных проблем на Северном Кавказе при самом активном участии Сталина представляет несомненный интерес. Здесь проявились не только его твердость и жесткость, но и определенная уступчивость и терпимость. В дальнейшем, правда, от такой гибкости и терпимости Сталина осталось немного, разве что приятные воспоминания. Но это уже предмет другого разговора.

Завершение в основном гражданской войны на территории России в 1920 году поставило перед Москвой вопрос о дальнейшей судьбе бывших национальных окраин, обретших государственную независимость. В европейской части бывшей Российской империи проблема отношений с национальными республиками фактически решалась в ходе самой Гражданской войны. Ход и исход этой войны предопределяли будущий характер связей между этими так называемыми национальными окраинами и Великороссией, т.е. Москвой. Победившая сторона в войне обладала твердой дисциплиной и жесткой централизацией, осуществлявшейся через партийные механизмы. Формально независимые Украина, Белоруссия были связаны с РСФСР договорами, которые представляли собой достаточную правовую основу для налаживания самых тесных связей по всем направлениям. Но благодаря тому, что правящие партии этих республик были фактически филиалами Российской коммунистической партии, осуществлять единое централизованное руководство было делом достаточно налаженным. Конечно, в рамках даже таких отношений порой возникали всякого рода трудности и трения, однако их урегулирование, опять-таки, прежде всего через партийные каналы, если говорить в самом общем виде, не составляло неразрешимых проблем. По крайней мере, ситуации никогда не выходили из-под контроля настолько, чтобы серьезно осложнить так называемые межгосударственные отношения.

Роль Сталина в становлении Советской власти на Украине и вообще его участие в решении украинских дел в работах о Сталине освещены слабо. Это само по себе не может служить поводом для того, чтобы умалять, а тем более отрицать его прямую причастность к проблемам Украины. Начиная с того времени, когда он в 1918 году вел по поручению Центра переговоры с Центральной украинской радой и кончая периодом окончательного установления власти большевиков на Украине, Сталин самым непосредственным образом был вовлечен в обсуждение и решение украинских проблем, выступал своего рода представителем центральной власти в делах Украины. Это отражено в документах и материалах того периода. Об этом же свидетельствует

⁶⁴ *И.В. Сталин*. Соч. Т.4. С. 401-402.

⁶⁵ Там же. С. 402.

и то, что он избирался в состав ЦК компартии Украины, избирался делегатом IX съезда РКП(б) от украинской партийной организации. Словом, украинская проблематика занимала видное место в его общепартийной и государственной работе. Естественно поэтому, что он был хорошо знаком как с общей ситуацией на Украине, так и с конкретными ее проблемами. Более подробно осветить это направление его политической деятельности не позволяют сами рамки предлагаемой вниманию читателя книги.

Однако особую заинтересованность и особо пристальное внимание Сталина привлекало Закавказье, в частности Грузия — его родина. Можно без всяких натяжек сказать, что в вопросах, касающихся Закавказья, в особенности Грузии и Азербайджана, он выступал как первоклассный знаток. Проблемы этих республик были досконально известны ему по прежней революционной работе, он прекрасно знал все нюансы положения в этих республиках, лично был знаком со всеми сколько-нибудь влиятельными деятелями этих национальных окраин. Причем не только с большевиками, занимавшимися практической революционной деятельностью в данный период в этих республиках, но и с представителями новых властей Грузии и Азербайджана. Ведь еще совсем недавно с такими людьми, как Жордания, Церетели и др. он находился в формально единой партии. Как говорится, он знал их не понаслышке, прекрасно понимал их общую политическую философию, мог легко представить линию их поведения в той или иной ситуации. В лице Сталина меньшевики, правившие тогда Грузией, имели опасного и грозного противника.

Учитывая позицию Сталина, неизменно выступавшего против отделения Грузии от России, они выливали на него ушатy грязи, обвиняя в «измене и предательстве своей родины». Примечательно в этой связи, что после того, как большинство из руководящих деятелей меньшевистской Грузии оказалось в эмиграции на Западе, именно из их среды раздавалось больше всего хулы по адресу Сталина-грузина. На Западе было опубликовано немало мемуаров, статей и других материалов, в которых наряду с принципиальной критикой Сталина как политического и государственного деятеля, содержалась масса выпадов и прямых измышлений откровенно клеветнического характера. Ярким образчиком такого рода обвинений служат пассажи, посвященные Кобе-Сталину, в воспоминаниях грузинского социал-демократа Г.Уратадзе, на которые я уже ссылался в предыдущих главах. Интересен, например, отрывок из его воспоминаний, относящийся к 1920 году, когда он в составе делегации грузинского меньшевистского правительства приехал в Москву для переговоров о заключении договора с Советской Россией. Этот пассаж стоит того, чтобы его процитировать:

«У известного грузинского поэта Р. Эристави есть одно прекрасное стихотворение под заглавием: «Родина». Начинается оно так: «Где родился я, где вырос, где находятся могилы моих предков — вот родина моя» (свободный перевод). Знал ли Сталин, или лучше сказать, — помнил ли Сталин, где родился, где вырос, где находилась могила его предков? Я думаю, что нет. Или вернее — может быть знал и помнил, но безусловно не чувствовал.

Я знал его многие годы по общей работе в одной партии, сидели мы вместе в тюрьме, когда мы оба были молоды, — а молодость ведь никогда не забывается, — и я не помню, чтобы что-нибудь «человеческое» его увлекало. Его «мизантропство» слишком рельефно изнутри выпирало наружу. После долгих лет и после стольких общественных переворотов я встретился с ним в Москве впервые в апреле 1920-го года.

Хи. м. Он — комиссар Советской России, а я — особоуполномоченный правительства его «родины» Грузии по заключению с этой Россией мирного договора.

Я зашел к нему, и что же? Обрадовался он встрече со мной? Ничуть не бывало. Он поздоровался со мной, правда, улыбнулся, но и то не полным ртом. Не спросил даже, как я очутился в Москве, что творится на его «родине», как живут его знакомые, товарищи.⁶⁶

Словам (а не оценкам) Урутадзе, конечно, можно верить. Но, с другой стороны, как мог повести себя Сталин, отличавшийся особой непримиримостью к своим политическими противникам, в первую очередь грузинским меньшевикам? Думается, что Сталин-Коба был бы совсем не похож на себя, если бы повел себя как-то иначе, т.е. чисто дипломатически. Ведь оба находились по разные стороны не только политических, но и человеческих баррикад.

Подъем протестного движения в Грузии, а также в других закавказских республиках, заставил их правительства вступить на путь поисков соглашения с Москвой. В результате провала походов Антанты рассчитывать на прямую военную помощь и поддержку Англии и Франции уже не приходилось. 7 мая 1920 г. в Москве был подписан договор между РСФСР и Грузией, по условиям которого Грузия признавалась независимым суверенным государством. В договор были включены и условия, налагавшие на Грузию, в частности, обязанность очистить территорию от всех иностранных войск и белогвардейских формирований и другие пункты, которые, если рассматривать их с точки зрения норм международного права, являлись явным вмешательством в ее внутренние дела. Хотя некоторые (в частности, Урутадзе) утверждают, что Сталин был противником подписания такого договора, поскольку, мол, договор означал отрыв Грузии от России, мне кажется, что для таких утверждений существует мало оснований. Сталин прекрасно понимал, что этот договор — акт явно временного, если не сказать кратковременного действия. Пройдет всего менее года, как ситуация в корне изменится и договор будет похоронен. Как расчетливый тактик он понимал необходимость заключения в той международной ситуации подобного договора, и едва ли мог возражать против его заключения.

Косвенным подтверждением может служить следующий факт. В ноябре 1920 г. во время своей поездки в Баку в частной беседе с бакинскими партийными лидерами Сталин заявил: «Грузия сейчас в положении невесты, у которой много женихов — все с ней заигрывают, а она чванится. И мы с ней заигрываем, чтобы что-нибудь извлечь. Здесь Антанта хочет создать союз против нас. Мы, конечно, Грузию на свою сторону не перетянем, но разложение в правительстве Грузии мы усилим и выдачей по капле нефти затормозим дело боевого союза между Грузией и Антантой. А потом факты покажут, как лучше.»⁶⁷

Формально со стороны Москвы не раз высказывались уверения в уважении суверенитета и невмешательства во внутренние дела закавказских республик. Политбюро утвердило даже внутреннюю инструкцию Реввоенсовету кавказского фронта советским дипломатическим представителям в Грузии, Армении и кемалистской

⁶⁶ Григорий Урутадзе. Воспоминания грузинского социал-демократа. С. 68.

⁶⁷ Хармандарян С. В. Ленин и становление Закавказской Федерации. 1921–1923. Ереван, 1969. С. 47.

Турции. В инструкции говорилось, что «советские власти должны воздерживаться от всяких вызывающих или недружелюбных действий по отношению к этим республикам, могущих повести к нарушению добрососедских отношений с ними....»⁶⁸ Однако все это было ничем иным, как чисто дипломатическим прикрытием. Москва, опираясь на большевистские организации в республиках Закавказья, численность которых быстрыми темпами росла и масштабы деятельности которых становились все более широкими, готовилась к осуществлению советизации Закавказья. Первой республикой, в которой была установлена Советская власть, в решающей степени благодаря военной помощи Красной армии, стал Азербайджан. За ним последовали Грузия и Армения.

Если судить по свидетельствам Троцкого, вопрос о военном способе решения грузинской проблемы, т.е. вторжении Красной армии в Грузию, был решен в результате нажима со стороны Сталина, опиравшегося на своего верного сторонника в этом вопросе Орджоникидзе. Сам Троцкий выражал сомнения в выборе момента и метода советизации. Однако Ленин принял сторону Сталина и Орджоникидзе и Красная армия вторглась в Грузию в феврале 1921 г. меньшевистское правительство пало и была провозглашена Советская власть. Примерно аналогичным образом развивались события и в Армении. Однако, я полагаю, что детализация общей картины установления Советской власти в Закавказье мало что прибавит к общей оценке роли и поведения Сталина в данном вопросе. Сказанное выше уже дает контуры общей картины и того, как и какими методами осуществлялась советизация республик Закавказья. В каких-то деталях и нюансах процесс советизации Закавказья отличался от общего процесса утверждения Советской власти в национальных окраинах бывшей Российской империи. Но не эти детали и нюансы определяли содержание данного процесса в целом. Если говорить обобщенно, то речь шла о восстановлении единства Российского государства. Хотя основы, на которых возрождалось это единство и принципы, на которых оно воплощалось в жизнь, были совершенно иными, отличными от прежних, самое главное и самое исторически значимое состояло в самом факте восстановления единого государственного пространства страны.

Рассмотрение вопроса о роли Сталина в выработке и проведении национальной политики Советской власти в первый период ее существования (имеется в виду период до образования СССР) будет неполным, если мы не затронем хотя бы в самом обобщенном виде его доклады и выступления на съездах партии того исторического периода, где прямо или косвенно обсуждался национальный вопрос.

На VIII съезде (март 1919г) национальный вопрос обсуждался лишь в контексте принятия новой программы партии. Как уже отмечалось выше, Сталин был членом комиссии по выработке проекта программы, а также военной комиссии и, естественно, не мог не принимать участия в обсуждении этих вопросов. Любопытно в связи с этим отметить одно обстоятельство. В протоколах съезда он отсутствует в списке делегатов как с правом решающего, так и с правом совещательного голоса. Хотя на самом съезде предлагался и в состав президиума (в числе других в дополнение к списку членов президиума, предложенных первоначально), но это предложение принято не было.⁶⁹ Кстати, стоит отметить одну примечательную деталь: на этом съезде серь-

⁶⁸ История Коммунистической партии Советского Союза. М. 1968. Т. 3. Книга вторая. С. 526.

⁶⁹ Протоколы VIII съезда РКП(б). М. 1933. С. 9.

езной критике подвергалось отсутствие коллегиальности в работе ЦК, что в первую очередь относилось, очевидно, к Ленину, но косвенно касалось и Сталина. Делегат В.Осинский без всяких обиняков заявил: «Надо поставить вопрос прямо. У нас было не коллегиальное, а единоличное решение вопросов. Организационная работа ЦК сводилась к деятельности одного товарища Свердлова. На одном человеке держались все нити. Это было положение ненормальное. То же самое надо сказать и о политической работе Центрального комитета. За этот период между съездами у нас не было товарищеского коллегиального обсуждения и решения. Мы должны это констатировать. Центральный комитет, как коллегия, фактически не существовал.»⁷⁰

На Сталина как на своего рода авторитет в национальном вопросе ссылался докладчик по вопросу о принятии новой партийной программы Н.И.Бухарин: «В комиссии я, опираясь на заявление, сделанное т. Сталиным на III съезде советов, предлагал формулу: самоопределение трудящихся классов каждой нации.»⁷¹ Другой делегат Д.Рязанов, слывший (и вполне правомерно) блестящим знатоком трудов основоположников марксизма, полемизируя с Бухариным заявил, что «та формулировка, которую он повторяет за т. Сталиным — самоопределение трудящихся классов, — как объективный критерий так же несостоятельна, как и формула права наций на самоопределение.»⁷²

Развернувшаяся на съезде дискуссия, с активным участием Ленина, завершилась тем, что сталинская трактовка права наций на самоопределение как права, которое распространяется не на нацию вообще, а только на трудящиеся классы, была отвергнута как несостоятельная, несоответствующая реалиям действительности. Сам Сталин не настаивал на своей формулировке, видя, очевидно, ее ограниченность и ущербность в плане развертывания национально-освободительной борьбы народов вообще. Особенно если иметь в виду не только существовавшую тогда ситуацию, но и возможные перспективы ее развития. Столь ограниченная интерпретация содержания права на самоопределение не только сужала поле его применения, но и таила в себе потенциальную опасность оттолкнуть от коммунистов широкие общедемократические движения в странах Востока.

Следующим форумом большевиков, на котором национальная проблематика заняла достаточно видное место, был X съезд РКП(б) — март 1921 г. В каком-то смысле этот съезд знаменовал собой начало определенного поворота в национальной политике. Докладчиком по национальному вопросу был назначен Сталин, заблаговременно опубликовавший тезисы своего доклада в партийной печати. Стержневым пунктом тезисов стало положение о борьбе против великорусского шовинизма. Вот как оно формулировалось в тезисах: «... работающие на окраинах великорусские коммунисты, выросшие в условиях существования «державной» нации и не знавшие национального гнета, нередко преуменьшают значение национальных особенностей в партийной работе, либо вовсе не считаются с ними, не учитывают в своей работе особенностей классового строения, культуры, быта, исторического прошлого данной национальности, вульгаризируя, таким образом, и искажая политику партии в нацио-

Там же. С. 30.

Там же. С. 49.

⁷² Там же. С. 70-71.

нальном вопросе. Это обстоятельство ведет к уклону от коммунизма в сторону великодержавности, колониаторства, великорусского шовинизма.”⁷³

Но сосредоточить удар только против великодержавного шовинизма, не указав и на опасность местного национализма, было бы большой стратегической и политической ошибкой большевиков. Такая постановка вопроса ставила бы под сомнение само существование Российской Федерации, а тем более перспективы объединения с Россией национальных республик. Поэтому осуждению подвергся и национализм, хотя в выражениях куда более мягких. В тех же тезисах сравнительная опасность обоих этих уклонов была определена так: “Съезд, решительно осуждая оба эти уклона, как вредные и опасные для дела коммунизма, считает нужным указать на особую опасность и особый вред первого уклона, уклона в сторону великодержавности, колониаторства. Съезд напоминает, что без преодоления колониаторских и националистических пережитков в партийных рядах невозможно создать на окраинах крепкие и связанные с массами действительно коммунистические организации, сплачивающие в своих рядах пролетарские элементы местного и русского населения на основе интернационализма. Съезд считает поэтому, что ликвидация националистических и, в первую голову, колониаторских шатаний в коммунизме, является одной из важнейших задач партии на окраинах.”⁷⁴

Итак, на первый план выступила борьба против великодержавного шовинизма как одной из новых форм проявления колониализма. Причем едва ли не застрельщиком этой борьбы выступил сам Сталин. Справедливости ради, следует заметить, что инициатором такой постановки вопроса был на самом деле Ленин, в одном из своих выступлений обрушившийся на так называемое русопетство (в другом варианте — русопятство). Под этими уничижительными терминами подразумевался великорусский шовинизм.

В развернувшейся на съезде дискуссии тезисы и доклад Сталина подверглись достаточно острой критике. Украинский делегат В.Затонский вообще выразил сомнение в правильности постановки этого вопроса в том виде, в каком это сделал Сталин: “Когда я читал тезисы т. Сталина, то, по совести говоря, я несколько удивлялся, зачем этот вопрос был поставлен на этом съезде, по крайней мере, в той форме, в какой он поставлен в предъявленных вам тезисах.

Эти тезисы как будто писались вне времени и пространства. В общем и целом их можно было написать и до Октябрьской революции, и в 1917 г. после Октябрьской революции, и в 1919 г., и в 1918 году. Там говорится, вообще, как резюме, что в странах, где господствует капитализм, национальный вопрос не может быть разрешен, а при Советской власти он разрешается, и все обстоит более или менее благополучно.”⁷⁵ Тот же Затонский заострил вопрос о названии федерации, что, по его мнению, имело важное значение: “Нам необходимо вытравить из голов товарищей представление о советской федерации, как федерации непременно «российской», ибо дело не в том, что она российская, а в том, что она Советская... Это факт, что федерация «российская» вносит громадную путаницу в сознание партийных товарищей.”⁷⁶

⁷³ И.В. Сталин. Соч. Т. 5. С. 27.

⁷⁴ Там же. С. 28.

⁷⁵ Протоколы X съезда РКП(б). С. 205.

⁷⁶ Там же. С. 209.

Отдельные критические замечания были сделаны в отношении доклада Сталина и рядом других делегатов, хотя общая тональность практически всех выступавших была позитивной. Так, А.И. Микоян в своей речи подчеркнул: "...По-моему, национальный вопрос сейчас даже не стоит в плоскости осуществления национальной свободы или государственного оформления наций, а стоит, именно, исключительно в плоскости проведения на практике тех прав, которые провозглашены Советским правительством, и в плоскости выработки определенных форм политического строительства этих окраин. Нечего говорить о национальном вопросе еще раз принципиально, поскольку т. Ленин красноречиво и остроумно выяснил на VIII съезде и на апрельской конференции этот вопрос."⁷⁷

Не вдаваясь в дальнейшие детали, можно со всей определенностью сделать вывод: именно X съезд стал тем поворотным этапом, который обозначил четкие линии противостояния в большевистских верхах по национальному вопросу, в особенности о принципиальных основах построения будущего объединенного государства. И как ирония политической судьбы выглядит то, что Сталин, выступивший на съезде рьяным поборником борьбы против великорусского шовинизма, буквально через год с небольшим станет той политической фигурой, против которой будет сосредоточен весь пыл ленинских обвинений в потворствовании великодержавному шовинизму. Сама логика ставит вопрос: или Сталин, выступая против великодержавного шовинизма, в определенной мере кривил душой и говорил не то, что он думает на самом деле? Или же в действительности он придерживался взглядов последовательного противника безудержной критики великодержавного шовинизма?

Однозначный ответ на поставленный вопрос дать трудно. Скорее всего истина лежит где-то посередине. Что Сталин осуждал определенные проявления великодержавного шовинизма, это бесспорно. Так, в своем заключительном слове он счел необходимым взять под "защиту" национальные права белорусского и украинского народов. В частности, он говорил: "я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская нация, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке. Такие же речи раздавались лет пять тому назад об Украине, об украинской нации. А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская нация — выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская нация существует, и развитие её культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы."⁷⁸

Как видим, Сталин выступал отнюдь не в роли русификатора, а, напротив, в роли поборника развития национальных культур белорусского, украинского и других народов. Таким образом, упреки в том, что он стоял на почве великодержавного шовинизма, мягко выражаясь, были не вполне корректны. Конечно, данная констатация не имеет всеобщего, не ограниченного временными рамками характера. Взгляды его на те или иные аспекты национального вопроса, будь то в аспекте теории, будь то в

⁷⁷ Там же. С. 210.

⁷⁸ *И.В. Сталин*. Соч. Т. 5. С. 48-49.

практическом аспекте, не оставались неизменными раз и навсегда. Общей линией эволюции его воззрений в области национального вопроса было то, что по мере усиления тенденций роста местного национализма росло и его убеждение в том, что так называемый великорусский шовинизм отнюдь не представляет собой той угрозы, которую ему приписывали его оппоненты. Но на этом вопросе мы еще остановимся в разделе, где будут рассматриваться разногласия между Сталиным и Лениным по вопросу о принципах и путях формирования Советского союзного государства.

Определенные коррективы, которые внес Сталин в свое понимание принципа самоопределения наций, касались не только отказа от узкоклассовой трактовки самого содержания этого принципа, т.е. признания такого права не за нацией в целом, а лишь за определенными частями какой-либо нации. Выше уже отмечалось, что подобная интерпретация принципа самоопределения на деле выхолащивала его содержание. Более того, в реальной жизни невозможно себе представить, как можно было бы осуществить самоопределение только какой-то части нации, а не всей ее в целом. Это была явно умозрительная, искусственная концепция, заранее обреченная на полный крах в случае попыток ее реализации на практике. К слову сказать, Сталин не проявлял застенчивости мысли и не защищал с упорством свою однобокую позицию.

И, наконец, в заключение рассмотрения вопроса о национальной политике Советской власти и роли Сталина в ее теоретическом обосновании и практическом осуществлении, следует отметить еще одно немаловажное положение. Оно сформулировано в его статье “К постановке национального вопроса”, опубликованной в мае 1921 г. Речь идет о замене расплывчатого лозунга о праве наций на самоопределение ясным революционным лозунгом о праве наций и колоний на государственное отделение, на образование самостоятельного государства. Причем речь шла не только о праве на автономию, пусть даже и широкую, на которую соглашались, например, австрийские теоретики национального вопроса — Шпрингер, Бауэр и др. В полемику с ними Сталин вступил вновь (впервые он подверг их критике в своей программной работе “Марксизм и национальный вопрос”), на этот раз уже опираясь на опыт решения национальных проблем в Советской России, а также на обобщение опыта освободительного движения в других странах в ходе и после первой мировой войны.

Суммируя, можно сказать, что в первые годы Советской власти Сталин проявил себя как крупный теоретик и практик в вопросах национальной политики. И эта его оценка, как может убедиться читатель, базируется на фактах и доказательствах, а не только на логических построениях и умозаключениях. В постановке принципиальных проблем национального движения и анализе практических методов его развития Сталин не придерживался раз и навсегда определенной линии. Он стоял на позиции творческого подхода к теории и не проявлял слепой приверженности к ранее сформулированным догмам. Объективности ради, следует сказать, что никто в большевистской партии, за исключением разве только Ленина, не внес такого большого вклада в теорию и практику национального вопроса. Вместе с тем, как можно было убедиться, порой взгляды и позиции Сталина по целому ряду моментов национально-строительства отличались непоследовательностью и противоречивостью. Но все же главной тенденцией в развитии этих взглядов была ориентация на строительство единого и неделимого государства. Именно в тот период эта тенденция стала зарождаться, чтобы впоследствии обозначиться в качестве доминирующей во всей системе взглядов Сталина по национальному вопросу.

3. Участие в государственном управлении

Центр тяжести практической работы Сталина по организации новой власти, как уже мог убедиться читатель, лежал в плоскости национального строительства. Однако в первые годы после победы революции диапазон его деятельности был гораздо более широким. В период Гражданской войны он сосредоточивал свои усилия и свою работу в военной сфере, чему будет посвящена специальная глава. Здесь же мне хотелось бы в самом конспективном виде остановиться на некоторых других сторонах его политической и государственной деятельности.

Необходимость этого диктуется рядом обстоятельств.

Во-первых, сам диапазон политических и государственных обязанностей Сталина в тот период далеко выходил за рамки национальных проблем. Хотя в его сочинениях выступления по национальной проблематике занимают доминирующее место (речь идет о рассматриваемом периоде), его практическая работа в других сферах зачастую занимала не меньшее, а порой и большее место. Просто эта работа носила такой характер и имела такую направленность, что она не могла адекватно отражаться в его публичных выступлениях.

Во-вторых, многие биографы Сталина, начиная с Троцкого и кончая Волкогоновым (в России) и Такером (на Западе), усердно и последовательно проводят мысль о том, что не только на посту народного комиссара по делам национальностей, но и на других государственных постах Сталин ничем себя не проявил. Больше того, якобы именно те участки практической работы, куда направлялся Сталин, оказывались в наиболее плачевном состоянии. То есть, он в силу отсутствия способностей к практической работе, неизменно проваливал порученное ему дело.

Посмотрим, что пишет по этому поводу Такер: "...он не обладал особым талантом организатора и администратора, хотя и мог довольно эффективно и авторитетно улаживать критические ситуации. Ни одному из своих комиссариатов Сталин не обеспечил постоянного и творческого руководства, которого два таких новаторских по замыслу ведомства прежде всего заслуживали... Уже по своему темпераменту Сталин не мог успешно выполнять функции организатора и администратора. Ему не доставало терпения, уравновешенности, умения сотрудничать и способности подчинить себя, и в большом, и в малом, потребностям учреждения. Ведь на самом деле невысокий комиссар в русских сапогах и френче (его привычная одежда в 20-е и 30-е годы) вовсе не был человеком стальной выдержки, как можно было бы предположить, судя по партийной кличке и обычному поведению на публике."⁷⁹

Число подобных оценок можно было бы и умножить. Но все они в чем-то удивительно похожи одна на другую, хотя и выражены разным по стилю и по эмоциональности слогом. В них заложены заранее запрограммированные обобщения, а приводимые факты призваны лишь подтвердить правомерность выводов, сформулированных априори.

Поэтому, в-третьих, существенно важно дать читателю хотя бы самое общее представление о чрезвычайно обширном круге проблем, которыми приходилось заниматься Сталину в эти годы. Причем не умалчивая о промахах и недостатках в его

⁷⁹ Роберт Такер. Сталин. Т. I. С. 195.

деятельности. Фактически речь идет о том, что именно в эти годы Сталин в значительном объеме впервые в жизни столкнулся с задачами государственного строительства и управления. Это была суровая и необходимая школа, не пройдя которой он едва ли смог бы оказаться на вершине партийной и государственной власти, а тем более в дальнейшем держать в своих руках все главные рычаги управления государством.

В обширной литературе, посвященной Сталину, бытует и, по существу, превагирует версия о том, что его путь к власти был проложен благодаря умению вербовать себе сторонников, строить интриги и сталкивать лбами своих политических соперников и оппонентов. Что к политическому триумфу Сталина, приведшего в конечном счете к вершинам власти, его способности, как сформировавшегося в первые послереволюционные годы государственного деятеля общероссийского масштаба, не имеют отношения, или же, во всяком случае, сыграли второстепенную роль. Так, Троцкий в своей биографической книге "Моя жизнь" приводит такой эпизод, якобы имевший место в период гражданской войны. Однажды тогдашний заместитель председателя ВЧК В.Р.Менжинский сообщил ему следующее: "знаю ли я, что Сталин ведет против меня сложную интригу? — Что-о-о? — спросил я в совершенном недоумении... — Да, он внушает Ленину и еще кое-кому, что вы группируете вокруг себя людей специально против Ленина..."⁸⁰

Далее Троцкий повествует о том, что во время ближайшей встречи с Лениным он поднял этот вопрос, чтобы выяснить, действительно ли он (т.е. Ленин — *Н.К.*) верит в то, что сам Троцкий ведет какую-то тайную, закулисную борьбу против него. Здесь предоставим слово самому Троцкому: "Под конец я рассказал про визит Менжинского на Южном фронте. — Неужели же тут есть частица правды? — Я сразу заметил, как заволновался Ленин. Даже кровь бросилась ему в лицо. — «Это пустяки», — повторял он, но неуверенно. — Меня интересует только одно, — сказал я, — могли ли вы хоть на минуту допустить такую чудовищную мысль, что я подбираю людей против вас? — «Пустяки», — ответил Ленин, на этот раз с такой твердостью, что я сразу успокоился. Как будто какое-то облачко над нашими головами рассеялось, и мы простились с особенной теплотой. Но я понял, что Менжинский говорил не зря. Если Ленин отрицал не договаривая, то только потому, что боялся конфликта, раздора, личной борьбы. В этом я целиком сочувствовал ему. Но Сталин явно сеял злые семена. Лишь значительно позже мне стало ясно, с какой систематичностью он этим занимался. Почти только этим. Потому что Сталин никогда серьезной работы не выполнял. «Первое качество Сталина — лень, — поучал меня когда-то Бухарин. — Второе качество — непримиримая зависть к тем, которые знают или умеют больше, чем он. Он и под Ильича вел подпольные ходы».⁸¹

Как оценить вышеприведенное свидетельство Троцкого? Отвечает ли оно истине? На этот вопрос ответить трудно, если вообще возможно. Однако учитывая заведомо враждебное отношение Троцкого к Сталину, его стремление в любом случае найти против Сталина какой-то политический компромат и уличить его в интриганстве, можно с достаточной долей уверенности посчитать этот эпизод примером поли-

⁸⁰ Лев Троцкий. Моя жизнь. С. 427-428.

⁸¹ Там же. С. 429.

тической дискредитации Сталина. Можно в качестве гипотезы и выдвинуть такую версию: в конце 20-х — начале 30-х годов ГПУ под руководством В.Р. Менжинского впервые стало осуществлять в массовых масштабах репрессии против троцкистов. И Троцкий, писавший свою книгу именно в этот период, обуреваемый чувствами негодования по отношению к методам ГПУ, мог таким способом попытаться скомпрометировать Менжинского в глазах Сталина. Впрочем, эта всего лишь предположение, имеющее право на существование.

Хотя, конечно, всякого рода противоречия и столкновения в руководстве большевистской партии вообще и между отдельными его представителями имели место, особенно в периоды острейших политических баталий, развертывавшихся вокруг острых спорных вопросов. Так что случаи политического интриганства, на мой взгляд, безусловно использовались в качестве одного из инструментов политической борьбы.

Но что касается отношения Сталина к Ленину, то его можно описать как отношение ученика к учителю, причем такому учителю, которого ученик глубоко уважал и интеллектуальное преимущество которого он безусловно признавал. (В дальнейшем на тему отношений между Лениным и Сталиным мы остановимся подробно). Здесь же я хочу заметить, что Сталин не раз имел мужество не соглашаться с Лениным, спорить с ним. Поэтому версия об интригах Сталина против Ленина, как бы мимоходом брошенная Троцким, представляется хотя в принципе и возможной, но маловероятной.

Встречаются и такие утверждения: мол, Сталин делал свою партийную и государственную карьеру, умело подыгрывая Ленину, используя противоречия между Лениным и другими ведущими членами партийного руководства. Якобы эти карьерные расчеты лежали в основе выступлений Сталина в связи с широко отмечавшимся в апреле 1920 года 50-летием В.И.Ленина, в которых содержалась исключительно высокая оценка теоретических и организаторских способностей Ленина как основателя и руководителя большевистской партии. В связи с юбилеем Ленина Сталин опубликовал в "Правде" статью, а также выступил с речью в Московском комитете РКП(б) 23 апреля 1920г. И статья, и выступление Сталина как раз и отличались от речей других ораторов своей неординарностью, отсутствием чисто "юбилейных" славословий. Напротив, Сталин остановился на таких чертах Ленина, как скромность и мужество признавать свои ошибки. Возможно, для слушавших это выступление его слова звучали каким-то диссонансом в сопоставлении с предшествующими славословиями в адрес юбиляра. Однако они как раз и лежали в русле мыслей самого Ленина, предостерегавшего партию от опасностей оказаться в положении зазнавшейся партии.

Любопытно привести выдержку из газеты Московского комитета партии "Коммунистический труд", которая следующим образом представила выступление Сталина на этом юбилейном заседании: "Слово получает Сталин, бессменный цекист с подпольных времен, грузин, не умеющий говорить ни на одном языке, в старину один из преданнейших подпольных работников, ныне победитель Деникина на южном фронте. То обстоятельство, что Сталин говорить совершенно не умеет, именно и делает его речь крайне интересной и даже захватывающей. О Ленине говорить хорошо, красиво нельзя. О нем можно говорить только плохо, не умея, только от души"⁸².

⁸² Цит. по . "Дружба народов". 1989г. №9. С. 101.

Конечно, характеристика выступления Сталина, особенно то место, где утверждается, что он не умеет говорить ни на одном языке, в чем-то поражает своей непосредственной наивностью и явным преувеличением. Однако главное в другом — в высокой оценке Сталина, который предстает не в облике какой-то бесцветной и малозначительной фигуры на тогдашнем политическом небосклоне, а как видный и пользующийся известностью и уважением партийный и государственный деятель.

Совершенно бесспорно, что факты, взятые сами по себе, не трактуемые с заранее заданной целью, нацисто опровергают утверждения о якобы малозначимой роли Сталина в первые годы Советской власти. Эти же факты, разумеется, служат и прямым опровержением такого рода утверждений.

Прежде чем непосредственно охарактеризовать работу Сталина на постах народного комиссара государственного контроля и народного комиссара рабоче-крестьянской инспекции, приведу ряд бесспорных свидетельств того, что в советской правительственной иерархии Сталин лично занимался чрезвычайно обширным кругом дел. Он избирался членом ВЦИК и Президиума ВЦИК, входил в состав комиссии по составлению первой советской конституции и выступал на заседании комиссии ВЦИК с докладом о типе федерации Российской Советской республики.

От решения чисто политических проблем его перебрасывают на чрезвычайно важный в тот период, можно сказать, жизненно важный участок, каким было положение с продовольственным снабжением. Решением Совнаркома в мае 1918г. он назначается руководителем продовольственного дела на юге России, откуда, собственно, тогда могла получить продовольствие голодающая Россия. Чтобы решить эту проблему — а от нее зависела судьба новой власти не в меньшей мере, чем от чисто военных побед — нужно было обладать особыми организаторскими и иными способностями, в том числе твердостью и решительностью. Здесь, да будет понятно это тем, кто восхищается (по поводу и без повода) блестящими ораторскими талантами Троцкого и других трибунов революции, ораторским искусством нельзя было ничего добиться. Как говорится, могли выслушать блестящую зажигательную речь о необходимости помочь голодающим рабочим России, и спокойно разойтись по домам. Что, кстати, и было почти повсеместным явлением. Сталин же с этой задачей справился, как ни трудна она была. И это факт, а не какое-то утверждение панегирического свойства.

В том же 1918 году Сталин назначается членом Совета Рабоче-крестьянской обороны и заместителем его председателя, коим был Ленин. Совет этот обладал широчайшими полномочиями, необходимыми для разрешения массы постоянно возникавших проблем. Сталину, в частности, поручается навести порядок на железнодорожном транспорте, ибо без более или менее сносного функционирования транспортной системы страны говорить об укреплении новой власти — значило бы говорить впустую.

Привлекается Сталин и к такой работе, как контроль за деятельностью органов Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) — органом борьбы с контрреволюцией и саботажем. Впоследствии Сталин в должной мере оценит роль карательных органов в борьбе за лидерство в партии и государстве. Но уже на первоначальном этапе он вплотную сталкивается в качестве своего роля контролера или ревизора с деятельностью ВЧК. Вскоре после покушения (в августе 1918г.) на Ленина в работе ВЧК намечился злобещий перекокс, связанный прежде всего с проведением так называемого "красного террора". На местах дело доходило до крайних эксцессов в примене-

нии репрессий, “красный террор” кое-кто из большевиков стал рассматривать чуть ли не в качестве главного инструмента в утверждении и сохранении новой власти. Возможные социально-политические последствия подобного подхода не трудно себе представить, поскольку, если бы он обрел общероссийские масштабы, то поставил под угрозу само существование Советской власти. Использование террора в качестве основного рычага укрепления власти большевиков с закономерной неизбежностью превратилось бы в свою противоположность. Террор был исторически оправдан лишь как вынужденная, причем крайняя и ограниченная мера, в ответ на действия прямых врагов советской власти. Большевикам, не хуже, чем их противникам, было известно изречение Наполеона: “Штыками можно сделать все что угодно, только на них нельзя сидеть”⁸³, т.е. основывать свою власть.

В октябре 1918г. на заседании ЦК партии рассматривался этот вопрос, поводом к чему послужил следующий факт. В “Вестнике чрезвычайных комиссий” была напечатана статья за подписью Нолинского исполнительного комитета и партийного комитета, восхваляющая пытки. При этом редакция в примечании не указала на свое отрицательное отношение к статье нолинцев. Решено было осудить нолинцев за их статью и редакцию за ее напечатание. Было принято решение о прекращении издания “Вестник ЧК” Публикация подобного рода статьи и ее осуждение было лишь поводом для принятия более широкого решения: “Назначить политическую ревизию ВЧК комиссией от ЦК в составе тт. Каменева, Сталина и Курского. Поручить комиссии обследовать деятельность чрезвычайных комиссий, не ослабляя их борьбы с контрреволюционерами.”⁸⁴

Впоследствии, уже после окончания Гражданской войны, Сталин в составе комиссии из двух человек (в нее входил и Каменев) по поручению Политбюро непосредственно занимался вопросами реорганизации ВЧК и преобразования ее в Главное политическое управление (ГПУ). основополагающие принципы такой реорганизации были сформулированы данной комиссией и предопределили главные параметры деятельности ГПУ в новых исторических условиях. В первую очередь речь шла об ограничении полномочий карательного инструмента власти и приведения его деятельности в рамки закона. В документе комиссии устанавливалось, что “при арестах должны быть соблюдаемы следующие правила:

а) предъявление обвинения не позднее 2-х недель со дня ареста и

б) право содержания под арестом без передачи в суд не более 2-х месяцев, после чего ГПУ должно испросить у ВЦИК право продолжить в случае особой необходимости этот срок или же передать дело в суд, или освободить...

в) за НКЮстом (Народный комиссариат юстиции – Н.К.) сохраняется право контроля за законностью действий ГПУ.”⁸⁵

Я счел целесообразным привлечь внимание читателя к факту причастности Сталина к вопросам, связанным с деятельностью карательных органов в первые годы советской власти. Не преувеличивая его роли, хочу подчеркнуть, что сама по себе эта

⁸³ Великие мысли великих людей. Т. III. С. 424.

⁸⁴ “Известия ЦК КПСС.” 1989г. № 6. С. 163.

⁸⁵ Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М. 2003. С. 12.

причастность носила пока еще ограниченные масштабы, но и вместе с тем говорила о многом.

Приобрел Сталин и определенный опыт работы по восстановлению народного хозяйства в качестве председателя Украинского совета трудовой армии. На этот пост он был назначен в январе 1920г. Общая ситуация в стране характеризовалась почти повсеместной хозяйственной разрухой и упадком. Политика военного коммунизма, проводившаяся на протяжении всей Гражданской войны, все более обнаруживала свою бесперспективность. Массы трудоспособного населения служили в армии, и сокращение масштабов военных действий поставило страну перед необходимостью использовать часть воинских частей на трудовом фронте. С этой целью и принимается решение о создании трудовых армий в надежде, что они помогут решить наиболее острые экономические вопросы: остановить промышленную разруху, хоть каким-то образом сгладить критическую ситуацию в топливной, металлургической и др. отраслях промышленности. Конечно, ставка на трудовые армии не могла в корне изменить ситуацию в народном хозяйстве, поскольку сама она, по существу, была одним из элементов политики военного коммунизма, закрывавшего все перспективы выхода из почти безвыходного положения. Но как временная и паллиативная мера она способна была сыграть определенную стабилизирующую роль. С каждым днем становилось все более очевидным, что необходим переход к принципиально иной экономической политике. Но предстояло прожить еще более года, прежде чем Ленин под воздействием объективной реальности придет к осознанию необходимости перехода к новой экономической политике (НЭП).

Но пока вся экономическая жизнь шла по старой колее, и здесь трудовые армии могли сыграть хотя бы некоторую стабилизирующую роль. Эти задачи подчеркивались Сталиным в его выступлениях и в его работе по руководству Украинской трудовой армией. Так, в речи на конференции компартии Украины в марте 1920г. он отмечал, что сложившаяся обстановка в хозяйстве заставляет власти дать новый лозунг: "Все для народного хозяйства." Развивая свою мысль он говорил: "Как вам известно, наша промышленность во всей Федерации переживает в данный момент тот период расхлябанности и партизанщины, который переживала Красная Армия полтора года тому назад. Тогда партийным центром был брошен клич подтянуться, насадить дисциплину, а партизанские части превратить в регулярные. То же самое нам нужно сделать теперь по отношению к развалившейся промышленности. Необходимо эту развалившуюся промышленность собрать и организовать, иначе мы не вылезем из разрухи."⁸⁶

Однако надежды большевиков, и Сталина в том числе, решить коренные экономические проблемы страны путем преимущественно организационных и мобилизационных мер, в конечном счете оказались нереальными. Не то что они полностью строились на песке и были бесполезны с самого начала. Вопрос упирался в существо самой экономической стратегии, не отвечавшей новым историческим реалиям.

Количество примеров, раскрывающих диапазон политической и государственной деятельности Сталина в этот период, легко можно было бы и умножить. Однако я думаю, что и приведенные примеры дают более или менее объективное представле-

⁸⁶ И.В. Сталин. Соч. Т. 4. С.302-303.

ние о характере и *основных направлениях* его практической работы в первые годы Советской власти.

Особо следует выделить работу Сталина в качестве народного комиссара государственного контроля и народного комиссара рабоче-крестьянской инспекции. Краткую характеристику его деятельности на этих постах в обязательном порядке надо предварить следующим замечанием, без учета которого многое будет не совсем ясным.

Надо учитывать, что сфера контроля и инспекции в условиях едва начинавшего функционировать государственного аппарата, как говорится, заранее была обречена на невероятные трудности и неизбежные неудачи. Сама объективная реальность была такова, что об организации эффективного контроля и инспекции в тогдашних условиях речь могла идти только в пожелательном плане. О какой эффективности можно было говорить, когда сам государственный механизм только начинал создаваться. Не хватало не то что квалифицированных, а просто кадров вообще. Типичной картиной, характеризовавшей функционирование всех советских учреждений, особенно в первые годы новой власти, был саботаж со стороны прежних чиновников, без привлечения которых к работе обойтись было невозможно. Фактически отсутствовала сколько-нибудь развитая нормативно-правовая база: главными правовыми постулатами были революционное правосознание и революционная законность. Все-речь говорить о какой-то правовой системе, в том числе и в сфере организации государственной службы и управления, можно было лишь чисто условно.

Чтобы рельефно представить себе деятельность Сталина на посту народного комиссара государственного контроля, а затем и рабоче-крестьянской инспекции, думаю, следует вкратце очертить задачи и направления деятельности этих комиссариатов.

Наркомат государственного контроля являлся центральным органом, осуществлявшим общее руководство работой по совершенствованию государственного аппарата, по борьбе с недостатками в его организации и деятельности, по пресечению незаконного и нецелесообразного использования государственного имущества и денежных средств. Он был в создан мае 1918 г. Наркомат имел свои органы на местах — в губерниях и районах.

В связи с Гражданской войной в государственном аппарате сократилась рабочая прослойка и увеличилось число старых чиновников, являвшихся носителями бюрократических традиций, что отрицательно сказывалось на работе государственного аппарата. VIII съезд РКП(б), отметив, что мероприятия госконтроля носили в значительной степени формальный характер, указал на необходимость коренной реорганизации контроля, с тем чтобы создать подлинный фактический контроль. В решении съезда указывалось на необходимость выделить с этой целью лучшие силы, которые должны научиться не только контролировать советскую работу, но и сами её организовывать; подчёркивалось, что только вовлечение широких масс рабочих и крестьян в дело управления страной и широкого контроля над органами управления устранит недостатки механизма, очистит советские учреждения от бюрократической скверны и решительно двинет вперед дело социалистического строительства.⁸⁷

⁸⁷ См. *Протоколы VIII съезда РКП(б)*. С. 415-416.

Во исполнение решений съезда был принят декрет “О государственном контроле”. По предложению Ленина Сталин был назначен народным комиссаром госконтроля. Проработал он в этой должности немногим менее года — с конца марта 1919г. до февраля 1920г. Столь краткий срок его пребывания на этом посту объясняется тем, что наркомат госконтроля подвергся коренной реорганизации и в марте 1920г. в целях более полного вовлечения широких масс трудящихся в дело государственного управления был преобразован в наркомат рабоче-крестьянской инспекции. Во главе вновь образованного (а точнее, коренным образом преобразованного) наркомата стал тот же Сталин.

Центральный аппарат РКИ состоял из ряда самостоятельных инспекций по основным направлениям деятельности. Было образовано особое бюро для приёма заявлений о различного рода неправильных действиях, злоупотреблениях и преступлениях должностных лиц. Коллегии РКИ на местах действовали на правах отделов исполкомов местных Советов. В задачи РКИ входила борьба с бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях и общественных организациях, контроль за проведением в жизнь в центре и на местах декретов и постановлений Советской власти, надзор за соблюдением законности в управленческой деятельности и за своевременным рассмотрением во всех звеньях государственного аппарата заявлений и жалоб трудящихся, борьба с хозяйственными, должностными и иными преступлениями работников аппарата управления. Органы РКИ обязаны были по результатам ревизий, обследований и наблюдений представлять на рассмотрение центральных и местных властей конкретные предложения об упрощении государственного аппарата, устранении параллелизма в работе, бесхозяйственности, канцелярской волокиты и т.п. Для борьбы с преступлениями органы РКИ наделялись правом производить дознание, возбуждать уголовные дела, отстранять от должности виновных лиц, производить обыски, налагать арест на имущество и т.д.

Как видим, круг задач и общие направления деятельности были достаточно широкими. Но сейчас, глядя с высоты прошедшего времени, становится очевидным, по крайней мере одно: любой, даже в сотни раз более эффективный контроль не мог в силу объективных причин успешно решить задачи, возлагавшиеся на него. Все упиралось не только в кадры, но в саму систему хозяйствования, в наличие таких трудностей и проблем, которые можно было решить только посредством коренной реорганизации всех экономических, а также многих политических структур.

Думается, что у нас нет никаких оснований выдвигать в отношении Сталина упреки в излишнем либерализме, отсутствии требовательности, твердости в руководстве таким наркоматом, как и в других слабостях подобного рода. Напротив, видимо, в силу определенных личных качеств, а именно: твердости, жесткости, требовательности, решительности и т.д., — он и был назначен на данный пост. Надо заметить, что одновременно он оставался в должности народного комиссара по делам национальностей. К тому же, в партии в то время было немало деятелей, отличавшихся теми же, что и Сталин качествами в смысле твердости и жесткости. Но тем не менее именно он, а не кто-либо иной был назначен на данный пост.

Не вдаваясь в детали, можно сказать, что недостатков в работе РКИ было больше, чем в других наркоматах. И это отнюдь не по причине плохого руководства лично Сталина, а в силу самого характера деятельности этого государственного механизма. Было бы поистине сверхъестественным, если бы этот наркомат функционировал

лучше, чем те, круг обязанностей которых не был столь широк и столь необъятен. Именно в этом, мне думается, коренятся истоки критики, которой Ленин подверг данный наркомат в период обострения его отношений со Сталиным на почве политических расхождений. Иначе трудно найти логическое объяснение тому факту, что буквально за год до этой критики Ленин лично высказался в защиту и поддержку Сталина в связи с критическими замечаниями, прозвучавшими в адрес последнего на XI съезде партии (март — апрель 1922г). Е.А.Преображенский, тогда и в дальнейшем один из ближайших сподвижников Троцкого, высказал в ходе обсуждения доклада Ленина следующее замечание: “ Или, товарищи, возьмем, например, т. Сталина, члена Политбюро, который является в то же время наркомом двух наркоматов. Мыслимо ли, чтобы человек был в состоянии отвечать за работу двух комиссариатов и, кроме того, за работу в Политбюро, в Оргбюро и десятке цекистских комиссий?

От такой практики, товарищи, надо отойти.”⁸⁸

Ленин в своем заключительном слове дал ответ на это критическое замечание. Я приведу полностью этот ответ, поскольку в нем содержится довольно обстоятельная, а в некотором смысле и общая оценка Сталина как работника. “Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах. А кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это все политические вопросы! А разрешать эти вопросы необходимо, это — вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства; которые в ничтожной доле разрешены в демократических республиках. Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина.

То же относительно Рабкрин. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах.”⁸⁹

Данная оценка говорит сама за себя и не нуждается в дополнительных комментариях. Впрочем, одно замечание напрашивается само собой, особенно в контексте начавшегося буквально через год с небольшим конфликта между Лениным и Сталиным. Как бы предвосхищая заранее некоторые причины происшедшего в дальнейшем конфликта, можно сказать, что в их основе не лежали претензии к Сталину как партийному и государственному работнику. Хотя некоторые биографы Сталина особый упор делают именно на критике Лениным работы РКИ как завуалированной форме выражения общего недоверия к Сталину как к руководителю. Мне представляется, что подобная трактовка слишком прямолинейна и не отвечает в полной мере объективным историческим критериям. Но об этом более подробно пойдет речь в соответствующей главе.

⁸⁸ Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. 1961. С. 84-85.

⁸⁹ Там же. С. 143.

СТАЛИН В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

1. Феномен Гражданской войны
и политическая философия Сталина

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению вопроса об участии Сталина в Гражданской войне и выяснению значения этого периода в политической биографии Сталина, думается, есть необходимость хотя бы в самой схематичной форме остановиться на причинах и объективных условиях, благодаря которым эта война стала неизбежной. Ведь не каждое, даже самое глубокое революционное потрясение — и это подтверждается опытом многих стран — сопровождается таким гигантским социальным катаклизмом, каким является гражданская война. Для того, чтобы этот социальный катаклизм стал неизбежным, необходимы объективные предпосылки и условия, которые саму такую возможность превращают в реальность.

В приложении к России, а вернее к ситуации, сложившейся сразу же после Октябрьской революции, вопрос о возможности предотвращения Гражданской войны имеет свои особенности и специфические черты. Эти особенности были обусловлены реальными историческими обстоятельствами, в которых оказалась страна. С одной стороны, все политические силы в России, начиная с самых левых — большевиков, и кончая самыми правыми (монархистами и кадетами) — не могли не видеть того, что народ устал от войны, силы его были подорваны, все его устремления были направлены на то, чтобы в стране, наконец, наступил долгожданный мир. Задача прекращения войны выступала в качестве центральной задачи, она служила той осью, вращение которой вовлекало в свою орбиту все остальные события. Другие задачи, сколь ни велико было их значение, в каком-то смысле отступали на второй план перед этой центральной задачей. Антивоенные настроения были доминирующими в обществе, и на их платформе сходились многие политические силы страны, несмотря на глубокие разногласия и коренные противоречия по всем другим вопросам.

Казалось бы, даже простое осознание этой очевидной истины должно было подталкивать все противоборствующие стороны к взаимному примирению и нахождению общего языка в условиях, когда война поставила под угрозу существование самого государства. Но это, так сказать, взгляд со стороны, с высоты времени, оставшегося позади. Но ретроспективный взгляд в истории скорее помогает понять то, что было сделано неправильно, но никоим образом не служит самым убедительным объяснением реального исторического хода и исхода событий прошлого.

Отправные координаты, определившие все перипетии трагического периода Гражданской войны в истории нашей страны, лежали за пределами стремлений и пожеланий отдельных партий и политических деятелей той эпохи. Реальный разворот событий определялся глубинными процессами, которые суждено было пережить России и населявшим ее народам. В стране воцарились, обстановка, лучше всего описываемая словами А.С.Пушкина — “другой закон, другие нравы.” Картина общественного бытия, всех сторон жизни коренным образом изменилась до неузнаваемости.

Вот одно из красочных описаний обстановки той поры, принадлежащая перу бежавшего в конце 20-х годов на Запад С.Дмитриевского, который уже упоминался ранее. Это описание передает дух той эпохи, живую атмосферу Гражданской войны, которую может в какой-то мере ощутить читатель сегодняшнего дня: «Три года Гражданской войны: напряженной, беспощадной, разрушительной, перевернувшей всю страну, всю ее залившей кровью. Пленных часто не берут. В лазаретах поднимают на штыки раненых. Расстреливают заложников. Мучат, уничтожают целыми семьями мирное население. Не щадят ни женщин, ни детей. Разрушают города. Целые села сметают артиллерийским огнем. Так на красной. Так на белой стороне. Величайший героизм сочетается с невероятной жестокостью. Нет иных законов, кроме закона насилия, мщения, крови. И надо всем этим — невероятная разруха во всем, вся жизнь перевернута, холод и голод бродят по стране. Тысячи и тысячи погибают от сыпного тифа. Всюду стоят вагоны, целые поезда, груженные, как дровами, посинелыми, разлагающимися человеческими трупами. Смерть гуляет над страной... И под дыханием смерти вырастают, живут, думают и чувствуют люди. Жизнь теряет как будто цену — и вместе с тем никогда так страстно не хочется людям жить. И у тех, кто выживает и живет, меняются, становятся совершенно не похожими на прежние души.»¹

Глубокий социальный кризис расколол общество настолько сильно и явственно, что преодолеть его было практически невозможно мерами и средствами обычного, в данном случае мирного пути. Водораздел этого раскола проходил не только между отдельными социальными слоями, но зачастую и внутри отдельных семей. В широком социально-политическом плане вопрос о власти стал главным в повестке дня. Причем речь шла не просто о власти как таковой, но той власти, торжество которой означало коренной поворот во всем историческом развитии страны. Естественно, что на первом плане оказался вопрос о собственности, поскольку именно обладание собственностью в конечном счете и является главной целью, можно сказать, даже самоцелью власти. И поскольку большевики провозгласили национализацию основных средств производства — фабрик, железных дорог, заводов, банков и т.д., а также земли, — постольку и был предreshен вопрос о неизбежной борьбе прежних хозяев за свои утраченные права. Вопрос о собственности стал сердцевинной вопроса о власти и, по глубокому убеждению многих исследователей, стоящих на объективных позициях, именно он привел с закономерной неизбежностью к Гражданской войне.

Хочется попутно сделать одно замечание принципиального плана. В современной так называемой демократической литературе и печати вопрос о собственности так, как он встал во весь рост в период революции и Гражданской войны, трактуется до предела извращенно и необъективно. Необъективность настолько чудовищна, что поражает воображение своей ущербностью и примитивизмом. На все лады муссируется анархический лозунг — грабь награбленное! И изображается дело так, будто он как раз и лежал в основе концепции подхода большевиков к проблеме собственности. На самом деле отдельные эксцессы времен революции и Гражданской войны, когда на практике применялся этот лозунг, не имели и не имеют ничего общего с программными установками и практикой партии большевиков. Передача основных средств производства в руки народа только в голове отпетых клеветников или законченных

¹ Сергей Дмитриевский. Сталин. Предтеча национальной революции. С.225.

идиотов может истолковываться как реализация указанного лозунга. Беспардонная эксплуатация этого пресловутого лозунга служила и до наших дней служит одним из средств оболванивания легковверных людей, которым внушается мысль, что принятые в законном порядке меры по национализации равнозначны грабежу чужой собственности. Однако не только наш собственный исторический опыт, но и опыт других государств, прибегавших к национализации как одному из мощных инструментов социально-экономической политики, не оставляет камня на камне от такого рода политических спекуляций. Известны знаменитые слова о том, что нет такого преступления, на которое бы капитал не пошел, если речь идет о норме прибыли в 300%. Что же тогда говорить, когда речь идет о всей совокупной собственности целого класса. Он готов на все, чтобы сохранить свою собственность. И наивно думать, что его могли остановить или остановят какие-либо соображения. Тем более соображения морально-этического свойства, к которым относится и требование не извращать историческую истину. Если уж вещи называть своими именами и следовать нормам справедливости, то как раз приватизация общенародной собственности является подлинным грабежом. Причем грабят не награбленное, а созданное потом и трудом многих поколений людей. Применительно к процессам перераспределения собственности колоссальных масштабов (в том числе и природных ресурсов, являющихся собственностью всего народа в лице государства), имевшее место в 90-х годах 20-го столетия и продолжающееся в наши дни, в высшей степени подходит крылатая фраза, исходящая своими истоками еще к римской эпохе — “Что взято, то свято”.² Награбленную различными способами собственность объявляют неприкосновенной, не подлежащей возврату ее подлинным владельцам. Формула власть имущих лаконична, но всеобъемлюща — итоги приватизации не подлежат пересмотру. Доказательств в подтверждение данной “истины” не приводится никаких. Разве что можно услышать из уст высших государственных мужей страшилки вроде той, что подобный процесс приведет к дестабилизации ситуации в обществе и стране. Можно подумать, что сама приватизация привела чуть ли не к райской идиллии и всеобщему общественному успокоению! Старая формула “что взято, то свято”, нашла в наше смутное время универсальное применение и чуть ли не высшее легитимное закрепление. Проводимая для обмана широких слоев населения “борьба” с “нечестными” олигархами отнюдь не является даже бледной тенью борьбы с теми, кто разворовал общенациональное достояние второй в мире по уровню экономического развития державы. Незыблемым был и остается постулат о “священности” и неприкосновенности захваченной собственности...

Такие реминисценции навеяли мне рассуждения тех, кто пытался и до сих пор пытается изобразить великий социально-экономический переворот в жизни огромной страны в период Октябрьской революции как пример криминального грабежа общероссийского масштаба.

В исторической литературе со времени Октябрьской революции и вплоть до настоящего времени продолжают ожесточенные споры о том, кто повинен в начале Гражданской войны и была ли хоть какая-либо, даже чисто гипотетическая, возможность избежать этой страшной полосы в истории России. Точки зрения на этот

² М.И. Михельсон. Ходячие и меткие слова. М. 1997. С. 497.

предмет различные, чаще всего полярно противоположные. И определяются они прежде всего и главным образом тем, какую исходную позицию по отношению к Октябрьской революции занимает тот или иной исследователь. Те, кто по преимуществу считает Октябрьскую революцию большевистским заговором или каким-то случайным нонсенсом в истории, естественно, возлагают всю ответственность за Гражданскую войну на большевиков и полагают, что ее можно было бы избежать, прояви большевики хотя бы минимум политической ответственности перед страной и народом. Те же, кто придерживается диаметрально противоположной позиции, считают виновниками начала Гражданской войны силы старого мира, не желавшие смириться с тем, что их собственность стала достоянием всего народа в лице государства.

На мой взгляд, историческая правда на стороне последних. Я не стану детально освещать природу и корни Гражданской войны, то, кто первым фактически проложил дорогу к ее началу. Это выходит за непосредственные рамки предмета моего рассмотрения. Сошлюсь лишь на некоторые моменты, имеющие, с моей точки зрения, не второстепенное, а принципиальное, определяющее значение.

Истоки Гражданской войны можно в хронологических рамках определять с первых дней после победы Октябрьской революции. Как известно, в октябре—ноябре 1917 года сдавшихся своих политических противников и участников вооруженной борьбы большевики не только не уничтожали, но даже отпускали “под честное слово”: в частности, под честное слово были освобождены многие бывшие министры Временного правительства, а также юнкера — участники направленного против новой власти мятежа 29 октября. Они обещали не бороться впредь против Советской власти. Под честное слово освобожден был и генерал Краснов, пытавшийся с помощью вооруженной силы свергнуть Советскую власть.

Кстати сказать, Сталин впоследствии не раз приводил этот факт как доказательство того, что с самого начала большевики не были ориентированы на раздувание Гражданской войны, а, напротив, всячески демонстрировали свою готовность и стремление избежать ее возникновения. Он привел достаточно убедительные доказательства первоначальных намерений большевиков проводить мягкую политику в отношении своих политических противников. Последовавший затем резкий переход к политике подавления и репрессий он поставил в прямую зависимость от того, что это была вынужденная ответная мера. Вот его аргументация: “Когда большевики пришли к власти, они сначала проявляли по отношению к своим врагам мягкость. Меньшевики продолжали существовать легально и выпускали свою газету. Эсеры также продолжали существовать легально и имели свою газету. Даже кадеты продолжали издавать свою газету. Когда генерал Краснов организовал контрреволюционный поход на Ленинград и попал в наши руки, то по условиям военного времени мы могли его по меньшей мере держать в плену, более того, мы должны были бы его расстрелять. А мы его выпустили «на честное слово». И что же? Вскоре выяснилось, что подобная мягкость только подрывает крепость Советской власти. Мы совершили ошибку, проявляя подобную мягкость по отношению к врагам рабочего класса. Если бы мы повторили и дальше эту ошибку, мы совершили бы преступление по отношению к рабочему классу, мы предали бы его интересы. И это вскоре стало совершенно ясно. Очень скоро выяснилось, что чем мягче мы относимся к нашим врагам, тем больше сопротивления эти враги оказывают. Вскоре правые эсеры — Гоц и другие и правые меньшевики организовали в Ленинграде контрреволюционное выступление юнке-

ров, в результате которого погибло много наших революционных матросов. Тот же Краснов, которого мы выпустили «на честное слово», организовал белогвардейских казаков. Он объединился с Мамонтовым и в течение двух лет вёл вооружённую борьбу против Советской власти. Вскоре оказалось, что за спиной этих белых генералов стояли агенты западных капиталистических государств — Франции, Англии, Америки, а также Японии. Мы убедились в том, как мы ошибались, проявляя мягкость. Мы поняли из опыта, что с этими врагами можно справиться лишь в том случае, если применять к ним самую беспощадную политику подавления.»³

Общеизвестный исторический факт — сам процесс утверждения Советской власти проходил в основном мирным путем, если не считать ожесточенные вооруженные столкновения в Москве и в некоторых других городах. Однако и эти отдельные вооруженные столкновения не опровергают вполне бесспорного факта, что в целом новая власть не натолкнулась первоначально на яростное и массовое сопротивление. Не случайно этот период вошел в историю как «триумфальное шествие» Советской власти. И в этой метафоре не только бравурный настрой победителей, но и отражение реального хода событий того времени. Эта метафора не является каким-то пропагандистским штампом или просто красным словом.

Большевиков обвиняли в том, что они узурпировали власть и не хотели допускать к управлению страной представителей других партий, придерживавшихся ориентации на социализм. Но это также опровергается фактами, поскольку именно большевики сразу же после Октябрьского переворота вполне определенно выразили согласие на формирование однородного социалистического правительства вместе с представителями других партий социалистического толка (меньшевики и эсеры). Главным условием формирования такого кабинета явилось требование согласиться с принятыми Вторым Всероссийским съездом советов декретами, в первую очередь декретами о мире и о земле. Однако потенциальные партнеры по правительственной коалиции отклонили это принципиально важное условие, которое, кстати сказать, пользовалось почти всенародной поддержкой, что в конечном счете и предопределило успех большевиков. Лишь левые эсеры пошли на союз с большевиками, который развалился летом 1918 года после знаменитого левоэсеровского мятежа.

В этой связи представляет интерес одно место из выступления лидера эсеров Чернова на первом и последнем заседании Учредительного собрания в январе 1918 года, когда он сказал: «Конец Гражданской войны, разросшейся теперь в войну между народами, населяющими Россию, единение трудовых масс всей России будет означать лишь углубление и оформление творчески созидательного характера великой российской революции.»⁴

К сожалению, разворот событий принял совершенно иное направление. Однако обвинять большевиков в этом, считать, что именно они были зачинщиками и апологетами Гражданской войны и последовавшей вместе с ней невиданной общероссийской смуты, значит сознательно исказить исторические факты. В лучшем случае, если речь идет не об искажении фактов, то можно говорить с полным основанием об узком, оторванном от реального исторического контекста, истолковании фактов.

³ И.В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 108-109.

⁴ Учредительное собрание. Россия 1918. Стенограмма и другие документы. С. 78.

До лета 1918 года масштабных проявлений Гражданской войны в стране не было. И объяснялось это тем простым фактом, что силы, выступавшие против новой власти, не располагали сколько-нибудь существенной массовой поддержкой. А без такой поддержки говорить о развертывании Гражданской войны значило бы говорить впустую. В этой связи стоит привести одно место из статьи В.И.Ленина «Русская революция и гражданская война», написанной в первой половине сентября 1917 года. Она проливает свет на действительную позицию большевиков по поводу мнимой неизбежности гражданской войны и условий, которые делают такую войну возможной: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной. Ибо против такого союза, против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов никакая буржуазией начатая гражданская война немыслима, этакая «война» не дошла бы даже ни до одного сражения...»⁵ И далее В.И.Ленин вполне убедительно аргументирует свой вывод следующим образом: «Сопrotивление буржуазии против безвозмездной передачи земли крестьянам, против подобных преобразований в других областях жизни, против справедливого мира и разрыва с империализмом, такое сопротивление, конечно, неизбежно. Но чтобы сопротивление дошло до гражданской войны, для этого нужны хоть какие-нибудь массы, способные воевать и победить Советы. А таких масс у буржуазии нет и взять их ей неоткуда.»⁶

Не вдаваясь в детали, можно сказать, что первоначально существовала отнюдь не эфемерная возможность того, что Гражданская война не являлась, по крайней мере до определенного рубежа, роковой неизбежностью. Такой она стала к середине 1918 года, когда силы старого порядка оправились, смогли консолидироваться, объединить под своими знаменами достаточно многочисленное войско. Именно в этот период, когда на селе стало заметно недовольство средних слоев крестьянства экономическими мерами большевиков, связанными с принудительным изъятием продовольствия для нужд голодавшего населения городов, и начали вызревать те самые предпосылки для Гражданской войны, о которых писал Ленин.

Отнюдь не случайно, что именно с середины 1918 года начинается отсчет действительно полномасштабной Гражданской войны, в которую оказались вовлеченными не верхушечные слои бывших господствующих классов, а достаточно широкие слои населения страны. Иными словами, Гражданская война стала неизбежной, когда появилась реальная надежда противостоящей стороны опереться на какую-то массовую поддержку. Именно эта реальная надежда сделала Гражданскую войну в России неизбежной и неотвратимой. Потенциальная возможность Гражданской войны стала суровым фактом действительности.

Все мои рассуждения о предпосылках Гражданской войны вовсе не означают, что я стремлюсь доказать явно недоказуемое, а именно то, что Октябрьская революция не имеет никакого отношения к возникновению этой войны. В конечном счете именно революция объективно стала тем исходным пунктом, который в конечном

⁵ В.И.Ленин. ПСС. Т. 34. С. 222.

⁶ Там же. С. 223.

счете и привел к Гражданской войне в стране. Это, на мой взгляд, факт неоспоримый. Из него, однако, не следует делать вывода, что виновниками этой войны целиком и полностью были большевики, захватившие в свои руки власть и на практике начавшие осуществлять те требования, которые отвечали устремлениям подавляющего большинства населения России. Каждая революция сопряжена с насилием, да и сама она, как принято считать, выступает как наиболее масштабное и концентрированное выражение этого насилия. Насилия, доведенного до своей крайней точки. Здесь я полностью солидарен с мыслью, высказанной историком В.С.Кулешовым: "Ясно пока лишь то, что наша революция несла в себе не только очищающее, но и испепеляющее начало. Она разводила людей по разные стороны баррикады, превращая их нередко в опьяненную насилием толпу. Страшное озлобление, взаимная непримиримость затронули самые различные слои общества."⁷

Гражданская война явилась бедствием общероссийского масштаба. Гражданские войны в других странах (США в XIX веке, в Испании в XX веке и т.д.) несоизмеримы по своим жертвами и страданиям, которые они обрушили на народы своих стран с Гражданской войной в России. Хотя и там число жертв измерялось сотнями тысяч человек. В какой-то степени к нашей Гражданской войне по числу своих жертв и морю страданий, выпавших на долю народа, может быть приравнена гражданская война в Китае в минувшем столетии.

Помимо неисчислимого числа людских потерь Гражданская война в России принесла с собой массу других последствий, наложивших свою неизгладимую печать на весь исторический облик нашей страны и в ряде случаев предопределивших именно тот путь, по которому она пошла в дальнейшем. Именно в Гражданской войне надо искать корни многих проявлений безумной классовой ненависти, испепелявшей миллионы людей. Исключительно сильное воздействие она оказала на формирование определенных социально-психологических норм и стандартов, которые в дальнейшем превратились чуть ли не в эталон подлинно классового подхода к событиям и людям.

И Сталин был одним из тех, чьи воззрения во многом определялись прежде всего психологией, утвердившейся в период Гражданской войны. Об этом пойдет речь ниже, но здесь я хочу подчеркнуть одну простую мысль: многие более поздние политические взгляды и подходы Сталина сформировались во многом под воздействием Гражданской войны, под непосредственным влиянием тех норм и правил, которые принесла с собой эта война. Хотя, конечно, ко времени Гражданской войны он уже был человеком с вполне сформировавшимися и утвердившимися взглядами. Но человек, как и любая политическая фигура, продолжает формироваться и изменяться на всем протяжении своего бытия. В данном случае речь идет о том, что специфическая обстановка Гражданской войны ярче высветила присущие ему черты характера и особенности его политического мышления.

Общая постановка проблемы Гражданской войны требует осветить хотя бы в самом общем виде и некоторые другие вопросы, имеющие к ней непосредственное отношение. К ним относится прежде всего вопрос о терроре, который стал одним из компонентов всей атмосферы Гражданской войны. Не буду вдаваться в детали и под-

⁷ "Вопросы истории КПСС". 1990г. № 5. С. 137.

робно рассматривать проблему, кто первый начал использовать террор как инструмент достижения своих классово-политических целей. Но фактом остается, что террор, практикуемый в самых широких масштабах, постепенно превратился в один из важных инструментов Гражданской войны, стал ее визитной карточкой. Здесь, как и в целом по отношению к причинам этой войны, существуют два противоположных подхода. Одни возлагают полную ответственность за начало террора на большевиков. Другие целиком и полностью возлагают вину на противников Советской власти.

Как и во многих других аналогичных случаях, ближе всего к истине, на мой взгляд, является золотая середина. Есть мудрая китайская поговорка – одна чашка не звенит. Так и в подходе к вопросу о терроре. Красный террор и белый террор были органически взаимосвязаны и взаимообусловлены. Без одного не было бы и другого.

Но историческая истина требует сказать, что первые шаги к террору как законному и оправданному средству борьбы против Советской власти сделали именно противники новой власти. Общеизвестен факт, что не кто иной, как генерал Корнилов в качестве первого организатора и руководителя Белой армии в январе 1918 года отдал приказ своим войскам, в котором однозначно предписывалось – пленных не брать!⁸ Не менее широко известны и факты террора против руководящих представителей Советской власти (убийство Урицкого и Володарского, покушение на Ленина 30 августа 1918г.). Собственно эти акты террора и стали той искрой, которая разожгла пожар массового террора.

Большевики вынуждены были силой самих обстоятельств ответить на белый террор красным террором. Правда, некоторые исследователи указывают на несоответствие ответных мер со стороны большевиков, возвысивших террор до уровня государственной политики. Но в конце концов вопрос о соразмерности или адекватности ответных мер не так прост, как может показаться на первый взгляд. Без учета сложной и чрезвычайно обостренной обстановки того времени на него нельзя дать однозначного ответа. А втискивать все в рамки элементарной черно-белой картины – значит намеренно упрощать положение.

5 сентября 1918г., после покушения на Ленина, был принят декрет, вошедший в историю в качестве главного обвинительного акта против большевиков. В нем говорилось: «Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии и внесения в нее большей плановости необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»⁹

Едва ли здесь требуются особые комментарии. Декрет говорит сам за себя. Однако было бы упрощением рассматривать его в качестве своего рода манифеста, про-

⁸ Подробнее об этом см. Г. Э. Иоффе. Белое дело. Генерал Корнилов. М. 1989. С. 233.

⁹ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 291-292.

возглашавшего террор в качестве вполне законного и необходимого средства обеспечения завоеваний революции. Вынужденный характер этой меры для объективного исследователя вполне очевиден. Другое дело, что на практике применение террора обернулось массовыми казнями сторонников белого движения, заложников и т.д. Это, как говорится, были исторические издержки. Но масштабы этих "издержек" приводят в состояние ужаса и оцепенения.

У меня нет ни малейшего намерения каким-то образом оправдать красный террор. Едва ли его можно оправдать вообще, в том числе и ссылками на белый террор. Последний, кстати сказать, и по своим масштабам, и по своей жестокости не уступал красному террору. И с одной, и с другой стороны приводились бесчисленные факты и свидетельства, раскрывающие масштабы и размах красного и белого террора. Взгляд через многие десятилетия не оставляет сомнений в том, что оба этих террора были самыми зловещими проявлениями эксцессов Гражданской войны.

Такова нравственная оценка. Однако она не раскрывает и вообще не способна раскрыть историческую картину тех времен. Речь идет о понимании сути той эпохи, а не о нравственных критериях ее оценки. Это две вещи разные. Осуждая террор с обеих сторон, надо вместе с тем отдавать себе отчет в том, что он был имманентной характерной чертой, одной из важнейших особенностей той эпохи. И на него тогда смотрели иными глазами, чем смотрим мы сейчас. Чтобы не впасть в своего рода аберрацию исторического видения и не оценивать события прошлого с колокольни сегодняшнего дня, надо подходить к событиям минувшего с полным и неприменным учетом обстановки той минувшей эпохи. В противном случае сами события и люди, игравшие активную роль в этих событиях, будут нами поняты поверхностно. Если вообще будут поняты!

В разъяснение и подтверждение этой мысли сошлюсь на то, что в конце Гражданской войны Советская власть одной из первых вообще в мире объявила об отмене смертной казни. 17 января 1920 г. ВЦИК и СНК приняли постановление об отмене смертной казни по отношению к врагам Советской власти. В нем говорилось: «Революционный пролетариат и революционное правительство Советской России с удовлетворением констатируют, что разгром вооруженных сил контрреволюции дает им возможность отложить в сторону оружие террора.

Только возобновление Антантой попыток путем вооруженного вмешательства или материальной поддержки мятежных царских генералов вновь нарушить устойчивое положение Советской власти и мирный труд рабочих и крестьян по устройению социалистического хозяйства может вынудить возвращение к методам террора, и, таким образом, отныне ответственность за возможное в будущем возвращение Советской власти к жестокому методу красного террора ложится целиком и исключительно на правительства и правительствующие классы стран Антанты и дружественных ей русских помещиков и капиталистов».¹⁰

Чтобы глубже понять смысл и значение террора во время Гражданской войны, нужно, видимо, ответить еще на один вопрос: был ли террор главным оружием большевиков в борьбе за удержание власти и достижение победы? Беспристрастный человек может ответить на этот вопрос только отрицательно. Ведь с помощью террора

¹⁰ Декреты Советской власти. Т. 7. С. 104-105.

нельзя было бы победить, если бы подавляющая часть населения России не поддерживала большевиков и их программу. Репрессии всякого рода и масштабный террор захлебнулись бы в крови и никогда не привели бы к торжеству большевиков, не будь на их стороне поддержка основной массы населения страны. Да они и не могли делать основную ставку на террор, поскольку, при всех их пороках и недостатках, были достаточно опытными и дальновидными политиками. Как пишет американский исследователь Р.Пайпс, большинство коллег британского кабинета в то время считали, что “способность большевиков побеждать политических соперников говорит об их общественной поддержке”. В то время как один из главных вдохновителей интервенции У.Черчилль исходил из того, что победа большевиков “основана на неограниченном терроре.”¹¹ История расставила все по своим местам. Крах интервенции убедительно доказал, что один из наиболее последовательных и непримиримых противников советской России Черчилль свою политику строил на ошибочных посылах. И правыми оказались именно его коллеги по кабинету. В конце концов, как ни велика роль насилия в истории, она всегда имеет свои пределы. Эти пределы насилию ставит сама ее неспособность к созиданию, а революции как раз сильны не своей разрушительной, а своей созидательной стороной. В противном случае революции были бы обречены на неотвратимое поражение и не сыграли бы роль освежающей бури, всколыхнувшей застойное болото тогдашней российской действительности.

И в заключение этого небольшого экскурса в генезис Гражданской войны и причин, сделавших ее столь длительной и столь кровопролитной, следует затронуть еще один аспект проблемы. Речь идет о роли внешнего фактора в развитии внутренних событий тогдашней России. Без правильного понимания и учета данного фактора картина Гражданской войны в нашей стране будет не просто неполной, но и явно искаженной.

Одной из решающих причин, обусловивших длительность (а значит, и увеличивших число жертв и страдания многих миллионов людей в России) Гражданской войны в России, являлось прямое и косвенное вмешательство западных держав во внутренние дела страны. Ведущие державы Запада, и прежде всего страны Антанты, являлись не только прямыми участниками Гражданской войны (разумеется, на стороне белых), но и играли роль того мотора, который во многом придавал новые обороты зловещему колесу гражданской бойни, ареной которой стала Россия. Нет никакой натяжки в общей оценке, данной Сталиным в феврале 1919 года, когда он писал: “На два лагеря раскололся мир решительно и бесповоротно: лагерь империализма и лагерь социализма... Борьба этих двух лагерей составляет ось всей современной жизни, она наполняет всё содержание нынешней внутренней и внешней политики деятелей старого и нового мира.”¹²

Я не буду приводить конкретные факты и цифры, раскрывающие зловещую роль западных держав в провоцировании и стимулировании братоубийственной войны в России. На этот счет имеется бесчисленное множество документов, материалов и свидетельств. Российский историк В.Кожин, например, писал: “Разумеется, Белая армия постоянно провозглашала, что она воюет за Россию и ее коренные интере-

¹¹ Ричард Пайпс. Россия при большевиках. М. 1997. С. 87.

¹² И.В.Сталин. Соч. Т. 4. С. 232.

сы. Однако есть все основания утверждать, что в действительности борьба Белой армии определялась — пусть даже, как говорится, в известной мере и степени — интересами Запада.¹³ В своей книге В.Кожинов приводит примечательные слова Милюкова — лидера кадетов: «Теперь выдвигается (на Западе — *В. К.*) в более грубой и откровенной форме идея эксплуатации России как колонии (выделено самим П. Н. Милюковым. — *В. К.*) ради ее богатств и необходимости для Европы сырых материалов». И уж если убежденный «западник» Милюков (кстати, находившийся в Великобритании еще с начала 1919 года) сообщает такое, не приходится сомневаться в истинности «диагноза».¹⁴

И чтобы еще в большей степени подчеркнуть несостоятельность и необъективность тех, кто винит во всем большевиков и забывает о реальной исторической ответственности западных держав за кровавую бойню в России, сошлюсь на выводы, сделанные таким знатоком советских проблем, как Р.Пайпс. Усомниться в обоснованности его выводов может лишь тот, кто вообще ничего не хочет видеть, кроме жупела красной опасности. Причем речь идет не только о прошлом, но и о настоящем. Ибо Р.Пайпс относится к числу наиболее непримиримых и, я бы сказал, особенно ожесточенных критиков коммунизма и Советской власти. Вот что он писал в своем весьма фундированном исследовании: «Невозможно говорить о Гражданской войне в России, не упоминая об иностранных державах, особенно Великобритании. Конечно, не было ничего и близко напоминающего «империалистическую интервенцию», — сконцентрированного, целенаправленного похода западных держав против коммунистического режима. Западное присутствие на территории и участие в делах России, особенно после ноября 1918, страдало от отсутствия ясной цели и от серьезных разногласий как между союзными державами, так и между различными политическими группировками внутри каждой из них. Вместе с тем **без западного вмешательства на стороне белых никакой Гражданской войны в России (в военном смысле этого слова) не было бы** (подчеркнуто мной — *Н.К.*), поскольку бесконечное превосходство большевиков в людях и вооружении привело бы к быстрому подавлению любого военного сопротивления режиму».¹⁵

О вмешательстве как одной из главных причин Гражданской войны писали не только Р.Пайпс, но и многие другие западные советологи. Большинство из них, не имея никакой возможности отрицать хорошо известные факты, вынуждены были признавать, что это вмешательство не носило характера всего лишь оказания военной помощи белым армиям, а принимало формы прямого участия в военных действиях против Советской власти. Так, биограф Сталина Р.Такер пишет: «Военное вмешательство извне (главным образом со стороны Франции, Великобритании, Японии и Соединенных Штатов) не ограничилось поставками белым боеприпасов и снаряжения; была осуществлена и прямая вооруженная интервенция».¹⁶

История не та сфера, где можно ставить гипотетические вопросы о том, как пошло бы развитие событий в случае, если бы... Что было, то уже никак не передела-

¹³ *Вадим Кожинов*. Россия. Век XX. (1901 — 1939). С. 172.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Ричард Пайпс*. Россия при большевиках. М. С. 76.

¹⁶ *Роберт Такер*. Сталин. Т. I. С. 178.

ешь и не перепишешь, какие бы усилия ни предпринимались в этом направлении. Однако и без постановки подобного рода гипотетических вопросов совершенно неоспоримым является то, что без иностранной военной помощи и военной интервенции Гражданская война в России если бы и началась, то не приняла бы таких грандиозных масштабов и не затянулась бы на долгие годы. Так что свою, причем немалую, долю исторической ответственности за все страдания, выпавшие на долю народов России, должны нести и западные демократии. Они не столько из-за своих сугубо демократических побуждений, а из чисто корыстных соображений осуществляли прямое вмешательство в российские дела. Их главная цель состояла в том, чтобы направить развитие страны по совершенно иному историческому руслу.

Оценивая феномен Гражданской войны в формировании политической философии Сталина, думается, важно выделить и особо подчеркнуть следующее обстоятельство. Если брать события этой войны во всей их совокупности и в нераздельном единстве, если оценивать их в широкой исторической ретроспективе, то вырисовывается следующая общая картина. Для большевиков Гражданская война, будучи по своему содержанию самым ярким и обнаженным проявлением классового противоборства, выступала вместе с тем и как борьба за сохранение единого государственного пространства прежней Российской империи. Конечно, по своей форме эти устремления облекались в иные формы и осуществлялись посредством совершенно иных механизмов. Большевики не несли на своих знаменах лозунг “единой и неделимой России”, как это делали белые. Но по своему существу и объективному содержанию их борьба содержала в себе в качестве одного из основополагающих элементов сохранение государственного единства России, решительное и бескомпромиссное отстаивание ее суверенитета и территориальной целостности. Механизмом, дававшим им возможность добиваться достижения этой цели, как уже отмечалось выше, являлось существование единой партии, действовавшей на пространствах необъятной России, в том числе и в национальных районах страны. Такой механизм — и это убедительно подтвердила практика — в сложившихся исторических условиях был наиболее эффективным. Он позволял большевикам, формально не отказываясь от лозунга обеспечения прав наций на самоопределение, фактически выступать в качестве естественных проводников идеи общероссийского государственного единства.

Внимательный анализ публичных выступлений Сталина в этот период, а также его деятельность на посту главного проводника национальной политики нового режима, позволяет уловить одну характерную черту: провозглашая идеи национальной независимости и право наций на самоопределение (так поступать он был обязан по вполне очевидным причинам), неизменно доминирующий акцент он всегда делал на вопросе об укреплении единства национальных окраин с Россией, на нецелесообразности их отделения от России. Иными словами, в эпоху Гражданской войны в его политической философии сформировалась и получила развитие идея государственности, идея единого государственного пространства, ставшая впоследствии определяющей в его подходах к решению конкретных практических проблем национально-государственного строительства. С определенной долей истинности можно заключить, что именно в период Гражданской войны в политическом сознании Сталина были заложены основы, фундамент его политической философии, одним из краеугольных камней которой выступала идея государственности. Конечно, мне могут возразить, что речь шла о социалистической государственности. Однако хочу обратить внимание, что су-

ществительным здесь является все-таки государственность, а социалистическое — только определением. Иными словами, надо смотреть в корень проблемы, а не оперировать понятиями диалектического догматизма.

И, наконец, если оставить за скобками все прочие (разумеется, важные, но в данном случае выходящие за рамки моего исследования) причины и источники победы большевиков в Гражданской войне, то, пожалуй, на первое место следует поставить следующее: большевики фактически подняли знамя национального спасения России, выступили решительными поборниками сохранения ее суверенитета и национальной независимости. А это было такое знамя, под которым могли объединиться самые различные силы общества. Я не стану утруждать читателя логическим доказательством и примерами, а сошлюсь лишь на свидетельство одного из членов рода Романовых — великого князя Александра Михайловича, вынужденного после революции эмигрировать и оставившего в начале 30-х годов минувшего века после себя воспоминания. В них содержится весьма многозначительная констатация: "...Вершители европейских судеб, по-видимому, восхищались своею собственною изобретательностью: они надеялись одним ударом убить и большевиков, и возможность возрождения сильной России. Положение вождей Белого движения стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что они не замечают интриг союзников, они призывали... к священной борьбе против Советов, с другой стороны — на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи..."¹⁷

Комментарии, как говорят, излишни. Но я позволю себе заметить, что последовательно данную позицию, может быть, даже более активно, чем сам Ленин, занимал Сталин. Это дает основание расценивать период Гражданской войны в эволюции политических воззрений Сталина как этап складывания его как государственника. Разумеется, должно было пройти немало времени и случиться множеству событий, чтобы в его политической философии окончательно сформировались идеи государственности как приоритетные идеи, как фундамент его политического мышления.

В конце своей политической и государственной деятельности, уже едва ли не на пороге своей смерти, в октябре 1952 году Сталин в последнем публичном выступлении счел необходимым и важным коснуться вопроса об отстаивании национального суверенитета и независимости государств. В совершенно иной геополитической обстановке он вновь подчеркнул принципиальную важность данного вопроса: "Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их "превыше всего" Теперь не осталось и следа от "национального принципа" Теперь буржуазия продаёт права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придётся поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперёд, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять. (*Бурные аплодисменты*).

Так обстоит дело в настоящее время."¹⁸

ПРОТ. ДАВЫД МЕНДЕЕВ ОБОБЩА

Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М. 1991. С. 256-257.

¹⁸ И. В. Сталин. Речь на XIX съезде партии. М. 1952. С. 12-13.

Таким образом, в политической деятельности Сталина прослеживается четкая линия на отстаивание государственного суверенитета и независимости, причем со времен Гражданской войны до превращения Советского Союза в одну из двух ведущих держав мира. И эта линия органически вписывается в систему его общеполитических воззрений, в его политическую философию. Но обо всем этом речь будет идти во втором томе политической биографии Сталина.

Краткий обзор некоторых узловых проблем, касающихся причин Гражданской войны, мне думается, поможет лучше понять условия, в которых протекала деятельность Сталина в эти грозные годы. А понять условия, саму атмосферу Гражданской войны, значит проложить мостик к пониманию существа действий и некоторых черт Сталина, ярко проявившихся во время этой войны.

2. Основные вехи участия Сталина в Гражданской войне

Участие Сталина в Гражданской войне занимает весьма специфическое место в политической биографии Сталина в силу целого ряда причин. Остановимся лишь на наиболее существенных из них.

Прежде всего это — та часть его политической карьеры, которая подверглась, возможно, наиболее массивной фальсификации и всякого рода искажениям в период формирования так называемого культа личности. Из Сталина тогда пытались сделать чуть ли не главную фигуру, сыгравшую решающую роль в создании Красной армии. Во-вторых, лизоблюды и подхалимы всех рангов и мастей пытались представить его в качестве непревзойденного стратега, лично разработавшего наиболее важные планы решающих военных операций, от исхода которых якобы зависели судьбы Советской власти. В-третьих, всячески замалчивались или голословно отрицались серьезные ошибки военно-политического характера, допущенные Сталиным в этот период.

Это — одна сторона проблемы, служившая преградой на пути установления истины, мешавшая объективной, соответствующей фактам и историческим условиям, оценке его подлинной роли в Гражданской войне. Другая сторона проблемы заключается в том, что во времена так называемой десталинизации (и вплоть до настоящего времени) самое широкое хождение получили столь же неприглядные и столь же тенденциозные оценки, но уже прямо противоположного направления. Многие авторы, пишущие о Сталине, всю его деятельность в период Гражданской войны стремятся представить в негативном свете. При этом используются самые разные приемы — от произвольного подбора фактов и их односторонней интерпретации до настоящего потока обличений и обвинений, которые при объективном рассмотрении в лучшем случае выглядят тенденциозными. Причем красной нитью через работы последнего ряда проходит сквозная идея, что Сталин во время Гражданской войны был малозначительной фигурой и его роль была более чем скромной.

Свою задачу я видел в том, чтобы, не углубляясь в многочисленные детали и подчас спорные моменты, попытаться, насколько это вообще возможно, дать правдивую оценку роли и месту Сталина в Гражданской войне. Это мне виделось принципиально важным не только с точки зрения исторической истины вообще, но и прежде всего по той причине, что эпоха Гражданской войны являлась исключительно значимой в плане формирования и закрепления фундаментальных, государственных, по-

литических и военно-стратегических установок, которыми Сталин руководствовался в дальнейшем в своей деятельности. Жестокая и кровавая эпоха Гражданской войны не только высветила аналогичные свойства его политической философии. Она наложила на них свою неизгладимую печать. Зловещие отблески Гражданской войны порой служили Сталину своеобразными маячками, указывающими путь, которым он шел. Иными словами, не только в чисто политическом, но и в морально-психологическом плане период Гражданской войны можно считать одним из тех, когда окончательно сформировался его политический багаж, а также арсенал средств, используемых им в борьбе со своими политическими противниками. Эпоха Гражданской войны, таким образом, была не только эпохой в советской истории, но и цельной эпохой в становлении и эволюции Сталина как государственного и политического деятеля.

Было бы, конечно, грубым упрощением утверждать, что арсенал средств, получивших самое широкое применение во время этой войны, Сталин взял на свое полное вооружение и на мирный период, на период строительства нового общественно-го строя. Но не меньшим упрощением было бы думать, что он начисто забыл об этих средствах и не считал приемлемым использовать их в мирных условиях. Феномен Гражданской войны, видимо, настолько глубоко и органично проник в его натуру, во весь строй его политического мышления, что он многократно возвращался к нему в своей дальнейшей деятельности. Наверняка можно утверждать, что один из постулатов этого феномена, выраженный в классической формуле “Если враг не сдается, его уничтожают”, стал одним из красугольных камней всей его последующей философии политической борьбы. Некоторые исследователи явно упрощают дело, когда заявляют, что к таким постулатам, принятым Сталиным на вооружение еще в период Гражданской войны, относится и афористическая фраза “Кто не с нами, тот против нас.” Мягко выражаясь, это — явная чушь, поскольку Сталин никогда не был слепым догматиком. Напротив, его отличало умение маневрировать, искать и находить союзников, попутчиков, людей, которых можно использовать для достижения своих целей, а потом отбросить как отработанный материал. Если бы он придерживался столь примитивной формулы, то мы едва ли бы знали Сталина как одного из великих политических и государственных деятелей прошлого.

С самого начала следует вполне определенно сказать, что Сталин в Гражданской войне участвовал прежде всего и главным образом не как военный руководитель, и тем более не как полководец, а как партийный и государственный деятель. Поэтому совершенно беспочвенной выглядит, например, обобщенная оценка роли Сталина в Гражданской войне, данная в его Краткой биографии. В ней без тени сомнения утверждалось в качестве абсолютно бесспорной и очевидной истины: *“Непосредственным вдохновителем и организатором важнейших побед Красной армии был Сталин.* Всюду, где на фронтах решались судьбы революции, партия посылала Сталина. Он был творцом важнейших стратегических планов. Сталин руководил решающими боевыми операциями. Под Царицыном и под Пермью, под Петроградом и против Деникина, на западе против панской Польши и на юге против Врангеля — всюду железная воля и стратегический гений Сталина обеспечивали победу революции... С именем Сталина связаны самые славные победы нашей Красной армии.”¹⁹

¹⁹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С.82-83.

Безмерное восхваление заслуг Сталина как полководца и организатора Красной армии, было, видимо, сочтено недостаточным. Какой же это полководец, если он не внес своего вклада в развитие военной науки, прежде всего в области стратегии? Не знающие никакой меры апологеты Сталина не преминули “дополнить” заслуги вождя в Гражданскую войну подчеркиванием его особого вклада в военную науку, чем стремились поставить его в ряд величайших полководцев мировой истории. Правда, произошло это несколько позднее. В разработанных отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Институтом Маркса—Энгельса—Ленина тезисах в связи с 70-летием Сталина особо подчеркивалось: “По поручению Ленина Сталин разрабатывал основы передовой советской военной науки, той науки, которая, непрерывно развиваясь и обогащаясь, обеспечила победу советского народа в годы гражданской войны и интервенции, обеспечила всемирно-историческую победу в Великой Отечественной войне.”²⁰

Особую активность на поприще превознесения заслуг Сталина как военного деятеля проявил недалекий политик и незадачливый маршал К.Е.Ворошилов, тесно работавший со Сталиным в период Гражданской войны. Ему принадлежат следующие слова: “О Сталине, создателе Красной армии, ее вдохновителе и организаторе побед, авторе законов стратегии и тактики пролетарской революции — будут написаны многие тома. Мы, его современники и соратники, можем только дать штрихи об его огромной и плодотворной военной работе...”

Некоторые сравнивают Сталина с большими полководцами, вошедшими в историю. Такое сравнение не выдерживает критики. Нельзя сравнивать Ленина и Сталина ни с какими полководцами.²¹

Сам Сталин, как об этом свидетельствуют факты, вполне терпимо, если не сказать благосклонно, относился к подобным славословиям, хотя не мог не понимать, что они явно противоречат исторической действительности. Я не исключаю, что, возможно, в глубине души он и сам поверил в эту гипертрофированную версию о своей роли в Гражданской войне. Хотя допустить такую возможность можно лишь условно, поскольку он обладал блестящей памятью и не мог столь грубо заблуждаться на свой собственный счет. Руководствовался он, видимо, иными соображениями.

Вначале, когда велась борьба против оппозиции, когда недавняя история стала персонифицироваться во имя достижения политических целей, когда оценка роли личностей более или менее видную роль в Гражданской войне, выступала в качестве козырной карты во внутривнутрипартийных баталиях, прославление Сталина и его якобы исключительной роли в победе над белыми и интервентами преследовало четкую и ясную цель: дискредитировать Троцкого в глазах не только партии, но и всей страны. Поскольку в это время именно Троцкий пользовался репутацией организатора и вождя Красной армии. Сутубо утилитарная, политическая цель восхвалений Сталина, таким образом, находит свое логическое объяснение. Объяснение, но никак не оправдание.

После Великой Отечественной войны, когда Сталина безудержно восхваляли как гениальнейшего из всех полководцев, он не только благосклонно внимал этим

²⁰ Великий вождь и учитель Коммунистической партии и советского народа. К семидесятилетию со дня рождения И.В.Сталина. М. 1949. С. 8.

²¹ Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. С. 33, 35.

славословиям, но и попытался перекинуть своеобразный мостик в период Гражданской войны. В 1946г. в письме полковнику Разину есть такое любопытное и многозначительное место: «В отличие от Энгельса Ленин не считал себя знатоком военного дела. Он не считал себя знатоком военного дела не только в прошлом, до Октябрьской революции, но и впоследствии, после Октябрьской революции вплоть до окончания Гражданской войны. В Гражданскую войну Ленин обязывал нас, тогда еще молодых товарищей из Цека, «досконально изучить военное дело». Что касается себя, он прямо заявлял нам, что ему уже поздно изучать военное дело.»²²

Действительно, Ленин не раз говорил о том, что он не считает себя специалистом в знании военной науки. Вместе с тем он говорил и о том, что партийному руководству во время Гражданской войны постоянно приходилось сталкиваться с вопросами военной стратегии и решать чисто стратегические вопросы. При этом Ленин подчеркивал органическую связь военной стратегии с политической стратегией, отдавая примат, разумеется, политической стратегии. Так, в сентябре 1920 года, когда на 9-й партконференции РКП (б) детально рассматривались причины нашего поражения в войне с Польшей, он говорил: «Нам во время Гражданской войны, Политбюро приходилось решать чисто стратегические вопросы, настолько чисто стратегические вопросы, что мы смотрели друг на друга с улыбкой, как же так мы превратились в стратегов? среди нас были даже люди, которые издалека войны не видали, но несмотря на это приходилось заниматься стратегией, потому что стратегия подчинена политике и одно с другим связано неразрывно. Теперь, как в эпоху юденического, деникинского наступления, не раз решались нами чисто стратегические вопросы, нас уже не удивляло это. Но теперь надо помнить, что всякая стратегия — ни что иное, как политика.

Где же теперь искать ошибку? Возможно ошибка политическая, возможно и стратегическая. Отнюдь не претендую ни малейшим образом, что знаю военную науку, многое, заранее прошу извинения перед товарищами, которые знают эту науку теоретически и практически, я буду разбирать с точки зрения, где искать возможно ошибку политическую или стратегическую.»²³

Что касается заявления Сталина, сделанного в письме полковнику Разину, то если обнажить подтекст данного заявления, то видно, что Сталин считал себя военным деятелем уже с периода Гражданской войны. Будучи искусным политическим стратегом, он, вероятно, полагал, что владение стратегией и тактикой политической борьбы априори дает ему неоспоримое право причислять себя к военным стратегам. Хотя, конечно, было бы наивностью полагать, будто Сталин не понимал, сколь существенно отличается политическая стратегия от стратегии военной. Между тем, все это не мешало ему зачастую проводить прямую аналогию между двумя в корне различными видами стратегии — политической и военной.

Что же касается замечания Сталина по поводу того, что Ленин не считал себя знатоком военного дела, то это видно хотя бы из процитированного выше выступления Ленина. Однако не быть знатоком военного дела — не значит не разбираться в нем. Ленин на протяжении всей Гражданской войны стоял у руля руководства, и ни

²² И.В. Сталин. Соч. Т. 16. М. 1997. С. 21.

²³ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 381-382.

одно сколько-нибудь важное решение, в том числе и по военно-стратегическим вопросам, а может быть, прежде всего именно по этим вопросам, не могло быть принято без его участия, а тем более вопреки его мнению. Так что проскальзывающая в ремарке Сталина недооценка Ленина и его роли в военных делах лежит целиком и полностью на совести Сталина. Он прекрасно понимал, что такой блестящий политический стратег и тактик, каким являлся Ленин, не мог не разбираться в чисто военных вопросах, особенно тогда, когда они носили принципиальный стратегический характер.

Завершая сюжет о политической подоплеке восхваления заслуг Сталина в период Гражданской войны в сугубо военной сфере, хочется оттенить еще одну мысль: Сталин сознательно поощрял все это, особенно после второй мировой войны, чтобы обозначить не просто пунктиром, а яркими мазками некую причинно-следственную связь между ним как организатором побед в Гражданской войне и той ролью, которую он сыграл как верховный главнокомандующий во время Великой отечественной войны. Лавры великого полководца, внесшего крупный вклад в военную науку, видимо, прельщали его в не меньшей степени, чем лавры политического стратега.

Отталкиваясь от моих критических замечаний и комментариев, читатель невольно может прийти к выводу, что я стремлюсь принизить или, более того, вообще поставить под вопрос роль Сталина как военного деятеля (а он был таковым в силу сложившихся условий). Отнюдь нет! Речь идет лишь о мере, о разумных пропорциях в оценках этой его роли. Что он был достаточно крупным военным деятелем, в том числе и в годы Гражданской войны, не говоря уже о последующих этапах его жизни, в особенности в период второй мировой войны, — все это представляется бесспорным. Повторяю, речь идет исключительно о реалистичности оценок, о том, чтобы эти оценки не носили ни панегирического, ни заведомо зашательского характера. К сожалению, в литературе о Сталине как раз и наблюдается присутствие именно этих двух крайних подходов. Какой из них лучше? Оба одинаково несостоятельны и оба мало что могут дать для воспроизведения истинной картины.

Однако перейдем к непосредственному обзору его деятельности во время Гражданской войны. С самого начала оговорюсь, что я не рассматриваю сам факт его участия в тех или иных (пусть и порой значительных) эпизодах Гражданской войны как свидетельство того, что именно эпизоды с его участием непременно были решающими в ходе и исходе самой этой войны.

Царицынская эпопея

Первым “боевым крещением” Сталина на фронтах Гражданской войны стала его активная и даже можно утверждать решающая роль в обороне Царицына. Значимость царицынского участка фронта в тот период определялась многими факторами. Летом 1918 года в центральной России был организован левоэсеровский мятеж, который большевикам удалось подавить сравнительно быстро и легко. Уроки левоэсеровского мятежа прозвучали как грозное предостережение большевикам, они явились предвестником наступления периода открытого вооруженного противоборства советской власти и ее противников. Примерно в это же время на огромных пространствах Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока мы сталкиваемся с мятежом чехословацкого корпуса. Этот корпус в соответствии с достигнутым соглашением перебрасывался с юга России во Владивосток, для того чтобы потом принять участие в

военных действиях на западном фронте против Германии и ее союзников. К тому времени белогвардейские части в различных районах России, особенно на юге и востоке, уже начали складываться в регулярные боеспособные части. Военная опасность нависла над новым режимом, и Гражданская война в своем полномасштабном виде из потенциальной возможности начала превращаться в факт реальной действительности. Страна, не успевшая к тому времени еще по-настоящему даже воспринять и осознать окончание войны с Германией, оказалась на пороге не менее жестоких испытаний, уготованных ей исторической судьбой.

Особо следует отметить резко ухудшившееся продовольственное положение широких слоев населения, в первую очередь Москвы, Петрограда и других промышленных центров. Жители крупных городов, да и не только крупных, очутились на грани голодной смерти. Вопрос о снабжении населения продовольствием превратился в вопрос о выживании Советской власти, о будущем нового строя.

Между тем запасы продовольствия на селе имелись, в первую голову на юге страны. Задача состояла в том, чтобы получить это продовольствие, доставить его нуждающимся промышленным центрам. Проблема была не из легких, поскольку добровольно отдавать излишки хлеба крестьяне не изъявляли абсолютно никакого желания. Хотя формально Советской властью продразверстка была введена лишь в следующем, 1919 году, фактически она начала осуществляться гораздо раньше. Военная опасность, нависшая над новым режимом, тесно переплелась с угрозой голода. И не легко сказать, какая из них была более злоедей. Взаимосвязь этих двух ключевых проблем выживания новой власти представлялась более чем очевидной. Они как бы слились в один сложный клубок трудноразрешимых проблем.

Именно в такой обстановке 29 мая 1918г. Совнарком назначает Сталина общим руководителем продовольственного дела на юге России, облеченным чрезвычайными полномочиями. Объем этих полномочий определялся не только мандатом, врученным ему, но и тем фактом, что он являлся членом правительства, а главное — членом ЦК и его Бюро. Реальное положение в партийной верхушке предопределяло то, что его фактические полномочия далеко выходили за рамки формальных полномочий, которыми он был облечен в соответствии с мандатом, врученным ему как народному комиссару.

С отрядом из нескольких сот человек (по преимуществу из латышских стрелков) Сталин в начале июня прибыл в Царицын на специальном поезде. Буквально в считанные дни ознакомившись на месте с ситуацией, он телеграфирует Ленину: «1) Линия южнее Царицына еще не восстановлена. Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим. Можете быть уверены, что не пощадим никого, ни себя, ни других, а хлеб всё же дадим. Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!)

— 1918 г.

* Необходимо напомнить, что большевики, вводя продразверстку, не выступали здесь в роли пионеров. Еще царское правительство пыталось в начале 1917 года решить продовольственный вопрос путем продразверстки, предусматривавшей продажу владельцами хлеба по твердым ценам. Меры аналогичного характера предпринимало и Временное правительство. Однако из-за сопротивления помещиков и кулаков все эти попытки оказались неэффективными и не принесли желаемых результатов. (Подробнее см. **Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. С. 476**).

не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им.

2) Южнее Царицына скопилось много хлеба на колёсах. Как только прочистится путь, мы двинем к вам хлеб маршрутными поездами.

3) Ваше сообщение принято. Всё будет сделано для предупреждения возможных неожиданностей. Будьте уверены, что у нас не дрогнет рука...»²⁴

Видимо, со стороны Сталина было даже ненужным в этой телеграмме лишний раз говорить о том, что у него рука не дрогнет. Собственно, в силу того, что он отличался исключительной твердостью, жесткостью и непреклонностью, Сталин и был послан в Царицын для решения продовольственной проблемы. Каких-либо сомнений насчет того, что он может остановиться перед принятием самых суровых мер, ни у Ленина, ни у других руководителей партии сомнений не существовало. Сталин уже прочно и навсегда зарекомендовал себя человеком твердой и весьма жесткой руки. Было хорошо известно в большевистской верхушке еще одно качество Сталина как руководителя — он смело принимал решения, брал на себя ответственность и не склонен был считаться ни с чьим положением и авторитетом. Он сам считал себя высшим авторитетом. А имея полномочный мандат особоуполномоченного, а главное опираясь на свое положение в партии и правительстве, он не замедлил прибегнуть к самым решительным и жестким мерам.

Необходимо подчеркнуть, что военная ситуация вокруг Царицына сложилась чрезвычайно напряженная. Белогвардейские части плотным кольцом окружили город, в котором царила обстановка неуверенности, доходившей до паники. Не имея специальных военных полномочий, Сталин решительно стал вторгаться в военные дела. Его положение в этом плане несколько усилилось, когда он после настоятельных обращений в центр был введен в состав Реввоенсовета, состоявшего из трех человек. Едва ли есть необходимость говорить о том, что он взял в свои руки все бразды правления и в военной сфере. О характере его действий лучше всего, конечно, могут говорить сами документы, вышедшие из-под руки Сталина. Приведем наиболее характерную в этом плане телеграмму, посланную им Ленину: «1) Если Троцкий будет, не задумываясь, раздавать направо и налево мандаты Трифонову (Донская область), Автономову (Кубанская область), Коппе (Ставрополь), членам французской миссии (заслужившим ареста) и т. д., то можно с уверенностью сказать, что через месяц у нас всё развалится на Северном Кавказе, и этот край окончательно потеряем. С Троцким происходит то же самое, что с Антоновым одно время. Вдолбите ему в голову, что без ведома местных людей назначений делать не следует, что иначе получается скандал для Советской власти...

3) Хлеба на юге много, но чтобы его взять, нужно иметь налаженный аппарат, не встречающий препятствий со стороны эшелонов, командармов и пр. Более того, не-

²⁴ В ночь на 7 июля 1918 г. Ленин сообщил по прямому проводу Сталину о мятеже, поднятом «левыми» эсерами в Москве. В записке Ленина говорилось: «Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров... Итак, будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще». Примечательно, что впервые это сообщение Ленина Сталину было опубликовано в «Правде» 21 января 1936 г. — в период, когда начал принимать свои зловещие очертания так называемый «большой террор», развернутый в стране. Видимо, эта публикация, помимо всего прочего, преследовала цель показать, что и Ленин был непримиримо беспощаден к врагам Советской власти.

²⁴ *И. В. Сталин*. Соч. Т. 4. С. 118.

обходимо, чтобы военные помогали продовольственникам. Вопрос продовольственный естественно переплетается с вопросом военным. Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит.

И. Сталин

Царицын, 10 июля 1918 г.²⁵

Как видим, именно на царицынском фронте Сталин вступил впервые (насколько это известно) в открытую и жесткую конфронтацию с Троцким. Конфронтацию, которая с течением времени выльется в самое ожесточенное политическое противостояние, ставшее одной из важных вех в политической биографии Сталина. Как говорится, здесь нашла коса на камень, поскольку Троцкий едва ли уступал Сталину в жесткости и амбициозности, в стремлении продемонстрировать свою власть и свое верховное положение в армейской системе. Оставляя пока в стороне чисто политические и военные аспекты противостояния этих двух фигур, отмечу лишь одно: даже чисто психологически они были как бы обречены на неотвратимое столкновение друг с другом. Но именно царицынский эпизод обнажил со всей очевидностью политическую и психологическую несовместимость этих двух выдающихся лидеров тогдашней большевистской верхушки. Именно тогда были посеяны семена враждебности, которые стали давать год от года все более высокие урожаи.

Опираясь на Ворошилова и Минина, которые также входили в состав Реввоенсовета Южного фронта, Сталин отказался признать данные РВС Республики (во главе которого стоял его председатель Троцкий) полномочия бывшему генералу Сытину на командование войсками фронта. В борьбе с сепаратистскими и местническими тенденциями ряда партийных и военных работников, с элементами партизанщины, проявлявшимися в войсках, Сталин не стеснялся применять самые суровые меры, вплоть до жестких репрессий. В связи с раскрытием контрреволюционного заговора, связанного с белогвардейскими генералами и офицерами (Алексеев, Носович и др.) Сталин обрушил репрессии на военных специалистов. Печальную и весьма широкую известность получила история с баржей, на которой содержались арестованные по подозрению в контрреволюционном заговоре. Имеются непрямые свидетельства того, что якобы по приказу Сталина она была затоплена вместе со всеми находившимися там под стражей заключенными

Усугублялся и расширялся также конфликт с Троцким по чисто военной линии. Царицынские военные руководители по указанию Сталина в ряде случаев игнорировали прямые приказы главнокомандующего, которого поддерживал Реввоенсовет республики, т.е. Троцкий. Так, Ворошилов в статье, посвященной роли Сталина в организации Красной армии, опубликованной в связи с его 50-летием, приводит слова бывшего полковника царской армии Носовича, работавшего тогда в штабе Южного фронта и переметнувшегося вскоре к белым «Характерной особенностью этого разгона было отношение Сталина к руководящим телеграммам из центра. Когда Троцкий, обеспокоенный разрушением с таким трудом налаженного им управления окру-

Г

СТАЛИН

И. В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 120-121.

²⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 120-121.

гов, прислал телеграмму о необходимости оставить штаб и комиссариат на прежних условиях и дать им возможность работать, то Сталин сделал категорическую и многозначущую надпись на телеграмме:

«Не принимать во внимание».²⁶

Обстановка сложилась явно ненормальная, если не сказать критическая. Ис с той, и с другой стороны шли жалобы в Москву, в ЦК, который рассматривал этот вопрос на своем заседании 2 октября 1918г. В протоколах заседания зафиксировано следующее:

“4. Конфликт в Революционном военном совете Южного фронта.

Принять предложение т. Свердлова: вызвать т. Сталина к прямому проводу и указать ему, что подчинение Реввоенсовету абсолютно необходимо. В случае несогласия Сталин может приехать в Москву и апеллировать к ЦК, который и может вынести окончательное решение.”²⁷

Как видно из постановления, центр встал фактически на сторону Троцкого. В соответствии с решением ЦК Свердлов направил письмо в Военный совет Южного фронта, содержание которого было категорическим и недвусмысленным:

«Царицын, военсовет, Сталину, Минину, Ворошилову,
копия: комитет коммунистов Магидову.

Сегодня состоялось заседание Бюро ЦК, затем всего ЦК. Среди других вопросов обсуждался вопрос о подчинении всех партийных товарищей решениям, исходящим от центров. Не приходится доказывать необходимость безусловного подчинения. Положение о Реввоенсовете Республики было принято ВЦИК. Завтра сделаю распоряжение передать его телеграфно. Все решения Реввоенсовета обязательны для военсоветов фронтов. Без подчинения нет единой армии. Не приостанавливая исполнения решения, можно обжаловать его в высший орган — Совнарком или ВЦИК, в крайнем случае в ЦК. Убедительно предлагаем провести в жизнь решения Реввоенсовета. В случае, если считаете их вредными, неправильными, предлагаем приехать сюда, обсудить совместно, принять надлежащее решение. Никаких конфликтов не должно быть. Передаю по поручению ЦК».²⁸

Как видим, конфликт принял самые острые формы. Обе стороны настаивали на своей правоте и не изъявляли никакой готовности идти на какие-либо компромиссы. Но развязка вскоре наступила. Вот как она выглядит в описании самого Троцкого:

“Жалобы главного и фронтового командования на Царицын поступали ежедневно. Нельзя добиться выполнения приказа, нельзя понять, что там делают, нельзя даже получить ответа на запрос. Ленин с тревогой следил за развитием этого конфликта. Он лучше меня знал Сталина и подозревал, очевидно, что упорство царицынцев объясняется закулисным режиссерством Сталина. Положение стало невозможным. Я решил в Царицыне навести порядок. После нового столкновения командования с Царицыном я настоял на отзывании Сталина. Это было сделано через посредство Свердлова, который сам отправился за Сталиным в экстренном поезде. Ленин хотел свести конфликт к минимуму и был, конечно, прав. Я же вообще не думал о Сталине. В 1917 году он промелькнул передо мною незаметной тенью. В огне борьбы

²⁶ Сталин. Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. М. — Л. 1929. С. 65.

²⁷ “Вопросы истории КПСС” 1989г. № 6. С. 158.

²⁸ “Вопросы истории КПСС”. 1989г. № 6. С. 160.

я обычно просто забывал о его существовании. Я думал о царицынской армии. Мне нужен был надежный левый фланг Южного фронта. Я ехал в Царицын, чтоб добиться этого какой угодно ценою. Со Свердловым мы встретились в пути. Он осторожно спрашивал меня о моих намерениях, потом предложил мне поговорить со Сталиным, который, как оказалось, возвращался в его вагоне. — «Неужели вы хотите всех их выгнать?» — подчеркнуто смиренным голосом спрашивал меня Сталин. — «Они хорошие ребята». — «Эти хорошие ребята погубят революцию, которая не может ждать, доколе они выйдут из ребяческого возраста. Я хочу одного: включить Царицын в Советскую Россию».²⁹

Если верить Троцкому, то виной всему был Сталин, подталкивавший своих военных соратников к прямому неподчинению приказам Центра. Сам же Троцкий выглядит здесь чуть ли не в облике справедливого карающего меча, призванного исключительно к тому, чтобы восстановить порядок. О том, какими способами он мыслит себе восстановление этого порядка, можно судить по его же собственным словам: «Я поставил Ворошилову вопрос: как он относится к приказам фронта и главного командования? Он открыл мне свою душу: Царицын считает нужным выполнять только те приказы, которые он признает правильными. Это было слишком. Я заявил, что, если он не обяжется точно и безусловно выполнять приказы и оперативные задания, я его немедленно отправлю под конвоем в Москву для предания трибуналу».³⁰

Можно, конечно, понять Троцкого, считавшего, что без выполнения приказов вышестоящего командования невозможно управлять армиями и фронтами, что в такой обстановке неизбежна анархия, чреватая губительными последствиями для судеб Советской республики. Но нужно понять и тех, кому отдавались эти приказы: по большей части малокомпетентные, не учитывавшие реальную обстановку, игнорировавшие мнения тех, кому надлежало выполнять эти приказы.

В сложившейся тогда сложной и напряженной обстановке, когда измены происходили на каждом шагу, когда многие служившие в Красной армии бывшие царские офицеры стремились всеми силами нанести ущерб ненавистой для них новой власти «вчерашнего быдла», в такой обстановке приказы сверху должны были согласовываться с местными работниками, знавшими ситуацию гораздо лучше. Конечно, имеется в виду период разработки этих приказов, а не то время, когда они уже были спущены вниз. А Троцкий и главное командование как раз и отличались тем, что зачастую вовсе не учитывали мнение местных работников, требуя от них лишь беспрекословного подчинения приказам.

Такова была реальность, и именно она лежала в основе частых конфликтов по военным вопросам, в которых во время своей работы в период Гражданской войны был замешан Сталин. Царицынский эпизод — лишь одно, может быть, наиболее яркое проявление такого рода конфликтов. Если на поверхности лежит в основном конфликт личностей, то подспудно, в глубине зримо проступают объективные причины военных конфликтов. Именно эти глубинные причины стали первоосновой возникновения так называемой военной оппозиции в партии, о чем пойдет речь несколько позднее.

²⁹ Лев Троцкий. Моя жизнь. С. 420-421.

³⁰ Там же. С. 421.

Завершая этот небольшой рассказ о царицынской эпопее, хочу вновь процитировать Троцкого. Из того, что он пишет совершенно определенно явствует, что Ленин отнюдь не стоял безоговорочно на стороне Троцкого и не считал виновником конфликта одного Сталина. Итак, Троцкий свидетельствует: «Ленин слишком хорошо понимал, что мною руководят исключительно деловые соображения. В то же время он, естественно, был озабочен конфликтом и старался выровнять отношения...

Я ответил полной готовностью и Сталин был назначен членом Революционного Военного Совета Южного фронта. Увы, компромисс результатов не дал.³¹

Какие же выводы следуют из всего приведенного выше? Прежде чем ответить на этот вопрос, видимо, следует дать обобщенную политико-психологическую оценку первопричины противостояния Сталина и Троцкого. Безучета таковой трудно понять и в должной мере уяснить фатально обреченный на ожесточенную борьбу характер отношений между этими двумя фигурами большевистского руководства. Конечно, элементы взаимной неприязни и личного соперничества накладывали свою печать на весь спектр их взаимоотношений. По своей натуре они являли собой как бы две противоположности. Сталин, не лишенный амбиций, держался достаточно скромно, порой даже демонстративно скромно. Он умел находить общий язык с местными работниками как в армии, так и на местах, прислушивался к их мнению. Троцкий же, хотя и пытался скрыть свои претензии на роль вождя Красной армии, на каждом шагу демонстрировал непомерное высокомерие, скорее мифический, чем действительный, полководческий «талант». Это было заметно даже невооруженным взглядом. Можно перечислить и многие другие параметры психологического плана, создававшие непреодолимую пропасть между этими двумя личностями. Однако базисом, на котором взросла их взаимная вражда, вылившаяся в смертельную схватку, все-таки были мотивы политико-стратегического порядка. А точнее – мировоззренческого плана. Сталин был взращен на российской почве, и в России он черпал свою силу и уверенность в успехе дела революции. Троцкий же, условно говоря, был западником: Запад для него был источником и надежд, и подражаний. Все остальное было уже производным.

Возвращаясь к вопросу о попытках Ленина как-то смягчить отношения между Сталиным и Троцким, следует констатировать следующее. Однозначно вырисовывается то, что Сталин отнюдь не придерживался линии жесткой и бескомпромиссной конфронтации с Троцким и не настаивал на ее продолжении, если таковая явно вредила общему делу. В непримиримости и жесткости скорее можно упрекнуть Троцкого, нежели Сталина. Во-вторых, невооруженным взглядом видны диктаторские замашки Троцкого, мнившего себя единственным и неоспоримым вождем Красной армии, за которым всегда остается последнее слово. И, в-третьих, Ленин не рассматривал Сталина в качестве политического деятеля, с которой нельзя было договориться, коль того требовали интересы дела. Более того, Ленин выражает свою глубокую заинтересованность в ликвидации конфронтации между двумя крупными партийными лидерами, в налаживании сотрудничества или, по крайней мере, деловой работы между ними. Видимо, в частности, эти соображения послужили причиной того, что буквально через день после возвращения из Царицына в Москву Сталин 8 октября 1918г. был постановлением Совнаркома назначен членом Реввоенсовета Республики.³²

³¹ Лев Троцкий. Моя жизнь. С. 422-423.

³² И.В.Сталин. Соч. Т. 4. С. 453.

Но существуют не только косвенные, но и прямые доказательства стремления Ленина как-то сгладить взаимную вражду между Троцким и Сталиным, добиться их хотя бы минимального сотрудничества в интересах общего дела. Причем надо подчеркнуть, что не кто иной, как Сталин проявлял ясно выраженное желание достичь рабочего компромисса с Троцким. Сохранилась следующая телеграмма Ленина, адресованная Троцкому в октябре 1918г. В ней Ленин писал: «Сегодня приехал Сталин, привез известия о трех крупных победах наших войск под Царицыном... Сталин очень хотел бы работать на Южном фронте; выражает большое опасение, что люди, мало знающие этот фронт, наделают ошибок, примеры чему он приводит многочисленные. Сталин надеется, что ему на работе удастся убедить в правильности его взгляда, и не ставит ультиматума об удалении Сытина и Мехоношина, соглашаясь работать вместе с ними в Ревсовете Южного фронта, выражая также желание быть членом Высвоенсовета Республики.

Сообщая Вам, Лев Давыдович, обо всех этих заявлениях Сталина, я прошу Вас обдумать их и ответить, во-первых, согласны ли Вы объясниться лично со Сталиным, для чего он согласен приехать, а во-вторых, считаете ли Вы возможным, на известных конкретных условиях, устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин.

Что же меня касается, то я полагаю, что необходимо приложить все усилия для налаживания совместной работы со Сталиным».³³

Насколько можно судить по имеющимся источникам, Троцкий не откликнулся на это настойчивое пожелание Ленина. По крайней мере, тогда такая встреча не состоялась и враждебные отношения между этими двумя главными антагонистами в большевистской верхушке оказались как бы замороженными. Но на самом деле и под внешней оболочкой холодности не просто тлели очаги взаимной враждебности, но вызревала почва для настоящего пожара.

Завершить раздел, связанный с деятельностью Сталина в Царицыне, можно, на мой взгляд, таким общим выводом. Официальная пропаганда в период власти Сталина стремилась представить Царицынский фронт и события, развертывавшиеся там, чуть ли не в качестве оси, вокруг которой вращались все важнейшие события Гражданской войны в тот период. Это представление, конечно, имело целью возвеличить Сталина и превознести его роль в спасении завоеваний новой власти. На самом деле это не соответствовало действительности. Царицын не был средоточием борьбы против белых армий. Однако сражения, развертывавшиеся вокруг него, также не были малозначимыми или второстепенными. В беседе с корреспондентом «Правды» в октябре 1918г. Сталин следующими словами обрисовал стратегическую важность Царицына и событий, развертывавшихся вокруг обороны этого города: «Пунктом наибольшего обстрела со стороны противника является Царицын. Оно и понятно, ибо взятие Царицына и перерыв сообщения с югом обеспечило бы достижение всех задач противников: оно соединило бы донских контрреволюционеров с казачьими верхами астраханского и уральского войск, создав единый фронт контрреволюции от Дона до чехословаков; оно закрепило бы за контрреволюционерами, внутренними и внешними, юг и Каспий; оно оставило бы в беспомощном состоянии советские войска Северного Кавказа...

Этим, главным образом, и объясняется то упорство, с каким стараются бело-гвардейцы юга взять Царицын.³⁴

Думается, что такая оценка стратегической важности Царицына соответствовала истине. Однако она же не дает оснований преуменьшать стратегическую важность и других фронтов и участков борьбы против вооруженных армий противников нового режима. Именно с учетом такого взвешенного подхода, когда односторонне не преувеличивается место Царицына в системе военной обороны Советской власти и, вместе с тем, не принижается роль и значение других фронтов и участков, на которых развертывалось военное противоборство, — только на такой основе можно дать объективную, близкую к истине оценку царицынского этапа в деятельности Сталина в период Гражданской войны. Естественно, что по этой причине необходимо отклонить как односторонние и явно предвзятые попытки критиков Сталина, начиная с Троцкого и кончая современными, принизить роль и значение Сталина в обороне Царицына, вообще умалить стратегическую значимость данного участка Гражданской войны.

Как бы в дополнение к сказанному, следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, связанное с освещением роли Сталина в обороне Царицына. Данный эпизод его жизни в 30-е годы послужил своеобразной отправной точкой для появления в советской художественной литературе целого ряда художественных произведений, призванных восславить Сталина как великого стратега и полководца. В первом ряду таких произведений были повесть А. Толстого “Хлеб” (1937 г.) и роман Вс. Иванова “Пархоменко” (1938г.). В них без всякой меры, безудержно превозносился Сталин, что положило начало и целому сюжетному пласту в советской литературе — художественной сталиниане. Одной печатной пропаганды было явно недостаточно, поэтому “мастера слова” (а скорее, славословия) стали осваивать новое поле приложения своих холуйских талантов. Причем повесть А. Толстого всячески превозносилась, поскольку она “содержит вообще лучшее в советской литературе художественное воплощение образа товарища Сталина и по своей идейной глубине, и по широте исторической перспективы, и по мастерству портретных зарисовок.”³⁵

Я не берусь давать какую-либо оценку литературных достоинств или недостатков повести А. Толстого, как и других творений подобного ряда. Что же касается политической и идеологической направленности данных произведений, то здесь все обстоит более чем просто: они служили инструментом, с помощью которого лепился образ вождя — гениального и в то же время простого и чуткого, обладавшего несокрушимой волей, которой Советская власть во многом обязана своей победе.

111

³⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 149.

³⁵ Г. С. Черёмин. Образ И. В. Сталина в советской художественной литературе. М. 1950. С. 10.

Пермь, Петроград, Южный, Западный и Юго-Западный фронты

Остановимся на военной деятельности Сталина на других фронтах Гражданской войны. Критики Сталина в значительной мере правы, когда речь идет об оценке его достаточно скромного вклада в разгром Колчака и вообще о его участии в делах Восточного фронта. На протяжении второй половины 1918 года вплоть до начала осени 1919 года Восточный фронт был решающим фронтом, где определялись судьбы Советской власти. Здесь участие Сталина было более чем скромным. Но чтобы как-то восполнить недостаток реальных дел с его стороны, апологеты Сталина сконцентрировали свои усилия на раздувании значения инспекционной поездки комиссии в составе Сталина и Дзержинского в Пермь в январе 1919 года.

Положение на одном из центральных участков Восточного фронта сложилось критическое, если не сказать катастрофическое. В конце 1918 г. 3-я армия вынуждена была сдать Пермь. Полуокруженная армия находилась в состоянии полной деморализации. После длительных боев 3-я, а также 2-я армии фактически были недееспособны: они не имели необходимых резервов, тылы расстроены, обеспечение боеприпасами и продовольствием характеризовалось плачевным состоянием. Дисциплина упала, наблюдались случаи массового дезертирства и даже перехода отдельных частей на сторону противника. В итоге армии оказались неспособными устоять против натиска превосходящих сил противника. Создалась угроза ряду городов, в том числе и Вятке, взятие которой могло стать сигналом для повсеместного отступления частей Красной армии. В целом ситуация на фронте грозила из плачевной перерасти в катастрофическую.

В создавшихся условиях ЦК и Ленин сочли необходимым отправить на Восточный фронт специальную комиссию с задачей разобраться с создавшимся положением и на месте принять необходимые меры по его исправлению, а также внести свои предложения, которые центр должен был рассмотреть, чтобы предотвратить подобные ситуации на других участках фронта. 1 января 1919 г. Свердлов направляет Уральскому областному комитету РКП(б) письмо с изложением постановления ЦК партии о назначении партийно-следственной комиссии ЦК партии и Совета обороны в составе Сталина и Дзержинского и «для подробного расследования причин сдачи Перми, последних поражений на Уральском фронте, равно для выяснения всех обстоятельств, сопровождавших указанные явления». Комиссии поручалось принять необходимые меры к скорейшему восстановлению партийной и советской работы в районе действий 3-й и 2-й армий.³⁶

Уже сам персональный состав комиссии говорил о том, что она наделена чрезвычайными полномочиями и не замедлит принять самые решительные меры для исправления положения и стабилизации обстановки. Буквально через несколько дней Сталин вместе с Дзержинским докладывают в центр свои предварительные выводы о причинах произошедшей катастрофы и подчеркивают " такая армия не могла не развалиться при серьёзном натиске превосходных свежих сил противника. По нашему мнению, дело не только в слабости органов III армии и ближайшего тыла, но и

³⁶ "Вопросы истории КПСС". 1989 г. № 6. С. 171.

1) в Главном штабе и окрвоенкомах, формирующих и посылающих на фронт заведомо ненадёжные части,

2) Всероссийском бюро комиссаров, снабжающем формирующиеся в тылу части мальчишками, а не комиссарами,

3) Реввоенсовете Республики, расстраивающем своими так называемыми директивами и приказами дело управления фронтом и армиями. Без соответствующих изменений в военном центре нет гарантий на успех на фронтах.”³⁷

Сразу же чувствуется рука Сталина и его нацеленность на то, чтобы львиную долю вины возложить на Реввоенсовет и лично Троцкого (хотя персонально имя последнего и не упоминается). Нам сейчас важно не столько разобраться в справедливости такого обвинения (в конце концов ныне этот эпизод представляется своего рода “преданьем старины глубокой.”), сколько зафиксировать направленность выводов комиссии.

В более полном и обстоятельном докладе, написанном (если судить по его стилю и тональности) лично Сталиным, акцент на неудовлетворительном руководстве военными делами со стороны Реввоенсовета республики еще более усиливается. В нем говорилось: “Армия не может действовать как самодовлеющая, вполне автономная единица, в своих действиях она всецело зависит от смежных с ней армий и, прежде всего, от директив Реввоенсовета Республики: самая боеспособная армия при прочих равных условиях может потерпеть крах при неправильности директив центра и отсутствии действительного контакта со смежными армиями. Необходимо установить на фронтах, прежде всего на Восточном фронте, режим строгой централизации действий отдельных армий вокруг осуществления определённой, серьёзно обдуманной стратегической директивы. Произвол или необдуманность в деле определения директив, без серьёзного учёта всех данных, и вытекающая отсюда быстрая смена директив, а также неопределённость самих директив, как это допускает Реввоенсовет Республики, исключает возможность руководства армиями, ведёт к растрате сил и времени, дезорганизует фронт. Необходимо преобразовать Реввоенсовет Республики в узкую, тесно связанную с фронтами группу, скажем, из пяти лиц (из них двое специалистов, третий — наблюдает за Центральным управлением снабжения, четвёртый — за Главным штабом, пятый — за Всероссийским бюро комиссаров), достаточно опытных для того, чтобы не допустить произвола и легкомыслия в деле управления армиями.”³⁸

Результаты работы комиссии и ее рекомендации были рассмотрены на заседании ЦК 5 февраля 1919г. Итоги заседания и сделанные на нем выводы носили половинчатый характер: суровые и довольно безапелляционные критические замечания по адресу Реввоенсовета республики были проигнорированы. О причинах этого можно только строить предположения: скорее всего, Ленин и ЦК в своем большинстве не были настроены обострять и без того напряженные отношения между Сталиным и председателем Реввоенсовета Троцким. Возможно, рекомендации сочли слишком категоричными, не применимыми к обстановке на других фронтах. Учтенными оказались лишь некоторые рекомендации частного характера. Но тем не менее в целом

³⁷ И.В.Сталин. Соч. Т. 4. С. 190.

³⁸ И.В.Сталин. Соч. Т. 4. С. 212-213.

проделанная комиссией Сталина – Дзержинского работа оказалась весьма эффективной: ситуация на Восточном фронте постепенно выправилась: части и соединения были реорганизованы, улучшено обеспечение вооружением и продовольствием, укреплен дисциплина, произведены значительные перемены в расстановке командного состава и т.д. В конечном итоге Красная армия вскоре смогла перейти в наступление на Восточном фронте и основные силы адмирала Колчака были разгромлены, в результате чего оказались освобожденными обширные территории Урала и Сибири. Так что деятельность Сталина на Восточном фронте, если давать ей общую оценку, оказалась эффективной и плодотворной, хотя и носила ограниченный и эпизодический характер.

Могут возразить, что эта деятельность имела по преимуществу контрольно-административную направленность и не должна быть отнесена к разряду чисто военной деятельности. Это действительно так. Однако нельзя упускать из виду, что организаторская работа во время Гражданской войны занимала отнюдь не какое-то второстепенное место. От нее зачастую зависело очень многое, порой в не меньшей степени, чем от чисто военных мероприятий.

В дополнение следует отметить, что примерно в этот же период Сталин привлекается для работы по проверке деятельности органов ВЧК, игравшей роль меча пролетарской диктатуры и во многом определившей конечный успех большевиков в годы Гражданской войны. Лапидарно об этой стороне деятельности Сталина уже шла речь в предыдущей главе. Здесь же следует обратить внимание на следующий факт. Видимо, в это время Сталин впервые более или менее обстоятельно познакомился с механизмом работы чрезвычайных комиссий. Не только на основе общих представлений о работе ВЧК, но и на базе собственных наблюдений и выводов он смог в должной мере оценить ту огромную роль, которую играют карательные органы во всей структуре государственной власти нового режима. Это, несомненно, оказалось весьма полезным и ценным в предстоявшей борьбе за власть.

Я приведу соответствующее решение ЦК от 4 февраля 1919г., которое гласило: "По вопросу о чрезвычайных комиссиях решено поручить комиссии в составе Дзержинского, Сталина и Каменева разработать положение о ЧК и ревтрибуналах, руководствуясь следующими основами:

1) право вынесения приговоров должно быть передано из ЧК в ревтрибуналы, причем ревтрибуналы должны состоять из 3 человек; 2) аппарат ЧК должен остаться в качестве 1) розыскных органов и 2) органов непосредственной борьбы с вооруженными выступлениями (бандитскими, контрреволюционными и т. п.); 3) за ЧК сохраняется право расстрелов при военном положении (если это право предусмотрено самими постановлениями об объявлении той или иной местности на военном положении); 4) работа комиссии должна закончиться в кратчайший срок"³⁹

Приведенные выше документы и материалы показывают: Сталин уже с первых недель Гражданской войны принимает в ней активное участие, выступая в различных ампулах. Его активность и целеустремленность именно в такие периоды обострения борьбы бывают особенно востребованы. Касаясь качеств характера Сталина

³⁹ "Вопросы истории КПСС". 1989г. № 7. С. 146.

и его методов руководства, ярко проявившихся в период Гражданской войны, А. Барбюс в своей книге о нем не без оснований писал: «Качества, обнаруженные Сталиным в драматических обстоятельствах Гражданской войны, нисколько не были неожиданными для тех, кто знал этого человека. Он только применил в новой сфере деятельности свои личные данные: точность взгляда, умение сразу схватывать решающие пункты каждой конкретной ситуации, понимание подлинных причин и неизбежных следствий любого факта, понимание связи этого факта со всем процессом, отвращение к беспорядку и путанице, негибкое упорство в деле подготовки и создания всех условий, необходимых для достижения поставленной цели, раз уж эта цель обдумана и определена. Все это — не что иное, как истинный марксизм, перенесенный на поля сражений.

Вождь, умевший до такой степени разработать и усовершенствовать дело практического осуществления, был суров и даже жесток с теми, кто не умел работать, он был неумолим к предателям и саботажникам, — но можно указать целый ряд случаев, когда он со всей своей огромной энергией вступался за людей, которые были, по его мнению, осуждены без достаточных оснований. Так, например, именно он освободил приговоренного к смерти Пархоменко.»⁴⁰

Разумеется, приведенная выше характеристика Сталина выпадает на самый расцвет его правления, и сама книга Барбюса была задумана и исполнена как своеобразный панегирик, вложенный в уста маститого французского писателя. Режиссеры этой акции понимали, что в устах авторитетного западного писателя восхваления Сталина будут выглядеть не столь одиозными, а порой и вымученными, чем, если бы это выполнялось, так сказать, на уровне местном. И несмотря на все преувеличения подобного рода все-таки определенная доля истины в этих восхвалениях была. Можно спорить о мере этих преувеличений. Однако даже самые подобострастные восхваления Сталина, имевшие место в прежние годы, не дают, на мой взгляд, оснований изменять знак исторической оценки его роли в Гражданской войне с сугубо положительного на категорически отрицательный. Рассуждения о второстепенной или даже третьестепенной роли Сталина в этот период выглядят малоубедительными. Скажут, что не он один выступал в такой роли и проделывал подобного рода работу. Но никто не собирается отрицать видную роль многих представителей большевистского руководства, взявшего на свои плечи прежде незнакомое им дело организации новой армии и ведения боевых действий. Однако заслуги других не должны умалять и роли лично Сталина. Хотя, надо сказать, в период всевластия Сталина именно он и его клеветы стремились вопреки правде истории представить его главным организатором побед Красной армии. Всячески внушалась простая и вместе с тем емкая мысль — где Сталин, там победа.

Более значительным с чисто военной точки зрения явилось участие Сталина в ликвидации довольно серьезной угрозы, нависшей весной 1919 года над Петроградом. Армия генерала Юденича с целью ослабления давления на Восточный фронт против Колчака при поддержке английского флота, белофиннов и эстонцев предприняла наступление на Петроград. Армии Западного фронта оказались неспособны организовать должный отпор наступавшим войскам белых. В войсках фронта обнару-

⁴⁰ *Анри Барбюс. Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир.* С. 115-116.

жились факты прямой измены и предательства. Дело доходило до того, что целые полки переходили на сторону противника. Гарнизоны военно-морских фортов “Красная горка” и “Серая лошадь” открыто выступили против Советской власти. Угроза городу приняла вполне осязаемые и даже угрожающие масштабы. ЦК партии в мае 1919 года принимает решение послать Сталина в Петроград. В мандате Совета Обороны от 17 мая 1919 года указывалось, что И. В. Сталин командировается в Петроградский район и другие районы Западного фронта “для принятия всех необходимых экстренных мер в связи с создавшимся на Западном фронте положением”.⁴¹ Через две недели заседание ЦК по докладу о положении на фронтах Гражданской войны принимает решение “признать Петроградский фронт 1-ым по важности. Руководствоваться этим при распределении войск и т.д.”⁴² Примерно в эти же дни ЦК обратился к Сталину с просьбой войти в состав Реввоенсовета Западного фронта “и отдать свое внимание всему фронту.”⁴³

По прибытии в Петроград Сталин проинспектировал положение дел, лично побывав на ряде участков фронта, посетил Кронштадт, где ознакомился с состоянием Балтийского флота. Съездил он и в штаб Западного фронта, располагавшийся в Старой Руссе. По его инициативе, а фактически по его приказу, были предприняты чрезвычайные меры по стабилизации положения и укреплению обороны города. Он регулярно информирует Ленина о положении Петрограда и принимаемых мерах, в частности, просит подкреплений: “...дело, конечно, не в количестве, а в качестве частей. Нам нужно всего-навсего три пехотных полка, конечно, боеспособных, и один, по крайней мере, кавалерийский полк для того, чтобы прогнать всю свору за Нарву. Если бы вы могли эту маленькую просьбу исполнить своевременно, эсты были бы прогнаны еще вчера.

Впрочем, можно не волноваться, так как положение на фронте стало стойким, линия фронта окрепла, и местами наши уже продвигаются.”⁴⁴

Сталиным были предприняты энергичные и эффективные меры по овладению восставшими военно-морскими фортами, без взятия которых Петроград находился бы под непосредственной и постоянной угрозой. Вскоре он телеграфирует Ленину: “ Вслед за Красной Горкой ликвидирована Серая Лошадь. Орудия на них в полном порядке. Идет быстрая проверка всех фортов и крепостей.

Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку. Мне остаётся лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных.

Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на всё моё благоговение перед наукой.”⁴⁵

⁴¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 431.

⁴² “Вопросы истории КПСС” 1989г. №12. С. 167.

⁴³ Там же. С. 172.

⁴⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 258.

⁴⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 261.

Конечно, в этих донесениях чувствуются нотки самолюбования и даже в некотором роде хвастовства. Однако не в них суть дела. Главное в том, что положение действительно после приезда Сталина круто изменилось в лучшую сторону. И отрицать столь очевидный факт едва ли возможно. Признает это и Троцкий. Хотя вопреки упомянутому выше решению ЦК считать Петроградский фронт первым по важности, многословно и многократно доказывает, будто тогда над Петроградом и не висела такая непосредственная угроза, что, мол, действительно важные события там развернулись осенью того же года, куда для спасения положения и был послан он сам. Оставим эти утверждения на совести автора. По крайней мере по поводу действий Сталина в Петрограде Троцкий выжал из себя следующее признание: «Он вполне успешно справился с задачей, которая требовала твердости, решительности и спокойствия.»⁴⁶

В качестве заключительного аккорда петроградского эпизода из летописи деятельности Сталина в период Гражданской войны стоит сказать, что решением Президиума ВЦИК от 27 ноября 1919 г. Сталин в ознаменование его заслуг по обороне Петрограда и на Южном фронте был награжден орденом Красного Знамени. В постановлении говорилось: «В минуту смертельной опасности, когда, окруженная со всех сторон тесным кольцом врагов, Советская власть отражала удары неприятеля, в минуту, когда враги Рабоче-Крестьянской Революции в июле 1919 г. подступали к Красной Гурке, в этот тяжелый для Советской России час назначенный Президиумом ВЦИК на боевой пост Иосиф Виссарионович Сталин своей энергией и неутомимой работой сумел сплотить дрогнувшие ряды Красной армии. Будучи сам в районе боевой линии, он под боевым огнем личным примером воодушевлял ряды борющихся за Советскую Республику. В ознаменование всех заслуг по обороне Петрограда, а также самоотверженной его дальнейшей работы на Южном фронте, ВЦИК постановил наградить И.В.Сталина орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ»⁴⁷

Одновременно с ним таким же орденом был награжден и Троцкий. Последний приводит довольно любопытные детали того, как принималось решение об этом награждении.

Детали эти призваны опять-таки принизить заслуги Сталина и возвеличить свои. Трудно судить, насколько описываемые обстоятельства награждения соответствуют действительности, но они заслуживают того, чтобы их привести. И не столько ради восстановления истины, а в качестве примера того, как Троцкий любой факт пытался истолковать в свою пользу и задним числом опорочить Сталина и его репутацию. Вот что он писал по поводу награждения: «С этим связан эпизод, который лишь позже осветился в моих глазах настоящим светом. В конце заседания Политбюро, Каменев, не без смущения, внес предложение о награждении орденом Сталина. «За что?», — спросил Калинин тоном самого искреннего возмущения. — «За что Сталину, не могу понять?». Его утихомирили шуткой и решили вопрос утвердительно. Бухарин в перерыве накинулся на Калинина: «Как же ты не понимаешь! Это Ильич придумал: Сталин не может жить, если у него нет чего-нибудь, что есть у другого. Он этого не простит». Я вполне понимал Ленина и мысленно одобрял его.

▽▽▽

⁴⁶ Лев Троцкий. Сталин. Т. 1. С. 100.

176

⁴⁷ Цит. по В. Ф. Воробьев. Товарищ Сталин — организатор побед на фронтах Гражданской войны. М. 1949. С. 18.

Награждение производилось при архиторжественной обстановке, в Большом театре, где я читал доклад о военном положении на объединенном заседании руководящих советских учреждений. Когда председатель назвал под конец имя Сталина, я попробовал аплодировать. Меня поддержали два-три неуверенных хлопка. По залу прошел холодок недоумения, особенно явственный после предшествующих оваций. Сам Сталин благоразумно отсутствовал.”¹⁸

Не будем вести дискуссию о достоверности приведенного Троцким эпизода. В конечном счете сейчас невозможно установить подлинную историю того, как все обстояло на самом деле. Бесспорным же фактом остается одно — Сталин был награжден орденом наряду с Троцким. То, что такой награды удостоился председатель Реввоенсовета, ничего удивительного нет: ведь официально он стоял во главе Красной армии и после серии блистательных побед, одержанных ею, нет ничего удивительного в факте награждения Троцкого: тем самым как бы воздавалось должное успехам самой армии и вкладу Троцкого в их достижение. Здесь, как говорится, ничего не убавишь и ничего не прибавишь. А вот факт награждения боевым орденом Сталина, одного из членов Политбюро, был действительно беспрецедентным — никто из остальных членов Политбюро не удостоился такой награды. В итоге все рассуждения Троцкого о “липовом” характере этого награждения выглядят в свете сказанного малоубедительными. Впрочем, данный эпизод едва ли заслуживает слишком пристального внимания. Борьба тогда шла не для того, чтобы получить какие-то награды и знаки отличия, а за само выживание Советской власти.

Теперь обратимся к другому, на этот раз гораздо более значимому эпизоду из биографии Сталина периода Гражданской войны. Летом 1919 года центр военного противостояния красных и белых переместился на юг. Наступление Деникина развертывалось все более широким и глубоким фронтом. Создалась непосредственная угроза находящимся неподалеку от Москвы промышленным центрам страны, да и непосредственно самой столице. Были тщательно разработаны планы взятия красной столицы. Белые армии безудержным потоком катились в северном направлении. Нужны были исключительные меры военного и иного порядка для того, чтобы остановить это наступление и нанести поражение Деникину. Сил для выполнения данной задачи у Красной армии было достаточно.

Одной из главных причин ухудшения военной ситуации служила явно не соответствовавшая требованиям времени и стратегической обстановки деятельность РВС Республики во главе с Троцким. Ленин, не называя персонально Троцкого, с чувством плохо скрываемого гнева писал члену РВС С. И. Гусеву: “т. Гусев! Вникая в письмо Склянского* (о положении дел 15/IX) и в итоги по сводкам, я убеждаюсь, что наш РВСП работает плохо.

Успокаивать и успокаивать, это — плохая тактика. Выходит «игра в спокойствие».

А на деле у нас застой — почти развал.

...Прямо позор! А нас начали бить! Мы сделаем за это ответственным РВСП, если не будут приняты энергичные меры. Выпускать из рук победу — позор.

¹⁸ Лев Троцкий. Моя жизнь. С. 413.

* Э.М.Склянский — заместитель председателя Реввоенсовета Республики.

...Видимо, наш РВСР «командует», не интересуясь или не умея следить за исполнением. Если это общий наш грех, то в военном деле это прямо гибель.”⁴⁹

Столь жесткая критика Ленина имела под собой более чем достаточные основания. В связи с резким ухудшением военной обстановки было решено с ряда фронтов перебросить на Южный фронт максимально возможное количество лучших воинских частей, а также ответственных работников-коммунистов и лучших представителей комсостава. Решением ЦК от 26 сентября 1919 г. Сталин был назначен членом Реввоенсовета Южного фронта.⁵⁰ В это время он находился на Западном фронте в качестве члена РВС.

Принятыми в экстренном порядке мерами положение удалось не только стабилизировать, но и создать предпосылки для организации разгрома Деникина. Как раз именно с планом разгрома Деникина и связан один из самых важных эпизодов деятельности Сталина во время Гражданской войны. Ворошилов в 1929 г. в своем панегирике писал в связи с этим назначением: “Теперь уже нет надобности скрывать, что перед своим назначением товарищ Сталин поставил перед ЦК три главных условия: 1) Троцкий не должен вмешиваться в дела южного фронта и не должен переходить за его разграничительные линии, 2) с южного фронта должен быть немедленно отозван целый ряд работников, которых товарищ Сталин считал непригодными восстановить положение в войсках, и 3) на южный фронт должны быть немедленно командированы новые работники по выбору Сталина, которые эту задачу могли выполнить. Эти условия были приняты полностью”.⁵¹

В данном случае нет никаких оснований не верить Ворошилову, тем более что развернувшийся в дальнейшем вокруг плана разгрома Деникина военно-политический скандал служит косвенным подтверждением достоверности приводимого Ворошиловым факта.

В исторической литературе, в особенности в литературе о Сталине, туманно и многословно комментируются все перипетии вокруг двух вариантов плана разгрома Деникина. Ставится под сомнение то, что первоначальным автором принятого плана был Сталин. Ссылаются при этом на какую-то путаницу и неопределенность в датировке документов и писем, связанных с разработкой этого плана. Я думаю, что нет смысла ввязываться в дискуссию на эту тему, поскольку здесь важны не те или иные детали, а сам принципиальный подход к проблеме.

Суть разногласий по вопросам стратегического плана разгрома Деникина лучше и яснее всех других изложил сам Сталин. Поэтому я сошлюсь на него, приведя довольно обширную выдержку из письма Ленину, четко излагающую конкретные возражения и аргументы против плана, предлагавшегося Главкомом.

“Месяца два назад Главком принципиально не возражал против удара с запада на восток через Донецкий бассейн, как основного. Если он всё же не пошёл на такой удар, то потому, что ссылался на «наследство», полученное в результате отступления южных войск летом, т. е. на стихийно создавшуюся группировку войск в районе нынешнего Юго-Восточного фронта, перестройка которой (группировки) повела бы к

⁴⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 51. С. 49-50.

⁵⁰ “Известия ЦК КПСС.” 1990 г. № 2. С. 167.

⁵¹ Сталин. Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. С. 75-76.

большой трате времени, к выгоде Деникина. Только поэтому я не возражал против официально принятого направления удара. Но теперь обстановка и связанная с ней группировка сил изменилась в основе...”⁵²

Далее Сталин в своем письме дает анализ важнейших политических, стратегических и экономических факторов, диктовавших необходимость отказа от прежнего плана и принятия нового плана, в защиту которого выступал сам Сталин. Причем надо подчеркнуть, что аргументация, приводимая в письме, любому беспристрастному человеку показывает, что автор этого анализа обладает широким кругозором, хорошо ориентируется в военно-стратегических проблемах и способен убедительно обосновать свою точку зрения. То есть речь идет о задатках недюжинного стратегического мышления. И это лежит, как говорится, на поверхности.

В чем-то данный эпизод перекликается с оценкой, данной английским премьером У.Черчиллем военно-стратегическим способностям Сталина, продемонстрированными им в период второй мировой войны. Аналогия напрашивается как-то сама собой, поэтому я и приведу высказывание Черчилля здесь, хотя тематически и хронологически оно никак не связано с рассматриваемым здесь сюжетом. Ибо важна суть дела, поскольку она имеет прямое отношение к критике тех, кто чуть ли не априори утверждают, что Сталин не обладал серьезными познаниями в военном искусстве и не обладал широким военно-стратегическим кругозором. Вот что писал Черчилль:

“В этот момент Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества операции «Торч»*. Он перечислил четыре основных довода в ее пользу. Во-первых, это нанесет Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвертых, это поставит Италию под непосредственный удар.

Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно.”⁵³

Наш своеобразный экскурс в более позднюю историю полезен с точки зрения понимания и раскрытия качеств Сталина как военного деятеля. Из него явствует, что голословные (а порой и густо пересыпанные фактами и ссылками, как правило тенденциозно подобранными и истолкованными) утверждения чуть ли не в военной бездарности Сталина, мягко выражаясь, далеки от истины.

Но вернемся к предмету нашего непосредственного рассмотрения.

Что же заставляет Главкома (Ставку) отстаивать старый план? — задается вопросом Сталин. — Очевидно, одно лишь упорство, если угодно — фракционность, самая тупая и самая опасная для Республики фракционность, культивируемая в Главкоме «стратегическим» петушком Гусевым. На днях Главком дал Шорину директиву о

.....

.....

⁵² И.В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 274.

* Речь идет о военной операции союзников во время второй мировой войны, которую они планировали предпринять в Северной Африке против сил фашистской Германии и Италии.

⁵³ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Том 2. Великий союз. М. 1991. С. 515.

наступлении с района Царицына на Новороссийск через донские степи по линии, по которой может быть и удобно летать нашим авиаторам, но уж совершенно невозможно будет бродить нашей пехоте и артиллерии. Нечего и доказывать, что этот сумасбродный (предполагаемый) поход в среде **враждебной** нам, в условиях абсолютного **бездорожья** — грозит нам полным крахом. Не трудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, может лишь сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защиты своих станиц, может лишь выставить Деникина спасителем Дона, может лишь создать армию казаков для Деникина, т. е. может лишь усилить Деникина.

Именно поэтому необходимо теперь же, не теряя времени, изменить уже отменённый практикой старый план, заменив его планом основного удара из района Воронежа через Харьков — Донецкий бассейн на Ростов. Во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот — симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение. Во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донскую) и основную артерию, питающую армию Деникина, — линию — Воронеж — Ростов (без этой линии казачье войско лишается на зиму снабжения, ибо река Дон, по которой снабжается донская армия, замёрзнет, а Восточно-Донецкая дорога Лихая — Царицын будет отрезана). В-третьих, этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих: добровольческую оставляем на съедение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу выхода им в тыл. В-четвёртых, мы получаем возможность поссорить казаков с Деникиным, который (Деникин) в случае нашего успешного продвижения постарается передвинуть казачьи части на запад, на что большинство казаков не пойдёт, если, конечно, к тому времени поставим перед казаками вопрос о мире, о переговорах насчёт мира и пр. В-пятых, мы получаем уголь, а Деникин остаётся без угля.

С принятием этого плана нельзя медлить, так как главкомовский план переброски и распределения полков грозит превратить наши последние успехи на Южном фронте в ничто. Я уже не говорю о том, что последнее решение ЦК и правительства — «Всё для Южного фронта» — игнорируется Ставкой и фактически уже отменено ею.

Короче: старый, уже отменённый жизнью план ни в коем случае не следует гальванизировать, — это опасно для Республики, это наверняка облегчит положение Деникина. Его надо заменить другим планом. Обстоятельства и условия не только назрели для этого, но и повелительно диктуют такую замену. Тогда и распределение полков пойдёт по-новому.

Без этого моя работа на Южном фронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что даёт мне право или, вернее, — обязывает меня уйти куда угодно, хоть к черту, только не оставаться на Южном фронте.

Ваш Сталин

Серпухов, 15 октября 1919 г.³⁴

В конечном итоге был принят план, защитником которого активно выступал Сталин. Эта моя констатация отнюдь не означает, что я категорически и беспалейно утверждаю, что единственным автором плана был Сталин. Но совершенно очевидно, что идеи, заложенные в этом плане, были основаны на объективном и глубо-

ком анализе реальной обстановки того времени. И сам Сталин, вне всякого сомнения, сыграл далеко не последнюю роль в его разработке, принятии и реализации.

В качестве члена РВС Южного фронта он принимал активное участие в организации и проведении военно-оперативных мероприятий, в формировании новых армейских соединений (Первая конная армия Буденного), в налаживании снабжения и т.д. Словом, в полной мере исполнял свои высокие обязанности, подкрепленные положением члена Политбюро и народного комиссара.

Не следует замалчивать и некоторые негативные стороны в его деятельности в этот период. Будучи облеченным высокими правами и полномочиями, он — и это очевидно и подтверждается фактами и документами — вел себя если не разнузданно, то по крайней мере весьма авторитарно, что вполне соответствовало его характеру и вообще стилю руководства. Так, в одном из своих обращений в центр он в ультимативной форме потребовал принятия предлагаемых им мер. В ответ последовала реакция Политбюро (разумеется, с полного одобрения Ленина). Вот выписка из его решения от 14 ноября 1919г.: “Заявление тт. Сталина и Серебрякова относительно подкреплений для южного фронта и о некоторых личных перемещениях и телеграмму т. Сталина, поддерживающую это заявление, как ультиматум.

в) Сообщить т. Сталину, что Политбюро считает абсолютно недопустимым подкреплять свои деловые требования ультиматумами и заявлениями об отставках.”⁵⁵

В книгах некоторых авторов акцентируется внимание прежде всего и главным образом именно на фактах такого рода. В частности, приводится достаточно широко известный эпизод “препирательства” Сталина с Лениным по военным вопросам. Так, на одну из телеграмм Ленина о необходимости помочь Кавказскому фронту Сталин ответил: «Мне не ясно, почему забота о Кавфронте ложится прежде всего на меня... Забота об укреплении Кавфронта лежит всецело на Реввоенсовете Республики, члены которого, по моим сведениям, вполне здоровы, а не на Сталине, который и так перегружен работой»⁵⁶. Ответ на сердитое заявление Сталина был выдержан в форме своеобразного политического и морального выговора:

“20 февраля 1920 г.

На вас ложится забота об ускорении подхода подкреплений с Юго-Запфронта на Кавфронт. Надо вообще помочь всячески, а не препираться о ведомственных компетенциях.

Ленин”⁵⁷

Что по большому счету можно сказать по поводу такого вот рода препирательств? Отрицать факты их наличия нет никаких оснований. Равно как нет оснований придавать им какое-то исключительно важное, чуть ли не первостепенное значение. Такие препирательства всегда случались в ходе столь напряженной и тяжелой Гражданской войны. Полагать, что все шло гладко и без малейшей задоринки — значит сознательно упрощать картину, а тем самым — и извращать истину. Разногласия и стычки Сталина с Лениным имели место и в период Гражданской войны. Но, на мой взгляд, они служат прямым подтверждением не только, а может быть, и не столько выражением его

⁵⁵ “Известия ЦК КПСС.” 1990г. № 5. С. 161-163.

⁵⁶ См. В.И. Ленин. ПСС. Т.51. С. 409.

⁵⁷ В.И. Ленин. ПСС. Т.51. С. 139-140.

гипертрофированной склонности к склокам и конфликтам, его амбициозности и приверженности к исключительно силовым методам отстаивания своей позиции. Больше оснований считать, что сами эти разногласия, а порой и стычки, не доросли до масштабов открытого противостояния. Они свидетельствовали о том, что Сталин имел свою точку зрения по всем важным вопросам и имел смелость ее отстаивать. Он не был флюгером и его действия, хотя и укладывались в общие рамки лояльности по отношению к Ленину, но вместе с тем несли на себе черты самостоятельности, а порой и упрямства. Сталин, очевидно, сильно ожесточался, когда с его мнением не считались. Причем вне зависимости от того, кто проявлял столь непочтительное отношение к его точке зрения. В этом мы наглядно убедимся на ряде конкретных фактов.

Один из критиков деятельности Сталина в период Гражданской войны С.В.Левицкий, в частности, писал: «К началу этого этапа (речь идет о периоде, когда Колчак, Деникин и Юденич были уже разгромлены — *Н.К.*) Сталин считал себя опытным, незаменимым военным деятелем, обладающим большими организационно-административными и оперативно-командными способностями. С таких позиций он позволял себе активно вмешиваться в решение оперативных и даже стратегических вопросов, с пренебрежением относиться к решениям и директивам Главного командования и уклоняться от их точного выполнения, часто конфликтовать с Лениным и ЦК партии.

Так, 4 февраля 1920 года, получив задание ЦК поехать в Ростов и войти в состав РВС Кавказского фронта, Сталин ответил, что считает такую поездку ненужной, что он «не вполне здоров» и просит ЦК не настаивать на его поездке. Когда же ЦК сообщил, что считает поездку в Ростов необходимой, Сталин ответил так: «Распоряжению ЦеКа, несмотря на его дикость и на состояние здоровья, подчиняюсь», — и тут же поставил свои условия: командировка в Ростов будет временная; ЦК должен объявить в печати, что он, Сталин, командировается на Кавказский фронт по военным обстоятельствам, чтобы товарищи не обвиняли его «в легкомысленном перескакивании».⁵⁸

Число примеров подобного рода, очевидно, можно было бы увеличить. Однако, как мне представляется, большинство авторов, приводя такие и аналогичные примеры, придают им чуть ли не демоническое значение. Если основательно покопаться в документах, относящихся к периоду Гражданской войны (да и не только к этому периоду), то можно обнаружить массу подобного рода примеров, относящихся не к Сталину, а к другим деятелям большевистской партии. Разногласия по конкретным вопросам были не исключением, а правилом. Капризы и выражение недовольства теми или иными действиями центра случались нередко. Однако из этих фактов не следует делать каких-то глобально-обобщенных выводов. Право, они не служат достаточно веским основанием для такого рода выводов и обобщений. Это была, по существу, рутинная практика того времени.

Несколько иной оттенок носит конфликт, в который был вовлечен Сталин в связи с советско-польской войной. Здесь уровень и масштабы разногласий и исходные позиции различных сторон носили более весомый и значимый характер. На карту

⁵⁸ История и сталинизм. М. 1991. С. 127-128.

было поставлено слишком многое — успех или поражение в войне. На этом конфликте я остановлюсь более подробно не только в силу его собственной значимости, но и потому, что он подкреплен достоверными документами, дающими возможность вынести вполне объективное и беспристрастное заключение.

Вообще советско-польская война и ее исход обозначили серьезный поворот во всей внешнеполитической и военной стратегии советского руководства того времени. Сталин оказался в силу сложившихся обстоятельств в эпицентре возникшего тогда конфликта. Надо сказать, что опубликованные в собрании его сочинений материалы дают лишь самое общее представление о его позиции в данный период. Ставшие известными в последние годы новые документы проливают дополнительный свет на существо конфликта и позиции сторон. При этом мне кажется, что следует отвергнуть как необоснованные и тенденциозные две исходные позиции, которые с давних пор утвердились в общественном сознании и в историографии вопроса.

Первая безудержно превозносила гениальность Сталина как военного стратега в период советско-польской войны и возлагала всю вину и ответственность за поражение советских войск на предательскую позицию Троцкого и ошибки главного командования. Вторая — полярно противоположная. Согласно второй точке зрения, Сталин несет главную ответственность за неудачи на фронте, поскольку он не подчинялся прямым приказам Главного командования, часто игнорировал их и своеволичал. Именно эта точка зрения стала доминирующей во всей литературе о Сталине.

Я полагаю, что обе эти точки зрения не отвечают реальностям той эпохи и не подтверждаются абсолютно неопровержимыми фактами. Истина, скорее всего, лежит, как обычно, где-то посередине. Остановимся на этом вопросе более подробно.

Весной — летом 1920 года Сталин неоднократно затрагивал в своих публичных выступлениях проблему советско-польских отношений и войны с Польшей. Он с полным основанием подчеркивал, что «поход панской Польши против рабоче-крестьянской России есть, по существу, поход Антанты. Дело не только в том, что Лига наций, руководителем которой является Антанта и членом которой состоит Польша, одобрила, очевидно, поход Польши на Россию. Дело, прежде всего, в том, что без поддержки Антанты Польша не могла бы организовать своего нападения на Россию, что Франция, прежде всего, а потом и Англия с Америкой всячески поддерживают наступление Польши оружием, обмундированием, деньгами, инструкторами. Разногласия внутри Антанты по польскому вопросу не меняют дела, ибо они касаются лишь форм поддержки Польши, а не самой поддержки вообще.»⁵⁹

Конечно, нельзя не согласиться со Сталиным, когда он обвиняет страны Антанты в фактическом провоцировании войны против России. Однако нельзя сбрасывать со счета и другую, не менее важную сторону проблемы. А заключается она в том, что большевистское руководство, воодушевленное своими победами в Гражданской войне, достигнутыми к тому времени, решило использовать конфликт с Польшей в качестве своего рода трамплина для распространения советской власти на Польшу. Так

⁵⁹ И.В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 319.

называемая концепция экспорта революции, против которой большевики выступали на словах, на деле оказалась в той или иной мере примененной к Польше. Если говорить упрощенно, то позиции обеих сторон в этой войне были отнюдь не безупречны. Мотивы Советской России были во многом объективно обоснованы серьезными опасениями насчет помощи панской Польши войскам барона Врангеля, который к лету 1920 г. резко активизировал свои действия против Советской России. По существу речь шла о комбинированном ударе по советской республике. Польша руководствовалась при этом не только чисто классовыми целями (нанесение поражения большевикам), но и сугубо территориальными соображениями, стремясь присоединить к себе обширные территории, принадлежащие Украине и России. Словом, советско-польская война 1920 года являла собой пример сложного и тесного переплетения взаимных поползновений и закамуфлированных в демократическую или сугубо классовую фразеологию притязаний.

Сталин и до нападения в мае 1920 года Польши был членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта. Параллельно он занимался и другими делами в силу возложенных на него обязанностей (Трудовая армия Украины, работа в Москве и т.д.) Но в конце мая 1920 года он непосредственно направляется на Юго-Западный фронт, в оперативные обязанности которого входили организация отпора силам поляков и борьба с активизировавшимися военными вылазками Врангеля.

В июне 1920 года войска Врангеля из своих крымских укреплений начали поход на север, захватывая все новые и новые территории. Угроза со стороны Врангеля, особенно в сочетании с польской грозой, поставила советское политическое и военное руководство перед рядом сложных задач. Сталин, как ведущий член Реввоенсовета Юго-западного фронта, на плечи которого легла обязанность остановить наступление Врангеля и обратить его вспять, прекрасно понимал, какую угрозу представляет в создавшейся обстановке Врангель. Примечательно, что он высказывал свои опасения в отношении наступления Врангеля не только в конфиденциальном порядке, но и публично, в печати. Он анализировал военную ситуацию на польском фронте во взаимосвязи с наступлением Врангеля. Причем надо отдать ему должное: его оценки были реалистичны, далеки от шапкозакидательских настроений, получивших широкое распространение после первоначальных успехов советских войск в польской кампании.

Сошлемся на конкретные материалы. Так, в июне 1920 года, когда катастрофа на польском фронте казалась не просто маловероятной, а вообще начисто исключенной, Сталин писал: "Нет сомнения, что впереди ещё будут бои, и бои жестокие.

Поэтому я считаю неуместным то бахвальство и вредное для дела самодовольство, которое оказалось у некоторых товарищей: одни из них не довольствуются успехами на фронте и кричат о «марше на Варшаву», другие, не довольствуясь обороной нашей Республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут мириться лишь на «красной советской Варшаве».

Я не буду доказывать, что это бахвальство и это самодовольство совершенно не соответствуют ни политике Советского правительства, ни состоянию сил противника на фронте.

В самой категорической форме я должен заявить, что без напряжения всех сил в тылу и на фронте мы не сможем выйти победителями. Без этого нам не одолеть врагов с Запада.

Это особенно подчёркивается наступлением войск Врангеля, явившимся, как «гром с ясного неба», и принявшим угрожающие размеры.⁶⁰

Летние месяцы 1920 года были наполнены драматизмом: первоначальные успехи Красной армии в войне с Польшей, когда большевистское руководство полагалось на заверения командования Западного фронта во главе с М. Тухачевским, что в середине августа Варшава будет взята, сменились серьезными поражениями. Концентрированного удара войск Западного и Юго-Западного фронтов на Варшаву не получилось в силу ряда причин. Критики Сталина вменяют ему в вину то, что он якобы воспрепятствовал своевременной переброске 1-й Конной армии и других частей, входивших в состав Юго-Западного фронта, на помощь войскам, наступавшим на Варшаву. Вместо этого он якобы стремился сам получить лавры покорителя Варшавы и предпринял наступление на район Львова. Все это, как утверждают критики Сталина, и явилось одной из главных причин поражения советских войск и провала планов взятия Варшавы, к которой части Красной армии уже подошли вплотную — на расстояние 8 километров.

Я не вижу свою задачу в том, чтобы скрупулезно сопоставлять факты и доводы той и другой стороны — как критиков Сталина, так и тех, кто изображает его действия в данный период как правильные, успеху которых якобы помешала в корне неправильная линия главного командования. В конце концов это дело военных историков, среди которых по вопросу о причинах поражения в советско-польской войне велись многолетние дискуссии. Мне важно оттенить отдельные стороны деятельности Сталина в этот период. Через призму некоторых телеграмм и писем Сталина, а также его выступления на 9-й партийной конференции можно яснее и рельефнее представить его фигуру как политического и отчасти военного деятеля, характер и особенности его военно-политических взглядов, манеру поведения и практических поступков в тот исключительно напряженный для Советской республики момент.

Еще до того, как обозначился крутой поворот в войне с поляками, когда инициатива была в руках Красной армии и впереди маячила заманчивая перспектива взятия Варшавы и советизации Польши, Ленин послал на имя Сталина телеграмму следующего содержания. «Я прошу Сталина: 1) ускорить распоряжение о бешеном усилении наступления; 2) сообщить мне его, Сталина, мнение. Я же лично думаю, что это сплошное жульничество ради аннексии Крыма...»⁶¹

Охарактеризовав инициативу лорда Керзона как попытку спасти Польшу от поражения и оказать давление на Россию, Сталин писал в своем ответе: «Вы совершенно правы, говоря что у нас хотят вырвать из рук победу. Предлагаю: первое, в ответной ноте о Польше не давать определенного ответа, подчеркнуть в общих фразах миролюбие России и сказать, что если Польша в самом деле хочет мира, она могла бы обратиться к России непосредственно. Это дает выигрыш времени. Второе, о Врангеле нужно, во-первых, подчеркнуть, что посредничество Керзона между Вран-

⁶⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 333.

⁶¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 51. С. 237-238. Ленин запрашивал мнение Сталина по поводу предложений тогдашнего английского министра иностранных дел лорда Керзона о начале переговоров между Польшей и Россией по вопросам прекращения войны и определения границ.

гелем и Советским правительством, раз уже имевшее место, не оправдало себя, во-вторых, указать что Крым еще не отторгнут от России, а Врангель — *русский* генерал, с которым Россия сама может устанавливать тот или иной модус также как устраивает она вообще свои внутренние дела самостоятельно, что все внутренние вопросы, в том числе и Крымский вопрос, Россия будет разрешать самостоятельно. Я думаю, что никогда не был империализм так слаб, как теперь, в момент поражения Польши и никогда не были мы так сильны, как теперь, поэтому чем тверже будем вести себя тем лучше будет и для России и для международной революции. Решение Политбюро сообщите⁶².

Из ответа Сталина явствует, что он, наряду со многими другими, несмотря на все свои оговорки, испытывал чувство подобное эйфории, ничуть не предвидя скорого поворота событий отнюдь не в пользу Красной армии. Хотя в принципе он всегда демонстрировал холодный расчет и выступал против шапкозакидательства, в данном случае налицо явная переоценка собственных сил Советской России и недооценка возможностей ее противников, в частности Польши.

Через неделю после этой телеграммы Сталин направляет Ленину следующую телеграмму, в которой опять-таки затрагивается вопрос о возможных переговорах относительно перемирия: «В ноте Керзона говорится о конференции в Лондоне с представительством России. Мое мнение таково, что если когда-либо будут у нас переговоры с Польшей, они должны вестись в России, ибо устроить переговоры в Лондоне, выставив своим представителем Красина, — значит отдать дело под опеку Англии. Имейте в виду что наши шифровки в Лондоне расшифровываются англичанами, ибо нет шифра, который бы не расшифровывался.»⁶³ Здесь обращает на себя внимание не только общая принципиальная точка зрения, но и как бы вскользь брошенное замечание относительно шифров. В дальнейшей политической деятельности Сталина эта черта — назовем ее мнительностью, подозрительностью или же проявлением здоровой бдительности и т.п. — будет давать о себе знать все в большей мере. По существу, она станет имманентным качеством всего политического мышления Сталина.

Сталин энергично настаивает на том, чтобы до тех пор, пока начнутся переговоры о перемирии, войска Юго-Западного фронта как можно дальше продвинулись на запад, чтобы уже в ходе переговоров о перемирии иметь более прочные позиции, коль зайдет речь о размежевании границы. Он дает указание 1-й Конной армии усилить свое продвижение на Львов, отказавшись от первоначального продвижения в сторону Бреста. «Теперь Запфронт стоит ближе к Брест-Литовску чем Юг[о]-зап[адный фронт]. Возможно, что в связи с этим обстоятельством вашей армии придется отказаться от Бреста и свернуть южнее. Второе. Вы, должно быть, знаете, что мы отвергли посредничество Англии, предложившей перемирие с Польшей, и выразили согласие, если Польша сама обратится к России без посредников. Вы поймете, что если Польша обратится сама, мы не можем отказаться от перемирия, поэтому необходимо, насколько возможно торопиться с продвижением вашей армии вперед».⁶⁴

⁶² Большевицкое руководство. Переписка. 1912 — 1927. 142-143.

⁶³ Там же. С. 143.

⁶⁴ Большевицкое руководство. Переписка. 1912 — 1927. С. 146.

И буквально на следующий день Сталин шлет телеграмму следующего содержания:

“23 июля 1920 г.

Первая конармия. Ворошилову, Буденному.

Расшифровать лично. Харьков 23/71

Получено предложение Польши без посредничества Англии о перемирии с просьбой дать ответ не позднее тридцатого июля. Вы конечно понимаете, что мы вынуждены согласиться. Исходя из этого требуется самое стремительное наступление от вас в сторону Львова и вообще нужно постараться, чтобы до тридцатого успеть завладеть максимумом того, что можем взять. Из этого исходит наша последняя директива о Львове. Цека партии просит вас сделать еще одно усилие может быть последнее, а потом на отдых.

Сталин. ”⁶⁵

Но аппетиты, как говорится, растут не по дням, а по часам. Сталин уже считает, что война с Польшей выиграна и надо в максимально возможной степени использовать сложившуюся ситуацию для продвижения мировой революции на запад. В телеграмме Ленину он делится своими дальними политическими расчетами: “Теперь, когда мы имеем Коминтерн, побежденную Польшу, и более или менее сносную Красную армию, когда, с другой стороны, Антанта добивается передышки в пользу Польши для того, чтобы реорганизовать, перевооружить польскую армию, создать кавалерию и потом снова ударить, может быть в союзе с другими государствами — в такой момент и при таких перспективах было бы грешно не поощрять революцию в Италии. Нужно признать, что мы уже вступили в полосу непосредственной борьбы с Антантой, что политика лавирования уже потеряла свое преобладающее значение, что мы можем теперь и должны вести политику наступления (не смешивать с политикой наскокивания), если мы хотим сохранить за собой инициативу во внешних делах, которую мы завоевали недавно. Поэтому на очередь дня Коминтерна нужно поставить вопрос об организации восстания в Италии и в таких еще не окрепших государствах, как Венгрия, Чехия (Румынию придется разбить).”⁶⁶

Но гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить. В последующие несколько дней польские войска и войска барона Врангеля нанесли ряд сокрушительных ударов по частям Красной армии, которая вынуждена была спешно отходить. На польском фронте в плен попало около 100 тысяч бойцов и много вооружения Красной армии. Реввоенсовет Республики пытается предпринять какие-то экстренные меры. В частности, Троцкий внес предложение о реорганизации фронтов. В ЦК РКП(б) по предложению Троцкого обсуждался вопрос о выделении крымского участка Юго-Западного фронта в самостоятельный Южный фронт. Сталин был против этого. Окончательное решение о разделении фронтов было принято на заседании Политбюро 2 августа 1920 г. Весьма характерна телеграмма Сталина на имя Троцкого, в которой он мотивирует свое негативное отношение к реорганизации: “*Очередная неудача на Врангелевском фронте объясняется запоздалым подходом свежих дивизий с севера, которые могут сосредоточиться не ранее десятого августа. Врангель*

⁶⁵ Там же. С. 147.

⁶⁶ Там же. С. 148.

очевидно осведомлен о переброске дивизий и старается предупредить нас. *Не малую роль сыграло и то, что Москва не обращает должного внимания на Крымский фронт. По-моему образование специального Крымского ревсовета не составит плюса.* Весь вопрос в указанном обстоятельстве, а не в организации специального реввоенсовета для Крыма. *Последний по моему излишен.*

...Теперь, когда удар Врангеля начался, вероятно, наши неуспехи еще будут продолжаться на некоторый период. Повторю, в этом вопрос, а не в образовании нового ревсовета. Вот почему я нахожу излишним ваше предложение.⁶⁷

Возражения Сталина остались без всяких последствий, они просто не были приняты во внимание. С каждым днем становилось все более очевидным, что любые мероприятия чисто организационного свойства уже не могли коренным образом изменить ситуацию. Сталин энергично настаивает на том, что вина за неудачи ложится на главное командование. В телеграмме Ленину он подчеркивает: «Можно с уверенностью сказать, что неудачи будут продолжаться до сосредоточения наших сил и начала удара, а сосредоточение наших сил идет, как я уже писал, медленно, главным образом потому, что Главком поздно спохватился с перебросками, несмотря на ряд предупреждений с моей стороны. Сегодня вечером с комфронтом выезжаю на фронт.»⁶⁸

Дальше события развивались в следующем русле. 4 августа 1920 г. Сталин направляет Ленину телеграмму, в которой предлагалось объединить силы на западном направлении, передав Западному фронту войска 2-й, 1-й Конной и 14-й армий с тем, чтобы остальные силы Юго-Западного фронта были направлены против Врангеля. 5 августа 1920 г. предложение Сталина рассматривалось на заседании Политбюро. В принятом решении говорилось:

«Утвердить предложенный т.Сталиным вариант, принимаемый РВСР».⁶⁹

В последующие две недели Сталин вступил в конфликт с Главкомом в связи с вопросом о передаче ряда соединений Юго-Западного фронта Западному. Сталин послал главкому телеграмму, где, в частности, говорилось: «Ваша последняя директива ... без нужды опрокидывает сложившуюся группировку сил в районе этих армий, уже перешедших в наступление; директиву эту следовало бы дать, либо три дня назад, когда конармия стояла в резерве, либо позднее, по взятии конармией района Львов ... Ввиду этого я отказываюсь подписать соответствующее распоряжение Юго-запа в развитие Вашей директивы.»⁷⁰ 14 августа 1920 г. в телеграмме Ленину Сталин вновь жаловался на Главкома и просил определенного решения ЦК в отношении врангелевского фронта.⁷¹

19 августа 1920 г. на заседании Политбюро по докладу Троцкого и Сталина о военном положении на польском и врангелевском фронтах было принято решение снять на врангелевский фронт 6-ю дивизию 1-й Конной армии. Но все эти меры, к тому же запоздалые, уже не смогли радикально изменить обстановку в пользу Крас-

⁶⁷ **Большевистское руководство. Переписка. 1912 – 1927.** С. 149.

⁶⁸ Там же. С. 152.

⁶⁹ «Известия ЦК КПСС» 1991 г. № 2. С. 121.

⁷⁰ **Большевистское руководство. Переписка. 1912 – 1927.** С. 155.

⁷¹ Там же. С. 156.

ной армии. В итоге, как уже отмечалось, Красная армия потерпела серьезное поражение.

Сталин в середине августа 1920 года отзывается в Москву и больше не принимает участия в руководстве военными действиями. Поскольку поражение было весьма серьезным и из него надлежало сделать соответствующие выводы, Сталин обращается с официальным заявлением в Политбюро ЦК РКП(б). В нем говорилось: «Предлагаю ЦК образовать комиссию из трех [человек] (через Сов[ет] — обороны) по обследованию условий нашего июльского наступления и августовского отступления на Зап[адном] фронте. Комиссии дать срок двухнедельный. Председателем комиссии (если нет у ЦК лучшего кандидата) предлагаю т. Серебрякова.»⁷²

Однако предложение Сталина не получило дальнейшего развития: комиссия по расследованию причин неудач и выявлению конкретных виновников не была создана. Однако сам по себе этот вопрос был настолько важным, что его нельзя было просто обойти молчанием. Он как бы повис в воздухе: тень поражения в войне с Польшей витала в партии и обществе и отравляла атмосферу прежде всего в партийных верхах. Так или иначе данный вопрос должен был всплыть и на него должен был быть найден какой-то ответ. Форумом, более или менее подробно рассматривавшим уроки войны с Польшей, стала 9-я партийная конференция, состоявшаяся в сентябре 1920 года. На ней с докладом выступил Ленин, а также со своими речами главные непосредственные участники возникшего конфликта — Троцкий и Сталин.

Я не буду в деталях рассматривать ход этой дискуссии. Отмечу лишь некоторые наиболее существенные ее моменты.

Ленин в своем докладе и в заключительном слове постарался дать общую, принципиальную оценку всему происшедшему. «Но все-таки мы потерпели огромное поражение, колоссальная армия в 100 000 или в плену, или в Германии. Одним словом гигантское, неслыханное поражение, — подчеркивал он.

Что же это значит? Это значит, что несомненно была допущена ошибка, ведь мы имели на руках победу и мы ее выпустили. Значит — была ошибка. Перед каждым этот вопрос вставал, и мы в Цека находили ответ: в чем ошибка? где она и следует ли ее найти? Ошибка, ясно, должна быть или в политике, или в стратегии войны. Но вы знаете, что стратегия и политика неразделимо связаны.»⁷³

Ленин об этом прямо не говорит, но из смысла всего сказанного им, вытекает, что ошибки были допущены как в области политической стратегии, так и в сфере военной стратегии. Однако по соображениям, о которых можно только гадать, он не стал винить в поражении высшее военное руководство, т.е. Троцкого. Не стал возлагать ответственность он и на Сталина. Словом, занял равноудаленную позицию по отношению к этим двум ключевым фигурам развернувшегося спора. Видимо, соображения более глубокого плана лежали в основе такой позиции: он не хотел разрастания противостояния из-за данного вопроса, не хотел углубления противоречий между Сталиным и Троцким. Ведь помимо противоречий между этими двумя фигурами, в партийной верхушке существовали и другие, не менее важные и острые разногласия. Имеются в виду прежде всего разногласия по принципиальным вопросам общей по-

⁷² Там же. С. 156.

⁷³ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891 — 1922. С. 381.

литической стратегии партии, которые по мере приближения конца Гражданской войны обнажались все более явственно. В конечном счете эти разногласия были отражением глубокого кризиса, в котором находилась страна. Личные же амбиции, не являясь по существу источником нарастающей напряженности в партийной верхушке, тем не менее накладывали на нее свою печать.

Не согласился Ленин и с предложением Сталина о создании специальной комиссии по расследованию комплекса причин, вызвавших столь ощутимое поражение Красной армии. Мотивировал он это следующим образом: “Вы увидите, почему в Центр[альном] комитете получилось преобладание мнения, что нет, комиссию по изучению условий наступления и отступления мы создавать не будем. Чтобы изучить этот вопрос, у нас нет на это сил. У нас сейчас ряд других вопросов, которые требуют немедленного решения. Мы ни одной, даже второклассной силы на то, дать не можем. И нам надо решать другие вопросы, сложнейшие вопросы политики и стратегии...”⁷⁴

Не будучи решенным тогда, этот вопрос остался в наследство истории. Поэтому вокруг него на протяжении долгого времени, начиная с 20-х годов, шли ожесточенные споры и дискуссии. В период власти Сталина он был завершён традиционным способом: виновником поражений был объявлен Троцкий и вся стратегия тогдашнего главного командования. Но, как может видеть читатель, столь однозначный ответ отнюдь не соответствовал реальному ходу событий того времени. Все обстояло гораздо сложнее, и корни поражений находились не на поверхности (т.е. в плохом руководстве), а гораздо глубже.

Что касается Троцкого, то на конференции он выступил с речью, в которой попытался как-то сгладить и преуменьшить собственную вину и вину главкома. Исходя из посылки, что нападение — лучший способ обороны, он выдвинул ряд обвинений против Сталина. Вот как он сам сформулировал свои обвинения в адрес Сталина: “Товарищи, я позволю себе сказать, что я был настроен скептически многих других товарищей, ибо как раз на этом вопросе должен был останавливаться больше других, то есть разбиты или не разбиты военные силы польской белой армии. По этому поводу у меня были разговоры с т. Сталиным, и я говорил, что нельзя успокаиваться всякими сообщениями о том, что разбиты силы польской армии, потому что силы польской армии не разбиты, так как у нас слишком мало пленных по сравнению с нашими успехами и слишком мало мы захватили материальной части. Тов. Сталин говорил: «Нет, вы ошибаетесь. Пленных у нас меньше, чем можно было бы ожидать в соответствии с нашими успехами, но польские солдаты боятся сдаваться в плен, они разбегаются по лесам. Дезертирство в Польше получает характер явления огромного, которое разлагает Польшу, и это главная причина наших побед». Что же я должен сказать, что т. Сталин подвел меня и ЦК. Тов. Сталин был членом одного из двух Реввоенсоветов, которые били белую Польшу. Тов. Сталин ошибался и эту ошибку внес в ЦК, которая тоже вошла как основной факт для определения политики ЦК. Тов. Сталин в то же самое время говорит, что Реввоенсовет Западного фронта подвел ЦК. Я говорю, что этому есть оценка ЦК. Тов. Сталин представил дело так, что у нас была идеально правильная линия, но командование подводило нас, сказав, что Варшава будет занята

⁷⁴ Там же. С. 383.

такого то числа. Это неверно. ЦК был бы архилегкомысленным учреждением, если бы он свою политику определял тем, что те товарищи, которые говорили о том, когда будет взята Варшава, нас подводили, потому, что данные у них были те же, что и у нас». ⁷⁵

Сталин вел себя на конференции достаточно решительно, несмотря на примирительный тон доклада Ленина. В своем выступлении он, в частности, заявил: "Перед нами в то время было несколько фактов. Первый — это нота Керзона [...] вто-рой [...] — нарастающее революционное движение в Англии и Германии [...] Третий факт — это продвижение наших войск вперед на Юго-Западном и Западном фронтах. Таким образом, со всех сторон перед нами открывалась перспектива, что, если мы примем предложение Керзона, то тем самым рискуем дать передышку Польше и всей международной буржуазии [...] Безусловно, первое, что должен был сделать ЦК, — это проверить состояние наших фронтов. ЦК послал запросы, и в середине августа была получена телеграмма, что мы 16 августа берем Варшаву. Это сообщение, исходящее от компетентных и ответственных лиц, послужило той лишней гирей, которая перевесила мнение ЦК в сторону продолжения наступательной войны [...] Я должен заявить, что при такой обстановке наш ЦК не был бы революционным ЦК, если бы принял другую политику. Когда выяснилось, что комфронт ошибся в своей оценке фронта, что член Реввоенсовета фронта ошибся, что ЦК был в некотором роде подведен стратегией, смешно говорить, что «если бы да кабы во рту росли бобы». Никогда бобы во рту не растут. Всякая другая политика ЦК была бы реакционной. Поэтому, я думаю, что его логика была абсолютно правильной». ⁷⁶

Однако в ходе прений в адрес Сталина продолжали звучать упреки. В частности, Ленин в своем заключительном слове сказал, что тов. Сталин в принципиальном вопросе "брал через край". ⁷⁷ Сталин не был бы Сталиным, если бы смирился с этим замечанием Ленина, а также обвинениями, высказанными в его адрес Троцким. Кроме того, он, и это представляется вполне очевидным, был крайне недоволен тем, что Ленин занял столь примирительную, по его мнению, позицию. Сталин не был бы тем Сталиным, которого мы знаем, если бы просто промолчал и сделал вид, что ничего не произошло. Именно поэтому он посчитал необходимым обратиться со специальным заявлением в Президиум конференции. Я позволю себе целиком привести это заявление, поскольку оно, во-первых, примечательно само по себе и содержит конкретные аргументы по поводу спора. А во-вторых, оно высвечивает некоторые черты Сталина как оппонента, который не устрасился того, чтобы открыто, на партийном форуме бросить обвинение в адрес самого Ленина — общепризнанного вождя большевиков и своего, как он любил говорить, учителя.

Вот текст его заявления.

— Президиуму IX партийной конференции

23 сентября [1920 г.]

Заявление т. Сталина.

Некоторые места во вчерашних речах т. т. Троцкого и Ленина могли дать т. т. конференнтам повод заподозрить меня в том, что я неверно передал факты. В интересах истины я должен заявить следующее:

⁷⁵ Девятая конференция РКП(б). Протоколы. М. 1972. С. 76-77.

⁷⁶ Там же. С. 60-61.

⁷⁷ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891 — 1922. С. 390.

1) Заявление т. Троцкого о том, что я в розовом свете изображал состояние наших фронтов, не соответствует действительности. Я был, кажется, единственный член ЦК, который высмеивал ходячий лозунг о «марше на Варшаву» и открыто в печати предостерегал товарищей от увлечения успехами, от недооценки польских сил. Достаточно прочесть мои статьи в «Правде».*

2) Заявление т. Троцкого о том, что мои расчеты о взятии Львова не оправдались, противоречит фактам. В середине августа наши войска подошли к Львову на расстоянии 8 верст и они наверное взяли бы Львов, но они не взяли его потому, что высшее командование сознательно отказалось от взятия Львова и в момент, когда наши войска находились в 8 верстах от Львова, командование перебросило Буденного с района Львова на Запфронт для выручки последнего. При чем же тут расчеты Сталина?

3) Заявление т. Ленина о том, что я пристрастен к Западному фронту, что стратегия не подводила ЦК, — не соответствует действительности. Никто не опроверг, что ЦК имел телеграмму командования о взятии Варшавы 16-го августа. Дело не в том, что Варшава не была взята 16-го августа, — это дело маленькое, — а дело в том, что Запфронт стоял, оказывается, перед катастрофой ввиду усталости солдат, ввиду неподтянутости тылов, а командование этого не знало, не замечало. Если бы командование предупредило ЦК о действительном состоянии фронта, ЦК, несомненно, отказался бы временно от наступательной войны, как он делает это теперь. То, что Варшава не была взята 16-го августа, это, повторяю, дело маленькое, но то, что за этим последовала небывалая катастрофа, взявшая у нас 100 000 пленных и 200 орудий, это уже большая оплошность командования, которую нельзя оставить без внимания. Вот почему я требовал в ЦК назначения комиссии, которая, выяснив причины катастрофы, застраховала бы нас от нового разгрома. Т. Ленин, видимо, щадит командование, но я думаю, что нужно щадить дело, а не командование.

23/9 И. Сталин.⁷⁸

Суммируя все перипетии конфликта вокруг поражения Красной армии в период войны с Польшей, можно с достаточной уверенностью сказать, что Сталин проявил себя в этом конфликте отнюдь не как склочник, пытающийся скрыть свою вину и переложить ее на других. Напротив, именно он настаивал на тщательном расследовании всего этого дела. Вместе с тем он, на мой взгляд, довольно убедительно обосновал свои обвинения в адрес главного командования. Наконец, руководствуясь интересами дела, не побоялся вступить в открытую полемику с Лениным. Что также говорит о его твердости. Говорит это и о его положении в большевистском руководстве, положении, которое даже при самой злостной тенденциозности нельзя назвать малозначительным.

* Один из таких примеров я уже приводил выше. Сошлюсь и на другой. Сталин писал: было бы недостойным бахвальством думать, что с поляками в основе уже покончено, что нам остаётся лишь прдделать «марш на Варшаву».

Это бахвальство, подрывающее энергию наших работников и развивающее вредное для дела самодовольство, неуместно не только потому, что у Польши имеются резервы, которые она несомненно бросит на фронт, что Польша не одинока, что за Польшей стоит Антанта, всецело поддерживающая её против России, но и прежде всего потому, что в тылу наших войск появился новый союзник Польши — Врангель, который грозит взорвать с тыла плоды наших побед над поляками. (И.В. Сталин. Соч. Т.4. С. 339)

⁷⁸ **Большевистское руководство. Переписка. 1912 — 1927.** С. 160-161.

Одновременно конфликт вокруг стратегии ведения военных действий против Польши обнажил и другую черту Сталина как политика и в определенном смысле военного деятеля. Речь идет о его бросающейся в глаза амбициозности, непомерной уверенности в правоте только своего собственного подхода к решению возникавших проблем. При этом, как видно из приведенных фактов, он ни в какой степени не склонен был к самокритичному анализу. Больше того, упреки в свой адрес он категорически отвергал, рискнул даже “бросить перчатку” общепризнанному вождю партии — Ленину. Все это, взятое в своей совокупности, рисует довольно колоритный портрет Сталина времен Гражданской войны. Едва ли есть нужда подчеркивать, что отмеченные выше черты Сталина как политического деятеля, в дальнейшем, когда он единолично стал у руля государства, начали обретать еще более четкие, а порой и зловещие очертания.

ЛЕНА И КАМЫШ

3. Сталин и военная оппозиция

Рассмотрение деятельности Сталина в период Гражданской войны будет неполным, если мы оставим в тени вопрос об отношении Сталина к так называемой военной оппозиции, которая сформировалась в армейских и партийных кругах начиная с 1918 года и наиболее концентрированно выразилась в марте 1919 года на VIII съезде партии. Затронуть данный вопрос заставляет то, что в литературе о Сталине он получил не только противоречивую, но и зачастую неверную, слишком тенденциозную интерпретацию. Но прежде, чем перейти к краткому критическому разбору этой интерпретации, необходимо хотя бы в самом общем виде сказать о характере военной оппозиции.

Процесс создания регулярной Красной армии, начавшийся в 1918 году и продолжавшийся на протяжении многих месяцев, естественно, не мог быть простым и гладким. Нужно было решить огромное количество самых сложных, никогда ранее не встречавшихся проблем, в частности, такие вопросы, как: основы организации армии и переход от чисто добровольного принципа к призывному принципу комплектования, масштабы и формы привлечения офицеров старой армии для службы новой власти, взаимоотношения так называемых военспецов (ими именовались бывшие царские офицеры и генералы, служившие в Красной армии*) с представителями боль-

ЛЕНА И КАМЫШ

* О том, насколько велика была цифра так называемых военспецов в Красной армии, свидетельствуют следующие данные: в 1918г. они составляли 75% командного состава, в 1919г. — 53%, в 1920г. — 42%, в конце 1921г. — 34%. Причем надо обратить внимание, что тенденция относительного сокращения удельного веса военспецов в армии отнюдь не говорила об их абсолютном сокращении. Стремительными темпами росла сама численность Красной армии: так, если к концу 1919г. ее численность составляла около 3 млн. человек, то на 1 ноября 1920 г. в рядах армии насчитывалось около 5,5 млн. человек. (См. **Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия.** С. 106, 296). Еще более разительными выйдут эти цифры, если учесть, что, например, в 1918 г. в Красной армии служило около 43% всего наличного офицерского корпуса. В Белой же армии — 57% (примерно 100 тыс. человек.). Характерно, что около половины офицеров Генерального штаба (в том числе 252 генерала) продолжали служить новой власти. (См. *Вадим Кожин*. Россия. Век XX. (1901 — 1939). С. 180.

шевистского политического руководства в армейских частях и соединениях, разработка новых уставов, отражавших кардинально иной характер Красной армии. Можно перечислить и массу других важных проблем, с которыми сталкивались большевики в деле организации Красной армии. Причем трудность решения всех этих проблем определялась не только тем, что это были по существу новые проблемы, не разработанные ни теоретически, ни практически. Усугублялось это еще одним обстоятельством — все эти проблемы приходилось решать не в спокойное мирное время, а в обстановке ожесточенной Гражданской войны, которая не оставляла времени для тщательной их проработки и обкатки на практике. Словом, строительство новой армии было чрезвычайно сложным и многоплановым комплексом проблем, найти магическое решение которых было невозможно. Естественно, что по всем этим вопросам существовали различные точки зрения, различные подходы к их решению. Так что возникновение разногласий являлось вполне естественным и неизбежным фактом данности. Было бы гораздо более противоестественным, если бы таких разногласий не возникало.

Водораздел между крайними позициями и определил то, что получило название военной оппозиции. Причем следует особо подчеркнуть, что и в рядах самой военной оппозиции не было единства, а, напротив, существовали различия при подходе к отдельным практическим вопросам. Мне кажется, что недопустимым упрощением выглядит попытка представить военную оппозицию в качестве той политической силы, которая выступала против создания регулярной Красной армии и против жесткой дисциплины в этой армии. Ситуация в стране и сама практика Гражданской войны убеждали всех в том, что победить без регулярной, хорошо организованной Красной армии невозможно, и только заведомые олухи или сознательные враги Советской власти могли выступать против этого. А представители военной оппозиции в любом случае не относились к разряду таких людей.

Главным камнем преткновения выступало отношение к военным специалистам. Это обстоятельство было главным пунктом всех дискуссий по военным вопросам и лежало на поверхности. Если же смотреть в корень, то стержень проблемы заключался в резком недовольстве многих военных работников методами деятельности Реввоенсовета Республики и лично его председателя Троцкого. Я приведу пару выдержек из выступлений представителей военной оппозиции на закрытых заседаниях военной секции VIII-го съезда партии, ставших достоянием известности лишь в конце 80-х годов.

Из речи Ворошилова :

“И вот, вместо того, чтобы поставить эту армию в условия, когда она могла бы правильно развиваться и быть образцом строительства нашей пролетарской коммунистической армии, нашим авангардом в классовой войне, — эту армию уничтожают тем, что разгоняют одного за другим, которые не согласны с официальной точкой зрения. Ставят в такие условия, когда армия в конце концов распадается. Эта армия разваливается, и все у нас будет разваливаться до тех пор, пока мы здесь на партийном съезде не положим конец тому положению, которое было создано. У нас нет даже возможности рассуждать о таком огромном деле, как наша военная политика. У нас есть единоличное управление, единоличное усмотрение, а вокруг этих единоличных лиц сгруппировались враждебные нам слои белогвардейского офицерства, которое

одурманивает, ассимилирует до некоторой степени мозги наших товарищей. Результат этой ассимиляции сказывается»⁷⁹.

Из выступления другого представителя военной оппозиции Минина:

“Приезжает народный комиссар по военным и морским делам и говорит товарищам Рухимовичу, Артему* и другим, с которыми мы вместе работали: все равно вы город не защитите. Троцкий приехал и, не спросив никого, в чем дело, говорит: это верхоглядство. Он заявил нам с Ворошиловым, что я вас привезу под конвоем в Москву. Это отношение совершенно не коммунистическое.”⁸⁰

Я не стану в деталях распространяться на тему о претензиях, предъявлявшихся членами военной оппозиции к Троцкому, да и вообще к центральному партийному руководству. Причем надо подчеркнуть, что это недовольство носило глубокий характер и затрагивало отнюдь не единицы, а достаточно широкие слои военных работников.

Сам Троцкий в работах съезда не участвовал, сославшись на неотложные дела на фронте. Вместо этого он подготовил тезисы, содержавшие довольно банальные истины и обходившие стороной вопрос о корнях столкновений с местными военными деятелями. Весь вопрос он пытался свести к тому, что представители военной оппозиции якобы выступают против очевидного и разделявшегося по существу всеми принципа построения регулярной Красной армии. В частности, он писал: “Завоевание политической власти дало пролетарии ту возможность использовать государственный аппарат для планомерного строительства централизованной армии, единство организации и единство управления которой только и могут обеспечить достижение наибольших результатов с наименьшими жертвами. Проповедывать партизанство, как военную программу, то же самое, что рекомендовать возвращение от крупной промышленности к кустарному ремеслу”⁸¹.

Но коренная суть разногласий по военному вопросу сводилась отнюдь не к вопросу — создавать или не создавать регулярную армию (она на протяжении довольно длительного времени уже практически создавалась) — а к отношению к военным специалистам и, — что особенно надо подчеркнуть — к методам руководства военными делами со стороны Троцкого. Не стану приводить подробных доказательств общего недовольства методами председателя Реввоенсовета, в первую очередь среди членов партии, работавших в армии. Сошлюсь лишь на написанный Лениным проект постановления Политбюро. Этот проект в числе других был подписан и Сталиным. Последний пункт проекта гласил: “5) указать т. Троцкому на необходимость как можно более внимательного отношения к работникам-коммунистам на фронте, без полной товарищеской солидарности с которыми невозможно проведение политики Центрального комитета в военном деле.”⁸²

Общая картина разногласий по военным проблемам была обрисована выше. Какова же была истинная позиция Сталина по данному вопросу? В литературе о Сталине

⁷⁹ “Известия ЦК КПСС” 1989 г. №9. С. 157.

* Речь идет о руководителях обороны Царицына в 1918 году, которые в тот период времени работали вместе со Сталиным.

⁸⁰ “Известия ЦК КПСС” 1989 г. №9. С. 153.

⁸¹ Там же. С. 176.

⁸² В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891 — 1922. С. 284.

господствующей является, коротко говоря, следующая точка зрения: Сталин на словах высказывался против «военной оппозиции», но на деле выражал ей сочувствие. Якобы в кулуарах съезда он пытался создать впечатление, что, не слишком хорошо разбираясь в военном деле, ЦК партии и Ленин передоверили его Троцкому.⁸³

Академик Минц, в свое время много сделавший для раздувания культа Сталина и превозношения его заслуг в Гражданской войне, в период перестройки, естественно, изменил свои взгляды на 180 градусов и стал доказывать прямо противоположное тому, что писал ранее. Так, по его мнению, Сталин на словах поддерживал линию Ленина, а на деле вдохновлял оппозицию и руководил ею.⁸⁴

На мой взгляд, истина заключается в том, что Сталин занимал неоднозначную позицию в данном вопросе. Верхом наивности полагать, что такому реалистически мыслящему человеку, каким не только слыл, но и являлся Сталин, было присуще непонимание столь простой истины, что новой власти нужна регулярная армия, а не партизанская вольница. Без железной дисциплины такой армии создать невозможно. Так что приписывать Сталину заведомо абсурдные идеи о противодействии созданию строго централизованной и хорошо дисциплинированной армии — значит рисовать заведомо извращенную и до предела примитивную картину.

Но что его, так сказать, духовно роднило с представителями оппозиции, так это критика в адрес Троцкого, неприятие методов руководства военным делом со стороны последнего. Здесь сказывались не только личная неприязнь к Троцкому, но и принципиальное несогласие с его методами проведения в жизнь выработанной партией политики в военных вопросах. Чего здесь было больше — личной антипатии или разногласий по принципиальным вопросам? Видимо, одно сочеталось с другим и накладывалось друг на друга.

Для поной ясности и объективности процитируем наиболее важные положения, отстаивавшиеся Сталиным в ходе этой дискуссии. Вот что он говорил на заседании военной секции съезда:

“Все вопросы, затронутые, сводятся к одному: быть или не быть в России строго дисциплинированной армии. Весь вопрос в этом. Полгода назад или 8 месяцев назад у нас была новая армия, после развала старой царской — добровольческая, плохо организованная армия с коллективным управлением и командованием, не подчинявшаяся приказу. Это был период, когда обозначались наступления со стороны Антанты более или менее ясные. Состав армии был главным образом, если не исключительно, рабочий.

Ввиду отсутствия дисциплины, ввиду отсутствия стройности старой добровольческой армии, ввиду того, что приказы не исполнялись, ввиду дезорганизации в управлении армии мы терпели поражения. Дошли до того, что отобрали у нас Казань, с юга наступал Краснов. На западе была более серьезная война двух империалистических групп. Факты говорили, что добровольческая армия, плохо организованная и дисциплинированная армия не выдерживает критики, что мы — Советская республика — не сумеем оборонять нашу республику, если не создадим другой армии, армии регулярной, проникнутой духом дисциплины; с хорошо поставленным политическим от-

⁸³ См. *Жорес Медведев, Рой Медведев. Избранные произведения*. М. 2002. Т. 1. С. 36.

⁸⁴ “Вопросы истории КПСС”. 1989. № 11. С. 40.

делом, умеющей и могущей по первому приказу стать на ноги и идти на врага. Эта задача была, плохо ли, хорошо ли, но все-таки разрешена. Перед нами стоит основной вопрос о том, чтобы наше решение, решение центра о необходимости, о неизбежности организации регулярной армии, армии строго дисциплинированной, подчинявшейся приказу, было исполнено...

И теперь весь вопрос состоит в том, чтобы дисциплину сознательную, ту, которая была у нас, плохо ли, хорошо, в период добровольчества, чтобы сознательно дополнять дисциплину железной формой.

Я должен сказать, что те элементы нерабочие, которые составляют большинство нашей армии, — крестьяне, они не будут драться за социализм, не будут! Добровольно они не хотят драться. Целый ряд фактов на всех фронтах указывает на это. Целый ряд бунтов в тылу, на фронтах, целый ряд эксцессов на фронтах показывает, что непролетарские элементы, составляющие большинство нашей армии, драться добровольно за коммунизм не хотят.

Речь эта вполне определенно и однозначно выражает позицию Сталина по военному вопросу. Поэтому рассуждения насчет того, что он якобы поддерживал партизанские устремления военной оппозиции лишены реальной почвы. С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что Сталин фактически обошел молчанием вопрос о своих разногласиях с Троцким по вопросам военного руководства и не высказал прямо своих критических замечаний. А что такие замечания у него были, хорошо видно из приводившихся ранее документов и материалов. Здесь, видимо, решающую роль сыграли соображения иного характера: Ленин и ЦК в целом стояли за то, чтобы на съезде не раздувать пожар разногласий и не вносить дополнительно горячий материал. Во главу угла ставилась задача консолидации и выработки общей, приемлемой для всех, позиции по военному вопросу. Сталин, очевидно, также придерживался этой линии и на практике проводил ее в жизнь. Здесь, на мой взгляд, и надо искать причину того, что он воздержался от критики Троцкого. Может быть, имелись и какие-то иные соображения и мотивы, но они, если таковые были, явно играли второстепенную роль.

Показательно в этом контексте выступление Ленина, в котором он, полемизируя с представителем военной оппозиции Голощекиным, говорил, касаясь периода обороны Царицына: «У нас бывали разногласия, ошибки, — никто этого не отрицает. Когда Сталин расстреливал в Царицыне, я думал, что это ошибка, думал, что расстреливают неправильно, и те документы, которые цитировал товарищ Ворошилов, — они показывают, какая масса героизма в 10-й армии и, в частности, в поведении товарища Ворошилова, — нашу ошибку раскрыли. Моя ошибка раскрылась, а я ведь телеграфировал: будьте осторожны. Я делал ошибку. На то мы все люди. Конечно, было бы лучше, если бы расстреляли Краснова, когда Дыбенко подписывал мирный договор в Смольном. Это была, конечно, ошибка. Заслуга царицынцев, что они открыли этот заговор Алексеева. Были разногласия у Сталина со мной. Сталин доказал, и никто не станет из этого выводить, что политика ЦК не проводится в военном ведомстве. Это такое обвинение, которое бросает большую тень на все военное ведомство и на ЦК. Вы не хотите этого сказать, но вы имели в виду это сказать. Подкладка тут для всех ясна.»⁸⁵

⁸⁵ «Известия ЦК КПСС» 1989 г. № 11. С. 163.

⁸⁶ «Известия ЦК КПСС» 1989 г. № 11. С. 168.

В результате взятого курса на достижение единства путем компромисса по предложению президиума съезда для разрешения спорных вопросов и выработки резолюции по военному вопросу была избрана согласительная комиссия из двух представителей от меньшинства и трех — от большинства. В числе трех представителей большинства фигурировал и Сталин.⁸⁷ От имени комиссии на заседании съезда Е. М. Ярославский сообщил о проделанной комиссией работе, пришедшей к общему решению. В итоге съезд единогласно при одном воздержавшемся принял резолюцию по военному вопросу.⁸⁸

Как видим, вопрос о военной оппозиции был в принципе разрешен на VIII съезде партии. Однако это не было равнозначно тому, что все разногласия таким путем исчерпались. Напротив, многие из них остались и давали о себе знать и в дальнейшем, в чем можно убедиться хотя бы на базе тех фактов и примеров, которые я приводил в разделе, где рассматривались вопросы борьбы с Деникиным, польского фронта и т.д. Достоинно внимания еще одно обстоятельство. Недовольство Троцким со стороны не только военной оппозиции, но и со стороны других партийных деятелей было столь велико, что оно проявилось на данном съезде при выборах в состав ЦК: против него было подано 50 голосов.⁸⁹ Видимо этим, в частности, объясняется тот факт, что состав членов ЦК был объявлен в алфавитном порядке, а не по количеству поданных за кандидатов голосов, как это обычно имело место в прошлом. Лишь спустя 70 с лишним лет впервые были опубликованы ранее неизвестные документы Ленина, в одном из которых приводятся результаты голосования по выборам в состав ЦК. Вот как голосовали делегаты по наиболее видным фигурам большевистского руководства: Ленин — 262, Троцкий — 219, Зиновьев — 255, Сталин — 258, Каменев — 252, Крестинский — 235, Дзержинский — 241, Раковский — 171, Бухарин — 258, Стасова — 155, Муранов — 164, Серебряков — 125, Стучка — 128, Томский — 226, Белобородов — 218, Смилга — 135, Калинин — 152.⁹⁰

Трудно себе представить, что столь амбициозный человек, каким был Троцкий, не мог не воспринять критику в свой адрес, а также общее недовольство методами его работы, чрезвычайно болезненно. Через некоторое время, а именно в июле 1919 года, ссылаясь на свою загруженность военной работой, он обратился с заявлением в ЦК партии с просьбой освободить его от звания члена Политбюро и председателя Реввоенсовета и наркомвоенмора. Политбюро и Оргбюро ЦК семью голосами, в числе которых был и Сталин, отклонили эту просьбу и обязали Троцкого оставаться на своих постах.⁹¹

Как можно видеть из приведенного факта, а также других примеров аналогичного рода, несмотря на серьезные разногласия и даже, скажем прямо, непримиримую вражду между Сталиным и Троцким, Сталин демонстрировал не столько лояльность по отношению к своему оппоненту, сколько рабочую терпимость. Большого,

⁸⁷ История Коммунистической партии Советского Союза. Т.3. Книга вторая. М.1968. С. 278.

⁸⁸ Протоколы VIII съезда РКП(б). С. 338.

⁸⁹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т.3. Книга вторая. С. 276

⁹⁰ В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891 — 1922. С. 280.

⁹¹ Там же. С. 292-293.

идимо, от него и ожидать было трудно. Другой вывод, напрашивающийся сам собой, можно сформулировать так: отношения в высшем звене партийного руководства не отличались идиллическим согласием. Напротив, обычным явлением были частые столкновения и разногласия, вызванные не только чисто деловыми соображениями, но и личными симпатиями и антипатиями. Это обстоятельство надо постоянно иметь в виду, когда мы будем в дальнейшем рассматривать развертывание широких внутрипартийных баталий в период борьбы Сталина за власть в 20-е годы.

* * *

Остается подвести краткий итог деятельности Сталина в период Гражданской войны. Как я уже писал ранее, оценка эта целиком и полностью зависит от того, какую позицию занимает автор по отношению к Сталину вообще. Из этой позиции вытекает и конкретная оценка его роли в Гражданской войне. Причем надо отметить, что даже отрицательные оценки, в частности, Троцкого, непоследовательны и внутренне противоречивы. Так, он пишет: "Его влияние на фронте было велико, но оно оставалось безличным, бюрократическим и полицейским."⁹² Буквально через страницу мы читаем: "...Роль Сталина в Гражданской войне лучше всего, пожалуй, измерится тем фактом, что в конце Гражданской войны его авторитет совершенно не вырос... Во всяком случае из Гражданской войны он вышел таким же безвестным и чуждым массам, как и из Октябрьской революции."⁹³

Как говорится, вот и пойми, где же лежит истина: с одной стороны, влияние велико, с другой стороны, вышел из войны безвестным. Впрочем, иного и трудно ожидать от Троцкого, ибо всю свою энергию и недюжинный талант публициста он спользовал для дискредитации и принижения Сталина. Совсем неудивительно, что английский военный специалист, автор книги о Сталине как военачальнике А. Ситон (материалы, приводимые Троцким о военной деятельности Сталина, характеризует одним словом — неподтвержденные.⁹⁴ В целом этот английский биограф Сталина, ценявая чисто военную сторону его деятельности, пишет, что "хотя его личные достижения могут быть подвергнуты сомнению, его опыт, полученный во время Гражданской войны и войны с Польшей, позже сослужил ему хорошую службу. Сталин знал и многому научился у Ленина."⁹⁵

Нельзя пройти мимо оценок деятельности Сталина во время Гражданской войны, принадлежащих перу Волкогонова. Здесь, как впрочем и на страницах своей книги о Сталине в целом, он не дает объективно взвешенных оценок, а выносит безапелляционные вердикты. Причем делает это с апломбом человека, прекрасно разбирающегося в вопросах военного дела, по крайней мере таких его составных частей, как стратегия и оперативное искусство.

Итак, вот что пишет Волкогонов: "Не зная тонкостей оперативного искусства, Сталин напирал главным образом на дисциплину, пролетарский долг, революцион-

⁹² Лев Троцкий. Сталин. Т. 2. С. 130.

⁹³ Там же. С. 132.

⁹⁴ Albert Seaton. Stalin as Military Commander. New York. 1976. p. 10.

⁹⁵ Там же. p. 269.

ную сознательность и часто грозил «революционной карой»... Бывая на фронтах, выполняя задания Ленина, он каких-то особых «военных талантов» не проявил. Нет никаких достоверных объективных свидетельств, подтверждающих, что Сталин мог правильно оценить оперативную обстановку, сделать выводы о соотношении сил, выдвинуть оригинальную стратегическую идею... Оперативные установки Сталина весьма упрощенны, если не сказать – примитивны. ”⁹⁶ Выше я уже привел немало фактов и документов, убедительно свидетельствующих о том, что Сталин обладал способностью быстро и правильно оценивать сложившуюся ситуацию, вычленив главное звено в цепи причин и взаимосвязей, определяющих общую стратегическую обстановку. В отсутствии способности реально и глубоко оценивать положение дел его трудно упрекнуть. В конце концов, если бы он был столь бездарен в военном отношении, то едва ли его командировали на различные участки Гражданской войны. Изображать его в роли простого погонялы несерьезно.

Что же касается качеств чисто военного свойства, т.е. владение основами стратегии и оперативным искусством, то в какой-то мере здесь можно согласиться с тем, что он такими знаниями с самого начала не обладал и в силу естественных причин обладать не мог. Он, как говорил в известном фильме Чапаев, “академиев не кончал” Однако отсюда вовсе не следует, что ему были чужды или вовсе неизвестны основы стратегии. Как известно, военная стратегия имеет много общего с политической стратегией. Поэтому хороший политический стратег отнюдь не был лишен и способностей в области военной стратегии. К тому же, следует помнить, что в ходе самой войны приобретались военные познания, и многие красные военачальники стали незаурядными полководцами в процессе самой войны. Ведь не случайно они, а не Белая армия, в которой служили многие крупные военные специалисты, оказались победителями.

Поэтому явно тенденциозные оценки, вроде тех, что дает Волкогонов, естественно, не могут не восприниматься, по меньшей мере, с чувством определенного скептицизма. С не меньшим скептицизмом и недоверием воспринимаются и явно апологетические оценки, такие, например, как та, которую дал М.И.Калинин в дни празднования 50-летия Сталина: “Разгорелась Гражданская война. Сталин на фронте, член фронтовых реввоенсоветов, организует боевые силы Красной армии на самых опасных участках, под вражеским огнем. Между прочим Сталин всегда командировался не просто на фронт, а на тот фронт, который в данный исторический момент был важнейшим. И в Политбюро при Ленине как-то само собою подразумевалось: опасность велика—значит надо послать Сталина.”⁹⁷

Можно было бы приводить гораздо большее число оценок подобной или прямо противоположной направленности. Но количество цитат и фактов мало что добавит к существу самого вопроса. Я надеюсь, что читатель сам в состоянии вынести свое собственное заключение о роли Сталина в Гражданской войне на базе тех фактов и материалов, на основе тех доводов и соображений, которые были высказаны в данной главе. Картина в целом вырисовывается отнюдь не однозначная и совсем не черно-белая. Во всяком случае совершенно очевидно, что крайние оценки роли Сталина

⁹⁶ Дмитрий Волкогонов. Сталин. Книга 1. С. 93.

⁹⁷ Сталин. Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. С. 24.

в Гражданской войне должны быть отмечены как исторически неполноценные и односторонние, а порой и просто явно тенденциозные.

В годы Гражданской войны Сталин впервые в своей жизни соприкоснулся с неизвестной ему прежде сферой деятельности — с военной сферой. Не акцентируя внимание на вопросе о том, насколько велика была его реальная роль в достижении побед в этой войне (об этом уже шла речь выше), следует сказать, что, несомненно, он приобрел определенный опыт в военных делах. На практике в той или иной степени познакомился со стратегическими и оперативными вопросами военного искусства. И будучи человеком с хорошей практической хваткой и достаточно широким кругозором, он, несомненно, многое вынес из опыта Гражданской войны. Разумеется, приобретенный опыт, как и всякое явление в жизни, имеет свои положительные и отрицательные черты. Опыт Гражданской войны стал для него своего рода трамплином, отправной точкой в процессе дальнейшего освоения военного искусства. Вместе с тем, этот опыт, как мне представляется, сыграл в дальнейшем и определенную отрицательную роль в его становлении как военного деятеля. Сумма стереотипов и шаблонов, усвоенных им во время Гражданской войны, сыграла роль своеобразного груза, мешавшего ему впоследствии быстрее осознать новые формы и методы руководства военными действиями. Это были, так сказать, неизбежные издержки процесса познания законов войны. Но в целом, сопоставляя положительные и отрицательные моменты, надо признать, что приобретенный в Гражданской войне опыт явился для Сталина как военного деятеля весьма ценным и полезным.

С таким видением роли Гражданской войны в становлении Сталина не только как военного деятеля, но и как политика и даже просто как человека, переключается и оценка этого периода, принадлежащая историку Грею. Он пишет: «опыт Гражданской войны оказал глубокое воздействие на Сталина. Он позволил ему лучше познать самого себя и свои способности. Впервые в своей жизни он взял на себя ответственность огромного масштаба и убедился, что способен справиться с ней, что было для него большим стимулом. Но это самопознание проходило в условиях чрезвычайной жестокости. Он был свидетелем борьбы за хлеб, когда деревни и целые города были опустошены в борьбе за то, чтобы обеспечить поставки хлеба на север. Он проникнулся сознанием того, что цели партии должны быть осуществлены, невзирая на человеческие жертвы. Теперь он увидел, как тысячи людей умирали во имя выживания партии и правительства. Этот опыт еще более укоренил в нем то чувство бесчеловечности, которая станет характеризовать осуществление им власти.»⁹⁸

Можно соглашаться или спорить с приведенной выше оценкой. Какие-то моменты в ней объективно отражают влияние всей суровой обстановки Гражданской войны на формирование некоторых качеств характера Сталина. Хотя, разумеется, к тому времени он уже был вполне сформировавшейся личностью. Просто условия Гражданской войны лишь укрепили в нем довольно простую, но вместе с тем жестокую мысль: во имя достижения победы приходится не считаться ни с какими жертвами. В дальнейшем нам не раз придется убеждаться в том, насколько целеустремленно и последовательно Сталин придерживался усвоенного им опыта.

⁹⁸ Ian Grey. Stalin. p. 141.

Для меня совершенно очевидно одно: эпоха Гражданской войны в политической биографии Сталина занимает одно из ключевых мест. В некоторой мере и с некоторыми оговорками я разделяю вывод, сделанный биографом Сталина А.Уламом. Вот его вывод – период Гражданской войны во многих отношениях был более значительным в формировании характера коммунизма и характера Сталина, чем 1917 год или длительный подпольный период до революции.⁹⁹ Оговорки мои касаются того, что процесс формирования личности политического деятеля – это непрерывный и взаимосвязанный процесс, в котором отдельные этапы служат не только венцом предшествующих, но и исходной базой для последующих этапов. Именно в такой неразрывной взаимосвязи и развитии лежит ключ к постижению значения того или иного периода в истории становления исторической личности такого масштаба, как Сталин.

1917

1918

1919

⁹⁹ A. Ulam. Stalin. p. 190.

Глава 10

НА ПОДСТУПАХ К ВЕРШИНАМ ВЛАСТИ

1. “Нам угрожает гибель”: пути выхода из кризиса

Окончание Гражданской войны знаменовало собой вступление страны и партии в принципиально новый этап исторического развития. Переход от военной фазы борьбы к фазе мирного строительства стал суровым испытанием для большевистского руководства. Вопрос стоял предельно просто: сумеют ли они найти пути и методы осуществления совершенно новой стратегии и, соответственно, новой тактики, следуя которой они могли бы вывести страну из состояния полнейшей разрухи как в области экономики, так фактически и всех других сфер государственной жизни. Эйфория побед в Гражданской войне явно не способствовала тому, чтобы само партийное руководство и широкие массы членов партии в полной мере оказались способными понять всю сложность, а порой и неразрешимость проблем, с которыми они столкнулись.

Конечно, задним числом легко упрекать лидеров большевистской партии в том, что они явно запоздали с введением новых принципов экономической жизни страны. Над их сознанием, а главное — над психологией подавляющего большинства населения страны, тяжелым грузом висели гири наследия недавней кровопролитной войны. К тому же, завершение широкомасштабной Гражданской войны отнюдь не означало наступление полного мира. Во многих районах страны еще сохранялись очаги открытых вооруженных конфликтов, периодически вспыхивали волнения крестьян, на базе которых возникали достаточно многочисленные мятежи, вовлекавшие в себя целые губернии, например, “антоновское движение” в Тамбовской губернии и т.д. Но самое главное, как мне представляется, конец Гражданской войны ни в коей мере не положил конец ожесточенному классовому противостоянию, разделившему всю страну. В каком-то смысле Гражданская война продолжалась, но уже, так сказать, невоенными средствами. Раскол общества со всеми вытекающими из этого последствиями выступал как наиболее характерная особенность тогдашней российской действительности.

В этом контексте выглядит весьма впечатляющей оценка общей ситуации, данная на X съезде партии одним из членов высшего партийного руководства Н.И.Бухариным: “Характеристика нового периода наметилась было, как характеристика чисто мирного периода. Но не успели мы написать соответственные тезисы, как они устарели. Мы вступаем в новый период с большими противоречиями. С одной стороны, он характеризуется тем, что мы закончили полосу необычайно интенсивных войн, которые мы вели со всем капиталистическим миром, с другой стороны, он характеризуется тем, что у нас выступает война на внутреннем фронте — иногда в форме настоящей войны, иногда в форме, чрезвычайно близкой к этой войне.”¹

Враждебность времен Гражданской войны сменилась затаенной враждебностью, в которой сохранилось не меньше взаимной ненависти и неприязни, чем преж-

¹ Протоколы X съезда РКП(б). С. 321.

де. Эта отличительная особенность положения давала о себе знать буквально во всех сферах жизни общества. Короче говоря, изменились формы борьбы, но в целом прежним осталось ее содержание. Психология Гражданской войны настолько глубоко и широко внедрилась во все поры социальной, политической и иных сфер жизни, что давала о себе знать ежечасно и ежеминутно. Переход к новому этапу — этапу мирного строительства не мог быть успешным без преодоления этой зловещей и всепоглощающей психологии взаимной ненависти.

Синдромом Гражданской войны, понимаемом в самом широком смысле, были заражены все слои общества. Партия, через которую и могли выражаться и проявляться тогда общественные настроения, разумеется, тоже не могла остаться в стороне от всех этих процессов. Как вполне справедливо замечает И. Дейчер, капиталистические элементы стали объективным фактом социально-экономической жизни страны. Но не было ни одной партии, которая бы представляла их интересы в политической сфере. “И было вполне естественным, что они стремились найти каналы выражения своих интересов и мнений, и что они видели эти каналы внутри единственной политической партии, оставшейся существовать. Только абсолютная изоляция могла бы предотвратить партию от раздробления на несколько враждебных партий”²

Росло и ширилось недовольство главной социальной опоры большевиков — рабочего класса. Стратегический союз между рабочим классом и беднейшим крестьянством, который, по мнению большевиков, являлся фундаментом новой власти, основой диктатуры пролетариата, оказался под угрозой полного развала. Все это не могло не сказаться и на внутривнутрипартийной жизни, не могло не стимулировать роста разногласий и противоречий как в самой партии, так и в ее руководящих верхах.

Бросается в глаза одна особенность периода, когда вводилась и начала в широких масштабах осуществляться новая экономическая политика. Эта особенность кажется, на первый взгляд, алогичной, внутренне противоречивой: с одной стороны, вводились далеко идущие послабления в экономической сфере, открывавшие широкую дорогу развитию частнособственнических отношений, в том числе капиталистическим отношениям. Довольно значительные масштабы получила практика сдачи предприятий и рудников в руки иностранных концессионеров. Проводились меры по либерализации торговли, управления промышленностью и т.д. Особой заботой государства стало наведение порядка в полностью рухнувшей финансовой системе. Были предприняты первые шаги в области разработки и введения новых законодательных норм. Все эти и другие меры экономического порядка, пользуясь современной терминологией, можно было бы охарактеризовать как меры, носившие в той или иной мере либеральную направленность.

Хотя, конечно, — и это обстоятельство заслуживает быть отмеченным особо — преобразования в экономической области проходили не стихийно, а под строгим государственным контролем. В этом смысле нет серьезных оснований говорить об утверждении чисто рыночных отношений в нэповской России. Отдельные элементы таких отношений, безусловно, внедрялись в экономическую жизнь страны, и уже сам по себе этот факт не мог не отражаться на общей ситуации.

Так вот, внутренняя противоречивость и алогичность ситуации заключалась в том, что она не только не сопровождалась, как можно было ожидать, отказом от жесто-

² Isaac Deutscher. Stalin. p. 236.

чайшего политического режима, введением радикальных послаблений в политической сфере, а, напротив, нередко сопровождалась усилением политических репрессий. Эти меры затронули в первую очередь партию эсеров, а также частично и меньшевиков — давних и непримиримых политических противников большевизма.

В предыдущих главах уже давалась оценка позиции этих партий по важнейшим проблемам жизни в условиях борьбы с царизмом. В нынешних же условиях, после четырехлетнего господства большевистского режима, противостояние этих полярно противоположных большевизму политических сил приняло иные формы, соответственно изменившимся условиям. Противники большевизма, воспользовавшись введением новой экономической политики, усилили свою борьбу против правящего режима.

Критика НЭПа велась эсерами с левых социалистических позиций. В условиях начавшегося мирного развития страны эсеровская альтернатива этого развития, предусматривавшая демократизацию не только экономической жизни, но и политического строя, не могла не стать привлекательной для широких масс. Понимая это, большевики приняли все возможные меры для того, чтобы дискредитировать идеи и политику партии социалистов-революционеров и методом политических запретов устранить ее с политической арены. На основе весьма сомнительных фактов, а нередко и совсем голословно, партия эсеров обвинялась не только в организации различных антисоветских заговоров, мятежей, террористических актов и политических диверсий, но и в прямом бандитизме — уничтожении хлебных запасов, скота, с.-х. инвентаря и т.п. акциях. Хотя справедливости ради, надо отметить, что эсеры вели активную антисоветскую работу. Поэтому представлять их в виде эдаких невинных политических голубков — значит идти против фактов. Власти организовали широко рекламировавшийся процесс против эсеров. ЦК РКП(б) отнес этот процесс к “числу крупных политических событий” 1922 года. Большевики обвиняли партию эсеров во всех политических преступлениях и грехах. “Военно-террористическая работа против рабоче-крестьянской власти привела его (имеется в виду ЦК партии эсеров — Н.К.) за время первых месяцев существования Советской власти в лагерь прямых предателей России, продавших былую революционную честь антантовскому капиталу и служивших его орудием в подрыве Советской власти и в прямом убийстве ее деятелей”, говорилось в письменном Отчете ЦК РКП(б) XII съезду партии.³

Судебный процесс над членами ЦК и некоторыми активистами партии эсеров был проведен летом 1922 года в Москве. Из 34 человек, подвергнутых суду Верховного трибунала ВЦИК, 12 человек были приговорены к расстрелу, остальные — к тюремному заключению на срок от 2 до 10 лет. Президиум ВЦИК помиловал 10 человек и отложил исполнение приговора для смертников, сделал их политическими заложниками, оговорив, что приговор будет приведен в исполнение, если партия эсеров будет использовать вооруженные методы борьбы против Советской власти.⁴

Столь же непримиримую позицию заняли большевики и по отношению к своим бывшим однопартийцам — меньшевикам. При этом логика их была проста и вполне оправдана. Борьба с меньшевизмом, по мнению большевистского руководства, в том

³ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. 1968. С. 785.

⁴ Политические партии России. Энциклопедия. С. 450.

числе и Сталина, разумеется, является в период НЭПа тем более острой задачей, что в условиях частичного возрождения капитализма и «новой» буржуазии крепнет и поднимает голову буржуазная идеология в промежуточных социальных слоях. Рост частного издательства, влияние буржуазных публицистов, поэтов, художников, таких групп «умственного труда», как профессора, врачи, агрономы, студенты и т. п., целиком пропитанных ядом буржуазного воспитания и образования, ставит нашу партию перед необходимостью всестороннего и, в частности, идеологического отпора этим влияниям на трудящиеся массы.⁵

Однако на первом плане стояли отнюдь не методы идеологического отпора, а самые откровенные, ничем не мотивированные репрессии. Ленин был в числе наиболее рьяных поборников таких репрессивных мер, в чем пользовался полной поддержкой со стороны Сталина и других ведущих деятелей партии. В письме Сталину от 16 июля 1922г. Ленин писал:

“ т. Сталин!

К вопросу о высылке из России меньшевиков, н(ародных) с[оциалист]ов, кадетов и т[ому] п[одобных] я бы хотел задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас.

Решительно «искоренить» всех энесов? Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др[угих] должна представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго.

...Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжай-те, господа!”⁶

За реализацией данного “очистительного процесса” дела не стало. В самое короткое время были составлены списки, подлежащих высылке. Списки эти направлялись членам Политбюро и утверждались ими. В числе высланных оказались многие лучшие представители российской науки, видные философы, деятели образования и т.д. Среди них такие имена. как Бердяев, Франк, Лосский, П.Сорокин, Карсавин и другие столь же яркие фигуры, составлявшие национальную гордость страны.⁷

Это был беспрецедентный в XX веке акт политического остракизма. Но вот что парадоксально: если в античной Греции подобная мера относилась к числу весьма суровых наказаний, то в условиях тогдашней России она считалась относительно мягкой и даже чуть ли не гуманной. Оглядываясь назад и осуждая предпринятую большевиками меру политического преследования путем высылки из страны, тем не менее надо сказать, что она имела и свой неоспоримый положительный аспект. Если бы все эти люди тогда не были высланы из страны, то в последующие годы, особенно в 30-е, они, вне всякого сомнения, стали бы одними из первых жертв сталинских репрессий. Так что политический остракизм стал невольным орудием спасения их жизней. И в этом проглядывается какая-то зловещая ирония истории.

⁵ См. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 785.

⁶ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891 — 1922. С. 544-545

⁷ Список намечавшихся к высылке за границу См. Там же. С. 550-557. Более полный перечень лиц, с разбивкой высылаемых по профессиям и краткими политическими характеристиками См. Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. С. 42-57.

Участие Сталина в этой акции можно охарактеризовать как самое непосредственное и активное. Помимо того, что он лично как член Политбюро голосовал за принятие столь жестких мер, к нему, к тому времени Генеральному секретарю ЦК, стекались соответствующие подготовительные документы, рапорты и отчеты о ходе депортации и другие документы. Есть основания считать, что он играл одну из ключевых ролей в проведении всей этой операции, и данный факт отражен в соответствующих документах. В интересах объективности следует заметить, что каких либо письменных следов своего личного участия (писем, записок, замечаний на документах, резолюций и т.п.) во всем этом деле Сталин не оставил.⁸ Не думаю, что данное обстоятельство говорит о его склонности не оставлять следов своего участия в подобного рода делах: просто все эти документы и материалы пересылались ему по принадлежности как руководителю секретариата ЦК партии.

Другим актом, вызвавшим гораздо более мощную отрицательную реакцию значительной части населения (особенно сельского), была акция по изъятию церковных ценностей, проведенная властью в период голода 1921-1922гг. Во главе комиссии по изъятию церковных ценностей стоял Троцкий.⁹ Однако было бы грубым искажением исторической истины всю вину за проведение такого рода мероприятий возлагать лишь на него, поскольку и другие члены руководства, в том числе и Сталин, придерживались единой позиции в данном вопросе. Но все-таки, как считают многие историки, идея конфискации церковных ценностей родилась именно в голове Троцкого, который в январе 1922 года писал об это м Ленину, настаивая, чтобы операция была сохранена в полной тайне.¹⁰ Некоторые нюансы во взглядах отдельных членов Политбюро общей картины не меняют. Принципиальная позиция партийного руководства исходила из того, что кампания по изъятию церковных ценностей имела исключительно крупное значение. При этом надо подчеркнуть, что центральные власти стремились использовать данную кампанию не только для общей дискредитации церкви, но и для внесения раскола в ее ряды. Вот как сам ЦК рассматривал характер злополучной кампании: «Эта кампания развернулась в политическую борьбу внутри церкви, где вопрос о передаче церковных ценностей для помощи голодающим вызвал раскол и разделение, с одной стороны — на открытых и упорных врагов Советской власти, пытавшихся в ряде случаев организовать противодействие советским органам, и на сторонников поддержки Советской власти и обновления самой церкви. Обновленческое движение в церкви, нашедшее себе наиболее широкий размах в организации так называемой «живой церкви», до сих пор ведет небезуспешную борьбу со старым духовенством. Предстоящий церковный собор должен показать, насколько прочно обновленческие стремления проникли в широкую массу православного духовенства. Борьба внутри церкви вокруг церковных ценностей вскрыла вместе с тем перед широкими массами контрреволюционную природу церкви на многих примерах.»¹¹

⁸ См. Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. С. 40-58.

⁹ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891 — 1922. С. 515.

¹⁰ Ричард Пайпс. Россия при большевиках. С. 417.

¹¹ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 786.

Борьба с церковью поражала своей ожесточенностью и жестокостью. Сциничной откровенностью это выразил Ленин в строго секретном письме членам Политбюро, где он, в частности, писал: "Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что, если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый краткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут."¹²

Повсеместно проводилось изъятие церковных ценностей, что вызывало недовольство не только священнослужителей, но и широких масс населения. В качестве меры устрашения проводились аресты служителей церкви, устраивались судебные процессы, выносившие суровые приговоры. Довольно подробно широкомасштабная борьба властей против церкви, в том числе и попытки опереться на так называемую "живую церковь", раболепствовавшую перед государством, описывается в книге Р.Пайпса, к которому мы адресуем тех, кто захочет узнать многие аспекты этой антицерковной кампании.¹³

Здесь упомянуты лишь некоторые, наиболее бросающиеся в глаза, примеры ужесточения диктатуры в период новой экономической политики. Число таких примеров и сфер, затрагиваемых ею, можно было бы умножить. Однако цель моя состоит в данном случае в том, чтобы показать общую атмосферу, в которой разворачивалась политическая деятельность Сталина в эту эпоху и роль, которую он при этом играл.

Таким образом, новая экономическая политика отнюдь не способствовала демократизации и оживлению политической жизни в стране. Конечно, по сравнению с эпохой Гражданской войны ситуация в этой области была уже иной. Но военный коммунизм, не просто как чисто экономическая система, но и как определенный тип военной диктатуры, давал о себе знать буквально во всем и буквально на каждом шагу. Все эти явления таили в себе серьезные опасности, не замечать или игнорировать которые, не могла позволить себе политическая партия, стоящая у государственного руля и стремившаяся не только сохранить, но и упрочить свою власть.

Ленин и его ближайшие соратники, в число которых входил уже на полных правах Сталин, видели все эти опасности и искали пути и средства их преодоления. Одним из направлений, по которому еще в разгар Гражданской войны пошло большевистское руководство, стало организационное укрепление партии и ее руководящих структур. VIII съезд партии (март 1919г.) принял новый устав партии: в соответствии с ним учреждались следующие органы ЦК – Политбюро, Оргбюро и Секретариат. Эта мера имела своей целью лучше организовать повседневную работу Центрального Комитета и хотя бы в самом общем виде разграничить его многообразные функции. Проводить еженедельные заседания пленумов ЦК практически было невозможно, часто в связи с отсутствием наличных членов ЦК, а вопросы требовали своего оперативного решения. Правда, и раньше в составе ЦК, как уже отмечалось выше, функционировал так называемый узкий состав, т.е. Бюро ЦК. Однако оно, видимо, уже не могло справляться с новыми задачами. К тому же, требовалось как-то конституировать внутреннее разграничение функций органов ЦК, причем необходимо было сде-

¹² В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891 – 1922. С. 517.

¹³ См. Ричард Пайпс. Россия при большевиках. С. 415-441.

вать это не каким-то полюбавочным порядком, а вполне официально, закрепив в уставе партии.

Конституирование новых органов ЦК, естественно, должно было четко показать внутреннюю расстановку сил в партийной верхушке, роль и место каждого из партийных лидеров в этой расстановке сил. На VIII съезде Сталин был избран членом ЦК с весьма внушительным показателем голосов в его пользу — 258.¹⁴ Ленин, общепризнанный вождь партии, с его огромным личным авторитетом, получил всего лишь на 4 голоса больше, чем Сталин. А Троцкий, — и это весьма красноречивый факт, — отстал от Сталина на полсотни полученных голосов делегатов. Число голосов, поданных за Сталина, явно свидетельствовало о том, что он пользовался если не широкой популярностью, то бесспорным авторитетом в партийных рядах.

Состав Политбюро, избранного на этом съезде, состоял из следующих лиц. Члены Политбюро: Л. Б. Каменев, Н. Н. Крестинский, В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий; кандидаты в члены: Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, М. И. Калинин.

В Оргбюро входили члены: А. Г. Белобородов, Н. Н. Крестинский, Л. П. Серебряков, И. В. Сталин, Е. Д. Стасова; кандидат — М. К. Муранов. Первоначально в состав Секретариата вошла только Стасова, а в ноябре 1919 г. секретарями ЦК были избраны Н. Н. Крестинский и Е. Д. Стасова.¹⁵ На IX съезде (март — апрель 1920 г.) Политбюро не претерпело каких-либо изменений, оставшись в прежнем составе, а вот Оргбюро и Секретариат подверглись определенной перетряске. В состав Оргбюро ЦК вошли Н. Н. Крестинский, Е. А. Преображенский, А. И. Рыков, Л. П. Серебряков, И. В. Сталин. Секретариат составили последовательные сторонники Троцкого — Крестинский, Преображенский и Серебряков.¹⁶

Как видим, Сталин вошел в два главных органа ЦК — Политбюро и Оргбюро, но не вошел в состав Секретариата. Широко распространено мнение, будто, Секретариат, особенно в первые годы его существования, играл в основном техническую роль. На мой взгляд, такая оценка упрощает и в определенной степени принижает реальное значение и роль Секретариата во всей системе партийного механизма. Даже в первые годы его функционирования. Конечно, Секретариат не являлся органом политического руководства, если это руководство толковать в узком значении данного понятия. Однако в его повседневной деятельности чисто организационные и технические вопросы органически переплетались с вопросами политическими, и уже в силу самого этого обстоятельства он нес определенные политические функции.

Кроме того, вес и значение Секретариата определялись не только, а может быть, и не столько его строго определенными сугубо функциональными прерогативами. Многое здесь зависело от того, кто возглавлял Секретариат и руководил его повседневной работой. Ведь никто не осмеливается утверждать, что Свердлов в бытность его фактическим секретарем ЦК, т. е. руководителем Секретариата, в основном выполнял технические функции. Напротив, почти все авторы, затрагивающие данную тему, пишут о его колоссальной политической и организаторской работе. При-

¹⁴ См. *В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891 — 1922. С. 280.*

¹⁵ "Известия ЦК КПСС." 1990 г. № 7. С. 70-71.

¹⁶ Там же. С. 71.

чем рассматривают обе эти ипостаси не в отрыве друг от друга, а в естественной и органичной взаимосвязи. Так что безапелляционно наклеивать ярлык сугубо технического органа на Секретариат нет серьезных оснований. В определенной степени место и роль Секретариата в партийных структурах предопределялась не чисто формальными моментами, а тем, какая фигура стояла во главе его. Бесспорность данного вывода со всей убедительностью будет подтверждена в дальнейшем, когда пост Генерального секретаря займет Сталин. Но и до прихода Сталина на данный пост нет серьезных оснований характеризовать роль Секретариата как в основном техническую. Подобная трактовка явилась скорее всего позднейшим изобретением противников Сталина, пытавшимся, принижая роль Секретариата, тем самым принизить прежде всего роль самого Сталина.

Сам по себе факт включения Сталина в два главных органа ЦК говорит о многом: в нем видели и политического руководителя, и работника, обладавшего большим организаторским опытом и способностями, хорошо знавших многих местных партийных функционеров. Это давало в его руки дополнительные козырные карты во внутрипартийной борьбе. Многие его биографы усматривают в членстве Сталина как в Политбюро, так и в Оргбюро, одну из важнейших предпосылок его дальнейшего восхождения на вершины партийной власти. Доля правды в таких предположениях, конечно, есть, хотя сам по себе этот факт еще ничего не предопределял. Ведь были и другие партийные деятели, входившие одновременно и в Политбюро, и в Оргбюро, однако это не повлияло решающим образом на их дальнейшую политическую судьбу. Иными словами, ключевую роль играла не сама по себе партийная должность, а человек, который ее занимал. И в этом смысле связывать дальнейшее восхождение Сталина на вершину партийного Олимпа прежде всего, а тем более исключительно с тем, что он входил в оба эти органа, — значит упрощать реальную картину того, что было в действительности. Само по себе членство в ПБ и Оргбюро еще ничего не гарантировало, что наглядно подтвердила судьба Н.Н.Крестинского, который в тот период входил не только в ПБ и Оргбюро, но и в состав Секретариата ЦК, т.е. трех руководящих органа ЦК партии.

Нет возможности подробно вникать в анализ значения и деятельности вновь созданных органов ЦК. Замечу лишь, что работа Оргбюро в первые годы после его учреждения вызвала серьезные нарекания в партийной среде, что нашло свое отражение во многих критических замечаниях в адрес данного органа на съездах партии и в письмах, направлявшихся самому Ленину и в ЦК. Я сошлюсь на письмо видного в то время деятеля партии, активного публициста Н.Осинского, который в октябре 1919 года писал Ленину: “И вот, я констатирую факт — организационное бюро, созданное весной, фактически распалось, и из всех товарищей с организационными способностями в нем работает лишь Крестинский...” С учетом провального, по его мнению, состояния дел в организационной работе, Н.Осинский предлагал: “Учредить организационную диктатуру из трех членов Ц.К., наиболее известных в качестве организаторов — оставив в стороне все симпатии и антипатии, соображения внешнего почета и особенно желания непосредственно влиять на них, их полную надежность, дисциплинарное подчинение. Сейчас настолько важен правильный переход от организационной алгебры к организационной арифметике, что надо дать им полную свободу диктатуры над всеми без исключения, даже если бы они в крошечных мелочах не соглашались, стояли на своем.

Если нужно еще более конкретно, то скажу, что эту тройку можно образовать только из Сталина, Серебрякова и Крестинского (с заменой одного Дзержинским).¹⁷

Думаю, нет необходимости комментировать приведенное выше предложение, адресованное Ленину. Во всяком случае оно однозначно говорит о том, что в партийных кругах Сталин котировался в качестве одного из лучших организаторов, способных наладить работу так, как того требовали условия времени. Заподозрить Н.Осинского в необъективности в данном случае нет никаких оснований. Он был широко известен в партии своими острыми критическими выступлениями на съездах и конференциях, а также в партийной печати. Не раз подвергал он критике и лично Сталина. Причем его критика, как правило, носила язвительный и острый характер.

Суммируя, можно сказать, что партия в лице ее высшего руководства в конце Гражданской войны и вскоре после ее окончания явственно видела необходимость внесения коренных перемен в партийную стратегию и в особенности в экономическую политику страны.

Вся советская историография, а также некоторые биографы Ленина и Сталина, решение об отказе от политики военного коммунизма и переходе к новой экономической политике превозносили как мудрый, глубоко продуманный и чрезвычайно смелый шаг со стороны партии и прежде всего Ленина. Это, мол, был акт исключительного политического мужества и дальновидности. Мне же такая оценка представляется явно завышенной и не отвечающей критериям исторической истины. Прежде всего это был шаг вынужденный, продиктованный не какими-то соображениями высокой политической мудрости, а давлением самой жизни, объективными потребностями страны. Идти дальше по пути военного коммунизма — было равнозначно идти в пропасть или, в лучшем случае, в тупик. Отказ от военного коммунизма был не проявлением глубины политической стратегии, а просто повелительным требованием самого времени, реального хода событий.

Подчеркивая объективную обусловленность и неизбежность отказа от военного коммунизма и перехода к НЭПу, вместе с тем нельзя не отметить одного существенно важного обстоятельства. Без упоминания этого историческая картина была бы неполной и искаженной. Речь идет о том, что Ленин еще до начала Гражданской войны выдвигал идеи, которые во многом перекликаются со стратегическим поворотом, осуществленным в 1921 году. Об этом он счел необходимым напомнить в ноябре 1922 года в докладе на IV конгрессе Коминтерна — одном из своих последних публичных выступлений. Вот что он говорил тогда: «Я держался, таким образом, в 1918 году того мнения, что по отношению к тогдашнему хозяйственному состоянию Советской республики государственный капитализм представлял собой шаг вперед. Это звучит очень странно и, быть может, даже нелепо, ибо уже и тогда наша республика была социалистической республикой; тогда мы предпринимали каждый день с величайшей поспешностью — вероятно, с излишней поспешностью — различные новые хозяйственные мероприятия, которые нельзя назвать иначе, как социалистическими. И все же я тогда полагал, что государственный капитализм по сравнению с тогдашним хозяйственным положением Советской республики представляет собой шаг вперед...»¹⁸

¹⁷ *Неизвестная Россия. Век XX.* М. 1992. Т. 1. С. 18-19.

¹⁸ *В.И. Ленин.* ПСС. Т. 45. С. 279.

Я не стану путем перечисления различных объективных и субъективных факторов мотивировать причины, толкнувшие большевиков на переход к новой экономической политике. Вместо этого я воспользуюсь опять-таки словами Ленина, который в качестве первоисточника лучше передает смысл и мотивы, заставившие партию отказаться от военного коммунизма.

На том же конгрессе Коминтерна он следующим образом развивал свою мысль: «После того как я подчеркнул, что мы уже в 1918 году рассматривали государственный капитализм как возможную линию отступления, я перехожу к результатам нашей новой экономической политики. Я повторяю: тогда это была еще очень смутная идея, но в 1921 году, после того как мы преодолели важнейший этап Гражданской войны, и преодолели победоносно, мы наткнулись на большой, — я полагаю, на самый большой, — внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих. Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас. Чем было вызвано это своеобразное, и для нас, разумеется, очень неприятное, положение? Причина была та, что мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед, что мы не обеспечили себе достаточной базы, что массы почувствовали то, чего мы тогда еще не умели сознательно формулировать, но что и мы вскоре, через несколько недель, признали, а именно: что непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы и что если мы окажемся не в состоянии произвести отступление так, чтобы ограничиться более легкими задачами, то нам угрожает гибель. Кризис начался, мне кажется, в феврале 1921 года. Уже весной того же года мы единогласно решили — больших разногласий по этому поводу я у нас не видел — перейти к новой экономической политике»¹⁹

Как видим, Ленин акцентирует внимание на том, что решение столь крупного стратегического масштаба не вызвало в партии и ее руководящих структурах каких-либо серьезных споров и разногласий. В какой-то степени это соответствует действительности. И объясняется это главным образом тем, что верхний слой партии не мог не видеть пропасти, перед которой оказалась партия, да и страна в целом. Здесь, как говорится, речь шла не о том, чтобы вести сплошные споры о наилучших способах выхода из сложившегося положения, а о принятии экстренных и чрезвычайных мер. Лимит времени явился одной из причин, ускоривших решение большевиков о введении новой экономической политики. Одновременно этот же лимит времени в силу естественных причин смягчил противоречия и споры, неизбежно возникающие при принятии столь кардинально мер. Общая угроза власти большевиков, дамокловым мечом висевшая над партией, как раз и сыграла роль некоего миротворца в рядах большевиков.

История большевистской партии дает бесчисленные примеры того, что и по гораздо менее важным вопросам в ней разгоралась ожесточенная борьба, по крайней мере столкновение различных, зачастую полярных точек зрения. Поэтому сравнительно единодушное принятие решения о переходе к новой экономической полити-

¹⁹ В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 282.

ке было скорее исключением из правил, нежели правилом. Но нужно сделать важное дополнение: если сам факт одобрения в целом перехода к НЭПу и не вызвал ожесточенной борьбы в партии, то процесс реализации этой политики, а также оценка последствий ее для страны, сразу же стали источником серьезных внутривнутрипартийных разногласий.

Касаясь роли ведущих политических фигур в выдвижении и разработке принципиальных положений о переходе к новой экономической политике, следует констатировать, что Сталин не проявил здесь себя с какой-то более или менее заметной стороны. Его биограф И. Дейчер пишет: “Сталин не внес какого-нибудь вклада в оригинальную программу НЭПа, которая являлась полностью творением Ленина. Ее принятие также не повлекло за собой каких-либо особых разногласий во мнениях. Эта реформа была осуществлена без предварительного обсуждения, подталкиваемая Кронштадским восстанием.”²⁰

Попутно стоит заметить, что Троцкий во время X съезда партии (март 1921 г.) попытался приписать себе первоначальную инициативу перехода к новой экономической политике. Вот его буквальные слова: “...я внес в ЦК, в феврале прошлого года, письменное предложение, которое я могу всем членам съезда раздать, которое почти буква в букву совпадает с тем предложением о замене разверстки продовольственным налогом, которое вы теперь будете обсуждать и принимать. Я был обвинен во фритредерстве, в стремлении к свободе торговли — и получил 4 голоса в Центральном комитете”.²¹

Не будем вдаваться в детали и спорить о состоятельности утверждения Троцкого. На самом деле его предложения лежали не столько в русле экономических, сколько военно-административных мероприятий. Еще в декабре 1919 года Троцкий выступил с предложением перевести рабочих, проходивших службу в Красной Армии, в трудовые армии и использовать военный комиссариат для целей управления промышленностью. Меры примерно такого же военно-административного плана он использовал для наведения порядка на транспорте. На него была возложена задача способствовать выводу транспорта из состояния полного паралича. Троцкий вступил в конфликт с работниками железнодорожного транспорта и их профсоюзом. В конце концов вся концепция оздоровления положения дел на транспорте вылилась в знаменитые формулы Троцкого “о перетряхивании профсоюзов” и дальнейшем “завинчивании гаек”

Разногласия по этим вопросам, которые на первый взгляд, касались чисто профсоюзных проблем, а по существу являлись принципиальной политической схваткой в руководстве партии о путях и методах дальнейшего экономического, да и политического развития страны. Дискуссия о профсоюзах фактически была дискуссией о будущей судьбе коммунистического режима в России. Дискуссия началась в ноябре 1920 года в партийных организациях Москвы, Петрограда, Урала, Украины и Сибири. 12 января 1921 г. пленум ЦК РКП(б) разрешил предсъездовскую дискуссию и выборы делегатов на съезд по платформам. Сам факт начала дискуссии, а также бесспорная новация в практике партии — выборы на съезд не в общепартийном порядке, а на

²⁰ Isaac Deutscher. Stalin. p. 226.

²¹ **Протоколы X съезда РКП(б).** С. 352.

основе определенных политических платформ, — явление весьма примечательное. Оно явно говорило за то, что партия в целом оказалась в состоянии раскола и чисто дисциплинарными или административными мерами возникших проблем разрешить уже не удалось. Как грибы после дождя, появились несколько различных политических платформ. «Платформа 10», подписанная В.И. Лениным, Артемом (Ф.А. Сергеевым), М.И. Калининным, И.В. Сталиным, Л.Б. Каменевым, Г.Е. Зиновьевым, Г.И. Петровским, С.А. Лозовским, Я.Э. Рудзутаком и М.П. Томским, была опубликована 14 января 1921 г. Опубликованы были также «буферная» платформа Н.И. Бухарина, Ю.Ларина (М.А. Лурье), Е.А. Преображенского, Л.П. Серебрякова, Г.Я. Сокольников (Бриллиант) и В.Н. Яковлевой; тезисы группы «Демократического централизма», платформа «Рабочей оппозиции» и др.

Я не стану углубляться в детали, анализируя содержание и особенности той или иной платформы. Это бы заняло много места, да и не имеет непосредственного отношения к предмету нашего рассмотрения. Однако необходимо все же остановиться на отдельных моментах, которые имеют не просто исторический интерес, но и помогают понять дальнейшую эволюцию политики партии и ее переход на новые принципы, получившие окончательные права гражданства уже во времена власти Сталина.

Окончание Гражданской войны и переход к новой экономической политике совершенно в иной, кардинально новой плоскости, поставил и ряд принципиально важных вопросов не только внутрипартийной, но и в целом общественной жизни в стране. Ограничения, вполне понятные и терпимые в период открытого вооруженного противостояния, когда речь шла о жизни и смерти нового общественного строя, стали восприниматься совсем иначе в условиях мирного времени, в условиях перехода к НЭПу. В партии росло довольно широкое недовольство отсутствием подлинной демократии, отсутствием свободы слова, ростом бюрократизма, зажимом всякой критики снизу. Выразителями этих настроений в партии стали прежде всего сторонники «рабочей оппозиции» и «демократического централизма». Их платформа нашла определенное отражение в ходе работы X съезда, где представители этих группировок выступили с рядом глубоко обоснованных и резких критических замечаний в адрес партийного руководства.

В рамках данной работы нет возможности более или менее полно осветить главные предметы партийных разногласий, в частности и тех, которые касаются платформы «рабочей оппозиции». Однако обойти молчанием эти вопросы также нельзя. Остановиться на некоторых ключевых моментах стоит уже в силу того, что они позволяют воссоздать хотя бы в какой-то мере обстановку, господствовавшую в то время в партии. Но самое главное — освещение этих вопросов дает возможность увидеть истоки тех недемократических, диктаторских методов, которые именно в тот период были освящены партийными решениями и затем легли в основу теории и практики, обобщенно получившей наименование системы диктата партийной верхушки.

Сам процесс возвышения Сталина в партии и затем утверждение его единовластия в большой степени опирались на теорию и практику партийной жизни, во многом заложенные в первый период после окончания Гражданской войны и введения НЭПа. Без понимания и учета именно этих особенностей данного периода невозможно понять и объективно оценить становление единовластия Сталина. Сталинизм как политическая система имеет много корней и источников. И одним из этих источни-

ков является практика партийной жизни, заложенная еще при жизни Ленина, в начальный период НЭПа.

Затрону лишь некоторые наиболее острые вопросы, по которым в тот период шла самая острая внутрипартийная борьба. В качестве иллюстрации приведу выдержки из докладной записки одного из главных представителей “рабочей оппозиции” Г.И.Мясникова, направленной им в ЦК партии, а также реакцию В.И.Ленина на главные требования и предложения Мясникова. Центральным требованием оппозиционных группировок в партии было требование свободы слова. Мясников формулировал его так: “После того, как мы подавили сопротивление эксплуататоров и конституировались, как единственная власть в стране, мы должны, как после подавления Колчака, отменить смертную казнь, провозгласить свободу слова и печати, которую не видел в мире еще никто от монархистов до анархистов включительно.

Этой мерой мы сумеем закрепить за нами влияние в массах города и деревни, а равно и во всем мире.”²²

Свою мысль он обосновывал следующим аргументом: “Но само собой понятно, что рабочая демократия предполагает наличие не только избирательных прав, но свободы слова и печати. Если те рабочие, которые управляют страной, управляют заводами, не будут иметь свободы слова, то, конечно, это ненормально.”²³

В своей записке, а затем и в письме на имя В.И.Ленина, Мясников довольно убедительно доказывает, что введение реальной свободы слова только поможет вскрыть недостатки и пороки новой власти, усилит позиции рабочего класса, поможет объединить вокруг него крестьянство, будет способствовать коренному оздоровлению всей обстановки в стране. “Мы, пролетарии, заинтересованы в том, чтоб наша страна, где власть принадлежит нам, обеспечена была такими правовыми нормами, которые давали бы возможность мирного эволюционного развития в их рамках всему социалистическому отечеству.”²⁴

Как же на все это отреагировал Ленин?

Он привел такие, на его взгляд, неотразимые аргументы: “Свобода печати в Р.С.Ф.С.Р., окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг, — меньшевиков и эсэров. Это факт неопровержимый. Буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас и во много раз. Дать ей еще такое оружие, как свобода политической организации (свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации), значит облегчать дело врагу, помогать классовому врагу...

Свобода печати поможет силе мировой буржуазии. Это факт. Не очистке коммунистической партии в России от ряда ее слабостей, ошибок, бед, болезней (куча болезней есть, это бесспорно) послужит свобода печати. Ибо этого не хочет мировая буржуазия, — а свобода печати станет оружием в руках этой мировой буржуазии.”²⁵

Такая постановка вопроса, которая, — и на это указывал в своем ответе Ленину Мясников — не учитывала коренных изменений в России, где у власти находился рабочий класс, все командные высоты были в его руках, и он был вполне способен не

²² “Свободная мысль” 1992г. № 1. С. 65.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 67.

²⁵ Там же. С. 68.

допустить чисто правовыми (законными) мерами попытки новой буржуазии скупить газеты и другие средства информации, чтобы использовать свободу слова для подрыва новой власти, для реставрации старых порядков.

В конечном счете вся аргументация Ленина концентрировалась на доказательстве постулата, согласно которому в советском государстве не может быть свободы печати до тех пор, пока мировая буржуазия находится в более выгодном положении, нежели Советская власть, пока существует так называемое капиталистическое окружение (по более поздней терминологии, которую внедрил уже Сталин).

Суммируя, можно сказать, что уже тогда по такому важному вопросу, как выступления за свободу слова (не для буржуазии, а вообще для всего населения) рассматривались руководством партии как проявление антипартийности. Такие взгляды объявлялись несовместимыми с пребыванием в рядах партии. Тот же Мясников вскоре был исключен из партии, поскольку последовательно отстаивал свою точку зрения.

Едва ли есть необходимость специально подчеркивать, что взгляды Ленина на свободу слова в полной мере разделялись и Сталиным. В этом смысле он был наиболее последовательным и твердым сторонником Ленина. Опыт борьбы против сторонников свободы слова и свободы печати, накопленный в первый период НЭПа, был в полной мере взят на вооружение Сталиным, развит им до таких масштабов, что сама постановка данного вопроса в партийных кругах стала рассматриваться едва ли не как самое страшное проявление буржуазного либерализма.

Оппозиционные группы в партии, равно как и отдельные критически мыслящие партийные делегаты, подвергли на X съезде РКП(б) беспощадной критике и многие другие явные отклонения от провозглашенных ранее большевиками принципов. Не случайно, что одним из предметов критики явилась нарождавшаяся в партии система привилегий, которая в конечном счете стала той «ахиллесовой пятой», которая способствовала через много десятилетий крушению социалистического режима в Советском Союзе. Один из представителей оппозиции В.Н.Максимовский, выступая в прениях, заметил: «Съезд целиком подтверждает курс на уравнительность в области материального положения членов партии». Подумаешь, какой курс на «великое» пайковое дело! Смысл сентябрьской конференции не в пайках заключается. Нужно опять-таки говорить по существу дела: суть постановлений сентябрьской конференции не в этом. Можно очень много сказать об уравнительности и прочих вещах, можно очень много сказать против них и в гражданских учреждениях и в армии, но все это производные вещи, зависящие от общего положения.

Почему [существуют] эти привилегии? Потому что существует бюрократия — только потому и привилегированность! Если вы создаете настоящую квалифицированную бюрократию, она будет обязательно привилегированной, и все это отражается на состоянии партии и ее членов.²⁶ Как говорится, Максимовский смотрел в корень и усматривал проблему не в простых фактах наличия привилегий, а в том, что они с железной закономерностью порождаются существованием и постоянным упрочением позиций бюрократии. В том числе и рабочей, и, в особенности, партийной бюрократии!

Ему вторил другой представитель оппозиции С.П.Медведев, подчеркнувший, что важны не громкие декларации, а реальные меры, способные стать мощной пре-

²⁶ Протоколы X съезда РКП(б). С. 252.

градой на пути обюрокчивания партийных рядов и отрыва их от основной массы трудящихся: «Мы предлагаем, чтобы каждый член нашей партии ежегодно не менее трех месяцев отбывал трудовую повинность на заводе, фабрике, руднике, на железной дороге, чтобы он, пришедши оттуда, знал, как живут теперь рабочие, как эти рабочие, жившие во времена царизма в ужасных условиях, спавшие на нарах, теперь не имеют даже этих нар. Тогда эти члены партии будут тоже говорить, что они сторонники «Рабочей оппозиции».²⁷

Чтобы завершить этот небольшой экскурс в историю дискуссии, развернувшейся на X съезде партии, и показавшей, вопреки официальным утверждениям, весьма глубокие и принципиальные разногласия в партийных рядах, отмечу еще одно немаловажное обстоятельство. Сторонники оппозиции подвергли критическому разбору и деятельность органов ЦК партии — прежде всего Политбюро и Оргбюро. И эта критика, надо сказать, для Ленина, Сталина и других сторонников ленинской платформы оказалась весьма кстати. Она как бы подводила основу для довольно радикальной перетряски этих органов. Речь шла прежде всего об устранении из них сторонников Троцкого, что явно было наруку Сталину, поскольку не только ослабляло реальные политические позиции Троцкого и его личный авторитет в партии, но и непосредственно укрепляло собственные позиции Сталина.

Критикуя центральные органы партии, В.Н.Максимовский, в частности, заявил: «Что касается организации ЦК, то я полагал бы, что нужно наметить некоторое улучшение аппарата ЦК в сторону большей его демократизации. Еще вопрос, который разделяет нас с тезисами (т. Бухарина), это — вопрос относительно Организационного и Политического бюро. Не нужно сохранять ту систему, которая была до сих пор, потому что она достаточно обнаружила свои недостатки. Это — система самостоятельных отдельных органов — Политического и Организационного бюро — при неопределенном разделении работы между ними. Организационное и Политическое бюро должны быть обращены в простые, по существу говоря, исполнительные комиссии, должны быть такими органами, которые проводят решения по отдельным вопросам, что избавит нас от затруднений, которые могут встретиться в работе ЦК благодаря его составу.»²⁸

Видимо, сам того не ведая, оратор замахнулся на святая святых устройства сложившегося партийного мироздания. Политбюро к тому времени стало фактически верховным органом власти не только в партии, но и в стране: в его руках, точнее в руках кучки людей из 5-8 человек, сосредоточилась необъятная власть. Не случайно Троцкий называл его «сверхправительством». Превращение же ПБ и Оргбюро в простые исполнительные комиссии коренным образом меняло бы положение дел. И бросая ретроспективный взгляд в прошлое, можно сказать, что такая чисто организационная мера могла бы сыграть огромную прогрессивную историческую роль в жизни самой партии и страны. Возможно, в таком случае нам не пришлось бы в дальнейшем столкнуться с фактами, которые вошли в историю под названием культа личности. Однако тогда даже сама постановка вопроса о превращении ПБ и Оргбюро в простые исполнительные комиссии ЦК представлялась чем-то кощунственным и повисла в воздухе. Этой темы больше уже никто не касался: она стала своего рода табу.

²⁷ Там же. С. 274.

²⁸ Протоколы X съезда РКП(б). С. 253.

Из приведенных выше фактов и материалов читатель сам в состоянии сделать вывод о характере противостояния различных группировок в партии накануне, в период и после X съезда РКП(б). Он сам увидит как сильные, так и слабые стороны оппозиционных платформ. Мне бы хотелось в данном случае, чтобы сохранить необходимую объективность, сослаться на мнение одного из крупнейших западных специалистов по истории внутрипартийной борьбы в партии большевиков Р.Даниелса. Специально посвященная этим вопросам книга носит довольно претенциозное название "Совесть революции" (под ней подразумеваются различные оппозиционные течения в партии). Его обобщающий вывод, характеризующий основные особенности противоборствовавших платформ, звучит следующим образом (хотя эта цитата и довольно обширна, но она заслуживает того, чтобы ее привести без купюр). Давая оценку платформе "рабочей оппозиции", он пишет: "Их программа неограниченной рабочей демократии и контроля над экономикой через «ассоциацию производителей» означала попытку немедленного введения форм социальной организации, относительно которой и среди революционеров в 1917 году было общее согласие, что она является конечной целью коммунистического общества.

Троцкисты, придерживаясь более реалистических взглядов относительно путей достижения этой цели, подчеркивали необходимость использования власти и укрепления дисциплины, чтобы справиться с трудными экономическими проблемами непосредственно переходного периода. Это означало продолжение линии, которую определила политика военного коммунизма. В то же самое время умеренные левые выступали за создание структуры, которая бы объединяла государственные и профсоюзные органы, которые, как они надеялись, могли бы быть трансформированы, когда позволят условия, в коммунистический идеал автономных, демократических, федеративных коллективов.

Сторонники Ленина, разуверившись в том, что их слишком большие ожидания могут исполниться в скором времени, решились на стратегическое отступление. Они сконцентрировали свои усилия на том, чтобы держать под строгим контролем партийные и государственные высоты и продолжать постепенную революцию сверху посредством установления повсеместного иерархического контроля над населением, которое оказалось слишком отсталым, чтобы участвовать непосредственно в коллективном управлении. Функция профсоюзов, в этом контексте, должна была состоять в том, чтобы оградить массы от возможных злоупотреблений со стороны "государственного капитализма" и обеспечивать партии политическую связь с ее сторонниками в среде пролетариата. Решающее психологическое различие между этими тремя позициями состояло в оценке степени того, в какой мере массы могли оказывать помощь в выполнении программы революции."²⁹

Однако от общих оценок, хотя и ценных для понимания атмосферы, царившей в тот период в стране и в партии, в том числе и в высшей партийной верхушке, возвратимся к непосредственным практическим итогам X съезда, решения которого обозначили своего рода переломный рубеж в историческом развитии страны и партии, а также в политической карьере Сталина.

²⁹ Robert Daniels. The conscience of the revolution. Communist opposition in Soviet Russia. Cambridge. 1960.p. 135.

Съезд принял ряд исключительно важных и имевших далекое перспективное значение решений и резолюций. Самыми важными из них были: **О замене разверстки натуральным налогом; Об единстве партии; О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии; Об очередных задачах партии в национальном вопросе.**

В резолюции съезда по отчету ЦК съезд отметил “недостаток единства в ЦК, проявившийся в последнее время при обсуждении ряда злободневных вопросов, в особенности о роли и задачах профсоюзов, что повело к чрезмерному обострению дискуссии в рядах партии и к непомерной трате партийных сил в ущерб другим партийным задачам и, в частности, в ущерб расширению и укреплению влияния партии на широкие беспартийные массы.³⁰ В главной своей резолюции по вопросу о переходе к новой экономической политике, вошедшей в историю под названием “О замене разверстки натуральным налогом”, съезд определил: “Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцем своими хозяйственными ресурсами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств, разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом.”³¹

И, наконец, в широко известной резолюции “О единстве партии” съезд фактически запретил существование всяких фракций и группировок. В специальном пункте, который тогда не был предан гласности и был обнародован Сталиным лишь в январе 1924 года на XIII партийной конференции, предусматривались суровые санкции, в том числе и для членов ЦК, которые встали бы на путь фракционной борьбы: “Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает ЦК полномочие применять в случаях нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии.”³²

В.И. Ленин, представлявший съезду данную резолюцию, счел необходимым несколько сгладить гнетущее впечатление, которое произвела на всех эта резолюция. Он высказал, как оказалось в дальнейшем, полностью иллюзорную надежду, когда заявил: “Это — мера крайняя. Надеюсь, мы ее применять не будем. Она только показывает, что партия применяет то, о чем вы слышали, при наличии таких разногласий, которые одной своей стороной подошли к возможному расколу. Мы же не дети, видали тяжелые времена, видали расколы и переживали их, и знаем, как они тяжелы, и мы не боимся назвать опасность своим именем.”³³

Надеждам Ленина не суждено было сбыться. Больше того, именно эта резолюция стала главным орудием борьбы против любых реальных или мнимых отступлений от так называемой генеральной линии партии. Куда больше прозорливости выказал К. Радек, произнесший на съезде пророческие слова: “Мы еще не знаем, как сло-

³⁰ Протоколы X съезда РКП(б). 564.

³¹ Там же

³² Там же С. 587.

³³ Там же. С. 543.

жится обстановка, как будет проводиться в жизнь, но товарищи, предлагающие это, думают, что это — меч, направленный против товарищей инакомыслящих. Голосуя за эту резолюцию, я чувствовал, что она может обратиться и против нас, и несмотря на это, я стою за резолюцию.”³⁴

Западные исследователи деятельности Сталина единодушны в том, что решения, принятые на X съезде, создали, так сказать, институционально-правовую основу для укрепления в будущем его единоличной власти. И с этим мнением трудно спорить, поскольку оно в значительной мере соответствует реальным историческим фактам, а главное — весь процесс постепенного утверждения власти Сталина в партии служит тому убедительным подтверждением. Созвучны этим утверждениям и выводы относительно того, что решения X съезда партии ознаменовали коренной поворот в исторической эволюции самой большевистской партии. Упомянувшийся выше И. Дойчер, в частности, отмечает, что в этот период шли как бы два параллельных процесса: с одной стороны, прокламировались и осуществлялись реформы в сфере экономики, открывавшие простор частной инициативе. Эти меры носили далеко идущий характер. С другой стороны, шел процесс ужесточения политической диктатуры. Он констатирует: “На последних стадиях Гражданской войны оппозиционные партии, меньшевики и эсеры, были окончательно подавлены. Следующим шагом стало запрещение образования каких-либо оппозиционных групп внутри самой правящей партии. Не сознавая того, почти на ощупь, большевизм теперь достиг преддверия того, что позднее будет названо тоталитарным государством.”³⁵

Я не стану здесь вести дискуссию насчет правомерности применения к советской модели развития самого термина тоталитарное государство. Понятие это слишком широкое, многомерное и многоплановое, к тому же оно не имеет четко очерченных критериев и границ. Поэтому произвольное использование его в качестве своего рода ругательного ярлыка, а не строго научного понятия, может скорее затемнить проблему, чем раскрыть ее. В дальнейшем я остановлюсь на этом вопросе более подробно.

Подводя некоторые выводы, не рискуя впасть в ошибку, можно сказать, что всеобъемлющий кризис большевистского режима, достигший своей кульминационной фазы в 1921 году, со всей очевидностью обнажил тупиковый, по существу губительный для власти путь дальнейшего проведения в жизнь политики военного коммунизма. Малейшие колебания и медлительность при принятии кардинально иного направления всего социально-экономического развития страны равносильны были добровольному политическому самоубийству. Но большевики не для того брали власть в октябре 1917 года и успешно выиграли Гражданскую войну, чтобы столь бесславно покинуть политическую арену. Они нашли в себе силы и решимость отказаться от принятых догм и в корне пересмотреть всю свою социально-политическую стратегию. НЭП поэтому стал спасением не только для страны в целом, но и для власти большевиков, которая висела на волоске. И такая констатация — отнюдь не преувеличение, если вспомнить приведенные выше оценки ситуации, принадлежащие Ленину. Для Сталина этот период явился уникальной школой большой общегосударственной политики. Может быть, впервые в своей карьере он столь реально осознал и глубоко понял, что в политической борьбе искусство отступать иногда во много раз

³⁴ Там же. С. 540.

³⁵ *Isaac Deutscher. Stalin.* p. 226.

важнее искусства наступать. Ибо в конечном счете обе эти ипостаси политики неразрывно связаны, и одинаково важно овладеть в совершенстве как первым методом, так и вторым.

Далее, следует оттенить мысль о том, что введенные в тот период суровые ограничения внутривластной демократии в дальнейшей политической судьбе Сталина стали своеобразным трамплином, от которого он отталкивался в своей борьбе за лидерство в партии. Никто тогда не мог даже мысленно предположить, что внесенные в устав партии положения о борьбе против фракционности превратятся в дальнейшем в руках Сталина в самый эффективный и безотказный инструмент искоренения любой оппозиции его политическому курсу, а значит, и его продвижению к установлению своей единоличной власти в партии и стране. Кризисные уроки 1921 года Сталин усвоил блестяще. И сделал необходимые выводы.

2. Деятельность Сталина в первые годы НЭПа

Некоторые стороны партийной и государственной деятельности Сталина в той или иной степени уже затрагивались в предыдущих главах. На фоне ожесточенной дискуссии о внутривластном положении и переходе к новой экономической политике проблемы национальных отношений внешне как бы отошли на второй план, их заслонили на время другие острые вопросы. В действительности это было не так, ибо они по существу были органически взаимосвязаны со всеми другими вопросами общего политического курса партии и страны. Поэтому имеет смысл более детально остановиться на деятельности Сталина в области национальной политики в этот период. Тем более, что она фактически подготовила почву для произошедшего в скором времени принципиального столкновения Сталина с Лениным именно в сфере национальной политики партии.

В 1921-1923гг. национальный вопрос в советской России в полной мере стал одним из центральных вопросов всей государственной и политической жизни. Естественно, он занимал соответствующее место и в партийных баталиях, развернувшихся вокруг путей и методов определения нового государственного устройства страны. Неудивительно поэтому широкие масштабы и особая активность Сталина, связанные с решением национального вопроса в новых исторических условиях. И как политическая фигура крупного масштаба в партийном руководстве, и как общепризнанный специалист по национальному вопросу он оказался в эпицентре борьбы, развернувшейся вокруг проблем, непосредственно касающихся национально-государственного размежевания после победы в Гражданской войне.

Ранее уже частично освещалась работа Сталина в этой сфере, в частности, рассматривалась постановка национального вопроса на X съезде партии и доклад по этому вопросу на съезде самого Сталина. Здесь же рассмотрим в самом общем виде эволюцию его взглядов на решение национальных проблем в период подготовительной работы по созданию Союза Советских Социалистических Республик.

Как свидетельствуют многочисленные факты, в том числе и публичные выступления Сталина, самым важным и самым острым вопросом, поставленным в повестку дня самим ходом событий, стал вопрос о соотношении шовинизма и национализма. Точнее сказать, речь шла о том, как определить позицию партии по отношению к этим двум опасностям, угрожавшим самими устоям вновь создавшегося государствен-

ного устройства советской России. Упрощенно говоря, в чем виделась партийному руководству основная угроза делу государственного и национального сплочения советских республик. Был ли главным врагом так называемый великорусский шовинизм или принимавший все большие масштабы местный национализм? Именно в ответе на этот коренной вопрос пролегал водораздел в столкновении двух линий в партийном руководстве. Разумеется, было бы грубым упрощением представлять дело таким образом, будто одна часть руководства защищала шовинизм, а другая выступала поборником национализма. Столь примитивного разделения позиций, конечно, не существовало в силу вполне очевидных причин: обе стороны не могли не замечать опасности как шовинизма, так и национализма. Их разделяла в первую очередь оценка глубины и масштабов опасности того и другого, а также — в еще большей степени — практические меры, которые предполагалось осуществить в процессе выработки фундаментальных основ формирования нового государственного устройства страны.

И тем не менее, грубо упрощая, можно, разумеется, с массой оговорок, сказать, что отношение к шовинизму и национализму стало тем оселком, на котором проверялись позиции сторон. Поскольку нас интересует прежде всего позиция Сталина, попытаемся изложить его принципиальные исходные взгляды по данному вопросу.

Из выступлений и статей Сталина со всей очевидностью вытекает, что главную опасность он видел не в великорусском шовинизме, а с каждым днем набиравшем все большую силу местном национализме. Уже тогда, будучи убежденным поборником создания единого и мощного государства, будучи до мозга костей государственным, он понимал, что направление острия борьбы против великорусского шовинизма чревато в перспективе серьезными отрицательными последствиями для судьбы самого государства. И как неизбежное побочное следствие такого неверного выбора направления главного удара против великорусского шовинизма станут рост и укрепление националистических тенденций. Сначала, конечно, закамуфлированные под идеи национального возрождения и ликвидацию остатков прежнего угнетения, а затем — все более откровенные, окрашенные в цвета антирусского национализма. Именно в росте этих тенденций главный специалист партии по национальному вопросу усматривал серьезные угрозы и потенциальные опасности для дела социалистического строительства, и в первую голову для оптимального решения вопроса о будущем государственном устройстве.

Здесь необходимо сделать оговорку следующего содержания. Сталин не мог в силу понятных причин выступать против критики великодержавного шовинизма. Он неизменно подчеркивал свою верность общей партийной линии, которая в этот период выдвигала борьбу против великодержавного шовинизма на первый план, усматривая в нем главную опасность. Однако внимательный анализ фактов, их сопоставление друг с другом, учет чисто тактических моментов, которые Сталин так или иначе должен был принимать во внимание в своих выступлениях, показывают, что все-таки правильным будет вывод о том, что он не усматривал в великорусском шовинизме главную опасность. Хотя именно на основе его доклада великодержавный шовинизм был определен в качестве главной опасности. Налицо парадокс. Но в баталиях вокруг национального вопроса и принципах построения государства в то время случалось немало парадоксов. Они служили как бы косвенным отражением всех сложностей и перипетий внутрипартийной борьбы. Одновременно они являлись и отраже-

нием сложности и деликатности самих проблем, вокруг которых назревало серьезное противостояние.

Постараюсь проиллюстрировать эти свои априорные утверждения ссылками на самого Сталина. Хотя они относятся и к различным этапам борьбы за создание централизованного советского государства, но их в единое целое связывает общая направленность его мыслей по данному вопросу. Выступая в июле 1921 года в Тифлисе с докладом “Об очередных задачах коммунизма в Грузии и Закавказье”, он главный огонь своей критики сосредоточил на разоблачении местного национализма. В частности, он говорил: “...существуют некоторые условия, созданные за последние два-три года, мешающие такому объединению, грозящие подрвать попытки к такому объединению. Я говорю о национализме — грузинском, армянском, азербайджанском — страшно усилившемся за последние годы в республиках Закавказья и тормозящем дело объединения.

Я помню годы 1905—1917, когда среди рабочих и вообще трудящихся национальностей Закавказья наблюдалась полная братская солидарность, когда узы братства связывали армянских, грузинских, азербайджанских и русских рабочих в одну социалистическую семью. Теперь, по приезде в Тифлис, я был поражен отсутствием былой солидарности между рабочими национальностей Закавказья. Среди рабочих и крестьян развился национализм, усилилось чувство недоверия к своим инациональным товарищам: антиармянского, антитаатарского, антигрузинского, антирусского и всякого другого национализма теперь хоть отбавляй.”³⁶

Известный советолог Р.Конквест в своей книге о Сталине специальное внимание обращает на процитированное выше выступление. Он отмечает, что высказывания Сталина, сделанные в Тифлисе, не привлекли того внимания, которого они заслуживают. По мнению Р.Конквеста, Сталин, да и другие лидеры большевиков, включая Ленина, кардинально недооценили новую ситуацию, сложившуюся в национальных республиках после падения царизма. Главной чертой этой новой ситуации был колоссальный рост национального самосознания народов окраин. Это, мол, хорошо поняли и умело использовали в своей политике грузинские меньшевики, завоевавшие широкую поддержку возродившейся нации на основе программы реальной и полной независимости.³⁷ Сталин же, как полагает Р.Конквест, выступая с критикой национализма, смотрел не вперед, а назад, отражая реалии уже навсегда ушедшего времени.

С таким толкованием трудно согласиться, поскольку речь у Сталина шла не о подавлении независимости и духа национального самосознания грузинского и других народов Закавказья. Напротив, речь шла о союзе национальностей не на основе отрицания их независимости, не на базе восстановления прежних царских принципов и устоев, а на платформе классового единения трудящихся, на основе свободного союза свободных народов.

Ведь не случайно, подвергая жесткой критике рост национализма, Сталин одновременно выступил против тех, кто ратовал за восстановление существовавшего при царизме деления на губернии — Тифлискую, Бакинскую, Эриванскую. Он расценил такие планы как попытку повернуть колесо истории вспять и категорически под-

³⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 5. С. 95.

³⁷ Robert Conquest. Stalin. p. 93.

черкнул необходимость сохранения независимости Грузии, Азербайджана и Армении. В качестве одной из важнейших задач коммунистов Закавказья Сталин выдвинул задачу — «раздавить гидру национализма и создать здоровую атмосферу интернационализма для облегчения дела объединения хозяйственных усилий советских республик Закавказья при сохранении независимости этих республик.»³⁸

В принципиальном подходе Сталина к проблемам отношения к великорусскому шовинизму и местному национализму наличествуют как бы два измерения, два угла зрения, через призму которых он пытается найти наиболее приемлемое решение проблемы. С одной стороны, это фундаментальный, основополагающий подход, где его позиции проглядывают достаточно четко. С другой стороны, тактический или прагматический подход, который, пользуясь юридической терминологией, можно было бы определить как подход на основе принципа *ad hoc* (латинское — для данного случая, для данной цели — *Н.К.*). Бросающаяся в глаза двойственность — отнюдь не проявление беспринципности. Она скорее отражение необходимой гибкости и чрезвычайной осторожности, без которых любое решение по национальной проблематике (в каждом национальном регионе со множеством местных особенностей) тех времен было просто немыслимо. Эта двойственность проглядывает во многих выступлениях Сталина того периода и накладывает на них свою неизгладимую печать. Однако объективный (в том числе и ретроспективный) взгляд позволяет сделать вывод, что именно первый подход был у него доминирующим, в конечном счете предопределявшим и его точку зрения по отдельным конкретным проблемам национальной политики советской России начала 20-х годов.

Специального внимания заслуживает общая политическая позиция Сталина в период профсоюзной дискуссии и его роль в борьбе за отстаивание ленинской платформы. На этот счет существуют различные, порой полярные, точки зрения. Одна из них лаконично и безапелляционно изложена в официальной биографии Сталина. В ней говорится буквально следующее: «Вместе с Лениным Сталин последовательно проводил и отстаивал партийную линию и громил всех этих врагов партии. Сталин организационно руководил борьбой с антиленинскими группировками в период профсоюзной дискуссии, сплачивая партию вокруг ленинской платформы. К Сталину стекались все данные с мест о ходе борьбы за линию партии. Сталин направлял в «Правду» в те дни данные об итогах дискуссии в местных организациях, демонстрировавшие победу партии и поражение антиленинских группировок»³⁹.

Факты, однако, рисуют, мягко говоря, несколько иную картину. Хотя в целом принципиальная позиция Сталина здесь отражена верно с точки зрения исторической действительности.

В период дискуссии о профсоюзах политическая позиция Сталина с самого начала определялась приверженностью ленинской линии. Он был одним из тех, кто энергично поддерживал ленинскую точку зрения и выступал в ее защиту. Однако следует подчеркнуть, что участие Сталина в открытой политической борьбе, яркой формой которой фактически и была дискуссия о профсоюзах, выразалось скорее не в форме открытых публичных выступлений (хотя имели место и такие выступления),

³⁸ *И.В. Сталин. Соч. Т. 5. С. 97, 100.*

³⁹ *Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 86.*

сколько в организационной работе, нацеленной на сплочение рядов ленинской платформы и изоляцию противников этой платформы. Непосредственно анализу предмета споров, обнаживших перед партией и страной всю глубину политических расхождений в руководстве, посвящена одна статья Сталина под довольно нейтральным заголовком «Наши разногласия»

Едва ли есть необходимость уделять специальное внимание этой статье, поскольку она не выделяется ни глубиной, ни остротой, ни оригинальностью постановки вопросов. Обращают на себя внимание лишь три момента. Первый — то, что Сталин явно вопреки реальным фактам, утверждает, что «наши разногласия — не принципиальные разногласия.»⁴⁰ Второй — то, что острое атак направлено персонально против Троцкого, взгляды которого Сталин подвергает справедливой, но довольно вялой критике. Третий момент характерен тем, что Сталин выступает в роли яркого противника методов принуждения, защитника демократических способов убеждения и т.д. Это как-то не вписывается в свойственный ему с самого начала его деятельности образ человека, ставившего на первый план жесткие меры, вплоть до принуждения как эффективного средства достижения политических целей. В этой же статье он писал: «Осуществить эту задачу (имеется в виду вовлечение широких масс трудящихся в строительство нового общественного строя — Н.К.) методами принуждения и «перетряхивания» союзов сверху, очевидно, нельзя, ибо эти методы раскалывают рабочий класс... и порождают недоверие к Советской власти. Кроме того, нетрудно понять, что методами принуждения, вообще говоря, немислимо развить ни сознательность масс, ни доверие их к Советской власти.

Ясно, что только «нормальными методами пролетарской демократии внутри союзов», только методами убеждения можно будет осуществить задачу сплочения рабочего класса, поднятия его самодеятельности и упрочения его доверия к Советской власти, доверия, столь необходимого теперь для того, чтобы поднять страну на борьбу с хозяйственной разрухой.»⁴¹

Тема преодоления хозяйственной разрухи неизменно присутствует в публикациях, принадлежащих перу Сталина. Знакомясь с его взглядами на методы борьбы с экономическим хаосом, захлестнувшим страну, можно констатировать: он демонстрирует достаточно широкий экономический кругозор, умение выделить узловые моменты хозяйственной жизни, ухватившись за которые можно сдвинуть дело с мертвой точки. Особый акцент Сталин делает на сопоставлении тех положительных моментов, которые позволяют стране преодолеть разруху, с отрицательными последствиями, неизбежно вытекающими из нового экономического курса. Весь смысл его аргументации сводится к тому, что партия и Советская власть способны справиться с негативными последствиями новой экономической политики. Участие в работе Политбюро и в Совнаркоме, где вопросы хозяйственной политики занимали чуть ли не доминирующее место, очевидно, обогатило Сталина экономическими знаниями, дало ему хотя бы самое общее представление о формах и методах управления экономическими процессами в стране. Поэтому, читая его статьи и выступления, невольно поражаешься, как легко он оперирует многими сугубо экономическими, финансовыми,

⁴⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 5. С. 5.

⁴¹ Там же. С. 14.

валютными и иными категориями. Причем формулирует свои соображения и предложения не как дилетант, а как человек, достаточно хорошо разбирающийся в проблемах, о которых он ведет речь.

Мне хотелось бы специально отметить этот момент, поскольку в дальнейшем, когда он стал у руля партийного и государственного управления, эти знания и этот опыт сыграли отнюдь не последнюю роль в том, что он сумел сначала утвердить, а затем и закрепить свою власть. Без приобретенных им знаний и опыта в сфере руководства экономическими процессами в стране ему было бы трудно управлять государственными делами в целом. Одних только политических навыков, проникновения в самую суть политической стратегии и тактики было явно недостаточно, чтобы стоять у кормила великой державы, которой стал в дальнейшем Советский Союз. Это черта Сталина как политического деятеля должна быть отмечена как одна из главных составляющих его успехов на государственном поприще.

Но вернемся непосредственно к предмету нашего рассмотрения.

В русло стремления Сталина значительно расширить диапазон своей практической и теоретической деятельности укладывается и публикация им в период 1921-1923 гг. ряда статей по вопросам общегосударственной, в частности, экономической политики партии. Примечательным фактом, который обращает на себя особое внимание, служит то, что сам Ленин лично подталкивает Сталина к написанию статей по этой тематике. Думается, делал он это неспроста, поскольку за каждым его шагом и каждой инициативой всегда просматривалась не только лежащая на поверхности цель, но и более далекие замыслы. В подтверждение приведу записку Ленина, адресованную Сталину, когда тот весной 1921 года болел, перенеся тяжелую операцию, и находился на излечении. Вот текст этой записки:

«[Март 1921] Т. Сталин!

Очень рад, что поправка идет хорошо.

Когда позволят писать, напишите в «Правду» статейку (короткую) о «Плане электрификации» с указанием важности этой работы и необходимости *исполнять* решение 8-го съезда Советов и *популяризовать* ее.

Решение есть.

Его *литераторы* не исполняют.

Статья за *Вашей* подписью будет полезна.

Привет! Ленин.»⁴²

Сталин статьи, о которой просил Ленин, не написал. О причинах можно только догадываться. Что касается самой просьбы Ленина, то она, по всей вероятности, была реакцией на письмо самого Сталина, ранее направленное Ленину, в котором давалась оценка значения плана электрификации России. Сталин писал: «Мастерский набросок действительно **единого** и действительно **государственного** хозяйственного плана **без кавычек**. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически-производственной базы.»⁴³

⁴² Ленинский сборник. XXVIII. М. 1975. С. 354

⁴³ И. В. Сталин. Соч. Т. 5. С. 50.

Ленину, видимо, весьма импонировал масштабный подход Сталина, усмотревшего в плане электрификации не какую-то очередную акцию, а поистине наметки коренного преобразования всего экономического облика страны. А без такого преобразования все разговоры о строительстве нового общества повисали в воздухе и выглядели красивыми, но малосодержательными декларациями.

Особый акцент в статьях Сталина, где затрагиваются экономические аспекты, делается на том, что “из партии переворота внутри России РКП превратилась в партию мирного строительства... Раньше можно было обойтись без знатоков военно-го и хозяйственного дела, ибо работа партии была по преимуществу критическая, а критиковать легко... Теперь партия не может обойтись без знатоков дела; наряду с использованием старых специалистов, она должна выработать **своих** знатоков: формировщиков, снабженцев, операторов (по военной линии), продовольственников, сельскохозяйственников, железнодорожников, кооператоров, знатоков индустрии, внешней торговли (по хозяйственной линии). Без этого строить нельзя.”⁴⁴

Рефреном многих его выступлений на различных партийных форумах и в партийной печати звучат слова о необходимости овладеть практическими механизмами эффективного проведения новой экономической политики в жизнь. Хозяйственная проблематика становится своего рода центром, вокруг которой вращается вся политическая стратегия партии. И хотя прежде Сталин никак не проявил себя в области экономики и управления хозяйством, в новых условиях эта проблематика постепенно занимает все больший удельный вес в его выступлениях. Помимо чисто классовых и политических аспектов НЭПа, он все больше обращает свой взор к чисто экономическим проблемам. Так, он рекомендует развивать индустрию путем:

“а) сосредоточения максимума сил на овладении основными отраслями индустрии и улучшении снабжения занятых там рабочих;

б) развития внешней торговли по линии ввоза машин, оборудования;

в) привлечения акционеров, арендаторов;

г) создания хотя бы минимального продовольственного манёвренного фонда;

д) электрификации транспорта, крупной промышленности.”⁴⁵

Сталин чрезвычайно высоко, даже чрезмерно высоко, оценивал первые результаты проведения новой экономической политики. Им, как мне представляется, даже овладело чувство неоправданной эйфории, когда он говорил о первоначальных успехах НЭПа. Это видно из следующего его высказывания: “Снятие развёрстки и прочих подобных ей препон является первым шагом на новом пути, развязавшим руки мелкому производителю и давшим толчок к усиленному производству продовольствия, сырья и прочих продуктов. Не трудно уяснить себе колоссальное значение этого шага, если принять во внимание, что Россия переживает теперь такой же массовый порыв к развитию производительных сил, какой переживала Северная Америка после гражданской войны.”⁴⁶

Конечно, введение НЭПа дало мощный толчок развитию производства, особенно мелкого. Однако, как говорится, одна ласточка еще не делает весны. Прочитанная выше оценка и несоразмерное сравнение с развитием производительных

⁴⁴ *И. В. Сталин*. Соч. Т. 5. С. 107-108.

⁴⁵ Там же. С. 112.

⁴⁶ Там же. С. 124.

сил в США после гражданской войны относились к 1921 году. Но тогда не было реальных оснований для подобного оптимизма, что более чем наглядно доказал обрушившийся на страну в 1921-1922 гг. страшный голод, буквально поставивший страну на край национальной катастрофы. Аналогия с Америкой имела лишь чисто внешнее сходство и выглядела скорее как красивая метафора, чем реальный факт. И хотя Сталин, говоря о себе, как-то дал следующую примечательную самооценку — “я человек не увлекающийся”⁴⁷ можно с достаточным на то основанием утверждать, что в данном случае он явно увлекся и, как говорится, хватил через край.

В 1921 году Сталин составил наброски плана брошюры “О политической стратегии и тактике русских коммунистов”, материалы которой были использованы им при написании ряда теоретических, или по крайней мере, претендующих на разработку теории, статей. Именно к этому периоду следует отнести повышенный интерес Сталина к коренным вопросам теории и стратегии коммунистической партии. Невольно возникает вопрос: что послужило побудительным мотивом для проявления такого интереса? Мне представляется, что Сталин, уже зарекомендовавший себя в качестве бесспорного знатока и эксперта партии по национальному вопросу, а также крупномасштабного организатора, решил расширить сферу своих теоретических изысканий и закрепить за собой репутацию человека, претендующего на роль одного из теоретиков партии не только в национальном, но и в других вопросах.

Так, в 1923 году он выступает с работой “К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов”. Этой статьей Сталин попытался внести свою лепту в широко отмечавшуюся в марте того же года 25-ю годовщину создания партии. Кстати сказать, практически все видные партийные руководители, имевшие хотя бы малейшую склонность к литературной работе, не преминули выступить со своими статьями, воспоминаниями и т.д. Примечательна та демонстративная скромность, с которой Сталин представил вниманию читателей свою статью: “Считаю нужным, однако, оговориться, что статья эта не имеет претензии дать что-либо новое по существу в сравнении с тем, что уже сказано несколько раз в русской партийной прессе нашими руководящими товарищами. Настоящая статья должна быть рассматриваема как сжатое и схематическое изложение основных взглядов тов. Ленина.”⁴⁸

И надо признать, что скромная оговорка автора была вполне оправдана — статья написана в типичном для Сталина катехтизисном стиле и не содержала каких-либо теоретических новаций или острой постановки новых проблем. Однако в глазах партийной массы она еще раз напомнила о нем не только как о практике революционной борьбы и как партийном организаторе, но и как о человеке, которому вопросы теории отнюдь не чужды. И более того, он явно претендовал на четкое и предельно ясное, понятное самым простым и необразованным людям, выражение квинтэссенции вклада своего учителя Ленина в марксистскую теорию. Особенно в разработку проблем революционной стратегии и тактики, в которых, как не без оснований полагал Сталин, он и сам достаточно компетентен.

Примечательно, что на этот период падает и усиление литературной активности других лидеров большевистского руководства. Они как бы соревнуются друг с другом, чтобы обрести соответствующее реноме в глазах партийной массы. Именно в

⁴⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 5. С. 353.

⁴⁸ Там же. С. 160.

это время начинается издание собрания сочинений Троцкого, а затем Зиновьева и Каменева. Сталин, как человек, обладавший чувством меры и здравого смысла, конечно, не претендовал на издание своих сочинений. Да и количество таких сочинений явно оказалось бы слишком скромным. Но показать себя человеком, сведущим в вопросах теории, было важно. Тем более, что по всем признакам, в воздухе уже ощущалось наступление эпохи самой ожесточенной борьбы за верховную власть в партии.

Наряду с этими политико-прагматическими моментами, бесспорно, более серьезное значение имели и обстоятельства объективного порядка. Страна и партия вступили в принципиально новую полосу исторического процесса. Каждодневно возникали все новые и новые задачи и проблемы, решение которых уже не могло базироваться на голом практицизме. Необходимы были и теоретические разработки, способные дать какие-то ответы на возникавшие проблемы.

Не исключено, что определенную роль здесь играло и такое соображение: ближайшие соратники Ленина не могли не видеть, что здоровье вождя ухудшается и, соответственно, сокращается его как практическая, так и теоретическая активность. Поэтому каждый из них стремился создать себе необходимые тылы, укрепить свои позиции, в том числе и на ниве марксистской теории. Все это, несомненно, будет иметь отнюдь не второстепенное значение в предстоявшей борьбе за власть. Поскольку было трудно, если вообще возможно, претендовать на первые роли в руководстве, не проявив себя на поприще марксистской теории. Тога партийного теоретика служила неременным условием и одной из предпосылок в схватке за лидерство в партии. Репутация маститого практика революционной борьбы и крупного организатора, а также знатока национального вопроса, — такая репутация была необходима, но одной ее было недостаточно.

Попутно здесь я позволю себе коснуться еще одного аспекта проблемы предстоявшей борьбы за власть. Я имею в виду язык и стиль Сталина, сыгравшие не последнюю роль в его победе над своими соперниками. В других местах тома я уже частично затрагивал этот вопрос. Не ставя перед собой задачу подробно осветить языковые и стилистические особенности речи и письма Сталина, хочу подчеркнуть, что ясность, четкость, простота и лаконичность были органически присущи ему как государственному и политическому деятелю. Он умел выражать свои мысли так, что они становились понятны всем. Многие биографы Сталина посвятили немало страниц критике (или же восхвалению) его языка и стиля речи. М.Вайскопф — известный израильский славист — посвятил даже объемистую книгу данному вопросу. Выдержана она в критическом по отношению к Сталину ключе. Но я позволю себе привести одно место из этой книги, которое представляется не только любопытным, но и весьма показательным. Автор пишет: "... сталинский стиль выглядит примитивным даже на фоне общеполитического волапука. В ответ на подобные возражения мне остается напомнить, что именно стиль, язык явился непосредственным инструментом его восхождения к власти, а следовательно, обладал колоссальным эффектом, причина которого заслуживает изучения...

В конечном итоге мы сталкиваемся здесь с поразительным парадоксом. Несмотря на скудость и тавтологичность, слог Сталина наделен великолепной маневренностью и гибкостью, многократно повышающей значение каждого слова. По семантической насыщенности этот минималистский жаргон приближается к поэтическим текстам, хотя сфера его действия убийственно прозаична. Очевидно, это были те самые

слова, которые обладали одновременно и рациональной убедительностью, и, главное, необходимой эмоциональной суггестией (внушением — *Н.К.*), обеспечивавшей им плодотворное усвоение и созвучный отклик. Иначе говоря, они опознавались сталинской аудиторией как глубоко родственные ей сигналы, как знаки ее внутренней сопричастности автору.⁴⁹

Несмотря на излишнюю наукообразность изложения, Вайскопф, как мне кажется, верно уловил именно динамичную силу речи и слога Сталина, а главное то, что слушатели и читатели становились как бы сопричастны ко всему тому, что говорил Сталин. В условиях полуграмотной страны данное обстоятельство по своему удельному весу и воздействию было намного ценнее и выше классического ораторского красноречия и умения писать ярким и красочным языком.

Вот характерный пример такого простого и понятного стиля. В набросках брошюры о стратегии и тактике русских коммунистов Сталин сформулировал и свое знаменитое определение — “компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность.”⁵⁰ В дальнейшем, как видно из плана брошюры, он намеревался раскрыть значение для “этого могучего ордена” старой большевистской гвардии. Однако в последующих работах мы нигде не встречаем сравнения партии с орденом меченосцев. Можно предположить, что автор счел такое сравнение слишком уж одиозным и шокирующим, поэтому и избегал его использования в дальнейшем. Впервые план-набросок брошюры с уподоблением партии ордену меченосцев увидел свет лишь в 1947 году в очередном томе собрания сочинений Сталина.

Осторожность, проявленная Сталиным с использованием этого достаточно красочного и весьма многозначительного сравнения, вполне понятна и объяснима. Этот метафорический образ слишком расходился с принципиальными основами марксистско-ленинского понимания партии и ее роли в обществе. Он мог породить много недоуменных вопросов, а посему автор и решил не использовать его в своих работах. Хотя, надо сказать, внутреннее понимание Сталиным природы большевистской партии и характера ее отношений с органами государственной власти страны, на мой взгляд, наиболее полно и верно выражалось именно этим определением. Наваянные реминисценциями средневековой эпохи понятия, как мне кажется, импонировали самому духу понимания Сталиным природы большевистской партии как голого инструмента осуществления определенных политических и государственных целей. Ведь духовно-рыцарские ордена средневековья покоились на системе строгой иерархии и беспрекословного подчинения нижестоящих вышестоящим, обязанностью свято выполнять взятые на себя обеты и т.д. Именно такой организацией и мыслилась в голове будущего вождя партия, которая должна была играть роль главного инструмента осуществления воли и предначертаний своего верховного магистра-генсека.

Но все это только тускло маячило впереди. К тому же, — и это было гораздо важнее, — совершенно неопределенными, туманными рисовались и ближайшие перспективы. Однако Сталин не только морально был готов к новым свершениям, но делал все во имя этого. Подобно кроту истории, он неутомимо рыл пути выхода на авансцену исторических событий.

⁴⁹ Михаил Вайскопф. Писатель Сталин. М. 2002. С. 7-8.

⁵⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 5. С.71.

3. Сталин становится Генеральным секретарем

Именно в период X съезда как бы еще неясным и нечетким пунктиром стали обозначаться контуры того маршрута, который в конечном счете привел Сталина к посту Генерального секретаря. Профсоюзная дискуссия, борьба с различными оппозициями внутри партии, кульминация которой пришлась на время проведения съезда, но самое главное — стремительный рост общего недовольства в стране, опять же кульминацией которого стало восстание в Кронштадте, — все это вносило тревогу и чувство неуверенности в самые верхи большевистской партии. В каком-то смысле у многих членов партии складывалось впечатление, что партия постепенно утрачивает контроль за развитием событий в стране.

Ленин, будучи чрезвычайно опытным политическим деятелем, не мог не понимать, что все проблемы порождены не только объективными причинами и обстоятельствами. Немаловажное значение имели и факторы сугубо партийного свойства, а именно организация и методы работы самого партийного руководства. А здесь ключевым звеном являлась организация деятельности Центрального Комитета и его главных органов. Добавим, что в этот период все более явственно давали о себе знать амбициозные устремления Троцкого, и они-то в значительной мере и явились одной из подспудных причин начала профсоюзной дискуссии. Авторы коллективной работы «Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия», на мой взгляд, исторически правильно оценивают значение личного фактора — роль Троцкого — в обострении внутрипартийной борьбы в рассматриваемый отрезок времени. С отдельными положениями и выводами данного труда, конечно, можно не соглашаться, но с тем, как они рассматривают взаимосвязь механизма обострения внутрипартийной борьбы с претензиями Троцкого, спорить трудно. Окончание Гражданской войны повлекло за собой естественное ослабление роли армии в стране, а значит, и личного авторитета самого Троцкого. С этим он, разумеется, как личность с чрезвычайно высоким чувством самолюбия, не мог так легко и просто смириться. Ослабление позиций армии и Троцкого лично естественным образом отразились и на ослаблении его роли и снижении его политического престижа в самом партийном руководстве. Путем маневрирования он попытался воспрепятствовать дальнейшему развитию этого опасного для него процесса, который, раз начавшись, мог обрести инерцию собственного и необратимого движения. Троцкий попытался укрепить свои позиции и свой политический вес в рамках ЦК и ее главных органов.

«Сближение Троцкого с Крестинским в начале профдискуссии не было случайным. Троцкий весь 1920 г. очень тесно сотрудничал с Оргбюро и Секретариатом по самым разнообразным вопросам. Ему импонировал стиль работы Оргбюро — оперативное принятие важнейших решений, предназначенных к быстрому и беспрекословному исполнению. Это было очень близко по духу Председателю РВСР. Кроме того имело значение еще одно очень важное обстоятельство. В Оргбюро не было Ленина, который держал всех вождей революции в «коротких штанишках» и, чтобы ни писал впоследствии Троцкий о своем почтении к Ленину после Октября, их отношения были вовсе не безоблачными, иначе зачем же тогда Ленину нужен был Сталин, который без видимой необходимости постоянно присутствовал на важнейших участках театра военных действий.

Наметившийся союз Троцкого с могущественным Оргбюро и Секретариатом ЦК сильно обеспокоил Ленина, он не мог допустить каких-либо коалиций в высшем руководстве за своей спиной.⁵¹

Такой вывод авторов упоминавшейся выше монографии, на мой взгляд, во многом объясняет и раскрывает всю ожесточенность не только чисто политической, но и организационной борьбы, развернувшейся на X съезде партии. Поскольку выборы на съезд проходили на базе политических платформ, где подавляющее превосходство имели сторонники Ленина, то последний решил дать самый серьезный бой сторонникам Троцкого и сорвать их планы укрепления своих позиций как в партии в целом, так и в особенности в рамках ее центральных учреждений. В полемике Ленин резко разоблачал позиции Троцкого и подвергал лично его уничтожающей критике. Так, в ответ на призыв Троцкого о перетряхивании профсоюзов он без обиняков заявил: «Если надо кого хорошенько обругать и перетрясти, то уж скорее не ВЦСПС, а ЦК РКП.»⁵²

Стратегия Ленина заключалась в том, чтобы провалить на выборах в ЦК тех людей, которые поддерживали Троцкого и являлись его реальными или потенциальными сторонниками. В какой-то мере Ленин предвосхитил широко известный тезис Сталина — «кадры решают все»! Он созывал на фракционные совещания делегатов, придерживавшихся его платформы, и там вел огромную подготовительную работу к выборам, чтобы обеспечить подавляющий успех своей позиции. Не стеснялся он и в чрезвычайно резких выражениях разоблачать Троцкого. Вот один из ярких примеров его критики:

«Меня обвинили: а ты, сукин сын, что распустил дискуссию. А попробуйте удерживать Троцкого. Сколько дивизий против него послать...»

Троцкий требует отставки. У меня за 3 года в карманах было много отставок. Часть из них лежала в кармане и отлеживалась. А Тр[оцкий] человек с темпераментом и воен[ной] подготовкой. Он в аппарат влюблен, а в политике ни бе — ни ме.⁵³

Читая эти строки, как-то невольно приходят на память многочисленные излияния Троцкого насчет того, как высоко его ценил Ленин и т.д. На этих сюжетах придется остановиться несколько позднее. Здесь же хочется подчеркнуть, что Ленин серьезно сомневался в наличии у Троцкого действительно больших способностей политического лидера и считал потенциально опасным и для дела, и для себя лично возвышение Троцкого. Он прекрасно разбирался во всех тонкостях взаимоотношений, в том числе и личных, в среде своих ближайших соратников. Видимо, он имел серьезные основания сосредоточить основной удар против Троцкого.

Как уже говорилось выше, для этого он устроил и секретное совещание сторонников своей фракции. Обстоятельства созыва этого совещания описал в своих воспоминаниях делегат X съезда А.И.Микоян. Правда, полвека спустя. Но со скидкой на то, что все, даже самые правдивые и искренние мемуары, обладают известными недостатками, мы приведем этот сюжет, полагая, что в принципе он имеет все признаки достоверности. Итак, слово автору воспоминаний А.И.Микояну:

«...»

«...»

⁵¹ **Власть и оппозиция.** Российский политический процесс XX столетия. М. 1995. С. 103.

⁵² *В.И. Ленин.* ПСС. Т. 42. С. 238.

⁵³ *В.И. Ленин.* Неизвестные документы. 1891 — 1922. С. 420.

“На таком совещании обсудить вопрос о составе ЦК, отвести ряд кандидатур сторонников Троцкого, а также определить, кого из членов оппозиции персонально следует избрать.

Ленин говорил, что следует написать извещение о созыве такого совещания. Извещение должно служить и приглашением и пропуском на совещание. Оно должно быть коротким, напечатанным типографским способом. Но я не считаю, сказал Ленин, возможным для этого дела использовать государственную типографию. На всякий случай я привел одного старого товарища, коммуниста-подпольщика, у которого есть шрифт и есть ручной станок, на котором он обеспечит за ночь печатание извещения в достаточном количестве.

Сталин подал реплику, что созыв совещания делегатов, избранных по «платформе десяти», будет использован троцкистами и другими оппозиционерами для обвинения нас во фракционности и наши действия могут быть неправильно истолкованы съездом.

Ленин, добродушно улыбаясь, шутливо сказал Сталину: что я слышу от старого заядлого фракционера?! Даже он сомневается в необходимости созыва совещания делегатов, стоящих на «платформе десяти»! Вы должны знать, что Троцкий давно собирает сторонников своей платформы, да и сейчас, пока мы с вами разговариваем здесь, наверное, собрал свою фракцию. То же самое делают и Шляпников и Сапронов. Зачем закрывать глаза на хотя и неприятный, но явный факт существования фракций в партии? Именно созыв такого совещания сторонников «платформы десяти» обеспечит условия, которые исключили бы всякую фракционность в нашей партии в дальнейшем.

Сталин не стал спорить, и никто другой не оспаривал справедливости ленинского предложения. Все согласились, что надо созвать такое совещание.⁵⁴

По многим признакам можно придти к заключению, что Сталин сыграл весьма важную роль в обеспечении подавляющего успеха ленинской платформы на X съезде партии. В результате голосования на съезде за ленинскую платформу было подано 336 голосов, Троцкого–Бухарина – 50, «Рабочей Оппозиции» – 10.⁵⁵ Эти результаты, естественно, нашли свое выражение и в голосовании при выборах состава Центрального Комитета партии. Вот данные о результатах голосования по выборам в состав ЦК: всего было подано голосов 479. В ЦК избраны следующие товарищи по большинству голосов: Ленин – 479, Радек – 475, Томский – 472, Калинин – 470, Рудзутак – 467, Сталин – 458, Рыков – 458, Комаров – 457, Молотов – 453. Троцкий – 452, Михайлов – 449, Бухарин – 447, Ярославский – 444, Дзержинский – 438, Орджоникидзе – 438, Петровский – 436, Раковский – 430, Зиновьев – 423, Фрунзе – 407, Каменев – 406, Ворошилов – 383, Кутузов – 380, Шляпников – 354.⁵⁶ Таким образом, Крестинский, Серебряков и другие сторонники Троцкого при выборах в состав ЦК были забаллотированы. А они, как известно, играли ведущую роль в работе Оргбюро и Секретариата ЦК партии.

Сталин в это время, очевидно, выступал в роли того человека, который стоял за кулисами событий и направлял их развитие в нужном для Ленина направлении. Ка-

⁵⁴ Анастас Микоян. Мысли и воспоминания о Ленине. М. 1970. С.139.

⁵⁵ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891 – 1922. С. 421.

⁵⁶ Протоколы X съезда РКП(б). С. 405.

ких-либо прямых указаний на этот счет в имеющихся материалах, к сожалению, нет. Однако есть косвенные свидетельства, дающие основания сделать такой вывод. Один из делегатов съезда, сторонник группы “демократического централизма” Р.Рафаил, выступая в прениях, в частности, сказал о роли Сталина: “... здесь в Москве, в наших партийных органах, взамен сводки о военных фронтах стали давать место фронту партийному, под наблюдением военного стратега и архидемократа т. Сталина эта сводка редактировалась. И каждый раз мы могли получить донесения, что на таком-то фронте одержаны такие-то победы, что за точку зрения Ленина голосовало столько-то, за точку зрения Троцкого — 6 голосов, из них — один комиссар, один заместитель и т. д.”⁵⁷

Из этого довольно саркастического по тону высказывания, пронизанного, к тому же, также чувством неприкрытой иронии относительно “архидемократизма” Сталина, еще, конечно, нельзя делать далеко идущих выводов о том, что Сталин впервые воспользовался приписываемой ему формулой — не важно, кто как голосует, важно — кто подсчитывает голоса. Дело, конечно, в другом: Сталин провел серьезную работу среди делегатов съезда в пользу ленинской платформы. А сделать это было не так уж и сложно, учитывая общее недовольство, господствовавшее в партийных кругах в отношении Троцкого и особенно методов его действий.

Фактором, который способствовал серьезному упрочению позиций Сталина в партии, явилось и то, что Оргбюро и Секретариат явно не справлялись с поставленными перед ними задачами. Тем более они не соответствовали новым, значительно возросшим требованиям, продиктованным переходом к новой экономической политике. В выступлениях делегатов работа этих органов подвергалась нелюбимой и суровой критике. И что особенно обращает на себя внимание, так это то, что впервые на партийном форуме прозвучало само слово “Генеральный секретарь”! Контекст, в котором оно впервые было использовано, довольно любопытен, поскольку показывает, что хотя формально такого поста в партии еще не существовало, в сознании некоторых делегатов он представлялся как реально существующий факт.

Один из делегатов съезда заявил: “Уже из начавшейся дискуссии выяснилось, что те недостатки и те уродливые явления, которые у нас сейчас замечаются вроде «Рабочей оппозиции», имеют в известной степени свои причины в недостатках работы ЦК, — не в политической области, разумеется, а в организационной. Ярким доказательством этого был доклад Генерального секретаря нашей партии т. Крестинского... А если судить об организационной работе на основании этого доклада, то, товарищи, вполне понятными становятся многие недочеты и уродливые явления в нашей партии.”⁵⁸

Нацеленность данного замечания не вызывает никаких сомнений и не нуждается в каких-либо комментариях. Характерно, что возведенный таким ораторским приемом в ранг Генерального секретаря Н.Крестинский счел необходимым не оставить без внимания поднятый вопрос и в своем заключительном слове сказал: “Второй вопрос, который был задан, который, собственно говоря, не имеет прямого отношения к делу, но на который я считаю своим долгом ответить, это — тот, что здесь говори-

⁵⁷ Протоколы X съезда РКП(б). С. 101.

⁵⁸ Там же. С. 95.

лось, будто я являюсь генеральным секретарем, главным секретарем Центрального комитета. У нас не существует такой должности, товарищи. Мы, три секретаря, являемся равноправными секретарями, что и было подчеркнуто в постановлении первого пленума.⁵⁹

Действительно, в партии такой должности не существовало. Но весь ход событий протекал в том русле, что такая должность должна была появиться. Раньше или позже, но учреждение поста Генерального секретаря ЦК партии становилось просто неизбежностью. Толкали к тому многие соображения. Я не стану перечислять все из них, укажу лишь на наиболее существенные.

Работа партийного аппарата нуждалась в твердом, можно сказать, железном руководстве. Общеполитическая ситуация в стране отличалась крайней напряженностью, нарастали трудности, вытекавшие из проведения курса новой экономической политики. Требовались более жесткие меры дисциплины и вообще организации всех звеньев партийного аппарата. Вторым, уже, так сказать, субъективным фактором, являлась обострявшаяся борьба в высшем эшелоне партийной иерархии. Скрытой от глаз непосвященных, но тем не менее абсолютно реальной пружиной этого обострения борьбы, явилась прогрессирующая болезнь лидера партии — Ленина. Его соратники как бы заранее готовились к схватке, чем то напоминая схватку диадохов после смерти Александра Македонского. Да и сам Ленин, конечно, не мог не замечать подспудных внутренних процессов, происходящих в рядах его соратников и в чем-то ослаблявших его собственные позиции.

Конечно, по прошествии столь долгих лет трудно восстановить в полном объеме и с необходимой достоверностью характер отношений Ленина со своими ближайшими соратниками. Однако бесспорно одно — он видел в них не только соратников, но и потенциальных соперников. Пока он находился в хорошем состоянии здоровья и фактически держал в своих руках все главные нити государственного и партийного управления, ему опасаться за свою власть не приходилось. Несмотря даже на постоянные дискуссии и споры, разделявшие большевистское руководство как в предреволюционные, так и особенно в послереволюционные годы. Но по мере того как болезнь все больше давала о себе знать, ему все чаще, очевидно, приходилось задумываться о том, как сохранить устойчивость в руководстве и свое неоспоримое первенство.

Стали проявляться и явные признаки того, что его соратники порой вели себя по отношению к нему не совсем лояльно, допуская порой прямые выпады против него. Об этом можно судить на основе оставшихся после смерти его сестры М.И. Ульяновой воспоминаний, увидевших свет только в конце 1980-х годов. Эти воспоминания не похожи на панегирики по чьему-либо адресу. В них соблюден такт и необходимая доля объективности, что в целом дает полное основание относиться к ее свидетельствам с доверием. Вот что пишет М.И. Ульянова:

“Характерен в этом отношении случай с Троцким. На одном заседании ПБ Троцкий назвал Ильича «хулиганом». В. И. побледнел, как мел, но сдержался. «Кажется, кое у кого тут нервы пошаливают», что-то вроде этого сказал он на эту грубость Троцкого, по словам товарищей, которые передавали мне об этом случае. Симпатий к Троцкому и помимо того он не чувствовал — слишком много у этого человека было черт,

⁵⁹ Там же. С. 110-111.

которые необычайно затрудняли коллективную работу с ним. Но он был большим работником, способным человеком, и В. И., для которого, повторяю, дело было на первом плане, старался сохранить его для этого дела, сделать возможным дальнейшую совместную работу с ним. Чего ему это стоило – вопрос другой. Крайне трудно было поддерживать равновесие между Троцким и другими членами ПБ, особенно между Троцким и Сталиным. Оба они – люди крайне честолюбивые и нетерпимые. Личный момент у них перевешивает над интересами дела. И каковы отношения были у них еще в первые годы Советской власти, видно из сохранившихся телеграмм Троцкого и Сталина с фронта к В. И.

Авторитет В. И. сдерживал их, не давал этой неприязни достигнуть тех размеров, которых она достигла после смерти В. И. Думаю, что по ряду личных причин и к З[иновьеву] отношение В. И. было не из хороших. Но и тут он опять-таки сдерживал себя ради интересов дела.⁶⁰

Складывается устойчивое впечатление, что почти со всеми ближайшими сподвижниками у В.И.Ленина отношения были, мягко выражаясь, далекими от идеальных. Ссылки на то, что движущим мотивом было то, что Ленин во главу угла ставил прежде всего интересы дела и что именно этот приоритет в конечном счете и определяет всю гамму его отношений с соратниками, хотя и выглядит убедительным, но все-таки вызывает какие-то внутренние сомнения и вопросы, остающиеся без ответа.

Смысл их сводится к тому, что Ленин, по мере ухудшения своего физического состояния здоровья (явных признаков политического недомогания Ленин пока не обнаруживал, хотя в связи с переходом к НЭПу в его высказываниях все чаще проскальзывали нотки внутренней неуверенности), все больше ощущал нечто вроде утраты прежнего трепетного уважения к своему неоспоримому авторитету и мнению. Его соратники, как бы соревнуясь друг с другом, демонстрировали перед ним собственную самостоятельность и способность вести себя в качестве независимых, самостоятельных политических фигур. Одновременно они вели между собой неухажившую закулисную борьбу, чтобы заручиться большей поддержкой со стороны самого Ленина, поскольку именно такая поддержка и составляла в конечном счете один из решающих компонентов в предстоявшей борьбе за власть в партии.

Помимо воспоминаний сестры Ленина, имеется еще и его собственное письмо, датированное июнем 1921 года, из содержания которого можно сделать однозначный вывод: Ленин чувствовал нараставшее сопротивление своих соратников, их плохо скрываемое недовольство отдельными его действиями, их стремление продемонстрировать свой вес и свое независимое положение. Вот полный текст этого письма, также впервые опубликованный в конце 80-х годов XX века.

«Тов. Шкловский!

Получил Ваше большое письмо после отправки Вам моей записки.

Вы вполне правы, что обвинять меня в «протекционизме» в этом случае – верх дикости и гнусности. Повторяю, тут интрига сложная. *Используют*, что умерли Свердлов, Загорский и др.

Придется Вам «итти сначала». Есть и предубеждение, и упорная оппозиция, и сугубое недоверие *ко мне* в этом вопросе. Это мне крайне больно. Но это – факт. За Ваше письмо Вас не осуждаю. Понимаю, что Вам очень тяжело.

⁶⁰ «Известия ЦК КПСС.» 1989г. № 12. С. 197.

Я видел еще такие примеры в нашей партии теперь. «Новые» пришли, старики не знают. Рекомендуюшь — не доверяют. Повторяешь рекомендацию — усугубляется недоверие, рождается упорство. «А мы не хотим»!!!

Ничего не остается: сначала, боем, завоевать *новую* молодежь на свою сторону.

Привет! Ленин.”⁶¹

В свете данного письма Ленина вполне оправданной и логичной предстает и коренная реорганизация, произведенная на X съезде и после съезда на пленуме ЦК как в самом составе Центрального Комитета, так и в его исполнительных органах. В члены ЦК были избраны новые члены: численность членов ЦК была увеличена с 19 человек до 25, увеличилась также численность кандидатов в члены ЦК. Из прежнего состава Политбюро был выведен Крестинский, он также утратил свои посты в Оргбюро и в Секретариате. Вместо Крестинского в члены ПБ был введен Зиновьев, бывший до сего времени лишь кандидатом. Крупную перетряску претерпело и Оргбюро, из которого были выведены сторонники Троцкого и другие члены, явно не продемонстрировавшие свою лояльность Ленину во внутривластной борьбе, особенно в период дискуссии о профсоюзах. Они были заменены другими, вполне лояльными Ленину (да и Сталину) людьми.

Однако особо следует отметить полную реорганизацию Секретариата: все прежние члены которого — Крестинский, Преображенский и Серебряков — рьяные сторонники Троцкого — были из него выведены и заменены В.М.Молотовым, Е.М.Ярославским и В.М.Михайловым.⁶² Первые два были людьми, полностью ориентировавшимися на Сталина, т.е. фактически ставленниками Сталина. Малоизвестная и невлиятельная в партии фигура В.М.Михайлова в Секретариате не играла сколько-нибудь значительной роли и вскоре исчезла с политического горизонта. Что же касается Молотова и Ярославского, то они также не представляли собой политических фигур первого (а последний и даже второго) плана. Они не обладали серьезным политическим весом и авторитетом и имели ограниченные связи. Последнее обстоятельство также, видимо, сыграло свою роль в выборе данных фигур. Они, по замыслу главных партийных стратегов, в первую очередь Сталина, призваны были сыграть проходную роль в том политическом спектакле, который тогда разыгрывался по всем правилам большевистской кадровой практики. Словом, на политической шахматной доске произошла не просто рокировка, а коренная смена фигур.

Таким образом, новый состав высшего партийного руководства, особенно Оргбюро и Секретариата, без всяких сомнений свидетельствовал о серьезном укреплении позиций Сталина. Хотя он и не вошел в состав Секретариата, но откровенно слабый персональный состав последнего как бы заранее, заблаговременно открывал перед ним перспективу скорейшего вхождения и в этот орган ЦК. Вопрос был только во времени. А время работало на Сталина. Нужно было только проявлять терпение и выдержку, а этими качествами он, как известно, не был обделен. Второй момент заключается в том, что Сталину, видимо, вскоре после съезда было поручено общее наблюдение за работой Секретариата (позднее такая функция стала обозначаться поня-

⁶¹ Там же. С. 201.

⁶² “Известия ЦК КПСС.” 1990г. № 7. С. 71.

тием «курирование»). Прямыми источниками, подтверждающими данный факт, я не располагаю, однако косвенные свидетельства дают основание считать это предположение вполне вероятным.

Завершая обзор некоторых существенным моментам, характеризующих стратегию продвижения Сталина к власти в период X съезда партии и после него, а именно — к посту Генерального секретаря, приведу оценку уже не раз упоминавшегося Грея. Думаю, что трудно оспорить следующий вывод, сделанный по данному вопросу западным биографом Сталина: «Хотя во время съезда Сталин и вел себя скромно, в итоге после съезда его власть значительно увеличилась. Частично это было следствием заката Троцкого и его сторонников, благодаря чему возникли вакансии в Центральном Комитете и других центральных органах, многие из которых были заполнены людьми, близкими к Сталину. Но самой главной причиной этого было его мастерское управление партийным аппаратом. Он один понимал, как должен развиваться и функционировать этот орган, чтобы поддерживать абсолютную власть центра. Ленину не слишком нравилось заниматься административными вопросами. Это мог сделать кто-то ниже его. Троцкий видел себя оратором, словом зажигающим и ведущим народ. У Зиновьева, Каменева и Бухарина не хватало терпения заниматься аппаратом. Сталин такой ошибки не допустил. Административные и организационные вопросы неразделимы и важны для сплочения партии.»⁶³

Соглашаясь в целом с оценкой Грея, а также ряда других биографов Сталина, делающих акцент прежде всего на организаторских способностях Сталина, на том, что он увидел в аппарате партии главный инструмент достижения высшей власти, хочется вместе с тем подчеркнуть и другое. Делая особый акцент на административном и организаторском компонентах как решающем инструменте достижения власти, они сознательно или невольно упускают из вида или же коренным образом недооценивают и факторы политического порядка. Если следовать логике их рассуждений, то политические способности Сталина, его качества как стратега политической линии партии вообще исчезают из поля зрения или серьезнейшим образом недооцениваются. Такой подход, на мой взгляд, в принципе ошибочен хотя бы в силу своей односторонности. Не говоря уже о его несоответствии реалиям тогдашней исторической эпохи.

Как бы ни была высока роль организаторско-административных способностей Сталина, какими бы блестящими данными по управлению аппаратом он ни обладал, одних этих способностей явно было недостаточно, чтобы не только добраться до вершин власти, но и просто претендовать на нее. Решающей предпосылкой выступали не только эти качества, сколько наличие твердой, ясной и определенной политической линии. Надо было быть крупной политической фигурой, а не только хорошим и умелым организатором, чтобы в сложнейшей внутрипартийной борьбе одержать верх над бесспорно опытными на поприще политических баталий соперниками, какими являлись Троцкий, Зиновьев, Каменев и некоторые другие. Искать причину успеха Сталина в борьбе за власть прежде всего и главным образом в умении подбирать и расставлять своих людей на решающие участки партийной работы, оставляя в

⁶³ Ian Grey. Stalin. Man of History. p. 149-150.

то же время за скобками суть политической линии, отстаиваемой им в тот период, — значит не замечать главного звена всей политической стратегии Сталина. Он прекрасно понимал своеобразие обстановки и тонко чувствовал духовный настрой партийной массы: она в силу многих причин, в том числе и укоренившихся традиций, решительно отторгала личную борьбу за власть между потенциальными наследниками Ленина. Что она была в состоянии понять, так это борьбу между политическими линиями, политическими курсами, но никак не борьбу партийных вождей за личную власть. Сталин как раз и сделал ставку на это, предпринимая все, чтобы в партии сформировалось твердое убеждение — речь идет не о противостоянии личностей, а о противоборстве политических линий.

Мне думается, что высказанная выше оговорка имеет существенно важное значение для понимания и верной оценкой всей политической биографии Сталина. Причем это распространяется не только на период его борьбы за пост Генерального секретаря, но и на всю его последующую партийную и государственную деятельность. Организаторский дар, умение создать необходимый аппарат и искусно использовать его в политических целях — этого у Сталина не отнимешь. Но серьезно думать, что только на этих двух «конях» он был бы в состоянии взойти на вершины власти — значит чрезвычайно упрощать реальную картину того, что имело место в действительности. В тех условиях прежде всего необходимы были четкая и ясная политическая линия и выверенная стратегия развития страны. Без этого и сам аппарат, и другие партийные механизмы оказались бы не то что бесполезными, но просто неэффективными. В конце концов даже без лишних интеллектуальных усилий можно уяснить простую истину: аппарат не играл роль некоего демиурга, он был лишь инструментом осуществления определенного политического курса. Его роль была велика, даже очень велика, но все же подчиненна. Он выступал в качестве инструмента политики, а не творца этой политики.

В верхах партии развертывалась борьба за власть, а она, в свою очередь, отражала, кроме всего прочего, различное толкование новой экономической политики, тех пределов, на которые могли пойти большевики в своих экономических уступках частному сектору. Эти вопросы в тот период выдвинулись на первый план.

Способствовали тому достаточно веские и глубокие причины. Переход к НЭПу среди многих членов партии, и не только рядовых, породил глубочайшие сомнения вообще в правильности выбранного пути. Авторы одной коллективной монографии, вышедшей в свет в начале 1990-х годов, характеризую тогдашнюю ситуацию, констатируют: «Руководству РКП (б) стоило немалого труда убедить рядовых коммунистов в целесообразности нового экономического курса, встретившего на местах определенное противодействие. Несколько уездных парторганизаций усмотрели в оживлении частной торговли и в переговорах с иностранными капиталистами о концессиях «капитуляцию перед буржуазией». Практически во всех парторганизациях имели место случаи выхода из РКП (б) «за несогласие с нэпом». Весьма распространенным было и мнение о тактическом смысле решений X съезда, якобы призванных в первую очередь стабилизировать политическую обстановку в стране; в этой связи совершенно стихийно было пущено в оборот выражение «экономический Брест», намекающее не только на вынужденный характер уступок крестьянству, но и на их скорое аннулирование. Работники Наркомпрода на местах мало считались с разницей между разверст-

кой и натуральным налогом и ожидали не ранее, чем осенью, вернуться к политике продовольственной диктатуры.”⁶⁴

В среде самого высшего руководства шли постоянные споры по конкретным вопросам реализации курса новой экономической политики. Сталин, как уже отмечалось выше, выступал в числе наиболее решительных поборников этой политики. Он ее защищал в своих публичных выступлениях, особенно на партийных форумах, что и было вполне естественным. Достоин упоминания и тот факт, что именно в самый разгар осуществления новой экономической политики, а именно в августе 1921 года, ЦК поручает Сталину общее руководство работой отдела агитации и пропаганды.⁶⁵ Назначение Сталина на этот пост было, по всей вероятности, обусловлено необходимостью как-то централизовать и скорректировать общую линию пропаганды. В партии и стране царили разброд и шатания, а партийная печать не только не играла роль фактора сплочения партийных рядов, а зачастую публикацией различных, часто путанных и даже в корне ошибочных материалов, вносила дополнительную неуверенность и сумятицу в умы членов партии и населения вообще. Поэтому усиление партийного руководства делом агитации и пропаганды являлось чрезвычайно важной и актуальной задачей. А справиться с этим мог только достаточно авторитетный партийный деятель. Именно поэтому выбор пал на Сталина.

Но было бы наивным не понимать того факта, что и у самого Сталина, видимо, не могло не возникать определенных сомнений в абсолютной верности избранного курса. Какими-либо достоверными свидетельствами на этот счет мы не располагаем, поскольку официальные документы и газетные публикации рисуют однозначную картину его твердой поддержки политики НЭПа. Имеется, правда, одно весьма любопытное свидетельство меньшевистского журнала “Социалистический вестник”, поместившего в середине 20-х годов довольно странную информацию о позиции Сталина в самые первые месяцы реализации курса новой экономической политики. Суть этой информации такова: “В частных беседах Сталин еще в 1921 году считал дело социалистического строительства в России бесповоротно потерянным. Тогда он прямо заявлял, что компартия не может взять на себя работу по восстановлению буржуазного строя в России, и предлагал передать власть какой-либо другой группе. Тогда, с благословения Ленина, делал даже конкретные шаги в этом направлении, пытаясь сколотить такую группу из людей ему лично знакомых и даже близких (в тогдашних переговорах... принимал участие и теперешний адъютант Сталина – Молотов”⁶⁶.

Как можно прокомментировать этот пассаж? Он выглядит, хотя и довольно пикантным, но весьма напоминает политическую фальшивку. Нет буквально никаких оснований и поводов считать, что вскоре после введения НЭПа, большевики, столкнувшись с первыми серьезными последствиями реализации этой политики на практике, впали в состояние паники. Не для того они брали власть в октябре 1917 года и вели более трех лет самую жестокую из всех войн – Гражданскую войну – чтобы уже при столкновении с первыми трудностями впасть в состояние политической прострации и искать партию, способную взять из их рук бразды управления страной.

⁶⁴ *Наше отечество. Опыт политической истории.* М. 1991. С. 167.

⁶⁵ *И.В. Сталин.* Соч. Т. 5. С. 427.

⁶⁶ “Социалистический вестник”. 1926. № 20. С. 16

Скорее всего, приведенный выше “факт” — плод иллюзий или фантазий меньшевиков, обитавших за границей, которые никак не могли смириться со своим фактическим уходом с политической арены России. К тому же, уж если бы большевики и помышляли об укреплении своих позиций в первый период НЭПа, то для налаживания контактов с меньшевиками или другими политическими силами в России, выбрали бы не Сталина, а кого-либо другого. Более склонного к компромиссам, не отличавшегося стойким политическим ригоризмом, свойственным как раз именно Сталину.

Другое соображение состоит в том, что в тогдашней России не существовало никакой реальной политической партии, способной хотя бы потенциально противостоять большевикам в качестве организованной силы. Характерно в этом отношении мнение одного из лидеров движения “сменовеховцев” (либерально настроенных интеллигентов, живших за границей и издававших там журнал “Смена вех”, в котором они выступали за поиски путей компромисса с Советской властью и налаживания с нею политического диалога) Ю.Ключникова: “...Никакой другой России, кроме революционной, сейчас нет и быть не может. С этой Россией им (т.е. Западу — *Н.К.*) необходимо установить *modus vivendi*. Поскольку они сумеют к ней приспособиться, постольку и она приспособится к ним.”⁶⁷

Объективные факты однозначно говорили в пользу успехов в проведении новой экономической политики. Но это не значит, что все проходило гладко, без сучка и задоринки. Напротив, трудности были колоссальные буквально во всех сферах как экономики, так и социальной жизни страны. Сказывались они и на политической атмосфере в обществе в целом, и в партии в особенности. В самой партии было немало тех, кто вступил в нее из карьеристских соображений, пытаясь извлечь материальные и иные выгоды из самого факта принадлежности к правящей партии. Впрочем, это явление — не исключение, а скорее общее правило для всех партий, обладающих монополией на власть.

В соответствии с курсом X съезда РКП(б) с 15 августа до конца 1921 года проводилась самая грандиозная чистка партии. Ее называли генеральной чисткой партийных рядов. ЦК партии обратился со специальным письмом ко всем партийным организациям. В нем обосновывалась необходимость чистки, определялись основные критерии, согласно которым она должна была осуществляться, и выдвигалась задача добиться решительного преодоления мелкобуржуазной стихии, захлестнувшей партию. “Дело очистки нашей партии есть самое ответственное дело, какое только нам приходилось выполнять за последнее время. От состава наших партийных организаций зависит состав советских учреждений, зависит успех нашей борьбы с бюрократизмом, зависит дело налаживания хозяйства, зависит все...” — подчеркивалось в письме.

“Необходимо объявить борьбу карьеризму, бездушному формализму, пытающемуся угнездиться в наших собственных рядах. Надо добиться того, чтобы между членами партии были отношения близкие, тесные, надо добиться того, чтобы наша партия состояла исключительно из подлинных коммунистов, для которых движущим мотивом является только благо партии и благо пролетарской революции.”⁶⁸

⁶⁷ “Смена вех” Париж. 1921г. № 1. С 10.

⁶⁸ Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. 1961. С. 742.

14. Следует подчеркнуть, что чистка была проведена весьма сурово, о чем говорят сами ее результаты. В итоге чистки из партии было исключено и убывло 159 355 человек, или 24,1 процента состава (в том числе 3,1 процента приходилось на тех, кто покинул РКП (б), не дожидаясь проверки). Были разоблачены и изгнаны из партии явно враждебные элементы, проникшие в ее ряды с контрреволюционными целями; они составили 3,7 процента исключенных. 8,7 процента были исключены за злоупотребление своим положением; 3,9 процента — за исполнение религиозных обрядов. Остальная часть исключенных — это люди, состоявшие в РКП (б), но не принимавшие никакого участия в партийной жизни.⁶⁹

*1. Хотя формально и фактически всем этим делом руководила Центральная Контрольная Комиссия, есть веские основания полагать, что общий контроль и общее руководство осуществлялось Сталиным как членом Политбюро и Оргбюро, как главным партийным специалистом по организационным делам. Парадоксальным эпизодом, имевшим место во время чистки, явилось исключение из партии собственной жены Сталина Н.С. Аллилуевой по причине ее неучастия в жизни партийной ячейки. Надежда Сергеевна Аллилуева (1901—1932гг., член партии с 1918 г.) в то время работала в аппарате Совнаркома, проходила чистку 10 декабря 1921 г. на заседании комиссии по проверке и очистке партии Замоскворецкого района. В выписке из протокола этого заседания говорится: «Слушали: 7. О Аллилуевой Н. С. Постановили: Исключить как балласт, совершенно не интересующийся партийной жизнью. Как советский работник может исполнять всякую работу». 12 декабря 1921 г. Н. С. Аллилуева подала в Московскую губернскую комиссию по проверке и очистке партии следующее заявление: «Проверочной комиссией Замоскворецкого района постановлено считать меня исключенной как балласт и как не интересующуюся партийной работой.

Считая постановление комиссии слишком резким, прошу губернскую комиссию пересмотреть это решение и перевести меня в кандидаты, ввиду моего серьезного желания подготовиться для партийной работы, которой я не вела до сих пор исключительно только потому, что считала себя неподготовленной. Прошу комиссию принять во внимание то, что мне 20 лет и я не имела еще возможности получить партийную подготовку и опыт. В настоящее время я прохожу партийную школу и надеюсь, что в дальнейшем буду более пригодным членом партии, чем была до сих пор, а поэтому прошу перевести меня в кандидаты для опыта».⁷⁰

14 декабря 1921 г. губернская комиссия по проверке и очистке партии, рассмотрев заявление Н. С. Аллилуевой, постановила перевести ее на 1 год в кандидаты на испытание.

Надо заметить, что на руках у жены Сталина в это время грудной ребенок (сын Василий), в силу чего она, по понятным причинам, не могла принимать активного участия в партийной жизни. Однако эти уважительные обстоятельства не были приняты во внимание. Насколько известно, лично Сталин не принимал никакого участия в улаживании данного конфликтного происшествия. Пришлось вмешаться самому Ленину, который через своего секретаря Л.А. Фотию продиктовал письмо лицам, руководившим проведением чистки. В письме он давал высокую оценку качествам

⁶⁹ Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 743-747.

⁷⁰ «Известия ЦК КПСС.» 1991г. № 8. С. 150.

Аллилуевой (она длительное время работала в его секретариате) и ссылаясь на активное участие в подпольной работе ее отца, на квартире которого в 1917 году он какое-то время скрывался. Письмо Ленина, судя по всему, произвело какое-то (из документов не ясно, какое именно) воздействие на членов комиссии по чистке. 4 января 1922 г. подкомиссия по рассмотрению обжалований при Центральной комиссии РКП(б) по пересмотру, проверке и очистке партии рассмотрела дело Н. С. Аллилуевой и решила «ввиду ее молодости и партнеподготовленности подтвердить постановление Гублкомиссии о переводе в кандидаты на 1 год».⁷¹ Полноправным членом партии с восстановлением партийного стажа она стала лишь по прошествии двух-трех лет.

Этот эпизод в реальном виде передает атмосферу проведения генеральной чистки партии. Примечательно, что и жена такого влиятельного человека в партии, каким был Сталин, не оказалась защищенной от претензий, предъявленных ей.

Но возвратимся к существу проблем. Новая экономическая политика уже начала давать свои первые плоды. Необходимо было подвести первые итоги и сделать на основе анализа положения дел соответствующие политические выводы. Эта задача выпала на долю XI съезда партии, проходившего в марте – апреле 1922 года. Кстати, это был последний партийный съезд, в работах которого участвовал В.И. Ленин.

Основополагающие оценки первых итогов новой экономической политики были, как и положено, изложены в докладах и выступлениях В.И. Ленина. Не вдаваясь в излишние детали, хочу оттенить два момента, обращающие на себя внимание.

С одной стороны, Ленин от имени партии говорил: «Главным вопросом является, конечно, новая экономическая политика. Весь отчетный год прошел под знаком новой экономической политики. Если какое-нибудь крупное, серьезное и неотъемлемое завоевание мы за этот год сделали (это еще не так для меня несомненно), то только в том, чтобы научиться чему-нибудь из начала этой новой экономической политики. Если хотя бы даже немногому мы научились, то, действительно, мы за этот год в области новой экономической политики научились чрезвычайно многому».⁷² Классовый смысл новой экономической политики Ленин и большевики в целом усматривали в установлении смычки рабочего класса и крестьянства. Они прекрасно понимали, что терпение крестьян уже фактически было исчерпано и чтобы восстановить хотя бы относительный кредит доверия, необходимо было практическими экономическими мерами доказать крестьянской массе, что Советская власть не на словах, а на деле готова пойти им навстречу. Он прямо подчеркивал, что здесь – главный наш урок за весь прошедший год применения новой экономической политики и главное наше, так сказать, политическое правило на год наступающий. Крестьянин нам кредит оказывает и, конечно, после пережитого не может не оказывать. Крестьянин в своей массе живет, соглашаясь: «ну, если вы не умеете, мы подождем, может быть, вы и научитесь». Но этот кредит не может быть неисчерпаемым.⁷³

Из всего смысла ленинской постановки вопроса и логики его аргументов вытекало, что НЭП – это не тактическая, а стратегическая линия всей политики Советской власти, рассчитанная на исторически длительный период. «Всерьез и надолго» –

⁷¹ «Известия ЦК КПСС.» 1991 г. № 8. С. 150

⁷² В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 73.

⁷³ См. Там же. С. 77.

это действительно надо твердо зарубить себе на носу и запомнить хорошенько... Мы учитываем классовое соотношение и смотрим на то, как должен действовать пролетариат, чтобы вести крестьянство, вопреки всему, в направлении коммунизма".⁷⁴

Казалось бы все акценты расставлены и почвы для дальнейших дискуссий о будущих перспективах НЭПа вообще не должно было быть.

С другой стороны, обращает на себя внимание и иное обстоятельство — то, что Ленин именно в этот период стал усиленно подчеркивать мысль о том, что отступление закончилось. Если не вырывать его мысль из исторического контекста, в котором она высказывалась, то невольно складывалось впечатление, что с определенными мерами новой экономической политики надо кончать. Он говорил на XI съезде буквально следующее: "Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил. Мы пришли в новое место, отступление в общем и целом мы все-таки произвели в сравнительном порядке."⁷⁵

Не вдаваясь в исторические детали, хочется подчеркнуть одну мысль: в такой постановке вопроса — с одной стороны, НЭП — "всерьез и надолго"; с другой стороны, отступление закончилось — коренится серьезное внутреннее противоречие. В конце концов, или НЭП — долгосрочная и долговременная стратегическая, а не тактическая политика Советской власти, или же это — система, сотканная из политических маневров, к которым прибегают в зависимости от конкретных обстоятельств.

Ленинской диалектике вообще нередко было свойственно не просто внутреннее противоречие, но порой и несовместимость составляющих ее частей. Так и случилось с ленинским толкованием новой экономической политики. Это толкование каждый раз уточнялось и дополнялось какими-то новыми положениями и нюансами (что вполне допустимо и вообще свойственно любому серьезному политическому курсу). Но зачастую все эти новации приходили в противоречие друг с другом, одно как бы отрицало другое. Не случайно, что после смерти Ленина в ходе внутрипартийной борьбы, когда Сталин шаг за шагом упрочивал свои позиции на большевистском Олимпе, одной из самых спорных проблем стала проблема ленинской интерпретации НЭПа. Именно вокруг нее скрещивались шпаги партийных лидеров и партийных публицистов.

Причем надо особо оговорить, что споры по поводу НЭПа не носили какого-то абстрактно-теоретического характера: без всяких натяжек можно сказать: они в буквальном смысле слова касались судеб России, перспектив ее дальнейшего развития. Это был спор не о теории, а о жизни и смерти государства. И, как мне кажется, с сожалением приходится констатировать, что сами ленинские положения о новой экономической политике не отличались железной последовательностью, четкостью и той определенностью, которая не допускает двусмысленных толкований. А таковые были: ими пестрят многие последние выступления лидера партии. То он говорит: "«Новая экономическая политика»! Страшное название. Эта политика названа новой экономической политикой потому, что она поворачивает назад. Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбе-

⁷⁴ В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 229-230.

⁷⁵ Там же. С. 87.

жаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики. Где и как мы должны теперь перестроиться, приспособиться, переорганизоваться, чтобы после отступления начать упорнейшее наступление вперед, мы еще не знаем.⁷⁶ Кстати, эту мысль Ленин высказал в своем последнем публичном выступлении на пленуме Моссовета 20 ноября 1922г.

Отмечая некоторую двусмысленность и противоречивость толкования новой экономической политики самими Лениным, нужно в целом подчеркнуть, что в конечном счете именно на эту политику он возлагал свои основные надежды, говоря *“поэтому нэп продолжает быть главным, очередным, все исчерпывающим лозунгом сегодняшнего дня.... Из России нэповской будет Россия социалистическая.”*⁷⁷

Я посчитал возможным уделить данному вопросу столько внимания, поскольку именно сложность обстановки в этот период, разноречивые толкования характера и целей НЭПа, а также отсутствие единства в высшем эшелоне партийного руководства фактически были тем мощным импульсом, который поставил в повестку дня вопрос о введении в партии поста Генерального секретаря. Помимо этого, были, разумеется, и некоторые другие причины. На них мы вкратце остановимся.

Хотя Троцкий после окончания Гражданской войны и поражения во время дискуссии о профсоюзах оказался если не на заднем плане политической сцены, то все-таки вышел из всех этих перипетий с сильно подмоченной репутацией и несколько поблекшим авторитетом. Однако в целом его политический вес и позиции были достаточно сильны, чтобы можно было сбрасывать их со счета. К тому же, вокруг него сплотилась тесная, хотя и не весьма многочисленная, но зато весьма политически активная группа сторонников. “Небольшевистское прошлое” Троцкого в некоторой степени уравновешивалось его заслугами в Гражданской войне. Ко всему прочему, он был необычайно плодovit в литературном плане и его статьи и брошюры выходили массовыми тиражами, причем он не стеснялся выступать по самым различным вопросам, видимо, пожираемый завистью к энциклопедистам прошлых эпох. Так что на весах политической Фемиды он с полным основанием считался фигурой значительной.

Ленин в своих политических расчетах, несомненно, учитывал роль и авторитет Троцкого. Хотя, как мы убедимся в дальнейшем, рассматривал его скорее как своего политического союзника в борьбе за сохранение известного баланса сил в правящей верхушке, нежели чем в качестве своего политического преемника. Их разделяло слишком многое, чтобы Ленин решился сделать ставку на Троцкого. В широком смысле они были не столько политические единомышленники, сколько политические соперники. И предметом их соперничества была не только сама по себе власть, но и политико-стратегическое видение перспектив и путей будущего развития страны и партии. Последнее обстоятельство обязательно должно приниматься во внимание при рассмотрении вопроса о ходе дальнейшей борьбы за то, кому было суждено стать преемником Ленина.

Зиновьева и Каменева Ленин знал слишком хорошо, чтобы всерьез рассматривать их в качестве реальных кандидатов на его место лидера партии. В политическом

В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 302. *иногда выдвигают кандидатуры или кандидатуры*
⁷⁷ Там же. С. 308-309. *выдвигают кандидатуры или кандидатуры*

отношении они оба не отличались твердостью и последовательностью. То же самое можно сказать и об их индивидуальных личных качествах, необходимых для того, чтобы быть лидером.

Я позволю себе затронуть еще один момент, хотя кое-кому он и может показаться довольно шокирующим. В составе Политбюро ко времени XI съезда партии из пяти полноправных членов трое были лицами еврейской национальности — Троцкий, Зиновьев и Каменев. Сам Ленин был русским, Сталин — грузином. С точки зрения чисто национальных критериев выбор был чрезвычайно узок. В послереволюционной России были достаточно развиты антисемитские настроения, хотя этот факт большевики и пытались скрывать. Но полностью их игнорировать было просто невозможно, имея в виду цель общенационального сплочения на платформе большевистской партии. Как говорится, интернационализм интернационализмом, а персональная национальность лидера — вещь отнюдь не второстепенная. Уже в силу этого обстоятельства ни один из трех перечисленных членов Политбюро реально не мог претендовать на роль общепризнанного вождя государства, где большинство населения составляли русские. В крайнем случае по признаку национальности гораздо больше подходил грузин Сталин, к тому времени фактически обрусевший и от своей истинной национальности, кроме отдельных привычек, не сохранивший почти ничего, кроме своего самобытного акцента, когда он говорил по-русски.

Впрочем, я несколько забежал вперед, поскольку личные качества и особенности политической физиономии важнейших претендентов на ленинское наследство более детально будут рассмотрены в следующей главе.

Здесь же мне хотелось упомянуть еще одно обстоятельство, подтолкнувшее Ленина к выбору Сталина на пост Генерального секретаря. Руководство Секретариата, избранное на предыдущем съезде, в котором первую скрипку играл Молотов, оказалось явно не на высоте. У членов Секретариата не было должного политического авторитета и необходимых организаторских данных для выполнения возложенных на них обязанностей. Сохранились многочисленные критические филиппики Ленина в адрес Секретариата и его ответственного секретаря Молотова. В них он, без особой деликатности, подвергал работу данного органа серьезной, часто просто уничижительной критике. В узких партийных кругах ходил даже слухок, что за глаза Ленин называл Молотова “железной жопой партии”. Какой смысл он вкладывал в это понятие, догадаться нетрудно. По меньшей мере, эта характеристика не говорила в пользу последнего.

Во время борьбы против культа личности и разоблачения так называемой антипартийной группы Молотова — Маленкова — Кагановича ярый приспешник тогдашнего лидера партии Н.С.Хрущева главный редактор газеты “Правда” П.А.Сатюков на XXII съезде партии (1961г.) в целях дискредитации Молотова вытащил на свет божий даже одно письмо Ленина, адресованное Молотову в годы его секретарства в ЦК РКП(б). Вот что писал вождь руководителю Секретариата ЦК партии: “Написав анкету или листок последней переписи членов РКП,— начинает Ленин,—я пришел к твердому убеждению, что дело статистики в ЦК (а, вероятно, и все учетно-распределительное дело) поставлено никуда не годно.

Либо статистикой у Вас заведует дурак, либо где-то в этих «отделах» (ежели так называются сии учреждения при ЦК) на важных постах сидят дураки и педанты, а присмотреть Вам, очевидно, некогда.

1. Надо прогнать заведующего Статистическим отделом.

2. Надо перетряхнуть этот и учетно-распределительный отделы **основательно**.

Иначе мы сами («борясь с бюрократизмом»...) плодим под носом у себя позорнейший бюрократизм и глупейший.

Власть у ЦеКа громадная. Возможности — гигантские. Распределяем 200—400 тысяч партработников, а через [них] тысячи и тысячи беспартийных.⁷⁸

Нет смысла комментировать это письмо. Во всяком случае оно недвусмысленно выражает отрицательное отношение Ленина к постановке работы Секретариата под руководством Молотова. Логично предположить, что аналогичные или еще более резкие жалобы на работу Секретариата приходили и от других партийных работников, в особенности с мест. Так что становилась все более необходимой и неизбежной скорейшая замена всего состава Секретариата, и прежде всего его руководителя.

А кандидатура на этот пост уже была, как говорится, вполне готова. Причем единственная кандидатура, а не одна из многих других.

На XI съезде партии Сталин был избран в Президиум. Какого-либо доклада он не делал, не выступал он и в прениях. Словом, вел себя так, как будто его даже и не было на съезде. Его имя несколько раз упоминалось выступающими, однажды — в критическом плане, но его тотчас под свою защиту взял лично сам Ленин. Но несмотря на эту показную скромность и отсутствие внешней активности, именно в итоге данного съезда в политической карьере Сталина и произошел коренной перелом. Этот перелом и предопределили всю его дальнейшую политическую биографию. XI съезд стал для Сталина тем же, чем и Рубикон для Юлия Цезаря. Этим Рубиконом явилось избрание его на первом после окончания съезда пленуме Генеральным секретарем ЦК РКП(б). Произошло это 3 апреля 1922г.

Событие это прошло как бы незамеченным. И кто знает, как бы сложилась дальнейшая политическая судьба Сталина (а во многом и пути и перепутья развития нашей страны), если бы в газете “Правда” от 4 апреля 1922г. не было помещено лаконичное сообщение, способное затеряться среди многих других материалов. Но это сообщение со временем стало точкой отсчета наступления (тогда еще никому неизвестного) нового этапа в советской истории. Сообщение состояло всего из одного предложения: “Избранный XI съездом РКП Центральный комитет утвердил секретариат ЦК РКП в составе: т.Сталина (генеральный секретарь), т.Молотова и т. Куйбышева”⁷⁹

В тот период внимание привлекло прежде всего расширение состава высшей партийной верхушки. Прежде всего надо сказать об изменениях в составе высших структур ЦК. Состав Политбюро был пополнен двумя новыми членами и выглядел теперь так: члены: Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, В. И. Ленин, А. И. Рыков, В. Сталин, М. П. Томский, Л. Д. Троцкий; кандидаты в члены: Н. И. Бухарин, М. И. Калинин, В. М. Молотов. Подвергся корректировке и состав Оргбюро, куда уже неизменно входил Сталин как бы на правах постоянного члена. О составе Секретариата речь уже шла выше.⁸⁰

1922г.

⁷⁸ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М. 1962. Т. 2. С. 351.

⁷⁹ “Правда” 4 апреля 1922г.

⁸⁰ “Известия ЦК КПСС.” 1990г. № 7. С. 71-72.

Расширение состава Политбюро и другие изменения в составе высших партийных структур явно свидетельствовали о стремлении как-то сбалансировать соотношение сил и создать предпосылки для предотвращения конфликтов в самой руководящей верхушке. Одновременно это свидетельствовало и о попытках создать хотя бы первоначальные звенья более устойчивого руководства с акцентом на принцип коллегиальности.

Обстоятельства избрания Сталина Генеральным секретарем, и прежде всего, кто предложил его кандидатуру на этот пост, какую позицию по этому вопросу занимал лично Ленин, несмотря на все опубликованные версии, выглядят до сих пор не вполне ясными по ряду моментов. На этом стоит специально остановиться. Хотя по прошествии стольких лет и по скудности достоверных документальных данных, как мне представляется, вынести вполне объективное и исторически достоверное заключение на этот счет не так-то просто. Однако можно попытаться несколько прояснить этот вопрос и высказать свои соображения, опирающиеся не столько на документальную базу, сколько на логику и здравый смысл.

Официальная сталинская историография утверждала, что Сталин на этот пост был избран по предложению В.И.Ленина. Оппоненты Сталина из оппозиции, в частности Зиновьев и Каменев, даже во время самых ожесточенных схваток как-то не акцентировали на этой проблеме внимания, что само по себе не может не вызывать некоторого недоумения. То ли они действительно играли роль главных инициаторов продвижения Сталина на пост генсека, а потому по соображениям чисто престижного характера не хотели акцентировать внимание на этом. (В том, что, собственно, благодаря прежде всего их стараниям он стал Генеральным секретарем, что, смотря на это задним числом, отнюдь не свидетельствовало в их пользу, ибо демонстрировало, мягко выражаясь, их политическую близорукость). То ли они действительно не имели к назначению Сталина непосредственного отношения и оно произошло в самом деле по инициативе Ленина. И тогда им, как говорится, нечего было сказать что-либо по существу. Это — всего лишь предположения, но они имеют право на существование.

Более четко и определенно высказывался по данному вопросу Троцкий. В своей книге "Моя жизнь", вышедшей в свет в начале 30-х годов, он безапелляционно утверждает: "На пост Генерального секретаря Сталин был выбран против воли Ленина, который мирился с этим, пока сам возглавлял партию."⁸¹ В своих работах и статьях о Сталине, относящихся к более позднему периоду, он также не раз возвращался к этой жгучей теме, развивая и конкретизируя причины и мотивы, в силу которых Ленин якобы был вынужден смириться с давлением, оказываемым на него в пользу выбора кандидатуры Сталина. Троцкий, в частности, писал: "Без инициативы Зиновьева Сталин едва ли стал бы генеральным секретарем. Зиновьев хотел использовать эпизодическую дискуссию о профессиональных союзах зимой 1920-1921 г. для дальнейшей борьбы против меня. Сталин казался ему, и не без основания, наиболее подходящим человеком для закулисной работы..."

Когда на 11-м съезде (март 1921)* Зиновьев и его ближайшие друзья проводили кандидатуру Сталина в генеральные секретари, с задней мыслью использовать его

⁸¹ Лев Троцкий. Моя жизнь. С. 457.

* Троцкий здесь допускает ошибку, поскольку XI съезд состоялся не в марте 1921г., а в марте — апреле 1922г.

враждебное отношение ко мне, Ленин в тесном кругу возражая против назначения Сталина генеральным секретарем, произнес свою знаменитую фразу. «Не советую, этот повар будет готовить только острые блюда». Какие пророческие слова! ❧

Победила, однако, на съезде руководимая Зиновьевым петроградская делегация. Победа далась ей тем легче, что Ленин не принял боя. Он не довел сопротивление кандидатуре Сталина до конца только потому, что пост секретаря имел в тогдашних условиях совершенно подчиненное значение. Своему предупреждению сам он не хотел придавать преувеличенного значения: пока оставалось у власти старое Политбюро, генеральный секретарь мог быть только подчиненной фигурой.¹⁰² ❧

Таким образом, главный противник Сталина рисует довольно странную картину всего происходившего, приводя доводы, порой поражающие свое противоречивостью. Главное возражение мое заключается в том, что Ленин, будучи в высшей степени искусным и проницательным политиком, едва ли мог поддаваться на давление со стороны Зиновьева или кого-либо другого в решении вопроса о назначении человека, который не устраивал его на посту Генерального секретаря партии. Следует принимать во внимание, что Ленин в это время уже серьезно болел и, естественно, придавал первостепенную важность назначениям на высокие партийные посты. Он, несомненно, учитывал (по крайней мере, не исключал возможности) перспективу обострения личного соперничества среди своих ближайших сподвижников. Не Троцкий, Зиновьев или Каменев были теми фигурами в руководстве, чей голос имел решающий вес при персональных назначениях вообще, а тем более такой фигуры, как Генеральный секретарь. Такой фигурой до того, как болезнь сломила его окончательно, был именно Ленин.

Если трудно было оказать серьезное влияние на Ленина в решении кадровых вопросов, когда он с ними не был согласен, то, думается, вообще несерьезно говорить о том, что назначение на пост генсека могло бы произойти против его воли. Это явная передержка и серьезное искажение действительных обстоятельств назначения Сталина. Те, кто отстаивает подобную версию, явно не в ладах ни с фактами, ни самим духом той эпохи.

Серьезные возражения вызывает и усиленное подчеркивание некоторыми авторами того, что, мол, пост генсека рассматривался в тот период чуть ли не как технический, исключительно подчиненный. Об этом уже речь шла выше. В дополнение к сказанному по этому поводу можно заметить: поборники такой точки зрения явно перегибают палку и впадают в упрощенчество. Конечно, при учреждении этого поста прежде всего ставилась цель поднять его престиж и значение в системе партийного механизма. Он, разумеется, не был решающим постом в партии, каким он стал впоследствии при Сталине. Но отнюдь и не являлся второстепенным даже в тот момент, когда он учреждался. Да и вообще, если следовать логике Троцкого, что пост генсека имел явно подчиненное значение, то тогда не совсем понятен и трудно объясним весь тот сыр-бор, разгоревшийся вокруг назначения на него Сталина. К чему тогда были все эти закулисные маневры и ходы, если речь шла всего лишь об очередном подчиненном poste в партийном аппарате? Концы здесь друг с другом как-то не вяжутся. Сама акцентировка Троцким и другими оппонентами будущего вождя на про-

¹⁰² Лев Троцкий. Сталин. Т. 2. С. 188-189.

блеме выбора Сталина на пост Генерального секретаря свидетельствует со всей определенностью — этот пост с самого его введения отнюдь не рассматривался в качестве малозначащего, а тем более технического.

В опровержение тезиса о том, что Секретариат и, соответственно, Генеральный секретарь, выполняли чуть ли не технические функции, приведу следующее свидетельство бывшего секретаря Сталина Б.Бажанова, бежавшего за границу в конце 20-х годов и опубликовавшего книгу воспоминаний, в которой львиное место уделено лично Сталину и механизму функционирования Политбюро и других органов ЦК. Воспоминания Бажанова во многом вызывают серьезные сомнения, но тем не менее немало фактов, приводимых им, могут рассматриваться если не как полностью достоверные, но все же представляющие немалый исторический интерес. Сам Бажанов вплотную соприкасался с работой Политбюро, Оргбюро и Секретариата, поэтому некоторые его наблюдения заслуживают доверия и внимания. Вот его свидетельства относительно того, как на практике разграничивались функции этих всемогущих органов ЦК, в частности о работе Секретариата:

“Функции его плохо определены уставом. В то время как по уставу известно, что Политбюро создано для решения самых важных (политических) вопросов, а Оргбюро — для решения вопросов организационных, подразумевается, что Секретариат должен решать менее важные вопросы или подготавливать более важные для Оргбюро и Политбюро. Но, с одной стороны, это нигде не написано, а с другой стороны, в уставе хитро сказано, что “всякое решение Секретариата, если оно не опротестовано никем из членов Оргбюро, становится автоматически решением Оргбюро, а всякое решение Оргбюро, не опротестованное никем из членов Политбюро, становится решением Политбюро, то есть решением Центрального Комитета; всякий член ЦК может опротестовать решение Политбюро перед Пленумом ЦК, но это не приостанавливает его исполнения.

Другими словами, представим себе, что Секретариат берет на себя решение каких-нибудь чрезвычайно важных политических вопросов. С точки зрения внутрипартийной демократии и устава ничего возразить по этому поводу нельзя. Секретариат не узурпирует прав вышестоящей инстанции — она может всегда это решение изменить или отменить. Но если Генеральный секретарь ЦК, как это произошло с 1926 года, уже держит всю власть в своих руках, он уже может не стесняясь командовать через Секретариат.”⁸³

В свете очевидных и бесспорных фактов тезис о некоей в основном технической роли Секретариата выглядит упрощением, если не сказать искажением исторической правды. Ближе к истине лежит предположение о том, что Ленин, да и его ближайшие соратники, понимали, что не так важен сам пост, как человек, который этот пост занимает. Не мог не понимать этого и ярый противник Сталина Троцкий. Однако нигде не зафиксировано, чтобы он хоть рукой пошевелил, чтобы воспрепятствовать назначению на должность Генерального секретаря Сталина. А он, по его собственным словам, близок был к Ленину, который якобы видел в нем своего потенциального преемника. (Об этом речь пойдет в следующей главе).

⁸³ Борис Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С.-Петербург. 1992. С. 29.

Складывается убеждение, что назначение Сталина на должность Генерального секретаря было осуществлено если не по личной инициативе Ленина, то при его полной и безусловной поддержке. Не исключено, а скорее всего, даже вероятно, что в лице Сталина Ленин видел фигуру, способную противостоять Троцкому, и тем самым усилить позиции самого Ленина. Ведь Ленин никогда не забывал, что не кто иной, как Троцкий выступал против него по самым острым политическим вопросам. Если в Троцком Ленин и не видел реальную угрозу своей собственной власти и своему авторитету, то всегда считался с возможностью политического противостояния с ним в наиболее кризисные и наиболее переломные моменты исторического развития. Вполне возможно, что он, стремясь избежать излишней, а тем более открытой, конфронтации с Троцким, в данном случае действовал через посредство Каменева и Зиновьева. Оба же последних при этом руководствовались скорее всего не желанием оказать политическую поддержку Сталину, черты и особенности характера которого им были прекрасно известны, и тем самым как бы ставили предел возможностям их сотрудничества с ним. Они преследовали вполне определенную, лежавшую на поверхности цель — ослабить политические позиции, вес и влияние Троцкого в партийных верхах. В Троцком они видели главного претендента на ленинское политическое наследство, на место лидера партии и государства. Это обстоятельство и перевесило чашу весов в пользу Сталина.

Однако, повторю еще раз: без явного согласия Ленина, а тем более при его сопротивлении такое назначение было немыслимым. Поэтому в некотором смысле правомерно считать, что назначение Сталина на пост Генерального секретаря было инициативой Ленина. Инициативой не прямой, а достаточно замаскированной, но тем не менее вполне определенной. Тот факт, что не сам лично Ленин формально внес это предложение объясняется просто: на заседаниях пленума ЦК часто председательствовал Каменев, и формально именно он вносил заранее уже согласованные предложения.

Вот как проходил пленум ЦК, избравший Сталина Генеральным секретарем. Приводимые факты взяты из книги Д.Волгогонова. Книги, возможно, единственным, но существенным достоинством которой является то, что автор ввел в научный оборот много архивных источников, ранее бывших недоступными исследователям. (Но оказавшихся вполне доступными, в том числе и в Архиве Президента РФ, не кому-либо иному, а именно Волгогонову.)

Д.Волгогонов сообщает: «На Пленуме ЦК присутствовали его члены: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Дзержинский, Петровский, Калинин, Ворошилов, Орджоникидзе, Ярославский, Томский, Рыков, А.А. Андреев, А.П. Смирнов, Фрунзе, Чубарь, Куйбышев, Сокольников, Молотов, Коротков. Участвовали в заседании и кандидаты в члены ЦК: Киров, Киселев, Кривов, Пятаков, Мануильский, Лебедь, Сулимов, Бубнов, Бадаев и член ЦКК Сольц».

Заслушали и приняли решение по нескольким вопросам. Первый: «Конституирование ЦК». О председателе:

«Подтвердить единогласно установившийся обычай, заключающийся в том, что ЦК не имеет председателя. Единственными должностными лицами ЦК являются секретари; председатель же избирается на каждом данном заседании».

Затем обсудили вопрос: почему на списке членов ЦК, избранных съездом, есть отметки о назначении секретарями тт. Сталина, Молотова и Куйбышева? Каменев

разъяснил (Пленум принял к сведению), что «им во время выборов, при полном одобрении съезда было заявлено, что указание на некоторых билетах на должности секретарей не должно стеснять Пленум ЦК в выборах, а является лишь пожеланием известной части делегатов». *Прежде всего это «пожелание» исходило от Каменева, Зиновьева и, негласно, от Сталина.* (Курсивом выделен комментарий, принадлежащий Волкогонову — Н. К.).

Далее в протоколе Пленума ЦК говорится:

«Установить должности Генерального секретаря и двух секретарей. Генеральным секретарем назначить т. Сталина, секретарями тт. Молотова и Куйбышева».

В протоколе, ниже, рукой Ленина записано:

“Принять следующее предложение Ленина:

ЦК поручает Секретариату строго определить и соблюдать распределение часов официальных приемов и опубликовать его, при этом принять за правило, что никакой работы, кроме действительно принципиально руководящей, секретари не должны возлагать на себя лично, перепоручая таковую работу своим помощникам и техническим секретарям.

Тов. Сталину поручается немедленно приискать себе заместителей и помощников, избавляющих его от работы (за исключением принципиального руководства) в советских учреждениях.

ЦК поручает Оргбюро и Политбюро в 2-х недельный срок представить список кандидатов в члены коллегии и замы Рабкринна с тем, чтобы т. Сталин в течение месяца мог быть совершенно освобожден от работы в РКИ...”

На следующий день, 4 апреля, в “Правде” было сообщено:

Секретариатом ЦК утвержден следующий порядок приема в ЦК ежедневно с 12 — 3 час. дня: в понедельник — Молотов и Куйбышев, во вторник — Сталин и Молотов, в среду — Куйбышев и Молотов, в четверг — Куйбышев, в пятницу — Сталин и Молотов, в субботу — Сталин и Куйбышев.

Адрес ЦК: Воздвиженка, 5.

Секретарь ЦК РКП Сталин⁸⁴.

Я не берусь комментировать те пояснения, которые дает Волкогонов. Они, на мой взгляд, продиктованы общей направленностью его книги, поэтому едва ли есть резон вступать с ним в дискуссию в данном случае. Свои принципиальные соображения относительно мотивов Каменева и Зиновьева при избрании Сталина я уже высказал выше. Здесь же хочу подчеркнуть, что никто из членов ЦК не выступил против предложенной кандидатуры. У кого-то может сложиться мнение, что вообще голосование при выборах исполнительных органов ЦК носило сугубо формальный характер, было, так сказать, протемпелеванием заранее оговоренного решения.

Но это не соответствует действительности. В подтверждение приведу обмен записками между Каменевым и Лениным, состоявшийся как раз на этом же пленуме, который избирал Сталина. В записках речь идет о введении А.И. Рыкова в состав членов Политбюро. Вот их содержание:

⁸⁴ Дмитрий Волкогонов. Сталин. Книга 1. С. 133-134.

“3 апреля 1922 г.

Записка Л.Б.Каменева

Рыкова именно за его сегодняшнюю гнусную речь нельзя бы вводить! Но если не введем, — будет, пожалуй, вечная болячка.

Л.К[аманев].

Записка В.И.Ленина

Если Рыкова не введем — вечная болячка. Тогда Вы должны найти иного зампред С[овета] Н[ародных] К[омиссаров]

Калинин — кандидат.

Ленин.

Записка Л.Б.Каменева

Придется Рыкова.”⁸⁵

Из этого обмена записками определенно явствует, что процесс избрания новых членов высшего партийного руководства не носил сугубо формального характера. Конечно, важную роль играло предварительное согласование кандидатур между членами самого узкого состава руководства. Однако даже такое предварительное согласование еще не предопределяло полное единодушие при голосовании. И протоколы некоторых предыдущих голосований подтверждают этот факт. Тем более странным было бы единодушное избрание Сталина, если бы кто-либо из членов Политбюро или ЦК имел возражения против его кандидатуры.

Так что, завершая эпопею с вознесением Сталина на пост Генерального секретаря, хочу подчеркнуть, что оно явилось итогом согласованного решения. Причем принято было без возражений с чьей-либо стороны. С учетом всего этого это избрание было с точки зрения норм партийного устава вполне правомерным и не могло вызывать каких-либо возражений. По крайней мере на том этапе не было буквально никаких оснований утверждать, что он путем закулисных маневров и гнилых компромиссов сумел проложить себе путь к должности Генерального секретаря ЦК партии. Позднейшие же обвинения его в том, что он узурпировал власть в партии, опираясь на должность Генерального секретаря, — это уже предмет совсем иного рода. Предмет, требующий специального рассмотрения.

В качестве своеобразного аккорда, касающегося рассматриваемой темы, позволю себе привести оценку первых шагов работы Сталина на посту Генерального секретаря, данную человеком, имевшим возможность наблюдать эту работу Сталина не со стороны, а изнутри. Речь идет о А.М.Назаретяне, старом большевике, хорошо знакомому Сталину по совместной подпольной работе в Закавказье. Именно Назаретян был выбран Сталиным в качестве заведующего своим собственным секретариатом. В письме от августа 1922 года (т.е. буквально через 3-4 месяца после вступления Сталина в свою новую должность) Назаретян писал своему другу С.Орджоникидзе: “Коба меня здорово дрессирует. Прохожу большую, но скучнейшую школу. Пока из меня вырабатывает совершеннейшего канцеляриста и контролера над исполнением решений

Полит. Бюро, Орг. Бюро и Секретариата. Отношения как будто не дурные. Он очень хитер. Тверд, как орех, его сразу не раскусишь. Но у меня совершенно иной на него взгляд теперь, чем тот, который я имел в Тифлисе. При всей его, если так можно выразиться, разумной дикости нрава, он человек мягкий, имеет сердце и умеет ценить достоинства людей. Ильич имеет в нем безусловно надежнейшего цербера, неустрашимо стоящего на страже ворот Цека РКП. Сейчас работа Цека значительно видоизменилась. То, что мы застали здесь — неопишимо скверно. А какие у нас на местах были взгляды об аппарате Цека? Сейчас все перетряхнули. Приедешь осенью, увидишь.

Но все же мне начинает надоедать это «хождение под Сталиным» — последнее модное выражение в Москве — касается лиц, находящихся в распоряжении Цека и не имеющих еще назначения, висящих, т[ак] сказать, про них говорят так: «ходит под Сталиным». Правда, это применимо ко мне на половину, но все же канцелярщина мне по горло надоела. Я ему намекал. Ва, говорит, только месяц еще. Потом.⁸⁶

Письмо весьма колоритное и содержательное. Причем в нем трудно уловить даже малейшие оттенки какого-то подобострастия или преувеличения. Оно рисует картину разительных перемен, внесенных Сталиным в работу Секретариата ЦК. Но особое внимание хочется обратить на характеристику Сталина как «надежнейшего цербера», выполнявшего установки Ленина. Здесь автор едва ли допускает преувеличение. Но все же оценка его страдает некоей односторонностью. Фигурально выражаясь, Сталин был не только надежным цербером, защищавшим ворота ЦК, но методично шаг за шагом создававшим фундамент своей собственной власти. И главным инструментом в достижении этой цели была сфера подбора и распределения партийных, государственных, хозяйственных и иных кадров. Эту сферу деятельности он, что представляется очевидным, рассматривал в качестве своей основной задачи.

А то, что он умел, не считаясь с трудностями, преодолевая все преграды, методично, шаг за шагом идти к достижению своих целей, — это подтверждала вся его предшествующая политическая деятельность. Не сам Сталин создал должность Генерального секретаря, но именно он придал ей тот политический вес и значимость, благодаря которым он сумел создать для себя прочную и надежную основу в предстоявшей борьбе за власть в партии. Причем эта борьба уже не маячила где-то на далеком горизонте. Она неумолимо приближалась, обретая вполне реальные и суровые очертания.

В своей политической карьере Сталин вступал в новую фазу. Успех открывал перед ним возможности, о которых он, очевидно, тогда и не мечтал. Поражение же, с эвентуальной вероятностью которого также приходилось считаться, если и не означало его полного крушения, то низводило бы до уровня партийного функционера довольно высокого уровня. Но не больше того. При поражении он из политической фигуры первой величины превращался в заурядного партийного деятеля, имя которого сейчас никому ничего не говорило бы. Сказать, что на карту было поставлено многое — значит ничего не сказать. На карту была поставлена вся его политическая судьба, а, возможно, и его политическое долголетие.

Сталин энергично взялся за реорганизацию аппарата ЦК. Строительство разветвленного и эффективного аппарата он считал одной из центральных задач, требующих своего решения. Ключевые положения своей политики в области организации аппарата и вообще работы с кадрами он изложил в "Организационном отчете Центрального Комитета РКП(б)", с которым он выступил на XII съезде партии в апреле 1923 года. В этом отчете не только сформулированы принципиальные установки Сталина по кадровым и другим организационным вопросам, но и как бы подведены итоги его деятельности на новом посту за год. Сталин четко сформулировал свою исходную идею: "... в политической области для того, чтобы осуществить руководство авангарда класса, т. е. партии, необходимо, чтобы партия облегалась широкой сетью беспартийных массовых аппаратов, являющихся щупальцами в руках партии, при помощи которых она передаёт свою волю рабочему классу, а рабочий класс из расплывлённой массы превращается в армию партии."⁸⁷ Иными словами, партийный аппарат становился стержнем всех остальных систем государственной, профсоюзной, молодежной, сельской жизни. Разумеется, сюда включались аппараты, осуществлявшие руководство экономической, идеологической, культурной и иных сфер жизнедеятельности страны. Аппарат, таким образом, рассматривался в качестве главного и ведущего элемента вообще всей системы управления.

Никто, будучи в здравом уме, не станет отрицать важную роль аппарата в организации функционирования партийных, государственных, экономических и иных систем. Все, однако, зависит от того, какое место этот аппарат занимает по отношению к тем системам, обслуживать которые он был призван. Если он, будучи составной частью этих систем, играет организующую роль, а не выступает в качестве своего рода демиурга, то в этом не было бы ничего предосудительного или ошибочного. Но если он сам превращается в некоего творца, определяющего все и вся, то это уже совершенно иной колленкор, иная постановка вопроса. Именно в этот период у Сталина окончательно формируется убеждение: аппарат является главным инструментом как для достижения власти, так и для ее сохранения в своих руках. Аппарат стал альфой и омегой политической стратегии Сталина, одной из фундаментальных основ всего его политического мирозерцания. Отнюдь не оговоркой, а органической частью его понимания всего комплекса этих вопросов, стали слова Сталина "о партии, как организме, и партии, как аппарате."⁸⁸

Начал он свою работу по перестройке аппарата с кадровой перетряски в самих структурных подразделениях Центрального Комитета партии. Сейчас уже невозможно с полной достоверностью нарисовать картину этой кадровой миниреволюции. Но довольно убедительно говорят за себя такие цифры, приведенные на XII съезде партии в отчете ревизионной комиссии, с которым выступил ее председатель В.П.Ногин: "Обращаясь к вопросу о штатах ЦК, приведу такую справку: на 1 марта 1922 г. состояло 705 служащих, на 1 марта 1923 г.—741; за этот период уволено 1498 человек. Получается какое-то противоречие, но оно объясняется тем, что вообще служащие ЦК долго не засиживаются, так как там очень много проходящих, командированных, уходящих в учебные заведения."⁸⁹

⁸⁷ И.В.Сталин. Соч. Т. 5. С. 198.

⁸⁸ Там же. 5. С. 214.

⁸⁹ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 79.

Если проанализировать приведенные цифры, то получается, что численность аппарата ЦК со времени назначения Сталина на пост Генерального секретаря увеличилась всего на 30 с лишним человек, т.е. здесь не заметно каких-то кардинальных перемен, и поэтому нельзя говорить о кадровой революции. А вот состав этого аппарата обновился в два раза, что, на мой взгляд, имеет куда более принципиальное значение, чем незначительное увеличение численности. Ссылка Ногина на обычную текучесть аппарата ЦК как-то не убеждает или, по меньшей мере, убеждает не в полной мере. Логичнее и — это будет ближе к истине — предположить, что Сталин сразу же приступил к обновлению самих кадров, ставя на различные, прежде всего ключевые посты, людей лично преданных ему или близких к нему по политическим воззрениям. То, что это было именно так, не вызывает серьезных сомнений у большинства биографов Сталина.

Осуществлял он меры и иного плана, но нацеленные на одну и ту же цель — увеличить власть аппарата и его представителей на местах. Так, уже 6 июня 1922г. на места было разослано утвержденное Секретариатом и Оргбюро “Положение об ответственных инструкторах ЦК РКП (б)”, по которому инструкторы наделялись весьма широкими правами в отношении выборных партийных органов на местах, а подотчетны они были орготделу ЦК, т.е. аппарату. Вскоре аналогичная система назначаемых инструкторов была создана и на нижних уровнях партийной иерархии вплоть до уездов.⁹⁰ Сталин прекрасно понимал, что между политической линией и ее реализацией на практике лежит дистанция огромного размера. И ставил выработку практических мер по реализации политической линии, если не на первый план, то уж во всяком случае непосредственно после задачи выработки правильной политической линии. Важно при этом, по его мнению, обеспечить практическое осуществление таких мер на местах, ибо в противном случае все усилия пойдут прахом. “После того как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками.”⁹¹

Следующим важнейшим направлением деятельности Сталина, нацеленной на создание прочных позиций в партии не только в центре, но и на местах, явились его практические шаги по укреплению связей Секретариата с губкомами партии и другими нижестоящими организациями. В губкомах он видел “основную опору нашей партии.”⁹²

В заключение хочется остановиться еще на одном весьма примечательном моменте в политической стратегии Сталина в этот период. Хотя, надо сказать, что данная особенность была характерна не только для рассматриваемого периода, а являлась одним из излюбленных инструментов Сталина в проведении всей его политики и в дальнейшем. Речь идет о трениях и склоках как сталинском политическом инструментарии, о том, как он сам расценивал роль и значение трений и склок в ходе поли-

⁹⁰ **Власть и оппозиция.** С. 115.

⁹¹ *И.В. Сталин.* Соч. Т. 5. С. 210.

⁹² *И.В. Сталин.* Соч. Т. 5 С. 215.

тической борьбы. В скобках надо заметить, что в тот период многие местные организации были поражены этой болезнью, и ЦК и его органы постоянно занимались разбором и урегулированием этих конфликтов.. Тогда склоки и конфликты являлись необъемлемой и наиболее характерной чертой всей партийной жизни. Причем, можно добавить, что склоки и трения не были лишь привилегией местных партийных организаций, они в не меньшей мере были присущи и самому ЦК и его руководящим органам. Так что рассуждения Сталина имеют двойную ценность, характеризую его понимание борьбы в самой верхушке большевистского руководства.

Высказывание Сталина стоит того, чтобы привести его полностью, ибо в дальнейшем оно поможет уяснить и понять многие его политические шаги и маневры.

Итак, Сталин с макиавеллистской откровенностью рассуждал перед делегатами высшего форума большевистской партии: «Говорят о склоках и трениях в губкомах. Я должен сказать, что склоки и трения, кроме отрицательных сторон, имеют и хорошие стороны. Основным источником склок и дразг является стремление губкомов создать внутри себя спаянное ядро, сплочённое ядро, могущее руководить без перебоев. Эта цель и это стремление являются вполне здоровыми и законными, хотя добиваются их часто путями, не соответствующими целям. Объясняется эта разнородностью нашей партии, — тем, что в партии имеются коренники и молодые, пролетарии и интеллигенты, центровые и окраинные люди, люди разных национальностей, причём все эти разнородные элементы, входящие в губкомы, вносят различные нравы, традиции, и на этой почве возникают трения, склоки. Всё же 9/10 склок и трений, несмотря на неопозволительность их форм, имеют, здоровое стремление — добиться того, чтобы сколотить ядро, могущее руководить работой. Не нужно доказывать, что если бы таких руководящих групп в губкомах не было, если бы всё было сколочено так, чтобы «хорошие» и «плохие» уравновешивали друг друга, — никакого руководства в губернии не было бы, никакого продналога мы не собрали бы и никаких кампаний не провели бы. Вот та здоровая сторона склок, которая не должна быть заслонена тем, что она иногда принимает уродливые формы. Это не значит, конечно, что партия не должна бороться со склоками, особенно когда они возникают на личной почве.»⁹³

На базе изложенного можно заключить, что Сталин к моменту занятия им поста Генерального секретаря имел четкую и продуманную систему совершенствования работы аппарата партии. Как никто другой в большевистском руководстве, он понимал потенциальную роль партийного аппарата. Он уже явственно видел, что еще до его прихода на работу в Секретариат четко и определенно обозначилась тенденция возрастания роли аппарата во всех сферах партийной и государственной жизни. И этот процесс был порожден не прихотями и пожеланиями того или иного политика, а самым закономерным фактом возрастания удельного веса и значимости новой советской бюрократии в жизни страны.

После прихода Сталина на работу в Секретариат там действительно наступили серьезные позитивные перемены. Разумеется, если их толковать с точки зрения усиления роли аппарата, улучшения подбора кадров и т.д., а не под углом зрения развития демократических принципов и начал в его работе. Но в тот период бюрократия

⁹³ Там же. С. 216-217.

как своего рода опора новой власти нуждалась прежде всего именно в таком укреплении партийного аппарата. Эти перемены к лучшему были оценены на XII съезде партии, где в отчете ЦРК по данному вопросу констатировалось следующее:

“Подводя общие итоги работы аппаратов центральных учреждений РКП за время с XI по XII съезд, ЦРК признает, что за истекший период Секретариат ЦК достиг значительного улучшения работы всего аппарата, что повело к более правильному разделению труда внутри его и вместе с тем установило большую связь между отделами и подотделами, а также укрепило и развило связь аппарата с местами, позволив ему быстрее и полнее учитывать широкий опыт партийных организаций и правильно реагировать на выдвигаемые жизнью требования.”⁹⁴

Вместе с тем, в отчете ЦРК отмечалось, что при огромном числе вопросов, ставившихся перед различными органами ЦК, члены Оргбюро и Секретариата не имели реальной возможности вникать в существо этих вопросов и вынуждены были полагаться на предложения, вносившиеся соответствующими отделами. В связи с этим предусматривалось сделать так, чтобы важнейшие отделы ЦК возглавлялись членами ЦК партии. Эта мера, как мыслилось, должна была повысить роль отделов и авторитетность предлагаемых ими проектов решений по тем или иным вопросам.

С точки же зрения самого Сталина подобная мера была несомненно в его интересах. Поскольку он лично и непосредственно направлял работу всех отделов, заведующие отделами находились в его прямом подчинении и несли ответственность прежде всего перед ним. Побудительной причиной такого рода предложения служило стремление поставить какие-то преграды на пути роста и укрепления бюрократизма. В отчете ЦРК прямо говорилось, что в противном случае “в настоящей своей постановке партийный центр будет развиваться в сторону партийного бюрократизма, когда важнейшие вопросы фактически решаются лицами, не избранными съездом и перед ним не ответственными.”⁹⁵

Следует подчеркнуть, что уже в то время в некоторых партийных кругах явно обозначились опасения роста бюрократизации партийного, да и не только партийного, аппарата. Дальновидные люди понимали, что таит в себе подобная практика. Серьезные опасения на этот счет на съезде высказал один из ближайших сторонников Троцкого Е.А.Преображенский. Вот что он сказал на XII съезде партии по данному вопросу: “В заключение два слова относительно доклада т. Сталина. Доклад т. Сталина был чрезвычайно содержательным, — я бы сказал, что это был очень умный доклад. Но докладчик, по-моему, не коснулся одного вопроса, имеющего опасную сторону. Дело идет о следующем. Вы, товарищи, должны знать, что у нас приблизительно 30% всех секретарей наших губкомов являются секретарями, как это принято выражаться, «рекомендованными» Центральным Комитетом. Я очень боюсь, товарищи, что если так дело пойдет дальше, и практика «рекомендаций» превратится в систему, то у нас может получиться то, что есть в некоторых организациях: товарищи, которые прибыли на места и которые не встречают достаточной поддержки, — часто совершенно неосновательно не встречают поддержки, в результате группируют вокруг себя некоторых товарищей, которые расходятся с местными, и в результате у нас вытекает

⁹⁴ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 82.

⁹⁵ Там же. С. 83.

получается государство в государстве. Я не знаю, насколько этот процесс далеко шагнул. Но есть несколько организаций, в которых это имелось. Я думаю, право Центрального Комитета на переброску, на усиление некоторых организаций, на раскассирование тех, которые на важнейших участках, чрезвычайно важных и опасных, теряют работоспособность, бесспорно, но вводить в систему то, что является исключением, что должно быть результатом крайней необходимости и что партии политически опасно, ни в каком случае не следовало бы.⁹⁶

Но все эти опасения были лишь первыми, причем еще довольно мягкими попытками, указать на зловещую опасность, которую таит в себе бюрократизация. И как одно из ее важнейших проявлений — начавшаяся широко внедряться практика подмены принципа выборности назначением. Без всякого преувеличения можно сказать, что Сталин, хотя и не был автором этого древнего как мир порядка вещей, то, несомненно, являлся не просто мастером, а непревзойденным гроссмейстером такого рода административных приемов.

Опыт работы Сталина на посту Генерального секретаря был чрезвычайно ценным подспорьем в предстоявшей борьбе за власть, которая обретала все более зримые и явственные очертания. Он был готов к этой борьбе, как говорится, во всеоружии. В его политической биографии намечался новый этап, открывавший потенциальную перспективу стать преемником Ленина в партии, а значит — и в государстве.

В середине 90-х годов прошлого столетия увидели свет довольно объемистые воспоминания Л.Кагановича — в 20-е годы одного из ближайших помощников Сталина по работе в Секретариате. От них можно было ожидать многого. Однако, к сожалению, они производят впечатление банального пересказа общеизвестных фактов. Почти ничего нового в освещении проблем той эпохи они не вносят. Хотя Л.Каганович, может быть, больше, чем кто-либо другой, мог пролить свет на многие загадочные страницы истории тех дней. Трудно сказать, почему один из ближайших на протяжении целых десятилетий соратников Сталина избрал именно такой путь — вместо освещения интереснейших событий в партии и стране, во что он мог внести свой весомый вклад, он пошел по торному пути повторения или пересказа опубликованных партийных решений и материалов. Но, как говорится, каждому — свое.

И тем не менее, стоит привести общую оценку работы Сталина на посту генсека, даваемую в воспоминаниях Л.Кагановича: «Естественно, что сразу же после XI съезда Секретариат, Оргбюро ЦК занялись перестройкой самого содержания и организационных форм работы ЦК и местных партийных организаций, если можно так выразиться, усовершенствованием, наладкой инструмента руководства. Секретариат ЦК непосредственно повседневно занимался этим делом. Должен сказать, что я был вначале удивлен и особо удовлетворен тем, что Сталин не ограничивался общими указаниями, а скрупулезно вникал в конкретную разработку решений, давал свои дополнения и изменения во вносимые отделами, комиссиями ЦК проекты перестройки аппарата местных организаций и их работы. Сталин поднимал этот вопрос на принципиальную высоту, подчеркивая, что есть немало людей, недооценивающих значение аппарата в руководстве, не говоря уже о меньшевистствующих, анархистствующих и иных оппозиционных группах в партии, которые доходят до нелепого антипартий-

⁹⁶ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 145-146

ного требования ликвидации или такого ослабления партийного аппарата, которое привело бы к подрыву силы партии, ее идейно-большевистского организационного руководства всеми органами диктатуры пролетариата и срыву осуществления генеральных Ленинских задач победы над капиталистическими элементами и построения социализма”⁹⁷.

В качестве своеобразного заключительного аккорда приведу отрывок из рассказа Л.Кагановича писателю Ф.Чеву с идиллическим описанием поведения Сталина в первые годы его работы на посту Генерального секретаря. Этот рассказ Л.Кагановича по стилю и духу резко контрастирует с его же суконными воспоминаниями:

“Для меня, например, самым приятным, ну, таким любовным периодом отношений был период моей работы с 1922-го по 1925-й годы. В этот период я у него часто бывал, часто заживал. Он занимался организаторской работой очень усиленно. Я был его рукой, так сказать, это описано у меня в воспоминаниях очень подробно.

Это был период, когда мы работали сначала на Воздвиженке, а потом переехали на Старую площадь, засиживались до двенадцати, до полпервого, до часу, потом идем пешком в Кремль по Ильинке. Иду я, Молотов, Куйбышев, еще кто-то. Идем по улице, помню, зимой, он в шапке-ушанке, уши трепались... Хохочем, смеемся, что-то он говорит, мы говорим, шутки бросаем друг другу, — так сказать, вольница. Посмотрели бы со стороны, сказали: что это за компания? Охраны почти не было. Совсем мало было. Ну, один-два человека шли, все. Даже охраны мало было. Этот период такой был. Веселый период жизни. И Сталин был в хорошем настроении. Мы засиживались иногда в застолье...”⁹⁸

Известно, что Сталин был отменным любителем застолий, хотя, вопреки распространяемым басням, и не отличался склонностью к пьянству. Часто во время застолий возникали и решались важные партийные и государственные проблемы. В тот период, когда Сталин вознесся на пост Генерального секретаря, очевидно, ему было не до застолий. Перед ним лежало политическое поле, усыпанное неизвестными сюрпризами и всякого рода неожиданными подвохами. И это поле ему предстояло пересечь. Он, вне всякого сомнения, сознавал, что его новый пост не служит безусловной гарантией будущего политического триумфа, а является всего лишь одной из предпосылок, которые надо было еще реализовать.

— 191 —

— 191 —

⁹⁷ *Лазарь Каганович. Памятные записки. М. 1996. С. 256.*

⁹⁸ *Феликс Чув. Как говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М. 1992. С. 190*

Глава 11

БОРЬБА ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЛЕНИНА

1. Характер отношений между Лениным и Сталиным

Прежде чем непосредственно перейти к одной из самых драматических и вместе с тем самых судьбоносных страниц в политической биографии Сталина, хочу кратко пояснить, какое содержание я вкладываю в само понятие “борьба за политическое наследие Ленина”. Это понятие следует толковать не в узком, не в буквальном, а в самом широком смысле. Оно включает в себя борьбу Сталина и его соперников за то, чтобы стать преемником Ленина на посту вождя партии и руководителя Советского государства. Однако одним этим оно не исчерпывается. В более широком контексте оно далеко выходит за рамки только личной борьбы за овладение высшей властью в партии и стране. Личные мотивы, личные амбиции и претензии, бесспорно, играли значительную роль в событиях, связанных с болезнью Ленина и ожесточеннейшей схваткой, развернувшейся чуть ли не у постели умиравшего вождя.

Предметом этой борьбы являлась не одна лишь возможность занять уникальное место покидавшего историческую сцену вождя, но и — что особенно важно — вопрос о выборе стратегического курса будущего развития страны. На весах истории лежала не только судьба отдельных политических фигур, но, по существу, судьба страны, то, какое генеральное направление развития она изберет не только в ближайшей, но и в отдаленной перспективе. Именно это обстоятельство предопределяло как масштабы, так и остроту, а также некоторые другие особенности развернувшейся политической схватки. Не уяснив себе этого обстоятельства и сведя существо противоборства сторон в тот период исключительно к личной борьбе за власть между претендентами на ленинское политическое наследие, невозможно дать объективно верную оценку событиям тех далеких лет.

Если говорить обобщенно, то на деле речь шла о противостоянии (вначале еще не четко обозначившемся) двух полярно противоположных линий. Первая из них, наиболее последовательным и решительным выразителем которой являлся Сталин, в качестве главной стратегической цели ставила укрепление и развитие единого многонационального государства, сплоченного и централизованного настолько, чтобы суметь выстоять в смертельной схватке с любыми враждебными силами, будь то внутренняя контрреволюция, будь то внешняя агрессия. Эту линию можно условно назвать стратегией государственного созидания.

Вторая линия, наиболее видным выразителем которой был Троцкий, во главу угла ставила не внутреннее строительство, поскольку оно представлялось бесперспективным в капиталистическом окружении, а всемерное разжигание пожара мировой революции. В последней они видели единственную надежду на гарантию существования и развития Советской власти. Но если договаривать до конца то, о чем предпочитали умалчивать поборники данной стратегической линии, то и само существование Советской власти им представлялось не главной целью. Таковую они усматривали в разжигании мировой революции, в грандиозном пламени которой Советской России уготовливалась роль горячего материала.

Арбитром в этом важнейшем споре, носившем не столько теоретический, сколько практический характер, выступал и мог выступать только Ленин — как общепризнанный теоретик и вождь партии. У самого Ленина по данному вопросу были довольно противоречивые взгляды: в его трудах можно найти как прямые и однозначные высказывания о том, что без помощи революции в европейских странах, судьба социалистического строительства в нашей стране с неизбежностью обречена на поражение. Встречаются (особенно после перехода к новой экономической политике) и мысли, которые можно истолковать в пользу того, что и в условиях капиталистического окружения перспективы социалистического строительства представляются не фатально безнадежными. Короче говоря, по данному вопросу в трудах вождя можно почерпнуть аргументы как в пользу первой, так и второй перспективы.

Конечно, нельзя абстрагироваться от конкретных обстоятельств того периода, но все-таки есть основания предполагать, что борьба этих двух полярно противоположных стратегических линий в большевистской верхушке была бы неизбежна даже и в том случае, если бы Ленин не заболел и дальше оставался у руля руководства. Такое столкновение было заложено в самом объективном содержании исторического периода, который переживала Россия. Болезнь, а затем и смерть Ленина лишь придали этой неизбежной борьбе особую остроту, исключительный накал, внесли в нее много личного противоборства соратников вождя. Поскольку это столкновение двух линий во многом окрашивалось в личные тона, постольку и само это противостояние зачастую рассматривалось и до сих пор некоторыми историками рассматривается преимущественно в разрезе противостояния личностей. Действительно имевший место элемент борьбы между отдельными личностями в результате такого подхода приобретает приоритет и затеняет собой гораздо более важный факт, а именно то, что речь шла прежде всего и главным образом о выборе путей дальнейшего развития страны в целом. Подобная подмена — одна из причин неадекватной исторической действительности оценки природы и содержания всей эпопеи схватки за ленинское политическое наследие.

Такова, на мой взгляд, исходная посылка, на базе которой и стали в дальнейшем развиваться события в партии и стране. И именно она, эта посылка, в конечном счете концентрировала в себе основные корни и причины внутривнутрипартийной борьбы, развернувшейся в дальнейшем. Сюда примешивались и другие привходящие обстоятельства, но не они окрашивали в свои цвета историческую картину того времени.

Оттеняя политическое содержание схватки “диадочов”, я ни в коей мере не хочу тем самым отбросить прочь или преуменьшить значение и чисто личных элементов в развернувшейся борьбе. Эти личные моменты были налицо и играли отнюдь не последнюю роль. Но зачастую они как бы невольнo затеняли, затуманивали главное содержание событий тех лет. И это имеет свое объяснение, поскольку в канву противоборства политических линий вплетались, а зачастую и выдвигались на первый план моменты чисто личного свойства.

Да и где мы встретим политическую борьбу в своем идеально чистом, так сказать, абстрагированном виде! Она всегда и всюду окрашивается в тона и оттенки личностей, участвующих в ней. И иначе не может и быть, поскольку на поле противоборства сталкиваются не какие-то абстрактные величины, а реальные политические деятели со всеми своими достоинствами и недостатками.

При рассмотрении всех перипетий борьбы за политическое наследие Ленина необходимо учитывать соразмерную роль и значение упомянутых выше фактов и обстоятельств. Было бы упрощением и искажением действительности видеть одно и упускать из поля зрения другое. Все указанные факторы были органически взаимосвязаны и влияли друг на друга, поэтому их следует и рассматривать в естественной взаимосвязи.

Оценивая в исторической ретроспективе глубинные причины и корни конфликта между Лениным и Сталиным, следует хотя бы с самым общим виде коснуться вопроса о том, носил ли этот конфликт по преимуществу политический характер или же был обусловлен главным образом личными моментами. На этот счет в сталинской историографии превалирующей является точка зрения, что этот конфликт носил политический характер. Считается, что он был вызван коренными расхождениями между Лениным и Сталиным по политическим и стратегическим направлениям развития партии и страны.

Я не склонен считать первоосновой и первопричиной данного конфликта факторы политического порядка. Хотя, конечно, они имели место и сыграли свою роль. Однако сам характер этих политических разногласий был таков, что в общем он вполне укладывался в рамки общей политической стратегии, которой придерживался на протяжении многих лет сам Ленин. Правильнее было бы считать, что это были политические разногласия тактического плана, которые не предопределяли с неизбежностью политического разрыва между ними. Ведь не кто иной, как Ленин был создателем той системы, на базе которой в дальнейшем при Сталине осуществлялось развитие страны. Сталин действительно был верным и последовательным учеником Ленина. Конечно, он во многом унаследовал и развил фундаментальные принципы политической стратегии и тактики, основоположником которой являлся сам Ленин. И вообще надо заметить, что многие стороны партийной жизни, ставшие доминирующими при Сталине, были заложены самим Лениным. Поэтому, говоря об источниках противостояния между Лениным и Сталиным в последние годы жизни Ленина, можно с достаточным основанием утверждать, что политические разногласия между ними носили преимущественно тактический характер. И те, кто делает акцент на глубоких, чуть ли не диаметрально противоположных исходных политических позициях обоих вождей, допускает, на мой взгляд, явное упрощение, если не сказать искажение.

Одним из немногих, причем достаточно серьезных, предметов их политических расхождений, являлся вопрос об оценке роли великодержавного шовинизма и национализма во всей системе государственного строительства. Здесь не просто различия, а расхождения принципиального плана, были налицо. Причем, надо отметить, что дело сводилось не к теоретической трактовке опасности шовинизма или национализма как таковых. И Ленин, и Сталин, стояли здесь на одной платформе. Нюансы, а зачастую именно в нюансах и проявляется сущность разногласий, заключались в относительной оценке опасности того и другого в условиях начала построения многонационального Советского государства. Короче говоря, Ленин видел в великодержавном шовинизме основную угрозу для будущего Союза. Сталин же придерживался иной позиции, делая акцент на борьбе против национализма как основной опасности устойчивого многонационального государства.

В предыдущих главах под разными углами зрения уже затрагивалась данная проблема. В настоящей главе она будет рассмотрена более обстоятельно, поскольку

это важно не только для раскрытия содержания конфликта между Лениным и Сталиным, но и для понимания всей будущей истории развития Советского Союза.

Как я уже заметил, акцент на политических корнях конфликта Ленин — Сталин мне представляется недостаточно обоснованным и убедительным в силу указанных выше причин. Я склонен думать, что факторы чисто личного свойства сыграли здесь доминирующую роль и придали этому конфликту такой размах и такую остроту. Личные качества и особенности обоих лидеров сыграли здесь свою роковую роль.

На личных качествах и особенностях Сталина как политического деятеля я уже останавливался не раз, поэтому не буду повторяться. Тем более что о них будет идти речь в дальнейшем в связи с так называемым ленинским завещанием.

За рамки моей темы выходит вопрос о характеристике Ленина как политика и человека. Это — предмет специального исследования, и на этот счет написано много работ. Здесь я хочу лишь коснуться некоторых особенностей его как политического деятеля и личности, которые, на мой взгляд, самым существенным образом повлияли на само зарождение и эволюцию конфликта между ним и Сталиным. В советский период, как известно, фигура Ленина рисовалась исключительно светлыми красками и не допускалось даже малейшее проявление каких-либо критических замечаний в его адрес. А между тем без учета некоторых его черт как политика и как человека трудно дать вполне достоверную и объективную оценку рассматриваемому нами вопросу.

Сошлюсь на мнение Г.В.Плеханова, близко знавшего Ленина, тесно сотрудничавшего с ним на протяжении многих лет и затем оказавшегося в стане его политических противников. В своем политическом завещании, написанном незадолго до смерти (1918г.) он дал следующую характеристику Ленина как политического деятеля и как человека: «Ленин — цельный тип, который видит свою цель и стремится к ней с фанатической настойчивостью, не останавливаясь ни перед какими препятствиями. Он весьма умен, энергичен, чрезвычайно трудоспособен, не тщеславен, не меркантилен, но болезненно самолюбив и абсолютно нетерпим к критике. «Все, что не по Ленину, « подлежит проклятию!» — так однажды выразился М.Горький. Для Ленина каждый, кто в чем-то с ним не согласен, — потенциальный враг, не заслуживающий элементарной культуры общения...

Ленин — типичный вождь, воля которого подавляет окружающих и притупляет его собственный инстинкт самосохранения. Он смел, решителен, никогда не теряет самообладания, тверд, расчетлив, гибок в тактических приемах. В то же время он аморален, жесток, беспринципен, авантюрист по натуре. Следует, однако, признать, что аморальность и жестокость Ленина исходят не от его личной аморальности и жестокости, а от убежденности в своей правоте.»¹

Я не стану давать оценку степени обоснованности и справедливости приведенной характеристики. Замечу лишь, что в политической ее части скорее всего доминирует враждебное отношение Плеханова к большевикам и Ленину как к своим противникам и оппонентам. Обращаю внимание лишь на констатацию такого качества, как нетерпимость к критике. Это качество, бесспорно, могло сказаться и сказалось на зарождении и развитии конфликта со Сталиным. Как известно, и Сталин не отличал-

¹ «Независимая газета» 1 декабря 1999г. (Сетевая версия).

ся чрезмерной терпимостью к критике. Не говоря уже о твердости, доходящей до упрямства, когда речь шла об отстаивании своей собственной точки зрения. И не только в тех случаях, когда он бы заведомо прав.

В предыдущих главах читатель уже имел возможность убедиться в том, что Сталин нередко сталкивался с Лениным, отстаивал свою точку зрения, невзирая на общепризнанный и неоспоримый авторитет Ленина. Здесь я хочу проиллюстрировать справедливость данного утверждения некоторыми примерами, достоверность которых не вызывает сомнений. Так, сестра Ленина М.И.Ульянова в своих неопубликованных воспоминаниях, касаясь отношений между Лениным и Сталиным писала:

... я слышала о некотором недовольстве В. И. (Ленин – Н. К.) Сталиным. Мне рассказывали, что, узнав о болезни Мартова, В. И. просил Сталина послать ему денег. «Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела! Ищите себе для этого другого секретаря», – сказал ему Сталин. В.И. был очень расстроен этим, очень рассержен на Сталина.”²

Комментарии, как говорят, излишни. Речь шла о том, что Сталин по принципиальным соображениям не желал оказывать помощь Мартову, своему не только политическому противнику, но, как мы помним, из предыдущих глав, человеку, лично обвинявшего его в том, что тот подвергался исключению из партии из-за участия в экспроприациях. Сталина, конечно, можно понять. Как можно понять и Ленина, проявившего мимолетное чувство гуманизма по отношению к своему бывшему товарищу, а в ту пору эмигранту, влачившему жалкое существование и умиравшему в Берлине.

Но каждый поймет, что это не повод, а тем более не причина для политических столкновений и разногласий. Неверно было бы, исходя из некоторых фактов, думать, что Сталин проявлял неуважение к Ленину. Напротив, имеется множество свидетельств его самого высокого уважения и даже преклонения перед Лениным. И речь идет не только о публичных высказываниях, когда искренность можно поставить под сомнение. Та же М.И.Ульянова приводит следующий характерный эпизод, относящийся к периоду охлаждения между Лениным и Сталиным.

“Раз утром Сталин вызвал меня в кабинет В. И. Он имел очень расстроенный и огорченный вид: «Я сегодня всю ночь не спал», – сказал он мне. «За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь». Мне стало жаль Сталина. Мне казалось, что он так искренне огорчен.

Ильич позвал меня зачем-то, и я сказала ему, между прочим, что товарищи ему кланяются. «А», – возразил В. И. «И Сталин просил передать тебе горячий привет, просил сказать, что он так любит тебя». Ильич усмехнулся и промолчал. «Что же, – спросила я, – передать ему и от тебя привет?». «Передай», – ответил Ильич довольно холодно. «Но, Володя, – продолжала я, – он все же умный, Сталин». «Совсем он не умный», – ответил Ильич решительно и поморщившись.”³

Нет каких-либо серьезных оснований ставить под сомнение слова, приведенные М.И.Ульяновой. Однако они как-то не вяжутся, не согласуются, а вернее сказать, прямо противоречат многим другим, также хорошо известным фактам. Я не стану здесь цитировать многократно приводившиеся в соответствующих работах в высшей

² “Известия ЦК КПСС.” 1989г. № 12. С. 197.

³ “Известия ЦК КПСС.” 1989г. № 12. С. 198-199.

степени положительные отзывы Ленина о Сталине. Правда, они относились к различным историческим периодам, и кое-кто может возразить, что мнение Ленина о Сталине могло измениться коренным образом. Но тем не менее, речь в данном случае идет не о мимолетном, переменчивом взгляде на Сталина, а о его общей политической оценке. И здесь мы должны полагаться не на мнение Ленина, высказанное, по всей видимости, в состоянии глубокой внутренней депрессии, сопровождавшей все течение его тяжелой болезни.

Имеется множество свидетельств, в том числе и близких к Владимиру Ильичу людей, из которых явствует, что болезнь оказала на его психику исключительно гнетущее воздействие. Он стал чрезвычайно раздражителен, нетерпим, у него часто отказывали нервы и он не мог владеть собой. Все это вполне понятно и естественно и должно учитываться при оценке его поступков, в том, числе и, разумеется, в политической сфере, как и в области отношений со своими соратниками. Ему уже изменяло то качество, о котором писала его сестра: "У В. И. было очень много выдержки. И он очень хорошо умел скрывать, не выявлять отношения к людям, когда считал это почему-либо более целесообразным."⁴ Это, однако, не мешало ему иногда проявлять и определенное нерасположение, выраженное, правда, в шутливой форме. Один из деятелей партии (впоследствии крупный представитель правооппозиционного блока) Н.А.Угланов в своих воспоминаниях приводит такой эпизод: "Наша беседа происходила с В. И. на квартире т. Сталина. Во время нашей беседы т. Сталин ходил по комнате и курил все время трубку. Владимир Ильич, посмотрев на т. Сталина, сказал: вот азиатище — только сосет! Тов. Сталин выколотил трубку."⁵

Но это, так сказать, небольшой штрих, который можно интерпретировать в каком угодно смысле. Но я вернусь к оценкам Сталина, которые приводила М.И.Ульянова в разные годы. В период борьбы с оппозицией, когда в 1926 году против Сталина велись особенно ожесточенные нападки в связи с тем, что он скрывает заветное имя Ленина и вообще в грубо извращенном свете изображает взаимоотношения с последним в политической сфере, М.И.Ульянова писала: "В. И. очень ценил Сталина. Показательно, что весной 1922 г., когда с В. И. случился первый удар, а также во время второго удара в декабре 1922 г., В. И. вызывал к себе Сталина и обращался к нему с самыми интимными поручениями, поручениями такого рода, что с ними можно обратиться лишь к человеку, которому особенно доверяешь, которого знаешь как истинного революционера, как близкого товарища. И при этом Ильич подчеркивал, что хочет говорить именно со Сталиным, а не с кем-либо иным. Вообще за весь период его болезни, пока он имел возможность общаться с товарищами, он чаще всего вызывал к себе т. Сталина, а в самые тяжелые моменты болезни вообще не вызывал никого из членов ЦК, кроме Сталина.

Был один инцидент между Лениным и Сталиным, о котором т. Зиновьев упомянул в своей речи и который имел место незадолго до потери Ильичем речи (март 1923 г.), но он носил чисто личный характер и никакого отношения к политике не имел."⁶

⁴ Там же. С. 197.

⁵ "Известия ЦК КПСС." 1989г. № 4. С. 196.

⁶ "Известия ЦК КПСС." 1989г. № 12. С. 196.

Впоследствии в неопубликованных воспоминаниях М.И. Ульянова, можно сказать, кардинально пересмотрела свои предыдущие свидетельства. Она объяснила это следующим образом: “В своем заявлении на пленуме ЦК я написала, что В. И. ценил Сталина. Это, конечно, верно. Сталин— крупный работник, хороший организатор. Но несомненно и то, что в этом заявлении я не сказала всей правды о том, как В. И. относился к Сталину. Цель заявления, которое было написано по просьбе Бухарина и Сталина, было, ссылкой на отношение к нему Ильича, выгородить его несколько от нападков оппозиции... Но в дальнейшем, взвешивая этот факт с рядом высказываний В. И., его политическим завещанием, а также всем поведением Сталина со времени, истекшем после смерти Ленина, его «политической» линией, я все больше стала выяснять себе действительное отношение Ильича к Сталину в последнее время его жизни. Об этом я считаю своим долгом рассказать хотя бы кратко.”⁷ То, о чем она хотела рассказать кратко, я процитировал выше.

Таким образом, на основе сопоставления фактов, как только что приведенных, так и оставленных за рамками тома (они хорошо известны из литературы о Ленине и Сталине), можно уже придти к некоторым умозаключениям. Во-первых, отношение Ленина к Сталину было неоднозначным: он ценил в нем талант организатора, крупного партийного работника, отличавшегося решительностью и твердостью характера, на которого в трудную минуту вполне можно положиться. Во-вторых, Ленин видел в Сталине последовательного большевика, разделявшего все принципиальные установки теории и практики большевизма (а можно сказать, ленинизма, что для большого вождя было особенно важно). В-третьих, между ними возникали порой разногласия и споры, но, как правило, они носили частный характер и не меняли принципиальных отношений между ними. К тому же, если мы обратимся к сочинениям Ленина, то найдем в них бесчисленное количество примеров того, как он ведет споры, жестко полемизирует со своими соратниками и по более серьезным теоретическим и политическим проблемам, нежели в случае со Сталиным. И, наконец, четвертое, конфликт между Лениным и Сталиным в 1922-1923гг. базировался главным образом на личной почве и был продиктован во многом болезненным состоянием вождя. То, что он обрел политическое содержание и форму, едва ли может поставить под сомнение данный вывод.

Характер отношений Сталина с Лениным, вне всякого сомнения, был одним из важнейших факторов, определявших на протяжении длительного времени его политическую карьеру. В конечном счете он стал одним из важнейших компонентов всей его политической биографии. Но было бы неверно, если бы мы всю политическую биографию Сталина рассматривали и оценивали только лишь через призму его отношений с Лениным. Даже распространяя это на тот период, когда между ними возник конфликт. Подходить так — значило бы принижать и умалять роль Сталина как уже вполне самостоятельной политической фигуры на общепартийном и общегосударственном горизонте. Сталин к рассматриваемому периоду времени не был политической фигурой, отражавшей лишь свет, излучаемый на него Лениным. Разумеется, с точки зрения критериев политического веса они находились в разных измерениях, но кое в чем уже могли быть сопоставлены друг с другом. Иными словами, Сталин к

⁷ Там же. С. 196-197.

началу конфликта с вождем был не каким-то партийным клерком (хотя и самым высокопоставленным), но одним из лидеров партии. Рассматривая конфликт его с Лениным, надо непременно учитывать данное обстоятельство. В противном случае мы рискуем впасть в аберрацию исторического видения.

В обширной литературе о Сталине прочно утвердилась точка зрения, что в период 1922-1923гг. речь шла не о чем ином, как просто о политическом выживании Сталина. Мол, если бы Ленин выздоровел или прожил более долгий срок, то политическая звезда Сталина окончательно закатилась бы и он был бы низвергнут на уровень заурядного партийного функционера сравнительно высокого уровня. И не более того!

Я решительно не согласен с подобной оценкой не только по причине того, что исторический процесс не знает сослагательного наклонения. Для сомнений в возможности развития событий именно в таком направлении и с таким же конечным итогом есть немало оснований, причем достаточно весомых. К тому моменту, когда между Лениным и Сталиным обнаружилось серьезное противостояние, ситуация в стране и в партии была исключительно сложной. Шла подспудная борьба не только в высших эшелонах большевистской партии, но и наблюдались признаки серьезного общепартийного кризиса, далеко выходящего за рамки чисто личного соперничества и голой борьбы за право получить ленинское политическое наследие. Признаки общепартийного кризиса проявлялись в появлении все новых оппозиционных групп и течений, в нарастающих требованиях демократизации партийной жизни. После окончания Гражданской войны становилось все более сложно оправдывать отсутствие элементарных демократических норм в партийной жизни. В каком-то смысле сами устои партии в их ленинском понимании ставились под вопрос.

Основной движущей силой, которая инициировала эти настроения, всячески их подогривала и канализировала в русло борьбы против партийного аппарата, были Троцкий и его сторонники. Но если трезво взглянуть на ситуацию тех лет, то трудно было найти какую-либо реальную силу, которая могла бы стать орудием укрепления партии и стабилизации общего положения в стране, чем партийный аппарат. В те годы именно партийный аппарат был в состоянии сыграть роль стабилизирующего фактора. И этот аппарат уже имел в лице Сталина своего лидера. Конечно, тогда мало кто отдавал себе отчет в этом, глубоко и всесторонне оценивал роль этого аппарата. Необходимо было только время, чтобы осознание данного факта стало достаточно широким.

Я позволю себе сослаться опять-таки на Г.В.Плеханова, высказавшего в своем завещании глубокую мысль: "Не хочу быть вещью Кассандрой, но все же утверждаю, что эволюция власти большевиков будет следующей: ленинская диктатура пролетариата быстро превратится в диктатуру одной партии, диктатура партии — в диктатуру его лидера, власть которого будет поддерживаться сначала классовым, а затем тотальным государственным террором. Большевики не смогут дать народу ни демократии, ни свободы, потому что, осуществив это, они тут же потеряют власть. Ленин хорошо понимает это."⁸

Ленин, конечно, прекрасно понимал, что на строгом соблюдении демократических начал и практическом проведении в жизнь (не только в самой партии, но и в

⁸ "Независимая газета" 1 декабря 1999г. (Сетевая версия).

стране в целом) принципов демократии, как говорится, далеко не уедешь. Обретая власть, партия должна была приложить не меньше сил для ее сохранения. И Ленин как блестящий политический стратег отдавал себе отчет в том, что, выражаясь словами А.С.Пушкина, "власть верховная не терпит слабых рук". И сам он не раз проявлял необходимую твердость, чтобы сохранить эту власть.

И как раз именно Сталин был для него в данной ситуации наиболее подходящей фигурой. Ибо он, может быть, в не меньшей степени, чем сам Ленин, всеми фибрами своей души ощущал, что сохранить и упрочить власть большевиков, а затем организовать народ на созидание нового общественного строя, невозможно, не опираясь на достаточно разветвленный, централизованный и действующий, как слаженный механизм, аппарат. В этом, мне думается, принципиальных разногласий между Лениным и Сталиным не было. Разногласия касались других вопросов: какими путями и средствами осуществить достижение этих целей, какие меры предпринять, чтобы непрерывно набиравший силу аппарат не превратился бы из инструмента в своего рода демиурга. Того самого демиурга, который служил бы уже не инструментом политики, а сам превратился в самоцель этой политики.

Таковы, на мой взгляд, те политико-философские основы, которые делали Ленина и Сталина союзниками в силу самой логики исторического развития. Об этом, конечно, ничего не говорили ни первый, ни второй. Но как выразился древнегреческий поэт Менандр, "глубокий смысл в невысказанных словах."⁹ Вот почему мне кажется, что полного и окончательного разрыва между Лениным и Сталиным не произошло бы, даже если бы Ленин на какое-то время и справился со своей болезнью. Он нуждался в Сталине, потому что нуждался в аппарате, способном проводить в жизнь ленинские установки. Как справедливо замечает биограф Сталина Грей, точная роль Сталина в создании громадного партийного аппарата не очень известна, она значительна. По мнению этого автора, действительно, он один из всех руководителей имел опыт, знания и терпение для такого рода работы. Ну а кроме того, добавляет автор, Сталин настойчиво расширял круг своих сторонников и единомышленников на самых различных этапах партийной и государственной структур.¹⁰ Объективно сложилась такое положение, что и сам Сталин к тому времени уже выступал не просто в роли ученика и последователя своего великого учителя. Он представлял собой внушительную политическую силу, с которой не мог не считаться даже сам Ленин, несмотря на свой высочайший авторитет в партии.

Иными словами, сама сложная диалектика исторического развития Советской России того времени не дает нам основания поверхностно судить о природе и эволюции конфликта между двумя этими, бесспорно, самыми выдающимися представителями новой власти. Власти, от прочности и устойчивости которой зависели не только судьба партии, но и судьба страны. И рискуя быть обвиненным в излишней склонности к цитированию, все же не могу не привести слова великого поэта античности Вергилия, что "судьбы сами прокладывают путь"

Перечитав написанное выше, я невольно подумал, что от всего сказанного веет каким-то историческим фатализмом и что я, вопреки известным фактам, пытаюсь

⁹ Великие мысли великих людей. Т. II. С. 201.

¹⁰ Ian Grey. Stalin. p. 152.

доказать то, что вообще-то доказать невозможно. Поскольку, мол, общепризнанными авторитетами в области советской истории, как в нашей стране, так и за рубежом, уже неопровержимо доказано, что лишь физическая смерть Ленина спасла Сталина от политической смерти. Действительно, подобная точка зрения является доминирующей и ее разделяет большинство исследователей. Однако из этого не следует, что она абсолютна и бесспорна и не может быть подвергнута сомнению. Мое толкование данной проблемы трудно подкрепить какими-то конкретными фактами. Однако, мне кажется, что ее подкрепляют логика и объективный, незаангажированный анализ сложившейся в тот период ситуации. Пусть сам читатель судит о том, насколько состоятельна версия, защищаемая мною. В ходе дальнейшего изложения событий и фактов, я думаю, общая картина станет более ясной и моя трактовка конфликта Ленин — Сталин не будет восприниматься как отдающая душком апологетики по отношению к Сталину, а потому и не выдерживающая серьезной критики.

Поскольку конфликт двух вождей большевиков (одного реального, а другого потенциального) происекал из-за расхождений, возникавших чуть ли не одновременно и развивавшихся порой параллельно и часто тесно переплетавшихся друг с другом, то в изложении трудно будет соблюсти строгую тематическую и даже хронологическую стройность. Это — не столько вина автора, сколько следствие существа и логики развития самих процессов, связанных с конфликтом. Хотя болезнь Ленина и сопутствовавшие ей события (в частности, вопрос о яде, который Ленин просил достать Сталина) вроде и не являются вопросами чисто политического свойства, но без их рассмотрения трудно будет понять всю чрезвычайно запутанную механику и подспудные причины конфликта между Лениным и Сталиным. К тому же, болезнь Ленина, если ее рассматривать в контексте той эпохи, была не просто болезнью лидера партии, а событием, повлекшим за собой последствия поистине исторического измерения. Поэтому хотя бы в самом общем виде я обрисую картину того, что было связано с болезнью Ленина и как она повлияла на ход политических процессов в партии и стране. Точнее говоря, как она отразилась на политической судьбе Сталина. Заранее оговорюсь, что на эту тему написано огромное количество исследований разной степени глубины и аргументированности. Трудно, если вообще возможно, осветить и даже затронуть все аспекты этого многопланового сюжета советской истории. Поэтому поневоле моя трактовка событий тех далеких лет и того, что было связано с ними, будет схематичной, страдающей купюрами по части изложения многообразного фактического материала. Но в данном случае мною руководили иные соображения: я не ставил перед собой задачу дать полную картину, а лишь акцентировать внимание на отдельных ее аспектах, непосредственно отразившихся на политической судьбе Сталина.

2. Болезнь Ленина и ее исторические последствия

Чрезвычайно важной, пожалуй даже решающей, особенностью, наложившей свою неизгладимую печать как на характер, так и на ход внутрипартийной борьбы в большевистских верхах, явилась болезнь Ленина. Я не стану в деталях останавливаться на этой проблеме, поскольку она уже довольно полно отражена в соответствующей литературе и сама по себе является предметом самостоятельного исследования. Зат-

рону только те ее аспекты, которые связаны со Сталиным или касаются его линии поведения по отношению к Ленину во время болезни последнего..

Как известно, первые признаки серьезных трудностей со здоровьем Ленина появились в 1921 году. Для его лечения были привлечены лучшие силы, в том числе заграничные медицинские светила, прежде всего из числа немецких специалистов. Каких-то ясных и определенных выводов о характере заболевания и методов лечения они сделать не смогли, ставя часто противоречившие друг другу диагнозы болезни и ее причин. Сам Ленин с первых симптомов заболевания интуитивно стал предполагать, что его ждет участь собственного отца, умершего в возрасте 55 лет от кровоизлияния в мозг. Ленин не раз шутя говорил, что еще в молодости один крестьянин предсказал ему, что он умрет "от кондрашки", т.е. от инсульта.

Различного рода недомогания и нарушения в состоянии здоровья Ленина продолжались периодически. Это сказывалось на его работе, он часто уезжал на отдых в деревню, в первую очередь в Горки, где в конце концов и была устроена, выражаясь современным стилем, его загородная резиденция. В ночь с 25 на 26 мая 1922 г. у В.И.Ленина, находившегося в Горках, произошел острый приступ болезни, приведший к временному ослаблению движения правой руки и ноги и некоторому расстройству речи. 28 мая его осмотрел профессор, невропатолог В.В.Крамер. На другой день утром состоялась консультация профессоров с участием тогдашнего административного главы советского здравоохранения народного комиссара Н.А.Семашко и врача-невропатолога А.М.Кожевникова. 2 июня из Германии прилетел профессор О.Ферстер и провел в тот же день обследование Ленина. 3 июня И.В.Сталин по поручению Политбюро ЦК РКП(б) обязал полномочного представителя РСФСР в Германии Н.Н.Крестинского добиться приезда профессоров О.Ферстера и Г.Клемперера на лето в Москву. Клемперер приехал в Москву 10 июня и 11 осмотрел Ленина. После второго посещения Ленин в разговоре с Кожевниковым высказал отрицательное мнение о проф. Клемперере и продиктовал следующее письмо:

"15 июня 1922 г.

Сталину для Политбюро

Покорнейшая просьба, освободите меня от Клемперера. Чрезвычайная заботливость и осторожность может вывести человека из себя и довести до беды.

Если нельзя иначе, я согласен послать его в научную командировку.

Убедительно прошу избавьте меня от Ферстера. Своими врачами Крамером и Кожевниковым я доволен сверх избытка. Русские люди вынести немецкую аккуратность не в состоянии, а в консультировании Ферстер и Клемперер участвовали достаточно.

15/У1.

Ленин."¹¹

М. И. Ульянова в своих воспоминаниях писала о немецких врачах: «В отличие от профессора Ферстера, Клемперер обладал меньшим тактом и умением подходить к больному. Его болтовня и шуточки раздражали Владимира Ильича, хотя он встретил его очень любезно и наружно был с ним очень вежлив».¹²

¹¹ В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891 — 1922. С. 540.

¹² "Известия ЦК КПСС", 1991г. № 1. С. 191

На публикуемое письмо Сталин ответил Ленину 17 июня 1922 г.: «Т. Ленину. В связи с Вашим письмом о немцах мы немедленно устроили совещание с Крамером, Кожевниковым и Гетье. Они единогласно признали ненужность в дальнейшем Клемперера, который посетит Вас лишь один раз перед отъездом. Столь же единогласно они признали полезность участия Ферстера в общем наблюдении за ходом вашего выздоровления. Кроме того, политические соображения делают крайне полезными подписи известных иностранных авторитетов под бюллетенями, ввиду сугубого вражья за границей. По поручению Политбюро Сталин. 17/У1-22 г. P.S. Крепко жму руку. А все-таки русские одолеют немцев. Сталин».¹³

Как видим, во время болезни Ленина Сталин был одним из самых близких к нему деятелей партии. Достаточно сослаться на свидетельства М.И.Ульяновой, в воспоминаниях которой мы читаем: «Зимой 20, 21, 21–22 [гг] В. И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не знаю точно когда, но как-то в этот период В. И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Сталин обещал. Почему В. И. обратился с этой просьбой к Сталину? Потому что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой».¹⁴

Как видно из воспоминаний М.И.Ульяновой, вопрос о яде был для Ленина в тот критический период первостепенным: он не хотел стать беспомощным и парализованным инвалидом и предпочитал другой — уже роковой выход. Я позволю себе привести обширный отрывок из воспоминаний М.И.Ульяновой, касающийся вопроса о яде для Ленина. Кроме опубликованных документов (о них пойдет речь ниже), эти воспоминания являют собой один из немногих подлинно достоверных источников по данной теме.

Далее в тех же воспоминаниях читаем: «С той же просьбой обратился В. И. к Сталину в мае 1922 г. после первого удара.¹⁵ В. И. решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Сталина. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Сталин пробыл у В. И. действительно минут 5, не больше. И когда вышел от Ильича, рассказал мне и Бухарину, что В. И. просил его доставить ему яд, так как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В. И. и Сталин вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В. И., и Сталин вернулся снова к В. И. Он сказал ему, что переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно, и время исполнить его просьбу не пришло. В. И. заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину: «Лукавите?». «Когда же Вы видели, чтобы я лукавил», — ответил ему Сталин. Они расстались и не виделись до тех пор, пока В. И. не стал поправляться, и ему не были разрешены свидания с товарищами.

В это время Сталин бывал у него чаще других.¹⁶ Он приехал первым к В. И. Ильич встречал его дружески, шутил, смеялся, требовал, чтобы я угощала Сталина,

¹³ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891 – 1922. С. 541.

¹⁴ «Известия ЦК КПСС» 1989г. № 12. С. 197.

¹⁵ Такой разговор состоялся 30 мая 1922г. «Известия ЦК КПСС» 1989г. № 12. С. 201.

¹⁶ Сталин посещал Ленина в Горках 30 мая; 11 и 30 июля; 5,9,15, 19, 23 и 30 августа; сентябре – 12, 19 и 26. (там же. С. 200).

принесла вина и пр. В этот и дальнейшие приезды они говорили и о Троцком; говорили при мне, и видно было, что тут Ильич был со Сталиным против Троцкого. Как-то обсуждался вопрос о том, чтобы пригласить Троцкого к Ильичу. Это носило характер дипломатии. Такой же характер носило и предложение, сделанное Троцкому о том, чтобы ему быть заместителем Ленина по Совнаркому. В этот период к В. И. приезжал и Каменев, Бухарин, но Зиновьева не было ни разу, (здесь М.И. Ульянова ошибается — Зиновьев посещал Ленина в Горках дважды — *Н.К.*) и, насколько я знаю, В. И. ни разу не высказывал желания видеть его.¹⁷

После свиданий с Лениным в Горках Сталин по просьбе редакции «Правды» опубликовал на ее страницах заметки о посещении Ленина и поделился своими впечатлениями. Эти заметки преследовали, как мне представляется, две цели: с одной стороны, успокоить партийную массу и население страны относительно состояния здоровья вождя; с другой стороны, Сталин своей публикацией как бы подчеркивал свою особую приближенность к Ленину. Последнее явно повышало его политический капитал среди широких партийных масс, а вместе с тем, не могло не вызывать плохо скрываемые чувства недовольства со стороны его политических соперников. В своих заметках Сталин рисует картину выздоровления вождя в явно радужных тонах: «Мне приходилось встречать на фронте старых бойцов, которые, проведя «напролёт» несколько суток в непрерывных боях, без отдыха и сна, возвращались потом с боя как тени, — падали как скошенные, и, проспав «все восемнадцать часов подряд», вставали после отдыха, свежие для новых боёв, без которых они «жить не могут». Тов. Ленин во время моего первого свидания с ним в июле, после полуторамесячного перерыва, произвёл на меня именно такое впечатление старого бойца, успевшего отдохнуть после изнурительных непрерывных боёв и посвежевшего после отдыха. Свежий и обновлённый, но со следами усталости, переутомления.

...Совершенно другую картину застал я спустя месяц. На этот раз тов. Ленин окружён грудой книг и газет (ему разрешили читать и говорить о политике без ограничения). Нет больше следов усталости, переутомления. Нет признаков нервного рвения к работе, — прошёл голод. Спокойствие и уверенность вернулись к нему полностью. Наш старый Ленин, хитро глядящий на собеседника, прищурил глаз...

Зато и беседа наша на этот раз носит более оживлённый характер.

Внутреннее положение... Урожай... Состояние промышленности... Курс рубля... Бюджет...

Э.И. Мельников

— Положение тяжёлое. Но самые тяжелые дни остались позади. Урожай в корне облегчает дело.¹⁸

После довольно продолжительного отдыха Ленин вернулся к работе и, как обычно, развернул кипучую деятельность. Некоторые биографы Ленина именно к этому периоду относят появление первых признаков его недовольства Сталиным, его позицией по ряду важных вопросов, а главное — тем, что, мол, коренным образом изменилась обстановка в самом руководящем центре. Центральным пунктом этих изменений якобы явилось сосредоточение колоссальной власти в руках Генерального секретаря Сталина. В дальнейшем мы коснемся этого вопроса более основательно. Сейчас

¹⁷ «Известия ЦК КПСС» 1989. № 12. С. 198.

¹⁸ *И.В. Сталин*. Соч. Т. 5. С. 134-135.

же мне хотелось подчеркнуть два момента: вызывает серьезное сомнение то, что за столь короткий срок — всего лишь полгода — Сталин был способен сосредоточить в своих руках такой объем власти, который вызвал серьезную озабоченность Ленина. Второе: Ленина, по всей вероятности, больше всего тревожила и вызывала озабоченность усилившаяся за время его отсутствия на работе борьба между его соратниками, взаимные отношения которых между собой и так были далеки от идеальных. Видимо, насторожило вождя и то, что он ощутил определенную угрозу своей, никем прежде не оспаривавшейся власти. Дела шли своим чередом и в его отсутствие, решались назревшие вопросы, причем ряд конкретных решений вызвал у него весомые возражения. Словом, возвращение Ленина к исполнению своих обязанностей лидера партии и Председателя Совнаркома как бы поставило его перед рядом новых проблем, одной из которых стало упрочение собственной власти, с одной стороны, и сбалансирование сил внутри самого узкого круга партийного руководства. О том, как Ленин попытался решить вставшие перед ним проблемы, пойдет речь в следующем разделе. Здесь же мы рассмотрим вопрос о том, как развивались события в связи с его болезнью.

С начала октября 1922 года Ленин вновь приступил к работе. Он участвовал в заседаниях Пленума ЦК, Политбюро, различных совещаниях, постоянно встречался с отдельными партийными и государственными руководителями, даже выступил с докладом на IV конгрессе Коминтерна и на заседании Московского Совета. Неоднократно встречался он и со Сталиным, часто обменивался с ним письмами и записками делового характера.

Однако болезнь не отступила: во второй половине декабря в состоянии здоровья Ленина снова наступило резкое ухудшение. Он вынужден был прекратить работу, но в силу своего характера не мог полностью отойти от всех дел. Пленум ЦК обсуждал вопрос о состоянии здоровья Ленина и, в частности, принял 18 декабря 1922г. следующее решение: “На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки.”¹⁹

Данное решение кое-кто трактует так, будто Сталин самолично решил установить контроль над больным вождем, чтобы лишить его любых средств, способных оказать какое-либо влияние на ход политических событий. Якобы речь шла об изоляции Ленина отнюдь не с точки зрения требований медицины, а исключительно по политическим мотивам. Подобная постановка вопроса несостоятельна и не выдерживает серьезной критики. Во-первых, данное решение основывалось на рекомендациях врачей, и Сталин самовластно не мог возложить на себя ответственность за медицинскую изоляцию Ленина. Во-вторых, в то время он не являлся такой фигурой, которая была бы способна вопреки воле других членов Пленума и Политбюро взять на себя роль “политического цербера”, оберегавшего Ленина от контактов с внешним миром. И, в-третьих, Ленин, хотя и находился в болезненном состоянии, но вполне мог заниматься различными вопросами, в том числе и теми, которые, как показало дальнейшее развитие событий, и привели к кульминации его конфликта со Сталиным.

16 декабря 1922г. состояние Ленина резко ухудшилось: он почти потерял способность писать, частично нарушилась подвижность рук и ног. Новый грозный сигнал

¹⁹ “Известия ЦК КПСС.” 1989г. № 12. С. 191.

поступил в ночь с 22 на 23 декабря, когда ухудшение его состояния значительно прогрессировало. Естественно, что его настроение было подавленным. Как свидетельствует М.И.Ульянова, «еще более пессимистическое настроение выявилось у Владимира Ильича в его разговоре с Фотиевой, которую он вызвал к себе 22 декабря».

«22 декабря Владимир Ильич вызвал меня в 6 часов вечера, — пишет Фотиева в своих записях, — и продиктовал следующее: «Не забыть принять все меры достать и доставить... в случае, если паралич перейдет на речь, цианистый калий, как меру гуманности и как подражание Лафаргам...». Он прибавил при этом: «Эта записка вне дневника. Ведь Вы понимаете? Понимаете? И, я надеюсь, что Вы это исполните»²⁰.

В 1967 году та же Фотиева в беседе с писателем А.Беком дополнила описание событий того весьма драматического периода некоторыми новыми подробностями. Ее свидетельства стали достоянием гласности весной 1989 года, будучи опубликованными в еженедельнике «Московские новости». Сам характер и содержание публикации не дают каких-либо оснований ставить под сомнение достоверность фактов, сообщенных в ней. Позволю себе привести еще один, бесспорно, существенно важный эпизод из происходившей в тот период трагедии в жизни Ленина, касающийся напряженную роль Сталина в деле о яде.

«После нового удара он (т.е. Ленин — Н.К.) в декабре под строгим секретом опять послал меня к Сталину за ядом. Я позвонила по телефону, пришла к нему домой. Выслушав, Сталин сказал:

— Профессор Ферстер написал мне так: «У меня нет оснований полагать, что работоспособность не вернется к Владимиру Ильичу». И заявил, что дать яд после такого заключения не может.

Я вернулась к Владимиру Ильичу ни с чем. Рассказала о разговоре со Сталиным.

Владимир Ильич вспылил, раскричался. Во время болезни он часто вспыхивал даже по мелким поводам: например, испорчен лифт (он был вспыльчив смолоду, но боролся с этим).

— Ваш Ферстер шарлатан, — кричал он. — Укрывается за уклончивыми фразами.

И еще помню слова Ленина:

— Что он написал? Вы это сами видели?

— Нет, Владимир Ильич. Не видела.

И, наконец, бросил мне:

— Идите вон!

Я ушла, но напоследок все же возразила:

— Ферстер не шарлатан, а всемирно известный ученый.

Несколько часов спустя Ленин меня позвал.

Он успокоился, но был грустен.

— Извините меня, я погорячился. Конечно, Ферстер не шарлатан. Это я под горячую руку.²¹

Как видим, Ленин внутренне готов был принять роковое решение. При этом он находился в ясном сознании, мог говорить, ясно излагать свои мысли. Поэтому начиная с 20-х чисел декабря 1922 года он продиктовал целый ряд писем и записок,

²⁰ «Известия ЦК КПСС.» 1991г. № 6. С. 191.

²¹ «Московские новости». № 17. 23 апреля 1989г. С. 8.

которые в совокупности рассматриваются в качестве его последнего слова партии, в качестве его политического завещания.

Так продолжалось до марта 1923 года, когда наступил новый, еще более резкий перелом в его состоянии. 6 марта, а затем и в последующие дни положение принимает все более угрожающий характер, и 10 марта у Ленина произошел новый, самый страшный удар, после которого он фактически был полностью парализован, утратил способность писать и говорить, хотя его сознание, как свидетельствуют врачи и близкие, сохранялось. Ленин выбыл из строя, партия оказалась фактически без своего руководителя. Его психическое состояние явно было нарушено, что находило свое выражение в сильном раздражении, неуравновешенном поведении, вспышках гнева. Самообладание часто изменяло ему, припадки гнева и возбуждения повергали родных в трепет. Во время болезни, — вспоминала Крупская, — был случай, когда в присутствии медсестры она ему говорила, что «надо смотреть на эту болезнь все равно как на тюремное заключение. Помню, Екатерина Ивановна, сестра милосердия, возмутилась этим моим сравнением: «Ну, что пустяки говорите, какая эта тюрьма». Крупская далее поясняет смысл своего сравнения с тюрьмой тем, что болезнь надо рассматривать как тюрьму, когда человек поневоле на время выбывает из работы.²² Д.И.Ульянов, брат Ленина, навещавший его в то время в Горках, в воспоминаниях, опубликованных в феврале 1924 года, писал: «Иногда часами он сидел задумавшись, даже в присутствии посторонних временами погружался в свои мысли. Иногда на глаза его навертывались слезы, особенно, если он оставался один».²³

Из приведенных свидетельств, не говоря уже об объективных показателях течения болезни, которые лечащие врачи, безусловно, сообщали партийному руководству, тогдашние ведущие лидеры партии, конечно, понимали всю серьезность положения Ленина. После мартовского удара, видимо, они сочли ситуацию настолько критической, что решили обратиться с закрытым письмом в региональные партийные органы. Не мешкая, они, спешно собравшись на заседание, в котором участвовали все находившиеся в Москве члены и кандидаты в Политбюро, обсудили сложившуюся ситуацию. На следующий день Сталин направил следующую телеграмму:

«Только для президиумов губкомов, обкомов и национальных ЦК. Политбюро считает необходимым поставить Вас в известность о наступившем серьезном ухудшении в состоянии Владимира Ильича. С декабря прошлого года т. Ленин потерял способность двигать правой рукой и правой ногой, вследствие чего т. Ленин, не имея возможности писать, вынужден был диктовать свои статьи стенографам. Так как такие явления наблюдались время от времени и ранее, в первый период болезни, и затем проходили, то врачи выражали твердую надежду, что и на этот раз Владимир Ильич справится с болезнью в более или менее короткий срок. И действительно, улучшение, хотя и медленное, в состоянии Владимира Ильича наблюдалось до последних дней. Твердо рассчитывая на это улучшение, последний пленум ЦК постановил даже не опубликовывать пока некоторых резолюций к съезду, надеясь, что можно будет через неделю-две посоветоваться относительно их с Владимиром Ильичом. Между тем десятого марта наступило резкое ухудшение. Т. Ленин почти утратил спо-

Н.К.Крупская. Воспоминания о Ленине. С. 436-437.

²³ Цит. по Минувшее. Исторический альманах. М. 1990. Т. 2. С. 278-279.

способность речи при сохранении ясного и отчетливого сознания. Врачи признают положение тяжелым, не отказываясь, однако, от надежды на улучшение. Ввиду глубокой серьезности положения с сегодняшнего дня начинается публикация врачебных бюллетеней.

В тревожные для партии и революции дни ЦК твердо рассчитывает на величайшую выдержку и сплоченность всех руководящих организаций партии. Более чем когда-либо губкомы должны быть в курсе настроений массы, чтобы не допустить никакого замешательства.

По поручению Политбюро секретарь ЦК И. Сталин.²⁴

И. С. СТАЛИН

Так началась тяжелая, длившаяся почти год, страшная агония вождя партии и главы Советского правительства. Со стороны властей и врачей предпринимались все усилия, чтобы поставить на ноги Ленина. Болезнь проходила неравномерно: порой наступали некоторые проблески улучшения, сулившие какие-то смутные надежды на возможное выздоровление. Н.К.Крупская в письме И.Арманд осенью 1923 года писала, что Ленин проявлял живой интерес к политическим событиям, происходившим как внутри страны, так и за границей, особенно в Германии, где революционный взрыв осенью 1923 года породил в среде большевиков надежды на скорую помощь от немецкого пролетариата. По словам Крупской, «агитационные статьи перечитывать не просил. Очень я боялась партдискуссии». Но Владимир Ильич захотел ознакомиться лишь с основными документами и только, когда началась партконференция, просил читать отчет весь подряд. Когда в субботу Владимир Ильич стал, видимо, волноваться, я сказала ему, что резолюции приняты единогласно. Суббота и воскресенье ушли у нас на чтение резолюций. ... Читаем с Володей ежедневно газетки, он с интересом следил за событиями в Германии, вычитал и вытянул из нас все, что от него скрывали— убийство Воровского, смерть Мартова и пр.»²⁵

Однако эти проблески часто сменялись новыми ухудшениями состояния здоровья больного. В печати периодически появлялись бюллетени с сообщениями о здоровье Ильича. Некоторые партийные деятели в своих выступлениях также высказывали не только надежды на выздоровление, но зачастую вселяли в сознание людей излишние иллюзии, приукрашивая состояние Ленина.

В «Правде», «Известиях», «Петроградской правде» публиковалась информация о выступлениях на различных заседаниях и собраниях Л. Б. Красина, А. В. Луначарского, В. М. Молотова, Н. А. Семашко и М. Н. Лядова, в которых сообщалось о значительном улучшении здоровья Владимира Ильича, что не соответствовало действительности. Крупская в связи с такими публикациями в печати писала в октябре – ноябре 1923 года И.Арманд: «Ужасно безответственные сообщения печатаются в газетах и делаются товарищами о здоровье Владимира Ильича.

Мы просили ЦК постановить, чтобы так не было, так что теперь будут печататься только бюллетени.»²⁶ Хотя, истины ради, надо сказать, что еще 27 апреля 1923 г. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), заслушав сообщение Г. Е. Зиновье-

²⁴ «Известия ЦК КПСС.» 1991 г. № 6. С. 198-199.

В это время как раз шла ожесточенная внутрипартийная дискуссия, вызванная выступлениями Троцкого против партийной линии.

²⁵ «Известия ЦК КПСС.» 1989 г. № 4. С.183.

²⁶ Там же.

ва и Л. Д. Троцкого о здоровье В. И. Ленина, постановил: «Поручить Политбюро вести политический контроль за всякой информацией о здоровье Ильича».²⁷ Однако, как видно, этот политический контроль был или слаб, или его вообще не существовало, поскольку сами же ответственные представители партийного руководства выступали с вводящими в заблуждение информацией о здоровье Ленина. Трудно сказать, было ли это сознательным актом или же иллюзорной надеждой на то, что если внушать населению уверенность в скором выздоровлении вождя, то от этого будет только польза. По крайней мере, очевидны определенные политические расчеты, скрывавшиеся за такого рода оптимизмом.

Но агония Ленина продолжалась, роковой рубеж между жизнью и смертью с каждым днем становился все ближе. Эпизодические улучшения мало что меняли в этой общей картине. Так что неудивительно читать горькие признания жены Ленина Н.К.Крупской в том же письме к И.Арманд: «Каждый день какое-нибудь у него завоевание, но все завоевания микроскопические, и все как-то продолжаем висеть между жизнью и смертью. Врачи говорят— все данные, что выздоровеет, но я теперь твердо знаю, что они ни черта не знают, не могут знать. ...Врачи ничего не знают, и это состояние неизвестности очень мучительно.»²⁸

В такой обстановке Ленин решил еще раз обратиться с просьбой к Сталину, чтобы тот достал ему цианистый калий, чтобы избавить его от мучений и положить конец жизни, которая стала уже бессмысленной. Как уже отмечалось выше, в его сознании явственно и глубоко запечатлелся поступок деятеля французского и международного рабочего движения, друга К. Маркса Поля Лафарга и его жены, дочери К. Маркса Лауры Лафарг, которые, считая, что в старости человек становится бесполезным для революционной борьбы, покончили с собой в 1911 г.

Причем существенно важно оттенить то, что Ленин в последний раз обратился к Сталину с этой просьбой уже после своего письма от 5 марта 1923г. (О чем будет идти речь в следующем разделе). Это говорит о многом. И прежде всего о том, что он и после своего письменного разрыва отношений со Сталиным, этих отношений фактически не разорвал. Определенные вопросы вызывает то, как ему удалось сообщить о своем желании близким (имея в виду, что он утратил способность речи). Но это уже другая категория вопросов, носящая скорее технический, нежели политический характер. По крайней мере, человек, даже будучи парализованным и лишенным речи, способен сообщить каким-либо образом своим близким о своем самом сокровенном желании. Тем более что он сознание сохранял, о чем свидетельствуют многочисленные достоверные источники.

Здесь я предоставлю слово самим документам, ибо они полнее и яснее могут нарисовать картину всего того, что происходило. Итак, начнем с письма Сталина.

«СТРОГО СЕКРЕТНО. Членам Пол. Бюро

В субботу, 17/III т. Ульянова (Н. К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном «просьбу Вл. Ильича Сталину» о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мною Н. К. говорила, между прочим, что «Вл. Ильич переживает невероятные страдания», что

²⁷ Там же.

²⁸ «Известия ЦК КПСС.» 1989г. № 4. С. 182-183.

«дальше жить так невыносимо», и упорно настаивала «не отказывать Ильичу в его просьбе». Ввиду особой настойчивости Н. К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В. И. дважды вызывал к себе Н. К. во время беседы со мной из своего кабинета, где мы вели беседу, и с волнением требовал «согласия Сталина», ввиду чего мы вынуждены были оба раза прервать беседу), я не считал возможным ответить отказом, заявив: «прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование». В. Ильич действительно успокоился.

Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она не была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК.²⁹

Естественно, это письмо было немедленно обсуждено на Политбюро в закрытом порядке. Все высказались против того, чтобы положить конец страданиям умирающего вождя путем передачи ему яда. Конечно, иначе они поступить и не могли, не имели никакого морального права, поскольку оставалась хотя бы малейшая надежда на его выздоровление. Возможно, у некоторых из них были и иные соображения. Об этом можно только гадать и строить безосновательные предположения. Историческим фактом является то, что все соратники Ленина отвергли его просьбу. Сталин в данном случае играл лишь роль передаточного звена, но не более того. Причем все было сделано им в полном соответствии как с пожеланиями самого Ленина (здесь он не нарушил своего слова, данного ему), так и с нормами партийной и человеческой морали.

Вопрос кажется вполне ясным и не вызывающим каких-либо кривотолков. Однако по прошествии не столь уж и длительного времени со дня кончины Ленина противники Сталина через различные каналы стали усиленно распространять всяческого рода слухи и измышления. Смысл их был прост: Сталин был лично заинтересован в смерти Ленина, поскольку возвращение Ленина к работе было равнозначно политическому остракизму Сталина. Уже в 20-е годы в кругах русской эмиграции левого толка начали муссироваться подобного рода слухи и разговоры. Один из бывших участников революционного движения, знавший довольно близко Ленина, и бежавший впоследствии за границу, опубликовал книгу о внутрипартийной борьбе в период НЭПа. В ней, в частности, говорилось: «Насколько серьезно заболевание Ленина, о том не подозревала даже и та малюсенькая группа, знавшая о его болезни. Однако среди них было лицо, которое тогда же, уже с 1922 года, решило, что «Ленину капут». На это обстоятельство, бросающее свет на то, что произошло позднее, я не встречал никогда и никаких указаний в печати. Оно попало ко мне из уст Владимирова, заместителя Дзержинского на посту председателя ВСНХ. ...

Лицо, убежденное, что «Ленину капут» — был Сталин.³⁰

Собственно, именно с тех далеких времен был запущен в оборот этот миф, который на протяжении длительного времени усиленно раздувался, обрастая все новыми деталями и нюансами. Его авторы пытались выставить Сталина не просто противником Ленина, но и фактическим вдохновителем и организатором его умерщ-

²⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 16. М. 1997. С. 252.

Н. Валентинов (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М. 1991. С. 76-77.

вления путем отравления. Каких-либо реальных фактов и доказательств у них не было. В ход пошли всякого рода предположения, домыслы и досужие рассуждения о том, что смерть Ленина была выгода Сталину, а потому он, мол, через своих людей в органах ОГПУ и в охране Ленина организовал это грязное убийство. Появились публикации, содержащие душераздирающие подробности и детали того, каким образом все это было осуществлено.

Нет смысла рассматривать эти полуфантастические версии, так как они не согласуются ни с фактами, ни с реальной обстановкой, в которой протекала болезнь Ленина. Однако один, пожалуй, самый тиражируемый в различных книгах о Ленине и Сталине, я все-таки приведу. Приведу с единственной целью — показать всю его абсурдность и как свидетельство того, к каким приемам хулители Сталина прибегают, чтобы доказать гипотезу о его причастности к отравлению Ленина.

Речь идет о воспоминаниях некоей Е.Лермолы, которая во время пребывания в тридцатых годах в заключении, услышала рассказ некоего Волкова, бывшего личным поваром Ленина в период его пребывания в Горках. Волков якобы поведал о последнем дне жизни Ленина. Вот этот рассказ:

“21 января 1924 года... В одиннадцать часов утра, как обычно, Волков понес Ленину второй завтрак. В комнате никого не было. Как только Волков появился на пороге, Ленин сделал попытку приподняться на постели и встать на ноги. Протягивая Волкову обе руки, он силился что-то сказать, но получалось только невнятное бормотание. Волков подбежал к нему, и Ленин сунул ему в руку записку.

Волков спрятал ее и оглянулся. Он увидел, как в комнату вбежал доктор Елистратов. Очевидно, его привлек шум. Они оба помогли Ленину лечь в постель, и врач сделал больному инъекцию, которая должна была его успокоить. Ленин лежал тихо, полузакрыв глаза.

Записка была написана неровным почерком. Ленин был явно взволнован, когда ее писал. Волков прочел: «Гаврилушка, меня отравили.. Сейчас же позови Надю... Скажи Троцкому... Скажи всем, кому сможешь...»

Волков говорил, что все те годы его мучили два вопроса: видел ли Елистратов, как Ленин передавал ему записку? А если видел, донес ли он об этом Сталину?»³¹

Перед нами весьма трогательная и даже в чем-то напоминающая шекспировские сюжеты история трагического конца В.И.Ленина. Но все в ней настолько примитивно и порой даже наивно, что бессмысленно вести какую-либо полемику. Равно как и с мифическими воспоминаниями сотрудника ГПУ Бельмаса, на которые также ссылаются некоторые биографы Ленина. Последние дни жизни Ленина детально описаны в воспоминаниях М.И.Ульяновой, Н.К.Крупской, врачей, лечивших Ленина и т.д. И все описания решительно опровергают изложенную здесь версию. Задним числом можно сочинить какие угодно версии, ссылаясь при этом на показания людей, давно уже умерших. Я полагаю, что всерьез такие версии могут рассматривать только люди, априори убежденные в причастности Сталина к смерти Ленина путем отравления. Не исключая, разумеется, и тех, кто готов подхватить любую версию, отдающую сенсационностью.

С точки зрения исторической действительности все эти версии и гипотезы совершенно бездоказательны и обосновательны. Несостоятельны они и с логичес-

³¹ Цит. по Роберт Пейн. Ленин. Жизнь и смерть. М. 2002. С.622.

кой точки зрения, если учитывать реальную обстановку того времени и просто считаться с элементарными фактами. Сталин не мог иметь в рядах ОГПУ своих агентов, которые бы смогли пойти на акт отравления вождя партии, пользовавшегося всеобщей любовью и поклонением. Хулители Сталина просто путают эпохи, когда обстановку начала 20-х годов приравнивают к обстановке середины 30-х годов, когда Сталин стал полновластным хозяином не только в аппарате партии, но и в органах безопасности. И какими бы таинственными предположениями ни оперировали обвинители Сталина, приписывая ему подобного рода преступление, у них за душой нет ни грана фактов, ни крупицы серьезных аргументов. Общие рассуждения в данном случае выглядят тем, чем они и являются на деле — всего лишь рассуждениями. Рассуждениями отнюдь не безобидными и абстрактными, призванными якобы лишь прояснить темное пятно в истории.

Вскоре после смерти Ленина в советской печати появилось множество статей и материалов. Их тщательное изучение не оставляет камня на камне от подобных версий. И самым убедительным является медицинское заключение о болезни и смерти Ленина. Чтобы не быть голословным, сошлемся на мнение достаточно авторитетного биографа Ленина Луиса Фишера: «Но ничто не могло остановить разрушительного процесса, развивавшегося у него в мозгу. Описывая результаты вскрытия Ленина в своих воспоминаниях о нем, наркомздрав Семашко утверждает, что, хотя в других органах значительного склероза не было найдено, «склероз сосудов мозга Владимира Ильича был настолько силен, что сосуды эти обызвестились: при вскрытии по ним стучали металлическим пинцетом, как по камню. Стенки многих сосудов настолько утолщились и сосуды настолько заросли, что не пропускали в просвете даже волоска. Так, целые участки мозга были лишены доступа свежей крови, оставались без питания»».³²

Я несколько отвлекся в сторону от главного русла моего повествования. Но чтобы поставить все точки над *i*, необходимо осветить роль Троцкого в фальсификации и пропаганде мифа об отравлении Ленина Сталиным. Собственно, Троцкий был главным и самым авторитетным апологетом этого мифа. Определенную долю достоверности его высказываниям и оценкам придавало то, что он в тот период находился в эпицентре событий, являясь одним из наиболее видных и авторитетных фигур партийного руководства. С одной стороны, это обстоятельство как бы должно повышать в глазах публики достоверность его свидетельств. С другой стороны, как самый главный противник и оппонент Сталина, с которым его разделяло гораздо большее, чем непреодолимая пропасть, он не может рассматриваться в качестве объективного, незаинтересованного свидетеля событий тех дней. Поэтому версии, выдвигаемые Троцким, нуждаются в особенно тщательном анализе и сопоставлениях как с фактами, так и с его собственными свидетельствами.*

Начнем с того, что версию об отравлении он впервые публично выдвинул в октябре 1939 года. Заметим, что на протяжении почти 15 лет самой ожесточенной

³² Луис Фишер. Жизнь Ленина. М. 1997. Т. 2. С. 487-489.

* Интересующихся деталями данной проблемы можно отослать к статье Р. Косолапова, рассматривающего некоторые обстоятельства, связанные с желанием Ленина покончить жизнь самоубийством. См. раздел «Пример четы Лафаргов» в издании «Сталинский сборник» М. 2002. С. 47 - 51.

открытой борьбы против Сталина, где полемика зачастую напоминала характер публичных оскорблений и безапелляционных политических вердиктов, он ни разу не упоминал об этой версии. Хотя каждому понятно, какой заряд взрывной силы она содержала в себе, и какой широкий отклик она могла бы вызвать в соответствующий период.

Впервые историю, связанную с ядом, он затронул в своем дневнике в записи от 7 марта 1935 г. В частности, он писал: «Когда Ленин почувствовал себя снова хуже, в феврале или в самые первые дни марта, он вызвал Сталина и обратился к нему с настойчивой просьбой: доставить ему яду. Боясь снова лишиться речи и стать игрушкой в руках врачей, Ленин хотел сам остаться хозяином своей дальнейшей судьбы. Недаром он в свое время одобрял Лафарга, который предпочел добровольно “join the majority”, чем жить инвалидом. — Троцкий продолжает далее: М. Ульянова писала: «С такой просьбой можно было обратиться только к революционеру» Что Ленин считал Сталина твердым революционером, это совершенно неоспоримо. Но одного этого было бы недостаточно для обращения к нему с такой исключительной просьбой. Ленин, очевидно, должен был считать, что Сталин есть тот из руководящих революционеров, который не откажет ему в яде. Нельзя забывать, что обращение с этой просьбой произошло за несколько дней до окончательного разрыва. Ленин знал Сталина, его замыслы и планы, его обращение с Крупской, все его действия, рассчитанные на то, что Ленину не удастся подняться. В этих условиях Ленин обратился к Сталину за ядом. Возможно, что в этом месте — помимо главной цели — была и проверка Сталина, и проверка натянутого оптимизма врачей. Так или иначе. Сталин не выполнил просьбы, а передал о ней в Политбюро. Все запротестовали (врачи еще продолжали обнадеживать), Сталин отмалчивался ...»³³

Тогда, в 1935 году, эта версия и осталась бы всего лишь записью в дневнике. Трудно сказать, сверлила ли эта мысль Троцкого и не давала ему покоя. Но по крайней мере еще четыре года он хранил по этому поводу полное молчание. Хотя именно на эти годы приходится огромный поток антисталинских публикаций, принадлежащих перу Троцкого. Лишь в октябре 1939 года он обратился к влиятельному американскому журналу “Life” с предложением опубликовать статью “Сверх-Борджиа в Кремле.” В ней он пишет, что преступления Чезаре Борджиа (представитель знатного рода Италии в конце 15 — начале 16 веков, чей образ воспринимался как символ произвола, коварства, жестокости, изощренной хитрости и прочих низменных черт; имя Ч. Борджиа стало в истории нарицательным именем — *Н. К.*) кажутся скромными и почти наивными в сравнении с преступлениями Сталина.

Статья полностью посвящена рассматриваемой нами теме. Нет нужды пересказывать ее основные постулаты. Ограничимся только главными моментами, содержащимися в ней, поскольку без этого невозможно вести ее разбор.

Итак, Троцкий пишет: “Во время второго заболевания Ленина, видимо, в феврале 1923 г., Сталин на собрании членов Политбюро (Зиновьева, Каменева и автора этих строк) после удаления секретаря сообщил, что Ильич вызвал его неожиданно к себе и потребовал доставить ему яду. Он снова терял способность речи, считал свое положение безнадежным, предвидел близость нового удара, не верил врачам, кото-

³³ Там же.

рых без труда уловил на противоречиях, сохранял полную ясность мысли и невыносимо мучился. Я имел возможность изо дня в день следить за ходом болезни Ленина через нашего общего врача Гетье, который был вместе с тем нашим другом дома.

...Мы продолжали надеяться. И вот неожиданно обнаружилось, что Ленин, который казался воплощением инстинкта жизни, ищет для себя яду. Каково должно было быть его внутреннее состояние!

Помню, насколько необычным, загадочным, не отвечающим обстоятельствам показалось мне лицо Сталина. Просьба, которую он передавал, имела трагический характер; на лице его застыла полуулыбка, точно на маске. Несоответствие между выражением лица и речью приходилось наблюдать у него и прежде. На этот раз оно имело совершенно невыносимый характер. Жуть усиливалась еще тем, что Сталин не высказал по поводу просьбы Ленина никакого мнения, как бы выжидая, что скажут другие: хотел ли он уловить оттенки чужих откликов, не связывая себя? Или же у него была своя затаенная мысль?.. Вижу перед собой молчаливого и бледного Каменева, который искренне любил Ленина, и растерянного, как во все острые моменты, Зиновьева. Знали ли они о просьбе Ленина еще до заседания? Или же Сталин подготовил неожиданность и для своих союзников по триумvirату?

— Не может быть, разумеется, и речи о выполнении этой просьбы! — воскликнул я. — Гетье не теряет надежды. Ленин может поправиться.

— Я говорил ему все это, — не без досады возразил Сталин, — но он только отмахивается, мучается старик. Хочет, говорит, иметь яд при себе...прибегнет к нему, если убедится в безнадежности своего положения.

— Все равно невозможно, — настаивал я, на этот раз, кажется, при поддержке Зиновьева. — Он может поддаться временному впечатлению и сделать безвозвратный шаг.

— Мучается старик, — повторял Сталин, глядя неопределенно мимо нас и не высказываясь по-прежнему ни в ту, ни в другую сторону. У него в мозгу протекал, видимо, свой ряд мыслей, параллельный разговору, но совсем не совпадавший с ним. Последующие события могли, конечно, в деталях оказать влияние на работу моей памяти, которой я в общем привык доверять. Но сам по себе эпизод принадлежал к числу тех, которые навсегда врезаются в сознание. К тому же по приходе домой я его подробно передал жене. И каждый раз, когда я мысленно сосредотачиваюсь на этой сцене, я не могу не повторить себе: поведение Сталина, весь его образ имели загадочный и жуткий характер. Чего он хочет, этот человек? И почему он не сгонит со своей маски эту вероломную улыбку?.. Голосования не было, совещание не носило формального характера, но мы разошлись с само собой разумеющимся заключением, что о передаче яду не может быть и речи."³⁴

Что можно сказать по поводу этого пассажа?

Во-первых, о самой датировке событий. Троцкий пишет о феврале или начале марта 1923 года, когда Ленин обратился к Сталину с просьбой достать ему яду. Однако, как мы уже показали выше — и это подтверждается многочисленными источниками, в том числе и свидетельством сестры Ленина М.И.Ульяновой, — с такой просьбой Ленин обращался к Сталину несколько раз, и впервые в 1922 году. Во-вторых, из при-

³⁴ Лев Троцкий. Портреты революционеров. С. 70-72.

веденного выше официального письма Сталина в Политбюро (факсимиле этого письма приводится в книге Д.Волгогонова о Ленине), совершенно четко и определенно явствует, что это произошло 17 марта 1923 г., т.е. уже после того, как Ленин 5 марта 1923г. адресовал Сталину письмо, угрожая разрывом отношений с ним. Это весьма примечательно. Хотя Ленин и грозил разрывом личных отношений со Сталиным, тем не менее именно к нему он обратился с такой просьбой. Предположительно сделать вывод, что письмо Ленина было продиктовано какими-то минутными соображениями, скорее всего чувством гнева, раздражением и другими аналогичного свойства мотивами. Иначе как объяснить, что буквально через несколько дней он обратился к тому же Сталину со столь деликатной просьбой. А то, что такое обращение имело место именно 17 марта 1923г., подтверждается текстом факсимиле, датировкой (в двух местах письма), наконец, тем фактом, что на нем имеются собственноручные записи других членов Политбюро, которые Сталин уж никак не мог подделать в то время. Да, и сами члены и кандидаты в члены Политбюро впоследствии подтверждали тот факт, что они зафиксировали свое отношение к просьбе Ленина на письме, представленном Сталиным.

Следует попутно заметить, что в протоколах заседаний Политбюро³⁵ данный вопрос никак не отражен, поскольку он носил настолько деликатный характер, что заседание проходило в отсутствие секретарей и его результаты были зафиксированы лишь росписями самих участников на тексте письма Сталина. При более внимательном рассмотрении факсимиле письма можно установить число, когда это происходило — 21 марта 1923г. В верхней части листа имеются подписи читавших его Г. Зиновьева, В. Молотова, Н. Бухарина, Л. Каменева, Л. Троцкого, М.Томского. Последний счел необходимым высказать свое мнение: “Читал. Полагаю, что «нерешительность» Ст. — правильно. Следовало бы в строгом составе чл. Пол. Бюро обменяться мнениями. Без секретарей (технич.)”. Таким образом, можно считать твердо установленным, что речь идет именно о середине марта, а точнее 17 марта 1923г. Приплетать же сюда другую дату — февраль, значит, допускать искажение исторической последовательности событий, что особенно важно именно в данном случае.

Хотя, конечно, слишком строго судить Троцкого за искажение даты трудно, хотя такие события (а это событие поистине исторического значения), как говорят, должны четко врезаться в памяти. Но не со всеми так бывает. Случаются и хронологические aberrации и с другими людьми, которых вовсе невозможно заподозрить в антисталинских настроениях. Так, В.М.Молотов по тому же самому поводу вспоминал следующее (правда, спустя полстолетия): “В феврале 1923 года Ленину стало совсем плохо, и он попросил Сталина принести ему яд. Сталин обещал, но не принес. Потом он говорил, что, наверно, Ленин обиделся на него за это. «Как хотите, я не могу это сделать», — сказал Сталин. На Политбюро обсуждался этот вопрос.”³⁶

Но, разумеется, суть дела не только в датировке событий, хотя, повторяю, она имеет первостепенное значение для выяснения исторической истины, — а в той заранее заданной линии Троцкого во что бы то ни стало, если не доказать (это вообще

³⁵ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП (б). Повестки дня заседаний. 1919 — 1952. Каталог. Т. 1. 1919 — 1929. М. 2000.

³⁶ Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. С 238.

сделать невозможно) вину Сталина в отравлении Ленина, то посеять не просто сомнения, а как бы внушить мысль о том, что это является очевидным фактом.

Далее, Троцкий пытается убедить читателей в том, что сам Сталин занимал какую-то двойственную и неопределенную позицию. На самом деле его позиция твердо и недвусмысленно была зафиксирована в самом письме (текст его уже приводился). Мне думается, что особо следует выделить следующее положение из этого письма: "Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она не была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК."³⁷ Здесь какие-либо комментарии излишни в силу самоочевидных причин.

Коснемся еще одного момента, а именно того, почему с политической точки зрения такое отравление якобы могло иметь место и в чем конкретно была заинтересованность Сталина в этом. Троцкий пишет: "Здесь естественно возникает вопрос: как и почему Ленин, который относился в этот период к Сталину с чрезвычайной подозрительностью, обратился к нему с такой просьбой, которая, на первый взгляд, предполагала высшее личное доверие? За несколько дней до обращения к Сталину Ленин сделал свою безжалостную приписку к завещанию. Через несколько дней после обращения он порвал с ним все отношения. Сталин сам не мог не поставить себе вопрос: почему Ленин обратился именно к нему? Разгадка проста: Ленин видел в Сталине единственного человека, способного выполнить трагическую просьбу или непосредственно заинтересованного в ее исполнении. Своим безошибочным чутьем больной угадывал, что творится в Кремле и за его стенами, и каковы действительные чувства к нему Сталина. Ленину не нужно было даже перебирать в уме ближайших товарищей, чтобы сказать себе: никто, кроме Сталина, не окажет ему этой «услуги». Попутно он хотел, может быть, проверить Сталина: как именно мастер острых блюд поспежит воспользоваться открывающейся возможностью? Ленин думал в те дни не только о смерти, но и о судьбе партии. Революционный нерв Ленина был, несомненно, последним из нервов, который сдался смерти. Но я задаю себе ныне другой, более далеко идущий вопрос: действительно ли Ленин обращался к Сталину за ядом? Не выдумал ли Сталин целиком эту версию, чтобы подготовить свое алиби? Опасаться проверки с нашей стороны у него не могло быть ни малейших оснований: никто из нас троих не мог расспрашивать больного Ленина, действительно ли он требовал у Сталина яду."³⁸

Начну с последнего вопроса, риторически поставленного Троцким: действительно ли Ленин обращался к Сталину с такой просьбой? На него частично отвечает в своих рассуждениях сам Троцкий, хотя и тщательно вуалирует свою позицию. Приведенные выше факты доказывают, что такое обращение действительно имело место. Это подтверждается, как воспоминаниями М.И. Ульяновой, так и записью, сделанной лечащим врачом А.М. Кожевниковым. Вот эти свидетельства (хотя они довольно обширные, но их привести необходимо в интересах полной достоверности):

"30 мая (имеется в виду 1922г. — Н.К.), — пишет М.И. Ульянова, — Владимир Ильич потребовал, чтобы к нему вызвали Сталина. Уговоры Кожевникова отказаться

³⁷ И.В. Сталин. Соч. Т. 16. С. 252.

³⁸ Лев Троцкий. Портреты революционеров. С. 72.

от этого свидания, так как это может повредить ему, не возымели никакого действия. Владимир Ильич указывал, что Сталин нужен ему для совсем короткого разговора, стал волноваться, и пришлось выполнить его желание. Позвонили Сталину, и через некоторое время он приехал вместе с Бухариным. Сталин прошел в комнату Владимира Ильича, плотно прикрыв за собою, по просьбе Ильича, дверь. Бухарин остался с нами и как-то таинственно заявил: «Я догадываюсь, зачем Владимир Ильич хочет видеть Сталина». Но о догадке своей он нам на этот раз не рассказал. Через несколько минут дверь в комнату Владимира Ильича открылась и Сталин, который показался мне несколько расстроенным, вышел. Простившись с нами, оба они (Бухарин и Сталин) направились мимо Большого дома через домик санатория во двор к автомобилю. Я пошла проводить их. Они о чем-то разговаривали друг с другом вполголоса, но во дворе Сталин обернулся ко мне и сказал: «Ей (он имел в виду меня) можно сказать, а Наде (Надежде Константиновне) не надо». И Сталин передал мне, что Владимир Ильич вызывал его для того, чтобы напомнить ему обещание, данное ранее, помочь ему вовремя уйти со сцены, если у него будет паралич. «Теперь момент, о котором я Вам раньше говорил, — сказал Владимир Ильич, — наступил, у меня паралич и мне нужна Ваша помощь». Владимир Ильич просил Сталина привезти ему яду. Сталин обещал, поцеловался с Владимиром Ильичом и вышел из его комнаты. Но тут, во время нашего разговора, Сталина взяло сомнение: не понял ли Владимир Ильич его согласие таким образом, что действительно момент покончить счеты с жизнью наступил и надежды на выздоровление больше нет? «Я обещал, чтобы его успокоить, — сказал Сталин, — но, если он в самом деле истолкует мои слова в том смысле, что надежды больше нет? И выйдет как бы подтверждение его безнадежности?». Обсудив это, мы решили, что Сталину надо еще раз зайти к Владимиру Ильичу и сказать, что он переговорил с врачами и последние заверили его, что положение Владимира Ильича совсем не так безнадежно, болезнь его не неизлечима и что надо с исполнением просьбы Владимира Ильича подождать. Так и было сделано.

Сталин пробыл на этот раз в комнате Владимира Ильича еще меньше, чем в первый раз, и, выйдя, сказал нам с Бухариным, что Владимир Ильич согласился подождать и что сообщение Сталина о его состоянии со слов врачей Владимира Ильича, видимо, обрадовало. А уверение Сталина, что когда, мол, надежды действительно не будет, он выполнит свое обещание, успокоило несколько Владимира Ильича, хотя он не совсем поверил ему: «Дипломатничаєте, мол».³⁹

Подтверждается это и следующим фактом: врач А. М. Кожевников об этом визите и теме разговора сделал пометку: «Приезжал Сталин. Беседа о *suicidium*» (самоубийстве — лат.)⁴⁰

Мне представляется, что рассмотрение данного вопроса вполне определенно выявило следующие моменты:

Во-первых, болезнь Ленина стала одной из тех осей, вокруг которых развертывались важнейшие политические процессы в партии и стране в тот период. Трагедия Ленина в каком-то смысле превратилась в инструмент острейшей политической борьбы, развернувшейся в партийных верхах. Но было бы упрощением все причины и

³⁹ «Известия ЦК КПСС.» 1991г. № 3. С. 188.

⁴⁰ Там же. С. 198.

пружины этой борьбы выводить и тем более сводить исключительно к болезни вождя. Первоосновы и подспудные причины ее имели более глубокие социально-экономические и политические корни. Однако бесспорно и то, что болезнь Ленина наложила на все процессы, протекавшие в партии и стране, свою неизгладимую печать. Сама болезнь Ленина из его личной трагической проблемы превратилась в факт, имевший огромные исторические последствия.

Во-вторых, отношения Сталина с Лениным во время болезни последнего претерпели серьезные изменения в силу причин, о которых шла речь выше. И хотя имеется достаточно свидетельств, говорящих о том, что Ленин весьма критически относится к Сталину, в том числе и в личном плане, не говоря уже о политических мотивах, все-таки он не рассматривал его в качестве своего политического противника. Более того, их отношения ухудшились на базе разногласий и различных подходов к решению конкретных практических проблем, которые, если бы Ленин не был в таком болезненном состоянии, вполне бы могли найти свое разрешение в ходе самой практической работы. Поэтому все утверждения о фатальном политическом разрыве между Лениным и Сталиным мне видятся несколько поверхностными, не учитывающими многие объективные реальности той эпохи. В конце концов их объединяло общее дело, которому они посвятили свою жизнь. А это не второстепенный, а решающий фактор, коль речь идет о серьезных исторических выводах.

И, наконец, о мифе, согласно которому Сталин прямо или косвенно причастен к безвременной кончине Ленина. Сама смерть Ленина, как об этом свидетельствуют неоспоримые факты чисто медицинского свойства, не была безвременной. Тяжесть его болезни и ход ее течения заставляют подумать скорее о том, что благодаря многим факторам, в том числе и силе его характера и воли, наступление трагической развязки удалось растянуть на несколько лет. Фатальный конец был неотвратим. И то, что Ленин желал избавиться себя от страданий беспомощного инвалида, вполне понятно и объяснимо. Особенно для такой личности, как Ленин. Но с точки зрения господствовавшей тогда революционной морали подобный акт мог бы рассматриваться в партии и стране как акт малодушия. Естественно, что руководство партии самым тщательным образом скрывало ото всех (за исключением самого что ни есть узкого круга лиц) реальную ситуацию со здоровьем Ленина и даже сеяло неоправданные иллюзии. А о самом желании Ленина добровольно уйти из жизни, если она станет сплошным кошмаром и мучением, разумеется, никто из его соратников в то время и не мог говорить. Это относилось к числу величайших партийных и государственных тайн.

Есть все основания сделать вывод: Сталин никоим образом не причастен к смерти Ленина. Измышления об отравлении им Ленина относятся к разряду злонамеренных инсинуаций, которые до сих пор продолжают существовать вопреки всем объективным фактам. Их живучесть искусственно поддерживается до наших дней с помощью различных средств. Чему в немалой степени способствуют и некоторые недостаточно ясные и порой противоречивые свидетельства участников событий тех далеких дней.

Что же касается роли Троцкого во всем этом “ядовитом заговоре”, то мне хотелось бы ответить на этот вопрос словами Луиса Фишера из его книги о Ленине. Она заканчивается буквально следующим пассажем: “Настоящий вопрос заключается вот в чем: почему Троцкий хранил эту «тайну» до 1939 года? Его выслали из СССР в 1929

году. За эти 10 лет он написал несколько книг и десятки статей. Сталин был его политическим врагом, и он не щадил обвинений по его адресу. Самым худшим обвинением могло быть обвинение в убийстве Ленина. Но целое десятилетие Троцкий ни словом не упомянул об этом, не позволил себе и намека на что-нибудь подобное.

В истории болезни Ленина за последний год его жизни, с февраля 1923 года по январь 1924, ничто не подтверждает сенсационного подозрения, будто Ленина отравил Сталин.⁴¹

Закончив этот раздел, я четко осознал, что вопрос о причастности Сталина к насильственной смерти Ленина, не только не исчезнет из соответствующих исторических исследований и со страниц газет и журналов, с экранов телевизоров. В зависимости от потребностей политической конъюнктуры (а она непредсказуема и весьма подвижна) эта проблема не раз еще будет товаром, который охотно станут предлагать вниманию читателей самой разной ориентации. Но такова уж как будто предписанная самой судьбой участь исторических сюжетов подобного рода. Они никогда не умирают, хотя давно уже мертвы сами участники событий. В этом состоит и привлекательная, и в чем-то трагикомическая сила реальной канвы самой истории.

•••

3. Завещание Ленина в политической судьбе Сталина.

Роль завещания Ленина в политической судьбе Сталина, особенно в 20-годы, можно уподобить дамковлону мечу, висевшему над ним и постоянно угрожавшему обрушиться на его голову. Именно политическое завещание в силу развития исторических событий того времени превратилось в главное орудие противников генсека, ставивших под вопрос не только общую стратегическую линию развития страны, выдвинутую Сталиным, но и вообще его моральное право занимать высший пост в партии. Опираясь на критические высказывания Ленина в адрес Генерального секретаря и рекомендации относительно целесообразности его смещения с этого поста, оппоненты Сталина сделали само завещание Ленина неким новым священным Заветом, якобы оставленным основателем большевизма в качестве неуклонного руководства к действию на будущее.

Само понятие — политическое завещание Ленина — можно истолковывать в двух смыслах: под ним можно понимать письмо и дополнения к нему, написанные в преддверии XII партийного съезда и фактически адресованные именно этому съезду. В этом узком смысле завещание можно интерпретировать как сумму практических советов и рекомендаций политического и организационного характера, данных вождем партии в связи с неотвратимостью его окончательного ухода с политической сцены. В более широком смысле под политическим завещанием Ленина понимается не только его письмо к съезду, но и вообще вся совокупность работ, написанных им во время болезни. В них он в несколько путанной манере (здесь сказалась болезнь и то, что он диктовал свои мысли секретарям, а не писал сам: к такому виду творчества Ленин не привык, и это, несомненно, отражалось отрицательно как на глубине высказанных мыслей, так и на форме их выражения). Мне думается, что нет причин придавать какое-то сугубо принципиальное значение этому двойному истолкованию

⁴¹ Луис Фишер. Жизнь Ленина. Т. 2. С. 492-493.

ленинского политического завещания. В конце концов проблема кроется в не в том, что включать в само это понятие, а в самом существе и настрое последних документов, исходящих от Ленина.

Даже по прошествии многих десятилетий трудно переоценить политическую и историческую значимость указанных документов. Мало сказать, что они находились в эпицентре политических схваток в 20-30-е годы прошлого столетия. Вокруг них до сих пор не прекращается идейная и даже в определенном смысле политическая борьба. То, что ленинское завещание, его содержание, истолкование, история появления и распространения, наконец, оценка его концептуальных установок, находятся в поле внимания современных исследований, — все это красноречиво говорит о важности и исторической значимости совокупности этих документов.

Ленинское завещание заслуживает не только политического анализа, но и интерпретации с моральной и нравственной точек зрения. Будучи поражен тяжелой болезнью и чувствуя себя обреченным, основатель и вождь большевизма, видимо, считал своим первейшим долгом дать ряд советов своей партии и высказать серьезные предостережения в отношении ее самых видных руководящих деятелей. Нет уверенности в том, что Ленин был убежден, что все его советы и предостережения будут восприняты должным образом и претворены в практику жизни. Даже тогда, когда он был здоров и твердо держал в своих руках все основные рычаги управления, ему далеко не всегда удавалось преодолевать сопротивление партийных оппонентов и настоять на принятии своей точки зрения. Тем более такой уверенности у него не могло быть в том состоянии, в котором он оказался вследствие тяжелой болезни.

Отсюда и та лихорадочность, поспешность, порой противоречивость, а также категоричность, которыми отмечены последние ленинские письма, записки и устные высказывания в кругу своих близких и секретарей. Ленина, по всей вероятности, постоянно угнетала мысль, что к его советам и рекомендациям не прислушаются или путем сугубо формального одобрения попытаются похоронить все то, на чем он с таким пылом настаивал. Разумеется, Ленин не называл и не мог называть, по вполне понятным причинам, свои последние письма завещанием. Сам характер партии, ее идеологические и организационные принципы были абсолютно несовместимы с тем, чтобы любой деятель партии, включая и ее вождя, мог оставлять для партии какое-то завещание, имеющее определенную законную силу. А тем более подлежащее неукоснительному исполнению. Ленин это прекрасно понимал и даже в мыслях не мог допустить нечто подобное.

Однако в период болезни он ознакомился с вышедшим в то время небольшим сборником произведений Ф.Энгельса под довольно необычным названием «Политическое завещание» и «просил особо сохранить книгу Энгельса «Политическое завещание» (Из дневника дежурных секретарей)⁴² Возможно, существует какая-то, чуть ли не мистическая, связь между этим фактом и тем, что Ленин продиктовал свои последние работы в стиле своеобразного политического завещания. По форме, конечно, они не носили характер завещания, но по своему существу являлись именно таковыми.

Мне приходится оставить за скобками отдельные вопросы, связанные с завещанием, поскольку не само оно является основным предметом моего рассмотрения,

⁴² В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 463.

но прежде всего те его аспекты, которые непосредственно затрагивают Сталина. К тому же, детальная разработка сюжета о завещании выступает в качестве самостоятельной исторической проблемы, до сих пор находящейся в центре внимания историков и политиков. В частности, я не стану обсуждать такой ее аспект: является ли само завещание подлинным историческим документом или же представляет собой фальсификацию, сфабрикованную политическими оппонентами Сталина. Подобная точка зрения существует. Например, В.А. Сахаров в весьма содержательной и интересной монографии, отталкиваясь от ряда внутренних противоречий и несостыковок в исторических источниках и материалах, касающихся завещания, пытается доказать, что завещание — это подлог врагов Ленина, Сталина и Советской власти.⁴³ Хотя порой его аргументация и выглядит внешне убедительной, однако главная мысль ее автора: завещание — плод искусной и искусственной фальсификации — мне представляется не соответствующей историческим фактам. Не вдаваясь в детали и нюансы, замечу, что имеющиеся в распоряжении науки документы и свидетельства огромного числа лиц не дают ни малейших оснований ставить под вопрос неопровержимый факт существования политического завещания Ленина. Если бы оно было делом рук фальсификаторов, то, скажем, во времена Сталина не составило бы труда доказать это. К тому же, в решениях ряда съездов партии официально подтверждено наличие ленинских документов, в своей совокупности составивших политическое завещание. Правомерно, конечно спорить по поводу того или иного момента, связанного с диктовкой завещания, достоверностью отдельных деталей, ролью видных политических фигур и секретарей Ленина во всем этом деле и т.п. Ведь нельзя обходить молчанием многие туманные, противоречивые или неисследованные вопросы, непосредственно связанные с этим важнейшим документом советской истории. Историки продолжают разработку данной проблемы, и можно пожелать им только успеха в их трудах. Однако главного все же нельзя отрицать: письмо к съезду — это не плод чьей-то злонамеренной выдумки, имевшей четкую политическую направленность, а реальный исторический факт. Я исхожу как раз из этого фундаментального положения, уделяя столь много места данному сюжету.

Прежде чем непосредственно перейти к самому завещанию и анализу характеристики в ней Сталина как Генерального секретаря, необходимо остановиться на политических событиях, подтолкнувших Ленина к написанию того, что стало чуть ли не с момента написания им этих писем называться политическим завещанием.

В преддверии окончательного отхода Ленина от политического руководства в высших партийных кругах четко обозначились довольно серьезные разногласия и противоречия по ряду принципиальных вопросов. Среди них в первую очередь были проблемы монополии внешней торговли и — это самое главное — по вопросам национального характера, вызванных процессом создания единого многонационального государства, который именно в этот период вступил в решающую фазу своей разработки и подготовки. На разногласиях в сфере национальной политики и их роли в возникновении и развитии конфликта между Лениным и Сталиным я остановлюсь в следующем разделе, поскольку, будучи чрезвычайно важным для предмета нашей книги, он заслуживает специального внимания.

⁴³ См. В. А. Сахаров. "Политическое завещание" Ленина. Реальность истории и мифы политики. М. 2003.

Здесь же я попытаюсь рассмотреть разногласия по вопросу о монополии внешней торговли, осветить внутреннюю расстановку сил в партийном руководстве, а также детально проанализировать "Письмо к съезду", под которым обычно понимается политическое завещание Ленина (в узком смысле, о котором шла речь выше).

Вопрос о монополии внешней торговли. Острую полемику в руководящих партийных и хозяйственных кругах вызвал вопрос о монополии внешней торговли. В значительной мере это вопрос был органически связан с вопросом о формировании союзного государства и, соответственно, с разграничением полномочий центральных и местных органов власти — этой чрезвычайно важной в условиях НЭПа проблемы.^{*} Несмотря на то, что осенью 1921 года Политбюро ЦК РКП (б) по настоянию Ленина решительно отклонило предложения, направленные на денационализацию внешней торговли, некоторые партийные и советские работники продолжали выступать с требованием пересмотра и отмены режима монополии. На ее отмене настаивали Сокольников, Бухарин, Каменев, Пятаков. Часть членов Центрального Комитета выступала за ослабление режима монополии внешней торговли.

Основным поводом для выступлений в пользу отмены монополии служили недостатки в работе Наркомвнешторга, объяснявшиеся отсутствием опыта и необходимых кадров, бюрократизмом и неповоротливостью аппарата, что являлось причиной несвоевременного исполнения заказов, вызывало критику и недовольство хозорганов. В октябре 1922 года пленум ЦК признал возможным значительно ослабить режим монополии внешней торговли. Это на деле могло привести к ее срыву.

В. И. Ленин не без оснований считал монополию внешней торговли одной из командных высот диктатуры пролетариата в условиях капиталистического окружения. Только при монополии внешней торговли можно было путем планового регулирования государством ввоза и вывоза товаров оградить нашу слабую в то время промышленность и внутренний рынок от вторжения иностранного капитала, обеспечить восстановление и развитие отечественной промышленности и устранить опасность превращения страны в колонию или полуколонию капиталистических государств. Владимир Ильич был убежден, что отказаться от монополии внешней торговли — значит стать на гибельный для Советской власти путь.

В соответствии с таким пониманием вопроса Ленин написал следующую записку Сталину с проектом постановления Политбюро ЦК РКП (б) по вопросу о монополии внешней торговли:

"т. Сталин! Предлагаю, ввиду сего, опросом членов Политбюро провести директиву: ЦК подтверждает монополию внешней торговли и постановляет прекратить всюду разработку и подготовку вопроса о слиянии ВСНХ с НКВТ. Секретно подписать всем наркомам и вернуть оригинал Сталину, копий не снимать.

411.

^{*} Значимость данной проблемы для Советского государства и сложность путей ее решения косвенным образом подтверждается даже простым историческим сопоставлением: в нынешней Российской Федерации эта же проблема вот уже на протяжении многих лет выступает в качестве одной из центральных проблем государственной жизни. Предпринимаются большие усилия для ее оптимального решения. Однако сказать, что она в современной России уже нашла свое адекватное условиям времени и обстановке разрешение, не откажется даже самый ярый сторонник нынешнего режима.

15/У. Ленин"⁴⁴

Однако несмотря на настояния Ленина Пленум ЦК в октябре 1922г. признал возможным значительно ослабить режим монополии внешней торговли. 13 октября Владимир Ильич пишет Сталину, как секретарю ЦК, большое обстоятельное письмо на пяти с половиной страницах, исписанных мелким убористым почерком, с двумя постскриптумами. Ленин резко критикует принятое пленумом решение и разъясняет, что это решение, устанавливающее как будто частичную реформу, на деле ведет к срыву монополии. В письме Ленин отмечает, что "вопрос был внесен в пленум наспех. Ничего подобного серьезной дискуссии не было. Никаких причин торопиться нет. Только теперь начинают вникать хозяйственники. Решать важнейшие вопросы торговой политики со вчера на сегодня, не собрав материалов, не взвесив за и против, с документами и цифрами, где же тут хоть тень правильного отношения к делу? Усталые люди голоснут в несколько минут и баста. Менее сложные политические вопросы мы взвешивали по многу раз и решали нередко по нескольку месяцев"⁴⁵.

Ленин мобилизует все силы для того, чтобы отменить принятое пленумом решение. При этом, как свидетельствует Л.Фотиева, "готовясь к новому обсуждению вопроса на предстоящем пленуме, Владимир Ильич проделал очень большую работу. Он собирал материалы, создал комиссию для их рассмотрения и выработки выводов, поручил обследовать заграничные представительства в части, касающейся организации внешней торговли, писал письма, беседовал с отдельными работниками, убеждал в правильности своей точки зрения."⁴⁶

В интересах борьбы за отмену послаблений в монополии внешней торговли Ленин посчитал целесообразным прибегнуть к помощи Троцкого, в общем разделявшего взгляды Ленина. Он пишет ему письмо:

"Троцкому от 13.12.22г:

Во всяком случае я бы очень просил Вас взять на себя на предстоящем пленуме защиту нашей общей точки зрения о безусловной необходимости сохранения и укрепления монополии внешней торговли. Так как предыдущий пленум принял в этом отношении решение, идущее целиком вразрез с монополией внешней торговли, и так как в этом вопросе уступать нельзя, то я думаю, как и говорю в письме к Фрумкину и Стомонякову что в случае нашего поражения по этому вопросу мы должны будем перенести вопрос на партийный съезд."⁴⁷

Обратиться за помощью к Троцкому Ленина побудило то обстоятельство, что многие видные деятели партии продолжали настаивать на ослаблении монополии внешней торговли. Двойственную позицию в этом вопросе занимал Сталин. С одной стороны, он не был решительным сторонником отмены монополии внешней торговли. С другой – выступал за некоторые послабления, связанные с проведением внешнеторговых операций, мотивируя это тем, что часто операции через наркомат внешней торговли приносят убытки. По этому поводу секретарь Ленина Л.Фотиева сообщает следующее: "В мае 1922 г. В. И. Ленин в письме Сталину и Фрумкину писал: «Я

⁴⁴ В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 188.

⁴⁵ В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 221.

⁴⁶ Л.А. Фотиева. О Ленине. Из жизни В.И. Ленина. М. 1967. С. 254.
В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 324.

считаю, что надо формально запретить все разговоры и переговоры и комиссии и т. п. об ослаблении монополии внешней торговли». Сталин ответил: «Против «формального запрещения» шагов в сторону ослабления монополии внешней торговли на данной стадии не возражаю. Думаю все же, что ослабление становится неизбежным».

Сталин не верил в прибыли и другие материальные выгоды от монополии внешней торговли. В письме всем членам ЦК 20 октября он пишет: «Письмо тов. Ленина (от 13 октября.— Л. Ф.) не разубедило меня в правильности решения пленума ЦК от 6 октября о внешней торговле. «Миллионы» Внешторга (их еще нужно установить и подсчитать) теряют свой вес, если принять во внимание то обстоятельство, что они в несколько раз перекрыты десятками миллионов золота, вывезенного Внешторгом из России. Тем не менее ввиду настоятельного предложения т. Ленина об отсрочке решения пленума ЦК исполнением, я голосую за отсрочку, с тем, чтобы вопрос был поставлен на обсуждение следующего пленума с участием Ленина».⁴⁸

Видя сопротивление Сталина (хотя оно и выражалось не в столь категорической форме, но было достаточно определенным), Ленин наращивает свое давление, чтобы настоять на принятии решения, которое он считал единственно правильным, отвечающим реальным экономическим условиям того времени. 15 декабря 1922г. Ленин вновь пишет письмо Сталину для членов ЦК. Настрой письма категоричен и фактически не оставляет Сталину почвы для маневрирования в этом вопросе:

«Я решительно против оттяжки вопроса о монополии внешней торговли. Если из каких бы то ни было предположений (в том числе и из предположений, что желательно участие на этом вопросе мое) возникнет мысль о том, чтобы отложить до следующего пленума, то я бы высказался самым решительным образом против, ибо уверен, что Троцкий защитит мои взгляды несколько не хуже, чем я, это — во-первых; во-вторых, Ваше заявление и Зиновьева и, по слухам, также Каменева, подтверждает, что часть членов ЦК изменили уже свое прежнее мнение; третье, и самое главное — дальнейшие колебания по этому важнейшему вопросу абсолютно недопустимы и будут срывать всякую работу.

Ленин 15. XII. 22 г.»⁴⁹

В итоге по настоянию Ленина постановление октябрьского пленума ЦК было отменено. Состоявшийся в декабре 1922 года пленум ЦК партии подтвердил безусловную необходимость сохранения и укрепления монополии внешней торговли. Ленин сразу же отреагировал на это. В письме Троцкому он с удовлетворением констатировал: «Как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на партсъезде вопрос об укреплении внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения. Огласить это на фракции съезда Советов. Надеюсь, возражать не станете и не откажетесь сделать доклад на фракции.

21 декабря 1922 г. Н. Ленин.»⁵⁰

Таким образом, в конце 1922 года, если судить, по приведенным выше фактам, в политическом маневрировании Ленина наметились как бы два важных момента.

⁴⁸ Л.А. Фотиева. О Ленине. С. 226.

⁴⁹ В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 238 - 239.

⁵⁰ В.И. Ленин. ПСС. Т. 54. С.327-328.

Во-первых, он столкнулся с сопротивлением Сталина в вопросе о принципиальной основе образования союзного государства (о чем речь пойдет в следующем разделе), а также в вопросе о защите монополии внешней торговли. Ленин не мог не придти к заключению, что в ряде принципиальных вопросов он не может полностью, как это было прежде, полагаться на Сталина. Последний все в большей мере проявлял свою самостоятельность, внешне иногда выглядящую как строптивость. Конечно, он делал это не демонстративно и вовсе не для простой демонстрации своей независимости и самостоятельности. Речь, если говорить по существу, шла о конкретных практических проблемах, наилучшее решение которых отнюдь не лежало на поверхности. Но в сочетании с другими факторами, а именно подозрением, что Сталин сосредотачивает в своих руках основные рычаги управления партийной машиной, это обстоятельство побудило Ленина — это явилось вторым важным составным звеном его политической стратегии в тот период — искать себе союзника среди очевидных противников Генерального секретаря. Таким союзником, как показал опыт сотрудничества в вопросе о монополии внешней торговли, вполне мог оказаться Троцкий. Временный политический блок с Троцким явился, таким образом, своеобразным симбиозом, основывавшемся, с одной стороны, на попытках Ленина использовать Троцкого в своих текущих целях. С другой стороны, он являлся отчетливым сигналом со стороны Троцкого вступить в развертывавшуюся внутреннюю борьбу в высшем руководстве. Причем не только Ленин, но и Троцкий хорошо понимали, что решающая фаза этой схватки уже неминуема и она не за горами.

Вопрос о блоке Ленина с Троцким. Этот вопрос не кажется таким простым и ясным, как он представляется на первый, поверхностный, взгляд. Мне думается, что принципиальной, стратегической базы для прочного и длительного союза, или блока, между Лениным и Троцким не существовало. Достаточно вспомнить многочисленные расхождения по самым кардинальным проблемам внутренней и внешней политики государства, а также по вопросам внутрипартийной политики, чтобы убедиться в том, что между ними не было реальной почвы для такого долговременного союза. Он мог иметь только тактический характер и преследовал довольно ограниченные цели. Если иметь в виду главные направления внутренней и внешней политики не только в краткосрочной перспективе, но и на длительный, отдаленный период, то время рано или поздно обнажило бы кардинальные расхождения во взглядах обоих политических лидеров партии. Но это уже из области теоретических предположений и гипотез. Но, как я полагаю, такая оценка имеет право на существование.

Ленина к Троцкому качнуло сразу несколько причин: болезнь и связанные с нею опасения, что руль управления может выпасть из его рук и перейти к кому-нибудь другому, например, к Сталину. Так что в Сталине Ленин видел потенциального соперника, а болезненное состояние и ряд столкновений на политической почве, лишь усилили это чувство.

В Троцком он видел временного союзника, которого можно было использовать в интересах внутрипартийной борьбы. При этом Ленину не приходилось испытывать особые опасения в связи с тем, что не только в верхах партии, но и в партийной массе, Троцкого рассматривали не как стопроцентного большевика, а скорее как попутчика, накануне Октябрьской революции посчитавшего политически выгодным примкнуть к лагерю большевиков. Оценивая ситуацию под этим углом зрения, Троцкого лишь с большой натяжкой можно было рассматривать в качестве наиболее серь-

езного претендента на будущую роль вождя большевистской партии. Я полагаю, что все эти моменты Ленин учитывал в своей стратегии внутрипартийной борьбы. И говоря по большому счету, они представляются мне достаточно убедительными и обоснованными.

Эта оценка подкрепляется и выводами, сделанными некоторыми довольно крупными специалистами по биографии “рыцаря перманентной революции” Так немецкий специалист кёльнского института советологии Г.Брам в книге, специально посвященной борьбе Троцкого за политическое наследие Ленина, следующим образом охарактеризовал слабые стороны позиции своего героя. В частности, он обращает внимание на то, что Троцкий не обладал сильными позициями в партии. “Высшие партийные функционеры все еще смотрели на Троцкого как бы со стороны и недоверчиво. Он как раз не принадлежал к двенадцати апостолам, а был Павлом, который читал проповеди в пустыне. Он всегда упускал возможность завести себе друзей среди старых большевиков и создать свой собственный аппарат. Собственными сторонниками он располагал только среди коммунистической молодежи и в Красной армии. В первую очередь профсоюзная дискуссия нанесла удар по его престижу в партии и в рабочем классе в целом. Троцкий был не только убежден в том, что история предназначила ему особую роль, но и давал это всем почувствовать.”⁵¹

Далее автор отмечает еще такой момент: характер Троцкого вызывал у многих не просто неодобрение, а зачастую даже ненависть. Важной составляющей общего отношения к Троцкому выступали и опасения, что он лелеет бонапартовские мечты и попытается при случае их реализовать.

С приведенной характеристикой вполне корреспондирует и оценка, принадлежащая перу одного из наиболее крупных специалистов по истории Советской России английского историка Э.Х.Карра: “Троцкий, новичок в партии, с репутацией несогласного с ее линией в прошлом, начиная с 1917 года занимал командные посты только благодаря постоянной поддержке Ленина. Лишенный тылов, он оказался в изоляции и не мог да и не был в состоянии претендовать на лидерство в партии. Его ближайшие товарищи относились к нему с ревнивой недоброжелательностью, он же обращался с ними с некоторой долей надменности; то, что Троцкий в свое время был сторонником милитаризации труда, вызывало к нему подозрение в кругах профсоюзных деятелей.”⁵²

В политических расчетах Ленина при создании блока с Троцким все эти существенные обстоятельства, несомненно, принимались в расчет. Так что в сложившейся ситуации нет ничего удивительного, что Ленин склонился к идее тактического блока с Троцким, который, кроме всего прочего, располагал таким рычагом воздействия, каким являлась Красная армия, находившаяся под его непосредственным руководством.

Сам же Троцкий в своих книгах и статьях рисует иную картину. Он преподносит дело так, будто Ленин пошел на сближение и даже на блок с ним по сугубо принципиальным мотивам, стремясь отстранить от власти Сталина и нанести смертельный удар укреплявшему свои позиции аппарату. Заранее извиняясь за столь обширную

⁵¹ *Heinz Brahm. Trotzkijs Kampf um die Nachfolge Lenins. Köln. 1963. SS. 74-75.*

⁵² *Э.Х.Карр. Русская революция. От Ленина до Сталина. 1917 – 1929. М. 1990. С. 72.*

цитату, приведу то, как лично сам Троцкий описывает свою решающую беседу с Лениным:

«Горячо, настойчиво, явно волнуясь, Ленин излагал свой план. Силы, которые он может отдавать руководящей работе, ограничены. У него три заместителя. «Вы их знаете. Каменев, конечно, умный политик, но какой же он администратор? Цюрупа болен. Рыков, пожалуй, администратор, но его придется вернуть на ВСНХ. Вам необходимо стать заместителем. Положение такое, что нам нужна радикальная личная перегруппировка». Я опять сослался на «аппарат», который все более затрудняет мне работу даже и по военному ведомству.— Вот вы и сможете перетряхнуть аппарат,— живо подхватил Ленин, намекая на употребленное мною некогда выражение.— Я ответил, что имею в виду не только государственный бюрократизм, но и партийный; что суть всех трудностей состоит в сочетании двух аппаратов, и во взаимном укрывательстве влиятельных групп, собирающихся вокруг иерархии партийных секретарей. Ленин слушал напряженно и подтверждал мои мысли тем глубоким грудным тоном, который у него появлялся, когда он, уверившись в том, что собеседник понимает его до конца, и отбросив неизбежные условности беседы, открыто касался самого важного и тревожного. Чуть подумав, Ленин поставил вопрос ребром: «Вы, значит, предлагаете открыть борьбу не только против государственного бюрократизма, но и против Оргбюро ЦК?» Я рассмеялся от неожиданности. Оргбюро ЦК означало самое средоточие сталинского аппарата.— Пожалуй, выходит так.— Ну, что ж,— продолжал Ленин, явно довольный тем, что мы назвали по имени существо вопроса,— я предлагаю вам блок: против бюрократизма вообще, против Оргбюро в частности.— С хорошим человеком лестно заключить хороший блок,— ответил я.— Мы условились встретиться снова через некоторое время. Ленин предлагал обдумать организационную сторону дела. Он намечал создание при ЦК комиссии по борьбе с бюрократизмом. Мы оба должны были войти в нее. По существу эта комиссия должна была стать рычагом для разрушения сталинской фракции, как позвоночника бюрократии, и для создания таких условий в партии, которые дали бы мне возможность стать заместителем Ленина, по его мысли: преемником на посту председателя Совнаркома.⁵³

Троцкий нарисовал поистине грандиозную картину решительного и бескомпромиссного наступления на Сталина и его сторонников при полной поддержке и даже активном участии самого Ленина. Более того, фактически ни на чем не основываясь, кроме своих карьеристских амбиций, он утверждает, что Ленин мыслил Троцкого своим преемником на посту председателя Совнаркома. А это и была самая вожденная цель Троцкого, почуявшего, что место главы правительства в скором времени станет вакантным. Для достижения этой цели нужно было только сокрушить Сталина и его фракцию.

Что ж, цели вроде благородные и методы вполне приемлемые. Выступить в роли сокрушителя бюрократии и, таким образом, спасителя революционных завоеваний — что еще может быть более привлекательным для образа «перманентного революционера»! Любопытно, однако, еще одно обстоятельство: в своем жизнеописании Троцкий хвастливо, но опять-таки полностью безосновательно, утверждал, что и без непосредственной помощи Ленина он весной 1923 года мог одержать решающую по-

⁵³ Лев Троцкий. Моя жизнь. С.455 - 456.

беду в этой борьбе. “Совместное наше выступление против Центрального Комитета в начале 1923 г. обеспечило бы победу наверняка. Более того. Я не сомневаюсь, что если б я выступил накануне XII съезда в духе «блока Ленина–Троцкого» против сталинского бюрократизма, я бы одержал победу и без прямого участия Ленина в борьбе.”⁵⁴

Оставим на совести неудавшегося триумфатора его утверждения о неизбежности его победы весной 1923 года, если бы он выступил даже один, без поддержки Ленина. В скобках, кстати, можно поставить и коварный вопрос: почему же он, будучи уверенным в своей победе и без личной поддержки Ленина, не пошел на этот шаг? Вряд ли соображения чисто морального свойства играли здесь первую скрипку – мол, в партии в столь напряженный период развертывание открытой борьбы в верхах было бы расценено как схватка наследников у постели умиравшего вождя. Оставим историкам возможность более обстоятельно проанализировать реальную обоснованность подобного рода заявлений. В свете того, что мною уже было сказано ранее, возможность победы Троцкого мне кажется не просто маловероятной, а и вовсе невероятной.

Привлекает к себе внимание еще один весьма любопытный момент. В период развертывания подкованной борьбы между партийными “диадочами”, – а активизация их противоборства почему-то, как правило, приходилась на периоды ухудшения состояния вождя, – Троцкий всячески стремился использовать обращения к нему Ленина с целью укрепления своих позиций и личного престижа. Историк Н. Васецкий не без оснований замечает в связи с этим: “Троцкий явно стремился использовать просьбы Ленина в целях поднятия собственного авторитета. Не исключено, что не без его участия или, по крайней мере не без участия его приближенных весной 1923 года, в особенности после опубликования 12 марта правительственного сообщения об обострении болезни Ленина по Москве стали распространяться слухи о том, что именно Троцкий окажется преемником Ленина.”⁵⁵

В исторической литературе бытует версия, что Троцкий уже тогда мог совершить государственный переворот, опираясь на свои позиции в Красной армии. Вот утверждение активного сторонника Троцкого Виктора Сержа на этот счет: “Армия и даже ГПУ приняли бы Троцкого подавляющим большинством, если бы он захотел; ему это не раз повторяли.”⁵⁶ И главным сдерживающим мотивом для Троцкого якобы явилось то, что он принадлежал к числу принципиальных противников государственного переворота в рамках социалистического строя, поскольку, мол, такой переворот с неизбежностью перерастет в военную и полицейскую диктатуру.

Были ли шансы у Троцкого совершить такой переворот – вопрос скорее риторический, нежели практический. И хотя сейчас представляется невозможным прояснить до конца и с полной определенностью вероятность, а тем более успешную вероятность, подобного рода переворота, априори можно утверждать: все это не могло быть, чем-либо иным, кроме как политической фантазией. Система власти, как и

⁵⁴ Лев Троцкий. Моя жизнь. С. 358.

⁵⁵ Николай Васецкий. Ликвидация. Сталин, Троцкий, Зиновьев. Фрагменты политических судебных. М.1989. С. 29.

⁵⁶ Виктор Серж. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. М. 2001. С. 284.

ее структура, исключали возможность подобного переворота, а если бы Троцкий попытался его осуществить, переворот обернулся бы жалким фарсом. Не стоит также преувеличивать степень единоличной власти председателя Реввоенсовета в самой Красной армии в то время. Важнейшие решения, в том числе и касающиеся управления войсками, были и оставались исключительной прерогативой Политбюро. Постепенно, как Генеральный секретарь, Сталин наращивал свое влияние на военные дела. Так что вся совокупность реальных факторов делала военный путь захвата власти исключенным. Возможно, именно по данной причине Троцкий цеплялся, как утопающий за соломинку, за “блок” с Лениным — главный инструмент его политического выживания.

В дополнение надо сказать, что в партийных верхах во время болезни Ленина и вскоре после его смерти имели довольно широкое распространение версии иного рода. Они совсем в другом ракурсе повествуют о так называемом блоке Ленина с Троцким. Так, Е.М.Ярославский (в 1921 году секретарь ЦК), в своих воспоминаниях о последней встрече с Лениным, написанных в 1924 году, передавал разговор видного в то время литератора Л.Л.Авербаха с Троцким.

По словам самого Авербаха, *“Л. Д. (Л.Д.Троцкий — Н.К.) уверял его, что он после смерти Ленина является единственным последовательным проводником ленинской линии против антиленинского ЦК. Л. Д. рассказал ему, что в конце 1922 г., когда Ленин еще мог сноситься с товарищами, он убеждал т. Троцкого вступить с ним, Лениным, в блок с тем, чтобы изменить руководство в ЦК. В данном случае Т. Ленин имел в виду создание тройки: Ленин, Сталин, Троцкий и удаление от руководящей роли в ЦК тт. Зиновьева и Каменева. Троцкий, будто бы, колебался вначале, но Ильич был настойчив и требовал от него этого; наконец сообщил, будто бы, Троцкому, что он окончательно решил этот вопрос и поставил его в Политбюро на ближайшем заседании (даже, как будто, речь шла о том, чтобы на завтра поставить этот вопрос в Политбюро ЦК). Но тут Ленин серьезно заболел и вопрос не был поставлен. Авербах просил меня держать это сообщение в секрете и объяснил, что делает мне это сообщение, уезжая на Урал и опасаясь, что этим кто-нибудь будет спекулировать, что возможно (и даже наверно), что Троцкий не ему одному это сообщил. Он спросил меня, как я отношусь к этому, считаю ли я правдоподобным такую комбинацию, такой ход со стороны Владимира Ильича.*

Я сказал Авербаху, что, по-моему, Троцкий обобщает частный случай.”⁵⁷

Далее Е.Ярославский заключает: “Думаю, что Троцкий здесь явно обобщает факт отдельного обращения Ильича к нему по отдельному поводу. Все, что я сам наблюдал в отношениях между Лениным и Троцким, отнюдь не давало повод допустить возможность серьезной опоры Ленина на Троцкого. Наоборот, Ленин неоднократно выражал крайнее недовольство Троцким, говорил, что он «смертельно устал» от истерики Троцкого.”⁵⁸

Читатель, видимо, уже окончательно запутался в различных версиях блока Ленина с Троцким. Последний уверяет, что этот блок был направлен против Сталина. Ярославский говорит о блоке Ленина, Троцкого и Сталина против Зиновьева и Каменева. Словом, сплошная путаница.

⁵⁷ “Известия ЦК КПСС.” 1989г. № 4. С. 188.

⁵⁸ “Известия ЦК КПСС.” 1989г. № 4. С. 189.

Мне представляется, что рассказ Ярославского (известного своей приверженностью и прямо-таки рабской преданностью Сталину) едва ли основывается на реальных фактах. Он скорее относится к числу слухов и мифов, которые распространялись тогда в партийных верхах и сами по себе служили подспудным орудием внутривнутрипартийной борьбы. Не исключено, что идею Ярославскому подбросил не кто иной, как сам Сталин, чтобы окончательно запутать всю картину внутривнутрипартийной борьбы в тот период. Что заслуживает большего доверия, так это замечание Ярославского о чисто тактическом характере блока Ленина с Троцким.

В завершении темы блока Ленина с Троцким необходимо упомянуть еще один весьма существенный факт. 11 сентября 1922г. Ленин обратился с письмом к Сталину как секретарю ЦК поставить на голосование предложение о назначении еще двух заместителей председателя СНК (кроме Цюрюпы) и зам. Председателя Совета труда и обороны, именно: «товарищей Троцкого и Каменева. Распределить между ними работу при участии моем и, разумеется, Политбюро, как высшей инстанции.

11 сентября 1922

В.Ульянов (Ленин).”

Голосование членов Политбюро по телефону

1) «За» (Сталин).

2) «Категорически отказываюсь» (Троцкий)

3) «за» (Рыков).

4) «воздерживаюсь» (Томский).

5) «не возражаю» (Калинин).

6) «воздерживаюсь» (Каменев).⁵⁹

Как видим, именно сам Троцкий в категорической форме отклонил предложение Ленина, в целом поддержанное Политбюро. Какими же мотивами он руководствовался при этом? Сам он пишет по этому поводу следующее: “Нет никакого сомнения в том, что для текущих дел Ленину было во многих случаях удобнее опираться на Сталина, Зиновьева или Каменева, чем на меня... Ленину нужны были послушные практические помощники. Для такой роли я не годился.”⁶⁰ Иными словами, он метил не в заместители Ленина, наряду с тремя другими деятелями партии, а на нечто большее. По крайней мере, пост единственного заместителя его, видимо, устроил бы. Думаю, как-то комментировать отказ Троцкого нет никакой нужды: факты говорят за себя сами. Однозначно они говорят и о том, что Сталин высказался за назначение Троцкого одним из заместителей председателя СНК. И это – прямое свидетельство чрезвычайно тонкой и продуманной тактики со стороны Сталина, поскольку, будучи одним из трех заместителей, Троцкий несколько не укреплял свои реальные позиции. Можно предположить, что Сталин был заранее уверен в отрицательной реакции Троцкого на такое предложение, в частности, и по этой причине и выступил формально в его поддержку.

Письмо к съезду. Само политическое завещание Ленина (если под ним понимать письмо к съезду) было продиктовано Лениным в 20-х числах декабря 1922 года, дополнение к нему – 4 января 1923г. История сохранила любопытные (хотя и весьма отрывочные и суховатые) записи секретарей Ленина, которые писали под его дик-

⁵⁹ В.И. Ленин. Известные документы. 1891 – 1922. С. 548-549.

⁶⁰ Лев Троцкий. Моя жизнь. С. 454.

товку. Есть смысл воспроизвести некоторые из этих записей, чтобы читатель мог ощутить атмосферу, в которой рождалось письмо к съезду, и уловить то, какое значение сам Ленин придавал своим диктовкам. Полутно надо отметить, что по мнению ряда историков, некоторые записи в книгу секретарей внесены позднее, что снижает их историческую достоверность. Хотя, конечно, в целом их подлинность и достоверность не вызывает серьезных сомнений.

Итак, 23 декабря (завись М. А. Володичевой).

“В начале 9-го Владимир Ильич вызывал на квартиру. В продолжение 4-х минут диктовал. Чувствовал себя плохо. Были врачи. Перед тем, как начать диктовать, сказал: «Я хочу Вам продиктовать письмо к съезду. Запишите!». Продиктовал быстро, но болезненное состояние его чувствовалось. По окончании спросил, которое число. Почему такая бледная, почему не на съезде, пожалел, что отнимает время, которое я могла бы пробывать там. Никаких распоряжений я не получила больше.

24 декабря (запись М. А. Володичевой).

На следующий день (24 декабря) в промежутке от 6 до 8-ми Владимир Ильич опять вызывал. Предупредил о том, что продиктованное вчера (23 декабря) и сегодня (24 декабря) является абсолютно секретным. Подчеркнул это не один раз. Потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать категорически секретным.»⁶¹

Из записей секретарей видно, что Ленин опасался, что его письмо преждевременно станет известным тем фигурам, в частности, Сталину, которых оно непосредственно касалось. В исторической науке на протяжении довольно длительного времени считалось, что Сталин узнал о первой части завещания Ленина чуть ли не сразу по ее написании. Высказывалась даже версия, что этот секрет ему могла передать его жена Н.С.Аллилуева, работавшая в секретариате Совнаркома. Однако все эти предположения оказались ложными.

Сталин действительно сразу же узнал о содержании диктовок Ленина, но не через свою жену, а непосредственно от тех, кто записывал письмо Ленина. В конце 80-х годов стали достоянием известности документы, подтверждающие это. Вот письмо Л.Фотиевой, раскрывающей обстоятельства этого эпизода:

“Л. А. ФОТИЕВА — Л. Б. КАМЕНЕВУ

1981

29/ХІІ—22. Товарищу Сталину в субботу 23/ХІІ было передано письмо Владимира Ильича к съезду, записанное Володичевой. Между тем, уже после передачи письма выяснилось, что воля Владимира Ильича была в том, чтобы письмо это хранилось строго секретно в архиве, можно* быть распечатано только им или Надеждой Константиновной и должно было быть предъявлено кому бы то ни было лишь после его смерти. Владимир Ильич находится в полной уверенности, что он сказал это Володичевой при диктовке письма. Сегодня, 29/ХІІ, Владимир Ильич вызвал меня к себе и переспросил сделана ли на письме соответствующая пометка и повторил, что письмо должно быть оглашено лишь в случае его смерти. Я, считаясь со здоровьем Владимира Ильича, не нашла возможным ему сказать, что пропущена ошибка и оставила его в уверенности, что письмо никому неизвестно и воля его исполнена.

Л. А. Фотиева (1906-1977) и Сталин

⁶¹ В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 474.

* Описка: следует читать — может.

Я прошу товарищей, которым стало известно это письмо, ни в коем случае при будущих встречах с Владимиром Ильичем не обнаруживать сделанной ошибки, не давая ему никакого повода предположить, что письмо известно и прошу смотреть на это письмо, как на запись мнения Владимира Ильича, которую никто не должен был бы знать.

29/ХП-22 г. Л. Фотиева.⁶²

В тот же день, отдавая себе отчет во всей значимости и возможных последствиях происшедшего, Каменев пишет записку Сталину такого содержания:

“Л. Б. КАМЕНЕВ – И. В. СТАЛИНУ

(29 декабря 1922 г.)

Т. Сталину

Тов. Л. А. Фотиева явилась ко мне сего 29/ХП в 23 часа и сначала устно, а затем письменно сделала вышеизложенное заявление. Я считаю нужным познакомить с ним тех членов ЦК, которые узнали содержание письма Владимира Ильича (мне известно, что с содержанием его знакомы т.т. Троцкий, Бухарин, Орджоникидзе и ты). Я не говорил никому ни словом, ни намеком об этом письме. Полагаю, что также поступили и все вышеназванные товарищи. Если же кто-либо из них поделился с другими членами ЦК содержанием письма, то до сведения соответствующих товарищей должно быть доведено и это заявление т. Фотиевой.⁶³

Первое, что бросается в глаза, так это та поистине удивительная, почти моментальная скорость, с которой сверхсекретное письмо Ленина стало достоянием известности не только Сталина, но и ряда других лиц, включая Троцкого. Видимо, в верхах царил обстановка чуть ли не повальной шпиономании. По крайней мере, главные заинтересованные лица с самого начала были уже в курсе того, что больной вождь разрабатывает серьезные планы коренных реорганизаций в высших эшелонах власти, причем самым деликатным моментом в этих планах являлись персональные оценки лидеров партии, реально претендовавших на ведущую роль в выработке политической стратегии партии.

Еще раз заметим, что не один Сталин, но и Троцкий и другие уже знали, о чем идет речь в письме к съезду. Некоторые биографы Сталина до недавних пор акцентировали внимание на том, что Сталин установил за Лениным настоящую слежку, обложил его своими людьми и через них узнавал все, что предпринимает Ленин и что творится вокруг него. Реальные же факты не согласуются с подобными утверждениями: о секретах Ленина скоро узнавали и другие представители руководящей верхушки, и не в последнюю очередь Троцкий.

Буквально в эти же дни произошел и другой эпизод, последствия которого имели далеко идущие последствия как для Сталина, так и для развертывания борьбы вокруг политического наследия Ленина. Но что особенно важно, они серьезным образом осложнили осложнения между Сталиным и больным вождем. Речь идет о письме Н.К.Крупской, впервые опубликованном лишь в 1956 году. Вот это письмо:

“Н. К. КРУПСКАЯ – Л. Б. КАМЕНЕВУ

23/ХП

Лев Борисыч,

⁶² “Известия ЦК КПСС.” 1990г. № 1. С. 157.

⁶³ “Известия ЦК КПСС.” 1990г. № 1. С. 159.

по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию (т.е. Зиновьеву — *Н.К.*), как более близким товарищам В. И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая и нервы напряжены у меня до крайности.

Н. Крупская.⁶⁴

Известия ЦК КПСС. 1989г. № 12. С. 192.

Сталину, как уже упоминалось выше, было вменено в обязанность вести строгий контроль за соблюдением режима лечения Ленина. Так что его упрек в адрес Крупской, под диктовку Ленина записавшей письмо Троцкому, нельзя считать чем-то из ряда вон выходящим. Поскольку было установлено, что общим правилам обязаны были подчиняться и близкие Ленина.⁶⁵ Другой вопрос, что особое негодование Сталина мог вызвать не только факт нарушения Крупской общего правила, но и то, что она записала письмо именно Троцкому (по вопросу о монополии внешней торговли). На этом акцентируют внимание те, кто рассматривает Сталина в качестве интригана и политического монстра. Их точке зрения соответствует именно такая интерпретация данного инцидента. Вот, например, оценка данного эпизода в брошюре о политическом завещании Ленина, написанной в разгар перестройки: "... во-первых, письмо было адресовано не ему, а Троцкому, а, во-вторых, оно означало сохранение политической активности Ленина, было фактом его продолжающегося участия в жизни партии и государства, а значит, становилось нежелательным и даже опасным прецедентом. Вряд ли иначе можно объяснить откровенный срыв, который позволил себе Сталин в отношении супруги больного вождя."⁶⁶

Изложенная выше оценка поступка Сталина, конечно, не являлась каким-то откровением или новацией. Еще задолго до перестройки и развертывания в ее ходе второго (возможно, второго только по очередности, но первого по масштабности и интенсивности) со времени XX съезда партии мощного вала изобличений Сталина, среди эмигрантов русского происхождения, преимущественно меньшевиков, бытовало мнение, откровеннее всего высказанное Б. Николаевским (о нем уже речь шла в одной из предыдущих глав). Б. Николаевский утверждал, что выходка Сталина носила характер не проявления грубости и несдержанности (мол, Сталин, когда ему было

⁶⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 54. С. 674 - 675.

⁶⁵ Сталин еще за день до письма Н. Крупской в записке, адресованной Каменеву, выразил удивление: "как мог Старик (так Ленина называли между собой в узком кругу его соратники — *Н.К.*) организовать переписку с Троцким при абсолютном запрещении Ферстера." "Известия ЦК КПСС." 1989г. № 12. С. 192. Видимо, Сталин был буквально взбешен фактом нарушения предписаний врачей (и соответствующего решения Пленума ЦК) относительно строгого соблюдения режима, установленного для больного.

⁶⁶ А. Рубцов, А. Разумов. Политическое завещание В. И. Ленина. М. 1989. С. 40.

нужно умел себя прекрасно контролировать), а диктовалась далеко идущим политическим расчетом. Вот трактовка этого эпизода в изложении яркого противника большевизма: “Грубостью природы его поведение не объяснить. Дело не в потере самообладания, а в сознательной игре: Сталин умышленно говорил грубости секретаршам Ленина и умышленно же грубо оскорбил его жену, стремясь, чтобы обо всем этом стало известно больному Ленину, которого такое поведение Сталина не могло не приводить в негодование. Ленин был очень сдержанной и скрытной натурой, но именно от таких рассчитанно грубых поступков он приходил в состояние холодной ярости, близкой к нервному заболеванию. А в тогдашнем состоянии Ленина эта степень нервного напряжения не могла не повести к удару.”⁶⁷

Не станем вдаваться в детали этого эпизода. Его можно толковать по-разному в зависимости от того, какую позицию истолкователь априори занимает по отношению к Сталину. По крайней мере, по прошествии восьми десятков лет едва ли возможно строго достоверно определить, какими мотивами руководствовался Сталин, делая выговор Н.Крупской. Надо считать его запатентованным злодеем, чтобы без всяких на то оснований (кроме разве чисто умозрительных) толковать действия Сталина как психологический удар, рассчитанный ускорить смерть вождя. Таким запатентованным злодеем Сталин мне не представляется и я больше резона и реального объяснения случаю с Крупской вижу в том, что Сталин неукоснительно следил за строгим соблюдением режима, установленного для больного врачами. Не надо забывать, что на него была возложена и персональная ответственность за соблюдение режима. Так что чего-либо сверхординарного в реакции Сталина на нарушение этого режима усмотреть можно лишь тогда, когда этого очень желаешь. Для большей убедительности в защиту своей точки зрения сошлюсь на свидетельство сестры Ленина М.Ульяновой. Вот ее рассказ по поводу данного эпизода.

“Врачи настаивали, чтобы В. И. не говорили ничего о делах. Опасаться надо было больше всего того, чтобы В. И. не рассказала чего-либо Н. К., которая настолько привыкла делиться всем с ним, что иногда совершенно произвольно, не желая того, могла проговориться. Следить за тем, чтобы указанное запрещение врачей не нарушалось, ПБ поручило Сталину. И вот однажды, узнав, очевидно, о каком-то разговоре Н. К. с В. И., Сталин вызвал ее к телефону и в довольно резкой форме, рассчитывая, очевидно, что до В. И. это не дойдет, стал указывать ей, чтобы она не говорила с В. И. о делах, а то, мол, он ее в ЦКК потянет. Н. К. этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и пр. Об этом выговоре она рассказала В. И. через несколько дней, прибавив, что они со Сталиным уже помирились. Сталин, действительно, звонил ей перед этим и, очевидно, старался сгладить неприятное впечатление, произведенное на Н. К. его выговором и угрозой. Но об этом же крике Сталина по телефону она рассказала Каменеву и Зиновьеву, упомянув, очевидно, и о кавказских делах.”⁶⁸

Весьма драматическим, и даже можно сказать трагическим, был финал этого конфликта, который завершился в начале марта 1923 года. Судя по всему (и вопреки предположениям некоторых авторов), Ленин узнал о грубой выходке Сталина по

⁶⁷ Б.И. Николаевский. Тайные страницы истории. М. 1995. С. 175.

⁶⁸ “Известия ЦК КПСС.” 1989г. № 12. С. 198.

отношению к Крупской не вскоре после самого разговора, а в начале марта 1923 года. Тогда же он продиктовал свое знаменитое письмо, ставшее самым мощным оружием в борьбе противников Сталина в годы борьбы с оппозицией. Это письмо до сих пор будоражит ума и сердца людей, интересующихся советской историей. Оно до наших дней остается объектом различных интерпретаций, часто построенных на эмоциональной, нежели строго исторической основе.

Приведем текст этого письма В.И.Ленина — одно из последних, которое дано было ему продиктовать.

“ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Строго секретно.

Лично.

Копия гг. Каменеву и Зиновьеву

Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением Ленин

5-го марта 23 года.⁶⁹

Надо добавить несколько слов об обстоятельствах, сопровождавших написание и отправку этого злополучного письма. Эти обстоятельства следующим образом отражены в записях дежурных секретарей.

“5 марта (запись М. А. Володичевой).

Владимир Ильич вызывал около 12-ти. Просил записать два письма: одно Троцкому, другое — Сталину; передать первое лично по телефону Троцкому и сообщить ему ответ как можно скорее. Второе пока просил отложить, сказав, что сегодня у него что-то плохо выходит. Чувствовал себя нехорошо.

6 марта (запись М. А. Володичевой).

Спросил об ответе на первое письмо (ответ по телефону застенографирован). Прочитал второе (Сталину) и просил передать лично из рук в руки и получить ответ. Продиктовал письмо группе Мдивани. Чувствовал себя плохо. Надежда Константиновна просила этого письма Сталину не посылать, что и было сделано в течение 6-го. Но 7-го я сказала, что я должна исполнить распоряжение Владимира Ильича. Она переговорила с Каменевым, и письмо было передано Сталину и Каменеву, а затем и Зиновьеву, когда он вернулся из Питера. Ответ от Сталина был получен тотчас же после получения им письма Владимира Ильича (письмо было передано мной лично Сталину и мне был продиктован его ответ Владимиру Ильичу). Письмо Владимиру Ильичу еще не передано, т. к. он заболел.»⁷⁰

По прошествии многих лет (в 1967г.) сама Володичева в беседе с писателем А.Беком так описала обстоятельства вручения ею письма и ответа на него Сталина:

⁶⁹ В.И.Ленин. ПСС. Т. 54. С. 329-330.

⁷⁰ Там же. Т. 45. С. 486.

“Передавала письмо из рук в руки. Я просила Сталина написать письмо Владимиру Ильичу, так как тот ожидает ответа, беспокоится. Сталин прочел письмо стоя, тут же при мне, лицо его оставалось спокойным. Помолчал, подумал и произнес медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, делая паузы между ними: «Это говорит не Ленин, это говорит его болезнь». И продолжал: «Я не медик, я – политик. Я Сталин. Если бы моя жена, член партии, поступила неправильно и ее наказали бы, я не считал бы себя вправе вмешиваться в это дело. А Крупская – член партии. Но раз Владимир Ильич настаивает, я готов извиниться перед Крупской за грубость».”⁷¹

Письменный ответ Сталина был таков:

“7 марта 1923 г.

Т. Ленину от Сталина.

Только лично.

Т. Ленин!

Недель пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: «Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем, Вы, Надежда Константиновна, оказывается, нарушаете этот режим; нельзя играть жизнью Ильича» и пр.

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое «против» Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрого Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего, собственно, от меня хотят.

И. Сталин.”⁷²

Письмо В. И. Ленина и ответ И. В. Сталина хранились в официальном конверте Управления делами Совнаркома, на котором было помечено: «Письмо В. И. от 5/III–23 г. (2 экз.) и ответ т. Сталина, не прочитанный В.И. Лениным. Единственные экземпляры».

Завершая, повествование о личных сюжетах из отношений между Лениным и Сталиным, можно отметить, что они сыграли свою существенную роль в развитии политического конфликта между ними. Со стороны Ленина четко проглядывает линия резкой отчужденности, почти неприкрытой враждебности, ультимативный тон. Можно сказать, что он публично бросил Сталину перчатку (иначе зачем было чисто личное письмо адресовать в копиях Каменеву и Зиновьеву). И это был не просто личный вызов, а вызов политический, со всеми вытекающими из этого факта последствиями.

Сталин ответил отнюдь не с холопским испугом. Он проявил не только свое упрямство, отказываясь признать свою вину, но и вообще непонимание того, зачем

⁷¹ “Московские новости”. № 17. 23 апреля 1989г. С. 8.

⁷² “Известия ЦК КПСС”. 1989г. № 12. С. 193.

из-за такого, казалось бы мелкого эпизода, заваривать “такую кашу”. Его извинение звучит вымученным, сугубо казенным. Не случайно, что Каменев в тот же день, 7 марта, в письме Зиновьеву так комментировал развитие событий: он сообщал, что Ленин “послал Сталину (копия мне и тебе) персональное письмо, которое ты, наверно, уже имеешь. Сталин ответил весьма сдержанным и кислым извинением, которое вряд ли удовлетворит Старика.”⁷³

Логично предположить, что последнее, уже ультимативное письмо Сталин воспринял как логическое продолжение серии политических атак, обрушившихся на него со стороны Ленина в последнее время. Он, безусловно, увязывал политические обвинения в свой адрес с личными нападками Ленина и отдавал отчет в серьезности своего положения. И тем не менее поведение Сталина в этот трудный для него период не отличалось признаками нервозности, а тем более паники. По крайней мере, исторические источники не опровергают данное предположение.

Трудно сказать, какой была бы реакция Сталина, если бы Ленин не находился в столь болезненном состоянии, о чем Сталин безусловно был осведомлен. Принимая во внимание свойства его характера, а также убежденность в своей полной правоте, можно предположить, что ответ его Ленину носил примерно такой же характер. По крайней мере совершенно очевидно, что над политической судьбой Сталина нависла, может быть, самая серьезная угроза за всю его карьеру в большевистской партии. И надо сказать, что фатальное ухудшение личных отношений с вождем выступало не в качестве самой большой опасности, перед которой он оказался весной 1923 года. Значительно более глубокий и более серьезный характер носили политические аспекты конфликта с Лениным. Хотя при этом не надо упускать из вида то, что я уже писал выше об отсутствии разногласий между ними по коренным вопросам политики. При всей серьезности нынешние их разногласия не могли поставить Ленина и Сталина по разные стороны политических баррикад.

Перейдем теперь к рассмотрению конкретных политических моментов, содержащихся в ленинском письме к съезду. Прежде всего тех, что имеют непосредственное отношение к Сталину.

Через все ленинское письмо красной нитью проходит его обеспокоенность проблемой сохранения единства партии, лихорадочный поиск путей и средств преодоления раскола внутри руководства. Важно обращать внимание не только на то, что он пишет, но и на то, о чем он умалчивает, но что само собой читается между строк. Все содержание и тональность, в котором выдержано письмо к съезду, невольно подталкивает к выводу: раскол партийного руководства вождь считала более чем вероятным, в каком-то смысле даже неотвратимым. Отсюда жесткость характеристик, открытое и чрезвычайно акцентированное подчеркивание опасности такого раскола. Апеллируя к невидимым делегатам съезда (а, возможно, скорее всего к своим соратникам, поскольку у Ленина не могло быть твердой уверенности, что его письмо станет известно делегатам предстоявшего XII съезда партии) он пишет:

“Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе...”

В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни. Мне думается, что нашему Центральному Комитету грозили бы большие опасности на случай, если бы течение событий не было бы вполне благоприятно для нас (а на это мы рассчитывать не можем), — если бы мы не предприняли такой реформы...

Такая реформа значительно увеличила бы прочность нашей партии и облегчила бы для нее борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы. Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз.

Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше, я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты...

Наша партия опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения. На этот случай принимать те или иные меры, вообще рассуждать об устойчивости нашего ЦК бесполезно. Никакие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол. Но я надеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нем говорить.

Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.⁷⁴

И затем Ленин переходит об общеполитических и теоретических рассуждений, которые сами по себе едва ли могли сыграть сколько-нибудь значительную роль в качестве противовеса расколу партии, к оценке личных качеств виднейших представителей тогдашнего руководства ЦК. Много домыслов и предположений высказывалось в связи с тем выбором лиц, на которых Ленин счел необходимым остановиться в своем завещании. До сих пор в историографии данной проблемы нет единой и достаточно обоснованной позиции, объясняющей включение одних и исключение других из списка подлежащих, так сказать, ленинской аттестации. В этом вопросе много неясных, и, видимо, мало доступных для обоснованного исторического объяснения, моментов. Почему, например, из их числа выпали члены Политбюро Рыков и Томский, игравшие в дальнейшем видную роль в партии? Рыков, к тому же, стал преемником Ленина на посту председателя Совнаркома. Почему в нем уделено внимание Пятакову, и тогда, и впоследствии игравшего довольно скромную роль. Перечень этот можно продолжить. Но это мало что прояснит.

Вообще говоря, ленинскому письму к съезду присуща определенная двойственность. Он говорит о том, что гарантией против раскола в партии может стать увеличение численного состава ЦК и в то же время выражает сомнение насчет того, что это может принести необходимый результат в случае нарушения отношений между рабочим классом и крестьянством. В этом заложено понимание первостепенной роли прежде всего факторов глубинного объективного порядка, а не каких-то чисто организационных мер, какими бы радикальными они ни были. Ленин дает емкие и разносторонние характеристики ведущих партийных деятелей, но центр тяжести его высказываний лежит явно в критической плоскости. Отсюда, следуя строгой логике, надлежит сделать вывод, что никто из тогдашних ведущих политических фигур в больше-

⁷⁴ В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 343-344.

вистском руководстве, собственно, не мог претендовать на роль политического лидера. Каких-либо других лиц он не называет, и создается невольное впечатление, что партии, собственно, и не из кого выбирать преемника Ленина. Нет в его письме и четкого указания на необходимость ввести институт коллективного руководства как хотя бы паллиативного противовеса тенденциям к расколу и обострению внутрипартийной борьбы. Словом, многие аспекты ленинского завещания вызывают вопросы, ответа на которые мы там не находим.

Вернемся, однако, к квинтэссенции ленинского завещания, к характеристике двух главных претендентов на роль лидера — Сталина и Троцкого. «Я думаю, — диктовал Ленин — что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избежит и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек.

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватющий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.»⁷⁵

Строго говоря, оценка, если на нее смотреть через призму политических очков, довольно сбалансирована. Ленин первым называет Сталина и выражает по его поводу лишь два упрека (их скорее можно воспринимать как некоторое сомнение и опасение, а не как явную уверенность и убежденность). Примечательно и место, где говорится, что Сталин и Троцкий — два выдающихся вождя современного ЦК.

Анализируя ленинское письмо к съезду, обратим внимание еще на несколько моментов. Сама фраза «сделавшись генсеком» звучит как-то двусмысленно: как будто он сам себя сделал генсеком, а не был избран пленумом ЦК с участием и самого Ленина. Но Ленина, очевидно, тревожит прежде всего не сам пост генсека, а то, что именно этот пост позволил Сталину за столь короткий срок (всего неполных восемь месяцев) сосредоточить в своих руках «необъятную власть». Последний термин тоже нуждается в пояснении, поскольку действительно необъятной властью в то время не обладал даже сам Ленин. В.М.Молотов приводит один любопытный эпизод, связанный с выборами членов Политбюро на том самом пленуме, когда Сталин был избран генсеком. По воспоминаниям Молотова, произошел следующий эпизод: «Новый пленум собрался после XI съезда, выбирает руководящие органы, Политбюро. Кого? Встает Фрунзе, предлагает количество: «Семь человек». Ленин: «Как семь? Всегда было пять до этого!» «Кто за?» Некоторое замешательство. Проголосовали за семь. «Кого?» Фрунзе опять встает и говорит: «Рыкова и Томского». Это, очевидно, мнение было Зиновья

ева и Троцкого. Рыков и Томский сами так, качающиеся, а те хотели использовать их. Ленин был недоволен, не хотел их вводить, но пришлось согласиться — отталкивать также нельзя было.”⁷⁶

Этот эпизод произошел в канун того периода, когда Сталин, по словам Ильича, сосредоточил в своих руках необъятную власть. Закрадывается сомнение в том, действительно ли в руках Сталина была столь необъятная власть? Как мы видели выше и еще увидим дальше, в ряде принципиальных вопросов Сталин вынужден был отступить и соглашаться с другими. Термин “необъятная власть” — явная литературная метафора, а не точное обозначение того объема власти, которой располагал в то время Сталин.

Скорее всего, упрек Сталину в сосредоточении необъятной власти был чисто тактическим ходом, нацеленным на то, чтобы мотивировать предложение о его замене на посту генсека. К концу 1922 года только Политбюро обладало действительно необъятной властью, и именно власть Политбюро ставила жесткие пределы власти Сталина как Генерального секретаря.

Что касается характеристики Троцкого, то, несмотря на в общем высокую оценку его личных способностей, Ленина явно не устраивают чрезмерная самоуверенность и увлечение чисто административной стороной дела. В переводе на ясный язык, можно сказать, что Ленин не видит в Троцком прежде всего политического деятеля, ту фигуру, которая способна к выработке ясной, четкой и определенной политической стратегии партии. В этом контексте мне представляется вполне обоснованной высказанное ранее предположение, что блок Ленин — Троцкий не имел серьезной политической перспективы, а являлся лишь временным тактическим союзом, в котором каждый из его участников преследовал свои собственные цели.

О других членах высшего партийного синклита он счел нужным сказать лишь несколько фраз, правда, достаточно емких и содержательных, чтобы серьезно повредить в дальнейшем политической карьере упомянутых им лиц. “Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как меньшевизм Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики).

Затем Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе.”⁷⁷

В ходе обдумывания своего письма к съезду Ленин, как это явствует из документов, все чаще возвращался к фигуре Сталина. Данная им выше характеристика, види-

⁷⁶ Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 223 - 224.

⁷⁷ В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 345.

мо, и ему самому казалась не слишком убедительной с политической точки зрения, чтобы ставить под вопрос статус Сталина как Генерального секретаря ЦК партии. Я уже вкратце обратил внимание на некоторую неубедительность и недостаточность аргументов, дававших основание для постановки вопроса о замене Сталина на посту генсека.

Поэтом через несколько дней Ленин продиктовал дополнение к своему письму, посвященное целиком Сталину и ориентированное на то, чтобы достаточно ясно обосновать необходимость снятия Сталина с поста Генерального секретаря.

Вот это дополнение:

“ДОБАВЛЕНИЕ К ПИСЬМУ ОТ 24 ДЕКАБРЯ 1922 г.

Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

Ленин

Записано Л. Ф.

4 января 1923 г.”⁷⁸

Как говорится, круг замкнулся, расставлены все точки над *i* и четко сформулирован главный замысел письма к съезду — снятие Сталина с должности Генерального секретаря. Ленинское дополнение в принципе мало чего добавляет к политической характеристике Сталина. Собственно, каких-то политических упреков Сталину он вообще пока не выдвигает, концентрируя весь огонь критики на личных качествах и сосредоточении чрезмерной власти в руках генсека. Власти, которой он способен злоупотребить отнюдь не в интересах дела.

Бросая ретроспективный взгляд в прошлое, отталкиваясь от того, что нам уже известно, как в дальнейшем развивались события, можно смело утверждать, что опасения Ленина, высказанные по адресу Сталина, не только оказались обоснованными, но и оправдались, как говорится, с лихвой. Можно, конечно, начать петь дифирамбы Ленину, превознося его прозорливость. Однако мне почему-то этого делать не хочется.

Объясняется это несколькими мотивами. Во-первых, само политическое завещание напоминает в каком-то смысле запись учителя в дневниках школьников, которые в чем-то провинились. Следуя духу и букве объективности, Ленин, как говорится, в одну кучу сваливает и достоинства и недостатки. Если рассматривать ленинское письмо как указание и конкретное руководство к действию, то в нем содержится лишь один практический пункт о Сталине (я оставляю в стороне рекомендации общеполитического характера, поскольку сами по себе они относятся к предмету специального исследования, в данном случае выходящего за рамки задачи, которую я поста-

⁷⁸ В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 346.

вил перед собой). Других рекомендаций там не содержится. Выдержанные в духе диалектики личные оценки деятелей партии также весьма противоречивы и могут поддаваться двоякому истолкованию. Так именно и случилось в дальнейшем, когда развернулась полномасштабная внутрипартийная борьба за власть в большевистском руководстве. Каждый из участников выхватывал из ленинских оценок то, что было ему выгодно и использовал в качестве неотразимого политического аргумента. Внимательно знакомясь с ходом и перипетиями внутрипартийной борьбы и дискуссиями тех лет, невольно приходишь к заключению: ленинское письмо к съезду было уподоблено своего рода большевистскому Новому завету. А история борьбы вокруг толкования Нового завета хорошо известна всем. Известно, что порой это толкование осуществлялось в прямом смысле слова на кострах инквизиции.

Так что, особых эмоций и восторгов вокруг ленинского завещания и тех характеристик своих соратников, которые в нем дал Ленин, высказывать лично мне не хочется. Более того, не только сама реальная историческая обстановка того периода стимулировала обострение внутрипартийной борьбы (это были факторы объективного порядка), но и ленинское завещание и длившаяся десятилетия возня вокруг него во многом содействовали разворачиванию этой внутрипартийной борьбы. В таком контексте ленинское письмо к съезду сыграло довольно серьезную отрицательную роль в истории партии и Советского государства. Задуманное как средство предотвращения раскола и обострения внутрипартийной борьбы, оно в силу сложившихся обстоятельств само превратилось фактически в инструмент обострения этой борьбы, сыграло роль своеобразного запала, спровоцировавшего мощный внутрипартийный пожар. Злая ирония истории часто состоит в том, что предпринимаемые действия ведут к обратным результатам.

Следует отметить еще одно обстоятельство: сам диапазон выбора вождем своих будущих преемников был весьма ограничен. История показала, что единственным достойным преемником оказался Сталин. Но как раз именно против него и был сконцентрирован весь запал критики в ленинском завещании. Причем он стал преемником Ленина вопреки ясно выраженной воле последнего. Может быть, в этом и проявилась злая ирония истории, о которой я только что упоминал.

И, наконец, бросается в глаза еще одно обстоятельство: Ленин не предлагает просто снять Сталина с занимаемого поста, что было бы вполне логично, учитывая обостренность ленинского недовольства последним, а очень осторожно, с известной долей сомнений советует обдумать способ перемещения его с этого места и назначения на этот пост другого человека. Причем выдвигает в качестве критерия при подборе гипотетического кандидата качества отнюдь не первостепенного политического значения, а сугубо личного свойства. Видимо, сознавая слабость своей аргументации, он оговаривается, что личные свойства могут показаться ничтожной мелочью и т.д. Словом, здесь налицо определенная двойственность, отсутствие решительности в отстаивании своей рекомендации. А такая половинчатость в принципиальных вопросах отнюдь не являлась отличительной чертой Ленина как партийного лидера. В контексте сказанного вполне резонно замечание Л.Кагановича — активного участника событий той поры:

“Если бы Ленин был уверен, что это легко сделать, то есть найти замену одному из двух самых выдающихся членов ЦК, он со свойственной ему прямоотой просто предложил бы снять Сталина и выдвинуть такого-то, а он написал осторожно или,

может быть, условно: «предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с места»,⁷⁹

Действительно, ленинское пожелание чем-то напоминает известное пожелание одной из хрестоматийных гоголевских персон. Было просто нереально ставить вопрос о том, чтобы дополнить бесспорные положительные качества Сталина как политического деятеля некими достоинствами другого свойства и соединить их в какой-то конкретной персональной кандидатуре. С помощью такой политической пластической хирургии решить проблему было нереально. Именно поэтому, как мне думается, Ленин и не назвал никого конкретно в качестве преемника Сталина на посту генсека.

Что касается других возможных кандидатов на освобождавшееся место лидера партии и страны (т.е. не обязательно генсека), то Ленин высказался относительно них также довольно неопределенно, а порой и намеренно двусмысленно. Мне хочется дополнить характеристику потенциальных ленинских наследников довольно глубокой и вполне конкретной оценкой, принадлежащей перу Г.В.Плеханова. В своем политическом завещании, которое уже цитировалось ранее, он писал:

«Вторым после Ленина по способностям и по значению в партии большевиков является Троцкий. «Иудушка», «подлейший карьерист и фракционер», «проходимец, хуже всяких прочих фракционеров» — так отзывался о нем Ленин и был совершенно прав. Ленин в одной из своих работ написал: «Много блеску и шуму в фразах Троцкого, но содержания в них нет», — и в этой оценке Ленин прав. Стиль Троцкого — стиль бойкого журналиста — слишком легок и бегл, чтобы быть глубоким. Троцкий чрезвычайно амбициозен, самолюбив, беспринципен и догматичен до конца ногтей. Троцкий был «меньшевиком», «внефракционером», а сейчас он «большевик». На самом же деле он всегда был и будет «социал-демократом в себе». Он всегда там и с теми, где успех, но при этом он никогда не оставит попыток стать фигурой номер один. Троцкий — блестящий оратор, но приемы его однообразны, шаблонны, поэтому его интересно послушать только один раз. Он обладает взрывным характером и при успехе может сделать очень многое в короткое время, но при неудаче легко впадает в апатию и даже растерянность. Если станет ясным, что ленинская революция обречена, он первым покинет ряды большевиков. Но если она окажется успешной, он сделает все, чтобы потеснить Ленина. Ленин знает об этом, и все же они в одном лагере, потому что демагогия Троцкого и его идея перманентной революции нужны Ленину, к тому же он — несравненный мастер собирания под свои знамена всех желающих. Ленин — вождь большевиков — никогда не согласится быть вождем другой фракции. Для Троцкого же самое главное — быть вождем, неважно, какой партии. Вот почему столкновения между Лениным и Троцким в будущем неизбежны.

Рядом с Троцким можно поставить Каменева, затем Зиновьева, Бухарина. Каменев знает марксизм, но — не теоретик. По убеждениям Каменев — меньшевик-циммервальдец, колеблющийся между меньшевиками и большевиками. Он не обладает необходимой силой воли, чтобы претендовать на роль влиятельного политика. Именно поэтому он следует за большевиками, будучи во многом не согласным с ними. Зиновьев — большевик циммервальд-кентальского толка, но без окончательно сло-

⁷⁹ Лазарь Каганович. Памятные записки. С. 360.

жившихся убеждений. Несмотря на постоянные сомнения, он все же останется в рядах большевиков до тех пор, пока не представится возможность с перспективой перейти в другой лагерь. Зиновьев, как и Каменев, не обладает твердым характером, но способен для закрепления собственных позиций выполнить любой приказ Ленина. Бухарин — принципиальный, убежденный большевик, не лишенный логики, собственного мнения и задатков теоретика. Он неоднократно и по многим вопросам был не согласен с Лениным. Возможно, что именно Бухарин — в случае смерти Ленина — станет ведущей фигурой большевистской диктатуры. Но не исключено и то, что еще при жизни Ленина Бухарин и другие названные фигуры, как в свое время жирондисты, будут сметены большевиками второго эшелона, которые никогда и ни в чем не возражали Ленину.⁸⁰

Как видим, кое-что из предсказаний Плеханова не сбылось. Кое в чем он оказался прав. В целом в его оценках чувствуется понимание обстановки и глубокое знание Ленина и его соратников. К сожалению, вне поля его глубокого исторического взгляда оказалась фигура Сталина. Он вообще его не упоминает, хотя наверняка знал его не только вообще, но и лично по совместному участию в съездах партии. Впрочем, упрекать в этом Плеханова по меньшей мере несправедливо. В то время мало кто мог с уверенностью предсказать, что победителем в борьбе за ленинское политическое наследие станет Сталин. Как тут не вспомнить слова великого мыслителя древности Фалеса, сказавшего: «Мудрее всего — время. Ибо оно раскрывает все».⁸¹

Прежде чем закончить данный раздел кратким обзором того, какова же была действительная судьба завещания и как разворачивалась борьба вокруг его опубликования, хочу коснуться еще одного существенно важного момента: как сам Сталин истолковывал это завещание и как он использовал его в борьбе с оппозицией. Нужно сказать, что секретный или полусекретный характер завещания давал возможность широко и самым разным образом использовать его в политической борьбе. Оно играло роль своего рода бумеранга, а точнее «обоюдоострого меча: оно било как по Сталину, так и по тем, кто пытался использовать его в борьбе против Сталина. Все зависело от ловкости и умения оппонентов, от того, на чем они делали акцент в своей полемике.

Следует подчеркнуть, что Сталин отличался большим искусством полемиста, и завещание в его руках зачастую сильнее било по его противникам, нежели по нему самому. Я приведу в качестве иллюстрации одно место из выступления Сталина на пленуме ЦК в октябре 1927 года, где оппозиция с помощью ссылок на советы Ленина пыталась нанести Сталину серьезный политический и моральный ущерб. Инструментом атак служило ленинское завещание. Этот пленум вошел в историю внутривнутрипартийной борьбы как один из тех, где обе стороны выступили с крайне резкими обличительными обвинениями друг против друга. Может быть, самыми резкими за всю историю этой борьбы, поскольку тогда на карту было поставлено все: вопрос стоял об исключении оппозиционеров из рядов партии накануне открывавшегося XV съезда. И в эпицентре обвинений против Сталина находилось ленинское завещание. Обращает на себя внимание, что практически все выступления были почти полностью опубликованы в ноябре 1927 года на страницах газеты «Правда», что вообще не было

1927 г.

⁸⁰ «Независимая газета» 1 декабря 1999 г. (Сетевая версия).

⁸¹ Великие мысли великих людей. Т. I. С. 254.

типичным при освещении работы пленумов ЦК. Воспроизведу один из любопытных эпизодов, наглядно отразившем не только содержание, но и сам стиль развернувшейся полемики.

22 октября выступает представитель оппозиции Г.Е.Евдокимов, в то время член Оргбюро и Секретариата ЦК партии:

«Я говорю, тов. Сталин, что вы сначала зажимаете мне рот, а потом говорите «слабовато вышло». Дайте мне время, я еще полчаса поговорю... Если вам не нравится то обстоятельство, что я после окончания речи продолжаю свою, когда тов. Микоян стоит уже на трибуне, и вы все таким образом имеете сразу двух ораторов, то скажите Микояну, чтобы он со мной, выйдя на трибуну, в беседы не вступал, а Сталину скажите, чтобы он воздержался от оценки выступлений, которые он сам ограничивает.

— Сталин: Ты что мне рот затыкаешь?

— Евдокимов: Тебе заткнешь рот!»

Этот обмен «любезностями» говорит о многом. По крайней мере, достаточно точно воспроизводит атмосферу дискуссии. Добавлю лишь, что речь Троцкого на этом же пленуме многократно прерывалась такими репликами: «Меньшевик!» «Шпана ты такая!» «Мелкий буржуа, радикал!» «Ах, ты, болтун, хвостун!» «Меньшевик, ступай из партии!» «Долой гада!» и т.п. Словом, трибуна пленума скорее напоминала базарную площадь, а не партийный форум, призванный сопоставлять различные позиции и точки зрения и принимать на этой основе взвешенные решения.

Любопытно вкратце охарактеризовать и линию Сталина в ходе обсуждения вопросов, связанных с ленинским завещанием. Она адекватно передает и его манеру вести дискуссию, и ухищрения, с помощью которых он обвинения своих оппонентов обращал против них самих же.

Вот что отвечал оппозиционерам Сталин: «Говорят, что в этом «завещании» тов. Ленин предлагал съезду ввиду «грубости» Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту Генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно. Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается. Я на первом же заседании пленума ЦК после XIII съезда просил пленум ЦК освободить меня от обязанностей Генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своём посту.

Что же я мог сделать? Сбежать с поста? Это не в моём характере, ни с каких постов я никогда не убегал и не имею права убегать, ибо это было бы дезертирством. Человек я, как уже раньше об этом говорил, подневольный, и когда партия обязывает, я должен подчиниться.

Через год после этого я вновь подал заявление в пленум об освобождении, но меня вновь обязали остаться на посту.

Что же я мог ещё сделать?»⁸²

Сталин умело использовал нелестные моменты ленинской характеристики Троцкого, Зиновьева, Каменева и др., чтобы представить их в виде идейных и поли-

⁸² И.В.Сталин. Соч. Т. 10. С. 175-176.

тических противников ленинизма. Вообще центр тяжести сталинской аргументации лежал прежде всего в плоскости политических оценок, ибо здесь, на этом поле, он чувствовал себя в выгодном по сравнению со своими оппонентами положении: ведь против него Ленин не выдвинул в своем завещании политических обвинений. И делал это довольно ловко. В частности, на том же пленуме он говорил:

“Оппозиция старается козырять «завещанием» Ленина. Но стоит только прочесть это «завещание», чтобы понять, что козырять им нечем. Наоборот, «завещание» Ленина убивает нынешних лидеров оппозиции.

В самом деле, это факт, что Ленин в своём «завещании» обвиняет Троцкого в «небольшевизме», а насчёт ошибки Каменева и Зиновьева во время Октября говорит, что эта ошибка не является «случайностью». Что это значит? А это значит, что политически нельзя доверять ни Троцкому, который страдает «небольшевизмом», ни Каменеву и Зиновьеву, ошибки которых не являются «случайностью» и которые могут и должны повториться.

Характерно, что ни одного слова, ни одного намёка нет в «завещании» насчёт ошибок Сталина. Говорится там только о грубости Сталина. Но грубость не есть и не может быть недостатком политической линии или позиции Сталина.⁸³

Читатель легко заметит, что Сталин весьма усеченно цитировал завещание Ленина, опуская самые невыгодные для себя пассажи: о сосредоточении в своих руках необъятной власти, о неояльности по отношению к товарищам, капризности и т.д. А главное он всегда умалчивал о словах Ленина, что все “это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.” Именно последняя фраза ленинского письма к съезду имела, по мнению оппонентов Сталина, ключевое значение, и естественно, процитировать ее для Сталина было равносильно тому, чтобы признать несостоятельность своей интерпретации ленинского письма. Поступить так он не мог. Не мог и в самый начальный период борьбы вокруг ленинского завещания. Не мог он поступить так и в дальнейшем, когда стал не просто первым среди равных, но и когда стал единовластным хозяином положения в партии и стране.

В некотором смысле ленинское завещание было тем тяжким крестом, который он вынужден был нести всю свою жизнь, до самых последних своих дней земной жизни. И, как мы видим, до сих пор, вплоть до нашего времени, Сталин, уже будучи мертвым, несет на себе этот тяжкий крест.

В целом, оценивая роль ленинского завещания в политической судьбе Сталина, нельзя сказать, что оно стало непреодолимой преградой на его пути к утверждению своего господства в партии. Объясняется это не только неким аморфным характером самого завещания, но прежде всего железной волей самого Сталина. Благодаря своим недюжинным политическим способностям, умению маневрировать, стаскивать своих политических противников, а главное — правильно определять магистральные пути развития партии и государства и железной рукой осуществлять руководство — благодаря именно этим качествам он стал лидером партии вопреки совету Ленина заменить его на посту Генерального секретаря.

И только истории дано судить, было ли это благом для страны или непоправимой, роковой ошибкой. Хочу в качестве заключительного аккорда привести слова советского писателя Н.Тихонова, которые кажутся мне здесь вполне уместными:

⁸³ И.В.Сталин. Соч. Т. 10. С. 177.

“Наш век пройдет. Откроются архивы,
И все, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извивы
Покажут миру славу и позор.

Богов иных тогда померкнут лики,
И обнажится всякая беда,
Но то, что было истинно великим,
Останется великим навсегда.”⁸⁴

* * *

Хочу завершить этот раздел кратким обзором того, как и когда завещание Ленина стало достоянием гласности. Первоначально сведения о нем уже в 1923 году появились в издававшемся в Берлине меньшевиками “Социалистическом вестнике”. Затем в 1925 году на Западе на английском и ряде других языков вышла книга близкого стоявшего к Троцкому деятеля левого движения на Западе М.Истмэна “После смерти Ленина”. В ней также воспроизводилось (разумеется, не в идентичном и полном виде), завещание Ленина). По распоряжению Сталина книга была переведена на русский язык и с ней ознакомились тогдашние высшие партийные руководители. Сам Сталин в деталях разобрал многие положения, содержащиеся в книге, и подверг их аргументированной критике. Он же внес предложение, чтобы Политбюро обязало Троцкого выступить в печати с категорическим опровержением извращений в книге Истмэна.⁸⁵ Троцкий был вынужден выступить в журнале “Большевик” с критикой этой книги и фактическим отрицанием того, что Ленин оставил какое-либо политическое завещание. Вокруг этого эпизода также шла напряженная и длительная борьба. Через несколько месяцев текст завещания был опубликован на страницах газеты “Нью-Йорк Таймс”

Сталинское руководство, естественно, называло все эти публикации фальшивками и происками классовых врагов, возлагая вину за то, что сведения о завещании просочились за границу, на оппозицию в лице Троцкого, Зиновьева и других. Несмотря на то, что во всех этих публикациях содержались некоторые неточности, в целом же они верно передавали содержание и смысл ленинского письма к съезду.

Что же касается судьбы ленинского завещания в нашей стране и в партии большевиков, то она выглядит примерно следующим образом.

В архиве Троцкого содержится строго секретная сводка замечаний членов тогдашнего высшего руководства относительно дальнейшей судьбы ленинского завещания. Причем сводка эта датируется началом июня 1923 года, что однозначно свидетельствует, по крайней мере, об одном: содержание завещания стало известно чле-

⁸⁴ Библиотека всемирной литературы. Советская поэзия. М. 1977. Т. 1. С. 325.

⁸⁵ Подробнее об этом см. Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. 1925 – 1936гг. М. 1995. С. 14 – 26. Переписка Сталина с Молотовым и Кагановичем, а также ряд других вновь открытых документов помещены в выпущенном в 2004 году 17 томе сочинений Сталина. См. И.В.Сталин. Соч. Т. 17. (1895 – 1932). М. 2004.

нам высшего руководства задолго до того, как оно было официально передано в ЦК партии. Вот позиция отдельных членов и кандидатов Политбюро, как она отражена в сводке.

Троцкий: "Я думаю, что эту статью нужно опубликовать, если нет каких-либо формальных причин, препятствующих этому. Есть ли какая-либо разница в передаче (в условиях передачи) этой статьи и других (о кооперации, о Суханове)."

Каменев: "Печатать нельзя: это несказанная речь на П/Бюро. Не больше. Личная характеристика — основа и содержание статьи."

Зиновьев: "Н. К. (т.е. Крупская — Н.К.) тоже держалась того мнения, что следует передать только в ЦК. О публикации я не спрашивал, ибо думал (и думаю), что это исключено."

Сталин: "Полагаю, что нет необходимости печатать, тем более, что санкции на печатание от Ильича не имеется."

Томский: "За предложение тов. Зиновьева — только ознакомить членов ЦК. Не публиковать, ибо из широкой публики никто тут ничего не поймет."

И, наконец, запись секретаря: "Т. Бухарин, Рудзутак, Молотов и Куйбышев — за предложение тов. Зиновьева."⁸⁶

Подлинность данного документа не вызывает сомнений. Примечательно, что Каменев и Зиновьев первые решительно высказались против публикации завещания. Да и само решение принималось на базе предложения Зиновьева. Сталин также высказался против публикации, ссылаясь при этом на отсутствие санкции со стороны Ленина. Каких-либо других мотивов он не приводил. Иными словами, высшее руководство фактически единодушно (за исключением разве Троцкого) отклонило возможность публикации письма к съезду. Это говорит о многом: во всяком случае о том, что не один Сталин, как пытались позднее доказать, был противником предания гласности ленинского завещания.

По официальным партийным каналам дело развивалось следующим образом. Записи от 24—25 декабря 1922 года и от 4 января 1923 года с характеристикой членов ЦК (т.е. то, что принято называть самим завещанием) согласно воле Ленина были переданы Н. К. Крупской Центральному Комитету партии уже после кончины Владимира Ильича, 18 мая 1924 года, за несколько дней до открытия XIII съезда РКП(б). В протоколе о передаче этих документов Надежда Константиновна писала:

«Мною переданы записи, которые Владимир Ильич диктовал во время болезни с 23 декабря по 23 января — 13 отдельных записей. В это число не входит еще запись по национальному вопросу (в данную минуту находящаяся у Марии Ильиничны).

Некоторые из этих записей уже опубликованы (о Рабкрине, о Суханове). Среди неопубликованных записей имеются записи от 24—25 декабря 1922 года и от 4 января 1923 года, которые заключают в себе личные характеристики некоторых членов Центрального Комитета. Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта его запись после его смерти была доведена до сведения очередного партийного съезда. Н. Крупская».

Пленум ЦК, состоявшийся 21 мая 1924 года, заслушав сообщение комиссии по приему бумаг В. И. Ленина, принял следующее постановление: «Перенести оглаше-

.....

⁸⁶ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923 — 1927. Т. I. М. 1990.

ние зачитанных документов, согласно воле Владимира Ильича, на съезд, произведя оглашение по делегациям и установив, что документы эти воспроизведению не подлежат, и оглашение по делегациям производится членами комиссии по приему бумаг Ильича».

В соответствии с этим постановлением и по решению президнума XIII съезда партии ленинское «Письмо к съезду» было оглашено по делегациям.⁸⁷

В распоряжении историков существует довольно уникальный источник (правда, вызывающий достаточно серьезные сомнения относительно достоверности, подлинности и объективности описываемых в нем событий) — это воспоминания бывшего секретаря Сталина Б.Бажанова. С соответствующей оговоркой о надежности данного источника, я все-таки считаю весьма полезным и заслуживающим внимания привести самый драматический эпизод обсуждения судьбы ленинского завещания на том самом пленуме ЦК партии, который фактически и предрешил характер и содержание решений XIII съезда партии по этому вопросу.

Бажанов рисует следующую картину:

«Пленум происходил в зале заседаний Президиума ВЦИКа. На небольшой низенькой эстраде за председательским столом сидел Каменев и рядом с ним — Зиновьев. Рядом на эстраде стоял столик, за которым сидел я (как всегда, я секретарствовал на пленуме ЦК). Члены ЦК сидели на стульях рядами, лицом к эстраде. Троцкий сидел в третьем ряду у края серединного прохода, около него Пятаков и Радек. Сталин сел справа на борт эстрады лицом к окну и эстраде, так что члены ЦК его лицо видеть не могли, но я его все время мог очень хорошо наблюдать.

Каменев открыл заседание и прочитал ленинское письмо. Воцарилась тишина. Лицо Сталина стало мрачным и напряженным. Согласно заранее выработанному сценарию, слово сейчас же взял Зиновьев.

«Товарищи, вы все знаете, что посмертная воля Ильича, каждое слово Ильича для нас закон. Не раз мы клялись исполнить то, что нам завещал Ильич. И вы прекрасно знаете, что эту клятву мы выполним. Но есть один пункт, по которому мы счастливы констатировать, что опасения Ильича не оправдались. Все мы были свидетелями нашей общей работы в течение последних месяцев, и, как и я, вы могли с удовлетворением видеть, что то, чего опасался Ильич, не произошло. Я говорю о нашем генеральном секретаре и об опасностях раскола в ЦК» (передаю смысл речи).

Конечно, это была неправда. Члены ЦК прекрасно знали, что раскол в ЦК налицо. Все молчали. Зиновьев предложил переизбрать Сталина Генеральным секретарем. Троцкий тоже молчал, но изображал энергичной мимикой свое крайнее презрение ко всей этой комедии.

Каменев со своей стороны убеждал членов ЦК оставить Сталина Генеральным секретарем. Сталин по-прежнему смотрел в окно со сжатыми челюстями и напряженным лицом. Решалась его судьба.

Так как все молчали, то Каменев предложил решить вопрос голосованием. Кто за то, чтобы оставить товарища Сталина Генеральным секретарем ЦК? Кто против? Кто воздержался? Голосовали простым поднятием рук. Я ходил по рядам и считал голоса, сообщая Каменеву только общий результат. Большинство голосовало за оставле-

⁸⁷ В.И. Ленин. ПСС. Т. С. 594.

ние Сталина, против – небольшая группа Троцкого, но было несколько воздержавшихся (занятый подсчетом рук, я даже не заметил, кто именно; очень об этом жалею).⁸⁸

Здесь напрашиваются два существенных комментария. Во-первых, известно, что Сталин на этом пленуме сам выступил с заявлением о своей отставке с поста генсека. Однако в воспоминаниях Бажанова этот момент обойден, причем явно намеренно. Во-вторых, не только сомнительно, но и недостоверно, что Троцкий голосовал против. Выше я уже цитировал Сталина, где он говорил о том, что Троцкий в числе других голосовал за оставление его на посту генсека. Абсолютно исключено, что Троцкий не опротестовал бы это заявление Сталина, если бы оно не соответствовало действительности. Так что это лишний раз подтверждает: к свидетельствам Б. Бажанова надо относиться в высшей степени критически.

В дальнейшем вопрос об опубликовании завещания снова поднимался неоднократно на пленумах ЦК, в частности, в июле 1926 года. К нему снова пришлось вернуться в декабре 1927 года на XV съезде партии. Сталин хорошо понимал, что оттяжка с решением этого вопроса подрывает не столько его политические позиции, сколько моральный авторитет. И в соответствии с такой линией на этом съезде выступил его близкий друг и соратник С.Орджоникидзе. В своей речи он предложил:

“Товарищи, два слова по вопросу об опубликовании «завещания» Владимира Ильича. Вы все знаете, как много было разговоров вокруг последних писем Владимира Ильича, касающихся внутрипартийных отношений. Оппозиция все время доказывала, что ЦК будто хочет скрыть от партии эти документы. Оппозиция утверждала, несмотря на то, что она великолепно знала решение XIII съезда партии, который, ознакомившись с этими документами, решил тогда не опубликовывать их в печати, имея в виду прежде всего волю самого Владимира Ильича, который не предназначал этих документов для печатного опубликования. На июльском пленуме ЦК и ЦКК т. Сталин внес предложение, чтобы обратиться с просьбой к XV съезду об отмене решения XIII съезда и эти письма Владимира Ильича опубликовать в «Ленинском сборнике». Мы просим съезд принять предложение июльского пленума ЦК и ЦКК и отменить постановление XIII съезда”.⁸⁹

В дополнение А.И.Рыков (в то время председатель СНК и член Политбюро) предложил опубликовать не только то письмо, которое называется «завещанием», но и другие неопубликованные письма по внутрипартийным вопросам, а так называемое «завещание» приложить и к стенограмме. Решение было принято единогласно.⁹⁰

Но как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Делегаты съезда получили бюллетени стенографических записей заседаний, к которым ленинское письмо действительно прилагалось. Однако в официальном издании стенографического отчета письма не оказалось, его попросту туда не включили. Не было оно опубликовано и во всех последующих томах «Ленинских сборников». Лишь в период так называемой десталинизации в 1956 году по решению ЦК КПСС эти письма были доведены сначала до сведения делегатов XX съезда партии, а затем разосланы партийным организациям и широко опубликованы – в журнале «Коммунист» № 9 за 1956

⁸⁸ Борис Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 102-103.

⁸⁹ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. – Л. 1928. С. 550

⁹⁰ Там же. С. 562.

год, изданы отдельной брошюрой массовым тиражом и включены в собрание сочинений В.И.Ленина (4 и 5-е издания). Но публикация ленинских документов (хотя и неполная, без приложения к ним ответа Сталина, объяснений секретарей и т.д.) отнюдь не поставила точку во всей этой эпопее.

Завершая сюжет о ленинском завещании, невольно вспомнишь крылатую фразу Шекспира, перефразируя которую, можно сказать: нет повести печальнее на свете, чем повесть о не менее печальном ленинском завещании.

4. Конфликт по вопросу “автономизации”.

Диапазон разногласий, точнее конфликта, между Лениным и Сталиным в период 1922-1923 гг. становился все более широким. Помимо уже рассмотренных проблем, разделявших их, прибавились и вопросы, связанные с национальным и государственным строительством. Условно все эти проблемы в исторической литературе обозначаются как конфликт по вопросу об “автономизации”. Если же рассматривать проблему в более широком историческом контексте, то я бы сформулировал ее иначе: основой конфликта были принципиально отличавшиеся подходы к решению проблем национально-государственного строительства Советского Союза. Речь шла о том, строить ли государство на централизованной основе, выдвигая во главу угла прежде всего общегосударственные интересы, интересы централизованного единства. Или же во главу угла положить принципы, так сказать, демократического единства, при которых превалировали бы не соображения общегосударственного единства прежде всего, а соблюдение принципов равноправия, соблюдения прав и т.д. Причем эти две концепции не выражались во всей своей обнаженности, они облекалось в формы, порой затенявшие различия в подходах.

И это имеет свое объяснение. Строго говоря, и Ленин, и Сталин выступали за создание твердой государственной власти в стране на основе сплочения всех входящих в нее национальных республик. Однако Сталин, в отличие от Ленина, ставил акцент на централизации и борьбе против разного рода сепаратистских уклонов, способных подрвать прочность создававшегося государства. Ленин же, обуреваемый ненавистью к великодержавному шовинизму, склонен был именно через призму борьбы против великорусского шовинизма, подходить к рассмотрению и решению всех принципиальных аспектов национально-государственного строительства. В письме Каменеву в октябре 1922г. он прямо заявлял: “Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть.”⁹¹ Сама по себе озлобленность Ленина против шовинизма вообще, и великорусского шовинизма в особенности, вообще наложила весьма своеобразную печать на его политические воззрения и действия последних лет жизни. У него уж слишком часто эта ненависть к великорусскому шовинизму обретает какие-то навязчивые формы. Так, в письме венгерскому коммунисту Б.Куну в октябре 1921г. он заявляет: “Я должен решительно протестовать против того, чтобы цивилизованные западно-европейцы подражали методам полуварваров русских.”⁹² Не берусь комментировать это заявление, даже учитывая возможный контекст, из которого оно

⁹¹ В.И.Ленин. ПСС. Т. 45. С. 214.

⁹² В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891 — 1922. С. 480.

взято, но все же поражает оскорбительный для всякого русского человека тон данного заявления. В том числе, видимо, и для самого Ленина как великоросса.

Я привел лишь пару фактов, но дело не в их количестве, а в том, что у вождя партии в этот исторический период, видимо, под гнетущим впечатлением всеобщей разрухи и неразберихи, все чаще и отчетливее давали о себе знать вспышки необузданной ненависти в отношении великорусского шовинизма. В предыдущих главах я уже затрагивал вопрос о шовинизме и национализме, вернее, об отношении к тому и другому со стороны Ленина и Сталина, и проводил мысль о том, что одной из причин политического конфликта между ними как раз и стало это отношение. Подчеркну еще раз: речь идет не вообще о декларативном осуждении шовинизма и национализма, а о тех акцентах, которые ставились на данных вопросах при выработке практической линии в вопросах национально-государственного строительства.

В советский период, особенно после начала десталинизации, всячески подчеркивались ошибки Сталина в этом вопросе, изображалось дело так, будто его линия фактически вела к подрыву самой идеи создания многонационального Советского государства, а ее реализация принесла бы нам неисчислимы бедствия. Сейчас, из глубины прошедших лет, дело предстает в несколько ином ракурсе. После парада суверенитетов и чуть ли не мгновенного распада СССР взгляд на весь спор между Лениным и Сталиным, на суть их разногласий и на то, кто лучше, реалистичнее оценивал ситуацию и предлагал более устойчивые, более жизненные принципы строительства единого государства, сейчас этот взгляд претерпел серьезную переоценку. И эта переоценка явилась объективным отражением, более масштабным осознанием глубинного содержания произошедших в нашей стране изменений.

На борьбе против шовинизма и национализма, на том, как эта линия проводилась Сталиным в период отхода Ленина от руководства, в частности, на XII съезде партии в апреле 1923 года, я остановлюсь ниже. А сейчас рассмотрим вопрос о так называемой идее автономизации, сыгравшей роль некоего бикфордского шнура во взрыве взаимоотношений между Лениным и Сталиным. Конечно, наряду с другими факторами, о чем уже шла речь выше.

Прежде всего надо развеять бытующий миф о том, что Сталин был инициатором или автором идеи автономизации. Для этого в самом общем виде следует осветить процесс сближения независимых советских республик, происходивший на объективной основе совпадения их коренных интересов, не в последнюю очередь национальных. Это нашло отражение в ряде договоров между РСФСР и национальными республиками, в которых предусматривалась защита как национальных, так и интернациональных интересов. Развитие договорных отношений между республиками явилось важным этапом на пути их объединения. Компартия Украины одна из первых предложила установить более тесные экономические связи РСФСР и Украины. В декабре 1920 года пленум ЦК РКП (б) рассмотрел вопрос о союзном договоре между РСФСР и Украиной. Выработанный пленумом проект договора был принят правительствами этих республик. В 1920—1921 годах договоры о сотрудничестве с РСФСР заключили также Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Армения, а также Хорезмская и Бухарская народные советские республики.

В начале ноября 1921 года пленум Кавбюро ЦК РКП (б) с участием руководящих партийных и советских работников Закавказья признал, что назрела необходи-

мость заключить федеративный союз между Азербайджаном, Грузией и Арменией. Это решение было поддержано II Красным Закавказским партийным совещанием, которое подчеркнуло, что с созданием федерации заканчивается длительный и тяжелый период межнациональной борьбы в Закавказье. Совещание обсудило проект договора между тремя братскими республиками.

ЦК РКП (б) 29 ноября 1921 года одобрил эти решения, утвердив проект постановления, предложенный Лениным, в котором федерация закавказских республик признавалась безусловно необходимой и принципиально правильной.

Однако среди партийных работников Компартии Грузии и отчасти Азербайджана были и противники создания Закавказской федерации. В составе ЦК КП Грузии имела группа национал-уклонистов во главе с Б.Г.Мдивани, которая упорно противодействовала курсу на сближение народов. Помимо Мдивани, в эту группу входили Л. Е. Думбадзе, С. И. Кавтарадзе, М. С. Окуджава, К. М. Цинцадзе и другие. Они получили название национал-уклонистов. Национал-уклонисты требовали сохранения в каждой республике своей армии, своей валюты, свободы внешней торговли, партийной автономии. Не учитывая, что создание федерации имело в то время решающее значение для упрочения Советской власти и утверждения мира и дружбы между народами в Закавказье, они выступали против ее создания, соглашаясь лишь на установление союза каждой из республик непосредственно с РСФСР.

Учитывая рост националистических настроений, а главное — исходя из интересов сплочения всех республик, особенно в сфере внешней политики, — 10 января 1922 г. тогдашний нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в письме на имя секретаря ЦК РКП(б) В. М. Молотова информировал о предложении, выдвинутом наркомом финансов Л. Б. Красиным, о необходимости добиться в кратчайший срок объединения независимых республик с РСФСР на правах автономии. Г. В. Чичерин также был одним из инициаторов этого проекта и настаивал на объединении наркоминделов⁹³. Это была, так сказать, зародышевая форма идеи автономизации, к которой на тех порах сам Сталин не имел отношения. Непосредственным толчком к выдвижению идеи включения национальных республик в состав РСФСР стала подготовка к Генуэзской конференции, на которой советская делегация должна была отстаивать общие интересы не только собственно России, но и ее бывших национальных окраин. Так что побудительным мотивом явилась внешнеполитическая необходимость.

В этом контексте представляет бесспорный интерес краткий обмен репликами, произошедший на заседании секции по национальному вопросу XII съезда РКП(б) между Раковским и Сталиным. Раковский: “В январе прошлого года — 1922 г.— уже возникла идея автономизации советских республик в известном учреждении, я не буду говорить, в каком, тов. Сталин это знает (СТАЛИН: Скажите, я не знаю). В Наркоминделе. В январе был послан циркуляр, что упразднение Наркоминделов, которое тогда предполагалось, должно быть началом автономизации советских республик. Это было в январе 1922 г. В Москве я был включен в комиссию ЦК, которая вместе с тт. Сталиным и Чичериным должна была произвести эту самую ликвидацию.”⁹⁴

...

⁹³ Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия?

М. 1992. С. 87–88.

...

⁹⁴ “Известия ЦК КПСС.” 1991 г. № 3. С. 171.

Таким образом, на основе исторически достоверных фактов и документов известно, что не Сталин впервые выдвинул идею автономизации и стал ее ревностным апологетом. Она возникла в умах руководящих деятелей партии и Советского государства и адекватно отражала естественное стремление к лучшей координации внешнеэкономической, внешнеполитической и хозяйственной деятельности всех республик складывавшегося Союза.

Особую позицию занимала часть руководства компартии Грузии. Группа Б. Мдивани и после октябрьского (1922) Пленума ЦК РКП (б), поддержавшего позицию Ленина, настаивала на том, чтобы Грузия непосредственно, а не через Закавказскую федерацию, вошла в состав СССР. Коммунисты Грузии на общегородском собрании Тифлисской партийной организации, состоявшемся в октябре 1922 г., высказались против национал-уклонистов и приняли резолюцию, осуждающую позицию уклонистского большинства ЦК КП Грузии. Это означало полный крах грузинских национал-уклонистов. 22 октября 1922 г. ЦК КП Грузии подал в отставку, мотивируя это своим расхождением с Закрайкомом. Закавказский Краевой комитет принял отставку ЦК КП Грузии и сообщил ЦК РКП (б) о происшедших событиях. Вскоре после подачи заявления об отставке сторонники Б. Мдивани – К. Цинцадзе, С. Тодрия, Л. Думбадзе, Е. Эшба, Ф. Махарадзе, С. Кавтарадзе продиктовали по прямому проводу в Москву записку для передачи В. И. Ленину. Записка была направлена против руководителя Закавказского Крайкома Орджоникидзе. Эта реляция, больше похожая на клевету, вызвала недовольство В. И. Ленина. В конце октября 1922 г. в телеграмме в Закрайком и ЦК КП Грузии Ленин писал: «Удивлен неприличным тоном записки по прямому проводу за подписью Цинцадзе и других... Я был убежден, что все разногласия исчерпаны решениями Пленума ЦК при моем косвенном участии, при прямом участии Мдивани. Поэтому я решительно осуждаю брань против Орджоникидзе и настаиваю на передаче вашего конфликта в приличном и лояльном тоне на разрешение Секретариата ЦК РКП, которому и передано ваше сообщение по прямому проводу»⁹⁵ В то же время серьезные промахи были допущены и Г. Орджоникидзе. Он не всегда проявлял должной гибкости и осторожности в проведении национальной политики партии в Грузии, допускал администрирование и поспешность в проведении некоторых мероприятий. Не проявил Г. Орджоникидзе должной выдержки и во взаимоотношениях с группой Б. Мдивани. В связи с жалобой в ЦК РКП (б) сторонников Мдивани 25 ноября 1922 г. Политбюро приняло решение направить в Грузию комиссию в составе Ф. Э. Дзержинского, Д. З. Мануильского и В. С. Мицквичюса-Капсукаса для срочного рассмотрения заявления членов ЦК КП Грузии. Комиссия Ф. Дзержинского в основном объективно оценила обстановку и пришла к правильным политическим выводам, но в то же время допустила ряд серьезных ошибок. Комиссия прошла мимо отдельных промахов Г. Орджоникидзе, выразившихся в излишней поспешности в решении некоторых вопросов, чрезмерной горячности.

Я в несколько хаотическом порядке нарисовал общую картину, развертывавшейся борьбы вокруг проблемы автономизации. Хотя картина далеко и неполная, но она все же дает представление как о самой сущности проблемы, так и противостоящих силах.

⁹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 54. С. 299-300.

Сталин в этот период активно занимался данной проблемой. В августе ЦК РКП (б) создал комиссию для подготовки проекта решения о взаимоотношениях между РСФСР и независимыми республиками. Комиссия одобрила проект, подготовленный не ранее 11 августа 1922 г. И. В. Сталиным.⁹⁶ Этот план вошел в историю как проект “автономизации”

ВЕРНУТЬСЯ

Он носил название Проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками и включал в себя следующие основные пункты:

1. Признать целесообразным формальное вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее...

2. Признать целесообразным формальное распространение компетенции ВЦИКа, СНК и СТО РСФСР на соответствующие центральные советские учреждения перечисленных в п. 1-м республик.

3. Внешние дела (Индел, Внешторг), военные дела, железнодорожные, финансовые и почта (имеется в виду почта и телеграф — *Н.К.*) упомянутых в пункте 1-м независимых республик объединить с таковыми РСФСР;

4. Наркоматы: продовольствия, труда и народного хозяйства формально подчинить директивам соответствующих наркоматов РСФСР.

5. Остальные наркоматы упомянутых в п. 1-м республик как-то: юстиции, просвещения, внутренних дел, земледелия, рабоче-крестьянской инспекции, народного здоровья и социального обеспечения считать самостоятельными.⁹⁷

Сталин не ограничился только представлением Ленину проекта, но и прислал специальное письмо, детально аргументирующее каждый пункт плана и в принципиальном ключе обосновывавший необходимость принятия именно такого решения.

В частности он писал:

“Тов. Ленин! Мы пришли к такому положению, когда существующий порядок отношений между центром и окраинами, т. е. отсутствие всякого порядка и полный хаос, становятся нестерпимыми, создают конфликты, обиды и раздражение, превращают в фикцию т. н. единое федеративное народное хозяйство, тормозят и парализуют всякую хозяйственную деятельность в общероссийском масштабе. Одно из двух: **либо** действительная независимость и тогда — невмешательство центра, свой НКИД, свой Внешторг, свой Концессионный комитет, свои железные дороги, причем вопросы общие решаются в порядке переговоров равного с равным, по соглашению, а постановления ВЦИК, СНК и СТО РСФСР не обязательны для независимых республик; **либо** действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое с формальным распространением власти СНК, СТО и ВЦИК РСФСР на СНК, ЦИК и экономсоветы независимых республик, т. е. замена фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик в смысле языка, культуры, юстиции, вудел, земледелия и прочее...

⁹⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. М. 1970. Т. 4. Книга первая. С. 198.

⁹⁷ “Известия ЦК КПСС.” 1989г. № 9. С. 192.

3. За четыре года Гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство Цека РКП, как обман и лицемерие со стороны Москвы...

5. Если мы теперь же не постараемся приспособить **форму взаимоотношений** между центром и окраинами к **фактическим** взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем основном безусловно должны подчиняться центру, т. е. если мы теперь же не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик.

Сейчас речь идет о том, как бы не «обидеть» националов; через год, вероятно, речь пойдет о том, как бы не вызвать раскол в партии на этой почве, ибо «национальная» стихия работает на окраинах не в пользу единства советских республик, а формальная независимость благоприятствует этой работе." В заключение Сталин пишет: "Большинство членов комиссии за автономизацию, в числе них и т. Сокольников."⁹⁸

Комиссия Оргбюро 24 сентября 1922г. приняла решение об одобрении предложений, в основном сделанных Сталиным, о формальном вступлении Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии в состав РСФСР. Далее уточнялись разграничение полномочий и права наркоматов.⁹⁹

Как можно судить по письму Сталина, во главу угла он ставит не вопросы формального равенства, а проблему обеспечения реального единства страны и органов ее управления. В этом явственно выявляется его роль как государственника, для которого не какие-то, пусть и важные, моменты национально-государственного строительства, а интересы общегосударственного характера стоят на первом месте. Причем его критика реального положения дел, в частности, критика все более поднимавших голову национализма и сепаратизма, имела под собой солидную основу. Вполне естественно поэтому, что в борьбе против социал-независимцев он видел одну из надежных преград на пути упрочения единства страны и обеспечения ее целостности.

Стоя на почве здравого смысла и реализма, трудно оспорить основные доводы Сталина. Тем более что они являлись не плодом абстрактных размышлений, а итогом анализа объективной ситуации, сложившейся в стране и партии. К тому же, как это явствует из письма, они и не отличались каким-то особым озлоблением против местного национализма.

Как же отреагировал Ленин на резолюцию и письмо Сталина? Он пишет записку Каменеву: "Вы, наверное, получили уже от Сталина резолюцию его комиссии о вхождении независимых республик в РСФСР.

Если не получили, возьмите у секретаря и прочтите, пожалуйста, немедленно. Я беседовал об этом вчера с Сокольниковым, сегодня со Сталиным. Завтра буду видеть Мдивани (грузинский коммунист, подозреваемый в «независимстве»).

По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться...

⁹⁸ "Известия ЦК КПСС," 1989г. № 9. С. 198-200.

⁹⁹ Там же. С. 203 - 205.

Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В § 1 сказать вместо «вступления» в РСФСР —

«Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии».

Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, «Союз Советских Республик Европы и Азии».

§ 2 требует тогда тоже изменения. Нечто вроде создания наряду с заседаниями ВЦИКа РСФСР —

«Общесоюзного ВЦИКа Союза Советских Республик Европы и Азии».¹⁰⁰

Казалось бы, взаимное согласие между Лениным и Сталиным достигнуто. Но это было не так. Сталин продолжает настаивать на ряде пунктов, несмотря на критические высказывания Ленина. Он проявляет завидную твердость и решительность, отмечая попутно, как необоснованные, упреки Ленина в торопливости. Вот основные положения, изложенные в его письме на имя Ленина и других членов Политбюро.

«Письмо И. В. Сталина

27 сентября 1922 г.

Строго секретно.

В. И. Ленину и членам Политбюро: тт. Зиновьеву, Калинин, Каменеву, Молотову, Рыкову, Томскому, Троцкому (Ответ на письмо тов. Ленина тов. Каменеву).

1. По параграфу 1 резолюции комиссии, по-моему, можно согласиться с предложением т. Ленина, формулируя ее так: «признать целесообразным формальное объединение советских социалистических республик Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана и Армении с РСФСР в Союз советских республик Европы и Азии» (Бухара, Хорезм и ДВР, из коих первые являются не социалистическими, а третья еще не советизирована, остаются пока вне формального объединения).

2. По параграфу 2 поправку т. Ленина о создании наряду с ВЦИКом РСФСР ВЦИКа федерального, по-моему, не следует принять: существование двух ЦИКов в Москве, из коих один будет представлять, видимо, «нижнюю палату», а другой — «верхнюю», — ничего кроме конфликтов и трений не даст. Предлагаю вместо поправки т. Ленина следующую поправку: «в соответствии с этим ЦИК РСФСР преобразуется в общесоюзный ЦИК, решения которого обязательны для центральных учреждений, входящих в состав союза республик». Я думаю, что всякое иное решение в смысле поправки т. Ленина должно повести к обязательному созданию русского ЦИКа с исключением отсюда восьми автономных республик (Татреспублика, Турккесреспублика и прочее), входящих в состав РСФСР, к объявлению последних независимыми наряду с Украиной и прочими независимыми республиками, к созданию двух палат в Москве (русского и федерального), и, вообще, к глубоким перестройкам, что в данный момент не вызывается ни внутренней, ни внешней необходимостью и что, на мой взгляд, при данных условиях нецелесообразно и, во всяком случае, преждевременно.

3. По параграфу 3 незначительные поправки т. Ленина носят чисто редакционный характер.

4. По параграфу 4, по-моему, товарищ Ленин «поторопился», потребовав слияния наркоматов финансов, продовольствия, труда и народного хозяйства в федераль-

¹⁰⁰ В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 241.

ные наркоматы. Едва ли можно сомневаться в том, что эта «торопливость» даст пищу «независимцам» в ущерб национальному либерализму т. Ленина.

5. По параграфу 5-му поправка т. Ленина, по-моему, излишня.

И. Сталин.¹⁰¹

Тут, как говорится, нашла коса на камень. Оба руководителя проявляют твердость. Ленин не только не изъявляет готовности придти к какому-либо компромиссному варианту, но, напротив, намерен усилить нападки на позицию Сталина. Об этом свидетельствует обмен записками между Камневым и Сталиным на следующий день после отправки письма Сталиным:

“28 сентября 1922г.

Каменев: Ильич собрался на войну в защиту независимости. Предлагает мне повидаться с грузинами. Отказывается даже от вчерашних поправок. Звонила Мария Ильинична.

Сталин: Нужна, по-моему, твердость против Ильича. Если пара грузинских меньшевиков воздействует на грузинских коммунистов, а последние на Ильича, то спрашивается— причем тут «независимость»?

Каменев: Думаю, раз Владимир Ильич настаивает, хуже будет сопротивляться.

Сталин: Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению.¹⁰²

Сталин, со своей стороны, в принципе не отказывается полностью от своей прежней позиции. Более того, он язвительно “возвращает” ленинские обвинения самому Ленину и даже без обиняков бросает ему упрек в национальном либерализме. Вместе с тем, проявляя гибкость, Сталин, как бы снимая с себя всякую ответственность, замечает — пусть делает по своему усмотрению.

Но в целом, имеются основания сделать вывод, что на пленуме ЦК РКП(б) в октябре 1922 года определенное решение в конце концов удалось найти и как будто был положен конец конфликту. Пленум признал необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией закавказских республик и РСФСР об объединении их в Союз Советских Социалистических Республик. Пленум осудил проявления великодержавного шовинизма, в то же время дал отпор Мдивани, который сначала возражал против образования СССР, а потом настаивал, чтобы Грузия входила в СССР не через Закавказскую федерацию, а непосредственно.¹⁰³

Однако дальнейшее развитие событий показало, что это было не окончание противоборства между Лениным и Сталиным, а лишь некая фаза затишья, за кулисами которой продолжалось самое напряженное противостояние. Есть все основания предположить, что Ленин решил дать Сталину решительный и бескомпромиссный бой, используя для этого проблему автономизации. Видимо, высказанные им в завещании критические пассажи в адрес Сталина показались ему недостаточно убедительными, чтобы добиться его освобождения от поста генсека. И он решил как бы подкрепить свои позиции еще и обвинениями Сталина в покровительстве великодержавным устремлениям и лишенным якобы всякой почвы нападкам на грузинских национал-уклонистов.

¹⁰¹ “Известия ЦК КПСС.” 1989г. № 9. С. 208.

¹⁰² Там же. С. 208-209.

¹⁰³ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 859.

С этой целью по заданию Ленина его секретариат готовил обработку материалов трех комиссий ЦК партии по грузинскому вопросу и соответствующие заключения. Ленин внимательно следил за этой работой и направлял ее в нужное ему русло. Подготовленное в соответствующем ключе (разумеется, антисталинском) заключение должно было подкрепить серьезность и масштабность обвинений в адрес Сталина.

О том, насколько важное значение вождь придавал материалам комиссии свидетельствует то, что в его секретариате упорно циркулировали слухи (якобы со слов самого Ленина), что он «готовит бомбу» для Сталина. В записях дежурных секретарей фиксируется особая активность Ленина в этом вопросе: «24 января Владимир Ильич вызвал Фотиеву и дал поручение запросить у Держинского или Сталина материалы комиссии по грузинскому вопросу и детально их изучить. Поручение это дано Фотиевой, Гляссер и Горбунову. Цель — доклад Владимиру Ильичу, которому требуется это для партийного съезда. О том, что вопрос стоит в Политбюро, он, по-видимому, не знал. Он сказал: «Накануне моей болезни Держинский говорил мне о работе комиссии и об «инциденте», и это на меня очень тяжело повлияло».¹⁰⁴

«В четверг, 25 января, он спросил, получены ли материалы. Я ответила, что Держинский придет лишь в субботу. И поэтому спросить его еще не могла.

В субботу спросила Держинского, он сказал, что материалы у Сталина. Послала письмо Сталину, его не оказалось в Москве. Вчера, 29 января, Сталин звонил, что материалы без Политбюро дать не может. Спрашивал, не говорю ли я Владимиру Ильичу чего-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел? Например, его статья об РКИ указывает, что ему известны некоторые обстоятельства. Ответила — не говорю и не имею никаких оснований думать, что он в курсе дел. Сегодня Владимир Ильич вызывал, чтоб узнать ответ, и сказал, что будет бороться за то, чтоб материалы дали.»¹⁰⁵

Очевидно, что Сталин, следуя решению пленума ЦК оберегать Ленина от излишних волнений, способных повлиять на ход его болезни, пытался всячески воспрепятствовать доступу Ленина к информации. Официально это представлялось как забота о здоровье Ильича. Однако указанные действия Сталина правомерно истолковать и как прямую попытку лишить Ленина необходимой информации, чтобы предотвратить его непосредственное вмешательство в разрешение длившегося конфликта. На мой взгляд, обе версии имеют едва ли не равное право на существование.

Однако Ленину не терпелось, он не мог ждать окончания работы комиссии. Инстинкт политического бойца подсказывал ему необходимость незамедлительного нанесения по Сталину очередного мощного удара, который, как, видимо, рассчитывал Ленин, окончательно выбьет Сталина из седла и политически дискредитирует его. Поскольку столь серьезные политические ошибки и просчеты в области национальной политики вообще ставили под вопрос партийный авторитет и положение Сталина в руководстве. Таким ударом стало известное письмо Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации»,» продиктованное им 30 и 31 декабря 1922 года. Этим письмом Ленин нанес Сталину и его сторонникам превентивный удар.

Состоявшиеся в декабре 1922 съезды Советов УССР, БССР, ЗСФСР, а также 10-й Всероссийский съезд Советов признали своевременным объединение советских рес-

¹⁰⁴ В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 476.

¹⁰⁵ Там же. С. 477.

публик в единое союзное государство. На X съезде Советов РСФСР 26 декабря 1922г. в Москве с докладом "Об объединении Советских республик" выступил Сталин. Он же на I-м съезде Советов СССР выступил с докладом "Об образовании Союза Советских Социалистических Республик". Первый съезд Советов СССР утвердил Декларацию об образовании Союза ССР. В ней были сформулированы основные принципы объединения республик: равноправие и добровольность вхождения их в Союз ССР, право свободного выхода из Союза и доступ в Союз новым советским социалистическим республикам. Съезд рассмотрел и утвердил Договор об образовании СССР. Первоначально в Союз ССР вошли РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР.

Каким-то историческим парадоксом выглядит то, что все это произошло в самый разгар борьбы Ленина против Сталина. Резко критикуемый и, можно сказать, пригвожденный к столбу как держиморда всероссийского масштаба, Сталин как раз и выступил, по крайней мере официально, в качестве отца-основателя нового государства. В этом историческом парадоксе была все-таки заложена какая-то логика, свой внутренний смысл. И не случайно, что впоследствии именно с именем Сталина будет связано становление, укрепление и развитие этого союзного государства, его превращение в мощную мировую державу XX столетия. Как ни парадоксально это может прозвучать, но именно Н.Бухарин — один из основных политических оппонентов Сталина — если не положил начало, то стал одним из пионеров восхваления генсека в качестве основателя Союзного государства. В выпущенном к 10-й годовщине смерти Ленина под эгидой Академии Наук солидном фолианте он выступил с большой статьей. В статье, насыщенной неумными дифирамбами в адрес Сталина, содержался и такой пассаж: "на прочных рельсах ленинской национальной политики был создан Союз, идея которого принадлежала Сталину."¹⁰⁶

Однако возвратимся к письму Ленина, которое он начал диктовать как раз в день образования СССР. В этом при желании тоже можно уловить какое-то мистическое совпадение.

Я не стану излагать все содержание ленинской диктовки "К вопросу о национальностях или об «автономизации»". Затрону лишь аспекты, касающиеся непосредственно Сталина, главной мишенью которой он, собственно, и являлся.

Начинает Ленин с того, что, "сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик." Далее он замечает, что "видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна" "Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль."

Сделав острый выпад против Сталина, Ленин считает своим долгом теоретически подкрепить свою позицию, чтобы она не выглядела слишком уж лично направленной против Генерального секретаря и тех, кто его поддерживал или занимал ней-

¹⁰⁶ Вот один из характерных примеров: "Идет армия бойцов-строителей, реют знамена, гремит «Интернационал», и ведет армию ее революционный фельдмаршал, ее вождь и учитель, в серой шинели, железным шагом, — Иосиф Сталин." (Памяти Ленина. М.—Л. 1934. С. 38)

¹⁰⁶ Там же. С. 31.

тральную позицию. Он подчеркивает: “Я уже писал в своих произведениях по национальному вопросу, что никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще. Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой.

По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия, и даже больше того — незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений, — стоит только припомнить мои волжские воспоминания о том, как у нас третируют инородцев, как поляка не называют иначе, как «полячишкой», как татарина не высмеивают иначе, как «князь», украинца иначе, как «хохол», грузина и других кавказских инородцев, — как «кавказский человек».

Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остался, в сущности, на точке зрения мелкобуржуазной и поэтому не может не скатываться ежеминутно к буржуазной точке зрения.”

Ленин продолжает, не называя по имени Сталина, но явно имея его в виду, “я думаю, что в данном случае, по отношению к грузинской нации, мы имеем типичный пример того, где сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость требуются с нашей стороны поистине пролетарским отношением к делу. Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинением в «социал-национализме» (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности, потому что ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость... Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить. Вот почему в данном случае коренной интерес пролетарской солидарности, а следовательно и пролетарской классовой борьбы, требует, чтобы мы никогда не относились формально к национальному вопросу, а всегда учитывали обязательную разницу в отношении пролетария нации угнетенной (или малой) к нации угнетающей (или большой)”

Затем следуют, так сказать, выводы организационно-политического плана: “...нужно примерно наказать тов. Орджоникидзе (говорю это с тем большим сожалением, что лично принадлежу к числу его друзей и работал с ним за границей в эмиграции), а также доследовать или расследовать вновь все материалы комиссии Держинского на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются. Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Держинского.”¹⁰⁷

Читайте также статью

и

в журнале

¹⁰⁷ Текст статьи Ленина “Об автономизации” См. *В.И. Ленин*. ПСС. Т. 45. С. 356 - 361.

Таково содержание ленинского приговора сталинской национальной политике и, если говорить более обобщенно, то и вообще его линии в области национально-государственного строительства. Удар был нанесен более чем чувствительный. Однако сам Ленин не дал каких-либо распоряжений относительно дальнейшей судьбы своего вердикта в отношении Сталина и его сторонников. Правда, в виде своеобразной подстраховки оно было доведено до сведения Троцкого, на которого Ленин рассчитывал в качестве союзника в борьбе против Сталина. Складывается впечатление, что Ленин не вполне рассчитывал на то, что без его личного участия это письмо само по себе сможет сыграть предназначавшуюся ему роль — свалить политически Сталина, добиться не только его осуждения в политическом плане, но и освободить от поста Генерального секретаря. Хотя сумма обвинений была более чем внушительной.

Сталин и его сторонники считали, что разногласия с Лениным могли быть разрешены в рабочем порядке, но этому якобы помешала болезнь вождя. Так, во время партдискуссии 1923 года члены Политбюро (за исключением, разумеется, Троцкого) давали следующие объяснения всему конфликту по национальному вопросу и причинам, помешавшим решить его надлежащим образом без обострения противоречий: «Когда совершался труднейший переход к созданию Союза Советских Социалистических Республик и заново был поставлен национальный вопрос, некоторые расхождения среди основного нашего старого большевистского ядра как будто в самом деле намечались. Сначала по каждому вопросу, связанному с этим переходом, у нас были обширные собеседования с тов. Лениным, в частности, между т. Лениным и Сталиным. Нет никакого сомнения в том, что если бы болезнь Владимира Ильича не помешала, мы бы столкнулись на 100 процентов. Но именно невозможность личных, а потом и письменных переговоров с тов. Лениным привела к тому, что некоторые недоразумения остались, главным образом, по вопросу об оценке известного конфликта в Грузинской Компартии. Все это, вместе взятое, и вызвало известное письмо тов. Ленина.»¹⁰⁸

Но вся проблема состояла в том, что Ленин не мог принимать непосредственного участия в схватке. Вместе с тем он отдавал себе отчет, что у Сталина не только были сторонники, но определенная часть партийных работников как в центре, так и на местах, в той или иной мере были солидарны со Сталиным в отношении опасности местного национал-уклонизма и национализма вообще. Отнюдь не вся партия и все руководство с открытой душой и искренне воспринимали ленинские филиппики против великорусского шовинизма. Ведь предстояла задача создания единого и сплоченного государства, а единственным фундаментом такого объединения мог быть только русский народ. Чрезмерный упор на борьбу против великорусского шовинизма мог обернуться бумерангом и ударить по самой идее создания единого многонационального государства. Помимо правильных теоретических постулатов существовала суровая реальность, не считаться с которой было нельзя.

Видимо, внутренне сознавая определенную уязвимость своей стратегии, Ленин в начале марта 1923 года специально обращается к Троцкому с письмом, в котором говорилось:

¹⁰⁸ «Известия ЦК КПСС.» 1991г. № 3. С. 214.

“ Л. Д. ТРОЦКОМУ *в 1923 году Ленин написал это письмо Троцкому.*

Строго секретно. *Ленин писал Троцкому.*

Лично. *Ленин писал Троцкому.*

Уважаемый тов. Троцкий!

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии.

Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия.

С наилучшим товарищеским приветом Ленин

Продиктовано по телефону 5 марта 1923 г.¹⁰⁹

Казалось бы, для Троцкого наступил час возделенного возмездия, когда он, опираясь на Ленина, мог бы нанести удар Сталину, чтобы, если не повергнуть последнего в пучину политического забвения, то нанести ему колоссальный политический урон. Однако Троцкий на просьбу Ленина фактически не откликнулся, в оправдание чего он привел малоубедительный довод: “В ответ на прочитанное т. Троцкому письмо Владимира Ильича о грузинском вопросе т. Троцкий ответил, что так как он болен, то не может взять на себя такого обязательства, но так как надеется, что скоро поправится, то просил прислать ему материалы (если они никому не необходимы) для ознакомления и, если здоровье ему позволит, он их прочитает.”¹¹⁰

Но суть не в самих отговорах, в их обоснованности или несостоятельности. Фактом явилось одно – Троцкий уклонился от прямого противостояния со Сталиным и его тогдашними сторонниками.

Примерно тогда же Ленин отправляет свое последнее в его жизни письмо (это вообще последний документ, принадлежащий Ленину), адресованное грузинским национал-уклонистам. Вот его полный текст:

“ Б. Г. МДИВАНИ, Ф. Е. МАХАРАДЗЕ И ДР.

Строго секретно.

т.т. Мдивани, Махарадзе и др. Копия – т.т. Троцкому и Каменеву

Уважаемые товарищи!

Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Ютовлю для вас записки и речь.

С уважением Ленин

6-го марта 23 г.¹¹¹

Это был последний аккорд в той политической партии, которую сыграл Ленин. 10 марта его постиг новый, еще более жестокий удар, от которого он не смог оправиться уже до самой смерти. С тех пор Ленин превратился фактически в политический труп. Лично на ход событий он не мог оказывать никакого воздействия. Но это не означает, что голос его (хотя он и утратил способность говорить и писать и был фактически полупарализован) как лидера и неоспоримого вождя партии утратил свое значение. Он и больной, как незримая тень, нависал над сонмов своих соратников. Его письма и рекомендации, хотя они были известны лишь самому узкому кругу лиц,

¹⁰⁹ В.И. Ленин. ПСС. Т. 54. С. 329.

¹¹⁰ “Известия ЦК КПСС.” 1990г. № 9. С. 149.

¹¹¹ В.И. Ленин. ПСС. Т. 54. С. 330.

продолжали играть важную роль в жизни партии и страны, оставались мощным политическим оружием, которое каждая из противоборствующих сторон стремилась обратить себе на пользу.

Сталин сохранял в это время полную бдительность и старался соответствующим образом реагировать на развитие событий, в эпицентре которых оказался он сам. Есть веские основания считать, что он был в курсе последних ленинских политических диктовок. Доказательством чего служит то, что буквально на следующий день после обращения Ленина к грузинским национал-уклонистам он послал своему соратнику, секретарю Закавказского крайкома С.Орджоникидзе следующую телеграмму:

“ г. Москва

Строго секретно

Дорогой Серго!

Я узнал от т. Каменева, что Ильич посылает тт. Махарадзе и другим письмецо, где он солидаризируется с уклонистами и ругает тебя, т. Дзержинского и меня. Видимо имеется цель надавить на волю съезда Компартии Грузии в пользу уклонистов. Нечего и говорить, что уклонисты, получив это письмецо, используют его вовсю против Закрайкома, особенно против тебя и т. Мясникова. Мой совет:

1. Никакого давления не делать Закрайкому на волю большинства Компартии Грузии, дать этой воле, наконец, полностью проявиться, какова бы она ни была.

2. Добиться компромисса, но такого компромисса, который может быть проведен без грубого воздействия на большинство ответственных работников Грузии, т. е. компромисса естественного, добровольного.

7 III.23 г. Москва

Твой И. Сталин.¹¹²

Из текста телеграммы явствует, что Сталин сознавал прочность своего положения, несмотря на все усилия Ленина политически дискредитировать его. За его спиной уже был солидный капитал, именно он, а не кто иной выступил с официальными докладами об образовании Союза ССР. Кроме того, — и это, видимо, играло первенствующую роль, — он знал о практически безнадежном состоянии Ленина и понимал, что последнему не так уж легко будет лишить Сталина завоеванных им позиций.

Между тем Ленин пытался развернуть наступление на Сталина не только в области национальной политики. В ряде других статей — “Лучше меньше, да лучше”, “Как нам реорганизовать Рабкрин” и др. — Ленин подверг уничтожающей, прямо испепеляющей критике работу наркомата рабоче-крестьянской инспекции, представив его как самый худший из всех наркоматов, в котором дела обстоят из рук вон плохо. К слову сказать, ко времени, когда Ленин обрушился с критикой Рабкрина, Сталин уже почти год не работал там — вскоре после своего избрания Генеральным секретарем. Кроме того, еще задолго до критики со стороны Ленина Сталин сам предлагал реорганизовать работу другого комиссариата, во главе которого он стоял. На секции XII съезда партии по национальному вопросу он, в частности, говорил:

“ Я два года дрался за уничтожение Наркомнаца и получал отказ.

Это орган, ничего не делающий и тормозящий работу. Меня не освободили от наркомства. Я и здесь был подневольным человеком. Все-таки то, что я предлагал в

¹¹² “Известия ЦК КПСС.” 1990 г. № 9. С. 151-152.

ЦК, это не есть Наркомнац. Наркомнац — комиссариат агитационный, никаких административных прав Наркомнац не имеет, а я предлагал создать вторую палату, которая наравне с первой палатой, которая будет о потребностях и нуждах различных национальностей докладывать, которая будет проводить, напирать на проведении и прочее.”¹¹³

Как видим, Сталин не просто оборонялся, но и стремился нанести, так сказать, упреждающие удары. Видимо, этим и объясняются его неоднократные заявления об отставке с поста наркома РКИ. Но они отвергались другими, в первую очередь самим Лениным. Теперь же, стремясь свалить Сталина, он сконцентрировал свою критику на работе этого наркомата. Кстати, в переписке и обмене мнениями между членами Политбюро в связи с обсуждением того, публиковать ли статью Ленина в “Правде”, некоторые высказывали удивление тем, что Ленин в качестве образцового наркомата привел НКИД. Положение дел в других наркоматах было не намного лучше, чем в наркомате РКИ. Это все хорошо знали и делали надлежащий вывод — объектом критики является не только, а, может быть, и не столько сам наркомат, сколько Сталин, длительное время стоявший во главе этого наркомата.

Документы, кстати, зафиксировали все перипетии возни вокруг вопроса о публикации последних работ Ленина, в частности, о Рабкрине. Некоторые члены руководства, опасаясь, что алармистские прогнозы вождя относительно возможного раскола партии способны дезорганизовать обстановку в партии и в стране в целом, высказывались против их публикации. В частности, предлагалось даже напечатать номер “Правды” в единственном экземпляре, чтобы таким способом успокоить обеспокоенного вождя.

Вот как всю эту историю излагал Троцкий в период партийной дискуссии в октябре 1923 года (т.е. по горячим следам):

“Совершенно верно, что я очень отрицательно относился к старому Рабкрину. Однако т. Ленин в статье своей «Лучше меньше, да лучше» дал такую уничтожающую оценку Рабкрину, какой я никогда не решился бы дать: «Наркомат Рабкрин не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрин, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать». Если вспомнить, кто дольше всего стоял во главе Рабкрин, то не трудно понять, против кого направлена была эта характеристика, равно как и статья по национальному вопросу.

...На немедленно созванном по моему предложению Политбюро все присутствовавшие: т. Сталин, Молотов, Куйбышев, Рыков, Калинин, Бухарин были не только против плана т. Ленина, но и против самого напечатания статьи. Особенно резко и категорически возражали члены Секретариата. Ввиду настойчивых требований т. Ленина о том, чтобы статья была ему показана в напечатанном виде, т. Куйбышев, будущий Нарком Рабкрин, предложил на указанном заседании Политбюро отпечатать в одном экземпляре специальный номер «Правды» со статьей т. Ленина для того, чтобы успокоить его, скрыв в то же время статью от партии.”¹¹⁴

Лично я полагаю, что версия, представленная Троцким, гораздо ближе к истине, чем та, которую защищал сам Сталин и другие лица, причастные к этому эпизоду.

¹¹³ “Известия ЦК КПСС.” 1991 г. № 4. С. 170.

¹¹⁴ “Известия ЦК КПСС.” 1989 г. № 11. С. 181.

Сталин, исходя из своих соображений, конечно, отрицал сам факт **официального** предложения о выпуске единственного номера газеты со статьей Ленина. Через несколько месяцев, когда этот эпизод в ходе партийной дискуссии стал предметом обсуждения, Сталин дал такой письменный ответ: «Вопрос о напечатании статьи Ильича вообще возник на заседании Политбюро в связи с той тревогой, которая была вызвана среди членов ЦК фразой в статье Ильича о расколе в ЦК. Члены Политбюро справедливо полагали, что фраза Ильича о расколе в ЦК может породить в партии тревогу за целостность ЦК, ввиду чего необходимо одновременно с напечатанием статьи Ильича разослать местным организациям специальный циркуляр о том, что фраза в статье Ильича о расколе касается возможных перспектив в будущем, а не настоящего положения в партии и ЦК, что опасаться за раскол в данную минуту нет оснований. Именно поэтому и было принято Политбюро не одно, а два решения: а) немедленно сдать в печать статью Ильича; б) разослать всем местным организациям письмо ЦК за подписями всех наличных членов Политбюро и Оргбюро с разъяснением о том, что нет оснований опасаться раскола в партии и ЦК. Это письмо ЦК было в тот же день отправлено организациям в шифрованном виде.»¹¹⁵

И, наконец, чтобы подвести черту под этой сложной закулисной (и надо прямо сказать, грязной) борьбе, которая происходила вокруг последних ленинских писем и статей, вкратце коснусь судьбы письма по вопросу об автономизации. В апреле 1923 года накануне открытия XII съезда партии личный секретарь Ленина Фотиева направила Сталину следующее письмо:

«16 апреля 1923 г.

Секретно т. Сталину

Прилагаемая статья т. Ленина была написана им 31/XII—22 г. Владимир Ильич предполагал ее опубликовать, так как на мой вопрос, заданный ему незадолго до его последнего заболевания, не считает ли он нужным опубликовать эту статью — он сказал — да, я думаю ее опубликовать, но несколько позже.

Владимира Ильича сильно волновал национальный вопрос и он готовился выступить по нему на партсъезде, а в этой статье его точка зрения по данному вопросу выражена очень ярко.

На основании вышеизложенного я считаю своим партийным долгом довести до Вашего сведения эту статью, хотя и не имею формального распоряжения Владимира Ильича.

Ранее сделать этого не могла, т. к. сначала не было еще вполне очевидно, что Владимир Ильич не сможет сам выявить свою волю в этом отношении до съезда, а последние 2 1/2 недели я была больна и сегодня первый день на работе.

Просьба вернуть статью, т. к. посылается тот единственный экземпляр, который имеется в архиве Владимира Ильича.

16/17 23 г.

Л. Фотиева.¹¹⁶

Какова же была реакция Сталина на это?. На письме имеется пометка Л. А. Фотиевой: «Не послано, т. к. т. Сталин сказал, что он в это не вмешивается».¹¹⁷

¹¹⁵ «Известия ЦК КПСС.» 1989 г. № 11. С. 190-192.

¹¹⁶ «Известия ЦК КПСС.» 1990 г. № 9. С. 155-156.

¹¹⁷ Там же. С. 156.

Реакция весьма многозначительная. Сталин, конечно, знал по своим каналам содержание ленинского письма, но предпочел как бы остаться в стороне, чтобы не демонстрировать свою явную заинтересованность, а тем более обеспокоенность. К тому времени расстановка сил в узком кругу руководства уже определилась и он мог не испытывать серьезных опасений за свое будущее. Позиции его были достаточно прочными, чтобы их могло серьезно поколебать письмо парализованного вождя. К тому же, он имел в своем запасе и достаточные контраргументы, и они могли быть использованы им на предстоявшем съезде партии. Лишний раз демонстрировать перед коллегами по руководству, что он встревожен и озабочен критическими высказываниями в его адрес — значило, по его вероятному мнению, проявить слабость и уязвимость своих в целом прочных политических позиций. Такая его реакция представляется мне вполне логичной и оправданной.

Эти расчеты Сталина (если, разумеется, они были таковыми) полностью оправдались. 18 апреля 1923 года, на следующий же день после открытия съезда, президиумом съезда была решена судьба ленинского письма по национальному вопросу. Вердикт был таков:

“1. а) Огласить эти записки т. Ленина, а также весь материал, относящийся к ним, на заседании «Сеньорен-конвента» (т.е. совета старейшин съезда — Н.К.).

б) После этого члены Президиума оглашают вновь этот материал на делегациях съезда.

в) Вместе с этим сообщить «Сеньорен-конвенту» и делегациям решение Пленума ЦК по грузинскому вопросу.

г) Упомянутой записки и материалов на секции по национальному вопросу не оглашать.”¹¹⁸

К сказанному следует добавить, что на заседаниях совета старейшин вносились предложения опубликовать данное письмо Ленина, однако с удалением “слишком резких личных моментов.”¹¹⁹ Кто конкретно вносил такого рода предложения, неизвестно, хотя кому было выгодно такое удаление — более чем очевидно. По всей вероятности, Сталин через своих сторонников (разумеется, не сам лично) пытался таким маневром обезвредить “политическую бомбу”, заложенную в письме против него. Однако к этому и прибегать не пришлось, поскольку содержание письма стало известно лишь узкому кругу делегатов съезда.

Не приходится сомневаться, что подобное решение вполне устраивало Сталина. В каком-то смысле оно закрывало одну, открытую, страницу его противостояния с вождем партии Лениным. В этом противостоянии он, разумеется, понес определенные политические потери. Были созданы, если так можно выразиться, теоретические предпосылки для дальнейших нападков на Сталина со стороны его противников. Именно ленинская критика Сталина превратилась в основной инструмент борьбы различных оппозиционных групп против Генерального секретаря на протяжении всех 20-х годов, да и впоследствии. И хотя сумма ленинских обвинений носила на себе глубокую печать тогдашнего состояния Ленина, отражала его болезненность и нетерпимость, а главное — опасение, что Сталин как бы подкапывается под его позиции неоспоримого вождя партии — все-таки эти обвинения основательно попортили ему жизнь.

¹¹⁸ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 821.

¹¹⁹ “Известия ЦК КПСС.” 1990г. № 10. С. 172.

5. Период междуцарствия: "тройка" Зиновьев — Каменев — Сталин

Политические процессы, происходившие в начале 20-х годов, трудно понять и правильно оценить без их тесной увязки с общественными процессами и настроениями, господствовавшими тогда в обществе в целом и в ее различных классах и прослойках. Само общество было расколото, сила и мощь поверженных эксплуататорских классов играли отнюдь не второстепенную роль в развитии жизни страны. Поэтому классовый подход, чувство классовой разобщенности и довольно развитой классовой ненависти имели широкое поле распространения. Победа в Гражданской войне, конечно, снизила накал этих общественных страстей и настроений, но не устранила их совсем. В политических программах и в государственных правовых актах открыто провозглашалось, что Советское государство по своей природе направлено на подавление сопротивления эксплуататорских классов, а в самой конституции закреплялось лишение или ограничение представителей этих классов определенных политических прав.

Было бы наивным рассчитывать на существование в тот период некоей социальной гармонии в обществе. Вполне справедливо замечание советского историка Ю.А.Полякова: "Жестокости Гражданской войны, беспощадный террор, развязанный контрреволюцией, и беспощадное подавление белого террора террором красным оставили неизгладимый след в людских душах, еще больше обострив классовое сознание. Бесчисленные жертвы, понесенные в войне против белогвардейцев и интервентов (население страны с 1917 по 1923 г. сократилось на 13 млн. человек), по справедливости были отнесены на счет классового врага — виновника, зачинщика войны.

Голод, лишения, память о которых была так жива и сильна, также были следствием действий тех, кто устами капиталиста Рябушинского еще в 1917 г. грозил задуть пролетариат рукой голода."¹²⁰

Было бы неправильно также не принимать во внимание господствовавшего в тот период политического настроения в самой партийной массе. Суровая дисциплина, унаследованная со времен подполья, отнюдь не мешала откровенному выражению своего мнения, своих взглядов. К тому же, преобладающим был дух товарищества, революционной спайки и сознание общей сопричастности к делу строительства самого справедливого в мире общества. Но особенно явственным было чувство обостренного классового самосознания, которое лишь усиливалось по мере того, как в результате проведения новой экономической политики появились достаточно большие группы новых хозяев.

Одновременно в партии и стране создавался и с каждым днем укреплял свои позиции слой чиновников и администраторов. К тому же, к правящей партии неизбежно примазывались карьеристы, число которых росло по мере того, как росла сама партия и расширялись масштабы государственного строительства. Рост влияния партийного аппарата в немалой степени отражал все эти явления. С другой стороны, без наличия соответствующего эффективного аппарата невозможно было рассчитывать на решение постоянно возрастающих задач государственного, экономического и

¹²⁰ "Вопросы истории КПСС". 1989. № 10. С. 30.

культурного строительства. Таким образом, создавались объективные условия для постепенного формирования того, что впоследствии получило емкое название – номенклатура.

Нельзя оставить вне поля внимания и такой важный фактор, как чрезвычайно низкий культурный и образовательный уровень населения. Партия в этом отношении отражала общее положение в стране, хотя уровень образования и культуры среди членов партии был, несомненно, выше, чем по стране в целом.

Можно перечислять и многие другие черты и особенности положения начала 20-х годов, существенно влиявшие прямо или опосредованно на ход политических процессов в партии. Все это не могло не сказываться в той или иной форме и на борьбе в самой партийной верхушке. Но поскольку в мою задачу не входит конкретный анализ исторической обстановки того времени, перейду к непосредственной теме нашего изложения.

Итак, Ленин был парализован не только физически, но и политически. Если и раньше, когда он твердо держал бразды правления партии в своих руках, в рядах его ближайших соратников наблюдалось явное и скрытое соперничество, а порой и борьба с открытым забралом, то при нынешнем его состоянии ситуация кардинальным образом изменилась. Эти изменения проявились в том, что сама борьба за политическое наследство приобрела оттенки чуть не смертельной схватки и, во-вторых, сложилась принципиально новая расстановка сил в самом руководстве. Хотя Политбюро и оставалось высшим фактическим органом власти, в нем самом произошли серьезные передвижки.

Самым явным и значительным событием в партийном руководстве стало формирование “тройки” в лице Зиновьева, Каменева и Сталина. Точное время образования этого триумвирата определить сложно, поскольку политические альянсы такого рода (когда вождь еще жив и функционирует как руководитель партии), складываются не путем какого-то четко сформулированного и зафиксированного соглашения или договора. Возникновение этого триумвирата большинство историков относит к периоду, последовавшему за обострением болезни Ленина в мае 1922 года. Из-за того, что Ленин фактически отошел от повседневного руководства партией, Зиновьев, Каменев и Сталин, тесно сотрудничая друг с другом, начали в предварительном порядке обсуждать и как бы заранее предрешать все важнейшие партийные и государственные дела. Естественно, что они делали это не на официальных заседаниях Политбюро, а за его спиной. На самих же заседаниях, выступая с общих позиций, они добивались принятия решений в духе согласованных ими заранее договоренностей.

Формально они не нарушали партийные нормы, но фактически сколотили в рамках Политбюро узкую группку, которая в чем-то, если не по форме, то по существу, подменяла собой Политбюро. Ясно, если бы Ленин был здоров, то такой бы группы, этого триумвирата, не возникло бы. При нем господствовали иные порядки и само образование подобной группы могло бы быть истолковано как политический деликт. По мере ухудшения состояния Ленина триумвират укреплял свою сплоченность и расширял масштабы своих действий. Технический секретарь Политбюро и личный секретарь Сталина Б.Бажанов в своих воспоминаниях утверждает: “С января 1923 года тройка начинает осуществлять власть. Первые два месяца, еще опасаясь блока Троцкого с умирающим Лениным, но после мартовского удара Ленина больше не было,

и тройка могла начать подготовку борьбы за удаление Троцкого. Но до лета тройка старалась только укрепить свои позиции.¹²¹

Ленин, хотя и отошедший от дел, не мог не видеть серьезных изменений в расстановке сил в высшем руководстве. Предположительно в октябре 1922 года после кратковременного возвращения вождя к работе Каменев, видимо, от лица триумвирата "проветилировал" у Ленина намерение выкинуть Троцкого из состава ЦК. Реакция вождя была в высшей степени неблагоприятной для образовавшегося "ядра" ЦК, как предпочитали официально именовать себя члены "тройки" "Выкидывать за борт Троцкого — ведь на это вы намекаете. Иначе нельзя толковать — верх нелепости. Если вы не считаете меня оглуевшим до безнадежности, то как вы можете это думать!!! Мальчики кровавые в глазах..."¹²²

Столь эмоциональная реакция Ленина явно свидетельствовала о том, что он всерьез обеспокоен ситуацией, сложившейся в высшем руководстве партии. Прямым свидетельством этого является место из письма Н.Крупской в адрес Г.Зиновьева, где она прямо пишет, что Ленина больше всего "заботил не Троцкий, а национальный вопрос и нравы, водворившиеся в наших верхах." Отметая ссылки на Ленина, к которым прибегали сторонники "тройки", она с глубоким чувством, почти с отчаянием замечает: "Лично мне эти ссылки приносили невыносимую муку. Я думала: да стоит ли ему выздоравливать, когда самые близкие товарищи по работе так относятся к нему, так мало считают с его мнением, так искажают его?"¹²³

Картина нарисована прямо-таки красочная, причем без всякого сгущения красок. Думается, что она лишь в некоторой степени передает атмосферу, сложившуюся в рассматриваемый период. Остальное можно восполнить простым воображением. Но в этом едва ли есть нужда. Триумvirат шаг за шагом брал в свои руки бразды верховного правления.

Возникает законный вопрос: почему сложился именно такой персональный состав "тройки" и на какой политической или иной базе ее вообще удалось сформировать?

Сам ее состав не явился случайностью: каждый из ее членов имел свои честолюбивые замыслы и политические устремления. За каждым из них стояли определенные силы сторонников. Если давать самые общие оценки, то наиболее амбициозным и наименее дальновидным из них был Зиновьев. Ему кружили голову занимаемые им посты — председатель Исполкома Коминтерна (он мнил себя "вождем мирового пролетариата") и председатель Петроградского совета (фактический руководитель одной из самых влиятельных партийных организаций партии). К тому же, он причислял себя к самым близким соратникам Ленина, с которым провел многие годы в эмиграции. Каменев имел за собой руководство Московским советом и пользовался влиянием в московской организации. Кроме того, был заместителем председателя Совнаркома. Очень часто председательствовал на заседаниях Политбюро. Отличался умом, способностью хорошо формулировать решения и постановления. Особыми лич-

¹²¹ Борис Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 41.

¹²² "Коммунист" 1991г. № 5. С. 36.

¹²³ РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. М. 2004. С. 272 – 273.

ными амбициями не отличался, имел склонность к сибаритству, на что в верхах партии смотрели снисходительно. Тесно дружил с Зиновьевым, и не по совсем понятным причинам признавал его лидерство.

Третьей фигурой триумvirата стал Сталин. Он, как явствует из оценок Ленина, принадлежал к числу выдающихся вождей партии. К этому времени, будучи генсеком, сосредоточил в своих руках и многие рычаги реальной власти. Но самое главное — недалекий Зиновьев и слишком дальновзоркий Каменев оказались полностью неспособными распознать и верно оценить его политический потенциал и реальные способности, наличие у него собственной политической философии и стратегии развития страны. Каменев, хорошо знавший Сталина многие годы, и Зиновьев, знавший Сталина гораздо меньше и хуже, — оба оказались близорукими политиками, если вообще их можно причислить к серьезным политикам. Они считали Сталина, видимо, не без внушения Троцкого, заурядным середнячком, абсолютно не способным к самостоятельному руководству. Тем более к выработке и проведению самостоятельной, рассчитанной на перспективу, политической линии и основанной на ней стратегии.

Словом, это был, на первый взгляд, довольно странный альянс, даже своего рода мезальянс (так, видимо, считали Зиновьев и Каменев).

Был ли это союз, основанный на каких-то ясных и конкретных политических принципах и целях? Конечно, нет! Слишком разные это были в политическом отношении люди, чтобы их могли объединить общие принципы и политические цели. Фактором объединения этих трех фигур явилась, если говорить обобщенно, общая неприязнь к Троцкому. В нем они видели своего главного политического соперника, основного претендента на место Ленина, на его политическое наследие. Именно это стало базой для складывания триумvirата и его существования на протяжении нескольких лет.

Так называемая «тройка» сформировалась, как отмечалось выше, в 1922 году. Позднее она пополнилась Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым («пятерка»), а затем — М. П. Томским и В. В. Куйбышевым («семерка»). Невольно напрашивается пушкинская «Пиковая дама» с ее тремя картами — тройка, семерка, туз. В приложении к истории борьбы за власть внутри большевистского руководства эта триада — тройка, семерка, туз — претерпела коренные изменения: в конечном итоге из всех этих комбинаций реальной оказался только туз — им стал Сталин. Так что пушкинские строки невольно навевают ассоциации с историей борьбы Сталина за власть.

Двенадцатый съезд партии, открытие которого откладывалось в связи с надеждами на выздоровление Ленина, явился важным рубежом в борьбе за власть и политическое наследие умиравшего вождя. XII съезд РКП(б) состоялся в Москве 17–25 апреля 1923 г. Троцкий и его сторонники во время дискуссии 1923 года отмечали, что сам созыв съезда проходил отнюдь не в соответствии с демократическими «способами и приемами». Имелся в виду тот факт, что накануне съезда на многих губернских партконференциях делегаты на съезд избирались безальтернативно, по рекомендации секретарей губкомов, которые, в свою очередь, с лета 1922 года избирались по рекомендациям ЦК, т. е. фактически назначались Секретариатом.¹²⁴

Внешне съезд проходил под знаком укрепления единства и сплочения партии на базе ленинизма, но за кулисами как подготовки съезда, так и на нем самом, шла

¹²⁴ «Известия ЦК КПСС.» 1990. № 5. С. 174.

непримиримая и ожесточенная борьба. Возник прежде всего вопрос о том, кто будет выступать с основным политическим докладом. Этот момент имел не только политическое, но и в некотором отношении символическое значение. Тот, кто делал основной доклад (а прежде это была привилегия Ленина) в глазах широкой партийной массы, да и всего населения страны, мог рассматриваться уже в качестве потенциального преемника Ленина. Естественно, что вокруг этого вопроса разгорелась нешуточная борьба, довольно красочно описанная Троцким.

На обострение противостояния между Зиновьевым и Троцким (Сталин внешне как будто стоял в стороне) указывает один из наиболее компетентных историков Э.Карр в своей работе, специально посвященной именно этому периоду “междоусобствия”. Карр писал: “Отход Ленина от руководства сразу же выдвинул на первый план потенциальное соперничество между Троцким и Зиновьевым — двумя наиболее очевидными кандидатами в борьбе за политическое наследие Ленина — и изолировал Троцкого в Политбюро, где его сильные позиции объяснялись частично благодаря его собственным способностям, а частично также благодаря протекции и поддержке со стороны Ленина. Личная враждебность между Троцким и Зиновьевым находила свое выражение и в политической сфере. Троцкий занял критическую позицию по отношению к некоторым последствиям НЭПа и выступал теперь в роли яркого защитника плановости и в поддержку развития промышленности.”¹²⁵

Но я не буду вдаваться во все подробности этой схватки под ковром. Констатируем лишь, что в итоге с политическим докладом выступил на съезде Зиновьев, немалое тщеславие которого в результате лишь еще более распалось. С двумя докладами — “Организационный отчет Центрального Комитета РКП(б)” и “Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве” — выступил Сталин. Троцкий сделал доклад о промышленности.

Не стану рассматривать детали работы съезда. Остановлюсь лишь на тех ее аспектах, которые имеют прямое отношение к Сталину, а также тех моментах, которые в дальнейшем он использовал в политической борьбе против двух других членов триумвиата. Так, Зиновьев выдвинул пресловутый тезис о диктатуре партии. Он, в частности, утверждал: “Мы должны сейчас добиться того, чтобы и на нынешнем новом этапе революции руководящая роль партии или диктатура партии была закреплена. У нас есть товарищи, которые говорят: «диктатура партии — это делают, но об этом не говорят». Почему не говорят? Это стыдливое отношение: неправильно. Даже партии II Интернационала призывали в своих программах к завоеванию власти социал-демократической партией. Чем это отличается от диктатуры партии? Ничем. Почему мы должны стыдиться сказать то, что есть, и чего нельзя спрятать? Диктатура рабочего класса имеет своей предпосылкой руководящую роль его авангарда, т. е. диктатуру лучшей его части, его партии. Это нужно иметь мужество смело сказать и защитить, особенно теперь, когда беспартийные рабочие это видят совершенно ясно.”¹²⁶

Спорное с точки зрения ортодоксального марксизма-ленинизма положение нашло свое закрепление и в резолюции съезда, где было зафиксировано, что “диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его

¹²⁵ Carr Edward Hallett. The Interregnum 1923–1924. L. 1954. p. 270.

¹²⁶ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С.47.

передового авангарда, т. е. Компартии.¹²⁷ В дальнейшем Сталин избрал эту формулу мишенью атак против Зиновьева, умалчивая при этом, что и сам голосовал за ее принятие.

По докладам, в особенности по докладам Сталина, на съезде развернулась оживленная дискуссия. Я приведу лишь некоторые, на мой взгляд, наиболее характерные критические замечания, прозвучавшие из уст делегатов, преимущественно оппозиционно настроенных. В корень вопроса осмелился заглянуть старый большевик Л.Б.Красин, бывший когда-то главным организатором боевой работы партии в подполье. Он, естественно, не называя имен, прямо заявил: “Но когда мне говорят, что какая бы то ни было тройка или пятерка заменит т. Ленина и что мы «все оставляем по-старому», то я говорю: нет, товарищи, по-старому мы оставить не можем, и старого этого не будет до того момента, пока Владимир Ильич снова не возьмет в свои руки руль государственного корабля.”¹²⁸

Представитель оппозиции Ю.Х.Лутовинов обрушился с резкой критикой на существующий внутрипартийный режим, заметив, что Политбюро является непогрешимым папой. “Партия сейчас находится в чрезвычайно тяжелых условиях, — констатировал он. — Единство, товарищи, необходимо, как никогда. Но какими мерами нужно достичь этого единства? Путем репрессий, зажимания ртов желающим высказаться по тому или иному вопросу, вносящим те или иные конкретные предложения? Факты такие существуют. Поскольку такие факты существуют, постольку с ними, если нет возможности бороться на местах и в центре, по крайней мере, необходимо бороться на самом съезде.”¹²⁹

Непосредственно в адрес Сталина, как ответственного за организационную работу, прозвучало и заявление В.Косиора: “Основной вопрос, по моему мнению, заключается в том, что руководящая группа Центрального Комитета в своей организационной политике в значительной степени проводит групповую политику, — политику, которая, по моему мнению, сплошь и рядом не совпадает с интересами партии. Эта, товарищи, политика в первую голову проявляется в той организационной форме, в которой у нас происходит подбор и использование ответственных работников для советской и партийной работы.”¹³⁰

Но было бы наивно полагать, что членам триумvirата приходилось лишь выслушивать в свой адрес одни критические замечания и всяческую хулу. Состав съезда был таков, что они вполне могли рассчитывать на поддержку подавляющего большинства делегатов. Тем более что их подбор, как можно предположить, проходил не без активного участия Сталина как руководителя Секретариата. В защиту “вождей” выступил, в частности, М.Н.Рютин — в начале 30-х годов перешедший в активную оппозицию к Сталину и написавший знаменитую антисталинскую рютинскую платформу.

Отвечая на критику В.Косиора, М.Рютин решительно поддержал новых вождей, подводя под свои утверждения некую теоретическую базу. Он заявил: “Тов. Косиор остановился на том, что ЦК не ведет общей линии, а ведет групповую политику.

¹²⁷ Там же. С. 671.

¹²⁸ Там же. С. 126.

¹²⁹ Там же. С. 116.

¹³⁰ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 102.

Что это такое? Если в ЦК имеется определенная руководящая группа товарищей, то мы знаем, что это не страшно. Это нормально. Мы в достаточной степени за 5 лет научились. Мы знаем не только взаимоотношения между партией и рабочим классом, но и те отношения, которые должны существовать между партией и ее вождями. Партия не может быть без вождей. Партия, которая не имеет хороших вождей, распадается. Партия, которая дискредитирует своих вождей, неизбежно ослабляется, дезорганизуется.

Партиями всегда руководят вожди. Сейчас, когда общепризнанный наш вождь болен, когда он, — будем надеяться, временно, — не может работать, — сейчас, товарищи, эта руководящая группа ЦК бесспорно должна остаться. Бесспорно для наших врагов было бы лучшим достижением разбить эту руководящую группу. Мы знаем, что именно этим наши враги внесли бы разброд в нашу партию, именно этим облегчили бы дальнейшие задачи, которые ставят перед собой меньшевики и эсеры.¹³¹

Как видим, в этот период во весь рост стоял вопрос о вождях партии. Тогда же, по существу впервые, а не после смерти Сталина всплыл и вопрос о культуре личности вождей. Один из видных сторонников Троцкого Е.А.Преображенский несколько позднее на московской партийной конференции в январе 1924 г. ясно провозгласил свое кредо: «Да, мы против культа вождей, но мы и против того, чтобы вместо культа одного вождя, практиковался культ других вождей, только масштабом поменьше»¹³².

Приведенные примеры хотя бы в некоторой степени рисуют картину того, с чем сталкивалась «тройка» в период междуцарствия. В материалах съезда даже промелькнула в виде опровержения реплика Н.Осинского, дающая некоторое представление о настроениях и слухах, циркулировавших, если не на самом съезде, то вокруг него. Вот что сказал Н.Осинский: «Тов. Зиновьев, который усиленно старается привязать ко мне анонимную платформу, подобно тому, как озорные мальчишки привязывают жестянку к хвосту кошки, — т. Зиновьев старается привязать меня и к неумному предположению об устранении из Центрального Комитета Зиновьева, Каменева, Сталина.»¹³³

Неудивительно, что на самом съезде «тройка», хотя и выступала в роли руководящего ядра партии (ядра, которое, кстати, никто не избирал и не назначал), всячески стремилась демонстрировать свою сплоченность и взаимную поддержку. Она хотела, чтобы делегаты съезда негласно признали их коллективным политическим преемником Ленина. Отсюда и эта показная взаимная солидарность. Так, когда один из делегатов подверг персональной критике Зиновьева, Сталин с несвойственным ему пылом энергично выступил в его защиту.

Он заявил буквально следующее: «Я не могу, товарищи, пройти мимо той выходки Осинского, которую он допустил в отношении Зиновьева. Он похвалил тов. Сталина, похвалил Каменева и лягунул Зиновьева, решив, что пока достаточно отстранить одного, а потом дойдет очередь и до других. Он взял курс на разложение того ядра, которое, создается внутри ЦК за годы работы, с тем, чтобы постепенно, шаг за шагом,

¹³¹ Там же. С. 181.

¹³² Цит. по *Лев Троцкий. Моя жизнь*. С. 475.

¹³³ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 133.

разложить всё. Если Осинский серьёзно думает преследовать такую цель, если он серьёзно думает предпринять такие атаки против того или иного члена ядра нашего ЦК, я должен его предупредить, что он наткнётся на стену, о которую, я боюсь, он расшибёт себе голову.”¹³⁴

Не составляет особого труда увидеть, чем руководствовался Сталин, беря под свою защиту Зиновьева, которого он в глубине души не только не уважал, но и презирал за все его качества. В не последнюю очередь за его ни на чем не основывающуюся амбициозность, пустословие и политическую никчемность. В то время Зиновьев был нужен ему как политический союзник, мнивший, что он играет первую скрипку в оркестре из трех исполнителей. Сталин смотрел далеко вперед: он учитывал не только свои текущие цели, во имя которых и использовал триумвират, но и более далекие перспективы, открывавшиеся перед ним по завершении текущей схватки за власть. К тому же, над ним, как и над всей “тройкой”, маячила тень Троцкого — основного противника и соперника Сталина в борьбе за ленинское политическое наследие. Не сбрасывал он со счета и то обстоятельство, что существовали ленинские письма, главной мишенью которых он оставался. Он допускал вероятность того, что рано или поздно, так или иначе эти письма станут известны, если не всей партии, то ее руководящим звеньям. Кроме того, он вообще в политической борьбе со своими противниками и соперниками отличался крайней выдержкой и осторожностью. Тщательно приберегал свои козыри, чтобы использовать их в самый нужный момент. В целом именно этими мотивами и определялось его поведение на съезде.

Сталин всячески подчеркивал в своих докладах необходимость укрепления единства партии и предотвращения возможного раскола. Подчеркивал он и другие азбучные истины политической философии большевизма. Но вместе с тем, заглядывая в будущее и исходя не просто из возможности, а из неизбежности в дальнейшем еще более острой политической борьбы как за саму власть, так и за выбор стратегического курса развития страны, он счел полезным сделать и прозрачный намек. Суть этого намека состояла в том, что обстановка в самом руководстве не столь уж блестящая и что не исключены всякого рода столкновения и противоречия. Он как бы авансом обосновывал будущие витки внутрипартийных баталий.

Вот как он выразил эту свою мысль в докладе на съезде: “Нам нужны независимые люди, свободные от личных влияний, от тех навыков и традиций борьбы внутри ЦК, которые у нас сложились и которые иногда создают внутри ЦК тревогу. Вы помните статью тов. Ленина. Там говорится о том, что мы имеем перспективу раскола. Так как по этому месту статьи тов. Ленина могло показаться организациям, что у нас уже зреет раскол, то члены ЦК единогласно решили рассеять могущие возникнуть сомнения и сказали, что никакого раскола в ЦК нет, что вполне соответствует действительности. Но ЦК также сказал, что перспектива раскола не исключена. И это совершенно правильно. В ходе работы внутри ЦК за последние 6 лет сложились (не могли не сложиться) некоторые навыки и некоторые традиции внутрицекистской борьбы, создающие иногда атмосферу не совсем хорошую.”¹³⁵

¹³⁴ *И.В. Сталин. Соч. Т. 5. С. 227.*

¹³⁵ *И.В. Сталин. Соч. Т. 5. С. 226.*

Как говорится, имеющий уши, да услышит, имеющий очи, да увидит! Таков вообще был его стиль политической борьбы, в которой он показал себя не просто мастером, но и первоклассным гротескмейстером.

Не будет преувеличением сказать, что для Сталина центральным вопросом на съезде был национальный вопрос. Это объяснялось не только тем, что в силу развития объективной обстановки он был поставлен на повестку как самая злободневная и актуальная проблема дня. Помимо этого, над Сталиным довели и ленинские обвинения в великодержавности, в проведении политики, ущемляющей интересы национальных республик. Поскольку ленинское письмо об автономизации было известно делегатам, ему нужно было проявить в этом вопросе особую осмотрительность и осторожность.

Как же повел себя в этой обстановке Сталин?

Во-первых, он постарался показать, что докладчиком по национальному вопросу он и вовсе не хотел быть. На секции по национальному вопросу съезда он произнес такую тираду: "Теперь дальше, перейду к вопросу, который я не могу обойти. Тут говорили, что я мастер по национальным вопросам. Товарищи, я должен сказать, что никогда я на это звание не претендовал. Я дважды отказывался от доклада по национальному вопросу, и оба раза мне единогласно приказывали делать доклад. Я не скажу, что я несведущ в этих делах, кое-какие знания я имею в этом вопросе, но мне это надоело хуже горькой редьки. Почему это обязательно Сталин должен делать доклад? Где это написано? Почему он должен отдуваться за грехи, которые творятся на местах? Это нигде не написано. Однако мне приказали — и в качестве подневольного человека я на съезде выступил как докладчик..."¹⁹⁶

Внимательно читавшись в текст, чувствуешь, что здесь уже как бы возводится линия самообороны: если я допустил столь серьезные ошибки в национальном вопросе, то какой резон был назначать меня в качестве докладчика по этому пункту повестки дня? Во-вторых, Сталин четко и уверенно обозначил свою позицию и тем, что фактически возложил ответственность за неувязки в национальном вопросе на местных руководителей. В его понимании на национал-уклонистов. Иными словами, его позиция была достаточно гибкой, но вместе с тем, он не выказывал желания отказаться от своих принципиальных взглядов по ряду коренных вопросов национальной политики.

Более того, на заседании секции он сделал, если не прямой выпад против Ленина в связи с национальным вопросом, то по крайней мере публично упрекнул Ленина в забывчивости. Принимая во внимание обстановку того времени, когда вокруг большого Ленина начал усиленно раздуваться культ его личности, то это замечание Сталина нельзя расценить иначе как проявление твердости и самостоятельности. Самостоятельности, а не безоговорочной покорности. Вот соответствующее место из его выступления:

"Третий вопрос касается тов. Раковского. Тов. Раковский не прав, говоря, что такого-то числа от НКВД пришло заявление о том, чтобы автономизировать республики. У тов. Раковского неясность по национальному вопросу. Вы полагаете, что если НКВД в республиках будут упразднены, а на этом настаивает тов. Ленин, чтобы они

¹⁹⁶ "Известия ЦК КПСС." 1991г. № 4. С. 169 - 170.

были слиты. (ГОЛОС: Объединены.) ...Извините, никакого Союза у нас не будет, если у каждой республики будет свой Наркоминдел. **Тов. Ленин забыл, он много забывал в последнее время.** (выделено мною — Н.К.) Он забыл, что вместе с ним мы принимали основы Союза. (ГОЛОС: Он не был на пленуме.) Тов. Ленин забыл резолюцию, принятую на октябрьском пленуме о создании Союза, где говорится о слиянии 5-ти комиссариатов, объединении пути и оставлении нетропуемыми 6-ти комиссариатов. Это тов. Ленин принял и утвердил. Затем это внесли в ЦК, который тоже это утвердил. Я готов представить любой документ.¹³⁷

Обратив внимание читателя на все эти нюансы в поведении Сталина и в его выступлениях, следует, однако, подчеркнуть самое важное — на съезде он, следуя указаниям, содержащимся в письме Ленина по национальному вопросу, проявил себя решительным борцом против великодержавного шовинизма. Ни в одном другом докладе и выступлении Сталина не содержалось столько осуждающих слов по адресу великодержавного (т.е. великорусского) шовинизма, как на этом съезде. Понять и объяснить это можно. На мой взгляд, он, если делал это не по своей доброй воле, а из политической необходимости, то поступить иначе не мог. У него не было просто иного выхода, когда делегатам стало известно ленинское письмо по национальному вопросу. С другой стороны, выступая таким образом, он как бы снимал с себя ленинские обвинения в свой адрес, делал их предметом прошлого, а не проблемой сегодняшнего дня. Тем самым он укреплял свои политические позиции и в своеобразной, именно практической, форме дезавуировал обвинения в его адрес. Прежде всего данными соображениями я объясняю тот пыл, с которым Сталин обрушился на великодержавный шовинизм.

Однако осуждая великорусский шовинизм, подчеркивая его опасность в условиях введения новой экономической политики, Сталин старался как-то сбалансировать эту критику подчеркиванием реальной опасности и местного национализма. Это видно из следующего пассажа его доклада на съезде: "...в связи с нэпом во внутренней нашей жизни нарождается новая сила — великорусский шовинизм, гнездящийся в наших учреждениях, проникающий не только в советские, но и в партийные учреждения, бродящий по всем углам нашей федерации и ведущий к тому, что если мы этой новой силе не дадим решительного отпора, если мы ее не подсечём в корне, — а нэповские условия её взращивают, — мы рискуем оказаться перед картиной разрыва между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянами ранее угнетённых наций, что будет означать подрыв диктатуры пролетариата.

Но нэп взращивает не только шовинизм великорусский, — он взращивает и шовинизм местный, особенно в тех республиках, которые имеют несколько национальностей. Я имею в виду Грузию, Азербайджан, Бухару, отчасти Туркестан, где мы имеем несколько национальностей, передовые элементы которых, может быть, скоро начнут конкурировать между собой за первенство. Этот местный шовинизм, конечно, не представляет по своей силе той опасности, которую представляет шовинизм великорусский. Но он всё-таки представляет опасность, грозя нам превратить некоторые республики в арену национальной склоки, подорвать там узы интернационализма.¹³⁸

¹³⁷ "Известия ЦК КПСС." 1991г. № 4. С. 171.

¹³⁸ *И.В. Сталин.* Соч. Т. 5. С. 239.

Если рассматривать такую постановку вопроса абстрактно, то вроде бы она не могла вызывать каких-либо принципиальных возражений. Действительно, проявления великорусского шовинизма имели место, однако весь вопрос в формах и степени такого рода проявлений. Синдромом великорусского шовинизма никогда не страдал русский народ в целом, что подтверждает вся история его сожительства с другими народами многонациональной империи. Отдельные проявления шовинизма со стороны остатков прежних классов помещиков и буржуазии, а также случаи проявления его на бытовом уровне, что также, к сожалению, встречалось, — все это никак не давало оснований в столь широкой и обобщенной форме ставить вопрос об опасности великорусского шовинизма. И не только ставить, но и класть в основу общегосударственной национальной политики. Это тем более было чревато негативными последствиями, поскольку фактически только начинался реализовываться на практике проект создания единого многонационального государства. При такой постановке вопроса затушевывалось главное — на кого же должны были ориентироваться все национальности создававшегося государства, как не на русский народ. Народ, всегда бывший стовым хребтом российской государственности. То, что ныне эта государственность выступала в советской форме, отнюдь не отменяло цементирующей роли русского народа в новом государственном строительстве. Поэтому центр атаки против великорусского шовинизма следует рассматривать скорее как дань классическим догмам ленинизма, чем отражением реально стоявших в тот период задач. И надо признать, что Сталин, с одной стороны, под прямым мощным прессом ленинской критики, а, с другой стороны, следуя в данном случае узкоклассовому подходу, допустил явный перекус в сторону разоблачения пресловутого великорусского шовинизма.

Мой комментарий вовсе не означает, что я становлюсь на позицию защитника шовинизма вообще и великорусского шовинизма в особенности. По мне любые проявления шовинизма достойны самого резкого осуждения, в том числе и великорусского шовинизма. Однако, как говорится, существует опасность выплеснуть вместе с водой и ребенка. Концентрировать направление главного удара в деле национально-государственного строительства против великорусского шовинизма, в условиях, когда все нации и национальности сплывались вокруг русского народа в созидании принципиально иной государственности, было ошибочно.

При анализе данной проблемы нельзя обойти молчанием еще один момент. Речь идет о том, что в начале 20-х годов в среде русской эмиграции на Западе сформировалось так называемое “сменовеховство” (от названия журнала “Смена вех”, выпущенного в Праге летом 1921 года группой кадетско-октябристских деятелей (Н. В. Устрялов, Ю. В. Ключников и др.) В целом выражая реставраторскую идеологию новой (нэпманской) буржуазии в России, сменовеховцы одновременно хвалили большевиков за то, что они восстанавливают единство российского государство. Естественно, что большевиками эта похвала “справа” рассматривалась как своего рода пощечина, как намек на то, что они якобы отказались от своих революционных идеалов. Вот почему Сталин, в частности, считал необходимым дать отпор этим утверждениям сменовеховцев, сделав акцент на том, что большевики, мол, не реставрируют идеи денкинцев о единой и неделимой России. “Не случайность и то, что господа сменовеховцы похваливают коммунистов-большевиков, как бы говоря: вы о большевизме сколько угодно говорите, о ваших интернационалистских тенденциях сколько угодно болтайте, а мы-то знаем, что то, что не удалось устроить Деникину, вы это устроите, что

идею великой России вы, большевики, восстановили или вы её, во всяком случае, восстановите.¹³⁹

Но это, так сказать, обстоятельства приходящего рода, не дающие основания как-то пересматривать нашу общую оценку позиции Сталина в вопросе борьбы против великорусского шовинизма.

Мне думается, что в дальнейшем Сталин прекрасно осознал всю сложную диалектику данного вопроса. Поэтому в его теоретических работах и в практической деятельности не наблюдалось столь ожесточенных выпадов против великорусского шовинизма. Тем более, что зачастую местные националисты под борьбой против великодержавного шовинизма понимали просто-напросто борьбу против русских, разжигая в отношении них чувства неприязни, распространяя несправедливые, необоснованные упреки и т.п. Лишний раз подтверждалась истина, что любую, даже самую правильную кампанию, легко можно направить в совершенно противоположное русло. Все это должно было учитываться при объявлении великорусского шовинизма главной угрозой и главной опасностью в деле национально-государственного строительства.

Не совсем четко выраженное, но все же достаточно внятное понимание этого вопроса прозвучало и в докладе Сталина. Сделав, как это и полагалось, выпад против великорусского шовинизма, объявив его фактическим источником, первопричиной зарождения местного национализма, Сталин не ограничился только этим. Приведу соответствующее место из его доклада: «Конечно, если бы не было великорусского шовинизма, который является наступательным, потому что он силен, потому что он и раньше был силен, и навыки угнетать и принижать у него остались, — если бы великорусского шовинизма не было, то, может быть, и шовинизм местный, как ответ на шовинизм великорусский, существовал бы, так сказать, в минимальном, в миниатюрном виде, потому что в последнем счёте антирусский национализм есть оборонительная форма, некоторая уродливая форма обороны против национализма великорусского, против шовинизма великорусского. Если бы этот национализм был только оборонительный, можно было бы еще не поднимать из-за него шума. Можно было бы сосредоточить всю силу своих действий и всю силу своей борьбы на шовинизме великорусском, надеясь, что коль скоро этот сильный враг будет повален, то вместе с тем будет повален и национализм антирусский, ибо он, этот национализм, повторяю, в конечном счёте является реакцией на национализм великорусский, ответом на него, известной обороной. Да, это было бы так, если бы на местах национализм антирусский дальше реакции на национализм великорусский не уходил. Но беда в том, что в некоторых республиках этот оборонительный национализм превращается в наступательный.»¹⁴⁰

Конечно, вызывает возражение, что местный национализм носил преимущественно оборонительный характер, как ответная реакция на русский национализм. Оставим это на совести такого знатока национальных проблем, каким был Сталин. Здесь он явно перегнул палку, поскольку имелось множество фактов, свидетельствовавших об обратном. Но отраднее уже то, что он посчитал необходимым подчеркнуть и опасность местного национализма, ярким противником которого он всегда

¹³⁹ И.В. Сталин. Соч. Т. 5. С. 244.

¹⁴⁰ И.В. Сталин. Соч. Т. 5. С. 249.

представлял себя. Тем более уроки конфликта вокруг грузинского вопроса как раз и являлись более чем убедительным примером того, что местный национализм отнюдь и не преимущественно выступает в качестве защитной реакции против русского национализма. Все факты, а Сталин в полной мере владел ими, говорили как раз об обратном — именно местный национализм стал главной угрозой единству закавказских республик, не кто иной, как грузинский национализм выступил в качестве главного препятствия на пути вхождения в состав вновь образуемого государства.

Сталин проанализировал позицию грузинских уклонистов и раскрыл причины, по которым они противились вхождению в Союз через Закавказскую Федерацию. Здесь были и факторы экономического, географического и национального характера. В итоге получилось бы привилегированное положение грузин в Закавказье. Сталин, сам грузин, резко выступил против этого. Ибо тогда в Закавказье не было бы мира между национальностями.¹⁴¹

Говоря о позиции Сталина по национальному вопросу, следует подчеркнуть еще один положительный момент. Он решительно выступил против тех, кто пытался из проекта резолюции съезда вообще изъять тему местного национализма, ограничившись лишь указанием на угрозу великорусского шовинизма. Сталин самым решительным образом отменил такую постановку: «Второй вопрос — это о шовинизме великорусском и о шовинизме местном. Здесь выступали Раковский и особенно Бухарин, который предложил выкинуть пункт, говорящий о вреде местного шовинизма. Дескать, незачем возиться с таким червячком, как местный шовинизм, когда мы имеем такого «Голиафа», как великорусский шовинизм. Вообще, у Бухарина было покаянное настроение. Это понятно: годами он грешил против национальностей, отрицая право на самоопределение, — пора, наконец, и раскаяться. Но, раскаявшись, он ударился в другую крайность.»¹⁴²

Значительное место в плане разработки и реализации национальной политики сыграло закрытое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей, проведенное по инициативе и под руководством Сталина в Москве в июне 1923 года. Это совещание вошло в историю под названием «дело Султан-Галиева». На совещании по проблемам национальной политики и, в частности, по рассмотрению дела Султан-Галиева, бывшего ключевого работника сталинского комиссариата по делам национальностей, обвиненного в национализме и других антипартийных прегрешениях, Сталин выступал много раз. Интересно выделить некоторые моменты его позиции по рассматривавшимся этим совещанием вопросам. Участники совещания, не ограничившись критикой и осуждением Султан-Галиева, требовали его расстрела. Сталин, которого считали сторонником жестких мер, занял гораздо более мягкую позицию. Вот выдержка из его выступления на этом совещании (кстати, она была опущена при издании собрания его сочинений). «Наконец, два слова о судьбе самого Султан-Галиева. Тут говорили одни, что его нужно расстрелять. Другие сказали, что его нужно судить и проч. Я и до совещания говорил и теперь утверждаю, что тов. Куйбышев прав, думая, что его надо освободить. Человек при-

¹⁴¹ См. там же. С. 253 - 254.

¹⁴² *И.В. Сталин*. Соч. Т. 5. С. 266.

знался во всех своих грехах и раскаялся. Из партии он изгнан и в партию, конечно, не вернется. Для чего же держать его в тюрьме?

Голос. Что он будет делать?

Сталин. Его можно использовать на советской работе. Почему бы нет?"¹⁴³

Довольно примечательный эпизод имел место на этом совещании в связи с выступлениями на нем Троцкого. А надо сказать, что он проявлял необычайную активность, выступал много раз, часто подавал реплики и т.д. Один из делегатов с явной иронией заметил в связи с этим: "...со стороны тов. Троцкого интерес к национальному вопросу появился с момента XII партийного съезда, а до XII съезда мы особенно благотворного влияния тов. Троцкого в борьбе с великорусским национализмом не чувствовали."¹⁴⁴ Сам Троцкий не прошел мимо этого замечания и посчитал нужным дать следующее объяснение: "Несомненно, этот интерес мой к нацвопросу повысился ко времени XII съезда, когда он у всей партии повысился. Я сохраняю за собой право в первую голову интересоваться теми вопросами, которые интересуют партию. Не скрою: есть еще один момент, который побудил меня этими вопросами заняться, — это было личное письмо ко мне тов. Ленина, который меня к этому приглашал."¹⁴⁵

Не только с высоты прошедшего времени, но и тогда было совершенно ясно, что особая активность Троцкого в национальном вопросе объяснялась не только, а, возможно, и не столько его собственным интересом к этому вопросу и просьбой Ленина. Решающую роль здесь, бесспорно, играли соображения подспудного характера. Поскольку Ленин подверг критике позицию Сталина в национальном вопросе, Троцкий счел выгодным для себя набрать дополнительные политические очки, используя для этого национальную проблематику. Не без оснований он считал, что национальная проблематика представляет собой именно то поле, где Сталину можно нанести сокрушительный удар, опираясь на авторитет Ленина. Однако, как это часто случалось с Троцким, его политические расчеты оказались или зыбкими, или запоздалыми. Набрать дополнительные политические очки в противоборстве со Сталиным на этом совещании Троцкому не удалось. Сталин вел себя чрезвычайно сдержанно и проявлял готовность искать и находить необходимые компромиссы. Его позиция подкреплялась тем, что он представлял и отстаивал заранее разработанную и утвержденную Политбюро точку зрения по данному вопросу.

В рамках этой согласованной позиции Сталин решительно выступал против тенденции превратить создававшееся единое государство в некую конфедерацию. А о том, что такие тенденции имели место, говорили сами участники совещания. Так, Д.З. Мануильский, сам бывший делегатом от Украины, заявил: "Я не скрою, товарищи, что у нас на Украине имеются серьезные расхождения с частью товарищей, возглавляемых тов. Раковским. Расхождения эти по линии государственной заключаются в том, что т. Раковский стоит на точке зрения, что тот союз, который сейчас организуется и будет проведен на ближайшей сессии ЦИКа, должен представлять из себя конфедерацию государств; мы же стоим на точке зрения, что этот союз дол-

¹⁴³ Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП. 1923г. М. 1992. С.85.

¹⁴⁴ Там же. С. 94.

¹⁴⁵ Там же. С. 97.

жен являться и является союзным государством, а отнюдь не конфедерацией государств.¹⁴⁶

Вообще говоря, в спорах по вопросу о принципах создания единого государства на принципиально новых основах, представители Украины (разумеется, не все) демонстрировали свою особую линию, подчеркивали то, что, если выражаться модным сейчас стилем, сильно попахивало идеей “самостийности” и “незалежности” Украины. Причем делалось это не в открытую, а маскировалось клятвенными заверениями в верности общепартийной линии. Для прояснения картины позволю себе привести довольно большой пассаж из выступления Н.А.Скрыпника.

“Одна точка зрения — это великодержавный централизм, имеющий своей формой единую и неделимую Россию, точка зрения, осужденная и пригвожденная к позорному столбу нашим XII партсъездом, но все же, к сожалению, до сих пор имеющая своих сторонников в нашей партии. Нам придется выкорчевывать эту точку зрения, уничтожить ее, ибо до съезда она существовала, многие остались при этой точке зрения до сих пор. Надо постоянно отграничиваться от неё, ибо лозунг «единая неделимая республика» есть лишь сменовеховская модификация денкинского лозунга «единой и неделимой России». Эта точка зрения — не наша, а точка зрения крупной буржуазии. Мы с ней должны бороться, но мы равным образом должны бороться и с другой точкой зрения, которая представляет себе наш объединенный Союз Республик, как какой-то конгломерат, где имеются национальные государственные единицы, в своей совокупности не имеющие единой государственной воли. И эта точка зрения конфедерации имеет еще многих и многих сторонников. Мы должны отграничиться от обоих уклонов. Мы должны прямо сказать себе, что мы не только строим новое государство, но мы строим его не на старых принципах буржуазной науки государственного права. Мы не исходим из точки зрения ни единого государства, поглощающего объединяющие единицы, ни конфедерации, где союз не имеет своей воли.”¹⁴⁷

Формально к речи Скрыпника трудно придраться и обвинить его в уклоне в сторону украинского национализма. Вроде он говорил по делу и общую позицию сформулировал в духе ортодоксальной партийной линии. Однако при подходе к практическим вопросам Скрыпник, как и ряд других украинских представителей, фактически выхолащивали содержание самого понятия — единое государство, когда речь шла о разграничении функций и полномочий. Весь свой пыл они концентрировали на борьбе против великорусского шовинизма. Да и как ни прикрывались некоторыми представителями Украины различными формулировками и другими словесными ухищрениями, фактически они высказывались за принцип конфедерации, а не федерации.

Полемика на совещании по данному вопросу настолько обострилась, что Раковский взял слово по личному вопросу. В нем он заявил: “Не в формулировках дело, а в том, какое содержание мы вложим в это социалистическое государство. Я считаю, что мы, украинцы, не меньше коммунисты, чем Сталин. Когда он в это понятие хочет внести более централистическое понимание, мы на этот счет будем спорить. И если это более централистическое понимание будет принято Политбюро и Пленумом ЦК,

¹⁴⁶ Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 235.

¹⁴⁷ Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 240.

это не отнимает права у нас считать, что оно недостаточно целесообразно и, может быть, опыт покажет, что его нужно изменить.”¹⁴⁸

В своем ответе на выступления Сталина специально остановился на комплексе этих вопросов. В частности, он сказал: “Я вижу, что некоторые гг. из украинцев за период от I съезда Союза Республик до XII съезда партии и настоящего совещания претерпели некоторую эволюцию от федерализма к конфедерализму. Ну, а я за федерацию, т. е. против конфедерации, т. е. против предложений Раковского и Скрипника.”¹⁴⁹

Можно было бы и дальше анализировать некоторые важные аспекты национальной проблематики, затронутые как Сталиным, так и его оппонентами. Но я полагаю, что и сказанного достаточно, чтобы читатель мог получить более или менее ясное представление о его взглядах и позиции на тот период времени. У кого-нибудь возникнет впечатление, что я и так излишне подробно излагаю здесь отдельные нюансы его позиции. Но я думаю, что не только в чисто историческом плане эта проблема заслуживает серьезного внимания. Постсталинский опыт развития Советского многонационального государства, особенно в период перестройки и после распада Советского Союза, с неопровержимой убедительностью доказал, насколько важными были для развития единого государства проблемы национальных отношений и методы решения возникавших вопросов. Сейчас многие компетентные исследователи, на мой взгляд, вполне обоснованно считают, что прежде всего разгул местного национализма, возникновение привилегированных национальных элит, с одной стороны, и отсутствие со стороны центра ясной, справедливой и твердой национальной политики явились одной из главных причин распада Советского Союза. Причем надо сказать, что политологами было пущено в оборот весьма благозвучное понятие “национальные элиты” В действительности национальные элиты представляли собой альянс прогнившей партийной, комсомольской и хозяйственной номенклатуры с теньевыми мафиозными структурами. Так что под национальными элитами правильнее было бы понимать прокисшие сливки прежнего общества.

Поэтому сталинский опыт в области национальной политики, относящийся к периоду до смерти Ленина, безусловно заслуживает самого пристального внимания и изучения. Этот опыт вместе с тем составляет значительную составную часть всей политической биографии Сталина, и без знания именно этих аспектов его деятельности не будет полного представления о нем как политической фигуре вообще.

Кроме того, борьба вокруг национального вопроса в начале 20-х годов, в эпицентре которой стояла личность Сталина, позволила ему в дальнейшем, на других этапах развития и укрепления советского многонационального государства, более разумно, более правильно учитывать ошибки и промахи, допущенные в начале 20-х годов. Этим я не хочу сказать, что в дальнейшем его национальная политика была лишена серьезных изъянов и пороков. Речь идет не об этом, а о том, что он оказался способным объективно анализировать свои ошибки и промахи и на практике их исправлять. Легко себе представить, что бы случилось с нашей страной в период правления Сталина (особенно во время Великой Отечественной войны), если бы он упор-

¹⁴⁸ Там же. С. 270.

¹⁴⁹ *И.В. Сталин*. Соч. Т. 5. С. 341.

но отстаивал линию на борьбу против великорусского шовинизма в качестве стратегического курса в национальном вопросе. Достаточно только поставить этот гипотетический вопрос. Отвечать на него нет необходимости, ибо все здесь ясно, как божий день.

Александр Солженицын

6. В преддверии политического триумфа

Распад “тройки”. Выше уже дана была общая оценка характера триумvirата между Зиновьевым, Каменевым и Сталиным. За этим триумvirатом в партийных кругах прочно закрепилось полуофициальное название — “тройка”. Этот альянс с самого своего зарождения был заранее обречен на распад. Вопрос стоял лишь о долговременности политического существования этой “тройки”. Сравнительно долгий — около двух лет — срок функционирования этого триумvirата объяснялся рядом причин. Главными из них являлись следующие: Ленин еще оставался жив, и в связи с этим никто из членов “тройки” не рисковал предпринимать какие-то решительные шаги. Во-вторых, позиции Троцкого в партии и стране были еще достаточно сильны, поэтому все члены триумvirата пытались сохранить хотя бы видимость единства между собой перед лицом общего противника и соперника. Личные отношения между членами “тройки” и Троцким характеризовались крайней степенью неприязни и даже враждебности. Зиновьев ненавидел Троцкого, видя в нем главного соперника на пути к партийному Олимпу. Последний отвечал ему тем же, к чему добавлялись и чувства, очень напоминавшие презрение. Отношения между Каменевым и Троцким также не отличались особой сердечностью, хотя Каменев был женат на сестре Троцкого. Что же касается отношений между Сталиным и Троцким, то об этом достаточно много и подробно уже говорилось.

О взаимоотношениях внутри самой “тройки” также нельзя сказать ничего хорошего. Это был политический союз совершенно разных по своим устремлениям и складу мышления, не говоря уже о личных качествах характера, личностей. Зиновьев претендовал на право быть первым среди равных (*primus inter pares*), хотя ни интеллектуальными, ни волевыми качествами для этого он не обладал. Менее амбициозный и более интеллектуальный Каменев, по не вполне понятным причинам, как правило шел в фарватере Зиновьева. Качества Сталина как политика и как личности мною уже достаточно подробно описаны. У него были все предпосылки для того, чтобы стать не только первым среди равных, но и вообще первым и единственным лидером. Роковой ошибкой двух других членов триумvirата являлось то, что они фатально недооценивали Сталина и как политика, и как политического бойца, не говоря уже о его способностях к маневрированию, умению с фантастической способностью использовать в своих интересах малейшие промахи своих реальных и потенциальных противников и соперников. Безусловно, его слабым местом было то, что он находился в состоянии серьезного политического и личного конфликта с Лениным. Но поскольку вождь оказался недееспособным, то этот недостаток не мог уже играть решающей роли в соперничестве в рамках триумvirата. Тем более что на первых порах и Зиновьев, и Каменев оказывали поддержку Сталину, доказывая, что критика Ленина носит не всегда справедливый и обоснованный характер. К тому же, сами они в завещании Ленина были охарактеризованы как деятели, выступившие против Ок-

тябрьского переворота. А это обвинение звучало гораздо более серьезно, чем обвинение Сталина в грубости и нелояльности по отношению к товарищам.

Словом, это был союз людей, которых объединяли не позитивные, созидательные цели, а скорее негативные — нанести поражение общему противнику — Троцкому — и оказывать помощь и поддержку друг другу до тех пор, пока это будет им выгодно. Триумvirат был образчиком беспринципной политической сделки. Ясно, что у него не могло быть и будущего.

До поры до времени его участники демонстрировали свое единство и общность взглядов. Но это не выходило за рамки тактических маневров, в которых каждый преследовал свои собственные цели. В силу естественных причин, поскольку приходилось сталкиваться со многими сложными проблемами и решать их, спектр разногласий между членами “тройки” не только становился все более очевидным, но и непрерывно расширялся. Единственное, что не вызывало особых трений между ними, было отрицательное отношение к Троцкому. Хотя и здесь, необходимо сделать существенную оговорку: Сталин, как политик более широкого формата, способный видеть перспективу развития событий, порой проявлял готовность пойти на некоторые компромиссы с Троцким, которого он, не без задней мысли, также имел в виду использовать в своем противоборстве с двумя другими членами триумvirата при подходящих обстоятельствах. Об этом красноречиво свидетельствует выдержка из заключительного слова Сталина на XII съезде (эта выдержка, кстати, не вошла в опубликованный тогда стенографический отчет). Из слов Сталина и всей линии его поведения явствует, что в тот достаточно трудный для него период он стремился к определенному компромиссу с Троцким. “В сентябре прошлого года т. Ленин внес в Политбюро предложение о том, чтобы т. Троцкого назначили замом его, зам. предсовнаркома. Предложение это было проголосовано. Тов. Троцкий категорически отказался без мотивов. В январе этого года я повторил предложение т. Ленина, добавив, что по выбору Троцкого, либо он берет место зама и берет под опеку, так сказать, ВСНХ, либо он берет пост зама, беря под опеку Госплан, которым он очень увлекался. Мы еще раз получили категорический ответ с мотивировкой о том, что назначить его, Троцкого, замом — это значит ликвидировать его как советского работника. Конечно, товарищи, это дело вкуса.”¹⁵⁰ Последнее замечание о том, что это, мол, дело вкуса, пронизано вполне понятным сарказмом. Но факт остается фактом: никто иной, как сам Сталин предлагал Троцкому занять пост заместителя Предсовнаркома. Насколько искренним являлся такой шаг со стороны Сталина, судить трудно. Видимо, стремление Сталина имело своей истинной целью посредством переключения Троцкого на курирование ВСНХ или Госплана освободить его от поста наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета, что значительно подрывало общие позиции Троцкого в стране. Но дело, собственно, даже и не в этих сталинских маневрах. Хотя, надо признать, он искусно маневрировал, тонко использовал в своих целях соперничество среди своих противников и демонстрировал, говоря высоким стилем, свое политическое мастерство. И объективности ради надо признать, что здесь он не на одну, а на целых две головы превосходил своих незадачливых конкурентов на место наследника вождя.

С высоты сегодняшнего дня все перипетии тогдашней борьбы диадохов за власть порой выглядят даже несколько примитивно, поскольку некоторые шаги оппонентов, кажется, можно заранее было рассчитать с тем, чтобы предпринять ответные или превентивные меры. Однако так кажется только сейчас, когда уже известны итоги этого противоборства и есть возможность на основе исторических данных ясно видеть просчеты и ошибки противостоявших сил. Тогда все это было покрыто завесой неопределенности. Что вовсе не выглядит загадкой или случайностью, ибо прежде всего сама обстановка в партии и стране отличалась чрезвычайной сложностью и напряженностью. НЭП и его последствия внесли нечто вроде хаоса в умы и настроения широких масс населения и, разумеется, самих партийцев. Не ясны были пути дальнейшего продвижения вперед, способы эффективной борьбы с негативными последствиями новой экономической политики. Словом, внутривнутриполитическая ситуация в стране, хотя в целом и была более или менее стабильной, но продолжала оставаться сложной и противоречивой. Важнейшим фактором выступали и трудности экономического развития, разруха промышленности, нехватка элементарных товаров и продуктов, серьезные нарушения в отношениях между городом и селом, так называемые “ножницы” (дисбаланс между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары) и многое другое. Тревогу в ума и сердца правоверных коммунистов вносили и веяния НЭПа, связанные прежде всего с тем, что в городе и на селе все выше поднимали голову новые хозяева. Последние считали, что если большевиков не удалось победить в открытой военной схватке, то поражение им можно нанести на экономическом поле, где у них явно не было необходимого опыта и навыков.

Словом, ситуация в стране, брожение в самой партии, отсутствие единства в руководстве и, наконец, последнее по месту, но не по значению, — борьба за политическое наследие умиравшего вождя — все это в совокупности предопределяло нарастание борьбы в рамках триумvirата, а в конечном счете и его неотвратимый распад.

Распад триумvirата, как и следовало ожидать, начался с борьбы за власть. Точнее сказать, с углублением этой борьбы за власть. Новой особенностью ее выступало то, что атаки на Троцкого стали сочетаться с нарастанием противоборства между самими членами триумvirата. В центр внимания соратниками-соперниками Сталина был поставлен вопрос о том, что он не считается со своими коллегами по “тройке”, не советуясь с ними, принимает решения о назначении тех или иных ответственных работников. Словом, действует так, как будто триумvirата вообще не существует. Возмущенный Зиновьев пишет летом 1923 года Каменеву: “Что же делает Сталин? ... Спросил кого-нибудь Сталин при этих назначениях? Нас, конечно, нет. Тебя, боюсь, тоже нет. Что же получается? Своя рука владыка.¹⁵¹” И далее в том же письме: “Продолжать ли примеры? Кажется, довольноно.

Мы этого терпеть больше не будем.

Если партии суждено пройти через полосу (вероятно, очень короткую) единодержавия Сталина — пусть будет так. Но прикрывать все эти свинства я, по крайней мере, не намерен. Во всех платформах говорят о «тройке», считая, что и я в ней имею не последнее значение. На деле нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина. Ильич

¹⁵¹ “Известия ЦК КПСС.” 1991г. № 4. С. 197.

был тысячу раз прав. Либо будет найден серьезный выход, либо полоса борьбы неминуема. Ну, для тебя это не ново. Ты сам не раз говорил то же.”¹⁵² Налицо не просто озабоченность, а настоящая тревога, порожденная ожиданием неизбежного политического шторма.

Как же Сталин реагировал на нападки со стороны своих коллег по триумвира-ту? Через С. Орджоникидзе он получил информацию, переданную ему Зиновьевым и другими, о планах, которые они вынашивали с целью ограничения власти Генерального секретаря. Еще не зная всех деталей этих планов, он ответил письмом, в котором так и чувствовалось не столько беспокойство, сколько плохо скрываемое презрение и насмешка. Вот полный текст его короткого послания: “Бухарину и Зиновьеву. Письмо ваше получил. Беседовал с Серго. Не пойму, что именно я должен сделать, чтобы вы не ругались, и в чем, собственно, тут дело? Не думаю, чтобы интересы дела требовали маскировку. Было бы лучше, если бы прислали записочку, ясную, точную. А еще лучше, если переговорим при первой возможности. Все это, конечно, в том случае, если вы считаете в дальнейшем возможной дружную работу (ибо из беседы с Серго я стал понимать, что вы, видимо, не прочь подготовить разрыв, как нечто неизбежное). Если же не считаете ее возможной, — действуйте, как хотите, — должно быть, найдутся в России люди, которые оценят все это и осудят виновных.

Дней через 8—10 уезжаю в отпуск (устал, переутомился). Всего хорошего.

И. Сталин. 3/УЩ—22

Р. С. Счастливые вы, однако, люди: имеете возможность измышлять на досуге всякие небылицы, обсуждать их и пр., а я тяну здесь лямку, как цепная собака, изнывая, причем я же оказываюсь «виноватым». Этак можно извести хоть кого. С жиру беситесь вы, друзья мои.”¹⁵³

Письмо Сталина явилось первой его реакцией на планы, которые вынашивались в одной из пещер в районе Кисловодска, где отдыхала тогда группа ведущих деятелей ЦК. В июле—августе 1923г. группа членов ЦК РКП(б), отдыхавших в Кисловодске, обсуждала вопросы упразднения Оргбюро и реорганизации работы Секретариата ЦК. В Оргбюро в это время входили члены: А. А. Андреев, Ф. Э. Дзержинский, В. М. Молотов, Я. Э. Рудзутак, А. И. Рыков, И. В. Сталин, М. П. Томский; кандидаты в члены: И. А. Зеленский, М. И. Калинин, В. М. Михайлов. Секретарями ЦК, кроме Генсека, были В. М. Молотов и Я. Э. Рудзутак. По предложению Г. Е. Зиновьева и Н. И. Бухарина для большей консолидации в работе ЦК в состав Секретариата намечались Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин и Л. Д. Троцкий. Против высказался только К. Е. Ворошилов. Отъезжавшему в Москву Г. К. Орджоникидзе было поручено выяснить мнение И. В. Сталина и Л. Б. Каменева по этому вопросу.

Впрочем, в интересах более детального прояснения того, что именно тогда произошло на совещании в одной из пещер под Кисловодском, стоит привести рассказ об этом самого Зиновьева. В декабре 1925 года, выступая на XIV съезде партии, где он возглавлял оппозицию Сталину, он достаточно красочно описал существо дела и все обстоятельства, сопутствовавшие ему. Хотя отрывок из его выступления довольно велик, он заслуживает того, чтобы его привести, поскольку он живо передает об-

Дальнейшее...

¹⁵² Там же. С. 198.

¹⁵³ “Известия ЦК КПСС.” 1991г. № 4. С. 201-202.

становку того времени и характер борьбы в рамках самой «тройки» И так, слово Зиновьеву:

“Здесь на съезде получило большое значение сообщение о «кисловодских пещерах», и на этом «пещерном заседании» я вынужден остановиться. Оно происходило в 1923 г., летом после XII съезда, а не в разгар дискуссии с Троцким, как об этом говорил т. Ворошилов. Присутствовал там целый ряд товарищей, находившихся на отдыхе, а часть, кажется, была приглашена из товарищей ростовцев, которые были близко. Дело шло о том, как нам наладить работу впредь до восстановления здоровья Владимира Ильича. Все тогда еще, как я помню, уехали в отпуск с надеждой, что Владимир Ильич вернется к работе. Вот и думали: как же нам все-таки продержаться, если болезнь затянется (опасения тоже были), как нам поддержать равновесие. На этом совещании были представлены два мнения. Все участники совещания понимали, и всем им одинаково было ясно, что Секретариат при Владимире Ильиче это одно, а Секретариат без Владимира Ильича — это совершенно другое. При Владимире Ильиче, кто бы ни был секретарем, кто бы ни был в Секретариате, все равно и тот и другой играли бы ограниченную служебную роль. Это был организационный инструмент, долженствовавший проводить определенную политику. Без Владимира Ильича стало всем ясно, что Секретариат ЦК должен приобрести абсолютно решающее значение. Все думали, как бы это сделать так, — было это, повторяю, до первой дискуссии с тов. Троцким, — чтобы мы имели известное равновесие сил и не наделали больших политических ошибок, выходя в первое наше большое политическое плавание без Владимира Ильича в обстановке, гораздо более трудной, чем ныне... И вот тогда у нас возникли два плана. Один план — сделать Секретариат служебным, другой — «политизировать» Секретариат в том смысле, чтобы в него вошли несколько членов Политбюро и чтобы это было действительно ядро Политбюро. Вот между этими двумя планами мы и колебались. В то время назревали уже кое-какие личные столкновения — и довольно острые столкновения — с тов. Сталиным. Вот тут возник план, принадлежавший Бухарину, — кажется, это было вчера засвидетельствовано, если нет, это, вероятно, можно засвидетельствовать письмом, ибо об этом плане мы с Бухариным написали тов. Сталину, и, вероятно, у тов. Сталина сохранилось это письмо. Об этом письме, конечно, в газетах ничего не было. План был такой: а может быть, нам политизировать Секретариат таким образом, чтобы в него ввести трех членов Политбюро, чтобы это было нечто вроде малого Политбюро; раз Секретариат получает такое громадное решающее значение, может быть лучше, чтобы в него входило 2–3 члена Политбюро. В числе этих трех называли: Сталина, Троцкого, меня или Каменева или Бухарина. Вот этот план обсуждался в «пещере», где были покойный Фрунзе, Лашевич, Евдокимов, Ворошилов, где был ряд товарищей совершенно различных настроений, совершенно различных личных связей и т. д. Насколько помню, решения никакого принято не было и не могло быть принято. ... Тов. Сталин ответил тогда, кажется, телеграммой грубовато-дружеского тона: мол, дескать, вы, ребята, что-то пугаете, я скоро приеду, и тогда поговорим. Затем, через некоторое время он приехал, и тогда, — не помню, в «пещере» или в другом месте, — состоялось у нас несколько разговоров. Было решено в конце концов, что Секретариата не будем трогать, а для того, чтобы увязать организационную работу с политической, введем в Оргбюро трех членов Политбюро. Это тоже не особенно практическое предложение внес тов. Сталин, и мы на него согласились. Мы ввели в Оргбюро трех членов Политбюро: т.т. Троцкого, Бухарина и меня.

Я посетил заседание Оргбюро, кажется, один или два раза, т.т. Бухарин и Троцкий как будто не были ни разу. Из этого ничего не вышло. И эта попытка оказалась ни к чему.”¹⁵⁴

На том же XIV съезде сам Сталин дал принципиально иную оценку планам коренной реорганизации исполнительных органов ЦК. По поводу “пещерного совещания” он сообщил следующее: “Этот вопрос имеет свою историю. В 1923 году, после XII съезда, люди, собравшиеся в «пещере» (*смех*), выработали платформу об уничтожении Политбюро и политизировании Секретариата, т.е. о превращении Секретариата в политический и организационный руководящий орган в составе Зиновьева, Троцкого и Сталина. Каков смысл этой платформы? Что это значит? Это значит руководить партией без Калинина, без Молотова. Из этой платформы ничего не вышло, не только потому, что она была в то время беспринципной, но и потому, что без указанных мной товарищей руководить партией в данный момент невозможно. На вопрос, заданный мне в письменной форме из недр Кисловодска, я ответил отрицательно, заявив, что, если товарищи настаивают, я готов очистить место без шума, без дискуссии, открытой или скрытой, и без требования гарантий прав меньшинства. (*Смех*).”¹⁵⁵

И чтобы закончить с этим вопросом — “пещерным вариантом” решения проблемы Генерального секретаря — приведу отрывок из того самого письма Сталина, на которое позже ссылались они оба. Сталин писал Зиновьеву прямо, избегая каких-либо дипломатических экивоков (это был не только его стиль, но и своеобразное отражение уверенности в прочности своего положения):

“Тов. Зиновьев! Ваше письмо от 31VII получил. Отвечаю по вопросам.

1. Вы пишете: «не примите и не истолкуйте разговор с Серго в другую сторону». Скажу прямо, что я истолковал именно «в другую сторону». Одно из двух: либо дело идет о смене секретаря теперь же, либо хотят поставить над секретарем специального политкома (политического комиссара — *Н.К.*). Вместо ясной постановки вопроса, вы оба ходите вокруг да около вопроса, стараясь обходным путем добиться цели и рассчитывая, видимо, на глупость людей. Для чего понадобились эти обходные пути, если действительно существует группа и если есть минимальная доза доверия? Для чего понадобились ссылки на неизвестное мне письмо Ильича о секретаре (здесь Сталин явно лукавит, поскольку письмо Ленина с предложением заменить его на посту Генерального секретаря ему было известно с самого начала, и об этом уже шла речь выше — *Н.К.*) ,— разве не имеется доказательств к тому, что я не дорожу местом и, поэтому, не боюсь писем? Как назвать группу, члены которой стараются запугать друг друга (чтобы не сказать больше)? Я за смену секретаря, но я против того, чтобы был учинен институт политкома (политкомов и так немало: Оргбюро, Политбюро, Пленум).

2. Не правы вы, говоря, что секретарь единолично решает вопросы. Ни одно решение, ни одно указание не проходит без оставления в архиве ЦК соответствующих копий. Я бы очень хотел, чтобы Вы нашли в архиве ЦК хоть одну телеграмму, хоть одно распоряжение, не санкционированное той или иной инстанцией ЦК.”¹⁵⁶

¹⁵⁴ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. — Л. 1926. С. 455-456.

¹⁵⁵ *И.В. Сталин*. Соч. Т. 7. С. 386-387.

¹⁵⁶ “Известия ЦК КПСС.” 1991г. № 4. С. 203.

Приведенные выше факты и материалы говорят сами за себя. Борьба членов триумvirата против Сталина, точнее их стремление фактически отстранить его от обязанностей генсека путем коренного реформирования самого Секретариата или Оргбюро, развернувшаяся в 1923 году, не увенчалась успехом. Не так просто выявить сумму всех причин, благодаря которым затея с реорганизацией, оказалась фактически похороненной. Здесь сказались, видимо, и политическая близорукость Зиновьева и Каменева, и общее нежелание именно в тот период развертывать широкомасштабную и открытую борьбу, что во время болезни Ленина многими воспринималось бы как дележ политического наследия еще живого вождя. Но главную роль сыграл другой фактор — резкое, принявшее самые острые формы, обострение противоборства с Троцким. Именно борьба против Троцкого на время сохранила триумvirат, хотя месяцы его существования уже начали свой отчет.

Но прежде чем перейти к рассмотрению борьбы против троцкизма и партийной дискуссии 1923 года, которая подвела итоги этой борьбы, следует, очевидно, сказать о том, как был окончательно похоронен триумvirат. Формально произошло это в июне 1924 года, когда Сталин в докладе на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б) впервые публично выступил против Каменева и Зиновьева. Момент для него был подходящий (а он, как известно, был мастером выбирать нужный момент): только что закончился XIII съезд партии, на котором было по делегациям оглашено завещание Ленина. На предшествовавшем съезде пленуме ЦК было решено было оставить Сталина на посту генсека. Совещание делегаций съезда подтвердило эту рекомендацию. На первом же после съезда пленуме ЦК Сталин подал просьбу об отставке с поста Генерального секретаря, но она была отвергнута. (Об этом речь уже шла выше, поэтому я не буду дальше развивать данную тему). В общем положение Сталина к июню 1924 года было прочными, над ним уже не висело дамокловым мечом предложение Ленина о его замене. Вот в такой обстановке он и нанес свой первый, уже открытый, удар по своим коллегам из “тройки”

Вначале он подверг критике Каменева. “Недавно, — заявил он, — я читал в газете доклад одного из товарищей о XIII съезде (кажется, Каменева), где чёрным по белому написано, что очередным лозунгом нашей партии является будто бы превращение «России **нэпмановской**» в Россию социалистическую. Причём, — что еще хуже, — этот странный лозунг приписывается не кому иному, как самому Ленину. Ни больше, ни меньше! Между тем известно, что ничего такого не говорил и не мог сказать Ленин, ибо России «нэпмановской», как известно, нет в природе. Правда, Ленин говорил о России «**нэповской**». Но одно дело «нэповская» Россия (т.е. Советская Россия, практикующая новую экономическую политику) и совершенно другое дело Россия «нэпмановская» (т.е. такая Россия, во главе которой стоят нэпманы). Понимает ли эту принципиальную разницу Каменев? Конечно, понимает. Почему же он выпалил тогда этот странный лозунг? По обычной беззаботности насчёт вопросов теории, насчёт точных теоретических определений. А между тем, весьма вероятно что этот странный лозунг может породить в партии кучу недоразумений, если ошибка не будет исправлена.”¹⁵⁷

Здесь мы видим чуть ли не иезуитский прием полемики, примененный Сталиным. Каждый разумный человек в этих двух терминах не найдет того смыслового

отличия, которое обнаружил и выпятил Сталин. И сделал он это вполне сознательно, исключительно в целях компрометации Каменева.

Не менее грубый прием использовал он и против Зиновьева, хотя и не назвал при этом его по имени. Однако все поняли, кого имеет в виду Сталин. Речь шла о злополучной формулировке о диктатуре партии, о чем уже шла речь выше. «Еще один пример, — продолжал Сталин. — Нередко говорят, что у нас «диктатура партии». Я, говорит, за диктатуру партии. Мне помнится, что в одной из резолюций нашего съезда, кажется, даже в резолюции XII съезда, было пущено такое выражение, конечно, по недосмотру. Видимо, кое-кто из товарищей полагает, что у нас диктатура партии, а не рабочего класса. Но это же чепуха, товарищи.»¹⁵⁸

Здесь нет смысла вдаваться в анализ всяких дефиниций и выяснять, в чем состоит на практике разница между диктатурой пролетариата и диктатурой партии. Однако уместно напомнить, что сам Сталин голосовал за резолюцию съезда, закрепившее это понятие. Иными словами, он в той же мере мог взять ответственность и на самого себя. Однако удар был направлен против Зиновьева, из чего совершенно явственно вытекало, что Сталин ставит крест на триумvirате и публично хоронит «тройку». Иными словами, вся история существования триумvirата доказала, что это была довольно нечестная политическая сделка. А потому и не имевшая никакого будущего. Сталин с самого начала это сознавал и использовал «тройку» в интересах укрепления своих политических позиций. Когда они окрепли в необходимой, по его мнению, степени, он фактически положил конец ее существованию. Делалось это также по-сталински — постепенно и продуманно. Под предлогом того, что в таком узком составе нельзя руководить партией, «тройка» была расширена до «пятерки» (включили Бухарина и Рыкова), а затем до «семерки» (пополнили Томским и Куйбышевым). Но каков бы ни был количественный и персональный состав узкого руководства ЦК, центральную роль в нем играл Сталин. Шаг за шагом он сметал со своего пути политических оппонентов и создавал необходимые предпосылки для установления сначала ограниченного, а затем и абсолютного своего всевластия в партии. В этом заключалась одна из наиболее характерных особенностей политической стратегии и тактики нового будущего вождя.

Партийная дискуссия 1923 года и поражение Троцкого. Завершающим аккордом на этом этапе борьбы Сталина за установление и укрепление своего положения в качестве ключевой политической фигуры в руководстве партии стала борьба против троцкизма. Было бы неверно с точки зрения исторической правды утверждать, что инициатором начала этой борьбы был Сталин. В тот период ему, как мне кажется, не совсем было выгодно выступать застрельщиком кампании против Троцкого и троцкизма вообще. Спровоцировал начало этой, одной из самых напряженных и самых острых политических дискуссий в партии сам Троцкий.

Троцкий, наблюдая за усилением позиций Сталина и тем, как неуклонно растет число его сторонников, решил открыто выступить с инициативой нападок на Сталина. Сигналом к этому явилось его письмо членам ЦК и ЦКК в октябре 1923 года. В нем Троцкий в концентрированном виде сформулировал основные претензии к проводимой Сталиным политике. Особый акцент он делал на том, что крайнее ухудшение внутрипартийной обстановки имеет две причины: а) в корне неправильный и нездо-

¹⁵⁸ И.В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 258.

ровый внутривнутрипартийный режим и б) недовольство рабочих и крестьян тяжелым экономическим положением, которое сложилось не только в результате объективных трудностей, но и в результате явных коренных ошибок хозяйственной политики.¹⁵⁹ Троцкий подчеркивал, что при назначениях, смещениях, перемещениях члены партии оценивались, прежде всего под тем углом зрения, в какой мере они могут содействовать или противодействовать поддержанию того внутривнутрипартийного режима, который — негласно и неофициально, но тем более действительно — проводится через Оргбюро и Секретариат ЦК.¹⁶⁰ Он добавлял, что в самый жестокий момент военного коммунизма назначение внутри партии не имело и на одну десятую того распространения, что ныне. Назначение секретарей губкомов стало теперь правилом. В итоге возникла секретарская психология. И как вывод: бюрократизация партийного аппарата достигла неслыханного развития применением методов секретарского отбора.¹⁶¹

Особую тревогу Троцкого вызвали попытки Сталина и “тройки” в целом подорвать личные позиции Троцкого в Красной армии. В связи с этим он писал: “Вместо того, чтобы сосредоточить свое внимание на промышленности в целом, военной промышленности в особенности, на последнем Пленуме делается попытка включения в Реввоенсовет группы цекистов во главе с т. Сталиным.”¹⁶² Имелось в виду решение сентябрьского пленума ЦК (1923г.) ввести в Реввоенсовет Республики несколько членов ЦК и создать при председателе РВС исполнительный орган, в состав которого предполагалось включить в числе других и И. В. Сталина.

Мотивировалось это, как сказано в письме членов ПБ в октябре, тем, что “сам тов. Троцкий в последние годы уделял армии совершенно недостаточно внимания. Основная работа в Реввоенсовете находится в руках тов. Склянского и группы беспартийных спецов, состоящей из Главкома Каменева, Шапошникова и Лебедева. Эта группа — очень добросовестные, трудолюбивые и знающие дело работники. Но в момент, когда ЦК решил в несколько раз увеличить нынешний состав армии, и когда нам стало ясно, что надвигается время, когда армия вновь будет решать судьбы Республики, мы, естественно, пришли к выводу, что нельзя вверять судьбу армии исключительно названной группе”¹⁶³

Однако тогда это предложение не прошло ввиду упорного сопротивления Троцкого. Но, по крайней мере, ему было ясно показано, что дни его безраздельного верховенства в Красной армии подходят к концу. Что и случилось несколько позже, когда его заместителем был назначен сторонник Сталина М.В. Фрунзе.

Новая фаза во внутривнутрипартийной борьбе началась так называемым письмом 46-ти крупных партийных работников в ЦК. В этом письме они ставили вопрос ребром: “Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас (в интересах нашей партии, в интересах рабочего класса) сказать вам открыто, что продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии. Начавшийся с конца июля этого года хозяйственный и финансовый кризис, со всеми вытекающими

¹⁵⁹ “Известия ЦК КПСС.” 1990г. № 5. С. 166.

¹⁶⁰ Там же. С. 169.

¹⁶¹ Там же. С. 170.

¹⁶² Там же. С. 172.

¹⁶³ “Известия ЦК КПСС.” 1990г. № 7. С. 183.

из него политическими, в том числе и внутривнутрипартийными последствиями, безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партией, как в области хозяйства, так и особенно в области внутривнутрипартийных отношений.¹⁶⁴

Подписанты платформы 46-ти отмечали: "...мы наблюдаем все более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и «мирян», на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни."¹⁶⁵

С публикацией в «Правде» 11 декабря 1923г статьи Троцкого «Новый курс (Письмо к партийным совещаниям)» партийная дискуссия вступила в свою самую ожесточенную фазу.

В развернувшейся дискуссии Сталин не только принимал самое активное участие, но и по существу был той фигурой, которая определяла главные направления ударов против Троцкого, формулировала самые язвительные и далеко идущие политические обвинения в адрес оппозиционеров. В свойственном ему лаконичном стиле он вскрывал причины этой дискуссии, защищал правильность основного стратегического курса, высказывал уже не только свое личное понимание основных внутривнутрипартийных принципов демократии и выборности, но и преподносил их в качестве унаследованных от всей истории партии и прошедших суровое испытание временем. Причем рефреном почти всех его выступлений служил тезис о том, что руководство партии ни на йоту не отступает от ленинских установок, а лишь твердо проводит их в жизнь в новых исторических условиях. Особый акцент он делает на толковании границ демократии.

Выступая 2 декабря 1923 г., он подчеркивал: "Вторая крайность касается вопроса о границах дискуссии. Состоит она в том, что некоторые товарищи добиваются неограниченной дискуссии, усматривая начало и конец партийной работы в обсуждении вопросов и забывая о другой стороне партийной работы, а именно — о действительной ее стороне, требующей проведения в жизнь решений партии."¹⁶⁶ В том же ключе выдержано выступление Сталина на объединенном пленуме ЦК и ЦКК в октябре 1923 года: "Нет дискуссий — говорит Яковлева. Как чеховская дама: «дайте мне атмосферу». Бывают моменты, когда не до дискуссий."¹⁶⁷

Сталину, конечно, нельзя отказать в остроумии и в чувстве язвительного юмора. Он охотно прибегает к ним, развенчивая один из ключевых тезисов Троцкого "о перерождении старой гвардии большевиков". Вот один из образчиков его остро направленного политического юмора, призванного высмеять оппонента, представить его в явно неприглядном виде (учитывая тот факт, что к большевикам Троцкий примкнул лишь в 1917 году).

"Во-первых, я должен рассеять одно возможное недоразумение. Троцкий, как видно из его письма, причисляет себя к старой гвардии большевиков, проявляя тем самым готовность принять на себя те возможные обвинения, которые могут пасть на голову старой гвардии, если она в самом деле станет на путь перерождения. Нужно признать, что эта готовность жертвовать собой, несомненно, является чертой благо-

¹⁶⁴ "Известия ЦК КПСС." 1990г. № 6. С. 189.

¹⁶⁵ "Известия ЦК КПСС." 1990г. № 6. С. 190.

¹⁶⁶ И.В. Сталин. Соч. Т. 5. 369.

¹⁶⁷ "Известия ЦК КПСС." 1990г. № 10. С. 186.

родства. Но я должен защитить Троцкого от Троцкого, ибо он, по понятным причинам, не может в не должен нести ответственность за возможное перерождение основных кадров старой большевистской гвардии. Жертва, конечно, дело хорошее, но нужна ли она старым большевикам? Я думаю, что она не нужна.”¹⁶⁸

К аналогичному приему он прибег и в “Докладе об очередных задачах партийного строительства”, сделанном им 17 января 1924г на XIII партийной конференции. Касаясь звучавших тогда обвинений в том, что Троцкого “зажимают”, извращают его истинную позицию, Сталин под смех присутствующих заявил: “Я не поднимаю здесь вопроса о том, кто кого обижает. Я думаю, что если хорошенько разобраться, то может оказаться, что известное изречение о Тит Титыче довольно близко подходит к Троцкому: «Кто тебя, Тит Титыч, обидит? Ты сам всякого обидишь». Но я сказал, что в этот вопрос я вдаваться не буду.”¹⁶⁹

Партийная дискуссия осени 1923 года вошла в историю партии и страны не только как одна из самых острых и напряженных. Едва ли будет ошибкой назвать эту дискуссию и самой демократичной. Разумеется, в пределах, вообще возможных в условиях жесткой централизации. Потребовала она и от Сталина огромных усилий, нацеленных на ее успешное завершение. Любопытно отметить один эпизод, связанный с личным участием генсека в дискуссии. На одном из партийных собраний он в полемическом задоре сообщил некоторые сведения о секретных решениях ЦК. Политбюро рассмотрело этот казус и записало в своем протоколе, что “т.Сталин поступил неправильно, сообщив собранию содержание решений Пленумов ЦК и ЦКК, ибо этим было нарушено прямое постановление ЦК и ЦКК”.¹⁷⁰ Каких-либо дисциплинарных для Сталина последствий данное решение Политбюро не повлекло. Это, конечно, мелкий эпизод, но он показывает, что и сам Сталин в тот период не находился вне зоны критики, пусть даже и мягкой.

Особое место в политическом и теоретическом наследии Сталина принадлежит его докладу на XIII партконференции. Это было по существу его первое и наиболее острое публичное наступление на Троцкого. Здесь уже было не до дипломатии, вещи назывались своими именами, ставки в этой борьбе были заранее определены: и Сталин вместе со своими временными союзниками, и Троцкий, поддержанный довольно узкой группой своих единомышленников, ясно понимали, что их ожидает в случае поражения. Данный момент придавал дискуссии особенно напряженный и даже ожесточенный характер, намного превосходивший все предшествующие столкновения в партии. В речи в октябре 1923 года на Пленуме ЦК Сталин четко сформулировал стратегическую цель борьбы против Троцкого: “Выход: мы не можем повторить эксперимент дискуссии перед X съездом. Тогда Троцкий ее начал, отказавшись выполнить предложение Ленина об исчерпании вопроса в профсоюзной комиссии съезда.

Случай повторился. Троцкий повторил шаг, создавший обстановку, грозящую нам расколом. Надо так оценить поступок Троцкого и осудить его. Надо обеспечить такой порядок, чтобы все разногласия в будущем решались внутри коллегии и не выносились во вне ее.”¹⁷¹

¹⁶⁸ И.В.Сталин. Соч. Т. 5. С. 384-385.

¹⁶⁹ И.В.Сталин. Соч. Т. 6. С. 6.

¹⁷⁰ РКП(б). Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 294.

¹⁷¹ “Известия ЦК КПСС.” 1990г. № 10. С. 186-187.

Тринадцатая конференция партии, ставшая фактически финалом дискуссии, проходила в самый канун кончины Ленина – в январе 1924 год. “Тройка”, и в первую очередь Сталин, видели задачу этой конференции в том, чтобы нанести по Троцкому и троцкизму удар такой силы, чтобы он не смог больше от него оправиться. Серьезным фактором, призванным гарантировать успешное осуществление поставленной цели, являлось то, что Ленин уже никак не мог вмешаться в ход конференции. Даже своими письмами, ибо он был фактически живым трупом. Эта партконференция подвела итоги дискуссии и приняла резолюцию, осуждающую мелкобуржуазный уклон в партии, под которым понимался троцкизм.¹⁷² Попутно заметим, что именно эта конференция приняла постановление о вовлечении в ряды партии в течение ближайшего года не менее, чем 100 тыс. новых членов. (После смерти Ленина задним числом это кампания по увеличению рядов партии была названа “ленинским призывом”. На самом же деле она была задумана еще до смерти вождя).

Сталина удовлетворили итоги партийной дискуссии, поскольку подавляющее большинство партийных организаций, за исключением ряда ячеек в высших учебных заведениях и в Красной армии, выступили в поддержку линии ЦК, против Троцкого и его “Нового курса” Такова была официальная точка зрения. Как же на самом деле проходило голосование в партийных организациях, то на этот счет есть все основания высказать серьезные сомнения, поскольку, очевидно, допускались явные подтасовки в подсчете голосов. Если верить бывшему секретарю Сталина Б.Бажанову, то по линии ГПУ в ЦК поступала тревожная информация, согласно которой многие члены партии высказывались в поддержку оппозиции.

Как пишет в своих воспоминаниях Б.Бажанов, такой разворот дискуссии весьма встревожил “тройку”, и в особенности Сталина. Было созвано специальное совещание, обсудившее эту проблему. Зиновьев и Каменев произносили высокопарные речи общетеоретического и политического характера. “Пока речи идут на этих высотах, Сталин молчит и сосет свою трубку, – пишет Бажанов. – Собственно говоря, его мнение Зиновьеву и Каменеву не интересно – они убеждены, что в вопросах политической стратегии мнение Сталина интереса вообще не представляет. Но Каменев человек очень вежливый и тактичный. Поэтому он говорит: “А вы, товарищ Сталин, что вы думаете по этому вопросу?” – “А, – говорит товарищ Сталин, – по какому именно вопросу?” (Действительно, вопросов было поднято много). Каменев, стараясь снизить до уровня Сталина, говорит: “А вот по вопросу, как завоевать большинство в партии” – “Знаете, товарищи, – говорит Сталин, – что я думаю по этому поводу: я считаю, что совершенно неважно, кто и как будет в партии голосовать; но вот что чрезвычайно важно, это – кто и как будет считать голоса”. Даже Каменев, который уже должен знать Сталина, выразительно откашливается.

На следующий день Сталин вызывает к себе в кабинет Назаретяна (Назаретян был заведующим секретариатом Сталина – *Н.К.*) долго с ним совещается. Назаретян выходит из кабинета довольно кислый. Но он человек послушный. В тот же день постановлением Оргбюро он назначен заведующим партийным отделом “Правды” и приступает к работе.

¹⁷² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I. С. 551-556.

В "Правду" поступают отчеты о собраниях партийных организаций и результаты голосований, в особенности по Москве. Работа Назаретяна очень проста. На собраниях такой-то ячейки за ЦК голосовало, скажем, 300 человек, против – 600; Назаретян переправляет: за ЦК – 600, против – 300. Так это и печатается в "Правде" И так по всем организациям.¹⁷⁸

Трудно судить, насколько данный рассказ отвечает действительности, но с тех пор эта фраза Сталина стала настолько знаменитой, что ее и сейчас в качестве неотразимого аргумента используют в политической полемике современной России.

Итак, XIII партийная конференция нанесла мощнейший удар по Троцкому и его сторонникам. После этого поражения Троцкий, как он ни боролся, как он ни сопротивлялся, фактически оказался в положении политического банкрота, хотя и продолжал занимать еще официальные посты и в партии, и в Красной армии. Полное и окончательное устранение его с политической сцены стало лишь вопросом времени. Причем достаточно короткого времени.

Вне поля моего зрения пока оставалась одна важная проблема. Без ее рассмотрения хотя бы в самом обобщенном виде, политическая биография Сталина в рассматриваемый период будет неполной. Я имею в виду комплекс вопросов внешней политики. Прежде всего надо сказать, что Сталин непосредственно вопросами внешней политики и международных отношений Советской России в пределах исследуемого периода непосредственно не занимался, будучи сосредоточенным преимущественно на внутрипартийных и организационных вопросах. Это отнюдь не означает, что эти проблемы вообще оставались за рамками его интересов и практической деятельности. Как член Политбюро он принимал активное участие в их обсуждении и решении, причем характер и объем внешнеполитических и международных проблем в общем числе рассматриваемых высшим руководством вопросов становился все большим по мере того, как укреплялись международные позиции Советского Союза и намечалась полоса признаний его со стороны ведущих западноевропейских держав. Не греша против правды, можно утверждать: Сталин безусловно был в курсе вопросов мировой политики и активно влиял на выработку советского подхода к ним. Однако эта сфера деятельности в то время носила для него побочный характер.

В связи с болезнью Ленина и функционированием триумvirата, естественно, члены "тройки", и Сталин в том числе, оказались фактически у руля руководства и внешнеполитической деятельностью страны. На них падала главная доля ответственности за выработку не только общего курса, но и принятие решений по множеству конкретных практических вопросов. Вовлеченность Сталина во внешние дела стала возрастать: есть основания считать, что именно с этого времени он уже непосредственно стал приобщаться к практическому руководству такой важной сферой государственной деятельности, как внешняя политика.

На примере его позиции по отношению к подготавливавшемуся летом – осенью 1923 года революционному выступлению в Германии я постараюсь обозначить некоторые особенности его зарождавшейся философии в области внешней политики. К тому времени его исходные внешнеполитические воззрения несли на себе печать противоречивости и двойственности. Это видно хотя бы из его высказываний

¹⁷⁸ Борис Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 76.

при обсуждении в Политбюро тезисов Зиновьева, считавшегося (а скорее всего считавшего себя самого) виднейшим теоретиком и практиком международного революционного движения уже в силу занимаемого им поста председателя Исполкома Коминтерна. Замечания Сталина сочетали в себе элементы наступательного порыва и крайней осторожности. Он — следуя еще ортодоксальной большевистской догме — поставил существование советского режима в России в прямую зависимость от гипотетического успеха германской революции. “Мне кажется, ясно, что основной вопрос, который стоит здесь перед нами, — это вопрос о существовании нашей федерации. Либо революция в Германии провалится и побьют нас, либо там революция удастся, все пойдет хорошо, и наше положение будет обеспечено. Другого выбора нет.”¹⁷⁴

Подобная постановка вопроса кажется весьма странной в устах Сталина, повторявшего зады псевдотеоретических догм, согласно которым Советскую власть в России спасет только революция в развитых капиталистических странах. В его многочисленных предыдущих высказываниях, напротив, сквозила мысль о том, что наша революция как бы самодостаточна, что она располагает ресурсами и людским потенциалом, чтобы защитить себя. Кстати, исход Гражданской войны на практике подтвердил это. Но в этот краткосрочный период Сталин почему-то примыкает к тем, кто защищал концепцию мировой революции как главную гарантию обеспечения дальнейшего существования Советского государства. Правда, длилось это недолго — буквально несколько месяцев: по их прошествии Сталин, как известно, выступил со своей концепцией строительства социализма в одной стране. И на этой базе построил всю свою стратегию и тактику и в конечном счете добился победы.

Тогда же, в 1923 году, он мыслил скорее категориями желательного, нежели действительного. Но уже и в тот момент бросается в глаза его практическая хватка. Так, он настаивает на том, чтобы Советский Союз через прибалтийские страны (тогда их называли лимитрофами) добился непосредственного выхода к границам Германии. (Вспомним дальнейшее развитие событий в 30-е годы!) Сталин предлагал: “Есть еще мера, которая сможет сильно облегчить положение: надо усилить нашу [силу] в лимитрофных государствах. Надо собрать и бросить туда коммунистов этих национальностей. Для нас очень важен и нужен общий кусочек границы с Германией. Нужно постараться сорвать одно из буржуазных лимитрофных государств и создать коридор к Германии. К моменту революции это нужно подготовить.”¹⁷⁵

Словом, тогда это были всего лишь наброски, первые кирпичи в фундамент будущей сталинской философии внешней политики.

Но вернемся к финальной части нашего повествования.

На третий день после триумфального для Сталина завершения конференции скончался В.И. Ленин. Интересно остановиться на деталях того, как он узнал о кончине вождя. На этот счет осталось несколько свидетельств, причем, как правило, одно не совпадает с другим. Приведу два свидетельства.

Первое принадлежит А.И. Микояну и приурочено к 100-летию со дня рождения Ленина. Микоян вспоминал: “...Помню, 21 января, во второй половине дня, я зашел на квартиру к Сталину, чтобы посоветоваться с ним по ряду вопросов, связанных с нашими северокавказскими делами. *из его воспоминаний*”

¹⁷⁴ “Источник”. 1995. № 5. С. 124.

¹⁷⁵ “Источник”. 1995. № 5. С. 124.

Не прошло и 30–40 минут нашей беседы, как вдруг, неожиданно, в комнату ворвался крайне взволнованный и возбужденный Бухарин и не сказал, а как-то выкрикнул, что из Горок позвонила Мария Ильинична и сказала: «Только что, в 6 часов 50 минут, скончался Ленин». »

Это было так неожиданно. Мы были потрясены. Наступило минутное замешательство и молчание.

Мы все мгновенно оделись, на аэросанях поехали в Горки.¹⁷⁶

А вот воспоминание Зиновьева: «Мы сидели на совещании «сеньорен-конвента» съезда Советов в Большом театре наверху в небольшом (кажется, «Бетховенском») зале. Позади нас стоял телефон (кажется, автомат-вертушка, установленная на время съезда. Зал был битком набит. Позвонила Мария Ильинична и взволнованно попросила Сталина или меня. Мы сидели рядом. Сталин подошел. Она передала ему роковое известие. Он тотчас же передал его мне. Здесь провал в памяти. Не помню, что ощущал. Постояли оба сраженные. Потом решили пока собранию ничего не объявлять. Помню, позвонили в Горки, что мы сейчас туда выезжаем. Затем пошли ко мне домой в Кремль»¹⁷⁷

Вне всяких сомнений, воспоминания Зиновьева заслуживают полного доверия, тем более что они воспроизведены в его статье, написанной в январские дни 1924 года во время траурных мероприятий в связи со смертью Ленина. К тому же, они подтверждаются и рядом других заслуживающих внимания источников. Что касается воспоминаний А.Микояна в связи с данным эпизодом, то они, по всей вероятности, не во всем точны. Так, он пишет, что весть о кончине Ленина сообщил Н.Бухарин. Между тем по другим источникам (и они вполне достоверны) Н.Бухарин в это время был в Горках и сам присутствовал при кончине Ленина.

И в качестве последнего аккорда этой противоречивой, отчасти даже трагической, баллады об отношении Сталину к умершему Ленину, приведу воспоминания В.Бонч-Бруевича «Смерть и похороны Владимира Ильича», опубликованные в журнале «Красная новь» в 1925 году.

Описывая приезд членов высшего партийного руководства в Горки, он писал: «По лестнице, не спеша и словно замедляя шаги, поднимались вожди старой гвардии большевиков, только что прибывшие на автосанях.

Душевная, тихая, без слов, встреча с Н.К. (Крупской — НК..)...

Вот впереди всех Сталин. Подаваясь то левым, то правым плечом вперед, круто поворачивая при каждом шаге корпус тела, он идет грузно, тяжело, решительно, держа правую руку за бортом своей полувоенной куртки... Лицо его бледно, сурово, сосредоточенно.

...«Да, да, вот оно что... вот оно что...», — первым проронил слова Сталин ... И стал обходить Владимира Ильича размеренным шагом, все так же поворачивая то левое, то правое плечо, словно не веря, что смерть совершила свою неумолимую работу и как бы желая убедиться, что эта роковая работа непоправима, неизменна».

(Разговоры о происшедшем.)

«Время клонилось к полночи.

¹⁷⁶ Анастас Иванович Микоян. Так было. Размышления о минувшем. М. 1999. С. 253-254.

¹⁷⁷ «Известия ЦК КПСС.» 1989г. № 7. С. 180-181.

Надо ехать в Москву.

Вновь потянулись туда, к нему... Вновь окружили его тесным кольцом...

Порывисто, страстно вдруг подошел Сталин к изголовью.

Прощай, прощай, Владимир Ильич... Прощай! И он, бледный, схватил обеими руками голову В. И., приподнял, нагнул, почти прижал к своей груди, к своему сердцу, и крепко, крепко поцеловал его в щеки и в лоб... Махнул рукой и отошел резко, словно отрубил прошлое от настоящего...¹⁷⁸

Сейчас, с высоты прошедших десятилетий, как-то особенно зримо воспринимается эта формула — отрубил прошлое от настоящего. Действительно, смерть Ленина положила конец целой эпохе не только в жизни нашей страны. Она знаменовала собой и завершение целого исторического этапа в жизни Сталина и в его политической биографии. Вместе тем и начало принципиально новой полосы в его политической карьере. Он стоял уже в преддверии своего политического триумфа. Прошлое не закрывалось, потому что его никогда нельзя закрыть. Но открывалось будущее, которое никогда нельзя предсказать со всеми его взлетами и падениями, со всеми его поворотами и изгибами. Теперь Сталин оставался один на один со своей политической судьбой. И то, какой она будет, во многом зависело от него самого. И история распорядилась так, что от судьбы одного человека стала в какой-то мере зависеть судьба не только многих людей, но даже всей необъятной страны — Советского Союза.

¹⁷⁸ Цит. по **Минувшее**. Исторический альманах. М. 1990. Т. 2. С.269 - 270.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настало время подвести черту под первой половиной политической биографии Сталина. Кажется, что все, что нужно было сказать, уже сказано. Вроде прослежены основные вехи его жизни до того рубежа, когда он достиг порога высшей власти. Она всегда являлась его вожделенной целью. Подчеркнем: целью, но не самоцелью. За плечами 45-летнего политического деятеля был огромный, насыщенный событиями путь. Многое вместились в пережитые им жизненные испытания. Иному и на несколько земных жизней хватило бы всего того, что он испытал, приобрел или потерял в ходе своего становления и эволюции. К 1924 году перед нами уже во весь рост возникает фигура вполне сложившегося политического деятеля незаурядного формата. Но самое важное — лежало еще впереди. Впереди и борьба за свое самоутверждение в качестве единственного верховного руководителя партии и государства. Впереди и суровая, и трудная борьба за выбор исторического пути дальнейшего развития страны, и главное — суровая, подчас жуткая по своей безжалостности, борьба за превращение намеченных планов в реальность. Наконец, впереди и самые суровые испытания в годы Великой Отечественной войны и, наконец, — как венец всего этого — триумф народа и его личный триумф в результате победы в войне. Здесь мне хотелось бы процитировать одного из американских биографов Сталина Дж. Арчера, дающего обобщающую характеристику Сталина как исторической личности. Его оценка, хотя и несколько выходит за хронологические рамки первого тома книги, но представляет бесспорный интерес. Дж. Арчер в целом резко отрицательно оценивает многие стороны политики Сталина, отмечая, что ни один из тиранов в истории не обладал такой необъятной властью, как Сталин. Вместе с тем он подчеркивает и колоссальные достижения, прямо увязывая их с деятельностью Сталина. В частности, он пишет, что Сталин создал коммунистическую империю, гораздо большую, чем об этом могли мечтать русский цари. Он «...превратил феодальных крестьян и рабочих из азиатских варваров в грамотных граждан ведущей современной европейской державы, уступающей только Соединенным Штатам. Причем сделал это за короткий отрезок времени в 25 лет, что вызывает изумление... Парадоксально, но именно Сталин — этот продукт средневекового феодального общества — создал настолько развитое российское научное сообщество, которое оказалось способным первым в мире направить в космос человека. И русский народ никогда не забудет, что именно Сталин вдохновлял и привел его к победе в войне против самых могущественных захватчиков в истории».¹

Но, повторяю: все это еще предстояло пройти, а пути Господни, как говорят, неисповедимы.

Не знаю, насколько убедительно мне удалось (и удалось ли вообще?) показать процесс становления Сталина как политического деятеля. Тешу себя надеждой, что читатель, если у него хватит терпения прочитать этот том, согласится со мной: путь Сталина к вершинам власти не был игрой случая или провиденциальным роком. Как личность и как политический и государственный деятель он сделал себя сам. Аксиоматична истина, что лишь великие события создают великих людей. Сталина фактически вылепила эпоха, в которую он жил и творил. И эта была не эпоха идиллий, а эпоха

¹ Jules Archer. Man of steel. Joseph Stalin. N. Y. 1965. p. 175-176.

кровавой борьбы, наложившей свою неизгладимую печать и на людей, и на жизнь, и на саму себя.

Отвлекаясь от минувшего и обращаясь к сравнительно недавнему прошлому, вспоминаю призыв, лейтмотивом звучавший в период перестройки: осмыслить культ личности Сталина! Появился даже большой фолиант на эту тему, включавший в себя набор статей и материалов по данной проблематике. Действительно, осмыслить культ личности Сталина было необходимо. Но надо было прежде всего осмыслить саму личность, а потом уже и культ этой личности. Надо было осмыслить время, в которое он жил и действовал. Надо было, наконец, осмыслить историческую почву, из которой произрастало все остальное. Другими словами, нужно было осмыслить огромный пласт проблем и общественных явлений, составлявших живую ткань той эпохи.

В период так называемой десталинизации весь общественный запал был обращен на достижение одной единственной цели: по всем параметрам — общественным, общечеловеческим, классовым и личным — низвергнуть Сталина с того исторического пьедестала, на который он вознес себя не столько сам, сколько бурные исторические события. Задачей мощной пропагандистской машины, оказавшейся в руках “перестройщиков”, стала цель доказать, что реальная историческая драма, которую пережила страна и режиссером-постановщиком которой выступал Сталин, является собой сплошную цепь преступлений, бесчеловечных репрессий и т.п. В результате такой предвзятой ориентации интересы исторической истины оказались в забвении или, в лучшем случае, отодвинуты на задний план. Активным и эффективным отрядом борцов против сталинизма выступали диссиденты, все обиженные и недовольные существовавшим строем. В итоге этой многолетней и организованной по всем правилам ведения широкомасштабной кампании история превратилась в трагический фарс, а главное действующее лицо всей трагедии — в запатентованного преступника. Реальная история была трансформирована в псевдоисторию. Таковым был социальный и политический заказ власть имущих. Им необходимо было создать морально-психологические условия и предпосылки для низвержения существовавшего социалистического уклада жизни, а полная и безоговорочная дискредитация Сталина играла роль одного из наиболее эффективных инструментов реализации их потайных целей. При этом односторонность и предвзятость стали магистральным направлением, в русле которого и велась вся пропаганда и все так называемые научные разработки по данной теме. Тем, кто стоял у истоков этой продуманной и долгосрочной поэтапной программы, на объективное историческое исследование и анализ фактов было попросту наплевать. Еще менее их заботили интересы исторической правды. Они не знали и просто, как говорят, духом не ведали о смысле высказывания одного древнего китайского поэта: “Правда — не падчерица власти, она — дочь истории.”² Им казалось, что власть, которой они обладали, дает им право распоряжаться историей, писать и переписывать ее по своему разумению. Такова была подоплека кампании по так называемой десталинизации. Ее итоги и плоды были двойственны: кое в чем она способствовала прояснению подлинной исторической картины, ввела в научный оборот множество до тех пор скрытых от общественности и науки документов и фактов, помогла сфокусировать внимание на отрицательных сторонах нашей истории. Словом, в сопо-

² Из жизни “красной императрицы”. М. 1993. С. 433.

ставлении с предшествовавшей апологетикой Сталина и сталинизма вообще она внесла известную лепту в воссоздание исторической реальности. Но, с другой стороны, своей заданностью, предвзятостью, откровенной ориентацией на использование только черных красок при описании прошлого, эта кампания нанесла немалый ущерб исторической науке и способствовала утверждению в общественном сознании несостоятельных, но чрезвычайно устойчивых стереотипов.

В своей работе я предпринял попытку беспристрастно подойти к исследованию политической биографии Сталина. В каком-то смысле это и ответ на некоторые наиболее беспардонные извращения исторических фактов или же их интерпретации в заведомо заданном ключе. Я стремился всегда держать в памяти (и не только помнить, но и руководствоваться ими) следующие слова римского политического деятеля, оратора и писателя Цицерона: «Первый закон истории – бояться какой бы то ни было лжи, а затем – не бояться какой бы то ни было правды»³. В целом данная работа – лишь небольшой кирпич в фундамент здания исторической истины, которое еще предстоит создать ученым-историкам и общественности в целом. По моему мнению, глубоко осознать Сталина и его объективную роль в нашей истории – это значит глубже и лучше понять сложный и противоречивый путь, пройденный нашей страной в минувшем веке. Это поможет не только уяснению прошлого, но и послужит в некотором смысле подспорьем для проникновения в суть происходящих ныне событий. Но, как говорят, на дворе сейчас другая эпоха и другие люди, другая страна и другое общество. Все это так. И хотя ход исторического процесса необратим и его нельзя повернуть вспять желанием или усилиями отдельных социальных групп, тем не менее познание исторических закономерностей, лежащих в основе движения общества, имеет первостепенное значение не только для истории, но и для современности.

Окидывая мысленным взором 45-ти летний этап жизни Сталина и пытаясь дать общую, суммированную оценку того, чего он достиг, кем он стал, следует учитывать один важный момент. Успех должен измеряться не только положением, которого достиг человек в своей жизни, но и теми препятствиями, которые ему пришлось преодолеть на пути к этому. Если посмотреть на первую половину жизни Сталина через призму сказанного, осязаемо очевидными предстают те поистине колоссальные трудности и преграды, которые пришлось ему преодолеть за это время. Весь путь от захолустного церковного училища в Гюри и Тифлисской семинарии можно назвать путем к приобретению знаний. Будучи объективно поставленным в суровые и неблагоприятные условия, молодой Коба нашел в себе силы приобрести минимально необходимый объем знаний. Он постоянно расширял и пополнял их путем самообразования, что в конце рассматриваемого нами периода его жизни позволило ему выступать, если не на равных, то во всяком случае не в роли слабо подготовленного ученика своих коллег по партии или же соперников из лагеря политических оппонентов.

Иными словами, Сталин за все эти годы сумел приобрести достаточно солидный интеллектуальный багаж. Без него было бы нелепо даже просто мечтать о карьере политического деятеля революционного склада. И это бесспорное достижение Сталина во многом предопределило траекторию его дальнейшего политического дви-

³ Великие мысли великих людей. Т. I. С. 468.

жения, вплоть до восхождения на высший политический Олимп Советской России. Как я старался показать в своей книге, язвительные замечания его политических оппонентов относительно ограниченных, если не убогих, интеллектуальных способностей Сталина, оказались попросту полностью несостоятельными. Интеллектуальное ничтожество или серость не могло даже претендовать на то место, которое он занял в высшем руководстве партии, а затем и страны. Это — первый важный вывод, закономерно вытекающий из обильного материала, приведенного в книге.

Второй вывод, который, как мне кажется, напрашивается сам собой, заключается в том, что Сталин за эти годы сформировался как самостоятельно и оригинально мыслящий политический деятель. Он выработал в себе способность к концептуальному мышлению: научился анализировать события и явления общественной жизни, и на этой базе выдвигал идеи и предложения, которые составляли платформу его политических действий. Он стремился смотреть вперед и всегда видел цель, во имя которой он работал. Соединение концептуального мышления с целеустремленностью придавало его политической философии действенность, силу и энергию. В дальнейшем эти качества, основы которых были заложены именно в эти годы, позволили ему взять на себя бремя высшего руководства в партии и стране. И это бремя оказалось ему по плечу. Он обладал широким государственным кругозором, умел видеть перспективы развития, чего дано не каждому. Грандиозность задач, стоявших перед страной, как бы возвышала его самого и требовала от него, чтобы он соответствовал масштабам и сложности этих задач.

Третий вывод можно сформулировать так: Сталин проявил себя не только как мыслящий политик, тонко разбирающийся во всех хитросплетениях политической борьбы, но и как человек исключительно целеустремленный, умеющий добиваться поставленной цели вопреки всему, наперекор всем трудностям и преградам, встававшим на его пути. Да, он был безжалостен и часто весьма неразборчив в своих действиях и поступках. Груз моральных угрызений не отягощал его сознание, не давил тяжелым бременем на его плечи. Достижение поставленной цели являлось главным побудительным мотивом, основной пружиной, которая раскручивала всю его кипучую энергию. Конечно, нельзя не признать, что поведение Сталина-политика часто укладывалось в рамки известных постулатов Н.Макиавелли. Политику Сталин не увязывал с моралью, что, естественно развязывало ему руки для действий и поступков, не укладывавшихся в строгие моральные принципы. Из этого не следует, что его политические действия априори носили аморальный, безнравственный характер. Он считал, что мораль и ее принципы должны быть подчинены классовым интересам, поскольку и мораль и нравственность, по его убеждению, также всецело имели классово обусловленную природу. Кстати, сам Н.Макиавелли хорошо сознавал трудности, неизбежно сопряженные с глубокими общественными переворотами в истории. Не случайно он писал: “надо знать, что нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые.”¹ В приложении к эпохе, когда развертывалась деятельность Сталина, речь шла не просто о замене ста-

¹ *Никколо Макиавелли. Избранные сочинения.* М. 1982. С. 316 – 317.

рых порядков новыми в условиях существования одного и того же общественного строя, а о кардинальной смене самих устоев прежнего уклада жизни.

В числе качеств, во многом предопределивших политический успех Сталина не только в описываемый период, но и вообще на всем протяжении его политической карьеры, относятся большие организаторские способности. Без наличия таких способностей было бы просто немислимо его вхождение в верхушку большевистского руководства, а затем и приобщение к числу высших руководителей государства. В отличие от своих политических противников и оппонентов он не чурался организаторской работы, а, напротив, придавал ей первостепенное значение. Порой складывается такое впечатление, что он даже временами организаторской работе отдавал приоритет перед чисто политической работой. В обстановке ожесточенной внутрипартийной борьбы, особенно в период болезни Ленина и после его смерти, кропотливая организаторская работа выдвигалась на первый план и нередко предreshала успех самой политической схватки. В этом отношении он стоял на несколько голов выше своих противников, которые чурались такой работы и считали ниже своих интеллектуальных достоинств уделять ей первостепенное внимание. Исход внутрипартийной борьбы в пользу Сталина убедительно подтвердил правильность его ставки на работу организационного плана. Ведь совсем не случайно, и враги, и сторонники генсека — обе стороны одинаково единодушно — считали его непрезойденным мастером организационных методов работы. Нет преувеличения и в том, что Сталин считается подлинным создателем обширнейшего управленческого слоя советского общества, создателем аппарата. Именно созданный или же радикально реформированный им аппарат превратился в один из основных устоев его власти в партии и стране. Причем Сталина отличало умение держать этот аппарат под своим контролем, умело балансировать между его различными составными частями. В конечном итоге не Сталин стал инструментом в руках аппарата, а аппарат — орудием в его руках. Правда, этот вывод не столь уж однозначен, поскольку существует и прямо противоположная трактовка данного вопроса. Во всяком случае, то, как я оцениваю отношения между Сталиным и аппаратом, имеет право на существование. Любопытна одна деталь: в первые годы сталинского правления бытовало такое выражение, первоисточник которого отыскать трудно: “Если власть Ленина в партии основывалась на его авторитете, то авторитет Сталина в партии основывается на его власти” Иными словами, путь Сталина к овладению властью, а затем и ее сохранению в значительной мере объяснялся ставкой Сталина на аппарат.

В том же довольно детально рассматривались и иные причины и обстоятельства, в конечном счете приведшие к его победе. С полным правом к ним причисляется и опора Сталина на аппарат, на принцип подбора и назначения на ключевые посты верных ему людей. Однако я всегда считал необходимым оттенить и такую мысль: как ни велики были роль организаторского таланта Сталина и его изощренный и умелый подбор кадров, все-таки в тех исторических условиях всего этого было явно недостаточно, чтобы добиться решающего успеха. Бесспорно, доминирующее значение сыграл иной, более важный фактор — выбор правильной политической линии и стратегии. А в этой области Сталин также продемонстрировал качества политического деятеля крупного формата. Благоприятный для него исход внутрипартийных баталий в решающей степени был предопределен тем, что он выступал как проводник, а затем и как инициатор генерального политического курса, в целом объективно отвечавше-

го условиям развития страны в ту эпоху. Уже в рассматриваемый период четко проглядывает в действиях Сталина ставка на внутренние силы страны, а не на так называемую мировую революцию — эту идиллическую химеру, в жертву которой было принесено слишком много усилий и жертв. Правда, от идеи мировой революции Сталин открыто не отрекся, но вся его стратегия и долгосрочная политика как раз и строились на фактическом отказе от этой идеи. Буквально через год после смерти Ленина Сталин официально выступил со своей концепцией построения социализма в одной отдельно взятой стране. Это была не просто крупная теоретическая и практическая новация в марксистско-ленинском учении о революции. Это был коренной поворот в сторону жизни, в сторону реальности, что и предрешило победу Сталина над его оппонентами в партии и вне ее.

Как мы уже видели, Сталин к 45 годам прошел сложную эволюцию. Он никогда не стоял на месте, чтобы не отстать от жизни. Одним из магистральных направлений теоретической и политической эволюции Сталина я считаю переход его на позиции широкого государственного мышления. От бунтаря-революционера к государственнику — таково направление эволюции всей системы политических взглядов Сталина. В итоге квинтэссенцией, ядром политической философии Сталина стали концепции государственного строительства. Если бы Сталин не пошел по этому пути, то едва ли оставил сколько-нибудь заметный след в истории нашей страны.

В данном контексте я и расцениваю неоднозначный конфликт между Сталиным и Лениным по вопросам государственного и национального строительства нового советского государства. Как бы ни маскировались существо и нюансы этого конфликта, как бы ни пытались акцентировать внимание на его отдельных деталях, — корни этого конфликта мне видятся именно в противоборстве двух путей построения советского государства. Сосредоточивая главный удар на борьбе против великорусского шовинизма, отдавая приоритет элементам формального равенства при решении вопроса об объединении в союзное государство, Ленин невольно закладывал мину долгосрочного действия под фундамент создававшегося государственного образования. И то, что в конечном итоге Сталин силою обстоятельств был вынужден пойти на принятие ленинского плана государственного устройства, по прошествии многих десятилетий сыграло в судьбах Советского Союза роковую роль. Я, разумеется, не настолько наивен, чтобы утверждать, что построение Советского Союза в соответствии с предложениями Сталина, было бы достаточной гарантией против развала Союза. Но все-таки, на мой взгляд, структура советского государства, базировавшаяся на принципах, предлагавшихся Сталиным, могла сыграть роль дополнительной преграды на пути бурного натиска националистических и сепаратистских тенденций, захлестнувших великую страну в конце минувшего века. Это — всего лишь гипотеза, имеющая право на существование. По крайней мере она дает пищу для размышлений.

На протяжении всего изложения материала я стремился рассеять укоренившийся миф о малозначительной, чуть ли не эпизодической роли Сталина в том спектакле, который мы условно уподобим русской революции. Думается, что в той или иной степени мне удалось раскрыть его роль в развертывании революционного движения: сначала она действительно была незначительной и малозаметной. Потом, по мере развертывания событий и по мере его созревания как революционера, эта роль обретала все более четкие и значимые формы. Он рос вместе с ростом революционного движения. Это были как бы два параллельных процесса, в своей общности отра-

жавших становление Сталина как фигуры общероссийского политического масштаба. Конечно, его политический блеск на тогдашнем небосклоне не выделялся ни особой яркостью, ни грандиозными масштабами. В ту эпоху на попроще политических баталий выступало много ярких и одаренных личностей, публичная известность и популярность которых были намного больше, чем таковые Сталина. Однако к числу характерных свойств Сталина можно отнести то, что его влекла не показная, не внешняя сторона политической активности, а ее внутреннее содержание. Вот почему он сам и его имя часто оставались, если не на заднем плане, то в тени. Но о реальном весе того или иного политика следует судить не по чисто внешним проявлениям его активности, а по его реальной роли в политическом процессе. Это, кстати, приложимо и к условиям нашего времени. Приведенный мной материал и соответствующие аргументы, надеюсь, помогут читателю самому создать собственное мнение о месте Сталина в русской революции и в строительстве советского государства.

Наконец, хочется акцентировать внимание на таком моменте. К началу 1924 года Сталин уже проявил себя как одна из крупнейших фигур в тогдашнем руководстве большевистской партии. В известной мере он уже накопил и опыт участия в государственном управлении, хотя, конечно, этот опыт и был довольно ограничен в силу вполне понятных причин. Но из всех тогдашних лидеров он в большей степени подходил для того, чтобы стать у руля государства. Бремя ответственности его не только не страшило, но и манило к себе. Он внутренне был подготовлен к тому, чтобы, взяв в свои руки власть, использовать ее для реализации намеченных целей. В отличие от своих соперников Сталин достаточно ясно представлял себе маршрут дальнейшего движения государственного корабля. Сильной его чертой являлось и то, что он не страдал гамлетовским комплексом сомнений, был решителен и настойчив в проведении намеченной линии, поскольку, очевидно, следовал известному афоризму великого германского канцлера XIX века О.Бисмарка: любая политика лучше политики колебаний. Идя к власти, Сталин не испытывал никаких колебаний, в противном случае его ожидал бы бесславный финал. Короче говоря, всей своей предшествующей жизнью он был подготовлен к миссии, которую ему уготовила судьба. Он сам себе приоткрывал дверь в историческую вечность.

Но приоткрыть дверь туда – еще не значит войти в историю. От каждого, кто претендует на место в ее анналах, требуются не только соответствующие личные качества. Нужно еще и определенное стечение обстоятельств, служащих внешним проявлением внутренних закономерностей исторического процесса. Мелкие исторические события не создают заметных исторических фигур. Лишь подлинно великие события создают великих людей, не всегда, разумеется, отмеченных только положительными качествами.

В свете сказанного, совершенно бесспорно, что и Сталин был незаурядным детищем своей эпохи: суровой, жестокой, беспощадной, но и вместе с тем грандиозной по своим масштабам и свершениям. Жизненный путь, с которым он связал себя и свою судьбу как политика, предъявлял особые требования. Проще говоря, ему нужно было выработать свою собственную политическую философию, адекватно отвечающую реальным условиям исторической эпохи. Я уже не раз касался некоторых особенностей его политической философии. Здесь же мне хочется заметить следующее: не знаю, знаком ли был Сталин с “Божественной комедией” Данте, но, мне думается, что для общей оценки важнейшей черты его политической философии, и особенно характера

его практических действий, как нельзя лучше подходят в качестве своеобразного девиза слова выдающегося итальянского поэта эпохи Ренессанса:

«Здесь нужно, чтобы душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета»⁵

Возможно, именно эта черта его философии политической борьбы и особенно его практической деятельности наложила столь суровую, а порой и зловещую печать на многие страницы его политической биографии, да, собственно, и на всю историю нашей страны в не столь уж отдаленном от нас прошлом.

И как финальный аккорд — несколько слов о печально известных негативных качествах Сталина, благодаря которым многие историки причисляют его к тиранам и злодеям мирового масштаба. Я не берусь и не в силах обелить Сталина, ибо на нем лежит тяжкий груз ответственности за многие проступки и преступления, совершенные во второй половине его политической карьеры. Это, пожалуй, самая сложная и вместе с тем самая противоречивая страница его политической биографии. Простых объяснений тут нет и не может быть. Но уклониться от них не дано. История еще ждет исчерпывающего объективного и беспристрастного ответа на многие вопросы, касающиеся именно этой стороны деятельности Сталина. Заклеймить мало. Надо дать ясное и всестороннее объяснение всему тому, что имело место в истории его жизни. Для этого нужна вся палитра красок, а не только черная или белая. И при этом следует помнить и не забывать слова крупнейшего немецкого поэта Гете: «И великий человек — всего лишь человек.»⁶

Завершая первый том, тешу себя надеждой, что во втором томе, посвященном самому интересному и самому содержательному периоду политической биографии Сталина, мне удастся лучше осмыслить и выразить мое понимание этой, бесспорно, великой личности минувшего века. Незримая тень его до сих пор витает над страной, как бы взывая то ли к отмщению, то ли к прощению.

⁵ Библиотека всемирной литературы. Данте Алигьери. М. 1967. С. 86.

⁶ Великие мысли великих людей. Т. III. С. 161.

Библиография

(использованной при написании тома литературы)

Документы и материалы

- Архив Троцкого.** Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923 – 1927. Т. I. М. 1990. (Редактор-составитель Ю.Фельштинский)
- Батумская демонстрация 1902 года.** М. 1937.
- Большевики.** Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранного отделения. М. 1990.
- ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.** Часть I. М. 1936.
- Большевистское руководство. Переписка.** 1912 % 1927. М. 1996.
- Власть и оппозиция.** Российский политический процесс XX столетия. М. 1995.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР.** Энциклопедия. М. 1983.
- Деятели Союза Советских Социалистических республик и Октябрьской революции.** Автобиографии и биографии. Репринтное издание. Часть I, II, III. М. 1989.
- Детство и юность вождя.** Каминский В., Верещагин И. (составители). “Молодая гвардия”, 1939. № 12.
- Великий вождь и учитель Коммунистической партии и советского народа.** К семидесятилетию со дня рождения И.В.Сталина. М. 1949.
- Декреты Советской власти.** Т. 3.
- Иосиф Сталин в объятиях семьи.** Из личного архива. М. 1993.
- История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс.** М. 1938.
- История Коммунистической партии Советского Союза.** М. 1960.
- История Коммунистической партии Советского Союза.** М. 1966.
- История Коммунистической партии Советского Союза.** Т. 1. М. 1965.
- История Коммунистической партии Советского Союза.** Т. 2 М. 1966.
- История Коммунистической партии Советского Союза.** Т. 3. Книга вторая. М. 1968.
- История Коммунистической партии Советского Союза.** Т.4. Книга первая. М. 1970
- История и сталинизм.** М. 1991.
- Протоколы Объединительного съезда РСДРП.** М. 1926.
- Протоколы Четвертого (Объединительного) съезда РСДРП.** М. 1934.
- Протоколы пятого съезда РСДРП.** М. 1933.
- Протоколы Седьмой (Апрельской) конференции РСДРП (б).** М. 1934.
- Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б).** Протоколы. М. 1958.
- Протоколы шестого съезда РСДРП(б).** М. 1934.
- Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б).** М. 1958.
- Седьмой экстренный съезд.** Стенографический отчет. М. 1962.
- Протоколы VIII съезда РКП(б).** М. 1933.
- Протоколы IX съезда РКП(б).** М. 1934
- Девятая конференция РКП(б).** Протоколы. М. 1972.

- Протоколы X съезда РКП(б). М. 1933.
 Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. 1961.
 Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. 1968.
 РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. М. 2004.
 Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП. 1923. М. 1992.
 XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.-Л. 1926.
 XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.-Л. 1928.
 XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 2. М. 1962.
 Пути мировой революции. Стенографический отчет 7-го расширенного пленума ИККИ. М.-Л. 1927.
 Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. 1917 – 1935. М. 1935.
В.И. Ленин. Полное собрание сочинений.
В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891 – 1922. М. 1999.
 Ленинский сборник. Т. XXVII. М. 1973.
 Ленинский сборник. XXVIII. М. 1975.
 Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с местными партийными организациями. 1903–1905. М. 1977.
 Минувшее. Исторический альманах. Т. 2. М. 1990.
 Минувшее. Исторический альманах. Т. 7. М. 1992.
 Наше отечество. Опыт политической истории. М. 1991.
 Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М. 1992.
 Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919 – 1952. Каталог. Т. 1. 1919 – 1929. М. 2000.
 Памяти Ленина. М.-Л. 1934.
 Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М. 1947.
И. В. Сталин. Соч. Т. 1-13. М. 1947 – 1951.
И. В. Сталин. Соч. Т. 14-17. М. 1997 – 2004.
И. Сталин. Вопросы ленинизма. М. 1947.
И. Сталин. О Великой отечественной войне Советского Союза. М. 1948.
И. В. Сталин. Речь на XIX съезде партии. М. 1952.
 Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925 – 1936гг. М. 1995.
 Сталин. Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. М.-Л. 1929.
 Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. М. 1940.
 Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М. 2003.
 Сборник материалов в связи с «Письмом с Кавказа» тов. Сталина.. Баку. 1932.
 Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи. Составитель М. Лобанов. М. 1995.
 Неизвестная Россия. Век XX. Т. 1. М. 1992.
 Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. М. 1937.
 Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М. 1996.
 Страницы истории Советского общества. Люди. Проблемы. Факты. М. 1989.
 Учредительное собрание. Россия 1918. Стенограмма и другие документы. М. 1991.

Литература на русском языке

- А. С. Аллилуева. Воспоминания. М. 1946.
- Аллилуева Светлана. Книга для внучек. // "Октябрь" 1991г. № 6.
- Светлана Аллилуева. Двадцать писем к другу. М. 1990.
- Светлана Аллилуева. Только один год. М. 1990.
- С. Я. Аллилуев. Пройденный путь. М. 1956.
- Р. Арсенидзе. Из воспоминаний о Сталине. "Новый журнал" 1963г. № 72.
- М. Д. Багиров. Из истории большевистских организаций Баку и Азербайджана. М. 1946.
- Борис Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С.-Петербург. 1992.
- Анри Барбюс. Человек, через которого раскрывается новый мир. М. 1936.
- Григорий Беседовский. На путях к термидору. М. 1997.
- Н. А. Бердяев. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М. 1997.
- Берия Л. П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. М. 1948.
- Библиотека всемирной литературы. Советская поэзия. Т. 1. М. 1977.**
- Библиотека всемирной литературы. Данте Алигьери. М. 1967.**
- М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам. М. 1964.
- Алан Булок. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 1. М. 1994.
- Г. Бухникашвили. Горы. Тбилиси. 1952.
- Михаил Бунянов. Ленин, Сталин и психиатрия. М. 1993.
- Был ли Сталин агентом охраны? Сборник статей, материалов и документов. (Редактор-составитель Ю. Фельштинский) М. 1999.**
- Михаил Вайскопф. Писатель Сталин. М. 2002.
- Н. Валентинов (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М. 1991.
- Николай Васеукий. Ликвидация. Сталин, Троцкий, Зиновьев. Фрагменты политических судеб. М. 1989.
- Н. А. Васеукий. Троцкий. Опыт политической биографии. М. 1992.
- Великие мысли великих людей. Т. I-III. М. 1998.**
- Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М. 1991.
- Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М. 1995.**
- Вождь. Хозяин. Диктатор. Сборник. М. 1990.**
- Ф. Д. Волков. Взлет и падение Сталина. М. 1992.
- Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. Книги 1, 2. М. 1996.
- В. Ф. Воробьев. Товарищ Сталина — организатор побед на фронтах Гражданской войны. М. 1949.
- Встречи с товарищем Сталиным. М. 1939.**
- А. Н. Гордиенко. Иосиф Сталин. Минск. 1998.
- М. Горький. Несвоевременные мысли. М. 1990.
- Евгений Громов. Сталин: власть и искусство. М. 1998.
- А. А. Громько. Памятное. Книги 1, 2. М. 1988.
- Дело провокатора Малиновского. М. 1992.**
- Виктор Джанибекян. Провокаторы. Воспоминания, мысли и выводы. М. 2000.
- Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. М. 1992.
- Сергей Дмитриевский. Сталин. Предтеча национальной революции. М. 2003.
- И. Дубинский-Мухадзе. Орджоникидзе. М. 1963.

- Еврейские афоризмы.** М. 1991
- Ю.В.Емельянов.* Сталин. Путь к власти. М. 2002.
- Ю.В.Емельянов.* Сталин. На вершине власти. М. 2002.
- Николай Зенькович.* Тайны уходящего века – 3. М. 1999.
- Иосиф Сталин.** М. 1997.
- Иосиф Сталин.** М. “Новатор”. 1997.
- Г. Э. Иоффе.* Белое дело. Генерал Корнилов. М. 1989.
- Историки отвечают на вопросы.** Выпуск 2. М. 1990.
- История и сталинизм.** М. 1991.
- Лазарь Каганович.* Памятные записки. М. 1996.
- Б.И.Каптелов, З.И.Перегудова.* Был ли Сталин агентом охранки?. “Вопросы истории КПСС” 1989. № 4.
- Э.Х.Карр.* Русская революция. От Ленина до Сталина. 1917 – 1929. М. 1990.
- А. Ф. Керенский.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М. 1993.
- Вадим Кожин.* Россия. Век XX. (1901 – 1939). М. 2002.
- Стивен Козл.* Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М. 1988.
- Л.Б.Красин.* Годы подполья. Сборник воспоминаний, статей и документов. М. 1928.
- Н.К.Крупская.* Воспоминания о Ленине. М. 1989.
- В.А.Куманев, И. С. Куликова.* Противостояние: Крупская – Сталин. М. 1994.
- В.В.Леонтович.* История либерализма в России. 1762 – 1914. М. 1995.
- Никколо Макиавелли.* Избранные сочинения. М. 1982.
- Малая Советская энциклопедия.** Т. 7. М. 1938.
- К.Маркс и Ф.Энгельс.* Избранные произведения в трех томах. Т. 1. М. 1966.
- А.В.Маскуля.* Миха Цхакая. М. 1968.
- Жорес Медведев, Рой Медведев.* Избранные произведения. Т. 1. М. 2002.
- Рой Медведев.* О Сталине и сталинизме. М. 1990.
- Рой Медведев.* Семья тирана. Н.Новгород. 1993.
- Анастас Микоян.* Мысли и воспоминания о Ленине. М. 1970.
- Анастас Иванович Микоян.* Так было. Размышления о минувшем. М. 1999.
- М.И.Михельсон.* Ходячие и меткие слова. М. 1997.
- М. Москалев.* Бюро Центрального Комитета РСДРП в России. М. 1964.
- Наше отечество.** Опыт политической истории. М. 1991.
- Неизвестная Россия. Век XX.** Т. 1. М. 1992.
- Б.И.Николаевский.* Тайные страниц истории. М. 1995.
- Октябрьский переворот.** Революция 1917 года глазами ее руководителей. М. 1991.
- Осмыслить культ Сталина.** М. 1989.
- Александр Орлов.* Тайная история сталинских преступлений. С.-Петербург. 1991.
- А.В.Островский.* Кто стоял за спиной Сталина? Санкт-Петербург – Москва. 2002.
- Очерки истории Юго - Осетии.** Т. 1. Цхинвали. 1969.
- Ричард Пайпс.* Россия при старом режиме. М. 1993.
- Ричард Пайпс.* Русская революция. Часть первая. М. 1994.
- Ричард Пайпс.* Русская революция. Часть вторая. М. 1994.
- Ричард Пайпс.* Россия при большевиках. М. 1997.
- Памяти Ленина.** М.-Л. 1934.
- Роберт Пейн.* Ленин. Жизнь и смерть. М. 2002.
- В.В.Похлебкин.* Великий псевдоним. М. 1996.

- Провокатор.** Правда о революционном терроре в России. М. 1991.
- Александр Рабинович.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М. 1989.
- Эдвард Радзинский.* Сталин. М. 1997.
- Д. Ранкур-Лаферриер.* Психика Сталина. М. 1996.
- Ф. Ф. Раскольников.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М. 1990.
- Раух Г., Хильгер Г.* Ленин. Сталин. Ростов-на-Дону. 1998.
- А. Рубцов, А. Разумов.* Политическое завещание В.И. Ленина. М. 1989.
- В.А. Сахаров.* "Политическое завещание" Ленина. Реальность истории и мифы политики. М. 2003.
- Я. М. Свердлов.* Избранные произведения. Т. 1. М. 1957
- Семанов С.Н., Кардашов В.И.* Иосиф Сталин: жизнь и наследие. М. 1997.
- Виктор Серж.* От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. М. 2001.
- Роберт Слассер.* Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции. М. 1989.
- Смерч.** Сборник. М. 1988.
- Александр Солженицын.* Красное колесо. Т. 2. М. 1993.
- Иван Солоневич.* Народная монархия. М. 1991.
- П. А. Соколин.* Дальняя дорога. М. 1992.
- Сталинский сборник.** М. 2002.
- Н.Н. Суханов.* Записки о революции. Том 1. М. 1991.
- Роберт Такер.* Сталин. Путь к власти 1879-1929. История и личность. Т. 1. М. 1991.
- Роберт Такер.* Сталин у власти. История и личность 1928 – 1941. Т.2. М. 1997.
- Корнелий Тацит.* Сочинения в двух томах. Т. I-II. С.Петербург. 1993.
- Лев Троцкий.* Моя жизнь Иркутск. 1991.
- Лев Троцкий.* Сталин. Т. 1, 2. М. 1990.
- Л. Троцкий.* Сталинская школа фальсификации. М. 1990.
- Лев Троцкий.* Портреты революционеров. М. 1991.
- Лев Троцкий.* Дневники и письма. М. 1994.
- Григорий Урутадзе.* Воспоминания грузинского социал-демократа. Stanford, California. 1968.
- Луис Фишер.* Жизнь Ленина. Т.1, 2. М. 1997.
- Л.А. Фотиева.* О Ленине. Из жизни В.И. Ленина. М. 1967.
- Хармандарян С.В.* В.И. Ленин и становление Закавказской Федерации. 1921 – 1923. Ереван. 1969.
- Феликс Чуев.* Сто сорок бесед с Молотовым. М. 1991.
- Феликс Чуев.* Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М. 1992.
- О.В. Хлевнюк.* Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М. 1993.
- Н.С. Хрущев.* Время Люди. Власть. Воспоминания. Т.1, 2. М. 1999.
- Швейцер В.* Сталин в Туруханской ссылке. М. 1943.
- А. Шляпников.* Семнадцатый год. Кн. 2. М.-Л. 1925.
- А. Шотман.* Как из искры возгорелось пламя. М. 1935.
- А. Челидзе.* Неопубликованные материалы из биографии товарища Сталина. // Журнал "Антирелигиозник" 1939г. №12.
- Г.С. Черёмин.* Образ И.В. Сталина в советской художественной литературе. М. 1950.
- Уинстон Черчилль.* Вторая мировая война. Том 2. Великий союз. М. 1991.
- А.С. Яковлев.* Цель жизни. Записки авиаконструктора. М. 2000.

Литература на иностранных языках

- Jules Archer*. Man of steel. Joseph Stalin. N.Y. 1965.
- Heinz Brahm*. Trotzkijs Kampf um die Nachfolge Lenins. Кцлн. 1963.
- Encyclopedia Britanica. Stalin. Сетевая версия.
- Carr Edward Hallett*. The Interregnum 1923 – 1924. L. 1954.
- Robert Conquest*. Stalin. Breaker of Nations. Weidenfeld – London. 1991.
- Robert Vincent Daniels*. The conscience of the revolution. Communist opposition in Soviet Russia. Cambridge. 1960.
- Davricheury J.* Ah! Ce qu'on rigolait bien avec mon copain Staline. P.1979.
- Isaac Deutscher*. Stalin. L. 1966.
- Ian Grey*. Stalin. Man of History. Abacus. Great Britain.. 1982.
- Ronald Hingley*. Joseph Stalin: Man and Legend. N.Y. 1974. p. 73.
- H. Montgomery Hyde*. Stalin. A History of a Dictator. L. 1971
- Iremaschwili J.* Stalin und die Tragodie Georgiens. Erinnerungen. Berlin. 1931..
- Alex de Jonge*. Stalin and the shaping of the Soviet Union. Glasgow. 1987.
- George f. Kennan*. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston – Toronto. 1961.
- Stanislaw Kot*. Conversations with the Kremlin and Dispatches from Russia. L. 1963.
- Isaac Don Levine*. Stalin. N. Y. 1931.
- Robert H. Mc Neal*. Stalin. Man and Ruler. L. 1988.
- Robert Payne*. The Rise and Fall of Stalin. L. 1968.
- Albert Seaton*. Stalin as Military Commander. New York. 1976.
- Edward Ellis Smith*. The young Stalin. The early years of an elusive revolutionary. London. 1968.
- Boris Souvarine*. Staline:Aprecu historique du bolchevisme. Paris. 1935.
- Boris Souvarine*. Stalin: A Critical Survey of Bolshevism. Alliance Book Corp. Longman, Green and Co., 1939.
- Adam B. Ulam*. Stalin. The man and his era. N. Y. 1973.
- Bertram D. Wolf*. Three who made a revolution. N.Y. 1964.
- Yaroslavsky E.* Landmarks in the Life of Stalin. M. 1940.

Периодические издания

- Правда
- Заря Востока
- Известия
- Московские новости
- Независимая газета
- Советская Россия
- Большевик (Коммунист)
- Свободная мысль
- Бюллетень оппозиции (Париж)
- Вопросы истории
- Вопросы истории КПСС
- Дружба народов

Известия ЦК КПСС

Исторический архив

Источник

Новый журнал (Нью-Йорк)

Пролетарская революция

Смена вех (Париж)

Социалистический вестник (Берлин)

"Шпион." Альманах писательского и журналистского расследования

The New York Times

Life

1971
 1972
 1973
 1974
 1975
 1976
 1977
 1978
 1979
 1980
 1981
 1982
 1983
 1984
 1985
 1986
 1987
 1988
 1989
 1990
 1991
 1992
 1993
 1994
 1995
 1996
 1997
 1998
 1999
 2000
 2001
 2002
 2003
 2004
 2005
 2006
 2007
 2008
 2009
 2010
 2011
 2012
 2013
 2014
 2015
 2016
 2017
 2018
 2019
 2020
 2021
 2022
 2023
 2024
 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

выходные данные
Издательство

Глава 1. Кто судьи: историки или история?	
1. Характер эпохи и масштабы личности	7
2. Факты не врут, фактами врут	20
Глава 2. Детство и юность Сталина. Годы учебы. Формирование личности	
1. Сталин в зеркале политической генетики	36
2. Родители	42
3. Детство	72
4. Горийское духовное училище	78
5. Тифлисская семинария	89
Глава 3. Путь профессионального революционера	
1. Революция: закономерный общественный процесс или уголовное деяние?	129
2. Начальный этап революционной деятельности Сталина	133
3. Переход на нелегальное положение	150
4. Первые арест и ссылка	155
5. Снова на Кавказе	163
6. Коба и меньшевики	169
7. Первая русская революция	173
8. Знакомство с границей: Таммерфорс, Стокгольм, Лондон	178
9. Сталин и первый опыт российского парламентаризма	193
Глава 4. Пора испытаний и надежд (1907–1911 гг.)	
1. Послереволюционная ситуация и расстановка политических сил в стране	202
2. Участвовал ли Сталина в экспроприациях?	219
3. “Второе революционное крещение”	236
Глава 5. Становление Сталина как политика российского масштаба	
1. На общероссийской арене	256
2. Теория национального вопроса и будущая политическая судьба Сталина	279
3. Последний арест	298
4. Туруханская ссылка	302
Глава 6. Сталин и царская охранка	
1. Смысл и подлинные мотивы фабрикация мифов о тайных связях Сталина с царской охранкой	331
2. Домыслы и слухи вместо фактов	337

Глава 7. Февраль и Октябрь в политических судьбах Сталина	
1. Первые недели после Февральской революции: колебания Сталина	362
2. Апрельская конференция и VI съезд партии	384
3. Октябрьская революция и приход большевиков к государственной власти	403
Глава 8. Деятельность Сталина в первые годы Советской власти	
1. От захвата власти к ее утверждению	436
2. Сталин и реализации национальной политики	452
3. Участие в государственном управлении	484
Глава 9. Сталин в Гражданской войне	
1. Феномен Гражданской войны и политическая философия Сталина	493
2. Основные вехи участи Сталина в Гражданской войне	506
Царицынская эпопея	510
Пермь, Петроград, Южный, Западный и Юго-Западный фронты	519
3. Сталин и военная оппозиция	541
Глава 10. На подступах к вершинам власти	
1. “Нам угрожает гибель”: пути выхода из кризиса	551
2. Деятельность Сталина в первые годы НЭПа	569
3. Сталин становится Генеральным секретарем	579
Глава 11. Борьба за политическое наследие Ленина	
1. Характер отношений между Лениным и Сталиным	609
2. Болезнь Ленина и ее исторические последствия	618
3. Завещание Ленина в политической судьбе Сталина	636
4. Конфликт по вопросу “автономизации”	668
5. Период междуцарствия: “тройка” Зиновьев – Каменев – Сталин	685
6. В преддверии политического триумфа	701
Заключение	717
Библиография	725

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СВЕРДЛОВСКИЙ РАЙОН»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СВЕРДЛОВСКИЙ РАЙОН»

№

1/11

№

Подписанов печать 30.08.2004 г.
Формат 70x100 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 46.
Тираж 3000 экз. Заказ № 1124
Отпечатано с готовых диапозитивов издательства.
Ответственный за выпуск Леонтьева М.Л.

© Научно-издательская компания
«СЕВЕРНАЯ КОРОНА» 2004
Генеральный директор Щербаков В.В.
170000, г. Тверь, а/я 22, тел. (0822) 36-67-23
тел./факс (0822) 36-31-77
E-mail: day5@narod.ru

ISBN 5-98383-004-X

Отпечатано в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Р